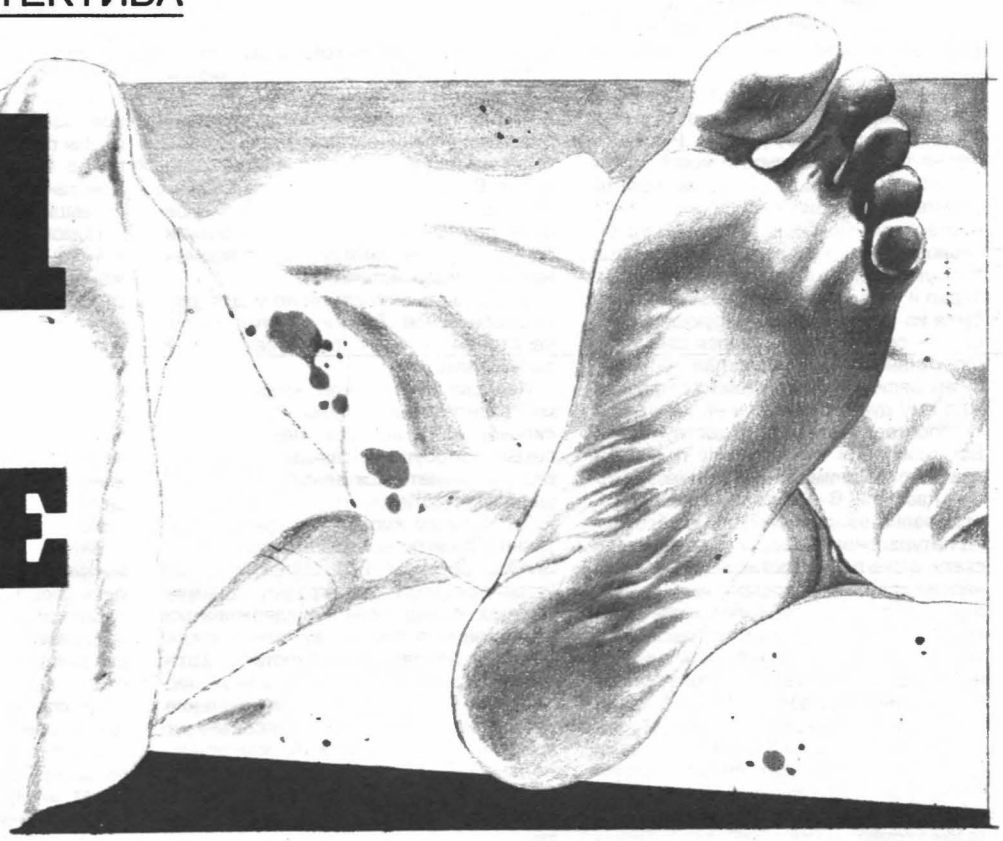
БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

БЕСЫ В ПАРИЖЕ



Дерек КАРТУН

РОМАН

Рисунки
Вячеслава
ЛОСЕВА

ГЛАВА I

— Бобр, я Лиса. Бобр, я Лиса. Что нового? Конец связи.

— Лиса, я Бобр. Ничего, кроме потрясной киски, загорает на солнышке. Выглядит одинокой и озабоченной. Конец связи.

— Бобр, я Лиса. Не отвлекайся от работы, Жако.

— Лиса, я Бобр. Прошу прощения, шеф. Конец связи.

— Лиса, я Леопард. У меня подозрение насчет черного «пежо-402», который двигается на север вдоль Рут де Лак. Я его заметил в зеркале заднего обзора и готов поклясться, что он тут проехал дважды. Кружит.

— Лиса, я Ящерица. Леопард что-то не то увидел. Не черный, а серый. И номер у него на бордовой таблице. Господи, ну и жарища. Пойду пройдусь. Морис меня сменит через пять минут. Конец.

— Ящерица, я Лиса. О'кей, только держись подальше от женщин. Осталось всего четыре часа. Вы, ребята, должны радоваться, что у вас такое теплое местечко.

Человек в машине, обозначенной как Лиса, передал микрофон сидящему рядом молодому сотруднику и, достав большой и несвежий носовой платок, утер лоб. Он обливался потом на жарком июльском солнце, прилипал к сиденью, ему хотелось пить. «Патрон слишком много значения придает этим случайным вылазкам,— с раздражением думал он.— Шестнадцать человек на восьми машинах тратят все воскресенье — чего ради? Один шанс на миллион. Жена сердится...»

— Никишева тоже так поймали, шеф?

— Черт, да это два года назад было, а патрон с тех пор прямо свихнулся на своей «системе». Но дважды такого не случается. В этой игре — никогда. Везет только раз в жизни...

Радио щелкнуло:

— Лиса, я Бизон. Лиса, я Бизон. Господа, никто из вас не возражает, если я пойду отолью? Никакого изыска, сами понимаете, просто небольшое и быстрое облегчение.

— Лиса — Бизону. Не трать эфирное время на дурацкую болтовню. Найди подходящее дерево и давай. Конец связи.

— Бизон — Лисе. Найди дерево... О Господи, да тут, кроме деревьев, и нет ничего, а он — найди дерево! Конец связи.

Толстый человек — Лиса — засмеялся и отхлебнул лимонаду из неполной банки. Он взглянул в зеркало заднего обзора и вдруг, сузив глаза, выпрямился и схватился за микрофон. Когда черный «пежо» проезжал мимо на скорости тридцать или около того, он уже орал в микрофон:

— Лиса — всем! Лиса — всем! Черный «пежо-402» с номером советского посольства следует позади меня к западу по шоссе Лоншан. Водитель один, мы его не узнали. Запишите номер: 99772 АР 75. Бизон и Волк, вы на его пути по шоссе Лоншан. Доложите, когда он появится. Конец связи.

— Рыбка на крючке,— сказал водитель Бизона своему напарнику.

— Чепуховая рыбка, барабулька.

— Посмотрим.

Он не отрывал глаз от зеркала, дожидаясь, пока «пежо» появится сзади: вот он! Поднес микрофон ко рту:

— Бизон — Лисе. Он приближается. Скорость около сорока, но замедляет ход. Поворачивает налево, на шоссе Саблоннез. Я его хорошо рассмотрел, шеф. По-моему, это Галевич. А может, и не он. Повернул и направляется к югу от меня по Саблоннез. Конец связи.

Толстяк Лиса следил за советской дипломатической машиной по карте, неловко расстеленной на коленях.

— Двигается по направлению к Ящерице,— сказал он помощнику.— Предупреди.

Тот взял микрофон:

— Лиса — Ящерице. Жан или Морис, он приближается к вам. Если не свернет на шоссе Этуаль, то будет у вас... прямо сейчас, сию минуту. Конец связи.

— Ящерица — Лисе. Это Морис. Никаких признаков. Он, наверно, свернул раньше. Конец связи.

— Лиса — Пантере. Он движется к вам. Всем остальным. Он может свернуть вправо и выехать из Булонского леса. Конец связи.

— Пантера — Лисе. Что-то его не видать. Если и Морис его не засек, значит, он остановился где-то между нами. Кажется, я вижу что-то похожее в двух сотнях метров отсюда. Конец связи.

Толстяк Лиса отшвырнул карту и схватил микрофон.

— Лиса — всем! Лиса — всем! Сейчас сходимся! Только думайте хорошенько. Как бы его не спугнуть. Теперь слушайте. Бобр, медленно иди вдоль шоссе Этуаль с озабоченным видом, будто кого-то ищешь, и смотри в оба,— может, он на обочину свернул. Пантера, развернись, запусти мотор и стой, где стоишь, на случай, если он вылезет на минутку по нужде и сразу двинется дальше. Бизон пусть идет прямо к нему, как только мы его отыщем. Жду вестей от Бобра. Если его увидишь, смотри глупостей не натвори. Не вздумай остановиться и пялиться на него. Шагай себе мимо, ясно? Конец связи.

И снова через несколько минут радио:

— Лиса, я Бобр, Лиса, я Бобр. Только что прошел мимо него. Он припарковался метрах в трехстах к северу от Пантеры на шоссе Этуаль. Там еще две машины, грузовик, какие-то люди вокруг — несколько человек. В машине никого нет. Может, его кто и сопровождает, не знаю. Из тех, кто здесь есть, на русского никто не похож. Что мне дальше делать, шеф? Конец связи.

— Бобр, я Лиса. Можешь остановиться неподалеку от Пантеры. Кто-то из нас будет поблизости. Леопард пусть тоже движется к шоссе Этуаль. Когда все соберемся, выйдем из машин. И не забывайте про кинокамеры: снимайте... Конец связи.

Толстяк тронул с места и двинулся по шоссе Лоншан. Сворачивая на Саблоннез, он заметил машину Бизона и своих людей на углу. На его мясистом лице появилось подобие улыбки. Он воспрянул духом.

— Может, я и ошибся,— сказал он,— может, и еще раз повезет. Слава Богу, эти ребятки из КГБ — дурни вроде наших. Господи, что уж такого в этом Булонском лесу, что их всякий раз сюда тянет?

— Может, птички? — предположил напарник.— Их тут полным-полно.— Он пытался разрядить напряжение мазохистским юмором. Новичок, недавно перешедший в Отдел территориальной охраны (ОТО) из Нантской полиции, он был наслышан, что тут так принято. Ему нравился этот стиль. Вообще он чувствовал себя отлично.

Толстяк гнал машину на большой скорости. Проехав место, где стояла советская дипломатическая машина, он даже не взглянул на нее, а свернул под деревья метрах в двухстах дальше по шоссе. Остановившись, он повернулся к спутнику:

— Ну, а теперь чтобы никаких проколов, понятно? Идет большая игра, а когда в ней участвуешь, то афишировать это не следует. Одет ты для такой работы правильно, так что давай выходи, мой мальчик, и гуляй себе, будто девку снять хочешь. Ясно?

— Ясно, шеф!

Молодой человек вылез из машины, поддернул джинсы и лениво зашагал к деревьям. В этой части

Булонского леса народу было немного. Все устремились дальше на запад, к прудам, к просторным полянам, где можно позагорать, а заодно и завязать интересное знакомство. Сюда, под липы и белоствольные березы, в густую тень, тянет разве что любовников, у которых на уме еще кое-что, кроме загара, да рыскают тут под деревьями любители острых ощущений за чужой счет.

Жан и Морис, одетые, как положено, если собираться на выходной в лес, медленно шли вдоль шоссе Этуаль и, казалось, целиком были заняты беседой. Трое или четверо других сыщиков тоже вышли, подъехав к машине русских метров на сто. У каждого в кармане был миниатюрный радиопередатчик. У троих — кинокамеры. Не то чтобы это было самое профессиональное или самое надежное подразделение французской контрразведки, однако оно вполне соответствовало своему назначению — при условии, что преследуемый ни о чем не догадывается, да еще как следует пообедал в этот жаркий до одури день. Толстяку случалось действовать в ситуациях, куда менее похожих на увеселительную поездку, и потому он не особенно беспокоился.

На маленькой полянке лежала на полотенце темнокожая девушка, парень щекотал ее веточкой, чтобы заставить перевернуться на спину. Оба смеялись, и девушка не так уж старалась прикрыть грудь. Поодаль за деревьями прогуливались под руку немолодой человек и худощавая девица с длинными светлыми волосами. Они разговаривали и не обращали внимания на парочку на полотенце. Девушка между тем перевернулась. «Вот это сиськи!» — воскликнул мысленно молодой помощник Лисы. Однако заставил себя переключиться на преследуемого: «Грязный тип, он же за ними подглядывает!» Впрочем, может, это просто форма прикрытия, и он собирается здесь с кем-то встретиться...

Сыщик почувствовал что-то вроде спазма в желудке. Дивное ощущение опасности, вот что это такое! Он осторожно начал обходить русского, который, казалось, был полностью поглощен своим занятием. Потом оглянулся, как его учили: нет ли тут второго русского, который прикрывает первого? Таково нерушимое правило тайных встреч: один прикрывает другого и предупреждает, если обнаруживает слежку. Но молодой человек из Нанта не заметил никого, кто мог бы сойти за агента КГБ. В его поле зрения находился сам Галевич, если это был он, парочка на полотенце да еще пара, что бродит рядом,— эти заняты только собой, может быть, чей-то муж со своей секретаршей. А подальше — несколько праздных пешеходов на шоссе Этуаль. Да еще по обеим сторонам дороги сотрудники ОТО со своими передатчиками и камерами. В точности как в кино — он чувствовал себя на седьмом небе...

Морис навел было камеру на русского. Толстяк рявкнул в микрофон: какого черта ты его снимаешь, он же ничего не делает. Дождись, пока он с кем-нибудь встретится.

Морис снял палец с кнопки: шеф прав, нечего зря расходовать дорогое государственное имущество — кинопленку.

— Мы слишком близко,— сказал шеф.— Давайте все назад, кроме Люка. Двигайтесь вокруг. И ради Бога не забывайте делать вид, будто наслаждаетесь воскресным отдыхом.

Люк — тот, что из Нанта,— был польщен, когда для близкого наблюдения выбрали именно его. Он должен стараться. Быть спокойным. Выглядеть беспечным. Ну-ка, притворись, будто интересуешься сиськами этой девчонки. Господи, но это правда интересно. Ну потрясающие сиськи. Он прямо-таки завидует малому, который с ней заигрывает. Русский, кажется, придерживается того же мнения: застыл на своем шпионском наблюдательном пункте за кустами. Ага, девчонка застегивает бретельки от лифчика, а счастливчик возле нее натягивает майку. Похоже, уходят. Что сделает русский? Где его прикрывающий? И где, главное, тот, кто должен выйти на связь? Русский отвернулся от парочки — спектакль окончен! Люк увидел его лицо — высокие скулы и узкие глаза. Ничего оно не выражает — ни тебе удовольствия, ни разочарования, ни беспокойства.

До Люка внезапно дошло: ОТО устроил все это — восемь машин, шестнадцать человек в нерабочее время,— чтобы выследить какого-то русского из Новосибирска, который в жаркий летний день предается любимому занятию: подглядывает за парочками в лесу. Никакой встречи у него, может, и не намечалось. Вот комедия! Мирей, если ей рассказать, прямо со смеху помрет. Она любит такие истории: чтобы что-нибудь сексуальное, да еще смешное.

Теперь русский возвращается к своей машине. Сел, двинулся к востоку по шоссе Этуаль, спешит выбраться из Булонского леса.

— Импотент чертов,— разражается шеф в микрофон.— Это точно Галевич. Второй раз его за этим делом ловим. О'кей, все по машинам. Еще три часа работаем!

Андре Бастьен, наверно, десятый раз за последние пятнадцать минут взглянул на часы. Половина седьмого! Он здорово опаздывает, дома будет неприятный разговор. Сейчас бы ему сидеть с Клодин в кафе на левом берегу. Но, Господи, эти пробки! Хуже еще, чем обычно. И это в августе, когда пол-Парижа отдыхает! Он целых двадцать минут ползет параллельно реке сначала по Аллее Альберта Первого, а теперь по Кур ля Рэн. Где-то впереди наверняка затор. Может, машина чья-то сломалась? Перегрелась на жаре. А может, просто, как всегда в пятницу, все норовят побыстрее выбраться из города на свежий воздух.

Он посмотрел налево. Хорошенькая девушка в «мини-остине» все еще чуть впереди него. Десять минут назад они обменялись взглядами, и теперь он улыбнулся ей и выразительно пожал плечами. Она слегка улыбнулась в ответ. Ему показалось, что в этой полуулыбке заключается призыв. Может, удастся извлечь хоть немного радости из этой проклятой каши на дороге? Заговорить бы с ней. Но не орать же, перекрывая визг тормозов и то и дело раздающиеся сердитые гудки.

Ему припомнилось, что именно так он познакомился с Клодин: в автомобильной пробке на авеню Опера. Улыбнулся ей, получил в ответ ту самую озорную улыбку, которую потом так хорошо узнал и полюбил и которая последнее время его раздражает. Какой-то водитель впереди них тогда, потеряв терпение, начал браниться. Он пожал плечами, глядя на Клодин, точно так, как сегодня, с этой девушкой в «мини-остине». А Клодин ответила ему таким же пожатием плеч. Он подумал: почему бы и не попытаться познакомиться? Самое худшее, что может произойти,— если он прождет ее без толку в кафе. Написал на клочке бумаги: «Извините, пожалуйста, за смелость, но я буду в баре отеля Крийон сегодня и завтра в шесть. Приходите, пожалуйста, и отметим наше избавление». Перечитал — можно бы придумать что-нибудь получше, но и так сойдет,— подчеркнул в двух местах «пожалуйста». Потом, скатав записку, бросил ей в машину и поклонился в ее сторону. Клодин подобрала записку с сиденья и положила на щиток, даже не развернув. Андре Бастьен решил тогда, что это пустой номер, но на следующий вечер в половине седьмого (позже он узнал, что Клодин не отличается пунктуальностью) она появилась...

Это тянется уже два года и, если честно, так он устал. Вот почему он рассчитывал просто выпить с ней быстренько — и домой. Жене он обещал вернуться в половине восьмого. Но если и дальше так пойдет, он успеет разве что сказать Клодин, что он спешит, и тогда непременно последуют слезы и попреки. Лучше уж опоздать домой, сославшись на позднюю работу и на пробку. По крайней мере пробка-то не выдумка.

Он снова взглянул на девушку. Хотя она и смотрит прямо перед собой, но взгляд его чувствует: подбородок вздернут чуть-чуть больше, чем следует, и тонкая рука пригладила сзади волосы, хотя в этом необходимости нет. Может, снова попробовать гамбит с запиской? Какая ирония: он собирается порвать с Клодин и начать новую интрижку точно тем же способом. Это отвечает его чувству стиля.

Машины медленно продвигались к туннелю под площадью Конкорд. Похоже, под землей оба ряда машин сливаются в один и как-то там перестраиваются. Это последний шанс оказаться с ней рядом.

Он вырвал страничку из записной книжки, быстро написал несколько слов, скатал. Но ее левое стекло закрыто — защищает ее от выхлопных газов. Он посигналил, прося опустить стекло. Она, казалось, удивилась, но просьбу исполнила. И, наклонившись, он метнул бумажный шарик как раз в тот момент, когда машины в ее ряду рванулись вперед. Теперь она в одной с ним колонне. Но записка уже у нее. Андре Бастьен почувствовал радость от грядущего приключения. Какая хорошенькая! Оч-чень интересно.

Было шесть тридцать две. И тут он увидел,. из-за чего произошел весь этот затор. Зеленый жук-«фольксваген» остановился внутри туннеля — поломался, видно, и хозяин побежал вызывать техпомощь. Андре Бастьен заметил, что машина старая, потрепанная и грязная. Он мысленно обругал людей, которые выезжают на неисправных машинах и причиняют остальным столько неудобств. Потом вспомнил вдруг, что купил шоколадные конфеты для Клодин, они, вероятно, совсем растаяли. Рядом с конфетной коробкой на сиденье лежала электронная игра для маленького Робера — у него завтра день рождения. Как славно! Он любит дни рождения своих детей. Надо завтра прийти пораньше с работы, чтобы принять участие в их забавах. Он поравнялся с «фольксвагеном», и это было последней мыслью, отпущенной Андре Луи Мари Бастьену, тридцати четырех лет от роду, отцу двоих детей, любовнику Клодин Марсиаль, неверному, но любящему мужу Лоры Бастьен и достойному парижанину. Потому что в этот момент в зеленом автомобильчике, превратив его в ничто, рванули шестьдесят фунтов взрывчатки, спрятанной в четырех почтовых сумках позади места водителя. В замкнутом пространстве образовалась гигантской силы взрывная волна, которая швырнула машину Андре Бастьена, «мини-остин» хорошенькой девушки и еще сорок других автомобилей друг на друга и на стены туннеля. Она тяжело ударила по каменной кладке, сверху посыпались глыбы, добивая всех, кто был еще жив. Кого-то разорвало на куски, кого-то стиснуло между камнями и исковерканным металлом, и тут же, выплескиваясь из пробитых баков, вспыхнул бензин.

Все было кончено за несколько секунд, остались лишь ревущее пламя, клубы черного дыма и удушливая пыль. Раздались пронзительные вопли — не жертвы кричали, а те, кто находился снаружи, возле входа в туннель.

В 6.42 — десять минут спустя — раздался еще один взрыв — в холле одного из домов на Аллее Альберта Первого. К тому времени транспорт плотно стоял по обе стороны реки на всем пространстве до площади Альма и дальше. Так же глухо были забиты все подступы к Конкорд и набережные вдоль Лувра до самого Шатле. Ни одна пожарная машина не могла пробиться ближе чем на четверть мили к туннелю и к зданию, охваченному огнем.

Репортер газеты «Ле Монд», в поисках яркого захода для своей заметки, сочинил такую фразу:

«Вчера вечером Париж стал жертвой технологий, а именно технологии взрывного устройства, которым располагают современные террористы, и двигателя внутреннего сгорания. Именно они, эти технологии, создали идеальные условия для распространения неуправляемого ужаса в сердце большого города. Одна машина доставляет бомбу, бессчетное множество других не позволяют врачам, пожарным и полиции добраться до места катастрофы. Дамы и господа, мы ничем не ограждены от опасности». Эти отрезвляющие мысли были опубликованы в субботнем выпуске «Ле Монд» 8 августа — через шесть дней после бесплодной вылазки группы ОТО в Булонский лес.

В ту пятницу, когда случилось несчастье, в клинике Божон вечером было спокойно. Два взрыва унесли множество жизней, раненых же почти не было, и тех увезли в другие больницы. На место катастрофы отправилась бригада хирургов: нескольких людей ранило осколками стекла, кому-то понадобилось срочно оперировать глаз. Однако в самой клинике день шел как обычно: жертвы дорожных происшествий, прободной аппендицит, женщина, жестоко избитая мужем. Дежурный — молодой врач — был на посту уже четырнадцать часов и очень устал. Ночной персонал только что приступил к работе, мечтая о дневной службе и нормальном сне. Было много хлопот с шумным пьяным, который где-то упал в огонь — у него сгорели волосы.

Когда «скорая» доставила еще одного пациента, дежурный устало поднялся.

— Что стряслось? — спросил он у тех, кто внес носилки.

— Мотоциклист. Сбило грузовиком. Был без шлема. Сотрясение мозга, а может, и похуже. Пульс очень слабый и цвет кожи мне что-то не нравится.

— Давайте посмотрим.

Они поставили носилки, и доктор отвернул веко паренька, пощупал пульс, расстегнул одежду и послушал через фонендоскоп сердце. Результаты осмотра оказались хуже некуда, и молодой доктор — он работал первый год после института — по-настоящему испугался. Он никогда еще не встречался с переломами черепа, а здесь, судя по состоянию пациента и по глубокой ране на голове, было именно это.

— Плохи дела! Поместим его в палату и понаблюдаем. Что при нем было?

Служащий «скорой» показал куртку паренька, брошенную поперек носилок, и кожаный ранец, подобранный на дороге. Они вдвоем обыскали карманы брюк и куртки, порылись в сумке.

— Надо это переписать,— сказал доктор.

Регистраторша занесла в карточку:

«Содержимое карманов и кожаного ранца: удостоверение личности, водительские права, 122 франка 30 сантимов наличными, шесть билетов на метро второго класса, белый носовой платок, одна записная книжка, одна шариковая ручка, один запечатанный конверт, бумажник с тремя фотографиями». Потом она списала данные с удостоверения:

Имя: Гвидо Ферри.

Адрес: Альфортвиль, улица Бланки, 127.

Родился: 10 августа 1964 и т. д.

Доктор посмотрел перечень, сверил и подписал, добавив: «Пациент доставлен без сознания. Помещен в палату».

Носилки поставили на каталку и повезли к лифту.

— Пусть сиделка побудет рядом, понаблюдает,— распорядился врач.— Случай серьезный. Нужен рентген, и, возможно, сразу придется оперировать.

Он позвонил палатной сестре и опустился в кресло, мечтая выпить чего-нибудь.

— А как насчет родственников? — спросила регистраторша. Она была новенькая и не знала правил.

— Люди со «скорой» сообщат в полицию. Только, боюсь, все сейчас на этих взрывах. Позвоните в префектуру и попросите связаться с семьей. Дайте им адрес, ладно? Пусть предупредят: травма серьезная...

Девушка кивнула: как ей велели, так она и сделает.

Но через час звонок из полиции:

— Скажите еще раз адрес этого мотоциклиста.

Она повторила.

— Полиция в Альфортвиле утверждает, будто по этому адресу такого нет. Он еще у вас?

— Я думаю! Похоже, ему тут долго быть.

— Ладно, сейчас пришлем кого-нибудь. Надо взглянуть на его вещи.

Четверть часа спустя явились двое в штатском, им сопутствовал неистребимый запах полицейского участка. Оба были вежливы, деловиты, однако вид у них был скучающий. Регистраторша отдала им пожитки молодого человека, и все было снова переписано, на сей раз в полицейскую книгу. Когда старший из двух дошел до заклеенного конверта, он заколебался на мгновение, прочитав имя и адрес, отпечатанные заглавными буквами, и, ниже слова «передать лично», но, аккуратно надорвав конверт, извлек несколько листков. Это были фотокопии. Читая, он пытался сохранить на лице выражение безразличия. Это выражение он культивировал с тех пор, как его перевели в группу, которая всегда в штатском. Перемена в одежде, считал он, означает, что теперь от него требуются мозги, а не мускулы, и надлежит вести себя соответственно. Но то, что он прочел, смыло деланную скуку с его лица. Он взглянул на своего товарища:

— Черт побери!

— Что там?

— Там? Динамит, вот что. Пошли быстро.— Он засунул листки обратно в конверт и собрал остальное.— Это мы забираем,— объяснил он регистраторше.— Мы еще с вами свяжемся. Кстати, парня отсюда не выпускайте. Это приказ.

То же самое повторил он и молодому врачу, а затем, пригласив жестом своего коллегу следовать за собой, торжественно вышел.

Кампания террора, которая нарастала последние три месяца, привлекла внимание экспертов в Западной Германии и Италии, где хорошо понимали, что такое политический террор. Специалистов поразила эффективность действий парижских террористов, их абсолютная готовность на все, а также их отличная экипировка — они располагали самыми современными взрывными устройствами! Похоже, они не испытывают нужды и в деньгах. Французская полиция практически была бессильна перед ними. Интерпол, итальянцы и датчане предложили помощь, но их предложения были отклонены, что позже приписали амбициям французских спецслужб.

ГЛАВА II

Несмотря на многочисленность служб французской полиции и вечное между ними соперничество, система срабатывает иной раз удивительно быстро. Вот и тут, когда двое сотрудников в штатском торжественно доставили свою находку в префектуру 6-го округа, там как раз дежурил толковый молодой сержант. Он заглянул в конверт, смекнул, что тут пахнет жареным, и позвонил на бульвар Пале, в городскую префектуру.

Дежурному офицеру он объяснил, что произошло.

— Ну и что там, в этих бумагах? — заинтересовался тот.

— На одном листе — фотокопия протокола совещания. На официальном бланке.

— А бланк-то чей?

Молодой сержант глотнул воздуха — это был его звездный миг:

— Министерства обороны.

Его собеседник на том конце провода только присвистнул.

— Прочесть вам?

— Нет. Положи все обратно в конверт, запечатай как следует. Как следует, ясно? И отдай все курьеру — он будет через пятнадцать минут.

— Есть!

— Ты правильно сделал, что позвонил.

— Спасибо.

Сержант сделал все, как ему велели, похвалив себя за то, что не стал разглядывать документы. Того, что он увидел, было достаточно: крупное дело. Когда прибыл курьер, он отдал под расписку вещи в большом запечатанном пакете и снова включился в суетную ночную работу.

А в это время дежурный из городской префектуры пытался дозвониться префекту, но этой важной персоны не оказалось дома, он где-то ужинал. С его заместителем господином Руассе ему повезло больше. Они с женой смотрели телевизор, и хоть Руассе был не в восторге от того, что его потревожили, но дежурного выслушал.

— Это не по нашей части,— заявил он.— Такого рода делами занимается ОТО. Когда бумаги привезут, спрячьте их в сейф и ждите дальнейших распоряжений, я еще позвоню.

— Хорошо, шеф.

В молодости Руассе работал в уголовном розыске и сидел в одном кабинете с Жоржем Вавром, а тот нынче возглавляет отдел территориальной охраны, которому положено наблюдать за чужими агентами на французской территории, группа из этого отдела и проявила столь пылкое усердие жарким воскресным днем в Булонском лесу... Руассе колебался, позвонить ли старому приятелю или дождаться, пока вернется домой шеф. Он безотчетно делал важный выбор, хотя и не мог знать, что от его решения самым существенным образом будут зависеть все последующие события. Заместитель префекта просто прикидывал, как будет лучше для дела. Пожалуй, надо подождать,— посмотреть эти документы, убедиться, что никто — и сам он, главное, подняв из-за них шум,— не окажется в дураках. Он позвонил дежурному и велел срочно доставить бумаги к нему домой в Сен-Клу.

Разложив скромное достояние сбитого мотоциклиста на обеденном столе, он внимательно осмотрел все: от билетов на метро до подозрительного конверта, который был снова плотно заклеен скотчем. Сержант из шестого округа приложил записку, объяснив, что удостоверение личности оказалось фальшивым, что владелец его пока без сознания и неизвестно, придет ли в себя. Возле больницы дежурит полицейский. В прессе об этом инциденте упоминаться не должно. Тем двоим, в штатском, велено помалкивать.

Было около часу ночи, когда Руассе приступил к изучению документов. Целую четверть часа он потратил, чтобы их прочесть: он всегда чувствовал тяготение к такого рода делам. Листки представляли собой бланки Министерства обороны. Руассе, склонный воспринимать жизнь масштабно, подумал, что оказался внезапно вовлеченным в события, которые вершат историю. И, конечно, не следует звонить начальству, то есть префекту, и выпускать дело из рук. Уж если тут светит слава, то будет только справедливо, если она достанется именно ему — за то, что сразу распознал важность находки, государственный аспект этого дела и безотлагательно связался с ОТО. Ведь в последнее время что ни день, то беда. Бомбы взрываются все чаще, и ни у кого нет ни малейшей версии, заслуживающей внимания. Сегодняшний двойной взрыв, можно сказать, увенчал действия террористов. Государство бессильно? Есть ли что-нибудь, что можно противопоставить этому кровавому безумию, этим взрывам, которые сотрясают большинство европейских стран в последнее десятилетие? Да, есть! — такой ответ подсказывала Руассе его склонность к мелодраме, к апокалипсическим видениям. Но префект не может встать на его точку зрения. Этот циничный и земной человек пренебрежительно пожмет плечами и примется толковать о «красных бригадах», доложит министру внутренних дел, что полиции необходимы время, удача или еще что-нибудь. По мнению Руассе, префект слишком верил в возможности специального подразделения по борьбе со взрывами. Тут требовались действия в национальном масштабе, чтобы сознанием важности этого дела прониклись одновременно несколько тысяч сотрудников полиции по всей стране, пусть оставят пока в покое наркоманов и проституток, незаконно промышляющих на авеню Фош! Этот скромненький конверт — своего рода тоже бомба. А детонатор имеет имя, которое написано на нем заглавными буквами: Арман Сейнак. Главный редактор «Юманите» и член политбюро коммунистической партии. Руассе позволил себе пять минут поразмышлять над всем этим, набрал номер телефона Вавра и дождался, пока ответил сонный голос.

— Дорогой друг, простите, что разбудил. Это Руассе. Не буду терять времени. Посылаю к вам курьера с кое-какими вещицами, принадлежащими одному мотоциклисту, который сегодня вечером разбился и сейчас лежит без сознания в клинике Божон. Префекта дома не оказалось, так что я вышел прямо на вас.

— Спасибо,— проворчал Вавр.— Надеюсь, не зря разбудили. Но вам, разумеется, видней.— И повесил трубку.

У Баума пошаливала печень, и он знал причину. Обычно он ел то же, что и все,— и никаких неприятностей с этой стороны (как и все французы, он любые проблемы с несварением и прочие беспорядки такого рода приписывал печени). Вчера вечером жена подала ему на ужин всего-навсего равиоли в сухарях с салатом, сыр, немного фруктов, он запил это красным — тоже не так уж много выпил. С чего бы это печени разболеться? А вот ведь болит. Он ее чувствует. Решительно чувствует, и если вспомнить, то в боку ноет уже пару дней. Дело знакомое: он нервничает, а в такие дни печень выкидывает всякие штуки. У других людей, подумал он, все неприятности на умс, а у меня в печенках.

Он плеснул в стакан воды из стоявшего на столе графина и принял лекарство. «Бесполезно, отмстил он про себя — Но без лекарств еще хуже». На коробочке описывались замечательные действия таблеток при несварении и изжоге. Таблетки, однако, ни разу ему не помогли, и он, глотая их, просто совершал некий ритуал. Это было маленькое суеверие, которое он себе позволял, и, может быть, единственное.

Он взглянул на часы. Десятый час, он уже полтора часа на работе. Привычка такая — приходить пораньше, когда есть проблемы. А нынешние проблемы, он чувствовал, погонят его на улицу Соссэ. Он бы уж там был спозаранку, если бы поезда из Версаля раньше приходили.

Последний час он провел в архиве и притащил оттуда одну из серых папок, будто рассчитывая за своим столом отыскать в ней что-то такое, чего в архиве не заметил. Ему хотелось как следует погрузиться в нее, потрогать, пощупать, прочувствовать, прочитать между строк — короче говоря, извлечь то, что не написано открытым текстом на машинке или от руки, но скопилось за многие годы. Досье, лежавшее перед ним, раздражало: такое молчаливое, такое неподатливое. В папке было подшито листков двадцать разного цвета и формата, с разными датами, они были пронумерованы в верхнем правом углу — номер лица, на которое заведено данное досье, и номер страницы, так что исчезновение какого-нибудь листка было бы замечено.

Баум сверил страницы по списку: все на месте. Он и так это знал, потому что проделывал такое каждый день начиная со среды, а сегодня уже суббота. Это просто был маневр, чтобы выиграть время, поиграть в прятки с этой папкой, заняться каким-нибудь более или менее механическим делом, пока проблема созревает. Но эта зреет очень уж долго. Он надеялся, что прочитанное вдруг повернется как-то по-другому или, если он прав, фактам найдется какое-то до смешного простое, безобидное объяснение, и то, что сейчас видится ему будто сквозь туман, примет четкие очертания. Беда только — Баум был уверен, и его тридцатилетний опыт подсказывал то же самое,— что если только он правильно толкует известные ему сведения, то никакого простого и невинного объяснения им не будет. И хотя его уверенность подтверждалась реальностью, он хорошо знал человека, чье досье лежало перед ним, его лицо, весь облик, знал его характер — а надежда была эфемерной, просто какое-то предчувствие, ощущение,— все же, если бы его спросили, в какую сторону он склоняется, он назвал бы второе — надежду.

Он продолжал перелистывать страницы, и боль в боку, занимая его мысли, не позволяла ему воспарить в надеждах и возвращала к суровой реальности.

Когда зазвонил внутренний телефон, он почувствовал даже облегчение. Это звонил шеф.

— Баум слушает.

— Альфред, ты мне нужен. Зайди. Разговор будет долгий.

— Иду.

Он запер папку в серый металлический сейф, стоявший в углу комнаты, и с мрачным видом направился по коридору к лифту. Вавр говорил довольно резко — верный признак, что намечается новое дело. Надо надеяться, что с ним просто хотят проконсультироваться. Ему не до того, ему надо сосредоточиться на своей нынешней проблеме. Придется сослаться на занятость.

На пятом этаже он вышел из лифта и зашагал по точно такому же длинному, нудному коридору. Секретарша Вавра поманила его из открытой двери приемной:

— Старик что-то задумал, знаю я эти дела.

— Я и сам знаю. По голосу слышно.

Он прошел через приемную в кабинет.

— Альфред, старина, придется поработать.

— Это не новость.

— Я имею в виду нечто новое. Смотри.

Он протянул фотокопии, присланные Руассе. Просматривая их, Баум качал головой, будто сокрушаясь по поводу человеческой глупости и неистребимой злобы, о которой свидетельствует данный текст,— эту его манеру знал весь отдел.

— Как это к вам попало?

Вавр рассказал о ночном звонке и протянул еще записку сержанта:

— Посмотри и остальное.

Он выложил на стол содержимое карманов мотоциклиста. Баум придвинул стул поближе и некоторое время изучал удостоверение личности. Потом склонился над фотоснимками. На двух из них одна и та же красивая девушка. На третьем женщина постарше, видно, мать — может, сын сам сфотографировал и носил с собой фото, снятое где-то на фоне плохо различимого дома, размытое, не позволяющее ни о чем судить.

Вавр терпеливо ждал, пока Баум все рассматривал как следует, аккуратно беря каждую бумажку за уголок, прекрасно зная при этом, что все они захватаны пальцами полицейских. «Все наши люди, абсолютно все, плохо обучены,— часто говорил Баум.— И особенно эти, из префектуры».

— Что ты об этом думаешь? — спросил Вавр.

— Любопытно, надо признать. Молодой человек с заведомо фальшивым удостоверением везет одному из лидеров компартии через весь Париж копии протоколов июньского совещания Комитета национальной обороны. Секретные документы, которые вряд ли и в правительстве всем доступны. Нам, к примеру, недоступны.

Баум снова покачал головой, будто изумленный чудовищностью того, что произошло.

— Любопытно, конечно. А кто еще об этом знает?

— Только полицейские.

— А префект?

— Нет, если только Руассе пока не проболтался.

— А из министров кто-нибудь?

— Я никому ничего не говорил, но попросил президента, чтобы он принял меня сегодня утром.

— А как насчет Маллара?

— Пока нет, но министр внутренних дел имеет право знать, что у нас тут делается: все-таки наш отдел находится в его министерстве.

— Досадно.— Баум произнес это негромко, но с явным неудовольствием.

— Почему?

Баум пожал плечами:

— Я подумал, дело такое тонкое... Пахнет национальным скандалом. Безопасность страны и всякое такое. Может, чем меньше народу в курсе, тем лучше?

Вавр тяжело заерзал в кресле и с отсутствующим видом потыкал промокашку ножом для разрезания бумаг.

— Меня сейчас две вещи интересуют. Тот факт, что об утечке информации никто не знает ни в Комитете обороны, ни в самом министерстве, кроме, конечно, того человека, который эту утечку организовал. Это первое. И второе — раз уж эти бумаги в наших руках, известно ли это тому, кому они предназначены. Ответы на оба эти вопроса должны знать только мы — пока это возможно.

— Но президенту-то придется сказать, раз уж мы действуем в обход префекта полиции.

— Разумеется! Однако, может, удастся его убедить, что никто другой знать не должен.

Несколько минут спустя Вавр взялся за телефонную трубку:

— Руассе, старина, я прочел. Весьма интересно. Да, да, абсолютно. Да, к президенту республики. Я тоже так думаю. В связи с этим могу я положиться на вашу скромность? Отлично. Но я имею в виду полную скромность. Очень важно, чтобы не только ваши подчиненные ничего не знали, но и начальство. Идет? Великолепно! Спасибо, детали расскажу при первом удобном случае.

Он положил трубку и посмотрел на Баума.

— Руассе — человек надежный. Больше всего на свете любит быть в курсе чужих секретов. Если ему подбрасывать время от времени какие-нибудь сведения, то он будет молчать.

— А от меня что требуется? — Баум уже знал, что за этим последует.

— Взять это дело в свои руки. Чего же еще?

— Алламбо бы отлично управился.

— Не так, как ты.

— Лестно, конечно. Только у меня и так работы навалом.

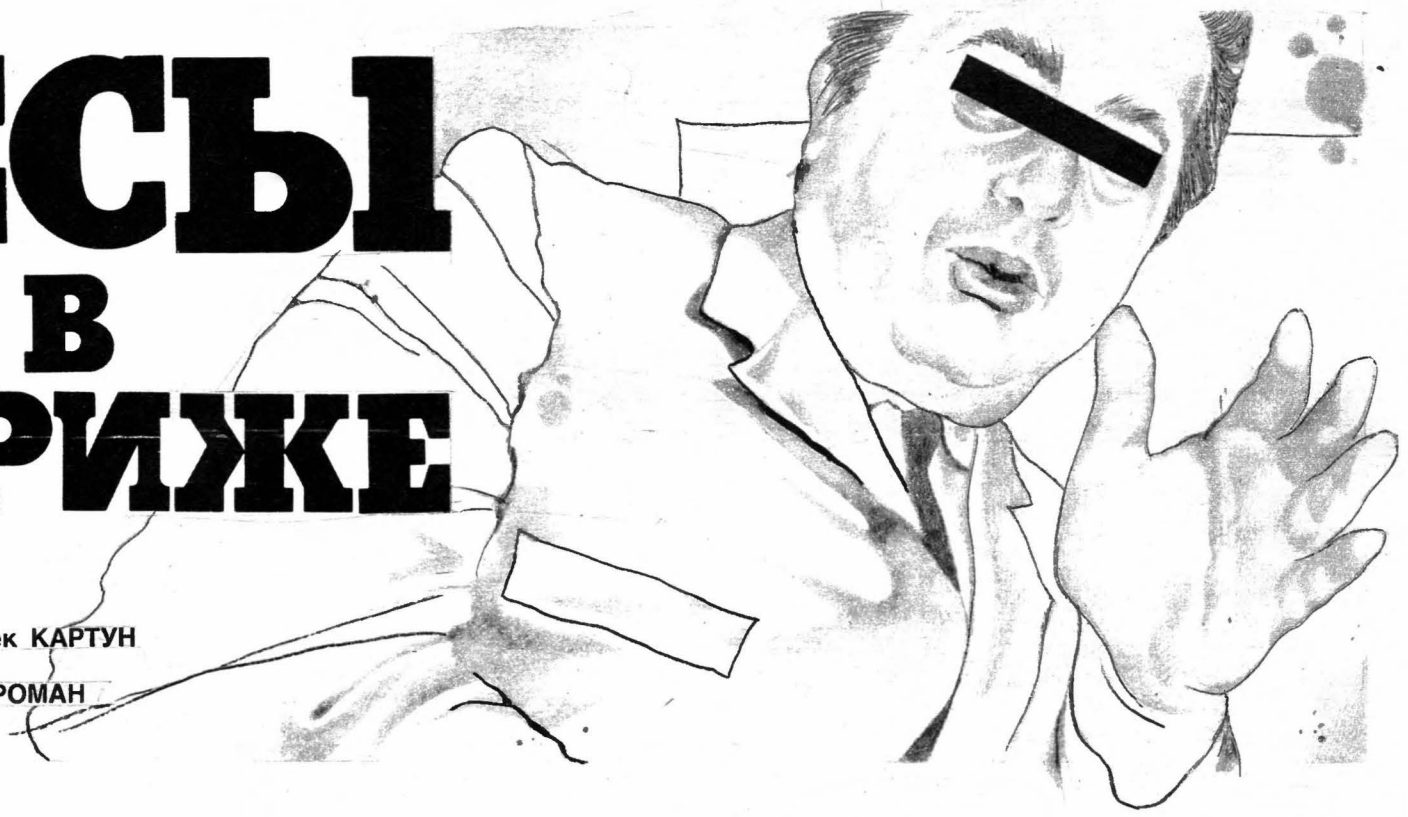
— Может, пойдем в Елисейский дворец вместе? — Баум понял, что проиграл.— Я скажу, когда президент назначит время.

В своем кабинете двумя этажами ниже Баум вздохнул, вытащил из сейфа папку, открыл ее, снова закрыл и отнес в архив. Дело неотложное, а вот приходится откладывать. Вытесняют его более драматические события, еще большее напряжение, страна катится к будущему, которого никто не хочет, и дорога эта отмечена взрывами бомб, загадками вроде той, что Баум уже три дня пытается разгадать, и теперь вот этим... События, не связанные между собой, но в равной степени тревожные. Облачка на горизонте, предвещающие бурю. Странное, неуловимое беспокойство в умах. Мысли Баума — он не догадывался об этом — совпадали с раздумьями Руассе, которым он предавался прошлой ночью, не зная, как поступить с найденными документами.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ



Дерек КАРТУН

РОМАН

Со своим обычным нетерпением президент выслушал Вавра и, взглянув на фотокопии, воззрился поверх очков на сотрудников ОТО, как будто именно они и есть преступники. Известно было, что он не способен воспринять вестника отдельно от принесенного им известия и в результате редко получал что-нибудь, кроме приятных новостей, и был крайне плохо для главы государства информирован о том, что происходит в стране. С другой стороны, он был неглуп и в предъявленных ему фотокопиях сразу же усмотрел грозящие ему неприятности.

Во-первых, это серьезный удар по безопасности страны: выходит, кто-то может, с комфортом восседая в кресле, почитывать протоколы высшего военного ведомства Франции! Во-вторых, эта неприятность не столь очевидна, но имеет отношение к политике — скандал всего за три месяца до выборов, пресса поднимет вой, и оппозиция потребует назвать имя предателя среди членов правительства. Принесенная Вавром новость преисполнила президента тревогой, раздражением и неприязнью по отношению к самим вестникам, которые явились сюда и так осложнили его жизнь.

— Эти документы адресованы Сейнаку из «Юманите»?

Вавр кивнул.

— Ну и что вы намерены предпринять?

Вавр много лет имел дело с президентами и министрами и понимал их проблемы. Он знал, что любая неожиданность вселяет в них тревогу, потому что неожиданности большей частью неконтролируемы, пробивают брешь в их глухой обороне. Для сильных мира сего сущий кошмар узнать, что из-под их контроля может ускользнуть нечто важное, что они зависят от множества нижестоящих служб, где предательство, некомпетентность или просто чья-то личная вражда в любом звене в состоянии обратить в прах их планы, а иногда и карьеру.

Понимая это, Вавр говорил с политиками, как с капризными детьми, сообщая им только приятное, никогда не вступая в спор, уговаривая, льстя и обманывая. Его ответ президенту прозвучал негромко, успокоительно, почти небрежно.

— Я бы рекомендовал предоставить все это дело ОТО, только нам, господин президент. Мы заберем его из префектуры, никого не потревожив. Они не умеют держать прессу на расстоянии, но мы-то умеем. Это, мне кажется, важно.

Это было важно, чрезвычайно важно для президента. Намек достиг цели.

— Кроме того, нам надо получить кое-какие сведения в Комитете национальной обороны — кто состоит его членом, где и когда они собираются, самые общие сведения подобного типа, только самое необходимое. Я попросил бы вас связать нас с абсолютно надежным человеком, который мог бы нам помочь и служил бы между нами посредником, чтобы мы не отнимали ваше время. Это, я думаю, тоже важно.

Еще один точный ход! Президент куда больше заинтересован в предстоящих встречах с представителями европейского сообщества, чем в контактах вроде сегодняшнего.

— И, наконец, господин президент, прошу вас ни с кем из ваших коллег об этом не говорить. Не исключая и самых близких.

Президент сурово посмотрел на Вавра и промолчал. Ясно, что чем меньше народу будет знать об этом деле, тем лучше. Любой из министров не остановится перед тем, чтобы сообщить сведения знакомому журналисту, если только ему покажется, будто подобная «утечка» обеспечит ему хоть малейшее политическое преимущество. Выборы на носу: не такое время, чтобы соблюдать лояльность — политическую или личную — среди амбициозных людей, которых кабинет связывает в непрочный союз. Хорошо этим двум толстякам полицейским настаивать на соблюдении тайны. Конечно, им это работу облегчает. Но существуют и другие соображения. Что если они не найдут виновного? И выяснится через несколько месяцев, что единственный, кто был посвящен в тайну, это сам президент республики? Оппозиционные газеты возложат всю ответственность на него. Только даже намекнут — как это они умеют, — будто он покрывал просчеты разведки. Это риск куда больший, чем утечка информации. К этому он не готов.

— Полагаю, что поскольку дело касается министерства обороны, то министру следует знать. Так что проинформируйте господина Пеллерена.

Вавр хотел было возразить, но передумал и кивнул.

— А как насчет министра внутренних дел?

— Полагаю, и это необходимо.

— И премьер-министру?..

— Я больше никого не назвал.

Президент жестко посмотрел на Вавра. Потом повернулся к Бауму. Указал на него толстым пальцем:

— Этот человек займется делом?

— Да, господин президент.

— А он потянет? — Президент тактом не отличался.

— Безусловно, господин президент.

С полминуты президент сидел молча и абсолютно неподвижно. Потом снял очки и начал постукивать ими, как бы подчеркивая значимость своих слов:

— Я требую абсолютной тайны. Требую быстроты и требую исчерпывающих ответов. Если хоть одно слово ускользнет без моего ведома, вам придется дать мне объяснения. Положите мне на стол заявление об отставке. Сотрудничать можете с Вэллатом, начальником канцелярии. Этот даже то, что показывают его часы, считает государственной тайной.

Он снял трубку телефона, стоящего на столе.

— Вэллат, к вам сейчас придут двое. Ответьте на все их вопросы. Если чего не знаете — узнайте. Это секретное дело.

Он положил трубку.

— До свиданья, господа. Надеюсь вскоре получить результаты.

Он раскрыл папку, лежавшую перед ним на великолепном столе, и предоставил своим посетителям самостоятельно пройти к двери по огромному старинному ковру.

Вэллат, иссиня-бледный, чахлый субъект такого унылого вида, будто он работает с президентом чересчур долго и скоро от этого помрет, уставился на Вавра и Баума ничего не выражающим взглядом. Ему было неинтересно, почему им понадобилось задавать вопросы. Он был начисто лишен любопытства и естественного человеческого желания поделиться с другими тем, что сам знаешь.

— Какие сведения вас интересуют? — спросил он сухо.

— Желательно — состав Комитета обороны, — ответил Баум. — А также даты последних двух заседаний и предполагаемую дату следующего. Хотелось бы знать, где собирался Комитет — не только в каком здании, но и в какой комнате. Комнату, возможно, придется осмотреть. И список присутствовавших.

Вэллат делал пометки в блокноте, не проявляя интереса к сказанному.

— Еще что-нибудь?

— Да. Я хочу знать абсолютно все о протоколах подобных заседаний. Кто их планирует, кто составляет, кто ведет, кто складывает, кто перепечатывает, кто в министерстве или еще где-нибудь имеет к ним доступ, куда деваются черновики и кому рассылают копии. В общем — все. — Баум помолчал. — Можете вы это рассказать?

— Конечно. Когда это вам понадобится?

— Очень срочно.

— Хорошо. Где вас найти?

— На улице Соссэ. Передайте только, что у вас ко мне дело, и я тут же появлюсь.

— Прекрасно. — Вэллат поднялся, проводил их до дверей и попрощался с обоими за руку. Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

Спускаясь по лестнице, Вавр спросил:

— Ну, что скажете о нашем приятеле Вэллате — допотопном личном секретаре президента?

— Думаю, что он сообщит только то, что позволит хозяин. Ни больше и ни меньше.

— Потрясающе. — Вавр покачал головой. — Прямо-таки Иисус Христос при Господе Боге Президенте.

— Я бы сказал, скорее он похож на парикмахера Гитлера, — усмехнулся Баум.

— А как быть с нашим приятелем Пеллереном?

— Придется к нему пойти.

— Вот досада. Хотя с точки зрения наших интересов есть министры и похуже.

— Я договорюсь о встрече. А потом повидаюсь с Маллароном.

Продолжение. См. «Огонек» № 11.

Они пересекли двор Елисейского дворца, в воротах отметились и прошли еще двести метров по улице Соссэ. У обоих был лишний вес, и оба в такую угнетающую августовскую парижскую жару потели и задыхались.

Из-за того, что иностранные корреспонденты подробнейшим образом описали последствия взрывов, многие туристы отказались от поездок в Париж, и мощное туристское лобби забеспокоилось. Парижские отели пустовали, рестораны бедствовали, большие магазины сообщили о снижении цен. Служащие многочисленных бюро путешествий рекомендовали своим клиентам Испанию, Италию и Северную Африку. Лондонская «Таймс» поместила передовую, где торжественно вопрошала, уж не сочтены ли дни голлистской республики, и благодаря этому извлекла самую большую пользу из политической нестабильности во Франции начиная с 1789 года. «Коррьере делла сера» спрашивала: «Почему это французы не могут у себя поступить так, как мы поступили с нашими «красными бригадами»?»

ГЛАВА III

— Вот сегодня, — сказал вечером Альфред Баум своей жене Эстелле, — я бы выпил того, экспортного. Есть у нас в холодильнике?

Он произнес эти слова в прихожей еще до того, как, по обычаю, поцеловал жену сначала в левую щеку, потом в правую. Дорога от вокзала в Версале до дома вконец измотала его. Жара так и не спала, хотя было уже около девяти.

— Конечно, есть. Только особо не рассчитывай — осталось совсем чуть-чуть.

— Ничего, потом еще раздобуду.

Он вошел в просторную гостиную с громоздкой мебелью и тяжелыми шторами, бросил куртку на стул, стянул галстук и повалился в одно из двух кресел. Он слишком устал, чтобы поискать домашние туфли или даже умыться. Сначала он выпьет чего-нибудь холодненького. Явились обе кошки, потерлись об ноги, и одна по привычке изготовилась прыгнуть к нему на колени.

— Не сегодня, дружок, — сказал Баум кошке. — Слишком я устал. Как это вы переносите жарищу в таких роскошных шубах, а? Прямо не представляю. Но это ваша проблема. У меня своих хватает.

Эстелла принесла пиво и присела на кончик стула рядом. Суетливая, маленькая женщина, узкая как раз в тех местах, где ее муж раздался вширь, готовая в любую минуту вскочить и немедленно выполнить его очередное пожелание.

— Тяжелый был день?

— Очень. И, кажется, с него начинается трудная неделя, а может, месяц или даже год.

Он сделал большой глоток холодного как лед пива, и на лице его отразилось удовольствие. Разочарованные кошки отправились по своим делам.

— Что на ужин?

— Я приготовила кускус.

— Как ты догадалась, что я весь день о нем мечтал?

— Ты всегда так говоришь, что бы я ни приготовила.

— А ты всегда угадываешь.

— Врешь ты все, Альфред. Всегда врешь. Я никогда не знаю, о чем ты думаешь.

Он улыбнулся и потрогал пальцами нос.

— У меня работа такая. А насчет кускуса это правда. Не осталось там реблошона?

— Есть, и еще я сегодня купила отличный рокфор, можешь выбрать.

Он промычал что-то и хлебнул еще пива. Супруги всегда обменивались гастрономическими новостями в этом роде подобно тому, как другие обсуждают прогноз погоды. Это как бы заменяло новости, которые большинство служащих приносят домой с работы. Баум редко упоминал о своих делах, не такие это дела, чтобы о них судачить. А Эстелла и не спрашивала. «Трудный был день?» — вот дозволенный предел любопытства.

За кускусом они не разговаривали. Баум только проронил: «Вкусно — прелесть!» — и прикрикнул на одну из кошек: «Брысь!» Все остальное время он ел молча. Жена прекрасно разбиралась в его настроении и тоже помалкивала. После того как Баум доел сыр, она сварила кофе в красном эмалированном кофейнике и принялась убирать посуду. Баум тем временем, вернувшись в гостиную, уселся, достал из кармана бумаги и стал читать, делая время от времени пометки.

Пометки эти были кратки и редки, — может, раз в десять минут он подчеркивал какое-нибудь слово. Все остальное время мысли его были предельно сосредоточенны, собранны, что и составляло его особый талант: вцепится в проблему, забыв обо всем, и вертит ее в уме, будто разглядывая с десятка разных позиций, как антиквар — черепок от античной вазы. Или, скорее, как игрок в бридж, просчитывая вперед все возможные варианты, оценивая свои карты и те, что на руках у остальных, весь прежний ход игры,

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

шансы каждого с учетом его психологии и тактики, — все это при том, что воля людей, собравшихся за карточным столом, от него самого не зависит.

Сегодня днем он приступил к расследованию. Пожитки мотоциклиста были отправлены к экспертам со строжайшими указаниями, что следует делать и в каком порядке. От полицейских он получил подробнейшее описание несчастного случая, поинтересовался, нет ли свидетельских показаний. Свидетелей, сказали ему, не было. Он заподозрил полицию в недобросовестности и послал одного из своих людей на площадь Мобер, где это случилось. Выстрел наугад: вдруг какое-нибудь кафе было открыто, официант или кто-нибудь из посетителей могли что-то заметить.

Невозмутимый Вэллат позвонил из Елисейского дворца и сказал, что к завтрашнему утру рассчитывает получить кое-какие данные. Баум договорился, что зайдет к десяти. Потом у него состоялась краткая, но содержательная беседа по телефону с администратором больницы. Он представился инспектором полиции...

— Главное — время.— Он повторял про себя эту незамысловатую фразу.— Сегодня, именно здесь и сейчас, в этой комнате, где спят кошки, куда доносится уличный шум и звяканье посуды из кухни, и запас пива убывает, — здесь и сейчас я должен решить, что предстоит делать завтра утром, примерно с восьми. И решить это надо правильно, потому что обратно не повернешь, и если первый шанс упустишь, то второго не представится.

Он записал:

1. У экспертов — получить данные о фотобумаге и конверте.

Какая машинка? портативная?

Отпечатки пальцев (вряд ли!).

Фотографии.

2. Архив.

3. Сведения от Вэллата, которые, может, куда-нибудь и приведут.

Потом он написал: «Возможные действия». И под этим постепенно появилось следующее:

1. Расспросить Сейнака, которому адресованы документы.

2. Поставить своего человека на полицейский пост у больницы.

3. Мистификация!

Он подчеркнул последнее слово и добавил восклицательный знак. Потом долго сидел, закрыв глаза, — ни дать ни взять впавший в спячку хомяк. Раза два он чуть оживился, пока пил принесенный Эстеллой горячий и крепкий кофе. Зная его привычки, она тихо удалилась в кухню и принялась за вязанье.

— Мистификация.— Баум несколько раз повторил это про себя, как заклинание. С виду он будто спал, но мысли его неслись вскачь, и ему приходилось их усмирять, чтобы кое-что пересмотреть, прикинуть последствия возможных сбоев и, наоборот, оценить преимущества, которых можно достичь, если все пойдет, как задумано.

«Мистификация всем хороша,— сказал он себе,— но только пока я остаюсь единственным, кого не ввела в заблуждение собственная хитрость. Пока мне одному известно, в чем дело».

В одиннадцать заглянула Эстелла.

— Я ложусь,— сказала она.— Не забудь выключить свет, когда закончишь. Захочешь кофе — подогрей сам.

— Спокойной ночи,— отозвался Баум.— Я тоже скоро лягу. Завтра мне в шесть вставать.

После полуночи он добавил к своему списку еще одну строчку: «Срочно. Расставить силок». Следующие десять минут он провел, перечитывая то, что написал за последние два часа. Губы его шевелились, как у актера, заучивающего роль. Потом он порвал листок, сложил обрывки в пустую кофейную чашку, погасил, как велено было, свет и отправился в спальню, где, лежа на спине, тихо похрапывала Эстелла. Он лег рядом и, к собственному удивлению, ухитрился довольно скоро заснуть.

Троим из своей группы Баум назначил встречу в восемь пятнадцать, не принимая во внимание, что они вовсе не обязаны работать по воскресеньям. Он всегда говорил, что, если сотрудника ОТО вызывают в неурочное время, он всегда может потом отгулять, когда предоставится такая возможность. Если же кто дорожит тридцатишестичасовой рабочей неделей, пусть идет работать в дорожную полицию.

Они сидели на жестких стульях за столом — грузный Леон, руководивший слежкой в Булонском лесу, Люк — его молодой помощник из Нанта, и еще один инспектор, ветеран, принимавший участие во множестве операций, которые организовывал Баум. Этим троим было сказано не более того, что им следовало знать. Министерство обороны не упоминалось. Баум принес с собой кофе во фляжке: по воскресеньям столовая не работает. В четырех бумажных стаканчиках на столе дымилась темная жидкость, заранее сдобренная сахаром. День снова обещал быть чудовищно жарким, но в этот ранний час еще можно было дышать, и двое даже не сняли пиджаков.

— Записей не вести,— инструктировал Баум.— И никаких обсуждений с другими. Если кто спросит, чем вы заняты, говорите, что ищете советскую кошку, обученную разгадывать наш шифр.

Все засмеялись.

— А теперь чего я хочу от вас. Марсель, как твои контакты с прессой?

— Неплохо.

— Должники у тебя есть?

— Несколько.

— Попробуешь получить от них кое-какие услуги?

Марсель кивнул, он был немногословен.

— Как ты думаешь, можно устроить, чтобы «Франс суар» и какие-нибудь из дневных газет завтра поместили небольшое сообщение, в котором ничего сенсационного нет: только то, что парень уже сутки без сознания и сообщить некому...

— Да уж и правда не сенсация...

— Но сделать надо!

— Постараюсь...

— Тут стараться мало, дружище, тут надо выполнить. Это самое главное в моем плане, отправная точка.

— Постараюсь,— упрямо повторил Марсель.— Но мне нужны данные.

Баум пересказал ему все, что тому было необходимо.

— Теперь ступай. Особенно важно — завтрашний номер «Франс суар». И во всех его выпусках, ясно?

— Посмотрю, что можно сделать, но вы же знаете, они из последних выпусков такую мелочевку выбрасывают.

После ухода Марселя Баум повернулся к остальным.

— Один парень, некий Гвидо Ферри, лежит в реанимации в клинике Божон. Там снаружи дежурит полицейский из местной префектуры — у того парня бумаги оказались не в порядке. Замените этого дежурного — дежурство пусть будет круглосуточным. Я туда позвоню, а ты, Леон, подъедешь в Божон. Твой помощник пусть посидит у тебя в кабинете на всякий случай. Но жен своих или кто там у вас есть предупредите, чтобы особо не ждали, когда освободитесь — неизвестно. Ясно?

Оба кивнули.

— Ну ладно, я вам буду говорить, куда и когда идти и что там делать.

В девять он снова позвонил в клинику:

— Этот парнишка, Ферри, как он там?

— Не вешайте трубку.

Ему был слышен короткий разговор по внутреннему телефону, потом он услышал ответ:

— Все так же, без перемен.

— Он придет в себя?

— Трудно сказать. Шансов поровну.

— Вы могли бы перевести его в отдельную палату?

В трубке помолчали, потом врач спросил:

— Это так важно? Знаете, к нему подключены системы жизнеобеспечения, лучше бы его не двигать.

— Это важно. Не хотелось бы нарушать ваши правила, но, поверьте, для нас это чрезвычайно важно.

— Хорошо, переведем его.

— Спасибо. Да, и еще одно,— будто спохватился Баум.— К нему, наверно, родственники придут, хоть он и без сознания. Позаботьтесь, пожалуйста, о его вещах, чтобы они находились в той же комнате. На случай, если кому-то понадобятся.

Врач, казалось, был удивлен такой предусмотрительностью со стороны властей.

— Конечно, не беспокойтесь, я все сделаю.

Баум перезвонил Леону.

— Давай, приятель, двигай в Божон.

Он подробно объяснил, что тому следует сделать.

— Да, и прихвати пару ребят в другой машине, хороших сыщиков,— пусть поболтаются возле клиники, держи их под рукой. Если никого в отделе нет, вызови срочно, сошлись на меня.

— Хорошо, шеф!

Потом Баум позвонил Руассе домой. «Пусть он считает, что его держат в курсе,— предупреждал Вавр.— На самом-то деле ему знать ничего не нужно, подбрось ему пару пикантных подробностей, и он будет счастлив».

— Шеф сказал, что вы могли бы нам помочь,— говорил теперь Баум.— Поэтому я и звоню.

— Как идет следствие?

— Раскручиваем понемногу. Президент готов нам помогать.

— Вы с ним виделись? — Ощущение причастности к истории льстило Руассе.

— Вчера. Президент поинтересовался, с кем мы держим связь в префектуре, и Вавр сказал, что с вами.

— Он так ему и сказал?

— Да.

— Хорошо. Очень хорошо. Так чем я могу быть полезен?

— Спасибо,— сказал Баум.— Есть нечто важное и срочное.

— Что вы имеете в виду?

— Вероятно, лучше сказать это лично, не по телефону.

— Конечно, разумеется,— согласился Руассе, и Баум тут же положил трубку.

Четверо экспертов в своей комнате на нижнем этаже никак не могли взять в толк, с чего вдруг этакая спешка. Погода больше подходила для рыбалки, чем для графологических и ксерографических экспертиз и всестороннего обследования бумажек. Спустившись к ним, Баум особого прогресса в исследованиях не обнаружил: его только заверили, что и фотокопировальная бумага, и конверт абсолютно стандартны, такие продаются в любом магазине.

— Чудно! — обрадовался Баум.— Вот это я и хотел услышать! Теперь пусть один из вас принесет мне десяток листов такой бумаги и пачку таких конвертов.

— В воскресенье? Альфред, ты что, шутишь?

— Я бы и хотел пошутить, да не до того. Мне все равно, где вы их возьмете, хоть магазин ограбьте. Но мне они нужны к вечеру, понятно?

Старший из специалистов поскреб в затылке.

— Завтра я бы первым делом...

— Завтра — поздно!

— Черт, Альфред, да я просто ума не приложу, где их взять!

— И я не знаю,— голос Баума прозвучал сухо.— Но вот что скажу. Это маленькое дельце, дружище, может быть, самое важное поручение за все двенадцать или сколько там лет, что ты здесь работаешь. Усвой это, пожалуйста. Мне безразлично, как вы будете действовать, но эти вещи нужны сегодня, а если вы боитесь, что не справитесь, так сразу и скажите, я пойду и сам все достану.

— Ладно, шеф,— сказал старший.— Мы как-нибудь это устроим.

— Вот и умник.— Баум отправился в архив, где попросил досье на некоего Александра Антуана Вэллата, государственного служащего. Получив в руки серую папку — в точности такую же, как та, что терзала его мысли уже несколько дней,— он расписался за нее и унес к себе. Там он сел и минут пятнадцать внимательно читал. Ничего интересного для себя не нашел и вернул ее в архив.

— Ну и скучные у вас клиенты,— сказал он дежурному.— Сто лет ничего любопытного не читал.

— Мы стараемся изо всех сил, Альфред. Не может же каждое досье походить на бестселлер.

Вернувшись к себе, Баум достал из кармана ключ и, повернув его в замке серого сейфа, отодвинул тяжелую дверь и вытащил из самой глубины две папки, с виду точно такие же, как та, что он отнес в архив. Он провел еще четверть часа, тщательно изучая материалы, и, казалось, остался доволен тем, что прочел, возвратил их на место и старательно запер.

Пора было идти в Елисейский дворец.

— Надеюсь, что вам не только из-за нас пришлось прийти на службу в воскресенье.

Вэллат будто не расслышал дружелюбной реплики. Коротышка из ОТО был в его глазах не более чем посредником, получающим приказы от кого-то повыше рангом, как он сам получал приказы от президента. Если бы ему стало известно, что этот самый посредник только что ознакомился со всей его подноготной, которую многие годы копили в папке секретные службы, и ему бы передали слова Вавра насчет верхних эшелонов власти — на них, мол, давно следует посмотреть свежим взглядом,— то, без сомнения, он отнесся бы к Бауму несколько серьезнее. А уж если бы он узнал, что его досье содержит мельчайшие подробности одной его юношеской любовной истории, отнюдь не с девушкой, а с на редкость красивым мальчиком, тогда, возможно, лед бы растаял, и Вэллат перестал бы демонстрировать глубочайшее чувство собственного достоинства. Что касается Баума, то он не придавал значения такого рода мелким уколам. Папка содержала исчерпывающие сведения о семейной жизни Вэллата и кое-каких его интрижках на стороне, но столь ярких эпизодов в ней больше не отмечалось. Тем не менее, подумал Баум, трудно тебе было бы, приятель, сохранять величественный вид, если бы ты знал, что собеседнику твой самый тайный грех известен, а ты его секретов не ведаешь.

— Я получил то, что вас интересует,— произнес Вэллат, открывая средний ящик стола. Он вынул целлофановую папку, в которой лежало несколько листков бумаги. Верхний он протянул Бауму.

— Это состав Комитета обороны. Крестиком я пометил тех, кто присутствовал на июньском совещании. Этого достаточно?

— Вполне. Я вижу, вы указали должность каждого и его функции. Это очень полезно.

— Вот даты двух последних встреч и предполагаемая дата следующей, а также, как видите, адреса. С тех пор как нынешний премьер-министр занимает этот пост, они проходят на улице

Матиньон.— Он протянул второй листок.

— Так встречи проходят не в президентском дворце?

— Только если сам президент присутствует — это бывает не всегда.

Он протянул через стол еще один листок.

— Здесь все, что вы хотели знать о протоколах. Только двое ведут записи: секретарь министра обороны и я. Если президент сочтет официальный протокол недостаточным, он может прибегнуть к моим записям. Они не перепечатываются, а просто хранятся в моем личном сейфе. Протоколы секретаря министра обороны размножаются: с текста снимается восемь фотокопий — по числу постоянных членов Комитета. Но только четверо из них получают протоколы, в которых записаны принятые решения.

— Это почему же?

— Потому что это наиболее важные сведения, их следует знать лишь этим четверым.

— А куда деваются рукописные тексты вашего коллеги?

— Не знаю. Могу спросить.

— Пожалуй, не надо,— сказал Баум.

— Каждый из тех, кто получает протоколы, должен их прочесть, подписать и вернуть секретарю министра. Там их подшивают и хранят в сейфе. Единственное исключение — экземпляр, предназначенный для президента. Его я храню здесь.— Он показал на квадратный сейф в углу комнаты.

— Если бы вам кто-нибудь сказал, господин Вэллат, что протоколы оказались совсем в другом месте, очень бы вас это удивило?

Длинное аскетичное лицо не выразило никакого интереса. Бауму подумалось, что долгие годы наблюдения за жизнью высших политических кругов и за скрипучим ходом колес в государственном механизме отучили его собеседника от проявления каких бы то ни было чувств — разве что легкого неудовольствия.

— Это вполне возможно, не вижу особых причин для удивления. Когда документы циркулируют в правительственных кругах подобным образом, всегда есть риск. Но это было бы серьезным нарушением порядка.

— А если бы речь зашла именно о вашем экземпляре, о том, за который отвечаете вы?

— Это абсолютно невозможно, — произнес Вэллат спокойно, без волнения. Самоуверенность служила ему надежной защитой.

— Понимаю. Что же касается других копий... Это возможно, стало быть?

— Не так уж невозможно.

— По вашему мнению, который из экземпляров скорее всего мог бы... — Баум намеренно не закончил фразу.

— У меня нет такого мнения, сударь.

— На каждой копии проставляется имя или инициалы лица, которому она предназначена, так?

— Только инициалы. В особом квадратике на первой странице. Например, АП/МО означает Амбруаз Пеллерен, министр обороны. Ниже — имя того, кто скомпоновал и отпечатал протокол. Видите, на каждой копии есть ссылки на двух лиц: первые на всех копиях разные, а вторые одинаковы. Из чего вы можете заключить, что первые впечатываются отдельно в каждый экземпляр.

— Не могли бы вы показать мне это на том экземпляре, что хранится у вас?

— Меня не уполномочили показывать вам государственные документы.

— Ну что ж! — Баум просмотрел записи, остановился на списке членов комитета. — Я вижу, что на июньской встрече присутствовали премьер-министр, министры обороны, финансов и внутренних дел, начальник генерального штаба, еще один генерал, секретарь из министерства обороны и вы. Это обычный состав?

— Обычно бывает человек десять — двенадцать. В этом списке восемь. Остальных вызывают в комнату, когда обсуждаются определенные темы. Но в июне никого таким образом не вызывали.

— Почему?

— В соответствии с повесткой дня. Я не имею полномочий затрагивать эту тему.

Президент правду сказал: не тот это человек, чтобы вести беседу без специального на то указания. Для Баума сейчас это значения не имело: он и так знал, что обсуждалось в июне. Никаких дополнительных сведений собравшимся не потребовалось, поскольку заседание целиком было посвящено отношению с силами НАТО и ядерной политике НАТО, — следующее совещание под председательством самого президента должно было выработать основную линию. Соблазнительный кусочек для передачи Советам, если кто-то из присутствовавших жаждет получить звание полковника КГБ и дачу в окрестностях Москвы.

Но сумка мотоциклиста заключала в себе нечто большее.

— Мне известно, что комитет обсуждал замену генерала Лапуанта на посту начальника генерального штаба и что к протоколам был приложен перечень четырех возможных кандидатов с характеристиками на каждого.

С тонких губ Вэллата слетело только одно слово:

— Верно.

— И эти две странички были розданы членам кабинета тем же манером?

— Да.

Теперь Баум узнал все, что требовалось.

— Благодарю вас, сударь, — сказал он, вставая и протягивая собеседнику свою толстую руку. Вэллат, тоже поднявшись, обменялся с ним коротким рукопожатием и слегка поклонился.

— Если еще что-нибудь, что я могу и вправе... — Он произнес это без энтузиазма.

Спускаясь по широкой лестнице Елисейского дворца, Баум обратился мыслями к трагедии, о которой шумела пресса, — к взрывам на Конкорд и на Аллее Альберта Первого. Мнение было единодушным: дело рук «красных бригад». Однако пока ни одна из известных ультралевых организаций не взяла на себя ответственность. Никто не обратил внимания на звонок в редакцию «Авроры» от представителей некоей группы «Вернемся в шестьдесят восьмой», поскольку никто о ней прежде не слышал. Была и еще версия, вытекающая из того, что в здании, которое было уничтожено взрывом, располагался штаб федерации «Железо и сталь», а эта федерация последние полгода вела жестокую тяжбу с профсоюзом по поводу заработной платы и дополнительных льгот для работающих на ее предприятиях.

— Думать надо о том, что меня касается и о том, что следует делать, а не о том, что я сам вообразил, — сказал себе Баум.

Пока он пересекал двор, ворота открылись и влетел сверкающий, черный, повышенной мощности «ситроен» премьер-министра в сопровождении четырех мотоциклистов. «Знал бы ты, — подумал Баум, глядя, как премьер-министр выходит и поднимается по ступеням. — Знал бы ты, голубчик, что и ты сам и все правительство сидите на бочке с порохом, которая того и гляди взорвется под вашими задами, если только бедный старый Альфред Баум сделает хоть один ложный шаг».

В тот же день, чуть позже, Жорж Вавр сидел в весьма импозантном кабинете министра обороны. В некотором смысле это была вылазка на вражескую территорию, поскольку министерство обороны занималось всеми военными вопросами. Сотрудники отдела территориальной охраны министерства внутренних дел — по сути своей контрразведчики — с великой ревностью относились к знаменитому «второму бюро» в составе министерства обороны, ответственному, согласно своему статусу, за военную разведку, но часто сующему нос в дела контрразведки, которые его касаться не должны. «Пятая колонна» в военных делах, второе бюро с его безликими полковниками, с его тайными и нередко клеветническими архивами, было постоянным оппонентом и соперником ОТО. У бюро были преимущества, обусловленные его долгим существованием и сложившимися традициями: власть, способность инспирировать страх, создавать национальные мифы. А отдел территориальной охраны возник сравнительно недавно, во время войны, деятельность его была скрыта от всех, что и соответствовало его задачам, и у него в коридорах власти было больше врагов, чем друзей. На счету второго бюро числилось множество скандалов, то и дело всплывали факты чудовищной некомпетентности его сотрудников, непристойные междоусобные баталии, а ОТО ухитрялось никогда не выносить сора из избы.

Ветеран политических битв Амбруаз Пеллерен настороженно смотрел на Вавра из-под кустистых бровей. Вэллат по телефону попросил его срочно принять начальника ОТО. Видимо, Вэллат имел в виду с глазу на глаз. Личный секретарь министра — худой, болезненного вида человек по имени Пишу, увидев входящего Вавра, поднял брови: к его изумлению, его в кабинет не позвали. В отличие от Вэллата из Елисейского дворца он жаждал участвовать во всех делах.

— Чем могу быть вам полезен, Вавр? — Голос министра звучал не то чтобы неприязненно, но уж, во всяком случае, не любезно.

— Дело весьма щекотливое и строго секретное. — Перед Вавром стояла сложная задача: рассказать министру то, что ему следует знать, и в то же время свести впечатление от услышанного к минимуму, чтобы у того не появилось искушения передать дело своему второму бюро на том основании, что если уж тут светит какая-то слава, то пусть она достанется лучше его ведомству, а не министерству внутренних дел. Между Пеллереном и министром внутренних дел Малларом не существовало ни дружбы, ни уважения, ни доверия.

— Объясните, пожалуйста.

Вавр приступил к рассказу, преуменьшая драматизм событий, где это было возможно, обходя молчанием кое-какие детали, если хватало храбрости, и всячески подчеркивая, что ответственность, возложенная на ОТО президентом, чрезвычайно велика — выше, чем это было на самом деле.

На стене за креслом министра висело гигантское полотно, изображавшее юного Наполеона на мосту в Арколи, и Вавр с трудом переводил взгляд с героической сцены на лицо министра, хранившее скептическое выражение. Когда он закончил, наступила недолгая пауза.

— Так чьи же инициалы на попавшей к вам копии? — задал министр осторожный вопрос.

Вавр был к этому готов.

— Вы должны извинить меня, господин министр, но на данной стадии расследования входить в подробности я не могу. Президент дал строжайшие инструкции на этот счет.

Амбруаз Пеллерен пожал широкими плечами и позволил себе чуть-чуть улыбнуться.

— Вы, видимо, хотите навести кое-какие справки в моем министерстве?

— Возможно, до этого дойдет, — ответил Вавр. — В данный момент я просто проинформировал вас о том, что произошло. Я знаю, что мы можем рассчитывать на ваше содействие, если придется допросить кого-то из сотрудников министерства.

— Конечно. Обращайтесь в этом случае лично ко мне.

— Благодарю.

— Дело весьма серьезное, — сказал Пеллерен, поднимаясь и протягивая руку на прощание. — Надеюсь, вы там, в ОТО, понимаете его политический смысл. — Он слегка понизил голос и снова улыбнулся слегка загадочно.

— Понимаем, господин министр.

Они пожали друг другу руки, и Вавр вышел из святилища в сопровождении заметно раздосадованного секретаря.

Позже Вавр признался Альфреду Бауму:

— До чего неуютно я себя там чувствовал! Ну и трудно нам придется, если дело дойдет до настоящего расследования. Кто это сказал — тебя похлопывают по спине, чтобы найти место, куда удобнее всадить нож?

— Ленин, — усмехнулся Баум.

В свои сорок шесть лет Ги Маллар был самым молодым из министров высшего ранга и, вероятно, самым умным. Он возглавил министерство внутренних дел вопреки ожесточенным протестам коммунистов, занимавших государственные посты. В Малларе коммунисты видели непримиримого врага и поносили его, где только могли, что мало его трогало. Антикоммунистом он стал после того как в юности баловался опасными теориями Маркса и Энгельса. Но еще до откровений Хрущева его политические амбиции совпали самым удачным образом с настроениями в обществе и обратили его в социал-демократа, испытывающего чрезвычайное уважение к порядку в стране, а, стало быть, и к полиции.

— Я и не рассчитываю, что люди, охраняющие порядок, читают Пруста и навещают в свободное время больных, — сказал президент, когда его внимание обратили на малопривлекательные черты личности нового министра. — Так почему же кто-то полагает встретить в министерстве внутренних дел чуткость и сочувствие?

Когда Жорж Вавр закончил свой рассказ, Маллар задал ему тот же вопрос, что и Пеллерен, и получил тот же ответ.

— А вы не забыли, друг мой, что ваш отдел подчинен министерству внутренних дел, а значит, мне? — сказал он.

— Ни на минуту не забываю, господин министр. Но при всем моем уважении к вам прошу вас проявить терпение. Результаты расследования, разумеется, будут в общем виде представлены вам, как только это станет возможно.

Маллар, похоже, хотел было употребить власть, но передумал.

— Хорошо. Жду от вас отчета.

Профсоюзы сталелитейщиков выступили с заявлением, в котором, осуждая взрывы, тем не менее утверждали, что непреклонность предпринимателей и их жесткая политика в отношении заработной платы рабочих на руку экстремистским элементам и рано или поздно приведут к насилию. Правые газеты усмотрели в этом плохо скрытое одобрение террора и принялись строить версию, будто именно жесткие требования профсоюзов, имеющие целью возбудить рабочих, привели к всплескам злобы.

«Профсоюзы несут за это моральную ответственность, — заявил ведущий обозреватель престижной газеты. — Они не организуют взрывы сами, но готовят подходящую обстановку для тех, кто это делает». Отвечая им в том же роде, газеты левого направления обвиняли правых в том, что они надеются извлечь пользу из этих событий, распространяя ответственность за террор на всех левых.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

ГЛАВА IV

По улице Фобур Сен-Дени, мимо кинотеатра, который недавно перестроили так, чтобы в трех зальчиках можно было показывать три порнографических фильма одновременно, мимо вереницы кафе, в которые заходили только арабы и негры, шагал рыжий человек. На углу улицы Дезир он остановился возле газетного киоска и попросил все сегодняшние газеты и самый ранний выпуск вечерки.

— Все? — Пожилая продавщица, которую едва можно было разглядеть за множеством разноцветных обложек, посмотрела на него так, будто он попросил «Порно-либр».

— Говорю, все.

Она порылась в пачках газет и, склеротически двигаясь, извлекла около полудюжины изданий.

— Восемнадцать франков.

Рыжий с оскорбленным видом рассматривал пеструю выставку журналов, изданных на арабском. Достав из кармана джинсов кошелек, он отсчитал восемнадцать франков и забрал увесистую пачку газет, не сказав «спасибо».

Он миновал несколько уличных прилавков с едой, пиная ногами валяющиеся повсюду капустные листья и стараясь держаться середины узкого тротуара. Шедшие навстречу вынуждены были уступать ему дорогу, поскольку он был высок, крепкого сложения и шел, будто пехотинец, который никаких преимуществ за транспортом не признает и в бой идет под звуки марша. Несмотря на жару, он был одет поверх майки в короткую черную кожаную куртку и высокие шнурованные ботинки военного образца.

Он свернул направо в пассаж Сен-Дени — короткий мощеный проулок между построенными два века назад домами, которые, наверно, разом бы все рухнули, если вынуть из ряда какой-нибудь из них. Арендная плата за здешние магазинчики была ничтожной даже по сравнению с весьма скромными ценами на Фобур, где эта плата постоянно падала по мере того, как порнофильмы процветали и старые дома подвергались нашествию арабов, живших в Париже большей частью нелегально,— приличная публика покидала район.

В пассаже рыжий остановился возле четвертого магазинчика по левой стороне, вошел внутрь и закрыл за собой дверь, колокольчик при этом слабо звякнул. Вывеска над дверью гласила: «Чистка одежды», а ниже стояло — «Ремонт». В окне слева от двери было небольшое возвышение, на котором стояли деревянный стул и низкий стол. Лет сорок назад здесь целый день сидела работница, аккуратно штопая чулки. Мебель никто так и не потрудился убрать, хотя это нехитрое ремесло давно убито изобретением нейлона. В окне справа на длинной штанге висели в ожидании своих владельцев пальто, костюмы и платья с метками. В глубине помещения стучала и подвывала машина, ворочая одежду и наполняя пространство сладковатым запахом трихлорэтилена.

Старик в грязно-белом халате, сидевший за прилавком, кивнул вошедшему и нажал какую-то кнопку. Рыжий обогнул прилавок и открыл своим ключом дверь позади машины. Он оказался в маленькой комнате с единственным окном, расположенным высоко под потолком и не пропускавшим ни воздуха, ни света. Стосвечовая лампа без абажура беспощадно освещала убогое убранство комнаты и лица трех людей — девушки и двух мужчин, сидевших вокруг стола. Они разговаривали, но, когда он вошел, замолчали.

— Достал газеты? — спросила девушка.

Вошедший бросил пачку на стол и, не говоря ни слова, направился к низкому дивану. Трое за столом поделили между собой газеты и принялись листать, пробегая глазами столбцы объявлений. Девушке достался номер «Франс-суар». Она просмотрела первые три страницы и остановилась на четвертой, в конце первой колонки.

— Вот! — Ее голос был негромок, сдержан.— Слушайте.

Она прочла заметку в три строчки о том, что молодой мотоциклист Гвидо Ферри из Альфортвиля обнаружен без сознания около своего мотоцикла на площади Мобер и помещен в клинику Божон. Заголовок гласил: «Сбит молодой человек, водитель скрылся».

— Наконец-то. Какого черта они так долго не объявлялись?

— Что-то мне это не нравится,— сказал один из мужчин, он продолжал просматривать «Ле матэн».

— Не согласна.— Девушка говорила так, будто привыкла, что ей повинуются. Ее гладкие светлые волосы казались темнее у корней. Голубые глаза смотрели властно. Она была очень хороша: яркие губы, высокие, четко очерченные скулы, прямой красивый нос, стройная шея. Никакой косметики, только тени под глазами, будто она не выспалась. Ей было лет двадцать шесть.

Рыжий вытянулся на диване, раскинув ноги, и поскреб в паху. Зажженная сигарета повисла на нижней губе, окутав лицо дымом.

— Пидор чертов! — высказался он.— Не мог научиться сраный мотоцикл водить!

Девушка будто не слышала.

— Я к нему пойду,— сказала она.

— По-моему, не стоит, Ингрид,— возразил один из собеседников.— Слишком рискованно.

— Надо быть выше подобных рассуждений. Учись не оспаривать коллективных решений. Когда в больницах пускают посетителей? Я ведь просила узнать.

— С двух до четырех. Но все-таки...

— Вопрос снят.— Девушка взглянула на часы.— Половина двенадцатого. Теперь перехожу к сегодняшней акции. Жан-Поль, подойди сюда.

Рыжий лениво сполз с дивана и подсел к столу на свободное место. Откинувшись назад, он вытянул длинные ноги перед собой и принялся раскачиваться на стуле. Таким манером он выражал, что хоть он и согласился участвовать в обсуждении, но получать приказы от девчонки не намерен. Он снова почесал в паху и уронил пепел от сигареты себе на живот. В духоте маленькой комнаты от него воняло. Девушка на его действия не обратила никакого внимания.

— Виктор, ты оружие проверил?

Тот, кого звали Виктором, кивнул. Он был низенький и плотный, с густыми черными кудрями, сквозь очки в тяжелой оправе с толстыми стеклами глаза смотрели умно и будто удивляясь тому, что видят. Он заговорил с едва заметным южным акцентом:

— Я все-таки полагаю, что лучше взять автоматические револьверы. С ними проще обращаться и от них легче избавиться.

— И гораздо труднее попасть в цель,— саркастически добавила девушка.— Особенно если эта цель, как предполагается, движется метрах в десяти от тебя...

— А я не люблю «калашников»,— возразил Виктор.— Он может подвести. Русские — никуда не годные инженеры.

— А ты никуда не годный стрелок. Уж из «калашникова»-то и ты не промажешь, он бьет наверняка. Больше не обсуждаем, идет?

— Пожалуйста.— Виктор пожал плечами.— Но Серж согласен со мной. Правда, Серж?

— Я бы вполне обошелся девятимиллиметровым файербердом,— подтвердил Серж.— Девять выстрелов на большой скорости и точность отличная. Я много раз пробовал.

У него было бледное, с чистой кожей лицо, взгляд

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11, 12.

огромных — в пол-лица — глаз светился напряженной верой. Он говорил запинаясь, как человек, которому не свойственно высказывать вслух свои мысли.

— Берем «калашниковы»,— заключила девушка.— Так решили в штабе, значит, так и будет. Теперь перейдем к другим вопросам. Маскировка в порядке? Переодеваемся?

Все выразили согласие.

— А машины? — обратилась она к рыжему.— С ними все в порядке?

— Конечно.

— Кто проверял?

— Беранже. И я. Мы даже сраные свечи поменяли. А может, тебе новые моторы поставить? Так сразу и скажи.

Девушка потеряла терпение.

— Знаете что,— сказала она, ее высокие скулы чуть порозовели,— по-моему, вы все не понимаете политического смысла задания. Ведете себя, будто мелкие ремесленники, каждый самоутвердиться норовит, а нам-то нужны политические активисты с технической подготовкой, а вовсе не наоборот. Вас слушать просто смех и слезы. Ну так в чем политический смысл нашего задания?

Она помолчала, но и остальные не проронили ни слова.

— Я вам объясню, раз вы до сих пор не уразумели. Политическая цель — дестабилизация, слыхали об этом?

— Господи, Ингрид, да кто ж этого не знает? — произнес Виктор.

— Что-то не похоже, чтобы вы знали. Если бы вы это действительно по-настоящему усвоили, то понимали бы, что перед нами две задачи. Две, а не одна. Первая — посеять панику, вызвать потрясение, шок — называйте как хотите. А вторая — вот тут вам всем политического чутья и не хватает — это создать впечатление, что победить нас нельзя. Что все нами задуманное неизбежно будет выполнено. Общество должно почувствовать, что мы тут хозяева, что государственная машина перед нами бессильна и их не защитит. Это значит — у нас нет права на ошибку. Ни одного провала. Никогда. Вот что я имею в виду, когда говорю о политическом значении акции. И если один только «калашников» бьет наверняка, то им и надо воспользоваться, даже если тут больше риска для нас самих. Так что хватит молоть насчет того, как мы здорово стреляем из пистолета да как здорово разбираемся в машинах.

— Ты просто один риск заменяешь другим,— возразил Серж.— Мы, конечно, должны задание выполнить. Но как раз с «калашниковыми» можем его провалить. Ведь если машину потом задержат, это тебе не пистолеты, их не выкинешь. Это разве не риск?

— Штаб больше заинтересован в том, чтобы задание было выполнено, чем в твоей личной судьбе. Да поймите же вы, если мы его не прикончим, а просто раним, то эффект будет как раз обратный, ему все сочувствовать начнут. Нам нужен труп, а не раненый народный герой. Вы, главное, свое дело сделайте чисто, а что будет потом — не ваша проблема. Есть ведь специальная группа, которая отвлечет внимание местной полиции начисто, вам десять минут гарантировано на то, чтобы смыться.

— Столько и надо,— заявил Жан-Поль.— Вторая машина будет в двух минутах езды. Она, собственно, уже там. Поставлена отлично: ничто не помешает сразу выехать. Когда вы пересядете, так никто и знать-то не будет, за кем гнаться, кого искать.

— Жан-Поль прав,— подтвердила девушка.— Теперь сверим часы.

— Мы за ним наблюдаем три недели,— сказал Виктор.— Каждый понедельник он бывает на заседании партийного комитета в Венсане и возвращается оттуда домой на машине. Время возвращения колеблется: десять сорок семь, одиннадцать двадцать восемь и одиннадцать девятнадцать.— Он приводил цифры на память.— Мы думали, что выполнять поручение придется через пару месяцев. Если бы нам раньше сказали об этом задании, мы могли бы месяца два последить и знали бы точнее. Ну а теперь считаем примерно: где-то без десяти одиннадцать — половина двенадцатого. На месте надо быть в десять сорок.

— Лучше в десять двадцать,— предложила девушка.

— Риску больше.

— Зато больше шансов на успех!

Серж пожал плечами.

— А с нами считаться не надо, так, что ли? — спросил он язвительно.

— Вот именно,— согласилась девушка.— Все мы — лишь средство для достижения одной цели. И действуем во имя общего дела, во имя выживания нации, а не ради отдельных людей.

Жан-Поль прикурил сигарету от своего же окурка и бросил его в блюдце на столе, где он еще долго тлел. Он снова откинулся на стуле и уставился на грудь девушки, туго обтянутую майкой. Мысли его переключились. Как бы это ее трахнуть? На таких сборищах он всегда помирал со скуки, мелют без конца какую-то чушь насчет идеологии да пережевывают подробности — кому они нужны-то? Лучше бы предоставили дело настоящим специалистам — ему и Беранже. Чего эта телка смыслит в машинах или оружии? Заткнулась бы, а то раскомандовалась. Что ей надо — так это чтобы ее как следует...

— Жан-Поль, где стоит первая машина? — Она перебила его мысли еще одним дурацким вопросом.

— У Беранже, в его гараже и под замком. А ты где думала? У Елисейского дворца?

— А сам Беранже где?

— Может, в сортире, понятия не имею.

— Хватит тебе, Жан-Поль,— вмешался Виктор.— Мы же работаем всей командой. Уймись.

Девушка встала.

— Присмотри за своим приятелем, Виктор. Мне еще надо кое-что сделать, а потом я пойду в клинику. Ждите меня здесь, я буду самое позднее в половине четвертого. Перед акцией действуют наши обычные правила: никто никуда не выходит, не звонит. И не пьет. Договорились?

Остальные выразили согласие. Ингрид надела на плечо потертую кожаную сумку и вышла. Проходя через мастерскую, она кивнула человеку в белом халате.

— Жан-Поль доставляет много хлопот,— сообщила она.

— Да он хороший парень,— ответил тот.— Просто немного скандальный. Ты ему что-нибудь лестное скажи...

— Никогда и никому не льщу...

— А надо бы. Не мешает иногда немного вожжи отпустить...

— Если бы мы себе это позволяли, нас бы уже всех перебили,— возразила девушка.— Эх, если бы мы могли обходиться без этих скотов, без представителей славного французского пролетариата...

— Не можем же...

— С этим субъектом я больше никаких дел иметь не желаю.— Голос Ингрид прозвучал непреклонно.

Человек пожал плечами.

— В штабе с тобой, может, и согласятся. Но имей в виду — это лучший угонщик в Париже. И не напивается.

— От него воняет. Заставь его хоть ванну принять, раз уж он зубы не чистит.

Человек усмехнулся и покачал ей вслед головой, грохот машины поглотил слабое звяканье колокольчика.

Утром этого дня Альфред Баум сидел в кабинете Вавра и пил кофе с таким выражением, что шеф чувствовал себя неспокойно: ему давно было знакомо это выражение лица Баума, оно возвещало, что сейчас будет предложен некий хитроумный и скорее всего рискованный план действий. Подобные свои идеи сам Баум величал мистификациями, а Вавр отзывался о них как о грязных трюках. Нечего особенно стесняться, когда имеешь дело с противником, начисто лишенным совести,— так полагал Баум. Однако ответственность-то нес Вавр, и именно ему в случае неудачи пришлось бы отчитываться перед начальством. Это, естественно, усиливало его природную осторожность.

— Вы ведь согласились с президентом, что главное сейчас — это секретность? — говорил Баум.

— Разумеется!

— То есть о происходящем не должен знать никто — ни те, кого мы разыскиваем, и ни кто-то другой. По крайней мере пока преступник не обнаружен, а, возможно, и после этого.

— Согласен.

— Мы-то с вами знаем, что наши хозяева предпочтут похоронить такое дело в архивах. Найти виновного и упрятать концы в воду.

Вавр кивнул и перевел взгляд на фотографии в рамках, к которым Баум сидел спиной,— на одной был изображен генерал де Голль, на другой — нынешний президент. Пока ничего не было сказано такого, что могло бы их взволновать.

— Мой маленький план,— продолжал Баум,— исходит именно из этого...

— Каждый раз, когда речь заходит о «маленьком плане», Альфред, я начинаю тревожиться, не погонят ли меня со службы, да и тебя заодно.

Баум ухмыльнулся и стал необыкновенно похож на хомяка.

— Должен признаться, что некоторый риск тут есть.

— Выкладывай!

— В общем-то все просто. Я хочу, чтобы эти люди вновь завладели конвертом и доставили его по назначению.

Вавр заерзал на стуле и простонал:

— Господи, ты что, с ума сошел?

— План, может, и смелый, но уж никак не безумный. Я тут вижу только два пути. Один — начать расследование в министерстве обороны и среди членов Комитета обороны вместе с их персоналом. В конце концов десятка два среди высших чинов в министерстве обороны и в других министерствах имеют доступ к этим бумагам и теоретически могли бы снять лишнюю копию. Но это означает, что на какой-то стадии дело попадет в руки должностных лиц, ведущих проверку, и уж тут-то от прессы не спрячешься, а к тому времени мы, возможно, виновного еще не обнаружим. И попадем под обстрел — и мы, и правительство. То есть произойдет именно то, чего хотел бы избежать президент. Стоит только намекнуть Пеллерену, что мы собираемся побеседовать с его подчиненными, как в тот же миг эта опасность становится реальной.

— Это точно. В кабинете министров не больше солидарности, чем на арене для петушиного боя.

— Так лучше действовать по-другому. Если мы будем иметь дело с людьми более низкого ранга, попробуем заставить их выдать себя. Допросы таких людей, кто бы они ни были, шума в прессе не наделают.

— Ты имеешь в виду этого парня в больнице?

— Если он скоро очнется. Врачи сомневаются — такие пациенты могут находиться в состоянии комы иной раз неделями. И даже когда он придет в себя, на него первое время особо не надавишь.

— Итак?..

— Итак, мы должны заняться теми, кого можно спокойно, без шума допросить — они могут нас вывести на того, кто все это организовал...

— Но если секретные данные окажутся у Сейнака или еще у кого-нибудь, это ведь тоже риск.

— Документы мы заменили. Но бумага и конверт идентичны, почерк на конверте скопирован абсолютно точно. А насчет самих документов — тут уж ребята поработали. Машинописный шрифт от того не отличишь — у нас есть разные протоколы и другие документы на бланках министерства обороны, которые ничего важного не содержат, но могут кому-то показаться интересными. Текст я сам составил, мне помогал Алламбо, он в этом здорово разбирается. Вы его сами посмотрите и сличите с оригиналом. Может, конечно, случиться, что тот, кто знает первоначальный текст, перед отправкой вздумает распечатать конверт и проверить. Но такой шанс, по-моему, невелик.

— Ну и получит Сейнак эти данные. А дальше что?

— Дальше? Если нам повезет, так он постарается их кому-то передать. Установим за ним круглосуточное наблюдение, чтобы выследить его контакты с советскими, это в любом случае полезно. Но если мы хотим обойтись без скандала, то и это не обязательно.

Вавр молчал, разглядывая собеседника. От него не укрылась искорка в глазах Баума и чуть заметная улыбка в уголках его губ.

— Рискованно,— вздохнул он.

— Да не так уж рискованно. Но хотите — предлагайте другой план, если он у вас есть. Только не забудьте, что на той копии, которая попала к нам, стоят инициалы Г. М. Сами пойдете к нашему приятелю Ги Маллару? Или мне пойти? Проводить расследование среди персонала нашего собственного начальника, в собственном министерстве! Он и так-то всех своих сотрудников ненавидит, а самомнение какое! Будет он соблюдать секретность или хотя бы разумно себя вести?

— Да черт с ним, не тяни, говори, что придумал,— заторопил его Вавр.

Баум протянул ему папку.

— Вот почитайте, потом вызовите меня. Тут настоящий текст и фальшивый. По-моему, мы неплохо поработали.

Воротясь к себе, Баум по внутреннему вызвал человека, которого посылал искать свидетелей происшествия на площади Мобер. Когда тот явился, он ему даже сесть не предложил:

— Ну?

— Двоих нашел — выскочили из соседнего кафе сразу, как парня сбили. Машину не разглядели — говорят, что вроде «симка-пикап», на большой скорости ушла к бульвару Сен-Жермен. Номера не видали.

— А как все случилось, никто не видел?

— Нет, но мы с напарником поболтаемся еще там сегодня. Может, кто из прохожих видел...

— Возьми с собой еще троих, они могут понадобиться. Скажи дежурному, что это я распорядился.

Телефон зазвонил, Баум снял трубку.

— Докладываю из клиники.— Это был голос Лиона.

— Что-нибудь новое?

— Он по-прежнему без сознания. Я только что сменил напарника, который дежурил всю ночь. Он говорит, все было тихо.

— Слушай внимательно. Я тебе тут попозже пришлю конверт. Ты его положишь в кожаный рюкзак, который находится в комнате у Ферри, среди его вещей. Понятно?

— Понятно.

— Это очень важно, старина, это самое главное — как котлета в сандвиче. К Ферри может кто-нибудь прийти в приемные часы. Никого не пускать. Пусть скажут, что сегодня видеть его нельзя, доктор не разрешает, но завтра в то же самое время можно его навестить. Понял?

— Понял, шеф.

— За посетителем, когда он выйдет из клиники, следить. Но если он заметит слежку, всех уволю, начиная с тебя, дружище. Дошло?

— Дошло. Но нас здесь всего четверо.

— Я пришлю машину с людьми. Ты старший. Расставь их вокруг больницы. И кто-то пусть будет пешком. Ну, тебя учить не надо, правда ведь?

— Конечно, шеф.

— Вот и хорошо. Желаю удачи. Пивом угощу, если дело выгорит. Но запомни — лучше вы его упустите, чем он вас заметит.

— Запомнил, шеф.

Зазвонил внутренний, и Баум снова поднялся на два этажа к Вавру.

— План принимаю.— Вавр вернул папку.— Но под твою ответственность. Я этого не видел. В случае чего скажу, что ты превысил свои полномочия. Я не смогу тебя прикрыть, Альфред.

— Понимаю. Я бы на вашем месте поступил точно так же.

ГЛАВА V

В четверть третьего из автобуса, остановившегося метрах в трехстах от клиники Божон, вышла блондинка и направилась к главному входу, внимательно приглядываясь к машинам, стоящим вдоль улицы. Она шагала легко, как и подобает спортивной молодой женщине, но при этом не выделялась из толпы: в Париже сколько угодно привлекательных длинноногих блондинок в тесно облегающих джинсах и майках.

В холле она направилась к справочному окну, за которым сидели двое мужчин в форменных халатах.

— Я хотела бы навестить одного человека,— обратилась она к тому, что помоложе.

— Имя, пожалуйста.

— Гвидо Ферри.— Она произнесла это очень внятно.

— А ваше имя?

— Адриенна Ферри. Сестра.

— Какая палата?

— Не знаю.

Служащий посмотрел списки. Потом поднял глаза на посетительницу. Его компаньон в это время рылся в ящике стола и, не находя того, что ищет, что-то ворчал сквозь зубы.

— Ферри в реанимации,— сообщил молодой человек.— Туда нужно специальное разрешение.

— Но я же его сестра, я только что узнала... Мы так беспокоились. Пожалуйста, помогите мне его повидать.

— Пойду возьму другой штемпель, черт бы его побрал. Побудь без меня,— сказал второй служащий и, встав из-за стола, вышел в холл. На полдороге он почесал правое ухо; человек с портфелем, ждавший кого-то у дверей, ответил незаметным кивком и вышел на улицу.

— Попробую помочь вам, мадемуазель,— сказал молодой служащий и взялся за телефонную трубку.— К Ферри сестра пришла. Нельзя? Она настаивает. Понимаю. Ладно, передам.

— Очень жаль,— повернулся он к блондинке.— Разрешение лечащего врача обязательно, а его сегодня уже не будет. Палатная сестра сказала, что завтра она с ним поговорит и если вы придете в это же время, то сможете пройти.

— Неужели другой врач не может дать разрешение? — Девушка явно встревожилась.— Это же просто бюрократизм! Если я наверняка могу повидать Гвидо завтра, так почему же сегодня не проявить гуманность? Хоть на минуту!

— Мне очень жаль, мадемуазель,— повторил молодой человек.— Это не в моей власти.

Уж очень она была хороша, он бы с радостью ей помог. Но правила есть правила, да, кстати, сегодня утром он получил дополнительные инструкции насчет этого Ферри. Интересно, с чего бы это? Он испытывал искушение рассказать об этом девушке, пусть знает, что он абсолютно ни при чем, но тут

вернулся второй со своим штемпелем — его только час назад сюда посадили, интересно, откуда он взялся? И молодой человек передумал.

— Очень жаль,— еще раз повторил он.— Боюсь, что все-таки придется вам прийти завтра. Я уверен, что завтра вы повидаете брата. Но палатная сестра попросила, чтобы я записал ваше имя и адрес, потому что больше никто из родственников о нем не справлялся.— Он взял бланк и протянул ей:

— Пожалуйста, заполните — вот здесь.

Посетительница, похоже, занервничала. Может быть, из-за того, что не удалось повидать брата. Странно: она начала оглядываться, будто искала кого-то. Потом достала из сумки шариковую ручку и быстро нацарапала на бланке адрес и имя, поставив в графе «телефон» прочерк.

— Благодарю вас,— сказал служащий.— Право, жаль, что так вышло.

Девушка, казалось, заколебалась, не попросить ли его еще раз, но, пожав плечами, круто повернулась и направилась к стеклянной двери. У входа стоял закрытый фургон. Как только она появилась на ступеньках, заработала автоматическая фотокамера, объектив был вмонтирован в боковую стенку.

— Поймал,— сказал оператор.— Блеск.

— Что блеск — снимки?

— Да нет, девчонка. И то, и другое.

Человек в синем комбинезоне с ящиком, в котором носят инструменты, вышел из здания и повернул налево вслед за девушкой, держась за нею метрах в пятидесяти. На противоположной стороне улицы мотоциклист вскочил в седло и медленно поехал в том же направлении. Как только она свернула за угол к автобусной остановке, стало ясно, что машины у нее нет. И тогда из автомобиля, стоящего поблизости, вышли двое мужчин и направились к той же остановке, громко обсуждая какие-то свои дела. Тот, в комбинезоне, уже ждал автобуса. Все это выглядело абсолютно естественно, был послеобеденный час, когда народу на улице всегда порядочно, на девушку никто и не смотрел.

Через несколько минут подошел 73-й. Она не выказала никакого интереса. «Значит, ждет 192-й»,— сказал себе молодой человек, недавно приехавший из Нанта,— это он был в комбинезоне, ящик у него был довольно тяжелый, к тому же проклятая жара. Но в тот момент, когда автобус тронулся, девушка вдруг метнулась ко входу и забарабанила в дверь. Водитель, конечно, никому бы не открыл, разве что очень красивой девушке, но это так именно и было. Дверь открылась, девушка поднялась в автобус. Молодому человеку из Нанта пришлось соображать быстрее, чем он привык. Если вскочить следом — ей сразу станет ясно, что за ней следят. Но ни при каких обстоятельствах преследуемый не должен об этом догадаться. Лучше уж пусть уйдет, чем что-нибудь заподозрит,— так предупредил Леон. С другой стороны, как он будет выглядеть, когда придется докладывать, что чертова девка перехитрила его и ушла из-под носа? У тех двоих, что с самым серьезным видом обсуждали на ходу свои дела, шансов не было никаких. Значит, он — и никто другой...

— Эй,— крикнул он водителю.— На Клиши этот номер идет? Или сто девяносто второй?

Водитель мотнул головой: садись, мол. Сыщик вскочил уже на ходу, надеясь, что девушка все слышала: вопрос ведь прозвучал вполне естественно. Он был горд собой и еще целые две минуты пребывал в этом приятном состоянии, пока до него вдруг не дошло: если девушка сойдет, не доезжая бульвара Клиши, то и ему придется как-нибудь незаметно сойти. А если она проедет дальше, и он тоже — это ее насторожит. Она вон какая хитрая. Ловко она вскочила в автобус в последнюю минуту — ясно, что избавляться от хвоста умеет. Гнетущее чувство неудачи навалилось на него, но тут сквозь заднее стекло он рассмотрел две знакомые машины: сопровождают автобус! Если он ее и упустит, то ребята перехватят...

Через две остановки она поднялась с места и встала у выхода. Он испугался, что сейчас она выйдет, а ему придется ехать дальше. Но в любом случае он же не может сойти раньше бульвара Клиши. Она тут же догадается! Ничего не поделаешь, руки у него связаны. Вот, ей-Богу, несчастье! Хорошо еще, что обе машины держатся неподалеку, по очереди то обгоняют автобус, то позволяют ему себя обогнать. Видно, переговариваются по рации...

— Бобр — Леопарду. Твоя очередь обгонять.

— Леопард — Бобру. Ухожу вперед, метров через триста уменьшу скорость.

— Бобр — Леопарду. Если она сейчас сойдет, Жако выходит из твоей машины, а Марк из этой, преследуют ее пешком. Повторяю инструкцию: лучше ее потерять, чем дать что-то заметить.

На следующей остановке девушка выпрыгнула из автобуса и поспешила через улицу к станции метро Луи Блан, лавируя между идущими автомобилями.

— Леопард — Бобру. Она сошла. Переходит улицу. Похоже, идет к метро. Жако пристроился вслед, Марк выходит из машины. В метро действуйте по инструкции.

Девушка подошла к входу в метро и, не оглядываясь, побежала по ступенькам вниз. Марк замешкался с мелочью у билетной кассы, чтобы увидеть, на какую платформу она пойдет. Налево, к поездам, идущим в направлении Порт Итали. Он мгновенно оказался на той же платформе и встал рядом с ней. Но поезд подошел, а она сделала то, чего он опасался: не тронулась с места, потом уселась тут же на скамью. Выбора у него не было: пришлось войти в вагон. Ну и ловка! Но сейчас подойдет Жако и увидит ее.

Жако, грузный человек средних лет, был отнюдь не создан для преследования молодых женщин по всему Парижу в этакую жару. Он добрался вниз как раз в тот момент, когда отошел поезд в сторону Порт Итали, выбрав именно эту платформу случайно — ему показалось логичным, что девица поедет от центра. Выйдя на платформу, он обнаружил ее в дальнем конце: сидит себе на скамейке. Марка не видно, стало быть, вся ответственность теперь на нем, от остальных хитрая бестия сумела избавиться. Радоваться тут нечему: вон она какая долговязая, не угонишься. Хорошо хоть, он с платформой не промахнулся. Может, и дальше повезет...

Он поступил, как и Марк: остановился посреди платформы и стал ждать. Поезд подошел, девушка поднялась и вошла в вагон. Он бросился в соседний и, став поближе к дверям, взмолился об удаче.

Следующая станция — Шато Ландон. Двери отворились. Девушка не выходит, ему виден ее затылок, она сидит по движению. Следующая станция — Восточный вокзал. Там пересадка, всегда уйма народу. Паршиво, если она выйдет: в толпе он ее потеряет. Черт, если бы кто-нибудь его подстраховал! Может быть, Марк уже там, и они смогут снова действовать сообща? Ну, а если она не выйдет? В переполненном вагоне поди успеди...

Поезд остановился, девушка выскочила. Несколько шагов к выходу, вверх по лестнице через две ступеньки — все это стремительно — и она скрылась в туннеле, который ведет на другую линию. Задыхаясь и уже не веря в удачу, Жако неуклюже спешил за ней по плохо освещенному пустому переходу, но на повороте потерял ее из виду. К тому же за поворотом оказалась развилка, как тут угадаешь, куда она свернула? Он снова выбрал наудачу. Чертов Марк, куда он задевался?

На сей раз он не угадал, а, может, она просто скрылась в толпе — во всяком случае, через пять минут Жако понял, что дальше искать ее бессмысленно. Маленькая сучка смылась, оставив их всех в дураках. С несчастным видом он поплелся искать телефон.

А девушка между тем вышла из метро, пересекла площадь и теперь неторопливо шагала по улице Фобур Сен-Дени, то и дело проверяя по отражению в стеклах витрин, не следит ли кто за ней. Перед пассажем Сен-Дени она обернулась в последний раз и, свернув за угол, пробежала несколько метров до химчистки.

У двери она перевела дух. Это очень важно — всегда казаться спокойной. Моральное состояние — один из трех самых важных факторов в подпольной деятельности. Первый — это идеология, потом — моральное состояние и наконец — техника. Клаустрофобия действует на нервы. Когда постоянно рискуешь, когда проводишь все время с одними и теми же людьми, нервы напряжены, того и гляди сорвешься — отсюда раздражительность, дурацкое соперничество, паранойя. Часто накатывает тошнотворный страх. А лидер обязан подавать пример. Быть всегда спокойным. Всегда объективным. Подавлять в себе все личное ради общего дела. Вступать в контакт с такими товарищами, к которым в других обстоятельствах и близко бы не подошел. С такими, которые мало что смыслят, вроде Жан-Поля. Он ненадежен, распущен, неуправляем. Что-то надо с этим делать, и побыстрее.

Собравшись внутренне, она вошла в комнату.

— Ну? — спросил Серж.— Как прошло? Видела его?

Она покачала головой.

— Без проблем, но увижу его только завтра. Он в реанимации.

— Поправится?

— Не знаю. Завтра врач скажет.

— Господи, надо же так облажаться!— воскликнул Жан-Поль.— Такую простую операцию провалил!

— Вообще странно,— сказал Серж,— он такой осторожный ездок, никогда не рискует. Потому его, собственно, и послали.

Ингрид пожала плечами.

— Завтра посмотрю, у него ли конверт. Насколько можно судить, никто ничего не заподозрил. Я на обратном пути проверяла — хвоста не было.— Она посмотрела на часы.— Мне пора. Я переоденусь.

Она достала из шкафа бледно-желтую блузку, коричневую юбку и туфли на каблуках. Потом открыла тумбочку возле шкафа — там лежали парики. Выбрала темный, с локонами до плеч. Не стесняясь присутствием мужчин, скинула майку и джинсы. На ней оказались только трусики. Жан-Поль беззастенчиво разглядывал ее, остальные отвели глаза. Жан-Поль сказал себе, что эта сука нарочно дразнит мужиков, ни в грош их не ставит. Но ничего, он ей покажет...

Девушка оделась, перед зеркалом на стене надела парик, заправив под него свои короткие светлые волосы. Подвела глаза, накрасила губы — теперь узнать ее было невозможно. Потом переложила содержимое старой кожаной сумки в аккуратную маленькую, черную. Револьвер едва влез, сумка закрылась с трудом.

— Я пошла,— сказала она.— Буду в штабе. На сегодня намечены две операции в Париже и несколько в провинции. Счастливо!

И она вышла через мастерскую, кивнув на прощание человеку в халате.

В этот вечер, в понедельник, 10 августа, произошли следующие события. Где-то около половины десятого красивая элегантная женщина в темных очках подошла к справочному окошку в холле Национального центра радио и телевидения на площади Клеман Адер и сказала, что ей нужен Поль Моранж, телекомментатор. Его как раз не было в кабинете, и она попросила, чтобы его вызвали. Ей велели подождать, она села на один из стульев, стоявших вдоль стены. При себе у нее были сумочка и небольшой портфель.

Через несколько минут дежурная подозвала ее, и она подошла, оставив портфель возле стула в таком месте, что увидеть его мог только тот, кто сел бы на этот стул.

— Господина Моранжа не будет, он уже ушел.

— Спасибо, позвоню ему домой.

Женщина вышла из здания, завернула за угол на улицу Ренуар, там села в машину, сняла темные очки и уехала по направлению к центру.

В десять уборщица, осматривая, как обычно, помещение, обнаружила портфель и отдала его дежурной:

— Смотри, какой-то растяпа забыл. Спрячь его, Жанин.

Дежурная удивилась: надо же! Портфель оказался на удивление тяжелым.

— Похоже, там книги. Если только не...

В этот миг стрелка часового механизма, запрятанного в портфеле, коснулась заданной точки, замкнув простую электрическую схему и включив детонатор. Страшная начинка сработала: уборщица и дежурная были убиты на месте, буквально разорваны на куски. В холле, кроме них, никого не было, но пострадали четверо прохожих, когда рухнула стеклянная стена фасада здания со стороны улицы. В холле, полностью разрушенном, выключился свет.

...В 10.15 к дому № 18 на улице Жасмен подъехал «фольксваген». Двое в машине остались сидеть, будто не замечая на стене дома табличку «Стоянка запрещена». Здесь, в десяти минутах езды от телецентра, был отчетливо слышен истошный вой полицейских и пожарных машин, спешивших на площадь Клеман Адер.

В 10.28 какая-то машина заехала на улицу Жасмен, водитель намеревался свернуть во двор дома № 18, но, обнаружив, что дорога загорожена «фольксвагеном», включил фары. Однако тот не двинулся с места. Водитель нетерпеливо посигналил — никакой реакции. Тогда он вылез, не выключая мотор, и направился к чужой машине. Серж, выставив ствол «калашникова» в открытое окно, прошил его очередью, целясь в грудь и в голову. Тот упал, «фольксваген» рванул с места и на полной скорости скрылся.

— Конец ублюдку,— проговорил Серж. Он улыбался в темноте, пока Виктор, сидевший за рулем, выкручивал руль на поворотах.— Мне понравилось.

Он слегка дрожал и, как всегда, после акции ему срочно требовалось опорожниться. Хоть бы на этот раз не обделаться. Он старался переключиться мыслями на какую-нибудь постороннюю тему, но не получалось.

Миновав еще два перекрестка, «фольксваген» остановился на улице Базен, его пассажиры, пряча под локоть завернутые в тряпки автоматы, пересели в «рено», заблаговременно оставленный незапертым, и двинулись к реке. Было 10.30. Спустя несколько минут, когда соседи выбежали посмотреть, что случилось, человек на улице Жасмен умер: две пули в легком, одна в горле, еще одна — в голове.

В тот же вечер взорвались бомбы в Бресте и Дуэ. Первый взрыв произошел в дорогом ресторане, где часто ужинали семьями местные богачи. Четырнадцать человек было убито и ранено...

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА.

Около полуночи президент республики позвонил домой префекту полиции. Не такое у него было расположение духа, чтобы соблюдать протокол,— он действовал через голову премьер-министра и Ги Маллара.

— Новости слыхали? — спросил он, не тратя времени на приветствия.

Префект весь вечер провел с женой, выполняя светские обязанности, по поводу которых у нее было множество амбиций, и вернулся только что. Дежурный из префектуры весь вечер безуспешно звонил ему и собирался набрать номер еще раз, но тут к префекту дозвонился президент.

— Какие новости вы имеете в виду, господин президент?

— В телецентре взрыв, Аристид Лаборд убит, а вы спрашиваете, какие новости!

— О Господи! Меня не было дома, я как раз...

— Не имеет значения.— Президент его не дослушал.— Немедленно приезжайте сюда, в Елисейский дворец. Жду от вас объяснений, почему мы не можем защитить парижан от этих маньяков.

— Еду.

Префект обернулся к жене:

— Это президент. Снова взрывы — чертовы эти обезьяны вышли на военную тропу.

Он позвонил дежурному, выслушал краткий отчет о происшествиях и спустился к своей машине.

Тем временем президент вызвал премьер-министра, который, явившись, застал его в отвратительном настроении. Он был убежден в полной, мягко выражаясь, некомпетентности министра внутренних дел и префекта полиции и решил возложить ответственность за случившееся на них. Для официальной версии это вполне сойдет и поможет объяснить обществу, почему столь слабо ведется борьба с террористами, которые держат в страхе и напряжении всю страну.

Те, кто нападал, будто задумали разрушить истеблишмент — бомбы взрывались в конторах предпринимателей, в банках, престижных ночных клубах, телевизионных центрах, в полицейских участках и даже однажды в дорогом парикмахерском салоне, услугами которого пользовалась жена президента. Правда, нынешнее убийство известного коммунистического деятеля вроде бы смазывало картину, но общая тенденция, без сомнения, прослеживалась. Похоже, что левые экстремисты с их презрением ко всему, что исходит от властей, вернулись к политике физического уничтожения, столь любимой их итальянскими и западногерманскими единомышленниками. Больше всего беспокоило президента не то, что разрозненные группы юнцов, чьи головы напичканы дурацкой идеологией, добьются успеха, а то, что их действия могут спровоцировать классическую реакцию: откат вправо, ужесточение власти, стремление любой ценой добиться порядка, усиление полиции, церкви — все эти силы только того и ждут.

Сам президент был истинным республиканцем — как всякий политик, он не был свободен от амбиций, от стремления блюсти собственную выгоду, но при этом всегда оставался республиканцем и французским патриотом. Он доказал это еще в молодости, во время нацистской оккупации. И он не отдаст страну во власть маньяков — будь то правые или левые. Сохранит нынешний — пусть шаткий, пусть нескладный, но все-таки разумный и цивилизованный центристский режим. Но пока против террористов не предпринято ничего, абсолютно ничего.

Когда префект полиции вошел в приемную Вэллата, там уже собрались министр внутренних дел, мэр Парижа и министр связи и информации. Все молчали, чувствуя себя нашкодившими юнцами, которым сейчас предстоит взбучка от учителя.

— Пройдите к президенту, господа.— Вэллат проводил их в соседнюю комнату. Президент уже сидел за столом. Он не поднимал глаз, будто ему неловко было находиться здесь. На чьей он все-таки стороне? Ветхая конституция Франции постоянно требовала ответа на этот вопрос.

— Полагаю, нет смысла спрашивать префекта полиции относительно сегодняшних событий,— начал президент недовольным голосом.— Он ничего не знал, пока я ему сам не рассказал по телефону.

Это было несправедливо, но префект счел за лучшее промолчать.

— Может, вы, Маллар, в курсе? Все-таки вы министр внутренних дел.

Ги Маллар был не просто в курсе: он прочел сводки о вечерних событиях, весь вечер пытался дозвониться префекту, разыскивал по телефону директора радио и телевидения и решил отложить все до утра. Звонок президента застал его за шахматной партией с приятелем. Он полагал, что префект уже занялся всем этим делом. И ошибся, выходит.

— Я не в курсе,— признался он.— Был занят весь вечер.

— Я тоже,— язвительно сказал президент.— Но все же сообщу вам, господа, то, что должен был бы услышать от вас.

Перед ним уже лежали сведения из префектуры, пожарного управления Парижа и из отдела новостей телевидения, которые собрал по телефону неутомимый Вэллат.

— В телецентре двое убитых, четверо раненых. Через десять минут после этого взрыва возле своего дома застрелен Аристид Лаборд, убийцы скрылись. В двух кварталах от его дома обнаружена брошенная машина,— возможно, они приехали на ней. Больше никаких следов. Эти сведения я получил из вашего ведомства, господин префект, хотя можно и усомниться в их достоверности. Мне кажется очевидным, что эти события связаны между собой. Согласитесь, устроить взрыв за десять минут до тщательно спланированного убийства — неплохой способ отвлечь внимание полиции и предоставить убийцам шанс благополучно скрыться.

Он обвел глазами сидящих за столом. Наступило долгое молчание.

— Не собираюсь сейчас обсуждать то, что случилось в других местах,— я убежден, что все события носят политический характер, что это изощренная и хорошо продуманная кампания. Заняться этим должно все правительство. В данный момент мы говорим только о Париже — тут жить стало опасно, положение невыносимо, господа!

Президент грохнул по столу тяжелым кулаком и обвел присутствующих тем тяжелым взглядом, который, благодаря телевидению, был знако́м не только членам правительства, но и всей стране.

— Полиция показала свою полную беспомощность,— продолжал он.— Министерство внутренних дел тоже. Правительству придется принять самые серьезные меры.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—13.

При слове «правительство» премьер-министр почувствовал, что пора ему что-то сказать. Свой пост он получил не без помощи президента республики, подразумевалось, что он станет его правой рукой, не претендуя при этом на самостоятельный образ мыслей, потому теперь он спешил поддержать президента. Но одновременно ему хотелось сохранить видимость порядка и согласия в кабинете. Это было отнюдь не просто и не особенно удавалось раньше. Он с нетерпением ждал окончания срока своих полномочий, оставалось всего три месяца. Но жизнь продолжалась...

— Дорогие коллеги, невозможно не согласиться с оценкой событий, данной господином президентом,— вступил он.— Если бы я сегодня вечером не был на приеме у президента Габона, я счел бы своим долгом заняться этим делом сам. И однако...

Никто не перебивал его, президент не выказал никакого интереса к тому, что у премьер-министра имеется алиби... Он умолк.

— Я не идиот, чтобы предполагать, будто подобная встреча может чему-либо способствовать, да еще ночью, без надлежащей информации и подготовки. Но премьер-министр и я — мы созвали вас сейчас, чтобы провести утром, в девять, совещание, куда, я рассчитываю, вы придете с четкими, продуманными предложениями относительно того, как оживить борьбу с террористами, которая до сих пор велась кое-как. Разве не так, господин префект?

— Я бы этого не сказал, господин президент.— Вид у префекта был чрезвычайно расстроенный.

— Значит, меня неправильно информировали,— сказал президент.— И многих удалось арестовать?

— Нескольких. Но, правда, это ни к чему не привело.

— Вот я и говорю — кое-как.

Префект пожал плечами:

— Утром я представлю полный отчет.

— Я бы хотел получить также сведения о моральном состоянии общества в связи с происходящим.

Это относилось к министру информации и мэру. Премьер-министр сделал вид, будто записывает что-то на случай, если ему вдруг изменит память. Министр внутренних дел не присоединился ни к кому, как бы не желая петь с ними в унисон. Ни к чему поднимать волну. Грязь прилипчива, чуть двинулся — и испачкался.

— И следует принять незамедлительные меры для охраны наиболее уязвимых объектов, хотя, признаться, никогда бы не подумал, что в группе риска окажется Аристид Лаборд.

Остальные снова молча согласились, президент встал и вышел, оставив премьер-министра на растерзание.

— Итак, до завтра, господа,— произнес Вэллат.

ГЛАВА VI

В девять утра министры собрались снова. А Баум в это время уже сидел в кабинете своего шефа. Президент все еще пребывал в настроении, опасном для окружающих, душевное состояние Жоржа Вавра было не лучше: его терзали недоверие к эксцентрическим методам Баума и мрачные предчувствия относительно их последствий. Зато сам Альфред Баум, устроившись с папкой бумаг на кончике одного из неудобных стульев в начальственном кабинете, являл собой воплощенную самонадеянность и прекрасное расположение духа.

— Так сложно, так рискованно, не люблю я эти выкрутасы,— тянул Вавр.— Ты же знаешь, Альфред, что простые методы расследования дают результаты быстрее всего. Самое надежное — поднять архивы да допросить кого надо...

— Совершенно согласен,— отозвался Баум.— Но раз уж мы отказались от мысли допрашивать членов Комитета обороны — и правильно сделали, я уверен,— то тем самым мы отказались и от надежды на простое решение. Значит, единственное, что нам осталось,— это мистификация. Я понимаю, что вам подобные методы не по вкусу.— Он усмехнулся и покачал головой, как бы говоря, что пугливое отношение Вавра к обходным маневрам несколько смешно.

— Ну так как поступим, Альфред?

— Конверт вместе со всеми вещами молодого человека уже в палате,— объяснил Баум.— У нас есть отличные снимки женщины, которая приходила к нему, назвалась его сестрой и оставила фальшивый адрес. Вчера мои люди ее упустили, но сегодня она от нас не скроется. Неудача пошла даже на пользу: мы приготовились как следует.

— А если все-таки она ускользнет?

Отвечать Баум не стал. Он составил план действий и на случай провала, но не хотел пока раскрывать свои карты. Если затеваешь дело, которое пугает твоего начальника, да, по правде сказать, и самому страшновато, то лучше уж посвящать его во все планы постепенно. Последовательно, одну за другой снимать оболочки, вроде как лук чистишь; на сегодня сказано достаточно.

— Не беспокойтесь, шеф,— сказал он.— Сеть сплетена прочная, девчонка не проскочит.

Вавр нехотя согласился, спросил:

— Что еще?

— Есть сообщение от одного из моих людей, которых я посылал на площадь Мобер. Прошлой ночью он там разыскал человека, который все видел и утверждает, будто фургон сбил мотоциклиста нарочно. Но официально подтвердить не соглашается. Говорит, на суде бы не поклялся. Поищем доказательств этого странного факта, а я пока откладываю его на потом.

При его сходстве с хомяком легко можно было представить факты, спрятанные у него за щекой, будто орехи.

— Мне звонил Вэллат,— вспомнил Вавр.— По поручению президента. Спрашивал, как движется дело. Я сказал, что движется. Ну и что он может доложить президенту? Пока докладывать нечего. Так когда же мы сможем доложить о ходе расследования? Скоро,— так я ему ответил. Я прямо-таки почувствовал, как он позеленел от злости на том конце провода, он копирует президента — его нетерпение и раздражительность. Альфред, надо спешить!

— Я знаю, знаю! Сегодня же начинаем действовать.

Совещание у президента закончилось быстро и не дало ничего путного. Префект полиции доложил о двадцати семи инцидентах, случившихся в столице за последнее время, и высказал убеждение, что по всем признакам это дело рук левых экстремистов вроде группы Баадер — Майнхоф. Ответственность за некоторые из них взяли на себя какие-то подпольные организации, причем ни одна из них не была ранее известна. К сожалению, пока никаких версий. Конечно, это печально, однако он рассчитывает на спецподразделение по борьбе со взрывами; персонал его удвоен за счет опытных инспекторов и сотрудников юридического отдела в полном составе.

На вопрос о взрывных устройствах он ответил, что, судя по осколкам, они изготовлены вручную, скорее всего в какой-нибудь маленькой мастерской. По всей вероятности, во Франции, хотя не исключено, что и за границей. Известно, что террористов снабжают оборудованием в Голландии, Швейцарии, не говоря уж о средневосточных странах. Там хоть и за большие деньги, зато без хлопот можно приобрести взрывчатку и огнестрельное оружие. Если, конечно, все это не украдено. Хотя последнее время сигналов о кражах со складов или из магазинов, торгующих оружием, не поступало. Странно также, по его мнению, что ни одно из последних крупных ограблений не совершалось с помощью бомбы. Обычно волну взрывов террористы начинают с ограбления банка, чтобы добыть таким образом деньги на покупку оружия и содержание банды в тот период, пока она действует. Но в данном случае все иначе. Видимо, у террористов имеются другие источники.

— Где могут находиться эти источники?

— Ливия, Сирия...— Ответ прозвучал неопределенно.

— Вы хотите сказать, что поскольку опасность пришла из-за рубежа, то делом надлежит заняться контрразведке?

Префект, всегда ревниво отстаивавший прерогативы собственного ведомства, заметил свою ошибку.

— Нет, нет, господин президент. Я просто строил догадки. Можете быть уверены — я обращусь к Жоржу Вавру, если появится необходимость.

Президент не возразил, лишь записал что-то в блокнот, лежавший на столе.

— Еще одна особенность нынешней кампании,— продолжал префект,— необычно высокий технический уровень исполнения. Во время подобных акций в других странах, например, в Италии и Западной Германии, попытки иной раз не достигали цели: бомбы не взрывались или взрывались слишком рано. А во Франции все срабатывает безукоризненно. Видимо, действуют первоклассные специалисты, и у них железная дисциплина. Похоже, они проходили подготовку в Ираке или в Ливии.

Префект продолжал излагать все, что знал, о самых тревожных точках, связанных с международным терроризмом. Его рассуждения перебил министр внутренних дел:

— А не причастны ли к этому анархисты? Как вы думаете?

Префект пожал плечами.

— Во время последнего рейда мы задержали двоих, но пришлось отпустить: прямых улик не обнаружилось. В политическом аспекте, я полагаю, тут вполне могут быть замешаны анархисты или маоисты. Если судить по выбору мишеней. После каждого полицейского рейда наступает затишье недели на две. Более того, за последние три месяца человек пятнадцать левых экстремистов, из числа самых известных, куда-то скрылись.

— Так, может, они скрылись, потому что полиция за ними охотится?

— Не исключено, но я бы объяснил это более существенными и тревожащими причинами.

— Меня все эти ваши тонкости не интересуют.— Президент был раздражен до крайности.— Я хотел бы услышать об арестах, для которых имеются основания. А префектура, похоже, специализируется на арестах лиц, виновных предположительно. Какие шаги вы намерены предпринять немедленно?

Префект принялся излагать свой план. Он состоял в том, чтобы включить в поиск больше сотрудников. Он уже дал распоряжение. Он уверен, что скоро полиция добьется решительного перелома. Необходимо призвать парижан быть начеку и сообщать обо всем, что вызывает хоть малейшее подозрение. Сегодня это прозвучит по радио и по телевидению. К концу недели будут готовы соответствующие плакаты. Во всех общественных зданиях принимаются меры предосторожности.

— Подобный прилив энергии,— ядовито заметил президент,— был бы весьма кстати месяца три назад, а теперь он только лишний раз доказывает, что префектура действует вяло и нерешительно.

Снова это было не совсем справедливо, но и тут префект не стал возражать.

План префекта одобрили, обсудили, какими мерами можно успокоить население. Это было остро необходимо: пресса безумствовала, ее подстрекали крайние правые, которые использовали взрывы как дубинку против левых и центра. Шумели заодно и коммунисты, стремясь отмежеваться в общественном сознании от собственных, причинявших много хлопот левых, которых они величали отщепенцами и фиглярами. Мотивы же убийства Аристида Лаборда — генерального секретаря коммунистической партии — оставались совершенно непонятными.

В то же утро состоялось заседание политбюро компартии и был утвержден текст прощального слова над гробом павшего товарища, немедленно переданный в газеты. В надгробной речи дана была политическая оценка этого убийства: провокация реакционных сил, которые стремятся расколоть парламентское большинство и ослабить партию трудящихся. Но ни намека не было, о ком, собственно, идет речь — о крайних правых или крайних левых, поскольку составители текста понятия не имели, на каком конце политического спектра прозвучала автоматная очередь. «Объективно,— сказал по этому поводу один из членов политбюро,— это не имеет значения, поскольку и те, и другие льют воду на мельницу империалистов».

На заседании было решено через неделю созвать центральный комитет партии и выбрать нового генерального секретаря.

К обеду собравшиеся уже согласились, кого избрать.

За последние двадцать четыре часа Альфред Баум проявил чудеса ловкости, чтобы сколотить солидную команду, состоящую из сорока пяти мужчин и женщин — сотрудников контрразведки и полиции, да еще полудюжины машин в придачу. Операцию развертывали с такой тщательностью и с таким дотошным вниманием к деталям, что Леон сказал со смехом среди своих: надо бы еще боевой вертолет включить, шефу подсказать, что ли...

Командный пост поместился в фургоне почтово-телеграфного ведомства, припаркованном возле больницы и оборудованном радиосвязью со всеми участниками слежки. Двое в этой машине должны были прослушивать все донесения, один из них — сам Баум. Если девица снова сядет на обратном пути в автобус, то важно, чтобы кто-то из преследователей оказался там заранее. Конечно, она может уехать и семьдесят третьим, и сто девяносто вторым, причем в любом направлении. Значит, на предыдущих остановках должны дежурить полицейские и с той минуты, как она выйдет из клиники, ждать распоряжений по радио, будучи готовыми сесть в автобус.

На сей раз, впрочем, она может приехать и на машине, и, хотя преследовать ее на улицах будет чрезвычайно трудно, Баум был уверен, что его люди с этим справятся. У них достаточно машин, чтобы правильно расставить их поблизости от больницы. Всем участникам операции были розданы фотографии, сделанные накануне. В середине дня Баум еще раз кратко проинструктировал их и убедился, что все готово.

— Не допустите же вы, ребята, чтобы одна девчонка провела сорок пять оперативников из спецслужб, у которых есть самая современная радиоаппаратура и столько машин,— заключил он свой инструктаж. Баум и сам в это верил.

В половине второго он подъехал к клинике на служебном автомобиле и пересел в почтовый фургончик, который стоял там с самого утра. Остальные тоже были на своих местах.

— Все в порядке? — спросил он у тех, что дежурили в фургоне.

— Да, шеф!

Они проверяли связь с другими машинами, две из

которых расположились возле автобусных остановок и могли бы известить агентов, стоящих на этих остановках, что им надлежит сесть в автобус. Фургон поменьше занял позицию у входа в клинику, чтобы сделать еще снимки. Леон снова облачился в серый форменный халат и занял свое место в качестве временного сотрудника стола справок. Баум через больничного администратора передал все необходимые распоряжения персоналу. Пациент так и не пришел в себя. Он пребывал в отдельной палате и был подключен к системе жизнеобеспечения. Его вещи находились в тумбочке рядом с кроватью, в кожаном ранце благополучно лежал конверт.

В двадцать минут третьего ко входу подкатил красный «рено» пятой модели, за рулем сидел молодой человек в темных очках. Из машины вышла блондинка, одетая точно так же, как накануне. «Рено» проехал еще несколько метров, туда, где полицейские именно на этот случай предусмотрительно оставили место для стоянки. Номер его был записан.

Блондинка взбежала по ступенькам и толкнула дверь. В справочном окне она осведомилась о Гвидо Ферри.

— Мне велели прийти сегодня,— напомнила она молодому человеку — тому самому, который был очарован ею накануне.— Я его сестра.

— Все в порядке, мадемуазель, поднимитесь на четвертый этаж, в реанимационное отделение.— Он улыбнулся ей, но она не ответила на улыбку. «Красотка, но злючка»,— решил он про себя.

На четвертом этаже она отыскала нужную палату.

— Я сестра Гвидо Ферри, могу я его повидать?

— Добрый день, мадемуазель Ферри,— приветствовала ее дежурная медсестра.— К сожалению, вчера мы не могли вас пропустить. И сегодня ваш брат без сознания. Тяжелая черепная травма. Он вас наверняка не узнает.

— Понимаю,— отозвалась посетительница.— Я ненадолго. Где он?

Медсестре показалось, что она вовсе не выглядит обеспокоенной. Правда, некоторые умеют скрывать свои чувства... Пока они шли по коридору, она сказала:

— Доктор знает, что вы пришли. Он зайдет, чтобы поговорить с вами.

— Хорошо.

Сестра пропустила девушку в палату и заботливо прикрыла дверь. Пациент лежал на спине, весь опутанный трубками, подключенными к приборам. По экрану дисплея бежали ритмичные волны — удары сердца. Посетительница посмотрела на его лицо и перевела взгляд на сложную аппаратуру. Подошла к тумбочке — это была единственная мебель в комнате, помимо кровати и стула. Перетряхнув пожитки парня, она без труда нашла то, что искала, и быстро переложила конверт к себе в сумку. Тут отворилась дверь и вошел доктор.

— Я проверяю вещи.— Она нисколько не смутилась.

— Травма чрезвычайно серьезна, сердце может отказать в любую минуту.— В голосе врача слышалось сочувствие. Она может справляться о здоровье брата по телефону — пусть звонит когда угодно. Пока нельзя обещать, что он вообще придет в сознание, а если выживет, то неизвестно, вернется ли к нему разум. Доктор ожидал взрыва отчаяния, слез,— каменное спокойствие посетительницы поразило его. Впрочем, может быть, она потрясена горем, в шоке...

— Можно мне еще побыть здесь?

— Понимаю,— отозвался доктор,— я вас оставлю. Только не трогайте ничего.

Дверь за ним закрылась. Посетительница достала из сумки целлофановый пакет и, подойдя к кровати, закрыла им рот и нос лежащего, перекрыв трубку. Сверху положила еще полотенце, лежавшее возле тазика. Потом отошла и встала так, чтобы видеть дисплей. Меньше чем через полминуты зеленые линии навеки прекратили бег...

Она положила полотенце на место, сунула в сумку целлофановый пакет и вышла. Проходя мимо дежурной сестры, не попрощалась, не поблагодарила. Медсестра, сидевшая у приборной доски в аппаратной, как раз пила кофе с приятельницей и обратила внимание на экран угловой палаты только спустя две-три минуты. Она выскочила в коридор, зовя дежурную. А блондинка тем временем уже спускалась в лифте, прижимая локтем сумку и глядя прямо перед собой.

Как только она появилась в холле, рука Леона дернулась, коснулась уха, и какой-то человек, с виду рабочий, вышел на улицу. При его появлении два автомобиля, стоявших поблизости, включили двигатели.

— Выходит из клиники, сейчас выйдет,— сказал Баум в нагрудный микрофон. Все машины были настроены на волну грузовика.— Машина, на которой она приехала, стоит, водитель на месте. Внимание, вот она!

При появлении на лестнице блондинки с сумкой через плечо заработала фотокамера.

— Спускается, поворачивает направо, к машине — увидела ее в десяти метрах от себя...

Девушка быстро дошла до машины, водитель, наклонившись, открыл дверь, она села, и они мгновенно отъехали.

— Едут по улице Дютен,— сообщил Баум,— в конце улицы им придется повернуть направо — там одностороннее движение, но Леопард пусть будет настороже: они, если что заметят, могут и налево повернуть, что им правила? Бобр, езжай за ними, только не приближайся особо.

Бобр — на Контроль. Вас понял. Конец связи.

Контроль — Зебре. Сейчас проедут мимо вас. Пропустите на полсотни метров — и следом.

Зебра — на Контроль. Вот они! Еду.

В этот момент красный «рено» повернул с улицы Дютен направо, как и положено. Бауму теперь его было не видно. По радио зазвучала торопливая речь:

— Зебра — на Контроль. Они опять повернули направо, на магистраль. Тут большое движение, мы их пока видим, но Лиса пусть подстрахует.

Контроль — Лисе. Мимо вас проезжает красный «рено», за рулем мужчина, рядом с ним женщина. Двигайтесь за ними, не теряйте из виду. Вперед!

Лиса — на Контроль. Вижу их в зеркале. «Рено» идет быстро. Еду за ними, машин тут чертова пропасть. Они впереди, между нами две машины. Направляемся к югу. Предупредите тех, кто впереди, в одиночку мы их упустим.

Контроль — Бизону. Красный «рено», водитель мужчина, рядом женщина. За ними — Лиса. Включайтесь в погоню.

И тут произошло то, чего никто не ждал. «Рено» сбавил скорость, пристроился в хвост семьдесят третьему автобусу и, как только этот автобус подкатил к остановке, затормозил. Пассажирка выскочила и оказалась в автобусе в тот момент, когда автоматические двери уже почти закрылись.

Лиса — на Контроль. Женщина пересела в семьдесят третий, который идет в южном направлении. За кем ехать — за ней или за «рено»?

Контроль — Лисе. Черт побери! За автобусом!

То же самое Баум приказал Бизону и трем другим машинам, стоявшим вдоль трассы. Держать под наблюдением «рено», который, нарушив правила, повернул влево и скрылся на большой скорости в боковой улице, было бессмысленно. Девица вроде бы избрала вчерашний маршрут, хотя могла выйти и на другой остановке. Ясно было одно — от преследования уходить она обучена. И никого нет в автобусе рядом с ней.

Баум проклинал себя, но тут же у него возникла идея.

Контроль — Бобру. Прекратите преследование и отправляйтесь на Восточный вокзал. Морис пусть стоит в метро там, где ее вчера потеряли: на переходе. Она может выбрать именно этот маршрут, предполагая, что уж этого от нее не ждут.

Бобр — на Контроль. Выполняем.

Девица наверняка чувствует, что за автобусом следят. Но если ребята сработают хорошо, то она успокоится: не позволят они ей ничего заметить. Все, что она делала до сих пор,— это меры предосторожности. Или, может, у него просто воображение разыгралось? Что она может знать о содержимом конверта? Как ей догадаться, что это фальшивка, подкинутая ОТО? С ее точки зрения, если бы уж полиция следила за ней, то ее арестовали бы прямо в клинике на том основании, что она оставила фальшивый адрес. И потом ее бы спросили насчет фальшивого удостоверения ее братца. Нет, по всей вероятности, девчонка, принимая меры предосторожности, просто следует правилам. А преследователи имеют четкую инструкцию: если видите, что она может скрыться, хватайте ее!

Да нет, вряд ли она догадалась, что за ней следят. Об этом редко кто догадывается. Даже агенты КГБ, уж на что тренированы, то и дело теряют бдительность. Потому только и попадаются. А эта просто тупо повторяет все, что делала вчера.

Бобр — на Контроль. Автобус остановился напротив станции Луи Блан. Мы в потоке машин чуть позади. Вот она. Вышла, перебегает дорогу, скрылась в метро...

Контроль — всем, кто недалеко от станции Луи Блан. Действуйте по плану, внимание!

Двое — из машин Лиса и Бобр — успели в метро секунд через двадцать. Им было известно, что преследуемая скорее всего поедет в сторону Порт Итали, но на тот случай, если она изменит маршрут, один из этих двоих побежал на противоположную платформу.

Тот, что направился в сторону Порт Итали, сложением напоминал Леона: грузный, и ходок никудышный. Как бы он ни спешил, но преодолеть бегом три марша вверх по ступенькам он был не в силах. Как ни старался, но на платформе ему мигнули хвостовые огни поезда, девчонки нигде не было. Агенту мгновенно представилось понижение в должности, перевод из ОТО в обычную полицию. Господи, опять ходить в форме, участвовать во всяких там облавах и драках, да еще где-нибудь в провинции! Он чуть не разрыдался. Он не знал, что Баум предусмотрительно послал человека на Восточный вокзал, и был убежден, что девчонка смылась — всех перехитрила, чертова сука! Он просто опомниться не мог, его даже затошнило...

Он крикнул напарнику, стоявшему на противоположной платформе, чтобы тот шел к машине и передал новость. А он следующим поездом уедет на Восточный вокзал. Зачем — он и сам не знал. Никакой надежды не было, но вдруг... Все бывает. Каким-нибудь чудом он ее засечет и реабилитируется, спасется от мундира, от провинции...

Тем временем Ингрид ехала в первом вагоне предыдущего поезда, проехала Шато Ландон и сошла на Восточном вокзале, точно так, как накануне. Перескакивая через ступеньки, она быстро взбежала по лестнице и свернула в левый туннель, к платформе, откуда можно попасть на ее линию. Туннель был пуст: немногие пассажиры вышли из вагона и направились к выходу в город. У поворота она оглянулась: сзади никого! Неплохо. Все оказалось так просто — она же говорила! Никому другому нельзя было доверить такое задание. Все сошло гладко — это поддержит моральный дух остальных. Так надо — трудные задания выполняй сам. Постоянно доказывай им, что ты лучше, смелее, не им чета. Так ее учили в тренировочном лагере в горах Гарца. Множество раз повторяли — служи примером. Веди за собой, будь всегда впереди. Да, лучшие иногда падают, но каждому на смену придет полдюжины новых, закаленных и несгибаемых. Политически — и даже статистически — это логично. Так ее учили. Эта теория правильна, в этом Ингрид уверена. В туннеле за поворотом она увидела человека — он стоял, прислонясь к стене, будто ждал кого-то. Прямо в том месте, откуда расходятся в разные стороны две лестницы. Выглядит подозрительно. Похож на шпика. Дешевый темный костюм — в этакую-то духоту, тяжелые ботинки, стрижка немодная. Главное — лицо, как у полицейского. Внезапно вспомнила: вчера она как раз здесь стряхнула хвост. Вполне подходящее место, чтобы избавиться от преследования: за поворотом никто ничего не увидит. А на развилке взбежать по одной из лестниц и смешаться с толпой...

А может, он вовсе и не ее дожидается? Даже если он и шпик... Впрочем, ей-то что до этого? Ведь у него может быть инструкция арестовать ее тут же, а не следить за ней... Не дойдя метров пятнадцать до поворота, где стоял незнакомец, она решилась. Сняла сумку с плеча и на ходу стала что-то искать в ней. Подойдя, обратилась прямо к нему:

— Прикурить не дадите?

Агент — это был Морис — сунул руку в карман пиджака и уже протягивал ей зажигалку, когда рука девушки выскользнула из сумки, держа маленький пистолет с глушителем. Туннель все еще был пуст. Она поднесла оружие к голове собеседника, будто это было самое что ни на есть обычное дело, и дважды выстрелила в упор, целясь между глаз. Выстрелы были почти не слышны — на станции стоял обычный шум.

На лице Мориса проступило изумление, из отверстий между глаз хлынула темная кровь, колени подогнулись, и он стал медленно сползать по стене на грязный пол. К тому моменту, когда тело вытянулось неподвижно, убийцы рядом уже не было: она взбежала по лестнице, и толпа поглотила ее.

Грузный человек, прибывший следующим поездом, оказался на месте убийства, когда вокруг тела уже собралась кучка людей.

— Пропустите, полиция! — крикнул он. Узнав убитого, он испытал острое чувство горя и бессилия, почувствовал спазм в желудке и не заметил своих слез, неудержимо бегущих по лицу.

А Ингрид снова благополучно добралась до Фобур Сен-Дени, свернула в пассаж и быстро вошла в мастерскую.

— Ну как? — спросил хозяин.

— Нормально. А Серж вернулся?

— Только что.

— Избавился он от машины?

Хозяин кивнул.

— Отлично. Я переоденусь и пойду в штаб доложить. Оружие оставлю здесь, а ночью от него избавлюсь. Как ты думаешь, правильно?

— Ну раз ты так считаешь...

Она прошла в заднюю комнату, где ее ждал Серж.

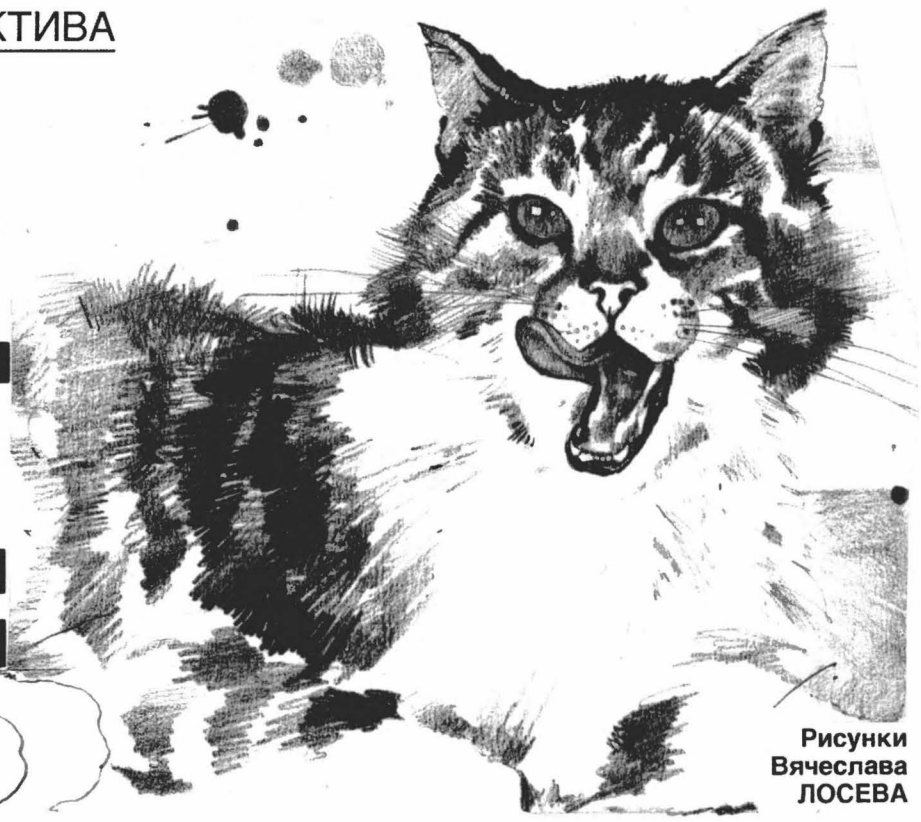
— Я же говорила — никаких проблем,— похвасталась она.— Только пришлось застрелить чертова шпика. Просто на всякий случай. Он скорее всего и не за мной охотился, но так спокойнее. Мне нужен новый револьвер. Поищи, ладно? Ты знаешь, что мне нравится.

Через боковую дверь она вышла в грязную вонючую уборную, и тут ее несколько раз вырвало.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ



Дерек КАРТУН

РОМАН

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

ГЛАВА VII

Порт Жавель, что на левом берегу Сены, в западной части Парижа, связывает между собой мосты Гариньяно, Мирабо и Гренель. В свое время здесь останавливались большие баржи, перевозившие грузы с океанских судов из Руана вверх по Сене до самой столицы. Но в наши дни он утратил свое значение: вдоль берега располагаются только какие-то конторы, имеющие отношение главным образом к перевозке стройматериалов — песка, гранита и проч., а также несколько небольших складов, маломощные краны и гаражи. Баржи заходят в Порт Жавель редко, зато почти по всему берегу тянутся причалы — к примеру, для плавучей прачечной, где все еще стирают белье (вряд ли она сможет просуществовать долго), для случайных судов, забредающих в эту часть Сены. А еще здесь нашли постоянную стоянку десятка два плавучих домов — крытые баржи, в которых то ли из романтических побуждений, то ли по бедности обитают какие-то люди. В будни, если разгружают баржу, здесь кипит жизнь, вдоль берега снуют грузовики. По выходным и по вечерам пусто, разве что какое-нибудь судно заплывет.

Знакомая нам блондинка — она, правда, снова превратилась в смазливую брюнетку и теперь вполне могла бы сойти за любимую секретаршу какого-нибудь босса — села в метро на станции Страсбур Сен-Дени и с двумя пересадками доехала до станции Жавель. Было уже около шести — час пик. Служивый народ спешил к метро, и ей пришлось протискиваться сквозь толпу. По боковой лестнице моста Мирабо она медленно, то и дело озираясь, спустилась на набережную. Навстречу попались рабочие из порта, некоторые пытались с ней заигрывать, но она и внимания не обратила. Спустившись, Ингрид прошла было налево по берегу метров пятьдесят, но резко повернулась и зашагала в обратную сторону. Хвоста нет, убедилась она, никто не следит. Так она шла вдоль реки еще несколько минут и приблизилась к одной из крытых барж, причаленной поодаль от остальных. Баржа казалась довольно ветхой, не мешало бы ее покрасить, починить сходни. Едва различимыми готическими буквами на борту было написано: «Мария-Луиза».

Девушка оглянулась последний раз и быстро поднялась на борт. Потом спустилась по ступенькам в открытый люк и дважды стукнула в дверь, ведущую во внутренние помещения. Подождала, постучала снова.

Дверь отворилась, пропустила ее и закрылась. Внутри все выглядело совсем по-другому. Уютный, аккуратно прибранный салон, на диванах вдоль стен множество подушек, книжные полки украшены какими-то керамическими вещицами. Середину узкого помещения занимал длинный стол. Вокруг него сидело четверо; перед ними несколько банок с кока-колой, переполненные пепельницы и две карты парижских улиц. Иллюминаторы, выходящие в сторону набережной, были открыты, но воздуха пропускали мало, да и тот горячий, пыльный, сухой. Из-за табачного дыма нечем было дышать. Негромко звучало радио, передавали городские новости.

— А, вот и товарищ Ингрид! — приветствовал ее человек, сидевший во главе стола.— Достала?

— Разумеется! — Пришедшая вынула из сумки конверт и положила на стол. Потом села на свободный стул, открыла банку кока-колы и выпила залпом.

— А как парень?

— Порядок. Допрашивать уже некого.

— План задуман слишком сложно, риску много,— произнес кто-то.— Например, если дело до конца не довели бы, то парень на допросе мог расколоться. Чересчур замысловато, если всего-навсего требуется доставить конверт.

— Так распорядился Феликс,— резко возразил тот, что сидел во главе стола.— Обсуждению не подлежит. Ингрид эту проблему решила. Сработано блестяще.

Он взял конверт и осмотрел его.

— Чего ж они его не вскрыли, подонки? — Он внимательно разглядывал то место, где конверт заклеен, и надпись, тщательно скопированную специалистом из ОТО.— Любой идиот бы увидел, что оно адресовано Сейнаку, даже кретины-полицейские знают: он в «Юманите» самый главный. И это после всех наших трудов! — Он помолчал, оглядел собравшихся: — Что теперь делать будем?

— Надо посоветоваться с Феликсом,— сказал один из присутствовавших.— Эта проделка с протоколом Комитета обороны задумана здорово. Ее политический заряд побольше, чем у десятка бомб. Одно дело — услышать, что где-то далеко от тебя взорвалась бомба, и совсем другое — если знаешь, что мы проникли в самое сердце государственной машины.

Ингрид вмешалась:

— После всего, что мне пришлось сделать, мне бы не хотелось отказываться от этой игры. Еще ведь я и шпика пристрелила. Пару часов назад на Восточном вокзале...

— Мы слышали. Он умер.

— Очень бы я удивилась, если бы он жив остался.— Это было сказано равнодушно, между двумя глотками кока-колы.

— Товарищ Ингрид слишком много на себя взяла,— отозвался тот, что предложил посоветоваться с Феликсом.— Стрелять в полицейских в метро в час пик, днем — работа для крепких парней, а не для лидеров.

— Лидер должен вести за собой,— вскинулась та.— Руководить на передовой. А не из уютной комнаты в штабе.— Ее голос прозвучал так, будто она с трудом подавила истерику.

— Но я же не осуждаю.— Говоривший как бы отступил.

— Еще бы! — Голос Ингрид окреп.— Не то у тебя положение, Бруно, чтобы меня судить. По части теории ты силен, но уж насчет того, чтобы действовать... Лучше бы тебе ограничиться дискуссиями по вопросам стратегии, а тактику предоставь другим.

— Хватит,— вмешался главный.— Спором делу не поможешь. Нам бы следовало начать с того, что поздравить товарища Ингрид с успехом ее миссии. Она всем нам показала пример. Теперь, когда документ снова у нас, следует пересмотреть и теорию, и практику задуманной операции, чтобы, согласно предложению Рене, передать Феликсу нечто конкретное. Слово имеет товарищ Бруно.

Тот, что препирался с Ингрид, откашлялся и, наклонившись, оперся о стол локтями. Его внешность соответствовала его занятиям — он преподавал общественные дисциплины в Сорбонне, только звали его там вовсе не Бруно. Лет тридцати двух, бледный, с гладким, хорошо ухоженным лицом, типичный представитель среднего класса. Этому впечатлению несколько противоречили длинные густые усы, свисающие на мексиканский манер,— они смотрелись как некий вызов, признак несогласия с общепринятым. Голос звучал интеллигентно и на удивление мягко.

— Давайте смотреть шире,— начал он.— Наша цель — дестабилизация. Феликс рассудил, что утечка информации из Комитета обороны вызовет тревогу в обществе и спровоцирует панику в прессе, поскольку Комитет обороны считается самой засекреченной организацией в стране. Больше даже, чем само правительство.— Он закурил и выдохнул целое облако дыма в воздух и без того насквозь прокуренного помещения.— Задача была такая: раздобыть сугубо секретные документы и устроить так, чтобы их обнаружили при подозрительных обстоятельствах. Имя Сейнака на конверте — дополнительный маневр, чтобы дать толчок охоте за ведьмами и приблизить нас к главной цели: показать нации, что левые — предатели. Способные, умные, но предатели. В то время как мы, правые,— это и есть сама нация.— Он снова затянулся сигаретой.— Наша позиция неизменна: мы отлично усвоили урок, данный нам горсточкой террористов — тех, кому удалось в конце прошлого века терроризировать Париж. Они взрывали свои жалкие самодельные бомбы там и сям: то в здании парламента, то в кафе у вокзала Сен-Лазар. «Как могут эти безумцы рассчитывать, что им удастся повлиять на судьбу нации? — говорили люди.— Да это просто сумасшедшие!» Но они не были сумасшедшими. В этом может убедиться каждый, кто не поленится почитать материалы суда над

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—14.

Вейлантом и Эмилем Анри. Они утверждали: бомба может изменить климат в обществе. Она способна достичь того, что не под силу никакой политической кампании. И, конечно же, они были правы. В наших сегодняшних условиях одна бомба стоит миллиона избирательских голосов. Нет более эффективного средства, чтобы вымести всю эту демократическую чепуху из мозгов обывателей и убедить их в том, что нации необходимы жесткое правительство и сильный человек у руля. Эта диалектика неопровержима...

Казалось, собственная речь действовала на него, как дурман, он слушал себя, забыв о присутствующих, и собственная логика, не встречая возражений, разила его наповал. Теория обретала плоть. Пьянящий, всепоглощающий момент творения истории!

Он притушил недокуренную сигарету, зажег новую и продолжал:

— Я думаю, Феликс согласится, что следует еще раз попытаться выполнить наш план. Под самым носом у полиции. Говорю это как человек, разработавший всю операцию от начала до конца, но, надеюсь, вы не предполагаете, что тут у меня чисто личный интерес.— Его манеры и речь оставались точными и педантичными.

— А почему бы не подкупить какого-нибудь журналиста? — Вопрос задала девушка.

— Боюсь, это бесполезно. Полиция поверит только в то, до чего она сама докопается. А нам необходимо, чтобы в это поверили. В конце концов утечка информации из Комитета обороны и вправду существует. Мы должны быть уверены, что никакая полицейская ищейка не заподозрит подлога. Пусть считают, что за этим кроются Советы. А для нас главное, чтобы так называемые государственные мужи почувствовали свое бессилие. Чтобы поняли: хозяева тут мы, а не они. Некоторые животные гипнотизируют намеченную жертву — вот образ, который я вижу перед собой...

Наступило короткое молчание, слышно было только пыхтение проходящей мимо баржи.

— А на мой взгляд, вся эта затея с мотоциклистом и несчастным случаем чересчур сложна,— заявила Ингрид, которую явно раздражали слова и манеры Бруно.— Ну ладно, пришлось ликвидировать этого малого, он для того и был предназначен. Но уж больно все хитроумно. Мы прямо как кучка интеллигентских ханжей — все норовим показать, какие мы умные. А нужно нечто простое, практичное, тесно связанное с политической ситуацией. Поменьше философии, побольше дела.

— Никому не запрещено вносить свои предложения,— сухо ответил Бруно, выдыхая сигаретный дым.— Я на монополию идей не претендую.

— Надо передать Сейнаку конверт в редакции «Юманите» или еще где-то и устроить так, чтобы полиция это дело сразу засекла.

— А как это устроить? Полицейским, чтобы провести специальный рейд, нужны основания, а чтобы эти основания появились, надо что-то придумать.

— А если его просто переслать почтой в «Фигаро» или на телевидение?

— Не годится. Оно попадет в Министерство внутренних дел, там все постараются замять, газеты напишут только то, что им позволят. А если отправить в более независимое издание, то вся пресса завопит, что это подлог, и полиция с великой радостью это подтвердит. Уж если чему-то учиться у истории, то это тому, что с помощью насилия легче чего-нибудь добиться, чем законным путем. Вот хоть дело Дрейфуса — они же знали, что он ни в чем не виноват, и все же, совершенно правильно, с моей точки зрения...

— Знаем, слыхали,— перебил его главный.— Но сейчас-то что предпринять? — Он повернулся к самому молодому из всех, тому, что сидел от него слева,— бледному худому юнцу, который пока не произнес ни единого слова. Сняв с левой руки кольцо с печаткой, он вертел его в тонких пальцах. Наголо выбритая голова придавала ему вид ревностного семинариста, который все свое время проводит за чтением благочестивых текстов.

— Рене, когда ты увидишь Феликса?

Не отрывая взгляда от кольца, тот ответил кратко:

— В воскресенье, как обычно.

Казалось, происходящее его не занимает.

— А до тех пор мы должны выработать свои предложения. Если у вас появятся какие-то идеи, вы все знаете, как меня найти. Теперь пошли дальше. Обсудим ликвидацию Лаборда прошлой ночью.

— Чистая работа,— сказал кто-то.— Слишком даже чистая для этого вонючего подонка. Такие легкой смерти не заслуживают.

— Передашь исполнителям наше мнение? — обратился главный к Ингрид.

— Передам.

— От машин они избавились?

— Да.

— Бруно, как бы ты оценил нашу инициативу с политической точки зрения?

— Лаборд сотрудничал с социалистами и оставался членом правительства. Теперь его наверняка заменят Фруассаром, у коммунистов же это единственная подходящая кандидатура. А этот будет гнуть жесткую линию, потому что ничего не забыл из того примитивного ленинизма, который выучил двадцать пять лет назад. Социалистов он ненавидит, у него главная забота, чтобы партия оставалась марксист-

ской. А это отпугнет от нее многих избирателей. И, стало быть, мы видим редкий случай политического убийства, которое способно на практике изменить политический курс.

Он мыслил формулами, пренебрегая частным ради общего. Убитый полицейский представлялся ему лишь деталью политического процесса, вообразить его как личность он был не в состоянии. Точно так же, как людей, разорванных бомбой на куски,— это просто динамика жизни, появление на свет новых политических возможностей. Лишь политикой он жил — и больше ни к чему не был приспособлен. Глубоко внедрившееся в его душу сознание исторического смысла всего, что бы ни происходило вокруг, не оставляло места даже для оценки и осмысления собственных поступков.

— В субботу Фруассар наверняка одержит победу и станет генсеком компартии,— продолжал он.— Я уверен, что это уже решено.

— На эту неделю намечены еще акции? — спросила Ингрид.

— В Париже нет. Кое-что планируется в провинции. Встретимся на той неделе. Все. Расходимся по одному.

Политические расчеты человека, которого называли Феликсом, в чем-то совпадали, но кое в чем и отличались от тех, что производились в штабе. Те, кто входил в состав штаба, и сотрудничавшие с ними люди из государственного аппарата ставили целью заменить нынешнюю парламентскую систему более авторитарной, более «национальной», более дисциплинированной и иерархичной — под этими удобными эвфемизмами скрывалась мечта о диктатуре правых. Амбиции Феликса были куда скромнее — он просто искал защиты от левых, полагая, что следует защищать от них страну, даже если за них — большинство избирателей. Против насилия, взятого на вооружение правыми, он ничего не имел и потому рассматривал штаб как своих союзников. Будучи достаточно изощрен в политике, он сознавал, что нынешнее положение дел — лучший вариант из всех возможных: наиболее безопасный, меньше всего доступный вмешательству извне, наиболее стабильный. Но ему хотелось переместить политические акценты, сдвинув их вправо.

Каждая взорвавшаяся бомба дискредитирует правительство в той же степени, что и левых экстремистов, которым все эти взрывы приписывают,— это очевидно... Но если штаб рассчитывал разом избавиться таким образом и от левых, и от правительства, и от системы, их создавшей, то Феликс-то точно знал, что система устоит. Активисты штаба, префект полиции, министр обороны и все прочие могли предполагать, что им угодно. Но он, Феликс, игрок поискуснее. Он заигрывает с чертом, ловит, можно сказать, на блесну дьявола, но рассчитал длину удочки точно. Он и взаправду был опытным авантюристом, умевшим ловко балансировать на тончайшей нити между политикой и террором.

— Денек выдался не из приятных,— признался Баум жене в тот вечер.— Что на ужин?

— Мясо, жареная картошка и очень вкусный салат.

— Хорошо. А то печень опять пошаливает.

— Это потому, что ты нервничаешь,— сказала жена.— Каждый раз, как у тебя на работе нервотрепка, так у нас проблемы с твоей печенью. Примешь что-нибудь?

— Потом, может, одну таблетку.— Он вздохнул и ногой потрогал кошку.— Ну и денек...

— На этой рубашке манжеты совсем протерлись,— заметила жена.— Пожалуй, я их переверну.

— Ну и дурака я свалял! А все гордыня. Самоуверенность. Самомнение.

Жена знала, что он так и будет твердить о событиях, которые его расстроили, подробнее же все равно ничего не скажет, а потому и не спросила ни о чем. Вместо этого она ушла на кухню, бросила ломтики очищенного картофеля в скворчащее масло, проверила, как жарится мясо в гриле, и закончила накрывать на стол. На всю квартиру приятно запахло чесноком.

Баум сидел в кресле, согнувшись и опустив голову, размышляя о своей печени. Потом мысли его перескочили на Жоржа Авра: что он скажет, когда ему доложат о сегодняшних событиях? Потом — как ни крути, а профессия брала свое — он долго и тщательно прикидывал, что делать дальше. Надо действовать по запасному плану, тому самому, который он до поры скрывал от Авра. По плану, приготовленному на тот абсурдный, совершенно невероятный случай, если девчонка от них уйдет.

План вовсе не плох, но Баум уже выбрал кредит доверия, терпения и дружеского расположения шефа. И ничего удивительного не будет, если Авр выйдет из себя, тогда это дело у него отберут. Его, Баума, просчет привел к гибели хорошего человека — куда уж хуже... А в чем состоял этот просчет? В том, что он поверил, будто противнику не под силу состязаться с ОТО — раз уж тут собрались такие компетентные, такие проницательные люди. А враг оказался еще более компетентным: ловким, проницательным и безжалостным. Если уж женщины стреляют в полицейских среди бела дня, в общественном месте, то на что же способны мужчины? Это была отрезвляющая мысль.

Ужинали в молчании. Эстелла знала, когда можно говорить, а когда следует оставить мужа в покое, наедине с его проблемами. Невзирая на все неприятности и боль в печени, Баум воздал должное и мясу, и воздушному пирогу из кондитерской. С кофе он выпил большую рюмку коньяку — еще одна примета того, что день у Альфреда действительно был тяжелый.

— Может, я могу чем-то помочь?

Он улыбнулся и погладил ее руку.

— Спасибо, нет. Прости меня, завтра я буду в порядке. Новый день — новые возможности, не сомневаюсь.

Против обыкновения ночью ему снилась работа, и сон этот был странный. Девушка-убийца и утечка информации из Комитета обороны в нем не участвовали. Бесконечным свитком развертывались перед ним события, происходившие в Булонском лесу,— те самые, которые заставляли его на прошлой неделе пристально вчитываться в архивные документы и вызывали беспокойство в печени. Но во сне он ясно понимал смысл этих событий и не видел в них никакой тайны. Проснувшись, он мучительно пытался связать в памяти расползающиеся ночные видения, зная при этом, что ни за какие блага в мире ему их не вспомнить.

А вот чего Альфред Баум не знал — так это того, что пока он, пренебрегая состоянием своей печени, наслаждался кулинарными достижениями Эстеллы, президент сидел за бутылкой белого, закусывая копченой ветчиной. Собеседником и собутыльником его был министр внутренних дел Ги Маллар, которого он, президент, не любил и которому не доверял. Однако, будучи прагматиком, льстя себе мыслью, что это полезно для страны, для интересов его партии на выборах, не говоря уж о личных интересах в равной приблизительно степени, он решил подбросить своему коллеге одну любопытную идею.

— Префект полиции,— начал он, накладывая себе добрую порцию ветчины,— или непроходимый дурень, или мошенник.— Он выжидательно посмотрел на Маллара.

— Нет, он не мошенничает,— отозвался Маллар.— Правда, в этой истории с бомбами он мало преуспел. Ему чего-то не хватает... Воображения, что ли?

— В армии такой пошел бы под трибунал,— сказал президент.— За милую душу! — Он прожевал наконец ветчину.— Я вам кое-что хочу предложить.

Министр внутренних дел вскинул брови: с президентом всегда надо держать ухо востро и говорить как можно меньше. То, что президент сказал сейчас, по меньшей мере некорректно. Да он и никогда корректностью не блистал. Искренностью тоже. Абсолютно беспринципный человек. Так что министр на всякий случай промолчал.

— Я считаю,— продолжал президент,— что в интересах нации надо его от этого дела отстранить.

— Но в делах такого рода без полицейских не обойтись: у них есть опыт...

— Да что он нам принес, этот опыт, в данном случае?

— Пожалуй, действительно ничего.

— Тогда что мы теряем?

— Но кто этим займется?

Президент, чрезвычайно довольный своей идеей, заставил министра подождать ответа — прикончил ветчину, отхлебнул еще вина, вытер рот салфеткой и только тогда сообщил:

— Контрразведка. Отдел территориальной охраны. У меня к ним больше доверия. Что скажете?

— Но по закону контрразведка действует только в случае чрезвычайной опасности. Разве сейчас нам угрожает нечто чрезвычайное?

— А разве нет? Вы же сами слышали: префект заявил, будто террористы обучаются за рубежом и оттуда получают оружие.

— Но это же очевидно, господин президент!

— Так именно в задачи контрразведки входит выявлять подобные вещи! Вы сами скажете Авру или мне сказать?

— Могу я.

— А префекту полиции?

От этой мысли Маллар поежился.

— Знаете, могут возникнуть осложнения, у него много друзей в прессе. Лучше пусть все исходит от вас.

Ответ президента прозвучал недовольно:

— Этот тип — ничтожество. Безнадежный дурак. Какая тут трудность? Я завтра все ему скажу.

Он налил себе еще вина.

— Тут одна проблема замаячила на политическом горизонте...

Ги Маллар промолчал. Пусть теперь президент подождет ответа.

— Возможно, она поважнее всех остальных. Звонили из Вашингтона. Попахивает крупными неприятностями — американцы мастера заваривать кашу.

— Кто звонил?

— Секретарь их президента. Прямо от имени этого клоуна в овальном кабинете. Вы знаете, что сейчас Киссинджер в Брюсселе на заседании совета НАТО? В качестве как бы советника — сами понимаете, власть без всякой ответственности,— прямо мечта. Так вот, оказывается, добрый наш доктор собирается явиться в Париж с частным визитом и повидаться с президентом республики. У него ко мне личное поручение от президента Соединенных Штатов.

— Когда же вы этот подарочек получите?

— Премьер-министр и я встречаемся с ним в среду. Тут есть еще одна любопытная деталь: приезжает и Брубек.

Брови Маллара удивленно поднялись:

— А ЦРУ-то что здесь надо?

— Их, видите ли, беспокоит ситуация, сложившаяся во Франции, и они планируют какое-то вмешательство. Вы хотите сказать, их это не касается? Как бы не так! Вы правы, только Брубека это не остановит. Вот почему я и настаиваю, что с бомбами дело не терпит, надо спешить.

— Естественно,— согласился Маллар.— Разумеется!

Когда он ушел, президент позволил себе слегка улыбнуться: он остался доволен беседой. Если удастся этот орешек расколоть — тем лучше. Ну, а если и ОТО потерпит неудачу, всем станет ясно, что виноват Маллар, ведь ОТО подчиняется непосредственно министру внутренних дел. Этот провал дорого ему обойдется — дороже, чем префекту полиции, потому что в глазах общества полиция давно некомпетентна или коррумпирована, или и то и другое вместе. Но ОТО — это совсем другое дело...

С точки зрения предстоящих выборов совсем неплохо, если Маллар обнаружит свою несостоятельность. Амбиции этого человека намного превосходят его способности.

В следующие четыре дня, до самого воскресенья, в Париже было спокойно, зато взрывы прогремели в двух провинциальных городах. За эти дни Баум уладил отношения с Авром и убедил его, что новый план подлежит исполнению на том простом основании, что никто не сумел предложить ничего другого. В те же дни состоялась передача дела о террористах из рук полиции в ОТО без всяких юридических санкций, поскольку в иностранный заговор никто не верил, тем более в заговор с целью шпионажа, то есть того, чем только и положено заниматься контрразведке.

В воскресенье в два часа пополудни молодой человек, которого в штабе называли Рене, сидя за рулем крытого грузовичка, отправился с улицы Вожирар, где он жил на верхнем этаже многоквартирного дома, в Булонский лес. Он остановился под деревьями на шоссе Этуаль, вышел из кабины и забрался в кузов. Через пятнадцать минут немолодой мужчина в серых брюках и безукоризненно чистой темно-синей куртке вышел из такси на перекрестке и не спеша зашагал по шоссе Этуаль. Заметив грузовичок, он свернул с тротуара в древесную сень и замедлил шаг: обычный воскресный фланер, явившийся на любовное свидание, а то и на поиски приключений.

Юный Рене вылез из кузова — его было просто не узнать! Туфли на высоких каблуках, шелковая блузка взамен майки, брюки вполне могли сойти за женские. На бледном, несколько женственном лице — косметика: губы подкрашены, глаза подрисованы, бритую голову украшает белокурый парик.

Он подошел к мужчине, тот взял его под руку, и они начали прогуливаться под деревьями. Это выглядело как обычное свидание и вряд ли могло заинтересовать какого-нибудь прохожего.

На сей раз в отличие от прошлого воскресенья поблизости не было ни машин ОТО, ни его сотрудников, которые в поисках агентов КГБ вели игру в воров и полицейских. Разговор между Феликсом и Рене продолжался пятнадцать минут, и немногие свидетели этой встречи реагировали в точности как Люк — молодой полицейский из Нанта; с понимающей улыбкой провожали взглядом почтенного бизнесмена, назначившего в воскресный день свидание своей юной секретарше. Или официантке, которая по будням подает ему кофе со сливками в каком-нибудь кафе...

Потом Рене снова забрался в кузов грузовичка и вскоре уселся за руль, уже в мужском обличье. А тот, кого называли Феликсом, поспешил к шоссе, остановил такси и приказал ехать в Порт Дофен.

Рене еще некоторое время колесил по лесу, убедился, что за ним никто не следит, и, повернув к Порт Отей, въехал в город. Спустя десять минут грузовичок был припаркован на узкой улочке неда-

леко от моста Мирабо, а его хозяин пешком дошел до «Марии-Луизы» и поднялся на борт.

— Планы меняются,— сообщил он человеку, который вел прошлое заседание.— Главную операцию, назначенную на следующую неделю, надо провести раньше. Во вторник.

— О Господи, через сорок восемь часов! Не получится.

— Мне поручено передать, что это должно быть сделано, невзирая ни на какие трудности. Так сказал Феликс.

Глаза Рене сияли, он говорил с жаром, будто выполняя священную миссию.

— А он не объяснил, чем вызвана такая спешка?

— В среду произойдет одно политическое событие, на которое мы должны повлиять. Наша акция будет несравненно значительнее во вторник, нежели неделю спустя. Не позволяйте самой акции опьянить себя,— так он сказал.— Помните о ее политическом эффекте. Смерть во вторник будет означать куда больше, чем та же смерть в среду. Вот что он еще сказал!

— Но акция должна остаться той же самой?

— Абсолютно той же.

Собеседник покачал головой.

— А насчет протокола Комитета обороны что он сказал?

— Его надо доставить Сейнаку в «Юманите», и полиция сразу туда кинется. Он согласился, что первоначальный план был чересчур сложен. Мы должны тайком предупредить префектуру, но он и сам что-то предпримет.

— А когда отнести конверт?

— Ровно в шесть вечера в среду...

В воскресенье у Альфреда Баума был один из его редких выходных, и он об руку с Эстеллой прогуливался в широких брюках, белой рубашке с открытым воротом и широкополой шляпе. Здесь, на ежегодной версальской выставке кошек, он больше не был полицейским со специальными функциями, его друзья среди любителей кошек полагали, что он просто где-то служит. Здесь он считался экспертом по длинношерстным породам, с прочной репутацией в масштабах всего парижского региона. В такие дни со своими закадычными друзьями, в основном чопорными дамами, делившими его пристрастие, он проводил долгие счастливые часы, обсуждая качества экспонатов, оценивая густоту их меха, расстояние между ушами и чистоту окраски радужной оболочки.

Его собственная пара в свое время выиграла немало призов, в том числе первый приз на выставке в Жантийи, и если уж придется уходить в отставку, то немалым утешением ему послужит возможность завести еще нескольких кошек, ходить на такие выставки, наслаждаясь скромным сознанием того, что ты признанный эксперт, и время от времени принося домой кое-какие награды.

Эстелла, которая не так уж боготворила кошек, радовалась, однако, всему, что могло отвлечь ее Альфреда от работы, и любила выставки — единственное место, где они бывали вдвоем.

Но на этот раз, хотя среди экспонатов было несколько действительно замечательных, Баум никак не мог полностью переключиться на кошек. Печень все еще ныла. А из головы не шли события прошлой недели. Чувствуя, что он просто не имеет права тратить на это время, он все же не мог изгнать своего беса: сцены свидания в Булонском лесу...

— Тебя сегодня и выставка не радует,— заметила Эстелла.

— Ты права, к сожалению. Это из-за печени.

— Не о кошках думаешь, а о работе.

Баум улыбнулся.

— Смотри-ка,— сказал он.— Вот этот наверняка получит приз: хвост до чего пушист! И глаза оранжевые, обрати внимание. Очень перспективный кот!

Эстелла покачала головой:

— Альфред, ты просто невозможен!

— Знаю, детка. Но ведь я тебя предупреждал, когда мы поженились.

Он усмехнулся и запечатлел на ее щеке поцелуй.

Тем же воскресным днем в одном загородном доме в Иври проходило заседание центрального комитета французской компартии. Генеральным секретарем был избран Жак Фруассар, бывший рабочий-металлист из Валансьена. Он произнес трехчасовую речь. Отдавая дань своему предшественнику, он полностью, однако, отверг его политику альянса с социалистами в правительстве. «Франция нуждается в кардинальных социальных переменах,— провозгласил он.— А социалисты никаких перемен не желают: это капитулянты и реформисты. Объективно говоря, они агенты реакции. Мы, со своей стороны, должны предложить стране радикальную альтернативу — коммунистическую программу, направленную против большого капитала и защищающую интересы трудящихся».

Когда на следующий день открылась биржа, никто уже не обращал внимания на заголовки в газетах, все еще предсказывавшие победу левых на выборах. К концу дня на шестнадцать пунктов упали в цене акции. Кроме того, при международном обмене франки шли плохо. К закрытию биржи после всех перипетий этого дня курс франка по отношению к западногерманской марке оказался ниже, чем когда-либо. И начался в крупных масштабах нелегальный провоз франков через границу в чемоданах и портфелях, в автомобильных багажниках — процесс, который вскоре стал неуправляемым.

«Буржуазия демонстрирует отсутствие патриотизма,— подстрекала «Юманите».— Только рабочий класс под руководством коммунистической партии способен защитить интересы нации».

В правлении Французского банка состоялось заседание, на котором были выработаны меры по защите курса франка. Однако ни одна из них не возымела эффекта. Страх перед левыми все больше овладевал умами биржевых маклеров, банкиров, промышленников, консультантов тех старых дам, которые изо всех сил старались прожить на годовой доход с капитала: инфляция захлестывала всех их с головой...

ГЛАВА VIII

На следующий день после посещения кошачьей выставки Альфред Баум сделал простую вещь: он позвонил на работу Арману Сейнаку, главному редактору «Юманите» и члену политбюро компартии.

— Говорит Баум — заместитель начальника отдела территориальной охраны,— начал он дружелюбно.— Я хотел бы повидаться с вами, господин Сейнак.

— Странно. Какое отношение я имею к контрразведке? Вы же занимаетесь шпионами, не так ли?

— Как правило. Я и не предполагаю, будто вы подходите под эту категорию. Тем не менее я бы хотел побеседовать с вами и могу поручиться, что для вас эта беседа окажется столь же интересной, сколь и для меня.

Наступило молчание. Потом Сейнак сказал:

— Перезвоню через десять минут. Какой у вас номер?

Баум назвал номер своего прямого телефона, и через десять минут действительно раздался звонок.

— Это Сейнак. Мой телефон в «Юма» прослушивается,— может, вашей же службой. Я перешел к другому аппарату...

«...И посоветовался с коллегами»,— мысленно добавил Баум, а вслух произнес:

— Отлично. Повторяю: я бы хотел с вами встретиться. Сегодня же.

— Хорошо. Где?

— На нейтральной территории. И пусть об этом никто не знает. Жду вас на речном трамвайчике, который отходит от моста Альма в два семнадцать. Поднимитесь на верхнюю палубу и займите место в кормовой части. Приятно прогуляться по реке в такую жарищу.

— Договорились, я приду.

Баум выпил пива, съел сандвич и на служебной машине отправился к мосту Гренель, на остановку речного трамвая. Солнце с безоблачного неба палило нещадно, и он пожалел, что не оделся более подходяще для прогулки по реке. Усевшись на палубе, он надвинул шляпу на глаза, защищаясь от солнца, и тщательно перебрал в уме то, что надлежало сообщить коммунистическому лидеру. Промаха быть не должно. Игра стоит свеч.

На остановке возле Альма на палубу поднялись трое, один из них — высокий мужчина профессорской внешности, с гривой седых волос и орлиным профилем. Озираясь, будто ожидая ловушки, он прошел на корму. Когда он поравнялся с Баумом, тот приподнял шляпу.

— Господин Сейнак! Я узнал вас.

— Не могу ответить вам той же любезностью. Покажите, пожалуйста, свое удостоверение.

Сейнак опустился рядом и испытующе посмотрел на Баума.

— Вполне разумно.— Баум протянул ему удостоверение с фотографией и описанием примет. Сейнак внимательно изучил его.

— Бывают и провокации,— произнес он неопределенно.

— Знаю. Вот это мы и обсудим.

Сейнак не ответил, лишь достал пачку американских сигарет, предложил Бауму и закурил сам.

— Расскажу вам одну странную историю. Вас, наверно, удивит, почему я решил вам довериться. Ответ прост: у меня нет выбора. Вы поймете, как сильно я тут рискую, но в этом деле у нас общий интерес.

Сейнак молча кивнул.

— К нам по чистой случайности попали фотокопии документов государственной важности. Адресованы они, представьте, вам. Сразу скажу: если это не провокация и документы посланы с вашего ведома, то вы виновны в серьезном преступлении, и тогда мы, считайте, по разные стороны барьера. Если же это провокация, то наши интересы полностью совпадают.

Сейнак бросил на Баума взгляд из-под тяжелых век и медленно повернулся к нему всем телом, так что они оказались лицом к лицу. С минуту он молчал, потом задал вопрос:

— Магнитофон у вас с собой, господин Баум?

— Хотите, проверьте мои карманы,— ответил Баум.— Или можете говорить как угодно тихо, так, что ни одно подслушивающее устройство не возьмет. Мы должны быть честны друг с другом.

— Расскажите подробнее об этой провокации, вы, конечно, отдаете себе отчет, что это именно провокация. Иначе вы бы не разговаривали со мной, а просто задержали...

— Рассказать подробно о документах я не вправе.— Баум тщательно подбирал слова.— Но у меня есть основания думать, что вскоре будет предпринята еще одна попытка передать их вам.

— Разве они не у вас?

— Скажем так: должны быть у нас, но их нет. Во всяком случае, если я окажусь прав, то вам угрожает серьезная опасность: если секретные документы пробудут в ваших руках хотя бы полминуты, то вы ни за что не докажете, будто не стремились их заполучить, не намеревались использовать или передать третьему лицу.

— Мы политическая партия, а не шпионская организация,— сухо заметил Сейнак.

— Но вы также издаете газету, которая не всегда корректно нападает на правительство. Я должен вас предупредить, что если вы не примете мое предложение, а предпочтете получить эти документы и использовать их на страницах газеты, то попадете в глупое положение. Я ведь вам сказал, что они побывали в наших руках. И вы, естественно, понимаете, что мы бы не выпустили их в том виде, в каком они к нам попали. Скажем так: это несколько исправленные государственные секреты.

Сейнак бледно улыбнулся.

— Стало быть, провокация превратилась в контрпровокацию. Кажется, вы, охотники за шпионами, называете это дезинформацией.

— Правильно. Но тут есть проблема. ОТО, как вы догадываетесь, работает самостоятельно. Мы не посвящаем других в наши секреты. И я не могу гарантировать, что кто-нибудь — ну хоть префектура полиции — не разузнает про это дело, и уж они постараются поймать вас с поличным, прямо с документами. Вот что меня больше всего и беспокоит. И вот почему мне нужно ваше сотрудничество.

— Чего вы хотите?

— Чтобы вы помогли перехватить того, кто доставит документы. Сделать это можно только в здании редакции.

Сейнак не ответил. Они медленно проплывали как раз под древним Новым мостом и тихо покачивались на волнах, расходившихся от встречного судна.

— Я обязан посоветоваться с товарищами. Ваше предложение представляет определенную опасность.

— Прекрасно понимаю. Но, к сожалению, дело весьма срочное. Конверт может быть доставлен вам в любую минуту. Скорее всего в час пик, когда практически невозможно выследить посланца.

Теперь они плыли под мостом Нотр-Дам, собор сиял в солнечных лучах. Американские туристы в ослепительно белых майках толпились у огромных дверей. Сейнак поднялся.

— Я понимаю значение нашей встречи,— сказал он.— Позвоню через час. Но скажите еще одну вещь. Если кто-то будет арестован в здании редакции, когда он передает на мое имя конверт, а в конверте полным-полно государственных тайн, то ведь в этот момент я становлюсь уязвимым. Совершенно без всякой защиты, особенно если провокацию организовали вы сами.

— Вы правы, господин Сейнак, безусловно, правы. Вам следует самому решить, является ли наша встреча изощренным заговором или честной попыткой поймать коммунистическую партию на слове.

— Не понял.

— Вы ведь заявляете, будто вы истинно национальная партия, не зависящая ни от кого за рубежом. Так вот, требуется ваша помощь в деле, касающемся безопасности страны. В этом случае каждая национальная партия обязана помочь.

— В прошлом с нами не всегда обходились справедливо, поэтому мы так осторожны.

— Все, что я могу сейчас,— это пожелать вам сделать правильный выбор.

Баум встал, и они обменялись рукопожатием. «Не знаю,— сказал Баум про себя, глядя вслед уходящему.— Ну, не знаю — и все».— И покачал головой.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

Рыжий Жан-Поль и его приятель, специалист по автомобилям Беранже, получили инструкции в понедельник: группа собралась в пассаже Сен-Дени примерно тогда, когда Баум и Сейнак совершали свою странную прогулку по реке. Эти двое ушли с собрания группы порознь — Жан-Поль все в той же черной кожаной куртке, надетой прямо поверх майки, и в джинсах, и Беранже в помятом костюме, который сидел на нем свободно и позволял скрыть некоторую выпуклость — пистолет «беретта» в кобуре. Их обоих разозлило, что срок операции перенесен.

Они встретились снова в половине шестого в хозяйственном отделе большого магазина Бон Марше на улице Севр, где купили веревку, нож и кое-какие инструменты. Когда в шесть вечера магазин закрылся, Жан-Поль лежал за рулонами линолеума в отделе ковров, а Беранже прятался наверху в пустой комнате, примыкающей к бухгалтерии. Сразу после полуночи — к этому времени закончили свою работу уборщицы — приятели встретились на первом этаже. Когда двое сторожей совершали свой очередной обход, Жан-Поль и Беранже напали сзади из засады — их лица были скрыты масками из чулок. Один из сторожей оказал сопротивление и получил сокрушительный удар по затылку заранее купленным здесь же молотком. Второй поднял руки.

Сторожей, с кляпами во рту и связанных по рукам и ногам, оставили лежать за грудами коробок. Приятели направились в комнату охраны, расположенную возле служебного входа. Там они обнаружили третьего стража, который, глянув в дуло пистолета Беранже, мгновенно сообразил, что благоразумие — это та же доблесть. Его тоже связали — для того и была куплена веревка.

— Приступим к работе? — спросил Беранже. — Где тут что?

— Ступай за мной, я на прошлой неделе все разузнал...

Они вернулись в подвал, при тусклом свете фонариков отыскали дорогу к складу. Здесь громоздились товары для кухни: холодильники, плиты, серванты.

— Вот эта подойдет,— сказал Жан-Поль.

Они сняли с одного из холодильников картонную коробку и, стараясь ее не повредить, поднялись с нею на первый этаж, а оттуда вышли в крытый двор, где обычно разгружались товары. Здесь бок о бок стояло пять автомобилей, принадлежащих магазину.

— Ключи где?

— Висят в конторе, — Жан-Поль действительно все разузнал.

Беранже погрузил картонную коробку в кузов одной из машин, Жан-Поль ловко включил зажигание проволочкой, которую вынул из кармана куртки. Машина ожила, в ночи звук мотора казался опасно громким.

— Давай побыстрей!

Беранже отомкнул замок раздвижных ворот, машина медленно выехала на боковую улицу. Он закрыл и запер ворота, сунул ключи в карман, забрался в кабину, и они не спеша двинулись в сторону Менильмонтан.

— Порядок, без проблем, — одобрительно сказал Беранже.

— Говна пирога, — согласился Жан-Поль. — Только сторожей, мне сдается, надо было прикончить — просто ради безопасности. Завтра-то крупное дельце предстоит.

Они ехали по опустевшим улицам, углубляясь в лабиринт переулков одного из самых бедных кварталов Парижа, мимо обветшавших домов, магазинчиков и гаражей. За авеню Гамбетта и вовсе пошли пустыри, какие-то будки и лачуги. Наконец остановились. Беранже вышел, отомкнул висячий замок на дверях гаража и отступил в сторону, пока Жан-Поль заезжал внутрь.

В течение следующего часа приятели трудились, не покладая рук: меняли номерные знаки и закрашивали номера на дверцах кабины. С помощью подходящего трафарета Беранже нарисовал другие цифры. Жан-Поль отыскал в своей коллекции ключей подходящий, чтобы включать зажигание. Еще он проверил уровень воды и масла, состояние аккумулятора и покрышек.

В углу гаража был спрятан ящик с табличкой “Pomodori iscatoli Tomates en boites”, на ней значилось еще название консервного завода в Висенца и адрес в пригороде Парижа. Ящик осторожно втащили в кузов и, соорудив себе освещение с помощью лампы на длинном гибком шнуре, принялись за дело: надо было переложить его содержимое, которое представляло собой отнюдь не консервированные помидоры, в картонную коробку, привезенную из Бон Марше.

Закончив, они заклеили коробку скочем. Потом протерли весь грузовик, чтобы уничтожить отпечатки пальцев, вышли из гаража, заперли его и отправились по домам. Это было в половине пятого утра. Светало, но Париж еще толком не проснулся.

В тот же понедельник в потайной комнате позади химчистки в пассаже Сен-Дени Ингрид целых полчаса выбирала номера из телефонной книги, а потом звонила по очереди каждому из жильцов дома № 88 на улице Фобур Сент-Оноре. И каждый раз делала вид, будто ошиблась номером. Из двенадцати четверо не ответили вообще, и по этим номерам она звонила в течение дня снова и снова до самого вечера, пока число неотвечающих не сократилось до двух. Имена этих жильцов она записала.

Днем она — в темном парике и темных очках — вышла вместе с Сержем. Автобусом добрались до улицы Фобур Сент-Оноре и зашагали мимо фешенебельных магазинов, пока не дошли до дома № 88, стоящего как раз напротив входа в президентский дворец. У Ингрид была с собой папка и пачка квитанций. Серж прошел мимо дома и свернул в первую же улицу.

Ингрид постучалась к консьержке.

— Я от газовой компании. Мне надо узнать, какие приборы используются чаще всего. Могу я опросить ваших жильцов?

— А что вы хотите узнать? — Консьержка была португалка. Ее инструктировали при приеме на работу, как отвечать на подобные вопросы. Но она еще плохо знала французский, и это помешало ей спросить у посетительницы удостоверение или даже просто не пустить ее в дом.

Ингрид прочитала список жильцов, спрашивая, какую квартиру кто из них занимает, и делая пометки в списке.

— Спасибо, — сказала она. — Я поднимусь и с некоторыми поговорю.

На каждом этаже было по две квартиры: одна окнами на улицу, другая — в закрытый со всех сторон двор. Поднимаясь с этажа на этаж, она проверяла фамилии тех, кто живет окнами на улицу. Квартиры, в которых хозяева, по ее мнению, отсутствовали, выходили окнами во двор. Ни в одну из них она не позвонила.

Спустившись снова на первый этаж, она проскользнула во двор и толкнула дверь черного хода. Здесь на последнем этаже, где находились только кладовки и комнаты для прислуги, она провела несколько минут, прикидывая, как отсюда попасть на крышу. Потом поспешила к выходу.

— Благодарю вас, — вежливо сказала она консьержке. — Я узнала все, что хотела.

За углом, на улице Дюра, они встретились: Серж вышел ей навстречу из подъезда многоквартирного дома, примыкающего к дому № 88. И парочка быстрым шагом удалилась, оживленно беседуя на ходу.

— Выглядит все о'кей, — высказался Серж. — Но вообще такие операции нельзя проводить в спешке, их надо как следует готовить.

— Феликс приказал операцию перенести на вторник, — возразила его дама.

— Почему? Что-нибудь произошло?

— Понятия не имею, да и тебе знать не надо.

В тот же понедельник около пяти Альфреду Бауму позвонили по прямому телефону.

— Насчет сегодняшнего разговора. — Это был голос Сейнака. — Мы готовы сотрудничать с вами.

— Рад слышать.

Наступила пауза, словно телефон внезапно отключили. Затем Баум услышал несколько искаженный, но хорошо различимый голос: «Расскажу вам одну странную историю. Вас, наверно, удивит, почему я решил вам довериться...» Это был его собственный голос и его слова, сказанные Сейнаку во время прогулки по Сене.

В трубке щелкнуло, вновь заговорил Сейнак:

— Вы, конечно, не ожидали, что я приму меры

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—15.

предосторожности. Но вы не хуже меня знаете — за секретными службами числится немало провокаций. Я удивился, что вы не спросили, нет ли у меня с собой магнитофона.

— А зачем? Чтобы вы насторожились? Если уж на то пошло, ваши коллеги не против того, чтобы вы приняли мое предложение?

— Жду конкретных распоряжений.

— К вам явятся двое наших сотрудников. Пусть один займет место в холле, рядом с дежурным, а второй потолкается среди тех, кто разносит корреспонденцию или ожидает разрешения подняться наверх. Снаружи тоже будут наши люди, но их вы и не заметите.

— Ладно. Скажите вашим людям, пусть обратятся к администратору, а я его предупрежу.

В тот же день после обеда префект полиции, предприняв меры, чтобы разговор не подслушали, позвонил тому, кого называли Феликсом.

— Наш приятель не смог сообщить последние новости о том, что они там делают в ОТО, — сказал префект. — Такая незадача: Вавр и его заместитель никому ничего не говорят.

— Надо постараться: должны же мы знать, какие меры приняты против террористов!

— Разумеется. А как насчет этого Баума? Пора что-то предпринять?

— Пока не надо, будет еще время. Теперь об этом деле с бумагами Комитета обороны. Я распорядился доставить конверт по адресу.

— Когда?

— Послезавтра в шесть. Вы получите конфиденциальную информацию, на которую, если понадобится, можете потом сослаться. Ее доставят открыто, за час до того, как будет передан конверт, и отдадут дежурному на вахте. А вы организуйте рейд в редакцию. Пошлите людей из бригады борьбы с коммунистами. Это по их части, они уж поусердствуют. Пошлите народу побольше, пусть обыск будет быстрым и тщательным. Ну, не мне вам объяснять...

— А как с прессой?

— Назначьте пресс-конференцию в префектуре, проведите ее лично. Выберите парочку особо щекотливых страниц для факсимильного воспроизведения в газетах. Максимум шума, ясно? Только поспешите, а то кто-нибудь из правительства захочет все дело прикрыть.

— Понял.

— Пусть газеты поднимут вой, заголовки покрупнее. «Юманите», конечно, завопит насчет провокации. Ну и пусть...

ГЛАВА IX

Адмирал Кент Брубек тридцать пять лет прослужил в военно-морских силах США, и ничего удивительного, что, имея за плечами такое прошлое, он относился к Генри Киссинджеру с некоторой неприязнью и весьма подозрительно. Ему решительно не нравилось, что самый обыкновенный университетский профессор, в речи которого звучит какой-то смутный акцент, ухитрился остаться ключевой фигурой внешней политики Соединенных Штатов, хотя и не занимает больше никаких постов. Адмирал был человек прямолинейный, все называл своими именами: лопату — лопатой, жопу — жопой, а западных коммунистов — русским охвостьем. Дураком он при этом отнюдь не был, ему были присущи незаурядная житейская ловкость и хитрость, которые он успешно скрывал, чему в немалой степени способствовало безудержное и громогласное хвастовство, свойственное его профессии.

В свое время он стал самым молодым адмиралом на флоте, а теперь президент именно ему предложил возглавить Центральное разведывательное управление — именно в тот момент, когда престиж этой организации был на нуле, руководство рассорилось с сенатом, и всем было известно, что результаты ее деятельности жалки до крайности. И эти факты его биографии объяснялись отнюдь не милостью Божьей и не расположением фортуны. Он сам намечал себе высшие посты и прокладывал к ним дорогу локтями и зубами. Киссинджер для него был еще одним, кому ради карьеры на многое пришлось пойти, он воплощал в глазах Брубека все, что было плохого в вашингтонских коридорах власти.

Тем не менее в брюссельском аэропорту, подойдя к «Боингу-707», предоставленному в их распоряжение руководством НАТО, он своей ручищей обнял Киссинджера и провозгласил сердечно:

— Привет, Генри, отличный ты малый!

На что доктор Киссинджер, ни в коей мере не введенный в заблуждение этим медвежьим, а потому опасным дружелюбием, ничего не ответил.

Самолет поднялся в воздух. Сидящим вдвоем в переднем салоне (двое охранников находились в другом отсеке, позади) доктору и адмиралу принесли две порции шотландского виски. Это была первая возможность поговорить наедине о том, что им предстояло делать в Париже.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

— Эти взрывы могут дестабилизировать структуру наших западных союзников,— высказался доктор Киссинджер.— Ведь можно предположить, что если на выборах коммунисты Франции получат значительную поддержку, то этому примеру последуют в Италии, а позднее — в Испании и Греции.

— Хемминг постоянно держит меня в курсе дел,— ответил адмирал.— Он считает, что как раз коммунисты и организовали эту кампанию террора.

— Сомневаюсь,— возразил Киссинджер.— Не их стиль. Откуда, кстати, Хемминг получает сведения?

— Источники информации мы держим в секрете,— коротко ответил адмирал.

— Наверняка сидит за столом и читает газеты, а потом ужинает с разными незначительными деятелями, у которых денег больше, чем здравого смысла. В подобных ситуациях у наших людей развивается болезненное воображение. За двадцать лет я не получил от ЦРУ ни одной мало-мальски толковой информации, все они и бумаги не стоили, на которой написаны. А бумага раньше была дешевая!

Доктор улыбнулся своей маленькой шутке.

— Когда вы поработаете подольше в этом ведомстве, Кент,— продолжал он,— вы сами убедитесь, что там врут все, абсолютно все. А начальство больше всех. Даллес имел обыкновение немедленно увольнять каждого, кто признается, что он чего-то там не знает или не может сделать. С тех пор эти ребята все силы кладут на то, чтобы угадать, что именно хотелось бы услышать руководству, и только это ему и сообщают. На факты всем наплевать...

Адмирал нахмурился. Может, все это и верно, но ему не нравилось слышать такое от Киссинджера.

— Так что будем делать? — задал он вопрос.

— Сначала попробуем воздействовать на французское правительство, чтобы оно хоть что-то делало. Это просто: мы им немного пригрозим. Они угроз терпеть не могут, сразу разобидятся и начнут бранить нас на свой манер, но при этом прислушаются. Никому в Европе наши деньги и власть не внушают такого трепета, как французам. Поэтому они и устроят вокруг нашего появления шум. Вот увидите.

— Ну, а если наши люди немножко поработают?

— Президент Соединенных Штатов и так в ужасе от мысли, что ваши люди могут вмешаться в чужие дела, Кент. Просто в ужасе!

— Отсюда можно сделать вывод, что у нас за президент.

— Отсюда можно сделать вывод, что он не доверяет ЦРУ, поэтому он вас туда и назначил.

Это недавнее назначение для Киссинджера оставалось загадкой, он считал адмирала Брубека вполне подходящим человеком, чтобы командовать авианосцами на Тихом океане, но весьма сомнительным приобретением в качестве руководителя ЦРУ.

До самого Парижа они продолжали пить виски и к тому времени, когда самолет приземлился на военном аэродроме в Виллакубле, проблема, стоявшая перед ними, с места не сдвинулась и симпатией друг к другу они не прониклись.

Чиновник, встречавший их возле самолета, был из аппарата премьер-министра, а не с набережной Орсей[1]. Присутствовал еще генерал из американского посольства. Они обменялись приветствиями и на посольской машине поспешно направились к великолепным чертогам отеля Мерис.

Там доктор Киссинджер переоделся в смокинг и через два часа был уже на пути в высшую военную школу — ему предстояло прочитать лекцию о роли дипломатии в разного рода противостояниях мировой политики.

Адмирал Брубек удалился в свою комнату, велел принести туда ужин и позвонил по телефону. Через полчаса он встретился с Рольфом Хеммингом. Они курили, пили виски со льдом, и Хемминг обстоятельно рассказывал о том, как идут дела. Адмирал говорил мало, задал только несколько вопросов. Он был из тех, кто слушает собеседника внимательно, но делает вид, будто не особенно ему верит. Это свойство нередко принимают за проницательность, но тут это была простая осторожность: променяв военно-морские силы, где он чувствовал себя как рыба в воде, на полный фантомов и миражей мир разведки, адмирал Брубек неважно разбирался в этом мире. Тут говорили вещи, которых он не понимал, ссылались на давние события, полагая, что он в курсе дел, а он был не в курсе. Кто, черт возьми, эти Сорель, Парето и Спенглер, которых Хемминг то и дело цитирует как идеологов террора? Бакунин — имя показалось лишь смутно знакомым... Что это за штука — «кодекс Наполеона»? Всего этого он не знал, но вовсе не имел желания обнаруживать свое невежество, задавая вопросы.

Постепенно Хемминг, продолжая свой длинный и дотошный отчет, перешел от дипломатических проблем к конкретным делам, и тут адмирал почувствовал себя в своей тарелке и обрел наконец уверенность. Несколько раз он кивнул и невнятно высказал одобрение по поводу того, о чем докладывал Хемминг.

Лекция доктора Киссинджера содержала отточенные формулировки, была убедительна и несколько сдобрена цинизмом, что очень понравилось слушателям, которые вообще были склонны восхищаться этим человеком, пришедшим из мира реальной политики, и его государственным умом. Была какая-то завораживающая логика в его утверждении, будто в определенных обстоятельствах и в некоторые исторические периоды цель оправдывает средства (хотя мысль эта была выражена весьма осторожно и элегантно).

В отличном расположении духа, довольный собой, доктор Киссинджер добрался до отеля Мерис и уже к полуночи был в постели. Ему хотелось бы поспать по возможности часов восемь. Назавтра в десять утра предстояла трудная встреча в Елисейском дворце. К счастью для него, сон его был крепок, и он не слышал двух взрывов, которые прогремели в полумиле от отеля где-то во втором часу ночи.

Вот хроника событий, предшествовавших взрывам.

В четыре часа пополудни фургон из магазина Бон Марше проехал по улице Фобур Сент-Оноре мимо расположенного на углу улицы Соссэ министерства внутренних дел, возле входа в Елисейский дворец сбавил скорость и остановился напротив дома № 88. Водитель остался за рулем. Из кабины вышли двое мужчин в белых куртках, открыли задние дверцы, вытащили большую картонную коробку и поставили на тротуар. Надпись на коробке гласила: «Холодильник». Когда эти двое подняли коробку и понесли в дом, фургон тронулся с места и остановился за углом. Дежурный полицейский у ворот дворца догадался, что водитель не хочет загораживать и без того узкую и перегруженную транспортом улицу Фобур Сент-Оноре. «Вот если бы все водители так поступали»,— подумал он.

Один из грузчиков постучался к консьержке.

— Мы доставили покупку для мадам Тьери, из магазина Бон Марше.

— Второй этаж, дверь прямо.

Они не спеша донесли коробку до второго этажа и прислонили к стене. Тут оба скинули белые куртки, под ними оказались форменные куртки служащих газовой компании. Один нажал кнопку звонка. Слабый, задыхающийся голос немолодой женщины ответил: «Сейчас!»

— Из газовой компании. В доме запах газа, мы посмотрим вашу плиту.

— Но у меня газом не пахнет.

— Нам надо самим убедиться. Такова инструкция в случае утечки.

Женщина все еще держала дверь чуть приоткрытой, глядя на пришедших с недоверием. Беранже улыбнулся ей, и это ее успокоило. Дверь распахнулась.

— Идите за мной.

Жан-Поль закрыл за собой дверь. Проходя позади хозяйки через холл, он приемом каратэ — ребром правой кисти — сильно ударил ее. Раздался слабый хруст, и женщина медленно осела на пол. Жан-Поль опустился рядом на колени, пальцами стиснул ей ноздри, а ладонью другой руки зажал рот. Так он держал руки около минуты, потом поднялся.

— Все в порядке. Можно устанавливать ружья.

Они вдвоем втащили контейнер из коридора, заперли входную дверь и, убедившись, что в квартире больше никого нет, занесли его в гостиную, из окон которой был прекрасно виден двор Елисейского дворца.

— Ну я пошел,— сказал Беранже.— Желаю удачи.

— Чего тут дел-то,— отозвался Жан-Поль.

Он проводил Беранже до входной двери, снова запер ее и вернулся в гостиную, к контейнеру. Беранже тем временем спустился по лестнице, на ходу бросил консьержке «спасибо» и, выйдя на улицу, сел в фургон, который тут же тронулся с места. В машине он снял накладные усы и парик. Вскоре фургон остановился на одной из боковых улиц в северной части города. Водитель позвонил из автомата на борт «Марии-Луизы» и сообщил, что покупка доставлена благополучно.

За это время Жан-Поль успел открыть картонную коробку и разложить ее содержимое на полу гостиной. Там были два противотанковых ружья марки «Армбраст-300», изготовленных в Италии по чертежам западногерманской фирмы «Мессершмитт-Болков-Бом». К ним были приложены два бронебойных снаряда, способных с расстояния трехсот метров пробить 30-миллиметровую стальную пластину. Оружие было выбрано толково: оно действовало без сильной отдачи, без пламени, вспышки, без шума и без дыма. Идеальное оружие, чтобы стрелять из закрытого помещения,— большинство ружей такого калибра в подобных условиях опасно для стреляющего.

У Жан-Поля был большой опыт: в считанные минуты оба ружья оказались собраны и готовы к бою.

Теперь надо было как-то убить время. Он перетащил тело мадам Тьери в спальню, стер отпечатки пальцев со входной двери и принялся искать телевизор. В квартире его не оказалось, и он выругался про себя. Зато в кухне нашлись остатки цыпленка и немного фруктов — пригодится на ужин. Правда, к его великому неудовольствию, из выпивки тут оказалась лишь бутылка сладкого слабого вина. Спиртное бы пригодилось — не принимать же всерьез запрещение пить во время операций.

Он расположился на диване в гостиной, выкурил три сигареты, аккуратно загасив каждую о полированную поверхность низенького столика, вытянул ноги и проспал до восьми вечера. Разбудил его телефонный звонок. Трубку он снимать не стал, и телефон вскоре затих. Тогда он перерезал провод взятым в кухне ножом, принес в гостиную вино и еду и с аппетитом поел. Никакие операции на его аппетит не влияли. «Нервы? А где они, мать их...» — Эту хвастливую фразу он любил повторять.

...Час ночи, настало время действовать. Он все проверил: не заперта ли дверь на черную лестницу, работает ли его карманный фонарик и хорошо ли завязаны шнурки ботинок. Детали — это важно. Потом осторожно открыл окно и выглянул. Двое полицейских дежурили у входа в Елисейский дворец. Уличные фонари и лампы во дворе смутно освещали фасад дворца, построенного в стиле неоклассицизма,— отсюда до него примерно сто пятьдесят метров, половина того расстояния, на которое бьет его оружие. Никаких проблем!

Встав коленями на подоконник, Жан-Поль поднял одно из ружей к плечу. Второе, тоже заряженное, лежало слева, у колена. Каждое предназначено на один-единственный выстрел, потому и понадобилось их два, так настоял штаб: случалось, такое оружие отказывало, давало осечку.

Жан-Поль снял предохранитель, взял на мушку ступени дворца и нажал курок. Толчок, свист снаряда — значит, ружье исправно. Мгновение спустя прогремел взрыв — снаряд разбил отделанную камнем стену над лестницей. Жан-Поль отбросил сработавшее ружье, схватил другое. Между двумя выстрелами — оба снаряда угодили в стену — прошло едва ли пять секунд. Полицейский бросился во двор, раздались свистки, из сторожевой будки выскочили еще охранники. До Жан-Поля, когда он с черного хода выбегал из квартиры, донесся звон разбитого стекла и грохот осыпающихся камней.

В потемках он поднялся по служебной лестнице, держа в памяти план, который нарисовала Ингрид, и, не зажигая фонарика, повернул на верхнем этаже в коридор, отыскал четвертую дверь слева и оказался в туалете как раз в тот момент, когда открылась одна из дверей дальше по коридору: видно, кого-то из прислуги разбудили взрывы.

Жан-Поль вылез через окно на карниз, который огибал все здание вплоть до того места, где оно примыкало к такому же жилому дому, стоящему на соседней улице. Скупо посветив фонариком, он обнаружил чуть дальше открытое окно и, дойдя до него, спрыгнул в чью-то спальню. Пока он, светя фонариком, искал дверь, раздался испуганный вскрик, но когда обитательница комнаты решилась зажечь свет, незваный гость уже был в коридоре. По лестнице он спустился благополучно, никто его не видел. Оказавшись на улице, торопливо зашагал прочь, подальше от Фобур Сент-Оноре. По пути в пассаж Сен-Дени ему тоже никто не встретился.

— Говна пирога! — похвастался он, появившись в мастерской, где его ждали Ингрид, Виктор и Беранже.

— Здорово! — похвалила Ингрид. Она даже улыбнулась ему. Жан-Поль только взглянул на нее: он еще докажет этой суке, что есть на свете настоящие мужики.

Заголовок в парижском выпуске «Интернэшнл геральд трибюн» был набран самым крупным шрифтом: **«ELYSEE PALACE SHELLED»** — «Обстрел Елисейского дворца...

Серьезный ущерб. Пострадавших нет.

Означает ли это правительственный кризис?»

Генри Киссинджер, завтракавший в своем номере, положив перед собой газету, улыбнулся. Может, это и случайность, что такое произошло как раз перед его встречей с французскими лидерами, но лучшего времени для диверсии он и сам бы назначить не мог. Теперь никто не решится утверждать, будто ситуация под контролем. Куда уж тут! Если президентский дворец обстреливают чуть ли не в упор!

Он допил апельсиновый сок и принялся за кофе.

— Помяните мои слова — это коммунисты! — произнес адмирал Брубек, как только они встретились.— Палить по президенту республики — это же надо! Наверняка чертовы коммунисты.

— Вовсе не обязательно,— не согласился Киссинджер.— Им-то это совершенно ни к чему.

Он уже не надеялся, что ему удастся хоть в чем-то убедить адмирала, и бросил эти попытки. Ничего хорошего подобное упрямство не предвещало ни ЦРУ и никому другому.

В 9.45 в гостинице появилась аскетическая фигура Вэллата.

— Небольшие изменения в организации встречи,— кисло сообщил он.— Президент и премьер-министр примут вас в министерстве морского флота на площади Конкорд.

— Что, дворец не в порядке?

— Не то чтобы не в порядке, но предстоит уборка. В министерстве будет удобнее.

Лицо Вэллата осталось безучастным: американцев он терпеть не мог.

В министерстве их провели в комнату для конференций, где высокий потолок был расписан в стиле рококо — нимфами, сатирами и купидонами. Под всем этим великолепием их уже ждали президент и премьер-министр. Присущее президенту чувство превосходства и самоуважения подсказывало ему, что не следует с готовностью принимать советы, даже если они исходят от президента Соединенных Штатов и если в качестве советчика выступает сам знаменитый доктор Генри Киссинджер. И тем более странно ему, президенту республики, принимать у себя руководителя ЦРУ. Уж газеты постараются эту встречу расписать. Да и сам он чувствует, что для Франции тут никаких выгод не будет. Он обменялся рукопожатием с американцами, не явив на своем лице ни малейшего подобия улыбки. Его примеру последовал и премьер-министр. Американцы, с самого начала взявшие неодобрительный и строгий тон, также не улыбнулись. Вэллат с мрачно-официальным видом исполнял обязанности секретаря.

Когда они уселись — Вэллат с приготовленным блокнотом и нацеленной в него шариковой ручкой,— президент выдавил из себя несколько невнятных приветственных слов и попросил доктора Киссинджера изложить свое дело.

— Мне поручено лично самим американским президентом,— начал Киссинджер,— передать вам на словах, а не в письменной форме...— Он чувствовал, что французский президент предпочтет именно эту форму.— Речь идет о стабильности обстановки во Франции, которая для него... и т. д. и т. п. Недавние взрывы вызвали в Вашингтоне серьезную тревогу. Наш президент хотел бы убедиться, что ситуация находится под контролем. Кроме того, под определенным углом зрения союзники Франции в Америке даже больше, чем сами французы, заинтересованы в результате предстоящих выборов. Победа левых

[1] На набережной Орсей в Париже находится министерство иностранных дел **(прим. переводчика)**.

сил, это нетрудно понять, создала бы серьезные проблемы...

Гортанный голос доктора Киссинджера звучал монотонно. Президент республики устремил свой взгляд в пространство, то же самое волей-неволей пришлось сделать и премьер-министру. Когда говоривший наконец замолчал, президент откашлялся и произнес:

— Но это наши внутренние дела, доктор Киссинджер. Мы ведь не приезжаем в Вашингтон, когда у вас негры бунтуют.

— Если Францией завладеют коммунисты, это станет европейской проблемой, а стало быть, и мировой,— возразил Киссинджер.— Соединенные Штаты не могут остаться безучастными. Выборы в восемьдесят первом году, когда коммунисты вошли в правительство, вызвали, как вы знаете, отголоски и у нас. Недавние события увеличивают возможность того, что коммунисты и дальше продвинутся к власти. Повторяю: Соединенные Штаты не могут равнодушно взирать, как развиваются дела.

— Это что, угроза?

— Никоим образом, господин президент, но я уполномочен заявить, что Соединенные Штаты готовы сделать все возможное в пределах известной и принятой международной практики, чтобы помочь французскому правительству выйти из затруднительного положения.

— Мне не известно, чтобы французское правительство обращалось за такого рода помощью.

— Совершенно верно. Но мы полагаем, что ситуация может измениться.

— А если изменений не воспоследует?

— Тогда можно ожидать, что наше правительство предпримет определенные шаги — по крайней мере финансового и коммерческого характера.

Премьер-министр вмешался в разговор:

— Вы собираетесь атаковать франк?

Киссинджер пожал плечами.

— Наши банки хотят себя защитить. Казначейство США не может им воспрепятствовать, если они сочтут, что обстановка во Франции нестабильна. То же самое относительно крупных американских корпораций, чьи интересы связаны с Францией, и тех, что покупают французское оборудование и материалы,— что мы им скажем? Только одно: будьте осторожны!

Наступило молчание.

— Передайте вашему президенту,— заговорил французский президент,— что я ценю проявленный им интерес, однако вынужден отказаться от участия США в той деятельности, которую мы предприняли для устранения своих временных затруднений. Вы можете быть совершенно уверены в том, что мы с ними справимся. Что до предстоящих выборов, то они касаются французов и только французов.

— А почему это сегодняшняя встреча происходит не в президентском дворце? — Внезапный вопрос адмирала прозвучал так, как если бы он находился у себя на юте.

Президент твердо глянул в его по-детски голубые глаза.

— По той причине, адмирал, что в моем кабинете идет ремонт.

Адмирал сардонически хмыкнул, будто собирался засмеяться, но у него не получилось.

— Вас обстреляли,— заявил он.— Не понимаю, какого черта вы это терпите. Всем известно: это же коммунисты.

— Благодарю за совет,— ответил президент.— Он, безусловно, обнаруживает глубокое понимание нашей сложной политической ситуации.

Он встал:

— Господа, могу только добавить следующее. Мне представляется, что вы стремитесь подтолкнуть нас к административным — то бишь полицейским — мерам против коммунистов. Думаю, в субтропическом климате Вашингтона это могло бы выглядеть логичным. Именно этому, вероятно, я обязан высокой чести беседовать не с кем иным, как с руководителем ЦРУ. Но должен заявить, что я решительно отказываюсь быть втянутым в какие-либо действия, способные привести к гражданской войне в нашей стране,— к войне, победу в которой я никоим образом не смог бы гарантировать.

Он устремил на адмирала холодный взгляд.

— Здесь вам не колония, адмирал. Не Ла-Пас, не Сантьяго и даже не Буэнос-Айрес. Это Париж. Не считаю возможным продолжать нашу беседу. Передайте, пожалуйста, мои наилучшие пожелания президенту США и желаю приятно провести время, пока вы еще у нас.

Они снова обменялись рукопожатиями. Отпуская руку премьер-министра, доктор Киссинджер заметил:

— Пожалуйста, не забудьте: правительство не в силах влиять на то, что могут предпринять наши банки. Как бы потом не пришлось пожалеть.

Он пожал плечами, тонко улыбнулся и удалился вслед за массивной фигурой адмирала.

— Давайте встретимся с этим вашим Хеммингом сегодня,— предложил он, когда они спускались по лестнице.

— Я это организую, Генри,— согласился адмирал и добавил: — Вот чертовы дураки!

Рольф Хемминг занимал дорогую квартиру в шестнадцатом округе, недалеко от Булонского леса. Она была полностью перестроена согласно его несколько своеобразным вкусам — Хемминг был гомосексуалистом. Светильники венецианского стекла в гостиной бросали нежный свет на двери, покрытые в несколько слоев лиловой краской. Обюссонские ковры были великолепны, а столовую украшали две прелестные головки Греза, повешенные слишком уж напоказ, будто в картинной галерее. Удобные, глубокие диваны и кресла были обиты плотной бледно-серой материей, на некоторых обивка была цвета кофе с молоком. Все это производило впечатление одновременно и некоторой вульгарности, и старомодной изысканности. Черный слуга, уроженец Сомали, с великолепной мускулатурой, был в белой национальной одежде с золотой вышивкой.

Доктор Киссинджер осторожно присел на один из диванов. Адмирал остался стоять спиной к открытому окну, откуда веяло угнетающей уличной жарой. Рольф Хемминг, такой же фатоватый, как его жилье, и такой же старомодный с виду, расположился в кресле. Было четыре часа пополудни. Им подали коктейль «кровавая Мэри».

— Мои осведомители,— начал Хемминг, речь его была изысканно-манерной,— говорят, будто это дело рук коммунистов, которые рассчитывают, что дестабилизация послужит им на пользу во время выборов. Население захочет ценой своих голосов купить мир и спокойствие...

— Чепуха,— возразил Киссинджер.— Даже французские коммунисты не такие идиоты, а уж они-то — одни из самых глупых в Европе.

— Мне не кажется это столь уж неумным, доктор Киссинджер,— не согласился Хемминг.— В этой стране люди всегда голосуют за тех, на чьей стороне, как им кажется, успех. Так они поступали в прошлом и, согласно прогнозам, точно так поведут себя и в данном случае.

— Кто этот ваш осведомитель?

Хемминг взглянул на адмирала, но ответил Киссинджеру:

— Вы задали трудный вопрос, сэр. Я не уверен, что имею право говорить о своих источниках информации.

— Не имеете! — резко сказал адмирал.— Я уже обсуждал эти дела с Хеммингом, Генри. Я доверяю этому источнику.

— Но это же чушь! — повторил Киссинджер.— И скажите мне такую вещь: почему они никого не арестовали? Уж не думаете ли вы, что их полиция вообще ни на что не способна?

— Отчасти действительно ни на что не способна, а отчасти коррумпирована.

— А мы-то действуем в этом направлении, Кент?

— Хотел бы я, чтобы это было так.— Адмирал пожал плечами.

— Есть у вас контакты с французской полицией или с контрразведкой?

Хемминг кивнул. Если Киссинджер рассчитывал на более подробный ответ, то его ждало разочарование.

— Может, вы знаете, насколько они продвинулись в распутывании этой проблемы?

— Знаю, доктор Киссинджер. Они очень далеки от того, чтобы ее решить.

— Все эти взрывы и нападения — действительно дело чисто внутреннее?

— Полагаю, что это так, но Москва их наверняка одобряет.

Киссинджер сделал нетерпеливый жест. Эти люди так же безнадежно увязли в своей школярской демонологии, как русские — в своей. Спорить с ними — просто время терять.

— Будь что будет,— сказал он.— Но мы должны придать этому делу интернациональный характер, чтобы получить возможность вмешаться на законных основаниях. Если оставить это французам, они все просрут. Сегодня утром мы их слегка обескуражили — надеюсь, они поняли насчет банков. Но надо искать и другие пути.

— Вы на самолет рассчитываете успеть, Генри? — неожиданно спросил адмирал.

Киссинджер глянул на часы:

— Да, пошли.

— Возьмите машину, нам с Рольфом надо еще немного потолковать. Скажите шоферу, чтобы вернулся за мной.

Когда Киссинджер вышел, Брубек повернулся к Рольфу Хеммингу:

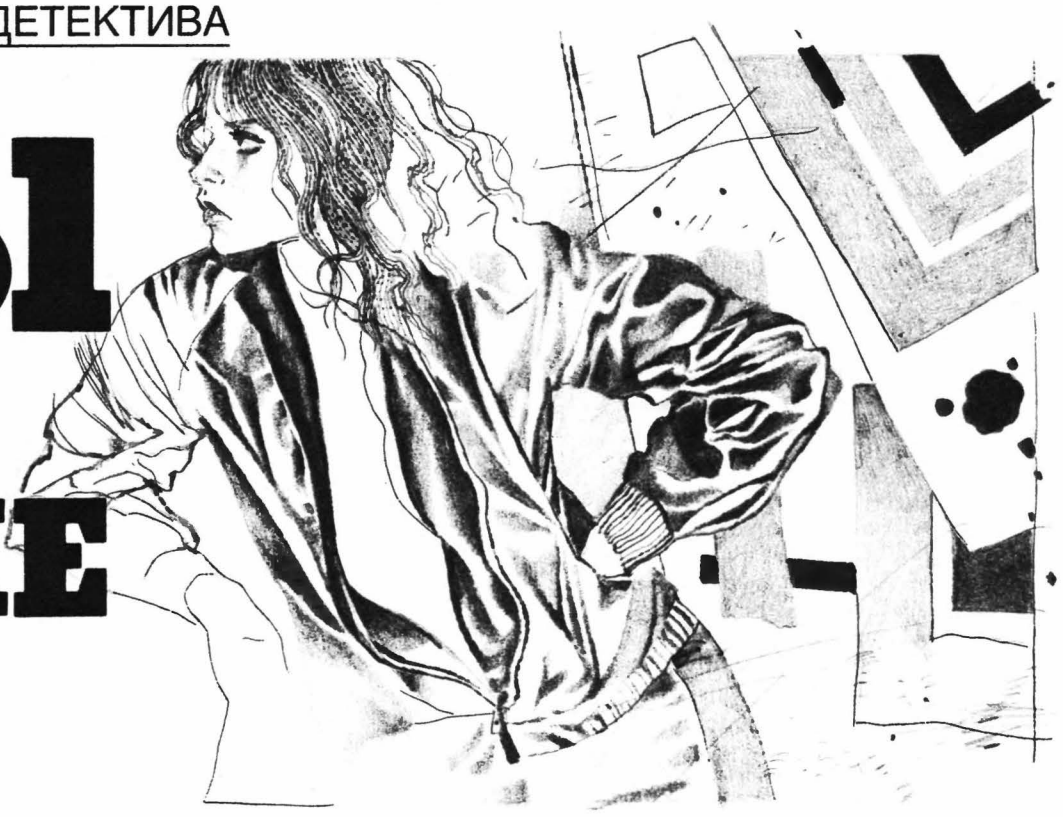
— Ну, а теперь перейдем к делу. Вы говорите, что я могу встретиться с этим пидором Пеллереном — их министром обороны?

— Я договорился, что сегодня вечером вы встретитесь на квартире одного надежного человека — его сотрудника.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ



Дерек КАРТУН

Роман

ГЛАВА X

Ровно в шесть пополудни высокий рыжий малый — наш старый знакомец Жан-Поль — решительно толкнул тяжелую застекленную дверь в помещение редакции «Юманите» на улице Фобур Пуассоньер и, быстро оглядевшись в холле, направился налево — к столу, за которым сидела дежурная. Правую руку он держал в кармане кожаной куртки, в левой был конверт.

— Это для Армана Сейнака. Очень срочное дело. Отправьте прямо сейчас.

— Вы можете подождать? Я только проверю, у себя ли он.

Дежурная взяла трубку местного телефона. Рыжий остался стоять у стола, но на девушку не смотрел: его взгляд беспокойно шарил по приемной, изучая всех, кто там был.

Вахтер, сидевший рядом с дежурной, взял пустую сумку для корреспонденции.

— Я пошел наверх,— сказал он и, выйдя из-за стола, направился будто бы к лифту. Но, оказавшись позади Жан-Поля, внезапно навалился на него, прижав к столу, мгновенно набросил сумку ему на голову и крепко схватил за руки. Плотный мужчина, сидевший в дальнем углу, с неожиданным проворством подскочил и помог своему коллеге скрутить «курьера», не дав ему никакой возможности действовать правой рукой — она так и осталась в кармане куртки.

Все это произошло мгновенно. Жан-Поля вывели через заднюю дверь, а потом через запасной выход вообще из здания в переулок. Там ждала машина. Его втолкнули туда, один оперативник уселся рядом и двое — впереди. Руки его в наручниках оказались за спиной. Тем временем еще один оперативник вернулся в холл через парадный вход и забрал конверт.

— Спасибо, дорогуша,— похвалил он дежурную.— Отлично ты это проделала. Передай Сейнаку, что все о'кей.

Спустя несколько минут раздался вой полицейских сирен, к зданию подлетели четыре полицейские машины. Выскочившие из них люди — человек двадцать в форме и в штатском — бросились к дверям. Они миновали приемную, будто точно зная, куда надо бежать, рассыпались по комнатам второго и третьего этажей, где располагались отделы редакции, а двое отсоединили местный телефон и принялись обыскивать стол дежурной.

Несмотря на протесты Сейнака и остальных сотрудников, за полчаса полиция обшарила все кабинеты. Возглавлявший группу инспектор отказался ответить на вопрос, есть ли у него ордер на обыск, и только плечами пожал, когда ему сказали, что на следующий же день газета расскажет своим читателям о его действиях. Из кабинета, где в тот момент никого не было, он позвонил в префектуру.

Продолжение см. «Огонек» №№ 11—16.

— Это Дюмайль, господин префект.

— Ну?

— Ничего не обнаружено. Абсолютно ничего. Мы все перерыли.

— Не понимаю! Агент ведь доложил, что человек с конвертом вошел в здание.

— Но вышел ли он, господин префект?

В трубке наступило молчание.

— Вот идиот! — произнес наконец префект.— Чего ж ему никто не сказал, чтобы он еще подождал?

— Приступить к поискам того, кто принес конверт?

— Не надо. Уводите своих людей...

А машина ОТО тем временем на большой скорости двигалась к улице Соссэ. Она заехала в подземный гараж, и один из инспекторов пошел звонить.

— Он тут, внизу,— доложил он Альфреду Бауму.— Привести его к вам?

Баум был уже в курсе.

— Не надо. Снимите пока отпечатки пальцев и проверьте на компьютере. Потом пусть инспектор Алламбо с ним побеседует. Я его проинструктировал, он будет тянуть допрос как можно дольше. А я встречусь с этим малым завтра утром.

Из гаража Жан-Поля провели в лифт. Он шагал с развязным видом и не отвечал, когда к нему обращались. Сотрудникам контрразведки такая бравада была знакома — ее обычно хватает часа на два. Они будто и не замечали ничего.

В кабинете инспектора Алламбо наручники с Жан-Поля сняли, предложили сигарету и не стали настаивать, когда он отказался от чашки кофе. Пришел молодой человек со специальным оборудованием и снял отпечатки пальцев, а другой сфотографировал его. В карманах у задержанного не нашлось ни оружия, ни документов.

Негромкий голос и мягкие манеры инспектора Алламбо — человека уже немолодого — не сразу позволяли обнаружить в нем острый и недобрый ум. Он слыл большим специалистом по части допросов и, не повышая голоса, умел, как никто другой из его коллег, выжать из преступника признание.

— Только дайте им время — и они запутаются,— утверждал он.— В этих их россказнях обязательно найдется слабое звено. Дайте им поговорить — и они сами себя разоблачат.

Жан-Поль объяснял происшедшее чрезвычайно просто. Хотя его рассказ не внушал доверия, опровергнуть его оказалось трудно, тем более что он упорно стоял на своем. Один человек по имени Жиль, которого он, Жан-Поль, знает не особенно близко, заплатил ему сто франков, чтобы он отнес конверт в «Юманите». Вот и все, что он имеет по этому поводу сообщить. Где это произошло? Да прямо на улице. На какой именно улице? Ну, на бульваре Клиши. Там он иногда и раньше встречал Жиля. Может, они вместе в кафе заходили? Да нет, просто встретились случайно. А давно познакомились? С год назад, может, и два, а то и раньше. Как выглядит этот Жиль? Ну знаете, такой небольшого роста, волосы темные, совершенно обыкновенный, в переулках возле Клиши таких сколько угодно.

Чем занимается Жиль и на что живет, ему неизвестно. Может, он сутенер, кто его знает? Где живет? Ну ни малейшего представления! А где сто франков? Он их разменял: купил билет на метро и пачку сигарет. А где сигареты? В кармане были, если только он их не выронил. Может, чертовы эти полицейские вытащили, пока в машине ехали.

Инспектор Алламбо записывал все тщательно, будто верил каждому слову. Он был сама вежливость и предупредительность. Разумеется, он и сам хотел как можно скорее отпустить Жан-Поля домой. Но необходимо выполнить кое-какие формальности. Между прочим, по какому адресу он проживает?

— Не помню,— ответил Жан-Поль.

— Не помнишь, где живешь?

— Не помню — и все. У меня память отшибло после того, как меня в машине избили.

— Так тебя били? Покажи-ка следы побоев.

— А нету следов. Вы же тут специалисты, бить умеете...

Инспектор вздохнул: что-то дело не продвигается. Может, отпечатки пальцев помогут.

И правда, отпечатки пальцев кое-что объяснили. Они принадлежали некоему Жан-Полю Масэ, тридцати одного года, в прошлом — три года службы в иностранном легионе, четыре раза сидел — дважды за нарушение общественного порядка (то бишь за уличную драку) и дважды — за кражи, один раз — с применением насилия. Выяснилось, что этот Жан-Поль Масэ с тех пор, как ему стукнуло шестнадцать, провел за решеткой в общей сложности девять лет.

— Это же надо! — посочувствовал Алламбо.— Столько времени даром ушло, правда ведь? А теперь и это еще. Суд наверняка отнесется к делу серьезно.

— Да какое дело-то, из-за чего шум? Что я этот сраный конверт отнес?

— Это верно, никакой вины за тобой нет. Только разве судья поверит, когда узнает твое прошлое? Скорее уж он решит, что ты действовал сознательно, как член какой-то левой организации. Так что сам думай, приятель. Если суд подойдет к тебе без снисхождения, то уголовный кодекс за такие дела предусматривает наказание очень и очень суровое.

— Ну например?

— Пятнадцать лет строгого режима.— Алламбо сочувственно покачал головой.— Хочешь кофе, дружок, а?

«Надежным человеком» Рольфа Хемминга был не кто иной, как Пишу — секретарь Амбруаза Пеллерена, тот самый, которому, к его досаде, не удалось присутствовать при встрече его шефа с Жоржем Вавром. Пишу служил Пеллерену уже семь лет — из них четыре, когда тот был всего-навсего малоизвестным политиком, и три — когда занимал уже министерские посты. У него была великолепная память, неукротимая энергия и готовность выполнить любое поручение. Амбруаз Пеллерен полагался на него как на самого себя — кто ж этаких не ценит? Его дове-

рие простиралось далеко за сферы политики и распространялось на такие стороны жизни министра, где его телефонные разговоры больше бы заинтересовали его супругу, нежели коллег. В смысле надежности, считал министр, бледный, несколько смахивающий на лемура Пишу не имел себе равных. Пеллерен заметил его некогда на самых нижних ступенях служебной лестницы — у него был нюх на полезных людей — и всемерно способствовал его продвижению, как бы формируя для себя, в чисто французском стиле, помощника, всецело обязанного своей карьерой патрону. Отсюда — надежность. Отсюда — возможность довериться. И отсюда же — тайная ненависть, которую питал к Амбруазу Пеллерену хитрый, неврастеничный, не находящий удовлетворения своим амбициям Пишу,— эта ненависть разъедала его душу, как медленно действующий яд. Конечно, отсюда же и миниатюрный радиомикрофон под крышкой старинного, в стиле Людовика Четырнадцатого комода, который украшал гостиную Пишу,— именно в его квартиру Хемминг привел адмирала Брубека, чтобы познакомить его с министром. Они втроем — сам Хемминг, адмирал и министр — уютно расположились возле низкого столика, на котором стояли бутылки и стаканы. Скромник Пишу предоставил патрону на весь вечер квартиру и удалился по своим делам. Не догадываясь, с кем собирается встретиться министр, и не задавая никаких вопросов, он позаботился обо всем и оставил гостям неплохой выбор напитков: обычная его предусмотрительность.

Оба американца пили шотландский виски. Министр налил себе рюмочку портвейна.

— Messieurs, je vous écoute — господа, я вас слушаю,— сказал он.

Он пригласил господина адмирала, начал Рольф Хемминг, потому что полагает, что новому шефу ЦРУ было бы чрезвычайно полезно установить контакты с ведущими политическими деятелями Франции — с людьми доброй воли, чья политическая философия естественным образом приводит их к такого типа контактам. Vous me comprenez bien? Вы ведь меня понимаете, мой друг? Как это важно — услышать из первых рук, что́ французские лидеры думают и планируют, на что рассчитывают в сложившейся весьма щекотливой, я бы даже сказал, опасной ситуации. Он мимоходом упомянул взрывы, коснулся предстоящих выборов, поморщился, говоря о коммунистах, и рискнул высказать предположение, что, уважая французскую демократию и желая восстановить в этой стране статус-кво, правительство и народ Соединенных Штатов проявляют интерес, пожалуй, даже встревожены тем, что здесь происходит, и хотели бы сделать все, что возможно...

Он продолжал в том же духе, то намекая на сотрудничество, то слегка угрожая возможностью прямого американского вмешательства, создавая атмосферу, в которой можно было произносить такие слова и выдвигать такие идеи, которые по самой своей сути нуждались в том, чтобы их окутывали неким политико-конспиративным туманом. Он был мастер вести беседы на скользкие темы. Его утонченная натура гомосексуалиста и многолетний опыт, когда ему приходилось убеждать несогласных и упрямых и подбадривать слабых духом, сделали его настоящим профессионалом в делах такого рода.

Зато для адмирала это был темный лес. Словесные хитросплетения Хемминга если и доходили до него отчасти, то уж, во всяком случае, никакого впечатления не производили. Ведь они собираются решить одну из самых сложных задач этого сложного и жестокого мира: сокрушить коммунизм, так ведь? Этот обтекаемый Хемминг уже начал раздражать его. Что за нудный тип! Пора спрашивать напрямую, а он вопросов не задает, болтает себе. Адмирал решил задать их сам.

— Я бы хотел знать, господин министр, как поступят ваши люди, если по предварительным подсчетам окажется, что коммунисты получили преимущество?

— Это зависит от многих вещей, господин адмирал.

Рисунки
Вячеслава
ЛОСЕВА

— От каких именно?

— Всего не предусмотришь. От общего настроения в стране, к примеру, а главным образом — от настроения тех, кто, с моей точки зрения, составляет истинную Францию, тех, кто всегда голосует против коммунистов и социалистов и кто, если судить здраво, является движущей силой нашего общества.

— А если как раз они и недовольны нынешним правительством? И настроены действовать против вас?

— Если эта ваша политическая гипотеза оправдается, то мы поступим соответственно новым обстоятельствам.

Адмирал недовольно заворчал. Все вокруг лукавят, не нравится ему это!

— Вот вы лично смогли бы проявить в таком случае решительность и употребить власть?

Амбруаз Пеллерен позволил себе изобразить удивление, брови его слегка приподнялись.

— Вряд ли я мог бы прямо сейчас, заранее, дать определенный ответ.

— То есть власть не употребите...

Наступила долгая пауза.

— Я этого не сказал.

— Так вы предпримете какие-то шаги, господин министр?

Снова пауза.

— Смотря какие шаги. Должен заметить со всей искренностью, господин адмирал, что я не склонен входить в подробности, обсуждая проблемы такого рода.

— Но вы предполагаете поддерживать связь с моим другом Рольфом?

— Да.

— И можно рассчитывать, что вы будете держать нас в курсе? Сведения, которые поступают через наше посольство,— это сущая чепуха.

Министр сделал жест, который легко было истолковать как утвердительный,— адмирал так его и понял.

— Отлично,— резюмировал он. Однако по пути в отель спросил:

— Рольф, а получше у вас ничего не нашлось?

— Лучшего не нужно, господин адмирал. Есть и другие деятели, с которыми нам было бы легче сотрудничать, но у Пеллерена достаточно мускулов и шарма, и когда дойдет до дела, он себя покажет.

— Это он всегда так осторожничает или только вид делает?

— Вовсе нет. Он ходит вокруг да около, потому что хочет убедиться, что вы наших планов не выдадите у себя в ЦРУ. Предлагая вам с ним встретиться, я ведь не утверждал, будто он даст ответ на все ваши вопросы. Но поверьте моему слову, господин адмирал, что, если уж дела на выборах пойдут плохо, он вступит в игру.

...Вернувшись домой, Пишу вынул из спрятанного магнитофона кассету, на которой записались все вечерние разговоры, унес в спальню, дважды прослушал, принял решение завтра же переправить ее куда следует. И только после этого лег спать.

На следующее утро, в восемь, Баум вызвал к себе Алламбо.

— Пока ничего,— сообщил тот.— Допрашивали всю ночь. Держится за свою версию — с места его не сдвинешь. Я готов поклясться, что он отнюдь не просто посредник в этом деле, а крупная рыба.

— И я времени даром не терял,— сказал Баум.— Вчера вечером потолковал с одним приятелем, который занимается архивами иностранного легиона. Знаете, они там заводят симпатичные толстенькие досье на каждого из своих участников, все как на ладони — и прошлое, и настоящее. Так вот, этот Жан-Поль Масэ довольно-таки занятный малый.

Он вытащил из кармана скомканный лист и расправил его на столе.

— Ну, что мы тут видим? Масэ всегда интересовался политикой, и хоть интерес этот самого грубого свойства, политика в его жизни многое значит. Какое-то время он состоял членом одной неонацистской группы. Но эти ему не подошли — мягкотелые слишком. Он подался к тем, кто покруче, прибился к итальянской группе Terzia Positzione. Тут уж ему и бомбы, и пулеметы. В легионе постоянно вел разговоры о том, что стране, мол, нужна сильная рука. Ради этого, говорил, можно и кровь пролить. Вообще-то его там всерьез не принимали. Но вот насчет его принадлежности к левым — никаких следов. Правый террор — да. А к левым, насколько можно судить, он отношения не имел.

— Так что с ним делать?

— Продолжайте допрашивать...

— Жестко?

— Нет, жестко не надо. Пожалуй, и я включусь — посмотрим, как он отреагирует на нового человека. Давайте его сюда.

Развязность не только не покинула Жан-Поля, а, напротив, даже усилилась по мере того, как с ним обращались все более вежливо. С Алламбо, ему казалось, он справился шутя. Эти здешние свиньи — сущие детишки по сравнению с теми, которых он знавал в прошлом. А теперь вот толстенький, коротенький пердун, который уставился на него и покачивает головой. Да пялься сколько влезет, все равно от Жан-Поля ничего нового не услышишь. Рано или поздно им придется его отпустить. Главное сейчас — сохранять спокойствие, держись нормально, ничего эти говнюки с тобой не сделают.

— Так ты что же, не хочешь нам помогать? — спросил между тем толстяк, лицо его выразило удивление.— Неужели не понятно, что застрянешь тут надолго? Нам-то что, мы не против. Но, может, ты сам о себе позаботишься?

Жан-Поль не ответил. Он попытался сыграть с толстяком в гляделки — не получилось, тогда он уселся поудобнее, вытянул ноги и зевнул.

— Тут тебе не полиция, понимать надо,— продолжал толстяк.— Это контрразведка, у нас порядки другие.— Говорил он мягко, будто даже виновато.— Никто не знает, что ты здесь. Это точно, ни один человек не знает. Разговор у нас с тобой что-то не получается, только время зря тратим. А могли бы в пять минут все решить — сделаешь заявление по всей форме и сразу получишь все, что следует, закон тебя будет защищать...

— Не можете вы меня держать вечно,— заявил Жан-Поль.

— Можем,— ответил Баум тоном глубокого сожаления.— Вполне можем. Видишь ли, ты нам тут всю ночь басни рассказывал. Отнял массу времени у инспектора, а теперь вот мое время не жалеешь. Мы-то люди терпеливые, но у некоторых наших коллег на тебя терпения не хватит. Так что послушайся доброго совета, лучше помоги нам, а то, хочешь — не хочешь, придется с ними повстречаться. Я достаточно ясно выражаюсь?

— А пошли вы все...— Жан-Поль снова зевнул.

— Ладно, посидишь, пока мы еще кого-нибудь не задержим. Там посмотрим. На твоем бы месте я помолился, чтобы это произошло поскорей. Тут у нас скучища...— Баум снова вздохнул.— Уведите его.

Когда за Жан-Полем закрылась дверь, Баум повернулся к Алламбо.

— По-моему, из этого малого ничего не выжмешь. Может, если измолотить его до полусмерти, он что-нибудь и скажет. Но пока еще положение не такое. Дело это щекотливое, может и плохо обернуться. У меня есть идея получше.

Он изложил собеседнику свою идею.

— Любишь ты рисковать, Альфред,— сказал Алламбо.

— Нет, не люблю. Но иногда это необходимо.

В тот день Жан-Поля несколько раз приводили на второй этаж, в комнату, которая находилась в самом конце коридора. Там его допрашивал усталый сержант — никакого результата. То и дело сержант выходил за какой-нибудь папкой, за чашкой кофе. И каждый раз Жань-Поль устремлялся к окну — прикидывал все «за» и «против» побега. Днем и пытаться нечего, а в потемках вполне может получиться. Следовательно, надо, насколько возможно, тянуть...

Где-то после десяти вечера его опять привели на допрос. У сержанта вид был усталый и безнадежный: ему небось и самому надоело. Через полчаса он сказал:

— В горле пересохло. Схожу за кофе. Тебе принести?

— Неси,— вежливо согласился Жан-Поль.

Сержант вышел и запер за собой дверь. Жан-Поль кинулся к окну, вскочил на подоконник и выбрался наружу. Он повис на руках и, оттолкнувшись ногами от стены, разжал пальцы. Падать было невысоко — метра три-четыре. На тренировках в легионе и не с такой высоты приходилось прыгать. Он ловко приземлился и бросился бежать по улице Соссэ. Никто не попался ему навстречу, и дежурный у ворот ничего не заметил.

«Елки-палки, до чего просто!» — порадовался он про себя.

Добежав до станции метро Сент-Огюстен, он убедился, что никто его не преследует. Небось еще и не хватились, тупицы чертовы.

На платформе внизу оживленно беседовали трое мужчин. Подошел поезд, двое из них сели в тот же вагон, что и Жан-Поль, а третий направился к выходу и поспешил к ближайшей телефонной будке. Выслушав его сообщение, Баум позвонил на Восточный вокзал:

— Леон, он едет в метро в твоем направлении. С ним двое наших. Вокруг вокзала народу достаточно?

— Нас тут пятнадцать человек и две машины.

— Хорошо. Мне что-то кажется, что он прямо к вам едет. Желаю удачи.

На станции Шоссе д'Антен, где Жан-Поль сделал пересадку, в ожидании поезда в сторону Восточного вокзала стояли двое инспекторов в штатском. Те, что приехали вместе с Жан-Полем, проводили его вверх по лестнице и потом по длинному коридору. Выйдя на платформу, они направились в другой вагон, а те двое, что ждали на платформе, последовали за Жан-Полем.

На Восточном вокзале Жан-Поль вышел. Его заметили четверо сотрудников ОТО, один немедленно побежал на выход к телефону.

— Звоню с Восточного вокзала. Он тут! Пока, шеф, привет!

Остальные трое, сохраняя приличную дистанцию, «повели» Жан-Поля по длинному туннелю — тому самому, в котором прозвучали выстрелы Ингрид. Здесь его перехватили сотрудники ОТО, ждавшие на лестнице, которая ведет в верхний вестибюль. Держась к нему поближе, они дошли до выхода из метро. Тут, читая газету, стоял Леон. Когда Жан-Поль поравнялся с ним, Леон сложил газету и, сунув ее в карман, вслед за ним пересек площадь. Жан-Поль свернул на улицу Сен-Дени. И тут же из тени к нему шагнула женская фигура. В зубах у девушки была незажженная сигарета.

— Огоньку не найдется?

— Они у меня зажигалку отобрали!

— За тобой хвост,— внятно сказала Ингрид.— Иди дальше. Придешь ко мне — только сначала от них избавься.

В этот момент мимо прошел Леон и успел взглянуть на лицо говорившей. В его памяти сработала какая-то кнопка: похоже, девица из клиники. Волосы другие, но черты лица те же. Он уловил сказанные ею слова. Черт, значит, кто-то выдал их план! Думать надо быстро. По крайней мере двое из ОТО идут следом, метрах в пятидесяти. Люк на следующем углу — отсюда метров сто. Если он попробует задержать их, то один ускользнет. Но если они дальше пойдут врозь, то все равно кого-то из них упустишь. Он задержит девку — это важней.

Все произошло в считанные секунды. Леон схватил ее за руку и рванул к себе: только бы удержать, пока подбегут те двое. Но он не предполагал, что Жан-Поль, вместо того чтобы убежать, обрушит тяжелый кулак ему на голову и коленом саданет в пах. Согнувшись пополам от боли, Леон отпустил Ингрид, и она бросилась бежать по улице. Двое оперативников пустились вдогонку, но у нее было метров тридцать форы. К тому же она была в отличной спортивной форме, да и Жан-Поль оказался бегуном не из последних. Скоро у преследователей не осталось никаких шансов догнать эту пару.

Люк увидел наконец бегущую; те, что преследовали ее, что-то крикнули. Он догадался, что эта сцена имеет какое-то отношение к Жан-Полю, девчонку надо поймать. Но она была на другой стороне, их разделял поток машин и, пересекая улицу, он потерял ее из виду: тут как раз распахнулись двери кинотеатра и оттуда повалила толпа.

Снова неудача...

«Полицейская провокация по отношению к «Юманите» — заголовки этой газеты на следующее утро прямо-таки кричали. Какой-то ловкач ухитрился сделать снимок: бригада по борьбе с коммунистами шурует по кабинетам редакции. Этот снимок занял всю первую страницу, оставив только место для колонки, написанной Сейнаком, который объявил, что полицейский рейд — это маневр, имеющий целью дискредитировать его партию. «Что они искали? — вопрошал он.— Есть основания предполагать, что сначала послали в редакцию некий секретный документ, вот его-то участники рейда и собирались обнаружить. Однако номер не прошел. Мы теперь удвоим бдительность».

На внутренних полосах сообщалось о новых взрывах в провинции. Вся остальная пресса посвятила этим взрывам, унесшим шесть человеческих жизней, первые страницы.

Баум у себя в отделе слушал отчет Леона о том, что произошло вчера. Он был взбешен, но старался этого не выдать, повторяя про себя, что такое могло произойти и с ним самим. Ясно было одно: кто-то в отделе закладывал их планы. Он сидел за пустым столом и пытался осмыслить этот факт, который только подтверждал его растущее убеждение, что все события последнего времени — части одного целого, что ситуация организована и кто-то ловко ею управляет. Взрывы, продолжающиеся целых четыре месяца,— а полиция ни на шаг не продвинулась в поисках террористов; странная история с секретными документами: ясно, что тот, кто организовал их пропажу, вовсе не заботился, чтобы они попали в руки русских или еще чьи-нибудь, а заинтересован в политическом скандале. И еще факт, который никак нельзя сбросить со счетов: кинокадры, отснятые в Булонском лесу...

Он решил посмотреть их еще раз и, позвонив по внутреннему, с несчастным видом отправился в просмотровую. Там он сидел в потемках один, пока прокручивали пленку, снятую покойным Морисом, всего пятьдесят секунд.

Сначала на экране возникла неподвижная фигура в кустах спиной к камере: Галевич. Потом камера чуть сдвинулась вправо, и на заднем фоне стал отчетливо виден мужчина в темной куртке, он держит под руку девушку с длинными светлыми волосами. На ней узкие брюки и блузка, мужчина что-то говорит, а она слушает. Камера снова вернулась к Галевичу, гуляющая пара тоже вошла в кадр. Человек немолод, под пятьдесят, его лицо видно отлично. Баум узнал его безошибочно.

Пленка кончилась: на этом месте Леон по передатчику велел Морису не расходовать государственное имущество. Но Баум видел достаточно. И то, что он видел, было весьма странно, поскольку немолодой мужчина был в ОТО досконально известен, именно его досье Баум то и дело листал в последние две недели. Из документов, собранных в папке, следовало однозначно: данный господин — убежденный и непоколебимый гомосексуалист, у него не бывает с женщинами отношений такого рода, чтобы назначать тайные и нежные свидания под сенью Булонского леса.

Баум вернулся к себе, плюхнулся в кресло и тем же меланхолическим взглядом уставился в стену напротив. Почему эти кадры так неотвязно его преследуют, почему связываются в его сознании со всеми остальными событиями последних дней? С одной стороны, вроде бредятина, а с другой — почему бы и нет? Но уж что точно — так это то, что никого он не сумеет убедить, даже Жоржа Ворра, будто такая связь существует. Если бы его, Альфреда Баума, спросили, почему он усматривает тут какую-то связь и в чем, собственно, она заключается, вразумительного ответа он бы не нашел. «Иногда,— сказал он сам себе,— чувствуешь что-то. Ни доказательств нет, ни свидетелей, но ты точно знаешь. Просто весь твой жизненный опыт говорит. Остается только ждать сущего пустяка — пока факты подтвердят теорию».

Он поднялся и начал ходить взад и вперед по крошечному кабинету. Облегчения это не принесло. Он снова сел и постарался отвлечься от просмотренной пленки и сосредоточиться мыслями на событиях вчерашнего вечера. Надо бы установить на улице Фобур Сен-Дени наблюдение, хотя эти ребятки наверняка оттуда уже смылись. Разве что случайно вернутся — забрать что-нибудь, что в спешке забыли. Но ждать такой удачи он не вправе. Удачу еще надо заслужить, а как отдел сейчас работает — так ничего он не заслуживает хорошего. В воскресенье в Иври выставка кошек, хотелось бы пойти. Там будут все знакомые, и среди экспонатов ожидается кое-что интересное. Но нет, вместо этого сходит-ка он в Булонский лес. Скорее всего эта прогулка окажется совершенно бесполезной, и свой выходной день он проведет скучно и в одиночестве. Эстелле это не понравится — жаловаться она, конечно, не станет, но ее укоризненное молчание хуже, чем если бы она на него кричала. Будь что будет — все равно печень ему покоя не даст, пока он не изгонит этого беса, который будто прячется в зарослях возле шоссе Этуаль и прямо-таки преследует его.

Его поддерживала мысль, что к каждому замку ключ рано или поздно находится. Все люди к чему-то привыкают, и даже самые опытные конспираторы не в силах что-то изменить в некоторых своих привычках.

В этот день, в пятницу 20 августа, общественное мнение совершило опасный крен от тревоги к истерике. Франк упал на сорок сантимов по отношению к доллару. Французский банк пожертвовал еще пять миллиардов, понапрасну пытаясь удержать его курс на высоте. Биржа зафиксировала самое большое падение акций с 1968 года. В министерских кабинетах Парижа заканчивались последние приготовления к встрече глав Европейского экономического сообщества, которая должна была состояться в Лондоне в следующий понедельник. Собираясь в Лондон, президент Франции и премьер-министр предвидели неприятные беседы с европейскими коллегами по поводу все ухудшающейся обстановки в их стране.

ГЛАВА XI

Похоже было, что собирается гроза. Может, это и к лучшему: по крайней мере она развеет душный, пропахший бензином воздух, и в городе станет легче дышать. Альфред Баум, однако, надеялся, что гроза грянет попозже. Эстелла повздыхала выразительно и завернула ему завтрак с собой, теперь он сидел на поваленном дереве и уплетал жареную курицу и прочие деликатесы, запивая их красным вином из бутылки. Он бы предпочел пару сандвичей и пиво, но не хотел задевать чувства Эстеллы и взял с собой так называемый набор для пикника, больше похожий на обычный воскресный завтрак.

Было уже около двух, он околачивался возле шоссе Этуаль с полудня. Леон ему все объяснил, и он без труда по приметам нашел это место. Единственное, что могло бы показаться странным (и весьма странным!) в его внешности в данный момент — пока он, сидя в панаме под деревом, уничтожал свой завтрак,— это сумка для гольфа. Чего нет в Булонском лесу — так это поля для гольфа! Баум сам чувствовал, что выглядит несколько смешно — тем более что в жизни он не играл ни в гольф, ни в какие другие игры.

Закончив есть, он собрал бумажки, косточки и прочее в кармашек сумки и направился в гущу леса. Там, углубившись в заросли метров на пятьдесят, где его не было видно из проносящихся по шоссе машин, он наконец открыл сумку. Внутри была упакована металлическая трубка длиной побольше метра и сантиметров пятнадцать диаметром, соединенная с электронным записывающим устройством и парой наушников. Как микрофон для подслушивания с дальнего расстояния этот прибор незаменим, но таскать его по жаре в лесу — сущее наказание: очень уж заметное, тяжелое, ни на что не похоже — только на подслушивающее устройство, каковым оно и является. Как-то надо было ухитриться оставаться незамеченным и при этом находиться в радиусе действия прибора. В данных условиях, решил он, это будет означать примерно в ста метрах.

В два пятнадцать на шоссе, неподалеку от того места, где скрылся в кустах Баум, остановился белый фургон «рено». Водитель, похоже, не имел намерения вылезать. Деревья мешали рассмотреть его как следует. В два тридцать Баум заметил на шоссе Этуаль мужчину — его он узнал сразу, даже издалека. И водитель, видно, тоже: из машины выпорхнула блондинка, и они, сойдя оба с пешеходной тропки, встретились метрах в семидесяти пяти от куста, за которым укрылся Баум. Парочка принялась ходить взад и вперед под деревьями, мужчина что-то говорил, девушка время от времени вставляла слово. У нее были длинные светлые волосы, она опустила голову, будто разглядывала что-то на земле.

Баум приподнял направленный микрофон, повесив шнур на нижнюю ветку дерева. Он без труда уловил их шаги, и, чуть подрегулировав, расслышал голоса. Какие-то искажения, подумал он, голос девушки звучит слишком низко, будто мужской. Они непрерывно двигались, то и дело скрывались за деревьями, это сильно затрудняло прием. Эх, техника бы сюда, но тут уж приходится действовать одному. Да и не нужен ему никто до тех пор, пока не подтвердятся его подозрения и предчувствия. Тем более сейчас, когда кто-то в отделе их закладывает. Вот если произойдет то, чего он ожидает, он придумает кучу причин, почему не захотел никого с собой брать в лес. Не надо, чтобы об этом знали. Что, если эти тайные встречи в Булонском лесу вовсе не то, что он предполагает? Да еще после всех этих провалов... Словом, нет — и все.

Он уловил несколько слов, произнесенных мужчиной: «согласованные действия... шестого сентября... точный маршрут...» В микрофоне раздавались шорохи и еще какие-то звуки, приносимые из лесу. Девушка спрашивала: «А если мы не готовы?.. Новый командный пункт?»

Баум больше всего заботился, чтобы его не заметили и чтобы микрофон все время был направлен в сторону говоривших, как бы они там ни расхаживали. Смысл беседы до него не доходил — ничего, у него будет сколько угодно времени, чтобы послушать запись... Он проверил: катушки кассеты вращались исправно. Удалось записать большую часть их диалога. Может, на этот раз ему наконец-то повезло. Пора бы уже. А то все время карта шла не в масть. Может, это к нему козырной туз пришел.

Парочка наконец рассталась. Без всяких проявлений чувств — ни при встрече, ни при разлуке. Свидание, точь-в-точь похожее на деловую встречу, только вот место неподходящее. Они даже рукопожатием не обменялись на этот раз, не то что на той пленке. И эта девушка... Какая-то она неженственная. Больше на парня смахивает. ей-Богу. Баум усмехнулся — да это парень и есть! Дело ясное: нежное любовное свидание в полдень в лесу — это просто прикрытие, неглупо придумано.

Он собрал в кустах аппаратуру и заспешил к дороге. Мужчина уже укатил в направлении, противоположном тому, откуда появился. Когда Баум был метрах в десяти от шоссе, тронулся с места и фургон, он едва успел заметить номер. Баум нацарапал его на листке, подхватил сумку для гольфа и стал ловить такси. Первый раз за последние недели он чувствовал себя в своей тарелке — легко и свободно. Вечно имея дело со всякими загадками, он терпеть их не мог. Вот и эта наконец разгадана, прямо камень с плеч. Разгадана, но еще и доказательства нужны. Однако сегодня ему важно было разобраться с этими свиданиями...

Толстяк с дурацкой сумкой, весь потный, но страшно довольный, сел в поезд на вокзале Монпарнас и в половине пятого уже пил черный кофе у себя дома в Версале.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН
РОМАН

Это была чистая случайность — или, как принято говорить, Его величество Случай, что в тот же воскресный полдень в Булонском лесу оказались и другие сотрудники ОТО,— правда, совсем в другой его части, у Порт де Мадрид, далеко от того места, где устроил себе пикник Альфред Баум. Почти вся команда, что вела наблюдение раньше, собралась здесь снова, потея в машинах, и нервы у всех были напряжены.

— Все эти вылазки ни к чему! Разве что опять старикашку застукаем, у которого при виде голых сисек с дальней дистанции кое-что встает.— Леон был расстроен.— Пусть бы этим полиция нравов занялась, это по их части.

Машина стояла в тени уже несколько часов, раньше шести им отсюда не двинуться. Оставался еще час, и трудно было предположить, будто КГБ предпримет что-нибудь за это время.

— Может, если и на этот раз ничего не обнаружится, начальство свою дурацкую затею похерит? — высказал надежду Люк.

— Как же! Они, что ли, сами тут маются?

По авеню Махатма Ганди в обоих направлениях густо шли машины. Эта улица представляет собой длинную сторону треугольника, образованного бульварами Морис Барре и Комендант Шарко. Из машины Леона, стоявшей на перекрестке, удобно было наблюдать оба потока — и тот, что приближался к Порт де Мадрид, и тот, что двигался оттуда.

Радио неожиданно подало признаки жизни.

— Ящерица — Лисе. Машина советского посольства проследовала к северу, в направлении Нейи. Видим его ясно — это наш приятель Галевич. С ним еще один русский.

— Господи! — ахнул Леон.— Что бы ему на Монмартр поехать, в заведение, где голых баб показывают? Всем бы легче было...

Он тронул машину с места.

— Бобр, я Лиса. Русская машина движется в Порт де Нейи. Ты и Ящерица, сядьте ей на хвост. Мы пока остаемся здесь, смотрим, как он себя поведет. Сегодня их двое — может, за делом каким едут, а не просто удовольствие получать.

Но до площади Порт де Нейи русский так и не доехал. Он еще до перекрестка резко свернул в узкий проезд. Ящерица из своей машины, проскочившей этот поворот, увидел только зад посольского автомобиля и сообщил Лисе по радио, что тот, похоже, замедлил ход.

— Ящерица и Бобр, подъезжайте как можно ближе и выходите. Идите к ним, только поосторожнее, ради Бога, не спугните. Я сейчас подъеду.

Через несколько минут шестеро пеших оперативников врассыпную направились к тому месту, где остановилась машина. Галевич и его спутник не показывались. Леон, потный и взволнованный, но уже вполне собранный, посмотрел на часы. До пяти оставалось несколько минут.

— Если они тут с кем-то договорились, то наверняка на пять,— сказал он Люку.— Вот увидишь, ровно в пять вылезут из машины.

Они следили за русскими из-за деревьев, чтобы из той машины их никак нельзя было заметить.

Но события развивались не так, как предсказал Леон. Ровно в пять спутник Галевича вышел из машины один и пошел назад, поглядывая по сторонам и всем своим видом изображая беспечность.

— Галевича прикрывает,— сообразил Леон.— Это становится интересным. Убедится, что все чисто, и подаст сигнал. И тут уж наш любитель сладенького выползет на свет Божий собственной персоной.

На сей раз он оказался прав. Тот, кто вышел из машины, видимо, решил, что все в порядке. Он нагнулся, будто завязывал шнурок, и тут же из машины показался Галевич, который быстро зашагал назад, к перекрестку. А со стороны Порт де Нейи к тому же перекрестку подъехал голубой «рено» — Галевич явно направлялся к нему.

— Следите за той машиной! — Леон с трудом сдерживал волнение, говоря в микрофон.— Если он сядет в нее, все бегите туда! Сразу же! Все! Бизон, если сможешь его догнать, останови, прижми к обочине и вызывай нас. Теперь действуйте, больше распоряжений не будет.

Машина под кодовым названием «Бизон» как раз проезжала по бульвару Комендант Шарко, когда раздался приказ Леона. Водитель нажал на газ, выехал, развернувшись, на противоположную сторону улицы и, стремглав проскочив сверкающую огнями площадь Порт де Нейи, помчался по шоссе Нейи.

— Да вот же он! — воскликнул его напарник.

Русский преспокойно сидел в голубом «рено» и беседовал с водителем. Второй тоже был здесь — расхаживал туда-сюда вдоль шоссе, караулил. Прежде чем незадачливый страж успел сообразить, что к чему, машина отдела территориальной охраны промчалась мимо него и с визгом затормозила рядом с «рено». Выскочившие из нее оперативники бросились к передним дверцам и прижали их снаружи, чтобы пассажиры не могли выйти, а с трех сторон уже неслись на подмогу их коллеги. Русский — тот, что сторожил,— бросился бежать по шоссе в сторону Порт де Нейи.

— Да пусть его! — на бегу крикнул Леон; он был уже у машины русских.

Дальше все шло по заведенному порядку. Леон предъявил свое удостоверение и потребовал документы у сидящих в машине. Забрал два одинаковых портфеля, обнаруженных у них. Галевича, невзирая на его протесты и заявления, что он обладает дипломатической неприкосновенностью, вежливо, но твердо препроводили к одной из машин и вместе с водителем увезли на улицу Соссэ, а оставшиеся тщательно обыскали «рено» и только после этого отправились туда же.

Недовольство и усталость позабылись, настроение у всех было приподнятое. Похоже, добыча попалась крупная. Участники операции обменивались по радио шутками. Леон всех поздравил и пригласил попозже отметить это дело — отлично поработали, имеем право.

В «рено» в отделении для перчаток были обнаружены документы владельца: Робер Пишу, дом 17 по улице Демур; занятие: государственный служащий.

Леон, ехавший в передней машине, позволил себе заглянуть в конфискованные портфели. В одном лежала вшестеро сложенная газета, в другом — магнитофонная кассета в целлофановом пакетике.

Со службы позвонили в четверть шестого. Альфред Баум выслушал дежурного, покряхтел, повздыхал и наконец ответил ворчливо:

— Пусть они там наших разговоров не подслушивают, держите их подальше от телефона. Больше никому не звоните. Постараюсь успеть на поезд пять тридцать пять. Леон пусть меня ждет. Отправь за мной машину на вокзал Монпарнас.

Повесив трубку, он снова вздохнул.

— Мне очень жаль, честное слово,— сказал он Эстелле.— Собирались в гости, а меня вот в контору вызывают. Ты уж там объясни как-нибудь...

Он улыбнулся и выжидательно посмотрел на нее. Жена в ответ тоже улыбнулась, и он почувствовал облегчение.

— Спасибо,— сказал он.— Может, тебе лучше было за зеленщика выйти?

— Вряд ли. Возвращайся побыстрее.

— Постараюсь.

Записанную сегодня пленку придется прослушать в другой раз — досадно, он как раз настроился, пока свежи в памяти подробности прогулки. Но Галевич — это Галевич, не какая-то там рыбешка, а настоящая, хороших размеров барракуда. Ради него стоит отвлечься от всех прочих.

Спеша к поезду, он все размышлял над тем, что произошло в лесу, и как-то даже забыл о деле, ради которого его вызвали. Еще в машине, продиравшейся сквозь толпу других машин по жарким и шумным парижским улицам, он то так, то этак катал в уме подробности подсмотренного и подслушанного свидания и переключился, только когда увидел Леона,— тот, раскрасневшийся и гордый, пересказал ему события дня и разложил на столе вещественные доказательства. Среди них было и удостоверение личности → имя владельца Бауму было знакомо.

— Вот это да! — сказал он.— Этого ухватить будет ох как трудно!

— Почему это?

— Не важно. Продолжай.

Дослушав рассказ, он похвалил Леона довольно официальным тоном, что того слегка обидело, велел принести магнитофон и заперся в своем кабинете. Вслушиваясь в голоса, записанные на кассете, он тотчас узнал характерный провинциальный выговор Амбруаза Пеллерена. Голос одного из американцев тоже показался знакомым — услышав обращение

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—17.

«Рольф», он понял, что не ошибся, а обращение «господин адмирал» подсказало, кто был третий собеседник. Почти час крутилась пленка, а когда она кончилась, Баум посидел какое-то время, уставившись на магнитофон, будто надеясь еще что-то оттуда добыть. Потом открыл дверь и послал за Галевичем.

Явившись, сей господин немедленно разразился угрозами, как это принято у дипломатов, попавших в щекотливую ситуацию, что случается, кстати, не столь уж редко. Никто не смеет его задерживать, заявил он Бауму и процитировал соответствующую статью международной конвенции, на что Баум ответил, что и без него это знает. Выслушав требование Галевича немедленно его отпустить и задав несколько вопросов, на которые тот отвечать отказался, Баум отдал распоряжения, и дипломата вывели из здания на улице Соссэ и даже проводили до площади Бово, где уже давно тихонько стояла машина советского посольства. Галевич устремился к ней, сел и немедленно укатил.

Положение Робера Пишу было куда хуже. Бледный и встревоженный, он тоже отказывался вступать в беседу и требовал, чтобы ему дали возможность позвонить адвокату, в чем ему отказали. После пятнадцатиминутных препирательств Баум велел увести его и воспользовался телефоном сам. Жорж Вавр молча выслушал сообщение, а затем и то, что он, Баум, тщательно подбирая слова, предложил в качестве плана дальнейших действий,— идея возникла у него только что, во время разговора с Пишу.

— Опять нечто чрезвычайно сложное и опасное, Альфред?

— Допустим,— сказал Баум.— Но если действовать обычным путем, то у нас на руках окажется заурядное дело о шпионаже, то бишь скандал, нудные дебаты со всякими там должностными лицами и Бог весть еще какие неприятности. А то и вовсе останемся ни с чем: заинтересованные лица тут же разнюхают, что у нас только и есть что запись весьма сомнительной беседы министра обороны с парочкой американцев. Отнюдь не то, что нашему достопочтенному президенту хотелось бы прочесть в утренних газетах. А если мой план пройдет, то получим целую сеть, где все взаимосвязано. Очень элегантно получится, не боюсь этого слова.

— Ладно, черт с тобой, делай как знаешь. Только держи меня в курсе.

Баум снова вызвал Пишу — тот будто еще больше похудел за это время.

— Господин Пишу,— начал он дружелюбно.— Вы, надеюсь, понимаете, что влипли в неприятную историю. Очень неприятную. Но, возможно, я помогу вам выбраться. Не то чтобы я так уж хотел, но есть у меня возможность. Все зависит от вас.

Пишу, который успел обдумать ситуацию и пришел к самому неутешительному выводу, изобразил на лице некоторое удивление, как бы говоря: «Вот как?! Интересно...»

— Я прослушал кассету, которую вы пытались передать русским...

— Ничего и никому я не передавал!

— Да не тратьте вы время на бессмысленное отрицание! Запись я прослушал. Это дельце вам обойдется лет в десять, если учесть, при каких обстоятельствах кассета попала к нам.

— Разве что вы или кто-нибудь повыше вас рангом сумеете придать ей больше значения, чем на самом деле...

— Так и знал, что вы это скажете,— отозвался Баум, как бы находя подобный аргумент убедительным.— Но оперативники, которые сейчас профессионально обыскивают вашу квартиру, могут найти такие доказательства вашей предосудительной деятельности, что кассета нам и не понадобится.

На щеках у Пишу заиграли желваки.

— Ничего там нет.

— Посмотрим. Даже если и не найдут ничего, то у нас есть много возможностей испортить вам карьеру, и мы непременно это сделаем.

Наступило молчание.

— Что вы мне предлагаете?

— Работать на нас.

Баум становился все увереннее по мере того, как Пишу свою уверенность терял.

— Что я должен делать?

— Может случиться, нас заинтересуют кое-какие вещи. Мы к вам обратимся, и вы сделаете то, что от вас потребуется. Прежде чем заключить такое соглашение, подпишете признание в сотрудничестве с русскими, этот документ будет храниться в сейфе. Ведете себя как следует — он лежит там. Но сначала мне бы хотелось узнать, почему вы работаете на русских. Причины идеологические?

Пишу позволил себе язвительно улыбнуться.

— Ну уж нет. Поддерживать эту убогую систему!

— Деньги, значит?

— Платят они скупо, вам это наверняка известно. Не собираюсь делать вид, будто мне деньги так уж безразличны, но это не тот случай. Главное — страховка.

— Не понимаю,— удивился Баум.

— Да очень просто. Сами подумайте: этот наш ветхий, полуразвалившийся порядок — он что, вечен? Коммунисты на коне, а все остальные партии попросту обречены, долго не продержатся. Вот я и решил подстраховаться!

— Какую же цену с вас берут за эту «страховку»?

— Какую-нибудь информацию время от времени. Иногда связанную с политикой, иногда их интересует кто-нибудь из персонала.

— Но, работая в министерстве обороны, вы имеете доступ к важнейшим сведениям. Их вы тоже передаете?

На эти слова Пишу реагировал совершенно неожиданным образом. До этого он сидел на стуле сгорбившись, будто из него вынули стержень. Но тут вдруг выпрямился, и Баум увидел перед собой высокопоставленного чиновника — чопорного и преисполненного самоуважения.

— Должен вам заметить, что я француз и люблю свою страну. Я не предатель. И никогда бы не сообщил русским ничего такого, что могло бы причинить вред Франции!

Позже, передавая весь разговор Жоржу Вавру, Баум сказал, что это был единственный момент, когда его собеседник обнаружил свои принципы и изложил их с каким-то даже простодушием: политические секреты — ради Бога! Военные — ни за что! Забавно, но Баум поверил ему...

А теперь он пристально взглянул на человека, снова скорчившегося перед ним на стуле:

— Вы когда-нибудь передавали русским протоколы заседаний Комитета обороны?

— Никогда!

— Но доступ к ним вы имеете?

— Конечно!

— Случалось сделать лишнюю копию для постороннего лица?

— Нет. Это же важнейший государственный секрет!

— Которые вы никогда никому не сообщаете...

— Вот именно!

— Для передачи выбираете секреты поменьше, так, что ли?

Пишу не ответил и совсем поник, утратив свой негодующий пыл.

— Ладно,— произнес Баум.— Сейчас я вам объясню, что от вас требуется и каким образом будем поддерживать связь. Давайте вдвоем сочиним один маленький документик, и вы его подпишете, господин Пишу. После чего можете отправляться на все четыре стороны — и считайте, что вам крупно повезло.

Домой Баум добрался только к полуночи. Эстелла уже легла. Он сам приготовил кофе и бутерброды с сыром и уселся в кресло с магнитофоном и кассетой — той, что удалось записать днем в Булонском лесу. Запись продолжалась всего шестнадцать минут. Он вооружился карандашом и блокнотом — шумы на пленке иной раз совсем заглушали слова, иногда голоса звучали слишком тихо и удалялись по мере того, как парочка поворачивала от места, где прятался Баум. Записав все, что удалось расслышать, он проглядел текст и подчеркнул красным те места, которые показались ему особенно интересными. Получилось нечто вроде диалога с большими паузами.

Мужчина: Согласованные действия... ошибки не должно... шестого сентября... точное место.

Девушка: ...с авеню Опера на Конкорд и вверх по Елисейским полям...

Мужчина: ...гранаты?.. Это возможно? Полицейские... как будто движутся вместе с толпой...

Девушка: Да.

Мужчина: ...в богатом квартале. Скажем, поближе к Конкорд или на Елисейских полях... еще в Италии?

Девушка: ...во вторник. Заберем все и спрячем в обычном месте.

Мужчина: Хорошо.

Девушка: С Жан-Полем стало трудно с тех пор, как он сбежал... Мы бы хотели...

Мужчина: Он слишком много знает...

Девушка: ...мы думаем, это неизбежно. В штабе беспокоятся: этот его побег... возможно, все было организовано. Надо...

Мужчина: ...что нужно.

Девушка: Хорошо.

Мужчина: Встречаемся в следующее воскресенье в то же время.

Девушка: Здесь?

Мужчина: ...в другом месте. До свидания.

Девушка: Пока.

Обе кошки устроились на его коленях и свернулись в один большой клубок, пушистый мех смешался, и стало похоже, будто лежит странный зверек о двух головах. Баум пристально рассматривал текст, но не перечитывал его больше. В его воображении разворачивалась широкая панорама событий, в которой сегодняшняя встреча составляла лишь краткий эпизод. Кошки уютно мурлыкали, и время от времени то одна, то другая открывала сонные глаза, но тут же снова засыпала. Пару раз взмахнул чей-то пушистый хвост. Он погладил кошачьи спинки и почекотал за ушами. Потом бережно снял обеих и, придвинувшись к столу, принялся писать.

На следующее утро, прежде чем идти к шефу, Баум велел с помощью компьютера отыскать, кому принадлежит фургон «рено», на котором вчера приехал в Булонский лес один из участников встречи. К Вавру он захватил запись разговора, составленную накануне. Сидя под портретами двух президентов — прошлого и нынешнего, он пятнадцать минут не спеша и обстоятельно излагал свои мысли, а Вавр слушал, положив перед собой пухлые руки, глаза его не отрывались от лица Баума, и в них не отражалось ничего, кроме недоверия.

Дослушав до конца, он наклонил голову, так что глаз совсем не стало видно за густыми бровями. Они сидели в полном молчании, только часы тикали. Потом Вавр заворочался на стуле, с трудом вытащил пачку сигарет из кармана и закурил.

— Черт бы тебя побрал, Альфред, вечно ты трудности создаешь, являешься с какими-то своими проблемами...

— Ну уж на этот раз проблема не моя. Что ж мне, плюнуть на все и делать вид, будто ничего и не было?

— Я бы так и поступил, ей-Богу...

— Еще не поздно,— усмехнулся Баум.— Можете считать, что я ничего не говорил. Я в газеты не побегу.

— Ты предлагаешь сценарий, который принять невозможно. Не хочу сказать, что ты где-то ошибся. Наоборот, я бы должен тебя поздравить: ты предложил вполне правдоподобную версию. Только вот правительству она не понравится, а я не идиот: зачем предлагать хозяевам то, что им знать не хочется и с чем они справиться не могут? Но отмахнуться от всего этого нельзя. Полное, конечно, безрассудство с нашей стороны, но действовать придется.

— Вот и я так думаю.

— Ну давай говори, что ты конкретно предлагаешь.

С минуту Баум сидел молча, закинув назад голову и полузакрыв глаза. Потом встряхнулся и наклонился вперед.

— Надо, по-моему, разграничить события в Булонском лесу и деятельность террористов. Забудем как бы на время, что нам их главарь известен, и сосредоточимся на том, как от них защититься. То есть воспользуемся теми нитями, что у нас в руках. Во-

первых, номер «рено». Полиция пусть нам его отыщет. Во-вторых, где-то в районе Фобур Сен-Дени расположено что-то вроде базы, где эти ребята встречались, а может быть, и продолжают встречаться. Попробуем провести рейд — обыщем каждое здание в этом квартале.

— Не такие уж надежные нити...

— Еще этот парад голлистов, назначенный на шестое сентября. Нельзя же допустить, чтобы их бомбы взорвались или чтобы они полицейских каких-нибудь укокошили...

— Не можем, и, стало быть, нам на все это дело отпущено не больше двух недель,— заметил Вавр сухо.

— Трудно, конечно, учитывая, что мы не свою прямую работу делаем, а должны работать на полицию.

— Это верно, только кое-что и нас касается, чего никому доверить нельзя: этот субъект Пишу и его контакты с русскими. Кстати, как там с ним?

Баум добросовестно передал разговор с «этим субъектом», и Вавр воздел очи горе с видом безграничного возмущения.

— Ну это-то еще зачем? Куда оно заведет? Пошел бы я к министру, все бы ему рассказал, и тогда уж он сам попросил бы министерство иностранных дел объявить Галевича персоной нон грата, и вышвырнули бы его к черту из страны. Но, правда, тогда бы пришлось рассказать и о кассете Пишу. Кто его знает, что предпримет наш достопочтенный министр, какие у него тут личные или прочие интересы и как вообще дело обернется. Нет уж, весь мой опыт твердит: чего министр знать не должен — это того, что мы сцапали его дружка Пишу.

— Как же трудно! — лицемерно посочувствовал Баум.— Соблюдать конституцию, быть демократичным и законопослушным — и дело делать!

— Да ведь это и есть наше дело: защищать конституцию, демократию и закон, разве нет? От них даже в мыслях отклоняться опасно...

— Тонко замечено. Надо в контрразведку штатного философа брать. Я давно говорил. Какого-нибудь профессора по нравственности и морали. Очень бы он нам помог, разъяснил бы кое-какие простые понятия: «цель», «средства», «оправдывать» и в этом роде...

— Может, и так. Но пока министру ничего не сообщаем и на все моральные соображения плюем.

Уходя, уже в дверях, Баум обернулся:

— Я слышал, что обстрел президентского дворца расследует префектура. Оно и к лучшему: у нас и так дел хватает.

С помощью компьютера по номеру был установлен владелец белого «рено» — некий Анри Жакоб, проживающий на авеню Мэн в доме № 166. Жакоб, как выяснилось, занимался плотницкой и кое-какой случайной работой. Жил он, как сообщили навестившие его сотрудники ОТО, с женой и тремя малыми детьми в квартире на втором этаже и с виду ничем не отличался от любого мелкого ремесленника. Появление целой группы официальных лиц заметно встревожило Жакоба, поскольку он брал кое-какие левые заказы и иной раз уклонялся от уплаты налогов. Когда выяснилось, что посетители интересуются не его гроссбухом, а белым фургоном, он мгновенно успокоился и выразил полную готовность помочь гостям.

Где он был вчера после обеда? Дома, с женой и детишками. Кто его видел? Да они и видели — жена и дети. А может, еще кто? А еще сосед заходил за инструментом, господин Фрескатти. И адрес Фрескатти дал.

Машину он вчера никому не одалживал. Ну, а давно у него этот фургон? Да лет шесть уже. По правде сказать, с такой развалиной много возни, месяца три назад он собрался ее продать. Но никто хорошей цены не дал, так что он решил не спешить. Кто это может подтвердить? А вот... Он порылся на полке, извлек экземпляр газеты и ткнул корявым пальцем в объявление о продаже этой именно машины. Много было желающих посмотреть? Нет, всего один или двое, предложения были несерьезные.

— А помнишь тех двоих — они вроде собирались ее купить? — напомнила ему жена.— Ну вот те, что сразу пришли, как только объявление появилось? Эти вели себя как настоящие покупатели: полезли в мотор, рылись там. Еще раз потом пришли. Помнишь, Анри?

— Это правда, мы уж думали, что дело в шляпе. Но они так больше и не появились.

— Как они выглядели?

Анри пожал плечами и потер щеку.

— Ну один высокий, другой пониже. Лучше у Мари спросите.

— А я помню прекрасно,— сказала его жена.— Столько беспокойства от них было. Особенно этот, длинный. Здоровый такой малый, довольно красивый. Рыжий — знаете, настоящие рыжие волосы.

— Возраст какой примерно?

— Лет тридцать.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА.

— А другой как выглядел?

— Ростом пониже. Не такой заметный. Мне показалось, он с юга откуда-то, акцент такой. Плотный, волосы темные. Больше ничего не могу сказать.

— Может, еще что-нибудь запомнили? Какие-то особые приметы? Может, кто из них сказал что-нибудь необычное?

Супруги помолчали, потом оба отрицательно покачали головами.

— А называли они как-нибудь друг друга?

Снова молчание.

— Хотя вот,— спохватилась мадам Жакоб.— Мне это странным показалось. Только сейчас вспомнила. Тот, что пониже, что-то записывал на бумажке. Карандашом. Чего уж он там нашел в моторе, чтобы записывать? Но я это точно помню, зачем-то он туда нос совал. Помнишь, Анри?

— Кажется, вспоминаю,— сказал Анри. Его все еще тревожила мысль, как бы эти ищейки не полезли в его гроссбух. Но они, кажется, довольны и тем, что выведали.

— Ладно, зайдем сейчас к Фрескатти. Если он ваши слова подтвердит, то больше вас беспокоить не будем.

Один из инспекторов остался у Жакобов, а другой отправился к Фрескатти — тот оказался по профессии страховым агентом. Он действительно заходил к соседям в воскресенье — его слова полностью совпадали с тем, что сказал Анри. Инспектор вернулся, захватил своего напарника, и они отбыли.

— Знаю я эти штучки,— сказал Баум, выслушав их рассказ.— Цель — обзавестись автомобилем, который выследить невозможно. Метод: отыскать подержанный автомобиль, выставленный на продажу, того самого типа, который вы собираетесь украсть. Осмотреть его, записать номера, проставленные на

моторе и колесах, год выпуска, цвет и прочее. Это нетрудно, если знаешь, где номера искать. Потом угоняешь такую же машину, подделываешь документы — проставляешь номера из той машины, которую ты якобы собирался купить,— и подаешь заявление на обновление номеров, предъявляя, естественно, подделанные документы. Получаешь новенькие, ставишь их на украденную машину — и вот извольте радоваться: бегают по городу два абсолютно одинаковых автомобиля. Но случись что — кого выследит полиция? Да вот хоть того же Жакоба, который абсолютно ни при чем.

— Чистая работа,— согласился инспектор, занимавшийся белым фургоном.

— Вот именно,— полиции-то эти штуки известны, а тебе полезно было познакомиться. Ну, во всяком случае, спасибо за старание.

Инспектору проделанная работа представлялась абсолютно бесполезной — тупик, не более того. Баум же почерпнул из рассказанного информацию, которая в дальнейшем могла сослужить немалую службу: высокий, рыжий и недурной собой мужчина скорее всего Жан-Поль Масэ. Это связывало свидание в Булонском лесу с провокацией, где фигурировал конверт, доставленный в «Юманите». В высших сферах данное обстоятельство наверняка будет замечено, и ему придадут большое значение. «Если, конечно, дело зайдет так далеко»,— сказал он про себя, тщательно занося новые сведения в досье. Потом позвонил заместителю префекта полиции господину Руассе и попросил заняться поиском белого фургона «рено», номер и приметы его известны.

— Но автомобиль с этим номером и той же марки, владельцем которого числится Жакоб, нам не нужен,— предупредил он.— Машина, представляющая для нас интерес, появляется по воскресеньям в Булонском лесу, но может оказаться где угодно. Если кто-нибудь из ваших людей ее увидит, пусть под каким-нибудь предлогом арестует водителя. И господин Вавр хотел бы, чтобы задержанного немедленно доставили к нам. В любое время дня и ночи, вы понимаете?

— Безусловно. А как дело с утечкой информации, ну то самое?..

— Это как раз оно и есть,— сказал Баум загадочно.— Самая важная его часть. Ваша помощь сыграет решающую роль.

— Можете на меня положиться.

— Благодарю вас, господин Руассе.

«Уж если в контрразведке никакие секреты не держатся,— подумал Баум, кладя трубку,— то префектуре доверять — это все равно что воду носить решетом. Мало у меня надежды на скромность господина Руассе».

Вернувшись домой поздно и совсем без сил, Баум съел за ужином все, что приготовила Эстелла, и насыпал целую горку сахара во взбитые сливки, поданные к десерту.

— Восхитительно,— сказал он с полным ртом.— Давненько ты этого не готовила.

— Потому что тебе это вредно. Сливки, сахар — и так за последнее время растолстел.

— Но тебе-то я нравлюсь?

Она засмеялась снисходительно и повторила:

— А все-таки это вредно, так и знай.

Остаток вечера супруги просидели у телевизора, где шел конкурс певцов-любителей, и наслаждались от души. К одиннадцати оба уже спали.

На встрече в Лондоне президенту Франции и премьер-министру пришлось, как они и ожидали, туго. Американцы, видимо, поработали: коллеги наперебой толковали о том, как было бы опасно, если бы Франция скатилась влево,— это, мол, возымеет тяжкие последствия для всей Европы. Премьер-министр Италии, впрочем, взглянул на проблему с совершенно иной стороны. «Извините меня, cher collègue,— *сказал он французскому премьер-министру, с которым был знаком уже лет двадцать,— но в вашей ситуации в данный момент наибольшую опасность, по-моему, представляют как раз не левые, а правые. Мне кажется, что именно им ситуация сулит выгоду: я имею в виду возможность государственного переворота. Во имя закона и порядка, ради защиты отечества и так далее... Ну, вы и сами понимаете.*

— Понимаю.

— Простите, что вмешиваюсь, но наши итальянские фашисты получили бы огромную поддержку, случись во Франции правый переворот. Между нами, мы ведь старые друзья,— вы осознаете надвигающуюся опасность? Можно ли рассчитывать, что вы сами с ней справитесь?

— Можно,— коротко ответил француз. Для него в данном случае не имело значения, сколько там лет они знакомы — очень ему интересно мнение итальянца по поводу чисто французских проблем!»

При обсуждении бюджетной политики европейского экономического сообщества он заметил, что доверие к франку уменьшилось у всех без исключения европейских лидеров, будто эпидемия их охватила. Англичанин, чувствуя себя, видимо, менее европейцем, чем остальные, напрямую спросил, способна ли будет Франция выполнять свои обязательства, если положение в стране не нормализуется в самое ближайшее время. Эта бестактность была встречена гробовым молчанием французской делегации и расстроила всех участников встречи.

ГЛАВА XII

Жара в Париже не прекращалась. Город изнемогал под раскаленным небом, которое то и дело меняло свой голубой цвет на серо-стальной. Но даже грозы не приносили облегчения, влага мгновенно высыхала. Воздуха, пропитанного пылью и бензином, будто не хватало на всех. Девушки на улицах ходили в шортах.

На борту «Марии-Луизы» шло заседание штаба. Банки с кока-колой стояли на столе вперемешку с переполненными пепельницами, тут же была расстелена карта Парижа.

— Теперь послушаем, что скажет товарищ Ингрид,— сказал председательствующий.

Ингрид — ее светлые волосы стали теперь темно-каштановыми — была точна и деловита.

— Мне было поручено найти подходящее место для акции, которая намечена на шестое сентября. Предлагаю стройплощадку на Елисейских полях, возле Рон-Пуан, вот здесь.— Она показала пальцем место на карте, уже помеченное крестиком.

— Здесь высокий забор — метров пять, он полностью закрывает строящееся здание, оно возведено пока только до второго этажа. Наш человек проникнет на площадку, скажем, в субботу утром. Это нетрудно: рабочие и те, кто привозит стройматериалы, снуют туда-сюда. И проведет там всю субботу. Парад начнется воскресным утром возле Триумфальной арки, колонна появится на этом перекрестке примерно в десять пятнадцать.

— Стрелять придется вслепую,— заметил председательствующий.

— Верно. Но технически это вполне выполнимо, к тому же дает преимущество: благодаря высокой траектории полета снаряда трудно будет установить, откуда он выпущен. И это позволит стрелявшему скрыться. Со стройплощадки выход на авеню Рузвельт.

— Тому, кто возьмет на себя такую миссию, предстоит долгое ожидание,— сказал Бруно.

— Бывают неприятности и похуже,— возразила Ингрид резко.— Погода хорошая. Можно взять с собой хорошую книжку, почитать там.— Если она и пошутила, то ничем это не проявила.

— Есть другие предложения?

Никто не ответил.

— Хорошо, принято. Дальше — кто проведет операцию?

— У меня есть кандидатура.— предложила Ингрид.— Серж. Он участвовал в ликвидации Лаборда.

— Есть еще кандидатуры?

— Подходящий парень в группе, которая базируется на Монмартре.

— А он чем отличился?

— Взрыв в туннеле на Конкорд — его рук дело. И в «Американ Экспресс».

— А допрос он выдержит? — спросила Ингрид.

— Ну, этого я не знаю.

— Серж, с моей точки зрения, больше подходит. У него отличная идеологическая закалка.

— Принята кандидатура, предложенная Ингрид. Раз она за него отвечает. А я позабочусь, чтобы он мог ускользнуть. Поговорю с нашими друзьями.

— Считаю, что Сержа следует подстраховать,— сказала Ингрид.— Могу я сама подобрать ему дублера?

Согласие было получено.

— Есть еще вопросы? — осведомился председатель.

— Есть.— Ингрид произнесла это без всякого выражения, ее тонкие руки спокойно лежали на столе.— Насчет Жан-Поля. Предлагаю ликвидировать его. Он ненадежен и знает слишком много, чтобы просто так его выгнать. К тому же он целые сутки находился в лапах контрразведки.

— Он полезный человек,— возразил председательствующий.

— Ну и что? Надежность — это важнее. Он самонадеян и политически неустойчив. Никакого самоконтроля. Просто авантюрист. Среди нас таким не место. Ну и все же — как можно сбежать, если тебя арестовала контрразведка? Подозрительно!

— А сейчас он где?

— Прячется в моей квартире с тех пор, как сбежал.— Ингрид при этих словах чуть-чуть покраснела.— Мы подумали, что его физиономия слишком уж примелькалась полиции и прочим, особенно в его районе.

— Кто-нибудь возражает против ликвидации?

До сих пор молодой человек, которого здесь все называли Рене, молчал. Но тут он вмешался:

— Нельзя же так разбрасываться людьми! Жан-Поль неплохо поработал.

— А я и не говорю, что он плохо работает. Убрать его следует потому, что его недостатки ставят под удар весь наш план. Слишком уж ты сентиментален!

— Я все же думаю, что людей надо беречь,— не сдавался Рене.

— Беречь надо только наше дело! — вспыхнула Ингрид.— Всякие слюни и сопли ни к чему!

— Ингрид права,— подытожил спор председательствующий.— Ее предложение принято, пусть она сама и сделает все, что нужно. Ты ведь этого хотела, правда?

— Я уже все подготовила. Мне только нужно было ваше согласие.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН
РОМАН

Рисунки
Вячеслава
ЛОСЕВА

Встреча закончилась, и они разошлись по одному — побрели каждый своей дорогой. Ингрид на метро добралась до Страсбур Сен-Дени и пошла старинными улицами, мимо ветхих домов, целиком занятых мастерскими и лавчонками, где производятся и продаются одежда и фурнитура для нее, ремни, сумки и прочее, а некоторые помещения переоборудованы под склады. Она вошла в дверь рядом с магазинчиком, где продавалось белье, и поднялась по узкой лестнице. Здесь носились запахи камфары, разогревшейся клеевой краски и восточной кухни. На всех этажах, кроме верхнего, ютились ремесленники и мелкие торговцы. Наверху она достала ключ и отперла одну из трех дверей, выходящих на площадку.

— Это я,— сказала она, запирая за собой замок. Жан-Поль не отозвался. Он валялся на кровати одетый, в брюках и синем в полоску пиджаке, с сигаретой в зубах, на животе у него лежала газета, посвященная бегам. Не брился он уже дней десять. На Ингрид он и не взглянул.

— В штабе распорядились, чтобы ты переехал сегодня на новое место,— подыскали для тебя специально.

— Где это? — Жан-Поль по-прежнему не смотрел на нее.

— В Монтиньи. Там домик, он хорошо загорожен, можешь там хоть физкультурой заняться — снаружи ничего не видно. Все уже устроено. Вещи с твоей старой квартиры туда перевезли. Беранже позаботился.

— Да с какой стати мне чупахаться в коровьем говне? Лучше в Париже остаться.

— В штабе сказали, что подыщут тебе жилье в Париже недели через две, когда все успокоится. А пока поедешь в Монтиньи.

Он в первый раз взглянул на нее и скинул на пол газету:

— А ну, иди сюда.

Не обращая на него внимания, она направилась к раковине в углу комнаты и налила в ковш воды. Потом достала кофейник.

— Я кому сказал, иди сюда!

— Пошел ты... Не смей со мной так разговаривать! Через двадцать минут приедет Серж, давай собирайся.

— Времени хватит. Иди сюда, тебе говорят!

— Мало ли что говорят.— Она потянулась за кружками.— Кофе будешь?

— Нет. Ты знаешь, что мне надо!

— А мне не надо.

Жан-Поль слез с кровати и через голову стащил пиджак.

— Давай сюда, а то я тебе все мозги вышибу. Что-то ты раньше соглашалась, а теперь смотри какая чистюля!

— Я любовью занимаюсь, когда мне самой хочется. Раз уж ты здесь оказался — что ж, ты не хуже других. Не Бог весть что, но в случае надобности сойдет. А сейчас как раз мне не нужно, так что можешь снова одеться.

Она поставила кружки на стол и насыпала в кофейник кофе. Вода в ковше уже закипала. Жан-Поль подошел, сгреб рукой ее короткие волосы и запрокинул ей голову так, что ей пришлось-таки взглянуть ему в лицо.

— Хочешь, чтобы я твое красивое личико разукрасил? Это запросто, ты знаешь. Один раз смазать бы тебе хорошенько — ты только этого и заслуживаешь, телка чертова. Ну-ка раздевайся, да побыстрей.

Он выпустил ее волосы. Она повернулась и, не говоря ни слова, сняла блузку, расстегнула джинсы и, когда они соскользнули на пол, стянула трусы и отбросила их ногой. Потом легла на кровать, вытянулась на спине и отвернула от него лицо.

— Быстрее,— велела она.— Нам уходить, а я еще кофе хочу выпить.

После она сказала:

— Это в последний раз. Надеюсь, ты удовольствие получил,— и направилась к раковине, всем своим видом демонстрируя отвращение.

Когда явился Серж, они пили кофе.

— Штаб принял план насчет Жан-Поля,— сказала она гостю, лицо ее при этом ничего не выражало.

— Монтиньи?

Она молча кивнула. Втроем они спустились по лестнице, машина стояла за первым же поворотом.

— Я поведу,— распорядилась девушка.— А вы вдвоем садитесь сзади, так Жан-Поля меньше видно.

Она села за руль, взяв у Сержа ключи. Когда отъехали, Жан-Поль заговорил:

— Мне пистолет нужен.

— Там будет. Он в сумке, которую с твоей квартиры привезли.

Дальше уже в полном молчании они направились к западу в сторону Фонтенбло, минуя Порт де Венсан. Скоро городской пейзаж кончился, пошли поля, за ними леса, в которых когда-то во всем своем великолепии скакала королевская охота, преследуя оленей. На развилке машина свернула с шоссе, углубляясь в лес.

— Куда это мы? — удивился Жан-Поль. Он дремал и очнулся уже на узкой лесной дороге.

— Что мне, по магистрали ехать, что ли, когда ты сзади сидишь? — возмутилась Ингрид.— Здесь по крайней мере постов нет. Доберемся до Монтиньи, не выезжая больше на шоссе.

В молчании они ехали еще минут двадцать. Машин в этой самой густой части леса не попадалось. Проезжая перекресток, девушка сказала Жан-Полю:

— Я отвечаю за тебя, за твою безопасность.

При этих словах Серж наклонился вперед.

— Мне выйти надо.

Машина остановилась.

— Здесь?

— Да хоть здесь. А ты не хочешь прогуляться, Жан-Поль?

— Это можно,— согласился тот.

Двое мужчин вышли из машины, и Серж чуть отстал, пропуская Жан-Поля вперед, на узкую тропку. Когда тот скрылся в кустах, он вытащил из кармана «файерберд», установил глушитель и поспешил за своим спутником. Жан-Поль только успел крикнуть:

— Эй, куда прешь, найди себе другое место!

Серж подошел ближе и, тщательно прицелившись, дважды выстрелил сзади ему в голову. Выстрел был почти не слышен, но Ингрид уже спешила ему навстречу.

— Порядок,— сказала она.— Ну и дрянь же он был!

Она взглянула на скорчившийся труп — Жан-Поль упал в кусты, с дороги его не заметишь.

— Оттащить его, что ли, подальше в лес? — Серж запихивал пистолет в карман.

— Да не надо! Чем скорее эти свиньи его обнаружат, тем быстрее усвоят, как мы поступаем с предателями.

Когда вернулись к машине, Серж сел за руль, и на большой скорости они направились обратно в Париж.

Техника облавы, то есть полицейского налета на какое-нибудь здание, на несколько зданий одновременно, а то и на целый квартал, была доведена до совершенства гестапо и его французскими сподвижниками во время оккупации. И хотя с тех пор французской полиции не часто представлялся случай воспользоваться этим приемом, процедура облавы стала как бы народной мудростью: за сорок с лишним лет, прошедших с тех пор, как немцев из Франции прогнали, ее изучали несколько поколений полицейских. Это был как раз тот прием, который рассчитывал использовать Альфред Баум с помощью Руассе.

Территория, на которой предстояло провести облаву, была довольно велика: около семнадцати улиц и переулков в треугольнике, образованном бульварами Мажента, Страсбур и Сен-Мартен, через этот треугольник проходит улица Фобур Сен-Дени, на которой Леон предпринял неудачную попытку задержать Ингрид. Главное в подобной процедуре — блокировать все входы и выходы и затем быстро прочесывать внутри дом за домом, привлекая как можно больше народу. Скорость — самый существенный элемент облавы, а еще — хороший, обстоятельный

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—18.

инструктаж участников. Потому что если в каком-нибудь деле участвует сотня людей, то среди них непременно найдется идиот, которого вообще-то надо бы гнать из полиции и чья глупость и некомпетентность только усугубляются тем, что он носит мундир. Вон он (или они — таких вполне может быть несколько) обязательно и окажется в том самом звене, от которого зависит успех всей операции, и обязательно упустит самого преследуемого или того, кто мог бы к нему привести. Он не только прозевает человека, на которого устроена облава, но еще и, приподняв шляпу, сделает шаг в сторону, чтобы тому было удобнее покинуть территорию. Единственное средство такого нейтрализовать — это снабдить его как можно более полными сведениями относительно внешности разыскиваемого, его привычек, описать подробно все приметы, которые должны вызывать подозрение.

Альфред Баум был мастером инструктажа — он умел, подобно дирижеру большого оркестра, поставить совершенно четко общую задачу и при этом объяснить каждому его персональную роль. Это его несколько даже мистическое искусство понадобилось, когда в подземном гараже на улице Соссэ собрались сто с лишним участников операции — частью в форме, частью в штатском.

Всем были розданы фотографии — на одной белокурая девушка, та, что приходила в клинику Божон, на второй — Жан-Поль Масэ, в прошлом легионер, неоднократно судимый, недавно сбежавший из контрразведки прямо во время допроса. Баум прочитал целую лекцию, как опознать оригинал фотографии, если, допустим, волосы перекрашены или внешность еще каким-то образом изменена. Потом повернулся к крупномасштабной карте района, висевшей на стене, и с помощью указки разместил на всех семнадцати улицах группы участников, объяснив, что им следует делать. Некоторым предстояло патрулировать улицы, проверяя документы у прохожих, и задерживать тех, у кого таковых не окажется. Большинство же должно было прочесывать здания.

Не пожалел Баум времени и на то, чтобы объяснить, каким образом следует сочетать необходимую вежливость с известной твердостью, если хозяева не пускают проверяющего в свою квартиру, в контору или мастерскую.

— Потом всегда найдем время, чтобы извиниться,— сказал он.— Но вот если чужая собственность будет повреждена,— держитесь! Старайтесь вести себя прилично.

В аудитории раздался ропот. Все понимали, что подобная операция не обойдется без грубости и скандалов, и чего уж там горевать по поводу какой-нибудь вышибленной двери или фингала на чьей-нибудь физиономии!

— Многого я не жду,— признался Баум Вавру после инструктажа.— Конечно, отловим кое-какую мелкую рыбешку — кто живет в городе нелегально и прочее, но те, кого мы ищем,— я думаю, они слишком умны, чтобы остаться там, где их пытались арестовать. Я даже не уверен в том, что их логово помещается в этом треугольнике, хотя именно сюда они приезжали на метро.

— Облаву все равно надо провести.— сказал Вавр.— Если этого не сделать, то нас обязательно спросят, почему мы не воспользовались таким приемом. Что ж, мол, вы, никого не ищете? Никого с пристрастием не допрашиваете? Начальственный ум такого не допускает...

Облава шла своим чередом в назначенное время — с часу до трех дня во вторник, 26 августа.

Самое интересное произошло или могло бы произойти, когда группа, ответственная за прочесывание пассажа Сен-Дени, приблизилась к мастерской химчистки,— это, как мы знаем, было четвертое здание по левой стороне. Трое — инспектор и два сержанта — толкнули застекленную дверь с улицы, а двое их коллег через другой подъезд отправились осматривать конторы и квартиры, расположенные на верхних этажах дома.

— Полиция! — сообщил инспектор человеку в белом халате, который стоял у грохочущей машины в задней части мастерской и проверял метки на каких-то вещах.

Махнув перед его носом удостоверениями, посетители согласно инструкциям, полученным от Баума, бросились осматривать помещение, не обращая внимания на негодующий вопрос, что, собственно, им тут надо?

Один из полицейских, обойдя мастерскую, сдвинул в сторону одежду, висевшую на металлической штанге, заглянул под прилавок и с подозрением уставился на немецкого производства машину, в которой за стеклянной панелью с грохотом крутились и плескались заложенные в бак вещи. Двое других исследовали две обнаруженные в помещении двери. За одной оказалась довольно вонючая уборная: полицейский провел там ровно столько времени, чтобы оглядеть пятнистые от сырости стены. Вторая дверь оказалась запертой.

— Ну-ка отоприте! — прозвучал приказ.

— А у меня ключа нет,— был ответ.— Ключ у хозяина, а его уж недель пять как нету. На юг куда-то подался, в отпуск.

— А что он там держит?

— Да ничего особенного.

— Ну, например?

Мужчина в белом халате подмигнул инспектору:

— Ну что человеку больше всего нужно? Диван. Другой мебелью он и не пользуется.

— Девок, что ли, водит?

— Меня это не касается, раз он им сам платит. Жену-то уж он точно сюда не приглашает.

Он засмеялся, полицейский тоже.

— Все-таки надо посмотреть.

— Да нет ключа. Честно.

Инспектор заколебался. Он уже вышиб сегодня несколько дверей, и никакого проку от этого не было, а вот когда облава закончится, придется по этому поводу объясняться. Он вынул блокнот и записал: «Химчистка. Дом 7, пассаж Сен-Дени. Ничего подозрительного. Одна комната заперта, хозяин отсутствует, у работника ключа нет». И сунул блокнот в карман.

— Ладно уж, пожалеем вашу дверь.

Его собеседник пожал плечами.

— Мне-то что, она не моя. Но если бы вы ее взломали, ему бы с новым замком пришлось поспешить: тут одна цыпочка ему такие сцены закатывает...

Он снова подмигнул и закончил коротким смешком — здаким грязным намеком.

Полицейский хохотнул в ответ и, позвав двух других, вышел на улицу. Вслед им громко звякнул колокольчик. И было им невдомек, что к длинному перечню промахов, допущенных ОТО в этом деле, они добавили еще один.

После их ухода человек в халате еще минут двадцать возился с метками на белье. Потом выглянул наружу, убедился, что полицией поблизости и не пахнет, и вернулся к себе. Тут он отомкнул запертую дверь. В комнате было пусто — Ингрид и ее приятели не появлялись здесь с тех пор, как Леон выследил Жан-Поля. Содержимое шкафа было убрано.

Человек позвонил по телефону. На том конце линии кто-то снял трубку, он тут же положил свою на рычаг и немедленно снова набрал номер. Ответил мужчина.

— Это из химчистки. Чего ждали, то и произошло. Все в порядке. Как и не было ничего.

— Хорошо.

Положив трубку, звонивший снова запер дверь и возвратился в мастерскую.

ГЛАВА XIII

Завтрак, который Рольф Хемминг приготовил сам себе в воскресенье, был достаточно скромным — немного копченой лососины с картофельным салатом, полбутылки хорошего шабли. Воскресные номера газет, как правило, не содержат ничего для него интересного, он раскрыл лежавшую рядом с тарелкой «Теорию восстаний» Эмилио Луссу — книгу, которая заслуживала внимания настолько, что он даже подчеркивал карандашом отдельные места. На десерт съел персик, предварительно вымыв его. У черного слуги был выходной, так что и кофе пришлось сварить самому. Но он любил иногда повозиться в кухне — не готовить, конечно, всерьез, а так, слегка: сделать кофе по-турецки или подогреть что-нибудь.

Он принес кофе в маленькую гостиную, где до этого завтракал, и закурил «корону». Отложив книгу, посмотрел на часы. Половина второго. Через десять минут выходить. Затягиваясь дымом сигары, он прикинул в уме все, что следует сегодня обсудить. Потом отнес в кухню кофейную чашку, книгу поставил на полку и вышел, заперев за собой дверь на двойной замок.

Как обычно, Хемминг дошел до авеню Шарль де Голль и взял такси до аэровокзала на площади Порт Майо. Счетчик показывал всего четырнадцать франков, но он дал водителю двадцать.

— Подождите, пока на счетчике будет шестнадцать,— сказал он.— Отвезете меня в аэропорт, если я вернусь,— неплохая для вас поездка. Но если я не вернусь, значит, планы мои переменились, и тогда вы свободны, а сдачу оставьте себе.

Сотрудник ОТО, который вел слежку, увидев, что такси не отъезжает, решил, что Хемминг сейчас вернется,— на что тот и рассчитывал. Предоставив водителю и агенту ждать хоть до посинения, он вошел в здание аэровокзала и тут же быстро вышел через боковую дверь на другую улицу. Сотрудник ОТО, который следил за Хеммингом с той минуты, как тот покинул такси, этого не заметил, мгновенно потеряв преследуемого в многолюдье аэровокзала. А тот, оглядевшись и убедившись, что никто его не преследует, взял другое такси — до парка Монсо, и был таков.

Обоим агентам понадобилось время, чтобы уяснить тот факт, что птичка упорхнула. Еще дольше их коллеги свыкались с мыслью, что сегодняшняя вылазка в Булонский лес абсолютно бесполезна: свидание на лесной поляне не состоялось.

Подъехав к парку Монсо, Хемминг направился в условленное место — одно из тех, которых избегали мамаши с детьми, потому что там проводили свой послеобеденный отдых целые компании пьяниц. Вот и сейчас на скамьях расположились два неприглядных старика и еще более старая и еще менее приглядная старуха. Рене в своем воскресном, то есть женском, обличье уже был тут. Рука об руку они начали прогуливаться по гравиевой дорожке, петлявшей меж пыльных кустов, переговариваясь негромко, проясняя все детали предстоящих акций и повторяя по нескольку раз наиболее важные детали, чтобы поточнее запомнить. Свидание длилось ровно двадцать минут,— затем Рене укатил в своем белом фургоне, а Рольф на такси доехал до места, откуда за десять минут пешком дошел до дому и с удовольствием продолжил изучение суховатого, но полезного произведения Эмилио Луссу.

Рене же пересек весь Париж, поставил машину у станции метро Порт Жавель и отправился на «Марию-Луизу». Там он пересказал все, о чем говорилось на свидании с Феликсом, и час спустя, около пяти вечера, снова вышел на набережную, поднялся по ступенькам у моста Мирабо и, сев в свою машину, перегнал ее на противоположную сторону шоссе и, развернувшись, остановился на перекрестке. Вклиниться в густой поток машин, несущихся по авеню Эмиль Золя, было делом непростым. Внимательно следя, не образуется ли где просвет, он не заметил справа от себя двух полицейских на мотоциклах. Они оказались там случайно: их делом было следить за уличным движением в тот час, когда парижане возвращаются в город после выходного дня. На минуту остановились, чтобы покурить, и как раз собирались вернуться на свой пост. Перекур распорядком их службы предусмотрен не был. По правде сказать, им совершенно нечего было делать на авеню Эмиль Золя. У одного из них оказалась хорошая память.

— Слушай, а вот этот фургон,— сказал он напарнику.— Помнишь, что-то насчет такого говорили. Смотри-ка, и номер тот же!

— Да ну его! Если мы им займемся, придется начальству объяснять, почему это мы здесь оказались,— нам же положено быть на мосту!

— Нет, знаешь, насчет него ведь специально звонили, это наверняка что-то важное. Может, нам больше будет пользы, чем вреда. Поехали!

Фургон как раз в этот момент тронулся с места и влился в поток движущихся машин. Мотоциклисты бросились в погоню, но им на это понадобилось несколько секунд. Выключив сирены и мигалки, оба развили максимальную скорость и догнали белую машину, когда она пересекла мост и поворачивала вправо. Расстояние между мотоциклами составляло в этот момент метров сто. Тот, у которого была хорошая память, посигналил второму: задерживаем? Он кивнул в ответ.

Моторы мотоциклов взревели, и они мгновенно поравнялись с фургоном, включив при этом сирены. Один обогнал его и дал сигнал остановиться, второй держался рядом слева. Слабосильному фургончику не под силу было вступать в соревнование с двумя мощными мотоциклами, но нервы у Рене оказались крепкие. Он резко бросил машину на того, что мчался слева, и, не будь ездок специально тренирован, он вылетел бы из седла прямо на дорогу. Однако он удержался, хотя едва не разбился о перегородку, разделяющую в этом месте два потока машин.

Тот, что был впереди, увидел эту сцену в зеркале и понял, что призыв остановиться выполнен не будет и что водитель сейчас постарается сбить и его. Рванув вперед, он вызвал по рации подмогу. Напарник теперь двигался вслед за фургоном. Свернуть с шоссе было невозможно: поворотов здесь нет.

— Куда направлять машину? — спросила дежурная, выслушав сообщение и просьбу.

— Не знаю пока. Пожалуй, к мосту Альма, но я еще уточню.— В голосе говорившего не было уверенности.

Фургон на своей предельной скорости — шестьдесят — двигался вдоль реки, сзади и спереди держались мотоциклы. Через несколько минут возле подземного перехода у моста Альма полицейским повезло во второй раз: впереди оказалась пробка, на пути к центру застряли десятки машин. Фургону оставалось либо затормозить, либо попытаться куда-нибудь свернуть. Тому, что ехал впереди, было ясно: водитель готов на все. Опасный преступник, и скорее всего вооружен. С тяжелого мотоцикла на ходу особо не постреляешь. Он нажал на газ, стиснув машину коленями, будто норовистую лошадь, в момент оказался там, где недвижно стояли попавшие в пробку машины, и резко, с визгом, затормозил. Вытаскивая пистолет из кобуры и спрыгивая на землю, он предоставил своему коню валиться наземь и повернулся лицом к приближающемуся фургону, который уже сбавлял скорость из-за массы машин впереди. Полицейский держал пистолет обеими руками, целясь в водителя, готовый выстрелить, если тот попытается выйти. Но Рене, уже на малой скорости, резко вывернул влево, на центральную полосу — если бы ему удалось ее пересечь, он мог бы пуститься наутек в противоположном направлении.

Полицейский выстрелил дважды по покрышке переднего колеса, того, что было ближе к нему, и еще дважды по ветровому стеклу. Второй выстрел пробил шину, от третьего в углу стекла появилось отверстие, сеть мелких трещин мгновенно разбежалась по всей остальной поверхности. Фургон остановился прямо на центральной полосе, там, где растет трава. Рене выскочил и бросился бежать, сжимая в руке пистолет.

Второй преследователь тоже спрыгнул с мотоцикла, его оружие было наготове. Держа пистолет обеими руками на уровне глаз, он прицелился и выстрелил по бегущему. Рене упал, хватаясь руками за парапет набережной, к которому бежал, видя в нем спасение. Пуля вошла под правое колено и раздробила коленную чашечку. Он рухнул сразу, не сделав больше ни шагу, пистолет ударился об асфальт. Через секунду полицейские уже заламывали ему руки за спину.

— Произведен арест,— сообщил один из них по рации.— Вот теперь присылай машину, дорогая, да побыстрей, а то пить жутко хочется. Привет!

Час спустя о происшествии узнал Руассе — ему позвонили из префектуры девятого округа. И ровно через пять минут после этого зазвонил телефон у Альфреда Баума.

— Насчет фургона, которым вы интересовались. Мои люди его отыскали. Водитель задержан.— Он сообщил подробности.

— Отлично, господин Руассе, вы очень нам помогли. Где он?

— В префектуре девятого округа.

— Можно устроить, чтобы его передали нам?

— Я уже распорядился.

— И машину его заодно.

— Мне сказали, что ее уже доставили в полицейский гараж. Можете ее тоже забрать.

— Спасибо. Постараюсь это сделать побыстрее. Если удастся сегодня кого-нибудь найти.

— Мы их можем подержать до завтра, если хотите.

— Посмотрим. Задержанного мне бы хотелось заполучить еще сегодня.

Баум тут же перезвонил дежурному на улицу Соссэ.

— Надо немедленно забрать человека, который арестован сегодня и находится в данный момент в префектуре девятого округа. Говорят, он ранен — полицейский его подстрелил где-то в районе набережной Нью-Йорк. Необходимо заполучить его прямо сейчас, пока полиция не передумала. Позвони мне, как только его доставят. Да, еще пошли кого-нибудь в их гараж, за его машиной — белый «рено», фургон. Если он не на ходу, все равно тащите. Сам решай, как это лучше сделать. И торопись!

В распоряжении дежурного было двое сотрудников и машина. Вскоре они уже были в префектуре девятого округа. Рене приволокли из камеры двое дюжих полицейских, раненая нога висела плетью. Он был бледен и, видимо, испытывал сильную боль. Его отнесли к машине и запихнули на заднее сиденье, не обращая особого внимания на его рану. Он ведь чуть не убил одного из их товарищей, так что ребята

решили приберечь сочувствие для кого-нибудь другого.

Как только машина ОТО скрылась из виду, к окружной префектуре с воплем сирены подкатил полицейский фургон, и в дежурке появились четверо — двое в форме и двое в штатском.

— Из городской префектуры,— сообщил старший чином.— Приказано забрать у вас водителя, который задержан сегодня на набережной, во время инцидента со стрельбой.

— Кем приказано?

— Самим префектом.

— Господи, чего это он всем сразу понадобился? Да кто он такой, этот малый?

— Понятия не имею. Мы только выполняем приказ. Давайте его сюда.

Дежурный покачал головой:

— Сожалею, но это невозможно. Его нет.

— Как это нет?

— Уже увезли. Я же говорю — он всем нужен.

— Кто увез?

— Контрразведка. Он сейчас катит по направлению к улице Соссэ.— Дежурный язвительно улыбнулся.— Эти ваши междоусобицы нас не касаются.

Посетитель пожал плечами.

— Я сделал все, что мог, пусть другие сделают лучше. Пока.

Дежурный с любопытством посмотрел вслед уходящим. Надо же, день был такой спокойный, пока этого малого не привезли. Не хватает только, чтобы армейский патруль за ним явился. Наверно, какой-нибудь крупный мафиози. Хотя по виду не скажешь.

И сел писать рапорт по поводу всех этих событий.

А с улицы Соссэ тем временем уже звонили Бауму домой.

— Шеф, мы его привезли. Похоже, врач нужен: колено у него прострелено. В футбол ему больше не играть — это точно.

— Смотри сам. Устрой его как-нибудь поудобнее, но запри получше. Если кто-нибудь попытается его увезти, хоть сам президент,— стой стеной, не отдавай. Ясно?

— Разумеется, шеф.

— Отпечатки пальцев снимите, проверьте на компьютере. Данные мне понадобятся завтра ровно в восемь утра. Про машину не забудьте, она тоже нужна.

Однако когда сотрудник ОТО явился за белым «рено», выяснилось, что его увезли в неизвестном направлении. На все вопросы отвечали только выразительным пожатием плеч:

— Собрались к вам его переправить. Но водителю транспортировки откуда-то позвонили и велели изменить адрес. Вроде какое-то начальство из городской префектуры. А куда его отправили — Бог весть.

— Черт! — подосадовал приехавший.

— Что за машина, чего ради эта суета?

— А хрен ее знает, мне приказали — и все. Ну, я пошел. Пока.

Согласно показаниям компьютера тот, кого называли Рене, на самом деле был Люсьен Хаан, уроженец Эльзаса, двадцати двух лет, студент, изучающий в Париже международное право. Сведения о Хаане оказались в компьютере из-за того, что в течение двух лет он состоял в крайне правой экстремистской политической организации. Отпечатки пальцев попали в картотеку во время одного инцидента — несколько членов этой организации ворвались в помещение Франко-израильского общества, молодчики перемазали стены экскрементами, которые для этой цели принесли с собой, перепугали персонал и разбили все, что билось. Люсьена Хаана в числе четверых других задержали при выходе из здания, но впоследствии отпустили — судья сослался на юношескую горячность и патриотическую экзальтацию, которую, мол, можно понять.

Прочитав эти скудные сведения за утренним кофе, Баум усмехнулся.

— Ну вот,— обратился он к инспектору Алламбо,— а говорили, будто это «красные бригады». Подгоняли вопрос под ответ. «Красные бригады» бьют по социальным мишеням, эти тоже, вывод — значит, эти тоже левые. Но на примере Люсьена Хаана, как и в случае с нашим приятелем Жан-Полем Масэ из иностранного легиона, видно, что мы имеем дело с самыми что ни на есть правыми — с маньяками из их числа. Это вносит в дело политическую ясность.

— Что с ним делать? — задал вопрос Алламбо.

— На этот раз,— проговорил Баум медленно, как если бы ему что-то мешало,— на этот раз придется играть всерьез, этого уже не избежишь. Джентльменов изображать не будем. В нашем распоряжении шесть дней — столько осталось до парада голлистов. Если мы это дело не раскрутим, снова пострадают ни в чем не повинные люди. Так что я не считаю возможным церемониться с этим молодым человеком. Просто не вижу такой возможности.

— Кому его поручить?

Баум с несчастным видом пожал плечами.

— Эта свинья Ассар, что ли, пусть займется. Кому же еще...

— Вы его сами проинструктируете или мне это сделать?

— Лучше ты. У меня и без него неприятностей куча. Теперь слушай внимательно распоряжения на сегодня. Первое — допроси этого парня сам, прямо сейчас. Как уж ты этого добьешься — твое дело, но сегодня к вечеру он должен выложить нам все, что знает. Если упрется, предупреди его, какие приключения он навлекает на свою задницу, и передавай его Ассару. Насчет этого типа и его методов так: пусть делает что хочет, но при всех обстоятельствах малый должен остаться в живых. С другой стороны — дать показания он должен. И времени у нас в обрез. До завтра, только до завтра!

— Он может оказаться крепким орешком. Так сразу не расколется.

— Я слыхал, у Ассара раскалываются быстро. Пусть и на этот раз постарается, у него более важного дела еще никогда не было.

Алламбо поднялся.

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Будем надеяться, что у этого Хаана есть хоть немного здравого смысла.

— Фанатик,— мрачно отозвался Баум.— Мы живем в век возрождения фанатизма. Одних идеология сводит с ума. А других, которым хотелось бы считать себя цивилизованными, вынуждает действовать нецивилизованными методами. Что уж тут хорошего, когда твой долг гражданина, обязанного защищать общество от преступников, заставляет тебя поступать в точности, как эти самые преступники.

...У Люсьена Хаана, он же Рене, здравого смысла, как выяснилось, не было вовсе. Он сидел, сгорбившись, на стуле перед инспектором Алламбо, положив искалеченную ногу на другой стул, и упорно отказывался отвечать на вопросы. Только к полудню, когда его приперли к стене фотографией из архива, он признался, что его имя Люсьен Хаан, но отрицал, что участвовал в нападении на помещение Франко-израильского общества. Не признавался он и в том, что хотел сбить полицейского вчера днем на набережной Нью-Йорк.

Где он живет? Он не собирается отвечать. Откуда он взял этот белый фургон? Ответа нет. Что он делал возле Порт Жавель и куда намеревался ехать, когда полиция его задержала? Ответа нет. Является ли он членом террористической организации? Ответа нет. Состоял ли в организации раньше? Снова молчание.

— Глупо ты себя ведешь, парень,— устало произнес инспектор Алламбо, когда из коридора раздались звуки, возвещавшие конец рабочего дня для рядовых сотрудников отдела.— Я ведь тебя с самого начала предупредил, что будет, если откажешься отвечать мне. Повторю подробно. Ты, видишь ли, в контрразведке. Наша цель — безопасность страны. Не существует более высокой цели, поскольку благополучие всех граждан зависит от безопасности государства. И мы не можем уклониться от исполнения своего долга даже во имя благородных, но второстепенных понятий. Таких, скажем, как гуманность. У нас есть основания предполагать, что ты и твои товарищи уже убили многих людей и планируете эту свою деятельность продолжать. Ваши жертвы — по большей части ни в чем не повинные граждане, далекие от той политической арены, на которой, как вам кажется, вы орудуете. И наш долг — положить этому конец. Главное, мы должны быть уверены, что у власти не окажутся такие, как ты и твои приятели, те, для кого цели оправдывают любые средства. Я еще помню насчет гестапо и милиции — не хотелось бы участвовать в подобных играх. Но уж если ты сам вынуждаешь нас пользоваться их методами — это твоя проблема. Тут мы не дрогнем — лучше пусть они будут редким исключением в деятельности контрразведки, чем нормой по всей стране, как это было при фашистах.

Произнеся эту речь, инспектор утер вспотевший лоб.

— Теперь,— продолжал он,— исполню неприятный долг и расскажу об этих методах подробнее. На практике познакомишься с ними сразу, как выйдешь из этой комнаты.

Он старался расписать пытки пострашнее, подобно тому как во времена инквизиции узникам заранее показывали пыточные орудия,— он все еще надеялся, что сидящий перед ним молодой человек, чей разум будто блокирован фанатической идеей, опомнится и даст показания. Но Рене все больше охватывала лихорадка самопожертвования. Нет, он не заговорит, что бы они с ним ни делали. Ничего не скажет. Он станет первым мучеником великого патриотического дела — антикоммунизма, очищения Европы от чуждых элементов — евреев, негров, арабов — и возрождения ясных и чистых североевропейских добродетелей, за которые боролись в свое время национал-социалисты — и почти добились, почти завоевали для своей Германии принадлежащее ей по праву место европейского лидера. По праву ее генетических преимуществ, ее культуры, ее воли к лидерству...

Пока инспектор говорил, Рене мысленно отдалялся от него и почти не слышал, поглощенный мыслью о мученичестве. Может быть, его убьют. Ну и пусть, он умрет как герой. В один прекрасный день об этом станет известно, и он займет свое место в почетном списке убитых на войне. Говорят, будто только среди левых есть герои. Он докажет, что своих героев имеют и правые...

Инспектор Алламбо как раз перечислял испытания, которые ему предстоит вынести.

— Давай решай, приятель,— закончил он с невеселой улыбкой.— Надежды для тебя никакой, если только ты прямо сейчас не передумаешь. Никакой надежды, пойми. Никто и никогда не узнает, что с тобой случилось. Стоит ли хорохориться? Ведь это зря, абсолютно напрасно.

Он подождал ответа, но не дождался — Рене только сплюнул на пол. Алламбо вздохнул и снял трубку внутреннего телефона:

— Отведите в шестую комнату, и пусть туда идет Ассар. Пусть начинает сразу же — он в курсе.

Многие из тех, кто подвергался пыткам, рассказывали: есть некая точка, за которой приходит сознание, что ты можешь выдержать все, что ты не заговоришь, как бы ни старались твои палачи. Эта точка для всех разная, ее появление зависит от множества факторов, среди которых самые главные — методика пыток, и превыше всего — моральное состояние узника. В данном случае методы, которые применял Ассар, были, возможно, самыми изощренными и профессиональными из тех, что применяются в современных службах безопасности. В основе их не лежали сложные психологические манипуляции — на них всегда требуется время, они воздействуют на допрашиваемого постепенно. Ассар же сочетал жестокие, научно обоснованные болевые приемы с использованием специальных препаратов, которые расслабляют волю и разум допрашиваемого и приводят его в состояние, когда он способен высказать все, что намеревался скрыть.

Несмотря на чудовищные муки и на смутные мечтания о будущей славе, которые намертво врезались в его сознание, Рене старался найти какую-то спасительную формулу, чтобы предотвратить пытку, как-нибудь — как угодно! — облегчить свои муки, добиться хоть крохотной отсрочки и при этом не сказать того, что у него пытаются выведать. Ложью он мог бы выиграть время, но расстроенное сознание подсовывало ему правду — ее легче оказывалось вспомнить, чем заранее подготовленную ложь. Каждый раз, когда он соглашался говорить и его переставали мучить, он обнаруживал, что не может вспомнить тех фальшивых имен и адресов, тех выдуманных акций, с помощью которых он рассчитывал приостановить свои страдания.

Но тот, кто допрашивал его, отлично знал приметы этой внутренней борьбы и политику маленьких уступок. Передышки между болевыми приемами становились все короче, пока Рене наконец не понял, что времени он больше выиграть не может, нет у него на это шансов.

«Имена тех, с кем ты связан.

С кем из них ты встречаешься?

Кто главный?

Чьи приказы выполняешь?

Где встречаешься с этим человеком?

Где встречаетесь все вместе?

Имена тех, с кем ты связан.

С кем из них ты встречаешься?..»

В три часа ночи он назвал несколько имен — тех, под которыми скрывались его сподвижники: Бруно, Ингрид, Феликс. Он сам не понял, каким образом выдал их. Он хотел назвать другие, выдуманные, но не смог их вспомнить.

Да, он получал приказы от Феликса. Где? В парке. В каком парке? Забыл. Всегда в одном и том же парке? Нет, иногда в Булонском лесу. А кто этот Феликс? Ему неизвестно. Хоть режьте на куски — он не знает. Подлинных имен этих людей он не знает — хоть режьте...

Перешли к выяснению места встреч. Так где они все встречаются? Ответа нет. «Где вы все встречаетесь?» — «В одном месте... Где-то... не помню... в одном месте».— «Где вы все встречаетесь?» — «Это место... Мария-Луиза... Мария-Луиза...»

В четыре он снова потерял сознание.

— Вот упрямая скотина! — пожаловался Ассар напарнику.— Давай передохнем. Его велели целехоньким сохранить. Сходим поспим хоть часок.

Они оставили узника лежащим на спине, грудь его тяжко вздымалась. Минут за десять до их возвращения его вырвало, рвота залила лицо, попала в легкие — он все еще был без сознания и перевернуться не мог. К их приходу Люсьен Хаан, он же Рене, был мертв — захлебнулся блевотиной.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

ГЛАВА XIV

— Этого мало,— вздохнул Баум.— Совсем мало. Несколько подпольных кличек — он их, может, вообще выдумал. А что он встречался с Хеммингом, которого знал как Феликса, в парке и в Булонском лесу, нам и самим было известно.

Он горестно покачал головой, разглядывая записку, которую составил Ассар. Ночью его вызывать не стали — Ассар рассудил, что скандал по поводу смерти Хаана вполне может подождать до утра. Он вызвал только врача, обслуживающего отдел, и дождался Баума, который появился ровно в восемь. Сообщая о том, что случилось, он постарался по возможности смягчить все обстоятельства, но это мало помогло.

— Вон отсюда! — заорал Баум.— Идиот! Чтоб я тебя здесь больше не видел!

После чего Ассар отправился спать, оставив краткий отчет о допросе.

— Теперь мы знаем четыре подпольные клички: Феликс, Бруно, Ингрид и Мария-Луиза,— вероятно, одна из этих девиц приходила в больницу. Не очень-то мы продвинулись.

Алламбо притянул к себе листок.

— Тут есть одна деталь,— заметил он.— Может, конечно, это и мелочь, но Марию-Луизу он назвал позже остальных, тогда, когда его спрашивали о месте встреч. Тут что-то есть, а?

— Это может означать, что у Марии-Луизы они встречались. Но, черт возьми, как ее отыскать?

Алламбо достал сигарету, закурил.

— Давайте прикинем. Этот малый по воскресеньям встречался с Хеммингом в каком-нибудь парке. Свидания, видимо, всегда назначались на одно и то же время — с двух до трех и продолжались, судя по тому, что вы сами видели на прошлой неделе, около получаса. Дальше. Париж не такой уж большой город, парков у нас мало. Даже если последняя встреча состоялась в Бут Шомон, а он дальше всех от того места, где Хаана заметили полицейские, то все равно он должен был добраться до Порт Жавель примерно к четырем. А заметили его в пять, стало быть, у него был целый час, чтобы встретиться со своими и передать им приказы и инструкции Хемминга. Смотрим на карту: вот улица, с которой выезжал его фургон,— что ему там было делать? Разве что он там просто стоял. Эта улица не тупик, но за ней — лабиринт переулков, никто не выберет этот маршрут, если надо пересечь квартал. Можно предположить, что Мария-Луиза живет где-то здесь и встреча проходила у нее.

— Может, они к ней перебазировались с Фобур Сен-Дени, когда там жарко стало.

Посидели молча, каждый пытался осмыслить скудные результаты ночного допроса.

— По-моему,— заговорил наконец Баум,— у нас есть одна зацепка. Маленькая, правда! О том, что Хаан у нас, его приятели наверняка знают. Судя по тому, как быстро они заполучили его машину, это им стало известно почти тогда же, когда и нам. А раз так, то, стало быть, им известно и место, где его увидели, тот же человек сообщил. Значит, если Мария-Луиза живет поблизости и встречи проходили у нее, то эти люди должны бы убраться оттуда немедленно и замести следы...

— Кроме самой Марии-Луизы — ведь она там живет.

— ...если, конечно, они не совершат ошибку,— продолжал Баум, он, казалось, не слышал слов Алламбо и беседовал сам с собой.— А они эту ошибку совершить могут — ведь целых четыре месяца действовали вовсю, и им с рук сходило: ни единой неудачи, ни одного ареста, кроме инцидента с Жан-Полем Масэ, да и тот им на пользу обернулся. А теперь вот этот случай. Они могут рассчитывать, что мы их убежище не обнаружим. Не станем снова проводить облаву: в прошлый-то раз она никакого результата не дала.

— Мы и не станем,— сказал Алламбо.

— Точно. Их догадка правильна. Я полагаю, они не тронутся с места. Надеюсь, удастся убедить в этом наше начальство...

Он развернул на столе карту, карандашом очертил окружность, центр которой помещался там, где мост Мирабо выходит на набережную, метрах в семидесяти пяти от того места, где замечен был белый «рено».

—Где-то здесь,— показал он,— живет наша Мария-Луиза. И все, что нам остается,— прочесать этот квартал. Надежды мало, но все же лучше, чем сидеть сложа руки.

— Не намного лучше,— проворчал Алламбо.— У нас есть фото той, что приходила в больницу, покойника Хаана и Масэ, а также описание белой машины. Это все.

Уж если контрразведчика прижмут как следует, то он способен на великие свершения. Теперь, когда его загнали в угол, Альфред Баум это доказал. Позже, несколько лет спустя, он любил рассказывать об этом как о самой красивой и элегантной операции за всю историю работы отдела территориальной охраны.

— И всего-то понадобилось четырнадцать часов! — с торжеством сообщал он каждому, кто соглашался его послушать.— Мы плюнули на финансовые соображения, поотрывали всех от работы, разбили несколько семей и, кажется, создали новые, прямо у нас в отделе. Главное, чтобы цель была общая, это единственный способ действий, если уж припечет.— В этом месте он делал паузу и улыбался самой хитрой из своих улыбок.— А ведь утром того дня я был в полном отчаянии — до парада оставалось всего пять дней.

Если по пунктам, то это выглядело так:

— владельцам трех газетных киосков в квартале было предложено поехать отдохнуть куда-нибудь на недельку, а за них поработают другие;

— кассирш на станции метро «Порт Жавель» заменили на время дамы из отдела, а штат уборщиков на этой станции был увеличен на две персоны. Оперативникам работа показалась не более утомительной, чем их собственная;

— квартал внезапно стал местом притяжения влюбленных. Они обнимались на мосту Мирабо. Они целовались в машинах на стоянках. Они неустанно прогуливались по набережной;

— двое оперативников стали мусорщиками и, хотя труд их не оплачивался, усердно чистили здешние вонючие помойки, проклиная свою судьбу;

— одетые весьма разнообразно, сотрудники и сотрудницы отдела прогуливались по кварталу, занятые чтением газет или, безусловно, интересным разговором, у некоторых были сумки с продуктами;

— почтенная матрона, лет тридцать просидевшая в архиве на улице Соссэ, превратилась в цветочницу — ее здоровенную корзину пополнял на рынке разъяренный сержант полиции, который никогда не предполагал, что ему поручат такую, с позволения сказать, работу. Но матрона была в восторге от новой должности и обосновалась у самого входа в метро, спрятав радиопередатчик в своей необъятной юбке.

— Ну, мы сделали все,— доложил Баум обеспокоенному Вавру.— Если что упустили, так дополним, я человек не гордый. Правда, квартал и так битком набит нашими.

Вавр вздохнул:

— Надеюсь, на сей раз повезет. Столько сделано, должна же быть хоть когда-то удача, мы ее заслуживаем.

— Еще мы могли бы Хемминга, он же Феликс, арестовать,— задумчиво предложил Баум.

— И часа не пройдет, как посольство кинется его спасать. Ну и что будет? Дипломатический скандал. Заголовки в газетах во всю страницу. Вопли из Вашингтона, а уж тут у нас какие вопли! Нет уж, лучше не надо!

— Я это и ожидал услышать. Но у нас на этого субъекта столько данных, что его дважды повесить можно.

— Дело не в нем. Дело в том, что такой скандал с политической точки зрения сейчас невыгоден. Забудем о Хемминге!

— Все-таки мне кажется, что было бы разумно посвятить президента в его делишки.

— Да ведь ничего не докажешь.

— Я мог бы связать его деятельность с тем, что делал Рене, а Рене был связан с Масэ, который передал в «Юманите» секретные документы. Звенья этой цепочки прочные, суд счел бы аргументы вполне убедительными. Но о суде, кажется, и речи нет?

— Я подумаю обо всем этом, Альфред, но мне сама идея пока не нравится. Что у тебя есть конкрет-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—19.

но против Хемминга? Если дойдет до объявления его персоной нон грата, то мне понадобятся данные.

— Я их пришлю. Я написал резюме по его досье, этого достаточно. Но мы еще к этому вернемся.

В дверях он обернулся:

— Пожелайте мне удачи.

Совершенно секретно. Информация из архива контрразведки о Рольфе Уолдо Хемминге.

Родился в Монреале (Канада) 9.8.1925, мать — уроженка Канады, отец — американец. Гражданин США.

Учился в государственных школах в Монреале и Бостоне, изучал конституционное право в Гарвардском университете. Закончил summa cum laude [1] в 1949 г. *Карьера.* В 1950 г. стал членом коллегии адвокатов. Очевидно, в 1951 г. завербован ЦРУ. Ему протежирует Джеймс Энглтон — специалист по тайным операциям. Первая заграничная служба — в Тегеране в 1953—1954 гг., покинул Иран через месяц после путча, сместившего левое правительство и поставившего у власти шаха Пехлеви. В 1953—1962 гг., по всей вероятности, замешан в политических кризисах в Сирии и Ираке. В Конго с 1962 по 1965 г.— до того момента, как к власти пришел генерал Мобуту.

Сведения о деятельности между 1966 и 1975 гг. скудны. Одно время работал в Вашингтоне, в разные годы — в Никарагуа и Сан-Сальвадоре. В 1975 г. назначен советником по культуре в посольстве США в Париже. Активно сотрудничает с Конгрессом «За свободу культуры» и радиостанцией «Свободная Европа». Вероятно, осуществляет связи между этими организациями и ЦРУ.

Политические взгляды. Характеризуется как «ястреб» — сторонник самой жесткой политики по отношению к СССР и ужесточения антикоммунистической деятельности в Западной Европе. В частности, считает большим злом социалистические партии — по его мнению, они открывают дорогу к коммунистическому правлению. Симпатизирует крайне правым партиям и группировкам. Сведения почерпнуты из разговоров и отзывов его сотрудников. Никаких непосредственных контактов с правыми экстремистами не прослеживается.

Личные качества. На протяжении всей жизни — гомосексуалист, без долгих и прочных связей. Увлекается красивыми молодыми людьми 18—28 лет, но возраст может быть и другим. Время от времени появляется с приятелями такого рода в самых дорогих отелях: его доходы позволяют делать подобные траты.

Владеет английским, французским, итальянским, арабским, немного — испанским.

Контакты: министр обороны, министр заморских территорий, префект полиции, председатель парижского коммерческого банка, ряд контактов в коммерческих и финансовых кругах плюс множество знакомств в мире искусства.

Заключение. Возможно, Хемминг проводит собственную политику, которая выходит за рамки деятельности ЦРУ. Возможно, что руководству ЦРУ известна далеко не вся его деятельность. Судя по тому, что Хемминг — один из немногих заметных сотрудников, которым удалось уцелеть после кризиса во время и после президентства Никсона (тогда уволен был даже Джеймс Энглтон), у Хемминга есть какой-то могущественный покровитель. Если это так, то, видимо, в его департаменте об этом не знают. Как бы то ни было, следует признать, что если мы попросим выслать его из страны, то и ЦРУ, и посольство США не сочтут наши доводы убедительными и из принципиальных соображений откажут нам в просьбе. Если же мы будем настаивать, то это немедленно скажется на положении сотрудников французского посольства в США, соответственно пострадают интересы Франции.

Подпись: Баум. См. досье № у/Н 8101877, Хемминг Р. У.

Фото: имеется. Отпечатки пальцев: только правой руки. Запись голоса: имеется. Сведения получены от: список осведомителей имеется. Качество информации: с момента прибытия во Францию — хорошее, за предыдущий период — мало конкретных обоснованных деталей».

В тот же день попозже Баум еще раз заглянул к Вавру. На столе лежал его отчет. Вавр неприязненно ткнул в него пальцем:

— Завтра в десять идем к президенту с этим.

— Вы сами просили о встрече?

— Да нет, нас вызывают.

— Ну и как вам? — Баум имел в виду резюме.

— Согласен — надо это показать президенту. Хотя бы для самозащиты.

— А что скажем насчет расследования утечки информации в Комитете обороны?

— Скажем как можно меньше. Предоставь это мне, я завтра к утру состряпаю им сценарий. Вообще я считаю, что политическим деятелям ничего не надо знать, кроме того, что скрыть уже невозможно. Даже президентам. Так что надо хорошенько тут все обдумать.

— Наибольшие улики — против министра обороны,— сказал Баум.— Но ничего мы не докажем, только добьемся грандиозного политического скандала.

— Уж это наверняка. Хотя мы-то знаем, что он приятель с Хеммингом. И ему сподручнее было, чем другим, передавать эти протоколы, раз они в его министерстве печатаются.

Вавр помолчал и спросил с озабоченным видом:

— В его досье ничего такого нет?

— Я смотрел — все чисто.

— А что этот твой Пишу говорит?

— Он каждый вечер встречается с нашим инспектором и передает ему всю хронику — где министр был, с кем виделся и т. д. При первой же встрече выложил все мерзкие сплетни — он своего начальника, оказывается, терпеть не может. Так что мы много чего теперь знаем о нашем приятеле Пеллерене, но, правда, такого, что нас не касается. Кроме одного — он, оказывается, запросил самые последние сведения о нас обоих.

— Много он интересного услышит! — рассмеялся Вавр.— Разве что ты содержишь пару блондинок на бульваре Сен-Жермен...

— У самого Пишу,— продолжал Баум,— были серьезные мотивы, чтобы скопировать протоколы и передать их. Все та же страховка — он боится победы левых. Но раз уж он такой боязливый, так почему бы ему не застраховаться и от правых? Во всяком случае, в наш список его внести надо.

— А кого еще?

Баум глянул на Вавра исподлобья, чуть улыбаясь.

— Полагаю, некоего Ги Маллара — министра внутренних дел и нашего непосредственного начальника.

— Ты что-то знаешь, чего я не знаю?

— Ничего такого, что позволило бы мне утверждать с уверенностью. Только немного истории — я тут читал и перечитывал его досье, в общем-то, это занятие почти бесполезное. Но одну мелочь я заметил — может, она ничего и не означает, но любопытно все же. До того как заняться политикой, он был на дипломатической службе. В 1957 году поехал в Бейрут в качестве второго секретаря посольства и работал там два года. Бейрут — не такой уж большой город, и дипломаты разных стран там все друг друга знают. К тому времени, как приехал Маллар, Рольф Хемминг прослужил в американском посольстве уже целых два года и наверняка знал всех и каждого. Уж, конечно, такой коллекционер полезных знакомств не мог не подружиться с нашим Ги Малларом, тоже весьма общительным и тоже знающим цену подобным связям. Поверить не могу, что они не поддерживают знакомства здесь, в Париже. Однако обратите внимание — в досье Хемминга Маллар не упомянут. Это означает лишь одно: он и есть главный «приятель» Хемминга, и оба считают нужным держать свою «дружбу» в секрете.

— Ну, это уж пошел чистый вымысел. Хотя рациональное зерно в нем есть...

— Правда, с другой стороны, тот факт, что на протоколах инициалы Маллара, а не Пеллерена, свидетельствует в пользу именно Маллара — Пеллерен стремился бросить на него тень и прибегнул к самому простому маневру.

— Если только это не двойной блеф. Оба на это способны.

— Вообще-то,— заметил Баум,— не так уж важно, который из двух передал протоколы. Просто любопытно бы узнать.

— Слушай,— сказал Жорж Вавр.— до парада всего пять дней, а у нас, кроме невнятных догадок, нет ничего. Ты как себя чувствуешь в связи с этим, а?

Баум ответил широкой улыбкой:

— Как я могу себя чувствовать? Ужасно! Но я полон надежд. Энергичен. В хорошей форме. И постараюсь отдел не подвести.

— Мое дело — шпионов ловить,— сказал Вавр.— В политике я ни бум-бум. Я и не выдаю себя за знатока. Объяснил бы ты мне, Альфред, за пять минут простыми словами, что этот Хемминг, как ему кажется, делает?

Баум покачал головой. Они снова сидели в кабинете Вавра — это было на следующее утро, в среду, 2 сентября.

— Я сам — политический невежда,— возразил он.— Мне бы кто объяснил, что, собственно, происходит.

— Но мне интересна твоя точка зрения. Чтобы сравнить с моей.

Баум задвигался на стуле и уставился куда-то за спину Вавра, в открытое окно, будто из зашторенных окон здания напротив на него должно было снизойти вдохновение.

— Прежде всего,— начал он,— надо принять во внимание прошлое этого человека. Кто он? В университете учился блестяще. Но провинциален и не способен широко смотреть на мир, на общество; несоответствие желаемого действительному его раздражает. Я бы сказал — типичный американский провинциал, для которого вечную загадку составляют и буйство, невоздержанность людей из третьего мира, и хитроумные изыски и сомнения европейцев — он ничего этого не терпит, ему-то всегда все ясно. Поместите такого человека в перенасыщенную секретами и интригами атмосферу, какая обычна для Ливана, Черной Африки, Латинской Америки, и подержите его там некоторое время — что из него получится? Профессиональный конспиратор. Заговорщик. Враг демократии, потому что он никогда ее и не видел в действии, зато строго судит за компромиссы, отступления и прочие мелкие грешки, столь свойственные европейским демократиям. К тому же он развращен властью и деньгами, которые предоставляют ему те организации, на которые он работает. Вот таким, я думаю, был Рольф Хемминг, когда он появился в Париже в конце 1975 года. Провинциал, который многому научился, приобрел даже некоторый лоск, но мышление свое изменить не сумел.

— Пока убедительно...

— А тут он внезапно увидел самую циничную, самую конформистскую из всех западных демократий. Она привела его в ужас: подумать только, мы допустили существование огромной и агрессивной коммунистической партии! Социалисты, идеология и тактика которых ему абсолютно чужды, заигрывают, на его взгляд, с коммунистами. Левые с каждым годом завоевывают позиции. Среди правых неразбериха и вечные перебранки. Все кругом ищут политических выгод, пренебрегая моралью. А уж в морали и нравственности этот тип силен. Подобно Даллесу, он уверен, что нравственная миссия Соединенных Штатов — уничтожить антихриста, то есть коммунизм. И он убежден — третий мир его убедил,— что подобные вещи делаются тайно. Конспирация против конспирации. Жестокость — за жестокость. В философской проблеме насчет того, возможно ли достичь высокой цели низкими средствами, ему нипочем не разобраться.

— Неплохая теория...

— Спасибо. Я стараюсь, но я ведь не профессионал. Итак, столкнувшись с обычным французским конформизмом, что должен был подумать этот человек? Что нам в нашей борьбе с коммунистической заразой не хватает единства цели. Надо бы скомпрометировать левых. Добиться этого тайными методами, никак не обнаруживая себя. Организовать какие-то акции. Для него это оказалось проще простого. С правыми маньяками он и раньше имел дело и знал: чтобы от злобных выкриков возле какой-нибудь синагоги они перешли к эффективной и напряженной кампании террора, им понадобятся только деньги и четкое руководство. А также вера в то, что Соединенные Штаты Америки их поддерживают. Вот это он им обеспечил.

Тактика у него проста и по-своему даже элегантна. Мишени олицетворяют существующий порядок — стало быть, атаки на них припишут левым, у них дурная репутация. Он уверен, что наше общество настолько плохо разбирается в политике, что непременно соединит мысленно взрывы с коммунистами и социалистами. Чтобы эти акции все же не приписали правым, он заручился прямой поддержкой людей, которые всегда найдутся среди высокопоставленных чиновников, тех, кого привлекает правый экстремизм, а если проще говорить — диктатура. Префект полиции в его схеме, несомненно, был ключевой фигурой. А заодно и Амбруаз Пеллерен. Были наверняка и другие, но не о них сейчас речь.

Что же касается этого отребья — всяких там Рене, Ингрид, Жан-Полей с их бомбами и автоматами, они, без сомнения, уверены, что готовят контрреволюцию, которая приведет к власти фашизм. Выходит, сам Хемминг использует их, чтобы только слегка образумить слишком вольный, на его взгляд, нынешний режим, но его головорезы, а вместе с ними и префект, и прочие чины мечтают вернуть времена маршала Петена и Пьера Лаваля. Вот как бы я все это объяснил.

— Друг мой, отлично! Убедительно! А как ты полагаешь — ЦРУ и Белый дом в курсе дела?

— Представления не имею!

Вавр взглянул на часы:

— Пошли к президенту, доведем до его сведения минимум того, что могли бы порассказать.

Пока под разрисованным потолком, овещенным роскошными дворцовыми светильниками, президент внимал тому, что докладывал ему Вавр, Баум скромно сидел в сторонке. Вэллат, изможденный и непроницаемый, проводив их сюда, удалился, похоже, с некоторой даже радостью. Президент нетерпеливо барабанил пальцами по столу и смотрел на посетителей с плохо скрываемым раздражением. Он явно рассчитывал задать им трепку, но Вавр, солидный и малоподвижный, казалось, этого просто не замечал. Говорил спокойно, доверительно, с видом человека, который всегда и везде говорит одну только правду, ничего, кроме правды. Однако то, что он

[1] По всем предметам с отличием (лат.).

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

в данный момент втолковывал президенту, было не совсем правдой, а местами и совсем не правдой.

— В ближайшие двое суток мы проведем ряд арестов, и это положит конец взрывам,— говорил он мягко.— На избирательной кампании это скажется положительно...

Президент молчал.

— Одного человека мы уже арестовали,— продолжал Вавр.— и он дал показания. Не такие подробные, как бы нам хотелось, но полезные. Кроме того, мы проследили связь между главарями преступной группы и одним человеком, о котором, я полагаю, вам, господин президент, следует знать побольше. Однако, прежде чем назвать его имя, хочу предупредить, что мы ничего не предприняли, чтобы пресечь его деятельность, поскольку находим это нецелесообразным. Судите сами, господин президент.

Он приступил к краткому и местами правдивому описанию деятельности Рольфа Хемминга.

— Смею предположить,— закончил он,— что вряд ли вы захотите предать это дело гласности. Что касается нас, оно вообще вне компетенции контрразведки.

Если президент и был удивлен, то никак этого не показал. Последовала долгая пауза.

— О роли Хемминга не говорилось нигде за пределами этих стен,— негромко произнес Вавр.— Ни наш министр, ни полиция ничего не знают.

— Вы сказали — двое суток? — резко спросил президент.

— Двое с половиной в крайнем случае,— не моргнув глазом ответствовал Вавр.

— Надеюсь, во время воскресного парада эксцессов не будет?

— Никаких оснований для беспокойства, господин президент!

— Благодарю вас. Держите меня в курсе через Вэллата...

— Опасное обещание, Жорж! — промолвил Баум, когда они спускались по лестнице.

— Я верю тебе, дружище. Иначе как бы я обещал?

Вечером премьер-министр Франции получил шифрованный телекс. Советник президента США по безопасности по-приятельски интересовался, достигнуты ли результаты — и какие именно — по тем вопросам, которые затронул во время своего пребывания в Париже доктор Киссинджер. А также каковы настроения в правительственных кругах по поводу предстоящих выборов — в американской прессе приведены данные опросов, где прогнозируется, что 55 процентов голосов будет отдано социалистам и коммунистам, причем перевес коммунистов возрастает. Тот факт, что запрос исходил непосредственно из офиса американского президента по телексу, а не по обычным дипломатическим каналам, не укрылся от

внимания премьер-министра. Целых десять минут он беседовал по этому поводу с президентом республики, после чего тот, окончательно взбесившись, приказал Вэллату немедленно вызвать американского посла.

Посол, который получил копию телекса из Белого дома, понял, почему его вызывают столь поспешно. Покинув званый ужин в посольстве, он отправился на машине, специально присланной за ним, в расположенный по соседству Елисейский дворец. Президент через стол бросил ему телекс.

— Я в курсе дела, господин президент,— сказал посол.

— Прочтите еще и это!

Посол посмотрел протянутую ему последнюю сводку нью-йоркской фондовой биржи и не нашел, что сказать.

— Господин посол! — произнес президент неприязненно.— Будьте любезны информировать госдепартамент, а возможно, и самого президента Соединенных Штатов, что Франция все еще является суверенным государством. Высоко ценя дружеский интерес к нашим делам, никакого вмешательства в эти дела мы терпеть не намерены. Видимо, кто-то в Вашингтоне, плохо разбираясь в вопросах европейской политики, надоумил президента посоветовать французскому правительству принять административные меры против левых. Нам остается только надеяться, что подобные советы впредь не повторятся. Я разочарован, господин посол, в своих надеждах, что вы как государственное лицо разъясните вашему правительству суть нашей политики.

Он поднялся в знак того, что встреча окончена, и посол, помедлив чуть-чуть — его сознание было несколько затуманено немалым количеством выпитого за ужином, не говоря уж о двойном бурбоне до ужина,— откланялся.

Когда утром в среду открылись нью-йоркские банки (то есть в пять утра по французскому времени), выяснилось, что франк резко упал. Банковские круги выразили глубокое беспокойство по поводу нестабильной обстановки во Франции. Клиентам, имеющим коммерческие и финансовые интересы в этой стране, советовали проявлять максимальную осторожность. В течение дня курс франка опустился еще ниже. Того же ожидали в Лондоне, Цюрихе и в самом Париже. Напряженное ожидание катастрофы само по себе способствовало ее приближению.

ГЛАВА XV

В среду в районе Жавель практически ничего не происходило. К обеду все были готовы: цветочница расположилась у метро, влюбленная парочка грелась на солнышке на мосту Мирабо, остальные разглядывали журналы возле киосков, изучали товары в витринах. Неприметные люди обходили здешние лавки и магазинчики, показывая фотографии Ингрид, Рене и Жан-Поля.

Кто-то сообразил, что надо опросить кассиров метро и владельцев киосков, тех, кого заменили сотрудники ОТО, но найти их оказалось невозможно — разъехались, пользуясь нежданной свободой, оставалось только сожалеть, что не вспомнили об этом раньше.

В семь вечера радиооператор, сидевший в машине, доложил на улицу Соссэ, что докладывать, собственно, не о чем и что явилась другая смена. Сообщение передали Бауму, который решил до субботы ночевать у себя в кабинете и был озабочен, что бы такое привезти Эстелле в Версаль в качестве искупительной жертвы. Может, медный котелок для приготовления рыбных блюд — недавно она видела такой у одной приятельницы и одобрила? Дороговато, конечно, но идея неплохая.

Во вторник владелец «Марии-Луизы», назвавший себя Бруно, ночевал на борту и, отправившись за утренней газетой в ближайший киоск, обнаружил, что там сидит другая женщина, к тому же не привыкшая торговать: она не сразу сосчитала, сколько ему положено сдачи.

— А где хозяйка? — осведомился он.

— Поехала на несколько дней в Нормандию, кажется, тетушка у нее заболела.— Сотрудница отдела была готова к подобным вопросам, ответ прозвучал вполне естественно. Это успокоило Бруно, и он вернулся на судно, не обратив внимания на парочку, которая прохаживалась по набережной: молодые люди были заняты только друг другом. Это был Люк — тот, что несколько недель назад принимал участие в операции в Булонском лесу и потом неудачно преследовал Ингрид после ее визита в клинику. Зато теперь он наслаждался обществом хорошенькой машинистки по имени Шанталь — ямочки на щеках и веселые зеленые глаза этой особы служили постоянной темой разговоров в отделе. Кроме них, поблизости находился еще один сотрудник — его Бруно тоже не заметил: инспектор, стараясь действовать не слишком заметно, опрашивал докеров, показывая им фотографии. Вот тут наметился первый успех: сразу трое опознали Ингрид.

— Красотка, ноги хоть куда,— высказался один из них.— Только уж очень нос задирает, не подступись.

Инспектор настаивал, чтобы они вспомнили поточнее, когда встретили ее, но ничего более определенного, чем «вроде неделю назад», не получил. А куда она шла? Вниз по ступенькам, а потом вдоль берега направо. А может, и налево. Обратно вернулась? Нет, никто не видел, чтобы она поднималась на мост.

Информация была тщательно записана инспектором в блокнот и спустя полчаса передана Бауму.

— Это позволяет сократить место поисков,— сказал он инспектору Алламбо.— Вот тут надо искать — где выселенные дома и разные лодки на причале. А подняться она могла чуть дальше, на мост Гренель.

— Проведем облаву?

— Подождем. Не хочется опять действовать вслепую. Мне кажется, завтра что-то прояснится. В крайнем случае в субботу.

В шесть вечера цветочница у метро обратила внимание на стройную, с красивыми ногами молодую женщину, которая перешла улицу со стороны моста и, обойдя каменную балюстраду, спустилась в метро. И хотя волосы у нее были каштановые, лжецветочница все-таки не усомнилась, что она и есть та блондинка, что на фото, и сообщила об этом оператору в фургоне, но тот не успел предупредить дежуривших на платформах, а сами они не разглядели ее в толпе.

— Это подтверждает, что Мария-Луиза не покидала свое жилье,— сказал Баум, когда ему доложили о случившемся.— Я склоняюсь к тому, что эта девица и есть Мария-Луиза.

Пришла новая смена — ей предстояло проскучать всю ночь, поскольку ночью ничего не произошло. Следующий день — пятница — выдался таким же жарким и таким же пустым. Жизнь в квартале будто замерла, вынужденное безделье действовало на нервы всем, кроме Люка и Шанталь. Эта парочка очень даже неплохо проводила время.

— Ну чего ты на меня уставился? — кокетливо спросила Шанталь.— Если бы твоя Мирей увидела, ей бы это не понравилось.

— Она не увидит. А потом — я же только выполняю инструкцию. Нам велено изображать влюбленных — так ведь?

— Но ты слишком усердствуешь!

Они прогуливались под деревьями на авеню Эмиль Золя. Люк про себя решил, что если уж нарушать супружескую верность, то только вот с такой славной девочкой. Взяв в веселом — яркий пластик и металл — ресторанчике самообслуживания по гамбургеру и по чашке кофе, Люк и Шанталь после завтрака посидели на скамейке на солнечной стороне, разглядывая машины, прохожих и друг друга в легкой дымке расцветающей влюбленности. В середине дня рука об руку прогулялись по набережной, внимательно присматриваясь ко всему, что их окружало, но мысли их были поглощены совсем другим. Незаметно они оказались в той части набережной, где причалены лодки, служащие жильем. Люк пытался отыскать повод для продолжения новых и столь много обещающих отношений.

— Шанталь,— произнес он задумчиво.

— Что?

— Ничего. Просто так. Приятно звучит.

Она радостно засмеялась.

— Вот красивое имя.— Она прочитала название лодки.— «Ноэми». Немного старомодно, но красиво, да?

— Мирей говорит, что если у нас будет девочка, назовем ее Джоан. На американский манер.

Они приближались к мосту Гренель и как раз проходили мимо последней лодки.

— И вот старомодное имя — «Мария-Луиза»,— заметила девушка.— Мне нравятся двойные имена: Мария-Луиза, Анна-Мария...

Дойдя до моста, они пошли вверх по лестнице, и на верхней ступеньке Люк наконец решился поцеловать ее. Как раз в это время Бруно пробежал по лестнице вниз, пересек набережную и поднялся на борт «Марии-Луизы», открыв дверь своим ключом. Десять минут спустя появилась Ингрид — на ней был парик и темные очки, цветочница у метро на сей раз ее не узнала. Вскоре еще двое, порознь, спустились по лестнице у моста Мирабо и благополучно оказались на борту «Марии-Луизы». По пути никто их не заметил — сеть Баума снова не сработала.

Встреча членов штаба продолжалась около часа. Обсудили планы насчет парада, который будет в воскресенье, поговорили о том, как восстановить связь с Феликсом.

— На воскресную операцию с Сержем иду я сама,— заявила Ингрид.— Не могу никому ее доверить. Мы узнавали — стройплощадка завтра в первой половине дня будет открыта, так что пройдем туда спокойно.

— Оружие готово?

— Сегодня вечером Беранже принесет.

— Какого рода оружие?

— Миномет «Хочкисс-Брандт Коммандо» и несколько автоматов.

— Как же вы доставите на место миномет? Это сложно!

— Он весит всего восемнадцать фунтов. Серж пронесет его под видом каких-нибудь труб.

— А снаряды?

— Есть. Диаметром шестьдесят миллиметров, бьют на сто метров.

— Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

— Итак,— заключил председательствующий,— пожелаем нашим товарищам удачи.

На набережную выходили по одному. И опять никто из многочисленных агентов Баума не опознал Ингрид и не обратил внимания на остальных — они растворились в толпе, спешащей по своим делам. Приближался жаркий уик-энд.

В полночь Баум попробовал поспать на узком и неудобном ложе, которое соорудили для него в соседней комнате. Уснуть ему, однако, не удалось, и, проворочавшись целый час, он вернулся к себе в кабинет и сидел там, перебирая карточки или просто обхватив голову руками, и думал, думал, думал. Ныло в боку — печень напоминала о себе.

Похоже, дело плохо. Прошла уже половина ночи с пятницы на субботу. До парада меньше полутора суток — тридцать шесть часов, а он все еще полагается на случай. Инициатива полностью ускользнула из его рук, теперь игрой правит леди Удача, а это такая ветреная особа... Если не произойдет нечто непредвиденное, то утром в воскресенье разразится беда. На обычную полицию, которая следит за порядком в толпе, рассчитывать нечего: ее функции чисто формальные. Если кому-то придет в голову напасть на участников парада из какого-нибудь укрытия, спокойно он это сделает. И даже если знаешь приблизительно, где это укрытие расположено, все равно ничего не предотвратишь — мишень слишком велика.

Он выпил холодный кофе и принял таблетку. Сходил в дежурку, полчаса проболтался там. Но сонный дежурный клевал носом и не расположен был к разговорам. Баум побродил по пустым коридорам, заглянул в комнату, где находится радиоаппаратура, потом пошел было в архив, но там оказалось заперто. Около трех он снова лег, не раздеваясь, сняв только ботинки, и провел часа три, перебирая в памяти события последних недель и пытаясь понять, где он ошибся и в какой именно момент, действуй он иначе, мог быть толк. Возможности, что с самого начала его действия были неправильны, он не допускал. Нет, ошибки ошибками, но в целом он прав. Да, но ошибки эти целиком на его совести...

В шесть Баум поднялся, сполоснул лицо холодной водой и побрился тщательно, насколько позволяли условия. Он был угнетен и опустошен. «Это просто депрессия, вызванная бессонной ночью,— сказал он себе.— В таких случаях помогает кофе покрепче. Сейчас выпью кофе и буду готов встретить день, который, возможно, окажется самым неприятным за всю жизнь».

Столовая открывалась только в восемь, он вышел и зашагал по улице мимо мусорщиков, громыхающих железными баками, мимо автомобилей, выстроившихся бесконечными рядами,— недалеко отсюда есть кафе, которое, он знал, уже открыто, там по утрам собирается весьма сомнительная публика. Он заказал большую чашку черного кофе, положил побольше сахару и, сделав несколько глотков, почувствовал себя лучше и постепенно приободрился: в конце концов не все потеряно. Впереди тридцать часов. Не так уж много, но достаточно, чтобы ситуация могла измениться...

Господи, ну почему удача отвернулась от него? Вернее — почему неудачи неотвязно преследуют его на этот раз? Девчонка, за которой так старательно следили, смылась, Жан-Поля тоже упустили. Удалось поймать Рене — так Ассар все погубил своей жестокостью и тупостью. Ну почему все так вышло? Может, фортуна просто недолюбливает контрразведку, не понимает, какую важную роль играет эта организация? Самое обидное: когда что-то начинало получаться, они своими руками все портили. И нет им никаких оправданий. Они — да что там они?! — он, он сам все проворонил! А теперь сидит и скулит, требуя от судьбы милосердия, помощи и удачи, которых он не заслужил.

«Ну-ка, соберись, Альфред,— приказал он себе, когда официант принес вторую чашку кофе и горячий круасан.— Хватит ныть, думать пора. Работы полно. Например, что предстоит сделать сегодня?»

Он вытащил из одного кармана лист бумаги, из другого шариковую ручку и набросал план по пунктам: 1, 2, 3... Потом подозвал официанта, расплатился и зашагал обратно на улицу Соссэ. Теперь он полностью пришел в себя и был готов к бою.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

В восемь кабинеты ожили. Баум вызвал инспектора Алламбо, и вдвоем они, подъехав на машине к мосту Мирабо, присоединились к технику, который дежурил в радиофургоне. Тот умирал со скуки и все время что-нибудь жевал — новостей не поступало, а болтать по радио ему строго-настрого запретили.

— Поговорим с оперативниками,— предложил Баум,— вызови-ка инспектора Шарко.

Инспектор как раз совершал утренний обход, ничего интересного он не заметил.

— Пожалуй, надо и с остальными побеседовать,— решил Баум.— Присылай их ко мне по одному с интервалом в двадцать минут. Поднимем им настроение.

Все утро ушло на короткие и безрезультатные интервью. В одиннадцать Баум закончил беседу с сержантом — одним из тех, что изображали прохожих, и повернулся к Алламбо:

— Пусто, а?

Алламбо только вздохнул — он никогда не видел старика настроенным столь пессимистически, неуверенным в себе. Все это бесполезная трата времени и сил...

Пока они обменивались впечатлениями, по вызову дежурного явились Люк и Шанталь. Парочка скромно жалась в дверях, уважительно внимая беседе старших. Баум, казалось, их не замечал.

— Может, мы вообще на ложном пути — Мария-Луиза вовсе не хозяйка явки, а эта блондинка, она где-то здесь живет, встречается же группа вообще в другом конце Парижа...

— Если это так, то блондинка — наша единственная зацепка.

— Хотел бы я знать, кто тогда Ингрид,— сказал Баум. Тут он заметил, наконец, Люка и Шанталь. — Ага, еще двое. Ну, что скажете?

— Ничего, шеф, все спокойно.

— Может, у вас идеи какие-нибудь появились?

— Да нет...

— А у вас, барышня? Как насчет женской интуиции?

Шанталь улыбнулась, продемонстрировав свои знаменитые ямочки.

— Извините, шеф, вы сказали, что интересуетесь женщиной по имени Мария-Луиза. Насчет женщины не знаю, но тут неподалеку причалена лодка, которая так называется — «Мария-Луиза»...

Она взглянула на Баума робко, будто ожидая, что ей велят замолчать и не лезть со всякой чепухой. А вместо этого Баум минуту смотрел на нее молча, потом вдруг лицо его просияло и он с силой ударил пухлым кулаком по ладони.

— Алламбо! — заорал он.— Слыхал? Слыхал, что эта милая барышня нам преподнесла? Лодка, лодка! — вот какая это Мария-Луиза! Алламбо, дружище, мы их накрыли!

Он вскочил, заключил тоненькую Шанталь в объятия и запечатлел на ее лбу поцелуй.

— Вы не только красавица,— объявил он.— Вы еще и умница! Ну а ты-то? — обернулся он к Люку.— Ты эту лодку видел?

— Видел.

— Так учись вот у нее. Я и сам получил урок. Все стало на свои места: мы же в порту, тут стоят разные суда, многие названы женскими именами. Только намек — и все ясно. Мы-то строили схему просто,— обратился он к Алламбо,— но чуть дальше заглянуть не сообразили. Ты же был прав, ты заметил, что Марию-Луизу Хаан назвал, когда его спрашивали насчет явки. А я-то, дурак, не придал этому значения! Ну, спасибо, дети мои. Теперь ступайте, мы еще поговорим, когда дело сделаем...

Парочка удалилась.

— Теперь нет времени расставлять силки,— сказал Баум.— Мы и так уж столько времени убили на всякую чепуху. Подготовим как следует облаву — и вперед! Поймаем кого — отлично, а не поймаем — нам и лодки хватит, постараемся добыть с ее помощью побольше данных. Рисковать больше нельзя.

Целый час они потратили на разработку детального плана операции. Алламбо позвонил приятелю, работавшему в таможне, и договорился, что тот предоставит в их распоряжение таможенный баркас. Инспектор Шарко был вызван снова и получил новые инструкции, как расставить людей поблизости от «Марии-Луизы». Алламбо лично прогулялся по набережной, где она была пришвартована, и прикинул, как штурмовать судно и сколько для этого понадобится народу.

Одного из оперативников послали в ратушу пятнадцатого округа, а оттуда к начальнику отдела регистрации домой. Тот с великим неудовольствием согласился пойти в субботний день на службу, открыть свой кабинет и порыться в картотеках, чтобы установить, кто числится владельцем «Марии-Луизы». Около часа дня посланец вернулся и выложил Бауму добытые сведения — он ожидал похвалы, однако Баум, всегда внимательный к такого рода тонкостям, на сей раз даже «спасибо» не сказал. Прочитав имя владельца «Марии-Луизы», записанное инспектором в блокноте, он только протяжно свистнул и обратился к Алламбо:

— Лодка-то наша, а?! Знаешь, кто ее хозяин? Бернар Пеллерен. Слыхал это имя?

— Пеллерен — фамилия известная. А Бернар — это кто?

— Сын этого известного. Сынок Амбруаза Пеллерена, уважаемого нашего министра обороны. Сие означает, дорогой мой Алламбо, что все наши планы насчет лодки напрасны и ничего мы не добьемся. Этот Бернар недурно выбрал себе папашу. Пожалуй, Ассар на сегодня остался без работы.

Около одиннадцати двое рабочих не спеша прошли через распахнутые ворота на строительную площадку возле перекрестка Рон Пуан на Елисейских полях. Работа тут кипела, и никто пришедшими не заинтересовался. Они тащили вдвоем что-то вроде связки пластиковых труб. Проницательный человек мог бы полюбопытствовать, зачем понадобились трубы на данной стадии строительства — когда кран только что установили. Но кругом все были заняты и с нетерпением ожидали полуденного сигнала, который возвестит свободу до понедельника. Так что эти двое незамеченными прошли сквозь целый лес опор, на которых держался недавно уложенный пол нижнего этажа, и, спрятав свою ношу за грудой щебня, накрыли ее куском брезента да еще присыпали сверху песком.

Ингрид снова изменила внешность: свободный пиджак и широкие брюки скрадывали ее грудь и бедра, ни одна прядь не выбивалась из-под берета, и она вполне могла сойти в таком виде за парнишку.

Они спрятались в подвале, где со временем должен был быть оборудован подземный гараж, и приготовились ждать — в полдень стройплощадку закроют.

— Помимо всего прочего, нам понадобятся рыболовные снасти, два набора,— заявил Баум. Было уже около часа пополудни, он все еще сидел в фургоне с Алламбо и Шарко, уточняя планы. Шарко усмехнулся:

— У меня дома есть, только я живу далеко.

— Ну так найди кого-нибудь, кто живет поблизости и согласится нам одолжить две удочки, а нет у него — пусть у соседей попросит. Господи, да в нашем отделе все рыболовы, кроме меня: неужели трудно пару удочек раздобыть?

Это дело поручили сержанту, охранявшему фургон, и наказали без означенных предметов не возвращаться.

— Фото Бернара Пеллерена готово? — Баум уже распорядился, чтобы размножили полицейский снимок молодого человека, который, как он точно знал, имелся в досье его папаши. Будучи еще студентом в Безансоне, молодой человек состоял некоторое время в одной троцкистской группировке, чем и привлек внимание полиции. Правда, никаких сведений о том, как с тех пор изменились его политические взгляды, папашино досье не содержало.

— Наверно, уже везут сюда.

— Надеюсь. Проверим все еще раз.

Алламбо набросал от руки план набережной и причалов и разложил его на хлипком столике.

— Таможенный баркас с четырьмя нашими сотрудниками ровно в три подойдет к борту «Марии-Луизы». К этому времени еще двое пусть подойдут туда с разных сторон по набережной. И еще двое пусть сидят поблизости, будто рыбу удят, вот зачем удочки нужны, ясно? Вопросы есть?

— Как насчет подкрепления? — осведомился Шарко.— На случай, если встретим сопротивление.

— Расставьте людей на соседних улицах так, чтобы в случае надобности их сразу вызвать. На набережной не должно быть много народу — по субботам тут всегда пусто, так мне сказали.

— Насчет оружия — применять его можно?

— Пусть у всех оружие будет, но применять только в случае особой надобности. Повторяю: особой.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—20.

Разрешаю также взять с собой один автомат. Кого бы ни задержали — они нужны живыми. Но, с другой стороны, и терять своих людей больше не хочу, ясно?

Всем это было ясно, и обсуждение продолжалось. Фото Бернара Пеллерена, он же Бруно, раздали всем участникам предстоящей операции. Сразу после обеда принесли две удочки — сержант, которому поручили их раздобыть, на все вопросы только загадочно улыбался и отвечал, что сотворил их из воздуха. Через полчаса на берегу уже сидели двое рыбаков — «сотворить» наживку сержант не догадался, так что никакого спортивного интереса у них не было. Вскоре показался таможенный баркас, он медленно приближался, люди на баркасе держали связь по радио с теми, кто находился в автофургоне.

В 14.55 инспектор Шарко, одетый будто для послеобеденной прогулки, спустился с моста Мирабо и небрежной походкой направился туда, где стояла «Мария-Луиза». Минуту спустя другой сотрудник сошел на набережную с моста Гренель и остановился у парапета, глядя на воду. У него с собой была брезентовая сумка. Заметив баркас, медленно идущий слева против течения, он взглянул на часы и, перехватив сумку в другую руку, торопливо зашагал к лодочным причалам. Навстречу ему двигался Шарко. Их разделяло всего метров двадцать, когда баркас начал разворачиваться к берегу. Двое рыболовов на набережной, забыв об удочках, тоже наблюдали за ним. Оба одновременно взглянули на часы — без одной минуты три!

Шарко и тот, что шел ему навстречу, сошлись как раз напротив «Марии-Луизы». Один из рыбаков вытащил из кармана передатчик и коротко что-то сказал. Потом оба быстро поднялись — баркас к тому времени описал длинную дугу и находился метрах в десяти от «Марии-Луизы».

Мгновенно все четверо оказались у трапа. Тот, что был с сумкой, выхватил из нее автомат — сумка так и осталась лежать на асфальте. Все четверо бросились на судно, впереди человек с автоматом, замыкающим Шарко. На борту их встретила наглухо запертая дверь, ведущая в нижнее помещение. У «рыбаков» среди их снаряжения оказалось по ломику.

— Тут никого,— сказал Шарко в свой передатчик.— Взламываем дверь. Следите, чтобы наша частота была свободна.

— Слышим вас. Желаем удачи.

Оба ломика вместе подсунули как рычаг под замок, он подался с громким треском, а когда стали выбивать тяжелыми ударами дверь, замок сам вылетел из петель. Через полторы минуты оперативники были уже в салоне.

— Мы внутри. Дверь взломана, ловушку тут уже не поставишь. На тот случай, если хозяин или гости вздумают вернуться, кто там снаружи, будьте начеку, не прозевайте их.

— Вас слышу. Приступайте к обыску. Хоть всю лодку на части разберите, но данные добудьте.

Обыск длился минут сорок, но уже через пять минут салон выглядел как после стихийного бедствия. Ни одной книги не осталось на полке — их перелистывали и швыряли на пол. Каждый ящик выдвинули и опустошили, взрезали обивку мебели, подняли ковры, вытряхнули на пол пакеты с едой. Разломали обшивку палубы и шарили под ней, в трюмной стоялой воде. Поотkрывали все цистерны и баки и на скорую руку проверили с помощью катетеров их содержимое.

Прибыли Баум и Алламбо и приняли личное участие в обыске.

— Искать надо всякие мелочи,— напомнил Баум,— записки, пометки, карты, удостоверения, словом, бумажки. Если попадется что-то посерьезнее, будем считать это премией за наше рвение. Но насчет ружей и бомб пока забудьте — мне важнее информация.

Рисунки
Вячеслава ЛОСЕВА

— Да вот же карта Парижа,— сказал один из «рыболовов».— На столе лежит, никто ее не трогал.

Через минуту Шарко протянул Бауму два листка из блокнота:

— Гляньте-ка, я их из рубашки вытряхнул, которая в шкафу висела. Может, что важное?

Выглянув в иллюминатор, Баум заметил, что с баркаса подают сигналы.

— Из двух соседних иллюминаторов протянуты вниз какие-то веревки,— прокричали оттуда.— Уходят под ватерлинию...

Веревки подтянули — они, оказалось, поддерживают на небольшой глубине металлические контейнеры. Вскрыв крышки, обнаружили в контейнерах автоматы, снаряжение к ним и шесть ручных гранат.

Баум не проявил к находке особого интереса.

— Я же сказал — это вроде премии. Находка для газетчиков, только и всего.— Он разглядывал листки, поднося их близко к глазам,— какие-то названия, написанные подряд, мелко, сокращенно, больше ничего. Но против некоторых значились галочки, поставленные явно другими чернилами.

— Убей меня Бог, это же перечень мишеней! — ахнул он.— Смотри-ка, Алламбо, вот телецентр — галочка. Вот отделение банка «Американ Экспресс» — тоже помечено. Отделение «Французского банка» — пометки нет пока, это удовольствие — бомба — им только еще предстоит!

Он разложил карту на столе и склонился над ней, не обращая внимания на грохот и падение разных предметов за спиной,— обыск был в разгаре. Потом встал, поднес карту к свету, наклоняя ее так и этак, попытался разглядеть что-то в неверном, меняющемся свете.

— По-моему, тут были карандашные пометы, только их стерли. Надо в лаборатории проверить, у них есть для этого новое оборудование. Дежурит там сегодня кто-нибудь?

— Сейчас узнаю.

В лаборатории, как выяснилось, дежурства не было, но за техником послали: придется ему прервать свой отдых и прибыть на улицу Соссэ как можно скорей, ничего не поделаешь, служба такая.

Минут через сорок после того, как Баум и Алламбо ушли с «Марии-Луизы», на набережной появился Бруно. Только ступив на сходни своей лодки, он заметил незнакомца, ожидающего его на борту, а за его спиной выбитую дверь. Бруно был невооружен, он бросился назад, но с обеих сторон по набережной к нему побежали какие-то люди. Заколебавшись на миг, он прыгнул в грязную, взбаламученную воду и поплыл, огибая лодку и держась по течению. Баркас преградил ему путь: его втащили на палубу, с него текло и шел противный запах тухлой воды.

В пятницу отчет парижского резидента ЦРУ поступил в штаб-квартиру ЦРУ в Ленгли и лег на стол адмиралу Брубеку. Соответствующим образом обработанные, чтобы усилить общее впечатление, выдержки из него были направлены советнику по безопасности в Белом доме, во французский отдел госдепартамента и в казначейство Соединенных Штатов. Тон отчета и так-то был весьма мрачен. В обработанном виде — когда его подготовили специально для чтения высокопоставленными лицами — он стал еще мрачнее. Автор убежден, что приближающиеся выборы ввергнут Францию в катастрофу, предвидит усиление кампании террора и даже берет на себя смелость предсказать эксцессы на предстоящем параде в память генерала де Голля. В департаментах американского правительства все негодовали по поводу вялости и инертности французских властей. Что касается казначейства, то фондовая биржа реагировала чутко: франк по отношению к доллару упал еще на двадцать сантимов. Стало быть, за три недели он потерял 18 процентов стоимости. Государственный секретарь, ссылаясь на самые свежие данные ЦРУ, высказал предположение, что было бы уместно приостановить переговоры о закупках французских военных самолетов, строящихся на заводе Дассо. Президент пригласил к себе адмирала, они долго разговаривали за коктейлем и вконец запугали друг друга. Пытались посоветоваться с доктором Киссинджером, но он отдыхал где-то в Новой Англии, и отыскать его не удалось.

ГЛАВА XVI

Ночной сторож, охранявший стройплощадку возле Елисейских полей, не раз жаловался, что объект охраны слишком велик для него одного, но все требования насчет напарника начальство решительно отвергало. На стройке воровали вовсю, как всегда бывает, но происходило это в дневные часы, когда деревянные конструкции, цемент и даже целые упаковки кирпичей можно было вывезти по подложным документам. Часто грузы поступали уже некомплектными или не соответствовали по весу накладным. По ночам же и по выходным стройматериалы надежно защищены тяжелыми деревянными воротами, на которых наклеены целых шестьдесят четыре плаката; всю ночь на столбах над площадкой ярко горят лампы дневного света.

Сторож — ему под семьдесят, к тому же он ковылял на протезе — обязан был трижды за ночь обойти всю территорию стройки. Но поскольку ходить ему было трудно, а контроля за ним никакого, он сократил число обходов до двух: один раз около десяти вечера, когда наступает темнота, и второй раз сразу после полуночи. Потом он спокойно спал в сторожке до семи — ему это было необходимо, он ухитрялся совмещать ночную работу с дневной, продавал билеты национальной лотереи в одной лавчонке.

В субботу, когда все разошлись, сторож обошел свои владения, повторил обход около десяти вечера и включил фонари. Серж и Ингрид слышали, как он тяжело топает у них над головами — в подвалы старик не заглядывал, туда пришлось бы спускаться по крутой лестнице, ему, с его протезом, это было не под силу.

— Надо его убрать,— предложила Ингрид.— А то придется сидеть здесь до завтра, и он может нас заметить, когда придет время действовать...

— Пустить в расход? Предоставь это мне,— согласился Серж. Он поднялся наверх. Старик еще не закончил свой обход, Серж увидел его в дальнем конце площадки.

— Эй,— окликнул он сторожа. Тот обернулся и остановился, поджидая, пока Серж подойдет.

— Какого черта ты тут болтаешься?

— Да все в порядке, дед, меня тут заперли, пока я спал. Выпустишь меня, а?

Старик заподозрил неладное:

— Почем я знаю, кто ты такой?

— Пошли к конторе, там светлее, я тебе удостоверение покажу.

Старик проворчал что-то, и они направились к конторе. Когда проходили мимо груды кирпичей, Серж нагнулся и незаметно подобрал один, тут же спрятав его за спину. Им предстояло пройти по будущему первому этажу — сюда почти не достигал наружный свет фонарей. Со всей силой Серж обрушил кирпич на голову старика и, когда тот повалился со стоном, еще раз ударил его по черепу. Сторож упал возле шахты, куда заливали цемент для фундамента. Яма была метров двенадцать глубиной. Серж подтащил свою жертву к самому краю и спихнул вниз — тело глухо ударилось о цементный пол.

— Все в порядке! — доложил он, вернувшись к Ингрид.— Ну и мягкий же у него череп оказался. Господи прости!

Они поужинали сандвичами, запив их кока-колой, и провели остаток ночи в сторожке.

— Я себя чувствую прямо как ребенок, которому отвалили здоровенную порцию мороженого,— пожаловался Баум.— Мороженое на солнце тает, по пальцам течет. Если его в рот сразу запихнуть, то подавишься, а если еще немного подержать — весь лакомый кусок на земле окажется. Вот что я испытываю по отношению к нашему драгоценному пленнику.

Он снова сидел в сумрачном кабинете Вавра и докладывал ему о том, что произошло,— был уже вечер субботы. Вавр с несчастным видом почесал затылок.

— Это мне подсовывают одну порцию мороженого за другой, и все слишком большие,— промолвил он, морщась.— А если выражаться попроще — все время меня втягивают в такие дела, которыми мне заниматься ну никак не хотелось бы. То документы появляются, которые кто-то выкрал из Комитета обороны, то какая-то компрометантная кассета. То связь обнаруживается между террористами и советским посольством. А теперь вот ты приволок прямо сюда сынка министра обороны. Ты, видать, мне смерти желаешь.

— Я приволок то, что нашел,— простодушно ответил Баум.— Если уж наша республика заваривает такую кашу, так кому-то приходится ее расхлебывать. Вот мы и расхлебываем. Я сам этому не рад.— Он позволил себе чуть-чуть улыбнуться.

— Ну и в каком он настроении, наш дорогой Бернар?

— Вот уж точно сын своего папаши. Излучает самоуважение и сознание собственной правоты. Ни на один вопрос не отвечает, что ему ни скажешь — свое твердит: буду говорить только в присутствии моего адвоката. Вот и все, чего мы от него добились.

— Больше, я думаю, ничего и не добьетесь. А нашему министру сообщили, кого поймали?

— Нет, это удовольствие предоставляется вам.

Вавр задвигался на стуле и потянулся за сигаретой.

— Выглядит это вот как. Допрашивать его — пустая трата драгоценного времени. Он соображает, что особо давить на него здесь не посмеют. Как только об аресте станет известно, его папочка всех на ноги поднимет: президента, премьер-министра, Маллара, еще кучу народу. Ради мира и спокойствия в правительстве нам скажут: выпустите его, забудьте эту историю и не мутите воду. Чем дольше мы его тут продержим в ожидании эдаких инструкций — а получим мы их наверняка,— тем больше неприятностей будем иметь. Так что я немедленно звоню нашему достопочтенному министру и угощаю его этим самым мороженым — пусть кушает.

С двух попыток Вавр дозвонился до министра внутренних дел и объяснил ему подробнейшим образом: сегодня во второй половине дня проведена облава в порту Жавель, обнаружены бомбы и другое оружие, при этом задержан, когда пытался убежать, вернее, уплыть, не кто иной, как сын министра обороны. Что с ним прикажете делать?

— Через пятнадцать минут я вам позвоню,— ответил министр с явным неудовольствием в голосе.

— Пойду-ка поработаю,— сказал Баум.— Буду у себя, позвоните мне тогда.

Ровно через пятнадцать минут у Вавра раздался звонок.

— Освободите Бернара Пеллерена под мою ответственность, возьмите только подписку о невыезде. Его отец, оказывается, уже все знает — интересно, от кого. Грозится, что подаст жалобу на ваш отдел за ущерб, причиненный имуществу его сына. Чем быстрее вы молодого человека выпустите, тем лучше для всех. И проследите, чтобы с ним хорошо обращались.

— Надо слушаться старших,— сказал Вавр Бауму по внутреннему телефону.— Плетью обуха не перешибешь.

Бернар, услышав, что свободен, но в понедельник должен явиться в ОТО сам, нисколько не удивился и попросил вызвать такси. Через десять минут его и след простыл.

Техника из лаборатории отыскали и привезли в отдел только около одиннадцати вечера. Он вошел, извиняясь за опоздание, будто и впрямь не имел права навестить в свой выходной тетушку в Ангиене.

— Ничего, мой мальчик,— простил его Баум. Они все собрались в лаборатории возле нового прибора.

— Это просто источник света,— объяснил техник,— но очень мощный, луч поляризуется и направляется с большой точностью. Если вот таким образом его включить и направить на бумагу, он высветит любой, самый малый дефект, если где-то хоть прикоснулись к этой бумаге или писали что-то на листе, положенном сверху. Все будет видно.

Он нажал какие-то кнопки и принялся передвигать прибор, имевший вид толстого карандаша на электрическом шнуре, водя по карте во всех направлениях тонким, сильным лучом света.

— Вот наиболее вероятные места, где могут оказаться пометки.— Толстый палец Баума указал на улицу Ройяль и на Елисейские поля. Техник несколько минут работал в молчании, наконец сказал:

— Есть карандашная линия вдоль улицы Ройяль, она пересекает Конкорд и идет вверх по Елисейским полям.

— Ну, это понятно — так пойдут участники парада. А еще что-нибудь есть?

Техник отрицательно покачал головой. Он снова повел луч, начиная от церкви Мадлен по улице Ройяль, минуя площадь Конкорд, и теперь медленно приближался как раз к середине маршрута, к перекрестку Рон Пуан, за которым кончаются ряды великолепных домов по обеим сторонам улицы и начинаются сады и парки, к тому знаменитому месту, откуда туристы, дошедшие сюда от Триумфальной арки, обычно поворачивают обратно, и точно так же поступают проститутки.

— Будь повнимательнее вот тут.— Баум снова ткнул пальцем в Елисейские поля.— Это последняя надежда.

Луч двигался по южной стороне улицы вверх.

— Тут ничего,— сказал техник, доведя его до самого конца.— Теперь попробуем по другой стороне.

Медленно скользил блестящий пучок света, делая иногда зигзаг и расширяя таким образом пространство поисков, а люди в комнате притихли, будто их собственные жизни зависели от этого движения. Техник слегка покачивал головой — ему не верилось в удачу. Уж не везет, так во всем. Оторвали от семейного обеда, притащили в отдел — это за последние три недели, между прочим, уже четвертый раз. И если все впустую — что ж, одно к одному...

Луч скользнул через улицу Колизе и поехал вниз мимо последнего квартала домов перед перекрестком Рон Пуан. Вдруг техник свистнул и оттолкнул от себя карту. Луч в его руках замер. Потом он сильно тряхнул головой и, снова пододвинув карту, принял-

ся шарить лучом вдоль и поперек, наклоняя ее под разными углами.

— Тут что-то есть. Слабый очень знак, но есть.— Он уже гордился своим прибором, ему не терпелось отыскать едва заметную отметку и тем подтвердить его достоинства.

— Что за знак? — Склонившийся за его плечом Баум не различал ровно ничего.

— Крестик — это точно, подвигайте немного карту, держите прибор и двигайте его тоже...

Баум задвигал руками, остальные молча наблюдали. Внезапно он увидел тонюсенькие черточки, образующие крест, и следы резинки.

— Поймал! — воскликнул он.— Это как раз за последним домом, там, я точно помню, что-то строят, какое-то большое здание. С их точки зрения место самое подходящее.

Он повернулся к Алламбо, глаза его сияли.

— Все-таки удача нас не забыла, а? Теперь за работу — надо много чего успеть, времени в обрез. Во-первых, кто-то пусть прямо сейчас отправляется на Рон Пуан и оттуда сообщит, если заметит кого-то на стройплощадке.

Алламбо по внутреннему телефону отдал распоряжение.

— Отыщите номер телефона и позвоните прямо в контору стройки. Если ночной сторож ответит — это одно дело. А если не ответит — тут уж думать надо.

Алламбо пошел добывать номер и через несколько минут, найдя его, позвонил. На том конце провода кто-то снял и тут же снова положил трубку. На повторные звонки никто не отозвался.

— Похоже, телефон отсоединили,— предположил он.

— Отлично. Сочтем это косвенным доказательством того, что крестик поставлен на карте неспроста.

Наступила полночь. До утра им надо было подготовиться к операции, вызвать людей, объяснить им предстоящие задачи, изучить карты соседних улиц. В два Баум заявил, что намерен прогуляться, и направился под покровом теплой ночи вверх по Елисейским полям через парк к тому самому перекрестку. Несмотря на ночное время, здесь было людно: туристы — народ бессонный.

Полицейские уже прибывали сюда — ведь ожидался парад. Они группами стояли под деревьями возле перекрестка, поблизости он различил в темноте несколько полицейских автобусов. Пешие патрулировали по тротуарам. Префект нынче проявлял особую заботу о безопасности своих сограждан — был бдителен как никогда.

Баум постоял, разглядывая высоченный забор вокруг стройплощадки, пытаясь представить, каким образом из-за этого забора можно атаковать колонну людей, проходящую мимо, в сторону площади Конкорд. На тротуарах по обе стороны улицы в ожидании парада уже стояли грудами полосатые, белые с красным деревянные барьеры. Утром здесь вывесят временные дорожные знаки — уличный транспорт будет пущен в объезд. По ярко освещенной нарядной улице фланировала беспечная публика, в основном мужчины, поодиночке или группами. Они заигрывали с накрашенными девицами, те тоже гуляли по одной или парами. Сделки заключались прямо на широких тротуарах: едва заметный жест согласия или, наоборот, легкое покачивание головой — и героиня несостоявшегося романа проплывает себе дальше, может, на следующем углу повезет...

А Баум все прохаживался вдоль забора, не обращая внимания на девиц. Обошел стройплощадку кругом, прошелся по авеню Рузвельт. Входные ворота заперты. На противоположной стороне площадки, видимо, в помещении сторожа горит свет. Никаких других признаков жизни не заметно.

Подошел сотрудник ОТО:

— За забором все тихо, шеф.

— Скоро тебя сменим.

— Спасибо, шеф.

Баум не спеша вернулся на улицу Соссэ. У него в голове сложилась четкая картина завтрашних действий, он решил, что сейчас подтягивать к стройплощадке людей и технику было бы неразумно: те, кто за забором, могут заметить опасность и ускользнуть под покровом ночи.

У себя в кабинете он снова вместе с инспектором Алламбо и тремя другими принялся рассчитывать время, прикидывать, каким оружием лучше воспользоваться, как наладить связь с оперативниками и контроль хода операции. Начинать решили в 8.30 — за час сорок пять минут до того момента, когда мимо опасного места должны пройти колонны. В четыре он объявил, что собирается поспать, и посоветовал остальным сделать то же самое.

Улегшись на узкую постель в соседней комнате, Баум, к собственному удивлению, почувствовал, что, несмотря на все треволнения, засыпает, и действительно спал без просыпу до половины седьмого, разбудил его будильник. К семи помещение отдела наполнилось звуками: поспешные шаги, приветствия, клацанье металла — раздавали оружие и тут же проверяли, исправно ли оно. Внизу, в подземном гараже, стояли наготове несколько машин. Фургон с радиоаппаратурой тоже был готов, техники уже приступили к работе.

В 7.15 Баум позвонил Жоржу Вавру домой, извинился за ранний звонок, сообщил, что операция назначена на половину девятого, и подробно обрисовал место действия.

— Я нужен?

— Спасибо, думаю, это лишнее, в таком деле никогда не знаешь, как там выйдет.

— Все предусмотрели?

— Разумеется.

— Альфред, скажи мне только одно: ты сам-то на победу рассчитываешь?

— Безусловно.

— Ну, удачи тебе.

— Спасибо.— Баум повесил трубку и отхлебнул кофе из чашки, которую кто-то поставил перед ним на стол.

— В восемь двадцать выезжаем,— предупредил он Алламбо по внутреннему телефону.— Ты едешь со мной, наш пост в радиофургоне. Пересядем к ним там, на месте.

— Мне сейчас звонили оттуда: барьеры уже расставляют и полиции там чертова уйма. Может, префектуру предупредить?

— Не надо. Они только помешают. Пусть полиция занимается тем, чем ей положено.

Машина, в которой ехали Баум и Алламбо, до места добралась с трудом: все выезды на Елисейские поля уже были перекрыты полосатыми барьерами и полицейскими кордонами. Первые зрители целыми группами прибывали на метро и норовили перелезть через барьеры, чтобы занять места поближе к тротуару. Между тротуарами и мостовой тоже повсюду были барьеры, и полицейские уже начали выстраиваться вдоль всей улицы.

— Пошли пешком,— предложил Баум, когда их машину остановили в третий раз.— Тут близко.

Возле перекрестка Рон Пуан они увидели множество больших полицейских автобусов с пуленепробиваемыми стеклами, которые стояли бампер к бамперу, а рядом все было черно от полицейских мундиров. Тут же толклись здоровенные, медлительные на вид парни из частей специального назначения в высоких, до колен башмаках, черных форменных рубашках и черных шлемах. Они стояли вдоль тротуара двойной линией, а несколько их офицеров о чем-то совещались посреди улицы с полицейскими офицерами в парадной форме.

— Так-так, спецназ,— протянул Баум.— Интересно, с чего это вдруг?

Они были уже возле стройплощадки и тут в толпе заметили своих в штатском, которым в данный момент следовало находиться поближе к месту будущей операции. Однако полиция и спецназ никого туда не пропускали. Ситуация непредвиденная, оперативников надо срочно выручать.

Баум пробился к группе офицеров, его плотная фигура в помятом костюме составляла с ними разительный контраст, даже полицейские выглядели щеголями по сравнению с ним.

— Кто тут главный?

Высокий немолодой полковник спросил, не двинувшись с места:

— Кто вы такой?

Баум предъявил удостоверение, вытащив его из кармана:

— Заместитель начальника отдела территориальной охраны. С кем имею честь?

— Полковник Рок, войска специального назначения. Что вам угодно, господин Баум?

Баум жестом показал, что им следует отойти в сторону, и полковник Рок, невольно повинуясь авторитету, который угадывался в этом коротышке, сделал несколько шагов ему навстречу.

— Мы проводим свою операцию именно на этом месте, начиная с этого момента,— сказал Баум.— Дело касается государственной безопасности.

— Какое еще дело? Я не получил на ваш счет никаких инструкций.

— Не имею права вдаваться в подробности. Никаких инструкций и не требуется, вам предъявлено удостоверение — этого, господин полковник, вполне достаточно.

— А меня ваше удостоверение не интересует. Моя задача — контролировать эту территорию, вы вообще не имели права приводить сюда своих людей.

— Наша операция никакого отношения ни к вам, ни тем более к полиции не имеет. Так что, будьте добры, прикажите пропустить сотрудников контрразведки.

Полковник глянул на Баума с высоты своего великолепного роста, явно довольный этим преимуществом. У него были чрезвычайные полномочия, и он в толк не мог взять, как это с ним решаются спорить. Никого он через охраняемую территорию не пропустит. И пусть ни на какие власти не ссылаются — не поможет. Такой же приказ получил полицейский инспектор, который назначен охранять этот же участок. А на коротышку наплевать.

— Весьма сожалею,— сказал он.— Но я исполняю приказ. Приказано не пропускать никого. Вы, господин Баум, и ваши сотрудники не составляете исключения.

— Кто отдал приказ?

— Это вас не касается.

Глядя на тупую самодовольную физиономию, Баум с минуту размышлял, не сказать ли ему, в чем дело, но тут же передумал: этот тип или его коллега — полицейский офицер ввяжутся, захотят своими силами задержать злоумышленников, начнут настаивать. Можно представить, что из этого выйдет! Он повернулся и вместе с Алламбо пошел прочь.

— Кругом нас обошли: приказано наших сюда не пускать. Устроили прямо-таки укрепленный район, хотя никаких опасных митингов и всякого такого, как известно, не ожидается. Префект все предусмотрел: заботясь якобы о безопасности граждан, на самом деле обезопасил террористов.

— Откуда тут взялись части специального назначения?

— Их вызвал префект, и они ему подчиняются — так принято в подобных случаях.— Он остановился и поскреб в затылке: — Пошли, тут мы ничего не сделаем, где наш радиофургон?

Машина стояла неподалеку, полиция ее пока, слава Богу, не приметила. Баум позвонил в отдел.

— Свяжите меня с Руассе из префектуры,— попросил он.— Не кладу трубку.

Через минуту ему ответили: Руассе на параде, проверяет, как налажена охрана. Где именно он сейчас находится, неизвестно.

— Передайте, если он будет звонить, чтобы немедленно связался с нами.

Баум взглянул на часы. Без пяти девять. Через семьдесят пять минут на перекресток Рон Пуан вступят первые участники парада...

— Руассе необходимо отыскать,— сказал он.— Это единственная возможность пройти туда, куда нам надо. Ему охота занять свое место в истории — вот его шанс.

— А наш министр где?

— Уже на параде. От остальных никакого проку. Только Руассе может помочь. Направь людей отсюда и из отдела, кто там найдется, пусть ищут его по всему маршруту, начиная от Триумфальной арки. Пусть свяжется со мной или, еще лучше, придет сюда сам. Не позже десяти. Понятно?

Толпа на Елисейских полях росла. Время от времени полицейский на мотоцикле проносился по пустой мостовой, выделывая разные фигуры, будто радуясь собственному перевоплощению: вооружен, моторизован, весь затянут в кожаные доспехи — олицетворенная власть. Ниже по улице полиция разрешила продавцам воды и мороженого зайти за барьеры — торговля пока шла вяло, но позже наверняка оживится. Толпа была настроена весело и каждый раз встречала лихого мотоциклиста насмешливыми выкриками. Парад был посвящен памяти генерала де Голля, но не только: отмечали еще дату входа генерала в освобожденный Париж 25 августа 1944 года, а уж к этому событию чувствуют себя причастными все. Празднование специально передвинули на выходные дни, чтобы в нем могло участвовать как можно больше парижан. Левые чувствовали, что голлисты слишком уж тянут одеяло на себя, но даже коммунисты гордятся славным прошлым, так что пусть все идет своим чередом.

Вот почему тут же на улице продавался — и хорошо шел — воскресный выпуск «Юманите». На первой странице — крупный заголовок «Когда же будет покончено с террором?». Под ним — статья Армана Сейнака: он выспренне провозглашал свои республиканские принципы и наносил точно рассчитанные уколы правительству по поводу того, что организаторы взрывов до сих пор все до одного гуляют на свободе.

На шестой странице среди вороха полицейских новостей помещалась заметка о том что возле лесной дороги, ведущей в Фонтенбло, обнаружен труп мужчины, пока неопознанный. Полиция полагает, что убийство совершено около двух недель назад. Согласно полицейской версии это результат сведения счетов между преступными группами, возможно, действовал наемный убийца.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Окончание следует.

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

О находке в лесу Ингрид и Серж услышали в восемь утра — в сторожке было радио.

— Наконец-то нашли. — сказал Серж.— Представляю, в каком виде!

— Пакость! — Ингрид вся передернулась и выключила радио.— Он еще и не мылся никогда, скотина! — В голосе ее прозвучало неподдельное отвращение.

— Пойду погляжу, что там делается,— решил Серж.— А потом кофе выпьем, тут у старика есть.

Он спустился по ступенькам и направился к забору со стороны авеню Рузвельт. Отыскав щель между досками, он выглянул наружу и увидел прямо перед собой черную стену — спины полицейских и спецназовцев, стоявших в ряд вдоль тротуара. Сердце у него внезапно замерло, подогнулись колени. Он осторожно пошел вдоль забора, метров через тридцать нашел другую щель и выглянул снова: то же самое! Их, выходит, окружили... Ничего себе — хорошо спланирована операция! Эта девка — фанатичка, она только о взрывах и думает, а как прикажете отсюда выбираться? Так вот почему она именно его выбрала для нынешней акции: только потому, что уверена — он все сделает, как она велит. Он-то свою часть работы выполнит. Но они же ему обещали путь к спасению — это их часть работы. Сейчас только восемь, а полицейские так и кишат. Что же будет через два часа? Он бегом вернулся в сторожку.

— Мы в оцеплении! Полицейские плечом к плечу стоят, по всем тротуарам — нас предали, это точно!

— Да уймись ты,— сказала Ингрид невозмутимо.— Никто нас не предавал. Я же тебе обещала — сделаем, что собирались, и уйдем.

— С разрешения полиции и спецназа, что ли?

— Не собираюсь обсуждать с тобой подробности. Сделаем дело, откроем ворота и выйдем — больше пока ничего не скажу.

— Не верю!

— Это уж как тебе угодно.

Серж замолчал. Она сумасшедшая, что ли? Или правда сговорилась с полицией? Как это они запросто отсюда выйдут — на глазах полицейских? Не могла же она договориться с каждым из них. Быть такого не может, это невероятно, врет она все. Но ведь... но ведь всегда операции разрабатывались так дотошно, полиция всегда оставалась с носом. На первый взгляд невероятно, но может, она все-таки права?

Внезапно он решился.

— На меня не рассчитывай,— заявил он.— Дело наше — это, конечно, важно, но к самоубийству я как-то пока не готов. Ты что, не понимаешь, что, если мы высунемся отсюда после взрывов, нас тут же пристрелят?! Они только того и ждут. Может, вы с кем-то там и договаривались, с большим начальством, может быть. Но уж рядовым-то только дай пострелять, разбираться они после будут...

Он резко поднялся со скамьи, на которой до сих пор сидел, не слишком хорошо представляя, что сделает в следующий момент. Ингрид сидела напротив него за столом. Взгляд его упал на пистолет в ее руке. Он перевел глаза на ее лицо — неподвижное, ничего не выражающее, и ничего не прочел в глазах, однако почувствовал: убить его она может, для нее это — не проблема. Он так и стоял, облокотясь обеими руками о стол.

— Я в тебе ошиблась.— Голос Ингрид, когда она заговорила, был тверд и значителен.— Доложила штабу, что ты надежен. Что ты все сделаешь по высшей марке. И никого не выдашь, если тебя схватят. Но я теперь вижу: ты просто трус. Еще ничего не произошло, а ты уже раскололся.

— Не трус, а обыкновенный человек. Рисковать я готов, но это — западня, в такие игры не играю.

— Говорю тебе — полиция нас пропустит.

— Ты лжешь — или только мне, или и себе тоже. По правде сказать, мне кажется, ты просто бредишь. Это же бред — выйти прямо под выстрелы. А еще больший бред — сидеть здесь и ждать, пока нас схватят.— Он попытался встретиться с ней взглядом, но не получилось.— У меня ни малейшего желания повидаться в их подвалах с заплечных дел мастером — ты их методы знаешь...

— Ты трус, но постарайся свою трусость преодолеть.

— Да не трус я, а просто человек. Вот этого тебе никогда не понять.

— Все трусы так говорят.

Серж почувствовал, как в нем вскипает злоба,— до тошноты, до головокружения, она придала ему храбрости. Убить его Ингрид не убьет — ей одной с минометом не справиться. Тогда она свою миссию не выполнит, а для нее только это и важно.

— Я тебе не Жан-Поль, понятно? — выкрикнул он ей в лицо.— Меня не купишь — хоть на серебряном блюде себя поднеси. Думаешь, я не понимаю, почему ты с ним расправилась? Насчет его ненадежности — это одна болтовня. Просто стыдно стало, что ты с ним спишь. Сама себе этого простить не могла. Что уж там с тобой, не знаю, но только по женской части у тебя непорядок. Сама себя ненавидишь, а заодно и всех остальных, между прочим, тех, ради кого все наше дело и затеяно. Ах да, ты дело наше любишь, только эта любовь тоже какая-то истерическая. Само по себе дело никаких чувств не имеет и ни в ком не нуждается. Не то что живые люди: этим и сочувствие нужно, и понимание. А у тебя и тебе подобных такого товара не водится...

— Ах ты, грязная свинья, никогда тебе этого не прощу! Все, что ты тут мелешь, это ложь... ложь, слышишь? — Глаза Ингрид горели, голос звенел, однако палец на спусковом крючке — Серж это отчетливо видел — не дрожал, казался совсем белым, бескровным. Но почему-то он перестал ее бояться и продолжал говорить, не заботясь больше о последствиях. Слова так и рвались из него:

— Жан-Поль — он кто был? Просто бедолага, ничего хорошего в жизни не видел. Грубый, конечно, неотесанный. Образования не получил, в политике не разбирался. Ну и что? Он же был наш человек, он столько сделал! А насчет того, почему он это делал,— да кто ты такая, чтоб об этом судить?

— Заткнись ты, свинья вонючая! — Ингрид почти визжала от злобы, исчезли ее наигранное спокойствие и привычно повелительный тон. Глаза затуманились, лицо пошло пятнами, на тонкой шее вздулись жилы.

— Можешь орать сколько хочешь, не очень-то это умно с твоей стороны, стрелять ты все равно не посмеешь. Во-первых, акция твоя провалится к чертовой матери, а, во-вторых, если меня тут найдут, в штабе сразу разберутся, что это ты меня шлепнула. Хоть что хочешь им наплети, один малюсенький вопросик они все равно зададут: как же это получилось, что ты жива? В чьих это интересах, чтобы Серж умер, а Ингрид живехонька осталась? И благополучно скрылась с места происшествия? Трудно будет объяснить, правда ведь? После того как ты всегда ухитрялась сухой из воды выйти... Не-ет,— они подумают,— это и вовсе уже не в дугу. И кто-нибудь — Феликс, может, как его там? — он скажет: хватит с нас таких совпадений, лучше уж развязаться с этой Ингрид, хотя польза от нее и была. И отведут тебя в тихое местечко, и всадят парочку пуль в твою красивую шейку — просто потому, что подозрения возникли...— Он замолчал и перевел дыхание, пораженный собственным красноречием.— Так что пока ты в меня стрелять не станешь. Потом, конечно, когда из миномета пальнем, тут ты свое возьмешь. Но я дожидаться не буду.

Ингрид уже снова держала себя в руках, голос ее прозвучал, как всегда, ровно:

— Хоть шаг сделаешь к двери — стреляю! Руки со стола! — Она вскинула пистолет.— Сидеть тихо!

Он убрал было руки, но тут же схватился пальцами за край стола и резко опрокинул его, одновременно бросившись на пол. Пуля ударила позади него в деревянную стену. Ингрид вскочила на ноги, но снова выстрелить не успела — Серж, рванувшись вперед, схватил ее за обе руки и выкрутил пистолет; он упал на пол, Серж поднял его.

— Легко ты стреляешь — аргументов, что ли, не хватило? Успокойся — я-то стрелять не собираюсь. А ну сядь!

Она молча опустилась на стул — спина гордо выпрямлена, голова откинута. Взгляд ее передвинулся с пистолета на опрокинутый стол.

— А ну, без фокусов. В случае чего выстрелю. Убери ноги от стола подальше.

Она послушно задвинула ноги под стул и глянула ему прямо в глаза.

Окончание. См. «Огонек» №№ 11—21.

— А я и не знала, что ты к Жан-Полю ревнуешь. Если дело в этом, так договорились бы как-нибудь, ты и я. Такой красивый парень, ты мне нравишься — как раз люблю сильных и агрессивных...

— Жаль, Ингрид, ты и вправду не поняла. Я не из тех мужиков, что сами плывут в ваши лапы,— вроде тех пауков, знаешь, которых самки съедают, как только они свою задачу исполнят. Ты мне и не нравишься вовсе, но за предложение спасибо.

Она не ответила, ее взгляд блуждал по стенам, видно было, что она все-таки надеется перехватить инициативу.

— Послушай-ка,— произнес Серж.— Я отсюда смываюсь. Немедленно. А ты оставайся и стреляй себе из миномета, если хочешь. И если можешь. Только предупреждаю: для этой штуки нужны двое, пока один держит ствол, второй заряжает, одному не управиться. Но это твоя проблема. Если ухитришься отсюда благополучно уйти, в штабе, конечно, расскажешь про нашу маленькую ссору. Уж непременно они мне вынесут смертный приговор. Только сначала надо будет меня отыскать...

— Из-под земли достанем. Полиция на нас поработает. А уж когда найдем...

— Хватит грозить, Ингрид.

В углу сторожки он заметил веревку, подобрал и скрутил ей руки за спиной, привязав к стулу.

— Через полчаса ты, пожалуй, и освободишься,— рассудил он.— Еще останется время установить миномет. Желаю успеха. Я бы и сам стрельнул, только потом отсюда не выберешься. Так что действуй на свой страх и риск.— Сунув в карман пистолет, он развернулся на каблуках, вышел из сторожки и захлопнул за собой дверь.

В половине десятого сотрудник ОТО доложил, что Руассе недавно видели на одном из перекрестков, но куда он делся потом, никто не знает. «Уж не отправился ли он по своим делам?» — встревожился Баум.

Они с Алламбо в полном расстройстве сидели в радиофургоне и прикидывали, в какой момент ждать станет уже невозможно и придется сказать полиции или спецназу, что на стройплощадке прячутся террористы. И тогда те наверняка пожелают участвовать в операции. Но если хоть кто-нибудь появится на стройплощадке раньше времени, то террористам, вне всякого сомнения, позволят уйти, все дело окажется на волоске. А если упустить момент и не поставить их в известность, то при расследовании его, Баума, неизбежно обвинят: мол, сознательно утаил информацию и тем самым помешал арестовать преступников. В любом случае виноватым окажется он, если только... Словом, время сейчас решает все!

Радиооператор, сидя в наушниках, принимал донесения сотрудников ОТО и время от времени — просто от скуки — переключался на частоты, где переговаривалась полиция. Вдруг он схватил блокнот и карандаш и начал записывать. Потом жестом подозвал Баума и протянул ему вторую пару наушников. Кто-то с перекрестка Рон Пуан беседовал с префектурой:

— Прихлопнуть их радио? Хорошо, передам инспектору... Да, где-то тут, на соседней улице... Нет, обыск мы не делали. Радиофургон на месте, а люди порасходились. Куда их послали, мы не знаем. Да, шеф...

Баум стянул наушники.

— Через минуту они появятся здесь,— сказал он верному Алламбо.— Чтобы заткнуть нам глотку. Ну и пусть, весьма кстати — потом это будет выглядеть просто замечательно. Мы отсюда исчезаем. А вы с водителем,— распорядился он, обращаясь к оператору,— вы остаетесь. Протестуйте, посопротивляйтесь немного. Если что из оборудования окажется сломанным, вам отвечать не придется.— Он усмехнулся, подмигнул и похлопал оператора по плечу.— Только чтобы сами остались целы, ладно?

— Ладно, шеф!

До 9.45 Баум безуспешно пытался связаться через свой отдел с командованием частей специального назначения, с заместителем министра внутренних дел или главным инспектором полиции, даже мэру Парижа чуть было не позвонил, но вовремя спохватился: этот-то уж наверняка на параде.

Не осталось, пожалуй, ни одного облеченного властью лица, кто мог бы разрядить ситуацию. Подумал Баум и о премьер-министре, но сразу же от этой мысли отказался: пока объяснишь этому осторожному и изворотливому политикану все, что он захочет узнать, прежде чем отдаст какое-либо распоряжение, слишком много времени уйдет. Да и кто его знает, где он проводит погожий воскресный денек...

Оставалось всего полчаса до того момента, как по Елисейским полям сверху торжественно двинутся полицейские на мотоциклах, за ними — первая колонна участников парада, наиболее достойные из них: борцы освободительной армии, ветераны уличных боев в Париже в июле—августе сорок четвертого. Вдоль тротуаров и возле перекрестка Рон Пуан стояла плотная, шумная толпа, перед самой стройкой в оцеплении толпились одни только черные мундиры. Звуки оркестра республиканской гвардии перекрывали гомон праздника. Многие пришли с детьми и теперь подняли их на плечи. Повсюду продавались разноцветные флажки: цвета Франции и с де-голлевским лорренским крестом [1], даже британские и американские. День обещал быть жарким.

Баум оставил при себе двух снайперов и еще пару оперативников — все остальные были посланы на поиски неуловимого Руассе.

— Если бы он знал, что ему наконец представляется случай принять участие в историческом событии, он бы сам как миленький прискакал,— утешил Баум себя и Алламбо.

Машина ОТО стояла в двух кварталах от Рон Пуан. В 9.53 с улицы Соссэ сообщили, что Леон нашел-таки Руассе на площади Конкорд и тот готов встретиться с Баумом. Они едут к Рон Пуан.

— Ступай перехвати его,— сказал Баум инспектору Алламбо.— Тащи его сюда поскорей. Скажи, у меня к нему личное поручение от президента.

— Он что, такой простак? Поверит?

— Вполне. У него повышенное чувство собственной значимости, этим мы и воспользуемся.

Алламбо явился на Рон Пуан как раз в тот момент, когда Руассе вылезал из машины. С ним был Леон. Пока Алламбо передавал слова Баума, офицеры полиции при виде заместителя начальника префектуры засуетились: кто-то одернул мундир, двое поспешно натянули снятые перчатки. Руассе величественно помахал им рукой и удалился в сопровождении Алламбо. Леон испытал приятное чувство самоуважения, успеха, даже профессиональную гордость — он обожал тереться возле начальства.

— Ну и как вы полагаете, я могу выполнить эту вашу просьбу? — спросил Руассе, сидя рядом с Баумом в его машине. Баум начал было объяснять, но тут вмешался водитель — он все время слушал по радио переговоры полицейских между собой:

— Извините, опять насчет нас...

— Послушайте сами,— предложил Баум собеседнику.— Думаю, это вас лучше убедит.

Снова говорили с командного поста на перекрестке Рон Пуан:

— Руассе приехал, и с ним из контрразведки... Как поступить, если он попытается отменить ваш приказ? Да, понял. Только сам господин префект... На параде? Так вы с ним поговорить не можете? Ладно, попытаюсь сам отказать, только это трудно, вы же этого напыщенного индюка знаете...

— Когда все кончится, я с этого субъекта шкуру спущу,— пообещал Руассе, лицо его побагровело от унижения и уязвленного самолюбия.— Пошли, сейчас я им устрою!

[1] Лорренский крест — эмблема голлистов.

Чтобы освободиться от веревки, Ингрид понадобился почти час. Серж, затягивая узел, не пожалел сил — сырые волокна так и впились в нежную кожу. Ингрид долго извивалась, перетирая веревку. Когда она сумела все-таки высвободить руки, на запястьях у нее были кровавые ссадины. Она беззвучно рыдала в отчаянии, но боли почти не чувствовала.

В те минуты, когда Баум и Алламбо перебирались из радиофургона в свою машину, Ингрид откинула брезент, укрывавший миномет, и начала развязывать бумагу, в которую он был упакован вместе со всем снаряжением. Собирать его не пришлось — они с Сержем принесли оружие в готовом виде. Две красные бризантные мины и дымовая шашка аккуратно лежали в своих гнездах. Тут Ингрид вспомнила о воротах — Серж, выходя, оставил их незапертыми. Она вышла, пересекла стройплощадку и задвинула засов.

Потом подыскала место, где лучше всего установить миномет: между строящимся зданием и высоким забором нашелся достаточно ровный, уже забетонированный пятачок. Она проверила оружие, припоминая по пунктам недавно прочитанную инструкцию. Вынула мины из гнезд и уложила их рядом с минометом. Минут десять ушло у нее на то, чтобы придумать, как зарядить миномет в одиночку. С помощью подобранных тут же кирпичей и дощечек она установила и закрепила ствол под таким углом, чтобы мина, если ее опустить одним концом в дуло, сама бы скользнула вниз.

Она даже попрактиковалась немножко, поднимая мину и поднося ее к жерлу ствола. Сооружение сработает, она уверена. На часах было без десяти десять — целых двадцать пять минут в ее распоряжении.

Она подумала о Серже. Теперь-то она знает — он вполне способен пойти в полицию и все там выболтать. Только что он будет делать после? Скрыться ему нипочем не удастся: в штабе известны имена его родственников и приятелей, выследить его ничего не стоит. Тянуть они не станут: слишком много этот трус знает. Не дай Бог, контрразведка их опередит, они-то его разговорят, в этом она не сомневается — сегодня утром он себя показал. Как же она в нем ошиблась, какой же это подонок!

А что станется с ней самой? Неужели это конец? В штабе ей обещали, что она сможет уйти отсюда беспрепятственно, но ей не верится. Тут Серж прав: одно дело — большой начальник, он что угодно пообещает, но рядовой полицейский просто стреляет — и все. Раньше во время акций она не думала о смерти или о провале. Все даже говорили, будто у нее нервов нет. Чепуха это, просто она умеет держать себя в руках. У нее железная внутренняя дисциплина с самого детства. Тогда это было ей необходимо и потом — во все времена. Если ребенка бить, то он либо ломается, либо становится сильным. Она еще маленькая была, не все сознавала, но уже тогда решила: ее не сломают. Побои, жестокость, которыми сопровождалось все ее детство,— это цена, которую слабый платит за то, чтобы обрести силу. Поэтому она такая сильная. А сила — главное достоинство человека. Если каждый будет сильным, то и все общество тоже, в конечном итоге — вся нация. А отсюда всего шаг к преклонению перед героями — вершителями истории. Когда, скажите, страна овеяна была славой, когда в ней царили уважение к законам, дисциплина, настоящий порядок? При Наполеоне. При Гитлере. Не совсем, но почти — при де Голле. Совсем малышкой она плакала но ночам, мечтая, чтобы прекрасная фея унесла ее в страну, где царствуют мир и любовь. Потом, когда выросла, ее кумиром стал сильный правитель,— он выметет всю нечисть, все это убожество, он наградит истинные добродетели — послушание, стойкость, смелость. Эта мечта поддерживала ее, когда она играла в смертельные игры с бомбами и автоматами. Ницше бы ее понял. А из французов — Петен...

Этот миномет бьет не меньше чем на сто метров. Главное — чтобы не было перелета. Если пустить мину почти вертикально, через забор, навстречу движущимся колоннам, она упадет далеко, возле какого-то другого здания, и там не сразу поймут, откуда стреляли. Ее мысли раздваивались: практические соображения насчет того, что предстоит сделать прямо сейчас, и тут же какие-то далекие, смутные воспоминания. Все из-за Сержа, из-за его мерзкой выходки...

Она вдруг почувствовала, что снова плачет. Как давно с ней этого не бывало! Она попыталась унять слезы — о чем ей сейчас плакать? «О моей пропавшей жизни,— призналась она себе.— О том, что совсем скоро я умру, а так и не влюбилась ни разу».

ГЛАВА XVII

Руассе в сопровождении Баума, который семенил рядом, и Алламбо, державшегося чуть позади, подошел к группе офицеров полиции и спецназа в четыре

минуты одиннадцатого. Шум толпы к этому времени уже достигал перекрестка, перекатываясь волнами по мере того, как процессия приближалась. С середины улицы ее уже было видно, впереди шествовали политические и общественные деятели при всех регалиях, сопровождаемые знаменосцами,— знамена принадлежали множеству организаций: ветеранов армейских частей, политическим группам, профсоюзам, разным ассоциациям. Позади двигались со своими оркестрами военные, сопровождаемые разнообразной техникой. В светлом утреннем небе непрестанно вычерчивали гигантский лорренский крест несколько самолетов «Мираж». Возглавлял процессию весь в белом мотоциклист, с трудом удерживавший мощную машину на малой скорости.

— Что это тут происходит? — спросил Руассе старшего по званию полицейского офицера, на его коллегу из спецназа он даже взглянуть не пожелал.

— Ничего не происходит,— растерянно ответил офицер.

— Кто ответственный за радиосвязь?

— За нашу радиосвязь?

— Да, конечно же, за вашу!

— Инспектор Дюбоск.

— Он мне нужен немедленно!

— Тьфу ты,— шепотом сказал Баум инспектору Алламбо.— Ему бы первым делом самоутвердиться, про нас он и думать забыл.

Еще минута ушла на поиски злосчастного Дюбоска. Наконец он прибыл — сама предупредительность и внимание.

— Вам известно, кто я? Как меня зовут?

— Разумеется. Вы — господин Руассе, заместитель префекта полиции.

— А еще кто?

Баум почувствовал отчаяние — тут уж он ничего поделать не может.

— Разве это не вы назвали меня совсем недавно напыщенным индюком? — вопрошал между тем Руассе, почти наслаждаясь ситуацией. Офицер, красный как рак, стоял молча, будто язык проглотил.

— Я имел удовольствие только что прослушать ваши переговоры по радио, этим я еще займусь и вами особо, можете быть уверены. А пока — очистите тротуар.

— Но у нас приказ, господин Руассе...

— Я кому сказал — очистить тротуар! — взревел Руассе, голос его сорвался почти на визг. Полковник спецназа рискнул вмешаться:

— И у меня приказ...

— А вы,— заорал Руассе, обрушивая начальственную ярость на него,— а вас я попрошу заткнуться! Находясь на улицах Парижа, вы подчиняетесь префектуре. Здесь префектура для вас — я, я, Ален Руассе. А теперь немедленно очистите от людей тротуар и пропустите сотрудников отдела территориальной охраны. Быстро, я говорю!

Он не успел еще докричать свой приказ, как сотрудники отдела уже бросились к стройплощадке. Было одиннадцать минут десятого, колонна находилась метрах в ста от опасного места — там она приостановилась на минуту, строго придерживаясь распорядка, и снова неспешно двинулась.

Руассе еще не закончил разнос.

— Ваше имя как — Жоспен? — набросился он на старшего офицера.— А ваше, полковник?

Полковник Рок счел за лучшее больше не спорить и назвал себя, как положено, по всей форме.

— Жоспен, отвечайте, выходил кто-нибудь со стройплощадки, которую вы столь ревностно охраняете?

— Примерно час назад вышел один из сторожей.

— Вы хотите сказать, что это он так представился — одним из сторожей?

— Это было именно так, господин Руассе.

— Merde! — услышал Баум, сразу поняв, что означает сие неблагозвучное восклицание: одного, по крайней мере, уже упустили. Он кивнул Леону — что там ни говори, это был его, Леона, звездный день.— Бегом давай!

— Стрелять разрешается?

— Можно.

Позади линии полицейских оперативники ОТО уже взламывали ворота. Под ударами железных ломиков они устояли всего полминуты: засов поддался, тяжелые створки повисли на одной петле. Полицейские и спецназовцы изумленно наблюдали, как небольшая группа штатских в помятых костюмах и нескладных ботинках стремительно разбегается по стройплощадке.

Ингрид все подготовила. Она стояла на коленях на бетонном пятачке, дожидаясь, пока процессия дойдет до угла строящегося здания, так, чтобы первый снаряд упал метрах в пятидесяти позади тех, кто идет в первом ряду. Там, в этих рядах, есть люди, которым никак не следует причинять вреда. Она уже собралась с силами и испытывала странное спокойствие. Ей помнилось, что во время прежних своих акций она не бывала так уж совсем спокойна.

С ее места не было видно ворот, поэтому она не заметила, что на стройплощадке появились люди. Не слышала даже, как взламывали ворота. И снайперов она не видела, а они уже карабкались по лестнице на башенный кран. Приказ им дан был четкий: убить. Если после первого выстрела останется жив, только ранен,— стреляйте снова,— сказали им.— На следствии выкрутимся как-нибудь.

Ружья с оптическим прицелом висели у них за спиной, пока они поднимались, останавливаясь через каждые десять—двенадцать ступенек, чтобы осмотреть площадку сверху. С высоты примерно двадцати метров они заметили Ингрид — она стояла на коленях спиной к ним. Стрелки тут же расчехлили ружья.

— Я мечу в голову,— сказал один.— Ты целься пониже.

— Постой-ка, да это девушка!

— Ну и что? Они все одинаковые.

Снайперы разговаривали, держа цель на мушке.

Ингрид подняла к стволу миномета бризантную мину. Хорошо бы дымовую сейчас, вот был бы переполох, но не может она позволить себе такое удовольствие. Миномет стоял наготове, она опустила свою ношу в дуло и чуть подождала, пока та опустится: тогда только можно нажимать на спусковой механизм — так сказано в инструкции. Мина заскользила вниз. Вот он и настал — важнейший момент в истории их движения. Через секунду она услышит взрыв, а вслед за ним — панические крики. Это и есть политический эффект — паника, вопли, страх. Это и значит — добиться политического результата. В конце концов, миномет или револьвер олицетворяет власть...

В момент, когда мина заскользила вниз по желобу, оба снайпера выстрелили одновременно, а Ингрид резко наклонилась, успев нажать на спуск.

Пуля, нацеленная в голову, просвистела мимо, а вторая, та, что метила в сердце, попала в плечо — мина уже двинулась по стволу вверх. Девушка дернулась от толчка и упала прямо на жерло, мина вошла ей в грудь, пробила тело насквозь и, ударившись о бетон, тут только взорвалась.

— Господи Боже,— произнес снайпер, попавший в цель.— Девушка! Боже ты мой!

На следующий день Жорж Вавр был вызван к президенту для отчета о вчерашних событиях и дальнейших планах. Утром случилось несколько мелких происшествий, которые не остались не замеченными в отделе территориальной охраны. С утра министр внутренних дел Ги Маллар побывал в президентском дворце, и вскоре после этого Вавра попросили быть около пяти вечера на месте — с ним желают побеседовать. Все попытки Баума связаться по телефону с Руассе оказались безуспешными: сначала ему отвечали, что господин Руассе в префектуре, но занят и не может подойти, потом — что он вообще ушел и вряд ли вернется, на два последних звонка просто положили трубку. От чьего-то приятеля-журналиста в отделе узнали о том, что в четыре состоится пресс-конференция по поводу успешной ликвидации террористской группы. Проведет пресс-конференцию официальное лицо из аппарата премьер-министра.

Президент был с Вавром не слишком любезен. Слушал его с кислым видом, перебивал и торопил.

— У меня назначена еще одна встреча. Ограничьтесь, прошу вас, только ответами на вопросы. Вы намерены провести еще какие-либо аресты?

— Возможно. Мы охотимся за тем, кто сбежал с места происшествия, описание злоумышленника у нас имеется.

Никакого интереса не выразил президент и тогда, когда Вавр доложил, при каких обстоятельствах был задержан Бернар Пеллерен, он же Бруно, и объяснил, почему его пришлось отпустить. Наверняка полная информация об этом происшествии уже дошла до первого лица государства.

— Хорошо. Мои помощники свяжутся с вами.— Президент поднял телефонную трубку, давая понять, что встреча окончена.

— Знаю я эти дела,— сказал позже Вавр Бауму.— Государственный аппарат сейчас изо всех сил отмазывается от того, что мы раскопали.

— Но парня, сбежавшего со стройплощадки, поймать можно, он кое-что порасскажет.

— Если так все и дальше пойдет, не успеем.— Вавр говорил, будто думал вслух.— Мы сейчас из области контрразведки попали в джунгли политики, друг мой. А в джунглях, как тебе известно, каждый норовит другому за спину зайти...

В четыре состоялась многолюдная пресс-конференция. Официальное лицо сделало заявление о том, что во время парада была намечена террористическая акция, но ее, к счастью, успели предотвратить благодаря бдительности полиции и частей специального назначения. Один террорист убит. Ранее другой участник той же группы был задержан полицией в районе порта Жавель, на месте задержания найдены бомбы и другое оружие.

— Кто они — троцкисты, маоисты? — задал вопрос кто-то из зала.

— Мы располагаем информацией, что это анархисты,— последовал ответ.

— Откуда они получали деньги и оружие?

— Есть основания считать, что они поддерживали связь с остатками итальянских «красных бригад». Часть обнаруженного вооружения — итальянского производства. Расследование в этом направлении еще не завершено.

Тот журналист, у которого были друзья в отделе территориальной охраны, спросил:

— Не могли бы вы прокомментировать слухи, будто раскрытая группа принадлежит к крайне правым экстремистам?

— Это не соответствует действительности. Можно судить хотя бы по тому, кто и что подвергалось их атакам. Для подобных слухов нет оснований.

— Ходят также разговоры о разногласиях между службами, отвечающими за государственную безопасность.

— Эти разговоры абсолютно беспочвенны.

— Играл ли какую-то роль в ликвидации данной группы отдел территориальной охраны?

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

— Только косвенную. Роль этого отдела, как вам известно, ограничивается надзором за иностранцами.

Ведущий передал личную благодарность от премьер-министра полиции за проявленную бдительность и поблагодарил министра внутренних дел и префекта полиции за то, что деятельность террористов в Париже полностью пресечена.

— Так и должно было случиться,— философски заметил Вавр, проглядывая телепринтные листки с отчетом о конференции.— Не могут они признать, что это были правые,— тогда бы всплыли имена весьма почтенных господ. Того же Пеллерена, к примеру. А на плохую работу полиции в нашей стране даже и намекнуть нельзя, преступность и насилие — слишком деликатные темы для политических деятелей.

Явившись к пяти часам в кабинет к министру внутренних дел, Вавр был готов ко всему.

— Президент и премьер-министр хотят как можно скорее нормализовать ситуацию. Именно по этой причине ваш друг Руассе получил новую должность — он теперь заместитель начальника главной полицейской инспекции, отвечает за положение в южных регионах,— нескрываемая ирония прозвучала в словах «ваш друг».

Жорж Вавр ничего не сказал в ответ, только улыбнулся. Министр продолжал тем же скучным тоном:

— Сегодня у меня побывал префект полиции, мы долго беседовали. Я удовлетворен результатом этой беседы — он сам назвал кандидатуру человека, которого хотел бы видеть на месте Руассе.— Тут министр откашлялся.— Кроме того, президент просил меня передать вам кое-что лично. После вашей сегодняшней встречи он хотел бы сказать вам, что расследование, ранее вам порученное, можно считать законченным. Вы меня поняли?

— Понял, господин министр.

— Он сказал также, что дальнейшими расследованиями относительно этой и других террористических групп надлежит заняться полиции.

Вавр кивнул в знак согласия. Министр сделал жест, означающий, что беседа закончена.

— Вот и все, господин *заместитель префекта*. Благодарю, что вы пришли.

Когда, тяжело поднявшись со стула, Жорж Вавр уже направлялся к дверям, министр остановил его как бы небрежно:

— Ах да, еще одно.— Он снова слегка закашлялся.— Досье...

— Досье, господин министр?

— Да, все досье, касающиеся лиц, так или иначе имеющих отношение к этому делу. Имен я не перечисляю, но мне бы хотелось с ними ознакомиться. Пришлите мне их завтра пораньше.

— Включая и те, что заведены на членов правительства?

— Да. Я же сказал — всех, кто проходит у вас по этому делу.

— Хорошо.

И Вавр тяжелым шагом направился к себе в отдел, в соседний подъезд того же здания.

Бауму он напомнил:

— У нас и раньше требовали досье, помнишь, Альфред? Так что ты знаешь, что делать.

— Знаю. Все надо дублировать. Абсолютно все, чтобы сохранить архив полностью.

— Министры приходят и уходят, а архивы остаются. Так что это я поручаю тебе.— Наступила небольшая пауза.— Послушай, старина, а что ты все же думаешь насчет этой утечки информации? Теперь, когда все позади?

— У меня раньше были подозрения, которые теперь перешли в уверенность.

— Ну?

— Этот паршивец Пишу, когда тут поливал грязью своего благодетеля Пеллерена, сказал одну любопытную вещь. У меня тогда возникло какое-то подозрение — я и попросил инспектора выяснить как бы невзначай, где благодетель провел тот день, когда мы сообщили Маллару, что задержали Пеллеренова сынка, и попросили дальнейших указаний. Помните, Маллар сказал, что перезвонит через пятнадцать минут, а потом сказал, будто поговорил с папашей Пеллереном, и сынка, мол, надо поскорее отпустить. Так вот Пишу утверждает, что в тот день его босс в министерстве не появлялся и был в таком месте, куда дозвониться невозможно, то есть у дамы. Так что, может, это сам Пишу дал нам указания. Во всяком случае, моя точка зрения подтвердилась — Маллар хотел, чтобы мы прекратили расследование. Зная о его давней дружбе с Хеммингом, я в этом уверен. Хотя, может, трибунал счел бы эти факты недостаточным доказательством его вины. И потом — с психологической точки зрения — Пеллерен не стал бы проделывать этот фокус с инициалами. Слишком уж примитивно для такого матерого, старого политикана. Скорее всего, к двойному блефу прибегнул Маллар, на него это больше похоже.

Он умолк и задумался.

— Подумать только, такой грязный делец у власти, хотя вслух об этом говорить и не следует, он наш начальник.

— Ладно, Альфред, я тебя не слышал.

— Но мое мнение тут хоть что-нибудь да значит?

— И да, и нет. Нет, потому что никто этой историей больше заниматься не станет. Да, потому что я бы хотел, чтобы в архивах хранилась правда, даже если мы сидим по уши во лжи. У меня просто пунктик насчет архивов.

— Как же я могу занести в досье свои подозрения, хоть я абсолютно уверен, что они правильны?

Вавр усмехнулся:

— А это уж не моя проблема, Альфред, сам соображай.

Во вторник американского посла пригласили на набережную Орсэ. Министр иностранных дел принял его чрезвычайно тепло и угостил великолепным шерри, в который собственноручно, из уважения к высокому гостю, бросил кусочек льда.

— Счастлив видеть вас, господин посол, надеюсь, вы и ваша супруга в добром здравии.

— Вполне,— коротко ответствовал посол. Он еще не забыл неприятную беседу с президентом и был намерен, если нападки тут, в министерстве, возобновятся, как можно быстрее прервать встречу. Но, судя по любезности, которую проявляет министр, она затянется.

— Очень мило с вашей стороны, что вы пришли, как только получили приглашение,— продолжал министр.

— Мне это только приятно,— ответил посол. «Что, черт возьми, тут происходит?»

— Я вот почему вас пригласил,— сказал министр, заглядывая в свой бокал с такой осторожностью, будто ожидал увидеть в нем лягушку.— В нынешнем году мы хотим организовать у себя небольшие торжества,— он чуть помолчал и продолжал доверительно: — Йорктаун, вы понимаете?

Посол слыхом не слыхивал о торжествах по поводу какого-то Йорктауна, но виду не подал. С какой стати он должен что-то знать об этом Йорктауне? А если и правда должен, то почему этот кретин —

первый секретарь посольства — его не предупредил?

Министр, который в обычное время тоже не был силен насчет Йорктауна, тем не менее продолжал:

— Мы планируем ряд мероприятий в знак чувства солидарности, которое наш народ испытывает к Соединенным Штатам, помня о союзе между генералом Вашингтоном и нашим национальным героем Лафайетом в битве при Йорктауне. — Он сделал паузу и закончил: — Фактически эта битва завершила войну американцев за независимость.— Его только что просветили на этот счет, и в памяти были еще свежи кое-какие подробности: — В этом году как раз исполняется двести лет...

...Министерство иностранных дел в полном составе все утро рылось по архивам в поисках хоть какого-нибудь юбилея — премьер-министр приказал найти мало-мальски серьезный повод для организации торжеств. Перебрали и отвергли даты рождения и смерти знаменитых художников, философов, литераторов и политических деятелей, и положение казалось уже безнадежным, когда кто-то вдруг вспомнил о битве с британцами под Йорктауном. Такой повод сочли вполне подходящим.

Посол сколотил свое состояние во Флориде, он передал в распоряжение своей партии миллион долларов, чтобы заполучить нынешнее место: его жена всегда мечтала жить во Франции. В истории он не разбирался и потому ограничился тем, что с рассудительным видом кивнул.

— В ходе торжеств,— продолжал министр,— мы бы хотели выразить добрые чувства к вашей стране, в частности путем вручения наград некоторым из ваших выдающихся сограждан. Я мог бы порекомендовать кандидатов на эти награды...

Посол наконец все понял и позволил себе расслабиться. Он даже рискнул произнести: «Ну, разумеется» — и отхлебнул немного шерри: этот напиток отнюдь не принадлежал к числу его любимых.

— Я слышал,— произнес министр иностранных дел,— что ваш коллега Рольф Хемминг, посвятивший свою многолетнюю деятельность связям между нашими странами, скоро заканчивает срок службы и намерен вернуться домой. Мы будем счастливы наградить его по такому случаю орденом Почетного легиона.

Посол впервые слышал относительно планов Хемминга, но был достаточно сообразителен, чтобы понять смысл сказанного.

— Я уверен,— согласился он,— что Хемминг сумеет оценить оказанную ему честь.

— Всегда приятно вручать подобные награды за службу, способствующую взаимопониманию между нашими странами,— сказал министр. — Именно в знак окончания этой службы.

Посол согласно кивнул головой.

— Вручение сопровождается соответствующей церемонией,— добавил министр. — Награду вручает наш посол.— Он поднес к губам бокал и отхлебнул немного.— В Нью-Йорке.— Он кашлянул.— В самом скором времени.

Посол снова кивнул. Не станет же он заступаться за этого Хемминга — он вообще пидоров терпеть не может. Желают французы его отсюда выпереть — да ради Бога!

Министр иностранных дел поднялся.

— Очень любезно с вашей стороны было прийти,— сказал он.— Мое почтение вашей супруге, и, надеюсь, скоро увидимся в менее официальной обстановке.

— Я тоже,— сказал посол и распрощался.

— Нос мог быть чуть длиннее,— высказался Баум.— И глаза, пожалуй, маловаты. Но форма ушей исключительно хороша и стать безупречная. Фактура меха отличная. И темперамент мне тоже нравится.

Он с нежностью провел рукой по кошачьей спинке и перешел к следующему экспонату.

— А это настоящий красный камео,— одобрил он.— Нос и подушечки лап розовые, мех — просто загляденье. Смотри — отливает серебром и чуточку розовым. Красиво, правда? Немного только прикус подкачал — ты согласна?

Он был среди друзей на ежегодной выставке кошек в Сен-Клу. Служебный кабинет и вся эта чепуха — его работа — отсюда бесконечно далеки. Эстелла рядом с ним делала вид, будто тоже разбирается в кошачьих породах, но мысли ее блуждали. Кажется, на прошлой неделе с Альфреда свалилось огромное бремя. Он больше не жаловался на печень, спал неплохо и в свободное время отдыхал. На ее деликатные расспросы муж ответил только, что ему удалось решить одну загадку.

— Ты же знаешь, как я ненавижу все непонятное, разные там загадки...

Сегодня Баумы пригласили на ужин друзей. Она их угостит прекрасной розовой форелью, приготовленной в медном котелке, который Альфред недавно привез из Парижа, а он достанет из своего скромного погребка бутылку доброго «вовре».

Вечер обещает быть приятным.

Х. Л. ЛОУРЕНС

Х. Л. Лоуренс — современный английский писатель. Во время второй мировой войны служил в английской авиации. Автор антивоенного романа «Дети света» и многочисленных рассказов.

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Золотой медальон

Над аэропортом висела прозрачная, холодная дымка, принесенная ветром с океана. Пассажиры поднимались в самолет и рассаживались по местам. На Риде был легкий тропический костюм, и он дрожал от холода, поджидая своей очереди у трапа. Стюардесса, смуглая, хорошенькая девушка, отмечая его фамилию в списке пассажиров, ободряюще заметила:

— Ничего, сеньор. Как только мы поднимемся в воздух, я принесу вам чашку горячего кофе, и вы согреетесь.

— Благодарю.

Рида подмывало объяснить ей, что он вовсе не какой-то там идиот, а просто-напросто лентяй. Он знал, что, хотя Перу и тропическая страна, в Лиме в зимнее время часто гостят туманы, и в такой ранний час холод даст себя знать. Но ему предстояло лишь переночевать здесь, и он поленился распаковать чемодан с теплой одеждой, захваченной из Европы. Все это и собирался Рид поведать стюардессе, но не успел,— она уже занялась следующим пассажиром, и он молча прошел в самолет.

В кресло рядом с ним уселся полный, жизнерадостный пассажир, в отличие от него одетый в темно-серый шерстяной костюм с жилетом. «Придется ему, бедняге, попариться!»— усмехнулся про себя Рид, застегивая привязной ремень. Полному пассажиру с его солидным животом ремень, видимо, оказался узковат. Он буркнул что-то недовольное, повернулся к Риду и по-английски пожаловался:

— Это же истинное проклятие — быть таким толстым!

Как всегда в присутствии полных людей, стройный, сухощавый Рид почувствовал себя неловко. Он подозревал, что они относятся к нему неприязненно и вместе с тем завидуют.

— Зато я чересчур худой,— ответил он.

Толстяк рассмеялся.

— Не оправдывайтесь, мистер... мистер...

— Рид. Майкл Рид.

— Вот и отлично, мистер Рид. А я Каппелман. И знаете, как меня зовут? Эрик!— Его живот заколыхался от хохота.— Эрик Мало-Помалу. Каково, а? Когда-то, в молодости, и я был изящным и стройным. Но я люблю хорошо поесть, охотно пью пиво, а передвигаться на собственных ногах мне почти не приходится — вот мало-помалу я и раздался в объеме. Теперь мне никогда не быть таким стройным, как вы, мистер Рид. Вы счастливчик!

Рид хотел что-то сказать, но в это время взревели моторы. Каппелман пожал плечами, и Рид ответил ему вежливой улыбкой. Самолет медленно тронулся с места и вырулил на взлетную полосу. Из динамика послышался голос стюардессы, вторично предложившей пассажирам застегнуть привязные ремни. Самолет ускорил бег. Через иллюминатор Рид видел, как стремительно уносится назад земля. Он почувствовал, как что-то сжимается у него внутри — так всегда происходило с ним при взлете и посадке. Риду часто приходилось летать, и каждый раз он испытывал инстинктивный страх.

Внезапно толчки прекратились, самолет оторвался от земли, и пассажиры увидели аэропорт внизу под собой. Машина набирала высоту широкой, отлогой спиралью. Лиму — «город на говорящей реке»— все еще окутывала дымка, но в одном из просветов Рид различил кафедральный собор на площади Плаза де Армас, а поодаль, за ней, зеленое подножие гор. Самолет продолжал набирать высоту, и вскоре густая облачность скрыла Лиму. Через несколько минут машина уже плыла высоко над городом в чистом, прозрачном воздухе. Справа высились Анды— гигантская каменная стена, упиравшаяся в небо своим зазубренным гребнем. К ней и направлялся самолет.

Кто-то тронул Рида за плечо. Это была стюардесса.

— Можете теперь отстегнуть ремень,— проговорила она. Рид понял, что девушка принимает его за новичка, и хотел было рассеять ее заблуждение, но стюардесса добавила:— Я уже объявляла об этом, но сеньор Рид, вероятно, не слышал.

— Вероятно,— пожал плечами Рид.

— А почему вы не напоминаете об этом мне?— вмешался Каппелман.— Или, по-вашему, я не нуждаюсь в таком совете?

Он старался придать своему голосу шутливые нотки, но стюардесса даже не улыбнулась.

— Да, герр Каппелман, вы-то не нуждаетесь в таком совете.

— Правильно.— Каппелман повернулся к Риду.— И знаете почему? Дело в том, что я все время разъезжаю, постоянно путешествую, и я уже больше не пассажир, заслуживающий внимания, а багаж...

— Извините, пожалуйста...— заговорила было стюардесса.

— Не извиняйтесь! Я ведь ни в чем вас не упрекаю, вы же хотели сделать мне комплимент. Вы согласны, мистер Рид?

Прежде чем Рид успел ответить, девушка сказала:

— Сейчас я принесу вам кофе, сеньор, а вам коньяк, герр Каппелман.

— Вот видите!— воскликнул Каппелман.— Она даже знает, что в воздухе я пью коньяк.— Он засмеялся и пошлепал себя по животу.— Толстая знаменитость! Ну-ка, быстро! Несите кофе моему другу мистеру Риду. Посмотрите, какой он худощавый. У него и в помине нет такого теплоизоляционного слоя, каким природа наградила меня, потому-то он и замерз.

— Кофе я пью с сахаром и сливками,— добавил Рид; он понял, что стюардесса терпеть не может Каппелмана, и хотел, чтобы она поскорее от них отошла. Ему показалось, что девушка, уходя, взглянула на него с благодарностью.

— Вы, наверно, считаете, что я чересчур суров с нашей хорошенькой стюардессой,— заметил Каппелман.

«Вот черт!— с удивлением подумал Рид.— Он словно читает мои мысли...»

— Я наблюдаю, я вижу, я замечаю. Я... ну, как бы это сказать... да, пожалуй, я хиромант. Хотя нет, не то. Просто по выражению вашего лица я догадался, как догадался бы любой другой на моем месте, о чем вы думаете.— Он наклонился и похлопал Рида по колену.— Вряд ли такая выразительность лица полезна во всех случаях жизни, а?

Рида так и подмывало крикнуть: «Не суй свой нос в чужие дела!»,— но вместо этого он сказал:

— У меня такая работа, герр Каппелман, что скрывать мне нечего.

— Вы хотите сказать,— усмехнулся Каппелман,— что мне приходится кое-что скрывать? А вы не дурак, мой друг, иначе я уже давно бы занялся своей работой.— Он погладил объемистый портфель, лежавший у него на коленях.— Едва взглянув на вас, я подумал: «Какое интересное лицо!» Да, да, у вас лицо истинного англичанина, а мы, немцы, должны постоянно изучать вашу нацию... Подождите, подождите!— Он поднял палец.— Я знаю, что вы хотите сказать. Я имею в виду немецкую интеллигенцию. Гитлер же, во-первых, австриец, а во-вторых, никакой не интеллигент. Он боялся вас, вместо того чтобы изучать, не хотел принимать во внимание свойственного англичанам духа коллективизма.

Рид с опаской подумал, что, не дай бог, ему придется слушать эти разглагольствования до самого Каракаса, но Каппелман внезапно сказал:

— Вам принесли кофе.

Рид с облегчением взглянул на подошедшую стюардессу и тепло поблагодарил ее. «Дьявол бы побрал этого Каппелмана с его философией!»— подумал он. Немец молча взял коньяк, девушка направилась к другим пассажирам, и Рид, попивая кофе, наслаждался молчанием. Каппелман открыл портфель и проговорил:

— А теперь, пожалуй, можно и поработать.

Рид закурил и задумчиво уставился в иллюминатор.

Лима и прибрежные пески остались позади. В прозрачной голубизне теперь отчетливо виднелись покрытые снегом верхушки Анд и первозданный хаос острых, как лезвие бритвы, хребтов, в бессильной ярости тянувшихся к самолету.

Стюардесса подала ленч. Каппелман занимался своими бумагами и едой и лишь изредка бросал какую-нибудь ничего не значащую фразу. Рид снова взглянул в иллюминатор и обнаружил, что они летят над бесконечным темно-зеленым ковром джунглей. Девушка собирала подносы. Рид только что успел закурить, когда раздался приглушенный взрыв, и он увидел, как левый мотор оторвался и полетел вниз. Самолет резко накренился. «Всем застегнуть привязные ремни!»— крикнула стюардесса. Но это было уже не нужно. Самолет завалился на нос, и пассажиров швырнуло на переднюю переборку. Кто-то тяжело упал на Рида и сполз на пол. В следующее мгновение самолет опять резко накренился, и Рида бросило в другую сторону. Он смутно видел лица, тела, ноги и без удивления отметил, что среди людей плавают чемоданы, чашки, блюдца, фотоаппараты и даже зажженные сигареты. Он успел заметить ботинок, летевший ему в голову, и в то же мгновение ударился о беззвучно распадавшуюся переборку. Словно отгоревшая в праздничном фейерверке ракета, самолет беспомощно падал в раскинувшиеся внизу вечнозеленые джунгли...

Рид открыл глаза и увидел перед собой лицо стюардессы.

— Вы, кажется, легко отделались, сеньор. Как вы себя чувствуете?

— В общем-то сносно.— Он с трудом сел. На лбу у него вздулась шишка, на левой руке и на боку расплылись пятна крови.— А как вы?

— Вполне терпимо.

— Что с другими?

— Погибли... Одна женщина еще жива.— Девушка помолчала и нехотя добавила:— Герру Каппелману более или менее повезло — у него только сломана нога.

Рид посмотрел в том направлении, куда показала стюардесса. Там, привалившись к дереву, сидел мертвенно-бледный, с опухшим лицом Каппелман. Правой рукой он сжимал сломанную ногу, а в левой держал портфель. Позади Каппелмана, зарывшись носом в мягкую почву, лежал изуродованный самолет. Хвостовой части и одного крыла не было совсем, фюзеляж торчал почти вертикально, словно гигантский обелиск. В воздухе стоял сильный запах бензина. Около обломков самолета лежали тела двух погибших мужчин, рядом с ними распростерлась женщина. Она пошевелилась, чуть слышно застонала и умолкла.

— По-моему, умерла,— заметила девушка таким спокойным, равнодушным голосом, что Рид невольно подумал: «Она все еще не оправилась от потрясения».

— Здесь нас трое,— сказал он.— Больше никто не спасся?

— Затрудняюсь сказать.

— Криков о помощи вы не слышали?

— Нет.

— Сколько времени мы уже здесь?

— Думаю, минут десять.

— Но где мы находимся? Вы знаете?

— Когда мы... Когда произошла катастрофа, мы летели по курсу. Кажется, где-то поблизости должна быть Пакина.

— Пакина?

— Да. Но для меня это всего лишь точка на карте.

— Мы сможем туда добраться?

Девушка кивнула в сторону Каппелмана. Рид понял ее.

— Ах да, у него же нога... Но нас будут искать и...

Стюардесса помолчала.

— Искать-то будут, но найдут ли?— вяло заметила она.— Джунгли...

И только тут Рид вдруг с особой остротой ощутил, что всего лишь пятнадцать минут назад он покинул привычный и понятный ему мир и оказался в ином — страшном и загадочном. Да, он уцелел, почти не пострадал, но что из того? Здесь, в этих непроходимых джунглях, он чувствовал себя растерянным и беспомощным, как ребенок.

Он взглянул вверх. Лучи тропического солнца, с трудом пробиваясь сквозь листву, создавали внизу унылый полумрак, напоминавший Риду оранжереи Лондонского ботанического сада с той лишь разницей, что там он не таил в себе ничего недоброго. Рид спросил себя, возможно ли будет разглядеть сверху остатки самолета, и тут же решил, что это маловероятно. Падая, машина пробила в зеленой крыше джунглей лишь крохотное отверстие, настолько крохотное, что его вряд ли можно заметить даже с низко летящего вертолета.

— Радиопередатчик самолета работает?— спросил Рид, понимая, что строить всевозможные догадки бессмысленно.

— Разбит вдребезги,— с тем же равнодушием ответила девушка.— Правда, у нас есть сигнальные ракеты, но они бесполезны, если вы не умеете карабкаться по деревьям, как обезьяна.

Рид снова взглянул на деревья. На высоте у него обычно начинала кружиться голова, однако он решил, что иного выхода нет, он постарается преодолеть эту слабость, тем более что густая листва закроет от него землю.

— Что еще у нас есть?

— Немного еды. Бóльшая часть продуктов хранилась в хвостовой части фюзеляжа, и от них ничего не осталось, но несколько банок с консервами уцелело. Совсем нет воды, в первую очередь придется заняться поисками какого-нибудь ручья.

Рид перебирал в памяти все виденные кинофильмы, где подобные катастрофы в джунглях были самым обычным делом. Заслышав гул моторов в воздухе, герои фильма поджигали обломки своего самолета, и дымовой сигнал вызволял их из беды. «И ведь это так просто!»— с облегчением подумал он, а вслух сказал:

— Все обойдется. Надо только вовремя уловить шум приближающегося самолета и поджечь обломки нашей машины.

Стюардесса одобрительно кивнула.

— Хорошая мысль. Ну, а сейчас попытайтесь встать.— Она протянула Риду руку, и он медленно поднялся.— Давайте навестим герра Каппелмана. Он обрадуется, когда узнает, что вы уцелели.

Рид кое-как доковылял до Каппелмана.

— Привет, мой друг!— воскликнул немец.— Живы и невредимы? А вот про себя не могу этого сказать. Нога... Но с вашей помощью мы приведем ее в порядок, не так ли, доктор?

— Я не доктор, а геолог,— удивленно ответил Рид.

Каппелман усмехнулся.

— Правильно, и притом очень хороший. Но вы же намеревались стать врачом и целый год проучились на медицинском факультете. Это было... минуточку, минуточку... да, это было десять лет назад.

— Однако я никогда не занимался врачебной практикой,— все более удивляясь, ответил Рид.

— Тоже верно, поскольку работа в «Консолидэйтед минералс» отнимала у вас массу времени. В конце концов вы забросили медицину. Докторов у нас сколько угодно, а ученых не хватает. Но все же, надеюсь, вы сумеете наложить повязку на простой перелом?

— Не простой, а сложный,— поправил Рид, прощупывая кость,— но, по-моему, довольно чистый.— Он удалил обрывки материи из раны, образовавшейся в том месте, где сломанная кость прорезала кожу, и смастерил из дюралевых обломков примитивную, но вполне отвечающую своему назначению шину.— А теперь приготовьтесь, вам будет больно,— сказал он.

— Мы не в операционной,— улыбнулся Каппелман.— Я готов терпеть.

Рид взялся одной рукой за колено Каппелмана, а другой — за ногу ниже перелома и с силой дернул. Каппелман пронзительно вскрикнул. Убедившись, что кость сложена правильно, Рид быстро наложил шину.

— Я не мог сдержаться,— посетовал Каппелман, вытирая вспотевший лоб.

— Не обращайте внимания.

— Но это же непростительная слабость!

— Никто не застрахован от боли.

— Только слабые духом не в состоянии держать себя в руках. Мне стыдно за себя.

— Перестаньте!

— Но...

Рид отошел, немец начал раздражать его.

— Вы должны забыть, что я кричал,— обратился Каппелман к стюардессе.

— Только у меня и забот, что помнить, как вы кричали. И вообще, какое это имеет значение?

Каппелман схватил ее за руку.

— Не грубите! Я не переношу грубости.

Стюардесса высвободила руку.

— Нам надо подумать о воде и пище и поискать какой-то путь к спасению.

— Отправляйтесь и отыщите ручей или реку. Это и будет наш единственный путь к спасению.

— Значит, мы должны найти реку?

Каппелман кивнул. Он успокоился или сделал вид, что успокоился.

— Я знаю джунгли,— заявил он.— Мы летели по курсу?

Стюардесса повторила то, что уже рассказала Риду.

— Вы говорите, Пакина? Если так, мы должны находиться в районе Рио Бланко, или Рио Тапиче, или Рио Укаяли, что вовсе не приводит меня в восторг.

— Почему?

— Трудная здесь местность,— уклончиво ответил Каппелман.

Что-то его обеспокоило, и девушка ждала, что он объяснит ей причину, но ее позвал Рид. Он показал на следы какого-то крупного животного.

— Кто бы это мог быть?

— Ягуар,— несколько удивившись неосведомленности Рида, ответила девушка.— Это может означать, что где-то поблизости протекает река и у нас будет вода. Но ее нужно в чем-то принести. Пойдемте поищем.

Они направились к разбитому самолету. Каппелман молча наблюдал за ними. Рид взглянул на какие-то лоскуты, свисавшие со стенок фюзеляжа, и только тут заметил на полу пятна крови. При мысли о том, что среди

этого бесформенного нагромождения обломков лежат мертвые, а может быть, умирающие, у него перехватило дыхание, и он повернулся к стюардессе.

— Я совсем забыл... Надо бы поискать — возможно, еще кто-нибудь спасся...

— Я уже искала. Никто, кроме нас, не уцелел.

— Скоро вы там кончите любезничать?— донесся до них голос Каппелмана.— Я хочу пить.

— Надо поискать воду,— сказал Рид.— Пока светло, хищных зверей можно не опасаться.

— Берегитесь змей,— насмешливо предупредил Каппелман.— Особенно анаконды.

Рид отыскал в обломках небольшую жестянку, оказавшуюся вполне пригодной, и, ступая по следам ягуара, исчез в зарослях. Каппелман взглянул на стюардессу:

— Герой-любовник нас покидает, а?..

День подходил к концу. На некотором удалении от места катастрофы они расчистили небольшую площадку, разожгли костер и поели. Рид закурил. Каппелман с их помощью перебрался к костру и теперь лежал на коврике, найденном среди обломков самолета. Потягивая сигарету, Рид подумал: «В конце концов все не так уж плохо. Завтра нас начнут искать».

— Как ни странно,— обратился он к девушке,— я до сих пор не знаю вашего имени. Не могу же я называть вас просто стюардессой.

— Меня зовут Розеллой.

— Розелла де Сильва,— вмешался Каппелман.— Двадцати двух лет, незамужняя, родилась в Каракасе, воспитывалась в монастыре в Маракайбо, поступила на службу в гражданскую авиацию в прошлом году. Владеет пятью языками; ни с кем не помолвлена.

— Благодарю, герр Каппелман,— отозвался Рид.— Вы, кажется, знаете всех и каждого...

— Ну, положим, не каждого, герр Рид...

— Мистер Рид.

— Пожалуйста, мистер Рид. Просто я навожу соответствующие справки о тех, с кем встречаюсь или могу встретиться.

— Зачем? Из любопытства или потому, что вы кого-то опасаетесь?

— Логичный вопрос, мистер Рид. У меня есть на то свои причины...— Он замолчал и прислушался.— По-моему, за нами кто-то наблюдает.

— Но кто тут может быть?

Каппелман досадливо отмахнулся, и все трое напрягли слух. Нарушая вечернюю тишину джунглей, где-то трещали попугаи, слышалась болтовня обезьян. Появились первые ночные москиты, и их гудение напоминало шум пролетающей вдалеке эскадрильи самолетов.

— Если только они появятся...— пробормотал Каппелман, ощупывая карман.

— Кто?

— Индейцы. Вероятнее всего, майя.

— Это плохо?

— Как вам сказать... Все возможно. У вас есть оружие?

— Нет.

— Обычный английский кретинизм. Я оказался более благоразумным и прихватил пистолет. При необходимости я его использую, можете не сомневаться.

— Не лучше ли просто соблюдать сдержанность и осторожность?

— Как всегда делают ваши соотечественники, вы предлагаете компромисс?— саркастически усмехнулся Каппелман.

— Пусть будет так.

До бесконечности медленно тянулась ночь. Рид не мог уснуть — не давали покоя словно взбесившиеся москиты, мешала оглушающая какофония звуков, висевшая над джунглями. Время от времени он подбрасывал в костер сухие ветви, и тогда высоко взметнувшиеся языки пламени освещали фигуры Розеллы и Каппелмана. Рид закурил новую сигарету и вполголоса ругнул москитов. Розелла спала спокойно, Каппелман же все время ворочался — его мучила нога. Рид подошел к нему. Белое как полотно лицо немца покрывали капли пота. Внезапно он что-то забормотал, мешая немецкие, английские и испанские слова. Направляясь за водой, Рид увидел, что Розелла проснулась.

— Что случилось, сеньор?

— У Каппелмана начался бред.

Девушка взглянула на мокрую тряпку, которую он держал в руках.

— Дайте мне. Я посмотрю за ним, а вы ложитесь спать, вам нужно отдохнуть.

Рид покачал головой.

— Бесполезно. Я не смогу уснуть. Лучше я помогу вам.

Они подошли к Каппелману. Тот по-прежнему что-то бормотал.

— Что он говорит? — спросил Рид.

Розелла пожала плечами.

— Ничего. Набор слов.

— О чем?

— Ни о чем. Бессмысленный набор слов.

Рид наклонился, и Каппелман взглянул на него, но Рид понял, что он его не видит.

— Ему плохо.

Розелла кивнула.

— Пойду поищу аптечку,— сказала она и направилась к самолету.

Некоторое время Каппелман лежал молча, но вскоре отчетливо заговорил по-английски:

— ...Мы все равно победим... Да, да, Джилингхем, мы победим... Они никогда не узнают... Теперь мы начнем пожинать плоды... Уже скоро...— Он помолчал и продолжал: — Как приказано, Корт... Я связался... Я связался с вашим новым человеком... Алло, Корт... Я сказал им...

Говоря все это, Каппелман не сводил с Рида глаз. Постепенно в его взгляде появилось осмысленное выражение.

— Где я? — спросил он.

— Там же, где были. Лежите спокойно.

— Где Розелла?

— Ищет аптечку.

Каппелман схватил Рида за руку.

— Я долго был без сознания?

— Несколько часов.

— И разговаривал в бреду?

— Разговаривали?

— Да, да! Разговаривал?

— Нет.

— Лжете!

— Вы несли какую-то чушь.

— О чем?

— Я не понял.

Каппелман слабо улыбнулся, и Рид подумал: «Вот так, наверно, улыбаются акулы».

— Я еще поправлюсь.

— Несомненно, если не будете двигаться.

— Принесите кофе.

Рид подошел к костру; Розелла уже была тут.

— Аптечки я не нашла, она не сохранилась,— сообщила девушка и посмотрела в сторону Каппелмана.

— Он просил кофе и беспокоится, не сказал ли в бреду чего-нибудь лишнего.

— Беспокоится? Напрасно. Вы вообще-то владеете испанским или немецким?

— Немецкого почти не знаю, а испанский понимаю, но плохо.

— Ничего, как-нибудь научитесь,— улыбнулась девушка и вдруг уставилась расширившимися глазами туда, где высился фюзеляж самолета. Там неподвижно стояло несколько индейцев. Ничто в их поведении не выдавало враждебности. Один из них выступил вперед, спокойно подошел к Каппелману и что-то спросил у него. И тут произошло непоправимое. Зло бросив в ответ несколько слов, Каппелман вскинул руку с пистолетом и выстрелил. Рид успел только заметить, как к немцу ринулись остальные индейцы, снова прозвучал выстрел, потом сильные руки обхватили его самого и чьи-то пальцы сжали его горло. Он задохнулся и потерял сознание.

Когда Рид пришел в себя, первой его мыслью была мысль о том, что он жив. Он попытался подняться, и это ему удалось, хотя и с трудом. Он встал и прислушался. В джунглях стоял обычный многоголосый шум, но не доносилось ни единого звука, говорившего о присутствии человека.

Рид пошарил в карманах, нашел спички и зажег одну из них, однако слабый язычок пламени быстро погас. Медленно обходя площадку, где разыгрались недавние события, он уже добрался до обломков самолета, когда услышал странный шорох. Ему показалось, что этот звук донесся откуда-то с ближайшего дерева. Он чиркнул спичкой, взглянул вверх и увидел почти рядом со своим лицом плоскую, копьевидную голову большой змеи. Вскрикнув, Рид выронил горящую спичку и тут же отпрянул: спичка упала в лужу бензина, мгновенно вспыхнувшее пламя, извиваясь, поползло к фюзеляжу и уцелевшему крылу самолета. Не прошло и минуты, как огонь охватил обломки машины. Еще несколько мгновений спустя раздался взрыв, горячая волна швырнула Рида на землю, но он вскочил и отбежал в сторону. Где-то в самом центре бушевавшего пламени начали рваться ракеты, и Рид, наблюдая, как в глубине гигантского костра вспыхивают разноцветные молнии, с отчаянием думал, что там вместе с ракетами сгорает его последняя надежда на спасение.

При свете постепенно угасающего зарева Рид вернулся к тому месту, где его застало появление индейцев, и только теперь обнаружил Каппелмана. Он был мертв. Рид вынул из его крепко сжатой руки пистолет и осмотрелся. В нескольких ярдах от себя он увидел жакет Розеллы, но сама она исчезла. Никогда еще за все последние часы Рид не чувствовал себя таким заброшенным и беспомощным. Искать Розеллу было бесполезно — он сразу потерялся бы в джунглях. Вернувшись к Каппелману, он взял у него из карманов бумажник, паспорт и несколько туристских чеков. Все это, как и жакет Розеллы, Рид сложил в портфель Каппелмана, потом сел и стал ждать рассвета или смерти, испытывая безразличие и к тому и к другому.

Прошел еще день. Рид с искусанным москитами, опухшим лицом нашел недалеко от тлеющих обломков самолета несколько банок с консервами, но открыть их не мог. В полдень он побрел к протекавшему поблизости ручью утолить жажду и тут, несколько успокоенный холодной водой, вспомнил одно из основных положений географии, гласившее, что все или почти все ручьи впадают в реки. Значит, перед ним лежала «тропа» к одной из рек, к спасению? Он осмотрел пистолет Каппелмана, вернулся на площадку и взял портфель. Рид охотно оставил бы его тут же, рядом с его владельцем, но как он докажет тогда правдивость своего рассказа? Он снял с фуражки одного из членов экипажа авиационную эмблему и отправился вниз по течению ручья.

Идти было трудно, иногда приходилось опускаться на четвереньки и ползком пробираться сквозь высокий кустарник, зеленым сводом нависавший над ручьем. Чем дальше, тем глубже и шире делался ручей, и к концу дня Рид оказался на берегу большой реки. Но он сразу понял, что конец его мучениям еще не наступил. Нечего было и думать о том, чтобы двигаться дальше вдоль берега, покрытого непроходимыми зарослями. Спуститься вниз по реке он тоже не мог: где бы он нашел лодку?

Рид обнаружил поблизости песчаную отмель и решил провести там ночь. Он собрал кучу валежника, разжег костер и, несмотря на голод, многочисленные царапины и укусы москитов, задремал, просыпаясь лишь для того, чтобы подбросить в огонь веток.

Окончательно проснувшись, Рид сначала не поверил собственным глазам: он увидел, как к берегу причалила лодка, как из нее вышли на берег три индейца и, остановившись поодаль, принялись наблюдать за ним. Рид приготовился к самому худшему, но тут на память ему пришел услышанный когда-то совет: «Спокойно сидите и ждите... В подавляющем большинстве своем они люди дружелюбные». Так он и сделал. Посовещавшись, индейцы подошли ближе и заговорили с ним. Рид отрицательно покачал головой, потом показал вверх по течению реки, изобразил шум летящего самолета и для большего эффекта громко крикнул: «Банг!» Индейцы, подумал он, возможно, никогда не видели поселка, где проживало бы более пяти-шести белых, но различать гул пролетающих над ними самолетов они, конечно, умели.

У Рида затеплилась надежда, когда индейцы, внимательно посмотрев на него, взяли его за руки и повели к лодке. Он безропотно сел на указанное ему место, почти уверенный, что теперь он спасен.

Лодка поплыла вниз по реке.

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН

2

В сером и грязном муравейнике, окружающем лондонский вокзал Пэддингтон, в лабиринте запущенных домов, меблированных комнат, дешевых пансионов и унылых заведений, громко именуемых гостиницами, обитает немало людей, скрывающихся в этих трущобах вместе со своим прошлым. Здесь редко задают вопросы и еще реже отвечают на них.

На двери в квартиру, расположенную в подвальном этаже ветхого домишки, висела табличка: «Дивере Корт». Дверь вела в комнату, обставленную лучше, чем можно было ожидать от такого убогого жилья. В комнате, то и дело посматривая на дверь, сидел и курил худой, бледный человек с двумя давними дуэльными шрамами на левой щеке. Был ранний вечер, но плотная занавесь на окне преграждала доступ в подвал все еще ярким лучам летнего солнца.

Человек взглянул на часы: время подходило к девяти. В дверь постучали.

— Кто там? — спросил человек и, услышав односложный ответ, открыл дверь. В комнату вошли трое, чем-то похожие на преуспевающих бизнесменов, в одинаковых, хорошо сшитых темно-серых костюмах и черных ботинках. По приглашению хозяина все трое сели, а сам он подошел к радиоприемнику и усилил звук.

— Вы, конечно, уже слышали новости? — по-немецки обратился он к гостям.

— Да,— ответил полный, круглолицый человек.— Новости, надо сказать, неважные. Каппелман находится в больнице в Лиме. Очень жаль.

— Ну, хоть жив, и то хорошо. Я посылал телеграмму в Санта-Розу, и мне ответили, что серьезной опасности нет. Индейцы доставили его без сознания — последствия укуса паука или змеи. Перед отправкой на самолете в Лиму Каппелмана осматривал врач — по его словам, через несколько дней он поправится.

— Ну и дальше?

— Я собирался поручить одному из наших агентов в Рио вылететь в Лиму, но мне приказано лететь самому. Я должен убедиться, что в обломках самолета ничего не осталось, а потом замещать Каппелмана, пока он не сможет приступить к работе.

— Но самолет еще не найден?

— Нет. На это потребуется немало времени, а может случиться и так, что обломков вообще не найдут.

— А что известно о документах, которые должен был доставить Каппелман?

— В докладе лишь сообщается, что Каппелман жив, и ни слова не говорится о документах. При нем были его паспорт и портфель.

— Значит, и документы удалось спасти?

— Надо полагать.

Все трое с облегчением вздохнули.

— Надеюсь, Каппелман был достаточно осторожен,— заметил один из них.— Я не раз говорил ему, как опасно возить с собой документы. Надо запоминать содержание — лично у меня такое правило.

— Вот и отлично. Что касается Каппелмана... Я знаю, он человек осторожный. Итак, я уезжаю, но во время моего отсутствия все должно идти, как обычно. Буду информировать вас обо всем, что узнаю. Если Каппелман вообще не сможет возобновить работу, Центру придется назначить нового человека. Но, думаю, с Каппелманом все будет в порядке — человек он закаленный, не всякий бы на его месте выдержал такое испытание в джунглях.

Корт поднялся, и гости поняли, что беседа окончена. Один за другим, с интервалами в несколько минут, они покинули комнату, и никто не обратил внимания на трех весьма солидных мужчин, выходивших из какого-то совсем несолидного подвала. Никто их не знал, и никого они не интересовали. Через час Корт закрыл квартиру на замок и отправился в аэропорт. И этого тоже никто не знал, это тоже никого не интересовало, разве что молочника — тот прочел записку с отказом от молока и обрадовался: теперь ему не придется ежедневно спускаться в подвал и подниматься оттуда.

Перед тем как сесть в самолет, улетавший в Южную Америку, Корт разослал в разные места телеграммы совершенно одинакового содержания: «Дивере корт находится в Лиме».

Только одному телеграфисту эта телеграмма показалась странной.

— Кто-то, видимо, совсем спятил,— обратился он к своему коллеге.— Насколько мне известно, дом с таким названием находится в Лондоне, в районе Стренда, а вовсе не в Лиме.

— Возможно. Но я знаю, что моя квартира находится в Клефеме, и чем скорее мы разделаемся с этими проклятыми телеграммами, тем скорее я попаду домой и смогу посмотреть телевидение... Что там у нас дальше?..

Ратман чувствовал, что ему скучно. Он только что интервьюировал молодую, глупо улыбающуюся американскую киноактрису, прилетевшую в Лиму на съемки фильма, действие которого происходит в джунглях. Актриса, уже мнившая себя звездой, с удивлением узнала, что Лима — современный город и что здесь не бродят толпы древних инков во главе со своими вождями. Ее познания в области географии и истории были весьма смутными. После того, как она наконец укатила из аэропорта в предоставленном кинофирмой «кадиллаке», Ратман заказал кружку пива и принялся размышлять, почему он не занялся разведением кур в своем родном Сент-Поле или не продолжил работу над романом, первую главу которого он написал давным-давно. Он попытался убедить себя, что в Сент-Поле слишком холодно, а его роман получился бы настолько разоблачительным, что ни одно издательство не рискнуло бы его напечатать. Погруженный в свои мысли, Ратман все же заметил, как из прибывшего самолета выгрузили на носилках больного.

«Еще один бедняга-нефтяник»,— подумал он; Ратман знал, что здесь, в Лиме, такие сцены можно наблюдать чуть не каждый день. Он не спеша подошел к поджидавшей больного санитарной машине. Ее водитель оказался человеком разговорчивым и, хотя фамилии пациента назвать не мог, все же сообщил название частной лечебницы, в которой работал.

— Значит, ваш пациент — человек богатый?— заметил Ратман.

— И почти мертвый,— сплюнул водитель.

Ратман решил побеседовать с больным, но, когда поднесли носилки и он хотел подойти, его остановил плотный, высокий человек.

— Прочь с дороги! — крикнул он.

Ратман усмехнулся: его не впервые встречали подобным образом. Он протянул высокому журналистскую карточку, но тот грубо оттолкнул ее огромной ручищей.

— Что ж, пожалуйста,— спокойно сказал Ратман.— Все равно я узнаю, что мне нужно, и не забуду упомянуть в заметке о любезности... охранников.

— Извините, сеньор...— заговорила сопровождавшая носилки медицинская сестра.

— Моя фамилия Ратман.

— Извините, сеньор Ратман. Видите ли, мой пациент очень болен, и мы спешим...

— Его фамилия?

— Но он не частное лицо, сеньор!

— Теперь он просто больной. Как его фамилия?

— Каппелман. Сеньор Каппелман.

— Каппелман... Каппелман... Чем он заслужил такое внимание? Он богат? Кто он? Откуда? Что с ним?

— Извините, но мы торопимся, я же сказала, что мой пациент в тяжелом состоянии. Но если уж вы так интересуетесь, он страдает от истощения и, по-моему, от укуса ядовитого паука. Кроме того...

— Вспомнил! — воскликнул Ратман.— Фамилия «Каппелман» фигурировала в списке пассажиров самолета, потерпевшего катастрофу в прошлом месяце. Скажите, а еще кто-нибудь спасся, кроме него?

Высокий мужчина помог поставить носилки в машину. Медсестра, видимо, хотела что-то сказать, но передумала.

— Извините, сеньор,— повторила она,— я должна быть с больным.

Она села в машину, дверцы со стуком захлопнулись, взревел мотор, и машина умчалась.

Несомненно, думал Ратман, продолжая стоять на том же месте, о Каппелмане можно написать интересный очерк. Он даже представил себе, как его построить: описание катастрофы, кошмарные скитания по джунглям, голод, опасности... Да и с катастрофой не все ясно. Случайно ли она произошла? И если не случайно, кто ее подстроил и для чего? Как бы то ни было, надо побольше разузнать о Каппелмане.

Продолжение. См. «Огонек» № 5.

И помочь ему в этом может не кто иной, как Хосе.

Ратман отыскал на стоянке свой старенький «форд» и направился к центру города. Рассеянно управляя машиной, он размышлял все о том же, над чем не раз задумывался и раньше: что удерживает его в этом красивом, но отрезанном от всего света городе? Ему, конечно, нравился этот субтропический климат, но все же здешнюю зиму с ее холодными туманами он переносил плохо. Он мог бы переселиться и на другой край материка, скажем, в Рио или в Буэнос-Айрес, но продолжал жить в Лиме — может быть, потому, что неторопливая, размеренная жизнь этого южного города представляла такой контраст с вечной сутолокой и суматохой Нью-Йорка, где Ратман работал репортером в одной небольшой газете. Возможно, думал он, это объясняется и тем, что в нем уже мало что осталось от американца. Встречая на улицах Лимы заезжих соотечественников, он искренне возмущался их наглостью и шумливостью.

Ратман улыбнулся и вслух (благо, его никто не слышал) сказал:

— Не обманывай самого себя, старина! Ты живешь в Лиме потому, что у тебя не хватает ни сил, ни решимости вести в Штатах непрерывную, изнурительную борьбу за существование. А здесь ты зарабатываешь вполне достаточно, чтобы сытно питаться, в меру выпивать и время от времени встречаться с хорошенькой женщиной...

И все же иногда он начинал тосковать по Нью-Йорку, особенно когда там открывался бейсбольный сезон. Правда, в Лиме он не раз посещал корриду и в какой-то мере привык к варварскому зрелищу убийства беззащитных животных, но этому сомнительному развлечению он охотно предпочел бы бейсбол, где шансы сторон равны.

Мысли Ратмана вернулись к Хосе. Они познакомились после одного из тех драматических эпизодов, которыми была так бедна его семилетняя жизнь в Лиме. Ратман только что вышел из клуба на одной из улочек около Плаза де Армас, как услышал приближающийся топот. Почти тотчас мимо него промчалась фигурка маленького человека, преследуемого четырьмя людьми. Беглец поскользнулся и упал, и неизвестные принялись его избивать. Четверо на одного... Подобная несправедливость возмутила Ратмана, и он, не раздумывая, набросился на преследователей. К его удивлению, они тут же обратились в бегство, не успев прикончить ножами свою жертву, хотя — Ратман не сомневался в этом — именно такой финал и увенчал бы разыгравшуюся на его глазах сцену. Лишь позже он сообразил, в чем была причина столь поспешного отступления противника. Цвет его лица! Одно дело для индейца напасть на такого же индейца или на креола, как Хосе, и совсем другое — связываться с этими проклятыми американо, с этими гринго.

Ратман помог беглецу подняться. Так он впервые увидел Хосе в его истрепанном сомбреро и с неизменной сигаретой-самокруткой во рту. Даже сейчас, когда смерть лишь случайно обошла Хосе стороной, с его губы свисал тлеющий окурок.

Хосе похлопал себя по штанам, отряхивая пыль, и взглянул на Ратмана. Его темно-карие глаза блеснули в свете уличного фонаря, и Ратману показалось, что в них все еще таится страх.

— Спасибо, сеньор, я обязан вам жизнью.

— В таком случае это надо отпраздновать, пойдем чего-нибудь выпьем,— ответил Ратман, чувствуя себя несколько смущенным этой благодарностью.

— Хорошо, сеньор... сеньор...

— Ратман.

Хосе несколько раз повторил фамилию, словно хотел твердо запомнить ее.

— Меня зовут Хосе,— сообщил он.

— Хосе? А фамилия?

— Просто Хосе. В Лиме меня все знают.

— Но вот я же не знал.

— Значит, вы живете не в Лиме.

— Ошибаешься. Живу.

— Значит, только с сегодняшнего дня можете считать себя настоящим жителем Лимы. Завтра... нет, сегодня же я всем сообщу: «У нас теперь живет сеньор Ратман. Хоть он и гринго, но мой большой друг, потому что спас мне жизнь». Может быть, случится так, что и я сумею вам помочь... А теперь я готов пойти с вами выпить.

Хосе привел его в небольшой ювелирный магазинчик на Хирон де ла Юнион. Ратман и раньше видел этот магазин, но никогда в него не заходил, поскольку не испытывал никакой необходимости да и не располагал деньгами, чтобы приобретать драгоценности. На вывеске над дверью было написано: «Альвар». Магазин еще не закрылся, и они вошли. Их встретил полный курчавый человек.

— Хосе! Наконец-то!

— Привет, Гидо. Знакомься — мой друг сеньор Ратман. На меня только что было совершено нападение...

Гидо заволновался.

— Но все окончилось благополучно. Вот...— Хосе вручил Гидо небольшой мешочек.

Искоса взглянув на Ратмана, Гидо унес мешочек в комнату. До Ратмана донесся глухой стук закрываемой дверцы сейфа. Гидо через минуту вернулся, и теперь на его лице сияла улыбка.

— Приветствую вас, сеньор Ратман!

— Немедленно вина, Гидо, надо отпраздновать такой случай. Сеньор Ратман спас меня, рискуя своей жизнью.

— Сию же минуту и самого лучшего!— воскликнул Гидо.— Идемте.

Он провел их в крохотную, похожую на кладовую каморку, пропитанную резким запахом кожи и сырого дерева. Высоко в стене виднелось окошечко, никогда, по-видимому, не открывавшееся. Гидо принес вина, они выпили по стакану, и Ратман стал прощаться.

— Я должен покинуть вас, сеньоры, завтра мне предстоит трудный день.

Хосе и Гидо встали и поклонились, и Ратман уехал домой. Он решил, что на том его зна-

комство с Хосе и окончилось, но вскоре выяснилось, что он ошибался. Если у него возникали какие-нибудь затруднения, Хосе словно чудом узнавал о них и приходил на помощь. Одним словом, он щедро выплачивал долг, и Ратман, убедившись, что Хосе располагает самыми разнообразными связями, все чаще обращался к нему, когда появлялась необходимость. Вот и сейчас он решил, что Хосе поможет ему раздобыть какую-нибудь информацию о Каппелмане.

Подъехав к Плаза Сан-Мартин, Ратман вышел из машины и отправился в кафе «Анды», расположенное в крохотном тупике, куда никогда не заглядывали туристы.

Как он и предполагал, Хосе сидел там за чашкой кофе.

— Привет, Хосе. Мне нужна твоя помощь.

— Слушаю, сеньор.

— В аэропорт только что доставлен человек — по-моему, единственный, кто уцелел во время последней авиационной катастрофы в джунглях.

— Слышал,— отозвался Хосе, затягиваясь сигаретой.— Он сейчас в «Санта-Розе». Мне об этом рассказала сестра.

Ратман не удивился: он давно уже отказался от попыток сосчитать всех сестер, братьев, теток и дядей своего друга, и иногда думал, что вряд ли в Лиме найдется кафе, особняк, клуб, муниципальное учреждение, где у Хосе не нашлось бы «родственника».

— Фамилия его Каппелман. Впрочем, ты же, конечно, знаешь.

— Вам нужны сведения о нем?

— Да.

— Постараюсь, но дело не простое. Его хорошо охраняют. По-моему, это важный человек.

— Важный?

— Похоже.

— Ну, тебе лучше знать.

— Вот я допиваю свой кофе и ухожу. Через день-другой вы получите все, что вам надо.— Он нахлобучил сомбреро и поднялся со стула.— Кофе сеньору,— распорядился он, хотя в этом не было необходимости: владелец знал, что Ратман — друг Хосе, и уже нес ему дымящуюся чашку.

— Адиос, сеньор,— попрощался Хосе и вышел.

Ратман присел за столик, наскоро выпил кофе и направился к телефону, решив позвонить в «Санта-Розу». Он не сомневался, что случай послал ему тему для интересной корреспонденции. «Это вам не очередной нефтяник или исследователь бассейна реки Амазонки!» — с удовлетворением подумал он. Об искателях «черного золота» и так называемых исследователях он исписал уже горы бумаги. Эта публика, едва ступив в джунгли, уже спешила вернуться в лоно цивилизации, чтобы сочинять глупейшие книги о своих «приключениях». Иногда Ратман в шутку спрашивал себя, почему индейцам не приходит в голову потребовать с этих писак часть гонорара...

3

В те короткие минуты, когда Рид приходил в себя, он отдавал себе отчет, что находится в маленькой больничной палате — тихой, уединенной, пропитанной запахами всевозможных лекарств. Но потом снова начинался бред, и ему уже казалось, что он несется в каноэ по бурному мрачному потоку и его неотступно преследует рев бегущих за ним обезьян. Иногда сознание возвращалось к нему ранним вечером, и он ясно видел, как в палату входила молчаливая, спокойная сиделка, оправляла простыни, подносила к его губам стакан с освежающим напитком. Но часто бредовые видения не покидали его весь день, и тогда он особенно страдал: мириады москитов со злобным жужжанием роились над его головой, потом вдруг опускались на него подобно толстому живому одеялу и принимались яростно жалить. Какое-то мгновение он снова понимал все происходящее, чувствовал, как врач осматривает его язык и место укуса на левой ноге, однако почти тут же видел себя плывущим по реке — то медленной и гладкой, словно зеркало, то в бешенстве налетающей на острые камни порогов и швыряющей ему в лицо брызги белой пены...

Но все имеет свой конец. Однажды утром, зайдя по обыкновению в палату, сиделка уловила на себе его осмысленный взгляд.

— Где я? — спросил Рид.

Женщина что-то быстро ответила по-испански. Рид отрицательно покачал головой. Сиделка в нерешительности помолчала, потом медленно произнесла:

— Вы в частной лечебнице в Лиме, сеньор Каппелман.

— Моя фамилия Рид,— нахмурился он.

— Очень хорошо, сеньор Р и д,— улыбаясь и делая ударение на этом слове, ответила сиделка.— Постараюсь не забыть.

Рид с трудом сел.

— Сколько времени я уже здесь? — заговорил было он, но сиделка жестом остановила его.

— Вам нельзя волноваться. После аварии самолета вас нашли индейцы и на лодке доставили в ближайшую миссию, где оказалась радиостанция. Это было в... Уж эти мне населенные пункты в джунглях! У них такие трудные названия, невозможно запомнить... Одним словом, сюда вас перевезли на самолете. Вы были очень плохи, и нас заранее предупредили о вашем приезде.

Рид помолчал, собираясь с мыслями.

— А Розеллу кто-нибудь ищет? — спросил он.

— Розеллу?

— Да, да, Розеллу. Стюардессу.

— Не могу сказать.

— Но кто-нибудь намерен отправиться к месту катастрофы?

Женщина пожала плечами.

— Я всего лишь сиделка, сеньор. У меня одна забота — помочь вам скорее поправиться. Поисками самолета займутся, очевидно, другие.

— Ну хорошо. А где портфель Каппелмана?

— Каппелмана? — улыбнулась сиделка. — Вот.

Она достала из шкафчика и передала Риду портфель. Он сразу обратил внимание, что когда-то хорошо отполированная кожа была поцарапана, покрыта пятнами и отдавала неприятным запахом, а металлические части заржавели. Женщина хотела положить портфель на постель, но Рид оттолкнул его, и она поняла, что ему неприятно его видеть.

— Поспите, сеньор,— посоветовала она,— а потом займетесь делами.

Она напоила Рида, он откинулся на подушку и закрыл глаза. Сиделка положила портфель в шкафчик. Некоторое время она смотрела на него, ощущая характерный для джунглей запах гниения, к которому примешивался — она сумела это уловить — тонкий аромат хороших французских духов. Сиделка взглянула на своего пациента: тот крепко спал. Она открыла портфель — сверху лежал жакет. «Розелла!» — вспомнила сиделка, закрыла портфель и поспешно вышла из палаты.

Хосе жил в крохотной хижине, прилепившейся к вершине горы, в самом центре трущоб Лимы. Соломенный тюфяк, с которого только что поднялся владелец хижины, ящик из-под чая, заменявший стол, да единственная табуретка составляли всю обстановку убогого жилища.

Было уже три часа дня, и сиеста закончилась. Хосе выпил глоток вина, вытер ладонью губы и по сухой в это время года сточной канаве, заменявшей тропинку, отправился вниз.

После долгой тряски в трамвае он добрался до Плаза Сан-Мартин, отыскал одно из кафе, расположенное на открытом воздухе, и уселся за столик. Вскоре около него появился уличный фотограф. Хосе поднялся, принял соответствующую позу и через некоторое время получил готовую фотографию. Отпивая кофе, он внимательно рассматривал план, набросанный на оборотной стороне фотоснимка. Покинув кафе, Хосе направился к Хирон де ла Юнион и здесь, на небольшой оживленной улице, остановился у витрины ювелирного магазина. Он зашел внутрь лишь после того, как заметивший его владелец магазина знаком дал понять, что опасности нет. Часов шесть спустя подержанный «бьюик» вез Хосе в Мирафлорес.

Регистраторша больницы никак не могла понять, почему нужно зачеркнуть в журнале так красиво и аккуратно написанную ее рукой фамилию «Каппелман» и вместо нее вписать «Рид».

— Зачем? — ворчливо спрашивала она.— Он же Каппелман. Вот взгляни...

Она достала из сейфа паспорт и с раздражением бросила на стол.

— Да, но больной настаивает на этом и заявляет, что он не будет отзываться на фамилию Каппелман,— пожала плечами сиделка.

— Да неужели?! — Регистраторшу страшно заинтересовала эта история, поскольку до последнего времени среди пациентов больницы преобладали древние старухи или выжившие из ума старики.— У него, наверно, неудачный роман, а?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Но здесь непременно должна быть замешана женщина! Да, да. Значит, герр Каппелман становится сеньором Ридом? Рид... Он, очевидно, американо?

— Возможно. Но, возможно, англичанин.

— Американец, американец! Наша лечебница рассчитана на очень богатых людей. Он обязательно американец и обязательно богатый.

Сиделка пожала плечами. Национальность больного ее не интересовала.

— Жаль только, что он такой полный. Ну, ничего. Все равно ты, может, выйдешь за него замуж и будешь жить в американском дворце.

— Что, что?

— Я сказала, что ты, возможно, выйдешь за него замуж.

— А что ты сказала до этого?

— Просто так, ворчала.

— Нет, я спрашиваю, что ты имела в виду, когда говорила: «Жаль, что он такой полный»?

— Вот это.— И регистраторша щелкнула по наклеенной в паспорте фотокарточке.

Сиделка взглянула на снимок, и на ее лице отразилось удивление. Она перевела взгляд на приятельницу, чуть помедлила и решительно заявила:

— Мне надо идти.

— Но я же пошутила насчет замужества,— попыталась остановить ее регистраторша, но женщины уже и след простыл.— Ну и уходи. Воображает тоже...

Она положила паспорт в сейф, выдвинула ящик стола и вновь склонилась над журналом, который читала до этого.

Между тем сиделка не теряла времени. Она влетела в палату Рида и зажгла свет. Рид спал. Сиделка встряхнула его, и он медленно открыл глаза.

— Это что еще за чертовщина...— начал было он, но, увидев женщину, извинился.

— Сеньор!

— Да?

— Как ваша фамилия?

— Рид.

— А не Каппелман?

— Нет. Мы уже говорили сегодня на эту тему.

— Почему вы выдаете себя за герра Каппелмана?

— Ни за кого я себя не выдаю. Моя фамилия Рид. Каппелман мертв. Его убили.

Сиделка взяла из шкафчика портфель.

— А это чье? — спросила она, вынимая из него жакет.

— Розеллы.

— И вы хотите сказать, что она тоже убита?

— Возможно.

— Не очень-то умело вы лжете, сеньор,— усмехнулась женщина.— На жакете ни капли крови.

— Индейцы так крепко схватили меня, когда Каппелман выстрелил в них, что я потерял сознание, а когда пришел в себя, нашел на земле этот жакет и сунул в портфель.

— Знаете что, сеньор? Придется мне доложить обо всем этом сестре-хозяйке.

— Докладывайте. А теперь, быть может, вы позволите мне уснуть?

— А мне-то казалось, что вам должно быть совсем не до сна!

— Почему же?

— Да потому...— Сиделка умолкла и вдруг спросила: — Розелла была хорошенькая?

Рид кивнул.

— Может, слишком хорошенькая?

— Что вы хотите сказать? — удивленно спросил Рид, но сиделка молча направилась к двери.

Оставшись один и посматривая на портфель, Рид начал понимать, о чем шла речь, и его бросило в жар.

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

Золотой медальон

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Хосе остановил «бьюик» в нескольких стах ярдах от частной психиатрической больницы «Санта-Роза». Он сбросил сомбреро, шарф и почти слился с окружающим мраком; в темноте лишь блеснули его зубы и глаза, когда он сказал несколько слов водителю, после чего тот поставил машину на узенькую, обсаженную деревьями дорогу. Собранные днем сведения помогли Хосе быстро найти пролом в стене, и через минуту он оказался на территории больницы. По тем же сведениям, Каппелман лежал на третьем этаже, в палате № 6. Палата выходила на север. «Моя племянница, работающая в больнице горничной, рассказывает, что в этой палате много солнца в полдень»,— сообщил ему ювелир.

Хосе быстро нашел северную сторону и осмотрелся. Лишь в трех окнах горел свет. Оба верхних этажа больницы имели балконы, проходившие вдоль всего здания. Это облегчало Хосе задачу. Используя неровности стены, он взобрался на балкон третьего этажа и подполз к первому освещенному окну. Небрежно задернутые занавески оставляли довольно широкую щель, сквозь которую он увидел какую-то старуху; она сидела за книгой и время от времени подносила ко рту толстую, как баллон, руку с плиткой шоколада.

У следующего освещенного окна Хосе невольно задержался несколько дольше. Через прозрачную занавеску он разглядел красивую молодую женщину, возбужденно ходившую по комнате из угла в угол. Иногда она останавливалась и стискивала голову руками. Внезапно дверь открылась, и вошла сиделка. Больная бросилась к ней, но сиделка грубо заставила ее лечь в постель и сделала укол. При виде шприца с иглой Хосе вздрогнул и зажмурился. Собственный опыт общения с врачами убедил его, что всяких там медицинских уколов нужно опасаться пуще, чем удара ножом. Когда ему прививали оспу, он даже потерял сознание, но надеялся, что врачи сохранят этот случай в глубочайшей тайне.

Занавески на третьем окне оказались незадернутыми, и он увидел в палате худощавого, молодо выглядевшего гринго. Хосе, довольный, улыбнулся: он не сомневался, что это и есть Каппелман — по сведениям, которые он получил от «родственников», мужчин-больных на третьем этаже не содержали.

Вначале Риду показалось, что стучат в дверь, и, лишь когда стук повторился, он взглянул на окно и увидел приникшее к стеклу смуглое лицо. Первым побуждением Рида было нажать звонок срочного вызова сиделки, но тут в нем заговорило профессиональное любопытство. Никому в голову не придет, подумал он, взбираться на третий этаж с единственной целью — обокрасть его, тем более что ценные вещи пациентов обычно хранятся в сейфе больницы. Враг? Но какие у него, мирного геолога, могут быть враги?..

Рид подошел и открыл окно.

— Спасибо, сеньор,— поблагодарил Хосе.— Признаться, я уже устал ползать на животе. Можно войти? — Не ожидая разрешения, он перелез через подоконник и прежде всего с удовольствием потянулся.— Меня зовут Хосе,— поклонился он.— Как вы, наверно, понимаете, сеньор, я представляю прессу — о, только косвенно!

— Нет, как раз этого я не понимаю.

— Видите ли, пресса никак не может связаться с вами. Вам нельзя никого видеть, нельзя ни с кем разговаривать, ну, хотя бы с джентльменом, которого я представляю. Кое-что я разузнал у одного человека, кое-что — у другого... Вы меня понимаете? Потом я пробрался к вам. Мне кажется, сеньор вовсе не собирается оставаться немым. Ему, наверно, хочется рассказать об аварии самолета, о том, как он плутал по джунглям, сколько горя хлебнул и как...— он взглянул на забинтованную ногу Рида,— как его укусил паук.

Рид сел на кровать и указал Хосе на стул, но тот остался стоять.

— Так удобнее,— улыбнулся он и посмотрел на дверь.— Вдруг мне придется покинуть вас несколько быстрее, чем хотелось бы!

— Сдается мне, Хосе, что ты самый настоящий жулик,— усмехнулся Рид.— Но, возможно, действительно можешь помочь мне.

— Я ваш покорный слуга, сеньор Каппелман.

Рид глубоко затянулся сигаретой и долго смотрел на Хосе. Что ж, этот человек, пожалуй, способен совершить доброе дело, но только с пользой для самого себя. После длительного раздумья Рид решился:

— Я вовсе не Каппелман.

Хосе не удивился, лишь развел руками.

— Прошу прощения, сеньор, но...

— Произошла ошибка. Моя фамилия Рид. Разве по моему выговору не заметно, что я никак не могу быть немцем?

— Сеньор — иностранец. По-испански вы говорите хорошо, разве что не очень быстро и с акцентом.

— С английским.

— Где уж бедному креолу разбираться в акцентах! Все они одинаковы, да и какое это имеет значение? Я помогаю своему другу, уж он-то знает толк в акцентах. Он американец.

— Американец?

— Да, сеньор.

— И живет в Лиме?

— Да, сеньор.

— А вы могли бы... Предположим, я захотел бы с ним встретиться.

— Проще простого,— улыбнулся креол.— Нужно только пойти со мной.

— Сейчас? Так поздно?

— Да.

— Невозможно.

— Ничего невозможного нет, сеньор. У вас неприятности, правда? Люди считают вас сеньором Каппелманом, а вы вовсе не Каппелман. Не рассердятся ли они, когда узнают об этом? Мой друг сеньор Ратман — очень влиятельный человек. Он работает в газетах, а газеты — это же большая сила. Мой друг сможет вам помочь, а раз так, вы должны с ним встретиться, понимаете?

— А почему бы ему самому не прийти сюда?

— Сеньор, вы же в больнице «Санта-Роза»! А больница эта секретная. Газетчика тут и на порог не пустят.

— Не больница, значит, а вроде бы тюрьма?

— Нет, сеньор, не тюрьма, я же говорю: секретное место. Те, кто попадает сюда, предпочитают помалкивать о себе.

Рид задумчиво поскреб подбородок. Во время болезни ему сбрили бороду, и это сильно изменило его внешность.

— Странно все это,— заметил он.

— Очень,— охотно согласился Хосе.

— Я имею в виду это место.

Хосе промолчал.

— Вот что,— продолжал Рид.— Я чувствую себя вполне сносно. Утром я уеду отсюда и навещу вашего друга Ратмана.

— Сомневаюсь, сеньор.

— Кто может меня задержать? — удивился Рид.— Я английский гражданин и могу пойти или поехать когда и куда угодно, если, конечно, не нарушил закона.

— В том-то и дело, сеньор. Только сегодня я слышал, что скоро начнется расследование причин катастрофы самолета, и вам придется давать показания. Для всех вы сеньор Каппелман, а вы говорите, что вы Рид. Неладно получается, правда? У вас есть какие-нибудь доказательства?

— Да, разумеется...— начал было Рид, но тут же умолк. У него действительно есть... бумаги Каппелмана и его паспорт.— В данное время доказательств у меня нет, но доказать, что я Рид, а не Каппелман, не так уж трудно, хотя на это потребуется, может быть, неделя.

— Ну, хорошо. Если вы сеньор Рид, тогда где же Каппелман?

— Мертв. Его убили индейцы.

— Вон оно что! — протянул Хосе, и Рид уловил в его голосе скептические нотки.— Герр Каппелман является... является очень важным человеком. У него есть... у него было много важных друзей.

— Меня это не интересует.

— Но бумаги сеньора Каппелмана оказались при вас.

— Я взял их, чтобы доказать...

— Что доказать?

Рид вскочил с койки.

— Довольно! Я передумал и никуда отсюда не пойду. Мне нечего скрывать и нечего бояться. Моя фамилия Рид. Каппелман для меня совершенно посторонний человек. У меня только его портфель.— Рид кивком указал на шкафчик.

— А что в нем?

— Откуда мне знать?

— Вы даже не заглянули в него? — удивился Хосе.

— Разумеется. Это не моя вещь.

— Но вы же захватили его с собой из джунглей.

— Я взял портфель и эмблему с фуражки одного из пилотов, поскольку не мог захватить с собой никаких других доказательств.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5, 6.

— С вашего разрешения, сеньор...

Хосе быстро распахнул шкафчик, вынул портфель и открыл его. Рид не спускал с него глаз.

— А это что? — спросил Хосе, извлекая жакет Розеллы.

— Жакет стюардессы Розеллы да Сильва.

— А где же она сама?

— Не знаю. Ее увели индейцы.

Хосе молча отложил в сторону жакет и вытряхнул на кровать содержимое портфеля. Рид с интересом смотрел на разбросанные по кровати вещи, еще хранившие, наверно, следы прикосновения человека, которого уже нет в живых. Там, в джунглях, он торопливо сунул в портфель, не заглядывая в него, бумажник Каппелмана, эмблему с фуражки и связку ключей. Как оказалось теперь, в портфеле была еще толстая записная книжка, перехваченная резинкой пачка документов, небольшая обложка, в которой обычно хранят фотографии и туристские чеки. Рид раскрыл ее. В ней оказалось два фотоснимка: темноволосая, довольно полная, но все же красивая испанка и юная девушка. Рид бегло взглянул на второй снимок, но тут же, не веря собственным глазам, принялся внимательно его рассматривать. В девушке с очаровательным личиком он узнал Розеллу.

— ...А я вам еще раз говорю: плохой он человек! — возбужденно твердила сиделка.— В портфеле у него женская одежда, на свою фамилию не хочет отзываться... По-моему, он убил эту Розеллу, и я требую известить полицию...

Сестра-хозяйка устало поднялась из-за стола и тяжело вздохнула.

— Очень уж вы мнительны, дорогая. Если сеньор Каппелман не желает встречаться с журналистами, нам надо называть его либо Ридом, либо другим именем, которое он выберет. У меня есть насчет него соответствующие распоряжения. Никого он не убивал, вы сами скоро убедитесь. Это очень важная персона, и ваша обязанность — заботливо ухаживать за сеньором Каппелманом, а не сплетничать о нем.

Слова сестры-хозяйки явно обескуражили сиделку. Она так надеялась, что в ее скучное существование наконец-то ворвалось что-то новое, необычное, что ей улыбнется счастье стать действующим лицом сенсационного происшествия...

— Как вам угодно, сестра,— нехотя согласилась она.— И все же странный у нас пациент. Каппелман... Рид... Женская одежда... Какая-то таинственность... Откуда вам известно, что он важная персона?

Не дожидаясь ответа, она повернулась и вышла.

— Ох уж мне эти молодые сиделки! — пробормотала сестра-хозяйка, закатывая глаза.— Подавай им всякие тайны, любовные романы — все что угодно, только бы не ухаживать за больными.

Она снова вздохнула и собиралась было вновь засесть за бумаги, как дверь комнаты с шумом распахнулась. Сестра-хозяйка больше не могла сдерживаться.

— Ну, знаете, моя милая! — сердито воскликнула она.— Это уж слишком...

— Герр Каппелман...— прервала ее сиделка,— герр Каппелман исчез!

Наступило молчание. Сестра-хозяйка не сводила с сиделки округлившихся глаз, а та не без злорадства добавила:

— Все-таки я была права! Он убил ее, потому и скрылся.

Ни тогда, ни позже Рид так и не мог понять, что заставило его решиться покинуть «Санта-Розу». Но как только Хосе вторично предложил ему покинуть больницу, он спросил:

— На это уйдет много времени?

— Совсем нет. А потом, если вам захочется, сможете вернуться. Только вряд ли захочется. Самое лучшее для вас — поселиться в гостинице «Фон Гумбольдт». Там вы можете встречаться с кем хотите — гостиница ведь не засекречена.

— То есть?

— Ну, там не то что в «Санта-Розе». Тут, в «Санта-Розе», люди появляются и исчезают. Иногда моему другу сеньору Ратману удается разнюхать, кто появился, а кто исчез, но редко. Я уже говорил: люди здесь избегают встречаться с газетчиками. «Санта-Роза» — нехорошее место. Может, тут все в порядке, а может, нет. Больницу охраняют. Почему? Зачем? Неужели так уж опасны здешние больные? Для кого они опасны?.. Нет, сеньор, что-то тут не так. И охранники, думаю, для того, чтобы любопытные не совали сюда свой нос. Но вы говорите...

— Я согласен пойти с тобой, но по-людски, через дверь.

— Не получится.

— Почему?

— Вы не можете уйти из больницы, не получив разрешения властей.

— Что?!

— Вы же свидетель, не забудьте.

— Да, да...

— Дирекция «Санта-Розы» отвечает за вас головой.

— Иными словами, я просто-напросто арестант?

— Может, да, а может, нет. Мой друг сеньор Ратман выяснит и скажет вам.

Рид испытывал не раздражение, а скорее растерянность. «Я должен повидать английского консула»,— подумал он. И вообще странно: до сих пор ни один чиновник какого-нибудь государственного учреждения не навестил его. Хорошо хоть, что он более или менее поправился. Нога уже почти зажила, мучившая его отвратительная слабость исчезла.

— Я должен одеться,— заявил Рид, направляясь к гардеробу.— Черт возьми! — воскликнул он, обнаружив, что его одежды нет. Впрочем, он тут же решил, что все равно не смог бы надеть костюм: после приключений в джунглях от него, наверно, остались одни лохмотья.— Придется, видимо, отправляться в пижаме и комнатных туфлях.

— Ничего,— ухмыльнулся Хосе.— У меня тут машина.

Рид собрал разбросанные по кровати вещи Розеллы и Каппелмана, сложил в портфель, надел туфли и халат.

— Я готов, Хосе. Как мы отсюда выберемся?

— С балкона спустимся на землю.

— Не могу. У меня в таких случаях всегда кружится голова. Постой...— Вспомнив проделки школьных лет, он снял с кровати обе простыни.— Хватит, если связать вместе?

— Вполне.

— Я привяжу один конец к балкону, спущусь на следующий балкон, а ты отвяжешь конец и сбросишь мне.

— Понятно. Я-то обойдусь и без простынь.

— Потом мы проделаем то же самое на нижнем балконе.

Рид связал простыни и вслед за Хосе вышел на балкон. Ночь выдалась холодная, и он вздрогнул. Благополучно достигнув земли и подождав Хосе, Рид зашагал вслед за ним. Тот, казалось, видел в темноте и уверенно привел своего спутника к пролому в стене. Но едва они оказались на улице, как где-то в больнице тревожным звоном залился звонок, и мгновение спустя вспыхнули прожектора, залившие все вокруг морем света.

— Быстро! — прошептал Хосе. Увлекая за собой Рида, он побежал к поджидавшему их «бьюику», водитель которого тоже слышал сигнал тревоги и уже завел машину. Они вскочили в автомобиль, и «бьюик» помчался по широкому шоссе, ведущему в Лиму.

Рид с облегчением откинулся на спинку сиденья, он уже почти не сомневался, что, покинув «Санта-Розу», избежал какой-то серьезной опасности.

— Кажется, ушли,— заметил он.

Вместо ответа Хосе наклонился к водителю и что-то сказал по-испански, но так быстро, что Рид не разобрал. «бьюик», словно пришпоренный, рванулся вперед.

— Можно, наверно, и не спешить так,— начал было Рид, но Хосе ткнул большим пальцем куда-то за спину. Рид взглянул в заднее окошечко и все понял.

— Машина у них что надо, ничего не скажешь,— проговорил Хосе,— но наша старушка не хуже. Да и такого водителя, как наш Франческо, еще поискать да поискать... Нет, не догонят они нас.

— Будем надеяться,— ответил Рид. «Кажется, я стал важной особой! — усмехнулся он про себя.— Но почему?»

Ответить на этот вопрос Рид пока не мог. Судя по тому, как хладнокровно посасывал Хосе свою неизменную сигарету, он и в самом деле не опасался погони. Зато Рид вздрагивал каждый раз, когда покрышки колес взвизгивали на резких поворотах. Достигнув города, Франческо свернул с главной автострады и все на той же немыслимой скорости стал петлять по лабиринту узких улочек. Машина с преследователями долго не отставала, но Хосе оказался прав: ее водителю было далеко до Франческо, а может, все объяснялось тем, что Франческо хорошо знал тут каждый переулок, каждую щель. Как бы там ни было, после одного поворота, такого крутого и стремительного, что у Рида все сжалось внутри, позади послышался пронзительный скрип тормозов, глухой удар и скрежет металла. Франческо резко сбавил скорость. Звуков погони уже не слышалось.

— Туда им и дорога,— пробормотал Хосе и перекрестился.

4

Ратман жил в огромном, густонаселенном доме на Авенидо Пасифико. Он снимал на седьмом этаже маленькую, плохо обставленную квартиру, однако она ему нравилась, особенно потому, что была вполне по карману. Оказавшись у себя, Ратман начал с того, что налил в стакан виски со льдом.

«Интересно, как там дела у Хосе,— подумал он.— Каппелман... Чем не тема для интересной статьи!..»

Он включил радио, но почти не слышал музыки, поглощенный своими мыслями. Расхаживая из угла в угол крошечной комнатушки, он пожалел, что не пригласил кого-нибудь на вечер — иногда он остро чувствовал свое одиночество.

Он поднес стакан с виски ко рту, но в эту минуту зазвонил телефон, и он торопливо снял трубку.

— Это ты, Хосе?

— Да, да, сеньор!

— Как дела?

— Есть новости, но не для телефона.

— Отлично. Давай встретимся в...

— Невозможно, сеньор. Только у вас на квартире. Со мной один человек.

Ратман усмехнулся.

— Понятно. Он сам, собственной персоной. Ну что ж, веди его сюда.

— Это трудновато.

— Трудновато?

— Да, сеньор. На нем только пижама и халат.

— Это еще что такое?! — изумился Ратман.

— У него не было другой одежды.

Ратман помолчал.

— Вот что,— заговорил он снова.— Ты знаешь вход в наш дом со двора? Знаешь? Вот и хорошо. Около него постоянно торчит привратник. Ровно через десять минут я позвоню ему по телефону, и, как только он скроется в своей конторке, проскальзывайте в дверь. Понятно?

— Понятно, сеньор.

Через десять минут Ратман позвонил привратнику и принялся жаловаться, что у него постоянно пропадают вещи из белья, доставляемого из прачечной,— весьма болезненная для них обоих тема. По скромным подсчетам Ратмана, терялось не менее одной вещи в неделю, привратник же клялся и божился, что никогда не дотрагивается до коробок с бельем. Ратман все еще внушал ему, что не брал на себя обязательств по снабжению нуждающегося населения Лимы бельем, когда в квартиру постучали. Бросив трубку, Ратман открыл дверь и увидел широко улыбающегося Хосе.

— Входи.

— Спасибо, сеньор. Это герр Каппелман.

— Рид. Моя фамилия Рид.

Ратман взглянул на своего нежданного гостя.

— Я вижу, вы так торопились, что не успели одеться,— заметил он, закрывая дверь.— Виски?

Рид хотел было отказаться, но передумал:

— Пожалуй. После того, что произошло сегодня вечером, глоток вина не помешает.

— Располагайтесь удобнее, пока я наливаю... Хосе, тебе налить?

— Спасибо, сеньор, мне пора уходить. Дела.

— Как хочешь. Встретимся потом.

Хосе поклонился Риду.

— До свидания, сеньор. Если вы решите вернуться в «Санта-Розу», сеньор Ратман не откажется отвезти вас. Но не думаю, что у вас

появится такое желание. «Санта-Роза» — дурное место, я слышал о нем много нехорошего. Моя тетка работает там кухаркой.

Он повернулся и ушел.

Ратман передал Риду вино и пододвинул стул.

— Для начала давайте договоримся о полной откровенности. Моя фамилия Ратман. Я журналист, не связанный с какой-нибудь определенной газетой или журналом.

— Понимаю.

— Все мы, конечно, слышали об аварии самолета, а вот ваше прибытие сюда почему-то держалось в тайне, хотя вскоре стало известно, что кто-то из пассажиров уцелел,— такие вещи скрыть просто невозможно.

Рид кивнул.

— Однако ваш приезд в Лиму явно пытались скрыть.

— Почему?

— Полагаю, вам лучше знать.

Рид покачал головой.

— Я был в таком состоянии, что вообще ничем не мог интересоваться.

— Допустим. А до этого?

Рид принялся внимательно рассматривать свой стакан с виски.

— Ну же,— поторопил Ратман.

— Ничего не знаю. Некоторое время я лежал без сознания, а когда очнулся, ко мне, к моему удивлению, обращались как к Каппелману. Моя фамилия Рид, по специальности я геолог. По поручению одной крупной лондонской фирмы я занимаюсь поисками редких минералов в разных странах. Не вижу, чем это может заинтересовать вас...— Он взглянул на собеседника и усмехнулся.— Нет, нет, уран тут ни при чем! Почему-то всегда думают, что геологи только тем и занимаются, что ищут уран.

Ратман отхлебнул виски.

— Ну хорошо. Ваша фамилия Рид... Должен сказать, это похоже на правду. Никакой Каппелман, как бы ни старался, не сможет выглядеть таким типичным лимеем [1].

— Спасибо за любезность.

— Не обижайтесь, я просто констатирую факт.

— Я и не обижаюсь, я беспокоюсь.

— О чем же? И к чему, кстати, этот маскарадный костюм?

— Сейчас все объясню. Вы уже, наверно, знаете, что мы вылетали из Лимы. Рядом со мной в кресле оказался какой-то полный пассажир, судя по всему, немец. Назвался Каппелманом.

— Он что-нибудь рассказывал о себе?

— Ничего. Зато о других пассажирах он, кажется, знал буквально все.

— Очевидно, ему пришлось затратить на это немало времени и труда!

— Возможно. Так вот, при аварии, насколько мне известно, уцелели только мы трое: я, Каппелман и стюардесса Розелла. Потом появились индейцы, и Каппелман ни с того ни с сего стал в них стрелять. На этом все было кончено.

— А дальше?

— Один из индейцев схватил меня и стиснул так, что я на некоторое время потерял сознание, а когда пришел в себя, Каппелман был мертв, а Розелла исчезла. Ее, видимо, увели с собой индейцы.— Рид протянул руку к портфелю.— Я захватил с собой портфель Каппелмана как единственное доказательство случившегося. Вот, взгляните.— Рид открыл портфель.— Это жакет Розеллы.

Ратман взглянул на портфель, на зеленоватые пятна плесени, испещрявшие коричневую кожу, и ощутил гнилостный запах — вечный запах джунглей.

— Ну, а дальше?

— Мне удалось добраться до реки, где меня и подобрали индейцы, видимо, уже другие. Больше ничего не помню. Кажется, меня кто-то укусил, я и теперь еще не совсем оправился.

— Вам повезло, это могла оказаться и гремучая змея.

— Не знаю, повезло ли... Я согласился встретиться с вами в надежде, что вы поможете мне разобраться, что, собственно, происходит.

— Не понимаю, о чем вы беспокоитесь,— пожал плечами Ратман, предлагая Риду сигарету.— Если вы Рид, доказать это не составит труда. Каппелман мертв. Катастрофа самолета произошла, разумеется, не по вашей вине. Конечно, вам, как очевидцу, придется давать показания, но и только. Потом вы отдадите портфель Каппелмана властям и вернетесь к своей работе.

— А Розелла?

— Ну, ее еще, возможно, найдут,— не слишком уверенно ответил Ратман.

— Как же в таком случае объяснить сегодняшние события? Ведь за нами была организована самая настоящая погоня.

— Погоня?

— Вот именно. Ваш друг Хосе уговорил меня бежать из «Санта-Розы». Кто-то обнаружил мое исчезновение, и за нами погнались. Преследователи не настигли нас только потому, что потерпели аварию.

— Я слышал разные истории о «Санта-Розе», но, насколько мне известно, там еще никого не держали насильно. Вот тут-то и начинается самое странное. В больнице определенно считают, что вы Каппелман...

— Я сказал сиделке, что моя фамилия Рид.

— И она поверила?

— Не думаю... Все дело в портфеле. Сожалею, что он попался мне на глаза...

— Гм... И вот когда Каппелман исчезает...— Ратман замолчал, обдумывая какую-то мысль, потом быстро взглянул на Рида.— Черт возьми! Это же так просто! Администрация решила, что вас похитили.

— Похитили? Меня? — удивился Рид.

— Ну да! На вас же только халат и пижама. В больнице не сомневаются, что вас украли.

— Почему?

— Не берусь гадать. А знаете, Рид, за всем этим что-то скрывается. Кто такой Каппелман?

— Понятия не имею. Сиделка, кажется, решила, что это я убил Каппелмана и Розеллу. Или, наоборот, Рида и Розеллу. Уверен, что она собиралась поднять шум.

— Оставьте в покое сиделку! Кто-то все еще считает вас Каппелманом, если, конечно, не...— Он снова помолчал.— А что в этом портфеле, кроме жакета Розеллы?

— Какие-то документы, бумаги.

— Вы их просматривали?

— Нет.

— Сейчас самое подходящее время посмотреть. Не возражаете?

— Пожалуйста.

Ратман открыл портфель и высыпал на кровать его содержимое. Жакет он отложил в сторону, взял обложку с фотографиями, открыл ее и одобрительно присвистнул.

[1] Презрительное прозвище англичан, распространенное среди американцев.

— Это Розелла,— пояснил Рид.

— Что?!

— Это, говорю, Розелла.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Но как ее снимок попал к Каппелману? Они и раньше были знакомы?

— Скорее всего, и да и нет,— поколебавшись, ответил Рид.— У меня сложилось впечатление, что Каппелман много разъезжал. Розелла, несомненно, встречала его и прежде, как, возможно, встречали и другие стюардессы.

— Ну, разгадать эту загадку будет нетрудно. А это что?

Рид взглянул на небольшой бумажник из замши.

— Не знаю, не обращал внимания.

Ратман открыл бумажник и встряхнул его над ладонью. Некоторое время он молча рассматривал какой-то поблескивавший предмет, потом со словами «Взгляните-ка!» перебросил его Риду. Это оказался не то медальон, не то медаль. С одной стороны была выгравирована голова юноши в венке, другая была гладкой.

— Что это, по-вашему? — спросил Ратман.

— Не знаю, но похоже на голову греческого юноши.

— Ну и ну! Лимей и есть лимей. Не считайте меня совсем уж невеждой. Я и сам вижу, что изображение выполнено в греческом стиле.

Он усмехнулся с таким добродушием, что сразу обезоружил готового было вспылить Рида.

— Медальон, если я не ошибаюсь,— заговорил Рид,— сделан из золота девяносто шестой пробы.

— Да? Вы геолог, вам виднее. Дайте-ка мне.

Рид вернул медальон Ратману, и тот, вынув из ящика письменного стола большое увеличительное стекло, включил яркую настольную лампу и склонился над медальоном.

— Подойдите сюда,— попросил он через некоторое время,— и скажите, что вы видите.

Рид посмотрел через лупу и должен был признать, что гравировка выполнена превосходно — даже при сильном увеличении линии не теряли своей четкости и непрерывности. Рассматривая венок на голове юноши, он вдруг воскликнул:

— Oro!

— Вы чем-то удивлены? — поспешно спросил Ратман.

— Да, тем, что венок сделан из фашистских свастик! — ответил Рид, продолжая разглядывать медальон сквозь лупу.

— Правильно.

— Только концы свастик расположены в обратном направлении.

— Знакомый мотив?

— Еще бы!

— И что вы теперь скажете?

— Видимо, кое-кто из немцев вновь вынашивает определенные замыслы.

— Вероятно.

— Но, может, ничего опасного они не...

— Перестаньте! Я бы согласился с вами, если бы не знал так хорошо психологию некоторых немцев. Капитулировала Германия, но нацизм не капитулировал. Свастики... Каппелман... «Санта-Роза»... Нет, никак это не может не быть опасным. Уже давно Южная Америка привлекает внимание немцев.

— Ну, ко мне это никакого отношения не имеет.

— Вернее, не имело. А теперь имеет, и самое прямое. Можно не сомневаться, что люди, знавшие Каппелмана, знают все, что связано с медальоном, и постараются не допустить, чтобы об этом знал кто-нибудь другой. Это означает прежде всего, что мы с вами теперь «меченые» люди.

— И угораздило же меня попасть на один самолет с Каппелманом! — с горечью воскликнул Рид.

— Теперь мы с вами в одной лодке,— продолжал Ратман.— Как только они узнают о нашей встрече, за мной начнется такая же охота, как за вами. Но я не стану хныкать, последнее время я жил довольно-таки скучно. Если бы только мне узнать, кем был наш друг Каппелман, чем занимался!

Он замолчал и усиленно задымил сигаретой.

— Наш друг Каппелман,— вновь заговорил он некоторое время спустя,— унес с собой на тот свет очень важные секреты.

— Индейцы убили Каппелмана,— задумчиво произнес Рид, не сводя глаз с золотого медальона,— а теперь вот кто-то добирается до меня.

— Может, в этих документах мы найдем ответ на вопрос о том, кто так настойчиво охотится за вами,— сказал Ратман, снимая резинку с пачки бумаг.— Пододвигайтесь ближе, Рид. Быстро нам не управиться.

И действительно, прошло не меньше часа, прежде чем они прочитали последний лист.

— Ну? — посмотрел Ратман на Рида.

— Ума не приложу, в чем тут дело...

— Если я правильно понял, все документы касаются операций подлинной торговой фирмы «Сьерра корпорейшн», занимающейся импортом различных товаров в Южную Америку. Я знаю эту фирму, она пользуется довольно солидной репутацией. Может, Каппелман работал в ней коммивояжером?

— Тоже мне коммивояжер!

— Пожалуй, вы правы. А если предположить, что он одновременно занимался торговлей, например, сбывал золотые медальоны?

— Не знаю, что и думать... По правде говоря, все это так далеко от того, чем я занимаюсь.

— Понимаю, детектива из вас не получится. Однако возможно, что еще до того, как мы разгадаем все эти загадки, с вас слетит вся ваша чопорность.

Рид вновь почувствовал раздражение. «Я вовсе не какая-то там мелкая газетная рыбешка! — подумал он.— Почему, черт возьми, я должен беспокоиться? Пусть он, если хочет, разбирается без меня...»

— И все же его дневник, особенно фамилии, которые в нем упоминаются, определенно заслуживает внимания,— продолжал Ратман, не обращая внимания на хмурое лицо Рида.— Вы только взгляните: политики, банкиры, крупные бизнесмены, несколько высокопоставленных военных, владельцы газет, издатели... Что, по-вашему, это может значить?

— Откуда мне знать?

— А вот я постараюсь узнать.

— Ратман, а вы не подумали, что растревожите осиное гнездо? Почему бы нам не забыть всю эту историю? Давайте сожжем бумаги, выбросим медальон, а я сяду на первый же самолет и улечу из Лимы.

— Это означало бы, что вам здорово повезло, Рид. Вы же теперь «меченый». Вы нужны властям как очевидец катастрофы, ну, а банда из «Санта-Розы», видимо, считает, что вы должны тихонечко жить у них в больнице в роли всем довольного пациента... Я достану для вас одежду и все необходимое. У меня здесь большие связи, я постараюсь навести кое-какие справки, а вы пока отлеживайтесь. Власти Лимы, конечно, поднимут скандал, как только узнают о вашем исчезновении, но ваши друзья из «Санта-Розы», как мне кажется, не будут торопиться поставить их в известность. Им не составит особого труда оттянуть огласку на несколько недель, сославшись на состояние вашего здоровья. Здесь вообще не принято спешить, официальное же расследование причин катастрофы начнется не раньше, чем в джунглях будут найдены обломки самолета, а это долгая песня. Тем временем я с вашей помощью постараюсь собрать необходимые данные, чтобы выступить в открытую. Если же наша затея окажется пустым номером... Что ж, тогда заново рассмотрим и оценим обстановку.

«А в самом деле, что я теряю?» — подумал Рид, однако вслух сказал:

— Хорошо, я согласен побыть здесь, но недолго.

— Прекрасно. Спать можете вот на этом диване — очень удобное ложе.

— А как с обслуживающим персоналом — с уборщицей, слесарями, полотерами, если они явятся? Как уберечься от их любопытства?

— Вас тут никто не знает. Я скажу, что вы мой дальний английский приятель по фамилии... по фамилии Фотирингей и что вы приехали раскапывать руины...

— Фотирингей? Странная фамилия.

— По-моему, старинная английская. Я встречал ее в какой-то книге.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ан. Горский.

ТЭГРЫНЭ — МЕТАТЕЛЬНИЦА ГАРПУНА

Уже не первый раз уводит читателя известный чукотский писатель Юрий Рытхэу в свои родные, заповедные, тундровые края. И в новой повести он не изменил им. Повесть «Метательница гарпуна» от первой до последней страницы посвящена этим окраинным местам нашего Севера, любопытным судьбам некоторых здешних коренных жителей и еще — явно пристрастному описанию незаурядного жизненного пути Марии Тэгрынэ. Тэгрынэ и означает в переводе с чукотского — метательница гарпуна. Автор сразу берет, скажем так, возвышенный тон: он любуется своей героиней, сам не скрывая того. Однако это не мешает Ю. Рытхэу выписать жизненно-правдивый и впечатляющий, колоритный и привлекательный образ чукотской женщины, которая с полным правом может вот так размышлять о себе:

«Собственно, кто я такая? Дочь бывшего кулака?.. Так ведь я его никогда не видела! Родители мои те, кто пятьдесят лет пролежал в вечной мерзлоте, кто смотрел широко распахнутыми глазами в осеннее небо, и снежинки не таяли на зрачках... Мои отцы и Тэвлянто, и Отке, и Тэгрынкеу — все, кто строил на Чукотке новую жизнь, за которую теперь мы в ответе, и нет такой силы, что могла бы заставить нас отстраниться от нее, этой ответственности, превратиться в простых наблюдателей. Так уж нас воспитали, так учили в школе, в педучилище, этом чукотском университете, на работе в комсомоле. И такими вырастили...»

Именно эта преемственность лучшего, передового, революционного, идущая от первых чукотских ревкомовцев, пятьдесят лет назад расстрелянных здешними богатеями и упрятанных ими в вечную мерзлоту, поддержанная первым чукотским депутатом Верховного Совета СССР Тэвлянто, который в свое время спас от смерти маленькую Марию, и стала основной чертой в характере Тэгрынэ.

Недаром же Ю. Рытхэу начинает свою повесть с драматической и траурно-торжественной сцены похорон первых ревкомовцев, пролежавших в вечной мерзлоте полвека, которым ныне будет воздвигнут достойный памятник. В этих похоронах участвует и Мария.

Характерно, что мать Тэгрынэ и саму Марию, которых выгнал из яранги их муж и отец, крупный оленевод Гатле, спасает от гибели депутат Тэвлянто. Право же, эпизод преследования обессилевшей матери с ребенком за плечами голодным волком, готовым при первом же падении намеченной жертвы наброситься на нее, выглядит трагедийно-впечатляющим.

Выразительны последние страницы повести: бывший кулак Гатле приходит на глазах своей дочери, ставшей видной деятельницей Чукотки, просить пенсию по старости у представителей Советской власти, врагом которой он когда-то был.

Перед нами пока что журнальный вариант повести «Метательница гарпуна». Думается, что при подготовке отдельной книжки Ю. Рытхэу еще будет вносить в нее некоторые изменения. Иные из них как бы напрашиваются уже сейчас. Они прежде всего касаются образа главной героини. Обрисовав ее как незаурядную общественную деятельницу, наделив женственностью и обаянием, автор, к сожалению, излишне драматизировал ее личную судьбу.

Очень уж близкой и симпатичной для читателя становится Мария Тэгрынэ — метательница гарпуна, поэтому и хочется ее видеть не только достойной большого личного счастья, но и добившейся его.

Олег ЗВЕРЕВ

Юрий РЫТХЭУ. Метательница гарпуна. Повесть. «Знамя», 1971 г., №№ 11, 12.

Золотой медальон

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Дежурный администратор гостиницы «Фон Гумбольдт» взглянул на Корта без всякого интереса. Этот худой и бледный англичанин был, несомненно, человеком серьезным, во всех отношениях солидным, и администратор по опыту знал, что людям этой категории редко требуются какие-либо деликатные услуги, за которыми обычно следует щедрое вознаграждение. Он вручил Корту ключ от номера, вызвал коридорного и сразу забыл о приезжем, занявшись своими обычными делами.

Из окна номера, отведенного Корту, открывался прекрасный вид на город. Был вечер, и крест на соборе Сан-Кристобаля уже сиял яркими огнями. Казалось, он говорил о набожной и целомудренной жизни обитателей города, но это впечатление мигом рассеивалось, стоило оказаться на огромной площади перед гостиницей, где по соседству с красивым памятником Сан-Мартину пристроились многочисленные кафе, ночные клубы и прочие злачные заведения.

Приняв душ и сменив костюм, Корт набрал номер телефона и стал терпеливо ждать. Он много и часто путешествовал и хорошо знал, что порядки и стандарты одной страны вовсе не обязательны для других. Наконец на противоположном конце линии подняли трубку.

— «Санта-Роза»?

— Да, сеньор.

— Мне нужен доктор Раух.

— Извините, сеньор, но доктор Раух...

— Немедленно позовите доктора Рауха. Передайте, что звонит Корт.

Тон его голоса не изменился, но телефонистка в больнице поняла, что разговаривает с человеком, привыкшим распоряжаться, и робко ответила:

— Сию минуту, сеньор.

Прошло еще немного времени, и в трубке послышался мужской голос.

— Это вы, Раух? Говорит Корт.

— Корт? Д. К.?

— Да.

— К сожалению, сеньор Корт, у меня для вас плохие новости.— Врач не пытался скрыть свое волнение.

— Что такое?

— Каппелман...

— Да, да?

— Исчез.

— Исчез? Объясните, что произошло. Я хочу знать подробности.

— Все получилось так нео...

— Не по телефону! Я остановился в гостинице «Фон Гумбольдт». Приезжайте немедленно!

— Слушаю, сеньор. Сейчас же выезжаю.

Корт медленно положил трубку. Вот уж чего он не ожидал! Действительно ли его дела в Лиме будут так несложны, как казалось вначале? Он вышел на балкон и долго смотрел на расстилавшуюся перед ним площадь Сан-Мартина, на ее ключом бьющую жизнь. К востоку от города лежали мрачные, безжизненные горы Сьерры, а за ними безгранично раскинулись самые большие в мире джунгли.

5

Весь день Корт был очень занят. В номере у него побывало много посетителей, и после осторожных расспросов он установил ряд бесспорных фактов. Он знал, что Каппелман мертв; что Рид не вернулся в «Санта-Розу»; что портфель Каппелмана находится у Рида. Он знал также, что человек или люди, устроившие побег Рида из «Санта-Розы», кто бы они ни были, умны и решительны. Все это его тревожило. Надо было кончать с этим делом, и как можно скорее. Он и мысли не допускал, что может потерпеть неудачу. Все сводилось к одному: никто не должен знать, что Каппелман мертв. О чрезмерно любопытной сиделке из «Санта-Розы» уже позаботились, регистраторшу — весьма неумную женщину — устранили. На остальной обслуживающий персонал можно было положиться: люди прошли специальный тщательный отбор; их отучили высказывать собственные мысли, а тем более сомневаться. Сестра-хозяйка получила основательную головомойку за то, что без предварительного согласия доктора Рауха приняла на работу новую сиделку, оказавшуюся такой любознательной.

Задача состояла в том, чтобы найти Рида еще до того, как он разберется в содержании бумаг, оставшихся в портфеле Каппелмана. Корт снял трубку телефона.

— Соедините меня с английским посольством,— распорядился он.

Рид, несомненно, должен связаться с посольством. За эти последние часы Корт успел по телеграфу послать в Лондон соответствующий запрос и теперь многое знал о Риде. Он не сомневался, что такой положительный и уравновешенный человек, как этот англичанин, находясь в заграничной командировке, обязательно свяжется со своим посольством, особенно после всего случившегося.

Из посольства ответили, что лицо, которым он интересуется, на вечеринке. Корт попросил номер телефона и уже через несколько минут разговаривал с тем, кого разыскивал.

— Это вы, Джилингхем?

— Да. Кто это?

— Говорит Корт.

— Д. К.?

— Вот именно.

— Я думал, вы в Лондоне!

— Я был там, но меня направили сюда.

— По делу Каппелмана?

— Правильно.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Вероятно.

— Каким образом?

— Вы можете разговаривать, не опасаясь, что вас подслушают?

— Соблюдая известную осторожность, да.

— Так вот. Некто по фамилии Рид, повторяю: Р и д,— попытается связаться с посольством. Он сообщит вам, что его по ошибке приняли за Каппелмана и отправили в «Санта-Розу». Как только он попадет в поле вашего зрения, немедленно известите меня.

— Опять «Санта-Роза»! Знаете, Корт, это место начинает приобретать весьма нелестную репутацию.

— Это моя забота, делайте, что вам сказано.

— Какой тон, Корт! Я не мальчик на побегушках.

— Вам начинает изменять память, Джилингхем. Возможно, Лима — слишком спокойное место? Вы были предоставлены самому себе, но из этого вовсе не вытекает, что мы о вас забыли. Как вы смотрите на перевод в менее привлекательный город?

— Извините, пожалуйста,— спохватился Джилингхем.— Я вовсе не хотел...

— Вот и прекрасно. Наш лозунг — сотрудничество и помощь, Джилингхем... Кстати, как ваш сын?

— Спасибо, хорошо.

— Говорят, он неплохо учится?

— Не могу пожаловаться.

— Мы всегда помним о сыновьях наших бывших студентов, особенно хороших.

— Да, да!

— Он, кажется, выражает желание специализироваться по праву?

— Вы не ошиблись.

— Прекрасно. Может, с нашей помощью он станет самым молодым судьей в Англии, а? Поощряйте его в этом направлении, Джилингхем. Я в любое время устрою вам длительный отпуск, и тогда вы и ваша очаровательная жена сможете провести лето вместе с ним. Постарайтесь только не испортить его! После «Спарты» даже горячая ванна может показаться ему декадентской роскошью... Но вернемся к главному. Не забудьте предупредить ваших сотрудников, что с Ридом, как только он появится, будете говорить вы, и никто другой. Передайте ему, что власти уведомлены о том, что он Рид, а не Каппелман, и как только закончится расследование катастрофы, его отпустят на все четыре стороны.

— А что на самом деле известно перуанским властям?

— Ничего. Рид для них Каппелман — пусть Каппелманом и останется.

— Ясно.

— Ну, а теперь, Джилингхем, желаю вам хорошо повеселиться. Только не забывайте, что на вершине дерева оказаться, конечно, неплохо, но терять равновесие не следует — опасно...

Корт положил трубку. Итак, один путь закрыт. Теперь нужно заняться аэропортом. Здесь он попросил к телефону некоего чиновника и коротко сообщил, что от того требуется. Чиновник заверил, что Рид не получит места ни на один самолет. Закончив деловую часть разговора, Корт осведомился у чиновника о трех его сыновьях. Чиновник ответил, что с ними все в порядке, они с удовольствием проводят время в «Спарте».

— При местном климате жить в «Спарте» и в самом деле одно удовольствие,— заметил Корт.— Для наших североевропейских школ

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—7.

большой помехой служит суровая зима. Но «Спарта» не место для слабых и хилых, знаю по собственному опыту. Вот и здесь, у вас, вы можете и должны устраивать студентам испытания в горах.

— Я... я знаю, сеньор,— слегка заикнулся чиновник.

— Еще бы не знать! У меня хорошая память. Один ваш сын умер в горах, но у вас еще трое...

Корт сделал все для того, чтобы Рид не смог покинуть город ни по воздуху, ни морем, ни сушей, и лишь после этого с облегчением откинулся на спинку кресла. Рид оказался в Лиме, как в западне. Оставалось найти его и обезвредить.

Хосе валялся на соломенном матрасе, посасывал сигарету и тоже обдумывал последние события. Ратман хорошо заплатил ему, однако Хосе считал, что может заработать еще больше. Человек, называвший себя Ридом, им и был в действительности. Каппелман мертв, и это тоже не вызывало сомнений. Однако Каппелман тем не менее жив, во всяком случае, официально.

Хосе снова взглянул на газету, где сообщалось о прибытии в Пакину группы для поисков разбившегося самолета. В той же статье упоминалось, что герр Каппелман находится в «Санта-Розе» и поправляется после мучений, пережитых во время блужданий по джунглям. Расследование причин катастрофы начнется в ближайшие дни. В газете многословно доказывалось, насколько надежны пассажирские самолеты, вылетающие из Лимы. Хосе презрительно сплюнул. Он предпочитал путешествовать пешком, или на машине, или на осле. Ни один из этих способов передвижения его до сих пор не подводил.

Было три часа дня. Хосе нахлобучил сомбреро и отправился по делам. Шофер все того же старого «бьюика» предложил подвезти его, и Хосе согласился.

— Ну что? — спросил Хосе, как только машина тронулась.

— Один погиб на месте, двое тяжело ранены и вряд ли выживут.

— Дальше.

— В городе появился новый человек, звонивший в «Санта-Розу». Он добивается, чтобы случай в больнице не получил огласки.

— Как зовут этого странного сеньора?

— Корт.

— Где он остановился?

— В гостинице «Фон Гумбольдт».

— Что еще?

— На телефонной станции у меня только одна приятельница, и она сменилась сразу же после этого звонка.

— Как выглядит сеньор Корт?

— Высокий и худой, с двумя маленькими старыми шрамами на щеке. Хорошо говорит по-испански.

Хосе пожевал сигарету.

— Покажешь его. Не будет же он все время сидеть в гостинице. Наблюдай и сообщай мне. Я буду в кафе «Анды».

Корт провел сиесту за составлением докладной записки. Запечатав конверт, он вручил его дежурному администратору для отправки и вышел на улицу подышать свежим воздухом.

Поток гуляющих увлек его к Хирон де ла Юнион. Индейцы предлагали ему безделушки, сводники превозносили достоинства девушек, услугами которых он мог бы при желании воспользоваться, уличные фотографы забегали перед ним со своими аппаратами. Внимание Корта привлек смуглый курчавый человек. Он все время держался на почтительном расстоянии, но явно старался не упускать его из виду. Впрочем, Корт не удивился: он знал, что за ним всегда ведется слежка. «Какой-нибудь холуй нашего дорогого покойного Каппелмана!» — подумал он.

Корт уже миновал площадь и шел по узкой улице, когда человек нагнал его.

— Тысяча извинений, сеньор, но мне поручено передать вам одно предложение.

— Что ж, передавайте.

— Вы разыскиваете одно лицо, не так ли?

— Я не отвечаю на вопросы.

— Прошу прощения, сеньор, но если вы действительно разыскиваете одно лицо, я могу свести вас с человеком, готовым сообщить вам интересную новость.

— Почему это должно меня интересовать? У каждого есть какие-нибудь новости.

— Речь идет об авиационной катастрофе.

— С моим самолетом ничего не произошло. Повторяю, меня не интересует...

— Минуточку, сеньор. Этот человек разговаривал с единственным пассажиром, оставшимся в живых.

— В таком случае ему лучше всего продать свою новость какой-нибудь газете.

— Возможно, в конце концов он так и сделает. Пока же он считает, что сможет продать ее вам на более выгодных условиях. Он поручил мне назвать одну фамилию: Каппелман. Мне-то, сеньор, она ровным счетом ничего не говорит.

— Разумеется, разумеется...— Корт лихорадочно размышлял.— А знаешь,— заговорил он после паузы,— пожалуй, меня может заинтересовать эта новость. Где твой человек?

— В кафе «Анды». Взгляните, он сидит за столиком в углу.

— Вон тот, с сигаретой во рту?

— Он самый.

— Хорошо, я подойду и сяду за его столик.

— Что вы, сеньор! Это кафе вовсе не для такого джентльмена, как вы!

— Где же мне с ним поговорить?

— Если не возражаете, в моем магазине.

— В магазине?

— У меня есть небольшой, но вполне приличный магазинчик. Вы найдете в нем изумительную коллекцию антикварных вещей, редкие драгоценные камни, чудесные кольца и ожерелья, старинные кинжалы и табакерки, самые разнообразные...

— Не интересуюсь.

— Понимаю, сеньор, понимаю. Но в моем магазине есть еще отдельная комнатка со столом и удобным креслом. В ней сеньор может спокойно пить кофе или что-нибудь другое, курить и беседовать... Так могу я предложить вам мой скромный дом?

— Можешь. Да поживей приведи туда этого... с сигаретой.

— Он уже пошел туда, сеньор.

Идти пришлось совсем недолго, и вскоре они оказались у двери небольшого, с неосвещенной витриной магазинчика. Навстречу им вышла девушка.

— По частному делу,— бросил ей ювелир.— Не выпьете ли для начала кофе, сеньор?

— Чаю.

— Подай,— распорядился ювелир.— Прошу за мной, сеньор.

Открыв массивную деревянную дверь, они прошли в маленькую, довольно уютно обставленную комнату.

— Я схожу за моим другом,— сказал ювелир.— Сейчас вам подадут чай.

Он указал Корту на кресло и вышел.

Корт осмотрелся. Единственное оконце под самым потолком было забрано прочной решеткой. Он пожал плечами и проверил, легко ли вынимается пистолет из потайного кармана под левой подмышкой.

Через несколько минут появился Хосе. Он снял сомбреро и поклонился.

— Сеньор Корт?

— Да, я Корт.

— Хосе к вашим услугам, сеньор.

— Садись. Сейчас мне принесут чай. Ты, конечно, предпочитаешь кофе?

— Я не пью чай.

Хосе уселся напротив Корта. Девушка принесла чай, и Хосе распорядился, чтобы она подала ему кофе.

— Вы, кажется, хотели что-то рассказать мне? — начал Корт.

— Я? Знаете, сеньор, я бедняк, и такому американцу, как вы...

— Я англичанин.

— Вот как? Я знаю еще одного англичанина.

Хосе глубоко затянулся сигаретой. Корт маленькими глотками отпивал чай.

— Я с удовольствием выслушаю твой рассказ об англичанине,— улыбнулся он.— Я здесь человек новый, и мы, возможно, подружились бы с ним.

— Так-то оно так, да уж больно он робкий и застенчивый, не очень-то идет на новые знакомства.

— Но с тобой-то он познакомился!

— Со мной да.

Корт снова отпил глоток чая.

— Что ж, тогда, быть может, не станем беспокоить моего застенчивого земляка. Я и сам не намерен навязываться кому-то со своей дружбой.

— Вы очень любезны, сеньор Корт.— Хосе выпустил струю дыма.— Но, по-моему, вы могли бы убедиться, что английский сеньор — любопытная фигура. Он располагает такой обширной информацией...— Хосе помолчал, долго смотрел в потолок и медленно повторил:— ...Такой обширной информацией.

— Вполне допускаю, что он и в самом деле фигура любопытная. Однако я очень занятой человек и не могу тратить время на поиски твоего друга.

— Жаль.

Корт кивнул.

— Но, как мне кажется,— продолжал Хосе,— не так уж будет трудно устроить вашу встречу, предоставить вам возможность поболтать с ним.

— Это лучший выход из положения,— согласился Корт.— Берешься устроить?

Хосе передвинул сигарету из одного угла рта в другой.

— Но понимаете, сеньор, я ведь тоже человек очень занятой.

— Конечно, конечно! Время — деньги.

— Вы умный человек, сеньор.

Корт вынул из кармана бумажник. Выражение лица Хосе не изменилось.

— Я готов заплатить тысячу солей за возможность поболтать с сеньором Ридом.

— С Ридом? С сеньором Ридом?! Но я не знаю никакого сеньора Рида! Кто он? Правда, я знаком с одним англичанином. Его фамилия... его фамилия... Дайте припомнить...

— Тысячу пятьсот.— Корт начал отсчитывать банкноты.

— У меня плохая память на фамилии, сеньор...

— Две тысячи.

— Вы меня смущаете... Рид? — Хосе покачал головой.— Возможно...

— Три тысячи.

— Моя память...

— Четыре тысячи.

— Я начинаю что-то припоминать...

— Больше четырех тысяч эта встреча не стоит.

— Четыре?.. Минуточку... Как вы сказали? Рид? Мать пресвятая богородица! Ну как я мог забыть! Конечно, Рид. Он даже похож на вас — высокий, худой и такой же благородный джентльмен...— Хосе взял деньги со стола.— Я устрою вам встречу, это совсем просто. Мне будет так приятно сказать: «Сеньор Рид, вот ваш земляк сеньор Корт. Он хочет о многом переговорить с вами».

— Сведи нас поскорее.

— Не беспокойтесь, вам не придется долго ждать.

Корт поднялся. Хосе хлопнул в ладоши, и на пороге появилась девушка.

— Проводи сеньора на улицу,— распорядился он.— До свидания, сеньор. Мы еще встретимся, и очень скоро.

Корт кивнул и вышел.

В комнате сразу появился ювелир.

— Ну как? — спросил он.

— Обделал маленькое дельце.

— Не нравится мне этот тип. Сразу видно — плохой человек. Не спускай с него глаз, Хосе.

Корт был удовлетворен ходом событий. Если дело и дальше пойдет так, Рид вскоре вновь окажется в «Санта-Розе».

— Вам письмо, сеньор,— сообщил дежурный администратор, как только Корт вошел в гостиницу.

Корт вскрыл конверт, пробежал глазами вложенную в него записку и нахмурился. Поднявшись к себе в номер, он тут же позвонил директору международной телефонной станции Лимы.

— Это вы, Малер?

— Да. Кто говорит?

— Корт. Д. К.

— Прекрасно. Получили мою записку?

— Только что прочел.

— Некто по фамилии Ратман развил бурную деятельность, собирает справки на различных лиц.

— Догадываюсь, каких именно. И что же?

— Меня это заинтересовало. Я затребовал список всех его междугородных разговоров. Оказывается, этот тип уже звонил в Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Оттаву своим дружкам-газетчикам. Он явно что-то заподозрил, Корт!

— Откуда, черт бы его побрал, он узнал фамилии?

— Понятия не имею.

Корт щелкнул пальцами.

— Ну, ничего. Кажется, я догадываюсь.

— Что я должен делать?

— Напугайте его.

— Основательно?

— Не очень. Так, чтобы не поднял шума.

— Понятно.

Корт положил трубку. Теперь он знал, где Рид, но решил ничего не предпринимать. Пока. «Пусть Хосе отработает полученные деньги,— подумал он.— А Ратманом я займусь позже».

Рида томило вынужденное безделье. Прошло уже три дня, как он скрылся из «Санта-Розы» и Ратман начал собирать информацию о лицах, упоминавшихся в бумагах Каппелмана. Журналист позвонил коллеге в Каракас и попросил навести справки о Розелле. «Мой приятель быстро разберется там, что к чему,— объяснил он Риду.— А здесь, в Лиме, вся черновая работа ложится на мои плечи, так что, возможно, мне придется подолгу отсутствовать».

Началось утомительное ожидание. Рид развлекал себя тем, что часами слушал радио, пополняя свои познания в испанском языке, или глазел из окна, выходившего на маленький скверик. Теперь он знал в лицо почти всех жильцов соседних домов. Но это не избавляло его от скуки. Он все больше склонялся к мысли, что зря последовал совету Ратмана и согласился замуровать себя в этих четырех стенах. Иногда он доставал снимок Розеллы и подолгу смотрел на него. Фотограф снял девушку анфас, и она не сводила с него взгляда, как бы он ни поворачивал снимок. На память ему приходили события, пережитые после катастрофы, и он вновь ощущал беспомощность, когда представлял себе беспредельность джунглей. Да, Розелла осталась там, и найти ее на дне этого зеленого, вечно сумеречного океана, наверно, так же трудно, как в космосе...

Рид спрятал снимок в нагрудный карман и долго смотрел на лежавший перед ним сквер. Было около восьми вечера. Обычно в это время возвращался с продуктами Ратман. Как правило, продукты были хорошие, а новости плохие.

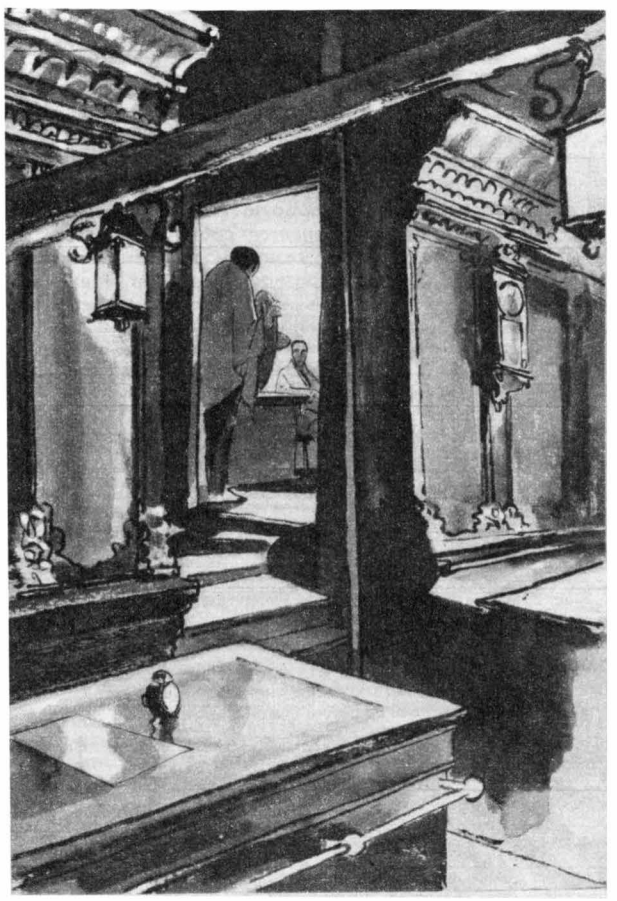
— Я ничего не могу узнать о Каппелмане,— пожаловался как-то Ратман.— Никто о нем не слышал. Во всяком случае, так мне отвечают. Ни в архиве «Пресс ассошиэйшн», ни в местных газетах о нем нет ни слова, если не считать простого упоминания в сообщениях об аварии самолета. Когда он приехал в Южную Америку? В архивах иммиграционных учреждений Перу, Аргентины, Бразилии, Панамы, Гайаны и Чили он не значится. Никаких сведений о его прибытии в эти страны нет. Он не турист и не иммигрант, его имени нет среди тех, кто родился здесь, в Перу. Иммиграционные власти США и Канады категорически утверждают, что он им совершенно неизвестен.

— Выходит, он вообще не существует?

— Выходит.

— Значит, я не одинок в такой роли.

— И в то же время, хотя Каппелман официально и не существует, газеты пишут о нем как об единственном уцелевшем при катастрофе пассажире. Когда я обращаю внимание на это обстоятельство и говорю: он уцелел,



следовательно, он существует и, следовательно, кто-то знает о нем больше, чем только его фамилию,— мои собеседники словно лишаются дара речи. Может, он бразилец, может, аргентинец, кто знает? При расследовании все это должно выясниться.

— А вы были в «Санта-Розе»?

— А как же! Но меня немедленно выпроводили под тем предлогом, что Каппелман все еще болен и видеть его нельзя. Будем ждать результатов официального расследования.

— Вы, очевидно, становитесь довольно популярной личностью.

— Пожалуй, даже слишком. Вчера вечером кто-то пытался сбить меня машиной.

— Не может быть!

— Может, как видите.

— Если дело принимает такой оборот, давайте откажемся от своей затеи, и я отправлюсь в посольство.

— Черта с два! Могу поспорить, что в документах из портфеля содержится какая-то тайна. Как только вы появитесь в посольстве, все сгинет в дипломатическом тумане.

— Но в чем дело, Ратман? Почему вы так уверены, что в этой истории есть что-то таинственное, непонятное, странное?

— Да потому хотя бы, что никто не хочет говорить о Каппелмане — персоне настолько важной, что местные таможенники не осмелились подвергнуть его, а вернее, вас, поскольку вы для них были Каппелманом, обычному досмотру, когда вас доставили в Лиму.

— Возможно, это объясняется тем, что меня привезли на перуанском самолете, а таможенники вообще в него не заглядывали, словно мы и не покидали Перу.

— Вас привезли на боливийском самолете.

— Вот как?

— Да. И это может означать только, что Каппелман — очень важная особа, для кого-то и где-то с его именем связано нечто весьма и весьма серьезное.

— Понимаю.

— А теперь к тому же им известно, что вы ознакомились с бумагами из его портфеля.

— И абсолютно ничего из них не узнал.

— Не совсем так. Они, эти люди, поняли одно: разбираясь в документах, вы не могли не обратить внимания на то, что Каппелман так или иначе был связан в Южной Америке с целым рядом крупных фигур.

— Ну и что? Это еще ничего не доказывает.

— Вы, мой друг, геолог, я же газетчик, и мое профессиональное чутье подсказывает мне, что для вас сейчас крайне опасно оказаться на свободе.

Рид пытался возражать, но Ратман остался при своем мнении.

— Дайте мне недельки две,— сказал он,— и если за это время мне ничего не удастся узнать... что ж, тогда отправляйтесь в свое посольство. Сошлитесь там на потерю памяти и ведите себя так, словно вы только что пришли в себя. Возможно, вас посадят на самолет и отправят в вашу добрую старую Англию. Но если мне посчастливится собрать материал и опубликовать в газетах соответствующую статью, всякая секретность исчезнет, и вы будете вне опасности. Тогда уж мстить должны будут мне, а я сумею за себя постоять.

Вот так и прошли эти несколько дней. Сейчас Рид смотрел в окно и поджидал Ратмана. Он вскоре появился в скверике и, оказавшись в полосе света от уличного фонаря, взглянул вверх и бодро помахал рукой, чего раньше никогда не делал. «Видно, наконец-то что-нибудь разузнал!» — подумал Рид.

Ратман направился к подъезду, и Рид от нетерпения начал отсчитывать секунды. Десять секунд — дойти до главного входа... Двенадцать, ну тринадцать — подняться по лестнице... Четырнадцать... Пятнадцать... Двадцать... Двадцать восемь...

Рид услышал медленные шаги Ратмана, встал, подошел к двери и распахнул ее. Что-то тяжелое упало на него и отбросило назад. От неожиданного толчка он свалился, но тут же снова вскочил. Ратман остался лежать. На спине его начало расплываться темное пятно.

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

Золотой медальон

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

6

Сначала Рид подумал, что Ратман мертв. Оголив его спину, он осторожно смыл кровь с раны. К его радости, холодная вода привела Ратмана в чувство. После того как рана была продезинфицирована и забинтована, Ратман нашел в себе силы подняться и сесть на полу, а потом с помощью Рида перебрался в кресло. Он попросил виски и выпил одним глотком. Опухшее лицо журналиста покрывали царапины и кровоподтеки. Как только он немного пришел в себя, Рид попросил рассказать, что произошло.

— На лестнице на меня напали двое,— начал Ратман.— Это было так неожиданно, что я не мог оказать сопротивления. Они зверски избили меня, а когда я упал, пытались прикончить ударом ножа в спину.

— По-моему, вам следует обратиться в полицию, как только немного поправитесь,— посоветовал Рид.— Вы сможете сообщить какие-нибудь приметы бандитов?

Ратман с изумлением взглянул на Рида.

— Вы меня поражаете. Я бы расхохотался, если бы мог. Честное слово, Рид, вы просто не от мира сего! Почему, по-вашему, на меня напали? Хотели ограбить? Да они даже не притронулись к моим карманам. Месть? Но никого из этих двоих я раньше и в глаза не видел. Нет, дружок, это было предупреждение.

— Предупреждение?

— Да. Кулаками, ногами и ножом. И понимать его следует так: «Перестань интересоваться Каппелманом, иначе...»

Рид покачал головой.

— Я все же не понимаю, почему...

Ратман попросил сигарету, закурил и продолжал:

— В таком случае мне придется посвятить вас в некоторые подробности. Сегодня я снова послал несколько запросов по телеграфу. Ничего конкретного я пока не узнал, но поиски продолжаю. Это кому-то очень не нравится, и бандиты получают приказ избить меня. Избить, но не убить. Понимаете? Теперь я не сомневаюсь, что история с машиной тоже преследовала определенную цель. Это была лишь угроза и предупреждение. Водитель не хотел убивать меня — только напугать. И вот теперь новое, еще более ясное предупреждение.

— И что вы намерены предпринять?

Прежде чем ответить, Ратман долго рассматривал дымящийся кончик сигареты.

— Я не люблю повторять прописные истины,— заговорил он,— но мне кажется, что каждый порядочный журналист обязан узнавать правду и сообщать ее людям.

— И тем не менее я считаю, что не следует рисковать жизнью. Поймите, если с вами что-нибудь произойдет, вина ляжет и на меня, а я вовсе этого не хочу.

— Тем более этого не хочу я,— кивнул Ратман.— Вот почему теперь мне придется быть настороже.— Он встал с кресла и, морщась и постанывая, доплелся до письменного стола и выдвинул один из ящиков. Рид по звукам догадался, что он заряжает пистолет.— Вот так-то... Следующий, кто попытается тронуть меня хоть пальцем, поплатится головой.

— Вы пойдете на убийство?!

— А вы что предлагаете, Рид?— насмешливо ответил Ратман.— Чтобы я напомнил бандиту, который нападет на меня, что и он когда-то был очаровательным младенцем на ручках у своей мамочки? Или что убийство запрещено богом и законом? Или что я буду счастлив переселиться в мир иной?.. Вы же взрослый человек, Рид. Я еще пока никого не убил, но имею же я право на самозащиту!

Он спрятал пистолет во внутренний карман пиджака и, проследив за взглядом Рида, спросил:

— Слишком заметно, да? Ничего. Так и нужно. Даже бандиты не жаждут получить пулю в лоб, а местные «артисты» предпочитают орудовать ножами. Так что у меня известное преимущество: пуля летит дальше и быстрее настигает цель, чем нож.

Рид вздохнул и подошел к Ратману.

— Я знаю, вы рассердитесь, но с меня довольно. Я постараюсь приобрести билет на самолет и уеду в Англию. Если мне помешают улететь, журналисты, и вы первый из них, предадут этот случай огласке. Я не могу больше прятаться, точно до смерти перепуганная собака.

— Перед тем как вы рискнете выйти отсюда, разрешите сказать кое-что.

— Говорите, но, что бы вы ни сказали, вам не повлиять на мое решение.

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Корт?

— Корт? Никогда.

— Так вот. Этот англичанин, приехавший дня два назад, обладает здесь большим влиянием и принял необходимые меры, чтобы отрезать вам все ходы и выходы. И у вас столько же шансов выехать из Лимы, сколько у меня украсть Эйфелеву башню.

Рид взглянул на Ратмана и понял, что тот говорит вполне серьезно.

— Откуда вам известно?

— У меня есть свои источники. Мне известно еще кое-что. У них есть ваши точные приметы, и вас схватят, как только вы осмелитесь высунуть нос. Никакой возможности выехать — ни морем, ни воздухом, ни по суше — у вас нет. Все пути закрыты, за исключением одного: обратно в «Санта-Розу». Я узнал это от одного приятеля в полиции, но он проявил крайнюю сдержанность, поскольку ему дали понять, что вы крупный шпион. Под моим нажимом он назвал лишь имя Корта, а потом словно воды в рот набрал.

— Ладно. Предположим, мне действительно не удастся выехать. Но я же могу обратиться в посольство.

— Вас, вероятно, примут,— пожал плечами Ратман,— если вы сможете доказать, что вы Рид.

— Я и докажу.

— Но если вы доберетесь до посольства, в чем я совершенно не уверен, историю Каппелмана можно будет считать законченной.

Рид вспыхнул.

— Я, конечно, не хотел бы помешать появлению вашей сенсационной статьи, но...

Ратман жестом остановил его.

— Вы и в самом деле считаете, что все сводится к одной лишь сенсации? Ошибаетесь, тут кроется нечто большее. Давайте порассуждаем. Кто-то добивается, чтобы вас не стало. Почему? Да потому, что вам слишком много известно. О чем? О Каппелмане? Дело не в самом Каппелмане, а в том, чем он занимался и кого представлял. Вот они-то, те, кого он представлял, и подозревают, что вы узнали слишком много... Ну хорошо. Предположим, вы сумеете дойти до посольства. Предположим, вам после наведения соответствующих справок выдадут новый паспорт и вы отправитесь в аэропорт. Неужели вы думаете, что вам удастся сесть в самолет?

Рид растерянно развел руками.

— Наконец-то до вас начинает доходить! Но я хочу закончить свою мысль. Как только вы покинете посольство, я не дам за вашу жизнь и ломаной монеты... О нет, нет! Вас не убьют просто так — готов биться об заклад. Вы окажетесь, например, случайной жертвой уличного происшествия, или случайно примете слишком большую дозу снотворного, или случайно свалитесь с моста... В общем, выбирайте любое. Гадать, каким образом вас прикончат, вы можете с таким же успехом, как и я.

— Пожалуй, вы меня убедили,— с мрачным видом кивнул Рид.— Придется сидеть тут до конца.

— Разумное решение. Но не падайте духом, дружище! Где-то же должны быть интересующие меня материалы. Как только я доберусь до них, вам нечего будет бояться. А теперь устраивайтесь поудобнее на ночь — как ни плохо себя чувствую, мне надо на некоторое время исчезнуть. Повидаюсь с Хосе, он знает все, что творится в этом распрекрасном городе... Да, чуть не забыл. Помните фамилии в бумагах Каппелмана? Я попросил друзей навести справки о каждом из этих людей. Кое-что мне уже сообщили, но все в общем-то несущественное, больше о любовных связях — все мы небезгрешны! Я-то надеялся получить факты о крупном мошенничестве, о продаже дутых акций и все такое! Пока ничего похожего. Но я терпелив. Придется проверить еще несколько десятков человек. Какой-нибудь незначительный факт о любом из них может оказаться ключом к разгадке тайны Каппелмана. Каппелман... Каппелман... Кто же он? Должен же он кем-то быть... Ну, до встречи, Рид! Ковылять кое-как я еще могу. Вернусь часам к двум ночи. Не вздумайте в мое отсутствие приглашать каких-нибудь дамочек!

Он вышел, прежде чем Рид успел рассердиться.

Хосе был доволен. После разговора с Кортом прошли целые сутки, и все это время он

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—8.

размышлял, но теперь наступило время действовать. Карман у него набит солями, а сейчас придет Ратман, и солей станет еще больше. Остается Рид. Хосе улыбнулся. Корту нужен Рид, а Рид сейчас у Ратмана. Хосе подумал, что оба они — и Корт и Ратман — останутся довольны.

— Эй, Гидо!— крикнул он, и в маленькой комнатке, где сидел Хосе, появился владелец ювелирного магазина.

— Садись, Гидо.

Ювелир сел.

— Хорошо я плачу тебе?— спросил Хосе.

Ювелир кивнул. Он не забывал, какие выгодные сделки удавалось ему осуществлять благодаря Хосе; он знал, сколько клиентов из числа изнывающих от скуки туристов присылал ему Хосе вечерами для дальнейшего препровождения в различные увеселительные места; он хорошо понимал, что стоит захотеть Хосе, и его благополучие развалится, как карточный домик. Именно поэтому он так поспешно кивнул, отвечая на вопрос.

— А ты знаешь, Гидо, о чем я думал?— усмехнулся Хосе.

— Нет.

— Я думал о том, что плохо играет тот картежник, который передерживает на руках козырного туза.

Ювелир беспокойно пошевелился. Неужели Хосе пронюхал, что он тайком от него подрабатывает до сотни солей в неделю, предоставляя двум своим приятелям обирать богатых гринго, возвращающихся ночью после любовных утех? Такого обмана Хосе не простил бы.

— Да, ты прав.

— Очнись, Гидо! Ты соглашаешься со мной, хотя ещё не знаешь, о чем я думаю.

— Да, да!

— Не будем ссориться. Я знаю, что ты не всегда такой рассеянный. Ну, слушай.

Ювелир с трудом заставил себя вернуться к разговору.

— Я и так слушаю. Ты сказал, что нельзя передерживать козырного туза...

— Правильно, а я думал, ты уснул. Одному очень богатому гринго нужен сеньор Рид. Или, может, сеньор Каппелман — фамилия значения не имеет. Рид или Каппелман находится у нашего друга Ратмана, это я доставил его туда. Может получиться так, что сеньор Корт при встрече убедит сеньора Ратмана отдать ему сеньора Рида.

Ювелир сразу понял, о чем идет речь.

— Да, но это же не в наших интересах!— воскликнул он.

— И к тому же почти невероятно. Однако не исключено, что сеньор Корт узнает, где находится сейчас сеньор Рид, и попытается его похитить, а это расстроит нашего друга сеньора Ратмана. Наш друг находится в опасности, пока у него скрывается сеньор Рид. Сеньор Корт очень плохой человек. Говорят, сегодня кто-то напал на сеньора Ратмана и ранил его. Кто знает, что произойдет завтра! Сеньора Ратмана могут убить...

Ювелир молчал, ошалело вытаращив глаза на Хосе.

— Ну, а Ратман мой друг... Нет, наш друг, не так ли?

— Так.

— Поэтому я должен позаботиться о сеньоре Риде. Тем самым мы позаботимся о нашем друге. Сегодня же вечером сеньор Рид должен исчезнуть.

— Сегодня же?!

— Да. Через двадцать минут я встречаюсь с Ратманом. Мы проговорим около часа. По возвращении домой он должен обнаружить, что Рид исчез.

— Понимаю.

— Вот и хорошо. А когда я вернусь, у меня, надеюсь, будет возможность повидать сеньора Рида в пещерах, а?

— Он будет там.

— Обращайся с сеньором Ридом по-джентльменски. Никаких грубостей, никакого вреда.

— Я буду обращаться с ним, как с любимой женщиной.

— Повторяю, по-джентльменски. Понял?

Ювелир кивнул.

— У тебя не будет никаких оснований для недовольства. Я закажу «бьюик», и когда сеньор Ратман вернется домой, все будет кончено.

— Не смей ничего брать из квартиры сеньора Ратмана.

— Ничего?

— Даже самой мелкой монетки — только сеньора Рида. Ну, я ухожу. Пока.

— Пока, Хосе.

Рид только что приготовил себе кофе (он терпеть его не мог, но Ратман, очевидно, никогда не пил чай), как кто-то постучал в дверь.

— Кто там?— вздрогнул он.

— Друг, сеньор.

— Друг?

— Да. Друг Хосе и сеньора Ратмана.

— Вот и приходите завтра утром к сеньору Ратману.

— Но у меня поручение для вас от сеньора Ратмана.

— Подтолкните под дверь.

— Оно устное.

— Передайте на словах.

— Оно секретное, сеньор, никто посторонний не должен его слышать.

«Очередной трюк!» — подумал Рид, а вслух сказал:

— Тогда приходите позже, пусть вернется сам Ратман.

— Сеньор!— Голос неизвестного за дверью звучал умоляюще.— Хосе побьет меня, если я не передам поручение!

— Это уж не моя забота.

— И потом, завтра будет слишком поздно.

— А это не ваша забота.

Молчание... Рид подождал несколько минут и, решив, что неизвестный ушел, вернулся к столу. «Аромат кофе всегда лучше его вкуса»,— подумал он и вдруг обнаружил, что вообще не чувствует аромата, а слышит запах чего-то совсем другого. Он снова и снова втянул воздух носом. Определенно что-то горело! Рид бросился в кухню, но ничего не обнаружил, а когда вернулся в комнату, ее уже наполняли клубы дыма.

За дверью послышались крики и вопли других жильцов. Рид подбежал к двери и распахнул ее. Коридор был наполнен дымом. В соседнюю квартиру бросилась женщина с ведром воды.

— Пожар, сеньор! Помогите!— крикнула она.

Потом послышался другой голос:

— Вызывайте пожарную команду!

Из густого дыма вынырнул низкорослый, сморщенный человек, тоже тащивший ведро воды.

— Передайте, пожалуйста, сеньорите,— попросил он.

Рид схватил ведро и вбежал в квартиру, где только что скрылась женщина. В комнате горели кушетка и два мягких кресла. Он выплеснул воду на одно из них.

— Бедная, бедная Марсия!— поспешно возвращаясь к двери с пустым ведром, крикнула женщина.— В кои-то веки собралась в кино, и на тебе...

Рид выскочил вслед за ней, набрал воды и уже снова возвращался в квартиру Марсии, когда почувствовал удар в висок и потерял сознание.

— Он наглотался дыма, я вытащу его на свежий воздух,— обратился сморщенный человек к женщине, но та не обратила на него внимания.

— Бедная Марсия! Бедная Марсия!— еще громче запричитала она и снова побежала за водой.

Рид пришел в себя и сразу понял, что его куда-то везут. При мысли об этом ему опять стало плохо, и он закрыл глаза, не в силах разобраться в происходящем.

Машина остановилась, и Рид почувствовал, что его несут и что вокруг стоит отвратительный, удушливый запах. Это тянулось целую вечность. Потом воздух стал чище, и его довольно бесцеремонно опустили на охапку соломы. Кто-то силой разжал ему зубы и влил в рот обжигающую жидкость. Рид вскрикнул и словно провалился в глубокую черную яму...

Очнулся он с ощущением, что ему стало лучше. Еще побаливала голова, но он уже мог собраться с мыслями и вспомнить последние события. Он представил себе картину пожара, и в ушах у него вновь зазвучал жалостливый крик женщины: «Бедная, бедная Марсия!..» Что случилось с ним дальше, Рид не помнил.

Он ощупал карманы, с радостью обнаружил, что спички при нем, и зажег одну из них. Рядом с ним стояла свечка, и он поднес к ней горящую спичку. Теперь он мог осмотреться.

В первую минуту Риду показалось, будто его заживо похоронили в огромном склепе, но он тут же сообразил, что находится в пещере. Он с трудом встал, высоко поднял горящую свечу и попытался обследовать пещеру. Кое-где ее каменные своды нависали так низко, что ему приходилось нагибаться. Вскоре он увидел два расположенных рядом тоннеля. В них царила кромешная тьма, и Рид понял, что безнадежно заблудится, если рискнет продолжать свое подземное путешествие. Единственным относительно безопасным местом для него была сейчас охапка соломы; он вернулся к ней, сел и только теперь обнаружил рядом бутылку вина. «А если оно отравленное?»—подумал он. Однако его давно мучила жажда, и он, пренебрегая опасностью, сделал несколько глотков. В кармане у него оказалась пачка сигарет. «Вино, табак и свет...— с иронией подумал он.— Правда, у старины Омара Хайяма были еще хлеб и женщины, но придется довольствоваться тем, что есть...»

Рид уже докуривал сигарету, когда послышались шаги и в пещеру вошел человек с фонарем.

— Хосе!

— Да, сеньор. Надеюсь, вам здесь удобно?

— Послушай, Хосе, что это еще за чертовщина?

— Пожар, сеньор. Вы вели себя геройски. Просто замечательно! Но сеньор задохнулся бы в дыму, если бы его не спас один мой приятель. Дом сгорел, и вас пришлось доставить сюда. Здесь вам ничего не грозит и не так уж, по-моему, плохо.

— Но где я?

— В пещерах, сеньор.

— В каких пещерах?

— Тысяча извинений, сеньор...

— Рид.

— Сеньор Рид. Все так перепуталось: Каппелман — Рид, Рид — Каппелман... Так вы, значит, сеньор Рид?

— Да, черт возьми!

— Конечно, конечно, сеньор! Без этих пещер нам пришлось бы трудно. Бедняки Лимы нуждаются в них, когда... ну, в общем, когда нуждаются.

— Но не могу же я жить в какой-то пещере, Хосе! Мой друг Ратман...

— Он будет извещен, сеньор, и придет вас навестить. Сеньор Ратман никогда не забывает своих друзей.

— Портфель!

— Что, что?

— Портфель тоже сгорел?

Хосе в сердцах сплюнул. Как он мог забыть? Ратман потерял Рида, но портфель-то оставался у него! Но ничего, этим можно заняться позже. И все же странно... Хосе еще там, в «Санта-Розе», ознакомился с содержимым портфеля и знал, что денег в нем нет. Значит, дело не в деньгах, а в документах?..

Хосе усмехнулся, довольный своей догадливостью, и взглянул на Рида.

— Не беспокойтесь, сеньор, я займусь портфелем. Может, пожарным удалось его спасти, у нас хорошие пожарные. Ну, а сейчас я схожу за обедом для вас и...

— К черту твой обед! Я хочу выбраться отсюда!

Хосе укоризненно покачал головой.

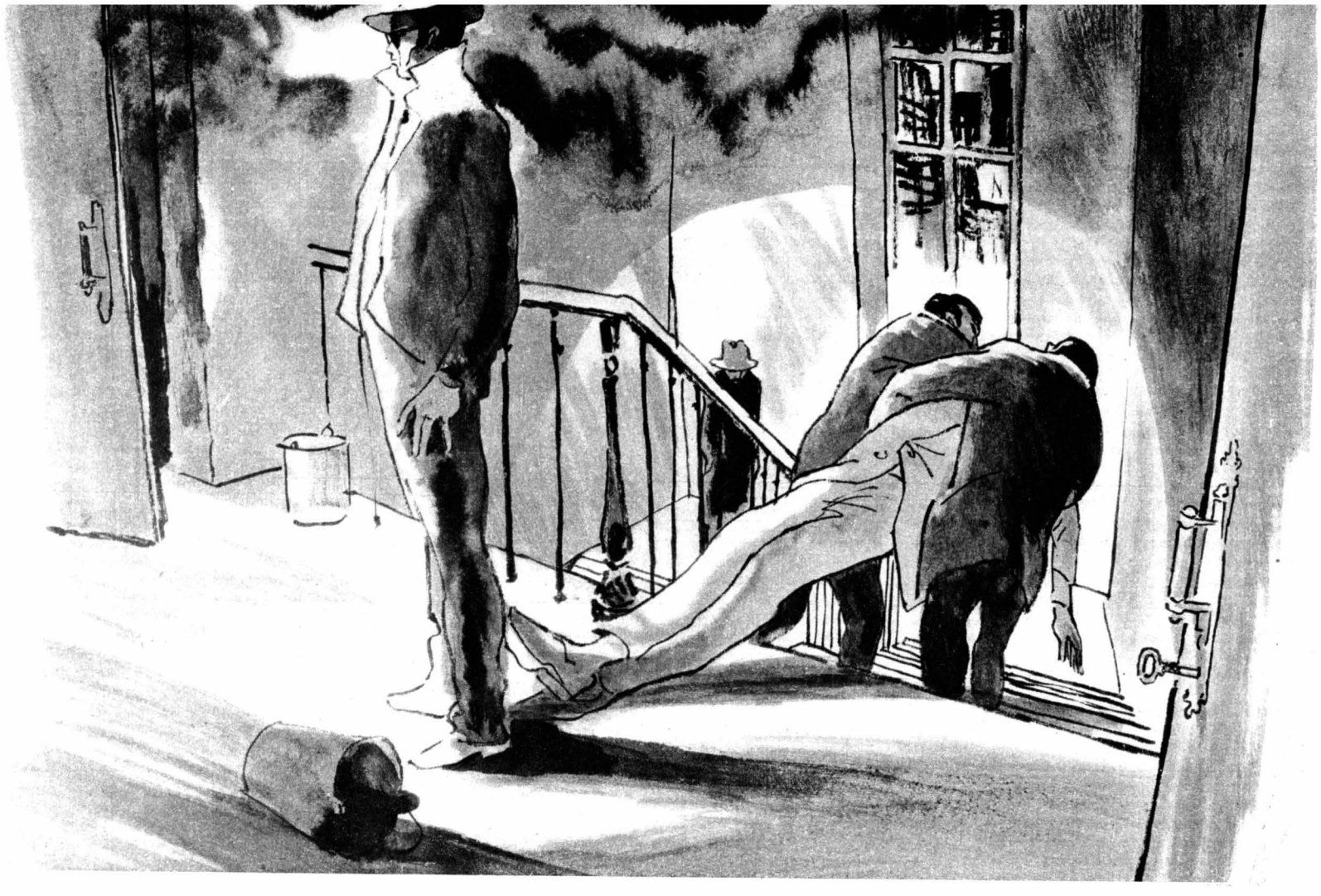
— Вы хотите, чтоб мой друг сеньор Ратман сказал мне: «Это так ты позаботился о сеньоре Риде? Спас его от огня, чтобы не уберечь от полиции или даже от этого страшного человека по имени Корт? И это, Хосе, ты называешь дружбой?» Вы хотите, сеньор, чтобы я изменил своему другу и дал ему повод осыпать меня упреками? Нет, на это я не пойду... Отдыхайте, ешьте, спите, а потом сеньор Ратман примет необходимые меры.

Рид посмотрел на Хосе. При слабом свете фонаря лицо креола казалось мрачным, глаза блестели, как угли, намокший окурок сигареты во рту то вспыхивал, то гас. Рид вдруг почувствовал, что боится Хосе, и решил не спорить, надеясь выиграть время.

— Ладно, Хосе.

— Так-то лучше. Сейчас девушка принесет вам еду. Мне нужно идти, я должен сообщить новости вашему и моему другу.

— Минуточку.



— Да?

— Ты увидишь сеньора Ратмана сегодня же вечером?

— Сейчас не вечер, а день, это здесь так темно.

— Хорошо, день так день. Как же ты с ним свяжешься?

— Зайду к нему на квартиру,— ответил Хосе и спохватился, но слово не воробей...

Он ждал, что Рид вспылит, однако тот спокойно заметил:

— Теперь мне понятно, что все это подстроено: меня просто-напросто украли. Зачем?

— Ради вашей же безопасности,— быстро нашелся Хосе.— Вас могли... Одним словом, Корт пронюхал, что вы проживаете в квартире сеньора Ратмана.

— Как?

— Человек задает много вопросов о Каппелмане. Кто может задавать их, как не тот, кого очень интересует Каппелман? Но почему Каппелман интересует его? Ведь он же никого больше не интересует. Для всех Каппелман находится на излечении в «Санта-Розе». Получается, что тот, кто задает так много вопросов, уже многое знает... или многое подозревает. Уж кому-кому, а сеньору Корту известно, что вас нет в «Санта-Розе» и...

— Ты-то откуда все это знаешь?

— Я? Я все знаю... Но слушайте дальше. Сеньор Корт посылает за вами своих людей, но мои люди опережают их. Сеньор Корт остается с носом, и это, как мне кажется, сильно его озадачивает.

«Видимо, тут сплелись ложь и правда, но как, черт побери, разобраться в этом?»— подумал Рид.

— Ну ладно, ладно,— махнул он рукой,— я буду ждать... Пошли поскорее еду — я хочу есть.

— Вам придется подождать минут пять.— Хосе уже повернулся, чтобы уйти, но остановился и серьезным тоном сказал:— Не пытайтесь найти выход из пещеры. Заблудитесь и погибнете еще до того, как мы вас найдем.

Рид промолчал. Свет фонаря стал медленно удаляться, пока не исчез за поворотом.

7

Поднимаясь по лестнице, Ратман время от времени втягивал воздух носом. «Чертовщина какая-то!— подумал он.— Пожар у нас тут был, что ли?» На лестничной площадке, где находилась его квартира, запах дыма чувствовался особенно остро. Дверь в соседнюю квартиру стояла раскрытой, и, заслышав шаги, из нее выглянула хозяйка.

— Какой ужас, сеньор Ратман!— всплеснула она руками.— Я ушла в кино, а когда вернулась, от моей прекрасной мебели почти ничего не осталось. И вот что странно: первым загорелся диван.

— Возможно, вы уронили тлеющую сигарету?

— Я вообще не курю.

— Да, но некоторые из ваших друзей курят,— улыбнулся он.

— Правильно, сеньор,— чуточку смущенным и одновременно игривым тоном подтвердила соседка и, уже закрывая дверь, добавила:— А вам нельзя отказать в наблюдательности, сеньор!

«Туше!»— усмехнулся про себя Ратман. Он полез в карман за ключом и только тут заметил, что дверь приоткрыта. С забившимся сердцем он распахнул ее и вбежал в квартиру. На первый взгляд все в ней было в порядке. Ратман быстро обошел комнаты и, не обнаружив Рида, выскочил на площадку и постучал к соседке. Она тут же появилась на пороге.

— Да, сеньор Ратман?

— Мой друг...

— Какой друг?

— У меня временно остановился мой приятель Фотирингей.

Женщина удивленно пожала плечами.

— Не знаю я никакого Фот... ну, вашего друга...

— Но кто-нибудь пострадал во время пожара?

— Нет, сеньор, только моя замечательная мебель.

Ратман поблагодарил женщину и уже повернулся, чтобы уйти, но она остановила его:

— Минуточку, сеньор.

— Да?

— Какой-то человек задохнулся в дыму и потерял сознание. Это видела моя приятельница, она первой заметила пожар. По ее словам, он упал в обморок от удушья. Какие-то люди вынесли его на улицу, на свежий воздух.

— Она их знает? Это были наши жильцы?

— Кажется, нет, сеньор. По ее словам, это были какие-то посторонние, они увидели дым и прибежали помогать.

— Все ясно. Спасибо, сеньорита.

Соседка мило улыбнулась.

— Как только из квартиры выветрится этот ужасный запах и я сменю обстановку, вы, может, зайдете выпить рюмочку? Надо же отпраздновать такое везение — все могло кончиться хуже.

— С удовольствием. Но извините, я должен бежать.

— Пожалуйста, пожалуйста, сеньор Ратман! Надеюсь, вы быстро найдете своего друга, Фофф... Фепп... Он, наверно, уже пришел в себя.

Она одарила Ратмана самой кокетливой из всех улыбок, которые имела в своем арсенале. Этот человек всегда держался отчужденно, а тут вдруг оказался таким любезным... Она даже запела от удовольствия, закрывая дверь. Ратман вернулся к себе.

Теперь он не сомневался, что банда, орудовавшая в «Санта-Розе», добралась до Рида, и ругал себя, что не принял более надежных мер. И только тут он заметил лежавший на самом виду, на кушетке, портфель. Он торопливо открыл его и убедился, что ничего не исчезло.

— Вот уж действительно странно!— невольно вырвалось у Ратмана.— Бандиты из «Санта-Розы» непременно унесли бы портфель. Но если не они похитили Рида, кто же тогда?

Ратман закрыл портфель, закурил и принялся размышлять над сведениями, которые ему удалось получить в этот день. Он разузнал, что жена Каппелмана встретилась с ним и вышла за него замуж лет десять назад. Каппелман, как она объяснила, представлял крупную экспортно-импортную фирму. Она не могла сообщить никаких подробностей о его работе, за исключением того, что он много разъезжает. Она не знает, когда именно Каппелман приехал в Южную Америку. Средств к жизни он всегда давал ей достаточно, а бывая дома (что случалось, правда, весьма редко), относился к ней с должным вниманием. Ее, разумеется, удручает постигшее мужа несчастье, но ведь в «Санта-Розе», насколько ей известно, за ним хорошо ухаживают. Она хотела навестить его, но дирекция больницы заверила, что в

этом нет необходимости. До выхода замуж за Каппелмана (в Мексике) она была женой аргентинца, погибшего в автомобильной катастрофе. От первого брака у нее осталась дочь Розелла. Она работала стюардессой и погибла в той же авиационной катастрофе. Отчима дочь терпеть не могла и всячески избегала с ним встречаться.

Вот и все, что могла сообщить миссис Каппелман приятелю и коллеге Ратмана в Каракасе.

В результате проверки в Мексике удалось выяснить, что Каппелманы действительно венчались там, но документы, представленные для регистрации брака, ничего нового не дали, хотя одну ниточку друг Ратмана все же добыл: снимок Каппелмана, сделанный фотографом, приятелем чиновника, регистрировавшего брак. Каппелман отказался от снимка, но он сохранился. Его пересняли крупным планом, и теперь снимок находился на пути к Ратману. Как ни удивительно, у миссис Каппелман никаких, даже любительских снимков мужа не оказалось. «Он терпеть не может фотографов»,— пояснила она.

Все остальные справки ничего не дали, однако Ратман убедился в одном: Каппелман прибыл в Южную Америку не обычным путем. Официально его не знали ни чиновники, ни другие должностные лица — вот что особенно удивляло Ратмана и побуждало продолжать поиски.

Ратман снова взглянул на портфель, словно в нем таился ключ к разгадке. К сожалению, это был лишь портфель, самый обыкновенный портфель...

Возможно, Каппелман был секретным агентом какой-нибудь разведки? Ратман даже улыбнулся: Южная Америка кишмя кишела ими, причем все они, во всяком случае, наиболее важные, были хорошо известны властям. К тому же Каппелман не делал особого секрета из своих поездок, и Ратману удалось составить довольно подробный список мест, где немец побывал за последние шесть месяцев. Рио, Каракас, Буэнос-Айрес, Лима, Арекипа, Монтевидео. Столицы и крупные города Южной Америки...

Ратман вздохнул и нахлобучил шляпу. Не поможет ли Хосе найти Рида? Он взял портфель, собираясь положить его в ящик стола, но услышал легкий скрип двери и резко повернулся. На пороге стоял высокий, худой человек.

— Мистер Ратман?

— Да, но почему вы не...

— Извините, мистер Ратман, я не решился постучать, кругом слишком много любопытных, проявляющих повышенный интерес к вашим посетителям. Можно войти?

Ратмана так и подмывало сказать непрошеному гостю «нет», но внезапно он передумал.

— Входите.

— Благодарю. Мое имя Корт.

— Англичанин?

— Да. Земляк вашего друга мистера Рида.

Ратман положил портфель в ящик стола, закрыл на замок и сел на кушетку.

— Присаживайтесь, мистер Корт, и объясните, чем обязан вашему посещению.— Корт собирался что-то сказать, но Ратман добавил:— Только без предисловий, пожалуйста! Обмен любезностями оставим до более подходящего случая. Кто-то украл Рида, и это, возможно, ваших рук дело.

Корт опустился в указанное Ратманом кресло.

— Вы ошибаетесь. Правда, мне известно, что его могли... убедить покинуть вас.

— Это кто же?

— Не имею права говорить, однако, насколько мне известно, ваш друг в полной безопасности. Кстати, мне... как бы это лучше выразиться... «предложили» мистера Рида за довольно высокую цену — четыре тысячи солей. Да, представьте себе, мистер Ратман, ваш друг является довольно ценным «движимым имуществом». Впрочем, не настолько, как считает мой информатор. Понимаете, мистер Ратман, сам по себе Рид четырех тысяч солей не стоит. Но...— он взглянул в сторону письменного стола,— но мистер Рид принес с собой из джунглей портфель...

— Говорите прямо. Вас интересует портфель?

— Совершенно верно.

— И...

— И я заплачу за него четыре тысячи солей при условии, что он содержит все то, что должен содержать.

Ратман решил затянуть игру.

— Но это же только портфель!

— Тем более четыре тысячи солей — прекрасная цена.

— Даже чересчур, мистер Корт.

— Для меня — нет. Вы понимаете, мистер Ратман, у мистера Каппелмана был при себе единственный у нас список лиц, с которыми мы поддерживаем деловой контакт.

— В области экспортно-импортных операций?

— Вы хорошо информированы,— улыбнулся Корт.— Да, в области экспортно-импортных операций. Нам нужны эти фамилии, а список находится в портфеле.

Ратман почесал кончик носа.

— Я журналист, а не бизнесмен...— заговорил он, но Корт жестом остановил его.

— Не беспокойтесь, мистер Ратман. Мы согласны заплатить шесть тысяч.

— Мне нужна новая машина, старая сломалась неделю назад...

— Десять тысяч.

Ратман вытащил из кармана ключи от ящика стола.

— Десять тысяч... Куча денег!..— пробормотал он и, подойдя к столу, открыл его.

Корт ждал. Замок снова щелкнул, Ратман сунул что-то в карман и повернулся к Корту.

— Я передумал,— сказал он.

Корт взглянул на оттопырившуюся полу его пиджака.

— Ну, знаете, Ратман, я удивлен. Вы ведете себя, как американский гангстер... Я ухожу, е с л и вы мне позволите. Не исключено, что мы еще увидимся. Я остановился в отеле «Фон-Гумбольдт». Мое предложение остается в силе, но долго ждать я не намерен. До свидания, мистер Ратман.

— Auf Wiedersehen.

Корт повернулся к Ратману.

— Я англичанин, мистер Ратман.

Как только дверь за Кортом закрылась, Ратман с облегчением вздохнул, вынул из кармана и бросил пистолет на стол. «Мне еще предстоит приучить себя к мысли, что когда-нибудь придется воспользоваться этой штукой»,— подумал он.

Поднимаясь на гору к своей хижине, Хосе уже не улыбался. Войдя в лачугу, он с такой силой хлопнул дверью, что задрожали стены. Из потайного места Хосе достал бутылку вина, схватив ее за горлышко, словно курицу, которую предстояло приготовить на обед, и бросился на тюфяк.

— Подумать только!—пробормотал он, сделав несколько больших глотков.— Меня, Хосе, провели, как самого настоящего дурака! Будь прокляты все святые! Какие-то несчастные четыре тысячи солей, и эта английская свинья еще смеется надо мной! Если я не доставлю ему портфель, он, видите ли, ничего мне больше не заплатит!.. Зачем ему портфель?— Он снова отхлебнул из бутылки.— Альберто и Гидо — вот кто болваны! Почему они не захватили этот паршивый портфель?..

Хосе умолк и долго лежал, уставившись в потолок. По мере того как он размышлял, суровое выражение его лица постепенно смягчалось, он все больше успокаивался и наконец стал прежним Хосе. Ведь Рид-то в его руках, а портфель, наверно, у Ратмана. Разве он не согласится выменять своего друга на портфель?

Хосе встал и направился к ближайшему входу в пещеры.

— Как там гринго? Ничего?

Услышав чей-то утвердительный ответ, довольный Хосе спустился в город и через час разыскал Ратмана в одном из кафе. Журналист встретил креола холодно; после недавних событий он, видимо, решил, что не во всем и не всегда ему можно доверять.

— Я кое-что слышал, сеньор,— начал Хосе после обмена приветствиями.

— Что же именно?— с деланным безразличием поинтересовался Ратман.

Хосе постарался напустить на себя важный вид.

— Что у вас украли друга, которого я в свое время вызволил из «Санта-Розы».

— Верно. А что еще?

На лице Хосе появилась гримаса разочарования. Ратману, несомненно, известно что-то такое, чего он, Хосе, пока не знает. Он попытался выиграть время.

— Я многое слышу, сеньор.

— Например?

— Очень многое.

— Так, так... Ты случайно не беседовал кое о чем с сеньором Кортом?

Хосе развел руками.

— Сеньор Корт? Кто это?

— Но тебе же известно о каждом, кто приезжает в Лиму.

— Да... возможно. Возможно, я припомню сеньора Корта. Но это неважно.

— А четыре тысячи солей?

— Что вы, сеньор? Я могу только мечтать о такой огромной сумме. Я же бедняк...

— Так я тебе и поверил.

Хосе наморщил лоб.

— Но жить-то мне нужно, сеньор! Это все понимают. Вот почему один человек явился ко мне с предложением. Этот подлец знает, где находится ваш друг, и...

— Еще бы е м у не знать!— усмехнулся Ратман, неприязненно взглянув на Хосе.

— ...и он сказал мне: «Ты друг сеньора Ратмана, а ему хочется снова увидеть своего друга — живого и невредимого».

— Продолжай.

— Этот мерзавец даже не требует никакого выкупа за вашего друга.

Ратман изумленно уставился на Хосе.

— Что за дьявольщина! Что же тогда нужно твоему «другу»?

Хосе заерзал на стуле, и официант, решив, что его зовут, подошел к столику. Ратман заказал кофе на двоих и, когда официант ушел, спросил:

— Ну так что?

— Сеньор, у вас есть портфель, который захватил с собой ваш друг, когда я привез его к вам. В нем нет ничего ценного.

— Да?

— Уверяю вас, сеньор, совершенно ничего! И все же, представьте себе, мерзавец, похитивший вашего приятеля, готов обменять его на портфель.

Ратман задумался. Он уже не сомневался, что Рид в руках Хосе и что Хосе ведет переговоры и с той и с другой стороной, преследуя лишь собственную выгоду. Значит, еще не все потеряно, еще можно изменить в свою пользу ход событий. Ратман решил попытаться.

— Видишь ли, портфель принадлежит не мне, и Рид очень расстроится, если обнаружит, что его нет.

— Но портфель принадлежит не сеньору Риду, а сеньору Каппелману. Кроме того, если сеньор Рид умрет...

— Ну хорошо, передай своим друзьям, что если они доставят мне сеньора Рида, я отдам им портфель.

— Нет, сеньор, так не пойдет. Сначала отдайте портфель.

— Ну уж нет! Хочешь оставить меня в дураках?

— Разве мы не друзья?

— Хосе, до сих пор ты не подводил меня только потому, что это было тебе невыгодно.

— Как угодно. Вы обижаете меня.

— Жаль, но ничего не поделаешь... Доставь мне сеньора Рида, и портфель твой. Даю тебе слово.

Хосе грызли сомнения, но он все больше склонялся к мысли, что Ратман говорит искренне. Да и вообще, зачем ему Рид? При определенных обстоятельствах он даже может стать серьезной помехой. С другой стороны, нельзя упускать возможности раздобыть портфель.

— Ладно, сеньор. Сегодня в двенадцать ночи.

Хосе допил кофе, поклонился и ушел.

— И сегодня в двенадцать я докажу тебе, дружище, как это рискованно — служить и вашим и нашим,— пробормотал Ратман.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ан. Горский.

Золотой медальон

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

8

Полная, темноволосая перуанка принесла Риду обед, пачку английских сигарет и чашку кофе. При слабом свете свечи Рид не мог рассмотреть, что за еду поставила перед ним девушка, но на вкус определил, что блюдо было мясное. Потом он занялся фруктами. Утолив голод, Рид почувствовал себя несколько лучше, закурил и принялся размышлять. Ему осточертел Хосе с его махинациями, больше он не испытывал ни малейшего желания быть лишь «темой» для сенсационной газетной статьи. Нет, надо бежать и добраться до английского посольства.

Но как?

Наброситься на девушку, когда та придет убрать посуду? Или...

Он попытался припомнить все истории о побегах из заключения, все, что слышал или читал об этом, и пришел к выводу, что беглецам часто помогал счастливый случай.

Рид взял свечу и обследовал тоннель, но не обнаружил ничего такого, что могло бы ему помочь или натолкнуть на какую-то мысль, и, усталый и раздраженный, побрел к своей соломенной постели. Ему уже стало казаться, что он никогда не сможет вернуться к прежней, такой интересной и налаженной жизни. Он стал пешкой в темной, непонятной игре каких-то неведомых ему сил... Надо что-то предпринимать, но что? Здесь его навещает только Хосе. Хотя... А девушка? Почему бы не попытаться...

В тоннеле замерцал приближающийся огонек свечи, и вскоре в пещеру вошла девушка. Она улыбалась, показывая красивые, ровные зубы.

— Вы поели, сеньор?

— Да, спасибо.

Она собрала посуду, но уходить не спешила.

— Сеньор хорошо поел?

— Да.

— Сеньору, вероятно, скучно?

— Нет, мне не скучно.

— Сеньор Хосе еще не скоро вернется.

— Я знаю.

— Если сеньор пожелает, я могу пока побыть здесь, поболтать с ним. Сеньор выглядит таким одиноким и несчастным.

Рид долго смотрел на девушку.

— Послушай,— заговорил он после паузы.— Мне надо уйти отсюда. Могу я рассчитывать на твою помощь?

— Почему уйти?

— Я не могу здесь оставаться.

— Но сеньор Хосе считает, что только здесь вам ничего не грозит.

— К дьяволу твоего Хосе! Я пойду в английское посольство, а дальше увидим.

Девушка покачала головой.

— Сеньор Хосе — умный человек, и если бы он считал, что вам действительно будет лучше в вашем посольстве, ему бы ничего не стоило самому отвести вас туда.

— Возможно. А возможно, и нет.

— И потом, мне ведь здорово попадет, когда вернется Хосе и не застанет вас тут.

— Знаю и потому не хочу тебя подводить.— Рид на минуту задумался.— Вот как мы сделаем. Когда ты будешь проходить по основному тоннелю, который ведет к выходу, наклоняй свечу в тех местах, где от него ответвляются другие тоннели.

— Мне надо только наклонять свечу?

— Только.

Девушка помолчала.

— Что ж, с каждым может произойти неприятность. Кто знает, не случится ли и со мной что-нибудь похожее. А теперь мне надо идти. Возможно, мы еще встретимся.

— Все возможно в жизни... Да, постой! Если я выберусь отсюда, как мне найти английское посольство?

— Английское посольство? Не знаю, сеньор. Я не имею дел с посольствами.

— Но...

— Вы можете спросить у кого-нибудь, как только выберетесь отсюда.

— Рискованно.

— Почему? Разве вы преступник?

— Нет, но...

— Вот и спрашивайте, как честный человек.

— Придется.

Девушка уже повернулась, чтобы уйти, но Рид снова окликнул ее:

— Сеньорита!

— Да?

— Как тебя зовут? Я еще не знаю твоего имени.

— Зачем оно вам? Иногда это бывает опасно.— Чуть помедлив, она добавила:— Мария. Меня зовут Марией. Это не настоящее имя, но все знают меня как Марию... До свиданья, сеньор.

Мария ушла, прежде чем Рид успел что-нибудь сказать. Он зажег свечу, углубился в тоннель и вскоре подошел к первому ответвлению. Наклонившись почти к самому полу, он увидел пятно стеарина, на некотором расстоянии еще одно, потом еще и еще. Минут через пять перед ним открылся выход из тоннеля, освещенный слабым светом луны. Рид потушил свечу и крадучись направился на этот свет. Уже в самую последнюю минуту он обнаружил, что возможность его бегства не исключалась: у выхода стоял и курил какой-то человек. Но теперь ничто не заставило бы Рида отступить. Выждав, когда неизвестный повернулся к нему спиной, Рид бесшумно подкрался и с силой ударил его кулаком по голове...

Вдали виднелось зарево огней Лимы. Рид благополучно миновал трущобы, расположенные в этом районе города, и примерно через час уже стоял на Хирон де ла Юнион и бодро махал рукой водителю попутного грузовика, который подвез его сюда. Отряхнув пыль и кое-как приведя себя в порядок, он вспомнил совет Марии, расспросил нескольких прохожих и в конце концов оказался перед дверью британского посольства. Он назвал себя швейцару и стал ждать. Вскоре швейцар вернулся, провел Рида к одному из кабинетов и, открыв дверь, доложил:

— Мистер Рид, сэр.

Навстречу Риду поднялся красивый, безупречно одетый молодой человек и протянул ему руку. Рида поразило, что он нисколько не удивился, увидев грязного и небритого, в рваном костюме посетителя.

— Мистер... Рид?

— Да.

— Прошу садиться, мистер Рид. Моя фамилия Росс-Брук. Чем могу служить?

— Я британский подданный.

— Естественно.

— Мне нужна ваша помощь.

— Для того мы здесь и находимся.— Внезапно на выхоленном лице молодого человека появилось выражение озабоченности.— Ах да, мистер Рид! Чуть не забыл, у меня же есть особые указания относительно вас. Господина посла, к сожалению, нет, он в отпуске, но вас очень хотел повидать мистер Джилингхем. Разумеется, сейчас его на службе нет — слишком поздно, но я отправлю вас к нему на посольской машине. Он живет недалеко, на Мирафлорес.

— Но почему я должен куда-то ехать из посольства?— с внезапно возникшим подозрением спросил Рид.

Молодой человек улыбнулся.

— По совести говоря, мистер Рид, я и сам не знаю, а задавать вопросы лицам более высокого положения у нас не принято. Я получил распоряжение от мистера Джилингхема и обязан его выполнить.— Он с глубокомысленным видом взглянул на Рида и, заметив выражение озабоченности на его лице, добавил:— Да вы не беспокойтесь, Джилингхем — порядочный человек. Очевидно, вы такая важная персона, что...

— Да,— иронически подтвердил Рид,— с некоторых пор я действительно стал важной персоной.

Он все еще колебался. Не хотят ли его заманить в ловушку? «Санта-Роза» тоже находилась на Мирафлорес. Однако, взглянув на Росс-Брука, Рид несколько успокоился. Несомненно, такой респектабельный джентльмен не мог иметь ничего общего с подозрительной частной больницей, да и вообще любой британский дипломат, как и жена Цезаря, должен быть вне подозрений.

— И вот еще что,— продолжал Росс-Брук.— Мы все время надеялись, что вам тоже удалось уцелеть при катастрофе и что рано или поздно вы заглянете к нам. Так вот, меня обязали держать ваш приход в строжайшем секрете, во всяком случае, до вашей встречи с Джилингхемом. Понимаете, правительства некоторых стран, где нам приходится работать, слишком щепетильны во всем, что касается их деятельности. Джилингхем, вероятно, интересует, что вы намерены сообщить в своих показаниях, когда начнется расследование причин

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—9.

катастрофы. Скажите, катастрофа и все такое, наверно, было ужасно интересно, а?

— Ужасно.

— Вам, должно быть, многое пришлось пережить в джунглях? Я тоже побывал там... однажды. Очень уж жарко!

— Жарко.

— Послушайте, вы, наверно, устали?— спохватился Росс-Брук.— Не понимаю, почему никто не позаботился, чтобы вы приняли ванну и побрились, прежде чем тащить вас сюда... Простите, я вовсе не хотел вас обидеть.

— А я и не обижаюсь.

— Вот и прекрасно. Хотите чашку чая, пока подают машину?

— С удовольствием,— улыбнулся Рид.

— Чай — это нечто бесподобное. Кофе здесь только пахнет хорошо, а вкус... брр! Лично я никогда не откажусь от чашки доброго английского чая... Сейчас я распоряжусь.

Минут двадцать спустя, окончательно отбросив всякие сомнения, Рид уже покачивался в роскошном «роллс-ройсе». Машина остановилась у большого особняка, и вскоре Рид стоял перед высоким румяным человеком, который вышел из-за письменного стола и протянул ему руку.

— Здравствуйте, мистер Рид. Моя фамилия Джилингхем.

— Извините, что я в таком виде, но мне пришлось...

— Присаживайтесь, мистер Рид,— прервал Джилингхем, направляясь к своему столу. Он пододвинул Риду графин с вином и сигареты.— Прошу.

Рид отказался от вина, но сигарету закурил.

— Ну, а теперь, мистер Рид,— снова заговорил Джилингхем,— надо прежде всего соблюсти некоторые формальности.

— Формальности?

— Да. Мы ведь от них тоже не избавлены. Во-первых, нам необходимо установить вашу личность. У вас, конечно, есть паспорт?

— Нет.

— Нет?

— Мой паспорт остался в самолете... Вернее, среди его обломков там, в джунглях.

— В самолете?

— Да, да!— нетерпеливо подтвердил Рид.— Я же был одним из пассажиров самолета, вылетевшего из Лимы и потерпевшего катастрофу в джунглях.

Джилингхем закурил сигару и бросил на Рида быстрый взгляд.

— Неладно получается,— заметил он.

— Неладно?!— Рид с трудом сдерживал себя, и это не укрылось от Джилингхема.

— Но вы не расстраивайтесь, мистер Рид. Видите ли...— Он выдвинул один из ящиков стола, порылся в нем и достал какую-то бумагу.— Ваша фамилия у нас, конечно, значится: мистер Рид, геолог, паспорт номер КХ 1497/63, зарегистрирован у нас своевременно. Однако, насколько нам известно, при катастрофе спасся только один пассажир, некий мистер Каппелман, отнюдь не британский подданный.

— Черт побери, но я и есть Каппелман!

— Вы?!

— Вернее, я и есть тот единственный пассажир, который уцелел, но все приняли меня за Каппелмана. Вы понимаете, при катастрофе Каппелману удалось сохранить портфель и паспорт, а когда его убили, я взял все это с собой. В Лиму меня привезли без сознания, очнулся я уже в «Санта-Розе», где все приняли меня за Каппелмана.

— Гм... Странная история, мистер Рид... По правде говоря, мы еще не знаем, что вы и есть мистер Рид. Да, да, мне сообщили, что Каппелман — немец. Вас, конечно, за немца никто не примет, но это еще ни о чем не говорит. Давайте, давайте, мистер Рид! Моя обязанность — оказывать всяческую помощь британским подданным, но вы не должны скрывать правду.

Рид слушал дипломата со все возрастающим удивлением.

— Это что еще за комедия?

— Комедия?

— Вот именно. Я Рид и могу легко это доказать. Я работаю в фирме «Консолидэйтед минералс лимитед», там есть моя фотокарточка и все мои приметы. Фирма в любое время представит вам необходимые доказательства.

— Прошу вас, мистер Рид, не нужно волноваться. Вы утверждаете, что вы Рид. Прекрасно. Но почему вы не явились к нам сразу же, как только к вам вернулось сознание?

— Потому что я был в «Санта-Розе».

— Разве там нет телефона?

— Там все принимали меня за Каппелмана.

— Ну и что? Предположим, там все принимали вас за Каппелмана. Но вот сейчас-то вы все же явились к нам!

— Да, но...— начал было Рид, однако тут же представил, какой нелепой и неправдоподобной покажется его история этому самодовольному и сытому чинуше, и решил не продолжать.— Впрочем, неважно. Не будем к этому возвращаться. Лучше спрашивайте о том, как можно подтвердить, что я Рид. Это позволит мне выехать из Перу и вернуться к своей работе.

— Без паспорта, мистер Рид?

— Надеюсь, мне выдадут новый.

— Не так-то это просто.

— Но я же не терял паспорт, он сгорел вместе с чемоданом при катастрофе.

— Так утверждаете вы,— улыбнулся Джилингхем.— Но чтобы доказать это (а нам необходимы доказательства), потребуется некоторое время.

— Я не располагаю лишним временем, я хочу уехать из Перу теперь же.

— Невозможно, абсолютно невозможно. Но...— он жестом попросил Рида не прерывать его,—но мне кажется, мы сможем помочь вам, поскольку я склонен думать, что вы говорите правду.

— Спасибо,— иронически улыбнулся Рид.

— А пока я буду наводить справки — ну, скажем, через официальные каналы,— вы поживете в Лиме. Позвольте в частном порядке порекомендовать какое-нибудь спокойное

место, где никто не будет задавать вам неприятных вопросов о паспорте и прочем. У вас есть что-нибудь на примете?

Рид отрицательно покачал головой.

— Нет? Понимаю, вы же здесь новый человек. Ну что ж, возможно, мы вам что-нибудь посоветуем. Но сначала, мистер Рид,— прошу извинить за откровенность — должен сказать, что выглядите вы, как бездомный бродяга. Надеюсь, вы не откажетесь принять ванну, побриться и воспользоваться моим костюмом, пока приводят в порядок ваши вещи. Ну и, наконец, чего-нибудь перекусить, хотя я не могу составить вам компанию.

— Я даже не надеялся...— удивленно заговорил Рид, но Джилингхем опять прервал его:

— Не беспокойтесь, мистер Рид. Я все устрою.— Он нажал кнопку звонка, и хотя на губах у него играла улыбка, выражение глаз оставалось холодным. На пороге появился слуга.— Проведите мистера Рида наверх,— распорядился Джилингхем.— Мы еще встретимся позже, мистер Рид.

— Благодарю,— ответил Рид, направляясь за слугой. «Тут что-то не так,— подумал он,— но что именно?..»

9

После ванны и бритья Рид облачился в позаимствованный у Джилингхема костюм и снова почувствовал себя тем человеком, который совсем недавно так спокойно вошел в самолет в аэропорту Лимы. Только фотография Розеллы напоминала ему о катастрофе и о скитаниях в джунглях. Вот и на этот раз он достал снимок из бумажника и долго всматривался в юное очаровательное личико. Он и сам не мог бы сказать, когда возникло и окрепло в нем это глубокое и сильное чувство к девушке, которую, в сущности, он знал так мало. Рид понимал, что уже никогда не встретит ее, но уничтожить снимок у него не хватало решимости. «Ну не болван ли я!— корил он себя.— На что я надеюсь? Она и внимания на меня не обращала!..» И тем не менее желание вновь увидеть Розеллу не покидало его.

Рид спрятал снимок в бумажник и положил его во внутренний карман пиджака. В дверь постучали, и в комнату вошел слуга.

— Вы готовы, сэр?

— Готов.

Слуга привел его в большую, богато обставленную столовую и ушел. Рид сразу заметил, что стол накрыт на двоих. Не успел он обдумать это обстоятельство, как дверь открылась.

— Здравствуйте, мистер Рид. Разрешите представиться: я Корт. Мы с вами не встречались, хотя я разговаривал с вашим другом мистером Ратманом.

— Корт?— поразился Рид, не сводя с него глаз.— Но...

— Мне понятно ваше огорчение, мистер Рид,— улыбнулся Корт.— Придется вам извинить меня.

— Что вы здесь делаете?

— Я британский подданный.

Рид смутился. Ему вдруг захотелось крикнуть: «Но вы же связаны с Каппелманом!»,— однако в последнее мгновение он сообразил, что поступил бы глупо. «В конце концов,— подумал Рид,— я ничего не знаю о Корте. Ратман утверждает, что он мерзавец, но, возможно, его неправильно информировали. Не исключено, что Корт — обыкновенный английский бизнесмен».

— Здравствуйте,— поздоровался он.

— Надеюсь, вы чувствуете себя вполне нормально?— несколько насмешливо, как показалось Риду, осведомился Корт.

— Не могу пожаловаться.

— Вот уж поистине удивительно. Я полагал, что после вынужденного затворничества в квартире Ратмана и пребывания в этой вонючей дыре нашего общего друга Хосе вам будет по меньшей мере не по себе. Должен сказать, ваш выбор друзей меня не восхищает.

— Ну, знаете, Корт...

— Спокойно, спокойно, мистер Рид! Я предлагаю вначале поесть. Я бросил прекрасный обед, как только Джилингхем сообщил мне, что вы явились к нему. Давайте продолжим трапезу здесь, тем более что у Джилингхема замечательный повар.

— Убирайтесь ко всем чертям!

— Боже, какая невоспитанность! Пожалуйста, присядьте, мистер Рид. Обед сейчас подадут. За вкусной едой, надеюсь, наша беседа приобретет более культурный характер. Кстати, вот этой самой культуры и недостает нашему общему американскому другу Ратману.

— Ратману? Почему?

— Потому, что он осмелился направить на меня пистолет, разумеется, заряженный.

— Ничего не понимаю.

— Никто не понимает. Но, пожалуйста, садитесь.

Обед прошел в молчании. После обеда, когда оба закурили, Корт сказал:

— А теперь, мистер Рид, вы, очевидно, ожидаете, что мы должны объяснить вам кое-что?

Рид кивнул:

— Да, я хочу знать, почему мною распоряжаются все кому не лень.

— Ну, в какой-то мере вы сами виноваты. Зачем надо было уходить из «Санта-Розы»? Если бы вы не бежали оттуда, сейчас, вероятно, уже находились бы на пути в Англию или, по желанию, в любое другое место. Почему вы решили скрыться из больницы?

— И сам не знаю,— совершенно искренне ответил Рид.— Я почувствовал какое-то замешательство, неуверенность. Мне показалось, что сиделка намерена обвинить меня в убийстве стюардессы.

— Можете не беспокоиться,— заметил Корт.— Сиделка — глупая, истеричная женщина, ей не место в «Санта-Розе».

— Хосе предложил переправить меня к Ратману. Терять было нечего, и я согласился, тем более что, по его словам, утром я мог, если бы захотел, вернуться в «Санта-Розу». Однако за мной кинулись в погоню, и Ратман посоветовал мне укрыться у него.

— Ратман — газетчик, а американских газетчиков люди интересуют постольку, поскольку из них можно выжать какие-нибудь сенсационные новости. Вы вели себя глупо, мистер Рид.

— Возможно.

— Ну, а портфель? Вы видели, что находится в портфеле?

— Да.

— А ваш друг Ратман?

— Тоже.

— И что же вы поняли?

«Ого!— мысленно воскликнул Рид.— Надо держать ухо востро!..»

— Не беспокойтесь, мистер Рид,— усмехнулся Корт, заметив его колебания.— Я и без вас могу сказать, что именно вы нашли в портфеле. Документы с фамилиями?

— Да.

— Медальон?

— Да.

— Пачку туристских чеков?

— Да.

— Таким образом, за исключением медальона, ничего ценного. Да и медальон, хотя и золотой, особой ценности не имеет. Однако, мистер Рид, содержимое портфеля представляет большой интерес для меня лично. Я готов хорошо заплатить, если вы вернете мне все, что там было. Полагаю, вы человек небогатый, мистер Рид, а?

— Я получаю жалованье.

— П о л у ч а л и, мистер Рид. Для всех вы погибли в катастрофе, спасся только Каппелман, как вы помните.

— Еще бы не помнить!

— Ну, скажем, двести пятьдесят тысяч солей. На эти деньги, мистер Рид, вы можете жить припеваючи. Начать свое дело, скажем, в Перу, в Эквадоре, в Бразилии, в Аргентине— да в любом месте! Со своей стороны, я мог бы время от времени подыскивать вам выгодные контракты.

— Но я не собираюсь оставаться в Латинской Америке!— возмутился Рид.

— Да?

— Да, черт возьми! Я англичанин и хочу жить в Англии.

— И жениться на какой-нибудь милой английской девице? Похвально, весьма похвально, мистер Рид. Но, увы, невозможно.

— Что вы сказали?

— Невозможно, говорю, мистер Рид. Слишком много вы видели. Правда, вы не поняли того, что видели, но я не могу идти даже на ничтожный риск. Вам придется остаться мертвым, мистер Рид. У вас нет паспорта...

— Нет паспорта? Неприятно, конечно, но не больше. Мне будет несложно доказать, что я Рид. Вы не ошиблись, я располагаю кое-какой информацией, но как я ее использую и когда — позвольте мне знать.

— Вы очень молоды и очень наивны, мистер Рид,— улыбнулся Корт.— Вы типичный англичанин, который, видимо, до сих пор считает, что коль скоро он голосует на выборах, следовательно, управляет страной.

— Правильно, считаю. Так же, как еще пятьдесят миллионов англичан.

С лица Корта исчезла улыбка.

— Не будем пережевывать эти побасенки для простаков, мистер Рид. Можете тешить себя мыслью, что вы избираете свое правительство, но это всего лишь фикция, поскольку вашим правительством управляют определенные силы, о которых вы ровным счетом ничего не знаете. Не стану скрывать, мистер Рид, к этим силам принадлежу и я, к ним принадлежал и Каппелман. Таких, как мы, сотни в каждой стране западного мира — американцев, западных немцев, англичан, греков... Именно мы держим в руках рычаги и пружины, двигающие так называемыми демократическими правительствами, диктатурами, хунтами, которые управляют народами — или с мнимого их согласия, или силой оружия.— Помолчав, Корт продолжал:— Вас, пожалуй, удивит моя лекция и моя откровенность, но это уже не имеет значения. Вы упрямый и невежественный человек, и потому ваша осведомленность теперь не представляет для нас опасности.

— Что за вздор вы несете?

— Нет, мистер Рид. Я говорю резонно. Вот вы познакомились с мистером Джилингхемом. Милейший человек, не правда ли?

— Ну и что?

— А ведь он всего лишь «вывеска» и сделает все, что я прикажу. А прикажу я ему... ликвидировать вас, мистер Рид.

— Чушь!

— Скоро вы убедитесь... А теперь к делу. Мне нужен портфель.

— У меня его нет.

— Знаю, он у Ратмана. В ящике его письменного стола. Во всяком случае, был там, когда я разговаривал с журналистом.

— Портфель в руках Ратмана, я у вас в руках... Что это вам дает?

— Портфель. Послушайте, мистер Рид, я уже предлагал вам деньги, и немалые. Вы получите их, как только отдадите мне портфель. Вы уйдете отсюда богачом, я подыщу вам хорошую работу. Но если вы откажетесь, мне придется силой заставить Ратмана расстаться с портфелем. Попросите нашего общего друга не сопротивляться: для вас же будет лучше.

— Ратман не согласится.

— Что вы, мистер Рид! Надеюсь, вы не забыли, что он иностранец в этой стране. Если соответствующие власти прикажут ему вернуть портфель законному владельцу, то есть мистеру Каппелману, иными словами, вам, мистер Рид, ему придется подчиниться, иначе он окажется в тюрьме и будет выслан из страны, а портфель все равно окажется у нас.

— Предположим, он спрятал его где-то.

— Он скажет нам где.

— Ратман упрям.

Корт улыбнулся.

— Святая инквизиция закончила здесь свою деятельность, но мы применяем куда более эффективные методы убеждения... Так вы поняли наконец, что...

— Я был бы круглым идиотом, мистер Корт, если бы поверил хотя бы одному вашему слову. Можете убираться ко всем чертям. Ратман в состоянии позаботиться о себе, а кроме того, мы с ним не одни.

— Да?— с насмешкой взглянул на него Корт.— Что ж, придется нам продолжить поиски. Коль скоро, мистер Рид, вы не хотите рассуждать здраво и отказываетесь помочь нам, я вынужден распрощаться с вами. Спасибо за компанию и за интересную информацию!

— За интересную информацию?

— Но вы же сообщили мне, что и представления не имеете, какое значение имеют фамилии лиц, встречающиеся в бумагах Каппелмана.

Корт встал и направился к двери.

— Послушайте, Корт, вы забыли кое-что,— остановил его Рид.

— А именно?

— Нечто весьма важное — что не все люди подлецы и негодяи.

— Ну и что? Не понимаю.

— Вы и подобные вам никогда этого не поймут.

Корт постоял некоторое время, потом повернулся и вышел. Выждав минуту-другую, Рид подошел к двери и распахнул ее. Он не удивился, обнаружив, что его поджидают двое, и почти не сопротивлялся, когда они начали молча заламывать ему руки.

— Сеньор,— сказал Хосе,— я признаюсь, что поддался соблазну. Не могу же я все время быть безгрешным! Даже святые грешили, а я всего лишь простой смертный.

— Ты надул меня,— хмуро заявил Ратман.

— Нет, я действовал в ваших же интересах. Сеньор жил у вас, а я ваш друг, верно? Вот я и решил разделить с вами заботы о нем...

— И потому украл его?

— Он не пошел бы добровольно, а на уговоры у меня не оставалось времени. Я знал, что сеньор Корт все равно его увезет. Он был у вас?

— Был.

— И пытался заполучить портфель?

— Правильно.

— Вот видите, сеньор, если бы я не позаботился о вашем друге, разве сеньор Корт не пригрозил бы вам, что это вы несете ответственность за похищение сеньора Рида из «Санта-Розы»?

— Знаешь, Хосе, не будем больше об этом,— проворчал Ратман.— Я согласен забыть, что ты обманул меня, если ты откажешься от попытки заключить сделку с Кортом.

— Заключить сделку с Кортом?— с отвращением воскликнул Хосе.— С этой свиньей?! Да теперь у меня только одно желание: чтобы он сгнил где-нибудь в самой вонючей сточной канаве!

— Мило, очень мило... Но где все-таки Рид?

— В пещерах.

— Жив и невредим?

— Жив, невредим, сыт, окружен женщинами... В общем, со всеми удобствами.

— Как в гостинице «Риц».

— Что вы сказали?

— Неважно. Пошли.

— Куда?

— За Ридом.

— Я сам доставлю его вам.

— Я пойду с тобой.

Хосе пожал плечами:

— Как хотите. Но прогулка будет не такая уж приятная.

— Ничего, не умру.

— Вы не доверяете мне, сеньор?— с обиженным видом спросил Хосе.

— Нет, не доверяю.

— Ну и ладно.— Хосе подозвал официанта и что-то тихо сказал ему, потом снова повернулся к Ратману:— «Бьюик» подойдет через несколько минут.

— Скажи, Хосе, что ты знаешь о сеньоре Корте?

— Ничего. Мне было сказано лишь, что ему нужен Рид. Мне было сказано, но слишком поздно, что ему нужен также и портфель.

— Иначе говоря, твои люди, если бы знали, захватили бы вместе с Ридом и портфель, чтобы избавить меня от забот еще и о нем?

Хосе вздохнул так, что с кончика его сигареты посыпались искры.

— Сеньор, но я же сказал, что сожалею... Сеньор Корт обманул меня. Теперь я буду работать только на вас.

— Да? Будем считать, что порядочность — твоя вторая натура... А вот и то, что ты называешь «бьюиком». Поехали.

Недалеко от входа в пещеры к Хосе подбежал какой-то человек. После непродолжительного разговора креол повернулся к Ратману и развел руками.

— Сеньор Рид исчез,— удрученно сказал он.

— Исчез?!

— Я поставил сторожа, но его кто-то оглушил. Сеньора Рида здесь больше нет. Может, моя девушка что-нибудь знает. Пойдемте.

Вполголоса ругнувшись, Ратман вслед за Хосе вошел в одну из лачуг, тускло освещенную чадившей керосиновой лампой.

— Мария!— крикнул Хосе.

Из темноты появилась девушка.

— Да?

— Сеньор Рид?

— Он ушел.

— Знаю.

— Я накормила его.

— Он сказал что-нибудь?

— Нет.

— Ты ему помогла?

— Что вы!

— Если мы не найдем его, сеньорита,— обратился к ней Ратман,— он может погибнуть. Сеньору Риду угрожает большая опасность.

— Я ничего не знаю,— ответила девушка, глядя то на Ратмана, то на Хосе.

— Она... она ничего не знает,— пожал плечами Хосе.— Да и почему она должна знать? Она женщина. Она покормила его, вот и все.

— Хорошо, хорошо,— нетерпеливо махнул рукой Ратман.— Что же дальше?

— Может, мне удастся разузнать что-нибудь в Лиме?

— В таком случае пошли, да поживее.

Ратман поблагодарил девушку и вышел из хижины вместе с Хосе. Оставив позади район трущоб, они зашагали быстрее, хотя их окружала глубокая темнота. Неожиданно кто-то схватил Ратмана за руку. Он остановился и обернулся, но человек уже растворился во мраке. Ратман ощутил в руке клочок бумаги.

— Минуточку, Хосе, зажги-ка спичку.

— Спичку?

— Да. Кто-то сунул мне записку.

При слабом, быстро гаснущем огоньке Ратман успел прочитать на клочке страницы из какого-то журнала две коряво написанные буквы: «БП».

— Что это значит, сеньор?— спросил Хосе.

— Ума не приложу.

Они молча подошли к ожидавшему их «бьюику». По пути в город Ратман долго не произносил ни слова, но вдруг оживился и даже щелкнул пальцами.

— «БП»! Это же «британское посольство»!— воскликнул он.— Хосе! Рид направился в британское посольство.

— Возможно. Он говорил мне, что хочет туда пойти.

— Ну, теперь дело за нами.

— За нами, сеньор? Но в британском посольстве он же в полной безопасности.

— Как сказать, Хосе, как сказать... Вот это мы и должны выяснить. Скажи водителю, пусть везет в посольство.

— Но уже поздно, сеньор.

— Неважно. Кое-кому там придется покинуть теплые постели, только и всего.

Ратман оставил Хосе в машине, быстро поднялся по ступеням крыльца и нажал кнопку звонка. Прошло немало времени, прежде чем дверь открылась и его впустили. Ратмана принял высокомерный молодой человек в смокинге.

— Извините за вторжение,— обратился к нему Ратман,— но я беспокоюсь о судьбе англичанина по фамилии Рид.

— Рид?

— Да. Он был здесь?

Молодой человек отрицательно покачал головой:

— Насколько мне известно, нет, мистер...

— Ратман. Я американец.

— По-моему, нет, мистер Ратман. Впрочем, подождите минуту, я проверю в канцелярии.

Молодой человек ушел, но вскоре вернулся.

— К сожалению, мистер Ратман, должен вас огорчить. Мистер Рид не только не появлялся в посольстве, но и вообще нам совершенно неизвестен.

— Но он был в Лиме!

— Постоянно проживал здесь?

— Нет, он был проездом.

— Вот видите. Следовательно, мы ничего не можем знать о нем.

— Но вы уверены, что он не был у вас... сегодня вечером?

На лице молодого человека появилось холодное выражение.

— У меня нет привычки лгать, мистер Ратман,— заявил он.— Спокойной ночи, сэр.— Он нажал кнопку звонка и вызвал слугу.—Джоунс, проводи этого джентльмена,— распорядился он, сделав ударение на слове «джентльмен».

«Самодовольный болван!»— подумал Ратман, направляясь к двери.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ан. ГОРСКИЙ.

Золотой медальон

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

10

Ратман вернулся к себе усталый. Бросившись в кресло, он принялся перебирать в памяти события прошедшего дня. Где же все-таки Рид?..

Визит в отель «Фон Гумбольдт» оказался таким же безрезультатным, как и посещение британского посольства. Дежурный администратор, получив несколько долларов, пытался помочь Ратману, но сумел лишь выяснить, что Рид в гостинице не появлялся.

Пронзительно зазвенел телефон. Ратман взял трубку и сразу узнал голос своего друга Эла Спидела — американского корреспондента в Рио-де-Жанейро.

— Говорит Спидел. Это ты, Джо?

— Да, да! Какие новости?

— А вот какие. Я кое-что узнал о Халкинсоне Листере из того списка, что ты прислал мне. Он канадец, преподает историю и только что получил назначение... как ты думаешь, куда?

— Не представляю.

— В университет Лимы.

— Ну и что?

— Поговори с ним.

— О чем?

— Откуда мне знать! О его предках, о прошлогоднем снеге, о Канаде или об истории, если ты еще имеешь представление о ней.

— К сожалению, все перезабыл.

— Тогда вот тебе для ориентировки несколько фактов. Окончил среднюю школу в Торонто, потом колледж «Спарта» в Ванкувере, после чего учился в Англии в Кембриджском университете. Первое место работы—колледж «Спарта» в Нью-Йорке, преподаватель истории, а позже — в той же должности — в колледже «Спарта» в Сан-Франциско; в течение десяти лет был советником канадского и американского правительств, затем профессор истории в Берлине, потом занимал крупные посты в университетах Буэнос-Айреса, Рио-де-Жанейро и вот теперь в Лиме. Специализируется по истории Европы, но неплохо знает историю ацтеков и инков.

— Спасибо. Возможно, когда-нибудь мне представится случай оказать тебе такую же услугу.

— Возможно, возможно... Да, чуть не забыл. Я ведь узнал кое-что и о некоем Пьере Бриаке — он тоже есть в твоем списке. Весьма странный тип. Ему около сорока, француз, президент «Международного банка». Родился в Париже, образование получил в Лионе, потом в колледже «Спарта» в Париже. Из Парижа уехал в Берлин и служил там в различных банках. Был советником «Всемирного банка». Здесь находится по каким-то делам, имеющим отношение к Торговой палате Буэнос-Айреса. Влиятельный и скрытный человек. Выгнал меня из дому, когда я пытался получить у него интервью.

— Так. Что еще?

— Все. Буду наводить дальнейшие справки, а пока заканчиваю, затянулся наш разговор.

— Еще раз спасибо тебе.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5 – 10.

Ратман едва успел положить трубку, как снова раздался звонок.

— Джо?

— Я.

— Наконец-то! Весь день тебе названиваю. Это Пит.

— Слушаю, Пит.

— Я по поводу того списка, что ты мне прислал.

— Ну, ну?

— Мои коллеги из Нью-Йорка помогли мне проверить человек двадцать.

— Так, так.

— Как правило, большие тузы, птицы высокого полета.

— Дальше.

— Вот, собственно, и все, если не считать одного примечательного факта: все они...

— ...все они получили образование в различных колледжах под одним и тем же названием — «Спарта»? — живо перебил Ратман.

— Правильно. Значит, ты уже знаешь?

— Я только высказываю предположение.

— По-твоему, эта деталь имеет какое-то значение?

— Не исключено.

— Как бы то ни было, меня это заинтересовало, и я стал копаться дальше. Скажи, ты знаешь, что во многих странах западного мира среди членов правительства и тех, кто занимает различные крупные посты, сплошь да рядом встречаются люди, получившие образование в одном из колледжей под названием «Спарта»? Кстати, я взял да и написал об этом очерк.

— Что?! — Ратман даже вскочил с кресла.— И его напечатали?

— Черта с два!—раздраженно ответил Пит.— Не напечатали и вряд ли напечатают. Во всяком случае, моя газета наотрез отказалась. На вопрос «Почему?» редактор по отделу очерков Оуэрс ответил мне: «Спарта» не новость». А в «Нью-Йорк гардиан», куда я со злости послал очерк, вообще ничего не ответили — вернули, и все. Кажется, не осталось ни одной крупной газеты в Соединенных Штатах, которой я не предложил бы свой материал, и все напрасно.

— Любопытно. Но почему мы почти ничего не знаем об этих колледжах «Спарта»?

— Понятия не имею. Наша газета — я специально проверял — за последние пять лет даже не упоминала о них. Может, моему старику надо было бы в свое время послать меня в один из этих колледжей, а? Правда, я не одолел даже средней школы — потому, наверно, он и не решился.

— Не унывай, Пит. Простые люди не кончают колледжей «Спарта». Говорят к тому же, что их студенты живут в холодных общежитиях, занимаются зубрежкой, а каникулы проводят в горах, где им приходится, в частности, взбираться на вершины Гималаев. Нет уж, лучше я во время отпуска поваляюсь на морском пляже да полюбуюсь на хорошеньких девушек. Так что у тебя еще, Пит?

— Пока все. Английские газеты сообщают, что при авиационной катастрофе где-то там, в ваших краях, погиб некий Рид. У тебя не найдется каких-нибудь подробностей?

— Пока нет. На поиски самолета в джунгли отправилась экспедиция. Если она что-нибудь обнаружит, я обязательно извещу тебя.

— Благодарю, дружище. Мне это не помещает, а то редактор поедом ест меня с тех пор, как узнал, что я занимаюсь этой твоей «Спартой», будь она проклята. Ну, желаю успеха.

В трубке зазвучали гудки отбоя. Ратман достал сигарету и закурил. Он понимал, что есть много такого, над чем нужно хорошенько подумать.

Хосе чувствовал себя униженным. Он поколотил Марию, отчитал Кристобаля, охранявшего выход из тоннеля, однако настроение у него не улучшилось. Он жаждал мести, но не знал, кому мстить. Прежде всего надо было отыскать Рида. Хосе зашел к Марии и, покуривая неизменную сигарету, уселся у нее в ногах.

— Мария, моя маленькая голубка, я хочу поговорить с тобой.

— О чем еще? — спросила девушка, переставая всхлипывать.

— О Риде.

— Я уже все тебе рассказала.

— Ничего ты мне не рассказала.

— Потому что и рассказывать нечего.

— Лжешь!

— Клянусь всеми святыми!

— И все равно лжешь. Это ты помогла ему бежать?

— Нет.

— Нет, ты!

— Хорошо же, я скажу тебе правду. Да, это я помогла ему бежать. Я оставила на полу тоннеля капли стеарина, и по ним он нашел выход.

— Он сказал тебе, куда пойдет?

— Да, сказал. В свое посольство.

— Он не был в посольстве.

— Но он же сказал, что хочет вернуться в Англию. Зачем ему говорить неправду?

— Мужчины постоянно лгут женщинам, иначе на земле никогда бы не было мира.

— Он говорил со мной искренне.

Хосе встал.

— Мне следовало бы убить тебя, но я подожду, ты поможешь мне найти Рида. Он в опасности и только из-за твоей женской глупости. Слушай, что тебе нужно сделать.

Он говорил в течение нескольких минут, и Мария внимательно его слушала.

— Поняла,— кивнула она, когда Хосе умолк.

— Выполнишь все, что я сказал, и тогда, быть может, заслужишь прощение. Я ухожу, моя красавица. До свидания.

Как в какой-то хитроумной составной детской картинке-загадке, отдельные детали постепенно вставали на свои места, образуя определенный рисунок. После долгих размышлений Ратман наконец увидел перед собой картину, написанную ненавистью, страхом и жаждой реванша,— картину, писать которую начали люди, замыслившие покорить весь мир. Их попытка оказалась тщетной, но у них нашлись последователи, они добиваются той же цели, используя еще более изощренные средства и способы.

«Интересно,— подумал Ратман,— когда им удалось захватить в свои грязные лапы колледжи «Спарта»? Они были созданы с благими намерениями, а теперь превратились в питомник будущих палачей и убийц, собирающихся установить свое господство над всем человечеством... Но, может, я заблуждаюсь? — перебил Ратман самого себя.— Может, все это существует только в моем воображении?»

Размышляя и хмурясь, Ратман продолжал возиться с магнитофоном, потом подошел к письменному столу, нажал кнопку, спрятанную между тумбами, под средним ящиком, и внятно произнес: «Алло, алло, говорит Эйбл Джек, говорит Эйбл Джек...» Выключив запись звука, он подошел к спрятанному магнитофону и, прокрутив пленку, убедился, что голос звучит отчетливо и громко. Ратман с довольным видом потер руки. «Ты же, оказывается, замечательный радиотехник! — похвалил он себя.— В следующий раз, когда меня навестит Корт или его дружки, у меня останется хотя бы память об их визите».

Он опять закурил и снова принялся ломать голову над тем, куда мог скрыться Рид. «Если даже Корт захватил его, это ничего ему не даст. Корту нужен портфель, а он у меня... Так где же Рид? Все-таки я, кажется, успел к нему привязаться...»

Ратман тяжело вздохнул и загасил сигарету. Надо было начинать визиты и первым делом навестить Халкинсона.

В квартиру постучали. Ратман открыл дверь и оказался лицом к лицу с довольно полной женщиной.

— Мистер Ратман?

— Да.

— Я фрау Каппелман.

— Фрау Каппелман?— переспросил пораженный Ратман.

— Можно войти? — Не ожидая ответа, женщина вошла в комнату, закрыла за собой дверь и повернула ключ в замке.— Так будет лучше,— заметила она.

— Извините, я, право, несколько удивлен...— заговорил было Ратман.

— Разрешите сесть? — Она подошла к креслу и опустилась в него. Посетительница держалась уверенно и спокойно.— Вы тоже садитесь, молодой человек. Мы должны поговорить.

Ратман сел напротив, пытаясь справиться с чувством беспокойства, вызванного этим неожиданным визитом.

— Рад познакомиться с вами, миссис Каппелман,— проговорил он; одновременно Ратман незаметно просунул руку под стол и включил магнитофон.

— Точнее говоря, вы поражены, не так ли? Но неважно. Если не ошибаюсь, вас интересует деятельность моего мужа?

— Как вам сказать, миссис Каппелман... Я журналист, не связанный с какой-нибудь определенной газетой, и если мне кажется, что я чую запах сенсации, я, естественно, стараюсь разузнать подробности.

— И уже успели узнать, что у Каппелмана есть жена, что стюардесса разбившегося самолета — моя дочь и что она погибла,— печально сказала миссис Каппелман.

— Пока никто не может утверждать, что ваша дочь погибла. Ее захватили индейцы, и, возможно, она жива.

— Если Розелла и жива, ко мне она не вернется. Ее-то я и оплакиваю. Понимаете, мистер Ратман, я любила ее.

— Она ваша дочь от первого мужа?

— Да... Вскоре после катастрофы выясняется, что Эрик жив, и меня навещает ваш человек. Естественно, я спрашиваю себя: «К чему все эти расспросы?» Обращаюсь к властям, а мне отвечают: «Ваш муж болен, находится в больнице, где его, несомненно, поставят на ноги». Но это меня не успокаивает. Затем у меня появляются двое неизвестных и велят молчать. Я поняла, что у Эрика опять какие-то неприятности, но на этот раз другого характера, нежели прежде. Раньше в подобных случаях он всегда присылал мне распоряжения: сделай то, сделай другое... А на этот раз — ничего. Вот я и подумала, что дело, видимо, обстоит не так, как раньше, и решила отправиться в Лиму и сама все разузнать. Сказано — сделано: я беру билет на самолет и лечу в Мехико...

— Позвольте, но почему в Мехико? Ведь есть же более короткий...

— Потому, что я вовсе не дура, мистер Ратман. Потому, что я достаточно долго жила с Эриком Каппелманом и научилась никому не доверять. Я лечу в Мехико, а за мной, как я и ожидала, слежка. Те, кто следил за мной, хитры, но я хитрее — женщина при желании перехитрит кого угодно. Я иду туда, иду сюда, и в конце концов они теряют меня. Я прилетаю в Лиму, и об этом никто пока не знает. Адрес ваш я получила от того человека, которого вы посылали поговорить со мной. И вот я у вас и жду, что вы откроете мне правду.

— Правду, миссис Каппелман?

— Скажите, мой муж жив?

— Почему вы думаете, что его нет в живых?

— Я уже сказала. Но у меня есть и другое доказательство. Пока мой муж был жив, он всегда пересылал в банк чек на мое имя, а в этом месяце чека не поступило. Управляющий банком уверяет, что, возможно, это недоразумение, однако какое уж тут недоразумение... Мой муж...

— Я ничего не знаю. Видите ли...

— Мне нужна правда, мистер Ратман. Вы опасаетесь, что я начну плакать? Не собираюсь. Эрик — дурной человек.

Ратман удивленно взглянул на женщину и по выражению ее лица понял, что она говорит искренне.

— Видите ли, только одному человеку удалось живым выбраться из джунглей — некоему Риду. Он видел, как ваш муж... был убит.

— Вы уверены?

— Вполне. У Рида нет причин лгать.

— Могу я поговорить с этим Ридом?

— Его нет.

— Нет? Где же он?

— Миссис Каппелман, с Ридом и мною, после того как мы начали интересоваться делами вашего покойного мужа, произошло многое, причем главным образом неприятное.

«А что я, собственно, теряю?» — спросил себя Ратман и рассказал женщине все, что знал. Она слушала молча.

— Вам известна только часть истины,— проговорила она, когда Ратман кончил,— а я знаю ее всю.

Ратман почувствовал, что его охватывает волнение, но усилием воли заставил себя выслушать свою странную собеседницу. Она рассказала, как тяжело переживала смерть первого мужа, о своем одиночестве, о первой встрече с Каппелманом.

— Я была моложе, изящнее, да и он, хотя уже начал полнеть, все еще выглядел хорошо и к тому же располагал средствами...

Мы поженились, а вскоре Каппелман сумел отделаться от моей дочери. Он устроил ее стюардессой. Так что мы с ней фактически перестали видеться. Потом Каппелман перевез меня в Каракас и тем самым изолировал от всех друзей и знакомых. Мы встречались только с его друзьями. Все они были весьма влиятельными людьми с очень хорошими связями, но все... как бы это сказать... словно замирали в присутствии Каппелмана...

— То есть?

— Они очень боялись моего мужа, мистер Ратман.

— И вы узнали, почему?

— Узнала.

— Каким образом?

— Через женщину. Женщины, мистер Ратман, когда наступает время сурового испытания, сохраняют единственную нерушимую верность — верность друг другу. Один из так называемых друзей моего мужа покончил самоубийством, и его вдова явилась ко мне... с ножом.

— Убить вас?!

— Нет, моего мужа. Но не решилась: не выдержали нервы. У нее не хватило сил даже вынуть нож из сумочки. Зато она мне все рассказала...

— Продолжайте, продолжайте.

— Ее будущий муж подростком учился в одном из колледжей «Спарта». Как-то его подвергли испытанию на храбрость, и он не выдержал. Тогда классный наставник остался с ним наедине и...

— Наставник был немец?

— Да. Он остался с ним наедине и сказал: «Я буду молчать, никто ничего не узнает, если ты подпишешь вот этот документ. В нем говорится, что ты — трус». Мальчик подписал, и произошло чудо. Нет, у него не прибавилось ни храбрости, ни способностей, но с того времени он стал получать блестящие оценки, а когда окончил колледж, ему предоставили хорошую должность на государственной службе в одной из латиноамериканских стран. Он быстро сделал карьеру, но пришло время расплачиваться. Он стал выполнять чужую волю, делать то, на что никогда бы не решился сам и что вовсе не казалось ему правильным. Он беспрекословно выполнял все указания мужа, который все время напоминал ему о существовании того документа и о том, что в любой момент может предать его огласке.

— Но такая мелочь вряд ли могла бы...

— Это только один и далеко не самый главный из многих способов, с помощью которых люди, подобные моему мужу, заставляли других подчиняться себе и считать, что «Спарта» всегда права. Того человека, о котором я рассказываю, предупредили, что, если он все же рискнет пойти на позор, бесчестие и крушение своей карьеры, этим ему не отделаться. Если он посмеет открыть рот, выболтать хотя бы одну из тайн «Спарты», умрет не только он сам, но и его жена и дети. Ему не оставалось ничего другого, как слепо подчиняться любым приказам. Он знал к тому же, что и другие воспитанники колледжей «Спарта» находятся точно в таком же положении.

— Буквально в с е, миссис Каппелман?

— Нет, конечно. Из каждого выпуска того или иного колледжа «Спарта» обычно отбирают одного-двух студентов. Колледжи под таким названием есть в Лондоне, Париже, Западном Берлине, Мадриде, Копенгагене, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Буэнос-Айресе и в других крупных городах. В принципе-то, мистер Ратман, в этой системе образования нет ничего предосудительного, скорее наоборот. Вся беда в том, что с некоторых пор руководство ею перешло в руки маньяков, мечтающих о мировом господстве и озабоченных подготовкой нужных кадров. Они отбирают наиболее способных студентов и умело их компрометируют. Потом помогают им «выпутаться», и такие люди, естественно, испытывают к своим «спасителям» чувство признательности. Ну, а если и обнаруживают, что стали жертвой грязных махинаций, выбраться из рук таких людей, как Каппелман, они уже не могут.

— Но во имя чего это делается?

— Я же сказала. Насколько я понимаю, речь идет о создании нового рейха и новой расы господ из особо отобранных американцев, англичан, испанцев и кое-кого еще. А руководить ею будут из Западной Германии. Женщина, о которой я говорила, сказала так: «Ваш муж является одним из руководителей. Он гаулейтер всей Южной Америки. Мой муж покончил с собой, потому что не мог бороться с ними. Вашего мужа нужно убить...»

— Ну, и как же вы поступили?

— Я отправила ее домой. Не скажу, что я поверила ей или не поверила,— ни то, ни другое. Просто я решила сама понаблюдать, стала заглядывать в бумаги мужа. Да, женщина была права! Каппелман мертв, и это хорошо, но вместо него сюда пришлют другого человека, и только... Скажите, мистер Ратман, сможете вы написать обо всем этом и опубликовать в какой-нибудь газете? Я готова рассказать все подробности и даже разрешу сфотографировать себя. Я не боюсь, я же теперь совсем одна, и...

— ...и слишком болтлива,— послышался чей-то голос.

Ратман резко повернулся. В проеме двери, открытой на крохотный балкон, покачивалась спущенная сверху веревка. Прозрачная занавеска отлетела в сторону, и в комнату шагнул Корт с пистолетом в руке. Миссис Каппелман вскрикнула и хотела подняться, но Корт вытянул руку, из дула пистолета, снабженного глушителем, вылетел огонек, послышался негромкий щелчок, и женщина, застонав, медленно сползла на пол.

Это было последнее, что видел Ратман. Он хотел закричать, позвать на помощь, но успел лишь пробормотать несколько слов: снова блеснуло пламя, снова прозвучал легкий щелчок, и голова журналиста безжизненно откинулась на спинку кресла.

Корт быстро подошел к письменному столу и, обнаружив, что ящик закрыт на ключ, вынул из кармана отмычку, сломал замок и вполголоса выругался: ящик был пуст. Некоторое время Корт стоял, сдвинув брови и размышляя, потом прошел в спальню, тщательно обыскал кровать и уже осмотрел несколько ящиков комода, когда услышал крик и поспешно вернулся в гостиную. Какая-то женщина взволнованно кричала сверху:

— Боже, кто-то забрался в квартиру под нами! Взгляни, Аннет, веревка! Я же говорила тебе, что слышала... Сейчас же звони в полицию...

Проклиная обладательницу пронзительного голоса, Корт еще раз осмотрелся, подошел к входной двери и осторожно открыл ее; в коридоре никого не оказалось. Корт вышел из квартиры и спустился по лестнице. Он знал, что рискует, но иного выхода не было. Еще больше рисковал он сегодня, решив проникнуть в квартиру Ратмана, когда его люди, день за днем наблюдавшие за домом, сообщили, что у подъезда, не решаясь, видимо, войти сразу, прохаживается миссис Каппелман.

Корт спустился в безлюдный вестибюль и вышел на улицу как раз в ту минуту, когда за углом послышался приближающийся вой полицейской сирены.

11

Джилингхем лишь слегка нахмурился, когда его шеф-повар Альберто доложил, что одна из судомоек вышла замуж и уволилась. Но, добавил Альберто, замену ей он уже нашел, взял свою добрую знакомую по имени Мария — трудолюбивую, энергичную девушку с тремя блестящими рекомендациями от весьма солидных людей. Джилингхему, разумеется, и в голову не пришло, что рекомендации были написаны под угрозой разоблачения кое-каких неприглядных фактов из биографий рекомендующих.

Мария быстро освоилась в доме Джилингхема и уже через неделю смогла кое-что сообщить Хосе, когда они встретились в маленькой комнате в ювелирном магазинчике.

— Хоть бы ты порадовала меня хорошими новостями, Мария,— озабоченно заметил Хосе.— Неприятностей у меня и так хватает.

— А что?

— Нашего друга Ратмана уже нет... Ратман и какая-то женщина найдены убитыми в его квартире.

— Вот как! — оживилась Мария.— Неудачный роман!

— Чепуха! Женщина была слишком стара для романов.

— Ну и что? Если женщина еще может любить, значит, она молода.

— А я тебе говорю, что убитая не была любовницей Ратмана. Они даже не знали друг друга.

— Но кто же она?

— Полиции неизвестно. Полицейские считают, что их застрелил какой-то сумасшедший.

— Сумасшедший? За что?

— Он мне не докладывал. Думаю, ее убили за то, что она пришла к Ратману и разговаривала с ним. Может, она сообщила ему что-нибудь, а может, нет. По-моему, только сеньор Корт мог бы все объяснить. Он очень плохой человек, и вот что интересно: его не было в гостинице, когда были убиты Ратман и эта женщина.

— Ты заявил куда следует?

— Ты что, за болвана меня принимаешь? — вспылил Хосе.— По-твоему, мне надо пойти в полицию и заявить: «Так и так, сеньоры, я шпионил за сеньором Кортом, я шпионил за сеньором Ратманом. Я многое знаю, но у меня нет причин убивать Ратмана...» Не строй из себя дурочку, Мария. Полицейским позарез нужен какой-нибудь простак, чтобы приписать ему убийство, и они только обрадуются, если я сам суну голову в петлю.

— Прости, я не подумала. Ты уважал сеньора Ратмана?

— Уважал. Вообще-то терпеть не могу проклятых американцев, а вот сеньора Ратмана уважал. Я уж думаю, не убить ли мне Корта в отместку? Ну, ладно. Рассказывай, что ты узнала о сеньоре Риде. Найти бы его! Он-то, наверно, растолковал бы нам, за что расправились с сеньором Ратманом.

— Могу сообщить тебе, что сеньор Рид находится у сеньора Джилингхема. Как я узнала? А так: болтаю со всеми, позволяю ухаживать за собой... Он у Джилингхема, это точно. Наш повар Альберто каждый день ставит на поднос всякую еду и куда-то несет, а вот куда — никто никогда не видел. Сегодня поздно вечером я зайду к Альберто. Постараюсь вытянуть из него все. В двенадцать ночи я закончу работу и пойду домой. Вы ждите меня у служебного входа. В два часа ночи Альберто откроет мне дверь, а дальше вы уж сами действуйте... Скажи, а что мы так беспокоимся о сеньоре Риде?

— Сам не знаю,— покачал головой Хосе.— Знаю только одно: я должен спасти сеньора Рида. Мой друг сеньор Ратман, будь он жив, попросил бы меня об этом. Может, на мое счастье, сеньор Рид скажет мне, за что сеньор Корт убил сеньора Ратмана. Я отомщу за сеньора Ратмана.

— Откуда же это знать сеньору Риду? — улыбнулась Мария.— Он такой простоватый, хотя и симпатичный... Ну, мне пора,— спохватилась девушка.— Не забудь, Хосе, в два ночи.

— Иди, Мария. Если все пройдет хорошо и сеньор Рид вознаградит меня, я куплю тебе хороший подарок.

— Новое платье?

— Договорились.

— И туфли?

— Да.

— И чулки?

— Согласен, черт тебя побери!

Мария взяла сумочку и, взмахнув своими длинными юбками, выскочила из магазинчика. Хосе допил кофе и тоже ушел.

Довольно мурлыкая что-то под нос, Альберто прошелся по своей комнате, сдувая с мебели воображаемые пылинки. Потом он еще раз намазал бриллиантином и без того старательно напомаженные волосы, снова нафабрил усы и вымыл руки и лицо водой с обильной добавкой одеколона. Было без пяти два ночи. В доме царила тишина. Альберто бесшумно спустился по лестнице в кухню, открыл все запоры и распахнул дверь.

— Мария! — позвал он.

Не получив ответа, Альберто окликнул девушку погромче, потом вышел во двор и снова позвал. Лишь после этого девушка подбежала к нему, и он привлек ее к себе, собираясь поцеловать, но сильный удар по голове свалил его на землю.

— Так-то вот,— прошептал Хосе, пряча в карман мешочек с песком, и негромко свистнул. Появившийся рядом с ним человек легко взвалил Альберто на плечо и понес к ожидавшему на дороге «бьюику». Он бросил повара на заднее сиденье и уселся рядом; Хосе подсел к водителю. Машина бесшумно, на холостом ходу, спустилась по уклону дороги, после чего шофер включил мотор и «бьюик» быстро набрал скорость.

Альберто пришел в себя от крепкой, обжигающей жидкости, влитой кем-то ему в рот. Он с трудом приподнялся и сел и прежде всего увидел Хосе, с которым никогда раньше не встречался. Здесь же был огромный, высокий мулат. Марии и след простыл.

— С добрым утром, сеньор,— приветствовал его Хосе.

— Что вам нужно? — простонал Альберто.— Я бедный человек... Где я?

— В подвале под причалом в Кальяо. Вода здесь холодная и глубокая. Возможно, течение Гумбольдта отнесет тебя в теплые моря. Но ты еще сможешь вернуться домой, к своей мягкой постели и выгодной работе, если скажешь то, что нам нужно знать.

Альберто был итальянец, и его тут же обожгла мысль: «Я в руках мафии!..»

— Итак, первое: где сеньор Рид?

— Рид?! Не знаю я никакого Рида!

— Согласен, ты можешь и не знать такой фамилии. Но у вас есть в доме пленник?

— Нет.

— Ну-ка, друг, помоги ему вспомнить.

Мулат пнул Альберто в бок. Итальянец вскрикнул и заполз в угол.

— Так есть у вас пленник, Альберто?

— Я не знаю...

— Напомни ему еще разок.

— Не трогайте, я скажу! — взмолился Альберто.

— Вот так-то лучше. Ну?

— Несколько дней назад мне приказали готовить еду еще на одного человека.

— Кто приказал?

— Не знаю. Распоряжение передали по телефону.

— Дальше.

— С тех пор я готовлю лишнюю порцию каждого блюда и оставляю в столовой.

— А потом?

— А потом получаю обратно пустую посуду.

— Кто съедает эту лишнюю порцию?

— Понятия не имею.

— Враки! Поддай-ка ему...

— Не надо! Я сказал неправду.

— Мы так и знали. Ты наверняка шпионил за своими хозяевами, и что же?

— Я узнал, что еду относят в винный подвал. Клянусь, больше ничего не знаю!

— У кого ключи от подвала?

— У самого сеньора Джилингхема, он не доверяет дворецкому.

— И правильно делает. А где могут быть эти ключи сейчас?

— Где же, как не у сеньора Джилингхема. Сейчас он спит, наверно, в своей спальне.

— Дверь у подвала крепкая?

— Люк? Как и обычно у таких подвалов.

— А вторые ключи? У кого они?

— У м-меня.

— Очень хорошо. А теперь скажи: когда вы со своим дружком дворецким последний раз побывали в подвале, чтобы опорожнить очередную бутылку?

— Мы не спускались в подвал с тех пор, как узнали, что туда относят еду. Вдруг там заперт какой-нибудь сумасшедший? Пока выжидаем, может, его скоро уберут. Уже сколько дней, сеньор, я и мой друг даже не нюхали хорошего вина.

— Понятно. Значит, ждете не дождетесь, пока в подвале никого не будет?

— Да уж если по правде...

— В таком случае этот человек покинет подвал сегодня же ночью.

— Это как же?

— Его выпустишь ты.

— Я?

— Ты. Сейчас мы отвезем тебя обратно. Ты проводишь нас в подвал, откроешь дверь, мы увезем сеньора Рида, а ты можешь хоть захлебнуться в вине.

— Я... я не против,— попытался улыбнуться Альберто.— Так мы и сделаем через несколько дней.

— То есть как через несколько дней? — возмутился Хосе.— Я же сказал — сейчас! Вставай.

Он слегка пнул Альберто, и тот поспешно вскочил на ноги.

— Я понимаю, ты можешь поднять шум, когда мы окажемся у вас в доме,— спокойно заметил Хосе.— Но, надеюсь, не сделаешь такой глупости. Во-первых, потому, что тогда тебе пришлось бы придумывать какое-то объяснение.

— Какое объяснение?

— Ну как же. Мария-то окажется у тебя в комнате и расскажет твоему хозяину, что это ты впустил ее ночью к себе, а сам пошел за выпивкой и закуской. Это во-первых. Во-вторых, ты не станешь поднимать шума еще и потому, что было бы глупо умереть из-за такого хозяина, как твой. Служба везде служба. Потеряешь одну — найдешь другую. А вот если умрешь...— Хосе замолчал, не спеша вынул из кармана нож и нажатием кнопки заставил лезвие выскочить из рукоятки.

— Я и рта не раскрою! — испуганно пролепетал Альберто.

— Умно сказано. А теперь пошли.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ан. Горский.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Через некоторое время все трое вернулись в дом Джилингхема. Освещая путь электрическим фонариком, Альберто привел Хосе и его спутника-мулата к находящемуся рядом с буфетной люку в винный подвал, открыл замок, и все трое по каменным ступеням спустились вниз. В застоявшемся воздухе пахло прелым деревом, вином и спиртом. Рида здесь не оказалось. Хосе неторопливо выхватил фонарик из рук дрожащего Альберто, снова тщательно обследовал подвал и снова убедился, что в нем никого нет. Он уже готов был отказаться от дальнейших поисков, когда чьи-то глухие, словно из-под земли, крики насторожили его. Хосе с новой энергией принялся осматривать каждый уголок подвала и наконец наткнулся на деревянную крышку второго люка. Хосе поднял ее и заглянул в заполненную мраком пустоту.

— Сеньор Рид,— вполголоса позвал он.— Отзовитесь, только не слишком громко.

По каменному полу внизу прошаркали чьи-то шаги.

— Кто тут? — послышался голос Рида.

— Хосе, сеньор.

— Хосе?! Слава богу!

— Слава Хосе, сеньор. Бог тут ни при чем, это я вас нашел.

— Ты можешь вызволить меня отсюда?

— За тем я и пришел. Как вы попали в эту дыру? По лестнице?

— Не знаю. Еду мне опускают на веревке.

Хосе повернулся к своему спутнику.

— Разыщи веревку,— распорядился он.— Сейчас мы найдем веревку, потерпите,— снова обратился он к Риду.— Вот она... Обвяжитесь концом... Готово? Поднимаем!

Минуту спустя в отверстии показались руки и голова Рида. Хосе и мулат рывком вытащили его из люка. Рид настолько обессилел, что не мог стоять, но коньяк из поднесенной Хосе бутылки помог ему прийти в себя. Хосе вознаградил и себя, а затем разрешил приложиться к бутылке мулату и Альберто.

— Я выполнил свое обещание, не так ли, сеньор? — спросил итальянец.— Теперь я могу идти на свидание с Марией?

— Можете, можете, сеньор! — ухмыльнулся Хосе, переходя на «вы».— Вам предстоит замечательная ночь, запомнится на всю жизнь.

Альберто хотел что-то ответить, но не успел. Хосе и мулат мгновенно обвязали его веревкой и, опустив в люк, закрыли крышку.

Все трое направились к выходу из подвала. Никто их не остановил, в доме по-прежнему все спали. Несколько минут спустя они уже мчались в «бьюике» по безлюдным улицам. Рид, намерзшийся в сыром и холодном подвале, уютно устроился на подушках теперь уже так знакомой ему машины и быстро уснул.

На следующее утро, совсем рано, кто-то позвонил Корту по телефону. Положив трубку, он поспешно оделся, поймал около отеля такси и приехал в особняк Джилингхема.

— Ну? — жестким тоном обратился он к хозяину.

— Совершенно не понимаю, как это могло произойти. В погребе оказался мой повар. Я оставил его там и немедленно позвонил вам.

— Давайте спустимся туда.

Джилингхем провел Корта в подвал, зажег свет и открыл крышку люка. Снизу доносилось бессвязное бормотание.

— Молчать! — резко крикнул Корт.— Кто тебя упрятал сюда?

— Человек по имени Хосе.

— А кто увез Рида?

— Хосе, сеньор.

— Кто был с ним?

— Его друзья, но я не знаю их имен.

— Еще кто?

Наступило довольно долгое молчание.

— Женщина, сеньор,— наконец ответил Альберто.

— Женщина?

— Да, сеньор.

— Как ее зовут?

— Мария.

— Где ты познакомился с ней?

— Она работала здесь.

— Долго?

— Всего несколько дней, сеньор.

— У нее были рекомендации?

— Наилучшие, сеньор.

— Как же все произошло?

Сначала не очень уверенно, а потом все больше воодушевляясь от собственных слов, Альберто рассказал потрясающую историю о том, как на него напали два бандита, вооруженные автоматами, кинжалами и кастетами, какое мужественное сопротивление он оказал, как, рискуя жизнью, преграждал путь в дом, но в конце концов был вынужден уступить грубой силе, как сразу понял, что Мария — гнусная шпионка.

— И это все? — презрительно спросил Корт.

— Все, сеньор.

Корт повернулся к Джилингхему.

— В общих чертах так оно, видимо, и было. Я знаю Хосе. Рид сейчас у него. И мы должны снова заполучить этого человека — мне не нравится его осведомленность.

— Вполне согласен с вами,— кивнул Джилингхем.— А теперь нужно извлечь из подвала этого мерзавца.— Он наклонился над люком и крикнул: — Альберто, ты уволен!

Корт улыбнулся, и Джилингхем, довольный тем, что все, кажется, обошлось для него благополучно, ответил ему улыбкой, однако тут же получил такую сильную пощечину, что едва устоял на ногах.

— Идиот! — прошипел Корт.— Еще одна такая ошибка — и я добьюсь, что тебя переведут в какую-нибудь дыру, где ты обязательно сойдешь с ума.

Он наклонился над люком и позвал:

— Альберто!

— Слушаю, сеньор!

— Тебе не кажется, что ты знаешь слишком много?

— Но я же могу все забыть, сеньор, честное слово!

— На тебя нельзя положиться.

— Я буду молчать, я буду молчать, сеньор! — В голосе Альберто слышался ужас.

— У тебя, Альберто, есть немного еды и воды и почти догоревшая свечка. Ни воды, ни пищи, ни света ты больше не получишь. Прощай, Альберто!

Корт захлопнул тяжелую крышку люка и, на ходу бросив побелевшему как снег Джилингхему «Пошли!», направился к лестнице.

12

Мария приводила в порядок свою хижину. Ей удалось убедить Хосе, что если Риду на некоторое время потребуется тайное убежище, то лучшего, чем ее домишко, и не сыскать. «Мой домишко,— твердила она,— почти рядом с пещерами. Если вдруг появится полиция, сеньор Рид сможет быстро туда перебраться». Девушка не сомневалась, что Хосе спасет Рида: он не бросал слов на ветер.

Размышления Марии прервал тихий свист. Девушка поспешно распахнула дверь, и в хижину вошли Хосе и Рид.

Рид выглядел плохо: исхудал и осунулся. Он вновь обрел свободу, но ему не давала покоя мысль, что теперь, после подвала, вновь придется сидеть в пещере. В машине Хосе сообщил ему об убийстве Ратмана, и Рид теперь чувствовал себя еще более одиноким и беспомощным, чем в джунглях. Рид не сомневался, что это — дело рук Корта: только для него журналист представлял серьезную опасность.

— Здравствуйте, сеньор,— приветствовала его Мария.— Вы у друзей, и вам придется пожить у меня, пока...

— Сеньор Рид очень устал,— вмешался Хосе.— Прежде всего ему надо выспаться. Оставь нас.

Марии не очень хотелось выполнять это распоряжение, но спорить с Хосе она боялась.

Помогая Риду раздеваться, Хосе ни на минуту не переставал болтать. Рид и в самом деле чувствовал такую слабость, что мог только слушать.

— Мария принесет вам поесть, сеньор,— говорил Хосе,— а потом вы должны поспать... Погорюйте о моем друге сеньоре Ратмане. Сейчас, когда он мертв, что должен сделать его хороший друг? Выполнить все то, что сеньор Ратман хотел сделать для вас. А что он хотел сделать для вас? Освободить от сеньора Корта. И я освобожу. Сеньор Ратман хотел также, чтобы портфель не оказался у сеньора Корта. Так оно и будет. Полицейские закрыли и опечатали квартиру сеньора Ратмана. Они опечатали и дверь и окна. Но что такое печати? Сегодня ночью один мой приятель аккуратно снимет их, найдет портфель и принесет мне. А дальше? А дальше посмотрим. Ничего другого нам пока предпринимать нельзя. Но через некоторое время Хосе все равно найдет способ перехитрить Корта... Да вы ложитесь, ложитесь!.. Однако не маловато ли это — только перехитрить Корта? По-моему, маловато. Я должен его убить. А как вы думаете, сеньор?.. Сеньор!

Рид уже не слышал его, не слышал, как в комнату вошла Мария с едой: он крепко спал.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—11.

Человек, проникший в квартиру Ратмана, работал неторопливо и тщательно. Вскоре он нашел портфель. В поисках чего-нибудь более ценного, с его точки зрения,— денег или серебра — он обнаружил лишь наручные часы и портативную пишущую машинку. Решив, что больше поживиться нечем, он направился к окну и только теперь заметил тоненькую проволочку на полу, тянувшуюся к небольшому, спрятанному за книжным шкафом магнитофону. Прибор оставался включенным, хотя кассета с лентой для записи была полностью израсходована. Немного поколебавшись, неизвестный пришел к выводу, что не мешает прихватить и магнитофон и отдать его Хосе — может, тогда тот не станет допытываться, с какой добычей он вернулся с задания. С этими мыслями человек покинул квартиру тем же путем, каким и проник в нее,— через балкон и оттуда по веревке на крышу. Сидевший у наружных дверей усталый и сонный полицейский даже не пошевелился.

Корт был вне себя. Расхаживая без конца по номеру гостиницы, он проклинал всех и вся. Особенно доставалось Джилингхему. Принять на работу без тщательной проверки таких сомнительных людей, как повар и судомойка!.. А местная полиция? Ведь ясно же, что охрану надо было поставить в самой квартире Ратмана... Полицейские клялись всеми святыми, что вор или воры ничего не взяли, однако портфеля в квартире не оказалось, хотя он, Корт, сам тщательно обыскал ее. Человек, весьма опытный в подобных делах, он во время обыска догадался кое о чем и после недолгих поисков нашел подтверждение своей догадки — клейкую тесьму в том месте, где был прикреплен микрофон, свободный от пыли квадрат пола, где мог стоять магнитофон, и едва заметные потертости на полу там, где проходил провод, по которому, несомненно, ступали эти болваны из полиции. Работал ли магнитофон, когда он, Корт, стрелял? Наверное, работал,— нетрудно сообразить, что Ратман включил его, чтобы записать рассказ миссис Каппелман.

Обо всем случившемся придется письменно доложить Центру. Мысль об этом заставила Корта вздрогнуть. Он предвидел, как плохо это может кончиться для него. Не исключено, что его вызовут для объяснения. Несколько лет назад предшественник Корта совершил такую же ошибку, или, точнее, допустил, что она произошла. Его тогда тоже вызвали в Центр. Он не только не вернулся — с той поры о нем вообще никто ничего не слышал. И вот теперь наступила его очередь...

Корт прервал свое бесконечное хождение по номеру, закурил и потер ладонью лоб. Во-первых, нужно устранить Рида и Хосе. Во-вторых, раздобыть портфель и магнитофонную ленту с записью. Но как?

Корт знал, где обитает Хосе, и понимал, что полицейские никогда не смогут его схватить. Креола нужно заманить в ловушку, и сделать это можно не силой, а только хитростью. К концу третьей сигареты, которые он курил одну за другой, у Корта был готов план действий.

Ювелир Гидо сидел в своем маленьком магазинчике и лениво наблюдал за публикой, гуляющей по Хирон де ла Юнион. Торговля у него сегодня шла неплохо. Вот и сейчас он заметил полного американца с женой, явно направлявшихся к его заведению. Ювелир поспешил к двери, намереваясь почтительно встретить покупателей, но обнаружил, что они прошли мимо, а вместо них на пороге появились неизвестно откуда взявшиеся два подозрительных типа. Ювелир сразу определил, что они не были ни покупателями, ни полицейскими. Один из них подошел к Гидо, ткнул его пальцем в грудь и грубо спросил:

— У тебя есть тут отдельная комната? Проведи нас туда.

— Но магазин, сеньоры! Я же...

— Закрой!

— Но в это время я никогда не...

— А сейчас закроешь.

Испуганный ювелир краешком глаза заметил, что у его витрины остановился тот же полный американец с женой, но крикнуть о помощи не решился. Американец хотел войти, но один из неизвестных преградил ему дорогу.

— Извините, сеньор,— заявил он,— магазин закрыт.

Подталкиваемый в спину, ювелир провел их в маленькую комнату. Дальше он ничего не помнил: его ударили чем-то тяжелым, и он потерял сознание. Очнулся он от холодной воды, которую плеснули ему в лицо, и обнаружил, что лежит на полу, связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту. Кто-то заговорил с ним, и Гидо показалось, что он узнаёт голос. Сделав усилие, ювелир повернул голову и увидел Корта.

— Наши друзья,— обратился к нему Корт,— вышли выпить вина и вернутся минут через пять. Если вы согласитесь выполнить одну мою просьбу, вас сейчас же освободят. Если не согласитесь...— Корт сделал многозначительную паузу и продолжал: — Мне нужны Хосе и его друг Рид в ближайшие часы, сейчас же.

Ювелир лихорадочно размышлял:

«Предать Хосе? Но это значит погибнуть от руки одного из его друзей, хотя и не сразу. Предать Корта? Но это тоже смерть, причем немедленная... Надо выиграть время, а там видно будет...»

— Вот и хорошо,— заметил Корт, словно читая его мысли. Он разрезал веревки и вынул кляп изо рта ювелира.

— Я согласен.

— Я так и знал. Знал, что вы предадите Хосе.

— Нет, не предам, я поступлю проще: вызову его сюда, а что произойдет дальше...

— Именно предадите,— холодно повторил Корт.— Вы умеете писать?

— Умею.

— Хосе сможет прочесть написанное?

— С трудом, но сможет.

— Прекрасно. Вот вам карандаш и бумага. Пишите и не забудьте, что я читаю по-испански. Пишите: «У меня был Корт. Он намерен убить тебя. Я пришлю тебе «бьюик» к двенадцати ночи. Уезжай в Кито вместе с Ридом — там вы будете в безопасности. Я сообщу тебе, когда Корт уедет из Лимы». А теперь дайте сюда... Так... Подпишите.

Ювелир вздохнул, но теперь это был вздох облегчения. Хосе поймет, что письмо написано в присутствии Корта: ювелир подписался не своим настоящим именем «Гидо», а тем, что значилось у него на вывеске,— «Альвар».

— Как доставить письмо Хосе?

— Через мальчика из соседней лавочки.

— Зовите его, передайте письмо и не вздумайте сказать что-нибудь лишнее.

Гидо выглянул из двери и крикнул:

— Пепе!

К нему подбежал мальчик, ювелир вручил ему письмо и наказал доставить сейчас же. Мальчуган отправился выполнять поручение, а Гидо вернулся в маленькую комнатушку. Почти тут же в ней вновь появились и те двое, что первыми вошли в магазинчик.

— Ну вот,— заметил Корт.— Как вы заказываете этот ваш «бьюик»?

— Из кабины телефона-автомата. Здесь у меня телефона нет.

— Когда придет автомобиль, вы поедете с нами.

— Я? С вами?! — попятился ювелир. Он сразу понял, что, не застав на месте предупрежденного Хосе, Корт обо всем догадается.

— Да, с нами. Но беспокоиться вам не следует, хотя вы и предали своего друга: он не успеет расправиться с вами. Мы возьмем вас с собой, поскольку нельзя доверять предателям... Сейчас я ухожу и вернусь к двенадцати. К этому времени «бьюик» должен быть здесь.

— Сеньор Корт, пожалуйста, не уходите! — умоляюще обратился к нему ювелир.— Ваши помощники могут плохо обойтись со мной.

— С предателями плохо не обходятся,— равнодушно заметил Корт, направляясь к двери.— Их просто уничтожают.

До смерти испуганный ювелир хотел сказать еще что-то, но Корт уже вышел.

13

Рид спал как убитый и проснулся далеко за полдень, да и то потому, что его разбудил Хосе.

— Амиго[1], у нас неприятности, и, по-моему, крупные.

— Что, что? — не понял не совсем еще проснувшийся Рид.

— Неприятности, амиго. Вы помните ювелира с улицы Хирон де ла Юнион?

Рид отрицательно покачал головой.

— Разве наш друг Ратман не рассказывал вам о нем?

— Нет.

— Ну, неважно. Он мой большой приятель и часто мне помогает. Он прислал записку, которую надо понимать так: дорогой Хосе, сегодня ко мне приходил Корт. Он страшно сердит и собирается заставить полицейских арестовать тебя, а если ты скроешься в пещерах, они все равно тебя найдут. Кроме всего прочего, он предлагает вознаграждение — пять тысяч солей. За такие деньги, сам понимаешь, найдется кто-нибудь, кто захочет помочь полицейским. В полночь я пришлю тебе «бьюик». Вместе с сеньором Ридом уезжайте в Кито и побудьте там, пока все не успокоится. Вот что написал мне мой друг ювелир.

Рид спустил ноги с кровати и сел. Через открытую дверь в хижину врывались лучи яркого солнца. Зима подходила к концу, а вместе с ней исчезали холодные, мрачные туманы. Рид почувствовал прилив бодрости и оптимизма.

— Ко всем чертям этого Корта! — воскликнул он.

— Вы думаете, сеньор, нам не следует уезжать?

— Да, не следует.

— Ну уж нет, сеньор. Корт — страшный человек. Он убьет нас, как уже убил Ратмана и...

— Но Ратмана мог убить кто-то другой.

— Другой? Возможно, сеньор, но только в том случае, если этот другой получил соответствующие указания от Корта. А кроме того...

— Да, да?

— Взгляните на письмо, сеньор. Оно подписано: «Альвар».

— Ну?

— Ювелира зовут Гидо, и он всегда подписывается как Гидо. А это письмо он подписал «Альвар». Почему?

Рид недоуменно поднял брови.

— Я вам скажу. Много лет назад он купил магазинчик у человека по имени Альвар, но вывеску менять не стал — так лучше для торговли. И вот сейчас он вдруг подписывается именем прежнего владельца. Тем самым он дает мне понять, что его силой заставили написать письмо.

Рид почувствовал, как быстро испаряется его оптимизм, уступая место страху. Он взглянул на Хосе.

— А мы, амиго, возьмем да и разочаруем сеньора Корта. Мы поставим ему западню, и он, даст бог, попадет в нее. Как говорится, и на старуху бывает проруха... Да, у меня ведь припасены и хорошие новости.

— Не мешало бы услышать и хорошие,— уныло вздохнул Рид.

— Хорошие, хорошие, сеньор. У нас есть портфель и вот это.

Хосе нагнулся, поднял с пола и положил на кровать Рида портфель и магнитофон.

— Как это тебе удалось? А магнитофон откуда?

— Сейчас все объясню. Я знал, что портфель спрятан в квартире сеньора Ратмана, и надеялся, что у сеньора Корта не было времени как следует его поискать. Но не в том дело. Портфель могли найти полицейские, а это значит, что он все равно оказался бы у Корта.

— Как так?

— Очень просто. Сеньор Каппелман прислал бы из «Санта-Розы» соответствующее требование. Портфель-то его, верно?

— Да, но Каппелман...

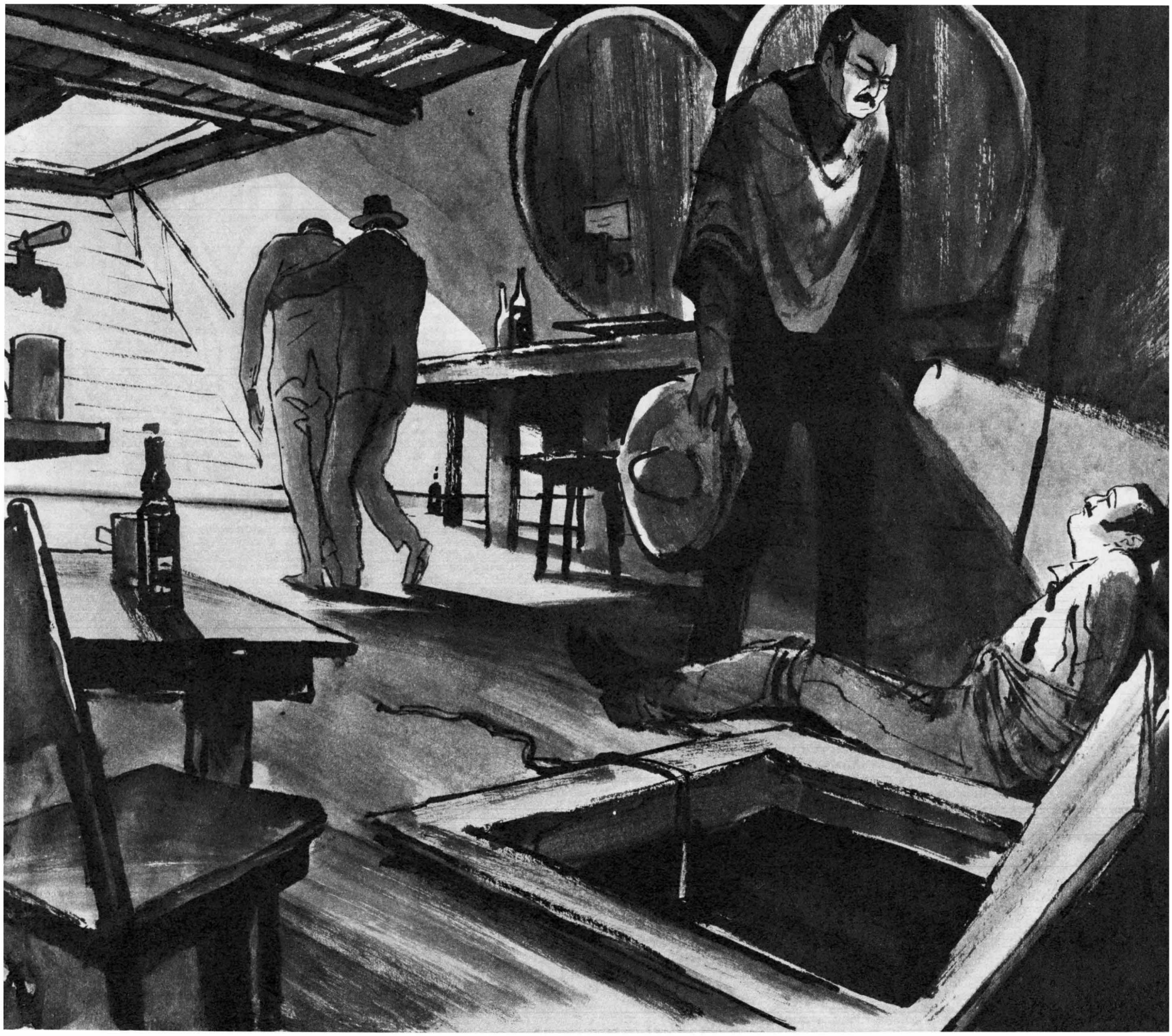
— Мертв. Так утверждаете вы и так утверждал сеньор Ратман. Однако, как я понимаю, сеньор Каппелман жив для тех, кому это нужно.

Рид кивнул.

— Вот я и попросил одного своего приятеля навестить квартиру Ратмана и найти портфель. Моя просьба его нисколько не затруднила, и теперь, как видите, портфель у нас.

---

[1] Друг (исп.).



Мой друг увидел там еще и эту машину. Он подумал, что она представляет какую-то ценность, и принес мне.

Рид открыл магнитофон и сразу обратил внимание, что лента израсходована и находится на второй кассете.

— А знаешь, Хосе, тут, возможно, что-то кроется, надо бы прослушать запись. Есть здесь поблизости дом с электричеством?

— Поблизости нет,— покачал головой Хосе.— Но у меня есть друг, владелец маленького кафе. У него есть электричество.

— Мы можем пойти к нему?

— А почему бы и нет?

— Сейчас?

— Можно и сейчас. От глаз соседей вы тут не укроетесь, но они вас не выдадут. Можно пойти и сейчас, днем.

Хосе взял магнитофон.

— А как же с портфелем? — спросил Рид.

Хосе подошел к двери и позвал Марию.

— Вот, возьми и спрячь. Это очень нужная нам вещь.

Хосе бросил портфель девушке. Мария на лету поймала его и ушла, успев, однако, улыбнуться Риду.

Вслед за Хосе Рид вышел из хижины. Оказавшись под яркими солнечными лучами, он почувствовал себя так, словно его чем-то оглушили, и с горечью подумал, что за последнее время почти не видел солнца.

На стареньком, давно отслужившем свой срок автобусе они проехали несколько остановок по направлению к городу и вскоре уже входили в небольшое придорожное кафе. Хозяин (Хосе называл его Мигелем) провел их в маленькую комнатушку. Здесь Рид перекрутил ленту с одной кассеты на другую, включил звук и с нарастающим вниманием прослушал рассказ миссис Каппелман. Теперь он в совершенно ином свете увидел все то, что произошло за последние дни. Он слушал миссис Каппелман, и перед ним развертывалась картина, которую он еще несколько минут назад назвал бы фантастической.

«А ведь Тацит был прав,— думал он,— когда две тысячи лет назад утверждал, что высшей целью людей, подобных Каппелману, является разрушение. Правда, теперь они поняли, что ложь и коварство, хитрость и вероломство приносят лучшие результаты, если до поры до времени действовать в глубочайшей тайне... Снова возрождается эта зловещая система: один рейх, один народ... В своих колледжах они выращивают некую элиту, некую новую расу господ — «херренфольк», призванную будто бы управлять всем человечеством. Пока это делается тайно, но кто знает, не наступит ли день, когда будущие «властелины мира» не попытаются открыто заявить о себе?.. А Корт, конечно, немец, выдающий себя за англичанина, по всей вероятности, эмиссар «Спарты», которому поручено навести в Лиме порядок...»

Рид почувствовал, что его охватывает сильнейший страх. Случайно проникнув в тайны «Спарты», он стал опасен для этой организации, и Корт обязательно постарается ликвидировать его.

«Спарта» — типичная немецкая организация с железной прусской дисциплиной и четкой военной структурой. В моих руках — портфель с бумагами, а в бумагах — десятки имен. Поэтому, по мнению Корта, я слишком осведомлен и, следовательно, представляю серьезную угрозу...»

В эту минуту рассказ миссис Каппелман, воспроизводимый магнитофоном, был прерван мужским голосом, в котором Рид сразу узнал голос Корта. Он был так реален и близок, что Рид испуганно взглянул в окно. На ленте про-

звучал приглушенный выстрел, словно что-то треснуло, стон женщины, неразборчивое восклицание Ратмана, второй выстрел, удаляющиеся шаги, голоса соседей Ратмана, щелканье замка и... тишина. Рид уже протянул руку, собираясь выключить магнитофон, как послышался голос Ратмана. Он задыхался, каждое слово давалось ему с огромным трудом: «Корт... убил... ее... и меня... меня... меня...»

Голос затих. Кассета продолжала вращаться, пока из нее не выскочил конец ленты. Рид выключил магнитофон и, потрясенный, повернулся к Хосе.

— Хосе, эта запись...

— Да?

— Это же смертный приговор Корту!

— Возможно,— без всякого энтузиазма согласился Хосе.

— Нам остается только вручить ее властям в Лондоне или в Нью-Йорке и...

— Но как?

— Как? Переправить эту запись туда.

— Хорошо, амиго.

— И после этого Корта либо повесят, либо посадят за решетку на всю жизнь.

— Все может быть. Только Корт слишком хитер, и к тому же у него слишком много влиятельных друзей вроде Джилингхема. Вы забыли об этом, сеньор?

— Признаться, забыл,— сразу утрачивая свой пыл, ответил Рид.

— Нельзя забывать ничего, что касается сеньора Корта. Прежде чем мы уедем отсюда, сеньор Корт должен умереть. Он убьет и вас и, возможно, меня, если мы не опередим его. Мы должны составить план.

Наступила долгая пауза. Прошло несколько минут, прежде чем Хосе заговорил снова:

— У меня есть план.

— Ну, ну! — взглянул на него Рид.

— Сегодня вечером сеньор Корт хочет украсть вас и меня.

— Знаю.

— Мы позволим ему украсть нас.

— Что?!

— Да, да, сеньор! Одно дело, когда вас крадут с вашего ведома, а другое, когда против вашего желания. Ничего с нами не случится. Вы убедитесь в этом сами. Я пойду позвоню по телефону.

Хосе ушел, оставив Рида в одиночестве, и вернулся примерно через полчаса, судя по выражению лица, очень довольный.

— Все в порядке, сеньор. Нам пора возвращаться.

На таком же дряхлом и переполненном автобусе Хосе и Рид вернулись в хижину Марии, уже приготовившей для них горячую еду и кофе. После ужина Хосе куда-то ушел, пообещав вернуться к двенадцати, а Рид задремал.

Хосе появился в начале первого.

— Они приедут минут через двадцать,— сообщил он.

Оба сидели молча и курили, пока не пришла Мария.

— «Бьюик» здесь,— сказала она.

— Пора,— обратился Хосе к Риду и ухмыльнулся.— Нам надо взять с собой вот это,— добавил он, передавая англичанину небольшой сверток.

— Что тут?

— Кассета с магнитофонной лентой.

Рид с изумлением взглянул на Хосе.

— Но это же как раз то, за чем охотится Корт!

— Правильно. Однако если мы появимся с пустыми руками, он поймет, что мы заподозрили что-то неладное.

Рид не мог не признать резонности этого довода.

— А я возьму с собой это.— Хосе поднял портфель.— И ленту и портфель мы должны иметь при себе, если хотим, чтобы наш план удался. Но вы не беспокойтесь, запись на ленте совсем не та, что мы слышали, а портфель набит старыми газетами. А теперь, сеньор, внимательно послушайте, что я скажу. «Бьюиком» управляет Гидо — он выглядит очень испуганным. На заднем сиденье, по-моему, кто-то есть. Чуть подальше на дороге стоит еще одна машина, в ней сидят двое — нам они известны, это наемные убийцы... Так вот. Мы сядем в «бьюик». Не сопротивляйтесь... А потом... потом вы сами увидите...— Он встал.— Мария, мы вернемся к завтраку.

Хосе и Рид вышли из хижины и направились к поджидавшему их «бьюику».

— Помните,— шепнул Хосе,— ни в коем случае не сопротивляться. Будем вести себя, как ягнята, которых ведут на убой. Понятно?

— Все понятно,— тоже шепотом подтвердил Рид, пытаясь без особого успеха взять себя в руки.

Гидо в надвинутой на лоб шляпе ждал их недалеко от машины.

— Молодец,— похвалил его Хосе,— вовремя приехал.

— Д-да...— дрожащим голосом смог лишь промолвить ювелир. Он хотел сказать еще что-то, но не решился.

Хосе шутливо ткнул его пальцем в живот.

— Что «да»? Ничего другого ты так-таки и не скажешь?

Гидо сделал несколько судорожных глотков, но не произнес ни слова. Он был потрясен тем, что Хосе и Рид так просто попались в расставленную ловушку. «Хосе не понял моего предупреждения,— подумал ювелир.— Он не обратил внимания, что я подписал письмо не так, как обычно». Гидо захотелось закричать, позвать кого-нибудь на помощь, но было уже поздно. Пропуская Рида, ювелир сделал шаг в сторону. Рид открыл дверцу и едва не отшатнулся, когда знакомый ему голос из глубины машины произнес:

— Милости просим, мистер Рид! Я давно жду встречи с вами. По-моему, прошлый раз мы не окончили нашу милую беседу.

Рид, держась за дверцу «бьюика», заколебался; еще минута, и он, наверно, бросился бы бежать, но в эту минуту Хосе сказал:

— Входите, входите, амиго! Кто-то поторапливает меня пистолетом в спину...

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ан. Горский.

Золотой медальон

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

14

Рид протиснулся в машину и оказался рядом с Кортом. Тут же примостился и Хосе. Стоявший около Гидо бандит отошел от него и уселся в кабину водителя. Рид смутно различал в темноте фигуру ювелира, видел, как он нерешительно направился к «бьюику», но вдруг споткнулся и упал.

— Что там делает этот болван?— раздраженно спросил Корт у своего подручного.— Надо было сначала пропустить в машину его, а уж потом садиться самому.

— Ничего, все в порядке, сеньор, вот он,— ответил бандит, когда Гидо открыл другую дверцу и опустился на сиденье водителя.

— Что там стряслось с вами?— с ноткой подозрения в голосе спросил Корт у ювелира.

— Да он упал, сеньор,— поспешил объяснить Хосе.— Здесь на дороге сплошные ямы.

Корт что-то проворчал, но Гидо уже запустил мотор, и машина тронулась с места.

— По-моему,— снова заговорил Корт,— тебя очень расстроило предательство твоего друга Альвара, а?

Хосе промолчал.

— Мы хорошо ему заплатили, а он так любит деньги.

— Я вам не верю, сеньор,— отозвался Хосе.

— Возможно, возможно. Но ты не расстраивайся. Как только мы закончим дела с тобой и с нашим общим другом мистером Ридом, Альвар получит то, что в конце концов получают все предатели. Ты убедился, что он предатель. Он же мог предупредить тебя и спасти тебе жизнь. Разумеется, мы бы застрелили его, но зато он мог спасти тебя. Однако твой друг трус и...

— Никому не хочется умирать, сеньор.

— Верно.

— И поэтому я не обижаюсь на Гидо.

— На Гидо? Кто такой Гидо?

— Я сказал Гидо? Я ошибся, я хотел сказать — Альвар.

Рид ждал, какие последствия будет иметь оговорка Хосе; в темноте он не мог разглядеть лица Корта, но почувствовал, как тот весь напрягся.

— Гидо — имя парня, который обычно управляет этой машиной,— как можно спокойнее добавил Хосе.

Его объяснение как будто удовлетворило Корта.

— Вон оно что!— хмыкнул он.— Между прочим, мы его... убрали. Он привел нам эту машину, а сейчас валяется в придорожной канаве.

— Он был такой хороший парень!— воскликнул Хосе и перекрестился.— Нет, сеньор Корт, вас самих следовало бы убить. Вы даже не знали его!

— Он видел нас.

— Надеюсь, придет час, когда и я смогу поступить с вами так же.

— Поздно, мой друг, поздно!— засмеялся Корт.— И я и мой человек рядом с водителем вооружены. Следом за нами идет машина с двумя весьма решительными людьми, которым я к тому же хорошо заплатил. Мы бы давно уже могли отправить вас вслед за... как его?.. Гидо, но всему свое время. Так что и не пытайтесь... Я вижу, вы захватили портфель,— обратился он к Риду.— А магнитофон?

— Вот лента с записью,— ответил Рид и передал ему сверток.

— Мы все это проверим.

— А что будет с нами?

— Скоро узнаете. Я никогда не говорю больше того, что нужно знать моему собеседнику.

Свет фар шедшей за ними машины стал ярче, и Рид понял, что она догоняет их. Неожиданно «бьюик» на полном ходу свернул с шоссе на проселочную дорогу.

— Куда смотрит этот идиот?— зло крикнул Корт.

Сидевший рядом с Гидо бандит ткнул его кулаком в бок и с угрозой приказал вернуться на шоссе. Гидо повиновался, но, разворачиваясь, угодил задними колесами в придорожную канаву. Скрипнув тормозами, в нескольких метрах от «бьюика» остановилась другая машина. Из нее выскочили двое, и Корт приказал им помочь вытолкнуть «бьюик» на дорогу. По его распоряжению Гидо и карауливший каждое его движение бандит вылезли из машины.

— Не вздумайте, Рид, выкинуть какой-нибудь трюк,— предупредил Корт и показал пистолет.— Это относится и к тебе, Хосе.

— Что вы, сеньор! Ни я, ни мой друг не хотим умирать.

Внезапно послышались какой-то странный шум и сдавленные восклицания.

— Что там происходит?— крикнул Корт.

Ему никто не ответил.

— Сеньор,— тихо заговорил Хосе, наклоняясь к Корту.— По-моему, ваши сообщники уже ничем помочь вам не могут. А вот у окна стоит мой человек, и он пристрелит вас, если не отдадите пистолет.

— Не валяй дурака, Хосе,— криво улыбнулся Корт.— Ты хочешь отвлечь мое внимание и...

Он почувствовал прикосновение холодного металла к своему виску и замолчал. Чья-то рука спокойно взяла у него оружие.

— Как видите, сеньор, я вас не обманывал.

Понимая, что произошло нечто непредвиденное и непоправимое, Корт ошеломленно молчал.

— Вам, наверно, любопытно узнать, сеньор Корт,— с явной издевкой заговорил Хосе,— как все случилось. Могу рассказать. Дело в том, что нам стали известны ваши планы. Вы, кажется, заметили, как Гидо, направляясь к машине, упал. А встал уже не Гидо, а другой наш человек. Ночью люди с темным цветом лица похожи друг на друга. Ну вот. Наш человек сворачивает с шоссе на проселок, потом въезжает в канаву, потом ваши люди начинают возиться около машины, а в это время тихонько появляются мои друзья и расправляются с ними. И теперь вы в наших руках, сеньор. Сейчас мы отправимся дальше. Навестим одного моего приятеля, он живет тут поблизости в маленьком домике.

Двойник Гидо снова занял место водителя, а люди Хосе — их было человек десять — быстро вытащили машину из канавы. Водитель подождал, пока рядом с ним не уселся один из вооруженных помощников Хосе, и только после этого тронулся с места.

— А ведь тебя повесят за все это, Хосе,— прервал молчание Корт, когда машина уже бежала по дороге.

— Возможно.

Наступила пауза.

— Что ты намерен делать со мной?

— Убить.

— Ты не посмеешь!— почти выкрикнул Корт.

— Сначала мы, конечно, поговорим.

— О чем?— переходя от отчаяния к надежде, спросил Корт.

— О моем друге.

— О каком друге?

— О сеньоре Ратмане.

— Почему именно о нем?

— Потому, что вы убили его.

— Неправда!

— Святая правда.

Машина тем временем остановилась около какого-то полуразрушенного дома, все вышли и заставили Корта подняться по прогибающимся от ветхости ступеням лестницы на второй этаж, в комнату, где стояли лишь колченогий стол, четыре стула и кровать. Кто-то зажег свечку.

— Усаживайтесь поудобнее, сеньор Рид,— пригласил Хосе.

— Ты идиот, Хосе,— прошипел Корт.— Если ты только посмеешь убить меня...

— Вы хотите сказать, за вас тогда отомстят, да?— усмехнулся Хосе.— Возможно, сеньор. А возможно, и нет... Сеньор Рид, расскажите ему о ящике.

— О ящике? Ты имеешь в виду магнитофон? Что ж, пожалуй.

Рид подробно пересказал содержание записи. Казалось, Корт оставался равнодушным, однако дрожащие руки выдавали его беспокойство.

— Вы убили одного моего друга и собирались убить другого,— сказал Хосе, когда Рид замолчал.— Вы все время кого-нибудь убиваете. Я не понимаю, почему. Мой друг сеньор Рид понимает, он говорит, что вы делаете это потому, что вы новый нацист. Я слыхал про нацистов. Они хотели превратить в рабов таких, как я, потому что я не... не...

— Не ариец,— подсказал Рид.

— Вот, вот. Таким, как вы, нельзя ходить по земле.

— Но я не простой человек, и я могу хорошо заплатить тебе, очень хорошо.

— Никакими деньгами вам не откупиться за смерть моего друга. Нет, сеньор!

— Хосе!— заговорил Рид.— Нельзя же просто так убивать кого бы то ни было.

— Убивать, сеньор? Что вы! Казнить!

— Для этого есть законы и суд.

— Законы? Но по этим законам виновным окажетесь вы.— Хосе с укоризной посмотрел на Рида.— Вы меня удивляете, сеньор, но если вы настаиваете, я не стану убивать Корта. Пусть он остается в наших руках до тех пор,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—12.

пока вы не окажетесь в безопасности и пока все, кто послушает голос Ратмана из ящика, не узнают правду.

— Извини, пожалуйста, Хосе,— пробормотал смущенный Рид.— Но я не могу...

— Понимаю,— передернул плечами Хосе.— У вас сердце женщины, но вы друг сеньора Ратмана, а он велел мне заботиться о вас. Вот я и забочусь. А сеньора Корта мы бросим в подвал и будем держать там по тех пор, пока его не потребует суд. Только, скажу прямо, не верю я в суд янки, как не верю и самим янки. Возьмите нас. Мы же прекрасно обходились без них. У нас были красивые города, у нас была любовь наших женщин, наши горы и джунгли. Но вот пришли янки с их долларами. Им нужны наши женщины, чтобы позабавиться. Они считают наши города своими, выживают нас с насиженных мест, губят природу, потому что им нужна наша нефть... Нет, сеньор, уж лучше вы уезжайте и забирайте с собой всех янки. Можете поверить, никто из нас не заплачет.

Рид молчал. Неожиданно Хосе открылся перед ним с какой-то новой стороны, о которой он, к стыду своему, и не подозревал. Он видел и слышал человека, глубоко возмущенного и глубоко встревоженного за судьбу своего народа, и не мог не признать, что человек этот прав. Алчные и жестокие пришельцы погубили великую цивилизацию, грабили и разоряли эти земли — сначала в поисках золота, потом в погоне за каучуком и вот теперь ради нефти. Миллионы людей погибли, защищая свои жилища от чужеземных поработителей или сопротивляясь гнету плантаторов и нефтепромышленников...

Рид вздохнул. Что проку заниматься сейчас подобными размышлениями? Надо, во-первых, подумать, как уцелеть, во-вторых, сделать все возможное, чтобы разоблачить гнусный заговор, зреющий под прикрытием имени Спарты, а в-третьих... Что в-третьих? Вернуться к нормальной жизни?

На память ему снова пришла Розелла. Как бы он хотел увидеть ее! Нормальная жизнь? Да, именно это ему и нужно. Он вернется сюда и найдет Розеллу, даже если потребуются годы. Возможно, «Консолидэйтед минералс» предоставит ему постоянную работу в Латинской Америке. Вот тогда они с Розеллой... «Но прежде надо найти ее! —остановил себя Рид.— Найти и надеяться, что она согласится стать моей женой».

Кто-то прикоснулся к его плечу. Это был Хосе.

— Извините, амиго. Я немножко погорячился, а вы мой гость...

— Что ты! Это я виноват, и тебе не за что извиняться.

— Надо как можно быстрее уезжать. Вы должны отправиться с нами, вам нельзя тут задерживаться, полиция, наверно, уже поставлена на ноги. Отсюда-то мы сумеем выбраться, а вот как вы уедете из страны — ума не приложу. Необходимо разрешение самого министра.

— Понимаю... Скажи, Хосе: Корт — гринго?

— Гринго,— удивленно подтвердил Хосе.

— Он примерно такого же роста и сложения, как я?

— Да.

— У него такие же серые глаза?

— Верно.

— А сейчас он наш пленник.

— Правильно.

— Что, если я надену его костюм и попытаюсь пройти в его номер в гостинице?

— Попытаться можно, только зачем?

— Если при нем нет паспорта, значит, он в номере. Ну, а с его паспортом... У тебя всюду друзья и приятели. Фотограф среди них есть?

— Найдется,— улыбнулся Хосе, начиная понимать, к чему клонит Рид.

— Прекрасно. Я покину страну по документам Корта, доберусь до Лондона, отправлюсь в свою фирму, и там немедленно подтвердят, что я и в самом деле Рид. Я передам властям имеющиеся у меня материалы и доказательства и пришлю тебе телеграмму, после чего ты выпустишь Корта.

Никаких документов при Корте не оказалось. По приказанию Хосе он нехотя снял с себя костюм и швырнул Риду. Рид потребовал также его наручные часы, два кольца и толстый бумажник, набитый солями.

— А теперь нам пора, амиго,— сказал Хосе, когда переодевание было закончено.— Мария, наверно, уже приготовила вкусный завтрак.

— Но сначала я должен заглянуть в гостиницу «Фон Гумбольдт», где остановился Корт...

На этот раз, как показалось Риду, «бьюик» доставил их в город очень быстро. Водитель остановил машину недалеко от гостиницы.

— Корт занимал шестнадцатый номер,— пояснил Хосе.— Дежурный администратор — старик и вряд ли помнит Корта в лицо. К тому же и видит он плохо.

— Надеюсь, я долго не задержусь,— ответил Рид, выходя из машины, и добавил:— Конечно, если ничего не произойдет.

— Буду терпеливо ждать,— проговорил Хосе, усаживаясь на заднее сиденье и сдвигая шляпу на лоб.

15

Было два часа ночи. Полусонный швейцар не обратил никакого внимания на Рида, и тот решительно подошел к дремавшему за конторкой старичку и попросил ключ от шестнадцатого номера. Администратор молча выполнил его просьбу.

Шестнадцатый номер оказался на первом этаже, третьим направо по коридору. Рид повернул ключ, вошел в комнату и, уловив какой-то подозрительный шорох, инстинктивно упал на пол. Прогремел выстрел, кто-то перешагнул через Рида и попытался проскользнуть в дверь, но Рид схватил его за ноги и свалил. Потом он рывком поднялся с пола, нащупал выключатель и зажег свет. Первое, что заметил Рид, был пистолет, выпавший из руки неизвестного. Рид быстро нагнулся и подобрал оружие. Только теперь он перевел взгляд на распростертого у его ног и, видимо, несколько оглушенного падением человека и не поверил своим глазам.

— Джилингхем?!— воскликнул он.

В свою очередь, Джилингхем с изумлением уставился на Рида.

— Рид! Но вы же...

— Одну минуту.

Рид быстро подошел к двери и услышал в коридоре возбужденные голоса. Выглянув из номера, он почти столкнулся с одним из служащих гостиницы.

— Что за шум?— с деланным беспокойством спросил у него Рид.

— Ничего особенного,— ответил служащий, обращаясь одновременно к нескольким другим жильцам, чьи испуганные лица белели в дверях соседних комнат.— Просто-напросто мимо проезжала машина с неисправным мотором, только и всего. Приносим наши извинения.

Рид вернулся в номер и закрыл дверь на задвижку. Через несколько минут в гостинице вновь наступила тишина.

— Ваш пистолет у меня,— обратился он к Джилингхему, с удовлетворением отметив про себя, что впервые за несколько последних недель перестал играть роль пешки и может диктовать свою волю.— Я, не задумываясь, пристрелю вас в случае необходимости. Садитесь.

Джилингхем покорно перебрался на ближайший стул. Рид остался стоять.

— Ну что ж, Джилингхем. Как британский дипломат, вы с таким рвением выполняли свои обязанности, что меня украли на ваших глазах, бросили в подвал и ждали только подходящего момента, чтобы, как выражаются наши американские друзья, ликвидировать.

Джилингхем провел рукой по лицу.

— Я принял вас за Корта,— угрюмо сказал он.

— Я так и понял.

— Я пришел сюда, чтобы убить Корта.

— И это не вызывает сомнений. Но вы работали по-любительски, и вам не удалось бы скрыться.

— Знаю. Но я не собирался бежать.

— То есть?

— Застрелив Корта, я хотел покончить с собой.

— Превосходно. Но почему вы хотели убить своего хозяина?

— Это длинная история.

— Рассказывайте. У меня есть время.

— Но сюда в любую минуту может явиться Корт... Отдайте пистолет и уходите, мистер Рид. Забудьте, что видели меня. Я убью Корта и...

— Вы не умеете стрелять и снова промахнетесь. Кроме того, можете не беспокоиться, Корт сюда не вернется.

— Не вернется?!

— Да.

— Откуда вам известно?

— Не ваше дело.

— Постойте, но на вас же его костюм!

— Удивляюсь, что вы не заметили этого раньше.

— Но как же...

— Довольно! Почему вы хотели убить Корта?

— Он убил человека и вынудил меня стать соучастником убийства.

— Кого именно?

— Моего повара Альберто. Он посадил его в подвал, и Альберто умер от голода и жажды.

— Почему же вы не выпустили его, когда Корт уехал от вас?

— Не мог... Боялся Корта... По правде говоря, мистер Рид, не в моем поваре тут дело... Всю свою сознательную жизнь я был рабом... пленником в собственном доме...

— Вы закончили колледж «Спарта»?

— Вы знаете это?— удивился Джилингхем.

— Да. И многое другое.

— В колледже у меня был друг, тоже студент. Однажды во время каникул я написал ему письмо — обычное товарищеское письмо. После каникул меня вызвал к себе герр Нейман — немец, ректор нашего колледжа, показал мне конверт, а из него достал письмо. Конверт был мой, а в письме, хотя и было оно написано моим почерком, говорилось о таком, что здоровому человеку и в голову не придет. Потом ректор показал мне несколько гнусных, фальшивых фотографий, где я и мой друг были засняты в...

— Можете не вдаваться в детали. Я знаю сколько угодно таких примеров.

Во время разговора Рид держал пистолет направленным на Джилингхема. Тот наконец не выдержал.

— Да уберите вы эту проклятую штуку!— воскликнул он.

— Распоряжаться здесь буду я,— оборвал его Рид.

— Разрешите напомнить,— высокомерно вздернул голову Джилингхем,— что я ответственный британский дипломат.

— Разрешите напомнить, что вы соучастник убийства. Вряд ли даже вашему министерству иностранных дел захочется иметь среди своих сотрудников человека с такой репутацией.

— Кончим этот бесполезный разговор. Если у вас есть претензии ко мне...

— ...можете вручить их соответствующим властям. Так, что ли? Старая песня, Джилингхем! Я позабочусь, чтобы подробно проинформировать эти «соответствующие власти» обо всем, что тут происходит. Можете уже сейчас подыскивать себе работу, более подходящую для ваших талантов, она пригодится вам, когда вас выпустят из тюрьмы.

— Какая наглость!— с наигранным негодованием скривился Джилингхем.— Однако мне надо уйти. Вы не возражаете?

— Уж чему-чему,— засмеялся Рид,— а тому, как делать хорошую мину при плохой игре, вас, как видно, в колледжах «Спарты» обучают... Вот что, Джилингхем. Садитесь и пишите подробное признание — о характере вашей связи с Кортом, о том, почему вы хотели убить меня и что побудило вас попытаться убрать Корта. Подробное признание за вашей, разумеется, подписью.

— Никогда!

— Как хотите. В таком случае мне придется позвонить в полицию, а вам — объяснить полицейским, как умер повар Альберто в подвале вашего особняка и почему в стене номера Корта застряла ваша пуля. Я же с удовольствием сообщу полицейским все известные мне подробности.

С минуту молчали оба. Больше всего Рид боялся, что Джилингхем попытается силой вырваться из номера. Стрелять в него у Рида не хватило бы решимости, а выпустить — значило подвергнуть себя новым опасностям: англичанин обладал здесь большим влиянием и связями.

— Не посмеете,— покачал головой Джилингхем.

— Иного ответа я и не ожидал. Вы, к сожалению, правы, не посмею. Ведь вы без труда добьетесь, что меня обвинят в каком угодно преступлении. Трудное у меня положение, ничего не скажешь.

— Наконец-то вы поняли, Рид! А теперь, если позволите, я уйду.

— Не торопитесь. Вы же слыхали, что я сказал? Я попал в весьма трудное положение и только благодаря вам.

— Вполне согласен, мистер Рид,— с удовлетворенным видом кивнул Джилингхем.

— В весьма трудное положение.

— Это я уже слышал. Что вы твердите одно и то же?

— Да, но это означает, что мне придется убить вас.— От Рида не укрылось, что в глазах Джилингхема мелькнул страх.— Знаете, Джилингхем, я еще никогда никого не убивал, но надеюсь, что справлюсь с этим отвратительным делом. Попытаюсь избавиться от вас с первого же выстрела.

— Нет, нет!— крикнул Джилингхем.

— Пишите!

— Но вам все равно не удастся скрыться!

— Не забудьте, что я сейчас Корт. Вы с ним постарались повсюду раструбить, что я погиб во время авиационной катастрофы и что спасся только Каппелман. Так вот, я разделаюсь с вами и уйду отсюда. Дежурный администратор — полуслепой старик. Весь обслуживающий персонал гостиницы спит. Когда люди проснутся от выстрела, я буду уже далеко, но предварительно покажусь старику внизу. Мой костюм-то он, во всяком случае, запомнит. Номер записан на Корта. Таким образом, я убью сразу двух зайцев: рассчитаюсь с вами и скомпрометирую Корта. В общем...— Рид внезапно повысил голос:— Садись и пиши, мерзавец!

Джилингхем, видимо, понял, что упорствовать опасно. Он подошел к письменному столу, сел и склонился над листом бумаги.

Тем временем Рид тщательно осмотрел комнату, нашел паспорт Корта и обратный билет до Лондона. Засовывая свою находку в карман, он нащупал в нем что-то металлическое. Это оказался медальон — точная копия того, что носил Каппелман. Теперь у Рида было два медальона. «Я стал, видимо, большим начальством в этой проклятой организации!»— с иронией подумал он.

Джилингхем наконец кончил писать. Рида даже несколько удивила откровенность, с которой дипломат написал свое признание.

— Подпишите,— приказал он.

Джилингхем повиновался.

— Теперь вы удовлетворены, Рид?— спросил он.— Мне бы хотелось извиниться перед вами за все неприятности, которые я вам причинил. В сущности, не такой уж я дурной человек, как вы, конечно, считаете. Так уж получилось... Не удивляйтесь, если я скажу, что искренне желаю вам успеха в ваших попытках вывести эту организацию на чистую воду. Но учтите, дело это куда сложнее, чем вы думаете.

Рид направился к двери.

— Я ухожу, а вы?

— У меня к вам большая просьба.

— Что еще за просьба?

— Верните мне пистолет.

Рид хотел было спросить «Зачем?», но раздумал, вынул из обоймы патроны и бросил пистолет на кровать.

— Не хочу, чтоб это произошло здесь, в номере,— проговорил он.

— Да, да, я подожду, пока не окажусь в посольстве, на британской территории,— ответил Джилингхем.— Там все будет проще.

Рид молча вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Окончание следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Золотой медальон

16

Хосе с облегчением вздохнул, увидев подошедшего к машине Рида. Нетрудно представить себе, какой оборот приобрели бы события, если бы Рида задержали сейчас полицейские.

— Мы должны действовать как можно быстрее, сеньор. Как с паспортом?

— Он у меня.

— Вот и хорошо. Сейчас мы отправимся к одному человеку. Заменить фотографию в паспорте — для него плевое дело.

«Бьюик» сорвался с места, быстро миновал город, свернул с шоссе на грунтовую дорогу, бежавшую среди плантаций кукурузы, и мили через три остановился у глинобитной хижины. В дверях, словно он поджидал их, появился какой-то человек.

— Мой двоюродный брат Симао,— представил его Хосе.— Отпетый мошенник! Он сфотографирует вас и заменит фотографию в паспорте.

Симао провел Рида и Хосе в хижину, где стояли кровать, несколько стульев, керосиновая лампа и низкий длинный ящик. К стенке жалась смуглая женщина с тремя ребятишками.

— Кофе? — спросил Симао.

— Не откажемся,— кивнул Рид.

Женщина поспешила к очагу.

— Я считаю для себя большой честью, сеньор, что вы посетили мою бедную хижину. Как вам нравится наша чудесная страна?

— Пока не очень, Симао,—вмешался Хосе,— и винить его в этом нельзя.

— Но, надеюсь, позже вы сможете посмотреть наши замечательные пляжи, красивые сады, полюбоваться старинными домами?

— С удовольствием,— ответил Рид.

— Сеньор Рид еще вернется к нам,— заявил Хосе,— и, возможно, тогда...

— Сеньор уезжает? Какая жалость! Тогда, быть может, сеньор не откажется купить у меня на память превосходные цветные фотографии? Я снял самые красивые цветы нашей...

— Потом, потом,— махнул рукой Хосе.— Сейчас сеньора интересует только одна фотография: для паспорта.

— Да?

— Да, да, да!

— Та, что есть у сеньора, ему не нравится?

— Фотографии вообще пока нет,— объяснил Рид.

— Нет?

— Нет.

— Понимаю. Что ж, иногда я делаю снимки и для паспортов.

— И очень удачные к тому же,— добавил Хосе.

— Иногда мне же приходится вклеивать их.

— В паспорта,— опять добавил Хосе.

— Да, в паспорта. Хотя это не совсем простое и обычное дело.

— И, следовательно, стоит дороже,— уточнил Хосе.

— Сколько же? — поинтересовался Рид.

— В данном случае нисколько,— к явному огорчению Симао, ответил Хосе и повернулся к последнему: — Сеньор Рид — мой друг. Очень близкий друг.

— Ну, раз друг, тогда и денег не надо,— печально сказал Симао.

— Я знаю, Хосе, что твой брат оскорбится, если я стану навязывать ему деньги.

— Верно,— согласился Хосе.

— Истинная правда,— пролепетал Симао.

— Но я мог бы сделать подарок его детям,— продолжал Рид.

— Это был бы благородный поступок! — оживился Симао.— Если бы вы только знали, как здорово я снимаю и как искусно переклеиваю фотографии в паспортах!

— Вот ты и покажешь нам свое искусство,— сказал Хосе.

Симао кивнул и тотчас, к изумлению Рида, извлек откуда-то треножник, почти новенькую «лейку» и блицвспышку. Через несколько минут, действуя с ловкостью и быстротой профессионального фотографа, он сделал несколько снимков Рида и ушел проявлять. Поджидая его, Хосе и Рид молча прихлебывали отличный крепкий кофе, приготовленный женой Симао. Смуглые ребятишки все так же молча следили за каждым движением Рида.

Вскоре вернулся Симао.

— Все в порядке, сеньор,— сообщил он, вручая Риду несколько фотографий, оказавшихся на удивление хорошими.— А теперь разрешите взять у вас паспорт.

Рид передал ему паспорт Корта.

— Да-а...— помотал головой Симао, разглядывая фотоснимок Корта.— Это очень плохой человек. Уж я-то знаю: я снял тысячи людей и научился распознавать их по лицам.

— Ты и на этот раз не ошибся,— согласился с ним Хосе.

— Так я займусь паспортом,— продолжал Симао, меняя тему разговора.— Все будет сделано, как надо, ни один чиновник на границе не заметит, что фотография в паспорте заменена.

— Давай делай, Симао, и побыстрее,— попросил Хосе.

— Мне потребуется несколько часов... А может, день.

— Не больше.

— Вот, возьмите для детей,— сказал Рид, передавая Симао пачку банкнотов.

— Вы очень щедры.

— Вернее, очень признателен.

— Давайте поедем,— заторопился Хосе.

— Не забывайте о моем предупреждении,— сказал Симао.— Я разбираюсь в лицах. Человек, которому принадлежал этот паспорт, никогда не прощает обид.

— Не забудем. Поехали, сеньор Рид. Нам остается только ждать... Да, вот еще что: вы никогда не были в этой хижине и знать не знаете никакого Симао.

— Понятно,— улыбнулся Рид.

— Теперь нам надо получить разрешение господина министра на выезд сеньора Корта из страны.

— Да, но ведь в заявлении надо указать обратный адрес, а какой адрес могу указать я?

— Тот, по которому официально проживает сеньор Корт,— отель «Фон Гумбольдт».

— Но...

— Понимаю. Жить там вы, конечно, не сможете, это было бы слишком опасно. Однако,— Хосе чуть заметно усмехнулся,— однако в отеле работает уборщицей невестка одного из моих племянников. Она сумеет выкрасть письмо министра с разрешением на выезд, как только оно придет.

— А где же мне жить все это время?

— Вы скоро уедете отсюда, сеньор, а пока будете жить у меня.

Прошло несколько дней. Все это время Рид жил у Хосе. Однажды местные газеты под большими заголовками сообщили о внезапной смерти одного из старших дипломатов британского посольства, Джилингхема. Хосе читал эти сообщения и переводил Риду.

— Альберто отомщен,— жестко заключил он.— Но каковы репортеры! Какой же это несчастный случай!

Хосе так сердито затянулся своей сигаретой, что от нее полетели искры.

— Джилингхем сам хотел, чтобы его самоубийство приняли за несчастный случай,— сказал Рид.

Письмо из министерства, адресованное Корту, лежало в ячейке № 16 специального шкафа, стоявшего позади конторки дежурного администратора. Еще не было и семи часов утра, когда в холле появилась уборщица и принялась мыть пол.

— На кухне готов кофе,— заметила она, оказавшись рядом с дежурным.

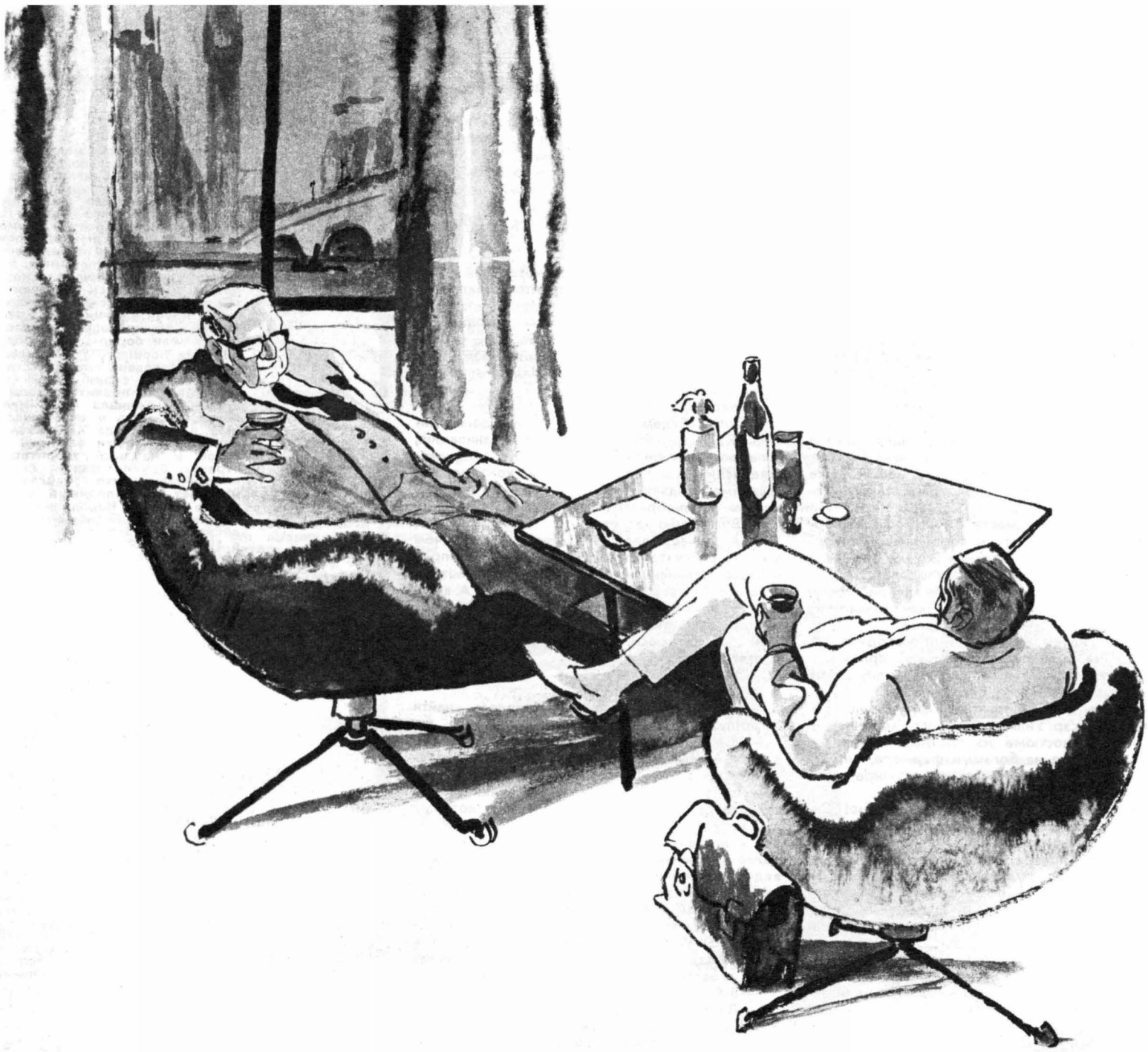
— Чудесно! — удовлетворенно потер руки дежурный.— Посмотри тут, пожалуйста, пока я хожу.

Как только дежурный скрылся за дверью, уборщица подбежала к шкафу, взяла конверт из ячейки № 16 и заменила его другим, примерно такого же размера и цвета.

Рид не скрывал своего беспокойства, когда они подъезжали к аэропорту все в том же стареньком «бьюике». Он знал, что паспорт, во всяком случае, на первый взгляд, не мог вызвать никаких подозрений, и все же ему хотелось как можно скорее оказаться в самолете.

Рядом с ним, погруженный в размышления, сидел Хосе.

Окончание. См. «Огонек» №№ 5—13.



Машина свернула с шоссе на аллею, ведущую к аэропорту, и вскоре остановилась.

— Вы ничего не забыли, сеньор? У вас все есть?

— Я ничего не вабыл, Хосе, и у меня все есть.

— Вы пришлете мне письмо?

— Да, как только фирма «Консолидэйтед» признает меня. Потом я возьму длительный отпуск за свой счет, вернусь сюда и отправлюсь в джунгли.

— Трудное это дело, сеньор!

— Возможно.

— В джунглях смерть будет подстерегать вас на каждом шагу: болезни, дикие животные, змеи...

— Бесполезно меня отговаривать, Хосе. Я решил во что бы то ни стало найти Розеллу.

— Да мало ли здесь красивых девушек, сеньор? Возвращайтесь, и я познакомлю вас с самыми прекрасными из них.

Рид с признательностью посмотрел на Хосе, не сводившего с него своих черных глаз. Рид понимал, что Хосе искренне хочет, чтобы он остался жив, и одно это повышало у него настроение. Он уже не сомневался, что обязательно выживет и обязательно найдет Розеллу.

— Спасибо, Хосе. Мне пора. Пожелай мне успеха, Хосе. Не выпускай Корта, пока я не пришлю тебе телеграмму.

— Да, да, в адрес ювелира.

— Я не забуду. До скорой встречи.

— Адиос, амиго.

Рид уже давно скрылся в здании аэровокзала, а Хосе все еще стоял на том месте, где они прощались. Услышав рев поднимающегося самолета, он возликовал, что Рид благополучно прошел все положенные пассажиру формальности. Затем самолет сделал над аэродромом традиционный круг. Хосе сорвал с головы шляпу и помахал ею. Сквозь стекло иллюминатора Рид разглядел его, одиноко стоявшего в ослепительных лучах тропического солнца.

Подождав, пока самолет превратился в крохотную точку, Хосе медленно вернулся к «бьюику». Он успел привязаться к Риду и понимал, что не успокоится, пока снова не увидит его.

— А теперь мы вернемся к сеньору Корту,— сказал он водителю.— Это будет мой последний визит к нему.

17

С чувством огромного облегчения покидал Рид лондонский аэропорт. Наконец-то все опасности и треволнения позади! Было около семи часов утра. На автобусе с эмблемой авиалинии он доехал до городского аэровокзала, нанял такси и, оказавшись на Пикадилли, зашел в ресторан «Лайонса» и заказал завтрак.

Ничего не изменилось тут с тех пор, как он покинул Лондон. Риду вдруг показалось, что нет на земле этих темно-зеленых джунглей Амазонки, что все пережитое им произошло где-то на другой планете. «Да и сам-то я, пожалуй, совсем не изменился,— подумал он, взглянув на свое отражение в зеркальной стене ресторана.— Разве что загорел».

За соседний столик села смуглая хорошенькая женщина. Она напомнила ему Розеллу, и его сердце заныло.

После завтрака он около часа бродил по улицам и вышел к мрачной полноводной Темзе. Часы Вестминстерского аббатства пробили девять, и Рид заспешил к высокому белому зданию «Консолидэйтед минералс» — правлению этого огромного концерна, располагавшего филиалами во всем мире.

Рид быстро вошел в распахнувшиеся перед ним массивные, обитые бронзой двери. Швейцар приложил было руку к фуражке, но вдруг замер и уставился на Рида широко раскрытыми глазами.

— Ничего, ничего, Уолтерс! — похлопал его по плечу Рид.— Это действительно я собственной персоной.

— А нам говорили, что вы...

— Как видишь, я жив и здоров. Только что вернулся.

— Ну и напугали же вы меня, сэр!

— Пожалуй, сначала я побываю на десятом этаже.— Там, на десятом этаже, до отъезда Рида находился его кабинет.

Как только Рид вышел из лифта, дежурный по этажу вскрикнул от удивления и вскочил из-за своего столика.

— Сэр, вы!..

— Здравствуй, Уилкс.

— Но нам же...

— Все в порядке, успокойся.

— Черт возьми!.. Прошу прощения, сэр. Но нам сказали, что вы погибли. Вот это сюрприз!

Рид только улыбнулся в ответ. Ему уже начинало нравиться удивление, с которым все тут его встречали.

— Так я пройду в свой кабинет.

— Но у вас уже нет...— Дежурный закашлялся от смущения.

— Чего у меня нет?

— У вас уже нет кабинета. Вы понимаете, после того, как...

— Понимаю, понимаю, Уилкс.

— Ничего, сэр, дело поправимое, можете не сомневаться. Сейчас я позвоню... Разве вы никому не сообщали, что живы?

— Нет. Так уж сложились обстоятельства.

— Я сейчас же позвоню. Присядьте, сэр, на минуточку.

Рид уселся в мягкое кресло и, улыбаясь, слушал, как дежурный по этажу пытается объяснить по телефону его появление.

— ...Да нисколько я не сумасшедший! Здесь он, здесь... Можете проверить у швейцара главного вестибюля — он, конечно, тоже видел его... Слушаюсь.

Уилкс положил трубку и вытер вспотевший лоб.

— Ну, сэр, и задали вы нам задачу!.. Мне предложено проводить вас на четвертый этаж.

Четвертый этаж... Святая святых концерна! Этаж, где находятся кабинеты президента и его заместителей. Рид почувствовал, что ему делается как-то не по себе, словно его причастность к катастрофе самолета представляла собой нечто предосудительное, нечто такое, в чем никак не должен быть замешан даже самый второстепенный сотрудник такого солидного предприятия.

Уилкс спустился вместе с Ридом на четвертый этаж и привел его к хорошенькой секретарше, которая не проявила к нему никакого интереса и сухо предложила следовать за ней. Она остановилась у массивной двери, постучала и сразу же удалилась, как только из комнаты вышла другая секретарша.

— Сэр Уильям ждет вас,— проговорила девушка. Они прошли по огромной приемной, затем секретарша распахнула еще одну дверь и доложила: — Мистер Рид, сэр.

Навстречу Риду, протягивая руки, поднялся из-за стола сэр Уильям Форрест. Коренастый, румяный, в костюме из плотного твида, он походил скорее на богатого фермера, чем на президента известного во всем мире концерна.

— Рад видеть вас, Рид. Поразительно! Садитесь и рассказывайте все по порядку.

— Благодарю, сэр.

— Сейчас, правда, еще только утро, но не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Может быть, виски,— ответил Рид, хотя пить ему совсем не хотелось.

— Пожалуйста... А ведь мы уже записали вас в покойники.

— Я знаю.

Сэр Уильям передал Риду стакан с вином.

— Не торопитесь и самым подробным образом расскажите мне все, начиная с того, как вам удалось уцелеть при катастрофе, и кончая тем, как вы оказались здесь, у меня... Кстати, почему мы не получили телеграммы о вашем приезде?

В этом естественном и невинном на первый взгляд вопросе Риду послышалась нотка недовольства.

— Извините, пожалуйста, но, видите ли, мне пришлось ехать по чужому паспорту.

— По чужому паспорту?! — переспросил сэр Уильям; он явно был шокирован.

— Да, сэр. У меня не оставалось иного выхода. Я приехал сюда под фамилией Корт.

Сэр Уильям поперхнулся глотком виски.

— Боже милосердный!

— Это очень длинная история, но у меня есть все необходимые доказательства.

— Доказательства? Доказательства чего?

— Сейчас я все расскажу.

— Начинайте же наконец!

— Когда я пришел в себя после падения самолета, я...

Сэр Уильям снова взглянул на ленту с записью рассказа Рида, только что доставленную ему в кабинет, на паспорт Корта, на портфель с бумагами и на поблескивавшие на столе медальоны.

— Невероятно! — воскликнул он.

— Да, сэр, невероятно, но правда.

— Ваши доказательства полностью это подтверждают.

— Надеюсь, сэр.

— Ну и как же вы намерены поступать дальше?

— Думаю передать все материалы одной из наших крупных газет.

Сэр Уильям неодобрительно покачал головой.

— Очень неразумное решение. Это нанесет нашему правительству огромный политический ущерб.

— Я хотел, кроме того, обратиться в наше министерство иностранных дел, но после урока, полученного от Джилингхема...

— Но вы не должны судить о всем стаде по одной паршивой овце.

— Что вы, сэр! Я и не сужу.

— Вам, очевидно, известно, что я обладаю тут кое-каким влиянием?

— Да, сэр.

— Если вы оставите все эти материалы мне... Ваш рассказ я тоже, как видите, записал на пленку... Если у вас нет серьезных возражений, я передам материалы и магнитофонную запись премьер-министру, с которым завтракаю в четверг, и... — Сэр Уильям замолчал, потом с улыбкой спросил: — Надеюсь, его-то вы не подозреваете?

— Нет, сэр.

— Тогда будем считать, что мы договорились. Я уверен, что эту опасную организацию, во всяком случае, в странах нашего Содружества наций, мы раздавим. Ну и, конечно, постараемся оказать нужное влияние и за пределами Великобритании.

— Благодарю вас, сэр.

— А сейчас о вас самих. После всего, о чем вы мне рассказали, могу обещать, что вопрос о вашей дальнейшей работе будет рассмотрен в самом благоприятном для вас свете. А ваши собственные планы? В деньгах, полагаю, вы не будете нуждаться. Жалованье за время вашей... смерти и все такое вам, разумеется, выплатят.

— Я хотел...

— Да?

— Понимаете, сэр... мне бы хотелось... найти Розеллу.

— Я ждал этого заявления! — засмеялся сэр Уильям.— Что ж, прекрасно. Можете считать вопрос решенным. Я сделаю даже больше, чем вы рассчитываете, мой мальчик: вместо отпуска без сохранения содержания, который вы, наверное, попросите для поисков Розеллы, я назначу вас на должность геолога. Поедете в Южную Америку... скажем, для разведки минералов. Ну, а потом, когда вы найдете свою Розеллу, посмотрим. Возможно, вы получите там и постоянную работу. Об этом поговорим позже. А сейчас, мой мальчик, собирайтесь в путь. Я дам указание оформить вашу поездку. Вначале отправляйтесь в Нью-Йорк, а затем...

— В Лиму.

— Да, да, там же вас ждет ваш ловкий Хосе! Вам повезло, что вы встретили его. Даже такая мощная организация, как «Спарта», не сумела справиться с ним и его людьми. Не удивлюсь, если ему удастся выйти сухим из воды.

— Выйти сухим из воды? — удивился Рид.

— Я хочу сказать, избегнуть мщения «Спарты». Возможно, впрочем, что его просто не опасаются. Не думаю, что «Спарта» будет тратить свои силы по всяким пустякам: у нее, видимо, достаточно более важных дел. Но вы, Рид, должны всегда соблюдать осторожность.

— Понимаю, сэр.

— Нет сомнений, что «Спарта» будет охотиться за вами, постарается устранить. Но не падайте духом: концерн позаботится о вашей безопасности.— Сэр Уильям помолчал и добавил: — Не буду вас задерживать. Оставьте секретарше свой лондонский адрес.

— У меня его пока нет.

— Ну сделаете это, когда будет. Обязательно покажитесь мне перед тем, как отправитесь на поиски... минералов.

— Благодарю.

Сэр Уильям встал и пожал Риду руку.

— Желаю успеха.

— Спасибо.

После ухода Рида сэр Уильям долго сидел, не шевелясь. Потом взял один из медальонов, поставил его на ребро и крутнул с такой злостью, что вращающийся кружок превратился в сверкающий золотой шарик. Потом он сгреб оба медальона со стола, засунул в карман, поднял трубку телефона и приказал секретарше:

— Немедленно соедините меня с Западным Берлином.

Перевел с английского
Ан. Горский.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 1

БЕДА

Это началось с телефонного звонка. Старший лейтенант милиции Митин писал рапорт об отпуске и не спеша потянулся к трубке.

— Дежурный по отделению...— начал Митин. Однако то, что он услыхал, сразу же сняло медлительность.— Сейчас... подождите, записываю... Ново-Ладыженский переулок? Мухин... Это что, фамилия убитого? Понятно, записал. У себя в комнате? Кто, кто? Повторите... Молодой человек... Фамилия? Неизвестна. Ясно! Высылаю опергруппу. Кто передал? Постовой Никифоров. Есть, товарищ Никифоров.

После отбоя Митин позвонил домой начальнику отделения майору Колесниковцу.

Трубку взяла жена майора Анна Сергеевна.

— Сережа, тебя,— недовольно протянула она, и Митину почему-то стало неудобно.

— Слушаю, товарищ Митин. Где? Вот, черт возьми, как воскресенье, обязательно что-нибудь должно случиться! Мухин? Не знаю такого. Ладно, выезжаю. Сообщите дежурному по управлению... Аня, китель!

И понеслись по телефонным проводам скупые телеграфные фразы о чрезвычайном происшествии, нарушившем покой доселе тихого Ново-Ладыженского переулка.

А через полчаса на место происшествия прибыла оперативная группа уголовного розыска, медицинский эксперт, проводник с собакой, сотрудники научно-технического отдела с фотоаппаратами и осветительными приборами. Последним приехал следователь прокуратуры Николай Петрович Куликов, высокий, большелобый шатен, неторопливый и малоразговорчивый.

В доме кипела работа. Осмотр, фотографирование. Овчарка несколько раз ткнулась мордой в окно, обнюхала подоконник, потянула в коридор, вернулась обратно, сунулась в один, другой угол — все напрасно: следы смешались. Слишком много людей перебывало здесь, слишком густой, сильный дождь лил последние полтора часа. Притомившись, собака легла возле проводника и жалобно заскулила.

Однако неудачи пса не обескуражили Куликова. Осторожно опрашивая людей, живущих по соседству, следователь и полуночи располагал первоначальными, так сказать, частичными сведениями о возможном преступнике и вероятных мотивах преступления.

В доме Мухина царил неописуемый хаос. Дочь покойного Марина в эти первые часы пришедшей беды была почти невменяема. Она то и дело рвалась в комнату, где лежал отец, плакала навзрыд и ломала руки. Ее удерживала соседка по квартире, приносила воду, смачивала полотенца.

— Я виновата, одна я! Прости, папа...— причитала Марина.

Конечно, о неторопливом допросе Марины не могло быть и речи, но из обрывков разговора, из того, что впопыхах рассказала соседка Клавдия Ивановна Капитонова, Куликову становилось все более ясно, что же произошло в этот вечер.

Да, Капитонова слышала в комнате Мухина громкие голоса, брань, крик «убивают», видела убегавшего дружка Марины Андрея Зотова.

Клавдия Ивановна не сомневалась, что Мухин был убит Зотовым.

— Посудите сами, товарищ следователь, ссора между ними произошла, старик несдержанный, ругал Андрея, ну, тот и... В общем, убедитесь сами...

Где живет Андрей Зотов, Клавдия Ивановна не знала.

Позднее, ночью, Николаю Петровичу удалось поговорить с Мариной. Это был печальный и трудный разговор. Прерывая свой рассказ слезами и долгими паузами, Марина поведала о сегодняшней поездке с Андреем в Быково. Во время прогулки Андрей снова, в который раз, настаивал на женитьбе, и снова она отказалась, ссылаясь на несогласие отца. Андрей пришел в ярость, стал выкрикивать угрозы, проклятия. Он вообще неуравновешенный какой-то, заявил, что убьет отца. Конечно, из-за этого они сильно поссорились, и она ушла.

— Я не придала значения его угрозам. Он же должен был понять, что если поднимет руку на папу, то между нами вообще все будет кончено.

И снова слезы заливали опухшее, в красных пятнах лицо.

— Скажите, почему отец не соглашался на ваш брак с Зотовым?

— Папа — человек старых правил. По его понятиям, муж должен быть совсем другим, не таким, как Андрей. Но я и сама не собиралась выходить замуж за него.

— Вы ему об этом говорили?

— Нет.

— Значит, Зотов считал, что единственным препятствием является ваш отец?

— Да.

— Когда Зотов расстался с вами в Быкове, он был сильно взволнован?

— Да. И вообще Андрей неуравновешенный, вспыльчивый, грубый.

— Какие угрозы он выкрикивал в адрес отца?

— «Я его убью, таких людей надо уничтожать...» Да разве все запомнишь!

— От кого вы узнали, что отец убит Зотовым?

— Соседка по квартире сказала. Она все слышала.

— Скажите, Зотов материально хорошо обеспечен?

— Не знаю. Живет на зарплату. А сегодня он занял у меня рубль, чтобы расплатиться в кафе.

Марина постепенно успокаивалась. Обстоятельно отвечая на вопросы, она вспомнила, что свидетелем их ссоры в Быкове был официант летнего кафе «Отдых», обслуживавший их столик.

Сообщив милиции сведения о свидетеле ссоры, а также адрес Зотова — он был у Марины,— Куликов отдал распоряжение доставить того и другого завтра к десяти часам утра в прокуратуру.

— Не исключено,— предупредил Куликов,— что Зотов попытается скрыться от следствия, поэтому как можно скорее найдите его.

В четвертом часу ночи следователь уехал домой.

В квартире еще оставались оперативные работники. Мужчина лет пятидесяти, среднего роста, с одутловатым лицом человека, мало бывающего на свежем воздухе, стоял неподвижно на пороге комнаты и, засунув руки в карманы «болоньи», прислушивался к шумевшему за окном мелкому дождику. Рядом стоял молодой человек.

— Товарищ подполковник,— почтительно проговорил он,— только что уехал следователь прокуратуры.

— Знаю,— не меняя позы, отозвался тот, кого назвали подполковником,— он и со мной тоже простился.

— Следователь сказал, что ему обстановка ясна и что, судя по всему, дело удастся закончить в несколько дней.

— Хвала и честь! А и чему он, в сущности, все это говорит?

Молодой человек смутился.

— Не знаю. Возможно, считает, что наша миссия окончена.

— А ваше мнение, товарищ старший лейтенант?

Несколько секунд молодой человек словно раздумывал, с чего начать, наконец признался:

— Если по совести, Федор Георгиевич, странными мне кажутся мотивы преступления.

— Мне тоже, если по совести,— в тон ему ответил подполковник,— убить отца невесты только потому, что тот не дает согласия на брак! — Он недоуменно пожал плечами.— Во-первых, это никак не вяжется с нашим бытом, с условиями нашей жизни, а во-вторых, ведь убийство окончательно губит все дело. Теперь-то женитьба его тю-тю.— Подполковник помолчал и добавил: — Может, он тронутый? Всякое бывает. А вы обратили внимание, товарищ старший лейтенант, на собаку? Металась как неприкаянная, дважды пыталась взять след с окна. Что ей там надо? Вот что, Володя,— подполковник дружески обнял молодого помощника,— с женщинами придется поговорить еще раз, позднее. Займитесь этим. И побольше о Мухине. Удивительное дело,— Федор Георгиевич смешно поднял плечи и развел руками,— о Зотове мы с ходу узнали многое: любил дочку старика, неуравновешенный, грозился, а о покойном, царство ему небесное, ни слова. Как жил, с кем встречался — ничего не знаем. Займитесь, товарищ Загоруйко. Мне все-таки думается,— продолжал подполковник,— было бы неплохо погостить здесь еще денек-другой, расставить посты, посмотреть, не придет ли кто в гости. Может, кто и поинтересуется, по каким следам идет уголовный розыск. Словом, вы меня понимаете, товарищ Загоруйко... Вас я и назначаю старшим. Сейчас пришлю людей, расставьте их как полагается. Посидим у моря, подождем...

Загоруйко остался один. За стеной слышалось неясное бормотание, иногда плач. Раза два по коридору пробегала Капитонова, она так и не ложилась спать. Вскоре прибыла машина с сотрудниками милиции. Старший лейтенант расставил посты, проинструктировал вновь прибывших. К этому времени уже стало светать. Во дворах соседних домиков вступили в перекличку петухи. От ночного дождя зелень маленьких садов сверкала и казалась лакированной. Хотелось спать. Загоруйко подтащил кресло поближе к окну, отдернул занавеси и поудобнее примостился. Из окна просматривалась тихая, еще не проснувшаяся улица. Она дышала миром, спокойствием. Дома напротив, приземистые, одноэтажные, с щелями в закрытых ставнях, чем-то напоминали копилки. Загоруйко даже улыбнулся неожиданному сравнению.

ГЛАВА 2

УТРОМ В ПРОКУРАТУРЕ

Ровно в десять часов Николай Петрович Куликов, как всегда подтянутый, побритый, входил в здание прокуратуры.

Возле кабинета он заметил старичка, одиноко притулившегося в приемной. И сразу же догадался, что перед ним официант кафе «Отдых». Николай Петрович приветливо поздоровался и, следуя за ранним посетителем, вошел к себе.

— Садитесь, пожалуйста. Может, закрыть окно, не боитесь простуды?

— Премного благодарны, прошу не беспокоиться, к воздуху привычны,— неожиданно густым басом ответил старичок и расправил усы.

— Вы на пенсии? — улыбаясь, спросил Куликов. Ему стало смешно: уж больно не соответствовал могучий рык старика неказистой внешности.

— Так точно.

— А почему не отдыхаете?

— Привычка,— сокрушенно пробасил тот,— места дома себе не нахожу, не шутка, пятьдесят лет проработал, вот и не выдержал, пошел

работать в кафе. Здесь не ресторан, работа не вредная, все время на свежем воздухе, да и посетители хорошие, больше молодежь.

Он умолк и выжидательно посмотрел на Куликова.

— Вы уж меня извините, что рано вас потревожил.

— Об чем разговор, гражданин следователь! Чем могу служить? Рад помочь. Всем сердцем.— Старик даже приложил руки к груди.

Завязался неторопливый разговор. Молчаливый Николай Петрович, когда нужно, умел поговорить, а главное, послушать, и это располагало к нему собеседников. Вот и сейчас, подробно описав внешний вид Марины Мухиной, следователь поинтересовался, не слышал ли старый официант, о чем говорили молодые люди, когда сидели у него за столиком.

Марину старик запомнил.

— Симпатичная девица, только глазенками любит стрелять... швырк, швырк то туда, то сюда.

А вот спутника ее официант вспомнить не мог. Одно запомнил: тот сердито выговаривал девушке. Даже кулаком по столу стукнул. Старик подошел, посмотрел, не разбил ли чего. Обошлось.

— А угроз каких со стороны молодого человека не слышали?

— Врать не хочу. Не слышал. Да я и отошел быстро.

— Понятно. Спасибо.

Первый допрос дал мало. Николай Петрович придвинул к себе бланк протокола и стал его заполнять. Попросив свидетеля расписаться, Куликов еще раз поблагодарил его.

— Рад служить. Можно идти?

— Будьте здоровы.— Следователь протянул повестку с отметкой о посещении прокуратуры.

Оставшись один, Николай Петрович задумался. Значит, Марине Мухиной просто показалось, что их разговор слышали окружающие. Может, кто и слышал, но не официант. В общем, оно и понятно: официант все время в беготне — кухня, столики. Как-никак, воскресный день. Да, но показания Марины все же должны быть подкреплены хотя бы еще одним свидетелем. Без этого допрос Зотова будет затруднен. Может, Капитонова?

Николай Петрович встал и заглянул в приемную. До чего же аккуратный народ! У входа сидела высокая женщина. Клавдия Ивановна! Куликов сразу узнал ее.

Несмотря на августовское утро, Капитонова, видимо, по случаю вызова в прокуратуру была одета в длинное пальто из черного плюша. Обычно этот наряд она надевала только в церковные праздники. По одному этому можно было судить, какое значение придает она сегодняшнему событию. Остренькие маленькие глазки Клавдии Ивановны с нескрываемым любопытством оглядывали каждый предмет в комнате.

Клавдию Ивановну не надо было расспрашивать. Она сама торопилась выложить все обстоятельно, иногда пускалась в пространные рассуждения, и тогда Куликов осторожно выравнивал рассказ.

Началось с того, что в начале десятого вечера (Клавдия Ивановна запомнила этот час, так как обычно в это время принимает лекарство от ревматизма) кто-то забарабанил в наружную дверь. Со слов Клавдии Ивановны, она хоть и испугалась, но пошла открыть, и в квартиру ворвался Андрей Зотов.

Да, конечно, она и раньше встречала его. Ухажер Марины, дочки Мухина. Сколько раз она видела их вместе, часами стояли у дома, но чтобы войти, ни, ни!.. Так вот впустила Андрея в квартиру, и он бегом в комнату старика.

— Мухина вы давно знаете?

— Тридцать лет в одной квартире живем.

— В гости к нему ходили?

— В гости? — удивленно переспросила Клавдия Ивановна.— Нет, скупой старик был, вечно ссорился со мной: то электричество много жгу, то кран не закрутила. Не разговаривала я с ним, не то что в гости.

— Что делал Мухин, когда пришел Зотов?

— Спал,— безапелляционно заявила свидетельница.

— Откуда вы знаете?

— Слава богу! Жить в одной квартире и не знать... Спал. Он в это время всегда храпел.

— Ну, а дальше что?

— Слышу, ругаются. «Отдай дочку за меня, а не то я тебя убью!» — кричал Зотов. И, по всем статьям, убил!

— Так сразу и убил? — недоверчиво спросил Куликов.

— А что старику надо? Он хлипкий, гнилой. В чем только душа держалась. Занудливый, а хлипкий. Нет, видать, Андрюшка — убийца.— И, откинувшись на спинку стула, Клавдия Ивановна заключила:— Точно он. Кто же еще!

— Но вы же не видели, как Зотов убивал Мухина?

— Что вы, что вы!..— взволновалась Капитонова и даже перекрестилась.— Какие страсти говорите...— И обиженно сжала губы.

— Почему же вы так уверенно говорите, что Зотов — убийца?

— Он сам кричал: «Убью тебя!»

— Где кричал?

— В комнате.

— Мухин отвечал?

— Нет, в комнате что-то упало, шум пошел. Больше я ничего не слышала.

— А дальше что?

— Вижу, бежит Андрей по коридору, страшный, волосы взъерошены, глаза выпучил, ногами громыхает — и прямо в дверь, ударил кулаком и убежал.

— Ясно! — резюмировал Куликов и наклонился над протоколом допроса.

Клавдия Ивановна понимала, что случай поставил ее в центре чрезвычайного происшествия, что она единственная свидетельница случившегося, и упивалась своей ролью.

— Как Мухин относился к дочери?

— Любил ее, а замуж за Андрея не велел выходить.

— Почему?

— Говорил, что тот нищий, голоштанник, что для Марины другой муж нужен.

— И Марина соглашалась?

— А что же делать, против отца не пойдешь, особливо когда из его рук ешь. Старик богатый, дочери ни в чем не отказывал. Только грозился: выйдешь за голодранца — выгоню.

— А вам Марина ничего о Зотове не рассказывала?

— Нет, девка скрытная.

— Вот вы говорите, Мухин богатый. Откуда вы знаете?

— Да что теперь о покойнике говорить! Дурного не полагается, а хорошего тоже не скажешь.

— Не понимаю.

— А что понимать-то, спекулянт он и жулик! — И, сердито сверкнув глазами, добавила: — У него три ведра золота припрятано.

— Что же, вы сами видели?

— Видеть не видела, а знаю, что есть. К нему разные люди приходили, золото приносили.

— Кто приносил?

— Не знаю. Должно быть, спекулянты.

— Почему вы решили, что кто пришел, тот золото принес? Может, просто так.

— Догадывалась. Жаден был старик. Деньги для него все! Говорила ему: погубишь себя жадностью, Семен Федотыч. Истинная правда получилась, погубил. Все-то ему мало. А где Андрюшке взять денег? Он и не выдержал. И куда старому такое богатство?! Одного варенья три пуда наварил...— Клавдия Ивановна сжала губы и замолчала.

Куликов сосредоточенно писал. Отвлек негромкий стук в дверь. В кабинет вошел Федор Георгиевич Гончаров, тот самый подполковник, что был вчера в квартире у Мухина. Гончаров вошел не спеша, чуть вразвалку и, пожимая руку Николаю Петровичу, осведомился:

— Не помешал?

— Нет-нет, пожалуйста.— Куликов пододвинул стул вошедшему.— Беседую с Клавдией Ивановной Капитоновой. Вы ее видели вчера.

— Здравствуйте.— Федор Георгиевич поклонился свидетельнице.— Разрешите.— Он потянулся к протоколу допроса, взял его и стал внимательно читать.

— Пока все, Клавдия Ивановна. Спасибо вам.— Куликов поднялся со стула.

— Пожалуйста,— церемонно ответила Капитонова и тоже встала.— Можно идти?

— Одну минуту.— Гончаров дочитал протокол и положил его обратно на стол.— Вчера вы отлучались из квартиры?

— Да, уходила под вечер.

— Куда?

— В церковь. По воскресеньям я всегда хожу часов в восемь вечера, а обратно возвращаюсь в девять, в начале десятого.

— Понятно. У меня вопросов больше нет.

— Еще раз благодарю.— Куликов протянул Капитоновой листы протокола и попросил подписаться на каждой странице.

Оставшись вдвоем, Николай Петрович подробно рассказал подполковнику о проведенных допросах, о своем впечатлении от свидетелей.

— Факт пребывания Зотова в комнате Мухина,— говорил он,— перебранка со стариком, драка, бегство — все установлено. А если прибавить показания Марины об угрозах ревнивого кавалера расправиться с ее отцом, то нехитрое дело получается, Федор Георгиевич. Как вы считаете?

— А вы?

Не получив ответа, Куликов тоже ответил не сразу. Спрятал в ящик стола протоколы допросов, закурил и, разок-другой глубоко затянувшись, медленно заговорил:

— Ну, что же, я секрета не делаю. Вы обратили внимание, Федор Георгиевич, что за последнее время мы стали бояться простых решений, перестали верить им? Кто знает, может, причиной тому усложненность всего нашего образа жизни, мышления, но прямолинейность и простота кое-кому стали казаться подозрительными. Вот в нашем деле тоже мы склонны искать трудности там, где их и в помине нет. Мы перестали верить тому, что чересчур легко. Я и чему это говорю, Федор Георгиевич? К тому, что в деле Мухина я решил не бояться версии, если так можно выразиться, лежащей на поверхности. Версия эта жизненна, логична и подкреплена свидетелями. Я не могу игнорировать показаний Марины Мухиной, если она недвусмысленно заявляет, что Зотов за несколько часов до убийства грозил расправиться с ее отцом. Я не могу не верить Капитоновой. К тому же есть еще одна существенная деталь: у старика Мухина чем-то тяжелым размозжен затылок. Эксперт установил, что именно это явилось причиной смерти, а смерть наступила в час, когда в комнате находился Зотов. Что же еще нам надо?

— Да-а,— протянул Гончаров.— Улики веские. К ним еще можно добавить, что Зотова дома не оказалось, он был задержан на вокзале. Но удар в затылок, почему в затылок? Значит, старик повернулся спиной к гостю и ругался? Странная мизансцена.

— Ничего странного,— отрезал Куликов.— Мухин повернулся, чтобы показать Зотову, что разговор окончен, а в это время тот ударил его по голове.

Продолжение следует.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 3

ГДЕ ПРЕСС-ПАПЬЕ?

В двух шагах от следователя, положив большие руки на колени, сидел молодой человек среднего роста, ладно сложенный, в дешевом грубошерстном костюме серовато-темного цвета. Ноги его были обуты в широкие, на толстой подошве ботинки. Мягкий воротник верхней рубашки открывал темную от загара шею. Густые, почти сросшиеся в одну линию брови придавали лицу мрачный вид. Молодой человек непрерывно сжимал и разжимал челюсти, от чего под тонкой кожей появлялись и исчезали желваки.

«Нервничает»,— подумал Николай Петрович и с удивлением отметил, что почему-то представлял себе Андрея Зотова совсем другим — тоньше, расхлябаннее, что этот молодой человек мало похож на того, выдуманного им.

Сорок второго года рождения, родители умерли, работает техником-геодезистом, окончил одиннадцатилетку и двухгодичные курсы, под судом не был, но привлекался и ответственности за драку на улице. В нескольких строках вся биография. Не богато. С чего начать? От первых слов, от первой фразы немало зависит.

Куликов подосадовал, что так некстати Гончарова вызвали в управление. Ему легче работалось вдвоем с подполковником. Импонировала уверенность и спокойствие того в разговоре с людьми. В делах, которые они вместе вели, бывали случаи, когда следователю становилось по-настоящему трудно идти дальше, и каждый раз с помощью подполковника удавалось находить еще не проторенную дорожку. Да, но это обычно происходило, когда их совместная работа велась, так сказать, синхронно, а сейчас... Реплики Гончарова не дают повода считать, что он полностью согласен с его, Куликова, версией.

Исподволь изучая Зотова, Николай Петрович все более убеждался в правильности своей версии. Да, парень вспыльчивый, бешеный, такому ничего не стоит сгоряча ударить, покалечить человека.

Понял Николай Петрович и другое: что сразу, с ходу на откровенный разговор рассчитывать нельзя.

— Вы знаете, что случилось с Семеном Федотычем Мухиным?

— Узнал в милиции. Меня и вам не повесткой пригласили, а привели. Хорошо еще наручники не надели.

— Зачем же так?.. А привели потому, что дело серьезное.

— А позвольте спросить: какое отношение к этому серьезному делу имею я?

— Вот об этом мы и поговорим. Начнем с вашей поездки с Мариной Мухиной в Быково.

Взгляд, который Зотов метнул на следователя, был красноречивей слов.

— Я слушаю вас,— мягко произнес Николай Петрович.

— О чем говорить — об убийстве или о любовных делах? — сквозь зубы процедил Зотов.

— Так ли уж далеко одно от другого?

И неожиданно Зотова прорвало. Словно все, что он таил, все, что накипало в нем, он черпал ладонями и выплескивал, выплескивал... нате, еще нате... вот вам, копайтесь, ройтесь!

Монолог Зотова часто казался бессвязным. Фразы обрывались на полуслове, оставались недосказанными, но недаром Николай Петрович был искусным слушателем. Он, не перебивая, мысленно заканчивал недосказанное, вязал в узелки разорванные ниточки, отметал все, что шло от чистой лирики. И с полотна, на котором следователь рисовал картину преступления, случившегося в доме Мухина, постепенно исчезали последние белые пятна.

Андрей любил Марину, любил неистово, с «сумасшедшинкой». Такое чувство пришло к нему впервые. Оно могло бы явиться счастьем для них, если бы было одинаковым у обоих. Но любовь Андрея опалила и испугала Марину. Конечно, Андрей Марине нравился. Нравилась его преданность, безропотное служение всем ее причудам. Но девушку пугали припадки ревности, раздражали настойчивые требования выйти за него замуж. Нет, не о таком муже для дочери думал Семен Федотыч Мухин и смотревшая на жизнь глазами отца Марина. Спокойный, рассудительный, на десять лет старше или, во всяком случае, «при деле» — вот таким должен быть ее муж, а не бешеный мальчишка, с которым приятно провести время, но выходить замуж...

Андрей очень скоро начал понимать, а поняв, резко, иногда грубо осуждал Маринины взгляды на жизнь. Однако от этого любовь не уходила, наоборот, росла, хмельная, ни с чем не считающаяся.

Да, в Быкове он не сдержался, наговорил Марине кучу дерзостей, был грех — угрожал. К тому же за соседним столиком какой-то фрукт все на нее глазами пялился, чуть по морде не заработал. Обратно в Москву он и Марина ехали в разных вагонах, а с вокзала он на такси к ней домой подался, торопился, хотел до ее прихода поговорить со стариком с глазу на глаз. Как вылез из машины возле их дома, увидел сквозь деревья сада окно Маришкиной комнаты, шторку приспущенную, такая обида разобрала, такая горечь прихватила, что сразу, ни о чем не думая, к двери кинулся.

Нет, разговора не получилось. Старик и слушать не захотел о замужестве дочери. Слово за слово, стал угрожать, оскорблять его, гнать из дому, замахнулся тяжелым пресс-папье, и тут Андрей не сдержался, вырвал пресс-папье из рук бушевавшего хозяина, швырнул в сторону, а самого толкнул к окошку, хорошо еще закрыто было, а то вылетел бы старик буян в сад прохлаждаться, благо дождь пошел. Да не рассчитал удара: старик отлетел, как мячик, может, обо что и стукнулся, он уже ничего не видел, повернулся и бросился бежать... Вот и все.

Все ли? Нет, пока что Николай Петрович этого вопроса не задал. Его заинтересовали слова Зотова о пресс-папье. У старика Мухина затылок размозжен чем-то тяжелым. Чем? Ни на одной из вещей, находившихся в комнате убитого, не было обнаружено следов крови. А пресс-папье?.. Николай Петрович мог поклясться, что пресс-папье в комнате убитого отсутствовало. Следовательно, в тот момент Зотов сообразил, что оставлять эту страшную улику на месте преступления нельзя, и унес с собой. Какое же это состояние аффекта!

— Почему и куда вы пытались уехать из Москвы?

— К тетке, в Расторгуево. Тяжело было. Понимал, что все рушится. От самого себя бежал.

— Неясно.

— Вот то-то и оно, что неясно.

— Значит, к убийству Мухина вы никак не причастны?

Зотов пренебрежительно пожал плечами и ничего не ответил.

— А ведь Марина Мухина придерживается другого мнения.

— Не говорите чепухи! — резко оборвал Андрей.

Николай Петрович не одернул грубияна.

— Чепухи? Что же, я дам вам возможность убедиться в обратном.

На этом допрос был прекращен.

ГЛАВА 4

ОЧНАЯ СТАВКА

Марина не помнила матери. Та умерла, когда девочке исполнилось два года. Всякое говорили в связи со смертью Мухиной: и о том, что муж ее поколачивал, что был он привередлив и скуповат сверх меры... всякое. Девочка не интересовалась пересудами, а когда подросла, и разговоры кончились.

Так всю жизнь и прошагали вдвоем — угрюмый и малообщительный Семен Мухин и набалованная, хорошенькая Мариша, с годами пре-

Продолжение. См. «Огонек» № 36.

вратившаяся в очаровательную, стройную девушку.

В школьные годы девушка ничего не знала о делах отца. Семен Федотыч работал оценщиком в ломбарде, слыл большим специалистом по драгоценным камням и золоту. Тогда и позднее уже вышедшего на пенсию Мухина изредка навещали незнакомые Марине люди. Если появлялся «визитер», Семен Федотыч, как правило, отсылал дочь в магазин или по каким-либо другим делам, и девушка с превеликим удовольствием выпархивала из дому, часто даже забывая выполнить то, за чем пошла. Она отлично понимала, что отцовское поручение только предлог, чтобы спровадить ее.

Отец потакал дочери во всем и, пожалуй, впервые отказал ей, когда после окончания средней школы она заявила, что собирается сниматься в кино.

— Я тебе поснимаюсь! — прорычал Семен Федотыч.— По чужим постелям валяться... Отлуплю так, что не сядешь неделю!

На этом затея и кончилась. Марина не настаивала на актерской профессии. Нет так нет, подумаешь! И охотно согласилась поступить в комиссионный магазин, где скоро освоила все тонкости торгового дела. В комиссионном она и встретилась со случайно забредшим туда Андреем Зотовым.

Если бы сейчас, после утраты отца, Марину спросили, что тревожит и угнетает ее больше всего, она должна была бы ответить так: испуг, боязнь остаться одной. Ведь до сих пор, даже будучи взрослой, она шла по жизни, опираясь на плечи отца. Ах, как корила она себя за легкомыслие, за то, что тянулась к танцулькам, гулянкам, мальчишкам, за то, что не приглядывалась к тем, о ком говорил отец, к тем, кто постарше, посолиднее, кто смог бы стать для нее завидной партией!

Марину охватывала лютая злоба на Андрея. Подлец, мальчишка, вот и получай по заслугам! Скотина!

Она охотно, с какой-то душевной удовлетворенностью подтвердила следователю прокуратуры свои первоначальные показания о том, что считает виновным только Зотова. Она вспоминала новые подробности из разговоров с ним. Вновь рассказывала о его неуравновешенности, о приступах ревности, о ненависти к ее отцу. И Николай Петрович Куликов, обстоятельно записывая показания Марины Мухиной, в который раз убеждался в своей правоте. В схеме, начерченной следователем, царила полная ясность...

В черном платье, гладко причесанная, побледневшая и осунувшаяся, вошла Марина в кабинет Куликова.

Николай Петрович сочувствовал посетительнице, но не вызвать ее сегодня нельзя было, Зотов упорствовал, на первых двух допросах все начисто отрицал, более того, издевался, не верил, что его подружка могла дать показания против него.

Неторопливые и обстоятельные ответы Мухиной, сдержанность, которую она проявила, успокоили Куликова. Теперь он был почти уверен, что очная ставка пройдет без истерик. Николай Петрович их органически не переносил. Марина отлично владела собой и только один раз не сдержалась и на вопрос об отношении к Андрею ответила запальчиво и зло:

— Я его ненавижу!

К удивлению следователя, Марина без всяких колебаний согласилась на очную ставку. Николаю Петровичу даже стало чуть не по себе, когда, пожав плечами, свидетельница заявила холодно и отчужденно:

— Если нужно, пожалуйста. Я в лицо ему скажу, что он убийца и что я рада буду, если его расстреляют.

Когда Зотова ввели в кабинет и он увидел сидевшую возле стола Марину, он будто засветился весь. Не скрывая радости, Зотов возбужденно заговорил, обращаясь только к ней:

— Понимаешь, Маринка, меня черт знает в чем обвиняют! Это же даже смешно подумать...

Марина молчала и смотрела в сторону. Вместо нее подал реплику следователь:

— Не думаю, чтобы это было очень смешно, гражданин Зотов. Убийство не такая уж веселая штука.

— Извини, Мариша. Я неудачно выразился,— виновато сказал Зотов, даже не посмотрев в сторону Куликова.

Куликов попросил Зотова сесть напротив Мухиной, провел обычный опрос взаимного опознания, и потянулась цепочка ранее обдуманных, тщательно отработанных вопросов задержанному и свидетельнице, свидетельнице и задержанному, вопросов нехитрых, но точно нацеленных.

Ездили ли вы вместе в Быково, шел ли разговор о браке, грозили ли вы? На все эти вопросы следовали утвердительные ответы, без колебаний, раздумий.

— Зачем вы поехали на квартиру к Мухину?

— Хотел объясниться, поговорить.

— Но вы же знали, что это явно безнадежная затея?

Молчание.

— Гражданка Мухина, Зотов знал, что его приезд к вашему отцу бессмыслен?

— Конечно, знал. Я ему десятки раз говорила, что отец слышать не хочет, чтобы мы поженились, да я и сама ни за что бы за него замуж не вышла. Тоже мне муж нашелся!

— Спокойно, это к делу не относится,— остановил ее Куликов.— Кто вас впустил в квартиру, гражданин Зотов?

— Какая-то гражданка. Видать, живет там. А впрочем, не знаю. Она была в пальто и косынке.

— Это Клавдия Ивановна, наша соседка,— пояснила Марина,— она, наверное, только что вернулась из церкви.

— В комнате у Мухина никого не было?

— Никого.

— Гражданка Мухина, когда вы уходили, ваш отец никого не ждал?

— Никого.

С особой тщательностью расспрашивал Николай Петрович о вероятном орудии убийства, тяжелом пресс-папье, загадочно исчезнувшем из комнаты. Однако ничего нового по этому вопросу от Зотова услышать не удалось.

— Да, было такое,— как заученное, твердил задержанный.

И снова повторял о том, что старик схватил пресс-папье, замахнулся, хотел ударить его, что он вырвал пресс, кинул в сторону, а самого хозяина тряхнул за грудки и оттолкнул к подоконнику. На этом, со слов Зотова, все кончилось. Он бросился бежать из комнаты, из квартиры, ничего не видя, не слыша.

— Любопытно, Зотов, но пресс-папье в комнате нет. Куда оно делось? Вспомните, может, вы не бросили его, а прихватили с собой? С перепугу, так сказать. Ударили старого человека, схватили пресс и побежали?

На этом месте очную ставку пришлось прервать. Доселе сдержанная, молчавшая Марина как бы вновь увидела и пережила случившееся... занесенное рукой убийцы тяжелое пресс-папье, размозженная голова отца... Она залилась слезами и, показывая на побледневшего как полотно Андрея, закричала, запричитала пронзительно:

— Это он, он убийца! Папа, дорогой, прости меня! Я, я одна виновата!

Пока Куликов отпаивал Марину, уговаривал и успокаивал ее, с Зотовым происходило что-то непонятное. Вначале согнувшийся под градом упреков, проклятий и обвинений, он постепенно выпрямился, расправил плечи, на лице его появилась глумливая улыбка. Когда через минуту-другую следователь обернулся и хотел о чем-то спросить, Зотов, махнув рукой, не меняя выражения лица, сказал:

— Ладно, ваша взяла. Пишите, я убил. А пресс... выбросил.

— Куда?

— В окно. Хватит. Точка!

— В окно? — заинтересованно переспросил Куликов.

— А то куда же, проглотил, что ли?! — грубо отрезал Зотов.

ГЛАВА 5

В ГОСТИ НА ПЕТРОВКУ, 38

В часы, когда Николай Петрович Куликов доводил до логического конца разработанную им версию, на другом краю города происходило следующее. Виктор Лунев, щупленький парнишка с невыразительными чертами лица и коротко остриженной головой, проснулся в самом радужном настроении. И хоть спал он мало и плохо, заночевал у сестры, домой боязно было идти,— все равно настроение у Виктора было праздничное. Похоже на то, что жизнь наконец-то улыбнулась ему. Сегодня он должен получить еще десятку. Итого двадцать рублей за два дня. Ого! Недурно!

Виктор стал не спеша собираться, чтобы успеть к восьми часам по знакомому адресу.

И до чего же быстро он профинтил зарплату плюс отпускные! Нет, теперь он будет умнее. Хватит рублевки раскидывать. На работу можно сейчас не устраиваться. Не к чему спешить. Да и некуда пока. Ведь это он только так, для фасону говорил, что не поладил с нормировщиком, на самом деле захотелось ему пожить вольно, чтобы каждое утро не топать на завод. Работа что — в лес не убежит. Тем более, что мать в санаторий уехала. Легче Витьке без нее. А то пристает: «Витя, зачем пьешь?» Да еще всплакнет.

Лихо заломив кепку ядовито-зеленого цвета, с таким маленьким козырьком, что на голове она превратилась в нечто среднее между блином и беретом, Лунев вышел на улицу.

Сначала на метро, потом автобусом он доехал до Октябрьского поля. Проходным дво-

ром вышел на тихую тенистую улочку, пересек ее и пошел вдоль низеньких заборов, за которыми бурно росли кусты смородины. Пройдя шагов двадцать, Виктор увидел нужный ему дом. И сразу же остановился как вкопанный. Странное, непривычное оживление... Две девочки пытались заглянуть в одно из окон. То одна, то другая подтягивались на руках. У входа стояла уже знакомая Луневу женщина, та самая, что вчера открывала ему дверь.

Неподалеку от домика, за деревом, Виктор приметил молодого человека в белой рубашке. Тот внимательно посмотрел на него и сразу же отвел глаза. Худо!

И в то же мгновение до обостренного сознания парня донеслись чьи-то слова: «Всю ночь милиция работала. Шутка ли, такое преступление!..»

Смутно, потом все отчетливее росло ощущение еще не распознанной опасности. Виктор резко повернулся и пошел от дома, невольно ускоряя шаги. Он прошел мимо проходного двора, мимо нескончаемых палисадников, маленьких домишек. Скорее, скорее — торопил сам себя.

Оглянулся. Вдали, мягко ныряя на ухабах, шла легковая машина. «В чем дело?! — стал корить себя Лунев.— Чего я, дурень испугался?»

И снова в памяти возник молодой человек в белой рубашке. Почему? Виктор не смог бы объяснить. Пристальный, мгновенно отведенный взгляд, все насторожило, все было подозрительно. Нет, правильно сделал, что скотался, пока тетка, открывавшая ему вчера дверь, не заметила. Правильно.

Мягкое шуршание шин заставило оглянуться. Серая «Волга» обогнала его, держась вприпирку к тротуару, по которому он шел. Виктор хотел было рвануться в сторону, но не успел. Из медленно идущей машины выскочили два человека, один из них в белой рубашке, и сжали с двух сторон.

— Без паники, парень, спокойно. Вот так, по-хорошему,— негромко сказал один.

Попытка упереться ногой в подножку машины ни к чему не привела. Тот, кто в белой рубашке, легонько приподнял его ногу, и через мгновение Лунев лежал на мягком сиденье.

Шофер рванул с места, не обращая внимания на ухабы немощеной улицы.

— Проверь, нет ли оружия.— И руки одного из молодых людей ловко ощупали пиджак и брюки Виктора.

— Ничего нет.

— В чем дело? — Голос Лунева звучал тихо и хрипло.— В чем дело, ребята?

— Все в порядке, парень. Мы из уголовного розыска. Приедем на место, разберемся.

Ясно. Влип. Но в чем дело? В доме Мухина что-то произошло. Но что? И почему эта история касается его? Что он сделал? Непонятно. Может, схватили потому, что он вчера был у Мухина? Так разве это преступление? С Пушкинской площади машина свернула влево. Все ясно. Едем в гости на Петровку, 38.

Машина остановилась у двери желтого здания.

— Прошу, приехали...— Молодой человек в белой рубашке вышел первым и, стоя на тротуаре, ждал, когда Лунев выйдет. Второй сопровождающий последовал за ними.

Они шли садом по асфальтированной дорожке, вдоль аккуратно подстриженных газонов. Справа тянулось большое здание, выкрашенное в бело-желтый цвет. Окна многих комнат были открыты, и на ветру трепетали полуспущенные занавески. Затем поднялись по ступенькам и очутились в узком, длинном коридоре. У одной из комнат остановились, молодой человек осторожно открыл дверь и заглянул внутрь.

— Можно,— сказал он, и они втроем вошли в небольшую комнату с одним окном, в которой всего и было обстановки — стол и несколько стульев.

— Садитесь. Документы есть?

— А я их с собой не ношу.

— Фамилия ваша?

— Лунев Виктор Алексеевич.

— Где живете, работаете?

Виктор назвал адреса. Молодой человек записал, потом скомандовал:

— Посидите. Выходить из этой комнаты не разрешается.— И вместе со вторым сотрудником вышел в коридор.

«Доверяют»,— усмехнулся Лунев. Немного посидев, он встал, глянул в окно. Комната выходила во внутренний двор. Асфальт двора местами темнел сырыми пятнами, не успев просохнуть после недавней поливки.

Пока Лунев ехал в машине, у него не было возможности обдумать, как вести себя, о чем говорить, о чем молчать. Все было слишком неожиданно. Ясно одно: приглашение на Петровку связано с какой-то историей, случившейся в доме Мухина. Что там произошло и не замешаны ли здесь те двое? А что, если «те» арестованы?! От одной этой мысли он даже похолодел. Они будут всякое болтать о нем. Но он же действительно ничего плохого не сделал. Кто он? Пешка, мальчишка для посылок. Да, но здесь могут этого не знать.

И, перебирая в памяти события последних дней, Лунев решил, что ему для собственного спасения нужно как можно скорее отмежеваться от тех двоих. Они сами по себе, а он сам по себе.

Запутавшись в догадках и предположениях, Лунев приуныл. Он даже обрадовался, когда вернулся один из сопровождавших и предложил следовать за ним.

Молча прошли длинный коридор, свернули направо и остановились у двери, как две капли воды похожей на остальные. Молодой человек негромко постучал, приоткрыл дверь и спросил:

— Разрешите, Федор Георгиевич?

Лунев перешагнул порог.

Продолжение следует.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 6

ПО СТУПЕНЬКАМ ВНИЗ

— Привет, молодой человек! Чего стал? Проходи, садись вот сюда.— Гончаров отодвинул лежащие перед ним бумаги и дружески кивнул Луневу. Дождавшись, когда Виктор сел у стола, он продолжал смешливо: — Что же получается, вышел хлопец погулять, путь изрядный сделал, шутка ли, в Ново-Ладыженский переулок забрался, а его ни с того ни с сего в машину и на Петровку? Небось, так думаешь? Не таись.

— Точно говорите, товарищ начальник. Именно так, ни с того ни с сего,— заторопился Лунев.— Не по справедливости получается. Это значит, если моя физиономия кому не понравится, значит, сразу можно...

— Сразу, конечно, нельзя,— добродушно ответил Гончаров.— А физиономия у тебя, я бы сказал, ничего, подходящая. Вот только мешки под глазами и в желтизну отливает. Крепко пьешь?

— Выпиваю.

— А почему не на работе?

— В отпуске я,— соврал Виктор.

— Только познакомились, а ты уже загнул,— обиделся Федор Георгиевич.— С работы ты уволился две недели назад. По этой машинке я сейчас справку навел.— Гончаров показал на телефон.— И ведет ныне Виктор Лунев раздольную жизнь. Ни гудков фабричных, ни нормы, один обеденный перерыв. Правильно говорю?

Виктор молчал.

— А ведь так можно в два счета весь капитал прогулять,— невозмутимо продолжал Гончаров.— Или он у тебя велик?

Лунев в ответ широко улыбнулся. Манера разговаривать этого незнакомого, но, видать, своего «в доску» дядьки пришлась ему по душе.

— Тоже скажете... Откуда ему взяться? Подносят, выпью. А насчет работы не беспокойтесь. Отдохну малость и обратно.

— Устал?

— Ага.

— А как ты думаешь, если бы все мы работали так, как ты, до первой усталости, что получилось бы?

Лунев пожал плечами.

— А чего?.. В порядке.

Парень был явно не подготовлен к такой дискуссии.

— «В порядке»! — передразнил Гончаров.— От такого порядочка ты, может, первым ноги бы протянул. В семье еще кто работает?

— Мать,— неохотно сообщил Лунев.

— И мать тоже... с перерывами?

— Ударница она у меня,— с гордостью сказал Виктор и почему-то покраснел.

Федор Георгиевич с удовлетворением отметил смущение парня. Однако пора было переходить к делу.

— Ну так что же все-таки ты, герой труда, в Ново-Ладыженском делал? К кому и зачем спозаранку пожаловал?

«Нет, этому не соврешь. Мужик, видать, дошлый. А потом, чего мне бояться?» — подумал Виктор и после секундного замешательства пояснил:

— Должок надо было получить, товарищ начальник.

— Ишь ты, кредитор. Кто же тебе должен?

— Старик один. Мухин — его фамилия.

Ни один мускул не дрогнул на лице Гончарова.

— И много должен?

— Десятку.

— Немалая сумма. Что же, видать, нуждается этот старичок?

— Нуждается? — рассмеялся Лунев.— Мне бы да вам, товарищ начальник, его нужду. Богатей.

— А зачем деньги занимает?

— Это особый должок,— хитро подмигнул Виктор.

— Не понимаю. Давай подробней.— Новые нотки прозвучали в голосе Гончарова, и Лунев испуганно поглядел на него.— Давай выкладывай все как есть, начистоту. А чтобы в прятки нам с тобой не играть, слушай: свой долг ты на том свете получать будешь, потому что вчера Семена Мухина кто-то убил. Ясно?

Нижняя губа Лунева по-детски отвисла.

— Я не виноват,— только и смог пролепетать он.

А Федор Георгиевич Гончаров, будто и не было всего предшествующего разговора, снова спросил:

— Зачем пожаловал в Ново-Ладыженский? Кто послал? Что за долг?

И Виктор Лунев рассказал следующее: позавчера он, как обычно в обед, отправился к пивному павильону, расположенному неподалеку от дома. Посещение пивнушки стало постоянным и, пожалуй, единственным развлечением парня. В театры он забыл, когда ходил, кино тоже не жаловал. Последний раз смотрел «Великолепную семерку». Фартовые ребята! А когда не было денег на четвертинку и на пиво, Виктор коротал досуг на соседнем дворе за игрой в «козла».

В пивном павильоне Лунев считался своим человеком. Однако чаще всего у него денег не хватало даже на «чекушку». В таких случаях он медленно потягивал кружку мутного бочкового пива, слизывал пену с губ и тоскливо поглядывал по сторонам, вынюхивая, к кому можно пристроиться, чтобы продлить пиршество за чужой счет.

Позавчера его поманил к себе грузный, приземистый мужчина лет пятидесяти, широколицый, с выпяченной нижней губой, одетый в парусиновый мешковатый костюм.

Завсегдатаям павильона мужчина был знаком. Звали его Яковом Васильевичем, поговаривали, что у Яшки куча денег, что занимается он разными махинациями, но чем именно, толком никто не знал.

— Здорово, Витек! — приветствовал Лунева толстяк.— Выпей за компанию.— И широким жестом опрокинул в пустую кружку бутылку пива.

Выпили молча. Кося глаза, парень поглядывал на соседа. Выпяченная губа придавала тому вид брезгливца, обиженного на самого себя: как это я оказался в этой забегаловке. И будто в подтверждение Яков Васильевич предложил:

— Чего тут толкаться? Пойдем посидим, поговорим по-человечески. Не бойся, плачу я.

В поплавке «Чайка» посетителей почти не было. Приятели заняли столик возле окна. Виктор, привыкший к своему павильону, довольно улыбался. Еще бы! Белые занавески, крахмальная скатерть, поблескивающие перевернутые бокалы, неслышно скользящие официанты!

Яков Васильевич заказал пол-литра, закусну, горячие блюда и, откинувшись на спинку стула, процедил:

— Видать, не богато живешь.

— Всякое бывает,— уклончиво ответил Лунев.— Сейчас точно, не при деле.

— А есть люди, живут королями. Ни забот, ни хлопот. Деньги к ним сами текут. Да вот у меня родственница в Ленинграде. Старуха, одна-одинешенька, квартира, ковры, бриллианты. Между прочим, зубной врач, золотыми протезами занимается. Миллионное дело! А помрет, кому достанется — государству! Родственников никого!

— Паразиты, а не люди! — с обидой отозвался Лунев.— Нет того, чтобы рабочему человеку помочь.

— Они помогут, жди...— поддакнул Яков Васильевич.

Беседа прервалась. Официант принес еду, разлил водку и отошел. В молчании выпили.

— Не знаю, как быть,— продолжал Яков Васильевич,— в Ленинград податься, что ли, хотя и здесь можно деньги делать. Ты парень неплохой.— Он хлопнул Виктора по колену.— Держись за меня, не пропадешь.

Лунев хмелел. Он потянулся было за быстро пустеющим графином, но сосед перехватил его руку.

— Обожди,— резонно заметил Яков Васильевич,— налакаться всегда успеешь. Давай о деле поговорим.

— О деле так о деле,— согласился Виктор.— Что нужно?

— Совсем чуток. Значит, так, слушай, живет в Ново-Ладыженском переулке Семен Мухин, скупалыга лютый, вещи скупает. Старик осторожный.

— Барыга,— понимающе кивнул Виктор.

Яков Васильевич поморщился на него.

— Так вот, пойдешь сегодня к старику, предупредишь, чтобы вечером в девять часов ждал дружка, принесут ему стоящую вещь, рублей на пятьсот потянет.

— Пятьсот?! — ахнул Виктор.

Яков Васильевич довольно хмыкнул.

— Пробрало. Жемчуг принесет.

— А если старик спросит, кто придет, что тогда?

Яков Васильевич ответил не сразу. Он внимательно оглядел Виктора, отвел глаза и нехотя, притушив голос, произнес:

— Скажи, что придет Лаше. Запомни, Лаше.— И уже с явной угрозой: — Не советую, где-нибудь назвать это имя. Тебе сколько годков, Витек?

— Двадцать два,— проглотив от волнения слюну, ответил Лунев.

— Так вот, сболтнешь, до двадцати трех не дотянешь. Гарантирую.

— Зачем болтать? — обиделся Виктор.— Я сам по себе, он сам по себе. И это все, что надо сделать?

— Почти. Вернешься сюда к семи часам, посидишь вот там, у сивера, подождешь. Встретишь Лаше. Передашь ему, что сказал Мухин, и получишь червонец. У нас, как в банке, не пропадет.

В Ново-Ладыженский Виктор отправился сразу же из ресторана. В голове слегка шумело, настроение было превосходное. Шутка ли, десятка, а поручение выеденного яйца не стоит. Пришел, передал — и здью. Почаще бы такое перепадало. А что касается Лаше, Яшки и старика, какое ему в конце концов дело, чем они занимаются. Его хата с краю.

Открыла пожилая женщина, мельком глянула, пропустила и небрежно бросила:

— Вторая направо.

— Войдите,— послышался старческий голос, когда Виктор постучал.

Мухин стоял на коленях возле дивана, искал туфли и ворчал:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36, 37.

— Куда она их, чертовка, запрятала?.. Чего надо? — Блеклые, в синеватых прожилках глаза уставились на гостя.

«Ну и хозяин! Ни здрасте, ни сядьте...» — подумал Лунев и, понизив голос, передал все, что ему поручил Яков Васильевич.

Старик пожевал губами, сдвинул кустистые седые брови и пробормотал:

— Ни черта не понимаю, что за Лаше. Ты толком говори, кто придет?

— Яков Васильевич сказал, что Лаше придет,— упавшим голосом пояснил Виктор.

— Яшка! Ну, это — другое дело. Так бы и сказал, а то Лаше. И кличка-то вроде собачьей. Говорил Яков, что ему нужно?

— Вещь принесет.

— Что именно?

— Жемчуг.

— Жемчуг? — удивился старик и вытянул гусиную шею с резко выступавшим кадыком.— Не знаешь, сколько хочет?

— Просил приготовить пятьсот рублей.

— Ишь ты! Пятьсот! Слыхано ли пять тыщ за безделушку?

Наступило молчание. Старик не переставал жевать губами. Наконец сухо произнес:

— Хорошо, пусть приходит ровно в девять, я сам открою.— Он встал с дивана, шлепая ночными туфлями, прошелся по комнате и поинтересовался: — Тебе-то кто открыл дверь?

— Какая-то женщина.

— Мышь, стерва! Завсегда норовит первой. Лишь бы узнать. Ладно, иди. Так и передай, ровно в девять.

В семь часов вечера в условленном месте, возле ресторана «Чайка», Лунев ждал Лаше. Он облюбовал скамейку, с которой можно было видеть всех идущих от трамвайной остановки. Давно миновало условленное время, а никто не приходил.

«Надули гады,— уныло подумал Лунев.— Вот невезение!» И в ту же секунду вздрогнул от неожиданности. Рядом сел высокий худой мужчина с узким, горбоносым лицом. Он был одет в серый костюм и в такого же цвета широкополую шляпу.

«Лаше!» — догадался Лунев.

Лаше удивлял своей несоразмерностью. Худощавый, узкоплечий, с удлиненным лицом, на котором, словно приклеенные, чернели тоненькие усики и золотистыми искорками поблескивали глаза, он с середины туловища будто превращался в другого человека. Длинные, почти до колен руки заканчивались широкими ладонями с короткими мясистыми пальцами. Лаше слегка косолапил. Размер ноги его был никак не меньше сорок четвертого. Казалось, болезненный гений доктора Моро очеловечил и искусственно соединил гориллу и рысь.

— Заждался, думал, что не приду? — На тонких, сжатых губах Лаше дрожала улыбка.

— Здравствуйте,— почему-то робея, вежливо ответил Виктор.

— Тебя за километр по непочке можно узнать. И где ты такую оригинальную купил?

Виктор хотел обидеться, но побоялся.

— Кепка как кепка, государственный фасон, не я его выдумал,— тише, чем обычно, ответил он.

— Да носи на здоровье,— усмехнулся Лаше.— Я только удивляюсь, какой это закройщик сообразил.— И неожиданно: — У старика был?

— Да.

— Что сказал?

— Ждет к девяти часам.

— К девяти...— повторил тот и взглянул на ручные часы.— Половина восьмого, время еще есть. А как он, злой?

Лунев неопределенно пожал плечами.

— Сволочной старик,— подытожил Лаше, и его рот с тонкими губами стал еще уже.— Ладно, пора идти.— И он встал со скамьи.

— А как же деньги, что Яков Васильевич обещал? — робко, с замиранием сердца спросил Лунев.

— На, получай.— Лаше вытащил из кармана смятую десятку и сунул парню.— Многовато за одну услугу, ой, многовато! Ну да что для дружка не сделаешь. Может, еще когда пригодишься. Ты от Якова Васильевича не отрывайся. Шеф подходящий, с ним не пропадешь. Да, вот что еще,— снисходительно бросил Лаше,— навести завтра утречком пораньше старика Мухина. Он тоже тебе десятку подбросит.— Лаше расхохотался.— Ну, бывай... До встречи.

— Ну и тип! — пробормотал Виктор.

Страх у парня был настолько велик, что пропало желание идти домой, оставаться одному. «Заночую у сестры»,— решил он.

Однако скоро тревога оставила Виктора. Десять рублей, лежавшие в кармане, придали ему смелости, и на следующее утро по совету Лаше он отправился к старику Мухину за обещанной второй десяткой. Там его и задержали.

Долгий разговор с подполковником явно утомил Лунева. К тому же он дьявольски хотел есть. Перерыв нужен был и Гончарову. Следовало кое-что уточнить, проверить, перед тем как повести с задержанным заключительную, наиболее ответственную часть беседы.

Когда в сопровождении уже знакомой белой рубашки Лунев отправился в столовую управления, Федор Георгиевич замялся поисками.

В памяти Гончарова сохранились многие из числа бывших «подопечных», но Лаше? Не только фамилия, но и внешность этого человека не была знакома Федору Георгиевичу. Зато Яков Васильевич из пивного бара, известный в уголовном мире под кличками «Бочонок», «Пузач», «Котел», был, как говорится, изучен вдоль и поперек. Пятьдесят лет своей бурной жизни Пузач почти поровну поделил между свободным житьем и пребыванием в тюрьмах. Сидел за мошенничество, аферы. Ныне Пузач «удачливо» играет в карты и занимается букмекерством на ипподроме. Сейчас Федор Георгиевич обрадовался, что Яков Васильевич на свободе.

ГЛАВА 7

КРУГИ

Небольшой письменный стол заведующего отделом кадров напоминал островок, затерявшийся в океане папок. Папками были забиты стеллажи, опоясавшие комнату по всем четырем стенам, папки лежали на окне, горкой возвышались в углу и даже возле стола.

— Многовато! — Загоруйко осторожно пробирался по узкой дорожке, тянувшейся от двери к столу.

— Хватает добра,— отозвался завкадрами.— А что делать? Перечитываем личные дела. Мертвых душ поднакопилось. Вы откуда, товарищ?

Старший лейтенант предъявил документ, уселся на единственный свободный стул и попросил дать ему для ознакомления личное дело слесаря Виктора Лунева, недавно уволившегося по собственному желанию.

— Лунев? — удивился заведующий.— Не помню такого.

— Оно и не мудрено,— кивнул головой в сторону океана папок старший лейтенант.

— Не мудрено, да плохо,— отозвался кадровик.— Всех следовало бы знать, а как одолеть такое... И вообще, дорогой товарищ, если по совести, пора кончать с этой лавочкой.— Он широким жестом обвел комнату.— Кому нужны все эти анкеты, справки, переписка? То ли дело единая картотека на столе у директора. Картонные квадратики небольшого размера, фотокарточка в правом углу и короткая запись: такой, мол, и такой. Я еще понимаю на «почтовом ящике», там, конечно, строгая проверка требуется, а нам зачем все это хозяйство?

Заведующий говорил торопливо, одновременно листал папки, искал. Наконец нашел, стер с обложки пыль и положил папку на колени Загоруйко.

— Тощая,— прокомментировал он,— три листка.

С фотографии на старшего лейтенанта смотрело знакомое мальчишеское лицо Лунева, с упрямым хохолком и чуть оттопыренными ушами. Никаких компрометирующих материалов в деле не было. Жил паренек, потерявший малолетней отца, рано обрел самостоятельность. В общественной жизни не участвовал, в комсомоле не состоял. Почти во всех графах «нет», «нет», «нет». Получил выговор за опоздание. Мальчишеским почерком, со множеством ошибок написано объяснение... «Опоздал по случаю болезни мамаши». Так и написано: «мамаши».

«Соврал, подлец»,— беззлобно подумал старший лейтенант, но промолчал.

Загоруйко отложил дело, извинился за беспокойство и сказал, что пойдет в комитет комсомола поговорить с секретарем.

— Не стоит,— отсоветовал завкадрами,— секретарь у нас все больше на конференциях да в райкоме. А Лунев беспартийный, так сказать, не охваченный. Секретарь его, небось, и в глаза не видел.

Но Загоруйко все-таки пошел.

Пока старший лейтенант узнавал подробности о Викторе Луневе, начальник отделения милиции Колесников получил любопытное письмо. На листке, вырванном из тетради, было нацарапано:

«Товарищ начальник, пишет вам доброжелательница, много пострадавшая от уголовной шпаны. Поэтому и решила я остаться неизвестной. Не ровен час, пронюхают, со света сживут. В воскресенье, в десятом часу вечера, возвращаясь домой, я увидела чернявого паренька в сером костюме и желтых на толстой подошве ботинках. Парень выбежал из дома номер 16. Парень в руках держал небольшой окровавленный предмет, который и выбросил в урну на углу Ново-Ладыженского переулка, что с правой стороны. Вчера я узнала, что в этом переулке кого-то убили. Может, я повстречалась с убийцей. Буду рада, если чем помогла вам. До свидания. Т.».

Майор выслал оперативных работников проверить содержимое урн в Ново-Ладыженском переулке. Приказал, в случае если урны уже очищены от мусора, собрать и опросить дворников ближайших домов. Когда оперативный наряд выехал на задание, майор позвонил на Петровку, 38, и доложил подполковнику Гончарову о полученном письме.

Сигнал доброжелательницы оказался правильным. Именно в крайней урне на углу переулка, с правой стороны, было найдено массивное пресс-папье с засохшими следами крови. Эксперту научно-технического отдела понадобилось не много времени, чтобы дать заключение о том, что «вышеуказанный предмет является орудием убийства гражданина Мухина Семена Федотыча, последовавшего в воскресенье такого-то числа». По справке эксперта удар был нанесен краем пресс-папье в затылок. Группы крови совпадали.

Казалось, все ясно. Круг замкнулся. Так, может, и несколько выспренне доложил по телефону майор Колесников подполковнику Гончарову и был несказанно удивлен, когда, выслушав его, Федор Георгиевич назвал замкнутый круг кругом по воде, от которого в конечном счете ничего, кроме легкой ряби, не останется.

Федор Георгиевич распорядился немедленно переслать анонимное письмо графикам из НТО и поставить перед ними только один вопрос: кто писал — мужчина или женщина.

Закончив разговор с Колесниковым, Гончаров вызвал Загоруйко.

— Садитесь, товарищ старший лейтенант. Луневские протоколы прочли?

— Прочел. По-моему, Федор Георгиевич, положение осложнилось. Ведь и Лаше явился к Мухину к девяти часам.

— Совершенно верно. И если Зотов пришел объясняться насчет своих матримониальных дел и мог убить старика в припадке ярости, то Лаше мог прикончить его из корысти. Проверь, не исчезли ли из комнаты Мухина какие-либо драгоценности.

— Слушаюсь, товарищ подполковник. Но если Лаше готовился убить Мухина, чего ради он посоветовал Луневу пойти за десяткой к старику. Это же идиотский риск.

— Ты прав. Ясно одно: Лунева надо выручать.

— Выручать?

— Да. Иначе его ликвидируют в два счета. Он для них опасный свидетель.

Продолжение следует.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 8

МЯТЕЖ ФАКТОВ

Сотрудники прокуратуры, знающие аккуратность Николая Петровича Куликова, сегодня могли с уверенностью сказать: наш старший следователь чем-то взволнован. Шутка ли, галстук повязан наспех, да так, что из-под узелка видневется запонка. Всегда безукоризненный зачес, тщательно прикрывающий небольшую лысинку, отсутствует, и коварный безволосый пятачок откровенно красуется на самом затылке. В общем, все не так, как всегда.

Сосредоточенный, хмурый Николай Петрович широким шагом отмахал расстояние от своего кабинета до кабинета прокурора, постучал и, услыхав «войдите», открыл дверь. Прокурор, пристроившись в углу дивана, листал очередной номер бюллетеня Верховного суда.

Он с удивлением оглядел Куликова.

— Николай Петрович, вам нездоровится?— Как и все сотрудники, прокурор привык видеть своего старшего следователя неизменно подтянутым.— Что случилось?

— Весьма существенное, Сергей Сергеевич, весьма.— Куликов положил на середину стола принесенную папку и стал развязывать тесьму.— Ваш старший следователь на этот раз не учел святого правила: тот, кто хочет обвинять, не должен торопиться.

— Золотые слова!— улыбнулся прокурор.— Но я бы предпочел с утра слушать не монолог кающегося грешника, а вести разговор по существу. Вы имеете в виду мухинское дело?

— Да, Сергей Сергеевич, мухинское, вернее, зотовское. Дело в том, что фактическая проверка показаний Зотова не дала положительных результатов.

Это заявление не легко далось Куликову. Последние двадцать четыре часа, только и занимаясь анализом и сопоставлением всех материалов расследования, он сделал такой трудный для себя вывод и сейчас пришел к начальнику доложить о своем просчете.

— Садитесь, Николай Петрович,— перебил прокурор и показал на место за столом.— Выкладывайте не спеша все, что вам стало известно. Все «за» и «против», а то этот галоп мне что-то не по душе. Я слушаю.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—38.

...Удивительное дело, очная ставка Андрея Зотова с Мариной Мухиной вместо того, чтобы закрепить уверенность следователя в правоте своей схемы, вконец разрушила ее. Казалось, должно было быть наоборот: Марина настойчиво и неистово обвиняла, Андрей под тяжестью улик сознался. Что же еще?!

С первой до последней минуты пребывания Зотова и Мухиной в его кабинете он не отводил от юношн глаз. Куликов подметил вспыхнувший румянец на лице Андрея, заблестевшие глаза, услышал и мысленно зафиксировал любовные, мягкие интонации в голосе при обращении к Марине. От внимания следователя не ускользнуло и то, что Андрей в эти минуты как бы забыл о себе. Он видел только Марину, тянулся к ней, говоря для нее, искал в ней поддержку, сочувствие, хотел услышать ласковое слово.

«...Понимаешь, Маринка, черт знает в чем меня обвиняют. Это даже смешно подумать...»

Нет, эта неуклюжая, вырвавшаяся у юношн фраза не была игрой. Она была сказана искренне, более того, по-мальчишески озорно и недоуменно. И он, Николай Петрович Куликов, уравновешенный человек, следователь с немалым житейским опытом, обычно сам «стреляющий» в адрес излишне чувствительных коллег, понял в эти минуты, что все идет не так, что схема, созданная им, разваливается, словно карточный домик, что надо вернуться к началу пути и вновь критически переосмыслить, казалось бы, уже найденные большие и малые истины.

До крайности усталый, Николай Петрович только под утро прикорнул на часок. Он записал нерешенные вопросы, спорные положения, некоторые выводы и с этим багажом сразу же отправился к прокурору. Николай Петрович хотел обо всем рассказать и не только рассказать. Он должен был вслух думать, чтобы присутствующий при этом человек мог подметить изъяны, неточности, увидеть то, что не увидел он.

Сергей Сергеевич знал «методу» Куликова. Он отложил бюллетень, плотнее устроился на диване и приготовился слушать.

— Когда мы приехали на квартиру Мухина, окно в комнате было открыто,— так начал Куликов.— С момента убийства и до нашего приезда в комнату никто не входил. Следовательно, окно было открыто до совершения убийства или в момент его. Нужно ли было открывать окно Зотову? Нет. Ведь он вошел и вышел через дверь, и потом вот что записано в протоколе допроса: «Я вырвал пресс-папье из рук бушевавшего хозяина, швырнул в сторону, а самого толкнул к окошку. Хорошо еще, что окно закрыто было, а то вылетел бы старик в сад».

— Вы верите этому заявлению Зотова?

— Да.

— Хорошо,— согласился прокурор,— значит, во время ссоры незваного гостя с хозяином окно было закрыто?

— Выходит, что так.

— А потом его кто-то открыл?

Николай Петрович молча пожал плечами и продолжал:

— Мухин убит ударом пресса в затылок. Мизансцена действительно странноватая, если учесть к тому же местоположение трупа.

— Где вы обнаружили труп?

— В пяти шагах от окна. По показаниям Зотова, он отбросил Мухина, и тот упал на подоконник. Каким же образом труп оказался посреди комнаты?

— Дальше,— попросил прокурор.

— Любопытны результаты экспертизы. Мне зачитал их по телефону Гончаров. Оказывается, анонимное письмо писал мужчина левой рукой. Вряд ли человек, пожелавший помочь следствию, будет скрывать свою фамилию да и тому же менять почерк. Вернее всего, нам кто-то подбросил еще одну улику против Зотова и, как часто в таких случаях бывает, перестарался.

— Логично.

— И вот извольте видеть: после всех этих неувязок я получаю признание Зотова в убийстве.

— Не после, а до того, как вы сами в этих неувязках разобрались.

— Верно, Сергей Сергеевич. Факты взбунтовались.

— И правильно сделали. А что касается зотовского признания, то ведь фактическая проверка признания обвиняемым своей вины обязательна. Помните, сколько бед и зла принесла нам теорийка о том, что признание — царица доказательств. Ведь вы не верите сейчас признанию Зотова?

— Сейчас не верю. Не могу поверить, хотя, по совести, и хотелось бы. Произошел типичный психологический шок. Парень сломался и заговорил, не думая. В ту минуту ему было все равно. Еще бы, ведь Марина тоже не верит ему, клянет, обвиняет. Вот что для него самое страшное. Нет любимой, кончилась жизнь. Черт бы подрал эти аффинансные страсти, до чего же они мешают работать!

Сергей Сергеевич от души посмеялся над последней фразой старшего следователя.

— Вот что, Николай Петрович,— сказал прокурор.— Нужно выяснить ряд чрезвычайно подозрительных обстоятельств. И в первую очередь где, в какой точке комнаты убит Мухин? Каково было взаимоположение потерпевшего и нападающего в момент удара?

— Заключение экспертизы пришло, Сергей Сергеевич. Мухину был нанесен удар, когда он лежал на подоконнике. Затем его труп оттащили от окна.

— Понятно. Ну, а злополучное орудие убийства? То оно вылетело в окно, то найдено в урне. Над делом надо еще крепко работать. Я не преклоняюсь перед кажущейся гармонией свидетельских показаний, но отбрасывать без проверки то, что сказали Капитонова и Марина Мухина, тоже нельзя. Так что давайте, Николай Петрович, не торопиться. И еще одно: мне позвонил Гончаров. У него есть дополнительные материалы по делу.

ГЛАВА 9

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Лунев огляделся. Все без перемен. Заляпанные столики, сизый дым под потолком, полупьяный говорок, внезапно вспыхивающая и гаснущая брань, толстый буфетчик с заплывшими, но зоркими глазами. Все, как раньше, и все не так.

Виктор запомнил разговор с подполковником.

— Конечно,— сказал тот,— твоей непосредственной вины в убийстве Мухина нет. Никто тебе дела пришивать не собирается. Ты пешка, которую двигали с клетки на клетку матерые преступники. Но если поглубже разобраться, ты все-таки в какой-то мере их сообщник и соучастник. Подумай и примирись сам. Ты знал, что скупщику Мухину принесут жемчуг, вернее всего, краденый жемчуг, знал и скрыл. Продал доброе имя рабочего человека за десятку. А твой дружок Лаше, небось, новое дело для тебя готовит. Да ты не отмахивайся: дружок он твой, другого названия не подберешь. Ведь ты сам здесь признался, что этот человек вызвал у тебя беспокойство, показался подозрительным. Сообщил ты кому об этом, посигналил? Завтра пошлет он тебя еще куда-то, еще кого-то по твоей наводке прижмет, что же, и в этом случае твоя хата будет с краю? Умоешься — и в сторону! Не выйдет! По всей строгости закона как наводчик ответишь. Вот так и получается, что катится со ступеньки на ступеньку Виктор Лунев, сменивший завод и доброе имя Луневых на пивнушку и уголовников. А знаешь, почему произошло такое? Не знаешь? Потому что много в тебе еще от паразита сидит. Одолжил ты кому-то свою совесть, а взять обратно забыл. У вас на заводе, в комсомольском комитете, так и сказали: «Бессовестный Лунев». Это про тебя, там твоих однофамильцев нет. Ни чести у него, говорят, ни стыда. Молодые рабочие повышенные социалистические обязательства взяли, твой цех за звание коммунистического борется, а Виктор Лунев от работы отлынивает, прогулы болезнью матери прикрывает. Ты бы хоть посовестился ее имя зря трепать.

Виктор сидел нахохлившись, как исклеванный молодой петушок.

— Неужто и дальше так жить будешь?— спрашивал Гончаров.— Не надоело в грязи барахтаться, по обочине дороги шагать? Ну скажи на милость, что у тебя за интересы в жизни? Что ты видишь, чем увлекаешься, что тебя радует, что печалит? Ничего у тебя за душой нет. И жизнь твоя сегодня стоит ноль целых и ноль десятых. Какая в тебе человеческая гордость?!

Говоря такое, Гончаров наблюдал за парнем. Он видел дергающиеся губы — вот-вот расплачется, мелкие бусинки пота на лбу.

Разговор продолжался три часа. Многое было обговорено за это время. Подполковник ничего не утаивал, не хитрил. В задуманном и разработанном им оперативном плане Луневу отводилась немалая роль. И Гончаров перед тем, как окончательно скомандовать: «Иди и действуй!»— снова выверял прочность «креплений», чтобы в самые трудные часы и минуты ничто не подвело и не заело.

Первый, кто увидел Виктора и громогласно приветствовал его, был буфетчик.

— Здравствуй, хлопец! Что поздно, маманя не пускала?— И захохотал, довольный собственной остротой.

Кругом знакомые лица. Кое-кто дружелюбно улыбался. Иные, помахав руками, продолжали раздирать сухую, как доска, воблу, допивать пиво и «давить» принесенные четвертинки. Яши в павильоне не было. Не пришел он и через час и через два. Наконец Виктор решился, подошел к буфету и негромко спросил:

— Александр Степанович, что-то Якова Васильевича нет, не заболел ли?

— Беспокоишься,— хохотнул буфетчик,— тебе-то что? Чужая хворь — чужие заботы.

— Надо должок получить.

— Скажи, пожалуйста, с тузами связался!

Буфетчик проявил явную заинтересованность. Он перегнулся через стойку и с любопытством оглядел Виктора. Но тот не склонен был к дальнейшему разговору и медленно вернулся к своему столику. Прождал еще с полчаса и решил уходить. Посетителей набралось порядочно, и, прокладывая дорогу к двери, Лунев не мог заметить пристального, тяжелого взгляда, которым провожал его толстый буфетчик.

Все началось не так, хотя подполковник не раз предупреждал: «Ни к кому, особенно к своим последним дружкам, не проявляй интереса. Терпеливо жди. Пусть кто-нибудь первым поинтересуется, первым подойдет, спросит, а ты жди».

Но, кажется, никакого такого неосторожного движения он не сделал. Виктор шел и хмурился. Не замечая, шлепал по лужам, толкал прохожих и напоминал подвыпившего забияку, которому море по колено, который только и ждет повода «разрядиться», ответить бранью в чей-либо адрес.

До дому рукой подать. Возле дома пусто. Дождь разогнал ребят, и четырехугольник двора, тускло освещаемый светом из незашторенных окон, кажется мрачноватым.

— Здорово, Витек!

От неожиданности Виктор вздрогнул и отпрянул в сторону. В черном пролете, возле урн с мусором, от стены отделился человек. Лаше!

— Ты один?— Голос Лаше звучал хрипловато, но ласково.

— Ух, и испугали вы меня! Что вы тут делаете?

— Тебя жду. Ты один?

— Один.

— На хвосте никого не приволок?

— На хвосте?— прикинулся удивленным Виктор.— А что я за птица такая, чтобы у меня на хвосте кто сидел?

— Ты-то не птица,— усмехнулся Лаше,— да за тобой ястребок. Выкладывай, у старика был?

— А как же,— обидчиво проговорил Лунев.— Спасибо, удружил. Десятку-то мне на том свете получить придется.— Почти дословно Виктор повторил фразу, сказанную подполковником.— Старина какой-то пижон до моего прихода прихлопнул.

— Убили? Не может быть!— удивился Лаше.— А ты в дом заходил?

— Нет. Там милиции полным-полно. Я как услыхал, что старик преставился и что кругом лягавые, сразу деру дал.

Лаше молчал. Его желтоватые поблескивающие зрачки, не мигая, уставились на парня.

— Ладно,— сказал он наконец,— а где ночью болтался, куда от старика пошел? Дома тебя не было.

— В воскресенье? Точно, не было,— охотно согласился Лунев.— Скучно одному. Маманя еще не приехала. К сестре пошел ночевать. А сегодня в кино ходил. Вечером в бар сунулся, хотел Якова Васильевича повидать. Не было его там.

— Болен Яков Васильевич, тяжело болен,— равнодушно бросил Лаше,— помереть может. А зачем он тебе?

— Да я все насчет десятки. Хотел у него попросить, не знал, что сегодня вас встречу.

— Жаден ты, парень, ух как жаден,— усмехнулся Лаше.— Это ничего, это неплохо. Там, может, тебе Яшкин адресок дать?

Лунев чуть было не согласился, но в памяти, словно молния, промельнуло... «никакого интереса, ни к кому»...

— Обожду. Десятка, оно, конечно...

— Получишь свою десятку,— оборвал Лаше,— через денек-другой встретимся.

— Да чего встречаться,— неохотно отозвался Виктор.— Ни к чему мне это. Вы уж меня в свои дела не втравливайте. Я сам по себе, вы сами по себе.

— Ладно, потолкуем еще. Прощай.

Лаше шагнул во двор, к маленькому, притулившемуся в глубине деревянному одноэтажному домишке, проходные сенцы которого вели в соседний переулок.

Спустя час с небольшим Гончаров вместе с Загоруйко подводил итоги истекшего дня.

— В основном парень держался неплохо.

— Как будто так. Но на Лунева мы ставим точку. Сейчас, как говорят боксеры, поведем игру с тенью!

— Бой с тенью, Федор Георгиевич,— поправил Загоруйко.

— Ну, значит, не совсем по-боксерски,— невозмутимо продолжал Гончаров. Он притушил папиросу и зашагал по комнате.— Лаше уверен, что следы мухинского дела к нему не ведут и Зотов сел прочно. Ты беседовал с Мухиной? Что-нибудь пропало у них?

— Она до сих пор не может найти шкатулку, в которой отец хранил драгоценности. По памяти составила опись. Там были два кольца, сережки, нитка жемчуга.

— Пусть ищет, но вряд ли она ее найдет.

ГЛАВА 10

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ

Со стороны могло показаться, что трое взрослых мужчин разыгрывают забавное представление или, того смешнее, затеяли нехитрую детскую игру, чем-то напоминавшую прятки. Один из них, тот, кто помоложе, стучался в дверь, стремительно открывал ее, другой в это время садился на диван, а третий, невысокий, плотный и возрастом постарше остальных, прятался у стены между окном и пузатым шкафом и, чтобы удобнее примоститься, чуть отодвигал шкаф от стены. Он прятался до того искусно, что увидеть его вновь пришедшему, находящемуся в другой половине комнаты, было невозможно. На этом игра не кончалась. Вбежавший начинал ругаться с сидевшим на диване. В свою очередь, последний отвечал ругательствами, потом, вскочив, в сердцах хватал со стола карандаш и бросал в сторону пришедшего.

Так повторялось несколько раз, а прятавшийся за шкафом все это время стоял, плотно прижавшись к стене, и только когда один из спорщиков убегал из комнаты, он осторожно выбирался из своего укрытия, и игра продолжалась уже вдвоем.

Усердие и старательность неопытных актеров у постороннего человека могли вызвать улыбку, но сами исполнители были предельно серьезны и сосредоточенны.

— Думается мне, так все и произошло,— подытожил игру Федор Георгиевич Гончаров, исполняющий роль человека за шкафом.— Володя, у тебя не возникло подозрения, что в комнате еще кто-то есть?— обратился он к Загоруйко.

— Нет, товарищ подполковник. Я даже глаза сносил в вашу сторону, когда выбегал. Ничегошеньки не видно.

— Что скажете, Николай Петрович?— Гончаров с интересом глянул на Куликова.

— Выглядит убедительно,— признался тот,— но возникает много «но».

— Что именно?

— Ни на окне, ни внизу под окном не обнаружено никаких следов. Странновато.

— Не столько странно, сколько квалифицированно,— улыбнулся Федор Георгиевич.— Между прочим, если вы обратили внимание, собака рвалась к окну. По-моему, все разворачивалось так. Пользуясь стулом или другой находящейся в комнате вещью, преступник слегка отодвинул труп от окна, затем с помощью пресс-папье открыл ветхий затвор оконной рамы — я проверил, затвор действительно ветхий,— и, не дотрагиваясь до подоконника, одним махом выпрыгнул в сад. Действовал хладнокровно, ничего не скажешь. Внизу асфальтированная дорожка, она опоясывает дом и тянется к калитке. Все это оказалось на руку

преступнику. Асфальт, дождь — и без того слабые следы оказались смытыми и затоптанными.

— А следы на пресс-папье? Ведь оно немало времени пробыло в руках убийцы.

— Лучше, если бы он сразу его бросил. Но преступник хитер, а главное, хладнокровен. До того, как опустить пресс-папье в урну на углу Ново-Ладыженского переулка, он чистил и скоблил его. Стер следы, правда, за исключением кровяных пятен.

— Федор Георгиевич, вы обо всем этом говорите так уверенно, словно исключается любой другой вариант, а ведь пока это еще только догадка, так сказать, предположение,— усомнился Куликов.

— Правильно. Пока еще догадка. Но я не вижу основания браковать ее. Она многим подкреплена, хотя и таит в себе еще немало нерешенного.

— Вот-вот...— подхватил Куликов.— Я прекрасно понимаю, вы идете по следу Лаше и этого, как его... Пузача. У вас имеется убедительный аргумент — показания Лунева. Но вы не учли существенных деталей: где жемчуг; как Лаше, никем не замеченный, оказался в квартире; почему старик Мухин впустил Зотова, не будучи один? Почему, наконец, шкаф, за которым якобы прятался Лаше, сдвинут с места?

— Почему, почему?— протянул Гончаров.— Если бы я мог ответить на все эти «почему», мы бы уже давно с вами взяли отгул за неиспользованные выходные дни.

— Меня не оставляет мысль о Зотове,— продолжал Куликов.— Не допустил ли я вторичной оплошности, доказывая столь рьяно Сергею Сергеевичу его полную невиновность. Ведь против конкретных обвинений, свидетельских показаний и собственного признания Зотова я выставил исключительно субъективные ощущения. Не маловато ли?

— Нет, вы поступили правильно. И потом, почему только субъективные ощущения? Неверно. Факты взбунтовались. И анонимка с поддельным почерком, и загадочная история с окном, и Лунев с его шефами. Правда, много еще неясного. Ничего, не сразу Москва строилась, разберемся.

— Удивительное стечение обстоятельств, на редкость удивительное,— продолжал Куликов.

— «Подкупающая простота дела»,— не утерпел и съязвил Гончаров.— Если мне не изменяет память, ваши слова.— Он дружески обнял Куликова.— Обещаю, товарищ следователь, сделать все возможное, чтобы заарканить настоящего преступника и передать вам из рук в руки.

— Ой ли!

— Поживем — увидим. Лучше скажите, что с Зотовым? Страдает?

— Изрядно. Он апатично выслушал мое заявление о том, что зря наклеветал на себя. Помолчал, пожал плечами, будто оно не его касается. Никакого удовлетворения, никакой радости.

— Ничего, выдюжит, парень молодой. Думаете освобождать?

— В деле еще много противоречий. К тому же есть собственное признание, от которого задержанный не отказался. Признание добровольное, сделанное при ясном уме и рассудке.

— Какой там к дьяволу ясный рассудок!

— К тому же...

— «Удивительное стечение обстоятельств»,— рассмеялся Гончаров.— Что же, может, так и лучше! А что касается обстоятельств, Николай Петрович, то ведь они стекаться и растекаться могут. На все, как говорят старики, воля божья.

Продолжение следует.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 11

БЕГСТВО ЛУНЕВА

Ночью Луневу снились кошмарные сны. То в темной подворотне его загонял в угол Лаше и вытаскивал огромный, почему-то желтый нож, то виделся Семен Мухин, сидевший на полу и сердито грозивший пальцем. Потом замелькали столики пивного бара, смеющийся буфетчик, бегущий следом оперативник в белой рубашке. Виктор хрипел, метался, бормотал невнятные слова, в конце концов вскакивал и некоторое время сидел на диване, тяжело дыша и уставившись в одну точку. Чуть успокоившись, он ложился, снова засыпал, и все начиналось сызнова.

В баре посетителей еще не было. Лунев пришел первым. Безлюдное, полутемное помещение знакомого полуподвальчика слегка успокоило вконец расшалившиеся нервы. За прилавком копошился буфетчик, в зале скребком и веником сердито орудовала уборщица тетя Феня, то и дело недобрым словом поминая неопрятных посетителей. Сейчас Виктору было не до ворчания уборщицы. Не здороваясь с ней, он быстро прошагал к буфету и, перегнувшись через стойку, хриплым от волнения голосом попросил:

— Дядя Саня, да оторвись ты, разговор есть.

Буфетчик отозвался не сразу. Минуту-другую он еще передвигал бутылки, гремел посудой, потом обернулся и с удивлением воззрился на парня.

— Витек, ты что это спозаранку? Не работаешь, что ли?

— Потом, потом,— нетерпеливо перебил Лунев.— Разговор есть серьезный. Я к тебе, как к отцу родному. Не с кем мне больше...

Недоверчиво хмыкнув, буфетчик приоткрыл створку прилавка, пропустил к себе Виктора и вместе с ним прошел в крохотную заднюю комнатушку, видимо, служившую одновременно и складским помещением и бухгалтерией.

— Сидай, хлопец,— показал он на колченогий стул в глубине комнаты, сам взгромоздился на бочонок, смахнув с него несколько листков бумаги.— Что стряслось? Да на тебе лица нет. Мать померла?

— Жива мать, в санатории отдыхает. Не о ней разговор. В беду я попал, да в такую, что не знаю, унесу ли ноги.

И, не ожидая дальнейших расспросов, Виктор поведал внимательно слушавшему буфетчику все, что случилось с ним за последние три дня. Торопливо, но обстоятельно рассказал о поручении Якова Васильевича, о посещении в тот же день старика Мухина, о встрече с Лаше и полученных деньгах, о том, как был «зацапан».

Оперативники с Петровки, 38, выглядели в пересказе Лунева всезнающими и всевидящими.

— Они мою житуху во как изучили: от корки и до корки!— не без хвастовства сказал Лунев, а потом признался, что, боясь, как бы ему не пришили дело, выложил на допросе большому начальнику по имени Федор Георгиевич все о Мухине, о Якове Васильевиче и о Лаше.

Но буфетчика мало интересовали подробности. Задав Виктору несколько вопросов о встрече с Яковом Васильевичем и Лаше, полюбопытствовал, не скрыл ли парень чего на Петровке, и осуждающе покачал головой.

— Зря болтал. За такое знаешь что бывает...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—39.

У ребят руки длинные. Дурак ты, парень, сам на нож лезешь.

— Понял я это, дядя Саня, да уже поздно. Как вчера ночью у дома в воротах встретил Лаше, чуть от страха не помер. Страшный он человек, настоящая тигра.

— Ах вот как, Лаше встретил! О чем он тебя спрашивал?— оживился буфетчик.

Выслушав Виктора, он почесал затылок.

— И чего тебе, теленку, понадобилось с хищником дружбу сводить! Вот что, голуба, хватит разговора, мотай из города. И чем быстрее, тем лучше, пока цел.— Буфетчик тяжело поднялся.— Здесь выйдешь.— И он толкнул маленькую дверцу в углу комнатушки.

Лунев ушел.

В этот вечер буфетчик недолго пробыл в баре. Сославшись на семейные дела, он передал хозяйство тете Фене и рано ушел с работы.

Щелкнул замок, звякнула цепочка второго для надежности запора, и обитая войлоком дверь неслышно открылась. На пороге стоял Яков Васильевич. Одетый в цветной плюшевый халат с кистями, в шлепанцах на босу ногу, простоволосый и небритый, он напоминал запившего купца.

— Александр Степанович! Какими судьбами в наших краях?— засуетился Яшка.— Чем обязан? Прошу, прошу...

Гость ответил не сразу. Вошел, огляделся и негромко спросил:

— Есть кто дома?

Яков Васильевич мотнул головой. Ему не терпелось побыстрее узнать причину столь неожиданного прихода. Но гость не спешил. Он потянулся к дивану, где в беспорядке были раскинуты беговые программки, наугад взял одну и стал листать.

— Скажи, пожалуйста... Аликс-Ганновер.— и многозначительно покрутил головой.

— Сыграть хотите, Александр Степанович? Для вас все сделаю... Можно наверняка.

— Не до этого, Яков Васильевич, дело у меня к тебе серьезное, куда серьезнее, чем эта шарашкина фабрика.— Он кивнул в сторону программок.

— Что случилось?— В голосе хозяина прозвучала тревога.

— Только что у себя в баре услыхал я одну историю. Поганую историю. Пришел предупредить. Уж не знаю, будешь ли ты и твой дружок мне благодарны. Серьезное дело.

— О чем разговор! Услуг я никогда не забываю и не торгуюсь.

— Лады! И по этому пунктику, значит, договорились.

— Что случилось?

— Витьку Лунева знаешь?

— Какого Лунева? Пацана этого? Видел.

— На другой день после убийства Мухина уголовный розыск взял его. Раскололи парня. Выложил он им все, что знал: и про твое поручение зайти к Мухину и про посещение Лаше мухиновской квартиры...

— Сволочь!— сквозь зубы процедил Яков Васильевич.

— При чем тут мальчишка! Зачем сволочишь? Его Федор Гончаров допрашивал.

— Гончаров?!— упавшим голосом повторил Пузач.— Да, против такого Витьке не выстоять. Не по плечу.

— То-то и оно! Придется сматываться, Яков Васильевич.

— Это почему же?— вскинулся хозяин.— Я слышал, что старика дочерним хахаль убил. Я-то тут при чем?

— Тебе виднее.— флегматично ответил буфетчик и потянулся к беговой программке.

— Хватит ерундой заниматься,— не выдержал Пузач.— Говори все, что слышал. Ведь знаешь, за мной не пропадет.

— Знаю. Вот я и пришел обо всем рассказать, да, видать, тебе неинтересно. Чего ты мне комедию ломаешь: дочерним хахаль... Я, мол, ни при чем... Кому мозги вкручиваешь?! Или, думаешь, Гончаров хуже тебя соображает?

— Ты меня не коли,— огрызнулся Пузач.

— А мне-то что?— усмехнулся гость.— Я к тебе по старому знакомству наведался. Знаю, малач ты тертый, в разных переделках бывал. Устоишь. Да не хлипок ли твой помощничек?

— Клеить мне никого не надо. Он сам по себе, я сам по себе. А вообще за Ремку не тревожься. Он у меня во где!— Яков Васильевич сжал мясистый кулак.— В огонь за меня пойдет, скажу, чтобы утоп.— утопнет.

— Ври, да не завирайся,— недоверчиво протянул Александр Степанович.

— А что, точно!— пуще прежнего распалился Пузач.— Если бы не я, знаешь, где бы Ремка сейчас находился?

— Меня ваши дела не интересуют.— оборвал гость.— Смотри, как бы самого не упекли. И зачем на мокрое дело полез?

— Какое мокрое? Чего мелешь?— Хозяин боязливо огляделся по сторонам.

Гость не ответил, отмахнулся, как от назойливой мухи: опять, дескать, свое.

Яков Васильевич долго, неотрывно смотрел на буфетчика, будто хотел просверлить его взглядом. Потом решительно встал, вышел в соседнюю комнату, повозился где-то в сенцах и вернулся, неся в руке два кольца.

— Хотя за мной ничего такого нет, но Яшка услуг не забывает.— Он протянул кольца бу-

фетчику.— Подбери хорошего покупателя. Что выручишь — пополам.

— Добре,— без особого энтузиазма согласился гость и сунул кольца в карман.— Вот это уже подходящее дело, а ты обмозгуй, что к чему. Если непричастен,— о чем разговор, тогда все в порядке, а если твоих рук,— выкручивайся. Не мне тебя учить. Ну, я пошел. Мне тут задерживаться тоже ни к чему. Будь здоров. Заходи.— Он пожал руку Якову Васильевичу и направился к двери.

Проехав в трамвае несколько остановок, Александр Степанович вышел, поискал телефон-автомат, зашел, плотно прикрыл за собой дверь кабины и набрал нужный номер. Раздался характерный щелчок. На другом конце города кто-то поднял трубку.

ГЛАВА 12

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ

Сегодня прокурор Сергей Сергеевич слегка волновался. Он вновь перечитал дело — следовало кое-что освежить в памяти,— посмотрел на стенные часы — что-то опаздывает подполковник — и потянулся к звонку, чтобы пригласить к себе следователя Николая Петровича Куликова и вызвать подследственного.

Только очень наблюдательный человек сумел бы подметить едва уловимые изменения, происшедшие в поведении Зотова. Он вошел, держа руки за спиной, слегка сутулясь, не поднимая глаз.

Обычно безразличный ко всему, что происходит вокруг, Зотов сейчас даже не пытался скрыть удивление при виде нового человека, с откровенным любопытством разглядывавшего его.

— Как на медкомиссии,— невесело пошутил он.

— А что же, удачное сравнение,— улыбнулся прокурор,— мы сейчас и есть медкомиссия, и диагноз нам нужно поставить быстро и точно.

Зотов никак не реагировал на реплику. Задумавшись, он смотрел в открытое окно.

— Вот что, гражданин Зотов,— уже резко продолжил прокурор.— На прошлом допросе вы заявили, что убили Мухина. Всякое признание обвиняемым своей вины должно быть подкреплено фактами. Таких фактов мы не нашли, более того, вы запутали дело. Чем вы при этом руководствовались, я могу только догадываться. А ваше поведение сравнимо лишь с поведением истерика.

— Спасибо за сравнение,— глухо сказал Зотов и опустил голову.

— Благодарить, скажем прямо, не за что. Да и от нас ты вряд ли благодарность услышишь,— перешел на «ты» Сергей Сергеевич,— целую неделю следователю голову морочишь. Мутная страстишка, да-да, именно страстишка, заслонила все: и логику и разум. Вначале все отрицал, потом в молчанку играл, потом завопил: вяжите, я убийца! Хорош бы ты был, если бы мы формально подошли к делу, не цацкались с тобой.

— И правильно сделали бы.

— Нет, некрепкий у тебя характер, сникаешь в минуты беды. А то, что по твоей милости по советской земле бандит ходит, что за эти дни он еще кого может убить, это тебя не касается.

— Не убивал я...— негромко сказал Зотов и поднял голову.— Можете не верить, не убивал.

— Так какие же твои показания в конце концов правильны: те, которые ты дал на очной ставке, или те, которые даешь сейчас?

— Не убивал я.

— Может быть, тебя принуждали давать показания, угрожали?

— Никто мне не угрожал.

Наступило молчание.

Опоздавший к началу разговора и поэтому примостившийся на стуле возле двери, подполковник Гончаров спросил:

— Скажите, Зотов, когда вы вошли, вернее, вбежали в комнату Мухина, вы никого там не застали?

— Никого.

— Окно было открыто?

— Нет, закрыто. Это я точно помню.

— А шкаф, платяной шкаф тоже закрыт?

— Не помню, по-моему, да,— после короткого раздумья ответил Зотов.

— Еще вопрос. На столе у Мухина вы не заметили чего-нибудь такого особенного?

— Нет.

— Скажем, каких-нибудь драгоценностей?

— Нет.

— Где был хозяин, когда вы вошли?

— Сидел на диване.

— Повторите все, о чем вы говорили с Мухиным.

Однако допрос пришлось прервать. В кабинет вошел секретарь и о чем-то тихо доложил прокурору. Судя по округлившимся глазам Сергея Сергеевича, секретарь сообщил что-то весьма интересное. Когда Зотова увели, прокурор поочередно оглядел Гончарова и Куликова, будто видел их впервые, и произнес негромко, ни к кому не обращаясь:

— Еще один сюрприз. В приемной дожидается Лаше. Он хочет дать показания об убийстве Семена Мухина, очевидцем которого непосредственно является. Что скажете?

Отозвался Гончаров:

— Сергей Сергеевич, я не успел сообщить вам о донесении, которое получил сегодня. Когда ознакомитесь с ним, поймете, что я крепко просчитался. Давайте посмотрим спектакль, приготовленный нам Лаше.

Федор Георгиевич подошел к столу. Он хотел внимательно вглядеться в неожиданного посетителя.

В сером костюме модного покроя, в узких замшевых туфлях, с ярким галстуком, Лаше напоминал манекенщика на демонстрации новых образцов одежды. Он вошел уверенно, улыбнулся присутствующим и направился к столу, где его стоя ждал Сергей Сергеевич.

«Хлыщ!»— подумал Гончаров и тут же отказался от этой чересчур поспешной характеристики.

Федор Георгиевич отдавал должное хладнокровию и выдержке Лаше.

Без запинок, будто выученный урок, тот рассказал о своем посещении квартиры Мухина. Рассказал о том, что бывал у него раньше, когда трудно было с деньгами.

— Мухин — ростовщик, скупщик ценностей. Да вы об этом, наверное, знаете не хуже меня,— доверительно признался Лаше.

Что же, не стоит его разубеждать, хотя о подпольных делах Семена Мухина до самой его смерти в угрозыске ничего не было известно. Печально, но факт.

Да, Лаше принес Мухину нитку жемчуга. Недавний подарок матери. Он берег родительский дар сколько мог, но сейчас трудно с деньгами, и он решил продать. Почему не отнес в комиссионный магазин? Мало платят.

Лаше пришел к Мухину в девять часов вечера. Отворил сам Семен Федотыч. Гончаров мысленно зафиксировал, что в этом вопросе Лаше точен. Соседка в девять часов еще не вернулась из церкви. А дальше? Дальше гость и хозяин прошли в комнату, и начался торг.

— Я еще днем подослал к Мухину одного паренька,— пояснил Лаше,— предупредить о своем приходе, назвать цену жемчуга.

— Какую?

— Пятьсот рублей. Я завысил цену, зная по прошлому, что старик будет торговаться как оголтелый. Но деловой разговор в самом начале был сорван каким-то бешеным, ворвавшимся в комнату.

Со слов Лаше, он еле успел схватить со стола жемчуг и спрятаться за платяной шкаф возле стены, недалеко от окна. Затем начался какой-то непонятный ему разговор:

«— Отдашь за меня?!

— Не отдам.

— Убью!

— Попробуй! Вон отсюда, голодранец, рвань!»

— Бешеный схватил что-то, кажется, пресс-папье, ударил Мухина и кинулся обратно из комнаты.

Лаше признался, что в этот момент он крепко струхнул. В доме его никто не знает. В руке жемчуг. Всякое могли подумать.

— Каким путем вы бежали?— поинтересовался Сергей Сергеевич.

— Через окно.

— Окно было открыто?

— Да.

— А куда дели жемчуг?

— Я же сказал: схватил его, когда прятался за шкаф. Вот он.— Лаше вытащил из кармана и положил на стол нитку с тускло поблескивающими горошинами.— Семейное, можете проверить.

— Зачем же? Мы вам верим...

— А почему вы прятались?— задал вопрос Куликов.

— Не знаю,— признался Лаше.— Семен Федотыч махнул мне рукой, когда постучали в дверь. Показал в сторону шкафа, дескать, туда... Он не хотел, чтобы меня кто-то увидел.

— Зачем вы сюда пришли, Лаше?— неожиданно спросил Гончаров.

— Я узнал от паренька, которого посылал к Мухину, что старик убит. Вначале я думал, что бешеный просто стукнул его, и он потерял сознание. Можете не верить, но это так. А раз человек убит, значит, начался розыск и следствие. Я не хочу покрывать убийцу и не хочу, чтобы подумали, будто я прячусь. Попадать в поле вашего внимания не особенно приятно, ну, а уж коли пришлось, так с открытым сердцем.

— В каком месте комнаты упал от удара Мухин?

Лаше чуть помедлил:

— Возле дивана, ближе к двери.

— Я вас попрошу,— вмешался прокурор,— опишите все, что на ваших глазах произошло в комнате Мухина. Не торопясь, обстоятельно. Если что запамятовали, так и пишите.

— Да вроде все помню. Не каждый день человека на глазах убивают,— отозвался Лаше.— Давайте бумагу, я мигом.

Примостившись в отдалении у журнального столика, Лаше начал писать.

Несколько минут Гончаров с откровенным любопытством разглядывал его, потом наклонился к прокурору и сказал шепотом:

— Дело в том, Сергей Сергеевич, что этот пижон не только не убивал, но даже не был в квартире Мухина. Он лжесвидетель.

Окончание следует.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 13
И ПОСЛЕДНЯЯ

Три дня подполковник Гончаров и старший лейтенант Загоруйко почти не появлялись в управлении. Если бы им довелось вычертить схему своих трехдневных странствий, она получилась бы чертовски запутанной, а пояснительные объяснения к ней выглядели бы примерно так:

Марина Мухина и драгоценности.
Пивной бар.
Соседка Луневых. Неоценимая помощница.
Материалы с юга.
Алиби Лаше.
От перемены мест слагаемых сумма... изменилась.

Рано утром четвертого дня подполковник вызвал Загоруйко, приказал ему ехать к Якову Васильевичу Луханцеву и привезти того в управление.

— Скажешь, что приглашает Федор Гончаров. Мы с ним старые знакомые, не раз встречались. Будет говорить, что приедет позднее, что, мол, болен, ждет врача и всякое другое,— упрись. Скажи, приказ есть приказ, а подполковник такой человек: не выполню, со света сживет. Объясни, что, после того как в прокуратуре побывал Рем Лаше, необходимо уточнить некоторые детали и что без него мы как без рук.

В одиннадцать часов оперативная «Волга» ушла на задание, а Федор Георгиевич, усевшись за свой стол, начал перечитывать последние документы по делу Мухина. Таких документов было два. Начальник управления охраны общественного порядка сообщал с далекого юга подробные данные о Реме Лаше. Две недели назад мать Лаше, бомбардируемая телеграммами сына — «Немедленно шли деньги»,— отправила в Москву «своему мальчику» нитку жемчуга, который берегла на черный день.

Значит, здесь все оказалось в порядке.

Вторым документом, полученным несколько дней назад, подполковник ставился в известность о том, что интересующий его человек в воскресенье, в день убийства Мухина, сразу же после окончания рысистых испытаний, с компанией завсегдатаев ипподрома находился в ресторане «Бега» до его закрытия.

Это донесение Федор Георгиевич вновь перечел с явным удовольствием.

Теперь можно было подытожить результаты оперативных странствий. Они начались с посещения Загоруйко Ново-Ладыженского переулка. Марина Мухина не ожидала столь раннего визитера. Она была еще в халатике, непричесанная. До начала рабочего дня оставалось без малого два часа. Старшего лейтенанта Марина встретила холодно. Сдержанно ответила на приветствие и с неохотой пропустила в комнату, где царил беспорядок.

Загоруйко пробыл у Мухиной не более часа. Его интересовали вопросы, вначале вызвавшие недоумение, испуг, растерянность у молодой хозяйки. К примеру, вопрос о побочных доходах покойного отца. Конечно, кое о чем Марина догадывалась, а как же иначе: жить вместе и не знать! К тому же в редкие минуты откровенности Семен Федотыч поговаривал, что его Мариша — богатая невеста, но дальше подобных разговоров не шло. Попытки дочери разузнать побольше отец обрывал кратким: «Не суйся! Не твоего ума дело!» В сберегательной кассе на предъявителя и на ее имя Семеном Федотычем были положены немалые суммы. Об этом Марина узнала только сейчас, роясь в бумагах отца. Узнала и вознесла благодарственную молитву господу-богу за заботу о себе покойного папаши.

Исчезнувшая шкатулка, о которой в свое время она сообщила старшему лейтенанту, так и не была найдена. Марина по просьбе Загоруйко очень обстоятельно и толково рассказала, что находилось в шкатулке, какой формы и с какими камешками были исчезнувшие кольца.

Прощаясь с утренним гостем, Марина между прочим поинтересовалась:

— Вот вы говорите, что настоящего убийцу ищете. Значит, этот, как его... Зотов не виноват? — Спросила безразлично, будто о постороннем человеке.

— Выходит, что не виноват,— плохо сдерживая обиду, буркнул в ответ Загоруйко. Ему не хотелось распространяться на эту тему.

Виктор Лунев в Москву еще не вернулся. Дверь открыла соседка, пожилая женщина. Торопливо вытирая о фартук руки, она встретила Федора Георгиевича как старого знакомого.

— Проходите, пожалуйста. А я-то думаю, тревожусь, куда это запропастились. Просьбу вашу я еще тогда выполнила.

— Спасибо, Елена Николаевна, спасибо, дорогая.— Гончаров крепко жал влажную руку.

А просьба подполковника оказалась не из легких. После того как был задержан и доставлен на Петровку, 38, Виктор Лунев и сразу же, на первом же допросе, обо всем рассказал, Гончарова поразила одна явная несуразность. С какой стати, подумал он, Лаше посоветовал парню на следующее утро навестить старика Мухина и выпросить у того еще десятку? С какой стати преступник (а тогда подполковник не сомневался, что им является Лаше) вторично посылал на место преступления, по существу, стороннего человека? Ведь этот человек мог стать и в конечном счете стал опасным свидетелем. И Гончаров напряженно искал объяснения этой вопиющей несуразности. Искал и нашел. Убийство Мухина заранее не готовилось. Решение убить возникло у преступника стихийно, в силу каких-то внезапно пришедших причин и обстоятельств. А коли так, то явилось вполне логичным и желание убийцы предотвратить второе посещение Луневым квартиры Мухина. Каким образом? Очень просто. Сразу же после совершения преступления прийти домой к Луневу и любым способом воспрепятствовать его поездке в Ново-Ладыженский. Но Виктор в ту ночь дома не ночевал, поехал к сестре. Кто знает, может, в этом заключалось даже его спасение?

Итак, преступник торопится к Луневу. Естественно, что сам он в квартиру к нему не пойдет, а кого-то попросит, чтобы вызвали парня. Кого? С этим вопросом несколько дней назад и обратился Федор Георгиевич к соседке Луневых Елене Николаевне.

Женщина выполнила задание.

Да, в тот самый вечер Виктора спрашивал какой-то неизвестный мужчина. Мужчина зашел во двор дома и обратился с просьбой к одному из «забивальщиков козла», сражавшихся при свете керосиновой лампы, вызвать Лунева. Узнав, что Виктора дома нет, мужчина извинился и ушел. Каков он с виду? И об этом Елена Николаевна дала точную информацию.

Так был снят еще один вопросительный знак.

Дважды за эти дни Гончаров побывал в пивном баре. Первый раз зашел, огляделся, постоял за столиком, не торопясь выпил кружку пива, умело расправился с воблой и ушел, вроде ничего не добившись.

Второй раз задержался дольше. Малозначительный разговор о том о сем перевел на интересующих его людей. Стал расспрашивать о Якове Васильевиче, о Лаше. О Якове посетители отзывались с почтением: щедр, обходителен. Лаше никто не знал.

Уходя, Федор Георгиевич коротко побеседовал с тетей Феней и, пожалуй, единственного, кого не удостоил вниманием, так это буфетчика. Даже не взглянул в сторону Александра Степановича, будто не человек за прилавком, а так, тень, пустое место.

Оперативные странствия закончились утром в воскресенье визитом на ипподром. К тому времени Федор Георгиевич располагал данными, где открыл свой, частный «филиал» кассы букмекер Яков Луханцев. Подполковник знал также, что сегодня на бегах Пузача не будет.

Федор Георгиевич расположился ближе к проходу и у словоохотливых соседей выяснил, что за последнее время Луханцеву не везло, что сам он играл очень крупно и «горел» почти в каждом заезде. Здешние старожилы хорошо знали и Лаше.

— Это студентик-то? Азартный, чертяка, да своих денег нет, все от Яшки кормится! — Так характеризовал Рема розовощекий старик, сидевший рядом с Гончаровым.

— Дело близится к развязке, Николай Петрович,— сказал Гончаров сидевшему неподалеку от письменного стола Кулинову,— Яков Луханцев доставлен сюда.

— У меня к вам просьба, Федор Георгиевич: проведите вы первый допрос. Даже не допрос, а разговор. Рассчитывать на быстрое признание Луханцева не приходится. Мне хотелось бы присмотреться к нему.

Яков Васильевич вошел в кабинет подполковника милиции, держа в руке небольшой кулек.

— Здравствуйте, Федор Георгиевич.— Он чинно поклонился и подошел ближе.

— Присаживайтесь, Яков Васильевич.— Гончаров не поднялся навстречу, а сидя показал на стул.— Идите, товарищ старший лейтенант.— И он сделал Загоруйко неприметный, условный жест: держитесь, мол, поблизости, можете понадобиться...

Яков Васильевич положил кулек на край стола и пояснил:

— Симочка прислала. Домашние соления.

Окончание. См. «Огонек» №№ 36—40.

Много хорошего о вас она от меня наслушалась.

— Когда это вы успели семьей обзавестись?— недоверчиво спросил Гончаров.— Вы же принципиальный холостяк, все больше по молодым да по новеньким...

— Было, да сплыло,— вздохнул Яков Васильевич.— Кто в молодости не пошаливал! А жениться я действительно не успел. Есть одна на примете, Симочка, вдова, живет неподалеку. Мы с ней пока что по-граждански. Приглядываемся друг к другу. Люди немолодые, привыкнуть надо.

— Привыкнуть надо, это верно,— согласился Гончаров.— Вот я уж на что к вашему брату привык, а тоже иногда диву даюсь, до чего же многие из вас любят разные фортели.

— Это точно, пошаливают ребята,— сочувственно поддержал Яков Васильевич.— Непонятно, чего людям надо. Неужели колонии и пересылки не надоели! Лично я, Федор Георгиевич, завязал. Возраст не тот, здоровье сдало. Теперь на ночь Шарко принимаю. Сами знаете, какая жизнь за плечами...

— Бурная жизнь, ничего не скажешь,— поддержал Гончаров и продекламировал: — «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой...»

— Михаил Юрьевич Лермонтов. Гениальный русский поэт, инспровергатель...— с почтением произнес Яков Васильевич.

— Литературой увлекаетесь? — полюбопытствовал Гончаров.

— Почитываю малость. В наше время без этого нельзя, Федор Георгиевич.

— Небось, детективы главным образом?

— Не уважаю. Исторические люблю. Мемуары тоже.

— Жаль, а то я хотел вам одну невыдуманную детективную историю рассказать. Может, когда в мемуарах опишете.

— Веселый вы сегодня, Федор Георгиевич, разговорчивый,— ощерился в улыбке Яков Васильевич.— К добру ли?

— Думаю, что нет,— вздохнул Гончаров,— да и о каком добре может идти разговор с убийцей, который к тому же свою вину на невинного свалить хочет!

— Что-то перестал я вас понимать, Федор Георгиевич. Раньше вы вроде ясное выражались.

— Раньше и ты яснее был, Пузач,— резко переменил манеру разговора Гончаров.— Ведь вот весь как на ладошке был.— Он похлопал рукой по пухлой папке, лежащей на столе.— Яков Луханцев, он же Пузач, Вочонок, Котел, первоклассный мошенник, мастер аферы, в более позднее время букмекер и карточный шулер. Классическая биография, что называется, без единого пятнышка, а теперь...

— Что теперь? — огрызнулся Луханцев.— Каким я был, таким остался, гражданин начальник.

— Зачем, Яков, клевету на себя возводишь? — обиделся Гончаров.— Не могу я поверить, что в прошлом у тебя были дела вроде мухинского.

— Мухин? Из Ново-Ладыженского? Старый знакомый. Только неведомен мне, я-то при чем?

— Худо, Яков. Ведь придется тебе сразу за два тягчайших отвечать: и за «мокрое» дело и за то, что другому его пришиваешь.

На крутом, чуть срезанном кверху лбу Пузача набухали жилы, шея медленно и тяжко наливалась кровью. Сейчас он действительно напоминал котел, клокочущий, готовый взорваться. Встав со стула, хриплым от сдерживаемой ярости голосом он скорее прошептал, чем проговорил:

— Ай да Федор Георгиевич! Здорово получается! Значит, срочненько понадобилось дело закрыть, галочку поставить. Значит, настоящий утек, замел следы, а замаранный Яшка на свободе, значит, ему и шьют. Не по-партейному получается.

— Ты партию оставь,— спокойно и тоже негромко сказал Гончаров,— не юродствуй. Сам знаешь, у меня не пройдет. Если хочешь слушать, сиди смирно. Я же тебе посулился детективную историю рассказать. Слушай внимательно и вникай. В прошлом у тебя четыре судимости, тут и воровство и мошенничество, но убийства не было. После отбытия последнего срока ты малость притих. Не то чтобы за ум взялся, нет, на том же уголовном поприще работенку почище выбрал. В картишки наверняка понгрывал, букмекерством занимался. Мы терпеливо наблюдали за тобой, но не учли одного, что позарез тебе помощник нужен, чтобы в случае какого завала мог прийти на помощь, выручить от мордобоя, пономовщины, ведь так у вас испокон веков водится.

Нашел ты такого человека, с виду тигренка неприрученного, глаза таращит, сам за нож хватается. А главное, по всем статьям подходит: тунеядец, лодырь, до легкой жизни охочий, игрок и в жизни недурной актер. Все соответствовало. И началась парная езда. Луханцев людей охмурял, Лаше его из беды выгораживал. Получал за это от тебя немало и стал вроде цепного пса. Так вот, однажды Яков Луханцев потерпел крепкий финансовый урон: то ли на бегах, то ли в карты более опытный мо-

шенник тебя обыграл. Возможно, то и другое. В общем, понадобились деньги, и немалые. Как быть? Вспомнилась давняя связь со старым скупщиком и ростовщиком Семеном Мухиным. Но Мухин — жох! Деньги за так ни за что не одолжит. Мухин мог или купить что, или под какую ценность кредитовать. А где взять эту ценность? Домашние соления под залог не понесешь. Выручил Лаше.

Прислала ему мать недорогую вещичку — нитку третьестепенного жемчуга,— да продать некому, потому как ерунда, а не вещь. Взял Луханцев эту безделушку, но сам к Мухину не пошел, давненько с ним не встречался, для зондажа к старику дружка своего по пивному бару послал — Виктора Лунева. Кто знает, может, свел Луханцев с Луневым знакомство и для дальнего прицела. Может, ему еще один помощничек понадобился, чего не знаю, того не знаю. А для того, чтобы побольше страха да таинственности на парня нагнать, он его познакомил со своим подручным Ремом Лаше.

Своими повадками да намеками Рем напугал Виктора, но, когда парень передал Мухину, чтобы тот ждал Лаше с жемчугом, старик ничего не понял. Лаше он не знал, не ведал, зато Янова Васильевича хорошо помнил. И это, пожалуй, был твой первый просчет, Пузач. Первый, но не последний.

К Мухину вечером пришел ты, Яков, собственной персоной. Соседка * отсутствовала, в церкви молилась, открыл старик. Когда зашел разговор о жемчуге и Мухин увидел, что ему принесли, да еще такую цену заломили, рассвирепел он. Кто-кто, а старый оценщик знал настоящую цену. Разъярясь, он вытащил шкатулку и показал тебе стоящие вещи. Однако разговор пришлось прервать: в дверь бешено заколотил Андрей Зотов — приятель молодой Мухиной. Ты, Яков, спрятался за шкаф, возле окна и даже чуть отодвинул его — как-никак мужик ты тучный,—а старик в это время спрятал шкатулку.

Ты лучше меня знаешь, о чем шел разговор между влюбленным парнем и рассерженным стариком. Видимо, в эти секунды и родилось у тебя намерение убить хозяина. И ты выполнил его очень просто.

После бегства Зотова из комнаты, когда Мухин еще не совсем пришел в себя, ты выбрался из своего укрытия, схватил со стола тяжелое пресс-папье и размозжил старику голову. Потом оттащил труп от окна, чтобы не мешал тебе, схватил шкатулку, открыл окно и прыгнул в сад. В ту пору шел дождь.

Так все и произошло. Рассчитал ты точно. Все подозрения пали на Зотова. Наверное, помянул ты в тот вечер недобрым словом своего Рема за то, что посоветовал он Луневу заглянуть еще раз к старику Мухину за десятной. Визит этот надо было предотвратить, да ничего не вышло: не ночевал дома Лунев.

А дальше все шло как по нотам. Записочку в милицию от неизвестной женщины писал ты, Яков Васильевич, левой рукой писал, и пресс-папье в урну на углу переулка тоже ты подкинул. Казалось, полный ажур, но так только казалось. И с Виткой Луневым просчитался, думал, купил парня за обед в «Чайке» да за посулы на будущее, а паренек-то честным оказался, хотя и нескладную жизнь вел. И вот когда ты увидел, что тобой построенное здание зашаталось, решил ты его новым бревнышком подпереть. Напарника своего, цепного пса, в прокуратуру послал. Ход не столько смелый, сколько нахальный. Ничего не скажешь, вышколил ты Рема здорово, закупил его всего с потрохами, хотя в данном случае он мало что терял. У него надежное алиби было. Ведь в тот самый воскресный вечер, когда был убит Мухин, он до закрытия в ресторане «Вега» находился.

Федор Георгиевич устал. Он не любил и не умел много говорить. Сейчас он затянул свой монолог, потому что хотел ударить сразу, обезоружить, смять сидевшего перед ним врага, хитрого, изворотливого, беспощадного. Помолчав, подполковник как бы подытожил:

— Ничто тебя не исправило, Пузач. И как только тебя земля носит! Мало того, что ради денег ты дружка убил, с которым в прошлом немало дел провернул, ты еще напраслину на незнакомого человека возвел. Что же, сам себе приговор составил. Составил и расписался.

— Ложь все, сочинительство,— неожиданно спокойным баском отозвался Пузач и скривил в усмешке губы.— Ничего не скажешь, здорово подогнано. Да ведь доказать надо. А я не такой, чтобы в руки даться. Не... я тертый, обкатанный. Я сегодня же заявленьице прокурору, так, мол, и так, напраслину возвели. Ишь вы, все доказано, а шкатулка где? Шкатулочка та самая? А без шкатулки, гражданин начальничек, не дело стряпаете, а, извиняюсь, мыльный пузырь с запахом липы выдуваете.

— Ладно, Луханцев, я свое сказал,— оборвал Гончаров.— С ходу на твое признание я и не рассчитывал. Не такой ты человек. Но запомни: чем быстрее и откровеннее ты во всем сознаешься... В общем, сам понимаешь. А шкатулка? Что же, и шкатулка и все, что в ней находится и не находится, все найдем, когда понадобится. Подумай, Луханцев.

— У вас есть вопросы, Николай Петрович?— обратился подполковник к Куликову.

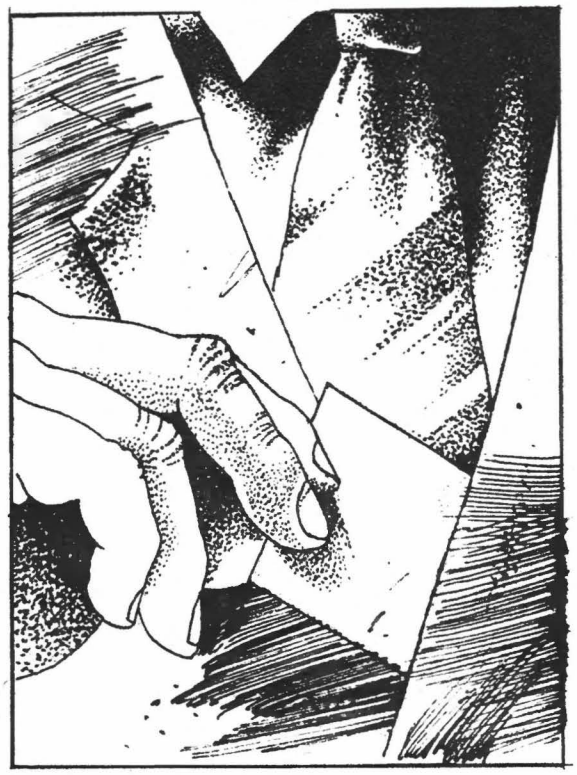
— Пока нет.

Когда Якова Луханцева увели, Федор Георгиевич осведомился по телефону, может ли его принять комиссар милиции. Получив утвердительный ответ, он вытащил из ящика стола ранее заготовленный рапорт о вынесении благодарности гвардии старшине, кавалеру ордена Славы, находящемуся в запасе Александру Степановичу Скворцову.

Библиотека зарубежного детектива

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ



Отдел литературы «Огонька» завален письмами читателей с просьбой продолжить рубрику «Библиотека зарубежного детектива». «Люди устали от сплошной публицистики, исторических материалов и разоблачительных очерков. Нужен какой-то противовес. Печатая литературу «для интеллектуального отдыха», вы сможете усиливать остроту других материалов» (Н. Корнилов, учитель, Саратов). «Печатая остросюжетные повествования, «Огонек» не прогадает. Во-первых, любители детектива, не интересующиеся политическими проблемами, хочешь не хочешь да и заглянут на соседние страницы. Во-вторых, нельзя поддерживать имидж «народного журнала», не обращаясь к самому демократическому жанру в литературе — детективу. В-третьих, печатание детектива может принести колоссальную пользу: ведь 99% этой литературы построено на том, что любое преступление терпит крах, порок наказывается, добро торжествует» (Н. Подлесских, Псковская обл.). Наиболее часто упоминают читатели имя Д. Х. Чейза (псевдоним известного английского писателя Рене Брабазона Раймонда). Он родился в 1906 году в Лондоне. Восемнадцатилетним юношей стал работать в книготорговле, прекрасно изучил вкусы читающей публики. Первая же его книга — «Никаких орхидей для мисс Брэндиш», опубликованная в 1939 году, принесла Джеймсу Чейзу широкую известность. По роману Чейза «Весь мир в кармане» на нашем телевидении поставлен многосерийный фильм. Но большинство произведений Чейза еще ждет встречи с советским читателем. Д. Х. Чейз умер в Швейцарии в 1985 году.

РОМАН

Глава I

Одной из главных достопримечательностей Парадиз-Сити был Аквариум. Он назначил ей встречу в половине пятого вечера у дельфинария, и она тогда подумала, что это ужасно противное место для свидания. Она терпеть не могла толкаться среди туристов, от которых в городе в эту пору не было житья...

Она шла в толпе, то и дело с тревогой озираясь, и ее маленькое тело под простеньким хлопчатобумажным платьицем невольно сжималось от каждого соприкосновения с жирным и дряхлым, безмозглым и сморщенным старичьем, которое кричало, вопило, пихалось и лезло, чтобы поглазеть на тропическую рыбину, столь же недоуменно глазевшую на посетителей...

Она пробиралась к дельфинарию, а сердечко колотилось, и еще от страха ее слегка подташнивало. За каждое лицо, возникавшее из полумрака, она цеплялась испуганным взглядом, моля бога, чтобы не напасть на знакомого. Однако посреди шумного водоворота людей, которые толкались, смеялись и перекрикивались, она скоро поняла, что место встречи выбрано с умом. Никому из ее друзей, никому из Казино и в голову не пришло бы затесаться в эту потную, пошлую толпу слоняющихся без дела туристов...

В этот миг она увидела его.

Он вышел из толпы с этой своей ласковой улыбкой на тонких губах, с белой панамой в руке, в безупречном легком кремовом костюме с кроваво-красной гвоздикой в петлице. Это был маленького роста и щуплого сложения мужчина лет шестидесяти, с худощавым смуглым лицом, сероглазый и неизменно улыбающийся. Его редеющие светлые волосы серебрились сединой на висках, а вместо носа торчал настоящий ястребиный клюв. Человеку этому она теперь не доверяла, научилась бояться его, однако ее влекло к нему, точно магнитом.

— Итак, моя милая...— проговорил он, остановившись возле нее,— вот мы и снова встретились...

При первом знакомстве он сказал, что его зовут Франклин Людович. Родом из Праги, журналист, работает по договору. В Парадиз-Сити приехал, чтобы сделать большой материал о Казино. В этом не было ничего удивительного. Журналисты часто приезжали сюда, чтобы написать про Казино. Все-таки самое шикарное заведение во Флориде. Сейчас, в разгар сезона, по зеленому сукну игорных столов за ночь перекочевывало до миллиона долларов, правда, большей частью в сторону крупье... но разве в этом дело?

Людович подошел к ней как-то днем, на пляже. Его безобидный, добродушный вид, восхищение ее молодостью и улыбка обворожили ее. Он сознался, что знает, где она работает, и дал ей тисненую визитку, на которой его имя стояло рядом с магическими словами «Журнал «Нью-Йоркер». Ему требовались сведения о Казино от тех, кто там служит. Он присел на мягкий песок у нее в ногах и говорил, поглядывая из-под панамы, надвинутой на самую переносицу ястребиного клюва. Рассказал, что беседовал с управляющим Гарри Льюисом. При этом его лицо перекосила потешная гримаса отчаяния. Вот характерец! До чего же скрытный! Если довольствоваться тем, что сообщил Гарри Льюис, ему в жизни не написать ничего подходящего для такого солидного журнала, как «Нью-Йоркер». У него предчувствие, что он поладит с ней. Она работает в хранилище Казино еще с несколькими девушками. Это он выяснил. В его серых глазах мелькнуло озорство. «Итак, моя милая...» Сколько раз она слышала от него эти слова, которые теперь внушают ей страх и недоверие? «Давайте вы расскажете то, что мне хочется узнать, а я заплачу вам за это? Ну, сколько? «Нью-Йоркер» — богатый журнал. Пятьсот? Как насчет пятисот долларов?»

У нее захватило дух. Пятьсот долларов! Ей до смерти хотелось выйти замуж. Ее дружок Терри еще студент. Они договорились, что если раздобудут пятьсот долларов, то рискнут и поженятся, и тогда у них по крайней мере будет однокомнатная квартира, пусть даже в доме без лифта... но где же раздобыть пятьсот долларов? А тут на тебе, безобидный человечек предлагает как раз эти самые деньги, надо только выдать ему тайны Казино...

Видя ее колебания, Людович сказал:

— Я знаю, вы давали подписку, но пусть это вас не пугает. Подумайте. Никто никогда не узнает, от кого я получил сведения. А ведь пятьсот долларов вам не помешают. Можно и накинуть...

В тот же вечер, дав ей время обдумать его предложение, он позвонил ей по телефону.

— Я переговорил с редактором. Он готов заплатить тысячу. Я так рад. Я думал, он заупрямится. Итак, моя милая, вы поможете мне за тысячу долларов?

И вот, превозмогая муки совести и страх перед разоблачением, она помогла ему. Он отдал ей пятьсот долларов. Остальные пятьсот, объяснил он с отеческой улыбкой, потом, когда она предоставит всю необходимую информацию. И по мере того как он расспрашивал ее, ей все больше становилось не по себе, и она начала догадываться, что, видно, никакой он не журналист. Видно, он задумал ограбить Казино. Иначе откуда такой интерес к численности охраны, к количеству денег, поступающих в хранилище каждую ночь, и к сигнализации... Ведь наверняка такие сведения нужны человеку, который задумал ограбить Казино. А тут еще эта последняя просьба: добыть копию чертежей со схемой электропроводки...

— Ну нет! Этого я не сделаю! Чертежи не могут понадобиться для статьи! Я не понимаю. Я начинаю думать...

— Не думайте, моя милая. Мне нужны чертежи. Не будем спорить об этом. Мой журнал готов платить. Скажем, еще тысячу? — Он вытащил из кармана конверт.— Вот вторые полтысячи, которые я вам должен... видите? А после получите еще тысячу...

Она решила так: если этот коротышка задумал ограбить Казино, она ничего такого знать не желает. А заполучить вторую тысячу очень даже желает. Колебания отняли у нее минуту с небольшим, затем она согласно кивнула.

Но это было нелегко. Наконец ей удалось добыть копии нужных чертежей. Днем она иногда подрабатывала в главной конторе и имела доступ к документации. Этот улыбчивый человечек проявил незаурядную смышленость, остановив на ней свой выбор. Но этот человечек, которого на самом деле звали Серж Мейски, был хитер и коварен, как змея. Десять месяцев назад приехал он в Парадиз-Сити. Окольными путями навел справки о четырех девушках, работающих в хранилище Казино, и издали наблюдал за ними. В конце концов решил сосредоточиться на этой смазливой маленькой блондинке, которую звали Лана Эванс. Чутье и ум, как всегда, не подвели его. Лана Эванс должна была дать ему ключ к самому крупному и дерзкому ограблению Казино, какие только знала история подобных ограблений.

И вот они стоят здесь, лицом к лицу, в сумрачном, кишащем туристами Аквариуме, где среди прочей морской живности обитают дрессированные дельфины. Он улыбнулся ей, взял своей сухой клешней за руку и увел от давки к резервуару с печальным, скучающим осьминогом, где было сравнительно спокойно.

— Вам удалось?

Его улыбка была безупречной, под стать костюму, но Лана Эванс чувствовала, что он едва владеет

Журнальный вариант романа «Итак, моя милая...»

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

собой от нетерпения, и это нетерпение пугало ее.

Она кивнула.

— Превосходно.— Нетерпения как не бывало, будто светофор переключился с красного света на зеленый.— Деньги у меня с собой... все до цента. Тысяча хрустящих долларов.— Он быстро скользнул взглядом по лицам ближайших туристов.— Давайте.

— Деньги вперед,— пролепетала Лана Эванс. Она была сама не своя от страха да еще в голове все плыло от затхлой сырости.

— Разумеется.— Он достал из заднего кармана брюк пухлый конверт.— Здесь вся сумма. Не нужно сейчас пересчитывать, моя милая. Вы на виду. Где чертежи?..

Ей хотелось поскорей завершить эту опасную сделку. Она отдала ему чертежи: несколько страниц со сложными электрическими схемами, включая плавкие предохранители, систему кондиционирования воздуха и множество сигнальных устройств. Он мельком проглядел чертежи, став вполоборота к осьминогу...

— Так...— Он убрал выкраденные ею бумаги в задний карман.— Вот и закончилось наше весьма удачное сотрудничество.— Он улыбнулся, а его серые с синеватым отливом глаза сделались вдруг холодными, как две грязные льдинки.— Ах да... вот еще что...

— Нет! — наотрез отказалась она.— Хватит! Меня не волнует...

— Помилуйте.— Он примирительно поднял руку.— Мне больше ничего не нужно. Я вполне удовлетворен. Вы были так покладисты, так надежны, с вами так приятно работать... Позвольте мне отблагодарить вас от себя лично... скромным, пустяковым подарком? — Он вынул из кармана квадратную коробочку, аккуратно перевязанную красной с золотом ленточкой, а на золотой этикетке было написано волшебное имя «Диана».— Пожалуйста, примите... Такая хорошенькая девушка должна ухаживать за своими руками.

Она взяла коробочку, обескураженная его неожиданной добротой. Крем для рук «Диана» делали только для очень состоятельных людей. С этой коробочкой в руках она чувствовала себя еще более разбогатевшей, чем в тот миг, когда он передал ей конверт.

— Ой... спасибо...

— Вам спасибо, моя милая... прощайте.

Он растворился в толпе, как маленькое доброе привидение: вот только сейчас улыбнулся ей и тут же пропал. Исчез в мгновение ока, и трудно было поверить, что когда-нибудь он стоял рядом.

Перед нею вырос крупный краснолицый ухмыляющийся мужчина в желто-голубой цветастой рубашке.

— Я Томпсон из Миннеаполиса,— прогудел он.— Видали, что вытворяют эти чертяки дельфины? Я в жизни такого не видал!

Она поглядела на него без всякого выражения и бочком, бочком улизнула в сторону, а потом, когда удостоверилась, что ей не грозят его лапы, повернула и спокойно пошла к выходу, зажав в руке коробочку с кремом, в которой притаилась ее смерть.

Сейчас, в разгар сезона, аэропорт и железнодорожный вокзал находились под неусыпным надзором полиции. К тому же на трех главных шоссейных дорогах при въезде в город были выставлены полицейские посты. На пропускных пунктах полицейские с профессиональной памятью на лица ощупывали жестким казенным взглядом каждого прибывающего пассажира. То и дело кого-нибудь останавливали взмахом руки. Мужчину или женщину выуживали из медленно подвигающейся очереди приезжих и отводили в сторону.

Разговор происходил всегда один и тот же: «Привет, Джек (либо Лулу, или Чарли)... Получил обратный билет? Советую воспользоваться им: здесь ты не нужен».

На дорожных постах беседовали в том же духе и заворачивали машины на Майами.

Эти полицейские кордоны мешали сотням крупных и мелких воришек орудовать в городе и обчищать богачей.

Поэтому четыре человека, которые откликнулись на заманчивое приглашение и были предупреждены о полицейском заслоне, приехали поодиночке, приняв меры предосторожности.

Джесс Чандлер еще не попадался на крючок полиции, поэтому прилетел самолетом. Этот высокий, интересный, элегантного вида мужчина направился прямиком к турникету, не сомневаясь в том, что его подложный паспорт и ловко состряпанная легенда кофейного плантатора с поместьями в Бразилии выдержат проверку.

Тридцатидевятилетний Чандлер считался в преступном мире одним из самых умных и изворотливых мошенников. Он играл на своей артистичной внешности. Худощавое смуглое лицо, короткий нос и полные губы, широкие скулы и большие темные глаза выдавали в нем чувственность и напористость опытного сердцееда...

Двое полицейских оглядели его. Он не отвел глаз, изобразив на лице скуку и легкое презрение. Настораживает испуг, а испуга они не увидели. Заглянув в паспорт, Чандлера выпустили из здания аэропорта к веренице такси.

Он перекинул дорожную сумку из одной руки в другую и ухмыльнулся. Он знал, что все пройдет гладко... как всегда.

Коллинзу пришлось вести себя гораздо осторожнее. Он всего два месяца как вышел на волю, и в каждом полицейском участке хранилась его фотография. Долго ломал он голову над тем, как ему миновать полицейский кордон, не отвечая на щекотливые вопросы. Наконец, он решил присоединиться к экскурсии, которая отправилась в заповедник Эверглейдс с ночевкой на обратном пути в Парадиз-Сити. В экскурсионном автобусе, битком набитом шумными, довольными, подвыпившими туристами, Коллинз чувствовал себя в относительной безопасности. Он прихватил с собой губную гармошку. Минут за десять до пропускного пункта он начал играть к удовольствию своих попутчиков. Инструмент, зажатый в мясистых ручищах, почти полностью скрыл его лицо. Место он выбрал себе на заднем сиденье с тремя такими же толстяками, и полицейский, войдя в автобус, взглянул на него лишь мельком и тотчас переключился на другие взмокшие, тупые, дружно улыбавшиеся ему физиономии.

Так в Парадиз-Сити благополучно прибыл Миш Коллинз — человек, которого полиция немедленно завернула бы, если б только установила его личность, ибо мало того, что Миш Коллинз был одним из лучших «медвежатников» в стране, перед его талантом беспомощно пасовали производители всякого рода сигнальных устройств.

Коллинзу исполнился сорок один год. Пятнадцать лет своей жизни с перерывами он провел за решеткой. Он был мощного телосложения, грузный и обладал большой физической силой...

Когда автобус вырулил на стоянку, Миш Коллинз отвел в сторону экскурсовода и сказал, что обратно не поедет.

— Я вспомнил, у меня ведь здесь приятель,— объяснил он.— Сдайте обратный билет и оставьте деньги себе. Вы это заслужили.— И не успел экскурсовод даже поблагодарить его, как Миш растворился в людском муравейнике.

Джек Перри приехал на собственном «олдсмобиле» с откидным верхом.

У них не было его фотографии, поэтому он подкатил к полицейскому посту в полной уверенности, что двум фараонам, проверяющим машины, и в голову не придет, будто они сейчас столкнутся нос к носу с профессиональным убийцей...

Ему было года шестьдесят два: маленького роста, плотный, с коротко остриженными белоснежными волосами, круглым полноватым лицом, широко расставленными глазами под кустистыми седыми бровями, с тонкими губами и длинным крючковатым носом...

Перри остановился и подождал, пока полицейские проверят документы у пассажиров передней машины. Потом, когда ее пропустили, медленно подкатил к двум ожидавшим его стражам закона.

Перри одарил их дежурной улыбкой.

— Здорово, ребята,— махнул он им толстой ручищей.— Что я такого натворил?

Патрульный Фред О'Тул уже четыре часа, как заступил на пост. Это был крупный темноволосый ирландец с настороженным, угрюмым взглядом. Его воротило с души от всех людишек, что проползли через его пост на своих роскошных лимузинах, со своими затасканными шуточками, подобострастными улыбочками, презрением, а то и заносчивостью...

— Паспорт есть? — строго спросил О'Тул, положив на опущенное стекло руку в перчатке и глядя на Перри сверху вниз.

— А на что мне паспорт? — ответил Перри.— Есть права... устроит?

О'Тул протянул руку.

Перри отдал права, которые обошлись ему в четыреста долларов: вещь дорогая, но необходимая. Отпечаток указательного пальца правой руки был очень умело изменен, а такая работа стоит денег.

— По какому делу приехали?

— Поесть от пуза, вдоволь покрутить рулетку и нагуляться с девочками,— рассмеялся Перри.— У меня отпуск, дружище... и уж я его отгуляю на полную катушку!..

О'Тул отступил в сторону и пропустил Перри. Тот совсем расплылся в улыбке, нажал на газ, и машина набрала скорость.

«Ну, пронесло.— подумал он, включая радио.— Наколол этих тупиц, а теперь... держись, Парадиз-Сити, я еду!»

В отличие от Перри Уошингтон Смит не мог ехать в открытую. В этом городе вообще не жаловали негров, даже добропорядочных, а Уошингтон Смит был теперь далеко не добропорядочным. Он освободился две недели назад. Его преступление состояло в нанесении побоев двум полицейским, которые поймали его и собирались хорошенько отметелить... Да только Уош оказался финалистом любительского турнира «Золотые перчатки» во втором полусреднем весе. Вместо того чтобы покорно стерпеть избиение, он уложил обоих двумя великолепными боковыми ударами в челюсть и пустился наутек. Но ему не дали убежать далеко. Его остановила пуля, угодившая в ногу, а довершил дело удар дубинкой по голове. Он отмотал восемь месяцев за сопротивление при аресте и вышел из тюрьмы ожесточенным и с твердой решимостью стать отныне заклятым врагом белых.

Когда его позвали в Парадиз-Сити, он засомневался. А не ловушка ли? Сообщение было коротким:

«Есть прибыльное дело. Тебя предложил Миш. Если ХОЧЕШЬ ЗАРАБОТАТЬ ОЧЕНЬ КРУПНУЮ СУММУ, то 20 февраля в 22.00 будь в ресторане «Черный краб». Деньги на дорожные расходы прилагаю. Полиция перекрыла все въезды в город. Будь осторожен. Спроси мистера Людовича»...

Уош пробрался в Парадиз-Сити под коробками с зеленым салатом, предназначенным для отеля «Парадиз-Риц». Когда грузовик, в котором он притаился, проходил полицейский контроль, у него бешено колотилось сердце и тряслись поджилки.

Но и он, подобно трем другим, благополучно миновал полицейский кордон, призванный защитить толстосумов в Парадиз-Сити.

Удался первый шаг в плане ограбления богатейшего в мире Казино, разработанном Сержем Мейски.

Ресторан «Черный краб» занимал трехэтажное деревянное строение на сваях, стоявшее в тридцати ярдах от берега и соединенное с набережной узким причалом. Здесь собирались ловцы губок из «Флорида марин манифекчеринг компани» и туристы, а жители Лагуны и подавно обходили его стороной. Он славился пьяными драками и превосходной рыбной кухней.

На верхнем этаже было три отдельных кабинета. К ним вела наружная лестница, и люди, желавшие поговорить о важном деле, могли рассчитывать на полное уединение...

Первым пришел Миш Коллинз. Официант Джоз поглядел на него, кивнул и молча подал бокал с тройной порцией рома, лимоном и колотым льдом.

Перри и Чандлер пришли вместе, а минуту спустя в кабинет с опаской заглянул Уошингтон Смит.

Миш взял на себя роль хозяина.

— Здорово, ребята,— сказал он.— Располагайтесь как дома. Тот черномазый, что прислуживает, глухонемой. Не обращайте на него внимания.— Он улыбнулся Уошу и протянул ему руку.— Привет, кореш. Давно не виделись.

Уош кивнул и пожал руку, ощущая на себе недоуменный, угрюмый взгляд Перри...

Не сводя глаз с Уоша, Перри спросил:

— Это кто такой? Что он здесь делает?

— А что все мы здесь делаем? — рассмеялся в ответ Миш... Уош отказался от спиртного. Помявшись, он остался у дверей. В компании белых он всегда чувствовал себя не в своей тарелке и ждал подвоха.

Перри выбрал место подальше от Коллинза. Он сел, прихватив свой бокал и крепко зажав в мелких белых зубах потухшую сигару.

— Это что — вечеринка? — спросил он, озирая комнату голубыми водянистыми глазами.

— Именно,— с удовольствием подхватил Миш.— Вечеринка.

Обернулся Чандлер. Его красивое лицо выражало раздражение.

— Ты что-нибудь знаешь про это дело?

— Мало.

— Что за тип этот Людович?

— А-а... его-то я знаю.— Миш почтительно покачал головой.— Еще бы, про него я могу порассказать. Перво-наперво, имя у него другое. Его зовут Серж Мейски. Стакнулся я с ним в Роксбургской тюрьме. У него там работенка была... фармацевтом.

— Это еще что за хрен... фармацевт? — подозрительно спросил Перри.

— Ну, сидел на всяких пилюлях и микстурах,— объяснил Миш.— Клистирная трубка прописывает тебе пилюлю, а Мейски выдает. Десять лет там проработал... котелок варит что надо. Мы с ним поладили. Я ведь охоч до пилюль-то. Перед тем как податься на волю, он мне рассказал, будто придумал такой куш сорвать, что никому и не снилось. Когда, говорит, все налажу, дам тебе знать, и еще трое понадобятся. Я выбрал вас. Благодарности оставим на потом.— Резиновое лицо Коллинза расплылось в широкой улыбке.— Вот что я вам скажу, ребята. На вид он человечек безобидный, но, ей-ей, гремучая змея безобидней. А голова!.. Чистое золото! Я вот что скажу: если он говорит, что можно взять большой куш, я соглашаюсь с закрытыми глазами. Поэтому я здесь. Не знаю, что за дело, но...

— Поэтому и я здесь... чтобы рассказать вам,— вкрадчиво проговорил с порога Мейски...— Господа,— сказал он, как всегда, негромко и отчетливо,—

очень рад познакомиться с вами. Надеюсь, доехали без происшествий?

Четверо мужчин кивнули под испытующим взглядом его серых глаз.

— Превосходно. Тогда за стол. Вы наверняка проголодались. Потом и только потом поговорим о деле.

Спустя час Миш Коллинз отвалился от стола и тихонько рыгнул.

— Вкусная жратва,— похвалил он.— Не то что баланда, которую нам давали в Рокси, а, док?

Мейски улыбнулся...

За ужином Мейски был безраздельным хозяином стола. Его уравновешенность и мягкость обескуражили всех, кроме Коллинза, который знал его и весь лучился, точно гордая мамаша, демонстрирующая свое гениальное чадо. Мейски говорил о политике, путешествиях, женщинах... За этот час ему удалось каким-то чудом немного растопить лед, наладить более или менее непринужденные отношения между мужчинами. Даже Уош освоился в новой компании.

Когда глухонемой убрал со стола, принес две бутылки виски, лед, бокалы и ушел, Мейски, подперев руками острый подбородок, сказал:

— Ну, а теперь, господа, поговорим о деле. У меня к вам предложение. Миш рассказал вам, быть может, что мы с ним прожили три года под одной крышей. Такого пожирателя таблеток я больше не знавал. За время, проведенное вместе, у меня сложилось впечатление, что у него большие способности к технике, и еще я узнал, что у него есть не менее способные знакомые. Вот почему я попросил его связаться с вами, господа. Что касается Уоша... он не похож на нас. Он не преступник,— ласково улыбнулся Мейски,— но нам без него не обойтись, а ему нужны деньги и к тому же хочется отомстить.

Все поглядели на смутившегося Уоша...

— Какое у вас предложение? — спросил Чандлер.

— Мы собрались здесь, чтобы взять два миллиона в Казино.

Наступила мертвая тишина. Даже с лица Коллинза сползла самонадеянная улыбка. Все четверо ошарашенно уставились на Сержа Мейски.

— Два миллиона? — переспросил Чандлер, который первым пришел в себя.— Послушайте, меня ждут дела. Кому нужна эта пустая болтовня? Два миллиона...

Мейски жестом напомнил гостям про бутылки.

— Пожалуйста, угощайтесь, господа. Мне, к сожалению, нельзя... врач запретил.— Он обернулся к Перри.— Вы слышали, что я сказал. Джесс, как видно, не верит мне... а вы?

Перри выпустил в потолок тонкое облачко сигарного дыма.

— Толкуй дальше,— ответил он.— Не обращай внимания на красавчика. Он отроду нервный. Ты толкуй. Я слушаю.

Чандлер было вскинулся, но встретил холодный взгляд Перри. И едва Чандлер заглянул в его блеклые глаза, как ощутил дрожь в коленях. Он не имел привычки к насилию, и Перри своим взглядом нагнал на него страху. С деланным безразличием пожав плечами, он потянулся к виски.

— Раз так... рассказывайте.

Мейски откинулся на спинку стула.

— Много лет я мечтал придумать, где можно взять большие деньги. Наконец я пришел к выводу, что их можно взять здесь усилиями нескольких, тщательно отобранных человек, которые знают свое дело. Мы можем взять в Казино два миллиона долларов, но лишь при том условии, что у вас хватит на это духу и вы будете в точности выполнять мои указания. Если вы не согласны на эти два простых условия, то забудем обо всем.— Он по очереди окинул каждого теперь уже ледяным взглядом.— Вы согласны?

— С тобой, док, я на любое дело пойду. За мной остановки нет,— отозвался Миш.

Мейски пропустил его слова мимо ушей, он смотрел на Чандлера.

— Вы?

— Обчистить Казино? — сказал Чандлер.— Это невозможно. Года два назад один парень предложил мне то же самое. Он собирался войти туда вдесятером, но мы...

— Так не пойдет, Джесс. Либо соглашайтесь, либо отказывайтесь... сию минуту,— мягко проговорил Мейски.

Чандлер замялся, потом махнул рукой в знак согласия. Он вдруг понял, что имеет дело с таким же опасным человеком, как Перри, а Перри он знал как облупленного.

— Ладно... ладно... идет. Я все-таки думаю, это невозможно, но раз вы думаете иначе, пусть будет по-вашему.

Мейски перевел взгляд на Перри, и тот ухмыльнулся в ответ.

— Без вопросов, согласен. Только растолкуй,— сказал он.

Мейски повернулся к Уошу.

— А вы?

Маленький негр заерзал на стуле, но только оттого, что все уставились на него, а ему всегда было не по себе под взглядами белых. Он без колебаний ответил:

— Конечно... что мне терять?

Мейски облегченно улыбнулся.

— Очень хорошо. Стало быть, если сомнений нет, господа, я могу на вас положиться? — Он подождал, пока все четверо кивнули, затем продолжил.

— Сначала я расскажу вам немного о самом Казино,— сказал он, раскладывая бумаги перед собой на столе.— Сейчас разгар сезона. В субботу, то есть послезавтра, в этом здании будет примерно три миллиона долларов наличными. Если нам пофартит, мы возьмем два миллиона. Нас пятеро, так что при дележе получится по триста тысяч на брата.

— По моим подсчетам, не так. У меня выходит по четыреста тысяч,— вмешался Чандлер.

Мейски ласково улыбнулся.

— Вы правы, но мне достанется больше. Каждый из вас получит по триста тысяч, а я заберу остальное, так как понес немалые расходы. Я придумал весь план, подготовил его осуществление и, да будет вам известно, живу здесь уже девять месяцев. Мне пришлось снять бунгало, выложить кругленькую сумму за информацию. Так что...— Он развел похожими на клешни руками.— Мне достанется больше.

— Заметано, док,— сказал Миш.— Это по справедливости.

— Позвольте, я продолжу? Объясняю насчет Казино. Джесс говорит, он уже обдумывал план ограбления, по которому десять человек должны были ворваться в игорные комнаты.— Мейски рассмеялся.— Такой план, конечно, не принес бы желаемых результатов. В субботу ночью на столах лежит, самое большое, около четверти миллиона. Остальные деньги держат в хранилище, расположенном как раз под игорными комнатами. Когда возникает нужда в наличных, их поднимают в маленьких, наглухо закрытых лифтах. Пока идет игра, возле каждого лифта дежурят по два охранника. Если на столах скапливаются деньги, их отправляют в хранилище. Получается непрерывное движение денег... вверх-вниз... и всегда под надежной охраной.— Он прервался, чтобы прикурить очередную сигарету, затем снова заговорил.— Понаблюдав несколько дней за этой процедурой, я пришел к выводу, что нападать нужно на хранилище. Деньги там лежат аккуратными пачками. В хранилище работают четыре девушки и двое вооруженных охранников. Девушки управляются с деньгами, охранники их стерегут. Там стальная дверь, и внутрь пускают только по делу. Так было заведено много лет назад. Вот тут-то у них и слабое место. Мы проникнем в хранилище, возьмем деньги и уйдем...

Чандлер смотрел на Мейски, как на полоумного.

— Ну, знаете! — возмутился он.— Это ваша теория? Черта с два вы попадете в хранилище. Вы что... в бирюльки с нами играете?

Мейски вынул из кармана пиджака блестящий металлический баллончик длиной дюймов шесть. Он любовно выставил его на стол, словно предлагал вниманию присутствующих уникальное произведение искусства.

— Вот ключ к решению проблемы,— сказал он.— С этим мы без труда вынесем деньги из хранилища.

Четверо мужчин уставились на блестящий баллончик.

Немного погодя Перри спросил:

— Это что за хреновина?

— Здесь газ паралитического действия,— объяснил Мейски.— Хитроумное изобретение, газ под очень высоким давлением. Валит с ног в течение десяти секунд.

Чандлер, глядя на Мейски, потер шею.

— Он... смертельный?

— Да нет. Действует часов пять, не больше. Нам ведь нужна касса, а не трупы.

— Чего только не придумают! Классная вещь,— восхитился Перри.— Давай... толкуй дальше.

Мейски взял со стола бумаги и протянул их Коллинзу.

— Взгляни, тебе это что-нибудь говорит?

Миш откинулся на спинку стула и углубился в схему электропроводки Казино. За считанные секунды он смекнул, с чем имеет дело, и его багровое лицо озарилось восхищенной улыбкой.

— Снимаю шляпу, док. Теперь все ясней ясного. Где ты раскопал такой клад?

Мейски пожал плечами...

— Вот план в общих чертах. Казино закрывается в три часа ночи. К половине третьего основная часть денег возвращается в хранилище. В это время мы и нападем. Произойдет это примерно так. Ровно в половине третьего Миш явится в Казино в спецовке муниципального электрика. Спецовку я уже раздобыл. Скажет, что с электричеством неполадки и он хочет проверить предохранители. В такое время там сидит только вахтер. Сколько я здесь живу, я ходил в Казино ежедневно и выяснил, что главная контора закрывается без четверти два. Гарри Льюис, который заведует Казино, в это время ходит по игорным комнатам до самого закрытия. Его помощники уже сидят по домам. Так что все пройдет как по маслу. Вахтер в вестибюле решит, что тебя вызвал Льюис, и покажет, где найти предохранители. Учти, Миш, все надо будет делать точно в назначенное время. Теперь взгляни на схему. Сперва необходимо отключить кондиционер в хранилище... Дальше, в хранилище есть счетная машина, на которой девушки подсчитывают прибыль. Ее тоже следует вырубить. Полагаю, ты найдешь нужный предохранитель.

Миш сверился со схемой и кивнул.

— Сделаем,— сказал он.— Без проблем.

— Значит, вот твоя работа, Миш. Ты вырубаешь кондиционер и счетную машину. Я все излагаю только в общих чертах. Потом мы, конечно, обговорим подробности. Теперь...— обратился он к Чандлеру,— у вас задача потрудней. Вы с Уошем ровно в половине третьего подъедете на небольшом грузовике... Грузовик стоит у меня в гараже. На вас будут спецовки инженеров Ай-би-эм, и вы привезете коробку, в которую якобы упакована счетная машина. Никакой счетной машины в ней, конечно, не будет. В ней будут два противогаза и два автоматических пистолета. Эти вещи я уже приобрел. Джесс скажет вахтеру, который сидит у входа в хранилище, что ему позвонил мистер Льюис и попросил заменить счетную машину в хранилище. Тем временем Миш отключит ее, и когда Джесс с Уошем подойдут к двери хранилища, охранники уже будут знать, что счетная машина сломалась. От убедительности Джесса будет зависеть, пустят ли их в хранилище... думаю, это не составит труда. И он, и Уош будут одеты в спецовки и принесут с собой коробку компании Ай-би-эм. Девушки пожалуются, что у них вышла из строя машина. Психологически, думаю, мы можем рассчитывать на успех. Оказавшись внутри, Чандлер откроет коробку и возьмет охранников на мушку. Уош наденет противогаз и сменит Чандлера, который тоже наденет противогаз. Это нужно делать быстро, нагнав на них побольше страху. Завтра, конечно, потренируемся. Пока охранники очухаются, Джесс пустит газ...

Брать будете только пятисотдолларовые банкноты. Они упакованы в пачки, и с ними легко управляться. Наполните коробку и уйдете. Вахтер решит, что вы уносите сломанную машину. Погрузите коробку в кузов, и мы уедем. Таков вкратце мой план. Подробности, разумеется, предстоит тщательно обговорить и отработать, но этим мы займемся завтра вечером.

Он откинулся на спинку стула, стряхнул пепел с сигареты и вопросительно оглядел четверых мужчин, которые до сих пор слушали его затаив дыхание.

— А я-то каким боком в этом замешан? — спросил Перри.

— Ах, да... вы,— улыбнулся ему Мейски.— Вы тоже наденете спецовку Ай-би-эм. Зайдете в Казино с Джессом и Уошем, но останетесь с вахтером. Я потом вам про него расскажу. Старик любит почесать языком. Ваше дело — разговаривать с ним. Я не предвижу осложнений, но в случае чего мы должны быть начеку. Вдруг заявится какой-нибудь ретивый охранник и станет путаться под ногами.— Мейски выразительно посмотрел на Перри.— Я надеюсь, вы разберетесь с осложнениями и любопытными охранниками.

Перри ухмыльнулся.

— Годится... если это все, работка — не бей лежачего.

— Мы знаем теперь, что должны делать Миш, Уош, Джек и я. А как насчет вас? — с подозрением спросил Чандлер.

— Я поведу грузовик,— ответил Мейски...— Об ограблении станет известно очень быстро. Начальник полиции здесь прыткий. Если мы рванем из города с деньгами во время шухера, то наверняка засыпемся. Деньги лучше закопать у меня в саду. Потом разбежимся, передохнем пока в городе, а уж после, когда шухер уляжется, каждый возьмет свою долю — и гуляй на все четыре стороны.

Перри сказал:

— Это мне не нравится. Деньги разделим сразу, и пусть каждый сам крутится, как хочет.

— Верно,— согласился Чандлер.

— Пожалуй, это правильно,— присоединился к ним Миш после некоторой заминки.

Мейски пожал плечами.

— Как угодно, господа. Мы еще обсудим, разумеется, все детали. Но, полагаю, общий план вы одобряете?.

— Высший класс,— похвалил Миш...

— У меня вот только одно не идет из головы,— сказал Чандлер,— как вы раздобыли чертежи и все другие сведения? У кого вы их купили?..

Мейски неожиданно поднял голову, и Чандлера передернуло от взгляда его серых ледяных глаз.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

Библиотека зарубежного детектива

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

РОМАН

Глава 2

Директор Казино Гарри Льюис аккуратно припарковал свой черный «кадиллак» у здания полицейского управления, заглушил двигатель и вылез из машины на утреннее солнце.

Льюису, высокому, стройному, элегантно одетому, было далеко за пятьдесят. Вот уже пятнадцать лет он руководил богатейшим в мире Казино. От него веяло таким благополучием и уверенностью в себе, какие свойственны только очень обеспеченным людям.

Он поднялся по ступеням и вошел в комнату, где дежурный по управлению Чарли Тэннер корпел над грудой протоколов, составленных на пьяных водителей.

При виде Льюиса Тэннер бросил протоколы и вскочил на ноги.

— Доброе утро, мистер Льюис. Вам что-нибудь нужно?

Полицейские относились к Льюису с подчеркнутой предупредительностью. Они хорошо помнили о его щедрости на Рождество и в День Благодарения. По этим праздникам каждый детектив и патрульный получали по шестнадцатифунтовой индейке и по бутылке виски, а такие подарки, само собой, обходятся недешево.

— Начальник у себя? — спросил Льюис.

— Конечно, мистер Льюис. Поднимайтесь прямо к нему,— ответил Тэннер...

Льюис постучался к Терреллу, раскрыл дверь и шагнул в маленький, скудно обставленный кабинет.

Начальник полиции Террелл, здоровяк с пшеничными волосами, подернутыми сединой на висках, и с выступающим, напористым подбородком, разливал кофе из пакета в два бумажных стаканчика. Сержант Джо Беглер, его правая рука, с трудом умещаясь на жестком, скрипучем стуле, следил за кофе глазами наркомана. При нежданном появлении Льюиса оба насторожились. Беглер встал. Террелл улыбнулся и взял третий стаканчик.

— Привет, Гарри... Ранняя пташка,— сказал он.— Выпьете кофе?

Льюис покачал головой и сел на стул Беглера...

— День только начинается... ничего особенного. Вы чем-то озабочены?

— В это время года, Фрэнк, я всегда озабочен,— ответил он.— Но завтра особый день. Я решил, что стоит поговорить с вами. Завтра мы ожидаем прибытия двадцати первоклассных игроков из Аргентины, которые всерьез вознамерились пощипать нас. Эти парни не моргнув глазом проигрывают целые состояния. Мы должны обеспечить безопасность во время игры. В Казино соберется крупная сумма денег, и я решил, что нам не помешает полицейская охрана. Поможете мне?

Террелл отхлебнул кофе и кивнул.

— Конечно. Что нужно, Гарри?

— Завтра утром я перевожу из банка в Казино три миллиона наличными. В автомобиле будет четверо моих охранников, но хотелось бы еще иметь полицейское сопровождение. Все-таки кругленькая сумма, желательно, чтобы она доехала до места в целости и сохранности.

— Это просто. Я пришлю вам шесть человек.

— Спасибо, Фрэнк, я знал, что могу положиться на вас. Еще неплохо, если человека четыре придут вечером в Казино. Никаких происшествий я не предвижу. У меня своих двадцать человек вполне надежных, но, думаю, присутствие полицейских остудит горячие головы.

— Я распоряжусь. Пришлю Лепски и четверых патрульных.

Льюис кивнул.

— Лепски как раз подходящий человек. Спасибо, Фрэнк. — Он стряхнул пепел с сигареты.— А как вообще обстановка? Есть такие, которых надо опасаться?

— Нет. Желающих прорваться было много, но мы их выявили и завернули. Судя по тем донесениям, что ко мне поступают, в городе нет ни одного по-настоящему опасного экземпляра... В котором часу вы берете деньги в банке?

— Ровно в половине одиннадцатого.

— Отлично. Я пришлю своих людей в банк, и они проводят вас. Договорились?

Льюис поднялся со стула.

— Пожалуй, я не буду больше беспокоиться,— сказал он и пожал протянутую руку.

Когда Льюис ушел, Беглер налил себе еще кофе.

— Три миллиона! — возмутился он.— Сколько денег кошке под хвост! Подумать только, что можно сделать, имея такое богатство... а оно уйдет на развлечение горстке латиноамериканских прощелыг.

Террелл помолчал, потом кивнул.

— Это их деньги, Джо. А наше дело — охранять эти деньги.— Он щелкнул выключателем селекторной связи.— Чарльз? Где Лепски? Он мне нужен.

В эту пятницу Серж Мейски проснулся в семь часов утра, поставил на плиту кофейник и принял душ. Он побрился опасной бритвой, оделся, затем пошел на кухню и налил чашку кофе. Прихватив кофе с собой, он уселся в обшарпанной гостиной.

Пока, решил он, все идет по плану... Сегодня вечером все четверо придут в его бунгало репетировать свои роли. Теперь, после знакомства с ними, он успокоился: у него подобралась надежная команда. Миш Коллинз не промахнулся.

Он допил кофе, помыл чашку и блюдце, потом достал из шкафа две пластиковые канистры по пять галлонов и наполнил их водой из крана. После вынул из кухонного шкафа объемистую коробку с консервами, отнес ее к своему «бьюику» и загрузил в багажник. Вернулся в дом, взял две пластиковые канистры и тоже отнес их в машину.

Его движения были расчетливы и неторопливы. Возраст давал о себе знать. Он остро ощущал груз своих шестидесяти двух лет, и всякое переутомление было ему противопоказано.

Мейски долго стоял, перебирая в уме, не забыл ли он чего-нибудь, вспомнил про батарейки для фонарика, достал их из ящика стола в гостиной и решил, что теперь можно ехать.

Он запер входную дверь, сел за руль и завел машину. Спустя полчаса на шоссе, ведущем из Лагуны, пригорода Парадиз-Сити, Мейски перестроился в правый ряд и свернул на проселок...

Проехав лесом минут двадцать, он снова свернул на узкую колею, ведущую в самую чащу. Он слегка притормозил, чтобы осмотреть знак, который сам смастерил и вкопал два дня тому назад. На знаке было написано: «Охотничий заповедник. Частное владение. Вход запрещен». Он одобрительно кивнул и поехал дальше. Знак уже не бросался в глаза своей новизной. Надо было признать, что сделан он хорошо и выглядит убедительно.

Вскоре он замедлил ход, свернул с колеи и по сухой, слежавшейся земле выехал на небольшую полянку, которую обнаружил, когда бродил по округе в поисках надежного убежища. Здесь из ветвей и вырванного с корнем кустарника им уже был выстроен навес — на его сооружение ушло несколько дней. Под этот навес он и загнал «бьюик». Выйдя из машины, он достал из багажника канистры с водой, постоял, оглядываясь и прислушиваясь, нет ли кого поблизости, потом уверенно зашагал с поляны через кусты и вышел к тропинке, ведущей на лесистую гору.

После двух минут неторопливой ходьбы, которая вызвала у Мейски слабую одышку, он оказался возле кучи валежника и пожухлых листьев. Он раздвинул ветки, нырнул внутрь и попал в темную, пропахшую сыростью пещеру, совершенно скрытую валежником, что он натаскал за прошлую неделю.

Он передохнул в пещере. Его немного тревожила эта одышка, да еще не отпускала тихая, но зловещая, ноющая боль в груди. Через несколько минут ему задышалось свободней, он включил фонарь и прошелся ярким лучом по пещере.

Он посветил фонариком на спальный мешок, запасы провизии, транзисторный приемник и аптечку — самое необходимое, чтобы продержаться в этой норе недель шесть.

Подошел к выходу из пещеры, прислушался и, убедившись, что кругом тихо, спустился к автомобилю за остальными вещами...

Потом вышел наружу, тщательно закрыл лаз ветками и, сев за руль, напоследок оглядел снизу маскировку своего убежища; одобрительно кивнул и, развернув машину, поехал обратно в Лагуну.

Лана Эвас открыла глаза, зажмурилась от яркого солнца. Она откинула одеяло и пошла в ванную. Закончив утренний туалет, вернулась в свою невзрачную комнатенку, служившую ей и спальней, и гостиной, и открыла комод. Из-под скудной стопки постельного белья вынула пачку стодолларовых бумажек. Потом снова забралась в постель и залюбовалась своим богатством. Однако к радости примешивался страх. Что, если в Казино узнают про ее встречи с тем человечком? Теперь она не сомневалась, что он собирается ограбить Казино. Она посмотрела на деньги и нехотя пожала плечами. Ничего, не обеднеют. У них денег куры не клюют, а у нее... Тут она встревоженно поежилась. Как объяснить Терри, откуда у нее взялось столько денег? Вот незадача. Терри ревнивый. Ему кажется, что все мужчины в Казино зарятся на нее...

Если б только она могла сказать Терри всю правду, но ведь он такой невыносимо правильный. Нет, об этом придется молчать. Она вернулась в постель, и тут глаза ее оживились при виде коробочки с кремом «Диана». Она взяла коробочку в руки и сняла обертку.

«Может, он ворюга,— подумала она,— но не жмот».

Лана больше не верила в выдумку про журнал «Нью-Йоркер». Он заплатил две тысячи — бешеные деньги! — за полученную от нее информацию...

Она отвернула крышку и посмотрела на белый крем, источавший нежный аромат растертых лепестков орхидеи. Затаив дыхание с наслаждением намазала она руки смертоносным кремом. Правда, ее немного разочаровало, что это вожделенное действо не доставило ей того удовольствия, на которое она рассчитывала...

Через некоторое время, так ничего и не придумав, Лана закрыла глаза и задремала. В полудреме она уговаривала себя, что все образуется, что она убедит Терри. А после обеда сходит в агентство и разузнает про однокомнатную квартиру.

Незаметно она уснула, а час спустя вдруг очнулась от холода. В недоумении поглядела на часы и увидела, что уже без двадцати одиннадцать. Подумала, не выпить ли кофе, но уж больно не хотелось вылезать

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

из-под одеяла. Вдобавок к ознобу появились слабость, вялость. Этот усиливающийся озноб встревожил ее... Уж не заболевает ли она?

Вдруг ни с того ни с сего в рот хлынула желчь, она не успела сдержаться, и ее вырвало на постельное белье. Она почувствовала, что руки жжет как огнем.

В испуге она хотела откинуть одеяло и встать, но это оказалось ей не под силу.

Она вся закоченела и покрылась липким потом, зато руки горели и еще нестерпимо жгло в горле.

«Что это со мной?» — ужаснулась она. Сердце рвалось из груди, не хватало воздуха.

Она заставила себя встать, но ноги не послушались ее. Она свернулась на полу, беспомощно протянув руку к телефону, стоявшему рядом на столике.

Она открыла рот, чтобы позвать на помощь, но захлебнулась отвратительной, зловонной желчью, заполнившей рот и капавшей из носа на розовую ночную рубашку...

В половине девятого вечера Гарри Льюис вышел из своего кабинета и в лифте, обитом красным бархатом, спустился на второй этаж, не забыв кивнуть молоденькому лифтеру.

Загорелый юноша в чистой и отутюженной темно-зеленой с бежевым форме Казино, в белых хлопчатобумажных перчатках, светясь от радости, что его узнали, благодарно склонил голову.

Это был любимый час Льюиса, когда Казино начинало оживать. Больше всего ему нравилось выходить на просторный балкон и смотреть вниз, на террасу, где выпивали, разговаривали, отдыхали его клиенты, перед тем как заполнить ресторан и потом разойтись по игорным комнатам.

— Мистер Льюис...

Льюис обернулся, удивленно подняв брови. Он не любил, когда ему мешали в эти дорогие для него мгновения, но при виде хорошенькой темноволосой девушки улыбнулся. Рита Уоткинс заведовала хранилищем. Вот уже пять лет, как она работала у Льюиса, и он убедился, что на нее можно положиться: Рита руководила своими подчиненными спокойно и деловито и тем облегчала их кропотливую работу.

— Это вы, Рита... Добрый вечер. Что-нибудь случилось?

Вопрос он задал машинально. Рита обращалась к нему, лишь когда не могла принять решения самостоятельно, а такое случалось редко.

— Мистер Льюис, я недосчиталась одной девушки,— ответила она. Он пригляделся к ее опрятному черному платью и задумался, во сколько оно ей обошлось. Такой уж Льюис был человек. До всего ему было дело.— Не вышла на работу Лана Эванс.

— Да? Заболела?

— Не знаю, мистер Льюис. Час тому назад я позвонила ей домой, но там не отвечают. Мне нужна замена. Можно, я возьму Марию Уэллс из главной конторы?

— Да, конечно. Передайте ей мою просьбу выручить нас,— улыбнулся Льюис.— Надеюсь, она не откажет...

Он улыбнулся, кивнул и отпустил ее. Это была мелкая неурядица, с которой, он знал, она справится. Когда Рита ушла, он еще раз оглядел нижнюю террасу и, убедившись, что все идет своим чередом, отправился в большой игорный зал...

Льюис переглянулся с одним из крупье, служившим здесь уже одиннадцать лет, толстым, прилизанным, с глазами навыкате. Тот с достоинством кивнул и лопаточкой придвинул стопку фишек к старушке, которая с восторгом протянула им навстречу толстые пальчики.

Льюис зашел в ресторан и переговорил с метрдотелем Джованни, которого он за немалые деньги переманил из лондонского отеля «Савой». В зале было несколько ранних посетителей из числа туристов, изучавших бесконечное меню, предложенное им учтивым главным официантом. Пройдет какой-нибудь час, и ресторан превратится в шумный и прожорливый человеческий муравейник.

— Все в порядке, Джованни? — спросил Льюис.

— В полном порядке, сэр.— Метрдотель вызывающе повел бровью. Самое предположение, что в его ресторане допустим непорядок, было оскорбительно.

Льюис просмотрел меню, которое дал ему Джованни, и кивнул.

— Превосходно. Завтра у нас ответственная ночь...

Льюис прошелся по ресторану и подметил, что на каждом столике стоит вазочка с орхидеями, искусно подсвеченными снизу. «Да,— подумал он,— Джованни умеет украсить стол, но интересно, во сколько это обходится». Ведь Гарри Льюис был человек практический.

Выйдя на террасу, он окунулся в гул разговоров и мягкую музыку оркестра и стоял в задумчивости, пока его не приметил главный бармен. Фред, невысокий, плотный, едва начинающий стареть, направился к хозяину с довольной ухмылкой на багровом лице.

— Горячая ночка предстоит, сэр,— сказал он.— Выпьете чего-нибудь?

— Пока нет, Фред. Горячая ночка предстоит завтра.

— Это точно. Ну, да справимся.

Углядев поднятые руки клиентов в другом конце террасы, он поспешил на зов.

Убедившись, что заведение работает без сбоев, Льюис вернулся в кабинет. Перед тем как перекусить здесь же, за своим рабочим столом, ему нужно было ответить на несколько писем. Он и не подозревал, что на террасе за ним наблюдал Джесс Чандлер, который сидел один за дальним от оркестра столиком, потягивал виски с содовой.

Чандлер чувствовал себя не в своей тарелке. К плану Мейски вроде бы не придерешься, но его тревожила грандиозность замысла. А теперь, проведя около часа на террасе, понаблюдав, присмотревшись ко всем этим людям, таким высокомерным и самонадеянным в своем богатстве, к вездесущим охранникам с увесистыми револьверами на боку, ощутив дух сплоченности, витавший в Казино, Чандлер увидел, что здесь настоящая крепость миллионеров, ее неприступность отпугнет хоть кого, и всякий, кто задумает ограбление, рискует обломать себе зубы...

Чандлеру вдруг опротивела вся эта роскошь, он заплатил по счету и прошел в игорные комнаты. На мгновение он остановился и огляделся вокруг, заметив у лифтов для доставки денег из хранилища и обратно четверых охранников в форме. Охранники были молодые, грозные на вид и держали ухо востро. Скорчив недовольную мину, он пересек изысканно украшенный холл и востребовал в регистратуре свой паспорт.

Спускаясь по широкой, пологой лестнице в сад Казино, он увидел идущего навстречу Джека Перри в смокинге, с сигарой в зубах. Чандлер поспешил свернуть на узкую тропинку, которая вела к морю.

Мейски велел всем — кроме Уоша, конечно,— побывать в Казино и, так сказать, сориентироваться на местности. Вот Перри и явился, однако Чандлер не имел ни малейшего желания встречаться с ним.

Сойдя вниз по длинной лестнице, он оказался на широкой набережной, тянувшейся вдоль закрытого пляжа Казино.

Из сумрака навстречу ему вышла девушка. На ней белело платье с широкой юбкой в оборках и с узором из роз. Она была очень загорелой и соблазнительной. Темные волосы обрамляли лицо и спускались до плеч. В руке она несла гитару.

Она ничем не походила на богатых сучек в Казино и к тому же смутно кого-то напомнила Чандлеру, поэтому он замедлил шаг и улыбнулся ей. Она остановилась и пригляделась к нему. В волосах сверкнула отсветом уличного фонаря дешевая заколка с фальшивыми бриллиантами.

— Привет, Джесс...

Чандлер вздрогнул от неожиданности, но тотчас успокоился...

— Привет, детка,— ответил он с очаровательной улыбкой.— Недурную фигурку ты вдела в свое платье.

Она рассмеялась.

— Два года назад почти на этом же месте ты сказал мне в точности то же самое... да куда тебе вспомнить.

И тут он вспомнил. Два года назад он приехал в Парадиз-Сити, потому что его приятелю пришла в голову бредовая идея: войти в Казино с десятью вооруженными людьми и обчистить столы.

Чандлер сразу заявил, что он в такие игры не играет, ну, его приятель поостыл и пошел на попятный.

Чандлеру тогда понравилось в Парадиз-Сити, и он остался на недельку. И вот, гуляя как-то вокруг Казино, он повстречал эту девушку. Он даже вспомнил, как ее зовут: Лолита (одно имя чего стоит!) Серавеш. Она была родом из Бразилии и перебивалась с хлеба на воду, выступая со своей гитарой в дешевеньких ресторанчиках. Но Чандлер ценил в ней волнующее своеобразие любовных ласк. Отведать их ему не составило труда. Они посмотрели друг другу в глаза и ощутили внезапное притяжение, а минут десять спустя уже лежали в объятиях друг друга на теплом песке, позабыв обо всем на свете, кроме своей страсти.

— Здравствуй... Лолита,— обрадовался Чандлер.— Это самый счастливый миг в моей жизни. Пойдем же туда, где нам не будут мешать... Давай сходим к морю, проверим, нагрелся ли песочек. Детка... если б ты знала, как я рад видеть тебя.

— Догадываюсь,— ответила Лолита, идя за ним.— Взаимно. Я тоже рада видеть тебя.

Уошингтон Смит прикурил очередную сигарету. Он сидел у раскрытого окна в тесном и душном домике в мотеле «Добро пожаловать». Мейски предупредил, чтобы Уош не показывался на улице до десяти часов вечера, когда тому была назначена встреча в его бунгало. Уош не перечил. В этом городе негру в обносках не дадут спокойно пройти по улице. Начнут приставать с вопросами. Полицейские станут качать права. Прохожие будут глазеть с тем презрением, с каким только белые богачи могут глазеть на негра.

Миш Коллинз лежал на кровати, изучая схему электропроводки в Казино. Он заехал за Уошем на машине, которую взял напрокат. До выезда к Мейски у них оставалось еще полчаса.

— Миш, что ты собираешься делать со своей долей? — обернувшись, спросил Уош.

Миш отложил чертежи. Он взял сигарету и закурил.

— Эх... триста тысяч! Не слабо, а? Я уже строил разные планы. Куплю себе яхту... Здорово: плывешь себе, когда хочешь, остановился, подружка надоела, нашел другую, жратва вкусная. Вот такая жизнь по мне.— Он повернулся на бок, чтобы видеть Уоша.— Ну, а ты?

— Я всегда хотел стать врачом,— ответил Уош.— Часть денег пойдет на учение, а на остальные куплю практику в Нью-Йорке.

— Ну ты даешь!— удивился Миш.— Думаешь, у тебя получится?

— Конечно. С деньгами, и если поставить себе цель, всего можно добиться.

— Оно верно... да ведь сколько учиться! Дудки! Мне такого даром не надо. Уош, а баба тебе не нужна?

— Я жениться хочу и обзавестись семьей, но с этим придется обождать.— Уош выпустил дым через свой расплющенный нос.— Слушай, а мы не засыпемся?

— Вот еще! У Мейски котелок варит что надо. Конечно, не засыпемся... даю слово. Я бы и не стал втравлять тебя в это дело, если б сам не был уверен.

Уош снова повернулся к окну, а Миш, задумчиво поглядев ему в спину, взялся за чертежи, но так и не смог сосредоточиться. С этим черномазым не соскучишься. Неужели он воображает, что кому-то взбредет в голову лечиться у такой мартышки?.. Да и за каким чертом, имея в кармане деньги, вкалывать врачом? Вот где зарыта собака. Вот что не стыкуется с его отношением к жизни. Он же знает: врач бегает с высунутым языком, не ведает ни минуты покоя, выезжает по ночным вызовам, сидит в унылом кабинете, выслушивая жалобы разных хануриков, которых в пору закопать,— ничего себе занятие для человека, имеющего в кармане триста тысяч!

Он отложил чертежи и снова посмотрел Уошу в спину. Потом мотнул головой и пожал плечами. «Да ну его к черту! Какое мне дело?»

Спустя полчаса оба вылезли из машины Коллинза с чемоданами в руках и по узкой дорожке подошли к дому Мейски. В зашторенных окнах горел свет, и, как только Миш позвонил, дверь тотчас отворилась.

Мейски впустил их в дом.

— Надеюсь, пока все в порядке,— сказал Мейски, проводив Коллинза и Смита в маленькую гостиную с обшарпанной мебелью. Джек Перри был уже там, он развалился в единственном удобном кресле, в зубах у него дымила сигара. Вновь прибывших он приветствовал безразличным кивком.

Мейски прошел к столу, на котором стояли бутылка виски, стаканы и ведерко со льдом.

— Чандлер еще не приехал,— сказал Мейски,— но мы можем начать без него...

Раздался звонок, и Мейски вышел. Он открыл дверь и вернулся с Чандлером, который также привез с собой чемодан.

Чандлер вошел в комнату, кивнул всем, поставил чемодан на пол и взял предложенное ему виски. С одного взгляда Мейски понял, что тот был с женщиной. Об этом достаточно красноречиво говорило довольное, умиротворенное выражение его смазливого лица. Однако Мейски ничуть не встревожился. Он вполне доверял Чандлеру и знал, что тот ничего не выболтает, даже женщине.

— Есть одна важная подробность,— сказал Мейски, присев на край стола,— о которой я забыл упомянуть вчера вечером. Когда Джесс и Уош попадут в хранилище, они увидят пачки с банкнотами по пять, десять, двадцать, сто и пятьсот долларов. Брать будете только пятисотдолларовые пачки. Коробка не такая уж вместительная, а денег нужно унести как можно больше. Но еще вы должны до отказа набить карманы пятидолларовыми пачками. На эти деньги нам придется жить недели три, а то и все шесть. Я все-таки не совсем уверен, может, пятисотдолларовые банкноты у них и переписаны. Так что, пока не кончится шухер, мы должны тратить только пятерки... понятно?

— Переписаны? — Это очнулся Миш.— Ты думаешь, они переписывают номера крупных банкнотов?

— Не знаю. Вряд ли, но лучше не рисковать. Пока не уляжется переполох, мы не истратим ни единой пятисотенной бумажки.

Все четверо кивнули.

— Так, с планом вы знакомы, и у вас было время подумать. Какие есть предложения? — Склонив голову чуть набок, Мейски выжидательно огляделся вокруг...

— Может, нам пройтись по всему плану? — сказал Чандлер.— Ведь тут нужна точность. Зачем Коллинзу отключать кондиционер?

— При низкой температуре газ не действует. То есть, конечно, действует, но не так быстро. Нельзя, чтобы в помещении было прохладно.

— Насчет времени... Если Миш начнет в половине третьего, не слишком ли это впритык?

— Верно.— Мейски подошел к секретеру и достал лист бумаги.— Я переделал расписание. У каждого будет по экземпляру. Здесь все написано. Только сначала мне хочется, чтобы вы примерили форму.

Через десять минут Чандлер, Перри и Уош облачились в форму технического персонала Ай-би-эм; спецовки сидели как влитые. Миш надел форму энергоуправления Парадиз-Сити.

— Да, смотрится очень хорошо,— придирчиво оглядев их, заключил Мейски.— Теперь я покажу вам грузовик...

Он провел их через кухню в двойной гараж, где рядом с «бьюиком» стоял маленький грузовичок. К обоим бортам были приделаны рекламные щиты с жирными красными буквами на белом фоне: «Ай-би-эм. Лучшие калькуляторы в мире. Доставка и обслуживание круглые сутки».

— Это ты сделал? — с неподдельным восхищением спросил Миш.

— Да... Пожалуй, я могу утверждать, что у меня получается почти все, за что бы я ни взялся,— ответил Мейски, явно довольный собой.— На приборной доске я смонтировал устройство, с помощью которого можно в один миг сбросить эти щиты. Не следует забывать, что, когда об ограблении станет известно, за грузовиком начнется охота и нам придется избавляться от рекламы.— Он распахнул дверцы в задней части крытого кузова. Вдоль одного из бортов тянулась длинная скамья.— Тут всем хватит места, кроме Коллинза, конечно, он-то поедет на своей машине. Я поставил еще одну штуковину для смены номерных знаков из кабины. Они тасуются, и на месте старых появляются новые.— Он показал, как меняются номерные знаки, потом с видом продавца добавил:— Я нашел в миле от Казино безопасное место, где мы бросим грузовик. Там пересядем в мою машину.— Он обратился к Чандлеру:— Попрошу вас завтра утром поехать туда со мной; я оставлю там свою машину, а вы отвезете меня обратно. Чем быстрей мы избавимся от грузовика, когда деньги будут уже при нас, тем лучше.— Мейски молча оглядел всех четверых, потом вежливо спросил:— У вас есть вопросы?..

— Вы не можете сказать наверняка... всякое случается,— откликнулся Чандлер.— Вдруг мы не попадем в хранилище.

Мейски пожал плечами.

— В таком случае останемся без денег... только и всего. Но я уверен, что вы попадете в хранилище.

— А если мы доберемся до денег, а кто-нибудь поднимет тревогу?

— Тревоги никто не поднимет, потому что Миш отключит сигнализацию.

Чандлер помялся. Он искал уязвимые места.

— А если к нам прицепится какой-нибудь охранник?

— Тогда им займется Джек.

Наступило долгое молчание, потом Чандлер спросил:

— То есть он убьет охранника?

— Послушай, корешок, — тихо, с насмешкой произнес Перри, — пусть у тебя не болит голова за других. У тебя своя работа... а у меня своя.

— Мы возьмем на этом деле по триста тысяч,— сказал Мейски.— Лес рубят — щепки летят...

— Я не желаю, чтоб мне пришили мокрое дело,— сказал Чандлер. Лицо его покрылось испариной.

— Тогда какого хрена ты здесь околачиваешься? — спросил Перри.— Послушай, корешок, ты уже вырос из пеленок. Делай, что велят, и не распускай нюни.

Снова наступило молчание, потом, вспомнив, какие деньги светят ему, Чандлер пожал плечами.

— Ну, ладно... молчу...

Тут Миш спросил дрогнувшим голосом:

— А если и вправду засветимся? Что тогда делать-то?

— Не засветимся, но я согласен, мы должны знать, что делать,— ответил Мейски.— Во всех случаях мы возвращаемся сюда... если с деньгами, то делим их и разбегаемся... если без денег, все равно разбегаемся, но давайте условимся, что этот дом — он вполне безопасный — будет местом нашей встречи.

Чандлер колебался, но отступать было поздно. Он не испытывал особого воодушевления и смертельно боялся Перри, однако мысль о деньгах подтолкнула его к согласию.

— Ладно... форма в порядке... грузовик в порядке... перейдем к расписанию.

Мейски улыбнулся.

— Конечно.

Он провел их обратно в дом.

Глава 3

Жарким субботним утром в однокомнатной квартире Ланы Эванс трижды подолгу звонил телефон...

Первым позвонил дружок Ланы Терри Николс. Он с раздражением слушал ровные, безответные гудки. Ему было доподлинно известно, что Лана не встает раньше десяти. Не может же она спать, когда над ухом разрывается телефон! В воскресенье у нее выходной, и он хотел назначить ей свидание на вечер. Возле будки его ждали двое сокурсников и все время показывали сквозь мутное стекло на часы. Вот-вот должна была начаться первая утренняя лекция. Со свойственной молодым театральностью они открыли затейливый обратный счет, и когда наконец досчитали до нуля, разразилась немая сцена отчаяния. Терри с грохотом бросил трубку и кинулся с ними по коридору в аудиторию.

В одиннадцать часов из Казино позвонила Рита Уоткинс. Она послушала длинные гудки и, озабоченно нахмурившись, повесила трубку.

В половине второго Терри, уплетая сандвич, снова попробовал созвониться с Ланой и снова безуспешно и решил, что она, видно, загорает на пляже. Он разозлился и больше не звонил. В начале третьего еще раз позвонила Рита Уоткинс. От Марии Уэллс в хранилище не было никакого проку. Это и понятно. Работа у них точная, и делать ее надо быстро. У Марии просто не хватает опыта. При одной мысли, что опять придется мучиться с ней ночью, когда будет запарка, Риту охватывал ужас. Нужно было непременно разыскать Лану Эванс.

«Что же могло случиться?» — недоумевала Рита, положив трубку. У нее было часа два свободного времени, и она решила поехать к Лане домой и все разузнать.

Многоквартирный дом, где жила Лана, принадлежал миссис Мавдик. Это была полная женщина, выкрашенная в жгучую брюнетку, с необъятным, расплывающимся бюстом, который она подвязывала замызганной шалью...

— Она на третьем этаже. Видела ли ее? Нет... У меня без нее дел полно. Я вообще жильцов не вижу, если они ко мне не заходят. А что за суматоха такая?

— Никакой суматохи. Я пыталась ей дозвониться... она не отвечает.

Расплывающийся бюст миссис Мавдик заходил ходуном. Ее мучила одышка.

— Она же не обязана подходить к телефону, правда?

Рита поднялась по лестнице и позвонила в квартиру Ланы. Под дверью стояла бутылка молока и лежала газета «Парадиз-Сити геральд». Она подождала, позвонила еще, потом, расстроенная, спустилась вниз.

Миссис Мавдик по-прежнему подпирала дверь своим грузным телом.

— Ее нет,— сказала Рита.

Миссис Мавдик осклабилась. Длинные желтые зубы придавали ее лицу сходство с лукавой лошадиной мордой.

— Что ж... один раз живем,— с трудом просипела она.— Девочки любят мальчиков... меня это не касается... я и в голову не беру, когда жильцы не приходят домой.

Рита с отвращением посмотрела на нее и вышла на палящий зной к своей машине.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

Библиотека зарубежного детектива

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

РОМАН

Детектив второго класса Том Лепски слыл самым жестким офицером в городской полиции. Высокого роста, жилистый, с голубыми как лед глазами на изборожденном глубокими складками, загорелом лице, в котором проглядывало что-то ястребиное. Он был не только жестким, но и честолюбивым.

В семь часов он вошел в здание полицейского управления в смокинге с иголочки, в алой бабочке и черных туфлях из телячьей кожи.

Чарли Тэннер обомлел.

— Да провалиться мне на этом месте, если это не наш Том, расфуфыренный, точно кинозвезда! — воскликнул он...— Куда это ты намылился?

— Спроси шефа... если он сочтет нужным, то сам расскажет... может быть,— ответил Лепски и, прошествовав игривой походкой через дежурную комнату, поднялся по лестнице в кабинет Террелла.

Террелл и Беглер оглядели его, изо всех сил стараясь не выдать своего изумления.

— Докладываю, сэр,— бесстрастно отчеканил Лепски.— Группа из пяти человек готова немедленно отбыть в Казино. Какие будут указания, сэр?

Мясистое лицо Террелла покрылось складочками от улыбки.

— Спасибо за службу, Том. А вы недурно принарядились.

— Очень впечатляет,— вставил Беглер.— Это все твое или взял напрокат?

Лепски насупился, и Террелл поспешно сказал:

— Какая разница? Ладно, Том, глядите в оба. Оружие при себе?

Лепски бросил недобрый взгляд в сторону Беглера, потом кивнул.

— Да, сэр...

— И послушай, Том,— сказал Беглер,— хоть ты и разоделся в пух и прах, но не воображай, что ты один из тех богатых бездельников, которые пришли поразвлечься. Чтоб ни капли спиртного и никаких девочек. Усвоил?..

— Есть, сэр,— процедил Лепски с каменным лицом.

— Хорошо, Том,— сказал Террелл,— ступайте. Надеюсь, вам не придется тревожить нас.

— Есть, сэр,— повторил Лепски и вышел из кабинета. Закрыв за собой дверь, он погрозил ей кулаком...

В полночь Гарри Льюис убрал бумаги со своего рабочего стола, закурил сигару и вышел из кабинета, спустился в лифте на первый этаж.

Пока вечер не принес никаких неожиданностей. Игра началась в половине одиннадцатого. Каждые пятнадцать минут к Льюису поступали сводки от крупье. Как и предполагалось, игра шла по-крупному, без оглядки. До сих пор Казино оставалось в выигрыше, однако была компания бразильцев, которая могла доставить неприятности. Льюис решил, что пора спуститься и понаблюдать за игрой.

Войдя в игорный зал, он заметил Лепски, зорко следившего за происходящим вокруг.

Льюис подошел к нему.

— Рад видеть вас здесь, Том,— сказал он, пожимая руку детективу...— Ваши люди здесь?

— На террасе, сэр. Они получили указание заглядывать сюда каждые десять минут. Вряд ли вас устроит, если здесь постоянно будет маячить наряд полиции.

Льюис рассмеялся.

— Оставляю это на ваше усмотрение, Том. Главное, приглядывайте за деньгами,— сказал он и, кивнув, пошел дальше...

Деньги, лежавшие на зеленых столах, были каплей в море по сравнению с теми деньгами, что постепенно скопились в хранилище. Игрокам не везло в эту ночь. Доллары тысячами текли в подвалы Казино.

Под прохладной сенью хранилища Рита Уоткинс руководила приемкой и отправкой денег.

По мере поступления денег девушки закладывали их стопками в электронную машину, которая сама сортировала банкноты по достоинству, пересчитывала их и выдавала итог на табло...

Деньги прибывали и убывали. Когда на Ритином столе загоралась под каким-нибудь номером красная лампочка, она отдавала распоряжение отправить деньги наверх и записывала номер стола в игорном зале, от которого поступило требование. Работать приходилось быстро, без передышки, и ни одной из девушек нельзя было замешкаться ни на секунду.

У стальной двери хранилища сидели, наблюдая за работой, двое вооруженных охранников.

Тот, что помоложе, длинноногий, поджарый, по имени Хэнк Джефферсон, чуть не выл от скуки на своем табурете.

Его напарник Бик Лодри был постарше, плотно сбитый и уже слегка лысоватый. Он с большим удовольствием глазел на девушек, витая в эротических облаках, и радовался, что у него самая непыльная работа на свете.

За стальной дверью начинался длинный коридор, который вел к служебному входу в Казино. У этого входа, расположенного с тыльной стороны здания, куда каждое утро подъезжали грузовики с продуктами для ресторана, сидел вахтер.

Вахтеру Сиду Ригану был шестьдесят один год. Тридцать восемь лет проработал он в Казино. Это был невысокого роста, толстый и неповоротливый добряк с веснушчатым лицом, редеющими седоватыми волосами и маленькими веселыми глазами. Молодые из обслуживающего персонала окрестили его старым болтуном и занудой. Он всегда умудрялся залучить в свои сети какого-нибудь простака, который вынужден был стоять, переминаясь от нетерпения с ноги на ногу, пока тот живописал в красочных подробностях славное прошлое.

Этот неуклюжий пожилой человек, прилежно исполнявший свои обязанности, честно отслуживший долгие годы, олицетворял собой грубую оплошность Гарри Льюиса в расстановке людей. Риган работал на очень ответственном участке: он следил, чтобы мимо его стеклянной будки не прошел никто из посторонних без внушающего полное доверие документа. Прислушиваясь к досужим разговорам, Мейски выяснил, что Риган любит поступать по своему усмотрению. Ему не нравится, когда им помыкают. Мейски решил сыграть на этой черте Ригана и не ошибся.

Когда Риган увидел, как у служебного входа остановился грузовичок с хорошо знакомыми буквами Айби-эм, это его озадачило, но не насторожило. Он решил, что случилась поломка, а в дирекции забыли сообщить ему.

Мейски хорошо натаскал Чандлера. Тот подошел к стеклянной будке, сдвинул на затылок свою форменную шапку с длинным козырьком и кивнул Ригану.

— У вас поломка в хранилище. Вот непруха! Как раз я по телеку смотрел музыкальную киношку, и тут вызов. Выбрали времечко! — Он протянул Ригану квитанцию на доставку.— Только давай, отец, без волокиты. Тебя ведь предупредили?

Мейски внушил Чандлеру обязательно задать такой вопрос. Часто бывая в Казино, он наблюдал за Риганом. Он видел, как тот останавливает людей, разговаривает с ними, а они не знают, куда от него деваться. Мейски пришел к верному заключению, что Риган воображает, будто на нем сошелся свет клином, и что он в жизни не сознается, будто ему неизвестно о таком важном событии, как поломка калькулятора в хранилище.

На мгновение Риган засомневался, не позвонить ли для верности в дирекцию, потом, вспомнив, что дирекция закрыта, и чувствуя обиду за то, что с ним не посоветовались, он взял квитанцию, сдвинул очки на кончик носа и проверил ее. Все было оформлено, как положено.

— Так... так,— протянул Риган, возвращая очки на место и глядя на Чандлера.— Мне все известно. Вас ждут, сынок. Заносите.— И он шлепнул на квитанцию печать; эта печать служила пропуском в запретную зону.

Тут из грузовика вылез Уош, а следом за ним — Перри. Пока Уош и Чандлер выгружали из кузова большую коробку, Перри подошел к стеклянной будке Ригана.

— Здорово, приятель,— сказал он, зажав в тонких губах сигарету.— А не твоя ли фотография была в газете на прошлой неделе?

Риган приосанился и снял очки.

— Моя. Видел, да? Правда, снимок старый, но вроде бы я не очень изменился. Просидел в этой будке тридцать восемь лет.

— Да ну! — Перри изобразил на своем толстом лице должное изумление.— Тридцать восемь лет! Подумать только! Я-то всего три года, как живу в этом городе. А тебе небось всякое довелось здесь повидать.

Риган клюнул, как форель на муху.

Чандлер и Уош уже прошли мимо него и несли коробку по коридору.

— Повидать? — Риган закурил сигарету, которой угостил его Перри.— Еще бы. Я помню...

За двадцать пять минут до того, как у служебного входа остановился грузовик, к Казино на своей машине подъехал Миш Коллинз; он повесил через плечо ящик с инструментами, вылез и оглядел освещенный парадный вход.

При появлении Коллинза важный швейцар в темно-зеленой с бежевым форме принял грозный вид. Этому здоровенному толстяку в спецовке было, по разумению швейцара, совсем не место перед роскошным фасадом Казино.

Но не успел он возмутиться, как Миш дружелюбно улыбнулся и сказал:

— У вас авария. К нам поступил срочный вызов от мистера Льюиса. Похоже, где-то замыкает.

Швейцар молча уставился на него.

— Не слыхал про это,— наконец проговорил он.

— Слушай, папаша,— неожиданно строго сказал

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

Миш,— а мне какое дело? У вас авария. По мне пусть хоть вообще свет погаснет, но я приехал по вызову и не знаю уж, кто там звонил, только он писал кипятком. Покажешь, где предохранители?

Швейцар поморгал, потом вдруг представил, что случится, если Казино останется без света. Его прошиб холодный пот.

— Конечно... я покажу... идем со мной.

Коллинзу пришлось чуть ли не бегом поспевать за швейцаром по узкой аллее, обсаженной апельсиновыми деревьями, которые пригнулись под тяжестью плодов, к железной двери в стене. Швейцар вынул ключ и отпер дверь...

— Ремонтируй,— сказал он.— Через десять минут я вернусь.

— Не торопись. Здесь возни на полчаса, не меньше.

— Ну, ладно, только дождись меня. Не уходи, пока не вернусь.— И швейцар заспешил прочь.

Миш ухмыльнулся. Он осмотрел предохранители, быстро определил, какой из них замыкает цепь калькулятора. До назначенного времени оставалось еще несколько минут. Он закурил сигарету и открыл ящик с инструментами.

Он был совершенно спокоен и уверен в успехе.

Бик Лодри почувствовал, как пот струйкой сбежал по носу и капнул на руку.

— Эй! Что-то стало жарковато, а? — проговорил Бик. Потом нехотя встал с табурета, подошел к кондиционеру и приложил руку к решетке. Вентилятор гнал горячий, влажный воздух.

— Сломалась, чертова железяка,— объявил он.

Девушки трудились не покладая рук. Поток начал поворачиваться вспять: игрокам все-таки улыбнулась удача.

У Риты платье прилипло к телу, но она не могла даже поднять головы от поминутно вспыхивающих красных лампочек. Поглощенная работой, она только успела нетерпеливым жестом показать Бику, чтобы тот занялся кондиционером.

Бик по своему обыкновению беспомощно обернулся к Хэнку. Если ему поручали хотя бы самое пустячное дело, он всегда норовил свалить его на другого.

В дверь громко постучали, и в тот же миг стал тише, а потом и вовсе смолк ровный гул счетной машины.

— Тьфу ты! — воскликнула Рита.— Теперь испортился калькулятор!

Девушки замерли. Они вдруг почувствовали, какая в хранилище духота. Деньги, частью запечатанные, частью непросчитанные, теперь лежали неподвижными грудами.

В дверь снова постучали.

Раздраженно пыхтя, Хэнк встал с табурета и открыл зарешеченное окошечко в двери. Он увидел высокого, симпатичного парня в форменной шапке с желто-черной эмблемой Ай-би-эм.

— Ну?

— Привезли калькулятор,— выпалил Чандлер.— Ваш-то вроде сломался?.. Мы по вызову мистера Льюиса...

Подошла Рита и взяла квитанцию у Хэнка. Она увидела печать, поставленную Риганом, и успокоилась.

— Ради всего святого! Впусти их! Нам нужна исправная машина,— распорядилась она и снова кинулась к своему столу, на котором мигали красные огоньки.

Хэнк отпер дверь.

— Ладно... входите.

В помещении было нечем дышать.

— Мисс Уоткинс,— пожаловалась одна из девушек,— нельзя ли что-нибудь сделать? Здесь так душно...

— Хорошо... хорошо,— бросила Рита.— Потерпите минуту...

Чандлер и Уош оказались в хранилище. Они поставили свою большую коробку на стол. В тот же миг Миш, сделавший все с точностью до секунды, вставил на место предохранитель из цепи кондиционера. Недовольно поурчав, тот снова заработал.

— На тебе! — всплеснула руками Рита.— Теперь включился.

Чандлер был натянут, как струна, но руки у него не дрожали; он приоткрыл крышку коробки. Мейски позаботился о том, чтобы она открывалась легко. Чандлер запустил руку в коробку... нашел пистолет. Он выхватил его из коробки и отскочил от стола. Уош хорошо заученным движением пригнулся, открыв Чандлеру зону обстрела. Он вытащил из коробки противогаз и трясущимися руками натянул его на себя.

— Никому не двигаться! — заорал Чандлер.— Это налет. Поняли? Никому не двигаться!

Хэнк стал как вкопанный, у него округлились глаза при виде Уоша, который стремительно обернулся к нему уже в противогазе и с пистолетом в руке. Бик так и остался сидеть на своем табурете, его толстая физиономия застыла в смятении. Он медленно поднял руки над головой.

Рита невозмутимо протянула ногу под своим столом, нашарила скрытую там кнопку и нажала ее. Но ей было невдомек, что Миш вывернул предохранитель из цепи сигнализации.

Ругаясь про себя последними словами, Чандлер с трудом, но все же натянул противогаз, пока Уош держал охранников на прицеле. Затем он с силой ударил головкой газового баллончика по столу.

Результат ошеломил его. Баллончик запрыгал в руке. Комната наполнилась клубами белого пара. Чандлер выронил баллончик и отшатнулся. Хэнк оказался как раз в середине облака, вырвавшегося из баллончика. Ноги под ним подогнулись, как пластилиновые, он повалился и чуть не сшиб Чандлера. Затем наступила очередь Риты Уоткинс, также сидевшей поблизости. Почти одновременно потеряли сознание другие девушки. Последним свалило Бика Лодри...

Некоторое время Чандлер завороженно смотрел перед собой сквозь стекла противогаза, испытывая дурноту и страх, потом, видя, как Уош загребает

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

аккуратно запечатанные пачки денег, взял себя в руки и присоединился к нему.

В безумной спешке они скоро набили коробку доверху...

— Все... смываемся отсюда! — донесся из-под противогаза его глухой голос.

Уош показал на полку с пятидолларовыми банкнотами. Чандлер начисто забыл об указании Мейски. Он подскочил к полке и распихал несколько пачек по карманам брюк и куртки. Уош сделал то же самое.

Они подхватили коробку, которая оказалась неожиданно тяжелой, распахнули стальную дверь и выбрались в коридор...

В другом конце коридора, заслонив от Ригана широкой спиной дверь в хранилище, Перри слушал байку старика об игроке, который спустил все деньги, а на следующий кон предложил поставить свою любовницу.

Перри оглянулся через плечо.

— Ну, кажется, ребята закончили,— сказал он.— Рад был поболтать... спасибо. Занятно ты рассказываешь. Пойду открою грузовик.

Перри вышел в душную, безветренную ночь и распахнул дверцы кузова.

Мейски, обмиравший от каждого шороха, услыхал, как открыли кузов, и завел машину.

Риган поправил очки и взглянул на проходящих мимо Чандлера и Уоша.

— Увозим старый аппарат... сдох,— объяснил взмокший под тяжелой ношей Чандлер.— У них теперь порядок... пока, мистер.

Риган кивнул.

— Пока, сынок.

В это время начальник охраны Майк О'Брайен решил заглянуть в хранилище. Он появился из темноты в тот миг, когда Чандлер и Уош загрузили коробку в кузов.

— Что происходит? — спросил О'Брайен.

Краем глаза Чандлер успел заметить, как Перри растворился в сумраке, а Уош медленно отступил назад.

Чандлер был в достаточной мере профессионалом и сразу сообразил, что теперь все зависит от него. Не дрогнув, он состроил слегка удивленную мину.

— Поломка, приятель. Меняли сейчас калькулятор в хранилище.— Чандлеру не очень понравилась хрипотца, появившаяся в его голосе.— Распоряжение мистера Льюиса.— Он захлопнул вторую дверцу.— Везет как утопленнику! Выбрал времечко ломаться.

— Стой! — рявкнул О'Брайен.— Откройте. Я хочу проверить кузов.

— Знаешь что, приятель, а я хочу домой. Ну, да ладно, проверяй.— И он открыл одну створку.

— Что в коробке?

— Калькулятор... тот, что сломался,— ответил Чандлер, чувствуя, что опять взмок.

— Пропуск на выезд есть?

— А то как же... старик на вахте выдал.— Чандлер ткнул большим пальцем в сторону будки.

— Я хочу посмотреть, что в коробке. Откройте.

Перри, слышавший разговор, вынул свой кольт. К его короткому стволу был привинчен четырехдюймовый глушитель.

О'Брайен подался вперед и повернул широкую спину к Перри. У Уоша сжалось сердце. «Идиот! — пронеслось у него в голове.— Добросовестный идиот! Хоть бы он отпустил грузовик!»

Мейски, ловивший каждое слово, выжал сцепление и плавно перевел рычаг на скорость.

Как только О'Брайен потянулся к коробке, Перри поднял револьвер и нажал курок. Пуля калибра 0,38 дюйма прошила О'Брайену грудную клетку и разорвала на части сердце.

Мейски отпустил педаль сцепления, грузовик рванул с места.

На мгновение Перри замер... Из дула поднялась струйка дыма... Потом он прицелился и выстрелил еще раз. Пуля угодила в заднюю дверцу грузовика, которая закрылась от рывка.

Сид Риган остолбенел при виде упавшего О'Брайена, но уже в следующий миг с невиданной для человека своего возраста прытью нырнул под стол. Негнущимися пальцами он схватил револьвер и нажал на курок. В замкнутом пространстве оглушительно громыхнул выстрел...

Перри тотчас обернулся и прицелился, но его кровожадному намерению помешал отчаянный голос Чандлера.

— Смывайся! Быстро! — крикнул тот.

Сообразив, что в считанные секунды ко входу в хранилище сбежится вся охрана, Перри кинулся следом за ним.

Уош, дрожа от ужаса, вышел из тени и склонился над О'Брайеном. Его первым побуждением было помочь раненому. Он перевернул его. Свет из дверей упал прямо на мертвое лицо О'Брайена. Уош в нерешительности огляделся по сторонам. У него тряслись поджилки. Он видел только один путь к спасению — узкую апельсиновую аллею. Но не успел он сделать и шага, как из аллеи с пистолетом в руке быстро вышел Том Лепски. Уош растерялся и, позабыв, что сам держит в руке пистолет, бросился, охваченный паникой, навстречу Лепски.

Лепски выстрелил, и Уоша отбросило назад...

ГЛАВА 4

Начальник полиции Террелл приехал в Казино через двадцать минут после перестрелки.

Люди из отдела по расследованию убийств под командой Фреда Хесса уже приступили к работе. Судебный медик доктор Лоуис и еще два врача, которые были в Казино и предложили свои услуги, оказывали помощь четырем девушкам и двум охранникам, потерявшим сознание. Фотограф снимал трупы Майка О'Брайена и Уошингтона Смита. Сержант Беглер пытался взять показания у Сида Ригана. Старика до сих пор трясло. Говорил он так путано, что Беглер чуть не вспылил...

Едва Террелл вылез из своей машины, его встретил белый как полотно, но внешне спокойный Гарри Льюис.

— Они улизнули, прихватив почти всю наличность,— сказал Льюис.— Это катастрофа, Фрэнк. Завтра Казино придется закрыть.

— Наличность они, может, и прихватили,— хладнокровно заметил Террелл,— но не улизнули... пока еще. Позвольте, я разберусь что к чему. Не волнуйтесь.— И он отошел к Лепски, который ждал неподалеку.— Как это случилось, Том?

Лепски рассказал в двух словах. Он услыхал выстрел, кинулся к хранилищу, столкнулся с негром, тот повел себя агрессивно, пришлось стрелять.

Пока Террелл слушал доклад Лепски, его заметил Беглер.

— Ладно, передохните. Я сейчас вернусь. Только никуда не уходите,— сказал он Ригану и поспешил к своему шефу.

— Ну как, Джо?

— Старик всех видел, но он еще не в себе,— ответил Беглер.— С ним придется повременить, шеф. Как только он очухается, мы выясним у него приметы всех грабителей. Похоже, их было трое да еще водитель грузовика, который то ли струхнул, то ли натянул своим дружкам нос. Как только О'Брайен затеял проверку, тот газанул и был таков...

— Работай с ним дальше, Джо. Нам нужно поскорей получить словесные портреты всех грабителей...

— Есть, шеф.

Беглер вернулся к Ригану, а Террелл прошел по коридору в хранилище.

Доктор Лоуис стоял над четырьмя девушками, в беспамятстве лежащими на полу. Два других врача хлопотали вокруг Хэнка Джефферсона. Бик Лодри уже подавал признаки жизни.

— Ну как, док? — спросил Террелл, задержавшись на пороге.

— Все обойдется,— ответил Лоуис.— Это какой-то паралитический газ. Баллончик вон там, на полу. Я его не трогал.

Террелл внимательно оглядел хранилище. Он достал из кармана пластиковый пакет и осторожно закатил в него пустой баллончик из-под газа. В это время в хранилище вошел Гарри Льюис.

— Швейцар рассказал мне, что в щитовой без разрешения нашей администрации побывал электрик из энергоуправления. Говорит, он сослался на замыкание. Должно быть, из той же шайки.

Беглер снова мучился с Сидом Риганом.

— Давайте не будем лезть в дебри,— теряя терпение, сказал он.— Мне нужно знать...— Беглер умолк при виде идущих по коридору Льюиса и Террелла.— Я свихнусь от этого старикана,— обратился он к Террелу.— Его все время уводит в сторону.

— Позвольте, я попробую,— вмешался Льюис.— Вы держались молодцом,— заговорил Льюис, положа руку на плечо старику.— Спасибо вам. А теперь помогите полиции поймать этих людей. Опишите их. Я знаю, у вас фотографическая память. Сид, вы, как никто, схватываете детали, подумайте. Их было трое, так ведь?

У Ригана оживились глаза. Он кивнул.

— Ваша правда, мистер Льюис. Я их запомнил...— И тут он заговорил связно и с такой скоростью, что Беглер едва успевал записывать за ним.— Один низенький, толстый, седой как лунь. У него еще татуировка на левой руке...

— Рассказывайте. Сид, я сейчас вернусь,— похлопал его по плечу Льюис и, сделав знак Террелу, вышел на улицу, где по-прежнему стояла душная, безветренная ночь.

Выбравшись с территории Казино, Мейски сбавил скорость, но все же спидометр показывал не менее сорока миль в час. Ему были известны все ответвления, ведущие к морю,— настоящий лабиринт тесных проулков, которые он изучал не один месяц. Он проехал ярдов сто по широкому шоссе на Майами, потом свернул на узкую дорогу. Удалившись от шоссе, он щелкнул тумблером на приборной доске, и наземь с грохотом полетели бортовые рекламные щиты. Немного поддав газу, Мейски проехал еще около мили.

Все складывалось точно по плану. Он был уверен, что в Казино не обойдется без стычки. Не сомневался и в том, что возмутителем спокойствия будет О'Брайен, ибо наблюдал за этим охранником много ночей подряд и знал с точностью до минуты, когда тот придет в хранилище. Только поэтому он и взял на дело Джека Перри. Он хотел, чтобы Перри затеял перестрелку. Это давало ему шанс удрать, бросив остальных на произвол судьбы. Он как в воду глядел: что задумал, то и вышло.

Он вывел грузовик на слежавшийся песок безлюдного берега, где оставил свой «бьюик». «Надо торопиться»,— твердил он про себя, замечая, что весь взмок и запыхался.

Про это место было известно Чандлеру. Он ездил сюда с Мейски, чтобы потом, когда тот оставит «бьюик», отвезти его назад. Как знать, вдруг Чандлер улизнул, раздобыл машину и сейчас заявится в условленное место.

Мейски подал грузовик задним ходом к багажнику «бьюика». Он вылез из кабины, забежал в торец кузова и распахнул дверцы. Он наклонился вперед, ухватился за коробку и хотел было притянуть ее к себе.

Коробка не шелохнулась, точно приросла к полу. Он поднатужился. Коробка сдвинулась на несколько дюймов и снова стала намертво.

Мейски сделал передышку. С него градом лил пот, его трясло. Воздух был, как в парилке. Вдалеке еще виднелись пляжники: кто купался при луне, кто играл на берегу в мяч. Он вдруг испуганно поморщился от острой боли в груди и с горечью понял, что ему не перенести такую тяжесть в багажник «бьюика».

Он залез в кузов и открыл коробку... Потом начал с лихорадочной поспешностью перебрасывать деньги в открытый багажник «бьюика».

То и дело Мейски замирал и окидывал взглядом пустынный берег слева. Именно с той стороны следовало ждать Чандлера или Перри, а то и сразу обоих.

Вконец измотанный, опустошив коробку наполовину, он спрыгнул на песок и с неимоверным трудом перетащил ее из кузова в багажник «бьюика». После этого пришлось вынутые деньги снова укладывать в коробку. Одна пачка случайно выпала из рук. Бумажная ленточка порвалась, и внезапный порыв ветра отнес несколько ассигнаций к морю.

Мейски было кинулся вслед, но одумался, понимая, как опасно мешкать, захлопнул крышку багажника, сел за руль и включил зажигание. Нажал на педаль газа. Двигатель чихнул, но не завелся.

Мейски словно окаменел, руки его намертво вцепились в руль, пот заливал глаза. С великой осторожностью он снова нажал на педаль газа. Двигатель вздрогнул, крутанулся вхолостую и затих.

Мейски разразился бранью. Дурья башка, идти на такое дело и купить подержанную машину!..

Мейски выключил зажигание и достал из «бардачка» автоматический пистолет калибра 0,25. Опустил пистолет в карман пиджака, взял фонарь, вылез из машины и открыл капот. Уставился на скопище деталей, в которых ничего не смыслил. Подергал провода в надежде, что один из них оборвался, но только обжег руку о горячую головку цилиндра да испачкал черной смазкой манжету сорочки.

— Машина барахлит?

При звуках мужского голоса за спиной тщедушное тело Мейски так сдавило страхом, что его чуть не хватил удар.

— Знаете, наверное, масло заливает. Это от жары.

Мейски медленно обернулся.

Рядом стоял юноша лет девятнадцати, в плавках, высокий, очень загорелый, при лунном свете он казался почти черным.

— Похоже, я напугал вас. Извините. Вижу, у вас не заводится... я неплохо разбираюсь в машинах.

Мейски понимал, что хорошо виден юноше, так как стоит лицом к луне. Со своими молодыми глазами и молодой памятью этот юноша даст в руки полиции точное описание его внешности.

— Вы... очень... добры,— медленно проговорил он, стараясь перевести дух и ни за что не выдать юноше своего смертельного испуга.— Может, посмотрите, что там с ней?

Мейски протянул юноше фонарь и отступил назад. Он в очередной раз оглядел берег, нервничая оттого, что уходит драгоценное время, что каждую минуту могут появиться Чандлер, Перри или даже полиция. Еще его нервировали три пятисотенные, валявшиеся на песке у ног юноши. Он украдкой сунул руку в карман пиджака, вынул пистолет.

— У вас свечи грязные,— сказал юноша.— Тряпка найдется?

Юноша возился несколько минут, потом отступил в сторону.

— Попробуйте теперь.

— Может, вы сами? — попросил Мейски, отходя от машины.

Юноша сел за руль, включил зажигание и нажал на педаль газа.

— Порядок,— сказал юноша, вылезая из машины. Он вдруг поглядел под ноги и увидел на леске деньги.— Эй! Это ваши?

Юноша нагнулся за деньгами, и Мейски спустил курок.

Миш Коллинз закрывал ящик с инструментами, когда вдалеке послышался выстрел. Он вскочил как ошпаренный.

Засыпались! Оглянуться не успеешь, как набежит полиция и охрана. Он выключил свет в щитовой и торопливо зашагал по аллее.

Миш неторопливым шагом прошел под прожекторами, освещавшими фасад Казино. Оказавшись на несколько секунд в полосе ослепительного света, он ждал, что вот-вот раздастся окрик или прогремит выстрел.

«Что же там за переполох?» — думал он, утирая пот с лица. Полоса света внезапно кончилась, и он попал в тень.

— Не останавливайся. Я с тобой,— произнес знакомый голос.

Появился Чандлер и пошел с ним рядом.

— Что случилось? — спросил на ходу Миш.

— Заткнись! — огрызнулся Чандлер. Он был белый как смерть, глаза сверкали. В голосе слышались истерические нотки, от которых у Коллинза пробежала по телу нервная дрожь.— Пойдем к берегу! Да не беги ты!

Вскоре, подгоняемые пронзительным воем полицейской сирены, они вышли к набережной и спустились на пляж.

— Ну, что там за дела? — спросил Миш, срывая с себя форменную куртку. Он совсем запарился.

— Труба... теперь по мокрому пойдем,— ответил Чандлер, стараясь унять дрожь в голосе.— Этот козел Перри уложил охранника!

— А деньги?

Чандлер сделал глубокий, судорожный вдох. Его передернуло и затрясло при воспоминании о том, как Перри пристрелил настырного ирландца.

— Деньги взяли... Мейски надул нас... смылся вместе с добычей.

Миш, сузив маленькие глазки, пригляделся к Чандлеру.

— А чего это с тобой? Что ты такой дерганый?

Чандлер круто обернулся и схватил Коллинза за грудки.

— Ты что, оглох? Этот подонок Перри убил...

Миш тяжелой, толстой ручищей влепил Чандлеру пощечину.

— Будет, Джесс,— примирительно сказал Миш.— Поостынь. Пусть деньги у Мейски. Отлично... Я же говорил, у него котелок варит. За него не волнуйся. Перри выбрось из головы... ну, не повезло. Что с Уошем?

— Там был этот тип... старик... он пальнул. Чуть-чуть не продырявил меня. Мы разбежались кто куда.

Коллинзу это не понравилось, однако он рассудил, что и сам поступил бы так же.

— Ну, и сколько же у нас примерно денег?

— Нет у нас денег! Деньги хапнул Мейски! — взорвался Чандлер.— Только началась заваруха, этот гаденыш сразу отвалил!

— Да что ты мелешь? Чего же ты хотел... чтобы он стоял и ждал, пока у него отберут денежки?

Чандлеру не приходило в голову такое объяснение.

— Думаешь, так было дело? — спросил он с надеждой.— А я решил, он нас наколол.

— Вот еще! Мейски не такой человек. Я-то его знаю. Прикинь сам... вот начинается шухер, он знает, что вы как-нибудь разберетесь, а сам спасает денежки... рвет когти. И я бы так сделал.

У Чандлера немного отлегло от сердца.

— Да-а.— Для пущей уверенности он тряхнул головой.— Вообще-то, когда он газанул, я уж подумал...

— Так сколько же, по-твоему, вы взяли?

— Не знаю. Коробку набили под завязку. А сколько в нее вместилось, понятия не имею. Спешили. Пойдем-ка быстрей.— Он с опаской оглядел берег. На пляже было еще довольно людно.— Пропади пропадом эта форма...

— Да брось ты ее,— посоветовал Миш и снял рубашку защитного цвета.— Сделаем из штанов шорты, никто и не посмотрит в нашу сторону.

Он нашарил в кармане перочинный нож, обрезал штанины, затем передал нож Чандлеру, и тот проделал то же самое. После этого они закопали рубахи и обрезанные штанины в песке.

— Вперед,— скомандовал Миш.

Не спеша, словно прогуливаясь, они пошли к дому Мейски.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

Библиотека зарубежного детектива

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

РОМАН

Джек Перри вылез из спецовки и кинул ее за цветущий кустарник. Как только грузовик рванул с места, он с бесшумностью и проворством дикой кошки улизнул, но не по дороге, а через живую изгородь, по мягкой земле, прочь от Казино. Пробираясь между кустами и деревьями, он на ходу отвинтил от ствола глушитель и сунул его в задний карман. Он понимал, что старик рано или поздно даст полиции его приметы. «Надо было прикончить его»,— подумал он. Теперь предстояло самому добираться до бунгало Мейски.

Перри вышел к набережной, снял рубашку и забросил ее за дерево. Еще беспокоил револьвер. Его не так-то легко было скрыть от глаз. Минут через пять Перри свернул с набережной и побрел по песчаному пляжу. Здесь было тихо и безлюдно. Он вдруг замер, приметив под пальмой ярдах в ста маленькую спортивную машину. Рядом стояла девушка и натягивала поверх купальника тонкий свитер.

Перри метнул хищный взгляд вправо, влево — никого. Он двинулся вперед.

У машины он оказался в тот миг, когда девушка уселась за руль и захлопнула дверцу. Она испуганно поглядела на возникшего откуда ни возьмись Перри.

— Привет, милашка,— произнес он со своим обычным хихиканьем.— Сейчас мы с тобой немного покатаемся.— И он приставил к ее щеке холодный ствол револьвера.— Сечешь?

Он почти не видел лица девушки, только волосы, длинные, темные, мокрые. Лунный свет падал ей на грудь, обтянутую белым бумажным свитером, и Перри отметил про себя, что ему попалась бабенка хоть куда.

Девушка ахнула, и Перри посильней ткнул ее стволом.

— Не дергайся, киска. Если пикнешь, от твоей мордашки останется мокрое место.

Он обошел машину и сел рядом.

— Поехали... я покажу дорогу.

Трясущимися руками девушка нажала кнопку стартера и включила скорость. Маленький автомобиль вырулил с пляжа на дорогу, уходящую в сторону от набережной.

— А что же это такая красавица ходит на пляж одна? — спросил Перри.

Она не ответила. В стекле приборной доски поблескивало отражение револьвера, и ее передернуло.

— Не нужно так бояться,— сказал Перри. Его беспрестанное хихиканье еще больше пугало ее. Она в жизни не слыхала ничего отвратительнее.— Тебя как звать, детка?

Перри положил ей на колено горячую, потную ладонь. Она в ужасе отшатнулась от него. Машина вильнула, выскочила на травянистую обочину, потом вернулась на дорогу.

Перри с проклятиями просунул ногу к педалям и нажал на тормоз. Машина остановилась как вкопанная, двигатель заглох. Они оказались на узкой дороге под развесистыми деревьями. Домов поблизости не было.

Перри выключил фары. На дороге тускло желтели крохотные отсветы габаритных огней. Он взял девушку сзади за шею и слегка встряхнул ее.

— Что с тобой, детка... Боишься меня? — хихикнул он.

Девушка раскрыла рот. Внезапно, будто разжалась внутренняя пружина, она закричала. Перри толстыми пальцами перехватил ей горло, и крик оборвался. Тогда она в отчаянии, вне себя от страха начала вырываться, бить его маленькими кулаками по лицу и в грудь.

Ругнувшись, Перри уронил револьвер на пол, чтобы высвободить вторую руку. Куда ей было против его силищи! Левой рукой он сгреб ее кулачки, а правой — сдавил горло. Задохнувшись, она обмякла. Прикосновение стройного, полуобнаженного тела разбередило Перри, он нагнулся, открыл дверцу со стороны девушки и выпихнул ее на дорогу. Почти в обморочном состоянии она распласталась на присыпанной песком земле, а Перри вылез из машины и склонился над ней.

Она смутно сознавала, что он срывает с нее свитер и купальник...

Утолив похоть, он встал и пнул ее ногой.

— Подымайся, детка. Вперед будет тебе наука. Давай... подымайся,— нетерпеливо повторил он, нагнулся, ухватил за волосы и силой поставил на ноги. Она со стоном привалилась к нему, но он втолкнул ее головой в машину.

Ее нога коснулась револьвера. Не вполне отдавая себе отчет, она подняла револьвер. Тем временем Перри тяжело плюхнулся на соседнее сиденье. Она, всхлипнув, спустила курок.

Перри увидел вспышку, услыхал гром выстрела, и в следующий миг ему нестерпимо больно обожгло внутренности. Он сидел без движения, потрясенный, оцепеневший, разинув рот, и на его толстой физиономии выступили капельки холодного пота.

Он тупо смотрел, как девушка вывалилась из машины, поднялась и, нагая, кинулась прочь от тусклого света габаритных огней.

Кое-как ему удалось перебраться на сиденье водителя. Он завел двигатель и направил машину в кромешную тьму.

Мейски осторожно въехал на «бьюике» под навес. Он с трудом дышал и был не на шутку встревожен. Ноющая боль в груди обострилась. «Псих,— отругал он себя,— хотел сдвинуть неразгруженную коробку. Вот и надорвался». Он выключил фары.

Что ж, теперь надо отдохнуть. Здесь безопасно. Уж в этом сомнений нет. Легавым и в голову не придет искать его на этой поляне. Главное, добраться до пещеры, только не спеша.

Но когда Мейски открыл дверцу автомобиля и начал вылезать, у него потемнело в глазах от резкой боли, он упал обратно на сиденье.

Он замер в полулежачем положении, затаился, и боль постепенно утихла, словно хищник напал на него, куснул и отступил.

По всей вероятности, это был сердечный приступ, и тонкогубое его лицо оскалилось в бессильной злобе. Сколько потрачено сил, выдумки, сколько провернуто рискованных дел, какие опасности его миновали... И надо же случиться такому именно теперь, когда вот они, эти два миллиона, только протяни руку!

Больше часа просидел Мейски, не шелохнувшись, стараясь дышать ровно, боясь пошевелиться, чтобы не вызвать снова ту страшную боль. Он представил коробку с деньгами, запертую в багажнике. Придется бросить деньги в багажнике, и остается только наде-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

яться, что никакой случайный прохожий не заметит машину под навесом, а ему необходимо попасть в пещеру, там у него есть спасительная аптечка.

Мейски немного оправился от приступа, но был еще очень слаб. С опаской, опираясь на дверцу, он сел повыше. Подождал, с тревогой подумав о тяжелом подъеме в пещеру.

Перед тем как шагнуть в жесткую траву, Мейски оглянулся на багажник «бьюика». Вновь он живо представил коробку, полную денег, таких осязаемых, но скрытых от взора. С этим уж ничего не поделаешь... во всяком случае, пока. Выспится, отдохнет, тогда, может, у него и хватит сил перенести деньги в пещеру.

Часам к четырем утра Миш и Чандлер добрались до бунгало Мейски.

Дом стоял в пятидесяти ярдах от моря под купой пальмовых деревьев. Мимо проходила узкая дорога, которая вела к другим коттеджам и бунгало, расположенным довольно далеко в стороне.

На подходе к небольшому обшарпанному строению Чандлер схватил Коллинза за плечо.

— Смотри... машина... вон там, слева.

Миш с трудом разглядел в сумерках маленький автомобиль и вынул пистолет.

— Это не его тачка... спортивная,— сказал Миш и крадучись двинулся вперед.

— Думаешь... полицейские? — спросил Чандлер, не трогаясь с места.

— Ну да, на спортивной тачке,— бросил Миш.

— Может, «бьюик» сломался,— предложил Чандлер.— У него барахлит стартер. Может, не смог завести «бьюик» и приехал на этой.

— Да... наверно, так и есть,— облегченно вздохнул Миш и быстро подошел к машине.

По небу уже разлился первый утренний свет, и его вполне хватило, чтобы Миш заметил на белых кожаных сиденьях темные пятна. Он насупился и оглянулся на подоспевшего Чандлера.

— Что это?

Миш мазнул кончиком пальца по липкой жиже, выставил палец на серый свет и ахнул.

— Мать честная! Кровь!

Они торопливо прошли по дорожке к парадному входу, постояли, прислушались, потом Миш, держа пистолет наготове, приоткрыл дверь, и они шагнули в крошечную душную прихожую.

— Мейски! — громко позвал Миш.— Ты здесь?

— Нет... это я...— раздался из гостиной голос Перри.— Быстрее сюда!

Миш нашарил выключатель и зажег свет.

Перри сидел в кресле. К животу он прижимал набухшую от крови подушку.

— Из меня хлещет, как из недорезанной свиньи,— просипел он.— Сделайте что-нибудь.

Чандлер стоял как истукан, а Миш побежал в ванную и открыл шкафчик над раковиной. При виде пустых полок его маленькие глазки недобро сощурились. Он припомнил, что накануне, открывая банку пива, поранил руку, и Мейски отвел его в ванную; тогда в шкафчике было полным-полно всякого аптечного товара. Миш ринулся в спальню, выдвинул один из ящиков комода — пусто. Выругавшись, он откинул с постели покрывало, выхватил простыню.

Спустя двадцать минут Перри лежал на диване без кровинки в лице, зато его рана была перевязана опытной рукой.

Пока Миш возился с Перри, Чандлер обошел дом.

— Эта сволочь наколола нас! — сказал он, вернувшись, бледный от гнева.— Я же говорил! Он смылся!

Перри открыл глаза.

— Отгоните машину. Бросьте где-нибудь. Если легавые увидят...— Он хотел добавить еще что-то, но закрыл глаза и впал в забытье.

Миш и Чандлер переглянулись.

— Верно... убери ее с глаз долой, Джесс,— сказал Миш.

— Он нас наколол! — не унимался Чандлер.

— Не все сразу... сплавь машину!

Чандлер помялся, потом вышел из дома. Миш проследил в окно, как тот сел за руль спортивного автомобиля и укатил.

Миш отер пот с лица. На книжной полке стояло старенькое радио, и он включил его. После пошел на кухню, налил в ведро горячей воды, взял тряпку и отмыл в гостиной пол от кровавых пятен.

Вдруг свинговую музыку, звучавшую по радио, оборвал голос диктора: «Мы прерываем нашу программу танцевальной музыки для срочного выпуска новостей. Крупное ограбление Казино. Полиция сообщила следующие приметы трех мужчин, которые разыскиваются в связи с ограблением...» Далее шло довольно точное описание Коллинза, Чандлера и Перри. «Это опасные преступники. Всех, кто видел их, просят звонить в городское управление полиции по телефону: Парадиз-Сити 7777».

Миш горько ухмыльнулся. Так, запахло жареным. Тот старик в стеклянной будке оказался на поверку не таким уж лопухом. Миш выключил радио.

Он пошел на кухню. В холодильнике было шаром покати, в шкафу — тоже. Миш почесал в затылке. Ему хотелось есть.

Перри был ранен в живот. Миш понимал, что раненому могут помочь только в больнице, но об этом нечего было и думать.

Через двадцать минут возвратился Чандлер и застал его погруженным в невеселые раздумья.

— Порядок? — спросил Миш.

— Отогнал.— Чандлер был какой-то дерганый.— Нам лучше разойтись по своим гостиницам и переждать шухер.

Миш ухмыльнулся.

— Дохлый номер. Уже передали по радио. У них есть наши приметы. Если мы хотим уберечься, придется залечь здесь.

У Чандлера от бешенства окаменело лицо.

— Думаешь, он не вернется?

Миш покачал головой.

— Нет... видно, мы у него были за фрайеров. Удар ниже пояса... Я-то считал, ему можно доверять.

— Ну, попадись он мне еще! — пригрозил Чандлер.

Миш пожал плечами.

— Бывает, парень, хорошо хоть шкура цела.— Он кивнул на Перри, лежащего в беспамятстве.— Не то что у него.

— Начхать мне на него.— Чандлер распахнул ворот рубахи.— Если не выпью сейчас чашку кофе, сдохну.

— Валяй, подыхай. В доме ни хрена нет... ни крошки... ничего, кроме остатков виски. У тебя есть сигареты?

— Выкурил последнюю.— Чандлер растерянно посмотрел на Коллинза.— Не можем же мы жить здесь без еды.

— Стоит только высунуть нос на улицу, и нам сразу крышка.— Миш задумался, потом спросил: — А у тебя нет здесь друзей?

— Каких еще друзей?

— Ну, таких, которые носили бы нам припасы?

Тут Чандлер вспомнил про Лолиту. Согласится ли она? А вдруг она слышала, как по радио передали его приметы, и выдаст полиции?

— Пожалуй, это мысль,— сказал Чандлер.— Есть одна девчонка... она может согласиться. Телефон работает?

— Не знаю... наверное.

Чандлер подошел к телефону, снял трубку и с облегчением услышал непрерывный гудок. У него была отличная память на телефоны своих приятельниц. Он набрал номер и стал ждать. Долго никто не отвечал, потом раздался сонный голос Лолиты:

— Да?

Чандлер кивнул Коллинзу и заговорил своим приятным, вкрадчивым баритоном, вкладывая в него все обаяние, на какое был способен.

Глава 5

К полудню начальник полиции Терреллл имел почти полную картину ограбления Казино. На ящике с инструментами, найденном в щитовой комнате Казино, были обнаружены отпечатки пальцев. В ответ на запрос, из Вашингтона поступили фотография и досье Миша Коллинза. Отпечатки пальцев на стеклянной будке при входе в хранилище принадлежали, как выяснилось, наемному убийце Джеку Перри.

Террелл сдвинул в сторону ворох донесений и потянулся к пакету с кофе.

— Перекур, Джо,— объявил он, разливая кофе в два бумажных стаканчика. Беглер с благодарностью принял один из них и закурил очередную сигарету.

— Ну что ж,— произнес Террелл, прихлебывая кофе,— дело двигается. Мы знаем четверых... один мертв, но ведь есть пятый. Странная вещь, Джо, выходит, его никто не видел. У нас есть точные приметы тех четверых, а на пятого — ничего. Нам известно, что он сидел за рулем грузовика, однако никто не заметил его в кабине. Когда началась пальба, он дал деру. Не удивлюсь, если он решил смыться и оставить своих дружков с носом.

Беглер кивнул.

— А нам от этого какой прок? — не без резона спросил он.

— Так, размышляю. Если он наколол дружков, а мы поймаем кого-то из них, то скорей всего они его сдадут. Нам позарез нужно разыскать пятого.

— Пока что мы ни одного не поймали...

Зазвонил телефон. Беглер снял трубку, выслушал говорившего, и лицо его посуровело.

— Хорошо, мистер Маркус... да, я знаю, как вас найти. Сейчас буду.— И повесил трубку. Он посмотрел на Террелла, который ждал объяснения.— Это звонил Сэм Маркус. Сегодня ночью его дочь Джеки была с компанией на пляже. Они спешили по домам, а Джеки осталась купнуться еще разок. Когда она садилась в машину...— И Беглер рассказал о том, что приключилось с девушкой.— Вот главное,— заключил он.— Приметы этого человека: грузный, пожилой, седой; одет в рабочие штаны защитного цвета, вооружен револьвером. Похоже на Джека Перри. После того как этот мерзавец изнасиловал ее, она завладела револьвером и ранила его в живот. Затем она убежала и оставила ему машину... но он ранен. Как вам это нравится, шеф?

— Ладно, Джо, поезжай туда. Да посмотри, не сочиняет ли эта девушка. Приметы Перри передавали по радио. Вдруг ее соблазнил какой-нибудь знакомый, а она теперь сваливает на Перри?

Через час с лишним Беглер позвонил Терреллу.

— Она говорит правду, шеф. Это наверняка Перри. Вот приметы машины.

Террелл наскоро сделал пометки в блокноте, велел Беглеру немедленно возвращаться и повесил трубку. Придвинув к себе другой телефон, он соединился с центральным пультом связи.

— Оповестить всех врачей и больницы, что к ним может обратиться за помощью человек с огнестрельным ранением в области живота. Если это произойдет, немедленно сообщить мне. Дайте информацию в эфир. Приступить к розыску легкового автомобиля, вот его приметы... Преступник ранен и не уйдет далеко от машины.

Только он повесил трубку, в кабинет зашел Фред Хесс из отдела по расследованию убийств. Его полное лицо осунулось от усталости.

— Шеф, на пляже нашли молодого парня с простреленной головой. Только что позвонили. Рядом с ним стоит маленький грузовик. Судя по приметам, тот самый, что фигурирует в деле об ограблении.

— Ладно, Фред, поезжай. Жду тебя с докладом как можно скорей. Основное внимание — грузовику. Доктора Лоуиса вызвали?

— Он уже в пути.

Террелл кивнул, потом, когда Хесс вышел, отодвинул стул и поднялся, чтобы размять затекшие ноги.

Раздался звонок. На этот раз звонил из Казино Гарри Льюис.

— Послушайте, Фрэнк, я кое-что надумал, вдруг это поможет вам. У меня теперь нет сомнений, что бандиты имели в Казино своего человека. Очень уж ловко они провернули это дело. Наверняка им было известно про щитовую... когда лучше всего напасть... где мы храним деньги... численность охраны. И еще, Фрэнк, самое главное. У нас пропала схема электропроводки. Даю голову на отсечение, это кто-то из персонала. Одна из наших девушек — Лана Эванс, она работает в хранилище — второй день подряд не выходит на работу. Ее могли подкупить.

— Вы знаете, где она живет?

Льюис дал Терреллу адрес.

— Хорошо, мы проверим. Спасибо, Гарри.— Террелл повесил трубку и взялся за внутренний телефон.— Лепски на месте?

— Только что вошел, шеф...

— Том, отправляйтесь по этому адресу... мигом.— Он пересказал Лепски то, что узнал от Льюиса.— Возможно, бандиты подкупили ее и использовали как наводчицу. Не исключено, что она упорхнула. Разузнайте ее приметы, и мы передадим их в эфир. Действуйте!

Спустя несколько минут Лепски вылез из полицейской машины у дома Ланы Эванс и позвонил.

Дверь открыла миссис Мавдик. Увидав за спиной Лепски машину, из которой показались двое полицейских в форме, она недовольно насупилась.

— Здесь проживает мисс Эванс? — спросил он.

— Здесь. Ну и что?

— Мне нужно повидаться с ней.

— Ее нет дома.— Обширный бюст миссис Мавдик всколыхнулся, и в лицо Лепски пахнуло пряностями, которыми курильщики отбивают запах табака.— К тому же я не люблю, когда здесь крутятся полицейские... это портит мою репутацию.

— Слушайте, мамаша, попридержите язык,— произнес Лепски сухим тоном полицейского.— Мы все равно уже здесь. Где она?

— Не знаю. Я не обязана...

Лепски обернулся и подозвал одного из полицейских.

— Мы поднимемся и посмотрим,— сказал он.

Лепски с полицейским поднялись по лестнице к квартире Ланы Эванс. При виде трех бутылок молока и трех номеров «Парадиз-Сити геральд» под дверью они переглянулись. Лепски постучал, тронул

PARA
CIT
.....

дверную ручку, убедился, что квартира заперта, потом отошел на несколько шагов и с разбега налег на дверь плечом.

Лана Эванс лежала на полу. Смерть наступила уже два дня тому назад.

Спустя час Лепски ввел в кабинет шефа Терри Николса. Молодой человек был ни жив ни мертв, и Террелл, окинув его пристальным взглядом, предложил ему сесть.

— Мисс Эванс была вашей невестой?

— Да.

— Вы скоро собирались пожениться?

— У нас не было денег на обзаведение,— с горечью произнес Николс.— Мы хотели скопить пятьсот долларов на однокомнатную квартиру.

Террелл поднял газету, под которой лежали деньги, найденные Лепски в шкафу у Ланы.

— Эти деньги обнаружены в ее комнате, Терри.

Николс облизнул губы, в глазах у него помутилось.

— Вы в самом деле нашли у нее столько денег?

Террелл кивнул.

— Думаю, Терри, ее подкупили. Она хотела выйти за вас и клюнула на приманку. Мы хотим найти человека, который подкупил ее... Притом не только подкупил, а, заполучив нужную информацию, убил. Вы можете нам помочь?

— Нет, ни про какого человека Лана ничего не говорила.

— Она никогда не отменяла свиданий с вами? Ради встречи с кем-нибудь?

— Нет. Я учусь на вечернем отделении. Мы встречались по утрам на пляже. Во второй половине дня я работаю на посылках в бакалейном магазине. Не знаю, что она делала днем.

Террелл продолжал задавать вопрос за вопросом, но так ни на шаг и не приблизился к Пятому, как он его окрестил.

Наконец он достал из ящика стола баночку крема «Диана», который Лана получила от Мейски.

— Терри, вам знакомо вот это? Не вы дарили?

— Нет... что это?

— Крем для рук... стоит двадцать долларов.

— Нам и в голову не пришло бы выкладывать двадцать долларов за крем для рук,— искренне изумился Николс.

После его ухода Террелл положил баночку с кремом в пластиковый пакет и вызвал Макса Джейкоби.

— Немедленно передайте это в лабораторию.

Навстречу выходящему Джейкоби в кабинет влетел Хесс.

— Это тот самый грузовик. Мы нашли в одном из проулков рекламные щиты Ай-би-эм,— выпалил он, в изнеможении падая на стул.— Убитого звали Эрни Лидбитер, студент. Теперь хоть что-то есть на Пятого. Там четкие отпечатки подошв, над ними сейчас колдуют эксперты. Нам известно, что на месте убийства у него была запаркована машина. Он приехал туда на грузовике, перенес деньги в легковой автомобиль.

Он извлек из пластикового пакета три пятисотдолларовых банкнота.

— Это валялось возле грузовика.

Террелл взял их в руки.

— Попробуй установить принадлежность грузовика, Фред. Возьми столько людей, сколько считаешь нужным. Это сейчас главное.

Хесс ушел, а Террелл отправил банкноты в лабораторию. Часа через два ему позвонил начальник лаборатории Черч.

— Шеф, крем для рук начинен впитывающимся составом мышьяка. Смертельный исход гарантирован. Отпечатки пальцев на баночке только ее. Кое-что интересное дали следы ботинок; у этого человека хрупкое телосложение, весит примерно сто двенадцать фунтов, чуть косолапая походка, немолод... от пятидесяти до шестидесяти... в этом роде. Он с невероятным трудом вытащил коробку из грузовика, так что осмелюсь назвать его тщедушным. Это что-нибудь дает вам?

— Отлично... что еще?

— Теперь те пятисотдолларовые банкноты. Все они помечены невидимыми чернилами, которые проявляются при инфракрасном облучении. Я переговорил с Гарри Льюисом, и он сказал, что у него была тысяча таких банкнотов, пометили для пробы. Все они исчезли... так что, если ваш грабитель начнет тратить деньги, мы можем напасть на его след.

— Побыстрей пришлите мне отчет,— сказал Террелл.— И спасибо.

Джек Перри скончался в начале восьмого, не приходя в сознание. Миш, с тревогой наблюдавший за ним на протяжении последнего часа, увидел, как у Перри безвольно отвис подбородок. Миш растолкал Чандлера.

Промычав себе под нос, Чандлер открыл глаза, но при виде Миша тотчас очнулся и сел на кровати.

— Он кончился,— сказал Миш.— Пойдем... его надо быстрей закопать.

Чандлер спал в брюках и рубашке. Он свесил ноги на пол и, тихонько простонав спросонья, вдел их в туфли.

— Где?

— Прямо у дома. Песок мягкий,— ответил Миш.— Еще рано. Успеем, коли повезет, но надо поторопиться.

Чандлер сунул голову под струю холодной воды, а Миш вышел из дома и заглянул в гараж. Там он разыскал лопату с длинным черенком. После походил вокруг, утопая в мягком песке, присмотрел место под пальмой и начал копать.

К приходу Чандлера могила была наполовину готова, и Миш запыхался. Чандлер взял у него лопату и, быстро орудуя ею, выкопал еще столько же...

Через двадцать минут они разровняли песок и вернулись в дом.

— Как думаешь, она вправду придет или пошутила? — спросил Миш, стягивая с себя почерневшую от пота рубаху.

— Придет, только не раньше десяти. Я иду спать... сил нет.

Коллинз принял душ. Ему до смерти хотелось кофе. Он закурил последнюю сигарету, надел рубаху и брюки и вернулся в гостиную. Некоторое время ушло на то, чтобы прибрать комнату. Наконец исчезли последние признаки короткого пребывания Перри, которые могли бы вызвать подозрение. Тогда он улегся на диване и попробовал отдохнуть.

В половине восьмого Коллинз включил радио, чтобы послушать новости. Тут ему сообщили о смерти Уоша, и он с сожалением покачал головой. Снова передали приметы трех грабителей, и Миш раздраженно выключил радио. «Вот влипли,— подумал он.— А где же Мейски?» Миш был уверен, что тот никак не мог проскочить через посты на дорогах. Падло! Миш сжал свои кулачищи. Наверняка Мейски замышлял это с самого начала и приискал себе надежное убежище.

Почти в половине одиннадцатого возле бунгало остановилась потрепанная малолитражка.

И Чандлер, и Миш с нетерпением ждали, стоя у окна за грязными занавесками.

— Это она? — спросил Миш.

— Да,— ответил Чандлер.— Иди-ка в спальню, Миш. Я поговорю с ней. Мало ли что.

Чандлер отпер входную дверь, а Лолита тем временем подошла к дому. Она остановилась, оглядела его и нахмурилась. Чандлер был не в лучшем виде. Его небритое, потное, напряженное лицо напугало девушку.

— Привет, детка,— сказал он.— Ох, до чего ж я рад тебе! — Он вышел к ней навстречу и взял под локти.— Извини, что я такой помятый... Ты принесла, о чем я просил?

— Все в машине. Что случилось, Джесс? Это твой дом?

— Давай занесем покупки, а потом поговорим. Слушай, детка, поставь машину в гараж, а?

— Пусть стоит здесь, Джесс. Я ненадолго.

— Лучше убери, детка,— занервничал Чандлер.

Лолита загнала машину в гараж, вернулась к дому и вошла.

— Я здесь, детка,— донесся из кухни голос Чандлера.

Лолита прошла на кухню.

— Радость моя, свари кофе... я не знаю, что сделаю, если не выпью чашку кофе.— Он нашел безопасную бритву и крем для бритья.— Пойду побреюсь. А после поговорим.

Побрившись, Чандлер заглянул в спальню и отдал бритву и крем Коллинзу.

— Через пять минут я тебя позову,— бросил он вполголоса и вернулся на кухню.

Лолита наливала кофе.

— Божественный запах,— сказал Чандлер, беря чашку. Он отхлебнул, вздохнул с облегчением, еще отхлебнул, затем распечатал привезенные Лолитой сигареты и закурил.

— Что происходит, Джесс?

— Неприятности с полицией,— спокойно произнес Чандлер.— Мы с приятелем влипли в мерзкую историю.

Она налила себе кофе, потом присела на край стола, спросила:

— Казино — ваша работа?

— Точно. Там сорвалось. Тип, который все устроил, наколол нас. Ты по радио слышала?

— Да. Я догадалась, что речь о тебе.

— Ты догадалась... и все-таки пришла?

— Такой уж уродилась дурехой.— Она горько улыбнулась.— Похоже, Джесс, ты слегка вскружил мне голову.

Он поставил чашку, подошел к ней и крепко обнял.

— Ты не пожалеешь,— вымолвил он и поцеловал ее.— Не исключено, что мы еще найдем того типа, который надул нас. Деньги у него. Если найдем, тогда мы с тобой соберем манатки и отправимся вместе смотреть мир.

— Да? — улыбнулась она.— Не будем загадывать. Есть хочешь?

— Я точно хочу,— раздался с порога голос Коллинза.

Лолита бросила быстрый взгляд на него, потом на Чандлера.

— Это мой приятель Миш Коллинз,— сказал Чандлер.— Заходи, выпей кофе... вкусный. Это Лолита.

— Я всегда говорил, у Джесса губа не дура,— произнес Миш, пожимая руку Лолите.— Вы что-то говорили про еду?

— Яичницу с ветчиной?

— Объедение!

— Мне негде развернуться. Может, освободите помещение? Я быстренько.

Они с Мишем пошли допивать кофе в гостиную.

— Она знает? — спросил Миш, как только затворилась дверь.

Чандлер кивнул.

— За нас ведь назначат вознаграждение,— сказал Миш.— Думаешь, ей можно доверять?

— А у нас есть выбор? — Чандлер подошел к окну и выглянул на улицу.— Раз уж мы застряли здесь, нам нужна еда. Лолита для нас — единственный источник существования.

— Я тебе не сказал... Уоша подстрелили... насмерть.

Чандлер не обернулся, только ссутулился.

— А этот мерзавец... Ну, бог даст, он нам еще попадется.

— Думаешь? Я бы на это не слишком рассчитывал. Он парень не промах. Чует мое сердце, не видать нам ни его, ни денежек.

Чандлер пожал плечами и решительно вышел из комнаты. На кухне Лолита стояла над сковородой с яичницей из шести яиц.

— Я тут подумал,— сказал Чандлер,— зря я втянул тебя в эту историю. Если нас возьмут, ты загремишь как сообщница.

— Я знаю, что глупа. Я же сказала... я к тебе неравнодушна. Вы ведь не можете жить здесь без моей помощи.

Он нагнулся и поцеловал ее в шею.

— Я постараюсь возместить ущерб, детка.

Она принялась раскладывать яичницу с ветчиной по тарелкам.

— Мне, наверное, надо поселиться с вами, да? Ведь если кто-то придет, вы даже не сможете открыть дверь, верно? У тебя есть деньги?

Он вытащил пачку пятерок и отсчитал пятьдесят долларов.

— Ты ищешь приключений на свою голову, детка,— предупредил он.

— Голова-то моя.— Она похлопала его по плечу.— Я скоро.

Чандлер отнес тарелки с едой в гостиную. Миш стоял у окна, наблюдая, как Лолита садится в машину.

— Иди есть,— позвал его Чандлер.

— Уехала?

— Вернется. Она за вещами... к нам переезжает.

— Ой ли,— усомнился Миш, подвигая себе стул и усаживаясь.

— Говорю, вернется.

Они жадно набросились на еду, и вдруг Миш сказал:

— Я ни на что не рассчитываю, Джесс. Нам не выпутаться из этого переплета.

Чандлер продолжал уписывать яичницу.

— Надежды, конечно, мало, но все-таки шанс есть,— ответил он.

Миш ухмыльнулся.

— А готовить она умеет, да? Не воркует ли она сейчас с фараоном?

Чандлер отодвинул от себя пустую тарелку.

— Кофе хочешь?

— От кофе я никогда не откажусь.

Чандлер ушел на кухню. Миш потер себе загривок, вытряхнул из пачки сигарету и закурил.

Когда Чандлер принес кофе, Миш сидел, вперив потухший взор в пустоту, и размышлял, что же будет с ними дальше.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

Библиотека зарубежного детектива

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

РОМАН

Скрылось за холмами солнце, и небо побагровело. Том Уайтсайд взглянул на часы — восемнадцать минут девятого.

— Поедем по проселку,— сказал он.— Так мы срежем десять миль.

Шила Уайтсайд промолчала. Уже целый час она дулась после ссоры по поводу золотых часов, которые ей хотелось получить на первую годовщину свадьбы. Как заявил Уайтсайд, часы стоят сто восемьдесят долларов, а откуда ему взять такие деньги?

Он покосился на нее. Настроение было паршивое. Ну и отпуск! Он с самого начала догадывался, что его затея с походом на колесах не доведет до добра. Выдумал тоже — поход! А как иначе они могли провести две недели вне дома? Гостиница и даже дешевый мотель им не по карману. А все необходимое для похода он одолжил у друга бесплатно. Вполне приличное снаряжение: большая палатка, кухонные принадлежности и спальные мешки. Но какая это была мука! В первый же день Шила наотрез отказалась готовить. У нее, мол, отпуск. Если гостиница им не по карману, пусть он сам готовит. И вообще ведет хозяйство. А она будет загорать и бить баклуши.

У Тома свело скулы при воспоминании о двух минувших неделях. Он так и не научился управляться с газовой плиткой. Ели то горелое, то недоваренное. Шила в купальнике, едва прикрывающем стыд, нежилась на солнышке, и Том чуть не рехнулся от постоянной близости ее наготы.

Он с раздражением напомнил себе, что за все четырнадцать дней между ними не было и намека на любовь. Несколько раз он пробовал подступиться к ней днем, но Шила быстро его отвадила.

В чем же дело, ломал он голову, почему такая красивая женщина, с такой фигурой — и холодная, как лед? Вот влопался! С виду подумаешь... а все его друзья так и думают... огонь баба: высокая, широкоплечая, грудастая, с узкой талией, широкими бедрами и длинными стройными ногами. Естественно было рассчитывать, что ко всему прочему она еще и страстная, однако здесь он горько ошибся.

Дешевенький восьмилетний автомобиль нехотя тащился по шоссе Майами — Парадиз-Сити. Тому припомнился тот день, когда он впервые познакомился с Шилой.

Том дожил до тридцати двух лет, так и не добившись успеха. Он был внештатным коммивояжером в городском отделении «Дженерал моторз». Рослый, плечистый, темноволосый, с приятными, но весьма заурядными чертами лица, Том с тех самых пор, как окончил школу, только и думал о достатке. Он принадлежал к мечтателям. Мечтал о богатстве, а сам не горел желанием и не умел делать деньги.

Если бы не его отец, покойный уже доктор Джон Уайтсайд, Том давно остался бы без работы. Но несколько лет назад доктор Уайтсайд спас жизнь супруге Клода Локинга. Такого управляющий отделением «Дженерал моторз» Локинг не мог забыть.

Четырнадцать месяцев назад Том перегнал «кадиллак» богатому клиенту в Майами и в уплату за часть стоимости забрал его «олдсмобил».

В Парадиз-Сити Том возвращался на «олдсмобиле» и чувствовал себя человеком. Вот какая у него должна быть машина!

Ехать из Майами было жарко и далеко. Часов в девять Том подъехал к мотелю «Добро пожаловать». После ужина он пошел в свой домик, принял душ и лег спать.

Он был усталый, сытый и довольный. Теперь предстоял сладкий сон, но стоило ему выключить свет, как в соседнем номере включили радио. Минут двадцать Том лежал, проклиная шум и надеясь, что радио выключат. В начале двенадцатого он зажег свет, надел халат и раздраженно постучал в соседнюю дверь.

Через некоторое время дверь открылась.

Том часто вспоминал первую встречу со своей будущей женой. Она была одета в голубой шерстяной свитер, плотно облегавший пышную грудь. Черная юбка сидела на ней, будто нарисованная, едва прикрывая длинные голые ноги с узкой стопой, обутые в сандалии на пробковой подошве.

— Вам наверняка мешает мое радио,— сказала она.— Угадала?

— В общем...

— Ладно, выключу. Извините.— Она кивнула на «олдсмобил».— Ваша?

— Да,— не задумываясь соврал Том.

— Ну и машинка.

Он ухмыльнулся.

— Ну и девочка.

Они рассмеялись.

— Что же вы стали на пороге? — Она посторонилась.— Меня зовут Шила Аллен.

— А меня — Том Уайтсайд. Не подумайте, что я зануда. Просто хотелось выспаться.

Она показала ему на кресло и присела на кровать. Юбка у нее уехала вверх, и его взору открылась гладкая, белая кожа. Он отвел глаза, потер подбородок и сел.

— Везет вам, вы можете уснуть,— проговорила она.— А мне не спится. Не знаю, почему так. Раньше двух никогда не засыпаю.

Шила вынула из пачки две сигареты, прикурила обе и одну протянула Тому. На фильтре остался мазок ее помады. Он с чувственным удовольствием зажал сигарету в губах.

— Вы случайно не поедете утром в Парадиз-Сити? — спросила она.

— Обязательно. Я там живу. А вы туда?

— Да. Часов в девять будет автобус...

— Поехали со мной.

— Я надеялась, что вы это предложите. Вы там работаете?

— Да... в «Дженерал моторз».

— Ух ты! Теплое, наверно, местечко.

Он снисходительно махнул рукой.

— Жить можно. Я отвечаю за весь наш округ. Да, грех жаловаться. А вы зачем в Парадиз-Сити?

— Ищу работу. Как думаете, удастся что-нибудь найти?

— Еще бы... такая девушка. А какую именно?

— Вообще-то я почти ничего не умею... официанткой... горничной... в таком роде.

— Предоставьте это мне. Я знаю город как свои пять пальцев. Вы откуда?

— Из Майами.

— А почему вы решили, что в Парадиз-Сити лучше?

— Просто для смены обстановки. Обожаю менять обстановку.

— Что ж...— Он еще посмотрел на нее, потом встал.— Завтра я выезжаю в девять. Вас это устроит?

— Вполне.— Она поднялась, разгладила юбку и подошла к нему вплотную.— Если хотите, я расплачусь за услугу. Большинство мужчин не отказалось бы от такой платы,— и она кивнула в сторону кровати.

Том вдруг понял, что относится к этой девушке гораздо серьезнее, чем к случайной попутчице, с которой можно наскоро переспать.

— А я отказываюсь,— дрогнувшим голосом сказал он.

Шила наклонилась и слегка коснулась губами его губ.

— Ты мне нравишься... ты милый,— улыбнулась она.

Наутро он отвез ее в Парадиз-Сити. Расставшись с Шилой, он заметил, что непрерывно думает о ней. Вечером следующего дня он заехал за ней. Он без спроса позаимствовал на работе «олдсмобил» и надел свой самый шикарный костюм. Они поужинали в дорогом рыбном ресторане на окраине города.

С тех пор, как родители бросили двенадцатилетнюю Шилу на шоссе, предоставив ее собственной судьбе, она то и дело вступала по разным поводам в противоречие с законом. Сейчас ей было двадцать два. Работала официанткой, платной танцевальной партнершей, участвовала в стриптизе, служила в регистратуре грошовой гостиницы и, наконец, стала одной из многочисленных «телефонных» проституток Майами. Однако ненадолго. Она прикарманила бумажник клиента. Пришлось бежать из Майами. У нее не было желания устраиваться на работу. Том Уайтсайд явно потерял голову, и она рассудила, что ей хватит пятидесяти долларов до свадьбы. Они поженились, когда в кошельке осталось полтора доллара.

Обоих ожидало глубокое разочарование. Шила обнаружила, что Том живет в крошечном, запущенном бунгало, которое досталось ему от отца, и что процветанием здесь и не пахнет. А Том выяснил, что Шила не умеет вести хозяйство. Она оказалась ленивой, холодной и постоянно клянчила деньги.

Том свернул на проселок, по которому можно было выехать через сосновый бор к шоссе на Парадиз-Сити, включил фары. Солнце давно скрылось за горами. Смеркалось.

— Если на то пошло,— обиженно проговорила Шила,— каждый порядочный муж делает жене подарок на годовщину свадьбы. А мне ничего так больше не хочется, как эти часы.

Том вздохнул. Он надеялся, она уже выкинула из головы эти чертовы часы.

— Извини, киса. У нас нет таких денег. Я куплю тебе часы, но подешевле.

— А мне хочется эти часы.

— Да... знаю... ты говорила, но нам они не по карману.

— Какая же я дура, что вышла за тебя. Тебе все не по карману.

— Ты тоже не подарок,— не выдержал Том.— В доме форменный свинарник. Только телевизор умеешь смотреть.

— Да заткнись! — грубо огрызнулась она.— Богач, а боится потратить сто восемьдесят долларов. Дешевка несчастная.

Машина замедлила ход, и Том поднажал на газ, но, несмотря на это, скорость по-прежнему падала.

— Извини, милый,— с издевкой произнесла Шила,— я хочу домой. Нельзя ли ехать побыстрей?

Двигатель дал сбой и заглох. Дорога шла под гору, и Том сразу перевел рычаг скоростей в нейтральное положение. Машина мягко покатилась вниз. Он чертыхнулся.

— Ну что там еще? — набросилась на него Шила.

— Двигатель накрылся.

— Этого только не хватало. И что ты собираешься делать?

Начался подъем, и машина медленно остановилась. Том достал фонарь, вылез из машины и поднял капот. Его хорошо обучили обслуживанию автомобилей «Дженерал моторз», и в считанные минуты он определил, что вышел из строя масляный насос. Тут он был бессилен. Он захлопнул капот, и в это время из машины вылезла Шила.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

— Приехали,— сказал он.— Насос полетел. До шоссе пять миль. Если повезет, успеем на последний автобус.

— И не подумаю топать пять миль пешком! Заночуем здесь. Доставай спальные мешки.

Том помялся в нерешительности, потом взял спальные мешки и разыскал корзину с припасами. Он запер машину и посветил фонариком вправо и влево. Увидев перед собой тропинку, Том пошел вперед и оказался на окруженной деревьями поляне.

— Шила! Здесь вполне можно заночевать. Иди сюда. Есть будешь?

Мейски, лежа в пещере, услыхал голос Тома. Похолодев от страха, он сел.

Спотыкаясь и недовольно бурча себе под нос, Шила выбралась на поляну. Том уже разложил спальные мешки и открыл корзину.

Она села на один из мешков и закурила.

— Достойное завершение великолепного отпуска. Ну и дела!

Том раскопал в корзине несколько заветренных ломтей ветчины, полбатона черствого хлеба и початую бутылку виски.

Он, не скупясь, разлил по стаканам виски и протянул Шиле ветчину с хлебом. Та, недолго думая, зашвырнула еду в кусты.

— Лучше голодать, чем жрать такую гадость! — возмутилась она и залпом проглотила виски.

— Валяй... голодай,— отозвался Том.— Ты меня доконала сегодня.— Он принялся уплетать ветчину.

Мейски оставил свое лежбище из одеял и подполз к выходу из пещеры. Он попытался разглядеть через ветви, что делается внизу, на поляне. Из-за темноты ничего не было видно, только доносились голоса, да и то неразборчивые на таком расстоянии.

Том покончил с едой, потом снял ветровку, ботинки и залез в спальный мешок. Шила уже улеглась.

— Только постарайся не храпеть, ладно? Не хватало мне еще твоего храпа для полного счастья.

— Пошла бы ты к черту! — буркнул Том и закрыл глаза.

Сержанту Патрику О'Коннору по прозвищу Пузырь был шестьдесят один год. Шести футов трех дюймов роста, с огромным животом, благодаря которому получил прозвище, с красной физиономией и редеющими белесыми волосами, он из всех сержантов пользовался наибольшей неприязнью сослуживцев.

На следующий год он собирался уйти в отставку. Собирая дань с проституток, сутенеров, торговцев наркотиками и гомосексуалистов, которые обитали в его районе, О'Коннор сколотил кругленькую сумму. За десятку он с готовностью закрывал глаза на правонарушения, и хотя брал он по-божески, но за сорок лет скопился немалый капиталец.

Когда Беглер велел О'Коннору взять патрульных Майка Коллона и Сэма Уэнда и обыскать пятьсот бунгало, где могут скрываться разыскиваемые грабители, тот выпучился, не веря своим ушам.

Проклиная несчастную судьбу, О'Коннор поплелся на оружейный склад. На складе его уже поджидали Майк Коллон и Сэм Уэнд. Оба были молоды и ретивы. Только таких баламутов, посетовал про себя О'Коннор, ему и не хватало.

— Ну, что, парни,— произнес он вслух,— берите оружие и пошли.

О'Коннор получил у сержанта-оружейника автоматическую винтовку с патронами, и тот ухмыльнулся без капли сочувствия.

— Береги брюхо, Пузырь. Не дай бог, продырявят. Небось столько газа выйдет, что можно будет целую неделю город освещать.

— Нечего скалиться! — огрызнулся О'Коннор.— Тебе хорошо... ты только выдаешь оружие. А я должен пускать его в дело!

В начале седьмого они подъехали к первой веренице летних домиков, выстроившихся вдоль берега моря неподалеку от Казино.

— Ну, парни, приступайте,— сказал О'Коннор.— Что делать, сами знаете. Выяснить, кто хозяин. Если давно здесь живут, оставить в покое. Если снимают, сделать обыск. Я останусь тут и обеспечу прикрытие.

Уэнд посмотрел на него в упор.

— Что обеспечите, сержант? — переспросил он.

— Оглох? Прикрою вас отсюда.— рявкнул О'Коннор.

Патрульные брезгливо переглянулись и зашагали к домам. Оба отдавали себе отчет в грозящей опасности, но даже не подумали уклониться. Они никогда не уважали Пузыря, а такая неприкрытая трусость и вовсе вызвала презрение.

— Ни пуха, Майк,— сказал Уэнд, открывая деревянную калитку первого дома.— Гляди в оба.

— Ты тоже.— отозвался Коллон и направился по переулку к соседнему бунгало.

Поиск продвигался довольно споро и безрезультатно. Часам к восьми обошли сорок домов, и уже начало смеркаться. О'Коннор сидел в машине, вытянув ноги, и дремал.

Осмотр последнего дома в длинном ряду ничего не дал, и они вернулись к полицейской машине.

— Долго нам еще так развлекаться? — спросил Уэнд очнувшегося от дремы О'Коннора.

— Теперь поедем на Южный Берег,— ответил тот, пытаясь скрыть сонливость.— Шеф не отменял приказа.

— А не хотите ли подсобить нам, сержант? — насмешливо поинтересовался Уэнд.— Если добавится лишний человек, мы гораздо быстрей сделаем свое дело.

— Здесь я командую,— отрезал О'Коннор.— Садитесь и поехали.

Машина проследовала вдоль берега, мимо большой купы пальм и приблизилась к другой длинной веренице домов. Сами того не зная, полицейские оказались в пятистах ярдах от бунгало Мейски. Держа винтовки наготове, прошли по песчаной дороге, разделились и снова начали стучаться в дома.

В это время Миш Коллинз отодвинул от себя тарелку и тихонько рыгнул. Давно ему не доводилось так вкусно поесть. Он с искренним восхищением поглядел на сидящую напротив Лолиту.

— Пальчики оближешь! — проговорил он.— Ну, Джесс, у тебя и вправду губа не дура.

Чандлер отложил нож и вилку и ухмыльнулся.

— Лолита у меня особенная.— Он погладил ее по руке.

— Ох, мужчины... Раз женщина умеет готовить, так вы уже и таете.— Она проворно собрала грязную посуду и отнесла ее на кухню.

Миш поднялся со стула.

— Пойду глотну воздуха.

— Смотри, осторожно.

Миш ухмыльнулся.

— Не дрейфь, Джесс, я знаю, что делаю.

Когда он вышел из бунгало, Чандлер отправился на кухню, где Лолита кончала мыть посуду.

— Тебе помочь? — спросил он.

— Уже все.— Она сняла фартук, шагнула к Чандлеру. Он обнял ее, и она крепко прижалась к нему.— Где Миш?

— Дышит воздухом.— Руки Чандлера скользнули по спине к ее бедрам.— Пойдем в постель, детка.

— Я только этого и жду.

Они поцеловались и в обнимку перешли по коридору из кухни в спальню. Чандлер хотел было затворить за собой дверь, но услыхал, как вернулся Миш. Тот явно спешил. Чандлер насторожился. Он подал предостерегающий знак Лолите и вышел в коридор.

— Там на дороге полицейская машина,— взволнованно сообщил Миш.— Осматривают все дома. Через полчаса будут здесь... У них автоматические винтовки.

В дверях, застегивая «молнию» на платье, показалась Лолита.

— В чем дело?

— Фараоны... осматривают дома,— ответил Чандлер. Миш показал на дверцу в потолке.

— Мы заберемся наверх.

— Включи радио,— сказал Чандлер Лолите,— когда придут...

Она была гораздо спокойнее Коллинза и Чандлера.

— Знаю. Не нужно никаких указаний. Я все улажу, Джесс.

— Это может плохо кончиться, детка,— предупредил Чандлер. В нем неожиданно проснулась совесть. Он не имел права требовать от нее такой жертвы.— Тебе лучше уйти. Еще есть время...

— Лезь наверх и не волнуйся. Я все улажу.

Он притянул ее к себе.

— Ты не пожалеешь. Когда мы вырвемся из этой мышеловки...

— Знаю, Джесс.

Миш принес из кухни стремянку. Он открыл чердачный люк и, подтянувшись, исчез в душной пустоте между крышей и потолком.

Чандлер поцеловал Лолиту и тоже залез на чердак.

— У тебя все получится, как надо,— сказал он сверху.— Я люблю тебя.

— И я тебя,— ответила она и отнесла стремянку на кухню.

— Запомни, Джесс,— раздался в темноте голос Миша,— либо мы, либо они. Живым я не дамся.

Уже в одиннадцатом часу Уэнд и Коллон обогнули густые заросли высокого тропического кустарника и неожиданно вышли к бунгало Мейски.

Оба остановились как вкопанные и до боли в потных руках сжали свои винтовки. Они пригляделись к стоящему особняком дому и за шторами в одном из окон увидели полоску света.

— Если они где и затаились,— сказал Коллон,— то не иначе как здесь.

Оба полицейских так издергались за четыре часа непрерывных поисков, что замерли в нерешительности.

— Слушай, Майк,— сказал Уэнд,— с меня довольно. Пусть туда идет Пузырь.

— Согласен.

Они повернули назад, обойдя пальмы, вышли на берег и помахали О'Коннору, сидевшему в машине. О'Коннор подъехал к ним.

— В чем дело? — злобно спросил он, высунувшись в окно.

— Там, за деревьями, дом на отшибе,— ответил Уэнд.— Мы считаем, сержант, вы должны сами проверить его.

— Какого черта?! — заорал О'Коннор.— Марш в дом. Это приказ.

— Вполне возможно, что они там,— сказал Уэнд.— Либо вы пойдете с нами, либо я подам начальству рапорт.

О'Коннор чуть не лопнул от ярости.

— О чем это?

— О том, что нас вы отрядили искать бандитов, а сами просиживали свою толстую задницу в машине. И я сделаю это, Пузырь, даже если меня вышвырнут из полиции.

О'Коннор отер пот с лица, вылез из машины.

— Вы нарываетесь на неприятности.— прошипел О'Коннор.— Ладно, сейчас вернемся в управление, и я на обоих составлю протокол.

— Замечательно. Шеф будет в восторге.— сказал Уэнд.— Мы нашли то самое место, где могут скрываться бандиты, а ты наложил в штаны и поехал составлять протокол. Давай, сержант, если тебе так хочется. Только, считай, пенсия тю-тю.

О'Коннор замялся, но понял, что деваться некуда. Ворча себе под нос, он медленно побрел по песку, пока не заметил бунгало, стоящее в стороне от других. Он замер. Теперь было ясно, что имели в виду эти щенки. Как раз в таком месте могли прятаться разыскиваемые.

— Пойдете дальше, сержант,— вежливо полюбопытствовал Уэнд,— или здесь заночуем?

О'Коннор медленно двинулся вперед. У него подгибались ноги. Его подчиненные шли следом. Он добрался до деревянной калитки, за которой начиналась короткая дорожка к дому. Тут он остановился.

— Я обойду с тыла,— сказал Коллон и исчез в темноте.

Как только они остались вдвоем, О'Коннор взмолился:

— Послушай, Сэм, я старый человек. Иди первый.

— То-то и оно, сержант, что я молодой. Мне еще жить и жить.

О'Коннор в бешенстве набросился на него.

— Слушай, щенок, я так изгажу тебе жизнь, что взвоешь! Это неисполнение приказа. Слышишь! Пошел... стучи в дверь!

— Лучше изгаженная жизнь, чем никакой,— ответил Уэнд.— Сам стучи. Мы уже свое отбарабанили.

В это время дверь открылась, и в лунном свете появилась девушка. Ее силуэт выделялся на фоне освещенного дверного проема. Она была в коротком белом платье, которое просвечивало.

О'Коннор вздохнул с облегчением. Не веря своему счастью, он зашагал по дорожке навстречу вышедшей к нему девушке.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.— Вы ведь из полиции?

Уэнд стал за его спиной. Оба не отрывали глаз от девушки, а она переводила взгляд с одного на другого.

— Вы здесь живете? — спросил О'Коннор, сдвинув фуражку на затылок и вытирая несвежим носовым платком потный лоб.

— Конечно,— и она одарила его ослепительной улыбкой.

— Не возражаете, если мы заглянем в дом? — спокойно спросил Уэнд. Он все присматривался к девушке, вспоминая, где мог видеть ее раньше. А видел наверняка. В этом он не сомневался.

— Идемте... смотрите. А что вы ищете?

Уэнд подался было вперед, но О'Коннор поймал его за руку.

— Хватит давить на психику всем подряд,— проворчал он.— Незачем беспокоить молодую леди. Пойдем, у нас еще дел по горло.

Коллон, заслышав голоса, вышел из-за дома.

— Пошли... пошли,— нетерпеливо позвал О'Коннор. Он безумно обрадовался, что все обошлось, и ему не терпелось убраться восвояси.— Оставьте ее в покое.— И, козырнув девушке, он зашагал прочь.

И вдруг Уэнда осенило: ведь она же поет и играет на гитаре в припортовом ресторанчике. Он мигом сообразил, что девице ее пошиба не по средствам снимать дом в таком районе.

Она улыбалась.

— Хотите зайти?

— Да... зайду. Показывайте дорогу.

Она повернулась и, покачивая бедрами, вошла в бунгало.

— Славная пташка.— причмокнул Коллон.

— Будь начеку,— шепнул ему Уэнд.— Дело нечисто.

Он снял винтовку с предохранителя. Коллон при виде его бледного, напряженного лица почуял опасность, и у него пробежали мурашки по коже.

Уэнд шагнул в дом. Коллон, поняв, что Уэнд заподозрил неладное, тоже снял винтовку с предохранителя и пошел за ним по пятам.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

— Останься здесь,— тихонько проговорил Уэнд,— и прикрой меня. Гляди в оба!

Он прошел в гостиную. Первое, что бросилось ему в глаза,— это пепельница, полная окурков.

Лолита включила радио.

— Ну вот... смотрите. Может, выпьете чего-нибудь?

— Нет, спасибо,— поблагодарил Уэнд, вышел из гостиной и заглянул в кухню. Там он заметил на сушилке три тарелки, а рядом — три вилки и три ножа, и у него засосало под ложечкой. Уэнд по очереди открыл двери в три спальни. В самой большой из них увидел на спинке стула мужской красно-синий галстук.

Он вышел в коридор, посмотрел по сторонам, потом на люк в потолке.

В дверях гостиной появилась Лолита.

— Все в порядке? — спросила она.

Уэнд шагнул к ней и втолкнул в гостиную.

— Так, сестричка,— произнес он, понизив голос,— они на чердаке, верно?

В ее глазах промелькнул страх, однако она улыбнулась.

— Они? Не понимаю. О ком вы?

— Я тебя знаю,— сказал Уэнд.— Жить в таком доме тебе не по карману. Лучше сознайся, иначе будет хуже. Они наверху?

— Они? Я же сказала... я здесь одна. Что вам нужно?

Уэнд подошел к двери.

— Зови Пузыря,— сказал он Коллону.

Коллон выглянул на улицу и махнул сержанту, который в нетерпении ждал у калитки. Толстяк О'Коннор нехотя приблизился к дому и вошел в прихожую.

— Ну, что там еще?

— Забери ее,— сказал Уэнд.— Они на чердаке.

О'Коннор схватил Лолиту за руку и рывком вывел ее в коридор. Миш, который слышал весь разговор, осторожно поднял дверцу люка, прицелился и спустил курок.

Громыхнуло так, что задрожали оконные стекла. На форменной рубахе О'Коннора проступило красное пятно. Он упал на колени.

Лолита завизжала и кинулась обратно в гостиную, а Коллон вскинул винтовку и начал всаживать в потолок пулю за пулей.

Миш, с окровавленным лицом и пробитой грудью, кое-как навел пистолет и выстрелил еще раз. Пуля попала в плечо Коллону, тот выронил винтовку и ничком рухнул на пол.

Миш потерял равновесие и вывалился в люк. Он придавил Коллона, и в это мгновение Уэнд пристрелил ему голову.

Затем он стал стрелять в потолок.

— Эй, вы там,— гаркнул он,— живо спускайтесь и руки вверх!

Лолита схватила тяжелую стеклянную пепельницу, бесшумно подкралась к Уэнду, который не отрывал глаз от зияющего чердачного люка, и изо всей силы ударила его по голове. Уэнд повалился на пол.

Не помня себя, Лолита перепрыгнула через него и выскочила в коридор.

— Джесс! Быстрей! Прыгай! — закричала она.— Бежим!

Раздался шорох, и в люке появилась голова Чандлера. У него было мертвенно-бледное лицо и полузакрытые глаза.

— Беги, детка,— прохрипел он.— Спасибо тебе за все.

Потом глаза у него закатились, он уронил голову и свесил руки.

Лолита побежала в спальню, схватила чемодан, швырнула на кровать и побросала в него свои пожитки. По лицу ее текли слезы, из груди то и дело вырывались рыдания.

Глава 7

Когда Сэм Уэнд пришел в сознание, он доплелся до полицейской машины и поднял тревогу. Постовые на шоссе Майами — Парадиз-Сити арестовали Лолиту и доставили ее в управление.

Около полуночи в кабинет Террелла вошел Хесс: лицо у него лоснилось от пота, под глазами темнели круги.

— Ну, Фред? Какие новости? — спросил Террелл.

— Похоже, остался только один. Пятый. Но денег след простыл. О'Коннор убит. У Коллона раздроблено плечо, но для жизни опасности нет. Вот что мы выяснили: бунгало снял Франклин Людович 2 мая прошлого года. Он жил там до настоящего времени. Он-то, очевидно, и есть наш Пятый. Я переговорил с агентом, который сдал бунгало. Он сообщил приметы Людовича, они совпадают с предположениями экспертов: шестьдесят пять лет, низкого роста, тщедушный, светловолосый, сероглазый, с крючковатым носом. У него есть старый «бьюик», но агент не помнит ни цвета, ни номера. Он явно съехал. В доме нет его вещей. Вероятно, он в самом деле надул своих сообщников. Где он, сказать трудно. Во всяком случае, через дорожные посты не проезжал.

— Что ж, дело движется.— Террелл допил кофе.— Теперь надо найти Пятого.

Вошел Джейкоби.

— Извините, шеф, поступила телефонограмма из Вашингтона.

Террелл прочитал телефонограмму и взглянул на Хесса.

— Вот кого мы ищем: Серж Мейски; отсидел десять лет в Роксбургской тюрьме, работал там фармацевтом; освободился в апреле прошлого года. Они выслали его фотографию.— Террелл положил телефонограмму на стол.— Он где-то здесь, нужно перевернуть город вверх дном. А где он, там и деньги. Организуй розыск, Фред.

Хесс устало поднялся.

— Легко сказать, шеф. А розыск организуем.— И он вышел из кабинета.

Террелл снял телефонную трубку. Он приказал доставить к нему Лолиту, но ничего не добился от нее. Лолита сидела бледная, убитая горем. Джесс Чандлер был ее единственной любовью на свете. Его смерть лишила Лолиту последней надежды в жизни. Наконец Террелл махнул на нее рукой и отослал обратно в камеру.

Том Уайтсайд открыл глаза и увидел голубеющее сквозь кроны деревьев небо. Перевел взгляд на Шилу. Она спала. «Это называется, ее мучит бессонница»,— ехидно подумал он.

Том вылез из спального мешка и отправился к машине. Он достал из багажника ненавистную газовую плитку и ценой мучительных усилий зажег одну конфорку. Пока выкурил сигарету, сварился кофе.

С двумя дымящимися чашками в руках Том подошел к Шиле.

— Просыпайся,— раздраженно буркнул он.— Бери кофе.

Она шевельнулась, застонала и открыла сонные глаза.

— Опять ты...

— Ага... я.— Том поставил чашку рядом с ней и удалился на свой спальный мешок. Он сидел и наблюдал, как Шила выбирается из спальника. На ней были только голубые трусики и лифчик. Она встала во весь рост, потянулась, и эта картина привела его в волнение. Однако он понимал, что напрасно только распаляет себя, и отвел глаза.

Шила опустилась на корточки и отхлебнула кофе. От первого же глотка ее перекосило, и она выплеснула кофе в кусты.

— Ты что, земли сюда намешал?

— Чем ты недовольна? — возмутился Том. Кофе, слов нет, получился отвратный. Видно, он воду не довел до кипения, зато по крайней мере позаботился... хоть что-то сделал.

— Чем недовольна? Ну, умора! Я хочу домой.

— Думаешь, я не хочу? — Том назло допил кофе, хотя его уже тошнило.— Придется идти пешком.

— Додумался, чокнутый, чтоб я пять миль топала пешком!

— Дура набитая! Одно из двух: либо оставайся, либо иди со мной! Я ухожу!

Она замялась, не зная, на что решиться. В это мгновение на утреннем солнце совсем рядом сверкнуло что-то блестящее. Она удивленно присмотрелась, подошла к высокой куче хвороста и заглянула сквозь ветви.

— Том! Здесь машина!

— Ну что ты опять развопилась? — сердито спросил Том.

Мейски лежал на пороге пещеры. Теперь он видел их. Его рука сильнее сжала автоматический пистолет. В груди не унималась глухая, предостерегающая боль.

Том подошел к Шиле. Раздвинув ветви, он обнаружил под ними «бьюик».

— Посмотри, заведется или нет,— сказала она.

— Так нельзя. Наверное, кто-то приехал на охоту или погулять,— неуверенно возразил Том.

— Открой и посмотри! — заорала на него Шила.

Том вытащил из заднего кармана набор ключей. Будучи торговым агентом «Дженерал моторз», он всегда имел при себе отмычку для всех марок автомобилей фирмы. Двигатель завелся с полуоборота.

— Вот это везение! — обрадовалась Шила.— Собирайся. Возьмем ее напрокат и доберемся до дому.

— Нельзя этого делать! Нас могут арестовать за воровство!

— Какой же ты слюнтяй! Ну, подождет хозяин часа два. Ну и что? Объяснишь.

Тому это не понравилось, однако в ее словах был резон. Он вылез из «бьюика» и пошел к своей машине. Там он разыскал листок бумаги, шариковую ручку и написал:

«У меня случилась поломка, и я вынужден одолжить вашу машину. Вернусь через два часа. Извините.

Том Уайтсайд, 1123, Делпонт-авеню, Парадиз-Сити».

Это оправдает его перед законом, рассудил Том, прилепив записку к лобовому стеклу. И он поспешил обратно на поляну.

— Ну, все,— сказал он.— Поехали.

Она окинула его устало-презрительным взглядом.

— Вот дает! Ну, ты умник! Решил бросить все снаряжение в нашей машине? А если заявится какой-нибудь прохиндей и упрет?

Том действительно не подумал об этом и разозлился на себя.

— Ну, ладно, ладно.— Он сел за руль и завел «бьюик».

Мейски силился взять Тома на прицел, но мушка плясала в слабой, дрожащей руке. Он чертыхнулся и опустил пистолет. Раздираемый бессильной злобой, он проводил взглядом «бьюик».

Возле своей машины Том притормозил. Они с Шилой перенесли вещи и снаряжение на заднее сиденье «бьюика». Осталось только уложить газовую плитку, которой не хватало места в салоне.

— Сунь ее в багажник.— нетерпеливо подсказала Шила.

Том отпер и поднял крышку багажника. Внутри стояла большая картонная коробка с черной надписью «Ай-би-эм» на боку. У Тома мелькнуло желание заглянуть в нее, но его окликнула Шила.

Он сел за руль. Они протряслись пять миль по проселку и выехали на шоссе.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

Библиотека зарубежного детектива

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

РОМАН

Шила угомонилась и сидела молча, выставив локоть в открытое окно. Впервые за долгие месяцы она очутилась в машине, в которой ничего не дребезжало и чувствовалась скрытая сила.

— Почему ты не поменяешь тачку? Неужели тебе не могут выдать что-нибудь получше нашей гнилой рухляди?

— Придержи язык за зубами.— Том протянул руку и включил приемник. Только бы не слышать ее.

«...ограбление Казино вчера ночью. Четверо из разыскиваемых преступников погибли, однако пятый пока на свободе. Полиции крайне необходимо допросить Сержа Мейски, он же Франклин Людович. Его приметы... По имеющимся данным, ездит на двухдверном «бьюике». В его распоряжении может находиться большая картонная коробка с надписью Ай-би-эм. Два с половиной миллиона долларов, похищенные в Казино, могут оказаться в этой коробке. Просьба ко всем, кто знает местонахождение этого человека, немедленно сообщить в полицию...»

«Бьюик» вильнул, и водитель, который в это время шел на обгон, засигналил и обругал Тома.

— Ты что делаешь? — возмутилась Шила.— Чуть не врезались.

— Закройся! — процедил Том, стараясь взять себя в руки. Ему вспомнилась большая коробка в багажнике. Перед глазами встала надпись «Ай-би-эм»! Два с половиной миллиона!

— Что это ты, точно лягушку проглотил? — спросила Шила.

— Я думаю, эта машина принадлежит тем, кто ограбил Казино,— сдавленно проговорил Том.— Деньги в багажнике!

— Ты спятил?

— В багажнике лежит коробка, и на ней написано «Ай-би-эм»! Наверное, поэтому машину и спрятали,— продолжал Том.

Шилу охватило лихорадочное возбуждение. Ей вспомнились слова диктора: «Два с половиной миллиона долларов, похищенные в Казино, могут оказаться в этой коробке».

— Едем домой и там посмотрим,— сказала она.

— Лучше поедем в полицию.

— Едем домой! Если деньги в багажнике, за них назначат выкуп...

Том хотел возразить, но Шила высунулась в окно.

— Впереди пост. Въезд свободный. Проверяют выезжающих.

Том глубоко и судорожно вздохнул.

— Надо им сказать.

— Умолкни! Сначала убедимся, что деньги в багажнике.

Том уже приближался к посту. Он увидел постового Фреда О'Тула. Они часто ходили вместе в бар играть на бильярде.

О'Тул улыбнулся Тому, пропуская его вперед.

— Обзавелся новой тачкой, да? Хорошо отдохнули?

Бледный Том натянуто улыбнулся в ответ и кивнул.

— Надо было остановиться и рассказать,— вымолвил он, набирая скорость.

— Неужели ты такая размазня? — разгорячилась Шила.— Ведь наверняка назначат большое вознаграждение.

— Может, там и нет никаких денег,— проговорил Том. Два с половиной миллиона! У него даже во рту пересохло.

Остаток пути они провели в молчании. Они приехали как раз вовремя. Хозяева коттеджей и бунгало уже на работе, а хозяйкам идти за покупками еще рано. Но, остановившись возле дома, Том увидел своего любопытного соседа Гарри Дилана.

— Везет как утопленникам! — буркнул Том.

Шила вылезла из машины, чтобы открыть гараж.

— С приездом, миссис Уайтсайд,— окликнул ее Дилан и перекрыл воду в шланге.— Рад вас видеть. Хорошо отдохнули?

Гарри Дилан был маленького роста, толстенький и лысоватый. Всю жизнь он прослужил в банке и теперь ушел на покой. Ему всегда хотелось подружиться с Уайтсайдами, но те считали его занудой, причем Том подозревал, что Дилан неравнодушен к Шиле.

— Спасибо, мистер Дилан, прекрасно,— ответила Шила и побежала к гаражу.

— Я вижу, у вас новая машина, мистер Уайтсайд. Не то что ваша прежняя. Когда это вы купили?

— Это не наша,— объяснила Шила.— Наша сломалась. Вот и пришлось одолжить, чтобы добраться до дома.

— Сломалась! Плохо дело. Где же вы были?

— Да везде,— заторопилась она, заметив, что Том закрывает гараж.— Извините... нам нужно распаковать багаж.

— До чего мне надоел этот тип! — разозлился Том.

— Ладно, открывай. Давай посмотрим.

Том повернул отмычку в замке и поднял крышку багажника. Шила нагнулась в багажник и ухватилась за коробку.

— Деньги там! Я не могу сдвинуть ее с места!

Тома затрясло:

— Ох, не оберешься неприятностей...

Он взялся с другой стороны, и они вместе выдвинули коробку из глубины багажника. Только она приоткрыла ее, как в гараж постучали.

— Кто там? — спросила Шила, ни жива ни мертва.

Они медленно подошли к воротам, и Том приоткрыл одну створку. Перед ними стоял улыбающийся Дилан.

— Извините за беспокойство, мистер Уайтсайд, но пока вас не было, заходили газовщик и электрик. Я счел своим соседским долгом уплатить по счетам.

Том едва сдержался. Он скорчил подобие улыбки.

— Сперва мы распакуем вещи... большое спасибо. Я зайду, как только все встанет на свои места, не возражаете?

— Милости просим, и жену приводите. Я открою бутылочку виски. Хотите, я помогу носить вещи?

— Спасибо, не нужно. Ну, так через два часа, мистер Дилан,— ответил Том и наглухо затворил вход. Бормоча проклятия, он прислонился к воротам.— Этот старикашка дождется, что я его прибью!

— Том!

Он подошел к ней, когда она открыла коробку. У обоих захватило дух при виде пачек из пятисотдолларовых купюр.

— Ты только погляди!— прошептала Шила.— Господи!

Том дрожащей рукой взял одну из пачек и тут же выронил.

— За это можно получить по двадцать лет! Лучше позвонить в полицию!

Шила схватила ту пачку, что он выронил, и трясущимися пальцами пересчитала деньги.

— Здесь десять тысяч долларов... десять тысяч! — У нее вдруг сделалось каменное лицо, она бросила деньги в коробку и в упор посмотрела на Тома.— Тупица! Черт побери!.. Ты же оставил на машине наш адрес! Тот человек может найти машину и узнает, что деньги у нас! Боже, до чего же ты глуп!

— Мы сдадим деньги в полицию.

— Нет, мы не сдадим деньги в полицию. Если сдать деньги в полицию, то они сами хапнут вознаграждение! Помоги перенести деньги в дом! — тихим и страшным голосом проговорила она.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

Ее ярость напугала Тома. Ворчливый, но покорный, он с трудом выгрузил коробку из машины. Они вместе перетащили ее в гостиную и с облегчением бросили на потертый ковер. Шила подбежала к окну и опустила штору.

— Пошли! Купим насос и поедем назад.

Он поймал ее за руку и с силой рванул к себе.

— Что ты задумала? Что все это значит?

Шила стояла бледная, с лихорадочным блеском в глазах.

— Теперь мой черед командовать! Будешь делать то, что я тебе велю! Два с половиной миллиона! Они в наших руках! Никто про это не знает. Так вот, слушай... мы оставим их себе!

Мейски смотрел, как «бьюик» выезжает из-под навеса, разворачивается и выруливает к проселку. Два с половиной миллиона! Уплыли из рук после всех трудов!

Он собрался с силами и сел. Они, должно быть, приехали на машине... Где же она?

Он раздвинул ветви, которые скрывали вход в пещеру, и стал медленно спускаться.

Наконец Мейски выбрался на поляну. Он огляделся вокруг, потом дошел до проселка. Там, под деревьями, стоял запыленный автомобильчик, а на лобовом стекле под щеткой белел листок бумаги. Он приблизился к машине, взял листок и прочитал записку Тома.

Мейски закрыл глаза и прислонился к машине. Так вот в чем дело. У них случилась поломка, и они одолжили «бьюик», но собираются вернуть его! Коли повезет, они не заглянут в багажник.

Нетвердой рукой он переписал адрес Уайтсайда на обратную сторону старого счета, который завалялся у него в кармане. Потом той же щеткой опять прижал записку Тома к лобовому стеклу.

Теперь оставалось только надеяться. Они не похожи на мошенников. Вернут его машину, починят свою, и поминай как звали... если повезет. Мейски нахмурил брови, его изворотливый ум насторожился. А не удивит ли их, что машина спрятана на поляне? Не донесут ли они о своей находке в полицию? Стараясь двигаться как можно осторожнее, он пошел обратно в пещеру.

Постовой Фред О'Тул посмотрел на часы. Через десять минут его должны были сменить. И то сказать: пора!

Показалась очередная машина, и О'Тул поднял руку.

«Бьюик» остановился, и из окна высунулся Том Уайтсайд. Он был бледен, несмотря на загар, и улыбался через силу.

— Привет, Фред.

— Ах, это ты...— удивился О'Тул.— Ты ведь поехал домой...

— Да... надо вот машину вернуть,— сказал Том.

— Здравствуйте, мистер О'Тул,— весело поздоровалась Шила и одарила его чувственной улыбкой.— Как вам мой загар?

О'Тул всегда считал ее соблазнительной бабенкой.

— У вас очень аппетитный вид, миссис Уайтсайд.

О'Тул оглядел машину. Он помнил, что в розыске двухдверный «бьюик».

— Новенькой обзавелся? — спросил он Тома.

— Нет. Мой рыдван сломался. Пришлось одолжить эту. А почему такая суматоха?

— Суматоха? Ты что, газет не читаешь? Из Казино украли два с половиной миллиона.

— Неужели? — Шила выпятила бюст в направлении О'Тула.— Вот это да! Два с половиной миллиона... ух ты!

О'Тул посмотрел на нее. Повезло Уайтсайду, что и говорить.

— Придется осмотреть машину, Том,— сказал он.

— Валяй.— Том протянул ему ключ.— Сейчас верну эту машину и заберу свою старушку.

О'Тул проверил багажник и вернул ключ Тому.

— А у кого ты ее одолжил?

— Да у одного мужика... нашего клиента,— ответил Том, отирая пот со лба.

О'Тул сунул голову в салон и поглядел на лицензионную карточку. Потом отступил назад и записал в блокнот: Франклин Людович, Мон-Репо, Песчаная аллея, Парадиз-Сити.

— Ладно, поезжай. Я через пять минут сдаю пост. О-хо-хо!

— Еще бы. Увидимся,— махнул ему рукой Том.

— Фу-у! — с облегчением выдохнула Шила.

Том молчал. Он думал про стоящую у них в гостиной коробку, набитую такой кучей денег, какую он и вообразить себе не мог.

Наверняка, подумал он, за них причитается крупное вознаграждение. Казино ведь застраховано. Только надо было сразу пойти в полицию. Как он объяснит задержку? Ему стало не по себе.

— А ведь они могут нас подстеречь,— произнес он.

— Они? Там же только один... ему за шестьдесят, щуплый. Сам же слышал по радио,— презрительно скривилась Шила.

А Тому действительно стало страшно.

— Этот человек... вдруг у него пистолет?

— Ну и что? Ну, пистолет... а у нас два с половиной миллиона! Если ты не можешь с ним сладить, то я сделаю это запросто!

Том покачал головой.

— Какая смелая! Все-таки я считаю, нужно пойти в полицию.

— Господи боже мой! Никакой полиции!

Они подъехали к своей машине. Том вылез из «бьюика».

Записка, которую он оставил, была на прежнем месте. Он выдернул ее из-под щетки и сунул в карман. «Хорошо,— немного успокоился он,— хоть в чем-то повезло».

Вернувшись к «бьюику», он достал новый масляный насос, который захватил по дороге в мастерской «Дженерал моторз», и занялся его установкой. Вскоре, потарахтев и поурчав, машина уехала.

Мейски собрался с силами и спустился к «бьюику». Ему с трудом удалось вставить ключ в замок багажника — так дрожала рука. Он поднял крышку и обмер. В порыве бешенства он плюнул в пустой багажник.

Все-таки они нашли коробку!

Том загнал машину в гараж и заглушил двигатель. Они торопливо прошли через кухню в гостиную. Постояли, глядя на коробку, потом Шила открыла ее.

— Вот не думала, что когда-нибудь в жизни увижу столько денег,— проговорила она сипловатым от волнения голосом.

Том упал в кресло. Его знобило и трясло от страха.

— Их нельзя брать себе. Нужно сообщить в полицию.

— А мы возьмем... все до последнего доллара.— Она подошла к бару, плеснула в два стакана по внушительной порции виски.

Том выпил виски залпом. Спиртное подействовало. Настроение улучшилось, и появилась какая-то бесшабашность.

— Никто не знает, что деньги у нас,— сказала Шила.— Это подарок судьбы. Мы не откажемся от него.

Том почувствовал, как внутри у него разливается тепло.

— Ладно... допустим, у нас хватит глупости взять деньги, да? А тратить-то их нельзя. Ведь каждой собаке в нашем городе известно, что мы вечно сидим без гроша. Ну и как тут быть?

Шила сосредоточенно поглядела на него, отметив про себя, что теперь он на верном пути.

— Ждать. Через несколько месяцев их можно будет без всякого риска вывезти отсюда. Не на век же перекрыли дороги. Когда шумиха уляжется, мы и рванем.

— Ну? А сейчас-то куда эту чертову коробку девать? Здесь, что ли, оставить?

— Нет, мы ее закопаем. Под кухонным окном...

— Ты соображаешь, что можно загреметь на двадцать лет?

— А ты соображаешь, что у нас два с половиной миллиона?

Том знал, что поступает дурно, но даже муки совести не могли перетянуть соблазна прибрать к рукам такое богатство.

— Ладно. Ты сама лезешь в омут. Сейчас что делать с коробкой?

— Давай поставим ее в свободной спальне. И накроем стеганым покрывалом.

— Тебе нельзя будет отлучаться. Это ты понимаешь?

— Сторожить кучу денег — не такой уж каторжный труд.

Он помолчал в нерешительности и сдался.

Они перетащили коробку в спальню и придвинули к стене. Шила сняла с кровати покрывало и набросила на коробку.

— Ступай. Не забудь принести что-нибудь к ужину.

На Тома вдруг нахлынуло страстное желание.

— Если уж мы в этом заодно,— произнес он нетвердым и хрипловатым голосом,— давай будем заодно во всем.

Она угадала в его взгляде отчаянное желание и в который раз убедилась в своей полной власти над ним.

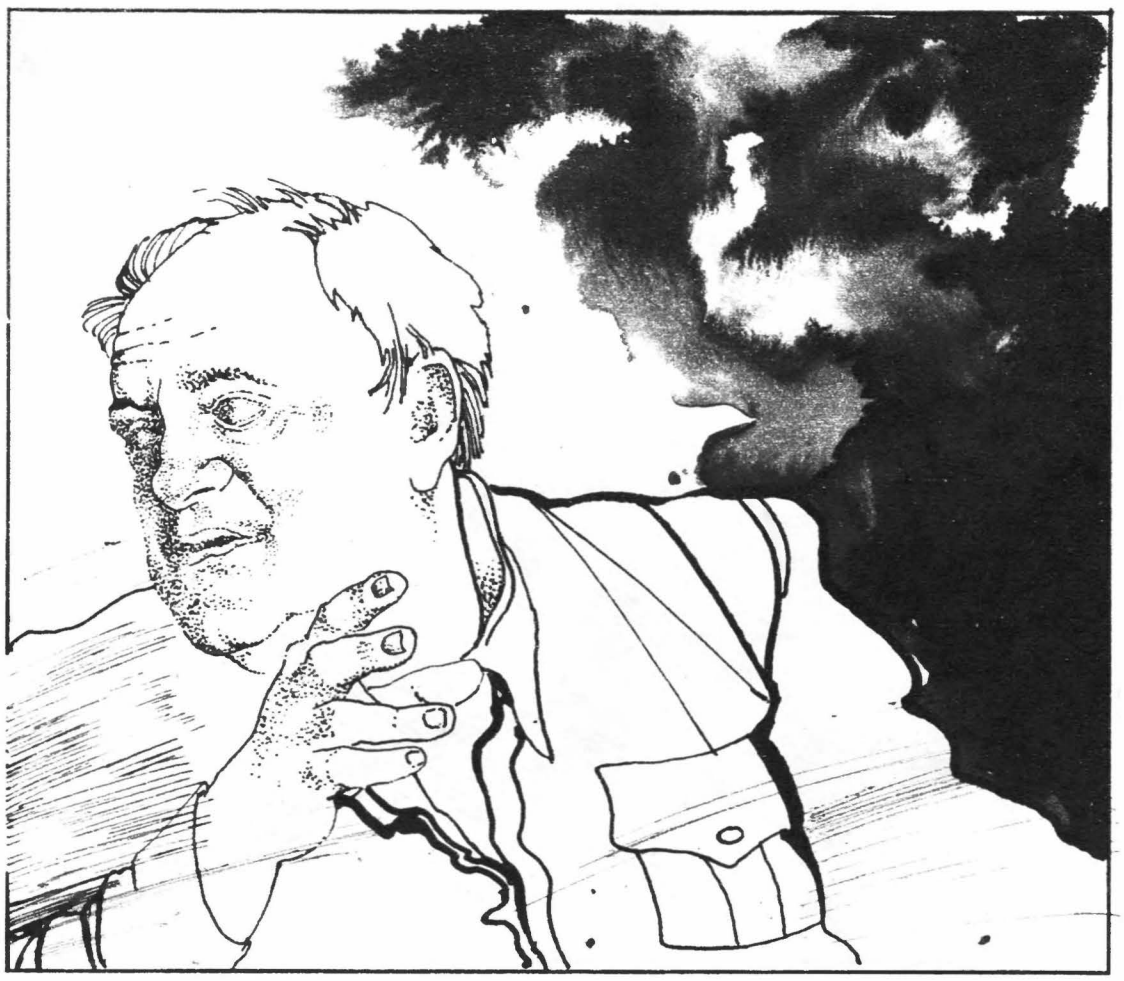
— Ну, ладно... будь по-твоему...

Когда Том ушел, она приняла душ. Потом, голая, вернулась в спальню, откинула с коробки покрывало и, присев на корточки, долго перебирала деньги.

Вот, думала она, где сила... ключ к той двери, за которой таится мир ее мечты. Перво-наперво она купит норковую шубку, после — бриллиантовое колье, а уж там — все, что приглянется. Она вообразила дом о шести спальнях с отдельными ванными комнатами, с просторным холлом, с большим садом и с китайской прислугой. Потом ей представился темно-бордовый автомобиль марки «бентли» и шофер-японец в темно-бордовой форме.

Шила выпрямилась, огладив свое тело длинными пальцами, приподняла груди, вздохнула и начала одеваться.

Настанет день, когда Тому придется указать на дверь. В нем нет размаха... решительности. Она наметила себе темноволосого, рослого, сильного, тако-



Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА.

го, чтобы его уважали метрдотели и чтобы знал, как позаботиться о женщине.

Не в силах устоять перед искушением, она вынула из коробки три пятисотенных бумажки, заткнула за чулок. До чего приятно было ощущать кожей такую кругленькую сумму.

Она открыла платяной шкаф и с пренебрежением оглядела его содержимое. Господи! Какая убогая куча тряпья!

Накрасившись и причесавшись, Шила перешла в гостиную. Она посмотрела на свои дешевые ручные часики. Половина двенадцатого. Шила нахмурилась: она вдруг ясно представила, что отныне будет сидеть в четырех стенах. Денег — куры не клюют, а... сколько времени уйдет впустую!

Она проголодалась. Сандвичи ела, вышагивая по гостиной. Ей не сиделось на месте. Она все жалела о вынужденном бездействии, а ведь уже можно было бы швырять тысячи направо и налево.

Только Шила прикончила второй сандвич, как раздался звонок в дверь. Она вздрогнула от неожиданности и замерла, а сердце заколотилось как бешеное. Она пошла к входной двери.

На пороге стоял Гарри Дилан.

— Вы, верно, забыли, что мы условились о встрече,— сказал он и помахал бутылкой «Старых роз».— Жена ушла за покупками. А я думаю, дай загляну.

Шила смерила его взглядом, помялась и решила, что на безрыбье и рак рыба.

— Что ж... заходите.

— Мистер Уайтсайд ушел на службу, да? — Дилан ощупывал ее глазами. Он облизнул губы кончиком языка.

— Да... он на работе.

Она провела его в гостиную.

Шила взглянула на поданные ей счета за газ и электричество и небрежно бросила их на стол.

— Муж заплатит.— Она твердо посмотрела Дилану в глаза.— Он никогда не оставляет мне денег.

— Наверное, все мужья одинаковы,— нервно засмеялся Дилан. Он никак не мог унять свои бесстыжие глаза.— Может, пропустим по глоточку, миссис Уайтсайд?

— Почему бы и нет?

Шила подала стаканы, содовую и лед. Все время, пока ей пришлось ходить взад-вперед, она чувствовала на себе его взгляд.

— Вы слыхали про ограбление Казино? — спросил он, щедро наполняя стаканы.— Шумное дело. Два с половиной миллиона!

— Да, по радио говорили. Что бы вы стали делать с такими деньгами, мистер Дилан?

— Не знаю... право. Я много лет прослужил в банке. И, поверьте, знаю цену деньгам. Так вот что я скажу... это чересчур крупная сумма. Обычный человек растеряется при виде таких денег.

Шила с трудом удержалась от презрительной усмешки.

— Ну, не знаю. Деньги расходятся быстро.

— Только не такая сумма. Тут голова кру́гом пойдет. К тому же там одни пятисотенные купюры. А купюра такого достоинства вызывает подозрение.

— Что же, у людей не бывает по пятьсот долларов одной бумажкой?

— Бывает, конечно, но не у многих. А банки будут теперь настороже.— Они потягивали виски, а Дилан не мог оторвать глаз от ее ног.— Так вы хорошо отдохнули?

Она не слышала его. Она думала... прикидывала, стоит ли верить на слово этому старому дураку. Пожалуй, не стоит.

— Миссис Уайтсайд... вы замечтались,— рассмеялся Дилан.— Летаете где-то далеко... вы хорошо отдохнули? Вам понравилось?

Опять он за свое? Ей вдруг сделалось невыносимо скучно.

— Да... великолепно.— Она допила виски и встала.— Ну... извините, что выгоняю, но мне нужно распаковаться. Вечером Том рассчитается с вами. Спасибо за угощение.

Дилан опомниться не успел, как Шила выставила его за дверь.

Глава 8

В двадцать минут пополуночи Том встал.

— Можно приниматься за дело,— сказал он.— Хватит ждать.

— Лучше выйди и проверь, нет ли где света.

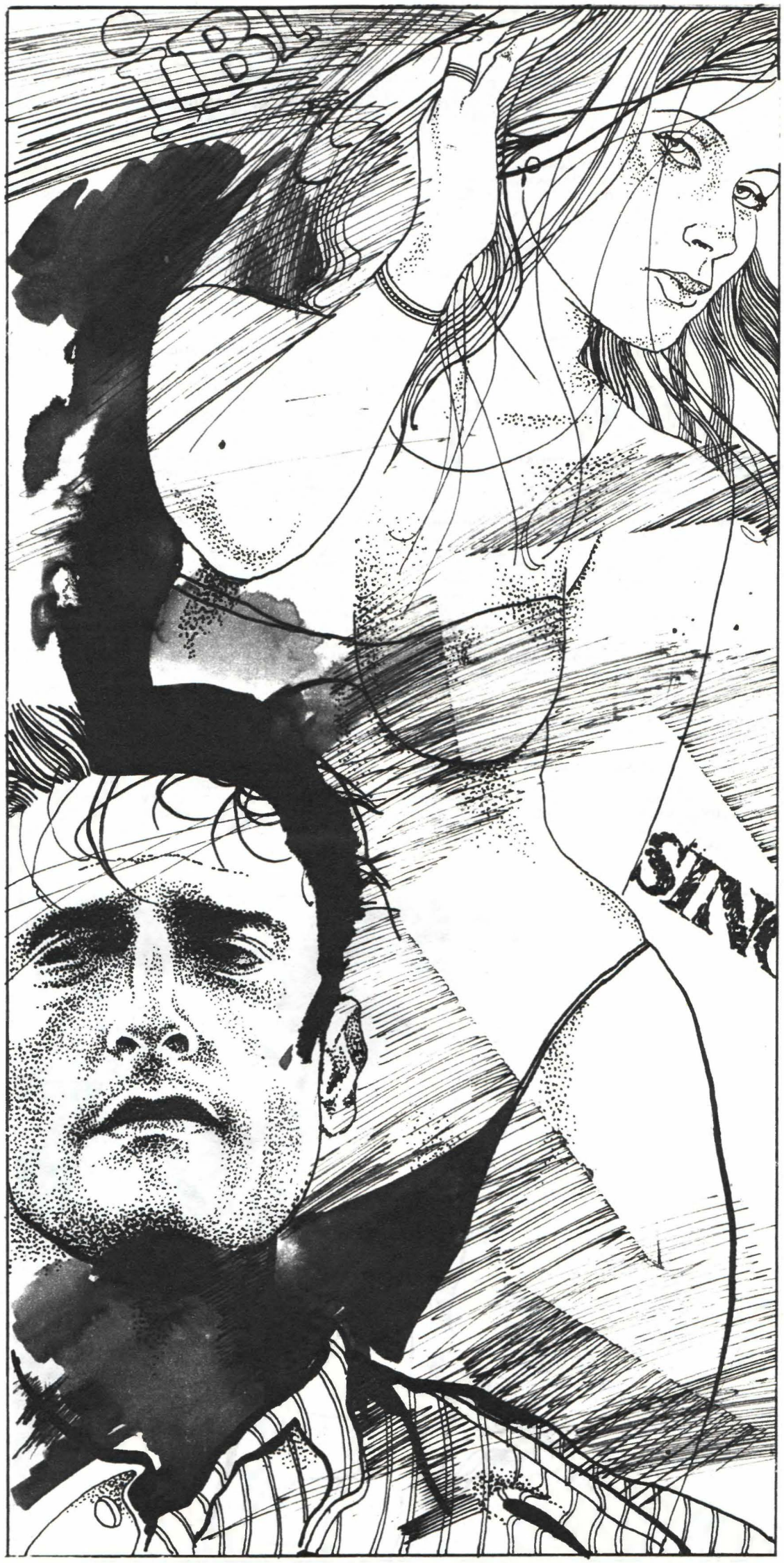
Том открыл заднюю дверь и вышел в сад.

Стояла душная ночь. Том медленно прошел по садовой дорожке до забора, посмотрел по сторонам. Все соседние бунгало были погружены в темноту. Он поспешил к дому, а тем временем навстречу ему вышла Шила.

— Тихо?

— Да... сейчас возьму лопату. Иди к забору и поглядывай.

Выкопать яму оказалось труднее, чем он думал. Клумба пустовала, они не засадили ее, и земля слежалась.



Наконец, он вылез из ямы и оглядел ее сверху. На его взгляд, этой глубины было достаточно.

— Угрохал полтора часа на крошечную ямку! — с упреком бросила она.— Что ж ты за мужик?

— Заглохни! — разозлился Том.— Земля как камень.

Они зашли в спальню, где стояла коробка, уже обернутая полиэтиленовой пленкой, оттащили ее в сад и опустили в яму.

Спустя двадцать минут они вернулись в гостиную. Том налил себе изрядную порцию виски. Он был грязный, потный и взвинченный.

— Это психоз. Нам в жизни не истратить столько денег! Неужели недостаточно вознаграждения?

— Значит, мы психи,— ответила Шила.— Прими душ и ложись.

— А если кто-нибудь откопает коробку, пока мы спим?

— Ты что, хочешь сторожить всю ночь? Так валяй.

Он в изнеможении поглядел на нее.

— Какая-нибудь собака может...

— Да угомонись ты! — Она ушла в спальню.

Том постоял в задумчивости и отправился в душ. Горячая вода немного успокоила его. Зайдя в спальню, он успел заметить, как метнулась украдкой рука Шилы.

— Что у тебя там?

— Ничего.

— Ты брала из коробки деньги?

— Нет!

— Врешь! — Он с силой толкнул ее, и она упала спиной на кровать. Тогда он выдвинул ящик. Однако денег там не оказалось.

— Убедился, дикарь?

Он встал над ней. Тревога заглушила в нем чувственность.

— Я тебе не верю! Ты помешана на деньгах! Если потратишь хоть один из этих банкнотов, нам крышка! Понимаешь? Можешь ты уразуметь это своей тупой от жадности башкой? Нельзя трогать деньги, пока мы не переберемся в другой штат... понимаешь?

Она села, а в правой руке у нее были зажаты три припрятанных пятисотенных бумажки.

— Это я уже слышала. Не глухая. Чего ты так взбеленился? Ничего я не трогала! Ложись спать, устроил тут балаган.

Нарочито виляя бедрами, Шила прошла через всю комнату в ванную. Она хлопнула за собой дверью, постояла, прислушалась и посмотрела на три скомканных бумажки в руке. Чуть было не попалась, мелькнуло у нее. Если бы нашел, наверняка отобрал бы. Она огляделась и торопливо сунула деньги в коробку с гигиеническими салфетками, которыми Том никогда не пользовался. После этого, напевая себе под нос, приняла душ.

Том лежал в постели. Думал про бешеные деньги, зарытые в саду. Про Шилу. Что-то она припрятала. От жадности и глупости ее так и подмывает прямо сейчас кинуться по магазинам.

Шила вошла в спальню и села на кровать со своего края.

Он выключил свет. Они молча лежали в темноте. Том начал представлять, как она выглядит под простыней в своей короткой ночной сорочке. Он беспокойно заворочался.

— Эй, Казанова,— раздался ее голос.— Я узнаю симптомчики. Ты уже получил свой месячный паек. Спать.— Она повернулась к нему спиной и поджала под себя ноги.

Оба почти не спали в ту ночь.

Мейски разбудило солнце, пробившееся сквозь ветви в пещеру. Он почувствовал, что к нему вернулись силы. Недоверчиво замер. Потом медленно сел.

Мейски пожарил и с удовольствием съел яичницу с ветчиной, запив ее некрепким кофе, затем побрился и умылся водой из ведра. Из пещеры надо было уходить. Правда, он сомневался, что те двое сообщат в полицию про «бьюик». Деньги-то они взяли, так что им нет смысла поднимать шум. И все же оставаться здесь было рискованно.

Мейски задумался, куда бы ему отправиться, и вдруг губы его тронула улыбка. Он вынул из бумажника старый счет, на котором записал адрес: Том Уайтсайд, 1123, Делпонт-авеню, Парадиз-Сити. Куда же еще, как не поближе к деньгам?

Долгие годы преступной жизни приучили Мейски быть всегда готовым к любой неожиданности. Еще до ограбления он предугадал, что могут возникнуть обстоятельства, при которых ему понадобится исчезнуть из вида. И он приготовился загодя. Из чемодана были извлечены густой белый парик, черный сюртук, черные брюки, широкополая черная шляпа и пасторский воротничок.

Через десять минут Мейски преобразился. Маленький, щуплый, седой священник, смотревший из карманного зеркальца, не имел ничего общего с Сержем Мейски. Он нацепил очки в роговой оправе, пригладил фальшивые волосы, надел шляпу.

Затем Мейски сложил в чемодан самое необходимое и не спеша спустился по тропе к «бьюику».

— Оставь денег,— напомнила Шила.

— Хоть бы настал день, когда ты напрочь забудешь слово «деньги».— Он дал ей пятерку.— Мы на мели. Не трать попусту.

— Хоть бы настал день, когда мы не будем сидеть без гроша.

— Мне пора. Никуда не уходи. Ужин принесу.

— Не уйду.

После его ухода она снова улеглась в постель, но ей не спалось. Не давали покоя деньги, спрятанные в ванной. Наконец Шила пошла туда и вынула их из коробки с салфетками. Присев на край кровати, Шила внимательно рассмотрела каждый банкнот. На вид в них не было ничего необычного, однако, не удовлетворившись простым осмотром, она прошла в гостиную и отыскала увеличительное стекло, в которое Том иногда разглядывал мелкомасштабные карты. Она включила настольную лампу и еще раз дотошно проверила все три банкнота с помощью лупы. Нет, решила она, их не метили. Тогда почему бы не потратить их?

Шила положила деньги обратно в коробку с салфетками и опять легла в постель. Она знала в центре одно подходящее ночное заведение. Когда Том вернется, она скажет ему, что хочет прогуляться, а сама отправится туда и разменяет деньги.

Часов в одиннадцать, прочитав газету и изнывая от скуки, Шила встала и оделась. Вдруг в дверь позвонили.

Шила пошла к входной двери. При виде Гарри Дилана у нее потемнело в глазах.

— Доброе утро, миссис Уайтсайд,— бодро поздоровался он.— Ну и ну! Какие непоседы! Я вижу, вы вскопали клумбу за домом. Когда же это успели?.. Ночью?

Шила не повела бровью, хотя это стоило ей невероятных усилий. В душе она готова была растерзать нудного старикашку.

— Тома укусила какая-то муха. Силу некуда девать.

— А я-то все думал, когда же вы ее вскопаете. Хорошая клумба... и размер подходящий. У меня есть лишняя коробочка петуний.

— Большое спасибо. Том сам что-то надумал.

— А что он собирается посадить?

— Не знаю, меня это совершенно не волнует,— грубо ответила Шила.— Извините, у меня кастрюля на плите.— И захлопнула дверь.

На часах было только половина двенадцатого. Утро тянулось целую вечность. Она пошла в гостиную, плюхнулась в кресло и закурила. Она уже жалела, что согласилась сидеть весь день взаперти. Тому хорошо. Он на людях, ему не скучно. Но уходить нельзя... вдруг кто-нибудь... но кто? Она села прямо, нахмурилась. Деньги зарыты. С какой стати кто-то придет их выкапывать? Ерунда! Еще поразмыслив, она решила прогуляться. Хотя бы сходить в бутербродную и поесть.

Шила прошла в спальню и переобулась. В тот миг, как она доставала из шкафа жакет, раздался звонок в дверь.

«Если это опять Дилан, я его прибью!» — подумала она, гневно прошагала по коридору и распахнула дверь.

На пороге стоял низенький, хлипкий священник. Он держал в руке потрепанный чемодан и смотрел на нее добрыми серыми глазами сквозь очки в роговой оправе.

— Миссис Уайтсайд?

— Да, но я занята,— неприветливо ответила Шила.— Извините, мы не жертвуем на церковь.

— Я пришел по поводу денег. Тех, что вы украли.

Шила почувствовала, как кровь отлила у нее от головы.

Он с язвительной усмешкой следил за выражением ее лица.

— Простите, что огорчил вас.— Он шагнул вперед, оттеснив Шилу в коридор. Потом притворил и запер входную дверь.

Шила взяла себя в руки.

— Убирайтесь вон, или я позову полицию,— сказала она.

— Напрасно. Тогда деньги не достанутся никому из нас. А ведь там хватит и мне, и вам...— Он вошел, поставил чемодан на пол. Затем снял шляпу и направился к креслу, поморщившись при виде переполненных окурками пепельниц, грязных стаканов и пыльной мебели.— Я присяду, не возражаете? Что-то неважно себя чувствую в последнее время... много хлопот.

Она стояла в дверях, смотрела на него и гадала, как ей быть. Должно быть, это пятый грабитель, которого разыскивает полиция, но в таком странном наряде! Священник!

— Нечего рассиживаться,— сказала она, стараясь придать голосу твердость.— Не знаю я ни про какие деньги... все, убирайтесь!

— Пожалуйста, не глупите. Я видел, как вы с мужем взяли мою машину. Деньги лежали в багажнике. Я не виню вас. Что вы с ними сделали?

— Их здесь нет. Я... я не знаю, о чем вы говорите.

Мейски поглядел ей в лицо. Шила беспокойно поежилась.

— Миссис Уайтсайд, сейчас я в роли доброго, безобидного священника.— Он помолчал, потом наклонился вперед, и лицо его в мгновение ока исказилось гримасой бешеной, испепеляющей ярости.— Тебе же будет лучше, если я им и останусь, дрянь вонючая, иначе так тебя проучу, что своих не узнаешь.

Он откинулся на спинку кресла, и лицо его столь же внезапно подобрело и расплылось в улыбке.

— Присядьте, моя милая.

Шила покорно села напротив. Страх парализовал ее.

— Как вас зовут? — ласково спросил он.

— Шила,— нехотя ответила она.

— Красивое имя... Однако мы говорили о деньгах. Где они?

Она вспомнила про комья свежей земли на садовой дорожке. Стоит ему выглянуть в кухонное окно, и он обо всем догадается.

— Мы зарыли их ночью в саду,— процедила она.

— Пожалуй, я поступил бы точно так же.— Он окинул ее взглядом, задержавшись на стройных ногах.— Вы или ваш муж ничего не оставили себе на мелкие расходы?

— Нет.

— Весьма разумно.— Он оглядел гостиную и поморщился.— Поскольку я намерен прожить здесь около месяца, должен просить вас, моя милая, сделать в доме уборку. Я привык к чистоте.

Шила побагровела. Он задел ее больное место, и, позабыв о страхе, она выпалила:

— Вы здесь не останетесь. Я вышвырну вас вон!

Его змеиные глазки тотчас похолодели. Он опустил свою похожую на клешню руку в карман, вынул небольшой пистолетик и навел его на Шилу. Та вжалась в стул.— Тогда, моя милая, придется проучить вас. Этот пистолетик заряжен концентрированной кислотой. Кожа с вашего личика слезет, как с апельсина. Глядите...— Он прицелился ей в ноги и нажал курок.

У ног Шилы возникло белое облачко. Когда оно рассеялось, она с ужасом заметила, что кислота прожгла в ковре дырочку.

— Здорово, правда? Советую впредь содержать дом в чистоте.

Она уставилась на него — беспомощная и взбешенная. «Ладно же, сейчас твоя взяла, но я с тобой посчитаюсь».— подумала Шила.

— Хорошо.— сказала она вслух.

Мейски сунул пистолет в карман.

— За мной охотится полиция. Ваш дом — самое подходящее убежище. Но у вас есть друзья. Их удивит, что у вас живет священник. Придется найти повод, по которому я оказался здесь. Ваша мать умерла?

— Да.

— Она здесь умерла?

— Нет... в Новом Орлеане.

— Так, а что, если я буду священником, который проводил ее в последний путь? Я приезжаю сюда... вы вспоминаете свою дорогую матушку... любезно предлагаете мне остановиться у вас... я принимаю приглашение. Чего проще?

— Если считаете, что это пройдет...

— Значит, на том и порешим.— Мейски взглянул на часы.— Почти двенадцать. Я голоден. Как у вас с едой?

— Шаром покати.

Он посмотрел на нее, склонив голову чуть набок.

— У меня было предчувствие, что вы так и ответите. Ну, тогда сходите и купите что-нибудь. Добрый кусок вырезки, зеленый салат и картофель «фри» меня вполне устроят.

— Я не умею готовить,— мрачно изрекла Шила.

— И это меня не удивляет, однако я умею готовить. Ступайте и купите продукты.

Шила удалилась в спальню. Постояла, вошла в ванную и заперлась там. Достала из коробки с салфетками три пятисотенных и заткнула их за чулок. Потом спустила воду, отперла дверь, вышла в спальню и надела жакет.

Выйдя из спальни, она увидела в коридоре Мейски.

— Долго не ходите, моя милая. Я голоден.

— Мне нужны деньги. У меня только пять долларов.

Он вытащил из кармана пухлый бумажник и выдал Шиле десятку.

— Добрый кусок вырезки... самый лучший... понятно?

Она прошмыгнула мимо него, вышла из дома и зашагала к калитке.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Окончание следует.

Библиотека зарубежного детектива

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

Роман

Том Уайтсайд тщетно пытался продать пожилому господину спортивный «бьюик»-универсал. Они стояли в демонстрационном зале «Дженерал моторз», окруженные автомобилями, и Том уговаривал его:

— Взгляните, мистер Уэйн, более подходящей модели вам не найти. Смотрите, какая она вместительная. При вашей большой семье это именно то, что нужно.

— Ладно, мистер Уайтсайд, спасибо за хлопоты. Я подумаю.— Они пожали друг другу руки.— Посоветуюсь с женой.

Том посмотрел ему вслед и в сердцах чертыхнулся. «Вот так всегда,— подумал он.— Поймаешь клиента на крючок, ведешь его, ведешь, а в последний момент он срывается».

Его окликнула управляющая делами мисс Слэттери:

— Тебя к телефону, Том... жена.

Том встревожился. Неужели что-нибудь случилось?

— Я возьму трубку у себя в кабинете,— ответил он и поспешил в свою каморку.— Алло? Шила?

— Молчи и слушай,— сказала Шила. Она звонила по телефону-автомату. Без лишних слов она выложила все про Мейски.

— Он знает, что деньги у нас? Надо сообщить в полицию!

— Сейчас ничего сделать нельзя... Мы же спрятали деньги? Значит, стали сообщниками. Том... ты можешь купить пистолет? У него пистолет с кислотой. Я ему не доверяю. Не исключено, что нам придется убить его.

— Ты спятила! Убить? О чем ты говоришь?

— Можешь ты купить пистолет?

— Нет! Не могу!

— Никчемная размазня! Ладно, приходи как можно скорей.— И она повесила трубку.

— Шила! — Том постучал по рычажку и тоже бросил трубку.

У него дрожали руки, учащенно билось сердце. Раздался сигнал селекторной связи. Помешкав мгновение, он заставил себя успокоиться и щелкнул тумблером.

— Том, здесь мистер Кейн. Он ждет свой «кадиллак»,— сказала мисс Слэттери.

— Иду,— ответил Том.

Шила вышла из магазина самообслуживания с фирменной бело-голубой пластиковой сумкой, в которой лежали кусок мяса, пачка замороженного картофеля, пакет сандвичей с говядиной и пачка мороженого. Она свернула в переулок и замедлила шаг. Перед нею — магазин Джейкобса. Она бывала несколько раз у Джейкобса, когда пришлось заложить запонки Тома и золотой браслет, что он подарил ей на свадьбу. Она толкнула дверь и вошла в магазин.

Из задней комнаты появился маленький человечек в ермолке.

— Очень рад вас видеть, миссис Уайтсайд,— радушно улыбнулся он. А про себя думал: «Ну и везунчик этот Уайтсайд! Каждую ночь он делит постель с такой красавицей. Чтоб я так жил!»

— Мистер Джейкобс, я тут собралась в путешествие,— заворковала Шила.— Том считает, что мне нужен пистолет. Я еду на машине... одна. У вас можно купить пистолет?

Джейкобс опешил. Молчание затянулось, и Шила резко спросила:

— Так можно или нельзя?

— Да, миссис Уайтсайд. Если не трудно, выйдем в другое помещение... Вы же понимаете? Приходится соблюдать осторожность.

Она прошла за ним в тускло освещенную комнату.

— Одну минутку, пожалуйста.

Джейкобс скрылся в следующей комнате, и она услыхала, как он роется в вещах и что-то приговаривает. Наконец он вернулся и принес маленький пистолет.

— А вы умеете обращаться с оружием, миссис Уайтсайд?

— Нет.

— Естественно. Так я вам объясню. Вот это предохранитель. Откидываете его назад... вот так. Будьте осторожны: у него легкий спуск.— Он тронул курок, и послышался резкий щелчок.— Двести долларов, миссис Уайтсайд, включая десять патронов.

Она взяла пистолет, примерилась к нему и нажала на спуск. Раздался тот же резкий щелчок. «Совсем не трудно»,— подумала она.

— Пожалуйста, зарядите.

Он поглядел на нее с тревогой и удивлением.

— Я покажу, как это делается. А пистолет пусть будет незаряженным — так спокойнее.

— Тогда какой от него прок? Зарядите!

Он вогнал обойму в пистолет, поставил его на предохранитель.

— Умоляю, будьте осторожны... — Он помолчал, бросил на нее лукавый взгляд.— Миссис Уайтсайд, вы не покупали у меня этого пистолета. Понимаете? Я не имею права торговать оружием.

— Да, понимаю.— Она убрала в сумочку пистолет и четыре запасных патрона. Потом протянула ему одну из пятисотенных.

При виде пятисотенной у Джейкобса поползли вверх брови. Она следила за ним, внутренне сжавшись и не без страха.

— Сейчас дам сдачу. Стало быть, у мистера Уайтсайда дела пошли на лад... очень рад за него.

— Он недавно продал три машины. Давно пора...

— Ай, со временем все образуется. Надо только приложить труд... Просто одним везет больше, другим — меньше.— Он протянул ей три сотни.— Вы должны оформить разрешение на пистолет.

— Я знаю... оформлю. Спасибо, мистер Джейкобс.

Выйдя из магазина, Шила задумалась. Затем поспешила в гостиницу «Плаза» и прошмыгнула в дамскую уборную. Достала из сумочки пистолет и, задрав юбку, сунула его за пояс. Ее передернуло от холодного прикосновения стали. Потом вынула из сумочки запасные патроны, подняла крышку бачка и бросила их в воду.

Идя по улице, Шила почувствовала, как пистолет натирает ей живот. В конце улицы была стоянка такси. Она направилась туда, но напротив находился ювелирный магазин Эштона, который так манил ее золотыми часиками. Некоторое время она колебалась, но в конце концов соблазн взял верх.

— Доброе утро, мадам.— За прилавком стоял высокий, пожилой, подчеркнуто вежливый мужчина.— В прошлом году ваш муж продал мне машину. Как он поживает? — Шила растерянно уставилась на него, а он улыбнулся.— Меня зовут Хэролд Маршалл, миссис Уйтсайд. Возможно, вы слышали от мужа мое имя.

«Вот деревня,— подумала Шила.— Живем, как сельди в бочке!» Она одарила его ослепительной улыбкой.

— Да, конечно. Мистер Маршалл, на следующей неделе у нас годовщина свадьбы. Муж хочет подарить мне золотые часики... те, что в витрине.

— О да... это наша лучшая модель. Давайте примерим, миссис Уайтсайд.

У нее захватило дух от прикосновения золотого браслета. Как долго она мечтала об этих часах... и вот они на руке!

— Я беру их.

Его несколько удивила такая решительность. А кругом поговаривали, что Уайтсайды не вылезают из долгов.

— Вы не могли сделать более удачного выбора, миссис Уайтсайд. Завод у них автоматический. У вас не будет с ними хлопот, а если станут немного спешить, то приносите. Мы их подрегулируем.

— Не сомневаюсь.— Она помолчала, любуясь часами, потом, заметив, что он слегка занервничал, спросила: — Сколько они стоят?

Он вздохнул с облегчением.

— Сто восемьдесят долларов.

«Да,— подумала она,— здорово я сорю деньжатами. А почему бы и нет, если у меня два с половиной миллиона?» Однако, протягивая Маршаллу вторую пятисотенную, она вспомнила про злого гнома, который поджидал ее в бунгало.

Тут она обратила внимание на то, что Маршалл с недоверием разглядывает купюру.

— Муж сорвал банк в Казино,— выпалила она.— Выиграл первый раз в жизни. Есть все-таки удача! Целых две тысячи!

Маршалл улыбнулся.

— Да, повезло. Знаете, миссис Уайтсайд, я ни разу не выигрывал ни единого доллара, хотя, признаться, пробовал часто. Очень рад слышать, что мистер Уайтсайд оказался таким удачливым.

Когда она ушла, Маршалл взял в руки пятисотдолларовый банкнот и сдвинул брови. Он припомнил распоряжение, поступившее недавно от начальника полиции. «Пустая трата времени»,— решил он, однако прежде чем положить банкнот в кассу, он записал на его оборотной стороне фамилию и адрес Шилы.

Было без двадцати три. Все это время Том Уайтсайд просидел за своим рабочим столом, думая о разговоре с Шилой. Нервы у него были на пределе.

Окончание, см. «Огонек» №№ 1—6.

Внезапно ему пришло в голову, что он должен ехать домой и выяснить, в чем, собственно, дело. Обтерев потные ладони, он встал и вышел в демонстрационный зал.

Главный продавец Питер Кейн беседовал с клиентом. Сквозь стеклянную стену кабинета Локинга Том видел, как тот говорит с кем-то по телефону. Он застыл в нерешительности, потом, когда Локинг повесил трубку, робко приблизился к двери, постучал и вошел в кабинет.

При виде его Локинг нахмурился.

— В чем дело, Том? Я занят.

Смертельно бледный, с испариной на лбу, Том промолвил:

— Мне нужно домой, мистер Локинг... я что-то съел. Очень плохо себя чувствую...

Через четверть часа, задыхаясь от волнения, вконец перепуганный, он загнал машину в гараж и запер за собой ворота. Войдя в кухню, он услышал, что включен телевизор. Азартный комментатор взахлеб рассказывал о поединке борцов.

Том замер. Что за чертовщина? Как только он шагнул в коридор, из спальни его тихонько окликнула Шила.

— Закрой дверь. Он там,— ответила Шила.— Помешан на телевизоре.

— Кто он?

Она в изнеможении закатила глаза.

— Тот, кого разыскивает полиция... пятый грабитель!

— Он в самом деле здесь? Я думал, у тебя помутилось в голове! — Том онемел от ужаса.

— Почему ты такой тупой? Ведь я сказала... он нашел наш адрес. И намерен жить здесь, пока не уляжется шум.

— Здесь ему нельзя! — вскинулся Том.— Я сообщу в полицию.

— Это ни к чему, мистер Уайтсайд,— мягко вмешался Мейски. Он так тихо отворил дверь спальни, что они даже не заметили.

Том резко развернулся.

Мейски смотрел на него с улыбкой. Он снял белый парик и имел довольно безобидный вид в своем пасторском облачении, если бы не серые змеиные глазки, заглянув в которые Том содрогнулся.

— Я не понимаю, какие у вас причины для беспокойства, мистер Уайтсайд,— продолжал Мейски.— Денег хватит на всех. Пойдемте и обсудим это спокойно.— Он повернулся, прошел по коридору в гостиную, выключил телевизор и сел в кресло.

Том с Шилой сели на стулья поодаль от него.

— Так вот... о деньгах,— проговорил Мейски, сложив ладони домиком.— Мне вполне достаточно полутора миллионов. Вам остается миллион, все же план задуман и осуществлен мною. Мне придется пожить здесь несколько недель, но вы получите хорошую плату за постой. Вас устраивают такие условия?

Шила, видя нерешительность Тома, ответила:

— Да... устраивают.

Она подумала о припрятанном пистолете. Когда ему настанет пора уезжать, он получит все сполна!

Том обернулся к ней.

— Нельзя соглашаться! — вскричал он.— Мы не возьмем ни единого доллара! Нас могут посадить на двадцать лет! С меня хватит!

— Да заткнись ты, тряпка! — заорала на него Шила.

Мейски ухмыльнулся.

— А еще называют женщин слабым полом,— заметил он.— Итак, моя милая, договорились?

— У вас что, уши заложило? — злобно бросила Шила.

Мейски улыбнулся, поблескивая глазками. «А она опасна,— подумал он,— и алчная. Она воображает, что получит что-то! Однако с ней нужно держать ухо востро».

— Прекрасно. Раз мы обо всем условились, я, пожалуй, досмотрю борьбу. Это забавное зрелище.— Он встал и включил телевизор.— Замечательное изобретение, мистер Уайтсайд. С ним быстро летит время...

— Кофе не осталось, шеф? — спросил Беглер, прикуривая новую сигарету от догорающего бычка.

— Есть глоток,— ответил Террелл и придвинул к нему пакет.— Ты слишком много куришь, Джо.

— Точно.— Беглер налил себе кофе.— Я всегда этим страдал.— Он выпил кофе и взял в руки толстую пачку отпечатанных на машинке донесений.— Тут скоро не разберешься.

— Читай, читай,— отозвался Террелл.— У нас уже появились кое-какие зацепки. Мы знаем, где он нанял грузовик, и хозяин грузовика отлично запомнил его. Когда мы его схватим, ему не отвертеться.

— Мы еще не схватили...— Беглер умолк на полуслове и жадно впился глазами в список.— Эй,

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

шеф! Глядите! — Он передал Терреллу одну страницу, отчеркнув ногтем нужное место.

Террелл прочитал: «Франклин Людович, Мон-Репо, Песчаная аллея, Парадиз-Сити. Лиц. № Р. С. 6678».

— Чье донесение?

— Фреда О'Тула.

— Вызвать его!

Спустя двадцать минут в кабинет Террелла явился патрульный Фред О'Тул. Он был не в форме и, видно, наспех влез в джинсы и напялил летнюю рубаху.

— Проходите, Фред,— сказал Террелл, указывая на стул.— Извините... вы, наверное, уже бросили кости на диван.

— Ничего, сэр,— ответил О'Тул.

— Садитесь.— произнес Террелл.

О'Тул робко присел на край стула.

— Фред... этот двухдверный «бьюик». Владелец — Франклин Людович,— начал Террелл.— Что вы можете сказать о нем?

— Проследовал через пост, как указано в донесении, сэр. За рулем сидел Том Уайтсайд, торговый агент «Дженерал моторз».

— Сын доктора Уайтсайда?

— Так точно, сэр. Он сказал, что у него случилась поломка, и он одолжил машину у клиента.

Террелл с Беглером переглянулись.

— Вы осмотрели машину, Фред?

— На въезде в город нет, сэр. Ведь мы проверяли только выезжающие машины, но часа через два он вернулся. Сказал, что возвращает машину. Тогда я проверил ее. Все чисто.

— Он был один?

— С женой.

После ухода О'Тула Террелл встал из-за стола. Беглер уже вкладывал свой револьвер в кобуру. Потом он позвонил Тэннеру и велел передать Джейкоби и Лепски, чтобы те немедленно вышли на автостоянку.

Он отправился следом за Терреллом на стоянку. Едва сели в полицейскую машину, как по наклонному въезду сбежали Лепски и Джейкоби. Они нырнули на заднее сиденье, и Беглер тронул машину с места.

Террелл ввел их в курс дела.

— Вы вдвоем прикроете нас, Лепски, обеспечите тыл. Глядите в оба! Всякое может случиться. Действовать будем по обстановке.

Через десять минут машина остановилась у бунгало Уайтсайдов.

Террелл и Беглер прошли по дорожке к дому и позвонили.

Глава 9

Том Уайтсайд только что смел землю с садовой дорожки, как вдруг из-за дома показался детектив второго класса Лепски. Он сразу узнал Лепски. Тот был приметной личностью в Парадиз-Сити. При его появлении у Тома екнуло сердце.

Мейски из окна гостиной видел, как подъехала полицейская машина и Террелл с Беглером направились к дому.

— Полиция,— сообщил он Шиле ровным голосом.— Только без паники. Если вы не наделаете глупостей, все обойдется.

Его спокойный, уверенный тон подавил в Шиле испуг.

Когда раздался звонок, Мейски так же спокойно сказал:

— Откройте. Держитесь легко и непринужденно.

А сам, поглядевшись мимоходом в зеркало над каминной доской, дабы убедиться, что парик не съехал на бок, уселся в кресло.

С замирающим сердцем Шила открыла входную дверь.

— Миссис Уайтсайд? — спросил Террелл, хотя отлично знал ее.

— Да, это я.— Она заставила себя улыбнуться.— А вы, если не ошибаюсь, начальник полиции Террелл?

— Да... Мистер Уайтсайд дома?

— Дома. Он сегодня пришел рано. Неважно себя чувствует...

Она провела Террелла с Беглером в гостиную. Оба удивились, увидев покойно сидящего в кресле сухонького седого священника. Мейски с радушной улыбкой встал им навстречу.

— Отец Латимер из Нового Орлеана,— представила его Шила.— Отец, это начальник полиции Террелл и... и...

«Ай да краля!» — подумал Беглер, назвав себя.

— Да... Ну, присаживайтесь. Я схожу за Томом.

Она вышла. Мейски пожал руку Терреллу, потом — Беглеру.

— Рад познакомиться с вами,— сказал он.— Я впервые в вашем прекрасном городе.— Тут его лицо приняло скорбное выражение.— Мне выпал печальный долг проводить в последний путь мать Шилы.

Террелл смущенно переступил с ноги на ногу и пробормотал что-то себе под нос. Наступило молчание. Потом в комнату вошел Том и следом — Шила. Лицо Тома было бледно и покрыто испариной.

— Здравствуйте, мистер Террелл. Вы... у вас ко мне дело?

— Говорят, вы хвораете? — спросил Террелл.

— Отравился, наверное,— ответил Том.— Может, выпьете?

— Нет, спасибо... мистер Уайтсайд, тот двухдверный «бьюик», на котором вы ехали...

— «Бьюик»? — тупо переспросил Том.

— Ах, Том... нам не следовало брать его! — воскликнула Шила.

Том выпучил глаза и торопливо подтвердил:

— Да... верно.

Террелл поглядел на Тома, на Шилу, опять на Тома.

— Мистер Уайтсайд, у нас есть основания предполагать, что эта машина принадлежит одному из участников ограбления Казино. Не расскажете ли, как вы оказались в ней?

Шила театрально ахнула и всплеснула руками.

— Так вот почему ее спрятали! — воскликнула она.— Том! А мы ее взяли! Мы и понятия не имели! — Широко распахнув глаза, она повернулась к Терреллу.

Террелл внимательно посмотрел на нее.

— Расскажите-ка все с самого начала,— попросил он.

— Конечно. Садитесь, пожалуйста.— Она плюхнулась в кресло, сверкнув ляжками в расчете на Беглера, и только после этого поправила юбку.— Мы возвращались из отпуска. Было уже поздно. Том решил срезать путь к нашему шоссе по проселку, что идет лесом...

— А я ничего и не знаю,— промурлыкал Мейски.— Я только что приехал. Значит, у вас было ограбление?

— Простите,— строго произнес Террелл,— я хочу послушать, что расскажет миссис Уайтсайд.

— Виноват... конечно... извините.— Мейски с той же лучезарной улыбкой откинулся на спинку кресла.

— Так вот,— сказала она, наклонясь вперед и уставясь в Террелла круглыми глазами,— значит, свернули мы на этот проселок, и тут у нас сломалась машина. Ну, и застряли... кругом лес... начало темнеть.— Она положила ногу на ногу — это для Беглера. «Пусть у этого солдафона,— подумала она,— мыслишки крутятся в другом направлении». Беглер, от которого никогда не ускользали такие подробности, был в восторге... Что за ножки! — Решили заночевать там. Наутро, когда мы уже собрались идти пешком...— Она смешно скривилась.— Представляете, топать пять миль! И тут я нашла эту машину.

— Когда вы нашли машину, миссис Уайтсайд, вам не пришло в голову, что об этом следует сообщить в полицию? — спросил Террелл.

— Как-то не подумала... И Том — тоже. Мы беспокоились за туристское снаряжение, оставшееся в нашей машине. Снаряжение-то нам дали взаймы, а ведь его могли украсть в наше отсутствие. Оставаться одна в лесу я отказалась наотрез... страшно.— Она помолчала и взглянула на Беглера, призывая его посочувствовать. У того мелькнуло: «Попадись ты мне одна, детка... желательно на необитаемом острове». Шила перевела взгляд на Террелла.— Так что мы не подумали. У Тома была отмычка. Мы перенесли свои пожитки и уехали. Когда добрались до дому, выгрузили багаж, заехали за новым насосом и вернулись. «Бьюик» мы поставили на то же самое место. Том заменил насос, и мы поехали домой.

Террелл поскреб подбородок. «Похоже на правду».— решил он. Ее рассказ сходился с донесением О'Тула.

— В багажник вы заглядывали? — спросил он Тома.

Том вздрогнул, замешкался, только потом мотнул головой.

— Да нет. Мы... мы покидали все на заднее сиденье. Нет... в багажник не заглядывали.

Террелл поднялся со стула.

— Должен просить вас показать место, где вы оставили «бьюик» ... немедленно.

— Невероятная история,— сказал Мейски.— Правда, я не совсем уловил, в чем тут суть.— Он обратился к Терреллу: — Инспектор, почему вы решили, что машину спрятали?

Террелл пробурчал что-то и шагнул к двери. Этот худосочный священник успел порядком надоесть ему.

Из спальни вышел Том. Его бледное, осунувшееся лицо насмерть перепугало Шилу. «Этот болван еще может все испортить»,— подумала она.

— Я готов, мистер Террелл,— произнес Том.

Шила подбежала к нему и поцеловала в щеку — Том уже забыл, когда удостаивался такой ласки. Потом она, как подобает заботливой жене, поправила ему галстук.

— Не увозите его надолго, мистер Террелл.

— Мы быстренько, миссис Уайтсайд.

Террелл распахнул входную дверь и, пропустив вперед Тома и Беглера, вышел на садовую дорожку.

— Ловко разыграно, моя милая. Я и то не смог бы лучше.

Шила пропустила слова Мейски мимо ушей. Она открыла бар, плеснула себе джина и, не разбавляя, выпила залпом.

— Только бы этот олух не ляпнул лишнего,— проговорила она, скорее в ответ на свои мысли, чем на слова Мейски, и, хлопнув дверью, уединилась в спальне.

— Вон туда. По этой тропе... там я оставил «бьюик»,— сказал Том, когда они доехали до тропы, ведущей на поляну.

Лепски прижался к обочине. Он, Джейкоби и Беглер высыпали из машины, выхватив на ходу оружие. Крадучись пошли по тропе.

С пистолетом в руке вылез из машины Террелл.

— Останьтесь здесь, мистер Уайтсайд. Преступник может оказаться поблизости, а он опасен.— И Террелл отправился следом.

Том вынул из кармана пачку сигарет. Его так трясло, что он с трудом прикурил, однако на душе стало спокойнее.

Едва ли не первое, что сказал Террелл, как только машина тронулась с места: «Я знал вашего отца... прекрасный человек... Он пользовал Кэрри... это моя жена... она тогда сильно захворала. Вам нечего волноваться. Всякое бывает».

Тому вспомнился отец. «Видно, он был особенным человеком,— подумал Том,— а мне это и в голову не приходило. Вот когда пожилые люди вроде Террелла заводят о нем разговор, тогда он оживает, а ведь он всегда относился ко мне с душой. Только я был глуп как пробка». Он сделал глубокую затяжку. Надо было спятить, чтобы пойти на поводу у Шилы. Он должен был сразу сообщить в полицию про коробку в багажнике. Том беспокойно заерзал. Теперь поздно. Но он уже решил. К этим деньгам он не притронется. Пусть Шила забирает все и выметается!

Минут через десять к машине подбежал Джейкоби. Он схватил телефонную трубку и вызвал дежурного по управлению.

— Пришлите Хесса и оперативную группу,— велел Джейкоби.— Проселочная дорога между шоссе на Майами и нашим. Срочно!

Том выкурил четыре сигареты, пока из леса показался Террелл.

— Там нет «бьюика»,— сообщил он.— Вы точно оставили его на поляне?

— Да, мистер Террелл, мы оставили его здесь.

К ним подъехал Хесс со своей оперативной группой.

— За дело, Фред. Мы обнаружили его нору,— махнул Террелл в сторону тропы.— Пусть ваши люди займутся ею. А мы поедем к шоссе.

Они сели в машину: Беглер — за руль, Террелл — рядом с Томом. Промчавшись пять миль, они увидели брошенный «бьюик».

— Так вот где он.— вымолвил Террелл. Все вылезли из машины. Беглер хотел было открыть багажник, но тот оказался запертым. Он обратился к Тому:

— Вы можете отпереть его?

Том едва не попался на эту удочку, однако в последнюю долю секунды спохватился и покачал головой.

— У меня отмычка для замка зажигания, а к багажнику она не подходит.

Беглер отошел к полицейскому автомобилю, нашел в ящике с инструментами монтировку. Вскоре замок был сломан.

— Пусто,— произнес он и взглянул на Террелла.— Мог еще раз сменить машину, шеф.

— Ладно, Джо, возвращаемся в управление.

Они сели в полицейскую машину и помчались по шоссе.

— Перед тем как залечь в пещере, Мейски мог припрятать коробку в другом месте,— проговорил Террелл, размышляя вслух.— Не исключено, что он спрятал коробку, а сам улизнул. Ради такой добычи не грех и обождать.

— Муторное это дело,— вымолвил Беглер.— Где он мог спрятать коробку такого размера?

— Да хотя бы в любом бюро находок. Передадим сообщение по радио и телевидению. Вдруг кто-нибудь запомнил его.

Слушая их разговор, Том убеждался, что эти двое даже не подозревают его в причастности к пропаже денег. Отец, как всегда, помог ему своей безупречной репутацией. Даже лежа в могиле, он сумел уберечь сына. Тому сделалось стыдно.

Они остановились у его дома.

— Ну вот, мистер Уайтсайд, спасибо за помощь.— сказал Террелл.— Больше мы вас не потревожим.

Полицейская машина уехала, и Шила открыла входную дверь. Мейски стоял на пороге гостиной.

— Ну? — спросила Шила, когда Том подошел к дверям.

— Пока все нормально,— бросил он, проходя мимо нее в дом.

Мейски улыбнулся.

— А не выпить ли нам чаю? Займитесь-ка чаем, моя милая. После потрясений ничто так не успокаивает, как чай.

Шила, к изумлению Тома, отправилась на кухню.

— Все обойдется,— произнес Мейски, усаживаясь в кресло и складывая ладони домиком. Он расплылся в улыбке.— У меня предчувствие. Вот увидите... все обойдется.

Том пошел в спальню. Он сбросил туфли, снял пиджак и рухнул на кровать. Его знобило и подташнивало. Он закрыл глаза.

Спустя некоторое время Том услышал, как Шила прошла в гостиную, и там зазвякали чайные чашки. Потом она спросила:

— Хочешь чаю?

Не открывая глаз, он покачал головой.

— Не трогай меня... Ладно?

— Подумаешь, герой занюханный. Не раскисай!

Он открыл глаза и поглядел на нее. Как он мог испытывать любовь к этой женщине? Он сел и спустил ноги на пол.

— Я требую, чтобы ты убралась прочь, как только минует опасность. Возьмешь деньги... прихватишь с собой эту мартышку и катись ко всем чертям! К деньгам я не притронусь!

Опешив, она уставилась на него, потом расхохоталась.

— Дешевка есть дешевка. Ты, убогий, неужели ты вообразил, что я стану рыдать? По мне, хоть сию минуту, только бы не видеть твоей образины.

Мейски с удовольствием выслушал их перебранку. «Что ж,— решил он,— теперь нужно приглядывать только за шлюшкой».

— У вас, моя милая, остывает чай.— сказал он, когда Шила вернулась.— Вы, кажется, о чем-то поспорили?

— Не ваше дело! — огрызнулась Шила, беря чашку.

Мейски посмотрел на нее, пожал плечами. Он встал и включил телевизор.

— Неужели нельзя оставить этот ящик в покое?

— Конечно, нельзя. Сейчас передадут новости. А в нашем положении, моя милая, всегда полезно быть в курсе событий.

В середине программы новостей диктор сказал: «У нас есть несколько сообщений, относящихся к ограблению Казино. Полиция просит служащих банков и магазинов обращать внимание на банкноты достоинством в пятьсот долларов. Такие банкноты можно принимать лишь в том случае, если фамилия и адрес человека, от которого они поступили, известны и записываются на этих банкнотах...»

Шила выронила чашку. Похолодев от страха, она медленно поставила блюдце на подоконник.

Маршалл... часы! Неужели он записал ее фамилию?..

Мейски резко обернулся. Он увидел страх на ее лице и тотчас понял, что она тратила похищенные деньги.

На мгновение он замер с перекошенным от гнева лицом, потом, чувствуя, как зачастило сердце, медленно встал с кресла.

— Сука! — сдавленно прошипел он.— Тратила деньги?..

Шила отшатнулась, потрясенная злобным выражением его сухонькой мордочки.

— Нет!

— Врешь! Тратила!

Мейски выскочил из комнаты и ворвался в спальню.

— Поднимайся! Твоя шлюха тратила те деньги! Что она могла купить?

Мейски ринулся к комоду и рывком выдвинул верхний ящик. Ящик вывалился на пол, и Мейски, не помня себя от ярости и страха, перевернул его вверх дном.

Из-под голубых трусиков и лифчика выпали золотые часики и автоматический пистолет.

— Послушайте, шеф,— сказал Беглер, усаживаясь,— а вам не приходило в голову, что Уайтсайды нашли деньги и прикарманили их?

Террелл отхлебнул кофе и принялся набивать трубку.

— Только не Том Уайтсайд, Джо. Давай все-таки фантазировать в меру. Я много лет знал его отца... он был святым.

— Разве святость передается по наследству?

— Ты прав, Джо... не передается, конечно, но на него это не похоже. Да он даже не будет знать, что делать с такой кучей денег.

— Зато знает его жена.

Террелл поскреб подбородок и хмуро покосился на Беглера.

— Нет, все-таки не сходится. Наверняка у Мейски была еще одна машина. Он перенес коробку и уехал из города.

Беглер отхлебнул кофе и потер кончик своего мясистого носа.

Террелл, словно прочитав его мысли, сказал:

— Багажник был закрыт, Джо. Уайтсайды не могли знать, что там деньги.

Беглер снял телефонную трубку.

— Чарли? Соедини меня с мистером Локингом из «Дженерал моторз».

После короткой паузы Беглер заговорил:

— Мистер Локинг? Это сержант Беглер из полиции. Извините за беспокойство, но я хотел выяснить у вас одну подробность. В двухдверном «бьюике» ключ от замка зажигания подходит к багажнику? Спасибо, мистер Локинг.— Он повесил трубку и взглянул на Террелла.

— Багажник отпирается тем же ключом, шеф.

— А Уайтсайд сказал, что другим?

Беглер кивнул.

— Именно.

Они переглянулись, затем Террелл отодвинул стул и поднялся. Беглер в очередной раз вложил револьвер в кобуру, и тут раздался телефонный звонок.

— Мистер Террелл, говорит Фабиан из Флоридского банка. К нам только что поступил пятисотдолларовый банкнот из ювелирного магазина Эштона. На нем записана фамилия: миссис Уайтсайд, 1123, Делпонт-авеню.

— Спасибо, мистер Фабиан. Будьте любезны, оставьте банкнот для меня.— Он положил трубку и обратился к Беглеру:— Вызови Лепски и Джейкоби. Ты попал в точку, Джо. Она уже разменяла одну пятисотенную. Поехали.

— Сейчас попаду еще раз,— сказал Беглер.— Тот гном... отец Латимер. Как-то не похоже на Уайтсайдов, чтобы они приютили у себя священника... сдается мне, это Мейски.

Террелл невольно ухмыльнулся.

— С тобой невозможно работать, Джо, ты умнеешь на глазах. Ну-ка, поехали.

Увидев на полу пистолет, Мейски нагнулся и схватил его. Том ударил Мейски по руке. Пистолет упал между ними. Мейски с проклятиями снова нагнулся за пистолетом, но Том ногой отбросил оружие под кровать.

— Уймитесь! — прикрикнул он.

Страшная гримаса исказила лицо Мейски.

— Неужели ты думаешь, я отпущу эту сучку целой и невредимой? — завизжал он.— Дело всей моей жизни... два с половиной миллиона, и все прахом из-за ее гнусной жадности! Да я шкуру с нее спущу!

Он сунул свою крабью клешню в карман и выхватил пистолет, заряженный кислотой.

Том нанес ему тяжелый удар в челюсть и в тот же миг другой рукой вырвал пистолет.

У Мейски словно что-то взорвалось в груди. Он упал. На короткое, страшное мгновение боль сделалась невыносимой...

К дверям спальни подошла Шила. Она посмотрела на тело Мейски, на Тома. У нее было бледное, непроницаемое лицо.

— Я сваливаю,— процедила она. Ей бросились в глаза золотые часики на полу, и она подхватила их.

Том поймал ее руку, вывернул и отобрал часы.

— Убирайся вон! Часы останутся здесь! Я сдам их в полицию!

Шила отпрянула, наградив его презрительной улыбкой.

— Слюнтяй несчастный. Неужели тебя жизнь ничему не научила?

Повернувшись, Шила сделала несколько шагов по коридору, но остановилась. Она лихорадочно соображала. У нее тысяча сто долларов... не густо. Интересно, нет ли денег у старикашки. Она вбежала в другую спальню, взяла обшарпанный чемодан и щелкнула замочками. Денег в чемодане не оказалось, зато среди грязных сорочек нашлась баночка крема «Диана». «Господи боже мой, целых двадцать долларов!» Она бросила крем в свою сумочку.

«Что ж,— подумала Шила,— тысяча сто долларов есть, как-нибудь перебьюсь».

Она вышла в крошечную прихожую и сняла с вешалки жакет.

Через пять минут должен был подойти автобус. Только бы добраться до Майами. А уж там она заметет следы.

Она оглянулась на Тома, стоявшего на пороге спальни.

— Я ухожу... пока, дешевка, спасибо за нищенскую жизнь.

— Он умер,— вымолвил Том.— Ты слышишь? Умер!

— А мне что прикажешь делать... хоронить его? — ответила Шила и выскочила на садовую дорожку.

То бегом, то быстрым шагом она заспешила к автобусной остановке, унося в сумочке свою смерть.

Не лучшим образом Захар Романович Рубин, ведущий научный сотрудник одного из московских научно-исследовательских институтов, прожил свои шестьдесят пять лет. В пору войны гитлеровцы завербовали попавшего в плен молодого военного врача Рубина. Став немецким агентом, он прошел разведывательную подготовку и под кличкой Сократ был заброшен в тыл Красной Армии. Абверовцы снабдили его нужными документами. Рацию и другое шпионское снаряжение он захоронил в лесу, в районе приземления, под Смоленском. Ему удалось влиться в ряды советских бойцов и в качестве военврача пройти всю войну. Трусость, желание сохранить жизнь — так он позже объяснял свое поведение — толкнули его тогда на путь измены. Когда он согласился стать агентом абвера, то для себя решил: «Как только окажусь дома, в Москве, явлюсь с повинной». Увы, это был жалкий компромисс с совестью. На явку с повинной и честную исповедь не хватило мужества.

Так десятки лет жил Рубин под страхом: вдруг узнают, и тогда всему конец — доброму имени, служебной карьере.

Тайное, помимо воли Рубина, стало явным. После мучительных колебаний и раздумий он все же пришел в приемную Комитета госбезопасности, но пришел лишь тогда, когда новые хозяева, получив от гитлеровцев по наследству их агентуру, дали знать о себе Захару Романовичу.

Его принял полковник Бутов, опытный, бывалый контрразведчик. Поборов испуг и растерянность, Рубин надрывно произнес: «...Я ...агент иностранной разведки». И умолк. Ожидал, какова будет реакция собеседника. Бутов, конечно, был весьма удивлен столь откровенным скоропалительным заявлением, но виду не подал. «Продолжайте, я вас слушаю». Тяжкая это была исповедь. Рубин говорил задыхаясь, умолкал, молча сидел, понурив голову, и снова продолжал...

С участием Рубина шел поиск шпионского снаряжения агента абвера Сократа. Чекистам важно знать, сказал ли Рубин правду. И еще: не была ли уже рация в шпионской работе? Поиск оказался очень трудным. Но тем не менее снаряжение было найдено. Эксперты дали ответ и на второй вопрос: рация Сократом не использовалась.

Значит, Рубин сказал правду. Но пока это была полуправда. Полную правду о себе он сказал позже, лишь после того, как к нему явился Нандор, связной из штаб-квартиры, филиала ЦРУ, чтобы накрепко привязать его к себе. Сократу вручили новое шпионское снаряжение, на старое не надеялись, прошло уже много лет, рацию и средства для нанесения тайнописи в почтовых корреспонденциях, средства ее проявления, подставные адреса для связи с разведцентром... Обо всем этом Рубин сообщил полковнику Бутову.

«...ровно через пять дней после отъезда Нандора в почтовый ящик была опущена открытка с венским адресом и с видом Красной площади. Бутов вступил в игру».

Так заканчивалась публиковавшаяся в «Огоньке» повесть А. Зубова и Л. Лерова «Вне игры».

Как после этого условного сигнала, поданного в штаб разведки противника, сложилась судьба доктора Рубина, как действовал, как вступил в «игру» чекист Бутов?

Об этом — публикуемая вторая часть повести «Конец Сократа».

Конец Сократа

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

СОКРАТ

«Игра» еще не началась. Она впереди. «Голос» с той стороны могут подать в любой день, час. А пока разыгрываются возможные варианты «дебюта»...

Виктор Павлович Бутов не раз в эти дни вел трудный диалог сам с собой, готовясь к большому разговору с генералом. Терзают сомнения: как поведет себя в этой игре Рубин-Сократ? Можно ли полностью доверять ему? И тут же контрвопрос: «А разве он не сказал всей правды, разве его шпионское снаряжение не нашли в указанном им месте?»

Тревожные мысли, набегая одна на другую, не давали покоя. Бывало и так, что, проснувшись ночью, Бутов долго не мог уснуть — мучили раздумья. Однако в кажущейся неразберихе мыслей проглядывалась некая стройность.

У него уже все готово для подробного доклада генералу Клементьеву. Зная его характер — дотошный интерес ко всем деталям,— полковник старался не упустить «крупных мелочей» — это из генеральского лексикона, всегда напоминавшего подчиненным: «В нашем деле мелочей не бывает».

...Бутов сидит за длинным столом и неторопливо докладывает, листая пухлую папку, а Клементьев, попыхивая трубкой, шагает из угла в угол, заложив руки за спину.

— Что будем делать дальше, товарищ генерал?

Полковник озабочен, на лице печать всех тревог, что одолевали его в последние дни. Генерал улавливает настроение Бутова, но своего мнения не высказывает.

— А как быть с Рубиным?

Генерал, перестав расхаживать по кабинету, искоса взглянул на полковника.

— Разве вам не ясно, Виктор Павлович, что в данной ситуации без него нам не обойтись? Или не так? Так что же вас смущает? — прищурился Клементьев.

— Все то же, товарищ генерал. Неискренность Сократа. Правду выдавал микродозами. А мы собираемся оказать ему доверие. Не побоюсь сказать — высокое. Есть ли основания для этого?

— Позвольте, позвольте... Не понимаю... Вы что же, до сих пор не убеждены в раскаянии Рубина?

— Теперь вроде бы оснований для сомнений нет, и все же прошлое его поведение...

Генерал недовольно подобрал губу, и лицо его посуровело.

— Мы с вами, батенька, должны уметь понять человека, совершившего преступление, даже тогда, когда раскаяние к нему пришло не так скоро, как бы нам с вами хотелось. Оно, Виктор Павлович, является не по заказу и по-разному: к одним — импульсивно, мгновенно, а к другим после долгих, нелегких раздумий, как это и произошло с Рубиным. Важно, что он все же раскаялся.

Генерал, крепкого сложения мужчина лет шестидесяти, с лобастой головой, с большими умными глазами, откинулся к спинке стула и, вытянув свои длинные ноги под столом, неторопливо продолжал:

— Раскаяние... Это очень сложно, когда человеческая душа открывает свои сокровенные тайники. Нам, чекистам, нужно в самые глубины проникать, чтобы безошибочно разобраться, где чистосердечная правда, а где ловко закамуфлированная ложь, по велению пробудившейся совести пришел к нам человек или хитрит, игру затевает... Без этого разумная осторожность может превратиться в болезненную подозрительность. Наш долг помогать людям найти верный путь.

Генерал разжег трубку и снова зашагал по кабинету.

— Вот так...— И после небольшой паузы: — Забываю вас спросить, как здоровье профессора Рубина?

— Очень переживает, нервничает. Тяжело перенес известие о гибели Елены Бухарцевой... Первая любовь... В свое время трусливо отвернулся от нее. Елена, связная подпольного центра, погибла в тылу врага при загадочных обстоятельствах.

— У Рубина есть дети?

— Приемная дочь, Ирина. Недавно вышла замуж, живет у мужа. Профессор остался в одиночестве...

— Вот ведь какая судьба у человека. Постарайтесь понять его, Виктор Павлович. Опекайте, укрепите морально. Вы должны стать прочной опорой Рубину. Иначе пропадет. А, кроме нас, поддержать его сейчас некому...

Между тем «игра» началась. В ход пошла тайнопись. Поступили первые запросы новых «хозяев» Сократа. Сдержанные, лаконичные: «Как самочувствие, все ли спокойно? Надежно ли хранится аппаратура?»

В адрес разведцентра противника ушел столь же лаконичный ответ: «Все спокойно, болезнь мешает работе. Аппаратура хранится надежно, пробовал пользоваться — не получилось, видимо, неисправна. Сократ».

Через несколько дней Сократу сообщили: «В Москву приедет наш человек, свяжется с вами по телефону. Пароль: «Вам привет от Нандора». Отзыв: «Как он себя чувствует?» Ответ: «Хорошо». При встрече получите помощь и указания».

Бутов слегка нервничает, хотя никому не дано это примечать: внешне спокоен, выдержан. А сомнения? Вроде бы отброшены — с точки зрения контрразведчиков, Сократ ведет себя безукоризненно. И все же на душе неспокойно.

ПОДОПЕЧНЫЙ

Эта трагедия разыгралась в глухом белорусском селе. Всех его жителей, и старых и малых, гитлеровцы пригнали на опушку леса. Белобрысый полицай объявил, что по приказу коменданта за помощь партизанам все они будут расстреляны. В ряду обреченных селян, выстроившихся по краю оврага, бабушка стояла в самом центре. Глаза ее были сухими, и бессильно повисшие руки торчали из коротких рукавов замусоленной куртки. Время от времени она поглаживала головку внучка, прижавшегося к ее коленям. Сережа боязливо смотрел на все, что творилось кругом, на хмурых солдат, на то, как серебристыми искорками поблескивали капли дождя на крыше дома лесничего. А просунувшееся из-за туч холодное осеннее солнце умиротворенно поглядывало на людей, которым осталось жить на этой земле считанные минуты.

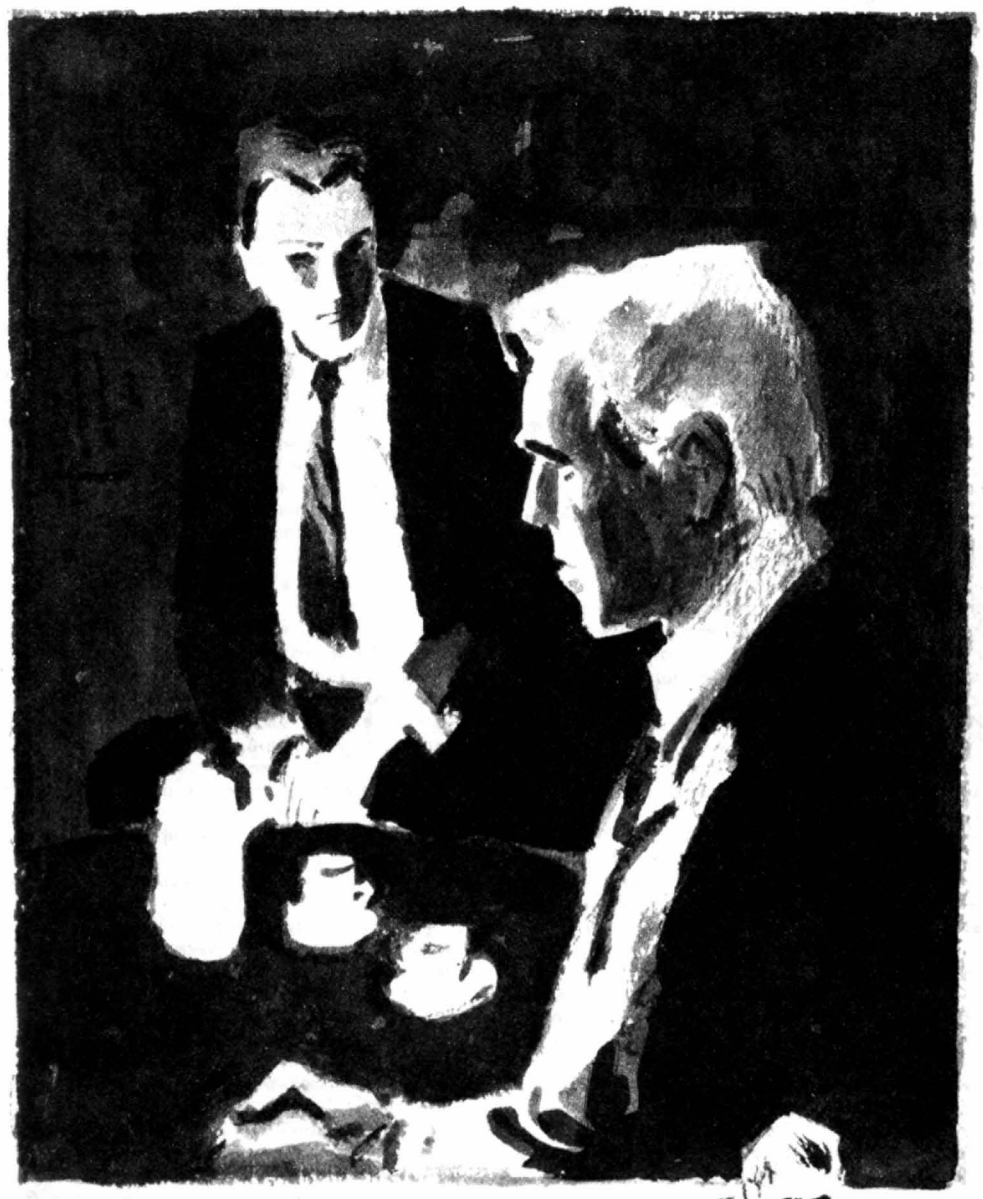
Грянул залп, и старая женщина, широко раскинув руки, рухнула наземь, прикрыв своим телом чудом оставшегося в живых внучонка: пуля пролетела над его головой. Долго, допоздна пролежал он тут, на пропитанной кровью стылой земле, не смея пикнуть, подняться. И вдруг снова раздались выстрелы, и в наступившей затем тишине Сережа услышал голоса русских. В тот вечер партизаны сполна рассчитались с гитлеровцами.

Мальчонку партизаны переправили на Большую землю, в Москву, к дяде: отец Сережи погиб на фронте в боях под Москвой. Дядя, крупный инженер, ученый, часто и надолго уезжал в командировки, так что Сергей, по существу, жил один в богатой отдельной квартире, чем не преминули воспользоваться дружки — из тех, кто до добра не доводит. К счастью Сергея, он оказался в поле зрения чекиста, умеющего неведомо как извлекать из глубин человеческих неприметное поверхностному взгляду хорошее и радоваться, когда это удается. Бутов немало повозился с Крымовым. Они встречались, подолгу беседовали. Полковник цитировал на память Омара Хайяма: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем с кем попало». И ему удалось оторвать Сергея от юных шалопаев, гуляк, валютчиков и фарцовщиков. Прошло немало времени, пока Сергей Крымов образумился и вроде бы не без успеха стал пробовать свои силы в журналистике. Тем не менее полковник продолжал его опекать: «Растение хрупкое, того и гляди сорняки заглушат».

На этом поприще у полковника появился хороший помощник — Ирина, падчерица Ру-

---

Печатается в сокращении.



бина: судьбе угодно было, чтобы она стала женой Сергея. А он еще в женихах ходил, когда познакомил ее с Бутовым. И тогда она совершенно неожиданно для себя открыла совсем неведомую ей дотоле сферу деятельности чекистов — возвращать свихнувшихся на путь истинный. Обычно замкнутая и немногословная, она однажды разоткровенничалась.

— Виктор Павлович, я не предполагала такого за людьми вашей профессии. Спасибо вам за Сергея, за все, что вы сделали для него, а значит, и для меня.

...В тот день Бутов позвонил на квартиру Рубина. К телефону подошла Ирина.

— Здравствуйте, Виктор Павлович! Приятно, что не забываете нас. Здоровье Захара Романовича?.. Как вам сказать, не очень. Уснул. Благодарю. Непременно передам. Да, понимаю... Дела... Вы очень нужны Сергею, он хочет с вами о чем-то посоветоваться... Сейчас его нет дома. Когда? Не знаю, сказал, что по заданию редакции куда-то поедет, возможно, задержится.

— Пусть позвонит, номер телефона он знает.— Сказал и задумался: «Странно... Для чего я ему вдруг понадобился? Неужели опять поскользнулся?»

ИНТЕРВЬЮ С ОТСТУПЛЕНИЯМИ

К ответственному секретарю редакции Крымов ворвался пулей.

— Есть фитиль! В Москву приехала Аннет Бриссо. Из Парижа, туристка... Для встречи с нашим ученым Поляковым. Они друзья по французскому Сопротивлению, были в одном отряде маки. Здорово, а? Хочу взять интервью, как считаете? А?

— Крымов, когда вы перестанете «акать»? Объясните толком: кто такой Поляков?

— Это дядя моего лучшего друга, Васи Крутова... С большой сибирской стройки. Я же о нем рассказывал... Был в отпуске в Москве, ну и познакомил с дядей. Милейший человек, профессор-микробиолог и лирик. Пишет стихи. Я вам покажу, может, тиснем...

Несмотря на солидную разницу в возрасте, Сергей Крымов и Михаил Петрович Поляков подружились. Журналисту всегда было интересно в его обществе. Крымов не раз бывал у профессора, обладавшего поистине неотразимым обаянием. Журналист любил слушать рассказы этого человека с острым, живым, чуть насмешливым взглядом зеленоватых глаз, с резкими, энергичными движениями рук, на левой было только три пальца: это война. После отъезда Васи профессор, старый холостяк, радушно встречал приятеля своего любимого племянника. Они пили на кухне чай с бутербродами из институтского буфета, затем удалялись в профессорский кабинет, где все стены были заставлены книжными стеллажами. Сутулый, как все, кому приходится подолгу работать за столом, Михаил Петрович, уютно устроившись в старинном кресле, рассказывал любопытные истории из жизни великих бактериологов.

Однажды Крымов спросил:

— Михаил Петрович, вы медицину избрали по любви или...

— Или не прошел по конкурсу на филологический в МГУ? Это вас интересует? Так? — И, не ожидая ответа, продолжил: — Было еще одно привходящее обстоятельство...— Он глотнул кофе и тихо промолвил: — Мне не хотелось бы вспоминать о нем...

Профессор насупился и умолк, ничего так и не сказав о «привходящем обстоятельстве». Наступившую тишину прервал Сергей:

— Я вас слушаю, Михаил Петрович...

— Так вот о войне... Ходил в разведку. Взял трех «языков». На четвертом — осечка: попал в плен. Бежал. Раз, второй. Поймали, истязали. На третий раз — удача. Это было во Франции. Лагерь, строжайший режим, каторжная работа на шахте. И все-таки удалось. Ночью. Помогли местные жители скрыться...

Он снова затих, а потом, отвечая каким-то своим мыслям, промолвил:

— Мир не без добрых людей... Лесорубы вывели в лагерь маки.

...Стоял теплый майский день с колдовским ароматом весны, когда, напутствуемый лесорубами, Поляков вышел из леса. Вот она, та самая деревня и тот самый дом под черепицей за высоким зеленым забором. Дом стоял на самой окраине, и беглеца это очень устраивало. Кругом ни души. Тишина, нарушаемая лишь певучей болтовней птиц. Когда зазвонил церковный колокол, из скрипучей калитки вышел невысокий толстый человек с глазками-щелками, а за ним — худенькая девушка. Поляков поклонился и попросил поесть. Он действительно был голоден, однако сейчас просьба была больше предлогом, чтобы завязать разговор. Но толстяк, даже не взглянув в его сторону, отрезал: «Идите прочь». И вместе с девушкой зашагал к церкви.

...Минует несколько дней, и уже в отряде маки, куда русского солдата приведет один из лесорубов, худенькая девушка сама подойдет к нему и скажет:

— Меня зовут Аннет. Не сердитесь на отца. Он очень осторожный человек и решил, что

вы из гестапо. Потом лесорубы все рассказали ему и поручились за вас. Папа просил передать, что будет рад видеть русского солдата в доме французского ажана.

Поляков удивленно вскинул глаза, Аннет рассмеялась:

— Маки и дочь ажана — не верится? Да?

У него еще много будет поводов для удивления.

Отряд маки долго оставался неуловимым. И все знали, что это заслуга помощника командира по разведке Мишеля и его храброй соратницы, разведчицы Аннет. Они часто вместе отправлялись на задания и были неразлучны в пору затишья. В отряде о них говорили разное. Толки докатывались и до «виновников». Они посмеивались и отшучивались.

Поляков и сегодня может во всех деталях, час за часом восстановить в памяти свой последний день на французской земле. Радость первой, хотя еще и не окончательной победы и предвкушение долгожданного возвращения на Родину. И парад иностранцев-маки, и веселая пирушка в уютном кафе по случаю проводов, и как он вместе с Аннет... Нет, нет, об этом они никому не расскажут. Это их тайна, в этот душевный тайник никому не дано заглянуть. Никто из их тогдашних друзей так и не узнал, как они тихо и, им казалось, незаметно покинули кафе и долго бродили по лесным тропам под дождем, прижавшись друг к другу. Бродили и молчали. Мишель, ощущая острую потребность сказать ей то, что хотел давно сказать, попытался было нарушить молчание, пусть даже красноречивое, но Аннет ласково прикрыла ладошкой его рот: «Не надо... Не надо, Мишель... Я все понимаю... Я знаю, чувствую, что ты хочешь мне сказать. Давай помолчим».

...Поляков не без грусти прощался с боевыми друзьями. Это чувство овладевало им исподволь, по законам жизни, с ее превратностями и замысловатостями. Причина? Вероятно, и Аннет. Она настойчиво просила его остаться.

— Ты можешь добивать гитлеровцев и в рядах французской армии. И мы по-прежнему будем рядом.

— Не могу, Аннет. Это не упрямство. Я обязан вернуться в свою Красную Армию. Кто знает, быть может, встретимся в Берлине...

Он говорил твердо, решительно, но, кажется, еще ни разу в жизни на душе у него не было такой сумятицы.

Тогда он не очень четко представлял себе, что ждет его дома.

— Прошумело несколько послевоенных лет, пока я сумел восстановить доброе имя патриота-солдата.— Поляков тяжело вздохнул, и Сергея тут же осенило: «Так вот что имел в виду профессор, когда говорил о «привходящем обстоятельстве»!— К счастью, удалось документами подтвердить мои боевые дела в отряде маки. В военкомате мне вручили орден Отечественной войны. Это, конечно, был большой праздник, достойно отмеченный в узком кругу. А потом наступили будни. Заботясь о хлебе насущном, я спешил получить хоть какую-нибудь специальность. Хотелось продолжить учебу. В ту пору при поступлении в институты представители сильного пола имели некоторое преимущество, и я не преминул им воспользоваться. Мои мысли витали в сфере, где стыкуются идеи творцов неживого — машин — и исследователей живого, биологов... Моя лаборатория...

И тут он осекся.

— Простите, я несколько увлекся. Это уже не для печати, хотя когда-нибудь...

— Ясно-понятно!— весело воскликнул Сергей.— Молчу и ничего не спрашиваю. Но от мысли написать когда-нибудь о вас очерк не откажусь. Что, а? Если представится случай, мы еще побеседуем о вашей жизни на французской земле, а деятельности «почтовых ящиков» касаться не будем.

Профессор тогда ничего не ответил. А случай действительно представился. Крымов столкнулся с Поляковым в аэропорту. Сергей провожал коллегу в Будапешт, а Поляков встречал Аннет Бриссо — она прилетела в группе туристов из Парижа. Сергей, по рассказам Полякова, уже многое знал о боевой подруге профессора. Судьба двух маки, русского и француженки, заинтересовала журналиста, падкого на необычайные сюжеты. И он тут же попросил Полякова: «Помогите взять интервью у Аннет Бриссо». Профессор ответил сухо: «Постараюсь...»

Он проводил Аннет в гостиницу, договорился с ней о завтрашней встрече и предупредил: «Я приеду не один. Со мной будет молодой журналист. Ты не возражаешь?»

— Нет, конечно. Пресса — это великолепно.

...В номере Аннет шла беседа о разных разностях, пока француженка со свойственной ей непосредственностью не обратилась к Крымову:

— Я слушаю вас... Мишель, вероятно, уже немало рассказывал вам,— я знаю, это его любимая песня. Так что мне...

— Он сказал, что предпочитает петь ее дуэтом...

Но интервью не состоялось. Аннет и Мишель, перебивая друг друга, вновь возвращались к событиям, о которых уже, кажется, все было сказано, и разговаривали так, будто, кроме них, никого в комнате не было.

Но вот на стол легли старые любительские фотографии. Аннет принялась комментировать их и вдруг помрачнела, тонкие пальцы судорожно смяли сигарету. Поляков ласково положил свою большую, широкую ладонь на маленькую ручку Аннет.

— Осторожно, обожжешься...

Она посмотрела на него грустными глазами и тихо спросила:

— Узнаешь?

— Да. Жюльен... Твой Жюльен. Ты помнишь, как мы его искали...

Еще бы не помнить! Она тогда сказала Мишелю, что никогда не простит себе, если не разыщет и не похоронит Жюльена. И они нашли, хотя кругом шныряли боши. Мишель взвалил его на плечи, отнес на опушку леса, и на краю зеленой поляны поднялся маленький холмик с дощечкой: «Он дрался, как лев... Умер, как герой. Жюльен Лакре, 18 лет».

Позднее Аннет узнала от крестьян, как фашисты захватили истекавшего кровью Жюльена.

На глазах Аннет навернулись слезы.

— Его пытали, но он не проронил ни слова. И еще я узнала от крестьян... Узнала... Хотя нет, догадывалась и раньше. И ты, и я, и командир. Крестьяне лишь подтвердили. Нас предал испанец, тот, что внезапно появился в отряде. Так ведь? Хотя кое-кто утверждал, что это — случайное стечение обстоятельств и не нужно принимать всерьез излишнюю бдительность русских...

И Аннет застонала.

Говорят, что глубокая скорбь всегда молчалива. В комнате наступила тягостная тишина. И в этой тишине как-то зловеще-грозно прозвучал ее голос:

— Я поклялась разыскать испанца.

— Зачем?— воскликнул Поляков.— Столько времени прошло. Ведь за давностью лет...

— Есть еще суд совести. Если не покарает правосудие, то я сама... Огнем сердца. Я разыщу его...

— А ты пыталась?

— Да. И даже как-то набрела на след. Я путешествовала по Испании... Помнишь Жоржа Лефевра? Так вот с ним и его женой. Они поехали отдыхать, а я —искать убийцу, надеясь только на его величество случай. И представь, повезло. В Барселоне на пляже мы лицом к лицу столкнулись с Фелиппе Медрано... То же длинное смуглое лицо с большим коричневым пятном, та же татуировка на руке, повыше кисти — пронзенное стрелой сердце и надпись «Ave Maria». Рядом хромоногий сын, копия отца. Друг Жоржа познакомил: «Бесстрашный Арриго Кастильо, человек-легенда». Испанец улыбнулся, но ты бы видел этот злобный взгляд! Лефевр тоже узнал его и спросил: «Где мы могли встречаться? Быть может, во Франции, во времена Сопротивления?» «Человек-легенда» будто бы не расслышал и тотчас исчез.

Вечером, в гостинице, оставшись вдвоем, Жорж и Аннет вновь и вновь будут вспоминать, как все это было в ту августовскую ночь, когда провокатор-испанец навел фашистов на отряд маки.

— Аннет, неужели испанец узнал меня? Он так стремительно исчез...

— А может, он не тебя, а меня узнал? С этим испанцем я встречалась давно, когда была девчонкой и мы еще жили в оккупированном Париже. Однажды вечером мама тайком привела испанца к нам домой и представила отцу: «Этому человеку можно доверять, он поможет собрать и спрятать оружие. Воевал в Испании в интербригаде, а теперь вместе с нами». Мама была связной отряда маки, действовавшего в нашем квартале.

...Эсэсовцы ворвались в их квартиру ночью, через час после того, как ее покинула группа маки. Обыск длился три часа. Фашисты вели его так, словно им уже точно известно, где что запрятано. Супруги Бриссо удивленно переглядывались: как могло все это произойти? Лишь один человек знал их тайники — Фелиппе... Мать увезли, и больше Аннет ее не видела...

— Из Барселоны я уехала в Мадрид и там случайно познакомилась с людьми, которые помогли найти Фелиппе и многое узнать о нем.

Настоящая фамилия этого человека— Форрес, Педро Форрес. Волею обстоятельств он должен был забыть и это свое имя, и свою фамилию, и свою родословную. Педро — выходец из знатной семьи. Маскируясь, стал антифашистом — Фелиппе Медрано. А после войны — коммерсант Арриго Кастильо. Потомок испанских грандов по желанию деда посвятил себя военному искусству. Блестяще окончил летное училище, служил в Марокко. И когда из Танжера по радио был дан сигнал, Педро повел группу немецких истребителей, чтобы сопровождать «юнкерсы», бомбившие республиканцев в предместьях Мадрида. С ним завязали бой «курносенькие чатос» — так фашисты окрестили республиканские истребители,— и Педро Форрес сразу сбил два самолета, за что Франко лично вручил ему боевой орден. За ним последовал второй: Педро Форрес оказался безудержно смелым. На счету уже было пять сбитых самолетов, и сеньориты почитали за честь получить его фотографию с автографом. Но война есть война. В тот день, когда фашисты с боями продвигались по шоссе на Талаверу, франкистский ас был сбит асом родом из Рязани. Педро выбросился на парашюте и в бессознательном состоянии был подобран своими.

Два месяца в госпитале. Лучшие врачи по приказу самого Франко днем и ночью дежурили у его постели. Из Берлина были доставлены какие-то чудодейственные лекарства. Педро выздоровел, но к летной службе оказался непригоден. Болтался без дела, пока однажды его не вызвал генерал из разведывательного управления и передал ему личное пожелание Франко — пробраться за линию фронта и внедриться в штаб интербригады. Педро, человека смелого и с авантюристическими наклонностями, не пришлось долго уговаривать.

Но терзали мысли о судьбе сына, и он сказал генералу:

— Мои родители и жена погибли в городке, который разбомбили республиканцы. В живых остался сын Мигуэль, ему уже четырнадцать... Что с ним будет? Я души не чаю в мальчишке... Не представляю...

— Я доложу командованию,— буркнул генерал.— К этому вопросу мы вернемся завтра, а пока готовьтесь. Вам многое надо узнать, запомнить...

На следующий день без всяких обсуждений Педро предложили взять сына с собой. Да-да, за линию фронта.

— Вместе с детьми испанских республиканцев вы отправите его в Москву. Наши люди помогут. Так надо. Так считает командование. После победы понадобится ваш сын. И нам, и фюреру, и дуче...

Педро стал одним из резидентов разведки Франко в армии республиканцев. Все явки, полученные в штабе каудильо, действовали, и, как было условлено, он встречался со связными в баскском ресторанчике возле Гран-Виа.

Педро оправдал надежды генерала Франко. Кто мог подумать, что в бравом летчике таился талант разведчика! Поначалу в объятом пламенем войны Мадриде его сковывали обязанности горячо любящего отца. Их нелегко было выполнять. Но все разрешилось быстро и наилучшим для Педро образом. Мигуэля с группой испанских детей отправили в Москву. Нужные люди сработали точно и оперативно.

Продолжение следует.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

Конец Сократа

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

С ДАЛЬНИМ ПРИЦЕЛОМ

...Потерпев поражение, республиканская армия отступила на территорию Франции. Педро получил задание штаба Франко оставаться в рядах республиканцев.

Во французском лагере интернированных испанцев он работал уже на немецкую разведку. Ему помогли «бежать» и поселиться в Париже под фамилией Фелиппе Медрано. Как того требовал шеф немецкой разведки, он жил скромно, незаметно, катил по утрам свою тележку продавца зелени, весело выкрикивая: «Спаржа в пучках... Морковь, капуста». И ждал своего звездного часа. Час этот настал в тот день, когда в Париж вступили гитлеровцы, однако затаенная надежда получить солидную должность в штабе оккупантов или в полиции рухнула: фашисты внедрили его в один из подпольных комитетов парижских франтиреров. В Париже Фелиппе пробыл недолго: опасность провала провокатора нарастала, и его перебросили в Лотарингию, туда, где действовали маки... После войны агента Фелиппе Медрано — Арриго Кастильо унаследовало ЦРУ. Что же касается Мигуэля, то он почти десять лет прожил в Москве вместе с испанскими и советскими сверстниками. Его торжественно приняли сперва в пионеры, а потом в комсомол. Ему нравилась страна, ставшая для него родным домом, но ни на один день не угасала в нем любовь к Испании. И после войны о нем, так же как и об отце, позаботилось ЦРУ — оно добилось возвращения Мигуэля в Испанию с первой же группой репатриантов. В Мадриде его встретил молодой человек, отрекомендовавшийся дальним родственником.

— А отец, где он? — спрашивал Мигуэль.

— Его сейчас нет в Испании, по делам службы улетел в Венесуэлу и телеграфировал мне, чтобы я вас встретил. Вам здесь будет хорошо. А что касается расходов, то ваш отец достаточно богат, оплатит...

Мигуэля поселили в хорошем отеле, и первое время он недоумевал, по какому случаю его персоне такое внимание? Но позже все стало на свое место.

...Их очень устраивал этот потомок испанской знати, которого по хитрому замыслу разведки Франко в свое время с дальним прицелом отправили в Москву вместе с детьми республиканцев. «Он понадобится и нам, и фюреру, и дуче». Фюрера и дуче нет в живых, но остались каудильо и «наследники».

Первые же беседы с Мигуэлем озадачили работников ЦРУ: орешек крепкий. Это была длительная и многотрудная операция — обратить в свою веру юношу, прожившего столько лет в Советском Союзе. Но у людей ЦРУ имелся большой опыт взращивания агента. В ход пошли испытанные средства — туристические поездки в Канаду и в США, идеологическая обработка («вот она, настоящая свобода личности, демократия»). Вскоре появился и отец, он активно подключился к сотрудникам ЦРУ. Сперва рядился в тогу архилевых троцкистов, потом стал петь с голоса правых социалистов, внушая Мигуэлю, что тот, кому дороги светлые идеалы свободы, прогресса, расцвета личности, пойдет рядом с борцами против коммунизма, против Советов. Минует год-другой, и политика, идеалы будут отброшены прочь. Подбор нужных друзей, родственников, среди которых генералы, высокопоставленные чиновники, подбор книг и вовремя предложенная газета с антисоветской статьей сделали свое дело. Мигуэля приобщили к фешенебельному спортивному клубу, приохотили к корридам, он стал появляться на раутах. Действовали терпеливо, неторопливо, исподволь, объясняя, почему и как он, потомок грандов, оказался в России. Исподволь разжигали аппетит к сладкой жизни, не обошлось и без современных карменсит.

На обработку «русского испанца» не жалели денег, времени, сил. Знали: он стоит того. Мигуэль владел русским языком так же свободно, как и испанским. У него законченное среднее образование, полученное в советской школе. Есть друзья среди русских, а в Москве осталась любимая девушка. Русских, их нравы, образ жизни он знает куда лучше тех, кто учился в специальных колледжах.

В Испании Мигуэль с отличием окончил филологический факультет университета и попутно овладел науками, ничего общего с филологией не имевшими. Здесь же он принял «первое крещение» — ему поручили изучение лидеров африканского землячества. О первой пробе сил шеф отозвался одобрительно. Но чтобы отправиться в большое плавание, потребовался еще год специальной подготовки. И тогда на юге Франции, в портовом городе, открылась посредническая контора по сбыту товаров из Венесуэлы: «Арриго Кастильо и сын».

Сейчас старик отошел от дела, а молодой преуспевает. Энергия поразительная, и в средствах к достижению целей не стесняется.

...Аннет говорила тихо. Иногда умолкала, что-то вспоминала, обдумывала.

АРРИГО КАСТИЛЬО И ДРУГИЕ

Вскоре после возвращения из Испании дела торговой фирмы привели Аннет в тот самый южный портовый город Франции, где находилась контора «Арриго Кастильо и сын».

Аннет нашла ее на тихой, удаленной от центра улице, в неприметном доме.

Зачем она искала эту контору? Чем одинокая маленькая женщина могла повредить военному преступнику? Месть? Как она ее осуществит, на какое правосудие сможет опереться? Об этом она не думала. Это был случай, когда страстное желание и уверенность опрокидывают расчет и логику здравомыслия.

...Ее не сразу пропустили в контору. В подъезде человек, непохожий на швейцара, оглядел ее с головы до ног и долго рассматривал визитную карточку Аннет Бриссо, агента парижской торговой фирмы, пока наконец разрешил ей подняться наверх, в контору...

— С кем имею честь, мадам? — Еще красивый, хотя и согнутый годами испанец посмотрел на нее колким пронизывающим взглядом и указал на кресло. Но мадемуазель Бриссо продолжала стоять, разглядывая человека, которого искала столько лет. Да, это тот самый, с кем она случайно познакомилась в Барселоне. Тот самый, который...

Аннет всю ночь обдумывала, с чего начнет разговор и как поведет его к тому главному, что надо сказать убийце. Но сейчас все вылетело из головы. Нет, она не будет играть в прятки, не станет дипломатничать, начинать с намеков. Нужно в упор...

— Я дочь парижанки Франсуазы Бриссо, преданной вами. Я Аннет Бриссо, разведчица отряда маки, куда вы летом сорок второго года пробрались, выдав себя за бойца интербригады. Вы гнусно предали отряд маки фашистам. От имени погибших я пришла сказать Фелиппе Медрано, скрывающемуся под именем Арриго Кастильо: «Смерть предателю!»

Ею владело поразительное спокойствие. Что же, она готова сражаться в одиночку. Вот они стоят друг против друга — убийца ее матери, жениха, друзей и бывшая разведчица Аннет. Он изобразил нечто подобное улыбке, а потом, потемнев лицом, набычившись, хотел что-то сказать, а может быть, и сделать, но она уже выхватила пистолет из сумочки. В это мгновение незаметно оказавшийся за ее спиной человек — это был Кастильо-младший — ударил по руке, и пистолет упал на пол.

Обессиленная, она рухнула в кресло и прижала к лицу дрожащие руки. Она не видела, как исчез Кастильо-старший. Когда подняла голову, перед ней, заложив руки в карманы и криво, как отец, усмехаясь, стоял, покачиваясь, Кастильо-младший.

— Мы вас ждали, мадам Бриссо, наши люди нас проинформировали. Итак, что будем делать? Звонить в полицию или тихо-мирно договоримся, что Аннет Бриссо навсегда забудет о существовании и Фелиппе Медрано, и Арриго Кастильо, и его сына?..

— Не запугаете! Я готова сесть рядом с вашим отцом на скамью подсудимых. Есть люди, которые посвятили жизнь розыску военных преступников.

— Видимо, эти люди и прислали вас сюда? Красное от-р-ребье. Я насмотрелся на таких за свою короткую жизнь.

Красивый, как отец в молодости, он достал из бара в стене бутылку вина.

— Не угодно ли? Нет?.. Тогда разрешите... За ваше здоровье, мадам Бриссо!

Осушив бокал, подошел к Аннет и, отчеканивая слова, проговорил:

— Советую навсегда забыть нас. Навсегда! Молчите? Хотите лаять на слона? Извольте немедленно убираться вон. Вон! Я Мигуэль Кастильо и не желаю разговаривать с девкой, подосланной коммунистами. Мигуэль Кастильо знает, как надо поступать с такими...

Он сразу не нашел нужных слов, между тем в комнату уже вошел тот самый человек, что сидел в подъезде. Теперь он стоял в дверях, широко расставив ноги, ожидая приказа хозяина.

— Андо, проводите эту женщину...

На следующий день Аннет позвонила в контору «Арриго Кастильо» и, изменив голос, сказала, что директор акционерного общества «Электроника» хотел бы перед отлетом в Венесуэлу встретиться с представителем этой посреднической фирмы и ей, секретарю директора, поручено уточнить день и час встречи: у Аннет был на сей счет свой план.

Ей ответили, что сеньоры Кастильо рано утром улетели в Венесуэлу. И никто не может точно сказать, когда они вернутся. Возможно, через месяц, а может быть, и через год...

И СНОВА УРОКИ ПОЛИТГРАМОТЫ

— ...Ну вот и вся моя исповедь, Мишель. Теперь без загадок. Когда-то ты допытывался у отца: каким образом дочь ажана стала разведчицей отряда маки?.. Помнишь, как мы ночью в доме отца ели жаркое из голубей? Отец так и не успел тебе ответить. Помнишь? Мы по тревоге поднялись. Теперь ты знаешь все.

Аннет опустила голову и стиснула тонкие пальцы.

— Мишель, я должна найти его. Я не успокоюсь, пока...

— Милая Аннет, я понимаю тебя. Но в том мире, где ты живешь, такие, как Кастильо, чувствуют себя вольготно, они никого не боятся, и бороться с ними ой как трудно. Боюсь, что у тебя не хватит для этого сил. А потерять можешь многое. Даже жизнь.

Однако Аннет не согласна была складывать оружие и страстно призывала к этому Мишеля, а Поляков не хотел продолжать диалог и мгновенно перевел разговор на другую орбиту.

— Ты, кажется, была в Московском университете. Как нашла студентов?

— Одна из наших газет бог знает что писала о вашей университетской молодежи, о ка-

Продолжение. См. «Огонек» № 12.

ких-то смутьянах, тайных листовках, расправах с молодыми интеллектуалами. Но мои юные собеседники совсем не походили на бунтарей.

— Это все бредни. Да, были случаи, когда кто-то за рубежом, кому снится крушение советского строя, пытался сбить с толку некоторых юнцов с туманом в голове. Есть у нас и такие. В нашей печати сообщалось о судебном процессе над одним из этаких. Докатился до того, что связался с зарубежными антисоветчиками, которые хотели тайком вывезти его из СССР по подложным документам. Некий Франсуа де Перраго, любитель легких заработков, пролетая из Финляндии в Австрию, остановился в Москве, выдавая себя за туриста. Он и передал свой паспорт легкомысленному юнцу. Но это же...

— Погоди-погоди... Как ты сказал — Франсуа де Перраго?.. Французские газеты что-то писали об этой истории. Вот видишь, а говоришь бредни...

— Повторяю: бредни. Сорняки бывают и на самом урожайном поле.

— Дорогой Мишель, я очень люблю тебя... И твою страну тоже... Вы спасли нас от фашизма. И все же... Хочу напомнить наши давние споры. Да, да, о свободе, о демократии... Они не закончены. Вот и этот случай со студентом...

— Ты припомнила мои уроки политграмоты. Бедный, бедный Мишель! Я, профессор Поляков, ставлю ему двойку за те уроки. Он не сумел толком объяснить разницу между истинной и мнимой свободой личности. На Западе немало мастеров стряпать мифы о свободе личности. Не помню, кому принадлежат эти мудрые слова: возможность делать все, что нам угодно, не вольность, не свобода. Скорее это оскорбительное злоупотребление истинной свободой. Ты согласна?

Она не ответила. Лишь повела плечами:

— Не знаю, может быть, и так. Это очень сложно.

— В жизни все очень сложно, Аннет. Вот сидит перед тобой молодой человек, большой друг моего племянника, журналист Сергей Крымов. Сейчас не время рассказывать тебе о нем. Но поверь, история его сложной и трудной жизни поучительна. Так ведь, Сережа?

Погруженный в свои мысли, Крымов ничего не ответил. Поначалу он жадно прислушивался к разговору, старался все запомнить. Но когда речь зашла о тех молодых, которые по бедности духа убеждены, что лучше всех понимают «смысл жизни», у которых предел мечтаний на поверку не шел дальше заграничных джинсов или записи ультрамодной поп-музыки, ему стало не по себе. Показалось, что Поляков говорит и о нем, Крымове, каким он был пять-шесть лет назад, и о выдворенном из Советского Союза аспиранте Дюке, меньше всего интересовавшемся наукой, и о его соратнике Владике, и о тех тогдашних друзьях Сергея, всех тех, кто мнил себя властителем дум. Прошлое, казалось, забытое, эхом отозвалось в номере гостиницы, где шел острый диалог. И Сергею Крымову не по себе от одной только мысли, что он мог когда-то шагать по одной дорожке с проходимцем Владиком, шпионом Дюком. Он был рядом с ними. Это были и его приятели. И кто знает, что было бы, если бы не Иришка, если бы не его закадычный друг Вася Крутов, если бы не Бутов... Сквозь годы ему вновь виделось то, о чем он, казалось, успел, а вернее, хотел забыть.

...Галантно поклонившись, Сергей обратился к Аннет:

— Если разрешите, то позволю себе повторить прочитанное мною в одном английском журнале. Я не повторю дословно, но смысл таков: замечено, что тот, кто кричит громче всех, требуя свободы, не очень охотно терпит ее.

Крымов хотел было сказать, что он сам, увы, когда-то был причастен к компании тех, «кто кричал громче всех». Однако воздержался: поймет ли француженка?

Аннет вдруг резко оборвала дискуссию:

— Господа, я устала и не очень люблю политику. Давайте о чем-нибудь другом.

— Точнее сказать, ты ее разлюбила,— заметил Поляков.

— Почему так считаешь?

— Дорогая моя Аннет, ты никуда не спрячешься от нее, от этой самой политики. Не забудь, когда Жюльена пытали, выкалывали глаза — это была политика. Когда твою мать увели в тюрьму — тоже. А предательство Кастильо?

— Зачем ты сыплешь соль на мои раны?

— Не буду больше. Никаких споров! И вообще неприлично, мой молодой друг,— мы вдвоем напали на хрупкую, беззащитную женщину, к тому же гостью. Виноваты, дорогая Аннет.

И он кающимся грешником опустился на колени.

— Отпусти грехи наши...

— Чем искупишь вину свою, Мишель?..

— Штрафным бокалом. Итак, прошу в ресторан...

МИР ТЕСЕН

...Приятного вида официант провел их к заранее заказанному Поляковым столику и положил перед дамой меню.

— О нет, пусть этим займутся мужчины.

И пока они обсуждали, чем можно удивить гостью, Аннет осматривала зал, посредине которого, оглушенные джазом, мельтешили танцующие.

Ее взгляд задержался на высоком мужчине в черном костюме, с гладко зачесанными темными волосами и красивым длинным лицом. Чуть прихрамывая, он пробирался к столику, сервированному на двоих. Одно место уже было занято. Аннет побледнела и вцепилась в руку Полякова.

— Мишель, боже мой! Видишь того... Вон он подходит к угловому столику... Господи, дай мне силы... Ты не узнаешь?

Поляков ничего не ответил, а Крымов растерянно оглядывался по сторонам, не понимая, что повергло гостью в такое смятение.

— Нет, нет, я не обозналась. И не ошибся тот, кто сказал мне: «Кастильо-младший, кажется, собирается в Москву. У него там осталась любимая девушка». Ну что ты молчишь, Мишель?

— Да, похоже, что это сын Фелиппе Медрано. Если бы не разница в возрасте, я бы подумал, что он его брат-близнец. Но допустим, что это так,— не представляю, какие законные обвинения можно предъявить?.. К тому же это сын, а не отец. Подумай, Аннет...

Потрясенная Аннет не слушала увещеваний. Что ей до законных оснований? У нее свой кодекс чести и справедливости. Она схватит негодяя за руку и потащит... Куда? Неважно. Только бы не упустить! Сергей понял, что сейчас она ринется очертя голову, и вовремя, хотя и с трудом, удержал француженку.

— Будьте благоразумны. Прежде всего надо убедиться...

— Именно это я и хочу сделать. Иду к нему...

И она впилась взглядом в человека за угловым столиком.

— Успокойся, Аннет. Тебе нельзя... Он узнает мадемуазель Бриссо и скажет, что не имеет чести...

— А может, лучше мне? — нерешительно

подал голос Крымов. Сергей уже догадывался, о ком идет речь: он весь вечер слушал разговор о трагической судьбе отряда маки и испанце-провокаторе.— Как считаете, Михаил Петрович? У журналиста всегда в запасе подходящий предлог...

Взглянув на хромоногого, Сергей заметил, что тот рассматривает их столик. Лицо бесстрастное, но взгляд встревоженный. Неужели и вправду Кастильо-младший?

Крымов готовился к разговору с испанцем и мысленно формулировал первый вопрос возможного интервью. Но Аннет вдруг сорвалась с места и помчалась, расталкивая танцующих. Увы, она опоздала. Хромоногий что-то сказал соседу по столу и быстро направился к двери в холл.

Аннет ринулась за ним. В холле испанца не было.

Взбудораженная Аннет вернулась в зал и выслушала упреки Полякова.

— Тебе не кажется, что ты ведешь себя, как глупая девчонка?

Сергей вопросительно посмотрел на Полякова, на Аннет и, не дожидаясь их одобрения, направился к угловому столику.

Оставшийся в одиночестве молодой человек растерянно озирался, явно озадаченный внезапным исчезновением хромоногого и неожиданным появлением разговорчивого незнакомца.

Крымов начал по-русски, хотя не представлял, кто он, его собеседник. Но едва тот произнес несколько слов по-русски, как Сергею стало ясно: иностранец, точнее, француз с истинно французским грассирующим «р».

— Вы владеете русским?

— Да, с юношеских лет я немного изучал ваш язык.

И тем не менее Сергей — «пусть не задается!» — решил продолжить разговор по-французски, вскользь заметив, что, видимо, для мсье это родной язык. Посчитав, что протокольная часть беседы завершена, Крымов приступил к делу тут же, придумав подходящий предлог для беседы — вчера он был в Сокольниках, где открылась очередная международная выставка.

— Извините за беспокойство. Я журналист, и, если я не ошибаюсь, ваш друг,— Сергей кивнул на пустой стул,— один из распорядителей павильона международной выставки в Сокольниках. Хотелось бы воспользоваться удобным случаем и получить интервью. Непринужденная беседа в столь приятной обстановке — половина успеха. Вы не разрешите подождать его здесь?

Молодой человек изобразил улыбку и, хотя явно насторожился, сказал:

— Извольте.

— Вы не знаете, как скоро он вернется?

— Нет.

— Я вам не очень помешаю?

— Нет.

— Буду весьма признателен, если поможете побеседовать с вашим другом, как говорят...

Иностранец резко прервал:

— Он мне не друг, мсье... Не имею чести знать вашего имени...

Сергей протянул визитную карточку и получил ответную.

— Присаживайтесь, мсье...— иностранец взглянул на карточку,— мсье Крымов... Простите, я плохо запоминаю русские фамилии. Прошу вас! Что будете пить? Виски, водка, коньяк? О, армянский коньяк превосходный напиток! Чудесный аромат...

Когда выпили по рюмке, иностранец несколько оттаял и явно готов был перейти от односложных ответов к спокойной беседе.

— Мы коллеги, мсье Крымов. Я представляю в Москве не очень популярную в вашей стране газету. Но смею утверждать, что в нашем небольшом государстве в кругу деловых людей она весьма авторитетна.

— Вы давно в Москве?

— Недавно. Месяц назад улетал из Москвы по вызову шефа и только вчера из Парижа.

— Вы живете там?

— Нет. Я выполнял просьбу отца навестить больного дядюшку. Неприятная миссия.

— Что так?

— Я недолюбливаю своего дядю. Мне не нравятся его дом, образ жизни, друзья. Но это не имеет отношения к делу.

Иностранец резко прервал беседу и только после длительной паузы продолжил разговор.

— Перед отъездом в Москву дядя сказал, что рекомендовал меня своему другу, и предупредил: «Он разыщет тебя сам. Это очень полезный журналисту человек. У него много друзей в Москве. Он сможет ввести тебя в круг московских интеллектуалов». Сегодня утром дядин друг позвонил мне, и мы условились вместе поужинать. Как видите — неудачно... Не пойму, что случилось? Впрочем... Пути бизнесменов неисповедимы.

— Да, пожалуй. Видимо, какие-то неожиданные дела заставили его покинуть вас. Что поделаешь, с бизнесменами такое случается. Но вы не огорчайтесь, подсаживайтесь к нашему столику.— И он кивнул в сторону Полякова.— Познакомлю с очаровательной француженкой Аннет Бриссо и ее московским другом профессором Поляковым. Смею заверить как коллега коллегу, вам будет интересно. Оба бывшие маки, участники Сопротивления...

Иностранец повернул голову в сторону Сережиных друзей.

— Маки? О, это более чем интересно. И по многим причинам. Упомянутый мною дядя был тоже маки. И, кажется, удостоен наград. А встреча в Москве двух маки — француженки и русского! Это великолепно! Находка для журналиста...

— Тогда милости прошу к нашему шалашу...

...Сергей представил нового знакомого коротко: «Луи Бидо, журналист».

Аннет испытующе оглядела незнакомца, обронила несколько слов в адрес хромоногого, и вот уже потек сбивчивый разговор о том о сем, пока Луи не попросил разрешения задать Аннет и Полякову несколько вопросов.

— Мою газету очень заинтересует, как много лет спустя встретились на московской земле маки — француженка и русский.

Аннет и Поляков попытались было уклониться от интервью, но их уже дружно атаковали и Луи и Сергей. Интервью состоялось, хотя ответы — и господин Бидо это почувствовал — были нарочито краткими.

Сергей внимательно слушал француженку. Он хотел кое-что уточнить — детали могли бы обогатить будущий очерк,— но время позднее, уже одиннадцатый час, а он обещал Ирине позвонить не позже десяти. Еле дождался подходящего момента.

— Прошу извинения, но я должен позвонить жене, она у больного отца.

...Голос Ирины тревожен. «Отцу хуже. Сердечный приступ. Вызвала неотложку... Звонил Бутов... Я сообщила ему о твоем желании повидать его. Виктор Павлович сказал: «Пусть позвонит...» Сегодня он долго задержится на работе. Когда придешь?»

— Скоро буду.— Сергей повесил трубку и на мгновение задумался. Удобно ли сейчас звонить полковнику? Время позднее. Можно и завтра, не к спеху. А впрочем, позвоню. Бутов, наверное, еще на работе.

— Виктор Павлович, это я, Сергей. Извините, что звоню так поздно.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, нет, ничего не случилось. Просто я нуждаюсь в вашей консультации. Хотел бы с вами повидаться. Делаю репортаж о встрече советского ученого, профессора Полякова, с боевой соратницей по отряду Сопротивления во Франции. Тридцать лет спустя встретились Аннет и Мишель — француженка и русский, бойцы отряда маки. Сидим за столиком, пьем шампанское и мило беседуем. Я очень нуждаюсь в вашем совете... Это моя первая серьезная работа...

— Всегда рад помочь...

— Благодарю вас, Виктор Павлович. До встречи.

...Крымов вернулся в ресторан расстроенный.

— Тестю плохо. Я должен немедленно ехать домой.

ГОСТЬ ПРИБЫЛ

Утром в квартире Рубина раздался телефонный звонок.

— Слушаю.

— Господин Рубин? Захар Романович?

— Да, я. Что угодно?

— Вам привет от Нандора.

Рубин в замешательстве промолчал.

— Вы не слышите меня?

— Слышу. Как себя чувствует господин Нандор?

— Хорошо. Я бы хотел встретиться с вами. Это возможно?

— Думаю, что да. Вы откуда звоните?

— Из центра. Из автомата.

— Я к вашим услугам. Не буду возражать, если приедете ко мне, гостей положено принимать дома. Живу один. Я болен, и, признаться, гулять в таком состоянии не очень хочется.

— Ваш вариант меня не устраивает,— сухо отрезал незнакомец.— Надеюсь, вы в состоянии ходить?

— Да.

— Вот и отлично. Мы должны увидеться сегодня же, скажем, часов в двенадцать. Сможете?

— Пожалуй. Где?

— В Третьяковской галерее.

— Где конкретно?

После некоторого молчания последовал ответ:

— Возле картины Сурикова «Боярыня Морозова». Вы, кажется, знаток живописи и, надеюсь, знаете, где она висит.

— Да, конечно,— ответил Рубин.— Как я вас узнаю?

— Это нетрудно. Светло-серый костюм, белая рубашка, темно-синий галстук. В правой руке буду держать газету.

— Простите, как вас величать?

— Мигуэль Кастильо. Значит, договорились? До скорой встречи.

Телефон умолк, но Рубин какое-то время еще продолжал держать трубку. Звонок незнакомца, хотя и не неожиданный, растревожил до сумятицы. Стенокардия — в последнее время она довольно часто напоминала о себе — сейчас же отозвалась очень уж резкой болью в сердце. Рубин принял лекарство и присел в кресло.

Боль в сердце утихла, а душевная боль не унималась. Жизнь прожита никчемно. И, кажется, подходит к концу. А что хорошего сделал он в этой жизни? Какой оставит след? Много таких нелегких вопросов задал Рубин себе в те тягостные минуты. Однажды на лекции в Доме ученых доктор философских наук сказал запомнившиеся Захару Романовичу слова: «Хорошо быть ученым, инженером, писателем, но очень плохо не быть при этом человеком». Есть интересная, любимая работа. Кое-чего достиг, получил признание, стал доктором наук, профессором. А вот человек не состоялся. От такого горького самому себе признания опять защемило сердце. Из дальних уголков памяти выплыли Леночка Бухарцева, первая любовь, которую он предал, и другое, еще более страшное предательство — измена Родине... И Рубин встрепенулся: Бутов!.. Что же я не звоню?

Дрожащей рукой Захар Романович набрал номер телефона полковника и, чуть ли не заикаясь, сообщил о звонке незнакомца, назначенном свидании в Третьяковской галерее.

— Скажите, что мне делать, как поступить в такой ситуации?

— Прежде всего успокоиться. Мне не нравится ваш голос — не волнуйтесь! На свидание идите. Узнайте, что именно он хочет от вас получить. Скорее всего речь пойдет о каких-то данных по наиболее важным и закрытым работам института. Скажите, что должны собраться с мыслями, с ходу это не делается, да и место для разговора на такую тему неподходящее. Как мы условились, скажите, что с рацией у вас не ладится, видимо, неисправна. Под этим предлогом вновь пригласите его к себе домой. Если будет настаивать на другом месте встречи — не отказывайтесь. Постарайтесь узнать, как долго он пробудет в Москве, когда и по каким делам намерен вновь прибыть в нашу страну? Как штаб-квартира в дальнейшем будет осуществлять связь с вами? Вам все понятно, Захар Романович?

— Понятно.

— В таком случае действуйте.— Это генеральское «действуйте» прочно вошло и в бутовский лексикон.— Главное, возьмите себя в руки, не волнуйтесь. После свидания с гостем позвоните. Буду ждать.

Продолжение следует.

ПОВЕСТЬ

Л. ЛЕРОВ Е. ЗОТОВ А. ЗУБОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Конец Сократа

ВСТРЕЧА

Рубин торопливо разделся, подошел к зеркалу, причесался и направился в знакомый зал на «свидание» с «Боярыней Морозовой» — позже он так полушутливо отрапортует Бутову.

Захар Романович любил живопись, неплохо разбирался в ней, не раз бывал в Третьяковке, подолгу простаивал у творений великого Сурикова, но теперь ему не до шедевров. Лихорадочно переводил взгляд с одного экскурсанта на другого — не этот ли Мигуэль Кастильо? И тут же спохватывался — он же предупредил: светло-серый костюм, белая рубашка, в правой руке газета...

В зал вошла новая группа. Пригласив подойти поближе, экскурсовод начала свой хорошо отработанный рассказ о церковных реформах патриарха Никона, совпавших с протестом крепостного крестьянства и посадского люда против социальных новшеств, о подвижнической жизни боярыни Морозовой.

...Экскурсовод умолкла. Ждала вопросов. Рубин оглянулся и увидел Бутова. В толпе экскурсантов полковник шагал от картины к картине, с интересом слушал экскурсовода и даже задал какой-то вопрос, выказав тонкое понимание истории. Неожиданное появление Бутова обрадовало Рубина. На душе уже не так тревожно. А когда Виктор Павлович, поравнявшись с ним и не глядя на него, буркнул: «Главное не волноваться»,— профессор и вовсе перестал хмуриться, воспрянул духом.

Между тем зал почти опустел, и Рубин остался один на один со знаменитой раскольницей. Где же вы, гость нежеланный? И, словно откликаясь на профессорский зов, рядом вдруг оказался человек в светло-сером костюме, с газетой в правой руке. Сердце екнуло и учащенно забилось. На какое-то мгновение Рубину захотелось послать все к черту и уйти. «Нет-нет, теперь я уже не способен на притворство. Оно требует полного самоотречения и крепких нервов. Извините, Виктор Павлович, не могу, сил нет...» Но он переборол этот всплеск разыгравшихся нервов и с каменным, несколько побледневшим лицом обратился к человеку с газетой в руке.

— Если не ошибаюсь, господин Мигуэль Кастильо?

— Вы не ошибаетесь, господин Рубин. Это я вам звонил.

Холодные, недоброжелательные глаза в упор уставились на Сократа.

Профессор переминался с ноги на ногу и, чтобы как-то завязать разговор, спросил:

— Как вам нравится суриковское творение? Великолепно, не правда ли?

— Восхищен. Прекрасная картина. У нас на Западе знают, что Россия в прошлом дала много блестящих мастеров живописи: Рублев, Иванов, Шишкин, Айвазовский и, конечно, Суриков.

— Разве только в прошлом? В нашей стране и сейчас немало талантливых, известных во всем мире художников.

— Не говорите про ваших нынешних! — заметил гость полушепотом с нескрываемым раздражением.— Художник лишь тогда творец, когда он свободен, независим, когда он творит по велению сердца, а не по указке сверху. Однако, как вы догадываетесь, я пришел не для дискуссии. При удобном случае мы об этом поговорим, а сейчас у меня дела поважнее.— И направился в дальний угол зала. Рубин за ним.

— Первое, что тревожит нас,— это состояние вашего здоровья. Вид у вас, прямо скажем, не очень. Быть может, мы сумеем помочь вам? Хотя бы лекарствами? Кстати, чем вы больны?

— Самая модная болезнь века... Сердце... Стенокардия...

— О, этим страдают буквально все люди пожилого возраста. Посоветуйтесь со своим врачом, и пусть он порекомендует какое-нибудь радикальное западное лекарство. Мы вышлем вам, сколько бы оно ни стоило...

— Вы очень любезны, но не смею вас беспокоить.

— Поверьте, это сущий пустяк. Мы умеем по достоинству ценить тех, кто с нами. Не стесняйтесь, будем рады помочь. Кстати, в Швейцарии на ваше имя уже открыт текущий счет. Это, так сказать, аванс за активную работу в будущем. Надеюсь, наше сотрудничество окажется плодотворным и продолжительным. Что касается размера вознаграждения, то оно зависит от вас. Чем больше поступит информации, тем щедрее будет оплачена работа. Само собой разумеется, что речь идет о достоверной информации. Я думаю, вы поняли меня?

— Да, вполне,— буркнул Рубин.

— Для начала скажите, пожалуйста, не собираетесь ли вы в ближайшее время выехать на Запад? По любому поводу...

— Сейчас затрудняюсь ответить, со временем, пожалуй, смогу.

— Каково ваше положение в институте, ваше, так сказать, реноме?

— Не жалуюсь. Меня, как и прежде, высоко ценят.

— Прекрасно. Нас всерьез заинтересовал ваш институт, проблемы, которыми вы занимаетесь.— И тут Кастильо перешел почти на шепот.— Мы будем ждать от вас информации о наиболее важных работах, особенно о тех, которые имеют прямое или косвенное отношение к военной тематике.— При этих словах «гость» многозначительно и выжидающе посмотрел на Рубина.

— Боюсь, что по этой части я, видимо, не смогу быть полезным, господин Кастильо,— так же шепотом отвечал Рубин.

— Почему же?

— Я заведую лабораторией, которая занимается самыми что ни на есть прозаическими проблемами, весьма далекими от того, что может интересовать военных. Вместе с тем, не скрою, они имеют немаловажное значение в плане общечеловеческом.

— О, вы плохо знаете ваших покровителей, уважаемый Захар Романович.— При этом он огляделся по сторонам и предложил пройти в другой зал: появилась новая группа экскурсантов.— Нет такой области науки, техники, культуры, к которой моя служба — а отныне она и ваша — не проявляла бы интереса. Но при всем этом, разумеется, мы отдаем предпочтение любой информации о военных возможностях Советского государства, о предпринимаемых им усилиях в военном строительстве. Что же касается техники связи с нами, то не извольте беспокоиться. Мы перейдем на бесконтактную связь, через тайники, о чем вы будете поставлены в известность. Это значительно безопасней. Вы закладываете свою информацию в тайник, она изымается и переправляется нам. Кем, когда и каким образом, это уже не ваша забота. Через тайник же вы будете получать от нас письменные указания. Ведь Нандор снабдил вас условностями и средствами тайнописи? Не так ли?

— Да, снабдил.

— И вы уже научились пользоваться ими. Мы имели возможность убедиться в этом, когда от вас пришло первое сообщение. Вы получили наш ответ? И расшифровали?

— Да.

— Вот и отлично... Будем считать, что со связью у нас все в порядке.— Кастильо поглядел на часы.— Мне пора, господин Рубин, будем прощаться. Жду от вас обширной и, конечно, абсолютно точной информации об институте, о наиболее важных его работах и о людях, выполняющих их. Нам нужны их характеристики в чисто человеческом плане: наклонности, увлечения, страстишки, пороки. И еще одно: кто из них и когда собирается побывать в западных странах.

— Я вас понял, господин Кастильо.

— У вас есть вопросы?

— Да. Извините, может, мои вопросы покажутся вам нескромными, но я хотел бы знать, увидимся ли мы еще? Сможете ли вы мне звонить? И долго ли вы пробудете в Москве?

— Я пробуду здесь несколько дней. Увидимся ли мы в эти дни? Трудно сказать, скорее всего нет. У меня много дел, но я периодически буду приезжать в Москву, и мы, конечно же, встретимся. И уж, во всяком случае, я вам позвоню. Прощайте.

Кастильо раскланялся и поспешно удалился.

ПОСЛЕ СВИДАНИЯ С «БОЯРЫНЕЙ»

Бутов вернулся из Третьяковки в прекрасном расположении духа. И не только потому, что повезло — купил два редкостных каталога, за которыми давно охотился. Жена Виктора Павловича — заслуженный деятель искусств, научный сотрудник, знаток истории русской живописи XVIII—XIX веков, и Бутов предвкушал, как обрадуется она подарку.

Но главное — благополучно закончившееся свидание Сократа с гостем. Бутов очень тревожился за него. Как будет держаться больной, не уверенный в себе профессор Рубин? Могло случиться и непредвиденное. Ведь свидание не с девицей — с профессиональным разведчиком. Ну и если уж быть до конца перед собой откровенным, то его, Бутова, все еще точил червь сомнения, несмотря на укоры генерала. Однако все, кажется, обошлось наилучшим образом. Полковник имел возможность наблюдать, как вел себя Сократ — молодцом!

В условленный час Рубин позвонил Бутову и, пока не вдаваясь в подробности, поведал о самом главном из того, что могло интересовать полковника. Даже пошутил:

— Виктор Павлович, смею заверить, что свидание с «боярыней» прошло на самом высоком уровне.

— Отлично, Захар Романович... Человек, не потерявший при столь сложных обстоятельствах чувства юмора, вероятно, пребывает в полном здравии и хорошем настроении. Рад за вас.

— Теоретически должно быть так, но практически... Настроение хорошее, самочувствие поганое. Медицина знает такие парадоксы.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12, 13.

Признаться, перенервничал основательно... А стенокардия и рада. Опять был приступ.

— Крепитесь, профессор, умирать нам рановато. Впереди столько важных дел... Да, чтобы не забыть: все то, что вы сейчас сообщили о встрече с гостем, попрошу вас изложить на бумаге..

В этот момент зазвонил телефон прямой связи с генералом.

— Простите, Захар Романович, вызывают... До встречи... Там, где условились...

И Бутов снял трубку зеленого аппарата.

— Слушаю, товарищ генерал.

— Виктор Павлович, вы в курсе того, что сегодня случилось в ГУМе?

— В курсе. Сразу не смог доложить вам из-за одного важного события — прибыл связной, виделся с Сократом. Только что беседовал с профессором. Условились о встрече.

— Не стану задерживать... Буду ждать вашего доклада во второй половине дня. По обоим событиям сразу. Успеете?

— Успею.

— Ну и отлично. Действуйте...

«СПЕКТАКЛЬ» В ГУМе

В десять утра под сводами ГУМа запорхали антисоветские листовки. Они летели сверху, как листья в погожую осеннюю пору, падали, немного покрутившись, на пол, на головы и плечи людей, толпившихся у витрин, в очередях. С площадки второго этажа их разбрасывал турист из Швеции, юноша в залатанных джинсах и видавшей виды куртке. Он истошно выкрикивал что-то непонятное окружающим. Впрочем, были тут и такие, которые понимали и все по-своему интерпретировали: кто-то позаботился предупредить корреспондентов западных газет, радио и агентов о времени и месте, где будет разыгран «спектакль». Эти люди стояли в стороне, щелкали фотоаппаратами, что-то наговаривали в диктофоны. Но на лицах нетрудно было уловить огорчение: «спектакль» явно не удался. Листовки не расхватывали, не передавали из рук в руки, а иные, прочитав, недоуменно пожимали плечами: «Кто он такой, этот преступник? И почему надо спасать его? От кого? Против чего протестовать, если того посадили за антисоветскую деятельность?» Реакции, на которую рассчитывали постановщики «спектакля», не последовало. Человек, разбрасывавший листовки (он, как выяснилось, вопил о «свободе слова», «свободе личности»), был задержан. Теперь ему отвечать по соответствующей статье Уголовного кодекса.

На первом допросе турист увиливал. Придерживался талейрановской «мудрости»: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли...» Отмалчивался и снисходительно поглядывал на следователя. В лучшем случае отвечал односложно — «да», «нет». В Москве он второй день. Плохо говорит по-русски. На вопрос, хочет ли связаться со своим посольством, последовало категорическое «нет».

Многие зрители этого представления пришли в комнату милиции, чтобы засвидетельствовать все виденное и слышанное. Кое-кто успел пощелкать фотокамерой. Работники милиции благодарили, записывали адреса свидетелей, охотно принимали пленки, хотя знали, что дежурившие в универмаге сотрудники уголовного розыска успели заснять «спектакль».

Все, о чем Бутов должен доложить генералу, уже подготовлено. О фактах — письменные свидетельства, фотографии. Комментарии — устно. Есть интересное и в протоколе первого допроса.

— Вам известно содержание листовок, которые вы разбрасывали?

— Да.

— Расскажите.

Молчание.

— Слушаю вас...

— Это был призыв...

— Чей?

— Прогрессивного человечества.

— Конкретнее.

— Прогрессивных людей Запада.

— Вы знаете, кто сочинял листовки?

— Точно не знаю. Какая-то организация, защищающая права человека.

— Вам что-нибудь известно о ней?

— Нет.

— Вы говорили, что умеете читать по-русски. Вот прочтите.— И следователь показал туристу последние строки листовки.— Вам известна эта организация?

Молчание.

— Вы сказали, это был призыв. К чему призывала листовка?

Молчание.

— Вы сами-то читали ее?

Молчание.

— Вы, что же, решили отмалчиваться? К чему призывала листовка?

— Защищать права советских людей.

— Всех советских людей?

— Всех.

— Но в листовке названы три фамилии. Вам известны эти лица?

— Это не имеет значения... Этих трех я не знаю...

— Судя по вашим ответам, вы слепо выполняли чье-то задание. Чье?

— Я отказываюсь отвечать.

— Вы приехали как турист. Пробыли в Москве три дня, включая день ареста. Что вы успели увидеть? Где были? В музеях, театрах, на выставке? С советскими людьми общались?

— Меня это не интересовало.

— А что вас интересовало?

— Я отказываюсь отвечать.

...Бутов вместе со своим помощником Сухиным систематизировали материалы, условно озаглавленные ими «спектакль» в ГУМе», перечитывали протоколы допроса туриста, разглядывали фотографии-свидетельства. Они были разложены на диване, стульях, и кабинет полковника напоминал кабинет художника иллюстрированного журнала. Хлопотливое это занятие прервал телефонный звонок.

— Слушаю... Да, это я... Здравствуйте, Крымов... Что же, можем встретиться... Через час у памятника Пушкину. Устроит вас? Вот и хорошо...

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР

— Вы чего хмуритесь, Крымов?

— Это вам показалось, Виктор Павлович. Впрочем, какие-то основания есть...

— Какие?

— Да так... Всякие... Чего в жизни не бывает.

...Поначалу разговор не клеился. Они молча шли по бульвару. Был тот час осеннего дня, когда хозяевами бульвара становились дети, пенсионеры, пришедшие погреться на солнышке, склониться над шахматной доской, «забить козла» или попросту посудачить о том о сем. Спокойное неяркое осеннее солнце пробивалось сквозь облака и высвечивало серебристые лужицы на асфальте.

— Как у тебя дела на работе? — спросил Бутов.

— Не блестяще,— ответил Сергей.— Я вам как-то говорил, что с заместителем редактора международного отдела Агафоновым у меня холодная война идет. Невзлюбил меня и при удобном случае пакости чинит...

— Какие такие пакости?

Сергей сразу не ответил, помолчал. На душе у него мерзко, но потом какая-то неведомая сила заставила его буквально выпалить все, что накипело за последние дни.

...За обеденным столом сидели Виктор Агафонов и Константин Михайлович Перцов, секретарь партбюро, когда к ним подсел Крымов. Агафонов тут же ринулся в «атаку».

— Сергей, а партбюро знает о твоих былых дружках? Говорят, они у тебя были такие, что упаси боже... Один в местах не столь отдаленных пребывает, а другого, англичанина, попросту выдворили из нашей страны.

Сергей вопрошающе посмотрел на Перцова: «Что скажете? Требуются объяснения?» Но тот молча, невозмутимо продолжал расправляться с цыпленком. Однако Агафонов не унимался.

— Что молчишь, Крымов? Я это не случайно... Не любопытства ради... Сегодня в редакцию заглянул наш автор, недавно вернулся из Англии. Вы его знаете, Константин Михайлович... Вадим Куроедов, экономист... В Лондоне он с тем твоим дружком, англичанином Дюком, лицом к лицу столкнулся, они вместе в аспирантуре учились. Англичанин интересовался, как господин Крымов поживает. Вадим приметил тебя здесь, и сразу вспомнил Дюка, и удивленно спросил: «Каким ветром этого молодого человека к вашему берегу прибило?» И, между прочим, заметил, что видел тебя в «Метрополе». И намекал на какие-то твои задушевные беседы за бутылкой шампанского со странными, мягко выражаясь, людьми... Видишь, как мир тесен...

Выплеснуто это было с изрядной порцией яда, с туманными намеками на уроки, которые не пошли впрок, и с явным желанием заинтересовать Перцова.

А тот с тем же непроницаемым лицом спросил:

— Ну и что?

— Не понял тебя, Константин Михайлович. Что значит: «Ну и что?» Ты считаешь нормальным?! Отказываюсь понимать...

— Да и я тебя не очень понял. Видимо, мы по-разному на профессию журналиста смотрим. Журналист перестает быть журналистом, когда он начинает собственной тени бояться, если он с оглядкой, «как бы чего не вышло», нужные для работы связи устанавливает... Между прочим, и с теми, из другого стана, если тема требует. А если обстоятельства так складываются, что надо дать бой,— что же, вступай в бой. Я имею в виду идеологию. В кусты уходить — нехитрое, брат, дело... Полагаю, что встречи в ресторане, на которые ты столько тумана напустил, имеют прямое отношение к творческим замыслам Крымова. И скоро мы будем иметь возможность прочесть нечто любопытное... Не так ли, Сергей?

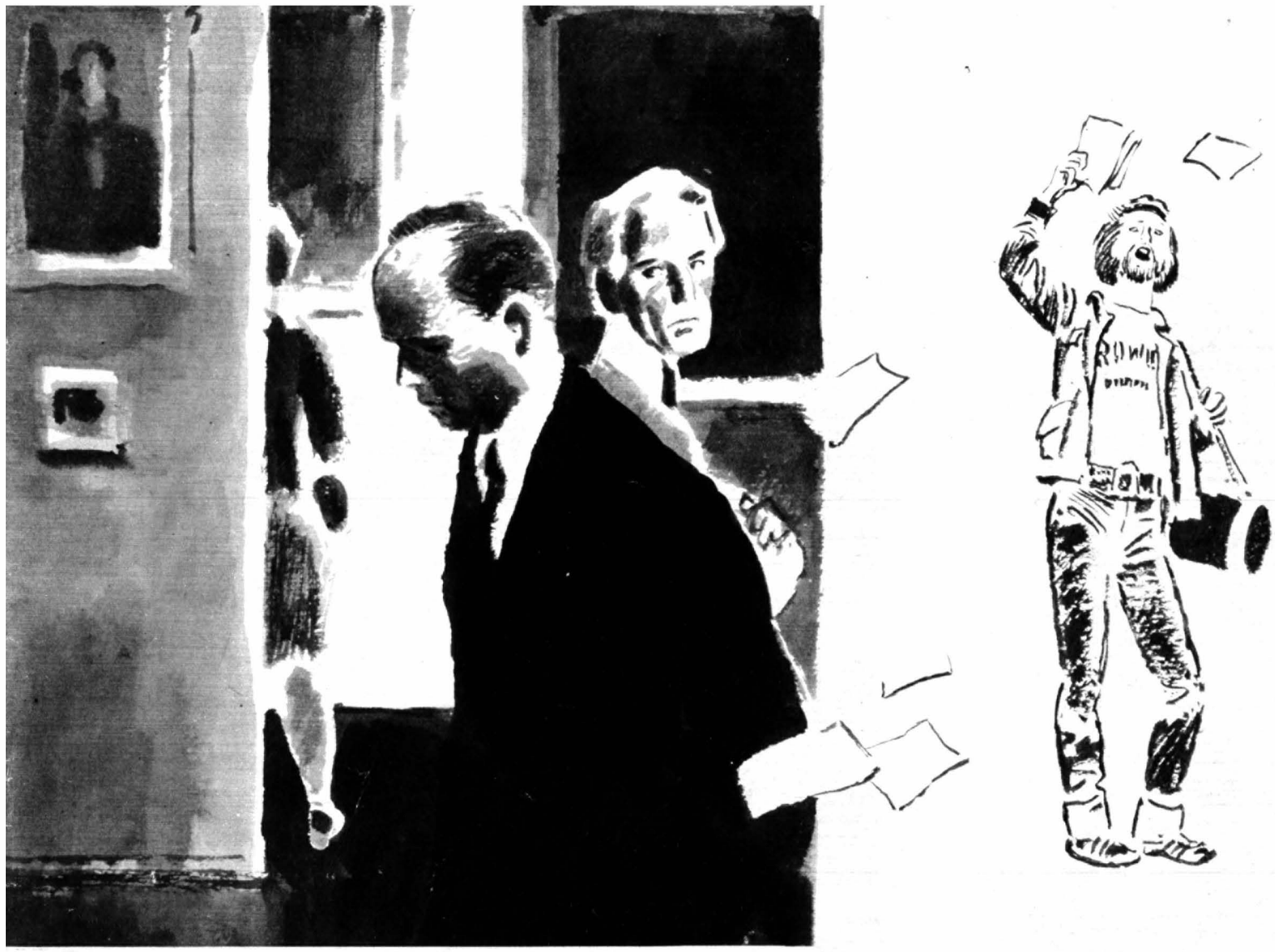
— Хочу надеяться... Впрочем, боюсь, что...— И Сергей с тревогой посмотрел на Агафонова. Взгляды их перекрестились, и в злых, холодных, как льдинки, агафоновских глазах нетрудно было прочесть: «Поживем — увидим, разговор наш не окончен».

Все трое молча встали из-за стола и разошлись. Через час Перцов позвонил Крымову.

— Если можешь, загляни...

Разговор начался без всяких преамбул.

— Все, что касается, выражаясь языком Агафонова, твоих былых дружков, мне известно. По причинам, о которых знать тебе не надобно, в свое время не счел нужным придавать огласке эти не лучшие страницы твоей биографии. А что касается намеков на какие-то беседы



в «Метрополе», то здесь хочу рассчитывать на твою откровенность.

— Вы не ошибетесь в этих расчетах. Сказанное Агафоновым — это и правда и в то же время одна лишь видимость правды. Искусное переплетение домысла и правды — хорошо отработанный прием, который может ошарашить хоть кого. Действительно, имевшие место факты интерпретированы недобрым человеком и предвзято.

...Сергея природа наделила даром отличного рассказчика, рассказывал он всегда увлекательно, с метко схваченными деталями и даже умело переданной интонацией. Но сейчас он не стал вдаваться в подробности и коротко поведал Бутову все, что было сообщено им секретарю партбюро. И про Полякова и про Аннет, и про Луи Бидо, и таинственно исчезнувшего Кастильо.

Что сказать теперь Крымову? Бутов не помнит кто, но кто-то очень мудро заметил: справедливость — это первое, что постигает молодой человек в шкале моральных ценностей. И сейчас его, полковника, нещадно давило ощущение чего-то недосказанного им в пору последних редких встреч с Сергеем Крымовым. Но это все «за кадром». А в «кадре» Сергей, разбитной, веселый, ершистый, со своим мироощущением, с далеко не уравновешенным характером — экспансивным и даже слегка взбалмошным. Вот и сейчас он несколько задорно объявляет:

— Таковы все те сложности, о которых я хотел сообщить вам, Виктор Павлович.

— Ну какие же это сложности... Досадные житейские коллизии, иногда возникающие по собственной вине, а иногда...— Он запнулся, подыскивая нужные слова.— Что поделаешь, Крымов, эхо твоего прошлого, оно, может, еще не раз даст знать о себе. И это все надо воспринимать спокойно. За все надо платить. Но если обстоятельства потребуют, то я тоже голос подам... Лишних гирь на чаши весов бросать не следует. А что касается «Метрополя», то тут уж будем надеяться, что уроки прошлого вопреки злопыхательским прогнозам Агафонова пошли Крымову впрок. Так?

— Я не понял вас, Виктор Павлович. О каких уроках речь? Кого вы имеете в виду? Журналиста Луи Бидо? Участницу Сопротивления Аннет? Полякова?

Воцарилось недолгое угрюмое молчание. Бутов ответил не сразу.

— Как вам сказать, Крымов? Скажу расхожие слова — доверяй, но проверяй.

Сергей насупился, и это, конечно, не ускользнуло от пристального взгляда полковника. В душе его на какое-то мгновение зазвенела жалостливая струна, и он более чем участливо сказал:

— Ну будет тебе, Крымов, сразу и сник.

— Нет, нет. Я не сник, Виктор Павлович! Вы меня многому научили. Между прочим, и такому: людям нужно верить, постараться понять человека, поддержать хорошее, поставить заслон плохому. Надо уметь видеть в людях доброе... Вы ведь увидели в Крымове?— Он выпалил все это, задыхаясь от волнения.

Крымов мог бы долго философствовать на эту тему. В редакции в таких случаях говорили: «Сергей опять на любимого конька сел. Романтик!» Он старался воспринимать людей такими, какими ему хотелось видеть их, за что не раз дорого расплачивался. Бутов знал это и с явным интересом слушал.

— Вы не согласны, Виктор Павлович?

Бутов вскользь обронил:

— Согласен. Только б от земли, от земных реальностей не оторваться.

Сергею показалось, что в словах этих промелькнул оттенок недоверия, и он резко повернул голову в сторону собеседника.

— Постараюсь... Кое-кто из коллег насмешливо называет меня взбалмошным романтиком. Ну что же... Но согласитесь, что романтический настрой в конечном счете отличнейшим образом сосуществует с острым интересом к сложнейшим реалиям жизни.

Высказав все, что ему хотелось сказать о добром в людях и о том, как скучна жизнь без романтики, Сергей снова вышел на знакомую орбиту.

— Я верю Полякову, хочу верить Аннет Бриссо, а что касается Луи Бидо... Поживем — увидим. Думаю, что шарахается в таких случаях лишь тот, кто сам себе не верит.

— Шарахаться, конечно, не надо. И тем не менее сочту нужным повторить — доверяй и проверяй. Уметь проверять человека так же важно, как и уметь доверять.— Бутов достал из кармана несколько фотографий, отыскал среди них ту, на обороте которой было написано «Луи Бидо», и протянул ее Сергею.— Взгляните, пожалуйста, на этот фотодокумент. Узнаете?

— Да, Луи Бидо.

— Вы что-нибудь слышали об антисоветских листовках в универмаге?

— Нет.

— Так вот, этот снимок сделан в универмаге, в момент, когда иностранный турист разбрасывал там антисоветские листовки. Вас там не было, а господа западные корреспонденты не прозевали и дружно нагрянули — как же, сто строк на первую полосу. И ваш друг Луи Бидо тут же... Вот полюбуйтесь — что-то кому-то передает...

— Вы неточно выразились. Он просто знакомый.

— Для опознания его личности это не имеет значения. А по существу...

Бутов запнулся и испытующе посмотрел на Крымова. Сергей отчетливо представлял ход мыслей полковника. Значит, он, Крымов, снова человек с отметиной, на подозрении.

— По существу?... По существу мне нечего добавить, Виктор Павлович, к тому, что я уже сказал.

— Но ты же хотел о чем-то посоветоваться?

— Да. Собираюсь писать об Аннет, Полякове, Кастильо. Что скажете?

Бутов понимал, что стоит за этим довольно общо сформулированным вопросом. Сергей обращается к нему как к чекисту. Коллизия сложная, не все еще ясно, и Виктор Павлович, не желая «давить» на авторские планы, деликатно заметил:

— Пока мне еще трудно что-то сказать... Авторский замысел превыше всего. Но если бы я был автором, то, вероятно, воздержался на некоторое время... По крайней мере в той части, где речь идет о Кастильо... А решать тебе...

Крымов улыбнулся, хотелось ему сказать, что он ждал более откровенного ответа, как говорится, в лоб, но ограничился одним словом:

— Спасибо...

ДЕЙСТВУЙТЕ

В назначенное время Бутов появился в кабинете Клементьева. Виктор Павлович уже успел встретиться с Рубиным, получить от него письменное сообщение о беседе с Кастильо, уточнить некоторые детали. На доклад он шел несколько озабоченный, как-то сложно наложилось одно на другое — ГУМ, Третьяковка, встреча в ресторане, Кастильо, Луи Бидо и трудный разговор с Крымовым.

Генерал принадлежал к числу людей, обладающих счастливым даром одной своей улыбкой вызывать у собеседника хорошее настроение. Не покидавшую Бутова тревожную озабоченность словно ветром сдуло. И все же...

— Опять хмуритесь, Виктор Павлович? — И не дожидаясь ответа: — Докладывайте... Что там в ГУМе напакостил турист?

Бутов кладет на стол листовки, фотографии, свидетельства очевидцев и протокол допроса «туриста».

— Отмалчивается, прохвост...

— Похоже, не хочет выдавать тех, кто направил его к нам с листовками,— с раздражением сказал генерал.— Как думаете, Виктор Павлович, Кастильо мог быть причастен к этой акции? Ведь турист и испанец появились в Москве одновременно.

— Трудно сказать. У Кастильо здесь, вероятно, дела поважнее. Хотя не исключаю и этого.

— Обнаглели! Стали действовать грубо... Не скрываясь. Не иначе, как дело рук одного из зарубежных антисоветских центров. Не сомневаюсь, что и ЦРУ приложило руку. Поддерживайте связь со следователем и регулярно информируйте меня. А теперь перейдем к сократовским делам.

Клементьев откинулся на спинку кресла — и снова весь внимание.

О Сократе ему известно многое, но, чтобы не терять свежести впечатления, слушает так, будто обо всем этом узнает впервые. Потому и не прерывает, когда Бутов восстанавливает в памяти генерала последние страницы биографии Захара Романовича.

— Вот кратко о том, что было. А сегодня прибывший в Москву связник Мигуэль Кастильо встречался с Сократом.

— Надеюсь, свидание контролировалось?

— Товарищ генерал, неужели вы могли усомниться... Тотчас после звонка связника Рубин по телефону поставил меня в известность и получил подробную инструкцию, как действовать. По предложению «гостя» встретились в Третьяковской галерее.

— Нашел место, поганец... Ну, и как Рубин? Выдержал испытание?

— Пожалуй, да. Я тоже был в Третьяковке. Для визуального, как говорится, контроля.

Генерал не преминул поддеть полковника:

— А кто недавно сомневался в Рубине? Эх, Бутов, Бутов!..

— Было такое, товарищ генерал. Время — оно всему судья...

— Вы сказали, связной назвал себя Мигуэлем Кастильо. Он испанец?

— Да. Человек известный нам. В Москву прибыл как коммерсант из Венесуэлы.

— Если мне не изменяет память, он в свое время проходил по одному делу.

— Вы правы. У него и кличка есть — «хромой испанец», сын бывшего франкистского летчика, который стал агентом гитлеровской разведки, а после войны — агентом ЦРУ. Сын принял эстафету отца. Хорошо знает нашу страну, быт, обычаи. И, конечно, язык. Разведчик опытный, и ему могли поручить серьезную акцию... На юге Франции процветает контора «Арриго Кастильо и сын». Официально она представляет интересы какой-то венесуэльской фирмы. Сын и есть «хромой испанец». А раньше в поле нашего зрения он попал по делу отнюдь не оригинальному — безуспешно пытался склонить к невозвращению на Родину матросов с советского судна во время стоянки во французском порту. Визитная карточка и фотография Кастильо у нас сохранились: капитан судна передал их в органы госбезопасности.

Продолжение следует.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Конец Сократа

МИССИЯ МИГУЭЛЯ

По данным помощника Бутова Сухина, Кастильо прибыл в Москву для переговоров с одной из внешнеторговых организаций. Привез каталоги и несколько коробок образцов экспортных изделий. У чекистов нет сомнений: фирма, каталоги, образцы, переговоры — это все атрибуты прикрытия того главного, с чем прибыл испанец,— шпионажа. Встреча с Сократом, интерес, проявленный Кастильо к научно-исследовательскому институту Рубина, не оставили никаких сомнений на этот счет.

— Правда, меня несколько смущает,— заметил Бутов,— как Кастильо мог решиться на шпионский вояж в Москву после всего того, что приключилось с ним во французском порту. Не находите ли, товарищ генерал, что с его стороны это рискованная затея?

— В определенном смысле да. Но давайте порассуждаем несколько шире. Вспомните, когда Кастильо так опростоволосился во французском порту?

— Давненько...

— То-то... Думаю, что он как разведчик тогда только-только начинал... Первые, еще неумелые шаги... Начинал с грубой ловли «заблудших душ»... Не вышло! Спрашивается, зачем ему было докладывать начальству о неудаче? Тем более что он, видимо, не терял надежды: авось моряки все же клюнут на приманку, и ему будет о чем доложить шефу. Для того и оставил свою визитную карточку. Так что скорее всего он умолчал об этих печальных строках своей биографии и постарался забыть их. А тут, извольте видеть, предлагают отправиться в Москву — открывается дорога к большой карьере. И он, конечно, охотно согласился. А в глазах шефа Кастильо — кандидатура подходящая: сын матерого разведчика, долгое время жил в Москве. Наверняка сохранились кое-какие связи. Так что есть все основания полагать, что вражеская разведка, отправляя Кастильо в Москву, доверила ему ответственные задания.

— Вы говорите — задания. Однако мы знаем только об одном: Рубин!

— Пока, да. Но я не исключаю и других, в том числе и листовки в ГУМе. Поэтому берите Кастильо под самое пристальное наблюдение... Действуйте, полковник!

Бутов поднялся и собрался уходить, но генерал попросил его задержаться.

— Есть у меня к вам, Виктор Павлович, еще один вопрос...— Клементьев подвинул к себе массивную пепельницу, очистил трубку, набил ее табаком, раскурил и неторопливо продолжал: — Как поживает ваш подопечный Крымов?

— В каком плане, товарищ генерал?

— Вам ведь известно, что он промелькнул в материалах о пребывании испанца в Москве?

— Да, известно.

— Что вы можете сказать по этому поводу?

— Странное стечение обстоятельств. Связной филиала ЦРУ Кастильо приезжает в Москву установить контакт с Рубиным. Но еще до встречи с ним его московские дороги пересек зять Рубина — Сергей Крымов, причем в обществе профессора Полякова, туристки из Франции и иностранного журналиста Луи Бидо...

Генерал прищурился и перебил Бутова:

— Среди показанных вами фотографий иностранных журналистов, прибывших в ГУМ на «гала-представление», я видел снимок с подписью «Луи Бидо». Его имеете в виду?

— Да, но для ясности позвольте высветить некоторые обстоятельства.

— Какие же такие обстоятельства?

— Дружба журналиста Сергея Крымова с профессором Поляковым, участником Сопротивления во Франции. Человек очень трудной и интересной судьбы. Одинокий...

Генерал внимательно слушал рассказ Бутова о Полякове, француженке Аннет, о ее приезде в Москву, намерении Крымова писать очерк о Полякове и Аннет, о «Метрополе», неожиданном появлении там Кастильо и столь же неожиданном его исчезновении. Клементьев нахмурился и недовольно пожал плечами.

— Это все, что вы хотели мне сказать о Крымове?

— Нет. По просьбе Крымова я сегодня виделся с ним. Просил совета, как ему писать задуманный очерк об Аннет и Полякове, а теперь уже и о Кастильо. Крымов подробно рассказал о встрече с героями своего будущего очерка, о неожиданно открывшемся мерзком облике Кастильо, о знакомстве с Луи Бидо, и той тени, что в этой связи легла на него, Сергея, милостью редакционного недоброжелателя...

— Что же его смущает?

— Из рассказов Полякова и Аннет, из всего того, что произошло на глазах Крымова в ресторане, он понял: Кастильо — враг. И решил посоветоваться: стоит ли печатать об этом, не повредит ли его очерк нам?

— Резонно. Что же вы посоветовали?

— Сказал, что лучше на некоторое время воздержаться. По крайней мере в отношении Кастильо.

— А как вы считаете — можно доверять Крымову? Вы уверены в нем?

Бутов не ожидал такого вопроса. Генерал никогда еще так не разговаривал с ним. Видимо, есть какие-то основания, неизвестные ему, Бутову. Виктор Павлович полон доверия к мудрости, опыту Клементьева и тем не менее...

— Товарищ генерал, смею вас заверить, что Сергей Крымов — порядочный человек... Я знаю, у нас не исправительно-трудовая колония и мы не Макаренки. Но хочу напомнить ваш же призыв — учиться у Дзержинского терпеливо воспитывать людей, выводить на правильный путь тех, кто где-то когда-то споткнулся. Крымов стоил мне большого, длительного труда...

...Бутов начал издалека. У него правило: с утра заглядывать в «святцы» — записную книжку-календарь, где чуть ли не на год вперед помечено, у кого и когда день рождения. Это одна из особенностей бутовского стиля, пронесенная через многие годы. Человек пунктуальный, обязательный и организованный, он считал, что есть круг друзей и знакомых, к которым он обязан проявлять элементарное внимание. В эти «святцы» был внесен и день рождения Сергея Крымова. Этот молодой человек в разную пору своей сложной жизни не раз считал себя заново родившимся. Бутов помнит, как года три назад Сергей кричал в телефонную трубку: «Спасибо, большое спасибо, Виктор Павлович.— Сергея прямо распирало от радости.— У меня сегодня двойной праздник. И день рождения... И день второго рождения — восстановили в комсомоле и институте». «Значит, заслужил,— сдержанно обронил Бутов.— Поздравляю. Порадовал. Мне это приятно слышать».

Сергей не знал тогда, что для Бутова это не новость, что после того, как его исключили из комсомола и института за аморальное поведение, за связь с компанией спекулянтов и фарцовщиков, за связь с английским разведчиком Дюком, Бутов продолжал опекать его. Верил в него. И это он, Бутов, попросил секретаря институтского парткома поручить комсомольцам, бывшим друзьям Сергея, взять Крымова под свою опеку.

А в прошлом году полковник поздравлял Сергея с двумя праздниками сразу: Сергея в день его рождения приняли кандидатом в члены партии. И поэтому в генеральском вопросе: «Можно ли доверять Крымову?» — Бутов почувствовал недомолвку: «Неужели ошибся?..» Нет, ошибки не было. И, прервав свой рассказ о судьбе Сергея, о своей роли в его становлении, он вдруг поднялся с места, подошел к Клементьеву и заговорил несколько запальчиво:

— Хочу кое о чем напомнить вам, товарищ генерал. Когда я в самой малой мере усомнился в правдивости Сократа — не водит ли он нас за нос? — вами были сказаны хорошо запомнившиеся слова: «Следуя разуму, однако, нельзя быть крайне рациональным. Мне кажется, Бутов, что вы иногда боитесь открытого проявления души, подавляете ее порывы». Тогда я промолчал, но то был не знак согласия. В справедливости ваших слов я убедился позже. И, как это ни парадоксально, тут сыграла свою роль история гражданского формирования Сергея Крымова. Вот как бывает в жизни.

— Бывает...— задумчиво повторил Клементьев.— Бывает...— И после небольшой паузы с доброй улыбкой продолжил: — То, что вы сейчас сказали, мне по душе... Вы, пожалуй, дали исчерпывающий ответ на мой вопрос... Я имею в виду Крымова.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ЗАВТРАК

Поляков предупредил Сергея с вечера:

— Завтра Аннет улетает в Ленинград, оттуда в Париж. Устраиваю прощальный завтрак... Приглашаю. И от своего имени и от имени Аннет. Кстати, она просила разыскать Луи Бидо. Хотела бы с ним попрощаться. Впрочем, может, не столько попрощаться, сколько договориться о встрече в Париже.

— Постараюсь... Это, кажется, входит и в его планы. Коллега задумал серию очерков для французского журнала... Мишель и Аннет...

...В укромном уголке немноголюдного в полуденный час зала было весело, хотя повод для застолья не очень радостный — прощание. Поляков блистательно вел стол, сыпал остроумными тостами, переключаясь с русского на французский. Помянули павших, пили за дружбу русского и французского народов, за мир и за тех, кто, приравняв перо к штыку, охраняет его.

В разгар пиршества к столику подсели еще двое — коллеги Луи — случайно, а быть может, и преднамеренно, заглянувшие в ресторан.

— Надеюсь, мадемуазель Бриссо не будет возражать? — извинился Луи. Вопрос не совсем деликатен, ибо по лицу хозяина стола видно: ему эти господа ни к чему. Однако профессор не протестовал.

Поляков попросил официанта добавить два прибора, процедил тост за здоровье журналистов разных стран и, не обращая больше никакого внимания на Луи и его друзей, тихонько разговаривал с Аннет. Сергей попытался принять на себя роль хозяина стола — честь профессии обязывает!— и, как мог, потчевал гостей. Но роль эта была явно ему не по нутру, и, к его вящему удовольствию, незаметно душой маленького общества стал мсье Бонар, полноватый, в годах, с бородкой

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—14.

а ля Ришелье, представлявший какую-то французскую газету. Ему подыгрывал длинноногий, рыжий, небрежно одетый молодой человек в дымчатых очках. Отвесив общий поклон, он коротко представился: «Смит. Британия».

Бонар, словесных дел мастер, блистал легкостью речи, экскурсами в литературу, тонкими комплиментами. Говорили обо всем понемногу. Жаловались на капризы погоды, и к этой теме все проявляли интерес. Бонар полагал, что планета вступит в новый ледниковый период, а Смит, ссылаясь на приятеля, работающего в обсерватории Кембриджского университета, утверждал, что «шарик» медленно, но верно поджаривается, глобальная температура скоро начнет стремительно расти, и вообще пятна на солнечном диске, которые господин Галилей ухитрился разглядеть в 1611 году, доставят человечеству еще немало неприятностей. От погоды перескочили к Жану Габену, от Габена — к Майе Плисецкой. Вторгшись в мир искусства, стали изощряться в «информированности». В ход пошли окололитературные и околотеатральные сплетни.

Вдоволь перемыв косточки именитым, Бонар и Смит переключились на профессиональную орбиту — байки из жизни коллег. Байки эти по-разному говорили о нравах западных журналистов, и одна из них запомнилась Сергею. Якобы московский корреспондент известного зарубежного агентства передал по телефону сообщение о свершившемся час назад важном событии, а затем, чтобы опередить соперников, на два часа занял «провод», читая по телефону какие-то статьи из центральных советских газет. И опередил!

Сергей неплохо владел языками и понимал почти все, о чем говорили Бонар и Смит, но, когда попадались особенно «трудные» слова, обращался к помощи Бидо. От Бонара это не укрылось. Постучав ножом о пустую винную бутылку, попросив тишины и внимания, он объявил, что хотел бы произнести небольшой спич, и повернулся к Сергею и Бидо.

— Я попрошу вас, Луи, перевести русскому другу те несколько слов, которые я сейчас скажу. Я хочу быть уверенным, что до господина Крымова дойдет точный их смысл.

Бонар предложил поднять бокалы за великую журналистскую державу, не признающую никаких границ, за профессиональное братство без различия политических взглядов и позиций, без... Запнувшись, он перешел к духовному единству, союзу интеллектуалов, крутился вокруг да около, но мысль основательно подвыпившего оратора все же стала прорисовываться, пробиваясь сквозь туман обтекаемых фраз. Выраженная одним не сказанным вслух словом — «конвергенция», то есть сходимость взглядов, она была тут же подхвачена Смитом: «Истина и только она есть повелитель умов и сердец журналистов всех континентов!»

Крымов, с трудом сдерживая саркастическую улыбку, не выдержал и крикнул: «Абстрактной истины не существует, абстрактная справедливость — это бред, выдумка».

И грянул спор. Сергей не мог не заметить, что Аннет и Луи Бидо внимательно слушали и настороженно молчали. Все грязное, антисоветское, что плескалось в последнее время в мутных волнах эфира, Смит выдавал сейчас как сведения, полученные им лично из «самых достоверных» источников. И тут подал голос профессор Поляков:

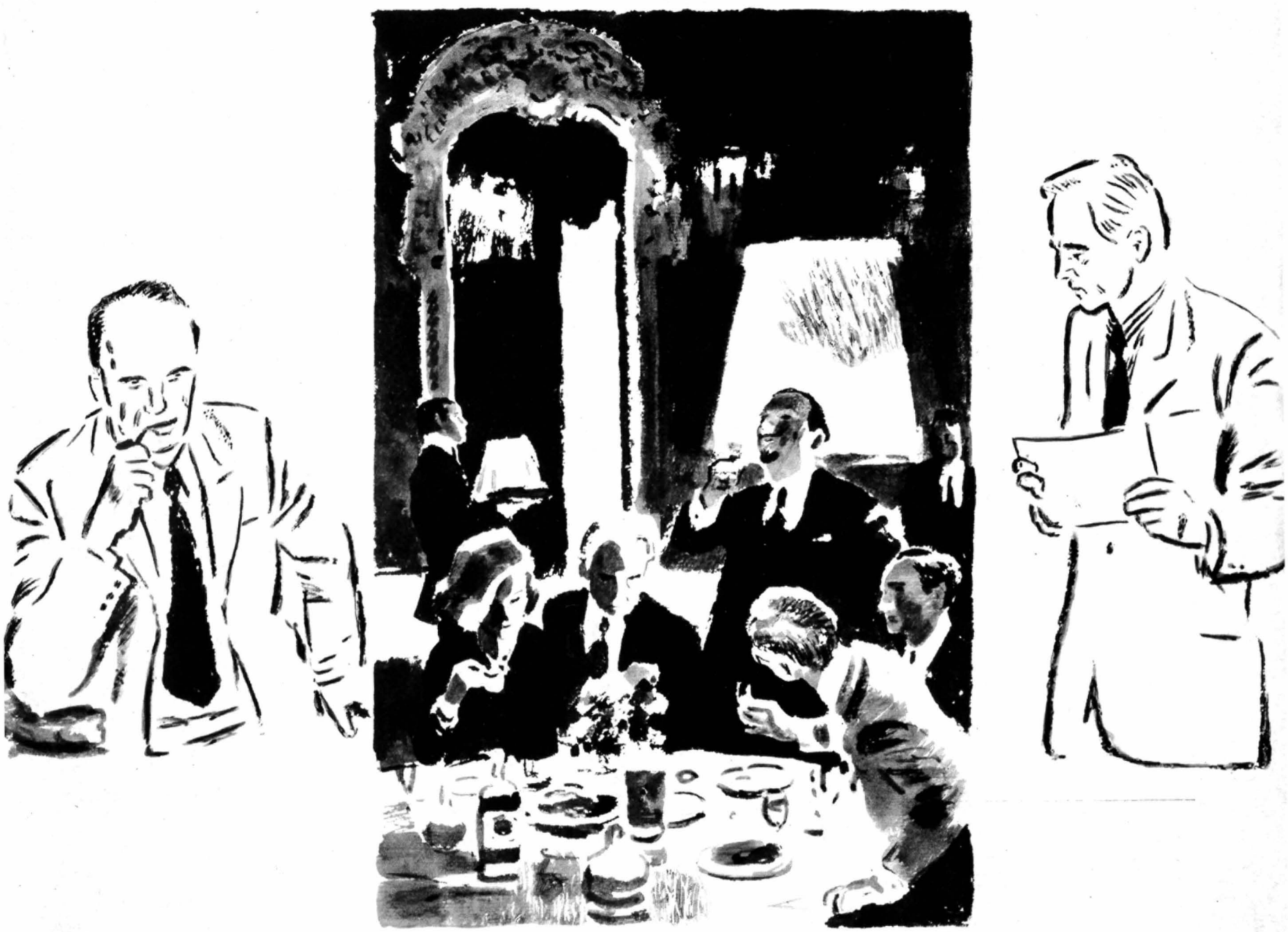
— Ваши источники могут быть точно обозначены, господин Смит: радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Би-би-си», «Немецкая волна». Для меня они не достоверны. И не могу не заметить, господин Смит, что некоторые передачи упомянутых станций стряпаются по писаниям небезызвестного вам беглеца-отщепенца. Я имею в виду его пасквили, изданные в Амстердаме махровой антисоветской организацией, именуемой «Фонд Герцена». Мне довелось на месте познакомиться с этим фондом. И еще я хотел бы заметить, что такие радиостанции, как «Свобода», «Би-би-си», недобросовестно интерпретируют факты, заимствованные из советской прессы. В этом я убеждался не раз на собственном опыте...

— Яркая иллюстрация к мысли, оброненной кем-то из французских философов,— негромко заметил Луи. Смит резко повернулся к нему.

— Простите, господин Бидо, я не совсем понял, что вы хотели сказать?

— Постараюсь объяснить, дорогой Смит. Русские достаточно откровенно пишут о своих бедах. А кто-то из философов мудро заметил: чтобы самому осудить свои слабости, нужна большая сила. Открытый разговор русских о трудностях предостерегает от ложного мнения о легкости их преодоления. Нет-нет, это не каламбур. Это трезвый подход к сложности жизни.

— Я понял вас, Луи... Но, увы, известно, что люди, пытающиеся по-своему трактовать некоторые, как вы изволили выразиться, труд-



ности, объявляются инакомыслящими и за свои идеи попадают в тюрьму.

— Неправда.— Сергей старался выдержать невозмутимо спокойный тон.— Те, о ком вы говорите, не инакомыслящие, а отщепенцы. Если быть более точным, противники советского строя. Их изолируют от общества согласно закону. За идеи, какие бы они ни были, у нас к ответственности не привлекают. Их справедливо обвинили в преступной антисоветской деятельности. Подчеркиваю — деятельности. Таких отщепенцев — жалкая кучка. Это только видимость внутренней оппозиции. Но ведь и один подонок, купленный врагом, может нанести огромный урон. Не так ли?

— Я не совсем вас понимаю, господин Крымов.

Сергей лишь на мгновение засомневался: надо ли вот так, без оглядки, в атаку? Но тут же решил — надо.

— Полагаю, что сидящие за столом коллеги созерцали незатейливое шоу, недавно разыгранное в универмаге? Не сомневаюсь, что на страницах представляемых вами газет отличнейшим образом использован спектакль, поставленный иностранным туристом, чтобы еще раз пустить в ход миф о якобы существующем у нас «подполье».

Крымов умолк, засунув руки в карманы, стиснув в зубах сигарету. Он огляделся по сторонам: Бонар иронически улыбался, а Смит пытался отшутиться. И тогда Сергей мысленно сказал себе: «А ну-ка, поддай еще немного жару».

— Господа, позвольте напомнить вам, что так называемые отщепенцы на свет божий появились не сами. У них есть повивальная бабка.

— Это есть хороший каламбур, господин Крымов. Я хотел бы посмотреть на такую пови-и-... по-ви-вальную? Так, правильно я говорю? Я хотел бы своими руками пощупать эту бабку.— И Бонар хихикнул.

— Хотите пощупать? — переспросил Крымов.— Тогда щупайте меня... От этой повивальной бабки я сам пострадал.

— Вы шутник, господин Крымов,— обронил Смит.

— Ничуть! Извольте набраться терпения на несколько минут и выслушать нечто любопытное из жизни Сергея Крымова.

Он говорил негромко. Тяжело говорить о тяжелом. Он рассказал обо всем пережитом в пору, когда его друзьями были фарцовщики, спекулянты, тайно продававшие и библии, и позолоченные израильские шестиугольники, и журналы энтээсовцев, когда дружил с аспирантом МГУ, англичанином Дюком, оказавшимся агентом ЦРУ.

— Господин Крымов, видимо, увлекается чтением советских детективов...

— О, нет, это не детектив. Это страницы биографии вашего покорного слуги. И когда я мысленно возвращаюсь к тем дням, на душе становится муторно...

Наступила тягостная тишина. Крымов побледнел, но не от выпитого вина, а от обиды. Зачем, зачем он, распалившись, завел ненужные препирательства? Перед кем разоткровенничался? Кому и что он хочет доказать? Разве у этих... Подыскивая нужные слова, он, как кинокамерой, обвел взглядом сидящих за столом. Поляков и Аннет по-прежнему тихо беседовали, Бонар и Смит налегли на армянский коньяк. А где же Луи? Тот незаметно отсел в сторонку. В разговор не вступал, но по глазам было видно, что идет напряженная работа мысли. Подсев к нему, Сергей тихо спросил:

— Луи, вы все молчите. И думаете. О чем?

— Об истинах... Вы говорили, Сергей, что не существует абстрактных истин... Я вспомнил дом своего дяди, в котором по воле отца жил, пока учился. Любая ложь обретала там видимость истины. Будь то политика, отношения семейные, деловые, интимные. В том доме все было построено на лжи и лицемерии. Дядя чуть ли не ежедневно менял любовниц, а тетя «забавлялась» с... зятем. Душевная чистота на том поле расценивалась, как сорняк. Дядя писал отцу раздраженные письма: «Я хочу воспитать Луи по образу и подобию своему, но встречаю затаенное сопротивление и даже озлобление». Да, он был прав, во мне все восставало против лжи и лицемерия, которые прикрывались высокопарными словами об истине, справедливости, свободе. Дядя любил пофилософствовать о демократии. Но я знаю, что за взятки, используя связи, он освобождал от суда и гласного позора предателей, по чьей милости погибли участники Сопротивления. За деньги редакторы придерживали статьи, изобличавшие эту мразь.

— А ваш отец?

— Он делал вид, будто ничего не знает. Да и живут они в разных городах.— Сергей скорее почувствовал, чем увидел вроде бы виноватый взгляд Луи.

— Я, вероятно, говорю о вещах, не имеющих отношения к предмету спора за столом...

— Нет, нет, отчего же...

И оба умолкли. А Бонар и Смит по-прежнему шумели, пили, ели, поддерживая тонус застолья.

— Вы упомянули, Луи, о гибели участников Сопротивления... Вы помните, с чего началось наше знакомство? Тогда, в ресторане? Вас очень интересовали профессор Поляков и мадемуазель Бриссо. Они ведь тоже чудом остались в живых...—Сергей испытующе взглянул на собеседника.— Я хочу задать вам один вопрос. Но если вы почему-либо не можете или не желаете отвечать — не отвечайте. Я хочу спросить о шоу в универмаге с участием туриста, разбрасывавшего антисоветские листовки. Вы там были?

Луи ответил не сразу:

— Да, был. А вы?

— Разумеется, нет. Вас, конечно, кое-кто проинформировал и специально пригласил туда. А мы, советские журналисты, узнали об этом уже постфактум. Кстати, если не секрет, кто вас пригласил в универмаг?

— Коллега позвонил...

— Ну вот... Что бы вам по дружбе позвонить мне! — шутливо упрекнул Сергей и весело рассмеялся.

— А вы бы пришли? И написали бы?

— Обязательно. И пришел бы и написал бы. Только не так, как вы.

— Почему вы так говорите? Разве вы читали то, что я написал?

— Нет, конечно, но легко представляю... Мы оба, видимо, одинаково изложили бы факт. Такого-то числа, в такой-то час, в такомто универмаге иностранец стал разбрасывать листовки... А вот комментировали бы его поразному... История знает случаи, когда выросшие в буржуазном обществе люди, приехав в разрушенную, голодную Россию, поразному воспринимали свершенное в Октябре семнадцатого. Герберт Уэллс увидел «Россию во мгле», а для Джона Рида все происшедшее тогда в России — это «Десять дней, которые потрясли мир». Для одних Россия двадцатых годов — это крушение идеалов русской интеллигенции, потеря веками накапливавшихся духовных ценностей, бунт малограмотных пролетариев и неграмотных мужиков. А другие увидели иное и восхитились тем, что дела просвещения в ту пору вершил образованнейший человек Анатолий Луначарский, знаток литературы, искусства, философии и эстетики. Он, между прочим, не уставал напоминать ленинские слова о марксизме, который отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, плоды двухтысячелетнего развития человеческой мысли и культуры, а усвоил и переработал их. Вот так, Луи, факт один и тот же, а комментарии разные... Вот вам еще случай. Шел по дороге старик, а навстречу ему шагали покрытые потом рабочие, катили тяжелые тачки, груженные песком и кирпичами. «Что, работаешь?» — спросил старик одного из них. «А у тебя что, глаз нет? Видишь, качу ее, проклятую, тачкуто». Другой на тот же вопрос ответил более спокойно: «Зарабатываю хлеб насущный». А третий, молодой, вихрастый, протянул руку туда, где над кронами сосен поднималось какое-то здание, и с гордостью ответил: «Я строю Дворец культуры... Для нас, для молодежи».

— Вы Цицерон, Сергей. Мне было очень интересно слушать вас. Но вы почему-то все решили за меня. И как я комментировал досадное происшествие в универмаге... И что я написал... Вас, может быть, это удивит, но я передал в свою газету лишь десять строк, только факт.

— Почему?

— У нас в редакции есть свои мастера комментариев. Мои не напечатали бы.

— Почему?

— В их основе не было бы того, что ждет от меня шеф. Мы, европейцы, трезво оценивающие действительность, с тревогой задаем себе вопрос: к чему приведет эта затеянная на Западе идеологическая война, свистопляска вокруг так называемых «прав человека»? А то, что произошло в универмаге, не есть трезвый подход к реальностям международной жизни.

— Если я вас правильно понял, Луи, вы по долгу службы поступили так, как советует наша народная мудрость,— чтобы и волки были сыты и овцы целы...

— Пусть будет по-вашему, Сергей.

Луи усмехнулся, подошел к столу, наполнил два бокала и вернулся к Сергею.

— Давайте выпьем...

— За что?

— За трезвость...

— Игра слов!

— Нет, голос рассудка. За трезвость и реализм... Я уже объяснил вам.

— Что же, давайте выпьем.

Луи отнес пустые бокалы и, вернувшись, лукаво взглянул на Сергея.

— Вы мне задали не очень простой вопрос... Шоу в универмаге... Так, да? Теперь разрешите, я тоже хотел бы кое о чем спросить вас. Я повторю вашу преамбулу: если не пожелаете отвечать, то скажите честно, не обижусь.

— Я слушаю вас, Луи.

— Однажды вы заинтересовались хромым господином, сидевшим со мной в ресторане. Чем вызван ваш интерес к особе господина Кастильо?

Неожиданный вопрос несколько озадачил Крымова, но он не дал себе труда задумываться: подтекст дошел позднее.

— Чисто профессиональный интерес, пренебрегая им, мы, журналисты, иногда попадаем в неловкое положение. Кто? Что? Зачем? Почему? Когда? Вы хорошо знаете, что это не праздная любознательность, а поиск чего-то необычного, интересного для читателя. Знакомство с представителем крупной западной фирмы позволяет получить интересную информацию из первых рук.

Луи взглянул недоверчиво.

— Это все?

— Да, пожалуй. А вы что подумали?

Луи сразу не ответил, точнее, он так и не ответил, хотя говорил все о нем же, о хромоногом.

— Вы как-то спросили: давно ли я знаком с этим господином? Я его увидел впервые здесь, в Москве. Я уже говорил: меня рекомендовал ему дядюшка. Кастильо сам нашел меня. Нашел и... Как бы это выразиться... Прилип... Можно так сказать?

Сергей усмехнулся, вспомнив в этой связи поговорку про банный лист.

— Он ищет моего общества, засыпает разными вопросами. В первую очередь его интересуют мои знакомые, друзья, москвичи. Как они живут, что рассказывают, о чем тревожатся, чему радуются и так ли уж уютно им в Москве, как утверждает официальная советская пропаганда. Не пойму, зачем все это коммерсанту? Как вы думаете?

— Трудно ответить на ваш вопрос. Всякое можно допустить.

Сергей постарался собраться с мыслями. Он догадывался, в чем смысл вопросов хромоногого. Ему только неясно, что стоит за желанием Луи Бидо услышать мнение советского журналиста о «странном» поведении господина Кастильо. Но своих догадок Сергей не выдал, продолжал спокойно.

— А вы не допускаете такого варианта, что ваш знакомый решил написать о Москве публицистические заметки, очерк, записки бывалых людей?.. Теперь это модно.

— Конечно, и такое можно предположить. Но я думаю, что он неспроста следит за каждым моим шагом. Мне почему-то кажется, что он выполняет чье-то задание...

— Помилуйте! — шутливо взмолился Сергей и даже воздел руки.— Что вы? Кто же он, этот Кастильо на самом деле? У вас есть какие-то соображения?

Луи молчал, нахмурился. Не дождавшись ответа, Сергей продолжал:

— Если разрешите, я мог бы высказать предположение. Вспомните, по чьей рекомендации вас разыскал этот господин. Я подумал,

что люди, подобные вашему дядюшке, ничего не предпринимают без дальнего прицела. Причем его интересы, судя по вашим словам, сомнительной честности. Это лишь предположение, стоящее на грани досужей фантазии... Я прошу вас воспринимать сказанное только так.

Позже Луи поведает Сергею, как он вслушивался в его слова, пытаясь найти искомую правду. Но теперь он молчал, и только на лице его появился отсвет внезапного озарения, сменившего смятение чувств и мыслей. А Сергей поспешил обернуть свои слова в шутку.

— Все образуется, Луи. Не надо расстраиваться. Послушайте, друг мой, а может, этот Кастильо хочет убить вас, ограбить?

Однако Луи не принял приглашения к шутливому разговору.

— Я подумал о другом: не присматривается ли он к моей особе, чтобы вовлечь в сферу своей деятельности?

«А почему бы и нет»,— подумал Сергей, но вслух в том же шутливом тоне и с нарочитой тревогой спросил, указав на лоб Луи:

— Дорогой мой друг, вы, кажется, не лишены фантазии?

Луи рассмеялся:

— Иногда мне самому кажется, что я брежу. Но это не так. Я в полном здравии, а мысли приходят вот такие...

— Мрачные?

— Да, пожалуй.

— Не знаю, что вам сказать. Вы затеяли разговор на такую...

Он запнулся, и Луи помог.

— Хотите сказать — щекотливую тему. Возможно...

Луи говорил взволнованно, хотя и негромко. А Сергей в недоумении: с чего бы это — много выпил и потерял контроль над собой? Или Кастильо растревожил, пытаясь спровоцировать и втянуть в какое-нибудь грязное дело?

— Вот что, Луи...

— Конец, тема исчерпана... Пить будем, а говорить нет.— И Бидо направился к столу, за которым бражничали Бонар и Смит.

За столом шел отрывистый разговор. Аннет односложно, нехотя отвечала на стандартные вопросы Бонара о Москве и москвичах, вопросы, в которых был заключен и желаемый ими ответ. Оставив один из таких вопросов без внимания, Аннет посмотрела на часы, резко поднялась с места и, не скрывая иронической улыбки, сказала:

— Я единственная женщина за столом. И увы, никто из джентльменов не счел нужным спросить, не желает ли мадемуазель Аннет произнести тост. А я хочу сказать несколько слов...

Аннет перевела дух, чуть нахмурилась и, в упор глядя на Полякова, тихо проговорила:

— Этот тост без вина... Я обожаю Париж, город, в котором родилась моя мать. Предатель Кастильо выдал ее нацистам, и они расстреляли маму. Я обожаю город, в котором я родилась, в котором научилась любить и ненавидеть. Там, на бульваре Сен-Мишель, мое сердце. Но отныне частица его остается и здесь, в Москве. У этой частицы есть имя — Мишель...— И совсем тихо одному Полякову:— Я люблю тебя, Мишель...

Отвесив общий поклон, она молча удалилась. За столом остались только журналисты — Поляков, оплатив счет, последовал за Аннет.

Сославшись на срочные редакционные дела, Крымов тоже раскланялся и поспешил к выходу. В шестнадцать тридцать автобус с туристами уходил на аэродром, и Сергей счел себя обязанным попрощаться с Аннет.

...Поздно вечером ему позвонил Луи Бидо.

— Мне было стыдно за коллег. Но мы еще поговорим на эту тему. А сейчас имею просьбу. Я получил тревожную телеграмму от дяди. Обострилась болезнь отца. Завтра утром улетаю. Убедительно прошу помочь мне — договориться с господином Поляковым об интервью. Я подготовил вопросы. Не будете ли вы любезны передать их господину Полякову? Я мог бы завезти... Хорошо?

— Зачем же беспокоиться? — ответил Крымов.— У вас, вероятно, много предотъездных дел. Я приеду в аэропорт, провожу вас...

Продолжение следует.

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Конец Сократа

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

«ПОДВЕЗЕТЕ!» — «САДИТЕСЬ...»

...Кастильо вышел из гостиницы в ту пору, когда в столице уже наступил час «пик». Его это вполне устраивало: меньше обращаешь на себя внимание.

Хромоногий шел неторопливо, с бездумным выражением лица. Прогулка, обычная прогулка туриста по городу. В ГУМе он заглянул в отделы, пользующиеся особым вниманием иностранных туристов,— электробытовые приборы, фотоаппараты, посуда... Ничего не купив, вышел из универмага и по улице Куйбышева проследовал на улицу Богдана Хмельницкого. Зашел в магазин химических товаров, но и здесь воздержался от покупок.

«Прогуливался» долго. Время от времени хромоногий окунался в людской поток, чтобы вновь вынырнуть на другой стороне улицы. Магазин. Еще один. Поворот в Армянский переулок, оттуда в Малый Комсомольский. И вдруг — стоп! Кастильо стоит на краю тротуара в выжидающей позе — так обычно москвичи и гости столицы ловят такси или «левую» машину. Но в тихом, немноголюдном переулке стоянки такси нет да и по части «леваков» не густо. Все ясно: назначено свидание. В 18.20 появилась бежевая «Волга». Кастильо поднял руку. «Волга» остановилась. Хромоногий наклонился к кабине водителя.

— Подвезете?

— Садитесь...

«Волга» долго петляла по городу, пока не остановилась у ресторана «Гавана». Высадив пассажира, водитель начал копаться в моторе. Через несколько минут «Волга» тронулась. Она снова плутала по московским улицам и наконец припарковалась у дома-башни на Ленинградском шоссе. Позже станет известно: водитель здесь живет. Во всяком случае, прописан.

Минимум необходимых сведений о «леваке» собрано... Шелвадзе Николай Григорьевич. Родился в Тбилиси, журналист, нештатный корреспондент литературно-художественного журнала, издаваемого в одном из южных городов России.

На стол полковника легло несколько фотографий хромоногого и Шелвадзе. Порознь и вместе. Около машины. На улице. У ресторана.

Среди далеко не первостепенных вопросов — выбор маршрута. Почему именно ресторан «Гавана»? Тут у хромоногого, видимо, свой расчет: если вдруг обстоятельства сложились бы так, что Кастильо пришлось давать объяснения: «Почему поехали в «Гавану»,— он ответил бы, глазом не моргнув: «Соскучился по национальным блюдам». Предположим, что так. С хромоногим, пожалуй, все более или менее ясно. А что за птица «левак»?

— Вы уже успели что-нибудь узнать о нем?— спрашивает Бутов своего помощника, Сухина.

— Да. Запросил коллег из Черногорска. Они сработали быстро и тут же связались с редактором журнала, представляемого Шелвадзе. Пришел ответ.

— И что же?

— Подтвердили — да, он нештатный московский корреспондент этого журнала. На хорошем счету — опытный, оперативный журналист. Холост. Недавно в качестве туриста выезжал за рубеж. Ни в чем предосудительном не замечен.

...Нико Шелвадзе был задержан на улице Горького за грубое нарушение правил дорожного движения. Сотрудник ГАИ забрал у него водительские права.

— Явитесь за ними в отделение.

Шелвадзе возмущался, называл фамилии больших начальников, с которыми он-де хорошо знаком. Они не потерпят беззакония. Но документы у него все же забрали и вернули лишь к вечеру.

Через день Сухин вылетел в Черногорск. Провожая его, Бутов предупредил:

— Не исключаю вашей встречи там с Шелвадзе. Вчера он в центральной кассе Аэрофлота покупал билет до Черногорска. Летит через два дня... Вам, пожалуй, стоит задержаться на юге.

Для Бутова бесспорно: Кастильо не случайно в определенное, заранее условленное время оказался в Малом Комсомольском переулке. Известно, что в этом переулке он посмотрел на какую-то вывеску, сделал шагов сто влево и остановился. Условленное место. Такси ему легко было взять у магазина «Химические товары», а он изволил сюда прийти, чтобы ловить «левую» машину. Далее. С кем из советских людей встречался хромоногий за время пребывания в Москве? Сократ, сотрудники внешнеторгового объединения и вот Шелвадзе. Все логично: с человеком, который будет выполнять его задание, лучше встретиться ближе к финишу. Зачем хромоногому понадобился Шелвадзе? Зачем тот сразу же отправился на юг? Пока неясно...

Бутов заново просматривает протоколы допроса туриста. Тот по-прежнему отмалчивается. Еще раз окинул взглядом фотографии из ГУМа — корреспонденты западных газет, неизвестные люди. А в голове все сверлит и сверлит: «Я вроде бы уже слышал эту фамилию. Но когда и от кого?» Память выстроила ассоциативный ряд — Захар Рубин, Сергей Крымов... И тут всплыло: Нико Шелвадзе... Однажды профессор, рассказывая о своих знакомствах, упомянул красавчика с Кавказа, пленившего его, Рубина, даму. «С первого захода увел. Это, между прочим, не помешало ему через два месяца снова заявиться ко мне в гости...»

...Шелвадзе — любитель женщин, вина и карт. Обожает застолье, незаменимый тамада. Но в отличие от многих других гостей Рубина он не признавал пиршества за чужой счет, всегда приходил с бутылкой коньяка и коробкой конфет. «Это для Ириночки»,— вздыхал он, поглядывая на дверь недоступной ему красавицы...

Когда в профессорском доме бывал Шелвадзе, гости после ужина садились за карточный стол. Играл он хорошо, красиво, проигрывал с веселой шуткой, а выиграв, виновато поглядывал на партнеров — так, словно извинялся. Но чаще выигрывал. Казалось, мир для него существовал таким, каким он хотел его видеть.

Шелвадзе держался поближе к тем, кто обитал в сфере литературы, искусства. Нико сам неплохо ориентировался в этом обществе, щеголяя знакомствами со знаменитостями.

В последний раз Рубин вспомнил о Шелвадзе в связи со своей затаенной мечтой: поправиться, окрепнуть и туристом махнуть в Италию. Он вопрошающе посмотрел на Бутова.

— Как считаете? Можно будет?

— Раньше надо крепко на ноги встать, Захар Романович!

Вот тогда-то и был упомянут «везунчик Нико», отправившийся в туристское турне по Западной Европе. «Нико есть Нико. Перед отъездом был у меня в гостях. Я уже в постели лежал. Он пил вино, а я микстуру. Основательно накачавшись, он стал клятвенно уверять меня, что ему не нужны западные шмутки. «Я их за деньги из-под земли и тут достану. А вот женщины...» От предвкушаемого удовольствия даже причмокнул».

Вот как полезна ассоциативная память! Профессор числил Шелвадзе в своих друзьях. Нико вносил в дом искристое веселье, шутку, острое, хотя порой и двусмысленное словцо. И теперь Бутов, как это часто бывает с людьми, которые долго и мучительно что-то вспоминают, облегченно вздохнул: вспомнил!

Ирина говорила о Шелвадзе не иначе как о пошляке. Он принадлежал к числу тех баловней судьбы, которым весь окружающий мир представляется какой-то сферой обслуживания их, избранных, стоящих на пьедестале. Я есмь избранник! Он давно разучился думать о чем-то другом, кроме собственного благополучия, не гнушаясь никакими средствами на пути к нему. Это, впрочем, не мешало ему одобрительно покачивать головой, когда в пьяной компании иной непризнанный гений разглагольствовал о справедливости, честности, свободе личности,— словом, обо всем том, чего, по разумению «гения», не хватает нашему обществу, взрастившему его, и в котором он живет чуть ли не по необходимости. Иногда Нико для придания значимости своей особе и сам был не прочь выдать что-нибудь «такое-этакое» из застрявших в памяти передач зарубежных «радиоголосов». Лишенный строгих принципов, он исповедовал одну, да и то заимствованную, идею — деньги всесильны, без частного предпринимательства общество погибнет, беззастенчиво путал понятия «предприимчивость» и «предпринимательство», «деловитый» и «делец», о котором на жаргоне друзей Нико говорили: «О, это делаш!»

Шелвадзе был женат, но через год после свадьбы над семейным очагом стали подниматься клубы дыма. Жена потребовалась для весьма нехитрой операции — получить московскую прописку. Смазливая, глупенькая Вера, первокурсница-медичка, избалованная дочь преуспевающих родителей, познакомилась с Нико у подруги. Он был тогда скромным преподавателем литературы в одном из маленьких городов Кавказа и приехал в столицу на каникулы с затаенной мыслью — пришвартоваться к берегу Москвы-реки. Верочка потеряла голову после третьей встречи с «литератором» — так он отрекомендовался. Остроумен, эрудирован, красив, богат: родители весьма успешно промышляли на далеком Севере, перепродавая втридорога цитрусовые и прочие дары щедрой кавказской земли. Да и сам он уже владел искусством «делать деньги», не брезгуя, кстати, и поборами с учеников и спекуляцией дефицитными товарами, валютой.

Поначалу Верочка старалась не замечать, что пребывание у домашнего очага, пусть уютного, прекрасного, благодатного, стало для ее Нико просто мукой. Но так долго продолжаться не могло. Переехавший в Москву провинциальный учитель литературы решил, что он не рожден для педагогики. А для чего? Наивная супруга допытывалась: «Где ты работаешь, Нико? Где получаешь такую большую зарплату?» Сперва он отшучивался, потом начал рычать: «Не твое дело». Позже пошли в ход кулаки: «Не смей шпионить за мной».

Семейный очаг угас. Шелвадзе покинул его с высоко поднятой головой, приняв позу оскорбленного, обиженного. Друзьям жаловался: «Меня там не поняли. Я не хочу прозябать на учительском поприще. Нико ждут иные пути-дороги, а Вера требует, чтобы я пошел работать в школу. Не будет этого».

Он не стал добиваться раздела имущества, жилплощади: «Нико выше этого». Собрал свои вещички и, не попрощавшись, покинул благословенный дом, открывший перед ним «врата Москвы». К тому времени Шелвадзе уже познал не только искусство «делать деньги», но и «делать жизнь», имея деньги. Через год он

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—15.

въехал в однокомнатную квартиру кооперативного дома-башни на Ленинградском шоссе. К семейному очагу больше не возвращался, придерживаясь банальной философии прохвостов: «Зачем надевать хомут, когда так много красивых женщин, жаждущих любви?»

...Два часа назад Бутов попросил сотрудника отдела навести справки о последней зарубежной туристической поездке Николая Григорьевича Шелвадзе: в какой группе путешествовал, нельзя ли разыскать старосту? Сотрудник все выяснил, разыскал старосту, но побеседовать с ним не смог: он был в командировке, вернется завтра, послезавтра.

ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ

Шелвадзе арестовали на юге за спекуляцию валютой. Допрос продолжался уже в Москве. Поначалу он хитрил, выдавая на ходу придуманные легенды. Но вскоре понял, что о нем уже знают многое и отпираться бессмысленно. И поведал следователю неприглядную историю своей достаточно мерзкой жизни. Рассказал и о зарубежном турне.

...Рано утром советские туристы вышли из отеля на тихую и не очень многолюдную улицу. Стоял захмелевший от тепла апрель. Настроение у туристов радужное, весеннее: они были в восторге от виденного вчера в Королевском музее изящных искусств, а сегодня предстояла прогулка по городу. До прихода автобуса оставалось еще минут двадцать. Туристы грелись на солнышке, а Шелвадзе решил побродить, поглядеть на витрины еще закрытых магазинов, кафе. Их тут много, на каждом шагу. Броские, яркие вывески, архимодные товары за толстыми стеклами. Так и зовут: купи! Внимание привлекла дощечка над входом в неприметный дом: «Здесь говорят на немецком, испанском, итальянском, русском языках». А рядом — четвертушка ватмана, на которой черным фломастером по-русски каллиграфически выведено: «С восемнадцати часов — шоу».

День прошел в разъездах. Гуляли по городу. Любовались живописной частью Антверпена с его позднеготическими постройками, долго стояли у стен замка Стен. С пяти вечера и до «отхода ко сну» у туристов свободное время, каждый распоряжается им как душе угодно. Земляк, он был постарше Нико, инженер из Тбилиси, в компании женщин отправился покупать сувениры. «Тяжелое дело,— вздыхал инженер.— Капризная жена, две дочки, зять, внучка, старики родители... И все ждут. Никто не хочет думать, что валюты у туриста — кот наплакал».

Когда туристы разбрелись кто куда, Шелвадзе отправился в облюбованное им еще утром скромное заведение, надеясь за небольшую плату приобщиться к тому, что, с его, Нико, точки зрения, олицетворяло настоящую западную цивилизацию,—шоу. Шоу— это его давний кумир! И двигала им отнюдь не журналистская любознательность, а исключительно желание пощекотать нервы, скотское чувство...

...За вход заплачено, и Нико проследовал в зал. Рассчитанный человек на пятьдесят, он был наполовину пуст. Шелвадзе сразу же отметил непритязательность обстановки, что немного разочаровало. Он ждал чего-то сногсшибательного. А тут маленькая эстрада у стены. Где-то в глубине — не слишком опрятная стойка бара с вышколенным барменом.

Нико занял столик. Скрытые светильники излучали мягкий оранжевый свет, создавая приятный полумрак. На сцене тихонько плакала скрипка. Кто-то бесшумно подошел к столу и, не задавая вопросов, поставил перед Нико большой стакан аперитива, маленькую тарелочку с земляными орехами и тут же растворился в полумраке.

Нико блаженствовал. Умеют же тут делать все тихо, красиво, грациозно. Все обворожительно: и свет, и музыка, и аперитив, и орешки! Все не как у нас, когда стол некрасиво ломится от яств и бутылок. Все это представлялось ему волшебством, сказкой. Ба! Да вот и фея. Очаровательная блондинка как-то незаметно появилась за его столиком, ласково поглядела на Нико и представилась: «Катрин».

Появление Катрин обескуражило Нико лишь на мгновение. Не больше! Кто-то из видавших виды приятелей рассказывал, что в понятие «западная цивилизация» входят и внезапно возникающие, полные любви и очарования

фея. А у нашего героя было три кумира: большие деньги, красивые женщины и «свободы» Запада, из которых под номером один шла свобода предпринимательства.

Кто-то опять бесшумно подошел и теперь уже поставил на стол откупоренную бутылку «Лонг Джона» и сифон с содовой. Катрин иронически посмотрела на Нико, как бы спрашивая: «Неужели вы это заказывали?» И, мотнув головой с красиво уложенными волосами, едва касавшимися роскошных плеч, дала понять: «Виски я пить не буду». Шелвадзе смутился. Выручил все тот же бесшумный дух — на столике появилась бутылка коньяка «Наполеон» и две чашки кофе. Катрин приветливо улыбнулась.

Что касается русского языка, то тут она была не сильнее Эллочки-людоедки: в ее словарном запасе русских слов оказалось не более двадцати. Но для фей этого достаточно. Они поняли друг друга, и Нико чувствовал себя на седьмом небе, похотливо поглаживал, изредка целуя, ручку Катрин, желанной и, как ему казалось, доступной.

Фея пила мало, а Шелвадзе по привычке опрокидывал рюмку за рюмкой, но не пьянел. Тут он был могуч.

Шоу все не начиналось. Звучал блюз, и в полумраке полупустого зала покачивалось несколько пар. Мужчины и женщины с непроницаемыми лицами, полузакрыв глаза, прижимались друг к другу. Не отважившись танцевать, Нико, по-прежнему поглаживая руки своей дамы, пожирал ее глазами. Сие приятнейшее занятие прервал все тот же «дух» — он положил на стол счет. Если мы скажем, что наш герой остолбенел, то мы лишь в малой мере передадим его состояние. Всех денег, полученных им на время своего пребывания в чужой стране, едва хватило бы на оплату половины счета.

Тревожно заметались мысли: «Фея? Коньяк? Виски? А при чем тут я? Я же не звал ее, ничего не заказывал». Тем не менее платить надо — «дух» молча выжидает, и под пиджаком перекатываются крепкие мышцы. Рядом с ним чувствуешь себя маленьким. Появился «дух № 2». Этот свободно говорил по-русски — фирма держит свое слово: «У нас говорят по-русски...» Он обворожительно любезен: «Господин попал в затруднительное положение? Нет денег? Что же делать? У нас на Западе железный закон: купил — плати. Иначе...» — и широко развел руками.

Шелвадзе выгреб из карманов всю наличность. Тем временем фея исчезла. Но ему уже не до нее. Протянув два желто поблескивающих на ладони окатыша, нервозно спросил:

— Не могу ли я рассчитаться золотом?

«Дух № 2» небрежно принял окатыши, внимательно рассмотрел их и все так же спокойно, приветливо сказал:

— Я ненадолго оставлю вас в одиночестве... Не волнуйтесь... В бутылке, кажется, еще есть коньяк. Скоро начнется шоу.

«Ненадолго» продолжалось минут двадцать, показавшихся Шелвадзе вечностью. Скоро туристы вернутся в отель, а его нет. Что подумают? Что предпримут? В нем удивительно сосуществовали авантюрист, смелый, азартный в валютных операциях, в картежной игре, и трусишка в обычных житейских делах, способный дрожать чуть ли не перед собственной тенью. Кошмарное ожидание прервал «дух № 2».

— Прошу вас! — И кивнул на дверь возле стойки бара.

Большая, слегка затемненная комната. На полу пушистый ковер. На стенах — массивные зеркала. Столь же массивный стол, кресла. Тахта, картины, вазы с цветами. Навстречу поднялся приветливо улыбающийся человек.

— Ну что же, давайте знакомиться. Я Владислав. А вы?

— Шелвадзе... Николай Григорьевич Шелвадзе.

— Присаживайтесь. И, пожалуйста, не волнуйтесь. Вам ничего не угрожает. Вы среди своих. Да-да! Не удивляйтесь: среди своих. Человек, желающий добра другому человеку, с полным основанием может быть отнесен к числу своих. Не так ли?..— И, не дожидаясь ответа, спросил:— Паспорт при вас? Прекрасно!— Небрежно перебирая листы паспорта, продолжал расспрашивать: — Вы москвич? Имею в виду не место рождения, а место жительства. Люблю москвичей, у них душа нараспашку. Адрес? Телефон?

Владислав ничего не записывал — диктофон включил.

Шелвадзе отвечал на вопросы спокойно, иногда даже с улыбкой. Он не врал. К чему? Так будет, пожалуй, надежнее, лучше. Что значит надежнее и лучше, он пока еще смутно представлял себе, но где-то подсознательно зрела комбинация, которая может привести его... Нет-нет, об этом пока думать не хочет. Там видно будет!

Нико назвал марку и номер своей машины, адреса своих девушек — в Ленинграде, Москве и в Черногорске. Об этом городе Владислав попросил рассказать чуть подробнее — там прошла золотая пора детства и юности Нико. «В Москве представляю периферийный журнал». И тут же честно признался: «От журнала профита не имею. Зато обладаю корреспондентским билетом».

Владислав бесстрастно спросил:

— Простите, господин Шелвадзе, за неделикатный вопрос. Но человеку ведь надо пить, есть, одеваться. Девушки в трех городах сразу — это тоже требует известных затрат. И собственная легковая машина. А душа, наверное, просится ввысь и вширь...

Нико усмехнулся и повел густыми бровями.

— Имею хобби... Валютные операции... Забочусь также о дамах, страстно обожающих камушки и прочие безделушки, о джентльменах, собирающих коллекции картин, икон. И о тех, кто рвется в Израиль...

— Я вас понял, господин Шелвадзе. Вы напомнили мне изречение какого-то русского писателя: любовь к человечеству лишь тогда плодотворна, когда она сочетается с живым участием к судьбам отдельных людей. Вы, оказывается, большой гуманист, господин Шелвадзе. Тут у нас с вами найдется общий язык, родство душ.

Владислав снисходительно улыбнулся, а Нико, сосредоточенно уставившись на стол, лихорадочно соображал. Как быть? Какой линии держаться? Идти на скандал, вызвать консула или... Или напролом, «ва-банк»? Тоже ведь вариант. Что ему терять, что бесценного оставил он там, дома? Да и где истинный дом?

Пока Нико раздумывал, Владислав позвонил кому-то по телефону. О чем шел разговор, Шелвадзе не понял: с иностранными языками он всегда был только на «вы»... Положив трубку, Владислав заговорил совсем другим, официальным тоном.

— Господин Шелвадзе! Меня сейчас поставили в известность об очаровательной даме и не предусмотренных вами расходах. Я не осуждаю. Изображая амура с повязкой на глазах, древние намекали, что страсть слепа. Но что поделать — в этом мире за все надо платить. А вы оплатить веление вашей страсти не в состоянии, ибо возможности советских туристов ограниченны. Поскольку валюты у вас мало, на оплату счета не хватает, вы предлагаете золото. Мера крайняя и не очень приемлемая. Но у нас с вами есть выход...

Нико оживился и уставился просительным взором на холеное лицо Владислава.

— Сейчас я в вашем присутствии позвоню советскому консулу. Надо полагать, что он пришлет своего представителя и тот уладит это чепуховое недоразумение. Вы согласны?

— Нет!

— Тогда как быть?

— Не знаю.

Наступила недолгая пауза.

— Вы предлагаете золото. Вариант необычный. Я понимаю толк в драгоценных металлах. Да, это настоящие самородки. Их вполне хватило бы для расплаты по счету. И кое-что останется на покупку ценных сувениров. Но возникает деликатная коллизия. Не догадываетесь? Контрабанда! Вы привезли это золото в нашу страну контрабандным путем. А наш закон так же строг, как и ваш.— Широко разведя руками, он сочувственно промолвил: — Остается один выход — позвонить консулу.

— Не надо!—умоляюще воскликнул Нико.— Не надо! — Теперь он напоминал хищного зверька, понявшего, что из капкана не вырваться. Как он изощрялся, чтобы тайно провезти эти два окатыша. А теперь вот...

Нико вспыльчив, его так и подмывает стукнуть кулаком по столу, а может, и не только по столу. «Издеваетесь? В кошки-мышки играете, в сети заманиваете?..» Но голос разума предостерег: «Смири гордыню, Нико». Сейчас он сама угодливость.

— Возьмите все золото, оба окатыша! Мне не нужны сувениры... Только не считайте меня должником.

Туристу-гуляке, потерявшему, видимо, всякую способность реалистически оценивать обстоятельства, не приходит в голову простая мысль: «На черта этому Владиславу твое золото? Ты нужен! Он к твоим окатышам добавит еще два за покупку твоей души». А Владислав, продолжая разыгрывать сердобольного человека, выложил еще один аргумент.

— Дело заключается в том, господин Шелвадзе, что в зале присутствовал платный частный детектив содержателя ресторана. Он сделал несколько фотоснимков. В кадре — вы и ваша очаровательная девушка.

— У меня нет здесь девушки,— огрызнулся Шелвадзе.

— А та, чью ручку вы поглаживали? — И он одаривает Нико лучезарной, невинной улыбкой.

— Это шантаж... Подставка!

Откуда только выскочило такое слово. Нико обуяла бессильная ярость, а собеседник все так же спокоен, любезен.

— Предположим, хотя доказательств у вас нет. Но вы должны знать — завтра в газетах напечатают скандальную хронику с иллюстрациями: советский турист господин Шелвадзе и девушка из шоу в достаточно интимной позе...

— Не было этого. Никакой интимности.

— Согласен. Но не будьте наивным. Вы, кажется, имеете отношение к журналистике и должны знать, какие чудеса ныне творит фотомонтаж. Вас потащат в суд, а в качестве свидетелей вызовут ваших спутников.

— Каких свидетелей? Это бред, фантазия!

— Нет, это реальность. Дело в том,— Владислав перешел на строгую назидательность,— что вы, любезничая за отдельным столиком со своей девушкой, не заметили, как в зал забрели два ваших товарища выпить по кружке пива. Судя по выражению их лиц, они были немало удивлены, увидев вас в обществе очаровательной блондинки. Учтите, фамилии этих двух людей нам известны.— И в голосе его впервые прозвучал металл.— Полагаю, что суд накажет не очень строго, но скандал будет изрядный, наша пресса не упустит такого случая... Надеюсь, мне не нужно задавать вам глупый вопрос: знаете ли вы, как вас встретят после всего этого дома?

Шелвадзе помрачнел было, задумался и вдруг вскочил со стула, словно он нашел наконец выход из этого щекотливого положения, и решительно объявил:

— Я не вернусь домой. Останусь здесь.— Ему показалось, что наконец-то он понял, чего от него добивались, что и кто стоит за Владиславом, за всем этим спектаклем. Теперь можно говорить с этим типом на равных, как деловой человек с деловым. И вдруг — неожиданная для Нико реакция.

— Вы не все продумали до конца, господин Шелвадзе. Допустим, вы попросите политического убежища и вам его дадут. Вы останетесь у нас. А кусать что будете?— утратив значительную долю учтивости, Владислав перешел на жаргон.— Человек должен есть, пить, одеваться, пользоваться транспортом, развлекаться. Это закон, действующий в любой стране, при любом социальном строе. Вашего золотишка хватит на пару недель. Не больше. Для жизни в нашей стране профессия ваша, как я погляжу, ни хрена не стоит. Насколько я понял, вы мелкий спекулянт, валютчик — так, кажется, квалифицируют подобный бизнес в России. Вас даже на радиостанцию не возьмут: нет у вас ничего за душой. Нищенствовать? Так у нас и своих нищих предостаточно. Да и ваших земляков... Тех, кто клюнул на сионистскую приманку. Рвались на землю обетованную, потом сочли за благо сменить курс — вместо Тель-Авива болтаются в Риме, Вене, Антверпене... Им виднее, какое из двух зол для них меньше. Хотите изведать их участь? Извольте!

Недолгую браваду Нико словно ветром сдуло. Нико стоял поникший, потерявший дар речи, а Владислав, уже в который раз за время их беседы, снова позвонил кому-то и повел немногословную непонятную беседу.

— А если я все же решусь остаться здесь? — отважился спросить Нико.

— Воля ваша.— И Владислав протянул паспорт.— Возьмите. Вот ваше золото. Расплатитесь по счету.

Шелвадзе ждал, что будут шантажировать, угрожать, что-то предлагать. И вдруг такой неожиданный оборот.

— Что же будет дальше? — допытывается Шелвадзе.

— Ничего. Все пойдет так, как у нас принято. Думаю, что завтра утренние газеты выйдут с аншлагом: «Советский гражданин Шелвадзе вербует девушку нашей страны, предлагая ей за сотрудничество советское золото». Разумеется, текст будет проиллюстрирован: Шелвадзе со своей милой девушкой в ресторане, в постели. Вот она пишет первое свое шпионское донесение и получает слиток...

— Вы русский? — неожиданно спросил Шелвадзе.

— Нет. Но я много лет проработал в России и неплохо знаю вашу страну, ваших людей.

— Вы разведчик?

— Никогда им не был и не собираюсь быть. Я принадлежу к сообществу «Свободный мир». Наш девиз — «Свобода человеку». Вы слыхали, конечно, про форум лидеров европейских государств в Хельсинки? Так вот, мы боремся за претворение в жизнь решений этого форума.

— Вы масоны? — не унимался Шелвадзе.

— Если хотите, да. Но современные, без мистики. Мы реалисты. Мы против пороков капитализма и иных социальных формаций. Мы за свободу личности и частного предпринимательства, конечно, в разумных пределах. Мы не потерпим никакого ущемления прав человека, кем бы он ни был. Мы решительно заявляем: каждый отдельный индивидуум — хозяин куска планеты Земля. И никто не должен лишать его этого права. Человек имеет право делать самого себя таким, каким пожелает. Не мешайте ему. Нам нет дела до общества в целом, оно полно пороков. Мы за благо индивидуума... Если хотите стать нашим другом — пожалуйста.

Шелвадзе ничего не понял в псевдофилософском монологе, но догадался, что все это прикрытие, маска. Он покорно спросил:

— А что я должен делать?

— Ровным счетом ничего!

— Так не бывает.

— У вас не бывает, а у нас бывает. У нас все построено на дружбе, доверии, взаимных услугах. Сейчас вы отдадите мне половину ваших наличных денег. Ими я расплачусь с барменом, с него хватит. А вот на счете, который был вам предъявлен, напишите своей рукой. Что? Я продиктую...

И Нико написал: «Дорогой Владислав. Спасибо за услугу. Я вам отплачу тем же. Надеюсь на хороший исход нашей договоренности. Шелвадзе». Затем он передал деньги и счет Владиславу.

— Вот и хорошо! К вашей расписке я приложу негативы фотоснимков детектива, постараюсь их выкупить. Золото продам и выручку приложу сюда же. Через два-три года, когда вновь появитесь у нас, вы будете уже богатым человеком и тогда сможете покинуть навсегда Московию. Если нет вопросов, то честь имею. Можете вернуться в свой отель.

Шелвадзе вопросов не задавал. Ему все ясно: мышка попалась в мышеловку. И перед тем, как ей наглухо захлопнуться, последовал еще один удар.

— Простите, я на минуту задержу вас... Ровно через три недели во второй половине дня вы должны быть дома. Некто позвонит вам и скажет: «Я Андрей. Владислав прислал вам шапку. Хотел бы встретиться с вами на том же месте, в то же время и передать шапку». Мне, вероятно, не надо вам объяснять, что это пароль. Итак, где и когда вам удобнее встретиться с Андреем?

Недолго подумав, Шелвадзе уверенно ответил:

— В одиннадцать вечера у входа в ресторан «Берлин», улица Жданова, три. А что от меня потребуется?

— Самая малость. Приехать на своей машине и проследить, нет ли за вами слежки.

— Значит, это опасно!

— Нисколько!

Продолжение следует.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

Конец Сократа

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

«АНДРЕЙ» ПРИВЕЗ ШАПКУ

— Я вернулся в отель и едва поспел к ужину,— продолжал свои показания Шелвадзе.— Не помню, чем объяснил опоздание. Говорил о своем хобби — бродить по улицам, где все дышит историей. Соврал, что покупал какие-то мелочи-сувениры. Все спешили на ужин, и никто не поинтересовался этими несуществующими сувенирами. Потом и вовсе забыли. Я со страхом ждал, что те двое, которые зашли выпить пива и видели меня с феей, начнут подтрунивать, расспрашивать или даже отчитывать. Но они молчали. Страх не прошел. Но я решил, что главный разговор будет в Москве. Однако и этого не случилось. Понемногу успокоился.

Так Нико Шелвадзе исповедовался следователю.

...Точно в условленный день в его квартире раздался телефонный звонок. «Андрей» — это был хромоногий испанец; он привез «шапку». В 22 часа господин Кастильо появился у себя в отеле, заглянул на несколько минут в буфет и ровно в 23 часа оказался на улице Жданова у дома номер 3. У входа в отель «Берлин» его ждал Нико. Он, как было условлено, держал в руках журнал и на вопрос, где ближайшая стоянка такси, кивнул головой в сторону своей «Волги»...

Маршрут продуман уже давно. Ленинградское шоссе, Химки, противотанковые ежи — памятное место, где остановили гитлеровцев в сорок первом. Машина юркнула под путепровод. Позади остались деревня Машкино, спуск, подъем, дорога в Новогорск. Свернули влево. Укромный уголок. Темень. Таинственно-глухо шумит на ветру лес. Тут, кажется, можно и «привал» устроить.

Хромоногий передал Шелвадзе деньги.

— Это за ваше золото.— И еще некоторую сумму: — Это за пустяковую услугу, которую вы окажете нам.

— Нельзя ли часть денег дать долларами?

Хромоногий улыбнулся.

— Хватка ястреба! Ну что же, в принципе не возбраняется. Но это, учитывая законы вашей страны, может привести к провалу. Вы не подумали о таком варианте? Как собираетесь реализовать доллары?

Шелвадзе усмехнулся. Главное — получить доллары. Остальное — его забота.

— Не беспокойтесь. Все будет о'кей!..

— Ну что же, доллары так доллары. Извольте, господин Шелвадзе. Мне кажется, что вы порядочный человек, на вас можно положиться. Хотя у меня на сей счет были большие сомнения.

— Какие?

— Я не был уверен в том, что окажусь с вами здесь за городом, а не на Лубянке. Ведь Лубянка рядом с отелем «Берлин», всего несколько шагов.— Кастильо понравилась его острота.— Так вот, друг мой, то, что мы встретились, и то, что эта встреча внесла ясность в наши отношения, закрепила узы дружбы между нами, дает основание надеяться на будущее плодотворное сотрудничество. Вас это облагораживает, а мне, не буду скромничать, делает честь: я выполнил задание шефа — установил с вами связь.

Хромоногий затянулся сигарой, помолчал, осмотрелся. Темень непроглядная, даже лица Шелвадзе не разглядеть. Однако почувствовал, как тот насторожился, нервничает.

— Так вот, господин Шелвадзе, мы будем просить вас о небольшом одолжении... Сущий пустяк... Никаких забот, и никакого риска...

— Какова суть этого пустяка?

Шелвадзе на какое-то мгновение умолк — нелегко выкладывать всю правду. Но Бутов не позволил затянуть паузу.

— Итак, какова суть того «пустяка»? Продолжайте...

— Вы журналист, литератор, у вас широкий круг знакомых,— увещевал меня Кастильо.— Может, вам удастся найти одного очень нужного нам человека. Вот возьмите фотографию. К сожалению, довольно старая. Отыщите его, сообщите адрес, и вы будете щедро вознаграждены.

— Предлагаете искать иголку в стоге сена? — спросил я.

Кастильо пожал плечами:

— Пусть будет так... И тем не менее вы должны проявить максимум находчивости.

— Когда был сделан снимок? — поинтересовался я.

— Ориентировочно — незадолго до окончания войны. Сколько лет этому человеку, подсчитать нетрудно.

— Что еще известно о нем? — допытывался я.

— Красив, бог не обидел его ростом. Ему прочили карьеру оперного певца... По национальности немец. Это все, что могу сообщить. Да, еще особая примета — нет мизинца на правой руке.

Разговор происходил в машине, и я не стал разглядывать снимок. Рассмотрел дома.

— Вы уже пытались найти этого человека?— спросил Бутов.

— Я нашел его.

Меньше всего Бутов ожидал такого ответа, и ему нелегко было скрыть изумление, нелегко ровным, спокойным голосом продолжать допрос.

— Каким образом?

— Опознал известного мне валютчика. При его участии в свое время я совершил несколько валютных операций. Это Александр Ружинский. Живет во Владимире, семьи нет. Нет и мизинца на правой руке. Дважды я был у него дома и в альбоме на журнальном столике увидел почти такую же фотографию, какую предъявил мне Кастильо: Ружинский в Москве в первые послевоенные годы. Хозяин дома смутился и почему-то отобрал у меня альбом. Я удивленно посмотрел на него, а он усмехнулся и сказал: «Не люблю демонстрировать своих любовниц. Это не по-мужски...»

— Вы успели сообщить Кастильо, что его задание выполнено?

— Да. При встрече в Малом Комсомольском переулке. Я передал ему адрес Ружинского.

...Клементьев и Бутов, внимательно перечитывая протоколы первых допросов гражданина Шелвадзе, обратили внимание на его разговор с Владиславом. Нико пытался выдать себя за «борца», но тот, судя по словам Шелвадзе, не поверил: «Вас ни одна радиостанция не возьмет. Вы же просто мелкий делец, валютчик...»

— А он тогда ловко отпарировал. Послушайте вот эту запись в протоколе: разговор Шелвадзе и Владислава. «Да будет вам известно, что наши отщепенцы — я-то их немного знаю, не одну бутылку коньяка распил с этой братией — в общем-то уголовники. Зарплата — для прикрытия, а живут за счет хозяев. Спекулируют всем: валютой и идеями, баснями о гонении на интеллектуалов и информацией о липовых забастовках, вроде той, что, по сообщению радиостанции «Свобода», якобы произошла в Рижском порту. В лужу сели! Так что зря вы меня отбрасываете. Думаю, что был бы весьма полезен вам».

Генерал отложил в сторону протокол допроса Шелвадзе, и в глазах его мелькнули иронические искорки.

— Что скажете, Бутов?..

— Откровенное признание. Однако не очень понятно: почему Шелвадзе все же не оставили на Западе?

— А зачем он им там? — ответил Клементьев.— Западной разведке нужен свой человек, который работал бы на них здесь. Такого заиметь труднее. А тут удача... Сразу раскусили и поманили — обещали года через два-три взять к себе, на Запад, когда уже и текущий счет в банке будет...

— Мда-а-а. Резон! — Бутов в общем-то был согласен с Клементьевым. И все же некоторые сомнения остались.

— А не беспокоит ли вас, товарищ генерал, некая поспешность противника? Без особых проверок — и сразу в дело.

— Пути разведки неисповедимы.

— Шелвадзе утверждает, что больше никаких заданий ему не давали. На прощание было сказано: «Придет время, мы встретимся с вами вновь. А пока наслаждайтесь жизнью». Темнит или говорит правду?

...Вот так, споря и анализируя, они «просвечивали» Нико. И каждое «затемнение» — объект исследований.

С санкции прокурора в квартире Шелвадзе произвели обыск. Была обнаружена иностранная валюта: американские доллары, английские фунты, западногерманские марки. Не осталось сомнений — спекулянт, валютчик.

Внимание сотрудников Комитета госбезопасности привлекла фотография в альбоме: молодой человек в штатском, но с военной выправкой держал газету, на правой руке не хватает мизинца. Одет он был в модный для начала сороковых годов костюм. Шелвадзе пояснил, что именно эту фотографию ему вручил Кастильо, когда просил разыскать человека, изображенного на снимке. Это был Ружинский в молодости.

— Вам, Бутов, надлежит разобраться, что это за личность — Ружинский. Покопайтесь в списках военных преступников, в архивах абверовской агентуры.

ОПЕРАЦИЯ С «ЗЕЛЕНЕНЬКИМИ»

Прилетев в Черногорск, Шелвадзе с аэродрома поехал к своей подруге Лизе. Она уже ждала: стол накрыт, но гостей нет. Так пожелал Нико.

Утром Лиза отправилась на работу, наказав любовнику: «Сиди дома и жди... Все будет в порядке. Есть надежный клиент».

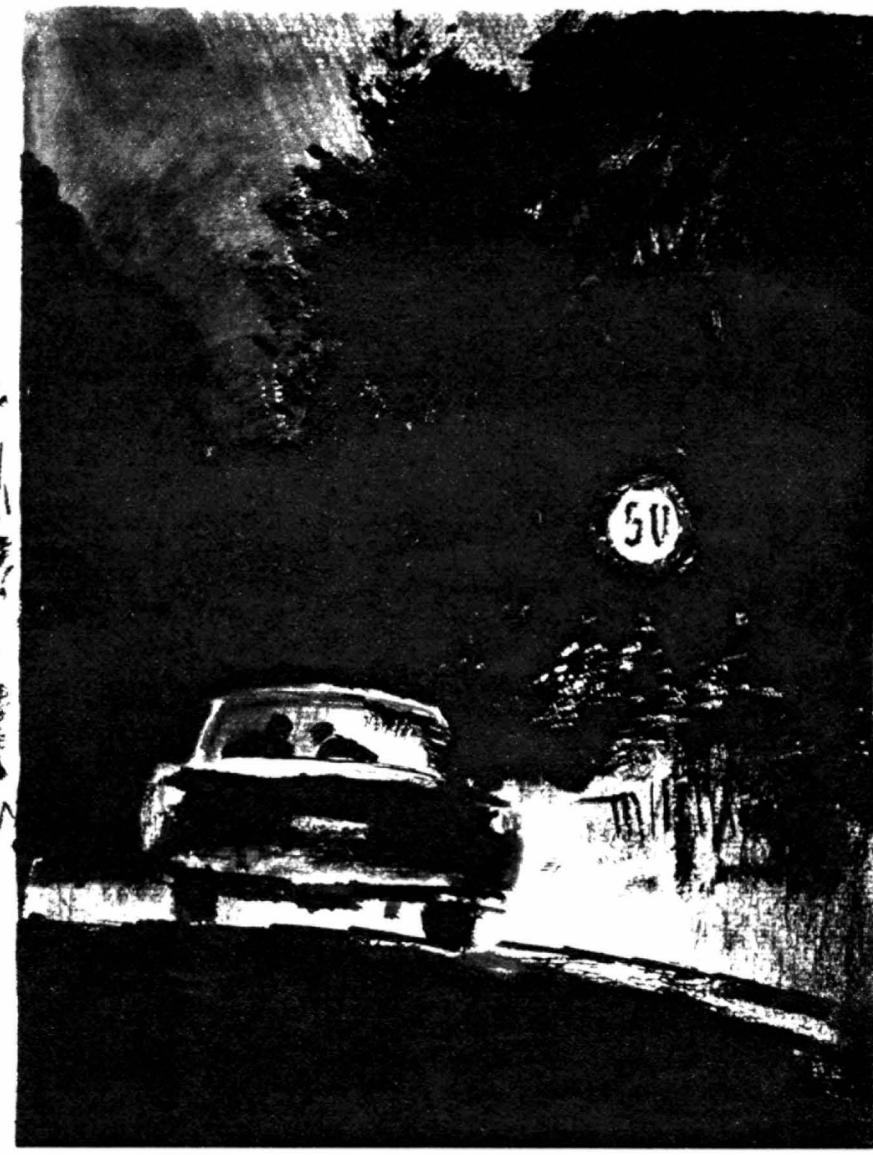
На работе она пробыла недолго и ушла, предупредив, что, возможно, сегодня не вернется. Позвонила из автомата, посидела в кафе и, взглянув на часы, отправилась в парк на встречу с «надежным клиентом» — дамой, развившей бурную куплю-продажу перед отъездом на землю обетованную. Вместе с Лизой ее задержали в парке с поличным — незаконная валютная сделка. На первом же допросе «надежный клиент» показал: «Директор ювелирного магазина Лиза Королева, зная о моем предстоящем отъезде за рубеж, предложила купить четыреста долларов. Я обрадовалась и согласилась, пообещав: «О цене договоримся».

Лизе теперь ничего не оставалось, как признаться в том, что приехавший из Москвы ее давний друг попросил выполнить, как он выразился, «деликатную операцию» — реализовать четыреста долларов. «Откуда они у него — я не знаю».

...Незадолго до описанных событий в аэропорту на Колыме был задержан водитель с золотого прииска Николай Манухин. В потайных карманах самодельного расшитого бисером широкого пояса оказался килограмм промышленного золота.

На следствии Манухин показал, что золото

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—16.



он скупал у людей, работавших на съемке драгоценного металла с промывочных машин и аппаратов. Последнее звено «золотой» цепи находилось в руках некоего Александра Германовича Ружинского, с которым Николай познакомился в местном ресторане. Тот отрекомендовался москвичом, агентом по сбыту и снабжению организации, с которой, как выяснилось позже, он давно порвал, сохранив, однако, соответствующий документ.

Александр Германович поставил дело на широкую ногу. Субсидировал не только скупку золота, но и доставку его в Москву.

Высокий, спортивно сложенный, с хитрыми белесыми глазами, чаще всего спрятанными за модными дымчатыми очками, Ружинский по натуре и образу жизни — ловкий делец, авантюрист. Была в нем какая-то противоречивость. С одной стороны, это человек осторожный, боязливый, которому казалось, будто всюду его кто-то подстерегает, и порой он сам себя хватал за руку: «Опасно! Не суйся!» Но была в то же время какая-то неодолимая сила, увлекавшая его в омут всевозможных авантюр. Уж больно притягивала сладкая, легкая жизнь. «Артист» — кличка Ружинского — любил пофилософствовать о смысле бытия. И среди немногих жизненных правил было такое: «Не люблю любознательных: сам не сую нос в чужие дела и другим не советую».

Ружинский и Манухин встречались в Москве, на Курском вокзале, где и учинялся окончательный расчет. Предусматривался и запасной вариант на случай, если свидание на вокзале не состоится. В записной книжке Николая зашифрован адрес маленького городка на Украине, где жила любовница Ружинского. «Если не встретимся на Курском — лети к ней. Она все знает, примет, как дорогого гостя. Горилка будет, вареники будут, сало будет... И рассчитается сполна...» Позже станет известно, что любовница эта — одна из многих женщин, с которыми Ружинский, после того как его бросила жена, был связан не только постелью. Кто-то помогал сбывать золото, а кто-то знакомил с нужным человеком.

КАК ХЕЛЛЕР СТАЛ РУЖИНСКИМ

В одном из жарких подмосковных боев 1941 года рядовой Александр Хеллер, раненный в плечо, попал в плен. Фашисты бросили его в лагерь под Смоленском.

Ему повезло. Оказавшийся вместе с ним в бараке русский врач, тоже из военнопленных, быстро залечил рану.

А когда фашисты узнали, что он немец, москвич, работал радиотехником на заводе, его сразу же перевели в другой барак, где лучше кормили и даже давали по пачке сигарет на два дня. В начале ноября 1941 года начальник лагеря, обер-лейтенант Крюгер, торжественно объявил:

— Дни большевистской столицы сочтены. Еще одно усилие солдат фюрера — и она падет. Но чтобы ускорить падение и с меньшими потерями, нужны надежные помощники. Кто готов служить великой Германии и фюреру, запишитесь у меня.— И многозначительно добавил: — Не пожалеете.

Даже среди этого разношерстного сброда желающих служить фюреру нашлось немного. Тех, кто согласился, тут же развезли по разведывательным школам. Так Александр Хеллер очутился на окраине небольшого белорусского городка.

— Нам срочно нужны сведения из Москвы,— твердил, словно лаял, руководитель школы.— Какие и откуда подходят части, их вооружение, численность, места базирования полевых аэродромов, артиллерии, зоны сосредоточения войск, минные поля, их ограждения, проходы, настроение жителей Москвы... Для этого мы вас и готовим.

Абверовцы торопились. Обучение шло ускоренно. Агентов учили работе с радиопередатчиками и приемниками, шифрованию, тайнописи. Задание было сформулировано коротко и четко: внедряться в части Красной Армии или устраиваться на работу на оборонные предприятия. Учителя тут же подсказывали, как это сделать.

Неподалеку от Катыни, где расположился штаб абвергруппы, из наиболее отпетых головорезов готовили террористов. Их тоже нацеливали на Москву. За выполненные задания агентам сулили большие блага при будущем «новом порядке». Одному — кресло директора крупной московской электростанции, другому, уголовнику,— на выбор любую текстильную фабрику или магазин с товарами: владей, коли заслужил. Любителей сельской жизни прельщали большими наделами с батраками. Но все это после победы над большевиками. А пока надо точно и беспрекословно выполнять задания начальства, готовить себя к большой работе, чтобы приближать час победы фюрера.

Каждый агент давал письменное обязательство верно служить абверу. К нему прилагалась анкета с фотографией. Позднее к множеству заданий прибавилось еще одно, особо важное.

— У большевиков,— сказал шеф,— появилась ракетная пушка. Она применялась в боях под Оршей и в других местах. Если нападете на след,— шеф повысил голос,— можете больше ничем не заниматься! Нам нужны все подробности об этом дьявольском оружии русских: устройство, сколько имеется таких пушек, какие части вооружаются ими.

Речь шла о знаменитой «катюше», наводившей ужас на гитлеровцев. Фашистские военные разведчики тщательно и с пристрастием допрашивали военнопленных, пытаясь хотя бы по крупицам собрать кое-какие сведения о реактивных минометах. Но тщетно.

Казалось, предусмотрено все: и фиктивные документы, и легенды, и явки, и пароли, и крупные суммы денег для агентов. Однако при всем этом не учли, что в тяжелые для

столицы дни советские люди, как никогда, стали бдительными.

Наши контрразведчики добыли данные о готовящейся заброске абверовских агентов и обезвредили большинство из них. Но Хеллеру удалось скрыться.

После второго ранения он попал в советский госпиталь. Когда поправился, получил новые документы и направление в часть. Вероятно, он так и затерялся бы на полях сражений Великой Отечественной войны, если бы снова не оказался в плену. Там Хеллер нашел способ связаться с абверовцами и вторично прошел разведывательную подготовку. Его, якобы избитого на допросе, с соответствующей легендой водворили в лагерь для советских военнопленных. Шел февраль сорок пятого года.

Абвер реально оценивал обстановку. Война проиграна, крах неизбежен. И Хеллер получил задание: «Когда придут советские войска, вас вместе с другими русскими военнопленными отправят в Россию. Проверка предстоит серьезная, но вы обязаны выдержать. Затаитесь и ждите. Помните — час реванша рано или поздно наступит. И вы вновь понадобитесь. Мы вас тогда найдем».

...Не сложилась жизнь у Хеллера. Ни дома, ни семьи. Потянуло к вину. Одолела боязнь разоблачения. Покоя он не знал ни днем, ни ночью. Постепенно созрело решение: «Чтобы скрыть прошлое, надо приобрести документы на другую фамилию». Задуманное долго не удавалось осуществить, но все же нашлись нужные люди: за приличную сумму они «сделали» новый паспорт. Так Хеллер стал Александром Германовичем Ружинским.

ПРИВЕТ ОТ МАКСА ГЮНТЕРА

Комфортабельный автобус доставил большую группу иностранных туристов и коммерсантов из Москвы во Владимир. Гости с большим интересом всматривались в открывшуюся перед ними панораму древнего города-музея. Среди них находился и дон Кастильо.

Туристам была предложена обширная программа экскурсий: площадь Свободы, монумент в честь 850-летия города Владимира, историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, картинная галерея, церковь Покрова на Нерли — памятник архитектуры XII века — и многое другое. Гости изрядно устали и, вернувшись в гостиницу, тут же пообедали и разбрелись по номерам. Отдых! Завтра утром в Суздаль.

Но Кастильо было не до отдыха. Он приехал «работать» и время зря терять не станет. Испанец вышел из гостиницы, остановил такси, долго петлял по городу, где-то пересел в другую машину и на окраине, щедро рассчитавшись с шофером, юркнул в подъезд двухэтажного кирпичного дома. По едва освещенной лестнице поднялся на второй этаж и нашел нужную квартиру. Позвонил. Дверь открыл мужчина средних лет.

— Вы Ружинский? Александр Германозич?

— Да, Ружинский.

Хозяин недоумевал — человек ему незнаком. И, кажется, иностранец.

— Разрешите войти? — Не дожидаясь приглашения, испанец решительно переступил порог, бросив на ходу: — Вы один дома?

И, видимо, желая самолично убедиться в этом, прошел в комнату, заглянул в туалет, на кухню. Явно шокированный этой бесцеремонностью, хозяин продолжал стоять, растерянно разглядывал гостя. А потом сердито спросил:

— Быть может, соизволите объяснить, кто вы такой и что привело вас ко мне?

Кастильо улыбнулся и с нарочитым добродушием сказал:

— Не надо сердиться... Садитесь, у нас серьезный разговор.

Присев, Ружинский хмуро буркнул:

— Слушаю вас.

— Вам передает привет немец Макс Гюнтер.

Кастильо испытующе посмотрел, оценивая реакцию. Но на лице Ружинского появилось только хорошо отрепетированное недоумение.

— Гюнтер, немец?.. Не знаю такого.

— Не валяйте дурака, Александр Германович.— В голосе Кастильо уже угроза.— Не шутите с огнем. Вам он хорошо знаком. Или память изменила? Не рановато ли?

— Уверяю вас, извините, не знаю вашего имени...

— Мигуэль Кастильо.

— ...Я впервые слышу фамилию Гюнтер.

— Придется помочь. Макс Гюнтер — бывший сотрудник абвера. Точнее, один из руководителей абвергруппы.— И Кастильо назвал номер группы.— Вы служили под его началом.

Ружинский побагровел, вскочил, едва справляясь с дрожью в ногах.

— Это ложь, ложь! Я не знаю никакого Гюнтера и в абвере не служил! С чего вы взяли? — Дрожащими руками он вытащил из кармана пиджака папиросы, спички и закурил. Несколько раз затянулся и глухо проговорил: — Вы пришли шантажировать?

— Успокойтесь, Артист,— такая, кажется, кличка была у вас в абвере? — невозмутимо спросил Кастильо.

— Откуда вы знаете? — прохрипел Ружинский и, спохватившись, что, по существу, сейчас он выдал себя, стал вновь упрямо твердить: — Это ложь, шантаж! Я не служил у немцев! Я честно воевал, был ранен!

— Если, как вы говорите, честно воевали и у немцев не служили, то почему стали вдруг Ружинским? Ведь ваша действительная фамилия...— Не закончив фразу, Кастильо в упор уставился на Артиста, выдерживая паузу.— Может быть, назовете ее сами?

Ружинский молчал.

— Что же вы молчите? Будьте мужчиной! Вы русский немец Хеллер. Под этой фамилией призывались, служили в Красной Армии, сдались в плен, служили в абвере. А теперь вот Ружинский. Просто так фамилии не меняют.

Ружинский угрюмо взирал на испанца и почти шепотом спросил:

— Откуда вам все это известно?

— Из вашего досье по абверу, которое теперь у меня. Я в него время от времени заглядываю.— И, перейдя на доверительный тон, стал успокаивать хозяина дома: — Вы напрасно паникуете. Я вовсе не собираюсь доносить Комитету госбезопасности. Полагаю, что вы человек разумный и мы найдем общий язык. А если нет — пеняйте на себя.

Ружинский прошелся по комнате, сел.

— Что вам от меня надо?

— Вот это уже по-мужски, одобряю.

Кастильо похлопал Ружинского по плечу, голос стал прямо-таки медовым.

— Я из ЦРУ. Фирма в рекомендации не нуждается. Абверовская агентура давно работает на нас. И ваш бывший шеф Макс Гюнтер тоже. Кстати, он лестно отзывался о вас.

— Я хочу знать,— уже спокойно спросил Ружинский,— как вы меня нашли, не зная нынешней фамилии?

— Отвечу. Это было нелегко. Помогли люди. В досье осталась ваша фотография. Опять же примета — ранение в палец.

— Что вы от меня хотите, господин Кастильо?

— Работы и только работы.

— Что я должен делать?

— То, что вы делали в абвере. Добывать информацию. Впрочем, вас, старого разведчика абвера, учить не нужно... Не хуже меня знаете, что именно интересует в Советском Союзе разведку. Пригодится любая информация. Однако должен предупредить, что вознаграждение будете получать в зависимости от ценности вашей информации.

Из внутреннего кармана пиджака Кастильо вынул пачку денег и сунул их Ружинскому.

— Это аванс.

У хозяина заблестели глаза, и Кастильо подумал: «Такой мать родную продаст. Макс Гюнтер был прав, рекомендуя Артиста».

Ружинский с явным удовольствием сунул деньги в карман.

— Для порядка прошу расписку. Как говорят русские — деньги любят счет, а я отчитываюсь перед шефом.

— Расписку? Это можно,— согласился Ружинский. Написал расписку, поставил подпись и даже дату.

— Вот и прекрасно. Будем считать, что главная часть дела сделана. Остались детали...— И Кастильо извлек из портфеля небольшой сверток. В нем находились миниатюрный фотоаппарат и кассеты к нему с запасом пленок.

— Вы, надеюсь, не разучились обращаться с этим?

Артист повертел аппарат в руках и ответил:

— В принципе да. Но этот необычен. Покажите, как пользоваться, заряжать.

Продемонстрировав несложную технику в действии, Кастильо счел нужным предупредить:

— Думаю, излишне напоминать о максимальной осторожности. Не хуже меня знаете, чем кончается провал агента в Советском Союзе. Но если вдруг... Уличающие вас доказательства уничтожить, а при задержании и допросе все начисто отрицать. Меня вы не знаете, я вас тоже... Ясно?

— Ясно, господин Кастильо. Но я хотел бы знать более существенное: как будем поддерживать связь?

— Запишите адрес... Жаклин Жаньен, улица Ваграм, 75018, Париж, 65, Франция. Лучше, если запомните, а записку уничтожите... Собрав достаточную информацию, отошлите по этому адресу письмо с таким текстом: «Милая Жаклин, я очень доволен поездкой, полон прекрасных впечатлений. Хочется, чтобы ты была здесь, рядом со мной. Скучаю, целую, твой Жаньен». Вместо обратного адреса укажите: «Проездом». Письмо опустите в любой московский почтовый ящик. Слева — не забудьте, именно слева — проставите дату отправления. Любую. Это будет означать, что пишете не по принуждению. В противном случае дату проставите справа. Значит, с вами что-то приключилось... Получив ваше сообщение, мы пришлем вам письмо с тайнописным текстом. Его тоже отправят из Москвы. Видимый текст будет чисто бытовым, а между строк после проявления обнаружите указания, как действовать дальше. Потом перейдем на бесконтактную связь через тайники. Об этом дадим вам знать. А теперь получите средства тайнописи и проявления.

Кастильо передал Ружинскому небольшую коробочку и пояснил:

— На дне ее инструкция. Дело нехитрое. Спрячьте подальше.

— Не беспокойтесь, я живу один.

— Мне известно,— продолжал Кастильо, придав голосу строгость,— что вы занимаетесь валютным бизнесом. Это опасно, особенно в вашей стране. Легко очутиться за решеткой. Кончайте с этим, порвите все связи с валютчиками.

Ружинский удивился: неужели и это известно новым хозяевам?

— Видимо, фирма не зря деньги платит, господин Кастильо... Такая осведомленность...

— Мы знаем о вас больше, чем вы предполагаете.— Испанец недобро усмехнулся и спросил: — Как у вас с работой? Поговорим о возможностях сбора информации.

— Я скромный советский служащий. Снабженец фабрики местной промышленности. Участвую в художественной самодеятельности: солист ансамбля, пою, и, кажется, неплохо. Играю на разных инструментах. С самодеятельностью разъезжаем по предприятиям Владимира и других городов области... Пользуемся успехом. Иногда выступаю с сольными концертами. Бывают и шефские концерты в воинских клубах.

— О, это же прекрасно! — перебил Кастильо.— Отличная возможность собирать интересующую нас информацию. Только не вздумайте дурить. С нами шутки плохи. Отыщем! Нашел же вас, когда понадобились.

— Вы зря повышаете голос и угрожаете мне. Я и так навеки связан с вами.

— Вот и хорошо. Люблю умных, деловых людей, понимающих тебя с полуслова. А теперь удаляюсь. Желаю успеха.

...Через час Кастильо примкнул к своей группе туристов. Ему показалось, что отлучка осталась незамеченной.

Утром иностранные гости выехали в Суздаль, и тут уже Кастильо вел себя как добропорядочный турист, жадно внимающий тому, что рассказывает опытный экскурсовод...

Тем временем Бутов уже докладывал Клементьеву о встрече Кастильо с Ружинским. Есть еще много вопросительных знаков. Не агент ли этот Артист? А если да, то где и когда его завербовали?

— Скорее всего, во время войны,— высказал предположение генерал Клементьев и распорядился собрать как можно больше сведений о Ружинском, тщательнее разобраться в его прошлом.

Продолжение следует.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

Конец Сократа

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

КАТЯ И МИГИ

— Катя, это ты? Бог мой, наконец-то я слышу твой голос! Здравствуй, Катюша! Это я, Мигуэль. Да, да, тот самый Миги, которого ты учила кататься на коньках. Вспомнила? То есть как это где? В Москве, в гостинице...

Катя! Это его юность, романтическая страница жизни.

Они подружились в ту незабываемую пору, когда советские люди с тревогой следили за сводками боев под Мадридом и Валенсией, когда Мигуэля в числе других испанских детей приютил Советский Союз. Над интернатом, в котором он жил и учился, шефствовала соседняя школа, где старшей пионервожатой была живая, круглолицая курносенькая девчушка с длинной толстой косой цвета пшеничной соломы. Шефы часто бывали в интернате на концертах художественной самодеятельности. Мигуэль с Катей не раз исполняли дуэтом советские и испанские песни.

Сперва это была просто дружба. Потом пошли якобы случайные встречи вне интерната, потом Катя учила испанского мальчика кататься на коньках, а затем начались дальние загородные прогулки. Молча шагали, молча же останавливались и подолгу не отрывали глаз друг от друга. Тайное скоро стало явным. В один прекрасный день Мигуэль был приглашен в дом, и родители Кати радушно приняли сына далекой Испании. Миги стал приходить сюда запросто, без особых приглашений, и он не мог не почувствовать, что хозяйка дома, Нина Петровна, рада ему.

...Июнь 41-го они пережили так же, как миллионы их сверстников и сверстниц. Оба твердо решили, что вместе отправятся на фронт, завтра же пойдут в военкомат. Мигуэль сказал, что ему, прихрамывающему, на войне дело найдется. Но в условленный час Миги позвонил и сообщил, что он приболел. Катя пошла в военкомат одна. Таких, как она, здесь было уже много. Старший политрук сказал ей то же, что и другим: «Не спешите. Придет ваш черед, тогда и позовем». Из военкомата она помчалась в интернат навестить больного и была несколько удивлена, узнав, что ее друг поехал на какой-то завод оформляться учеником токаря. Катя пожала плечами. «Почему он так? Ведь договорились... Никто за язык не тянул». Но тогда было не до раздумий.

Война разлучила их. Мигуэль пошел на завод, и осенью 41-го его цех, выполнявший заказы фронта, эвакуировался в Сибирь. Две недели перед этим они не виделись. Мигуэль дневал и ночевал в цехе, а Катя дежурила в штабе МПВО. В полночь заводской эшелон должен был отправиться с Ярославского вокзала, и Мигуэль буквально за два часа до отъезда забежал проститься, но застал только заплаканную Нину Петровну. Муж и сын ушли на фронт с дивизией народного ополчения, а что касается Кати, то она ничего вразумительного сообщить не может.

— Катя сказала, что уезжает из Москвы на какие-то курсы.

— Что за курсы? По какому адресу я могу писать ей?

Мать тяжело вздохнула.

— Не знаю, Миги, ничего не знаю. Война... Все вверх дном пошло.

Нина Петровна по-матерински обняла Миги. Когда он уже был в дверях, вдруг спохватилась, посетовала на дырявую голову и протянула записку.

— Это тебе. Просила передать.

Записка была короткой. Полная порывов девичьей души, тревог, надежд и... недоумения: «Меня не разыскивай — не найдешь. Буду работать для фронта. До встречи, Миги. Верю, надеюсь». И уже после подписи: «Хочу спросить тебя о том, о чем раньше не решалась спрашивать. Почему не пошел со мной в военкомат? Сказал, что болен. Я приходила навестить тебя и не застала. Удивлена».

Они встретились через два месяца после Победы.

...Военная форма очень шла Кате. На гимнастерке пестрели две планки орденов и медалей. Катя встретила его радостно, и оба они долго не могли произнести что-нибудь членораздельное.

— Катюша!

— Миги!

— Я все эти годы, Катенька, хранил твою записку, ту, что ты написала перед уходом на фронт. Читал, перечитывал: «Верю, надеюсь». Я тоже верил и тоже надеялся.

Катя сникла. Тень пробежала по ее сияющему лицу. Записка... Последние слова в ней... О них Миги сейчас не вспомнил. Хотела спросить про военкомат, но удержалась. Зачем? Все в прошлом. Кроме того, нельзя забывать, что Миги — испанец. И к тому же он прихрамывает. Почему же он должен был броситься в военное пекло? Нет, она не смеет осуждать тогдашнего Миги, хотя бы даже и растерявшегося на тревожных житейских перепутьях.

— О чем задумалась? У меня такое ощущение, будто тебя здесь нет. Где ты? Ау, Катенька!

Она встрепенулась, вспомнила боевого друга Педро, тоже испанца, разведчика, действовавшего вместе с русскими партизанами. Его выдал провокатор, и испанца повесили на центральной площади белорусского села. Неделю спустя партизаны — Катя была среди них — разгромили в том селе фашистский гарнизон. Они мстили за друга, за Педро. Он-то пошел в военкомат. А Миги? И все же попрекать не стала. В конце концов Миги тоже воевал. По-своему. Делал танки. И почему надо думать, что он не захотел пойти в военкомат? Может, их, испанских ребят, мобилизовали на завод. Спросить? Нет, она не станет оскорблять недоверием. Да и к чему отравлять радость долгожданной Победы...

Шли месяцы — и вдруг точно гром среди ясного неба. Поначалу Мигуэль не смог даже определить своего отношения к предстоящему возвращению на родину, в Испанию: радоваться или огорчаться? Так привык к Москве. И самое главное — Катя. Миги долго не решался сообщить ей новость. Она восприняла ее тяжелее, чем он предполагал. Хотя слез, упреков, просьб не было. Но от этого становилось еще горше. Они долго молча шагали по аллеям Сокольнического парка, и только когда прощались, Катя тихо спросила:

— Иначе нельзя?

Миги не ответил. Он сам не знал этого. Ничего не смог ответить и на другой вопрос, уже на вокзале:

— Мы больше не увидимся? Никогда?

Потом были письма Миги без обратного адреса. Катя объясняла все это знакомой ей конспирацией.

И вот встреча спустя десятилетия. Услышав по телефону голос Мигуэля, Екатерина Павловна поначалу растерялась и потому бессвязно что-то лепетала. Однако через минуту-другую пришла в себя.

— Миги! Где же ты? Я очень хочу тебя видеть!

Он предложил встретиться в гостинице. На какое-то мгновение Катя задумалась, а затем решительно отказалась, сказав, что хочет познакомить его с мужем, сыном, что он будет их дорогим гостем. Мигуэль понял: Катя не хочет оставаться с ним наедине, ворошить давно перевернутые страницы жизни. А ему, Миги, обязательно надо ее повидать, причем повелевали не только чувства...

Гостя принимали на подмосковной даче с истинно русским радушием. По просьбе хозяйки Мигуэль приехал несколько раньше других гостей.

— Мы хоть с тобой немного побеседуем о жизни. А то при гостях... Сам понимаешь!

Беседовали втроем. У Екатерины Павловны от мужа секретов нет. Фронтовой друг, разведчик-подрывник. Потом вместе учились в институте, вместе ездили с экспедицией на Дальний Восток, туда, где через несколько лет начнется строительство БАМа — дороги, о которой узнает мир. Теперь Василий Евгеньевич Ковров — доцент, весь в науке. Человек компанейский, приветливый, а манера говорить мягко, чуть насмешливо сразу располагала к нему собеседника. Хозяин дома все знает о прошлом Кати и Мигуэля, и, едва испанец переступил порог, он шутливо разыграл сцену оскорбленного супруга: бросил к ногам гостя перчатку, объявив, что дону Мигуэлю предоставлено право выбора оружия — шпаги или пистолеты, но драться сейчас же, немедленно. Мигуэль в том же тоне воскликнул: «Шпаги!» — отвесил церемонный поклон, подбоченясь, топнул ногой, широко отвел правую руку и пробасил:

— К вашим услугам, сеньор!

Так они познакомились. Столь же весело и непринужденно пошла беседа за журнальным столиком, стоявшим в углу, где висели картины. Екатерина Павловна рассказывала о своей послевоенной жизни, о муже, о сыне Косте, одержимом живописью, который, однако, считает, что самое необходимое для человечества — это мосты, которые он строит.

— Ты его увидишь сегодня, семейная гордость. Это все его работы.— И она кивнула в сторону картин.

— Он художник? — оживился Миги.— Мне будет интересно познакомиться с ним.

— Ты, кажется, никогда не увлекался живописью?

— Но у меня много друзей в этом мире. И представь себе, уже здесь, в Москве, я познакомился с художником, работающим в очень своеобразной манере...

— Своеобразие манеры — это весьма похвально,— с улыбкой заметил Василий Евгеньевич.— Важно только, чтобы мы, смертные неучи, могли уразуметь, что сей мастер желает сказать людям.

Поняв, но не приняв шпильку, Мигуэль продолжал допытываться:

— Ваш сын тоже мастер, профессионал?

— Да, мастер, только в другой области. Мосты строит.

— Инженер?

— Еще нет. Просто большой мастер своего дела. Был с нами в экспедиции, подружился с ребятами железнодорожной стройки. Вот и стал мостостроителем. Курсы окончил. Теперь академик в своем деле. Спасибо тому, кто вовремя талант обнаружил.

— О, обнаружить талант в его колыбели — великое дело,— напыщенно произнес Мигуэль.

— Ты прав, Миги. Помнишь, как я тебя уверяла, что буду хирургом? А стала геологом. Спасибо маме, убедила. Хирургия и впрямь не

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—17.

для меня. И еще наш учитель географии предрекал: «Ты будешь искателем подземных кладов, Катя». Говорил так, что не понять, в шутку или всерьез.

Миги интересовал круг друзей Кати из мира художников. И он умело повернул разговор:

— Мостостроение не мешает Косте заниматься живописью?

— Нет. Живопись — это его хобби.

— Однако у него, вероятно, есть учителя?

— У него много друзей-художников.

Катя назвала несколько фамилий. Но Миги они не заинтересовали, ему нужны другие, из тех, кто «анти». И гость с трудом скрыл разочарование. А Катя с вечным родительским умилением продолжала рассказывать о сынуле, который отказался от путевки в Сочи и проводит отпуск дома с родителями, друзьями. Она, вероятно, долго бы говорила на излюбленную тему, если бы муж не остановил:

— Катенька, ты не считаешь, что пора и гостю позволить рассказать о себе?

— Нет-нет, что вы! — запротестовал Мигуэль.— Мне все это очень интересно. А о себе... Ну, что тебе, Катя, сказать?

Он задумался, наморщил лоб и повел неторопливый рассказ. Хозяева не могли не заметить, что гость, доселе удивительно гладкоречивый, теперь говорил нехотя, туманно и сбивчиво. Трудно было понять, кто его вызвал из Советского Союза. Намекал на какие-то связи, какие-то секретные задания отца, якобы нелегально жившего в горах Астурии, о поручениях некоего человека из Марселя, чье имя по понятным причинам называть нельзя.

— Ты член коммунистической партии? — спросила Катя.

— Формально нет,— ответил испанец. И поспешил добавить: — Наверху считают, что так нужно...

Супруги Ковровы, хорошо знакомые с законами конспирации, незаметно переглянулись и не настаивали на продолжении разговора о прошлом. А что касается настоящего... Миги протянул свою визитную карточку, из которой явствовало, что дон Мигуэль Кастильо — коммерсант, представляет какую-то латиноамериканскую фирму.

— По каким делам к нам пожаловали? — поинтересовался Ковров.

— Веду торговые переговоры с москвичами. Отличные партнеры. Через несколько дней подпишем взаимовыгодный контракт.

— Бог ты мой, если бы тогда, в сорок пятом, мне кто-нибудь сказал, что Миги приедет в Москву заключать торговые контракты! Чудеса, да и только.

— Да, чудеса, Катенька...— Испанец поспешил перевести беседу в другое русло.— А это разве не чудеса?.. Разве тогда, в сорок пятом, ты могла думать, что гостями Запада будет столько советских людей, ученых, артистов, спортсменов, инженеров, студентов, коммерсантов, членов всяких делегаций, участников различных симпозиумов.

— Это же прекрасно, Миги. Значит, над нами светлеет небо, значит, торжествуют идеи разрядки и мирного сосуществования.

— Обожаемая Катенька! Мне тоже хочется быть оптимистом. Но, увы, еще не все тучи рассеялись. Прогрессивные люди Запада, среди них есть и коммунисты, обеспокоены, встревожены, недоумевают...

— А что, собственно, беспокоит их, по какому поводу недоумевают?

Это спросил Василий Евгеньевич, уловивший, с какого голоса поется песня. Миги поначалу высказывался осторожно, обтекаемыми фразами, кстати и некстати напоминая, что не очень глубоко разбирается в политических диалогах. Но когда зашла речь о молодежи и Кастильо, рассыпаясь в комплиментах по ее адресу, заявил, что она очень симпатична людям Запада, что она смотрит дальше старшего поколения, смело и дерзко восстает против догматических нравоучений старших, Василий Евгеньевич не преминул заметить:

— О, вы, оказывается, не так уж чтобы совсем не разбираетесь в политике.

— Я же учился в Москве. И все, что касается советской молодежи, мне близко.

— Да-да, конечно. Незабываемая пора юности. Я тоже самым решительным образом выступаю против навязчивых назиданий старших, далеко не всегда способных проникнуть в тайники юношеской души. А иной эти назидания: «Ах, молодежь нынче не та!» — выдает за образец коммунистического воспитания. Что делать! Юных влечет мир таинственных и порой далеко не безобидных дел. А им говорят: «Не смейте... Это разложение... Мы так не жили». И начинают ругать длинные волосы. Я толкую таким: судите не по прическе, а по тому, что под волосами, что в черепной коробке имеется. Ведь в этой коробке смелые и часто вполне зрелые идеи, как новую жизнь строить. Любого антикоммуниста, антисоветчика на обе лопатки положат. А мы к молодым с недоверием: ах, длинные волосы, ах, эти джинсы с заплатами, ах, дискотека, поп-музыка! Вот такой молодой человек, образованный и притом, подчеркну, идейно убежденный, нет-нет да и спросит: а не надо ли по-новому браться за решение той или иной проблемы? Признаем же и за длинноволосыми право ломать собственную голову и от нас того требовать... А вот и наследник пожаловал.

Пришел Костя с товарищами, и за столом стало шумно, весело. Вспыхнули споры о работах художников, представленных на выставке. Некоторые из упомянутых имен вызвали особый интерес испанца. Прислушиваясь к спорам, Кастильо вспоминал беседу с одним из руководителей штаб-квартиры, снарядившей его в московский вояж. «А не считаете ли вы,— сказал тот,— что есть верный способ подорвать советское общество? Взрывать нужно не заводы, а тех, кому надлежит руководить ими,— молодых технократов». И Кастильо тут же подумал про Костю и его друзей: «Попробуй взорви их!»

— О чем задумались, господин Кастильо? — поинтересовался Ковров. И, не дожидаясь ответа, объявил: — Дискуссионный клуб закрывается! Пора и перекусить...

— Да-да,— поддержала Катя,— а то пельмени и кулебяка остынут. Помнишь, Миги, как их для тебя готовила мама?

— Еще бы!

В разгар застолья появился поначалу никем не замеченный сосед по даче, профессор Поляков. Он по праву доброго соседа и друга, которому всегда рады, тихонько вошел через веранду и был ошеломлен, узрев за столом хромоногого. Поздоровавшись за руку с хозяевами и другими гостями, он намеренно отвесил испанцу почти оскорбительно вежливый поклон. Ему представили дона Кастильо, и Поляков с величайшим удивлением узнал, что его дружба с хозяйкой дома восходит к довоенным временам. Об этом было сказано лишь мельком, но обостренное чутье профессора помогло уловить суть. Был у него порыв рассказать все, что знал об отце и сыне Кастильо, но удержался. Не время и не место. Только процедил сквозь зубы:

— Мы, кажется, встречались за рубежом, господин Кастильо? И при весьма необычных обстоятельствах.

Уловив удивленный взгляд хозяйки дома, Миги понял, что отмалчиваться нельзя.

— Как говорят в России, мир тесен. Представь себе, Катенька, что сравнительно недавно мы с отцом имели честь обедать с профессором Поляковым. Он приезжал тогда на симпозиум и, как писали газеты, выступил с интересным докладом.

И, обращаясь уже к Полякову, Кастильо стал восторженно говорить об отце, не преминув упомянуть, что тот удостоен почетного знака участника Сопротивления. Побагровев от злости, Михаил Петрович сделал рукой такое движение, словно просил не затрагивать этого предмета, и дал понять, что не имеет желания поддерживать разговор на эту тему. Хозяева почувствовали себя неловко, понимая, что эти двое, неожиданно встретившиеся в их доме, многое недосказали. За столом воцарилось напряженное молчание. Воспользовавшись паузой, Костя с приятелями отправились в сад, а хозяин дома объявил:

— Друзья, у меня появилась прекрасная мысль, хотя, возможно, она только мне кажется такой. Не подняться ли из-за стола ради доброй порции кислорода? Не пойти ли прогуляться? Что скажете, дон Кастильо?

— Мысль действительно прекрасная, но мне, как говорят у вас, пора и честь знать. Вон, кажется, и машина пришла.

— А вы, дорогой соседушка?

— Благодарствую.— Профессор был бледен.— Рад бы, да дела ждут. Я ведь только на минуту заглянул...

Поляков резко поднялся из-за стола и на мгновение задержался около стоявшего у дверей испанца. Взгляды их встретились. Строгое лицо Михаила Петровича выражало презрение и боль.

Вслед за профессором стал прощаться с хозяевами и Мигуэль Кастильо.

— Благодарю за доставленное удовольствие, за чудесные пельмени, приятную беседу... Мы еще увидимся... Обязательно увидимся, Катенька...

КРАСНЫЙ «ОПЕЛЬ»

Выйдя за ограду, профессор присел на скамейку, растирая левую половину груди. Он не долго просидел так, дожидаясь, пока сердце выровняет ритм. Поднялся с места, сделал несколько ковыляющих шагов, уже собрался было не торопясь взбираться на косогор, к своей маленькой обители, когда вновь почувствовал острую боль. Он застонал и схватился за грудь. Стало трудно дышать и двигаться. Невмоготу даже вытащить из кармана нитроглицерин. Его качнуло, холодный пот покрыл лоб. Он едва удержался на ногах. Часто донимавшая в последнее время болезнь грозила одолеть его. «С чего бы это?» — спросил сам себя. И усмехнулся... Знал, с чего. Острая боль пронзила, как только увидел этого гаденыша на даче Ковровых. Потревоженная память вновь высветила и давние времена: маки, Аннет, провокатор и встречи, беседы последних дней. Аннет, Сергей... Зачем он так разоткровенничался с ним? Старческая болтливость или... Есть что-то располагающее в этом журналисте, товарище племянника. А племянник — единственный по-родственному близкий ему человек. Сын недавно умершего брата. И больше на всем свете некого назвать родственником. Он так и не женился. Сколько было девушек, женщин, атаковывавших профессора Полякова. Но ни одна из них не могла встать рядом с Аннет!

В сумбурные мысли сама собой вкралась тревога. Аннет, кажется, не оставит испанца в покое. И чем это для нее кончится? О себе не хочется думать. А надо, нельзя забывать тот страшный вечер за рубежом, на тихой, безлюдной улице вдали от отеля. Он отчетливо вспомнил, как все это было.

...Симпозиум микробиологов проходил в столице небольшого западноевропейского государства. Доклад профессора Полякова вызвал большой интерес. За его исследованиями на стыке биологии, химии и физики пристально следили крупнейшие ученые Запада, работавшие в том же направлении. Впрочем, не только ученые. Одна из его работ шла под грифом «секретно», и Полякова предупредили: «Будьте осторожны».

Симпозиум организовали так, чтобы не очень перегружать ученых. Поляков и его советские коллеги побывали в музее, один из вечеров провели в мюзик-холле, другой — в гостях у местного корифея микробиологии. Собралось много гостей, и было достаточно шумно. Рядом с Михаилом Петровичем сидела молодая, красивая женщина, выступавшая с докладом буквально вслед за ним. Мадлен, так она просила называть себя, вела исследования в той же области и сейчас рассыпалась в комплиментах. За иными угадывалось обычное женское кокетство, другие же больше походили на вопрос: «О, не обессудьте, женская любознательность». Ее интересовала не только наука, но и жизнь Москвы и самого профессора в Москве.

— У вас, конечно, есть хобби, есть много друзей?..

— Конечно. Я коллекционирую военные мемуары и все, что с ними связано.

— Вы были на войне?

— Да, но мне не повезло. Попал в плен. Правда, удалось бежать и связаться с французскими партизанами. Вместе с ними воевал в отряде маки.

Мадлен оживилась.

— Маки? О, это великолепно! Я должна познакомить вас с отцом своего большого друга. Вам будет очень интересно, он имеет почетный знак участника Сопротивления. Они оба, отец и сын, милые, добрые люди. Представляют какую-то латиноамериканскую фирму, поставляющую на европейский рынок химико-биологические препараты. Отец и сын приехали сюда, чтобы установить контакты с некоторыми научными лабораториями.

Гости поднялись из-за стола, а Мадлен, взяв Полякова под руку, увела его на веранду. Отсюда открывался чудесный вид на отлично ухоженный парк. Был жаркий июльский день, все кругом уже погружалось в сиреневые сумерки, и в дымке их терялась чарующая красота молоденьких березок. Профессор только угадывал их и мысленно уносился в родное Подмосковье, на свою дачу, на речку. Михаил Петрович устало, отсутствующим взглядом, осмотрелся кругом, забыв о симпозиуме, о Мадлен, об отце и сыне, поставляющих какие-то препараты. Но его спутница не замедлила дать о себе знать.

— Я не мешаю вам? Вы о чем-то задумались? — И она лукаво-укоряюще посмотрела на него загадочно сощуренными глазами.

Поляков не без смущения глянул в ее лицо и извинился.

— Березы всегда будят в памяти русского отчий дом. А я к тому же... Есть такой грех... Иногда балуюсь стихами. Вы не обиделись на не очень внимательного кавалера? Ну вот и прекрасно. Я вам говорил, что война сблизила меня с французами, и я хорошо запомнил слова моего друга-парижанина: «Яд обиженной женщины сильнее змеиного яда»...

Мадлен рассмеялась.

— Он прав, ваш друг, и хорошо, что вы помните эту французскую мудрость. Женщины Франции умеют любить и ненавидеть. Вы помните «Мадмуазель Фифи» Мопассана?

Разговор пошел на литературные темы. Ей нравился благодушно усмехающийся О'Генри, а Полякову — иронически улыбающийся Анатоль Франс. Но литературная беседа длилась недолго. Мадлен довольно резко прервала ее:

— Итак, я хотела бы уточнить: завтра мы обедаем в обществе моих друзей. Вчетвером. Вы не возражаете?

Он сразу не ответил, а она настойчиво продолжала:

— Поверьте, вам будет интересно.

Мадлен уже не щебетала и не кокетничала. Теперь с Поляковым вела разговор энергичная деловая женщина. И профессор, мгновенно уловив эту перемену в тоне Мадлен, заметил:

— Я не уполномочен вести какие бы то ни было переговоры...

— О, господин Поляков, к чему эти предупреждения? Никаких деловых разговоров. За столом встретятся товарищи по оружию.

— Почему же только вчетвером? А мои друзья, коллеги?

— Среди них тоже маки?

Поляков пожал плечами.

— Ну что же... Мне действительно приятно встретить товарища по оружию. Возможно, у нас найдутся общие знакомые. Кстати, у меня есть еще одно хобби. Я переписываюсь с боевыми друзьями по отряду маки. Собираю их письма, фотографии.

— Теперь ваша коллекция пополнится... Итак, до завтра. Мы вас будем ждать...

В условленный час Поляков спустился из номера в ресторан. Он сразу заметил столик в углу, где лицом к входу в зал сидела Мадлен, а два ее друга сосредоточенно посасывали соломки, торчавшие из больших бокалов. Мадлен курила сигарету, картинно отставив палец с большим перстнем. Профессор уже при первой встрече приметил это кольцо с аметистом, и эту ее манеру курить. Увидев профессора, француженка приветливо помахала ему. Поляков подошел к столику и вздрогнул. Лицо самого старшего из тех, кто сидел за столом — Мадлен отрекомендовала его как участника Сопротивления,— показалось ему удивительно похожим на лицо человека, которого он видел лишь несколько часов, но запомнил на всю жизнь. Так бывает. Годы не стерли в памяти образ испанца, который ночевал в их отряде маки, выдавая себя за бойца интербригады, сражавшейся под Мадридом. Утром он неожиданно исчез, а днем на партизан обрушился отряд гитлеровцев. Позже станет известно: их привел в лес испанец...

Профессор был ошеломлен: «Нет, вероятно, это ошибка, подвела зрительная память. А большое родимое пятно на лбу? А эти крупные черты лица? А эти большие глаза, сейчас настороженно поглядывающие на «соратника по былым сражениям»?» Может, Полякову показалось, однако он уловил в них искорки смятения. Но вспыхнув, они мгновенно погасли. И теперь господин Кастильо взирал на русского спокойно, даже чуть приветливо.

Поляков предложил выпить за встречу боевых друзей, за победу, за мир на земле. Но Кастильо — это был он — поспешил перевести разговор на другую тему. Ему кажется, что пора ученым установить более тесные, непосредственные контакты с деловыми людьми без оглядки на пограничные кордоны.

— Наука и коммерция не знают границ, господин Поляков, они раздвигают их. Мы могли бы предложить вам...

Поляков прервал его:

— Простите, но я не уполномочен вести переговоры и обсуждать предложения деловых людей. К тому же я полный профан в этой части. В моей стране есть прекрасные специалисты, умеющие должным образом оценить любые коммерческие предложения. Но не могу не заметить по поводу ваших соображений о границах, что среди деловых людей есть немало таких, которые щедро субсидируют господ, одержимых бредовыми идеями восстанавливать старые границы. Уроки прошлого им не пошли впрок. И я, человек, причастный к этим урокам, очень огорчен по сему поводу. А вы? Ведь вы тоже сражались...

Поляков резко повернулся в сторону Кастильо-старшего. Взгляды скрестились, и теперь в глазах испанца мелькали то снисходительная ирония, то ненависть, но он отлично владел собой, дон Кастильо, и подчеркнуто сдержанно сказал:

— Я не склонен увлекаться историей, господин Поляков, и предаваться воспоминаниям. Это мешает коммерции...

— Жаль. А я хотел бы обратиться к вашей памяти. Вам не приходилось бывать в отряде маки, действовавшем недалеко от швейцарской границы? Однажды его здорово потрепали немцы. Кто-то точно вывел их на лагерь. Вам не кажется, господин Кастильо, что наши военные пути-дороги перекрещивались где-то на французской земле?

— Возможно. Но, увы, годы... Склероз... Что делать?

— Прошу прощения,— вмешался Кастильо-младший,— но я должен напомнить отцу, что через минуту-другую его будет вызывать Венесуэла. Нас известили только сегодня утром.

— Да, да... Деловой человек не принадлежит самому себе.— И Кастильо-старший развел руками.— Я не имел возможности предупредить Мадлен, попросить перенести встречу. Тысячу извинений, господин Поляков. Но я рад буду снова увидеться с вами. Завтра или послезавтра... Мы кое-что вспомним. Хорошо?

Не дожидаясь ответа, отец и сын раскланялись и ушли.

Продолжение следует.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

Конец Сократа

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Больше они не встречались. Может, еще и потому, что на следующий день с Поляковым стряслась большая неприятность. Вечером он прогуливался перед сном по тихой и безлюдной узкой улочке, в стороне от шумного центра. Вдруг из боковой улицы на большой скорости вылетела машина и, сделав резкий поворот, чиркнула задним крылом по стене, да так близко от Полякова, что осколки кирпича засыпали лицо. Выручила реакция бывшего разведчика: он мгновенно отклонился назад, упал на асфальт и откатился в сторону. Если бы машину не занесло, она вдавила бы Полякова в стену, а так он чудом остался в живых, отделавшись легкой раной.

Позже, в больнице, когда полицейский расспрашивал русского профессора о деталях «досадного происшествия», смутно припомнилось, что красный «опель» в тот злополучный день два-три раза промелькнул у него перед глазами.

— Не смею утверждать, но мне показалось, что когда я вечером, по обыкновению, вышел на прогулку, красный «опель» стоял у гостиницы.

Полицейский досадливо поморщился, извинился и распрощался, заверив, что будут приняты все меры для розыска странной машины, за рулем которой, по-видимому, сидел пьяный.

...Сейчас Поляков с содроганием вспоминал эту «странную машину» и недавний разговор с Аннет. Это было в день ее отъезда: туристская группа отправлялась в поездку по стране, впереди Ленинград, Прибалтика, Киев, Одесса.

— Тебя ждет приятное путешествие. А ты почему-то такая грустная.

Поляков почувствовал это. Хотя на лице француженки блуждало подобие улыбки, всем своим видом она как бы говорила: «Ох, как мне невесело, Мишель!»

— Грустная? Пожалуй...

В тот час Аннет впервые призналась: «Мне так хотелось бы видеть тебя и завтра, и послезавтра, и через неделю, месяц, год...» Тогда они и условились, что через несколько месяцев она снова приедет. И, возможно, надолго. «Ты не возражаешь, Мишель?»

Он промолчал. Опустив голову, Аннет негромко сказала:

— Я не жду ответа. Но ты должен знать, если Аннет чего-то хочет добиться, она добьется. И встречи с тем, кто ей дорог, и уничтожения человека, которого она ненавидит.

Поляков молча благодарно обнял ее, поцеловал и тут же заговорил:

— О человеке, которого ненавидишь, перестань думать. Я прошу тебя. Я требую. Наконец, запрещаю по праву друга. Послушай, я ведь еще не все поведал, когда говорил, что случай свел меня с тем самым испанцем, будь он трижды проклят.

И подробно рассказал ей все. Во всех деталях. Включая красный «опель». Она была потрясена.

— Мишель, дорогой Мишель! Какое чудо спасло тебя? Боже милостивый! — И Аннет судорожно сжала его руку.— А машину так и не нашли?

— Глупенькая, наивная моя Аннет! Неужели ты не догадываешься, что розыски «странной машины» и не могли увенчаться успехом?

— И ты ничего не сказал полицейскому о Кастильо, о твоих подозрениях?

— Нет, ничего. Ни о подозрениях, ни об угрозе. В канун отъезда на улице ко мне подбежал мальчишка, сунул конверт, буркнул: «Это вам» — и скрылся. Там была напечатанная на машинке записка без подписи: «Забудьте навсегда о существовании Кастильо и о вашей ночной встрече с ним в отряде маки. Автомобили заносит на тротуар не только в этом городе... Запомните». Я ничего не рассказал полицейскому. К чему? Чтобы услышать сказанные с ухмылкой слова: «Господин Поляков, это нелепые подозрения»? Я не так уж наивен и о жизни на Западе кое-что знаю. Потому и говорю: «Не испытывай судьбу, помни о красном «опеле», о конторе на юге Франции. Угомонись. Ни к чему они, твои поиски».

Аннет снисходительно улыбалась, как добрая мама своему несмышленышу.

— Вот что сделали с тобой годы, Мишель. Ты стал чуть-чуть трусишкой.

— Неправда. Я просто реалистически оцениваю силы противника, законы твоего «свободного мира» и «свободу личности» в нем. Мне известно, что в Западной Германии кое-кто замышляет соорудить в Дахау памятник бывшему обер-штурмбанфюреру СС Пайнеру. Тебе, как и мне, это имя должно многое напомнить. Памятник Пайнеру! Какое кощунство! А что поделаешь? Ты не обижайся, но ведь твой «свободный мир» страшен. Чему улыбаешься?

— Вспомнила наш отряд... Ты говорил, что вынужден дать маки несколько уроков политграмоты. А они не хотели слушать тебя и предлагали распить еще бутылку вина за будущую победу. Теперь ты хочешь преподать эти уроки мне. Да?

— Возможно. Но сейчас речь идет об одном важном уроке жизни... Пойми это! Забудь, что еще жив тот, чьи руки обагрены кровью твоей матери, твоего Жюльена, твоих боевых друзей. Забудь! Умоляю... Еще раз говорю — не испытывай судьбу.

Аннет пристально посмотрела на взволнованного до боли Полякова и сказала тихо, как говорит ученица учителю:

— Хорошо, Мишель. Я больше не буду, но...

— Никаких «но»... И вообще я не хочу больше говорить о подонках. Все! Хватит! Для нас с тобой Кастильо, и отец и сын, не существуют.

Мог ли Мишель подумать тогда, что пройдет несколько дней и он лицом к лицу столкнется с Мигуэлем Кастильо в Подмосковье?

А режущая боль в сердце не оставляла. Кругом темнота, неясные шорохи. Только прямоугольники света из окон ковровской дачи причудливо золотили траву. От реки неровно тянуло холодком. До своей дачи Поляков добрался с трудом.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВЕДЬ

Сквозь густую завесу тумана по Ярославскому шоссе на предельно допустимой скорости мчалась машина. Шофер знал: если Бутов сказал «Надо быть на месте как можно быстрее»,— значит, действительно надо. Бутов зря гнать не будет. События требуют...

...Поздно вечером, когда полковник уже собирался уходить, позвонил помощник Клементьева: «Генерал просит заглянуть к нему». Виктор Павлович предупредил домашних, что немного задержится. Он и не предполагал, что задержится не на час, не на два, а на целые сутки...

Клементьев сидел за столом насупившись, хмурый. У него был неповторимый жест: когда генерал чем-то озабочен, встревожен, он пальцами левой руки энергично подпирал голову.

— Садитесь, Бутов, и записывайте. Впрочем, тут все сказано... Вот, почитайте... Сообщение милиции. Фигурирующий в деле Кастильо профессор Поляков скоропостижно скончался. О его смерти в милицию сообщили соседи, Ковровы... Вчера вы докладывали, что Кастильо был у них в гостях. Там же оказался и Поляков. Время смерти не установлено. Тело обнаружили три часа назад. Сидел за письменным столом, а на столе письмо в КГБ. Я просил милицию ничего не предпринимать до приезда наших товарищей. Вызвал судебных экспертов. Получил от прокурора разрешение на обыск. Если потребуется, конечно.

Бутов прибыл на место события с двумя своими сотрудниками.

Почти все, что он узнал из бесед с Ковровыми, читателям уже известно. Охи и ахи ошеломленных супругов Ковровых существенного отношения к делу не имеют. Они легко догадались, чем вызван интерес КГБ к личности господина Кастильо.

— Вам не показался несколько скоропалительным отъезд Кастильо?

— Пожалуй, да. Поначалу шло к тому, что застолье затянется допоздна.

— А чем, по-вашему, можно объяснить такую поспешность?

— Право, затрудняюсь ответить...

— И никаких догадок?

— Мне показалось, что после встречи с Поляковым испанец стал каким-то нервозным.

— Он уехал сразу? Как только вышел на улицу?

— Да. Мы проводили его до машины и условились, что он будет звонить.

Бутов попросил рассказать все, что известно им о Полякове. Рассказ был взволнованный, долгий, но мало чем дополнял то, что знал о профессоре Бутов.

...Письмо профессора Полякова в КГБ длинное и сумбурное. Последние две страницы и вовсе трудно разобрать. «Пишу это письмо в состоянии тяжком, при мучительных болях в сердце, но не могу отойти от стола, не закончив своей исповеди. Может, это окажется действеннее валидола и горчичников...»

Первые страницы Бутов просмотрел бегло — война, плен, каторжная работа на шахте в Лотарингии, побег, отряд маки, провокатор Кастильо, Аннет Бриссо, признание в любви. Прощание с отрядом, с Аннет. Возвращение.

...Все, кроме интимных лирических отступлений, Бутову уже известно. А дальше пошло такое, что потребовало очень внимательного чтения.

Поляков рассказал о поездке во Францию в составе делегации ветеранов войны, встречах с товарищами по оружию, о Франсуа Лембере, с которым когда-то ходил в разведку. Они весело провели вечер, когда Франсуа приезжал в Москву и был у профессора в гостях. «Мы пели русские и французские песни, вспоминали наши споры на политические темы с социалистом Лембером. И я напомнил, что Ленин тщательно изучал опыт Парижской коммуны и высоко ценил демократические и революционные традиции народа, давшего миру «Марсельезу» и «Интернационал», Жана Жореса и Марселя Кашена. Напомнил, как Поль Вайян-Кутюрье, Анри Барбюс и Ромен Роллан выступали в защиту Республики Советов, как родство наших культур осветили имена Льва Толстого и Бальзака, Тургенева и Гюго... Темпераментный Франсуа бурно аплодировал, в экстазе обнял и расцеловал меня: «Ты был великолепен, Мишель, когда разразился этим спичем! Я готов подписаться под каждым твоим словом».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—18.

Что привело Франсуа в Москву, я толком не понял — то ли обычный вояж со специализированной туристской группой, то ли какие-то коммерческие дела издательства. Я не допытывался. Скажете — непростительное легкомыслие? Возможно. Я и подумать не мог, что мои добрые чувства к Франции, к французскому народу, к французским товарищам по оружию кое-кто попытается использовать гнуснейшим образом.

Только позже, из письма нашего общего знакомого Анри Дюмье я узнал, что Лембер приезжал в качестве корреспондента газетенки правого толка, какой — не помню. И тут я начал мучительно вспоминать все наши достаточно непринужденные беседы. И стало не по себе. Ведь Лембер все сказанное мною о трудностях внедрения результатов научных исследований в производство, об огорчениях ученого, порою отвлекающегося на выполнение функций, не входящих в его прямые обязанности, мог препарировать на вкус своего хозяина. Я мысленно прикидывал, что он мог написать о нас. А потом подумал: не рано ли бью в набат? Что, собственно, произошло? Почему я должен приписывать Франсуа дурные человеческие качества? О своих подозрениях и опасениях я никуда не сообщил. Возможно, был не прав. Но хотелось верить людям. И в Лембере я, кажется, не ошибся. Не знаю, как он поведет себя дальше, но, когда Франсуа приехал к нам во второй раз, я услышал горькую исповедь... Он признался, что не хотел при первой встрече распространяться о своей профессии: «У нас так много пишут о русской супербдительности, что я решил отмолчаться. А сейчас не хочу тебя обманывать, Мишель, ты должен все узнать. Я рассказал шефу о нашей дружеской встрече, и он жестко предупредил меня: «Вы скоро снова поедете в Москву. Готовьтесь. Перед отъездом мы побеседуем с вами кое о чем».

Шеф потребовал от Франсуа любым способом заполучить у меня интервью о «преследовании» интеллектуалов в нашей стране. «Я хорошо знаю тебя,— сказал мне Лембер.— И знаю, что есть у меня только один способ получить такое интервью — наплевать себе в душу, продать свою совесть. Нет, старина, Франсуа на эту подлость не пойдет, хотя знает, что за такое правдолюбие его вышвырнут из газеты. А найти работу сейчас ой как тяжко!»

Я провожал Лембера, поехал с ним в Шереметьево. Он был грустен и еще раз затеял тот трудный разговор. «Ты веришь своему другу, Мишель?» «Верю»,— твердо ответил я. И еще он сказал: «До войны я помогал отцу, продавцу газет. Вероятно, придется вспомнить старое. Из редакции меня уволят».

Вскоре я получил от Анри глубоко огорчившее меня письмо. Франсуа действительно вышвырнули на улицу.

В последнем письме он писал, что вместе с отцом продает газеты, скоро пришлет еще одно письмо, в котором сообщит нечто важное. Но я не получил, не читал...»

На этом исповедь заканчивалась. В подписи «Поляков» буквы рвались вверх, как крик души.

...Занимался хмурый осенний день. В тумане две «Волги», Бутова и Коврова, неспешно пробивались к Москве. Из своей машины Бутов по телефону передал через дежурного генералу Клементьеву заключение экспертизы: смерть Полякова наступила в результате острого сердечного приступа.

«Волги» подъехали к трехэтажному домику старой постройки, затерявшемуся в глубине микрорайона с многоэтажными башнями. Ковров заметил: «Профессору предлагали квартиру в высотном доме на Котельнической набережной. Он отказался. Привык к своей, как он говорил, мансарде». К входной двери вела узкая асфальтовая дорожка, застланная шуршавшим ковром золотистых листьев.

Квартиру им открыла старушка. Узнав о смерти Полякова, она долго по-крестьянски причитала, пока не обрела способность разговаривать. Вопросов ей не задавали, но Бутов счел нужным сказать, кто он, что ему надобно, и попросил, если секретер закрыт, дать ему ключ.

В секретере царил идеальный порядок. Бутов без труда обнаружил стопку писем и, зная французский, стал искать то, которое интере-

совало больше других. Оно лежало отдельно. Красивый надорванный конверт из плотной бумаги с бледно-розовыми полосками по краям. Там, где обычно пишут обратный адрес, четко выведено: «Франсуа Лембер».

Бутов облегченно вздохнул. Ему, контрразведчику, очень хотелось верить предсмертному письму Полякова, помочь мертвому свидетельствовать перед живыми: «Люди, я не лгал вам». Эти мысли приходили сами собой, хотя Виктор Павлович понимал, что чекисту непозволительно отдавать себя во власть эмоций.

Да, письмо Франсуа Лембера подтвердило написанное Поляковым. Да, в нем есть и обещание в следующем письме сообщить нечто очень важное. Но придет ли следующее? И что, с чьих позиций считает он важным?

Бутов оставил старушке свой телефон и предупредил:

— Михаил Петрович ждал важное письмо из Франции. Если получите — немедленно позвоните мне.

О ЧЕМ ПИСАЛ ЛЕМБЕР!

Письмо пришло в тот же день, и старушка оказалась человеком обязательным: позвонила тотчас же по оставленному телефону. Она не знает, это ли или другое письмо ждет незнакомый ей человек, приходивший сюда. Пусть уж сам разбирается. И была безмерно удивлена, когда за письмом буквально через полчаса «прискакал» гонец.

...Такой же конверт. Знакомый почерк, знакомая фамилия отправителя — Франсуа Лембер. Вот только с почтовыми штемпелями неясно что-то. Бутов ищет штемпель того французского города, где письмо было опущено в почтовый ящик. Ищет и не находит. На конверте только московские штемпеля. Ясно: в Советский Союз попало с оказией и брошено в московский почтовый ящик. Вероятно, господин Лембер сообщал о вещах весьма, как он выразился, деликатных и хотел быть уверенным, что там, на Западе, его послание никто не прочтет. Так и оказалось. Писал: «Жду, пока в Москву полетит человек, который передаст тебе мое письмо или бросит в почтовый ящик».

Бутов одобрительно улыбнулся: «Молодец!» Лембер писал, что его вызвали в некое неизвестное ему учреждение без вывески и расспрашивали о поездке в Москву, о Полякове, о встрече с русским профессором. Франсуа отказался отвечать на вопросы человека, который отрекомендовался добрым другом, а держался, как следователь. «Мне показали фотографии,— сообщал Лембер,— на которых я снят вместе с тобой, Мишель. Помнишь, тот веселый вечер, когда мы пели французские и русские песни, фотографировались, обещали писать друг другу и, если удастся, навещать... Не знаю, получится ли теперь?.. Я не мог понять, как эти дорогие мне снимки попали в чужие да еще грязные руки. Я их бережно хранил. Вернувшись домой, бросился листать альбом. Фотографии лежали на месте. И тут вспомнил, что как-то раз ко мне в гости заявился Анри Роже. Он тоже участник Сопротивления и даже имеет какие-то награды. Я рассказывал ему о своей поездке в Москву, о встрече с тобой, показал фотографии. Роже сказал, что пишет книгу о Сопротивлении, о дружбе французов-маки с русскими, чехами, поляками, испанцами. И попросил разрешения переснять фотографии — «это будет чудесная иллюстрация к моей книге». Я дал их на два дня. Позднее в одном доме я случайно услышал разговор об Анри Роже. О нем говорили нелестно, намекали на сомнительные источники доходов, какие-то нечистые связи. Кто-то обронил: его племянник Луи Бидо поехал корреспондентом в Москву. Дядюшка и это использует... Очень ловкий человек. Теперь этот Роже навсегда вычеркнут из списка моих знакомых. Я не мог не отвергнуть домогательства тех, кто хотел купить совесть Лембера. Мне предложили приятную туристскую поездку в Россию с условием выполнить «пустяковые поручения» — это их слова. Я без труда догадался, о чем речь, и решительно отказался. Тогда стали запугивать: «Поговаривают, что вы, господин Лембер, клюнули на посулы русского ученого. Фотографии свидетельствуют против вас. Вас выгнали из газеты. Но это еще не все. Ждите продолжения, строптивый господин Лембер».

Бутов еще раз перечитал исповедь профессора, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Хотелось хоть так, сидя, вздремнуть на несколько минут, отключиться от всех треволнений минувших очень долгих суток. Но не пришлось. Позвонил Сухин.

ТУРИСТ ЗАГОВОРИЛ

Из клубка событий, который довелось распутывать Бутову, кажется, высунулись одна-две ниточки, за которые можно потянуть. Накануне наконец-то перестал играть в молчанку турист Петерсон. Он показал, что антисоветские листовки ему здесь, в Москве, вручил господин Кастильо. О предстоящей встрече с хромоногим, о задании, которое должен выполнить турист, его предупредили еще до начала путешествия. Он побывал в Италии, оттуда направился в Скандинавию, из Стокгольма в Москву. Все было расписано по дням и часам. На случай, если «стыковка» нарушится, предусматривались запасные варианты. Но они не потребовались. В назначенный день и час хромоногий испанец и молодой человек в ярко-зеленом плаще и бежевой кепке встретились у памятника Пушкину. Кастильо передал ему листовки, замаскированные под книгу.

Генерал Клементьев поинтересовался:

— Следователь не спрашивал туриста, почему тот сразу не назвал человека, вручившего листовки? Это было бы смягчающим обстоятельством.

— Спрашивал. Турист ответил: «Мне запретили называть этого человека».

— Кто запретил?

— Шеф. Взяли письменное обязательство — ни в коем случае не раскрывать контакт с Кастильо. Посулили большие деньги. В противном случае туристу и его семье придется плохо. Пять дней держался, потом все же признался...

Генерал усмехнулся.

— Этот турист хитрец... Пять дней... Ровно столько, сколько требовалось, пока Кастильо не улетит из Москвы... Все у них было рассчитано...

Генерал перечитал протокол допроса туриста и улыбнулся каким-то своим мыслям.

На следствии туриста спросили:

— Почему вы разбрасывали листовки, если даже не знали их содержания?

— Мне хорошо заплатили за работу, и я обязан был честно выполнить ее.

— Не кощунствуйте! О какой честности вы говорите? Знаете ли вы, что такое честь и совесть, коли продали их за деньги?

— Повторяю, я не читал листовок, я не знаю русского языка. Но мне сказали, что в них — призыв честных людей Запада встать на защиту прав человека, прав советских людей.

Генерал отложил протокол допроса.

— С туристом все ясно. А вот с Кастильо... Виктор Павлович, можно ли ожидать повторного визита испанца?

— По нашим данным, он скоро должен опять приехать, чтобы завершить переговоры с внешнеторговым объединением.

— Готовьтесь достойно встретить этого господина. Ему место в тюрьме. Представьте мне свои соображения.

ЗНАКОМАЯ ЛИЧНОСТЬ

Вечером в квартире Бутова раздался телефонный звонок. Виктор Павлович только что приехал домой и еще не успел снять плащ.

— Алло! Это вы, Виктор Павлович? — прохрипело в трубке.

— Да.

— Извините, что тревожу дома, здравствуйте.

— Рад слышать вас, Захар Романович. Как здоровье?

— О здоровье поговорим потом. Пришло письмо от нашего общего знакомого. Вы, конечно, догадываетесь, о ком говорю. Решил потревожить вас.

— Правильно сделали. Вы один дома?

— Да, один. Молодые к себе поехали.

— А что, если я через час-полтора приеду к вам? Не возражаете?

— Помилуйте, буду рад.

— Договорились.

...Бутов внимательно рассматривает письмо. Почтовые штемпеля только московские. Ничего не значащий текст. А в тайнописном тексте, когда проявили его, оказался перечень вопросов, на которые Захару Романовичу — Сократу — надлежит ответить. Перечень большой и все о деятельности научно-исследовательского института, в котором работает Рубин. Требовали назвать наиболее перспективные и важные с государственной и военной точек зрения разработки, кто их ведет и в какой они стадии. Дать характеристики этим людям, отметив их увлечения, наклонности, пороки. Сообщить, кому из них предстоят зарубежные командировки, когда, в какие страны и с какой целью. Добытые материалы надо по частям закладывать в тайник. Далее следовало точное описание его местонахождения, приметы, инструкция, как удобнее к нему подойти, как им пользоваться. Положив в тайник свое сообщение, Сократ должен позвонить по указанному в инструкции телефону, а услышав ответ, молча два раза подуть в трубку, после чего положить ее. Это условный знак — все в порядке, тайник можно очищать. Категорически напоминали о величайшей осторожности. Через этот же тайник Сократ в дальнейшем будет получать задания, инструкции и вознаграждение.

...Захар Романович умоляюще смотрит на Бутова.

— Что же мне делать?

— Будем вместе готовить информацию, точнее, дезинформацию,— с улыбкой ответил Бутов.— Само собой разумеется, никаких секретных данных. Только общеизвестные сведения. Материал подготовьте сами, но, прежде чем закладывать в тайник, покажите мне. Постарайтесь заранее ознакомиться с тайником, внимательно осмотрите подходы к нему. Мы тоже это сделаем. Первая закладка желательна дня через три. Времени хватит?

— Думаю, что для первой информации хватит,— неуверенно ответил Рубин.— Во всяком случае, постараюсь.

— Значит, договорились. Письмо заберу. Не возражаете?

— Да, да, конечно. Как вам будет угодно.

— Мне, вероятно, не надо предупреждать вас, что о письме, о намеченных нами действиях никому ни слова. Будьте здоровы. До скорой встречи. Звоните в любое время. И на службу и домой.

...Отправляясь на доклад к генералу, Бутов уже знал, кому принадлежит тот телефон, по которому должен звонить Сократ.

— Вот справка на этого человека.

— Оперативно сработали, Виктор Павлович.— И генерал углубился в чтение справки.

— Ах, вот это кто! — Он поднял глаза на Бутова.— Знакомая личность. Лоро, первый советник посольства. Давно он у нас на подозрении. На этот раз мы обязаны взять его с поличным у тайника. Подумайте, в какой момент и как это сделать, чтоб без осечки.

— Я уже продумал. Возьмем его после того, как Кастильо вторично прибудет в Москву и встретится с Ружинским.

— Когда его ждете?

— Недели через две. Кстати, Ружинский тоже получил письмо Кастильо. Спрашивает, когда приезжать.

— А как Ружинский?

— Теперь никаких сомнений — агент Кастильо. Не раз замечен в районе расположения воинских частей и важных оборонных объектов. Несколько раз фотографировал их. Каждое его действие документируется. Вместе с органами МВД мы разобрались в его валютных операциях. Есть все основания для ареста, МВД уже обезвредило ряд крупных валютчиков, в частности Манухина — партнера Ружинского и Шелвадзе. Я вам уже докладывал, Шелвадзе на следствии подробно рассказал об этих сделках. Ловко орудовали, ничего не скажешь,— поистине золотые руки... С милицией договорились — Ружинского арестуем мы... Когда сочтем нужным.

— А когда сочтете?

— Будем брать при его встрече с Кастильо в момент передачи информации. Тогда и испанца задержим.

— Что ж, добро! Только не прозевайте гостя. Он не лыком шит. Умен и ловок... Действуйте!

Продолжение следует.

Конец Сократа

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Рубин, несмотря на возраст и все свои хвори, оказался человеком крепким. Он составил в меру убедительную и насыщенную фактами информацию об институтских делах, так что и самому проницательному разведчику из филиала ЦРУ не найти в них какую-либо червоточину. И держал себя, направляясь к тайнику, достаточно, как говорил Бутов, аккуратно, зная, что кто-то из стана противника, вероятно, следит за ним. Судя по реакции на первые «закладки», зарубежные хозяева Сократа удовлетворены его работой. Бесконтактная связь стала регулярной, господин Лоро не заставлял себя долго ждать.

Человек военный, он был предельно точен в исполнении приказов начальства. Сразу же после телефонного сигнала мчался за город изымать донесение Сократа, чтобы в тот же день, зашифрованное, оно ушло в штаб-квартиру. Столь же оперативно господин Лоро сам закладывал в тайник задание штаб-квартиры. Операции эти он никому не перепоручал и, положив в тайник очередное письмо хозяев, тотчас же звонил Сократу из ближайшего автомата: «Говорят из книжного магазина... Заказанная вами монография получена». Рубину ясно: завтра надо ехать за город...

Подтверждая получение очередной рубинской информации, хозяева иногда просили кое-что уточнить, давали новое задание. Рубин нервничал, тяжело вздыхал, чесал затылок. «Бог ты мой, где это я добуду?» Но после встречи с Бутовым успокаивался. «Не расстраивайтесь, Захар Романович, что-нибудь сочиним...»

В последней весточке «с той стороны» сообщалось, что в ближайшее время, между 20 и 25 октября, Кастильо прибудет в Москву. Он не уверен, что сможет повидать Сократа, но позвонит ему, отрекомендуется сотрудником журнала «Природа» и спросит: «Готова ли заказанная вам статья?» Это означает: «Готово ли ваше очередное сообщение, которое вы должны положить в тайник?» Строго предупреждали, что ответ должен быть один: «Да, статья готова, можете посылать за ней». После телефонного звонка в ближайший же день в тайник обязательно должно быть заложено очередное сообщение Рубина. Кастильо хочет ознакомиться с ним в Москве и тогда, возможно, пожелает встретиться с Сократом, о чем и договорится по телефону. «Категорически настаиваем,— подчеркивалось в письме,— на точном выполнении этого нашего указания».

Такое указание несколько озадачило и Клементьева и Бутова. Что сие означает? Не допущена ли где-то промашка? Не подозревают ли Рубина, не оплошал ли он? Чем вызвана категоричность?

Письмо «с той стороны» лежит на столе Клементьева, и жирной красной чертой подчеркнуто: «Тогда, возможно, пожелает встретиться с Сократом...»

— Игра подходит к финалу, Виктор Павлович. Продумайте, как будем действовать с учетом вот этого послания.— И Клементьев указал на изъятое из тайника письмо.— Возможны всякие неожиданности... В любом случае сделайте все, чтобы успокоить Сократа. Судя по вашей информации, его весьма взволновало письмо, точнее, тональность. Объясните, что в любом случае ему ничто не грозит. Он может спокойно спать и выходить на тайник так же уверенно, как прежде. И еще скажите ему: мы постараемся сделать все, чтобы больше его не тревожить.

Последняя, заключительная акция... Контрразведчики разрабатывали ее тщательнейшим образом. У них были основания предполагать, что, прибыв в Москву, Кастильо не замедлит отправиться к Ружинскому. Артист подал сигнал: «Все для вас готово. Приезжайте». И как только хромоногий выедет во Владимир, вероятнее всего, с экскурсией для туристов, Рубин должен заложить очередное сообщение в тайник. Не позже и не раньше. Продуманы оба варианта — и раньше и позже.

Если господина Лоро задержат до отъезда Кастильо во Владимир, хромоногий в тот же день узнает о случившемся. И, вероятнее всего, не поедет во Владимир. И тогда рушится замысел поймать Кастильо с поличным в момент встречи с Ружинским, когда тот будет передавать испанцу подготовленные им шпионские данные. Если позже — Лоро узнает об аресте Кастильо и поймет, что дорога к тайнику «заминирована»...

Все эти тонкости не дают покоя Бутову. Мысленно он «проигрывает» разные варианты, придумывает за противника самые каверзные ходы. Пожалуй, все задуманное должно получиться, но в ушах звучит строгое генеральское предупреждение: «Смотрите же, Виктор Павлович, чтобы осечки не было...»

У Рубина уже все подготовлено — донесение составлено умно и ловко.

Нет, кажется, все идет отличнейшим образом. Вчера к Бутову поступило долгожданное сообщение: в Париж отправлена еще одна весточка Артиста — уточнял место и время встречи с хромоногим во Владимире. Теперь Виктор Павлович может уверенно сказать Рубину: «Ждать осталось считанные дни...»

КОНЕЦ ИГРЫ

Кастильо прилетел в Москву вечером. В Шереметьеве его встретил представитель внешнеторгового объединения — партнер по сделке, не завершенной в прошлый приезд. Уточнение кое-каких деталей Кастильо попросил перенести на следующую встречу. «Покидаю вас ненадолго. Я должен посоветоваться с шефом».

Испанец остановился там же, где и прежде, в гостинице Интуриста. Ужин с партнерами прошел в дружеской, непринужденной беседе. К делу по просьбе Кастильо решено приступить через день. А на следующее утро он с туристским автобусом отправился во Владимир.

Стоял погожий осенний день. Привольно раскинувшийся на живописных холмах древний город, краса и гордость России, как

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—19.

всегда, радушно встречает гостей. А сегодня к тому же суббота. Их тут в такой день бывает много, туристов, жаждущих ознакомиться с шедеврами русского зодчества, полюбоваться нетленной красотой памятников владимирской земли, и это вполне устраивало Кастильо. Как у заправского туриста, у него в одной руке фотокамера, в другой — изящный кейс-«дипломат». Отлично владея французским, испанец примкнул к группе парижан и вместе с ними рассматривал Золотые ворота, остатки древних земляных валов, знаменитый Успенский собор. Поглядев на часы, Кастильо незаметно отстал от парижан и неторопливо зашагал по немноголюдной, упрятанной в тень вековых деревьев парковой аллее, окутанной прозрачной дымкой. Навстречу шла старушка, предлагая купить букетик осенних астр.

Опасливо осмотрелся. Кажется, все спокойно, слежки нет. Кастильо направился к заветной скамейке, которую Ружинский до мельчайших подробностей описал и отметил на плане-схеме красным крестиком. Артист был уже на месте. Импозантный, в щеголеватом модном костюме, он сидел, вытянув свои длинные ноги, и бездумно поглядывал на молодой дуб с почти голыми ветвями. Рядом с ним лежал темно-коричневый кожаный «дипломат».

Бездумным он, конечно, показался бы только стороннему наблюдателю. Оснований для тревоги предостаточно: аллея хоть и безлюдна, но вот только что проследовала ватага веселых молодых людей, о чем-то азартно споривших. Один из них щелкал фотоаппаратом, и — может быть, Ружинскому только показалось — вон тот, долговязый, в темных модных очках, на мгновение задержал на нем взгляд. А главное: где же Кастильо? Прошло семь минут сверх условленного времени.

...Он шел неторопливо, чуть прихрамывая, и ослепительно улыбался. Как и полагается добропорядочному туристу, разглядывал деревья, прикидывая, сколько им лет. У векового дуба задержался, отошел в сторону, вновь осмотрелся: все в порядке. Ленивой походкой он подошел к скамейке, на которой сидел Ружинский. На краю ее лежал кем-то оставленный пучок багряных веточек клена, осины. Листва пущена испанцем в дело — неплохой веник. Кастильо тщательно почистил скамью и молча уселся рядом с Ружинским. Так они просидели несколько минут. Вроде бы незнакомые, гуляли, присели отдохнуть — эта сцена была разыграна превосходно.

Первым прервал молчание Кастильо. Не поворачивая головы, глухо буркнул:

— Принесли?

— Принес.— Поза Артиста все такая же непринужденная, только чуть-чуть дрожали руки, открывшие «дипломат». И вот уже положенный рядом с Кастильо небольшой сверток мгновенно исчез в кейсе испанца.

— Это все? — шепотом спросил Кастильо.

— Есть еще кое-что.

— Давайте же... Побыстрее,— нетерпеливо требовал испанец. Черные защитные очки скрывали хищное выражение его глаз.

Ружинский положил на скамейку полиэтиленовый мешок.

— Это пленки,— настороженно комментирует Артист.

Но едва Кастильо открыл «дипломат», чтобы сунуть туда пленки, как появились трое молодых людей и в упор защелкали фотокамерами.

Кастильо понял: чекисты! Лоб покрыла испарина. Слегка побледнев, он засуетился, пытаясь побыстрее закрыть «дипломат». Но, увидев, что пакет с пленками остался на скамейке, отставил «дипломат» в сторону. Ружинский и вовсе растерялся. Вскочил, сел, опять встал, беспомощно опустив руки.

Первым пришел в себя Кастильо.

— Кто вы такие? Что вам нужно? По какому праву...

— Вы, господин Кастильо, и вы, гражданин Ружинский, задержаны за совершенные преступления,— негромко, чеканя каждое слово, произнес установленную законом формулу Сухин, старший группы чекистов.— Вам придется последовать за нами...

— Вы не смеете... Я иностранец... Я не совершал никаких преступлений... Я буду жаловаться.— Он выпалил эти слова не переводя дыхания.

— Вам будет предоставлена такая возможность,— спокойно ответил Сухин. И перевел невозмутимый взгляд на Ружинского.— А вы что скажете, Артист?

Тот не кричал, не возмущался. Растерянный, сникший, он молча переминался с ноги на ногу и смотрел по сторонам, словно искал кого-то. Прошла тягостная минута. Ружинский, пересилив охвативший его страх, дрожащим голосом пролепетал:

— Я все расскажу, скрывать не буду. Да и глупо что-то скрывать в нашем положении.— И он посмотрел на Кастильо. У того в глазах — презрение и ярость.

— Идиот... Тебя же расстреляют!.. Ничтожество! А я-то думал...

— Да молчи ты! Когда игра проиграна, бесполезно...

— Вы правы, Ружинский. Жаль, что ваш сообщник еще не понял этого. Полагаю, со временем и до него дойдет.— И Сухин распорядился усадить задержанных в машины.

Ружинского и Кастильо разместили порознь. В машине же и понятые — два гражданина, оказавшиеся в парке, на аллее, где развертывались описанные нами события. В руках у Сухина оба «дипломата», разговор о содержимом впереди.

Из отделения милиции Сухин позвонил в Москву, Бутову.

— Шпионы задержаны с поличным. Провели личный обыск. Сейчас оформим протокол задержания. Как только проведем обыск на квартире Ружинского, обоих передадим следователю.

То, что на юридическом языке именуется оформлением протокола задержания и обыском,— процедуры тонкие, требующие точного установления неоспоримых улик.

...На столе лежат пакеты, переданные Ружинским Кастильо.

— Что в этих пакетах?

Ружинский отвечает, понурив голову:

— Сведения, которые я добывал по требованию этого господина...

— Ложь, выдумки,— рычит Кастильо.

— Не валяйте дурака, господин Кастильо. Мы пойманы с поличным. Вы уж как угодно, а я буду говорить все как было. Карта бита, надо расплачиваться.

— А что вам еще остается? — спокойно роняет Сухин.— Чистосердечное признание будет зачтено. Итак, что в этих пакетах?

— Я уже сказал — сведения...

— Вы уж, пожалуйста, называйте вещи своими именами,— перебил Сухин.— Не сведения, а шпионские материалы. Так?

— Так. Это что касается записей. Кроме того, я вручил Кастильо двенадцать экспонированных фотопленок. Они в другом пакете. Там засняты различные военные и промышленные объекты.

— Это бред сумасшедшего,— разыгрывая истерику, завопил Кастильо.— Еще раз напоминаю: я иностранец и буду жаловаться.

— Потрудитесь открыть свой кейс, господин Кастильо,— отчеканил Сухин.— Вот ваш «дипломат».

Кастильо резко отшвырнул его в сторону.

— Я вам не помощник.

В присутствии понятых кейс был открыт.

— Что в этих свертках?

Кастильо ничего не ответил.

— А вы что скажете, гражданин Ружинский?

— Я уже сказал... Все сказал... Ничего не утаил от вас...

Из кейса Кастильо, помимо шпионских материалов, извлекли солидную пачку денег в крупных купюрах.

— Кому предназначались эти деньги, господин Кастильо?

— Я не намерен отвечать на ваши наглые вопросы.

— Возможно, я смогу внести ясность,— подал голос Ружинский.

— Что ж, слушаем вас.

— Похоже на то, что деньги предназначались мне. Кастильо обещал щедро вознаградить...— Он говорил, опустив глаза, голос дрожал. Это не было раскаяние. Был расчет на снисхождение.

Процедура изъятия и осмотра вещественных доказательств шла неторопливо, с точнейшим соблюдением закона. В протокол занесли показания Ружинского, сумму изъятых денег, номера и номиналы всех купюр. Протокол подписали сотрудники КГБ и понятые. Безропотно расписался Ружинский, а Кастильо наотрез отказался, о чем следователь сделал надлежащую запись.

Кастильо отправили в Москву, Ружинского повезли домой. С санкции прокурора с участием понятых начался обыск. Он длился долго. Хозяин дома, человек предусмотрительный, так уж сложилась его жизнь, годами пребывал в «готовности № 1» к возможному аресту, обыску и тщательно прятал «концы». Но чекистам хорошо знакомы эти уловки.

Под одной из паркетин была найдена записная книжка. Ружинский не отпирался. Да, здесь записи, относящиеся к его работе на Кастильо. Дата получения солидного аванса в счет будущего расчета за шпионские сведения. А вот и они сами: сокращенные записи о некоторых военных объектах.

В чемодане с двойным дном лежали американские доллары и золотые монеты царской чеканки на солидную сумму. Там же давнишнее служебное удостоверение. О том, что оно принадлежит Ружинскому, можно судить по фотографии, а фамилия другая — Хеллер Александр. И трудовая книжка на ту же фамилию.

— Так как же вас теперь величать? — спросил следователь.

Это еще не допрос, а только уточнение данных протокола обыска. Но Хеллеру-Ружинскому не до норм уголовно-процессуального кодекса. Он уже все решил для себя и, не ожидая допроса, рассказывает о далеком прошлом, не утаивая связи с абвером. Слушая Ружинского, нетрудно было определить «стратегическое направление его боевых действий» после войны: «да сгинут тени минувшего». И это ему удалось. Хеллер стал Ружинским. Разработана была и «тактика». Поначалу цели были намечены скромные: пристроиться в негромкое учреждение, чтобы не маячить на виду, а уж потом выйти на «оперативный простор». А как делать деньги, как добраться до «сладкой жизни», он знал. Лучшее доказательство тому — вот эти «зеленькие» и золотые...

Ружинский и тут не вилял — признался, что давно спекулирует валютой, и в числе своих сообщников назвал Шелвадзе.

При обыске были найдены и фотопринадлежности для работы на Кастильо: фотоаппарат «минокс», кассеты к нему, аппаратура и химикаты для проявления фотопленок.

На письменном столе стояла фотография миловидной женщины средних лет.

— Кто это? — спросил Сухин.

— Моя жена, вернее, бывшая жена.

— Приятное лицо, русская красавица. Где она сейчас?

— Не знаю. Ушла несколько лет назад. Я пил, гулял. Опять же дела... Знаете, какие... Долго терпела, умоляла вернуться к нормальной жизни. Я обещал, какое-то время держался, снова срывался. Так без конца. И вот один-одинешенек. Ни жены, ни детей. А впереди — тюрьма.

И Ружинский расплакался. За каких-нибудь два часа он даже внешне изменился: ничего уже не осталось от холеного, надменного Артиста.

По уголовному делу вместе с Хеллером-Ружинским привлекли Кастильо, туриста Петерсона и Шелвадзе. Все они признали себя виновными в предъявленных обвинениях. Кастильо долгое время запирался, но не смог опровергнуть неопровержимое. Его уличили Ружинский, Шелвадзе, Петерсон, вещественные доказательства.

Правосудие свершилось, каждый из подсу-

димых получил по заслугам. Не забыли и о Лоро, сотруднике посольства одного из западных государств. Не станем описывать, как с его участием была осуществлена последняя акция операции «Тайник». Все произошло точно по плану, разработанному контрразведчиками. Через десять минут после того, как к Бутову поступило сообщение об отъезде Кастильо во Владимир, Рубин отправился по знакомой дороге к тайнику. А через три часа господин Лоро услышал телефонный звонок, и кто-то дважды подул в трубку. Его задержали, когда он извлекал из тайника донесение Сократа.

Дипломат-шпион уже давно был на заметке у сотрудников КГБ. Через МИД ему предложили незамедлительно покинуть СССР за деятельность, несовместимую с дипломатическим статусом.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ СОКРАТА

На первом этапе следствия все стало на свои места, если не считать упорного запирательства Кастильо. Слишком уж очевидные шпионские связи с Ружинским он отрицать не стал, но на вопросы обо всем, что касалось Сократа, нагло отвечал:

— Не знаю такого... Это разыгравшаяся фантазия чекистов... Тайник? Понятия не имею...

Ему предъявили фотографию — он и Сократ в Третьяковке...

...Когда закончился суд, Клементьев озабоченно спросил Бутова:

— Как здоровье Рубина?

— Не жалуется. Держится молодцом... Даже хорохорится: «Никакая ишемия не помешает мне разделаться с этой мразью, я ваш помощник до последнего часа...» Только боюсь, что последний час недалек... По-человечески жаль старика...

— И ничем нельзя помочь?

— Консультировался с медиками... Дали кое-какие советы и лекарства. Рубин поблагодарил, но принимать отказался. «Сам,— говорит,— врач, знаю, что не помогут... Да и принимал я уже эти таблетки».

Резкое обострение наступило внезапно. Он уходил из жизни вместе с коротким осенним днем, и остатки сил таяли, как солнечный отсвет в небе. Свершался извечный круговорот жизни. Рубин уходил из нее мучительно тяжело. После двух уколов физические страдания стали утихать, но нравственные не исчезали. Обессиленный, он лежал на широком, застланном персидским ковром диване красного дерева — предмет его особой гордости,— и тускнеющий взор словно застилал туман. На короткое время он рассеивался, и тогда виделось молодое женское лицо, то залитое кровью и до неузнаваемости обезображенное, то светлое, красивое, каким оно было несколько десятилетий назад, при первой их встрече. В полубреду Рубин бормотал что-то несвязное, и дежурившая у его постели Ирина с трудом улавливала женское имя. Увы, не имя ее матери. Он звал какую-то Елену. Тускнеющие глаза печально искали чей-то образ на потолке. И снова бессвязный шепот:

— Я виноват, Ирина... Елена... Ты негодяй, Сократ... Я виноват... Прости, Елена...

Елена... Сократ... Приемной дочери Рубина эти имена незнакомы. Она могла только догадываться, что вырастивший ее человек унесет в могилу какую-то тайну и покидает этот мир с ощущением большой вины.

...В последний путь Рубина провожали Ирина, Сергей и много сослуживцев. Пришел Бутов.

Гроб долго стоял на краю могилы. Последнее прощальное слово пожелали сказать и маститые коллеги и молодежь — ученики Рубина, аспиранты. Многократно перечислялись заслуги покойного. Кто-то из молодых в торжественно-приподнятом тоне восхвалял «смелый полет мысли покойного». Люди — их тут было много — слушали молча, одни умиротворенно, другие скорбно. Какая-то молодящаяся дама — Ирина увидела ее впервые — часто прикладывала к глазам платочек и последней подошла к гробу. Проститься, а быть может, и простить...

Ирина и Сергей обходили стоявших у могилы и приглашали на поминки. Как это часто бывает в таких случаях, после пятнадцати — двадцати первых траурных минут, когда о Рубине вновь были сказаны все те же слова, что и на кладбище, только с употреблением еще более превосходных степеней, разговор за столом пошел громкий, оживленный. И кто-то заметил отсутствие Шевардзе.

— Странно... На кладбище не был, и на поминках нет его...

...Прошло уже несколько дней после похорон, а Ирину все еще не покидала тревожная мысль: кто она, Елена, которую так часто вспоминал отчим в последние часы жизни? Кто он, Сократ? Загадка! И для нее и для Сергея. Им было еще неведомо, что разгадка уже близка.

Продолжение следует.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Конец Сократа

ЛУИ БИДО

Луи Бидо прилетел в Москву днем. Забросив домой чемодан, он отправился искать киоск справочного бюро.

— Могу ли я получить справку, где проживает...

Хозяйка киоска, не поднимая головы, выпалила стереотипное:

— Фамилия, имя, отчество, год, место рождения...— И протянула бланк справки.

— Знаю все, кроме места и года рождения. Но предположительно могу указать... Москва...

Уловив иностранный акцент, женщина спросила:

— Вы сможете сами заполнить бланк? Или надо помочь?

— Благодарю вас. Я сам...

В тот же день вечером Луи отправился по адресу, достаточно быстро полученному в Мосгорсправке. Не переводя дыхания, он взлетел на третий этаж и нажал кнопку звонка. Дверь ему открыл... Сергей Крымов.

...Оба, Сергей и Луи, были ошеломлены до потери речи, а обретя ее, могли лишь обмениваться восклицаниями, не понимая, как в чужой квартире оказался Сергей Крымов и зачем сюда без приглашения пожаловал Луи, улетавший к больному отцу.

Появившаяся в передней Ирина сразу догадалась, что перед ней стоит знакомый по рассказам мужа французский корреспондент. Но почему Сергей и Луи не проходят в комнату, почему, обескураженные, стоят здесь? Почему Сергей не предупредил, что ждет гостя? Она ничего не приготовила, не прибрала...

— Знакомьтесь, Луи, моя жена, Ирина Рубина.

Француз оторопел.

— Как? Не может быть! Вы... вы дочь Захара Романовича?

— Да... Почему вас это удивляет? Точнее, приемная дочь, падчерица.

...Гость словно окаменел. Все окружающее было для него окутано смутной пеленой, и казалось, что время остановилось. Ему, Луи Бидо, сейчас все равно, что означает незнакомое слово «падчерица». Потрясенный, в страшном смятении, он растерянно смотрел на Ирину и Сергея. Наяву ли все это? Перед ним стоит сестра... Сестра ли? Он не находит нужных слов, а слово «сестра» произнести не решается. Бог ты мой, как все объяснить этим людям, которые с нескрываемым изумлением разглядывают его?

— Простите... Мне нужен Рубин... Захар Романович Рубин. Я его сын...

— Сын?..

— Да, да, сын. Рубин — мой отец. Я хочу его видеть, хочу...

— Ваш отец умер, Луи...— едва слышно и даже как-то виновато произнес Сергей.

— Умер? Когда?.. Я опоздал на несколько дней...

Увы, человеческая речь не может передать всю гамму чувств, охвативших его в эти минуты...

Они просидели за столом допоздна. Луи сбивчиво говорил о Жане Бидо, человеке, которого считал своим отцом. На столе с краю лежала маленькая, на двух-трехлетнего ребенка, куртка с потайным нагрудным карманом, где вот уже много лет хранился лоскуток белого полотна. На нем чернилами написано: «Герман. Родился в декабре 1941 года на территории СССР, оккупированной немцами. Внебрачный сын Захара Романовича Рубина, проживающего в Москве. Свидетельствует мать Германа, Елена Бухарцева, проживавшая в начале войны в Москве, по улице...»

Это была курточка Луи Бидо. Он привез ее из Парижа. В присутствии адвоката и нотариуса она была торжественно извлечена из сейфа господина Жана Бидо вместе с большим конвертом, на котором крупно выведено: «Вскрыть после моей смерти». В конверте два письма. В одном, адресованном Луи,— предсмертное письмо «отца», объяснение в любви к приемному сыну и более чем лаконичное духовное завещание: «Ты русский. Люби Россию». В другом письме пространно излагались злоключения мальчика, волею судеб ставшего приемным сыном Жана Бидо, выходца из семьи бывшего русского офицера царской армии. Оба письма, переведенные на русский язык, лежат сейчас на столе вместе с несколькими фотоснимками: Захар Романович Рубин в Стамбуле, на Клязьминском водохранилище, в лаборатории, Гагре и... в гробу.

И еще одно письмо, адресованное Рубину. Оно пришло в день похорон профессора. Его Луи читал и перечитывал, не выпуская из рук. Письмо пришло вместе с посланием, подписанным группой пионеров-следопытов и учителем истории, бывшим фронтовиком. Их школа носит имя отважной разведчицы Елены Бухарцевой, похороненной на окраине районного центра. Следопыты давно уже разыскивали все, что касалось ее жизни, подвига и гибели. И лишь недавно им удалось обнаружить архив партизанского отряда, задания которого выполняла подпольщица. В архиве оказалось неотправленное письмо Елены, написанное в последний день ее жизни. Оно начиналось словами: «Дорогой, любимый Захар...» То был предсмертный крик души. Следопыты установили, что комиссар партизанского отряда (к нему попало это письмо после гибели Елены) пытался узнать фамилию и адрес этого Захара, чтобы передать по назначению. Но в военное лихолетье, да еще из партизанского края, это было невозможно. А позднее, когда партизанский отряд влился в регулярную часть Красной Армии, комиссар погиб. Архив остался нетронутым. И только много лет спустя к давно пожелтевшим листкам из ученической тетради впервые прикоснулись руки юных следопытов. Узнав девичью фамилию Елены, они разыскали где-то в Сибири ее брата, начальника геологической партии. Он смог сообщить немногое: «Сестра перед началом войны собиралась снова выйти замуж — первый ее муж, профессор Бухарцев, скончался от болезни сердца. Человека, который должен был стать вторым мужем, звали Захар. Он учился в медицинском институте, там же, где Елена предполагала остаться в аспирантуре». Пошли запросы в институт. Учитель истории часть своего отпуска посвятил поездке в Москву на поиск тех, кто знал Елену Бухарцеву и ее друга, студента Захара. Нашелся только адрес. И снова запросы... Ответ на один из них принес имя, отчество, фамилию — Рубин Захар Романович...

Следопыты многое узнали о мрачных днях жизни Елены Бухарцевой в пору фашистской оккупации. И только одна строка в страницах ее биографии той поры осталась для них тайной: кто и за что убил Елену-Генриетту? Раскрыть эту тайну ребятам не удалось.

И вот письмо следопытов в Москву, к Рубину: «Вы не представляете, Захар Романович, как мы были счастливы, когда узнали, кому предназначено письмо. Нам сообщили не только вашу фамилию, но и адрес... Посылаем письмо и фотокарточку вашего двухлетнего сына Германа. Хочется верить, что вы нашли его. Будем очень рады, если вместе с Германом приедете к нам, в школу имени Елены Бухарцевой».

Увы, трогательное приглашение запоздало...

...Луи прочел письмо школьников, письмо его матери к отцу и долго рассматривал себя двух лет от роду на пожелтевшем любительском снимке...

Теперь уже можно с некоторыми подробностями поведать о горестной судьбе Елены Бухарцевой, о зигзагах жизни сына войны — Германа.

ЗАХАР, ОТЗОВИСЬ!

Елена тяжело переживала неожиданный для нее отъезд Захара Рубина из Москвы. Как это понять? Бегство? Отказ от всего, о чем договаривались? Ведь собирались идти в загс. Но почему? Разлюбил? Поманила другая? Или чрезвычайные обстоятельства? Какие? Мысли разбегались, путались, мельтешили, терялись где-то в закоулках памяти. Ее цельной и чистой натуре чуждо было двуличие. Рубин бежал от Елены, не желая связывать с ней свою судьбу. А она, ничего не ведая, продолжала верить ему. «Нет, нет, тут недоразумение. Он любит меня». И тут же корила себя: «Почему утаила от Захара, что у них должен быть ребенок?..» Сейчас она знает почему: Елена сомневалась: оставить ли? Жизнь только начинается...

В те дни Елена никого не хотела видеть. Она металась по комнатам большой московской квартиры, пытаясь отвлечься, заняться чем-либо. Не получалось! Ее не обескуражило решение институтских руководителей: «Бухарцевой в аспирантуре отказать». В общем-то она не создана для науки. Это честолюбивый Захар уговаривал ее идти в аспирантуру. Ей больше по душе будничная работа хирурга. Сейчас она не думала о том, куда пошлют на работу. Она везде будет верна клятве Гиппократа. Больше всего мучило, что не было вестей от любимого. «Захар, отзовись, где ты?»

Она трижды в день заглядывала в почтовый ящик. Днем все валилось из рук, а ночью одолевала бессонница. Только к утру сваливал подобный беспамятству сон.

Шли дни, одиночество становилось невыносимым. Но Захара рядом не было, а друзей не хотелось видеть — претили их сочувственные взгляды, аханья, вздохи. Кругом пустота. Есть старенькая мама, есть брат, но они далеко. Да и не поймут. Разные люди. Мама всегда осуждала: «Взбалмошная ты какая-то!» Нет, к ним не поедет. Она поедет к нему...

Позже Елена будет анализировать — откуда, из каких душевных глубин выскочила унизительная идея помчаться вслед за Захаром. И решила — это был всплеск эмоций, любви и ненависти, веры и недоверия. Эмоции нарастали по спирали, и где-то на самом верхнем витке все же была любовь, вера, надежда. Она должна была увидеть его, объясниться. Понимала, что это не очень логично. Но Елена никогда не переоценивала силу логики.

Бухарцева вспомнила, что в те края, куда Захар уехал на практику, была направлена на работу ее близкая подруга Валя Михайлова, окончившая институт годом раньше. Ответ на телеграмму пришел быстро: «Приезжай, обеспечу отдельной комнатой, ждем, целуем. Валя, Кирилл».

Подруга с мужем, секретарем райкома партии, встретили более чем радушно. Елена все рассказала о себе, о Рубине, о будущем ребенке...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—20.

— Завтра же поеду к Захару. Тут какое-то недоразумение. Он меня любит...

Приезд Елены отметили достойным образом. После ужина подруги пошли гулять. Светлый вечер, благодатная тишина, покой навевали приятные воспоминания о славной студенческой поре. Память воскрешала веселые дни летних каникул, грибную лихорадку. И сейчас превратности жизни с замысловатыми коленцами начали рисоваться Елене уже в более розовом свете. А Валя, подстраиваясь к Елене, знатоку немецкого, успокаивала ее: «Будет «аллес гут». Ты не хмурься, Леночка! Мы еще увидим небо в алмазах».

Увы, судьбе было угодно, чтобы они в ту светлую ночь увидели нежное июньское небо расчерченным огненными трассами, низвергающим на твердь земную смертоносный металл — городок стоял почти у самой границы.

Началась война. И для Елены все прожитое и пережитое отодвинулось далеко-далеко, по ту сторону бытия.

В доме она осталась одна — Кирилл и Валя ушли в подполье. Прощаясь, Кирилл предупредил: «Немцы могут занять город уже сегодня к вечеру. Если и удастся их задержать, то лишь до завтрашнего утра. О вашем приезде никто не знает. Вы не должны показываться на улице в течение нескольких дней. А потом... Вам скажут... Придет человек и спросит: «Как здоровье Германа?» Вы ответите: «Спасибо, здоров». Это будет наш человек, с ним можно говорить обо всем. Он и скажет, что делать». Кирилл обнял Елену, поцеловал и задержался у порога.

— Простите, я так разговаривал, будто имею право командовать вами, и не спросил, как вы. Сможете? Готовы?

Она перебила:

— Готова. Командуйте.

Он еще раз обнял ее и ушел в сторону озера.

Немецкие танки загромыхали под окнами на рассвете следующего дня. Строго выполняя наказ Кирилла, Елена даже не выглянула в окно. Все двери были заперты, окна зашторены, и со стороны дом казался покинутым. Но Елена понимала, что маскировка не спасет и не сегодня-завтра в дом секретаря райкома нагрянут фашисты.

В тревожном ожидании часы казались неделями. К счастью, гитлеровцы стремительно проскочили через городок, оставив небольшую комендатуру — офицера и нескольких солдат, не сразу принявшихся устанавливать новый порядок.

Шел четвертый день войны, когда под вечер кто-то осторожно постучал в окно. Прижавшись к стене, Елена сквозь щель в шторе старалась разглядеть человека на улице. Через несколько секунд тот тихо спросил:

— Как здоровье Германа?

Бухарцева обрадованно вздрогнула. Только на мгновение тень беспокойства промелькнула на ее лице, и Елена тут же откликнулась:

— Спасибо, здоров.

Конопатая девчушка с русой косой единым духом выпалила все, что ей надлежало передать Елене Бухарцевой. В этом доме ей оставаться нельзя. Будут искать хозяев, не пощадят и гостью. Девчушка передала паспорт на имя Генриетты Миллер и легенду — отец из немцев, крупный инженер, был арестован в 1937 году, больше она его не видела. Гостила у тети, жившей на границе с Латвией. Пробирались на восток, эшелон разбомбили. Тетя погибла, а Генриетта оказалась на территории, занятой немцами. Елена-Генриетта должна пробраться в соседний районный центр, где живет мать Вали, старая учительница. Та обо всем предупреждена: мифическая «тетушка» Генриетты и Евдокия Ильинична — родственницы. У нее Бухарцева и будет пока жить. Дальнейшие инструкции получит, пароль тот же.

Прошло более года тяжкой жизни в оккупированном городке. Теперь их в доме уже трое — Елена-Генриетта, Евдокия Ильинична и горластый малыш Герман. Его нарекли так согласно паролю: «Как здоровье Германа?»

Вскоре появился в доме четвертый жилец — обер-лейтенант Шульц. Он уходил утром, приходил вечером. Где бывал, что делал, они не знали. С бабушкой и молодой красивой мамой он держал себя достаточно корректно, на удивление соседкам, уже познавшим повадки фашистских офицеров.

По вечерам Шульц с Генриеттой вел литературные беседы по-немецки. Она блистала эрудицией, цитировала наизусть Гете и Шиллера, рассказывала о богатой библиотеке отца,

где было много немецких книг. Ей казалось, что Шульц проверяет ее, и была рада, что вроде бы не оплошала. Во всяком случае, он как-то обронил, что когда малыш окрепнет, то обер-лейтенант пригласит Генриетту работать в городской управе.

...В тот жаркий летний день Елена пошла к реке стирать белье. У нее было тут любимое тихое безлюдное местечко на маленьком мыске. Тишину нарушал только плеск торопливых вод. Пеленки были уже прополосканы, когда неподалеку от нее незаметно присела та самая веснушчатая девчушка и, глядя в сторону на залитое солнцем поле, блаженно вдыхая воздух, наполненный запахом трав, спросила: «Как здоровье Германа?» Бухарцева, продолжая полоскать, обрадованно ответила: «Спасибо, здоров.— И, сладив с сердцебиением, поинтересовалась: — А как Валя?» Девчушка вскинула на Елену свои большие глаза, проглотила комок, подступивший к горлу, и хмуро, едва слышно пролепетала: «Повесили...»

Ее арестовали на конспиративной квартире. Кирилл, командир партизанского отряда, пытался спасти жену, но увы...

Горестную весть Елена выслушала молча, не поднимаясь с коленей и не вытирая слез.

— Вы только маме ничего не говорите. Командир строго наказывал. Успеет наплакаться.

— Хорошо, не скажу. А Кирилл как?

— Дважды был ранен, но в строю остался. Просил узнать, как вы тут?..— И после небольшой паузы тихо сказала: — У командира большая просьба до вас. Раньше не хотели беспокоить — сынок-то крохотуля. Как ему без мамки...

— Без мамки? — испуганно переспросила Елена.— Почему без мамки?

— Сейчас объясню. В схватке с карателями погиб переводчик. Когда еще замену пришлют? А тут — оперативные документы захвачены из штаба фашистской дивизии. Срочно требуется перевести, чтобы немедленно передать на Большую землю. Вспомнили о вас, хотели на несколько дней взять в отряд. Но командир воспротивился: «Это же авантюра! Ей из отряда уже нельзя будет возвращаться в город». Вот и послали спросить: что, если вам принести документы, а через день забрать перевод? Есть ли условия для тайной работы дома? Как Шульц?

Елена отвечала не совсем уверенно:

— Попытаюсь... Только... Ведь по части конспирации у меня никакого опыта. Разве что паспорт поможет... Меня вроде бы приняли за немку.

Все обошлось наилучшим образом, и челночные операции «отряд — город — отряд» участились. Началось с перевода захваченных партизанами документов, а затем последовали более сложные и опасные задания.

Обер-лейтенант слов на ветер не бросал, Генриетту Миллер взяли на работу в городскую управу. Она получила доступ к важной информации. Этому в немалой мере способствовала опека Шульца. Правда, он переехал на другую квартиру, но оставался по-прежнему внимательным к фрау Миллер. Иногда он заходил к ним, но Елене казалось, что Шульца больше привлекал Герман, чем его мама. Прощаясь, он галантно раскланивался с обеими фрау и непременно напоминал Елене, что, если потребуется какая-то помощь ей или Герману, он всегда к их услугам. «Фрау Генриетта, вероятно, хорошо знает, что муттер и кинд — святая святых для немца».

В городской управе на нее обратил внимание агроном Павлищев, слывший здесь сердцеедом. Под каким-то предлогом он заявился к Елене и стал недвусмысленно намекать на свои возможности облагодетельствовать маму, сына, а заодно и старушку. Изысканностью манер сей тип не отличался и после первой рюмки — а пришел он во «всеоружии»: французский коньяк, закуски — попытался обнять фрау Миллер. Звонкая пощечина несколько охладила пыл.

— Бог ты мой, необузданная плоть. Что с ней поделаешь? Вы уж простите, фрау, умоляю забыть о случившемся. Будем друзьями, просто друзьями, согласны?

Елена попросила его удалиться.

— Удаляюсь,— нараспев продекламировал Павлищев, подобно плохому герою-любовнику на сцене.— Удаляюсь с надеждой на милость и снисхождение.

Через несколько дней он снова заявился. Выгнать Елена не решилась, тем более что на сей раз агроном держал себя чинно, пристойно, соблюдая дистанцию. Пил чай, вел умные разговоры, вспомнил почему-то «Овод», а с романа Войнич переключился на «Войну и мир» и многозначительно заметил, что покорить русский народ еще никогда и никому не удавалось.

— И не удастся! — патетически воскликнул гость, в упор глядя на Елену. Она выдержала взгляд и никак не прокомментировала суждения агронома.

Шло время, Павлищев зачастил к Генриетте Миллер. Он приносил Герману сласти, бабушке и маме — сахар и масло, а соседкам — обильную пищу для злословия.

— Генриетта-то приворожила...

Приворожила... Никто не подозревал, что красивая молодая женщина, выдававшая себя за дочь расстрелянного русскими крупного немецкого инженера, вела смертельно опасную и сложную игру. Приворожила она и Шульца и Павлищева одновременно. А Павлищев, желая как-то объяснить начальнику свои визиты к Генриетте Миллер, убеждал его: «Береженого бог бережет... Надо получше присмотреться, можно ли доверять?..» И Шульц одобрительно кивал: «Да-да, дополнительная проверка не помешает...»

Елена выдержала и это испытание. Шульц стал с еще большим доверием и симпатией относиться к «милой фрау Миллер». Игра шла своим чередом. Казалось, ничто не могло вызвать подозрения начальства. Тем не менее в последние дни она жила в смутно-тревожном ожидании чего-то страшного.

В тот день она поздно вернулась с работы и прилегла отдохнуть. Герман играл в саду, старушка возилась на кухне. Елена уснула. Ей казалось, что она проспала бог весть сколько, а прошло лишь десять минут. Проснулась в холодном поту — ей приснился окровавленный Захар Рубин, бежавший из лагеря.

Елена поднялась с постели обессиленная. Растревоженная память не отпускала образ любимого человека. И Бухарцева сделала то, что давно задумала,— написала письмо в надежде, что через связного партизанского отряда его удастся переслать на Большую землю брату, а тот найдет способ переправить в Москву на довоенный адрес Рубина. И будь что будет... Если жив — получит от нее весточку...

«Дорогой, любимый Захар...» Длинное, сумбурное письмо, полное нежной любви и тревоги за него, за себя, за сына, о котором отец еще ничего не знает. В конце приписка: «Хочу быть оптимисткой, но не могу не думать о том, что ждет каждого из нас на войне. Я ведь тоже на фронте, только невидимом. Высылаю вместе с этим письмом фотокарточку нашего сына, Германа, и вот эти строки, адресованные ему. Не удивляйся, не считай меня взбалмошной бабой. Если погибну я, а ты останешься в живых и судьба сведет тебя с Германом, пусть он прочтет написанное любящей матерью, которой не страшно умереть, если она будет уверена, что сына ее ждут счастье, радость...»

...Уже смеркалось, когда в лесу, в условленном месте и в условленный час, она встретилась со связной. Елена передала перевод нескольких фашистских документов, сообщила, что завтра утром из тюрьмы группу заключенных повезут в областной центр, и вручила конверт с письмом.

— Попроси комиссара отправить как-нибудь на Большую землю. Ведь летают же связные самолеты. Очень нужно...

— А адрес? Ты же адреса не написала!

Елена ахнула — забыла второпях. Что делать? С собой ни карандаша, ни ручки. Бежать домой и снова вернуться? Опасно. Скоро комендантский час. Нельзя задерживать связную...

— Так что же делать, тетя Лена?

— Адрес я передам в следующий раз. А пока... Отдай комиссару как есть...

Домой Елена не вернулась. Ее тело нашли в лесу, о чем и доложили коменданту. На место происшествия тотчас же примчался Шульц. Не надо было быть криминалистом, чтобы установить — убита выстрелами из пистолета.

Кто убил и за что, осталось тайной. Расследование еще продолжалось, а к Евдокии Ильиничне пришли от Шульца, чтобы забрать мальчика. Старушка кинулась было с кулаками: «Не отдам!» Но поняла — сопротивление бесполезно. На сборы дали три часа.

Вещи малыша уместились в небольшом мешочке, на дно которого легла подаренная старушкой курточка умершего еще до войны внука. Елена однажды сама смастерила потайной кармашек. Ее жизнь в оккупированном крае сложилась так, что в любой момент можно было ждать трагического конца. И Елена была ко всему готова. К потайному кармашку пришила белый лоскуток и на нем чернилами крупно вывела самое необходимое, что людям надо знать о малыше.

Бухарцева не боялась думать о том, о чем человек, пока он живет, дышит, задумываться не желает. Смерть! Она подстерегала ее сейчас на каждом шагу, каждый раз, когда шла на свидание со связной, когда являлся к ней пьяненький агроном. Но так хотелось верить, что недалек тот час, когда придет сюда советский солдат и ее Герман попадет в заботливые руки родного отца. Этому, увы, не суждено было сбыться...

Малыша забрали потому, что он приглянулся бездетному Шульцу, не раз попрекавшему супругу бесплодием. В нем сочетались строгая выучка служаки-офицера и тривиальная сентиментальность. В мечтах ему виделся собственный домик с островерхой крышей. Фрау хозяйничает на кухне, а он с мальчишкой возится в ухоженном саду. Чем приглянулся именно Герман, сказать трудно. Возможно, что и «арийской» внешностью: Елене было легко выдавать себя за немку...

Получив кратковременный отпуск, Шульц увез малыша в Германию. Однако фрау — в глубине души он ожидал этого — категорически отказалась усыновить мальчика, даже грозилась задушить. Бурные объяснения перемежались истериками, а тем временем пришла пора возвращаться Шульцу к месту службы. И тут фрау неожиданно присмирела и объявила мужу, что так как волею господа они лишены счастья иметь детей, мальчик, видимо, послан им свыше. К тому же святой отец, у которого она исповедовалась, повелел: «Смирись!»

Счастливый «отец» и муж, благодарный своей милой фрау, улетел, не подозревая, что дражайшая половина уже решила, как избавиться от ребенка. При первом удобном случае ее служанка, полунемка-полубельгийка, должна была отправить его к своей сестре, служившей экономкой в богатом доме. Ждали только ее согласия.

Радостная для фрау весть с Запада пришла вместе со скорбной с Востока: Шульц убит под Варшавой.

Вот так симпатичный мальчик со своими нехитрыми пожитками в бабушкином цветастом мешочке начал переходить из рук в руки: из Германии от служанки фрау Шульц — в Бельгию к экономке, от экономки — во Францию к бездетным супругам Бидо.

В пору оккупации господину Жану Бидо пришлось несладко. Кто-то донес в гестапо, что в действительности он Иван Бидов, из русских. Дворянское происхождение в расчет не приняли, перевесила другая страница биографии. Отец Жана в пору русско-японской войны служил офицером на флоте. Накануне решающего боя на его корабле арестовали нескольких матросов, заподозренных в распространении крамолы. При дознании выяснилось, что офицеру Бидову была ведома сия неблагонадежность матросов, но он не счел нужным докладывать по начальству. Ему грозил военный суд. Однако война распорядилась иначе: японцы захватили русский корабль. После перемирия офицер Бидов не вернулся в Россию: «В лучшем случае упекут на каторгу». Он плавал на японских, английских, французских торговых судах, а в 1907 году «отдал якорь» в Марселе: женился на красивой, богатой вдовушке, через год подарившей ему сына Жана. Впоследствии Бидо стал банкиром.

Окончание следует.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Конец Сократа

В БАНКИРСКОМ ДОМЕ

— Для меня детство началось в семье Бидо...

Уже поздний вечер, в доме напротив ни одного освещенного окна, а Крымовы все сидят за столом, слушая рассказ Луи. Он говорит и говорит, тревожа то одну страницу своей биографии, то другую. Его обуяла потребность выговориться, и он захлебывается словами, словно боясь отстать от стремительно бегущих мыслей. И если умолкал ненадолго, то лишь для того, чтобы выпить еще одну рюмку.

— Мать была неласкова и невнимательна, а отец души не чаял во мне. Почему так любил? Не знаю. Возможно, потому, что я был единственным. А может, еще что-то другое...

Сергей и Ирина слушали молча. Они догадывались, за что сын русского офицера мог полюбить русского мальчика...

В доме Жана Бидо по его настоянию говорили на французском и русском языках, звучала и немецкая речь. Во всяком случае, Луи с детства свободно изъяснялся на всех трех языках. Учиться его послали в Париж, к дяде. Возможно, по настоянию мадам Бидо, она не скрывала, что ее это устраивало.

К двадцати пяти годам он окончил два учебных заведения — в равной мере увлекался архитектурой и литературой. Трактат Луи Бидо о зодчих Карфагена получил блестящую оценку, но окончательный выбор пути предопределило близкое знакомство банкира с издателем и шеф-редактором популярной газеты правительственной ориентации. На журналистике настаивал и дядя, брат матери. Он и Бидо-старший были дружны, хотя по характеру и образу мыслей у них не было ничего общего.

...Луи представлял свою газету где-то в Латинской Америке, когда умерла мать. Он полетел на похороны. Отец тяжело переживал утрату. Луи знал, что отец хотел уйти к другой, что он не любил жену. И тем не менее, как это часто бывает в жизни, именно после ее смерти банкир остро ощутил свое одиночество. Теперь у него никого близких, кроме Луи, не было, и любовь к сыну приобрела почти патологический характер. Он готов был выполнить любую его прихоть, надоедал с нежностями, стараясь приласкать великовозрастного Луи. А тому все это претило.

— Мне трудно объяснить вам, Сергей, почему жизнь в отчем доме, где исполнялось любое мое желание, почему поездки с отцом в нашу роскошную загородную виллу на берегу моря были мне в тягость. Не знаю... Чувствовал — невмоготу. А почему, не знал. Не знал...— упрямо твердил он и беспомощно разводил руками. Его давила атмосфера банкирского дома. Он жаждал свободы, самостоятельности. Только бы избавиться от родительской опеки! А шеф-редактор, чтобы ублажить богатого друга, распорядился не посылать Луи за пределы Франции. И легко представить, как ликовал Луи, когда по настоянию дяди отец все же согласился на отъезд «мальчика» в Россию.

— Сергей, помните наш разговор в ресторане во время проводов Аннет? О моем отце, о дяде и господине Кастильо? Помните?

Сергей утвердительно кивнул.

— Я видел, что вы недоумевали: о чем это он так туманно?.. Теперь тумана нет. Не смотрите удивленными глазами. Я выпил несколько больше, чем обычно, но у меня ясная голова, и я отчетливо представляю то, о чем говорю. Слушайте же, это важно.

После похорон отца нотариус в присутствии кюре, духовника банкира, и моем вскрыл сейф. Трудно передать, что я пережил, когда увидел эту курточку и письмо, когда узнал, кто я на самом деле.

...Нотариус и кюре доверительно сказали ему, что о документах, обнаруженных в сейфе господина Бидо, равно как и о детской курточке, знают только они двое. Пощипывая жидкую эспаньолку, не вязавшуюся с крупным, породистым лицом, юрист источал медовую любезность:

— Мы обещаем, господин Луи Бидо, что никто никогда... Мы умеем хранить тайны. Распоряжайтесь своей судьбой и состоянием как вам угодно...

А через день позвонил дядюшка.

— К тебе хочет заглянуть мой добрый друг.

— Кто он?

— Хороший человек. И очень полезный. Прислушайся к его советам. На днях он навестит тебя.

Вскоре порог банкирского дома переступил Мигуэль Кастильо. Он отдал дань этикету, выразил соболезнование, повздыхал, похрустел и поспешил перейти к делу.

— Тогда в Москве я отыскал вас по совету вашего дядюшки. Зачем? Вы, вероятно, догадались. Нет? Это не делает чести мне, а возможно, и вашей проницательности. Но не стоит об этом... Пустое... Плюсквамперфектум... Давно прошедшее время. А я люблю футурум, будущее. Направляясь в Москву, я не знал, кто вы есть. Ваш дядюшка открыл тайну лишь на днях... Ну-ну, не надо так зло коситься на меня... Я вам добра желаю. Река, именуемая жизнью, полна самых неожиданных и коварных порогов. Господин Бидо, зная, что безнадежно болен, поведал о вашей романтической судьбе брату, а тот — нам. Так нужно для нашего дела.

— Нашего дела? Что это за дело?

— Повремените с вопросами.

— Вы француз?

— Нет, испанец.

— И живете в Испании?

— Нет, в Марселе.

— Так что привело вас ко мне?

— Прежде всего желание выразить соболезнование.

— Благодарю. И это все?

— Нет. От вас требуется самая малость. Проявить лояльность и помочь нам в благородном деле.

— Каким образом? И что за благородное дело?

— Извольте. Вы сейчас работаете в России и, конечно, понимаете, что информация об этой стране будет для нас весьма и весьма ценна. Какая именно — это уже детали, о которых можно легко договориться.

— Вы полагаете?

— А почему бы и нет? Вы же человек свободного мира, богатый наследник. А богатство надо защищать.

— От кого?

— От грабителей и... коммунистов.

— Н-да, ситуация проясняется.

— Вот и хорошо. Я знал, что вы, как человек благоразумный, примете наше предложение, к тому же небезвозмездное. Деньги даже к деньгам нелишни.

— Ну, а если я откажусь и не приму ваше предложение?

— Предусмотрен и такой вариант. Мы располагаем фотокопиями всех документов, лежавших в сейфе покойного банкира. Заснята и куртка сына партизанки Елены Бухарцевой, погибшей во время войны. Остальное... Догадаться нетрудно. Газеты, радио и телевидение ухватятся за сенсацию. О вас заговорят все, от бульварных шавок до святых отцов. Будут даже парламентские запросы. Чем все это кончится? Судом и лишением наследства. Вы станете человеком третьего сорта, которого долго будут преследовать.

Багровый отсвет пламени из камина делал недоброе лицо испанца поистине зловещим. Чтобы дать себе время хоть немного обдумать услышанное, Луи присел на корточки и начал подбрасывать смолисто пахнувшие чурки. Потом резко поднялся, подошел к испанцу и спросил:

— Если откровенно — вы представитель специальных служб?

— Я бы не хотел отвечать на этот вопрос.

Луи понял, что не ошибся.

— Я должен дать ответ незамедлительно?

— Отнюдь... Такие вопросы сиюминутно не решаются.

— Каким временем я располагаю? Месяц? Два?

— Да, пожалуй...

Пальцы Луи напряженно сжали подлокотник кресла. Наступила пауза. Потом Кастильо вскинул холодные, жесткие глаза.

— Считаю долгом предупредить вас: не ершитесь, к добру это не приведет. И еще... Я знаю вашего отца.

— Какого отца? — перебил Луи.

— Настоящего. Того, что живет и здравствует в Москве. Захара Рубина...

— Откуда?

— Не имеет значения. Чистая случайность.

— Что вы можете сказать о нем?

— В высшей степени приятный и интеллигентный человек.

ВЫБОРА НЕТ

— Теперь вы все знаете. У меня нет от вас никаких тайн. И не только потому, что мы по прихоти судьбы оказались родственниками. Неисповедимое, ничем не объяснимое чувство подсказывает иногда человеку: «Этому можно верить...» Так что же посоветуете?

Сергей молчал. Он был ошеломлен. Еще бы, такой неожиданный поворот событий. Он видел, с каким нетерпением Луи ждал ответа. Крымов понимал, что такая откровенность — знак большого доверия. Но ведь у него, советского журналиста, просит совета не свой брат, а человек, который пока еще не знает иного образа жизни, мышления, чем те, что властвуют в мире, где он рос, мужал,— в мире капитала. Что посоветовать?

Были и сомнения. Чем вызвано такое доверие? Хитро задуманная операция? Или вино: Луи, кажется, многовато выпил. Возможно, потерял контроль над собой. А если это — начало прозрения? У людей трудной судьбы да на крутом повороте такое бывает. Что же посоветовать? Отмалчиваться нельзя.

— Луи! Все, что вы рассказали,— сплетение таких сложностей, что я не могу сразу сказать, как быть. Я должен подумать.— И, помедлив, добавил: — Попробую посоветоваться с одним очень опытным юристом, которому всецело доверяю. Если вы не возражаете, конечно.

Луи глянул испытующе, но ни в лице, ни в глазах Крымова не увидел ничего, кроме доброжелательности. Помедлив, Бидо поднялся из-за стола, слегка пошатываясь, подошел к книжным полкам и, стоя спиной к хозяевам дома, тихо и нерешительно сказал:

— Ну что же, пусть так... Буду ждать.

Луи вернулся к столу, выпил еще рюмку вина и повторил:

— Да, буду... Ждать и ждать... Это тяжело, но выбора нет.— Он смотрит на хозяев дома слегка осоловевшими глазами, несколько раз-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 12—21.

драженно бормочет что-то не совсем связное, и нижняя губа его мелко дрожит... Луи одолевает смятение чувств.

— Глупо, конечно, куда-то ехать и искать... Он же не я, совсем другой... Мальчик по имени Герман. Его давно нет, есть Луи... Но Луи все равно поедет... Посмотреть... Тот малыш давно ушел из этого мира... Вместе с мамой... Нет Германа, есть Луи. Но я не такой, каким стал бы Герман. Согласен, Сергей? Нет, я не пьян. Голова трезвая... Не смотри так на меня, Ирина, сестра моя... Ты мне можешь сказать, каким был Герман? Не знаешь? Не хочешь... Боишься обидеть... Он меня презирал бы, да? А дядю задушил бы... И отца... Хотя нет, отец был добрым. Почему молчишь, Ирина? Я знаю, это глупо, но ты же моя сестра, не родная, но сестра. А знаешь, я пока нич-че-го не чувствую. Только любопытство. Какая ты? Скажи хоть слово!

Но Ирина молчит. Понимает, как мучительно этому уже не слишком молодому человеку переосмысливать жизнь, узнав трагическую правду. Ей жалко невесть откуда появившегося брата, но она ничем не выдаст этого своего чувства. Пусть сам перемучается, потом будет легче, пусть сам все передумает и решит. Как странно: человек прожил жизнь, которой не должно было быть. Герман жил бы по-другому, смотрел бы на мир по-другому.

Немного протрезвев, Луи вспомнил о профессоре Полякове и о задуманном очерке.

— Сергей! Помнишь, ты спросил: «А напечатают?» Я тогда не ответил. Но подумал, что все равно должен написать об Аннет и Мишеле. Я не смогу не написать о них... В Париже есть мемориал. Там склеп, посвященный памяти тысяч и тысяч французов, ушедших во мрак и туман, уничтоженных в фашистских лагерях. Я был и на могилах бойцов Сопротивления. Одна из надписей гласила: «Когда на земле перестанут убивать, они будут отомщены»... Слушая Аннет Бриссо, я вспоминал склеп — там и ее мать. Мне вспомнились могилы бойцов Сопротивления — там и ее жених... Теперь ты понимаешь, Сергей, почему я не могу не написать об Аннет и Мишеле.

Сергей взволнованно ответил:

— Да, начинаю понимать тебя, Луи...— Он имел в виду нечто большее, чем очерк.

...Был уже поздний вечер, когда Герман-Луи, поддерживаемый под руку Крымовым, покинул дом покойного отца. Настоящего...

Утром Сергей позвонил Виктору Павловичу и попросил о встрече.

— Вы чем-то расстроены, Сергей? Что-то случилось?

— Нет! Ничего... Нужна ваша консультация. И по очень серьезному вопросу.

...Бутов лишь изредка задавал вопросы, как обычно, слушал с таким выражением, будто все это его нисколько не интересует. Сергей изложил суть дела со всеми подробностями. Выговорившись, спросил:

— Так что же ему посоветовать? Он ждет...

— Не торопитесь. Все не так просто... Скажите, что ваш юрист в отъезде...

Полковнику нужно было посоветоваться с Клементьевым. Уж очень необычно, сложно переплелись человеческие судьбы.

Клементьев и Бутов долго, тщательно анализировали рассказ Луи Бидо. Ясно, что спецслужбы взяли его на прицел еще до смерти банкира. Для них не была тайной тайна его сейфа.

— Допустим,— рассуждал Бутов,— что хозяева хромоногого после смерти Жана Бидо решились на лобовую атаку и Кастильо предложил Луи работать на разведку. Грубовато, но возможно. А каковы мотивы дальнейших действий Луи? Приезжает в Москву и с места в карьер: «Мне предложили сотрудничать с разведкой, работающей против вас». Тут уж, простите, закавыка... Верить или нет?

Вопрос гамлетовский. Его и решают контрразведчики, выдвигая то одну, то другую версию.

— Где основание для такой откровенности Луи перед человеком, которого он видел лишь несколько раз? Где? Почему он вдруг предстал перед Ириной и Сергеем весь нараспашку? — спрашивает Бутов.

— В какой-то мере вам ответил Крымов,— говорит Клементьев.— Было выпито сверх меры, разгорячился. Но отбросим данный вариант, попробуем покопаться в закромах его души. Вы же хороший психолог, Виктор Павлович. Поставьте себя на место молодого человека, перед которым вдруг открылась невероятная тайна его рождения. Такое может хоть кого потрясти, толкнуть на самые неожиданные поступки. Тут не до холодного расчета. Если он к тому же человек впечатлительный, то бурных эмоций не избежать. А они неудержимы, как прорвавший плотину поток. И первый порог — Ирина, Сергей, ниспосланные прямо-таки господом богом, в которого он, возможно, верит. Родные люди! Сестра! Знакомый доброжелательный коллега, неожиданно ставший родственником! Вот и распахнул душу. Думаете, ересь? Так? Но судьба новой истины в начале своего существования всегда кажется ересью.

— Однако позвольте заметить, товарищ генерал, что от истины мы еще очень далеки. Даже не знаем, насколько достоверна история гибели Бухарцевой. Не находите ли вы странным, что Рубин при жизни так и не узнал о существовании сына? Ведь у Елены были брат и мать...

— Не вижу ничего странного, Виктор Павлович. Они тоже ничего не знали. А нам с ва-

ми необходимы самые полные и точные сведения о Елене Бухарцевой и ее сыне. Займитесь, дело первоочередное. Луи Бидо ждет ответа. Если все правда, то ему одна цена, а если с курточкой все подстроено — совсем другая. Поищите ответ в партизанских и других архивах. Быть может, и очевидцы найдутся.

ЛУИ СКАЗАЛ ПРАВДУ

В бывшем партизанском крае Сухину удалось разыскать и жителей села, помнивших те давние события, и партизан, знавших разведчицу Миллер-Бухарцеву, убитую при весьма таинственных обстоятельствах. Многое успели откопать школьные следопыты. Но самое ценное и неоспоримо достоверное оказалось в архиве военного трибунала, приговорившего к расстрелу предателя Павлищева, фашистского карателя и убийцу партизанки-разведчицы Елены Бухарцевой.

Тайна, которая долгое время окутывала историю убийства Бухарцевой, перестала быть тайной. Перед чекистами протокол допроса Павлищева.

«— Чем объяснить, что вы после безуспешных грубых попыток добиться взаимности от Елены Бухарцевой вдруг перешли на осторожное и, кажется, тайное ухаживание?..

— Я боялся Шульца. Он был явно неравнодушен к этой молодой красивой женщине. Соперничать с ним было опасно... К тому же он ухаживал красиво. Одаривал и маму и ребенка. Впрочем, иногда мне казалось, что малютка его интересует даже больше, чем мама.

— Что же вас побудило убить Бухарцеву при встрече в лесу?

— Все тот же страх. Боялся Шульца.

— Расскажите подробнее, что произошло, когда вы встретили Бухарцеву на лесной опушке, вдали от города?»

...Клементьев и Бутов внимательно слушают обстоятельный доклад Сухина. Сомнений нет: Луи сказал правду.

Было уже за полночь, когда чекисты разъехались по домам. Бутов вышел из машины далеко от дома. Хотелось пройтись по безлюдной московской улице, подышать воздухом: сейчас он кажется более чистым, чем днем. Ему легко дышится и легко думается — все стало на свои места. Завтра утром на Пушкинской площади его будет ждать Сергей, и он, неторопливо взвешивая каждое слово, скажет ему: «Судя по всему, этот Герман-Луи — человек честный. К нашему счастью, таких немало в «свободном мире», где он воспитывался. Как быть дальше? Это может решить только он сам, советовать трудно. В любом случае ему придется нелегко, и он должен четко осознать это».

Вернувшись домой, Крымов сразу же позвонил Бидо и сказал, что говорил с юристом и рад будет видеть Луи у себя. Он тотчас же приехал и с порога потребовал ответа:

— Ну, что? Что мне скажете?

— Право выбора за вами, Луи. Если нравится наша страна, можно будет ходатайствовать и получить советское гражданство.

Луи так облегченно вздохнул и так радостно заулыбался, что стало ясно: он уже сделал выбор.

— Однако если переменю гражданство, как быть с фамилией?

— Опять же должен сам решить. А зачем ее менять?

— Но ведь не господин Бидо виноват, что я хожу по земле! И жизнь... Менять — так уж все разом! А Рубин... Я же незаконный...

— В таком случае примите фамилию вашей матери,— предложил Сергей.

Луи взял обе руки Сергея в свои и, глядя в глаза, очень серьезно спросил:

— Я могу рассчитывать, что вы с Ириной не оставите меня? Тут совсем другая жизнь, другие нравы. Мне предстоит начать все сначала. Смогу я опереться на вас, пока освоюсь?

— Разумеется, вы можете во всем положиться и на меня и на Ирину. На этот счет у вас не должно быть никаких сомнений!

НА ЖИТЕЙСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Клементьев выслушал Бутова, еще раз просмотрел бумаги в зеленой папке. Потом поднялся с места и, попыхивая трубкой, стал расхаживать по кабинету. Время от времени он останавливается то у большой карты мира, занявшей полстены, то у книжных полок, то у широкого окна, за которым жизнь огромного города...

— О чем раздумываете, товарищ генерал? Теперь уж, кажется, все...

— Все, да не совсем... А Луи Бидо...— И вопросительно взглянул на Бутова.— Если решит остаться в Советском Союзе, сможет ли полностью, всем сердцем принять наш строй, сродниться с советскими людьми? Надо не упускать его из виду и, если потребуется, помочь. Да, поистине неисповедимы пути людские... Крымов и Бидо... Чудом уцелевшие дети войны. У одного на глазах расстреляли бабушку, у другого убили мать. Шли разными дорогами, а на запутанном житейском перекрестке встретились. Ох, война, война! Будь она проклята!

Через несколько дней Крымов снова встретился с Бутовым.

— Так вот, Виктор Павлович, выбор сделан. Луи решил остаться в Советском Союзе. Горюет, что не застал в живых отца. Мы ездили на кладбище... Втроем — Ирина, Луи и я. И могилу Полякова навестили. Он похоронен там же.

— Это хорошо, а за могилой Полякова присматривает кто-нибудь? У него, кажется, родных не было...

— Нет у него родных... Впрочем...

И Крымов рассказал, что на могиле Полякова лежали два букета гвоздик с алыми лентами. На одной: «Любимому! Аннет». На другой: «Кто борется за счастье людей, тот не умирает. От боевых французских друзей».

В кладбищенской конторе Сергею сказали, что цветы положила приезжая француженка. Она с гидом Интуриста заходила к ним. Ее проводили к могиле Полякова. Француженка долго стояла у осевшего холмика, тихо плакала. Потом гид передал от нее деньги, чтобы могилу привели в порядок и присматривали за ней...

Мегрэ и старая дама

Роман

Жорж СИМЕНОН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЛАДЕЛИЦА «ГНЕЗДЫШКА»

Со скорого поезда Париж — Гавр он сошел на унылой станции Бресте-Бёзвиль. Для этого пришлось подняться в пять утра, когда такси на парижских улицах не поймать, и добираться до Сен-Лазарского вокзала первым поездом метро. Теперь ему еще предстояла пересадка.

— Скажите, пожалуйста, когда отходит поезд на Этрета?

Часы показывали начало девятого. День давно уже наступил, но здесь из-за сырости и дождя казалось, что только светает.

При станции не было ни ресторана, ни буфета, и лишь по другую сторону дороги виднелось некое подобие закусочной, возле которой стояли фургоны торговцев скотом.

— На Этрета? Еще не скоро. Вон где ваш поезд.

Ему указали на стоявшие далеко от платформы вагоны без паровоза, допотопные вагоны зеленого, теперь уже непривычного цвета. За стеклами вагонных окон можно было разглядеть неподвижные фигуры нескольких пассажиров, которые, казалось, торчали там со вчерашнего дня. Выглядело все это несерьезно, что-то было в этом от мира игрушек, от детских рисунков.

Целое семейство — несомненно, парижане! — бог знает почему мчалось во весь дух, перепрыгивая через рельсы, к этому составу без паровоза. Трое ребятишек держали в руках сачки для креветок.

Это и переключило его на иной лад. На мгновение Мегрэ забыл о своем возрасте, ему почудился запах моря, хотя до него было добрых двадцать километров; ему послышался даже размеренный шум прибоя... Он поднял голову и не без почтения посмотрел на серые тучи, плывшие, вероятно, с морского простора.

Он ведь родился и вырос вдали от моря. В его сознании море всегда оставалось таким: сачки для креветок, игрушечные поезда, мужчины в мятых фланелевых штанах, пляжные зонтики, продавцы ракушек и сувениров, маленькие бистро, где устрицы запивают белым вином, семейные пансионы с одинаковым и неповторимым запахом. Обычно мадам Мегрэ уже через несколько дней становилось не по себе в этих пансионах, она тосковала от безделья и охотно стала бы помогать мыть посуду на кухне.

Он, конечно, понимал, как призрачны эти ощущения. Но каждый раз, приближаясь к морю, помимо воли опять погружался в этот игрушечный мир, где, казалось, ничего серьезного и произойти не может.

За время службы ему не раз приходилось вести следствие на побережье. Случались там и настоящие драмы. Но и теперь, попивая кальвадос в закусочной, он чуть было не улыбнулся, вспомнив о старой даме по имени Валентина и ее приемном сыне, которого зовут Бессон.

Уже начался сентябрь. Среда, шестое число. В этом году опять не удалось побывать в отпуске.

...Накануне, около одиннадцати часов, старый привратник вошел в его кабинет на набережной Орфевр и протянул визитную карточку с черной каймой:

> Вдова Фернана Бессона. Вилла «Гнездышко». Этрета.

— Она хочет видеть меня лично?

— Да. И настоятельно просит вас уделить ей хотя бы минуту. Утверждает, что специально приехала из Этрета.

— Как она выглядит?

— Это старая дама. Очаровательная старая дама.

Он велел впустить ее. И действительно, вошла обаятельнейшая пожилая дама, какую можно лишь вообразить. Изящная, миниатюрная, с нежным румянцем и белоснежными волосами, она была так моложава и грациозна, что походила скорее на юную актрису, играющую роль пожилой маркизы.

— Вероятно, вы меня не знаете, господин комиссар. Поэтому я еще больше ценю вашу любезность. Я же, напротив, много лет знаю вас по отчетам о потрясающих преступлениях, которые вам удавалось раскрыть. Если вы приедете ко мне, а я на это надеюсь, я покажу вам целую кипу газетных вырезок, где говорится о вас.

— Благодарю вас.

— Меня зовут Валентина Бессон. Это имя, конечно, вам ничего не говорит. Но вы, вероятно, поймете, кто я, если я добавлю, что мой муж Фернан Бессон был создателем косметического крема «Жюва».

В своем достаточно солидном возрасте Мегрэ не мог не знать слова «Жюва». Совсем еще молодым он встречал его в газетных объявлениях и на рекламных плакатах и теперь, кажется, припоминал даже, что его мамаша пользовалась кремом «Жюва» в дни, когда надевала самые нарядные платья.

Сидящая перед ним пожилая дама была одета с изысканной элегантностью, только обилие драгоценностей делало ее туалет чуть старомодным.

— Мой муж умер пять лет назад, и с того времени я живу одна в своем домике в Этрета. Точнее, до прошлого воскресенья со мной жила еще служанка, местная девушка, работавшая у меня несколько лет. В ночь с воскресенья на понедельник, господин комиссар, она умерла — некоторым образом вместо меня. Именно поэтому я и приехала к вам умолять о помощи.

Говорила она спокойно и лишь тонкой улыбкой словно извинялась, что ей приходится рассказывать о столь трагических вещах.

— Я не сумасшедшая, не пугайтесь, и не сумасбродная старуха. Когда я говорю, что Роза — так звали мою служанку — умерла вместо меня, я почти уверена, что не ошибаюсь. Позвольте мне в нескольких словах рассказать о том, что произошло.

— Прошу вас.

— Я плохо сплю и вот уже двадцать лет каждый вечер принимаю снотворное — довольно горькую микстуру с сильным привкусом аниса. Я говорю об этом со знанием дела, так как мой муж был фармацевтом.

В воскресенье перед сном, как и в другие вечера, я налила снотворное в стакан. Роза была подле меня, когда я уже лежала в постели, собиралась выпить лекарство. Отпила глоток, и мне показалось, что на этот раз оно горчит больше обычного.

«Наверно, я налила больше двенадцати капель, Роза. Сегодня я не стану его пить». «Спокойной ночи, мадам»,— сказала она и, как обычно, унесла стакан. Как знать, она только попробовала его из любопытства или выпила до дна? Вероятнее всего последнее: пустой стакан нашли в ее комнате.

Около двух часов ночи меня разбудили стоны, мой дом невелик. Я поднялась и, выйдя из спальни, встретила свою дочь, которая тоже была на ногах...

— Я полагал, что вы живете только со служанкой?

— В то воскресенье, третьего сентября, был день моего рождения, и дочь, приехавшая из Парижа навестить меня, осталась переночевать.

Не стану отнимать у вас время, господин комиссар. Розу мы нашли при смерти в ее постели. Моя дочь бросилась вызывать доктора Жолли, но, когда он приехал, Роза уже умерла после обычных в подобных случаях судорог. Врач, не колеблясь, определил, что она отравлена мышьяком.

Она была не из тех девушек, которые кончают с собой, она она то же, что и мы. Стало быть, яд почти наверняка находился в предназначавшемся мне лекарстве...

— Вы подозреваете кого-нибудь в попытке убить вас?

— Кого я могу подозревать? Доктор Жоляи, мой давний друг, лечивший еще моего мужа, позвонил в полицию Гавра, и в понедельник утром к нам прибыл инспектор.

— Как его зовут?

— Инспектор Кастэн. Краснощекий мужчина, брюнет.

— Я знаю его. Что же он говорит?

— Ничего. Опрашивает местных жителей. Тело же отправили в Гавр для вскрытия...

Ее прервал телефонный звонок. Мегрэ взял трубку. Звонил директор сыскной полиции.

— Поднимитесь ко мне на минутку, Мегрэ!

— Сейчас?

— Да. Если можно.

Он извинился перед старой дамой: его вызывает шеф.

— Вас не соблазнила бы перспектива провести несколько дней на море? — спросил Мегрэ директор.

Мегрэ ответил наугад:

— В Этрета?

— Вы уже в курсе?

— Не знаю. Расскажите подробнее.

— Только что мне позвонили из канцелярии министра. Вы знаете Шарля Бессона?

— Крем «Жюва»?

— Не совсем так. Это его сын. Шарль Бессон живет в Фекане. Два года назад был избран депутатом от Нижней Сены.

— А мать его живет в Этрета?

— Не мать, а мачеха, она вторая жена его отца. Учтите, все то, о чем я вам говорю, мне только что сообщено по телефону. Шарль Бессон обратился к министру с просьбой, чтобы вы, хотя это и не входит в ваши служебные обязанности, согласились заняться одним делом в Этрета.

— Служанка его мачехи была отравлена в ночь с воскресенья на понедельник.

— Вы что, читаете нормандские газеты?

— Нет. Старая дама у меня в кабинете.

— И она тоже хочет, чтобы вы поехали в Этрета?

— Совершенно верно. Она специально приехала ко мне, из чего, пожалуй, можно заключить, что пасынок обратился к министру без ее ведома.

— Что же вы решили?

— Это зависит от вас, патрон...

Вот почему в среду утром, чуть позже половины десятого, Мегрэ сел наконец в местный поезд на станции Бреоте-Бавимиль, в тот самый поезд, который казался ему игрушечным, и сразу высунулся в окошко, чтобы быстрее увидеть море.

По мере того как оно приближалось, небо светлело, и, когда поезд вынырнул из лощины между поросшими травой холмами, небо оказалось чистым, лишь несколько легких, прозрачных облачков висело в его голубизне.

Накануне Мегрэ позвонил в оперативную группу Гавра, чтобы там предупредили инспектора Кастэна о его приезде, но сейчас, на вокзале, он тщетно пытался отыскать его на платформе. Встречавшие кого-то женщины в летних платьях и полуголые детишки оживляли перрон. Начальник станции, нерешительно оглядывавший прибывших, подошел наконец к комиссару.

— Вы случайно не комиссар Мегрэ?

— Случайно — да.

— У меня к вам письмо.

Он передал Мегрэ конверт. Инспектор Кастэн писал:

«Прошу прощения, что не встретил Вас. Сейчас я на похоронах в Ипоре. Рекомендую Вам остановиться в «Английской гостинице», где я надеюсь с Вами позавтракать. Там же я введу Вас в курс дела».

Было всего десять часов утра, и Мегрэ, прихвативший в дорогу лишь легкий чемодан, направился пешком к отелю, расположенному у самого пляжа.

Но, не заходя в отель, прямо с чемоданом, он пошел взглянуть на море, полюбоваться белыми скалами, возвышавшимися по обе стороны пляжа, усеянного галькой. Юноши, девушки резвились в волнах, другие играли в теннис за отелем, мамаши удобно устроились с вязаньем в шезлонгах, старички попарно прогуливались вдоль берега.

Еще школьником он помнил, как его сверстники каждый год возвращались с моря загорелыми, напичканными всевозможными историями, с карманами, полными ракушек. Сам же он впервые увидел море много позже, когда давно уже зарабатывал себе на жизнь.

Ему стало чуть грустно оттого, что он не испытывает больше знакомого волнения и уже равнодушно смотрит и на сверкающие гребешки, и на лодку, зарывающуюся в высокую волну, и на инструктора плавания с голыми татуированными руками.

Запах отеля был настолько знакомым, что вдруг ему стало недоставать мадам Мегрэ: ведь этот запах они обычно вдыхали вместе.

— Вы надолго к нам? — спросили его в отеле.

— Еще не знаю.

— Я потому спрашиваю, что пятнадцатого сентября мы закрываемся, а сегодня уже шестое.

Да, все здесь закроется, как в театре: и киоски с сувенирами и кондитерские; на окнах появятся ставни, только море и чайки будут хозяйничать на пустынном берегу.

— Вы знаете мадам Бессон? — спросил он у администратора отеля.

— Валентину? Конечно, знаю. Она из этих мест, здесь родилась, здесь рыбачил ее отец. Я не знавал ее ребенком, она старше меня, но хорошо помню, как она работала продавщицей в кондитерской сестер Сёрэ. Одна из сестер умерла, другая еще жива, ей девяносто два года, она соседка Валентины. Это ее сад обнесен голубым забором. Заполните, пожалуйста, карточку для приезжих.

Прочтя карточку, администратор,— а может, это был сам хозяин — посмотрел на Мегрэ с нескрываемым интересом.

— Вы тот самый Мегрэ, из полиции? Специально ради этого дела приехали из Парижа?

— Инспектор Кастэн здесь остановился?

— Как вам сказать... Он с понедельника почти ежедневно обедает у нас, но каждый вечер возвращается в Гавр.

— Я жду его.

— Он на похоронах, в Ипоре.

— Да. Знаю.

— Вы полагаете, что кто-то на самом деле пытался отравить Валентину?

— Я еще не успел узнать ничего определенного.

— Это могли сделать только ее родственники.

— Вы имеете в виду ее дочь?

— Я никого не имею в виду и ничего не знаю. Но в прошлое воскресенье в доме Валентины — она называет его «Гнездышком» — было много родственников. И я не представляю, кто бы из местных мог быть зол на Валентину. Столько добра сделала эта женщина при жизни мужа, когда у нее были средства! И даже сейчас она все раздает, хотя далеко не так богата. Мерзкая это история, поверьте мне. Этрета всегда был спокойным местом. Сюда приезжают люди определенного круга, обычно семьями, я мог бы назвать вам...

Мегрэ предпочел пройтись по залитым солнцем улицам. На площади перед мэрией он прочел надпись над белой витриной: «Кондитерская Морэн — бывшее заведение Сёрэ».

У продавца он спросил, как пройти к «Гнездышку». Ему указали дорогу, извивающуюся по отлогому склону холма, у подножия которого несколько вилл утопало в садах. Он постоял в немотором отдалении от скрытого зеленью дома, из трубы которого медленно поднимался дымок и таял в бледной синеве неба.

Когда он вернулся в отель, инспектор Кастэн был уже там. Его маленькая черная «симка» стояла у подъезда, а сам он ждал на лестнице.

— Хорошо доехали, господин комиссар? Очень сожалею, что не смог встретить вас на вокзале. Я решил, что небесполезно побывать на этих похоронах. Судя по всему, таков и ваш метод.

— И что же там было?

Они зашагали вдоль берега.

— Не знаю, что и сказать. Прошли похороны скорее плохо. Обстановка была напряженной. Тело девушки привезли из Гавра сегодня утром, и родные прямо со станции отвезли ее на грузовике в Ипор. Семейство Трошю! Вы еще услышите о них. Здесь полно этих Трошю, и почти все они рыбаки. Отец долгое время ловил сельдь в Фекане, тем же заняты сейчас его два старших сына. Роза была старшей из дочерей. У них есть еще две или три дочери, одна из них живет в Гавре, работает в кафе.

У Кастэна были густые волосы, низкий лоб, он излагал свои мысли с такой упрямой медлительностью, словно тянул на себе плуг.

— В Гавре я уже шесть лет и исколесил всю округу. В здешних деревнях, особенно вблизи старых замков, встречаются еще смиренные люди, которые почтительно вспоминают своего барина. Есть и другие, более грубые, недоверчивые, иногда злобные. Я еще не знаю, к каким из них отнести Трошю, но сегодня на похоронах Валентину Бессон встретили холодно, почти враждебно.

— Меня только что убеждали, что она всеобщая любимица в Этрета.

— Но Ипор не Этрета. И Роза мертва.

— Значит, старуха была на похоронах?

— Как же, в первом ряду. Кое-кто называет ее помещицей, возможно, потому, что у нее был когда-то замок где-то в Орне или в Сало не, уж не знаю точно. Вы видели ее?

— Она приезжала ко мне в Париж.

— Она говорила мне, что собирается в Париж, но я не знал, что она ездила к вам. Что вы можете сказать о ней?

— Пока ничего.

— Она была колоссально богата. Много лет у нее был в Париже свой особняк на авеню Иены, собственный замок, собственная яхта. А «Гнездышко» — это так, пристанище на всякий случай.

Она приезжала сюда в большом лимузине с шофером, а сзади следовал другой автомобиль, с багажом. Все глазели на нее по воскресеньям, когда она отстаивала мессу в первом ряду (в церкви у нее всегда была своя скамья) и потом щедро раздавала милостыню. Если кому-нибудь приходилось туго, ему обычно советовали: «Ступай к Валентине». Многие, особенно среди пожилых, так и называли ее, по имени.

Сегодня утром она приехала в Ипор в такси и вышла из машины торжественно, как в прежние времена. Казалось, что это именно она руководит церемонией похорон. Ее огромный венок, конечно, затмил все остальные.

Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что Трошю были раздражены и поглядывали на нее искоса. Она сочла своим долгом со всеми поздороваться за руку. Отец не глядя, весьма неохотно протянул ей свою. А старший сын Анри просто повернулся к ней спиной.

— Дочь мадам Бессон была с ней?

— В понедельник после обеда она возвратилась поездом в Париж. Я не вправе был удерживать ее. Должно быть, вы заметили, что я еще не совсем разобрался в этом деле? Однако я считаю, что необходимо снова ее допросить.

— Как она выглядит?

— Должно быть, мать выглядела так в ее возрасте, то есть в тридцать восемь лет. На вид дочери не дашь больше двадцати пяти. Миниатюрная, изящная, очень миловидная, с огромными, по-детски ясными глазами. А между тем какой-то мужчина — однако не ее муж — провел ночь с воскресенья на понедельник у нее в спальне, в «Гнездышке».

— Она вам об этом сказала?

— Нет. Это я обнаружил сам, но слишком поздно, чтобы расспросить у нее о деталях. Пожалуй, стоит рассказать вам все по порядку. Дело это намного сложней, чем кажется с первого взгляда. Я кое-что записывал. Вы позволите?

Он вытащил из кармана роскошную записную книжку в красном кожаном переплете, совсем непохожую на дешевенькие блокноты, которыми обычно пользовался Мегрэ.

— В Гавре нас известили в понедельник, в семь утра, а в восемь, придя на работу, я обнаружил на столе записку. Я сел в «симку» и примерно к девяти был уже здесь. Шарль Бессон приехал на своей машине чуть раньше меня.

— Он живет в Фекане?

— Да, там у него дом, его семья живет там круглый год. Но с тех пор, как его выбрали депутатом, часть времени он проводит в Париже, где снимает квартиру в гостинице на бульваре Распай. Все воскресенье он провел здесь, с семьей, то есть с женой и четырьмя детьми.

— Он ведь не сын Валентины?

— У Валентины нет сыновей, только одна дочь Арлетта, та, о которой я вам рассказывал. Она замужем за парижским дантистом.

— Муж ее тоже был здесь в воскресенье?

— Нет. Арлетта приезжала одна. Был день рождения ее матери. У них, кажется, в семье обычай навещать ее в этот день. Когда я спросил у Арлетты, каким поездом она приехала, она ответила, что утренним, то есть тем же, что и вы сегодня.

Но вы сейчас убедитесь, что она солгала! В понедельник, как только труп был отправлен в Гавр, я сразу же осмотрел все комнаты в доме. Работа не из легких. Дом хотя и невелик, но обставлен со вкусом, в нем масса всяких закоулков, хрупкой мебели и безделушек.

Комнаты Валентины и служанки — на втором этаже, а на первом есть только комната для гостей, в ней-то и останавливалась Арлетта. Передвигая тумбочку, я обнаружил мужской носовой платок, и мне показалось, что Арлетта, наблюдавшая за мной, вдруг сильно встревожилась. Она живо выхватила платок у меня из рук. «Надо же! Я увезла платок мужа».

К сожалению, я только вечером вспомнил о вышитой на платке букве «Э». Арлетта уехала. Я отвез ее на вокзал в своей машине и видел, как она купила билет в кассе.

Сам знаю, что это глупо, но только в машине я вдруг сообразил: почему же, уезжая из Парижа, она не взяла обратный билет? Возвратившись в зал ожидания, я стал расспрашивать контролера.

«Эта дама приехала в воскресенье десятичасовым поездом, не так ли?» «Какая дама?» «Та, которую я только что проводил». «Мадам Арлетта? Нет, мосье». «Разве она приехала не в воскресенье?» «Возможно, она приехала и в воскресенье, но только не поездом. Я проверял билеты и, конечно, узнал бы ее».

Кастэн посмотрел на Мегрэ с некоторым беспокойством.

— Вы меня слушаете?

— Да, конечно.

— Может быть, я рассказываю слишком подробно?

— Да нет же. Просто мне надо привыкнуть ко всему этому.

— К чему?

— Ко всему: к вокзалу, к Валентине, Арлетте, контролеру, Трошю. Ведь еще вчера я ничего не знал обо всем этом.

— Вернувшись в «Гнездышко», я спросил у старой дамы имя ее зятя. Оказывается, его зовут Жюльен Сюдр. Ни имя, ни фамилия не начинаются с буквы «Э». Приемных сыновей мадам Бессон зовут Тео и Шарль. Правда, садовника, приходящего на виллу трижды в неделю, зовут Эдгар, но, во-первых, его не было в воскресенье, а во-вторых, меня уверили, что у него никогда не было больших носовых платков с красной каймой.

Не зная, с чего начать следствие,— продолжал Кастэн,— я принялся расспрашивать людей в городе. И таким образом от продавца газет узнал, что Арлетта приехала не поездом, а в роскошном спортивном автомобиле зеленого цвета. Это упрощало дело. Владелец зеленого автомобиля, оказывается, остановился в воскресенье вечером в отеле, который я вам рекомендовал.

Им оказался некий Эрве Пейро, который записал в карточке для приезжающих, что он виноторговец и живет в Париже на набережной Святых Августинцев.

— Ночь он провел не в отеле?

— Он проторчал в баре до закрытия, то есть почти до полуночи, а потом, вместо того чтобы отправиться спать, куда-то пошел пешком, сказав, что идет к морю. Ночной сторож говорит, что Пейро вернулся что-то около половины третьего ночи. Я говорил со слугой, который чистит обувь в отеле, и от него узнал, что на подметках ботинок этого Пейро налипла красная глина.

Во вторник утром, вернувшись в «Гнездышко», я обнаружил под окном у Арлетты следы на клумбе. Что вы скажете на это?

— Ничего.

— Ну, а что касается Тео Бессона...

— Он тоже был в доме?

— Но не ночью. Вам ведь известно, что братья Бессоны — дети от первого брака, и Ва-

лентина не их мать. Я записал всю родословную семьи и, если хотите...

— Только не сейчас. Я голоден.

— Короче, Тео Бессон — холостяк, ему сорок восемь лет. Уже две недели, как он отдыхает в Этрета.

— У мачехи?

— Нет. Они не встречаются. Мне кажется, они в ссоре. Он снял комнату в отеле «Белые скалы», который виден отсюда.

— Значит, он не был на виллах?

— Погодите, дело в том, что Шарль Бессон...

Бедняга Кастэн вздохнул, отчаявшись толково изложить дело. Особенно его смущало то, что Мегрэ, казалось, совсем его не слушает.

— В воскресенье утром Шарль Бессон приехал в одиннадцать часов вместе с женой и четырьмя детьми. У них свой автомобиль, огромный «панар» старого образца. Арлетта приехала до них. Они все вместе позавтракали в «Гнездышке». Затем Шарль Бессон отправился на пляж со старшими детьми: мальчиком пятнадцати лет и девочкой двенадцати. А в это время дамы болтали.

— Он встретился с братом?

— Совершенно верно. Подозреваю, что Шарль Бессон затеял эту прогулку, чтобы опрокинуть стаканчик в баре казино. По слухам, он не дурак выпить. Там он и повстречал Тео, о присутствии которого в Этрета не подозревал, и настоял, чтобы Тео пришел с ним в «Гнездышко». Тео в конце концов дал себя убедить. Итак, за обедом семейство было в полном сборе. Обед был холодный — лангусты и жареная баранина.

— Обед никому не повредил?

— Нет. Кроме членов семьи, в доме была лишь служанка. Шарль Бессон уехал в половине десятого. Его пятилетний сын Клод проспал все это время в комнате хозяйки, а когда все уже садились в машину, заплакал их шестимесячный младенец, и ему пришлось дать соску.

— Как зовут жену Шарля Бессона?

— Кажется, Эмильенна. Хотя все зовут ее Мими.

— Мими,— с серьезным видом повторил Мегрэ, как будто заучивал наизусть урок.

— Полная брюнетка лет сорока.

— Полная брюнетка? Так-так. Значит, они уехали около десяти?

— Совершенно верно. Тео задержался на несколько минут. И затем, кроме трех женщин, в доме никого уже не оставалось.

— Валентина, ее дочь Арлетта и Роза?

— Совершенно верно. Роза мыла посуду на кухне, а мать и дочь болтали в гостиной.

— Все комнаты на втором этаже?

— Кроме комнаты для гостей, как я вам уже объяснял. Она на первом этаже, окна выходят в сад. Вы увидите «Гнездышко» — настоящий кукольный домик, с крошечными комнатами.

— Арлетта не поднималась в комнату к матери?

— Около десяти часов они вместе прошли туда: старой даме захотелось похвастаться перед дочерью новым платьем.

— Спустились они вместе?

— Да. Затем Валентина снова поднялась к себе — укладываться спать. Через несколько минут за ней прошла Роза. Она обычно помогала хозяйке лечь в постель и подавала ей снотворное.

— Она же его и готовила?

— Нет. Валентина заранее закапывает лекарство в стакан с водой.

— Арлетта больше не поднималась?

— Нет. И в половине двенадцатого Роза тоже легла спать.

— А около двух часов она начала стонать?

— Это время называют Арлетта и ее мать.

— И, значит, по-вашему, между полуночью и двумя часами в комнате Арлетты находился мужчина, с которым она приехала из Парижа? А вам неизвестно, чем занимался Тео этой ночью?

— До сих пор у меня не было времени выяснить это, и, признаюсь, мне даже и мысль такая не приходила.

— Что ж, пойдем завтракать.

— С удовольствием.

— А здесь можно заказать ракушки в соусе?

— Думаю, можно. Хотя не уверен. Я только знакомлюсь с меню.

— Сегодня утром вы побывали в доме родителей Розы?

— Только в первой комнате, где стоял гроб.

— Нет ли у них ее хорошей фотографии?

— Могу спросить.

— Сделайте это. Возьмите все фотографии, какие только сможете найти, даже детские всех возрастов. Кстати, сколько ей было лет?

— Двадцать два или двадцать три. Рапорт составлял не я, и...

— Она, кажется, давно служила у старой дамы?

— Семь лет. К Валентине она поступила совсем молоденькой, еще при жизни Фернана Бессона. Плотная, румяная девица, с пышным бюстом...

— Она никогда не болела?

— Доктор Жоллн ничего об этом не говорил. Думаю, что он сказал бы мне.

— Хотелось бы знать, были у Розы поклонники или, может быть, любовник?

— Я тоже подумал об этом. Как будто нет. Она была очень серьезной девушкой и редко выходила из дому.

— Может быть, ее не отпускали?

— Я не совсем уверен, но похоже, что Валентина строго следила за ней и неохотно давала выходные.

Все это время они гуляли вдоль берега. Мегрэ не сводил глаз с моря, но словно даже не замечая его. Все было кончено. Утром в Бреотэ-Бёзевиле он еще испытал приятное волнение. Игрушечный поезд напомнил ему о прежних каникулах. А сейчас он уже не замечал цветных купальников женщин, ребят, растянувшихся на гальке, не ощущал йодистого запаха водорослей. Лишь мельком осведомился, будут ли к обеду ракушки в соусе. Голова его была заполнена новыми именами, которые он пытался разместить в своей памяти так, как сделал бы это в своем кабинете на набережной Орфевр. Вместе с Кастэном он уселся за стол, накрытый белой скатертью, на котором в узкой вазе поддельного хрусталя стояли гладиолусы.

Может быть, это признак старости? Он повернул голову к окну, чтоб еще раз увидеть белые барашки на море, и его огорчило, что он снова не почувствовал никакого душевного трепета.

— Много было народу на похоронах?

— О, там был весь Ипор, не считая приехавших из Этрета и таких местечек, как Ложь, Вокотт; были и рыбаки из Фекана.

Ему припомнились деревенские похороны, даже показалось, что он вдыхает запах кальвадоса. И он спросил с самым серьезным видом:

— Наверно, мужчины напьются сегодня вечером?

— Весьма возможно,— согласился Кастэн, слегка удивленный ходом мыслей прославленного комиссара.

Ракушек в меню не оказалось, на закуску они заказали сардины в масле и сельдерей под острым соусом.

Продолжение следует.

Мегрэ и старая дама

Роман

Жорж СИМЕНОН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОШЛОЕ ВАЛЕНТИНЫ

Не найдя звонка, он толкнул калитку, оказавшуюся незапертой, и вошел в сад. Нигде еще не встречал он такого обилия растительности на столь ограниченном участке земли. Цветущие кусты росли так тесно, что напоминали о джунглях. А из каждого свободного уголка выглядывали георгины, хризантемы, лупины и другие цветы, названий которых Мегрэ не знал,— их изображения он встречал только в витринах, на веселых, красочных этикетках пакетов с семенами.

Шиферная крыша дома, которую он заметил с дороги, все еще была скрыта зеленью. Дорожка петляла, и он сворачивал то налево, то направо, пока наконец не вышел на задний двор, вымощенный большими розовыми плитками. Здесь были кухня и прачечная.

Плотная, черноволосая, чуть с проседью крестьянка, одетая в черное, мрачно выколачивала матрац. Вокруг нее под открытым небом в беспорядке была расставлена мебель спальной комнаты. Раскрытая тумбочка, стул с соломенным сиденьем, разобранная кровать. Занавеси и одеяла висели на веревке.

Продолжение. См. «Огонек» № 42.

Не прекращая работы, женщина разглядывала его.

— Мадам Бессон дома?

Она молча указала ему на окна, увитые диким виноградом. Сквозь стекла он увидел Валентину в гостиной. Она не ждала, что он пройдет задним двором, и, не подозревая о его присутствии, готовилась его встретить. Поставив на круглый столик серебряный поднос с хрустальным графином и рюмками, она отступила на шаг, чтобы оценить эффект, затем поправила прическу, разглядывая себя в старинное зеркало в резной оправе.

— Постучите,— не очень любезно сказала крестьянка.

Он только теперь заметил дверь, выходящую на балкон, и постучал в нее. Валентина удивленно обернулась, но тут же на ее лице появилась предназначенная ему улыбка.

— Я знала, что вы придете, но надеялась встретить вас у парадного входа, если только слово «парадный» подходит к моему домику.

В первые мгновения у него снова появилось то же впечатление, что в Париже. Она была так оживленна, так резва, что напоминала молодую, даже очень молодую женщину, лишь переодетую старой дамой для любительского спектакля. И при этом она не молодилась. Напротив, пепрой ее черного шелкового платья, прическа, широкий бархатный волан вокруг шеи — все подходило к ее возрасту.

Потом, разглядев ее внимательнее, он отметил и мелкие морщинки, и увядшую шею, и ту сухость рук, которая не может обмануть.

— Позвольте вашу шляпу, господин комиссар, и выберите кресло, где будет вам удобно. В моем кукольном домике вы должны чувствовать себя не совсем свободно, не правда ли?

Она все время словно подшучивала над собой и, видимо, знала, что это прибавляет ей очарования.

— Вам, должно быть, уже говорили, а если нет, наверняка скажут, что у меня есть странности. У меня действительно масса причуд. Вы не можете себе представить, сколько чудачеств появляется у одиноких людей. Может быть, вы присядете в это кресло у окна и доставите мне удовольствие — закурите вашу трубку? Мой муж с утра до вечера курил сигару. Сигарный дым заполнял весь дом. Между нами, я даже думаю, что это ему не нравилось — курить он стал поздно, после сорока. Как раз тогда, когда крем «Жюва» приобрел известность.

Она быстро, словно извиняясь за свою навязчивость, добавила:

— У каждого свои слабости. Надеюсь, вы уже пили кофе в отеле? Тогда позвольте предложить вам рюмку кальвадоса, которому уже больше тридцати лет.

Он понял, что глаза молодят ее ничуть не меньше, чем живость. Бледно-голубые, как сентябрьское небо над морем, они сохраняли всегда изумленное, восторженное выражение, какое могло быть у «Алисы в стране чудес».

— Если вас не шокирует, я также выпью с вами капельку, чтобы вы пили не один... Как видите, я не скрываю свои маленькие слабости. В доме у меня все вверх дном, я только что вернулась с похорон бедняжки Розы. Больших трудов стоило мне уговорить мамашу Леруа помочь убраться. Вы, наверное, догадались, что во двор вынесена мебель из комнаты Розы. Я ужасно боюсь смерти, господин комиссар, и всего, что с ней связано! До тех пор, пока весь дом от фундамента до крыши не будет вычищен и проветрен, меня будет преследовать запах смерти.

Лучи солнца сквозь кроны лип и оконное стекло проникли в комнату и заиграли на мебели золотистыми зайчиками.

— Я и не подозревала, что прославленный комиссар Мегрэ когда-нибудь будет сидеть в этом кресле.

— Вы, кажется, говорили, что собираете газетные вырезки о моей работе?

— Как же! Я часто вырезала их. Помню, еще девочкой собирала газетные вырезки — приключенческие романы с продолжением.

— Они у вас здесь?

— Сейчас поищу.

Он уловил сомнение в ее голосе. Слишком уж уверенно направилась она к старинному секретеру, пошарила в его ящичках, потом подошла к резному комоду.

— Может быть, они в моей комнате?

Она направилась к лестнице.

— Не утруждайте себя.

— Да нет же! Я очень хочу найти их. Я ведь догадываюсь, какие у вас мысли. Вы думаете, что в Париже я это сказала для того, чтобы польстить вам и убедить вас приехать сюда. Сказать по правде, бывает, что и приврешь иногда, как и все женщины, но, клянусь вам, это не тот случай.

Он слышал, как она ходила из угла в угол по верхней комнате. Спустившись, она довольно неловко разыграла сцену разочарования.

— Между нами, Роза не умела навести порядок. Она, проще говоря, была неряхой. Завтра я поищу на чердаке. Во всяком случае, я найду эти вырезки до вашего отъезда из Этрета. А теперь, я думаю, у вас есть масса вопросов ко мне, поэтому устроюсь-ка я поудобней в своем, бабушкином, кресле. Ваше здоровье, господин Мегрэ.

— Ваше здоровье, мадам.

— Я вам не кажусь смешной?

Он вежливо покачал головой.

— Вы на меня не сердитесь за то, что я похитила вас с вашей набережной Орфевр? Не правда ли, забавно, что моему приемному сыну пришла в голову та же мысль, что и мне? Он очень гордится тем, что он депутат, и, разумеется, поступил иначе — обратился к министру. Скажите откровенно, вы приехали ради него или ради меня?

— Ради вас, конечно.

— Вы считаете, что мне следует чего-то опасаться? Странно. Я никак не могу всерьез принять эту угрозу. Говорят, что старые женщины боязливы. Но почему? Ведь сколько таких же старых женщин, как я, живут тихо и уединенно! Роза спала в этом же доме, но трусила именно она и будила меня по ночам, когда ей мерещился шум на улице. Во время грозы она не выходила из моей комнаты и всю ночь в одной рубашке дрожала в моем кресле и бормотала молитвы.

А не боюсь я, возможно, потому, что ума не приложу, кто мог бы желать мне зла. Я ведь уже не богата. Все в округе знают, что я живу на скромную пожизненную ренту, оставшуюся после разорения. Этот дом также принадлежит только мне, никто не унаследует его. Мне кажется, я никому не причинила зла...

— Однако Роза мертва.

— Да, это так. Возможно, вы сочтете меня глупой и эгоистной, но даже теперь, когда она уже в могиле, я с трудом верю в случившееся. Вы сейчас, конечно, захотите осмотреть дом. Рядом — столовая, а вот эта дверь ведет в комнату для гостей, где ночевала моя дочь. И, кроме кухни, прачечной и кладовой, на первом этаже ничего нет, а второй этаж и того

меньше, потому что над кухней и прачечной нет надстроек.

— Дочь часто навещает вас?

На лице ее появилось смиренное выражение.

— Раз в год. В день моего рождения. Все остальное время я не вижу ее. И не получаю о ней известий. Она никогда не пишет мне.

— Она, кажется, замужем за зубным врачом?

— Я думаю, мне следует познакомить вас с историей всей семьи. Это естественно. Любите ли вы откровенность, господин Мегрэ? Или предпочитаете, чтоб я рассказывала вам, как светская дама?

— Надо ли спрашивать, мадам?

— Вы еще не видели Арлетту?

— Нет еще.

Она достала из ящика старые конверты с фотографиями.

— Взгляните. Здесь ей восемнадцать лет. Говорят, она на меня похожа. Да, что касается внешности, я вынуждена согласиться.

Действительно, сходство поражало. Арлетта была так же миниатюрна, как ее мать, те же тонкие черты лица и особенно те же большие светлые глаза.

— Как говорится, ангел во плоти, не правда ли? Бедняга Жюльен поверил в это и женился на ней, хотя я его предупреждала. Он ведь славный малый, работяга, начинал он на пустом месте, с большим трудом закончил учение и сейчас работает по десять, а то и больше часов в день в своем скромном зубоврачебном кабинете на улице Сент-Антуан.

— Вы полагаете, они несчастливы?

— Он-то, может быть, и счастлив. Бывают ведь люди, которые умеют быть счастливыми... По воскресеньям он располагается с мольбертом где-нибудь на берегу Сены и рисует. У них есть лодка...

— Ваша дочь любит мужа?

— Посмотрите на эти фотографии и решите сами. Может быть, она и способна любить, но я этого никогда не замечала. Когда я работала в кондитерской сестер Сёрэ — вам, наверное, говорили об этом,— случалось, что она бросала мне в лицо: «Не думаешь ли ты, что очень приятно иметь мать, которая продает пирожные моим подружкам!» Тогда ей было семь лет, мы вдвоем жили в комнатушке под лавкой часовщика, которая сохранилась до сих пор. Когда я вышла замуж, жизнь ее изменилась.

— Вам не трудно рассказать сначала о вашем первом муже? Мне наверняка будут говорить о нем, поэтому хотелось бы прежде послушать вас.

Она наполнила его рюмку, вопрос нисколько не смутил ее.

— Тогда я начну, пожалуй, с родителей. Я урожденная Фок, эту фамилию вы еще встретите в округе. Отец мой рыбачил здесь, в Этрета. Мать нанималась поденно прислугой в такие дома, как этот, но только летом, потому что зимой здесь никого не оставалось. У меня было три брата и сестра, все они умерли. Один из братьев убит на войне 1914 года, другой утонул в результате кораблекрушения. Сестра вышла замуж и умерла от родов. А мой третий брат, Люсьен, работал парикмахером в Париже и плохо кончил: его пырнули ножом в одном из кабачков возле площади Бастилии. Я никогда не стыдилась этого и не скрывала свое происхождение. Иначе на склоне лет я не приехала бы сюда, где все меня знают.

— Вы работали при жизни родителей?

— С четырнадцати лет я служила няней, потом горничной в отеле. Мать моя к этому времени умерла от рака груди. Отец жил до глубокой старости, но сильно пил — в последние дни он совершенно потерял человеческий облик. Я познакомилась с молодым человеком из Руана по имени Анри Пужоль, который служил на почте, и вышла за него замуж. Это был милый, очень спокойный и воспитанный человек. Но я еще не знала тогда, что означал лихорадочный румянец на его щеках. Четыре года я была молодой супругой и хозяйкой трехкомнатной квартиры. Потом стала матерью. Мужа, когда он возвращался с работы, я встречала с детской коляской. По воскресеньям мы покупали пирожные у сестер Сёрэ. Раз в год мы выбирались в Руан к его родителям, они держали бакалейную лавку в верхнем городе.

Но вот Анри начал кашлять, через несколько месяцев он скончался, оставив меня одну с Арлеттой... Я сменила квартиру, поселилась в одной комнате и пошла работать продавщицей в кондитерскую сестер Сёрэ. Говорили, что моя молодость и красота привлекают покупателей. И вот однажды я познакомилась в магазине с Фернаном Бессоном.

— Сколько вам было тогда лет?

— Несколько месяцев спустя мы поженились, тогда мне было тридцать.

— А ему?

— Примерно пятьдесят пять. Он овдовел много лет назад. И самое забавное, что его сыновья — мальчики шестнадцати и восемнадцати лет — казалось, вот-вот влюбятся в меня.

— Этого не произошло?

— Разве что Тео, в самом начале. Позже он стал холоден со мной, но я на него за это никогда не сердилась. Вам известна история Бессона?

— Я знаю, что он был владельцем предприятий, изготовлявших косметический крем «Жювa».

— В таком случае вы, наверно, представляете себе незаурядного человека? Увы! Все было иначе. Обыкновенный фармацевт из Гавра, где у него была тесная и темная аптека в бедном квартале, с двумя стеклянными шарами на витрине — зеленым и желтым. Сам он в сорок лет, как вы видите на фотографии, был похож на рассыльного газовой компании, а жена его — на прислугу.

В то время лекарства изготовлялись примитивно, не то что теперь, и он сам выполнял заказы клиентов. Как-то он приготовил крем для одной девицы, у которой с лица не сходили прыщи. Крем помог ей избавиться от них. Об этом стало известно соседям, потом всему городу.

Шурин Бессона посоветовал ему разрекламировать этот крем, подобрав для него звучное имя. Вдвоем они нашли название. И шурин сделал первый взнос в это коммерческое дело.

В короткий срок оно принесло чуть ли не целое состояние. Потребовалось построить несколько лабораторий, сначала в Гавре, потом в Пантене, в окрестностях Парижа. Слово «Жювa» появилось во всех газетах, огромными буквами замелькало на стенах домов. Вы не представляете, какую прибыль дают подобные вещи, если им обеспечена хорошая реклама!

Первая жена Бессона через некоторое время умерла, так и не успев насладиться богатством. Бессон решил переменить образ жизни. Когда я его встретила, он был уже очень богат, но еще не привык к деньгам и не совсем знал, что с ними делать. Вероятно, поэтому он и женился на мне.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что ему нужна была красивая женщина, которую он мог бы одевать и выводить в свет. Парижанок он опасался. Женщины из богатых семей Гавра просто отпугивали его. Он чувствовал себя свободнее в обществе девицы, встреченной за прилавком кондитерской. Думаю, он не огорчился, узнав, что я вдова и что у меня тоже есть ребенок... Не знаю, понятно ли вам все это.

Да, он все понимал. Его только удивляло, как безошибочно разобралась она в муже и как ловко все устроила.

— Сразу же после нашей свадьбы он приобрел особняк в Париже на авеню Иены. А несколько лет спустя — замок Анзи в Солоне. Он осыпал меня драгоценностями, одевал у лучших портных, возил в театр и на скачки. Он даже построил яхту, которой ни разу не воспользовался, так как страдал морской болезнью.

— Как, по-вашему, был он счастлив?

— Не знаю. Возможно, он был счастлив в своей конторе на улице Тронше, потому что там его окружали подчиненные. В других местах ему все казалось, что над ним посмеиваются, хотя он был приличным человеком, вполне разумным, как и большинство тех, кто ворочает делами. Разве что большие деньги пришли к нему слишком поздно.

Но он вбил себе в голову, что должен стать крупным промышленником, и наряду с кремом «Жювa» — настоящей золотой жилой — стал выпускать другие парфюмерные изделия: зубную пасту, мыло, бог знает что еще. На рекламу он тратил миллионы. Он построил заводы не только для выпуска самих этих товаров, но и для их упаковки. Тео тоже вступил в дело и строил еще более грандиозные планы.

Так продолжалось двадцать пять лет, господин Мегрэ! Теперь я с трудом вспоминаю это время, настолько быстро оно пролетело. Мы всегда торопились: из парижского дома спешили в замок, оттуда в Канн или Ниццу и снова впопыхах возвращались в Париж на двух автомобилях — второй вез багаж, дворецкого, горничную, повара.

Потом муж решил каждый год путешествовать, и мы отправлялись в Лондон, в Шотландию, Турцию, Египет. Дела требовали его обратно, и мы снова и снова спешили, переезжая с чемоданами, набитыми моими платьями и драгоценностями, которые в каждом городе для безопасности нужно было сдавать на хранение в банк.

Арлетта вышла замуж. Я так и не поняла, зачем. Вернее, я так и не узнала, почему она внезапно вышла замуж именно за этого юношу, которого мы даже не знали, хотя она могла бы выбрать себе мужа среди богатых молодых людей, посещавших наш дом.

— А ваш муж не увлекался вашей дочерью?

— Признайтесь, вы подозреваете, что это было больше, чем простое увлечение, не так ли? Я размышляла над этим. Весьма естественно, что мужчина в годах, живя в одном доме с молоденькой девушкой, не его дочерью, мог влюбиться в нее. Я наблюдала за ними. Он действительно осыпал ее подарками, исполнял все ее капризы, но ничего другого я не заметила. И не знаю, почему Арлетта вышла замуж в двадцать лет за первого встречного. Я могу понять многих людей, но никогда не понимала собственную дочь.

— У вас были хорошие отношения с сыновьями вашего мужа?

— Тео, старший, почти сразу невзлюбил меня, а Шарль всегда относился ко мне так, словно я его родная мать. Тео так и не женился. Несколько лет он вел ту рассеянную жизнь, какую не смог в молодости вести его отец, поскольку не был к ней подготовлен. Почему вы на меня так смотрите?

Его поражал все тот же контраст. Она говорила непринужденно, с легкой улыбкой, с тем же ясным выражением светлых глаз,— тем более удивляли произносимые ею слова.

— У меня было время для размышлений, вы ведь знаете — пять лет я живу здесь одна! Тео пропадал на скачках, в ресторанах «Максим» и «Фуке»[1] и прочих модных заведениях, а лето проводил в Довиле[2]. В то время дом его был открыт для всех, его окружали молодые люди из знатных семей, но без гроша в кармане. Он и сейчас продолжает вести ту же жизнь, вернее, посещает те же заведения, но теперь у него самого нет денег и его больше приглашают другие. Не знаю, как он выкручивается.

— Вы не удивились, узнав, что он в Этрета?

— Мы уже давно не видимся. Недели две назад я заметила его в городе и подумала, что он здесь проездом. В воскресенье Шарль привел его ко мне и просил нас помириться. Я подала руку Тео.

— Он не объяснил, почему приехал сюда?

— Сказал, что хочет отдохнуть. Но вы перебили мой рассказ. Я остановилась на том времени, когда мой муж был еще жив. Последние десять лет не всегда были безоблачными.

— Когда вы купили этот дом?

— Незадолго перед банкротством мужа, когда у нас еще был особняк в Париже, замок и все прочее. Признаться, я сама попросила его приобрести этот домик, где чувствую себя уютнее, чем в любом другом месте.

Видимо, Мегрэ невольно улыбнулся. Она сразу же это подметила:

— Представляю, что вы только думаете обо мне. И, возможно, в чем-то вы правы. В замке Анзи я играла роль помещицы-аристократки, как меня просил Фернан. Я председательствовала на всех благотворительных церемониях, но никто не знал, кто я такая. И мне стало обидно, что город, знавший меня в унижении и бедности, не видит моего блеска. Может, это и не слишком приглядно, но, согласитесь, по-человечески простительно... Нет, лучше скажу вам сама, все равно вам расскажут: иные здесь не без ехидства зовут меня помещицей. А за глаза они предпочитают называть меня просто Валентиной.

В коммерческих делах я никогда ничего не понимала. Но мне было ясно, что Фернан чересчур увлекся, он не всегда кстати расширял производство. Видимо, не столько для того, чтобы ошеломить других, сколько самому себе доказать, что он крупный финансист.

И вот сначала мы продали яхту, затем — замок. Как-то вечером после бала, когда я отдавала ему жемчуга, чтобы убрать их в сейф, он сказал мне с горькой усмешкой:

— Так даже лучше, никто не догадается... Но если их и украдут, несчастья не произойдет, они ведь поддельные.

Он стал молчаливым, искал уединения. Лишь крем «Жювa» все еще приносил какой-то доход, а новые затеи рушились одна за другой.

— Он любил своих сыновей?

— Не знаю. Вам покажется странным, что я так отвечаю. Принято считать, что родители любят своих детей. Это естественно. Но теперь я думаю, что чаще бывает наоборот.

Ему, конечно, льстило, что Тео был вхож в тот избранный круг, где сам он и не мечтал быть принятым. Но, с другой стороны, он понимал, что Тео — ничтожество и что именно его честолюбивые замыслы во многом способствовали нашему разорению. Ну, а Шарлю муж никогда не мог простить его бесхарактерность, слабых и безвольных он терпеть не мог.

— Потому что, по сути, сам был таким? Вы это хотите сказать?

— Да. Особенно в тяжелые последние годы, когда на его глазах рушилось все его состояние. Может, он действительно меня любил? Он не был экспансивным, и я не припомню, звал ли он меня любимой. Он хотел уберечь меня к старости от нищеты и этот дом записал пожизненно на мое имя, а перед смертью еще обеспечил меня маленькой рентой. Вот, пожалуй, и все, что он мне оставил. Его дети получили только маленькие сувениры, как, впрочем, и моя дочь, которую он не отличал от своих сыновей.

— Он умер здесь?

— Нет. Он скончался в одиночестве, в номере отеля в Париже, куда отправился, надеясь договориться о новом деле. Теперь вы уже имеете представление о семье. Не знаю точно, чем занимается Тео, но у него всегда есть автомобиль, он хорошо одет и живет в аристократических кварталах. Что же касается Шарля, у него четверо детей и довольно неприятная жена. Он перепробовал несколько профессий, и все безуспешно. У него была навязчивая идея — основать газету. Но и в Руане и в Гавре он потерпел неудачу. Тогда в Фекане он вошел в одно дело — по производству удобрений из рыбных отходов. Оно оказалось прибыльным, и он выставил свою кандидатуру на выборах, не знаю уж от какой партии. По нелепой случайности его избрали, и вот уже два года он депутат.

Они не святые, ни тот, ни другой, но и негодяями их назвать нельзя! У них нет ко мне слепой любви, однако ненавидеть им меня не за что. Да и смерть моя не принесет им выгоды. Бездельники, которые вы видите здесь, не дали бы многого на аукционе. А ведь они да еще подделки под мои прежние драгоценности — вот, собственно, и все, что у меня осталось.

Что же касается местных жителей, они привыкли ко мне, старой женщине, и считают меня неотъемлемой частью здешнего пейзажа.

Почти все, кого я знала в юности, умерли, осталось лишь несколько старушек, таких, как старшая сестра Сёрэ, которую я время от времени навещаю...

То, что меня пытались отравить, кажется мне настолько нелепым и диким, что мне даже неловко видеть вас здесь. Право, я стыжусь, вспоминая, что ездила за вами в Париж. Признайтесь же, вы, должно быть, приняли меня за свихнувшуюся старушку?

— Нет.

— Почему? Как вы поняли, что дело серьезно?

— Роза мертва!

— Это верно.

Она посмотрела в окно на разбросанную ме-

---

[1] Самые дорогие рестораны Парижа (прим. перев.).

[2] Довиль — курортный город на севере Франции, излюбленное место отдыха богачей (прим. перев.).

бель во дворе, на одеяло, висевшее на веревке.

— Садовник приходил и вам сегодня?

— Нет. Он был вчера.

— Что же, эта женщина одна вынесла мебель?

— Разобрали и вынесли все это мы вдвоем сегодня утром, перед тем как мне ехать в Ипор.

Мебель была громоздкая, а лестница узкая, с крутыми поворотами.

— Я сильнее, чем кажусь, господин Мегрэ. У меня тонкая кость, словно у птицы, но Роза, несмотря на всю ее дородность, была не выносливее меня.

Поднявшись, она наполнила его рюмку и сама отпила глоток старого золотистого кальвадоса, аромат которого, казалось, заполнял всю комнату.

Новый вопрос, который задал Мегрэ, спокойно попыхивая трубкой, видимо, удивил ее.

— Скажите, а ваш зять, Жюльен Сюдр, случайно не рогат?

Она рассмеялась, скрывая замешательство.

— Я никогда не задумывалась над этим.

— И никогда не интересовались, есть ли у вашей дочери любовники?

— Бог мой, для меня это не было бы сюрпризом!

— В комнате вашей дочери был мужчина в ночь с воскресенья на понедельник.

Она нахмурила брови, задумалась.

— Теперь я понимаю.

— Что вы понимаете?

— Что означают кое-какие мелочи, которым я поначалу не придала значения. Весь день Арлетта была рассеяна, думала о чем-то. После обеда она вызвалась погулять с детьми Шарля на пляже и огорчилась, когда Шарль сам пошел с ними на прогулку. Когда я спросила, почему с ней не приехал муж, она ответила, что ему нужно было дописать один пейзаж на берегу Сены. «Ты ночуешь у меня?» — спросила я ее. «Не знаю. Не думаю. Мне, пожалуй, лучше уехать вечерним поездом».

Я все же настояла. Я заметила, что она часто смотрит в окно. И припоминаю, как с наступлением темноты по дороге мимо нас два-три раза очень медленно проехал автомобиль.

— О чем вы разговаривали вечером?

— Трудно сказать. Мими занималась своим младенцем, меняла пеленки, готовила ему соску, отчитывала пятилетнего Клода, который топтал клумбы. Мы, конечно, говорили о детях. Арлетта заметила, что младший, родившийся после пятилетнего перерыва, вероятно, был неожиданностью для Мими, если учесть, что старшему уже пятнадцать лет. Мими ответила, что Шарлю только этим бы и заниматься, все заботы ведь не на его плечах. Словом, вам легко представить, о чем шла речь. Мы обменивались еще кулинарными рецептами.

— Арлетта поднималась в вашу комнату после обеда?

— Да. Я показала ей платье, которое сшила себе недавно, и примерила его при ней.

— Где стояла ваша дочь?

— Она сидела на кровати.

— Оставалась она одна в вашей комнате?

— Только на мгновение, пока я ходила за платьем в соседнюю комнатку, которая служит мне гардеробом. Но я и мысли не допускаю, чтобы Арлетта могла вылить яд в пузырек с лекарством. Для этого ей понадобилось бы открыть аптечку, которая находится в ванной. Я бы услышала. Да и зачем бы это нужно было Арлетте?.. Ах да, я вижу теперь, что бедняга Жюльен рогат!

— Мужчина пробрался в комнату к Арлетте после полуночи и был вынужден поспешно бежать через окно, когда услышал стоны Розы.

Она не удержалась от улыбки.

— Не повезло!

То, что произошло у нее в доме, ее больше не пугало.

— Кто же он? Кто-нибудь из здешних? — спросила она.

— Он привез ее из Парижа на машине, это некий Эрве Пейро, виноторговец.

— Он молод?

— Ему лет сорок.

— Меня тоже удивило, что она приехала поездом, ведь у ее мужа есть машина, и она умеет водить. Все это странно, господин Мегрэ, и в конце концов я довольна, что вы здесь. Инспектор Кастэн унес с собой стакан, пузырек с лекарством и другие вещи, которые находились в моей комнате и в ванной. Мне хотелось бы узнать, что скажут в лаборатории. Приходили еще полицейские в штатском, они тут все фотографировали. Ах! Если бы Роза не была такой упрямой! Я ведь сказала ей, что у лекарства странный привкус. И вот, едва выйдя за дверь, она допила стакан. Она, конечно, не нуждалась в снотворном, уверяю вас. Сколько раз я слышала сквозь стену, как она громко храпит во сне. Может, вы желаете осмотреть дом?

Мегрэ провел здесь какой-нибудь час, а дом уже казался ему хорошо знакомым. Угловатая фигура крестьянки — несомненно, вдовы! — появилась в дверях.

— Вы доедите вечером рагу или остатки можно отдать кошке? — без улыбки, почти злобно произнесла она.

— Доем, мадам Леруа.

— Я все кончила. Все прибрала. Когда вы сможете помочь мне внести мебель?

Валентина виновато улыбнулась Мегрэ.

— Сейчас.

— А то мне уже нечего делать.

— Ну что ж, отдохните немного.

И она повела Мегрэ по узкой лестнице, на которой сильно пахло мастикой для натирки полов.

Продолжение следует.

Мегрэ и старая дама

Роман

Жорж СИМЕНОН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСПОВЕДЬ АРЛЕТТЫ

— Заходите ко мне, когда вам будет угодно, господин Мегрэ,— говорила Валентина Бессон.— Я всегда к вашим услугам. Я вам так обязана, что вы приехали по моей просьбе из Парижа. Вы не слишком сердитесь, что я побеспокоила вас из-за этой запутанной истории?

Разговор шел в саду у калитки. Вдова Леруа все еще ждала хозяйку, которая обещала помочь ей внести мебель в комнату Розы. Был момент, когда Мегрэ чуть не предложил свою помощь,— настолько не представлял он себе Валентину ворочающей тяжести.

— Я сама не ожидала, что буду так настаивать на вашем приезде. У меня теперь и страх пропал.

— Мадам Леруа переночует у вас?

— О нет. Через час она уйдет. Сын ее служит на железной дороге, ему двадцать четыре года, а она все возится с ним, как с ребенком. Он скоро вернется, потому ей и не сидится на месте.

— Вы будете ночевать одна?

— Мне это не впервые.

Он толкнул калитку, которая чуть скрипнула. Солнце садилось за морем и заливало дорогу желтым, уже переходящим в багровый светом. Поросшая по обочинам кустарником и крапивой, дорога не была асфальтирована, ноги утопали в пыли, и это снова напомнило ему детство.

Чуть ниже дорога сворачивала, и как раз на повороте он заметил силуэт женщины, медленно поднимавшейся ему навстречу.

Она шла спиной к солнцу и была одета в темное. Он узнал ее, хотя никогда не видел. Бесспорно, это была Арлетта, дочь старой дамы. Она казалась ниже ростом и миниатюрнее матери, но была так же изящна, словно создана из того же дорогого и редкого материала. Ее огромные глаза были такого же редкого, почти неестественного голубого цвета.

Узнала ли она комиссара, фотографии которого часто появлялись в газетах? Или, встретив на дороге по-городскому одетого незнакомца, решила про себя, что это и есть приезжий полицейский? Мегрэ показалось, что, когда они поравнялись, она чуть было не обратилась к нему. Он тоже поколебался: ему хотелось поговорить с ней, но ни время, ни место не были подходящими.

Они лишь молча взглянули друг на друга, и глаза Арлетты ничего не выразили, взгляд ее был печальным и отрешенным. Мегрэ обернулся, когда она скрылась за кустами, потом двинулся дальше, в окрание Этрета.

Инспектор Кастэн встретил его возле витрины с почтовыми открытками.

— Я ждал вас, комиссар. Только что принесли донесения. Они у меня в кармане. Хотите взглянуть?

— Прежде я хотел бы выпить холодного пива.

— Она вас ничем не угостила?

— Она потчевала меня таким старым и отборным кальвадосом, что мне захотелось выпить чего-нибудь попроще, что лучше утоляет жажду.

Солнце клонилось к закату огромным красным шаром, возвещая о конце сезона. Все более редкие курортники были в шерстяных костюмах: свежий ветер прогнал их с пляжа, и они бесцельно слонялись по улицам.

— Только что приехала Арлетта,— сказал Мегрэ, когда они уселись за круглый столик в кафе на площади перед мэрией.

— Вы видели ее?

— Полагаю, что на этот раз она приехала поездом.

— Она направлялась к матери? Вы говорили с ней?

— Мы встретились на дороге в ста метрах от «Гнездышка».

— Вы думаете, она заночует там?

— Возможно.

— И в доме больше никого нет?

— Ночью, кроме матери и дочери, там никого не будет.

Это встревожило инспектора.

— Надеюсь, вы не заставите меня читать все эти бумаги?— спросил Мегрэ, отодвигая пухлый желтый конверт, набитый документами.— Расскажите прежде о стакане. Ведь это вы нашли и упаковали его?

— Да, он стоял на тумбочке в комнате служанки. Я узнавал у мадам Бессон, тот ли это стакан, в котором было лекарство. Ошибка исключена, это единственный стакан цветного стекла, уцелевший от старого сервиза.

— Отпечатки пальцев?

— Старой дамы и Розы.

— А пузырек?

— Пузырек со снотворным я обнаружил в ванной комнате, в аптечке, на том самом месте, которое Валентина мне указала. На нем только отпечатки пальцев старой дамы. Кстати, вы заходили в ее комнату?

Кастэн, так же как и Мегрэ, был поражен комнатой Валентины. Комиссара она пригласила войти туда с награнной простотой. Она не произнесла ни слова, но ей, конечно, было известно, какой эффект производит эта комната.

Весь дом был обставлен со вкусом и даже некоторой изысканностью, поэтому так странно было очутиться вдруг в комнате отчаянной кокетки, где стены оказались обтянутыми кремовым атласом, а на огромной кровати лениво нежился персидский кот голубоватой масти, едва приоткрывший глаза навстречу вошедшим.

— Такая обстановка нелепа для старой женщины, не так ли?

Когда же они прошли через ванную комнату, облицованную желтым кафелем, она добавила:

— Вероятно, это объясняется тем, что в молодости у меня никогда не было своей комнаты, спала я вместе с сестрами в мансарде, а умывались мы во дворе у колодца. В Париже на авеню Иены Фернан велел облицевать мою ванную розовым мрамором, все аксессуары были из серебра, а в ванну-бассейн вели три ступеньки.

Комната Розы была пуста, по ней гулял сквозняк, надувая тюлевые занавески, как кринолиновые юбки. Натертый воском пол, цветастые обои на стенах...

— Что говорит судебный врач?

— Отравление бесспорно. Сильная доза мышьяка. Снотворное не имеет никакого отношения к смерти прислуги. В заключении говорится также, что жидкость должна была сильно горчить на вкус.

— Валентина тоже говорила об этом.

— И все же Роза выпила. Взгляните-ка на человека, который подходит к писчебумажному магазину на той стороне улицы. Это Тео Бессон.

Тео оказался высоким костлявым человеком лет пятидесяти, с резкими и правильными чертами лица. На нем был костюм шотландского букле цвета ржавчины, что делало его похожим на англичанина. Непокрытая голова, редкие седые волосы.

Он обратил внимание на двух мужчин. С инспектором он был уже знаком и наверняка узнал комиссара Мегрэ. Как и Арлетта, он поколебался, но затем слегка поклонился и скрылся в магазине.

— Вы его допрашивали?

— Мимоходом. Спросил, не хочет ли он что-нибудь сообщить мне и как долго намеревается пробыть в Этрета. Он ответил, что собирается остаться в городе до закрытия отеля, то есть до 15 сентября.

— Как он проводит время?

— Много ходит по берегу моря. Ходит один, сосредоточенно вышагивал, как немолодые уже люди, старающиеся сохранить фигуру. Около одиннадцати утра купается, а остальное время проводит в баре казино или в бистро.

— Много пьет?

— Дюжину стаканов виски в день, но пьяным как будто не бывает. Прочитывает пять-шесть газет. Изредка играет в казино, но никогда не присаживается к столу.

— Больше ничего не известно о нем?

— Ничего сколько-нибудь интересного.

— Тео Бессон не встречался с мачехой после воскресенья?

— Насколько мне известно, нет.

— С кем же он виделся? Расскажите-ка мне,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42.43.

что происходило в понедельник. Я приблизительно знаю, как развивались события в воскресенье, но понедельник представляю себе плохо.

Он знал, как Валентина провела вторник. Она сама рассказала ему об этом: рано утром покинула «Гнездышко», оставив там одну мадам Леруа, и первым поездом уехала в Париж; такси доставило ее до набережной Орфевр, где она беседовала с комиссаром.

— После этого вы заехали к дочери?— сразу спросил он у нее.

— Нет. А зачем?

— Разве, приезжая в Париж, вы не видитесь с ней?

— Редко. У них своя жизнь, у меня — своя. Кроме того, мне не нравится квартал Сент-Антуан, где они живут, так же как и их мещанская квартира.

— Что же вы делали в этот день?

— Пообедала в ресторане на улице Дюфо — я и прежде любила там поесть,— сделала две-три покупки в районе площади Мадлен, а потом поездом вернулась обратно.

— Ваша дочь знала, что вы были в Париже?

— Нет.

— Шарль Бессон тоже не знал?

— Я не говорила ему о своем намерении.

И вот теперь Мегрэ хотелось узнать от Кастэна, что произошло в понедельник.

— В «Гнездышко» я явился в восьмом утра,— сказал Кастэн.— Всех в доме, как вы можете представить, лихорадило.

— Кто там был?

— Мадам Бессон, конечно.

— Как она была одета?

— Как и всегда, в обычном платье. Там была и ее дочь, непричесанная, в домашних туфлях, и доктор Жоляи, давний друг семьи, спокойный, уравновешенный мужчина средних лет. В комнате находился еще старик садовник, пришедший, по-видимому, незадолго до меня. А Шарль Бессон опередил меня буквально на несколько шагов.

— Кто вам рассказывал о случившемся?

— Валентина. Доктор время от времени прерывал ее, уточняя некоторые детали. Она сказала мне, что сама позвонила Шарлю. Известие это его очень взволновало, буквально потрясло. Но, узнав, что журналисты пока еще не нагрянули и соседи ничего не знают, он немного успокоился. Вы только что видели его брата. Они похожи, только Шарль полнее и менее подтянут. В доме нет телефона, это усложнило мне работу: чтобы связаться с Гавром, я несколько раз вынужден был выезжать в город. Доктора ждали больные, и он ушел первым.

— Родителей Розы не известили?

— Нет. О них, казалось, и не вспомнили. Я сам ездил в Ипор и сообщил им. Отец был в море. Брат с матерью поехали вместе со мной.

— Как же выглядела встреча?

— Скорее плохо. Мать так смотрела на мадам Бессон, словно та повинна в том, что случилось. А брат, которому Шарль Бессон что-то плел, рассвирепел:

— Нужно выяснить правду. И не думайте, что я позволю прикрыть дело, хотя у вас и длинные руки!

Они хотели увезти тело в Ипор. И лишь с трудом мне удалось убедить их, что прежде его необходимо доставить в Гавр для вскрытия. Тем временем на велосипеде приехал отец Розы. Он никому не сказал ни слова. Приземистый, коренастый, крепко сложенный и очень сильный физически, он тут же увез своих, как только тело погрузили в фургон. Шарль Бессон предложил отвезти их в своей машине, но они отказались и ушли пешком все трое, во главе со стариком, который даже не сел на свой велосипед.

Я не могу поручиться, что излагаю все это в точной последовательности. Стали приходить соседи, затем жители городка заполнили сад. Я был наверху вместе с Корню из сыскной полиции, который фотографировал и снимал отпечатки.

Когда около полудня я спустился вниз, Арлетты уже не было. Ее мать сказала, что она уехала в Париж, опасаясь, что муж ее будет беспокоиться. Шарль Бессон оставался до трех часов пополудни и затем вернулся в Фекан.

— Он вам что-нибудь говорил обо мне?

— Нет. А что такое?

— Он не сказал вам, что собирается просить министра поручить мне следствие по этому делу?

— Он мне ничего не говорил. Кроме, пожалуй, того, что постарается договориться с газетами. Вот как будто и все на понедельник. Ах, да! Вечером на улице мне показали Тео Бессона, и я перекинулся с ним несколькими фразами.

«— Вам известно, что произошло в «Гнездышке»?— спросил я его.

— Мне рассказали об этом.

— Чем вы можете помочь следствию?

— Абсолютно ничем».

Он был очень сдержан, замкнут. Тогда-то я его и спросил, как долго он намеревается пробыть в Этрета. Ответ его вы знаете. Теперь, если я вам не нужен, я, пожалуй, поеду в Гавр и составлю рапорт. Я обещал жене быть к ужину, у нас сегодня гости.

Машину Кастэн оставил у отеля, и Мегрэ проводил его по тихим улицам, откуда временами на перекрестках открывался вид на море.

— Вас не тревожит, что Арлетта ночует сегодня у матери и обе они будут одни в доме?— спросил Кастэн.

Чувствовалось, что он озабочен невозмутимостью Мегрэ, ему все казалось, что комиссар не принимает этого дела всерьез.

По мере того как солнце садилось и крыши домов словно охватывало пламя, море местами уже становилось холодным и зеленым и весь мир по эту сторону от заката, казалось, медленно погружается в ночную тьму.

— К которому часу мне приехать завтра?— осведомился инспектор.

— Не раньше девяти утра. Может, вы позвоните в парижскую сыскную полицию и от моего имени попросите выяснить все, что касается Арлетты Сюдр и ее мужа? Мне бы хотелось также узнать, что поделывает Шарль Бессон, когда бывает в Париже. И, уж поскольку вы этим займетесь, добудьте заодно сведения о Тео. Мне бы не хотелось говорить об этих вещах по телефону отсюда.

Почти все прохожие оборачивались им вслед. Их разглядывали и сквозь стекла витрин. Мегрэ не знал еще, чем займется вечером и как поведет следствие. Время от времени он машинально повторял про себя: «А Роза мертва!»

Лишь о ней одной он ничего еще не знал, если не считать того, что она была дородной девицей с пышным бюстом.

— Кстати,— спросил он у Кастэна, который уже нажимал на стартер,— у Розы, видимо, оставались какие-то личные вещи в ее комнате. Куда они подевались?

— Родные сложили все в чемодан, который привезли с собой.

— Вы осмотрели эти вещи?

— Я не решился; когда вы побываете у них, вы поймете. Принимают они далеко не дружески. Подозрительно разглядывают вас и, прежде чем сказать «да» или «нет», обмениваются взглядами.

— Завтра я наверняка встречусь с ними.

— Держу пари, что Шарль Бессон нанесет вам визит. Ведь для того, чтобы вы взялись за это дело, он побеспокоил самого министра!

Кастэн повел свою машину по дороге к Гавру, а Мегрэ, прежде чем вернуться в отель, направился к казино, терраса которого возвышалась над пляжем. Вышло это непроизвольно. Он подчинился безотчетному желанию полюбоваться закатом, которое всегда возникает у горожан, оказавшихся на море.

У моря собрались все курортники, оставшиеся еще в Этрета. Девушки в светлых платьях, несколько старушек — все они подстерегали знаменитый зеленый луч, который должен появиться над волнами как раз в тот момент, когда огненный шар скроется за горизонтом. Мегрэ всячески напрягал зрение, но так и не увидел зеленого луча. Войдя в бар, он услышал очень знакомый голос:

— Что будете пить, комиссар?

— Чарли! Вот так встреча!

С этим барменом он познакомился в Париже в одном из кабачков на улице Дону и был удивлен, увидев его здесь.

— Я не сомневался, что именно вы займетесь этим делом. Что вы о нем думаете?

— А вы?

— Я думаю, что старой даме здорово повезло, а девчонка пала жертвой.

Мегрэ спросил рюмку кальвадоса: он ведь находился в Нормандии и уже начал с кальвадоса. Чарли занялся другими клиентами. Вошел Тео Бессон, сел на высокий табурет у стойки и развернул парижскую газету, которую, видимо, только что купил на вокзале.

За исключением нескольких еще розовеющих облачков, весь мир за окнами потерял окраску. Мглистая бездна неба нависла над бесконечностью моря.

«А Роза мертва».

Мертва, потому что выпила лекарство, ей не предназначавшееся и абсолютно ей ненужное.

Разомлев от кальвадоса, Мегрэ побродил еще немного и направился к своему отелю, фасад которого белел в сумерках. Миновав зеленую аллейку, он толкнул дверь и по красной ковровой дорожке дошел до конторки, чтобы взять ключ. Администратор наклонился к нему и доверительно шепнул:

— Вас ждет дама, уже давно.

И взглядом указал в угол холла, где стояли кресла, обитые красным бархатом.

— Я сказал ей, что не знаю, когда вы вернетесь, и она мне ответила, что подождет. Это...

Он почти шепотом произнес имя, и Мегрэ не расслышал. Но, обернувшись, он узнал Арлетту Сюдр, которая уже вставала с кресла.

Еще более отчетливо, чем в предыдущую встречу, бросалась в глаза ее элегантность, возможно, потому, что здесь она была единственной женщиной, одетой по парижской моде, в шляпке, напоминавшей время аперитивов где-нибудь в районе Мадлен.

Он пошел ей навстречу не слишком охотно.

— Вы меня ждете? Комиссар Мегрэ.

— Вы уже знаете, что я Арлетта Сюдр?

Он слегка кивнул, давая понять, что действительно знает ее. Затем оба помолчали. Она оглядывалась вокруг, как бы намекая, что трудно будет разговаривать в этом холле, где пожилая чета уже смотрит на них, навострив уши.

— Вы, вероятно, хотели бы поговорить со мной наедине? Увы, мы не на набережной Орфевр, и я не представляю, где...

Мегрэ, в свою очередь, оглядел холл. Пригласить ее к себе в номер он не мог. В ресторане, рассчитанном на двести персон, но где сейчас собиралось уже не больше двадцати человек, официантки накрывали столы.

— Пожалуй, самое простое — поужинать вместе. Я смог бы найти отдельный столик.

Более расположенная к разговору, чем он, Арлетта согласилась и, не благодаря его, прошла за ним в пустой еще зал.

— Можно поужинать?— спросил он официантку.

— Через несколько минут. Пожалуйста, садитесь. Вас двое?

— Одну минуту. А что можно пока выпить?

Он вопросительно посмотрел на Арлетту.

— Мартини,— произнесла она, едва шевеля губами.

— Два мартини.

Он по-прежнему чувствовал себя неловко, и не потому только, что в прошлое воскресенье какой-то мужчина провел часть ночи в ее комнате. Просто она принадлежала к тому типу красивых женщин, с которыми мужчины, сидя в ресторане, опасливо поглядывают на входящих, боясь встретить знакомых. А он пришел сюда поужинать с ней.

Она спокойно разглядывала Мегрэ, не помогая ему выйти из затруднительного положения, словно не ей, а ему нужен был этот разговор.

— Итак, вы возвратились из Парижа,— произнес он, потеряв наконец терпение.

— Вы догадываетесь, почему?

Она была привлекательней матери и в отличие от Валентины не старалась понравиться, а держалась отчужденно, и глаза ее отнюдь не излучали теплоты.

— Если не догадались, могу вам сказать.

— Расскажите мне про Эрве.

Им принесли мартини, она пригубила из рюмки, достала из черной замшевой сумки платок, машинально взялась за тюбик губной помады, но не воспользовалась им.

— Что вы намерены делать?— спросила она, смотря прямо ему в глаза.

— Я не совсем понимаю вас.

— Я не искушена в подобного рода вещах, но мне приходилось читать газеты. Когда случается что-либо вроде того, что произошло в воскресенье, полиция, как правило, вмешивается в личную жизнь всех, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к этому делу. При этом не имеет большого значения, виновен ты в чем-либо или невиновен. А так как я замужем и очень привязана к мужу, я спрашиваю: что вы намерены делать?

— С платком?

— Да, если хотите.

— Ваш муж знает о случившемся?

Ее губы дернулись гневно и нетерпеливо, и она бросила:

— Вы разговариваете совсем как моя мать.

— Но ваша мать полагает, что ваш муж, должно быть, осведомлен, как вы... проводите время вне дома!

Она презрительно усмехнулась.

— Вы все стараетесь выбирать выражения, не так ли?

— Если вам угодно, я буду называть вещи своими именами. Судя по тому, что вы мне только что сказали, ваша матушка догадалась, что вы, как говорится, наставляете рога своему мужу?

— Не знаю, сама ли она догадалась. Мне, во всяком случае, она это сказала.

— Но и я взял это не с потолка и теперь хотел бы кое в чем удостовериться. Впрочем...

Она по-прежнему глядела ему прямо в глаза, и Мегрэ надоело церемониться.

— Впрочем, вините только себя в том, что такая мысль может прийти в голову любому. Насколько я знаю, вам тридцать восемь лет, а замуж вы вышли в двадцать. Трудно поверить, что ваше воскресное ночное приключение было у вас первым в жизни.

— Действительно, не первым,— тихо подтвердила она.

— Вам предстояло провести у вашей матушки всего одну ночь, и вы притащили с собой любовника.

— А если мы не часто имеем возможность провести ночь вместе?

— Я не осуждаю. Я только констатирую. Но, согласитесь, все это наводит на мысль, что ваш муж должен быть в курсе...

— Он ничего не знал и пока еще не знает. Поэтому-то я и вернулась сюда.

— Почему вы уехали в полдень в понедельник?

— Я не знала, что произошло с Эрве после того, как он ушел от меня, услышав стоны Розы. И я не представляла себе, что сделает мой муж, узнав обо всем. Поэтому я решила предотвратить его приезд сюда.

— Понимаю. И, очутившись в Париже, вы продолжали беспокоиться?

— Да. Я позвонила Шарлю, который сказал мне, что следствие будете вести вы.

— Это вас успокоило?

— Нет.

— Могу я подавать, госпожа?

Мегрэ кивнул, и они возобновили разговор, когда суп уже был на столе.

— Мой муж будет поставлен в известность?

— Едва ли. Разве что в случае необходимости.

— Вы подозреваете меня в попытке отравить мою мать?

Его ложка на мгновение остановилась в воздухе. Он изумленно и не без восхищения взглянул на нее.

— Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Потому что только я могла подсыпать яд в ее стакан. Точнее, одна я оставалась еще в доме, когда это произошло.

— Не хотите ли вы сказать, что это могла сделать, скажем, Мими перед своим отъездом?

— Мими, или Шарль, или, наконец, Тео. Но подозрение все равно должно пасть на меня.

— Почему все равно?

— Потому что все убеждены, что я не люблю свою мать.

— А это правда?

— Это почти правда.

— Вы не станете возражать, если я задам несколько вопросов? Заметьте, что я это делаю неофициально: ведь это вы захотели встретиться со мной.

— Но вы так или иначе задали бы их мне, так ведь?

— Возможно. Даже наверняка.

Пожилая чета ужинала через три столика от них, а еще подальше женщина средних лет не сводила глаз со своего восемнадцатилетнего

сына, ухаживая за ним, как за ребенком. Еще с одного стола доносились взрывы смеха: там сидела компания девушек.

Мегрэ и его собеседница говорили вполголоса, не прерывая ужина, разговор их протекал внешне спокойно, невозмутимо.

— И давно вы недолюбливаете свою мать?

— С того дня, когда мне стало ясно, что она никогда меня не любила, что я была для нее обузой и, по ее мнению, испортила ей жизнь.

— А когда вы сделали это открытие?

— Еще девочкой. Впрочем, я ошибаюсь, говоря лишь о себе. Правильней было бы сказать, что моя мамаша никогда никого не любила, даже меня.

— И вашего отца тоже?

— Сразу же после смерти он был забыт навсегда. Попробуйте найти в доме хотя бы одну его фотографию. Вы только что осмотрели весь дом. Вы были и в комнате матери, вас там ничто не удивило?

Он постарался вспомнить, но признался:

— Нет.

— Это потому, что вы, наверное, не часто бываете в домах старых женщин. У них на стенах всегда развешана масса фотографий.

Она была права. Но тут он приложил портрет, портрет старика в роскошной серебряной раме на тумбочке в спальне.

— Мой отчим,— ответила она, когда он сказал об этом.— Но, во-первых, он поставлен там из-за красивой рамки. А во-вторых, он все-таки бывший владелец «Жюва», а это что-нибудь да значит. И, наконец, половину своей жизни он был на побегушках у моей матери и дал ей все, что она имеет. А мой портрет вы там видели? Или портреты моих братьев? У Шарля, например, страсть фотографировать своих детишек и рассылать фотографии родственникам. Матушка складывает эти портреты в ящик вместе с огрызками карандашей, старыми письмами, катушками и прочей дребеденью. Зато на стенах дома развешаны ее собственные фотографии, фотографии ее автомобилей, замка, яхты, ее кошек, особенно кошек.

— Я вижу, вы действительно ее не любите.

— Кажется, я уже не сержусь на нее.

— Что вы имеете в виду?

— Это не имеет значения. Однако, если ее и пытались отравить...

— Простите, вы сказали е с л и?..

— Предположим, что это моя манера разговаривать. К тому же о моей матери никогда ничего не знаешь наверняка.

— Вы намекаете на то, что она могла симулировать попытку отравить ее?

— Это выглядело бы неправдоподобно. Ведь яд оказался в стакане в достаточно сильной дозе — смертельной, и бедняжка Роза умерла.

— Ваши братья и невестка разделяют ваше, ну, скажем, равнодушие, если не неприязнь по отношению к матери?

— У них другие причины. Мими, например, не любит мать за то, что из-за нее мой отчим потерял состояние.

— И это действительно так?

— Не знаю. Бесспорно одно: он тратил на нее огромные деньги и как бы хотел поразить ее этим.

— Как складывались ваши отношения с отчимом?

— Почти сразу после замужества мамаша отправила меня в Швейцарию, в шикарный и очень дорогой пансионат. Сделано это было под тем предлогом, что мой отец болел в свое время туберкулезом и поэтому якобы необходимо было наблюдать за моими легкими.

— Почему же «под предлогом»?

— За всю жизнь я ни разу не кашлянула. Ее просто стесняло присутствие взрослой дочери. А может, она ревновала.

— К кому?

— Фернан Бессон старался баловать меня. Когда я возвратилась в Париж, мне было семнадцать лет, и он начал настойчиво обхаживать меня.

— Вы хотите сказать...

— Нет. Не сразу. Когда это случилось, мне уже шел девятнадцатый год. Однажды вечером я одевалась, чтобы пойти в театр. Он вошел в мою комнату, когда я еще была не совсем готова.

— Что же произошло?

— Ничего. Он потерял голову, и я дала ему пощечину. Тогда он упал на колени и буквально со слезами умолял меня ничего не говорить матери и не уходить из дому. Он поклялся мне, что это был лишь приступ безрассудства и он никогда не повторится.

Помолчав, она холодно добавила:

— Он был смешон, во фраке и манишке, выбившейся из-под жилета. Потом он поспешно вскочил, потому что в комнату входила горничная.

— И вы не ушли из его дома?

— Нет.

— Вы тогда были влюблены в кого-нибудь?

— Да.

— В кого?

— В Тео.

— А он?

— Он не обращал на меня внимания. На первом этаже у него была своя комната, и я знала, что, несмотря на запрет отца, он приводит к себе женщин. Целыми ночами я следила за ним. Одна из них, танцовщица из театра Шатле, одно время бывала у него почти каждую ночь. Как-то я спряталась у него в комнате...

— И устроили ему сцену?

— Не помню точно, что я выкинула, но танцовщица ушла в бешенстве, я же осталась наедине с Тео.

— И что же?

— Он не хотел. Я почти принудила его.

Она говорила вполголоса и так непринужденно, что казалось невероятным, почти фантастическим то, что она рассказывала, особенно здесь, в курортном ресторанчике для отдыхающих буржуа средней руки. Официантка в черном платье и белом фартучке время от времени прерывала их разговор.

— А что потом?— спросил Мегрэ.

— «Потом» уже не было. Мы избегали друг друга.

— Почему?

— Он, наверно, потому, что чувствовал себя неловко.

— А вы?

— Потому что мне опротивели мужчины.

— И поэтому вы вышли замуж так внезапно?

— Это произошло не сразу. Больше года я спала со всеми мужчинами, которые попадались на пути.

— Из-за отвращения?

— Да. Вам не понять меня.

— А затем?

— Я поняла, что это может плохо кончиться. Мне все опротивело, и я решила с этим покончить.

— Выйдя замуж?

— Пытаясь жить, как все.

— Но замужество ничего не изменило?

Взглянув на него серьезно, она произнесла:

— Да, это так.

Оба долго молчали. С дальнего стола доносился хохот девушек.

— В первый же год?

— В первый месяц.

— Почему?

— Не знаю. Потому что я не могу иначе. Жюльен ничего не подозревает, и я соглашусь бог знает на что, лишь бы он так и оставался в неведении.

— Вы любите его?

— Может, это вам и смешно. Да! Во всяком случае, это единственный мужчина, которого я уважаю. У вас есть еще вопросы ко мне?

— Когда я переварю все, что вы мне сказали, возможно, они появятся.

— Что ж, вы можете не торопиться.

— Ночевать вы думаете в «Гнездышке»?

— Я не могу поступить иначе. Что скажут, если я остановлюсь в отеле? А мой поезд будет только утром.

— Вы повздорили с матерью?

— Когда?

— Сегодня днем.

— Мы просто высказали друг другу правду в лицо, но, как всегда, спокойно. Это уже превратилось в игру, когда мы остаемся вдвоем.

Она отказалась от десерта и, перед тем как встать из-за стола, подкрасила губы, глядясь в маленькое зеркальце, и попудрилась крошечной пуховкой.

Ее глаза были самыми светлыми в мире, еще более непорочной голубизны, чем глаза Валентины. Но они были так же пусты, как и недавнее небо, в котором Мегрэ тщетно пытался увидеть зеленый луч.

Продолжение следует.

Мегрэ и старая дама

Роман

Жорж СИМЕНОН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРОПИНКА В СКАЛАХ

Мегрэ спрашивал себя, закончится ли их разговор вместе с ужином, или же они его продолжат в другом месте. Арлетта прикуривала сигарету, когда администратор гостиницы подошел к комиссару и сказал ему тихо, настолько тихо, что Мегрэ попросил его повторить:

— Вас просят к телефону.

— Кто?

Администратор посмотрел на молодую женщину столь выразительно, что не только она, но и Мегрэ почувствовал себя неудобно. Арлетта нахмурилась, но взгляд ее сохранил безразличное выражение.

— Скажете вы наконец, кто меня спрашивает по телефону?— сказал комиссар, потеряв терпение.

Оскорбленный до глубины души, администратор пробормотал, словно его принудили выдать секрет государственной важности:

— Господин Шарль Бессон.

Мегрэ украдкой подмигнул Арлетте: она ведь могла подумать, что звонит ее муж. Вставая из-за стола, Мегрэ спросил:

— Вы подождете меня?

И после того как она опустила глаза в знак согласия, он направился к кабине в сопровождении администратора, который объяснял на ходу:

— Лучше бы мне послать вам записку. Мне придется извиниться за ошибку одного из моих служащих. Господин Бессон, кажется, уже звонил вам днем, два или три раза. И вам забыли сообщить об этом сразу, когда вы вернулись ужинать.

От зычного голоса в трубке задребезжала мембрана.

— Комиссар Мегрэ? Мне так неловко, я, право, не знаю, как оправдаться. Но, возможно, вы не слишком осудите меня, если узнаете, что со мной произошло...

Голос неистовствовал. Мегрэ не мог вставить ни одного слова.

— Я оторвал вас от работы, от семьи! Я заставил вас приехать в Этрета и даже не встретил вас. Во всяком случае, я хочу сказать, что собирался непременно быть сегодня утром на вокзале и тщетно пытался связаться с начальником станции по телефону, чтобы он предупредил вас. Алло!..

— Да-да!

— Представьте себе, этой ночью я должен был выехать в Дьепп, моя теща была при смерти.

— Она умерла?

— Только сегодня днем. У нее, видите ли, одни дочери, и я единственный мужчина в семье. Я вынужден был там остаться. Ведь вы знаете, как это все бывает. Приходится обо всем заботиться. Возникают всякого рода затруднения. Я не мог позвонить вам из дома: умирающая не выносила ни малейшего шума. Я трижды выскакивал на улицу и пытался дозвониться к вам из соседнего кафе. О! Это было ужасно!

— Она очень мучилась?

— Не особенно. Но она знала, что умирает.

— Сколько ей было лет?

— Восемьдесят восемь. Теперь я вернулся в Фекан и вожусь с детьми, так как жена осталась там. С ней только грудной ребенок. Но, если вы захотите, я могу сесть в машину и приехать к вам вечером. Или же скажите мне, когда я вас меньше всего побеспокою завтра утром, и я непременно буду.

— Вы желаете мне что-нибудь сообщить?

— По поводу того, что произошло в воскресенье? Вряд ли мне известно больше того, что вы узнали. Ах да! Мне удалось добиться того, что все нормандские газеты как в Гавре, так и в Руане не станут сообщать о случившемся. Следовательно, и в Париже не узнают. Но это было нелегко. Я сам ездил в Руан во вторник утром. Они поместили сообщение в три строчки, указав, что предполагается несчастный случай.

Шарль Бессон наконец перевел дыхание, но комиссару нечего было ему сказать.

— Вы хорошо устроились?— продолжал Бессон.— Вам дали хороший номер? Надеюсь, вы распутаете эту досадную историю? Утром вы поднимаетесь рано? Может, мне приехать к вам в отель к девяти часам?

— Если это вас устраивает.

— Благодарю вас. Еще раз примите мои самые глубокие извинения.

Выйдя из кабины, Мегрэ увидел, что Арлетта осталась в зале совсем одна. Стол, за которым она сидела облокотившись, уже убирали.

— Он говорит, что ему пришлось поехать в Дьепп.

— Она умерла наконец?

— Она болела?

— Уже лет двадцать, а может, и тридцать, и все говорила, что умирает. Шарль, наверно, доволен.

— Он не любил ее?

— На какое-то время он поправит свои дела — ему ведь достанется солидное наследство. Вы знаете Дьепп?

— Очень мало.

— Семейству Монте принадлежит примерно четверть всех домов города. Теперь Шарль разбогатеет, но все-таки ухитрится потерять и эти деньги в какой-нибудь шальной афере. Если только Мими ему не помешает,— ведь в конце концов это ее деньги, а она, насколько я знаю, себя в обиду не даст.

Любопытно: она говорила обо всем этом беззлобно, в голосе ее не чувствовалось ни враждебности, ни зависти, словно рассказывала она о людях вообще, принимая их такими, какие они есть, и судила о них, как об экспонатах антропологического музея.

Мегрэ снова сел напротив нее, набил трубку, но не торопился раскурить ее.

— Вы скажете мне, когда я стану вам в тягость?— проговорила Арлетта.

— Вы как будто не торопитесь вернуться в «Гнездышко»?

— Нет. Не тороплюсь.

— Настолько, что согласны на любое общество.

Он знал, что дело не в этом. Начав рассказывать о себе, она, вероятно, не прочь продолжить этот разговор. Но в этом большом зале, где погасили уже три четверти огней и прислуга давала понять, что они ее задерживают, трудно было возобновить разговор с того, на чем он был прерван.

— Может быть, пойдем еще куда-нибудь?

— Куда? Если в бар, то там мы рискуем натолкнуться на Тео, а я не хочу с ним встречаться.

— Вы еще любите его?

— Нет. Не знаю.

— Вы сердитесь на него?

— Не знаю. Идемте. Мы можем просто пройтись.

Они вышли. Была темная туманная ночь. Свет редких фонарей расплывался мерцающими кругами. И сильнее, чем днем, слышался размеренный шум моря, возвещавший шторм.

— Позвольте мне продолжить вопросы?

Она носила туфли на очень высоких каблуках. Ради нее он избегал улиц без тротуаров, особенно вощенных булыжником, где она могла бы вывихнуть лодыжку.

— Для этого я и пришла сюда. Рано или поздно вы их все равно задали бы мне, правда? Лучше уж со спокойной душой вернуться завтра в Париж.

Со времен юности не часто доводилось Мегрэ бродить вот так ночью по темным и холодным улицам маленького городка в обществе красивой женщины, и он чувствовал себя чуть ли не виноватым. Навстречу попадались лишь редкие прохожие. Их шаги слышались задолго до того, как из темноты возникал силуэт. Многие оборачивались вслед этой запоздалой паре; возможно, за ними наблюдали и из-за штор освещенных окон.

— В воскресенье, если я не ошибаюсь, был день рождения вашей матери?

— Да, третьего сентября. Отчим превратил этот день в нечто подобие национального праздника. И не допускал, чтоб кто-нибудь из

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—44.

семьи не был на торжестве. Мы сохранили обычай встречаться в этот день у матери. Для нас это стало традицией, вы понимаете?

— За исключением Тео, судя по тому, что вы мне рассказали.

— Да, исключая Тео после смерти его отца.

— Вы привезли на этот раз подарки? Могу я узнать, какие?

— По странному совпадению Мими и я сделали почти одинаковые подарки: кружевные воротнички. Трудно выбрать что-нибудь для моей матери. У нее есть все, чего она могла бы пожелать,— вещи дорогие и редкие. Когда ей дарят безделушку, она разражается хохотом, от которого становится не по себе. И благодарит с преувеличенной горячностью. Но она без ума от кружев, и вот нам с Мими пришла одна и та же мысль.

— Ни шоколада, ни конфет, ни сладостей?

— Догадываюсь, что́ вы имеете в виду. Нет, ничего этого не было. Никто не рискнул бы преподнести ей шоколад или конфеты, она их не терпит. Видите ли, моя мамаша относится к тем хрупким на вид женщинам, которые любым сластям предпочитают маринованную или зажаренную селедку, соленые корнишоны и хороший кусок сала.

— А вы?

— Я нет.

— Кто-нибудь из семьи догадывался о том, что произошло однажды между отчимом и вами?

— Честно говоря, я в этом не уверена. Но готова поклясться, что мать все знала.

— От кого она могла узнать?

— Она обходилась без чьей-либо помощи. Простите, но мне опять приходится злословить: она всегда подслушивала у дверей, это было ее страстью. Сначала она следила за мной, потом за Фернаном. Она шпионила за всеми, кто жил в доме, в ее доме, включая метрдотеля, шофера и горничных.

— Зачем?

— Чтобы знать все, что происходит в ее доме.

— И вы полагаете, что она знала и о вас с Тео?

— Я почти уверена.

— И она никогда ничего вам не говорила, даже не намекала? Вам ведь не было тогда и двадцати лет. Она могла бы вас и предупредить.

— А для чего?

— Когда вы заявили о своем намерении выйти замуж за Жюльена Сюдра, разве она не пыталась вас отговорить? В то время этот брак мог выглядеть мезальянсом. Фернан Бессон был на вершине успеха. Вы жили в роскоши — и вдруг выходите замуж за небогатого дантиста, за человека без будущего.

— Мать ничего мне не говорила.

— Отчим?

— Он не посмел. Он чувствовал себя виноватым передо мной, мне кажется, его мучила совесть. Думаю, что, в сущности, он был порядочным и даже совестливым человеком. Он, должно быть, был уверен, что я так поступаю из-за него. Он хотел сделать мне богатый подарок, но Жюльен не принял его.

— По вашему совету?

— Да.

— И ваша мать не подозревала об этом?

— Нет.

Продолжение следует.

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН

Роман

Они шли теперь по тропинке, поднимающейся вверх к вершине скалы; через равные промежутки времени небо прорезал луч маяка, и издалека доносился зловещий вой сирены, включенной по случаю тумана. Даже здесь, наверху, чувствовался сильный запах водорослей. Несмотря на высокие каблуки и парижский костюм, Арлетта не проявляла признаков усталости и не жаловалась на холод.

— Я задам еще один вопрос.

— Я знаю заранее почти все ваши вопросы.

— Как бы вы себя повели, если бы ваша мать вдруг заявила вам, что ей известна та сторона вашей жизни, о которой мы говорили?

— Я бы сказала ей, чтобы она не совала нос не в свои дела.

— Предположим, что она, надеясь вас спасти, заявляет, что считает своим долгом поставить в известность вашего мужа?

Молчание. Арлетта замедляла шаг.

— Так вот вы к чему клоните!— произнесла она с упреком.

— Право, я не хотел этого.

— Я уже говорила вам, что готова на все, чтобы Жюльен ничего не узнал.

— Но почему?

— Неужели вам непонятно!

— Вы не хотите причинить ему боль?

— И это тоже. Жюльен счастлив. Это один из самых счастливых людей, каких я встречала в жизни. И никто не имеет права нарушить его покой. И еще...

— Что еще?

— Возможно, он единственный мужчина, который уважает меня, относится ко мне иначе, чем... Вы знаете, о чем я хочу сказать.

— И вам необходимо это?

— Может быть.

— Настолько, что, если бы ваша мать...

— Если бы она стала угрожать, что очернит меня в его глазах, я пошла бы на все, чтобы не допустить этого.

— Вплоть до убийства?

— Да.

Она добавила:

— Могу заверить вас, что такой случай пока еще не представился.

— Почему п о к а е щ е?

— Потому что теперь она уже не только догадывается, но у нее есть прямое доказательство. Сегодня она сказала мне об Эрве.

— Что же она вам сказала?

— Вы будете поражены, если я повторю то, что она говорила. Видите ли, моя мамаша, внешне походя на маркизу, по сути осталась простолюдинкой, дочерью рыбака, и в семейной обстановке она не стесняется в выражениях. Она сказала, что прелюбодействовать я могла бы и в другом месте, а не под ее крышей, а по поводу того, что было между мной и Эрве, она разразилась самой отборной бранью. О Жюльене она говорила в не менее грубых выражениях, обозвав его рогатой скотиной, поскольку она уверена, что он все знает и даже извлекает из этого пользу.

— Вы защищали его?

— Я приказала ей замолчать.

— Каким образом?

— Глядя ей прямо в глаза, я потребовала, чтобы она замолчала. Но она продолжала свое, и я дала ей пощечину. Это настолько ее ошеломило, что она тотчас же успокоилась.

— Она ждет вас?

— Она, конечно, не ляжет до моего прихода.

— Вы действительно собираетесь там ночевать?

— Вы знаете обстановку и должны согласиться, что мне трудно поступить иначе. Перед отъездом я должна знать наверняка, что она ничего не скажет Жюльену и ничего не сделает, что встревожило бы его.

Она помолчала, потом, догадываясь о беспокойстве Мегрэ, добавила с усмешкой:

— Не бойтесь. Никакой драмы не произойдет!

Они добрались до самой вершины скалы. Молочная завеса тумана отделяла их от моря, которое билось о прибрежные камни.

— Спуститься мы можем, свернув направо. Дорога здесь лучше и выведет нас прямо к «Гнездышку». Вы уверены, что у вас больше нет вопросов ко мне?

Должно быть, взошла луна, туман стал прозрачнее, и, когда Арлетта остановилась, он увидел бледное пятно ее лица и темную полосу рта.

— Пока вопросов нет,— ответил он.

— Признайтесь: вы думаете, что я пыталась убить мою мать?

— Пока не думаю.

— Вы хотите сказать, что не вполне уверены?

— Я хочу сказать то, что говорю. Я пока ничего не знаю.

— Когда вы сочтете меня виновной, вы мне скажете?

— Вероятно.

— Скажете мне с глазу на глаз?

— Это я могу вам обещать.

— Но я ведь не виновна.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—45.

— Мне бы хотелось, чтоб это было так.

Ему уже претил этот затянувшийся, напряженный разговор, назойливость Арлетты стала его раздражать. Ему казалось, что, рассказывая о себе, она слишком уж охотно грязнила себя.

— Мамаша еще не легла,— сказала Арлетта.

— Как вы это узнали?

— Видите свет? Это — окно гостиной.

— Когда завтра отходит ваш поезд?

— Мне бы хотелось успеть на восьмичасовой. Если, конечно, вы меня не задержите здесь. Тогда я позвоню Жюльену и скажу, что я еще нужна маме.

— Он знает, что ваш отвратительна ваша мать?

— Она мне не отвратительна. Я не люблю ее, вот и все. Там можно мне уехать восьмичасовым поездом?

— Да.

— Вас я не увижу до отъезда?

— Пока еще не знаю.

— Вы, наверно, захотите удостовериться перед моим отъездом, что мамаша жива?

— Может быть.

Они миновали еще более крутой склон, нечто вроде насыпи, и вышли на дорогу в пятидесяти метрах от ограды «Гнездышка».

— Вы не зайдете?

— Нет.

Окна виллы были скрыты кустами, и свет едва проникал сквозь густую листву.

— Спокойной ночи, господин Мегрэ.

— Спокойной ночи.

Сунув руки в карманы, он широким зашагал к городу. Мысли беспорядочно теснились в его голове. Теперь, когда он расстался с Арлеттой, ему приходили на ум десятки вопросов, которые он не додумался задать ей. Он упрекал себя в том, что позволил ей уехать завтра утром, и готов был сейчас же вернуться и отменить ее отъезд.

И не допустил ли он ошибку, дав возможность этим женщинам провести ночь вместе? Не повторится ли между ними сегодняшняя сцена, только с еще большей резкостью и более опасным неистовством? Хорошо бы снова повидать Валентину, побеседовать с ней, посидеть в ее крошечной гостиной среди невинных безделушек.

В девять часов у него встреча с этим грозноглазым Шарлем Бессоном, от которого могут лопнуть барабанные перепонки.

Город словно вымер. В казино за отсутствием посетителей тоже потушили огни. На углу одной из улиц светились еще окна бара или, скорее, бистро, которое, видимо, работало и зимой для местных жителей.

Мегрэ нерешительно потоптался на тротуаре — его мучила жажда. В желтоватом свете за окном он увидел уже знакомую фигуру Тео Бессона, как всегда, похожего на англичанина в своем костюме из шотландского бумаза.

В руке он держал стакан и разговаривал со стоящим рядом сильно загорелым парнем в черной паре, какую по воскресеньям надевают крестьяне, белой рубашке и темном галстуке.

Мегрэ нажал на дверную ручку, подошел к стойке и спросил кружку пива. Теперь он увидал этих двоих в зеркале, висевшем за стойкой, и ему показалось, что он перехватил взгляд Тео, приказывающий собеседнику замолчать.

Тишина воцарилась в баре, где их было четверо, включая хозяина, да еще черный кот растянулся на стуле возле печи.

— Опять туман,— произнес наконец хозяин.— Такое уж время настало. А дни все же солнечные...

Молодой человек обернулся и стал разглядывать Мегрэ, который, выколотив трубку о каблук, затаптывал ногой теплый пепел в опилки на полу. Смотрел парень вызывающе, напоминая тех деревенских забияк, которые, подгуляв на свадьбе или похоронах, ищут повода для драки.

— Не вы ли приехали утром из Парижа?— спросил хозяин, чтобы завязать разговор.

Мегрэ лишь кивнул утвердительно, отчего парень запетушился еще больше и еще пристальней уставился на комиссара.

Так продолжалось несколько минут. Тео Бессон безразлично разглядывал бутылки, стоящие перед ним на столе. Цвет его лица, глаза, особенно мешки под глазами свидетельствовали о том, что пьет он много, постоянно, с самого утра. У него было отсутствующее выражение лица и вялые движения.

— Еще две порции!— приказал он хозяину.

Тот взглянул на молодого человека, который кивнул в знак согласия. Значит, они были вместе.

Тео залпом выпил свой стакан. Парень поступил так же. Затем Бессон-старший небрежно бросил несколько ассигнаций на прилавок, и оба пошли к двери. Молодой парень, выходя, дважды обернулся на комиссара.

— Кто это?

— Вы разве его не знаете? Это месье Тео — приемный сын Валентины.

— А парень?

— Один из братьев бедняжки Розы, покойницы. Она выпила яд, которым хотели отравить ее хозяйку.

— Старший брат?

— Да. Его зовут Анри. Он промышляет сельдь в Фекане.

— Сюда они пришли вместе?

— Как будто да. Впрочем, позвольте... В то время в зале было много народу. Во всяком случае, если и не вместе, то почти одновременно, один за другим.

— Вы не знаете, о чем они говорили?

— Нет. Вначале было шумно, разговаривали все сразу. Потом я выходил заряжать бочку.

— А прежде вы их не видели вместе?

— Как будто нет. Впрочем, я не уверен. Зато я видел Тео с барышней.

— Какой барышней?

— Розой.

— Где вы их видели, на улице?

— Я видел их здесь, в моем баре. Два раза по меньшей мере.

— Он за ней ухаживал?

— Смотря по тому, что вы подразумеваете под этим словом. Они не обнимались, и он не щупал ее, если вы это имеете в виду. Но они мило болтали, смеялись, и было ясно, что она охотно пила с ним. С Розой это было просто — с первого стакана она начинала хохотать, а после второго была готова.

— Давно вы их видели?

— Погодите-ка... Последний раз с неделю назад. Да, это было в среду, как раз в тот день моя жена ездила в Гавр. Она всегда отправляется туда по средам.

— А когда они здесь были в первый раз?

— Примерно за неделю или две до этого.

— Тео Бессон — ваш постоянный клиент?

— Нельзя сказать, чтобы он был только моим клиентом. Он бывает во всех заведениях, где можно выпить. Ведь ему нечего делать, вот он и прогуливается. Не может пройти мимо открытого бара или кафе. Правда, никогда не шумит, ни с кем не задирается. Бывает, что к вечеру у него заплетается язык, вот и все.

Хозяин вдруг спохватился, словно испугавшись, что наговорил лишнего.

— Надеюсь, вы не подозреваете, что он пытался отравить мачеху? За кого я поручусь, так это за него. К тому же люди, пьющие, как он, не способны на злой умысел. Много опаснее те, которые, напившись случайно, теряют рассудок и не ведают, что творят.

— Часто бывает у вас брат Розы?

— Редко. Рыбаки из Ипора неохотно приезжают в Этрета. Это особые люди. Они скорее поедут в Фекан: он ближе и более подходит им по духу. Рюмочку кальвадоса, чтобы сдобрить пиво? За мой счет.

— Нет. Еще кружку пива.

Пиво было несвежее, и Мегрэ чувствовал его в желудке всю ночь. Часто просыпался. Во сне его мучили кошмары. Какие именно, он не помнил, но в сознании они оставляли мучительный, неприятный осадок. Когда он наконец поднялся, сирена по-прежнему хрипло всем оповещала о тумане. Прилив, должно быть, достиг уже высокого уровня, потому что отель содрогался от могучих ударов волн.

Продолжение следует.

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Роман

ГЛАВА ПЯТАЯ

СУЖДЕНИЯ ДОСТОЙНОГО ЧЕЛОВЕКА

Туман почти рассеялся, но притихшее море медленно, словно вздыхая, все еще дымилось. В мглистых облаках над морем стояла радуга.

Всходившее солнце золотило дома, воздух был чист, свеж, и все поры жадно впитывали его. Вкусно пахли лавки зеленщиков, бутылки с молоком еще ждали у порогов хозяек, а в пекарнях был жаркий час, когда румянились корочки.

И снова, как в детстве, мир предстал перед ним не таким, как он есть, а каким хотелось бы его видеть. Городок Этрета с его чересчур маленькими, чересчур красивыми, чересчур свежевыкрашенными домами казался неправдоподобно чистым и невинным для случившейся трагедии. И скалы выступали из тумана точно такими, как на открытках, выставленных у ворот рынка, а мясник, булочник, торговец овощами вполне могли сойти за персонажей детских сказок.

Свойственно ли это только ему, Мегрэ? Или и другие люди воспринимают мир так же, только не признаются в этом? Ему бы так хотелось, чтобы мир был именно таким, каким он являлся в раннем детстве! Про себя Мегрэ называл это: «Как на картинках». И не только внешне, но чтобы такими были сами люди: отец, мать, примерные дети, добрые седые бабушки и дедушки...

Когда он начинал работать в полиции, ему, например, долгое время городок Везинэ представлялся самым гармоничным местом в мире. Это было в двух шагах от Парижа, но до 1914 года там редко встречались автомобили. У богатых буржуа в Везинэ были загородные виллы, дома кирпичной кладки, просторные и удобные, с заботливо ухоженными садами, фонтанами, качелями и огромными посеребренными шарами. Слуги носили ливреи с галунами, а горничные — обшитые кружевами белые чепцы и фартуки.

Казалось, что здесь могли жить только самые счастливые и добродетельные семьи, в

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—46.

которых царят мир и радость. И он был разочарован в душе, когда вдруг на одной из этих вилл с приизанными аллеями разразился непристойный скандал — гнусное убийство мачехи из-за денег.

Теперь он, конечно, не обольщался. Долгие годы он сталкивался главным образом с изнанкой жизни; но, словно умор, сохранилось в нем навсегда это детское восприятие мира, «как на картинках».

Небольшой вокзал выглядел так, словно его старательно разрисовал акварельными красками примерный ученик, даже розовый дымок вился над трубой. Он снова застал игрушечный поезд, служащего, проверявшего билеты (мальчиком он мечтал стать контролером на железной дороге). И он увидел только что приехавшую Арлетту. Она была так же изящна и элегантна, как накануне, в парижском туалете, с саквояжем крокодиловой кожи в руке.

Только что он чуть было не отправился ей навстречу по пыльной дороге, на которой, должно быть, приятно пахло скошенной травой и полевыми цветами. Его отпугнула мысль, что это будет похоже, будто он спешит на свидание. Медленно спускаясь с холма на своих высоких каблуках по этой дороге, она, вероятно, чувствовала себя чересчур «светской» дамой.

Почему же все-таки в действительности все выглядит другим? Иначе говоря, зачем детей пичкают иллюзиями о мире несуществующем, а потом они всю жизнь пытаются сопоставлять этот мир с окружающей их действительностью?

Она сразу же заметила, что он ждет ее на перроне у газетного киоска, и, протягивая билет контролеру, чуть неуверенно улыбнулась ему. Она выглядела усталой, и во взгляде ее читалось беспокойство.

— Я была уверена, что встречу вас здесь,— сказала она.

— Как там все обошлось?

— Это было мучительно.

Взглядом она искала свободное купе. Только в одном из купе первого класса не оказалось попутчиков.

— А ваша мать?

— Она жива. Во всяком случае, была жива, когда я уходила.

Поезд должен был вот-вот тронуться. Положив саквояж на скамью, она встала в дверях у самой подножки.

— Вы снова ссорились?

— Спать мы легли очень поздно. Я кое-что должна сказать вам, господин Мегрэ. Это, правда, только мое предчувствие. Но оно терзает меня. Роза умерла. Но чутье мне подсказывает, что этим не кончится. Готовится новая драма.

— Ваше предположение основано на том, что говорила мать?

— Нет. Я сама не знаю на чем.

— Вы считаете, что жизнь ее по-прежнему под угрозой?

Она не ответила. Ее светлые глаза были обращены к киоску.

— Инспектор уже ждет вас,— заметила она, словно давая понять, что интимность их разговора нарушена.

Она поднялась в купе. Начальник станции поднес к губам свисток, локомотив пустил пары.

Это был действительно Кастэн. Он приехал раньше, чем обещал накануне, и, не застав Мегрэ в отеле, решил поискать его на вокзале. Вышло как-то неловко. Но почему, собственно говоря, неловко?

Поезд медленно тронулся. Комиссар пожал руку инспектору.

— Что нового?

— Ничего особенного,— ответил Кастэн.— Но я тревожился без всяких на то причин. Мне снились две женщины — мать и дочь,— они были одни в небольшом домишке.

— И кто из них кого убивал?

Пришла очередь Кастэну смутиться.

— Как вы догадались? Мне снилось, что мать убивала дочь. И чем, как вы думаете? Поленом, выхваченным из печи.

— К девяти должен подъехать Шарль Бессон. У него умерла теща. Люка что-нибудь сообщил вам по телефону?

— Очень немного. Но он еще перезвонит в Гавр, как только получит новые сведения. Я распорядился, чтобы его соединили с вашим отелем.

— Что там известно о Тео?

— У Тео не раз были неприятности с неоплаченными векселями. Но ему всегда удавалось расплатиться до вызова в суд. У него много друзей среди богатых кутил, которым требуются собутыльники. Время от времени он пристраивается к какому-нибудь коммерческому делу, но, как правило, в роли посредника.

— У него нет женщин?

— Судя по всему, он не слишком увлекается женщинами, иногда заводит любовницу, но ненадолго.

— Это все?

Из небольшого бара так вкусно пахло кофе и коньяком, что оба они, не устояв перед соблазном, зашли и уселись за стол, на котором стояли пустые чашки, пахнущие спиртным.

— Меня встревожил не столько сон,— продолжал вполголоса инспектор,— сколько размышления, которыми я даже поделился с женой, перед тем как заснуть. Я часто думаю вслух, так у меня лучше получается. Жена согласилась со мной. Пять лет прошло с того времени, как умер старик Бессон, так ведь?

— Примерно так.

— И насколько нам известно, с тех пор мало что изменилось, но только в прошлое воскресенье кто-то пытался отравить Валентину. И заметьте, чтобы рассеять подозрение, был выбран единственный день, когда в доме оказалось много народу.

— Да, это имеет значение. Что же дальше?

— И умерла не Валентина, а несчастная Роза. Значит, если были мотивы для убийства Валентины, они существуют и по сей день. И до тех пор, пока мы не узнаем эти мотивы...

— ...опасность не устранена, вы это хотите сказать?

— Да. И, возможно, ваше присутствие еще более усугубляет эту опасность. У Валентины нет состояния, следовательно, убить ее пытались не из-за денег. Значит, кто-то пытается помешать разоблачению того, что известно Валентине. Значит, Валентине что-то известно, и кто-то пытается не допустить разоблачения. В этом случае...

Мегрэ не слишком внимательно слушал рассуждения инспектора. Он смотрел в окно и наслаждался утром, смакуя то особое трепетание воздуха, какое бывает, когда солнечные лучи разгоняют ночную влагу.

— Люка что-нибудь говорил о Жюльене?

— Супруги Сюдр живут очень скромно, снимают квартиру из пяти комнат в дешевом доме, держат горничную. У них есть автомобиль. Субботу и воскресенье они проводят за городом.

— Все это мне известно.

— Виноторговец Эрве Пейро богат, у него большое предприятие на набережной Берси, все свободное время он проводит с женщинами самого разного пошиба. У него три автомобиля, один — марки Бугатти...

«Семейный пляж»,— прочел как-то Мегрэ в одном из рекламных проспектов. Так оно и есть. Матери с детьми, мужья, приезжающие к ним в субботний вечер, старики и старухи с бутылками минеральной воды и коробочной пилюль на столике в отеле, всегда встречающие друг друга в казино, в одних и тех же креслах; кондитерская сестер Сёрз, где подают пирожные и мороженое; старые рыбаки, всегда одни и те же, которых фотографируют на фоне лодок, вытащенных на берег...

Фернан Бессон также был респектабельным старым господином, а Валентина — самой очаровательной старушкой. Арлетта сегодня утром могла бы позировать для почтовой открытки, муж ее — уважаемый дантист, а Тео — эталон джентльмена, которому прощают его пристрастие к спиртному, потому что он всегда спокоен и держится с достоинством.

У Шарля Бессона — жена, четверо детей, младшему только несколько месяцев; в ожидании траурного костюма по случаю смерти тещи Шарль повязал себе черную ленту на рукав. Он депутат, с министром на «ты», во время предвыборной кампании, должно быть, дружески пожимает руки, целует ребятишек и чокается с рыбаками и крестьянами...

Он оказался одним из тех, кого называют «милейшими людьми», а матушка комиссара Мегрэ назвала бы, пожалуй, «достойным человеком» — высокий, широкоплечий, чуть располневший, с обозначившимся брюшком, немного наивным взглядом и усиками на пухлой верхней губе.

— Я не заставил вас ждать, комиссар? Здравствуйте, Кастэн, рад снова вас видеть.

Его автомобиль был недавно выкрашен заново.

— Никаких дурных новостей?

— Никаких.

— А как мачеха?

— У нее как будто все в порядке. Только что уехала Арлетта.

— А! Она опять приезжала? Как это мило с ее стороны! Я не сомневался, что она приедет успокоить свою мать.

— Вы позволите, господин Бессон? — Мегрэ отвел Кастэна в сторону и поручил ему отправиться сначала в Ипор, а затем в Фекан.

— Прошу прощения,— сказал комиссар, возвращаясь к Бессону.— Я должен был дать инспектору кое-какие распоряжения. Признаюсь, я даже не представляю, где принять вас. В такую рань моя комната, наверное, еще не убрана.

— Я охотно выпью что-нибудь, а затем, если вы не боитесь свежего ветра, мы могли бы посидеть на террасе казино. Надеюсь, вы не слишком сердитесь, что я не смог встретить вас? Моя жена в отчаянии: из Марселя приехала ее сестра, супруга судовладельца,— их теперь только двое, в семействе Монте не было сына,— и вот на меня свалились теперь все неприятности...

— Вы полагаете, что вас ждут неприятности?

— О теще я не могу сказать ничего плохого. Она была достойной женщиной, но к старости у нее появились странности. Вы слышали, что ее муж занимался строительным делом. Половина жилых домов и немало общественных зданий в Дьеппе сооружены им. Большую часть состояния он оставил в недвижимости. Моя теща сама всем управляла после смерти мужа. Она никогда не давала согласия на ремонт зданий. Отсюда несчетное число тяжб с жильцами, муниципалитетом и даже с налоговой инспекцией.

— Разрешите вопрос, мсье Бессон. Встречалась ли ваша теща с Валентиной?

Мегрэ выпил вторую чашку кофе с коньяком и принялся наблюдать за собеседником, который вблизи оказался более обрюзгшим и менее представительным.

— К несчастью, нет. Они никогда не соглашались на встречу.

— Ни та, ни другая?

— Точнее, мать моей жены не желала знать Валентину. Это глупая история. Валентина, когда я представил ей Мими, внимательно осмотрела ее руки и пробормотала что-то вроде:

— У вас, конечно, не отцовские руки?

— Как это понять? — спросила Мими.

— Руки каменщика я представляла себе большими и широкими, — ответила Валентина.

— Видите, как все это глупо? — развел руками Бессон.— Мой тесть действительно в начале своей карьеры был каменщиком, хотя очень недолго. И все же он привык сквернословить. Думаю, что он это делал нарочно, ведь он был очень богат; он был важной персоной в Дьеппе и во всей округе, и его забавляло шокировать людей своим поведением и крепкими словами.

Когда моя теща услышала о словах Валентины, она была задета за живое. «Это все-таки лучше, чем быть дочерью спившегося рыбака!» — сказала она. Потом она припомнила время, когда Валентина была продавщицей в кондитерской сестер Сёрз...

— И обвиняла Валентину в том, что та не отличалась примерным поведением?

— Да. Она еще подчеркивала разницу в годах ее и мужа. Короче, они никогда не соглашались встретиться.

Пожимая плечами, Бессон добавил:

— Подобные истории бывают во всех семьях, не так ли? Хотя каждая из них — достойная женщина.

— Вы очень любите Валентину?

— Очень. Она всегда была добра ко мне.

— А как относится к Валентине ваша жена?

— Естественно, что Мими менее расположена к ней.

— Они ссорятся?

— Они редко видятся. Не чаще одного раза в году. Перед встречей я всегда рекомендую Мими быть терпимей, подчеркивал, что Валентина — пожилой человек. Она обещает. Но это не предотвращает взаимных колкостей.

— Так было и в прошлое воскресенье?

— Не знаю. Я водил ребят на прогулку.

«Кстати, что думают дети о своем отце? — подумал Мегрэ.— Вероятно, как и большинство детей, они уверены, что он сильный, умный человек, способный защитить их и направить их жизнь. Они не понимают, что это безвольный и недалекий человек, не приспособленный к жизни.

Мими, должно быть, говорит о нем:

— О, он так добр!

А он и в самом деле любит их всех и на жизнь смотрит большими глазами, наивными, сластолюбивыми. Ему, конечно, всегда хотелось быть сильным, умным, лучшим из мужчин!

И у него, наверно, была масса всяких планов. Многие из них ему не удалось осуществить, и некоторые если и осуществлялись, то при-

водили и фиаско. В обоих случаях он считал, что просто обстоятельства были против него.

И все-таки разве он не добился, чтобы его избрали депутатом? Теперь-то все узнают ему истинную цену. Вся страна услышит о нем, он станет министром, крупным государственным деятелем...»

— В молодости вы не были влюблены в Валентину? Она ведь старше на какой-нибудь десяток лет.

Оскорбленный, даже возмущенный вопросом, он воскликнул:

— Никогда в жизни!

— Ну, а позже не влюблялись ли в Арлетту?

— К ней я всегда относился, как к сестре.

Неужели и этот тоже воспринимает мир и людей, «как на картинках»? Бессон вынул из кармана сигару. Удивленный, что Мегрэ не следует его примеру, тщательно раскурил сигару и, медленно выдыхая дым, следил, как он тает в воздухе.

— Не отправиться ли нам на террасу? Там удобные кресла, обращены они к пляжу. Мы полюбуемся морем.

Круглый год он жил у моря, но всегда с одинаковым удовольствием любовался им, удобно устроившись в кресле, хорошо одетый, гладко выбритый, с видом значительного и процветающего человека.

— А ваш брат Тео?

— Вы хотите узнать, не был ли он влюблен в Валентину?

— Да.

— Наверняка не был. Я ничего подобного не замечал.

— А в Арлетту?

— И того меньше. Я еще был мальчишкой, а у Тео уже были связи, особенно с «дамочками», как я их называю.

— Арлетта тоже не влюблялась в него?

— Возможно, она «обожала» его, как говорит моя жена об увлечениях девочек. Вы знаете, как это бывает. Без последствий. И доказательство тому — ее раннее замужество.

— Вас это не удивило?

— Что именно?

— Ее брак с Жюльеном Сюдром.

— Нет. Разве что немного. Ведь он не был богат, а мы считали, что Арлетте не прожить без роскоши. Одно время она отличалась большим снобизмом. Но это прошло. Думаю, что у нее с Жюльеном была настоящая любовь. Он оказался человеком широких взглядов. Отец хотел преподнести им в качестве приданого крупную сумму, в то время мы были необычайно богаты. Но Жюльен отказался.

— И она тоже?

— Да. Таким образом, буквально на следующий день она должна была привыкать к скромному существованию. Обстоятельства и нас всех приучили к тому же, но позже.

— Ваша жена и Арлетта в хороших отношениях?

— Думаю, да. Хотя они очень разные. У Мими дети, весь дом на ее руках, она редко бывает в обществе.

— А ей хотелось бы вести более светский образ жизни? Не тянет ее в Париж?

— Она терпеть не может Парижа.

— И не скучает в Дьеппе?

— Разве чуть-чуть. К несчастью, сейчас, когда я стал депутатом, мы не имеем возможности жить в столице. Что скажут мои избиратели?

Слова Шарля Бессона вполне гармонировали с окружающим пейзажем — с голубым, как на открытке, морем, сверкающим на солнце утесом, с купальщиками, которые словно позировали перед фотоаппаратом...

В конце концов реальная ли это действительность? Или же только мираж? И, может быть, этот большой самодовольный ребенок по-своему прав? И действительно ли умерла Роза?

— Вы не удивились, встретив здесь брата в воскресенье?

— Да, поначалу немного удивился. Я думал, что он в Довиле. Или же в одном из солонских замков — ведь уже начало сентября и разрешена охота. Тео, знаете ли, сохранил светские привычки. Когда у него было состояние, он жил на широкую ногу и охотно принимал друзей. Они этого не забыли и теперь, в свою очередь, приглашают его.

Совершенно иная картина! Несколько слов — и это уже совсем другой Тео.

— У него есть средства?

— Денежные? Не знаю. Если и есть, то очень немного. Но у него нет расходов. Он холостяк.

Нотки зависти проскользнули в словах этого грузного человека, обремененного четырьмя детьми.

— Он всегда элегантен. Но это потому, что он аккуратно носит вещи. Его часто приглашают в высшее общество. И мне кажется, что от случая к случаю он занимается и коммерцией. Он ведь очень умен и, если бы захотел...

«Да-да,— подумал Мегрэ,— Шарль тоже, если бы он только захотел...»

— Он сразу же согласился пойти с вами в воскресенье к Валентине?

— Нет. Не сразу.

— Он сказал вам, почему он здесь?

— Надеюсь, комиссар, вы не подозреваете Тео?

— Я никого не подозреваю, мсье Бессон. Мы просто беседуем. Я стараюсь составить себе как можно более точное представление о семье.

— В таком случае, если хотите знать мое мнение, Тео сентиментален, хотя и опровергает это. Он тоскует по Этрета, где мы детьми проводили каникулы. Вам известно, что мы приезжали сюда, когда была еще жива наша мать?

— Да, это понятно.

— Я сказал ему, что у него нет никаких оснований дуться на Валентину. И что она тоже на него не сердится. В конце концов он пошел со мной.

— Как он вел себя там?

— Как светский человек. Поначалу чувствовал себя несколько скованным. Увидев наши подарки, он извинился, что пришел с пустыми руками.

— А с Арлеттой?

— Что? Между ним и Арлеттой никогда ничего не было.

— Таким образом, за обедом семья была в полном сборе?

— Кроме Сюдра, который не смог приехать.

— Да, о Сюдре я забыл. Вы не заметили ничего такого — какую-нибудь деталь, которая могла бы навести на мысль о готовящейся драме?

— Ровным счетом ничего. А я ведь очень наблюдателен.

Ну и болван! Какое же иногда счастье быть болваном!

— Нужно сказать, что Мими и я были очень заняты детьми. Дома они сравнительно спокойны, а в гостях очень возбуждаются. Вы ведь заметили, что дом Валентины крошечный, в столовой так тесно, что невозможно выйти из-за стола. И наш малыш, который обычно спит, воспользовался этим и орал, не переставая, целый час, буквально оглушив всех. Мы уложили его на бабушкиной кровати, а со старшими не знали, что делать.

— Розу вы хорошо знали?

— Каждый раз, приезжая в «Гнездышко», я видел ее. Она была славной девушкой, немного замкнутой, как и большинство местных жителей. Правда, стоит их узнать поближе...

— Значит, видели вы ее примерно раз пять-шесть?

— Пожалуй, несколько больше.

— Вы разговаривали с ней?

— Ну, как говорят с прислугой? Мимоходом, на кухне. Она была хорошей кухаркой. Не знаю, как теперь устроится Валентина, она ведь любит вкусно поесть. Знаете, комиссар, если судить по вашим вопросам и моим ответам, боюсь, что вы на ложном пути.

Мегрэ невозмутимо продолжал потягивать трубку, следя глазами за крошечным корабликом, постепенно исчезавшим за горизонтом.

— Впрочем, я так и предполагал. И, предвидя, в каком направлении полиция поведет следствие, просил министра об одолжении: передать следствие в ваши руки.

— Благодарю вас.

— Ну что вы! Это я должен благодарить вас, что вы приехали. Хотя я очень занят, но мне, как и многим, случается читать детективные романы. Бесполезно спрашивать, принимаете ли их всерьез вы. В этих романах каждый что-то скрывает, совесть у всех более или менее нечиста и жизнь людей, вмешав самых простых, оказывается запутанной и сложной... Теперь вы немного знакомы с семьей,— продолжал Шарль Бессон.— Надеюсь, вы поняли, что ни у кого из нас нет причин ненавидеть мачеху, причем ненавидеть настолько, чтобы хладнокровно подготовить ее убийство. В желудке Розы был обнаружен мышьяк. И, если я правильно понял, он находился в стакане с лекарством, предназначавшимся Валентине. Я не оспариваю выводы экспертов, которые, должно быть, знают свое дело. Хотя даже и у них случаются ошибки и разногласия... Вы встречались с Арлеттой, господин комиссар. Вы видели Тео. И вот перед вами я. Если бы на Мими не обрушилось горе, я ее привез бы и к вам, и вы бы убедились, что она не способна никому причинить зла... Все мы были так счастливы в воскресенье! Я предполагаю — пусть даже меня поднимут за это на смех,— что только нелепая случайность могла стать причиной катастрофы.

— Скажите, вы верите в привидения?

Мегрэ был в восторге от своего вопроса, который задал с нанигранной улыбкой, как он сделал бы это в парламенте, подпуская ежа своему противнику.

— Нет, я в привидения не верю.

— И я не верю. Однако не проходит года, чтоб где-нибудь во Франции не объявлялся бы дом с привидениями, и несколько дней, а то и недель все местное население пребывает в смятении. В одном городке мне приходилось наблюдать, как целая армия жандармов, полицейских и экспертов не могла найти объяснение тому, что каждую ночь в доме двигались вещи. Но неизбежно все это в один прекрасный день объясняется. И в большинстве случаев настолько просто, что история завершается взрывом хохота.

— Но ведь Роза мертва, не так ли?

— Я знаю это и не собираюсь утверждать, что она сама отравилась. Лечивший ее доктор Жолли говорит, что она была здорова телом и духом. Ни ее знакомства, ни ее жизнь не дают основания заподозрить самоубийство. Не забывайте, что яд уже был в стакане, когда Валентина захотела выпить лекарство и не выпила его, почувствовав, что оно слишком горчит.

— Согласен. Я не пытаюсь вас убедить, я просто говорю: никто из присутствовавших на обеде у Валентины не был заинтересован в убийстве старой беззащитной женщины.

— Известно ли вам, что ночью в доме был мужчина?

Шарль слегка покраснел и сделал жест, словно отгоняя назойливую муху.

— Мне говорили. Я с трудом в это поверил. Но ведь Арлетте тридцать восемь лет. Она чрезвычайно хороша собой. И пользуется успехом больше, чем другие. Может, это не так страшно, как можно подумать. Во всяком случае, я надеюсь, что Жюльен об этом никогда не узнает.

— Вероятно.

— Видите ли, господин Мегрэ, любой мог бы заподозрить кого-либо из присутствовавших на обеде, но ведь вы, судя по тому, что я о вас знаю, проникаете в самую суть вещей. Я убежден, как и в случаях с привидениями, вы откроете необычайно простую истину.

— Например? Что Роза не умерла?

Шарль Бессон рассмеялся, не совсем, однако, уверенный, что это шутка.

— К тому же откуда появился мышьяк? — сказал он.

— Не забывайте, что ваш отец был фармацевтом и что Тео, как мне говорили, изучал химию, что вы сами некоторое время работали в лаборатории. Я хочу сказать, что все в семье знакомы в какой-то степени с лекарствами.

— Об этом я не подумал, но это ничего не меняет.
— Разумеется.
— Не исключено также, что кто-то мог пробраться в дом с улицы.
— Бродяга, например?
— А почему бы и нет?
— Вы хотите сказать, что кто-то дождался такого момента, когда дом был полон людей, влез через окно на второй этаж и высыпал яд в стакан? Эта деталь, кстати говоря, тоже имеет значение. Ведь яд подсыпали не в бутылку со снотворным, где его и следов не обнаружили, а прямо в стакан.
— Да, вы сами видите, как тут все не вяжется.
— А Роза все-таки умерла.
— В таком случае, что вы сами об этом думаете, господин Мегрэ? Скажите мне ваше мнение, как мужчина мужчине. Разумеется, обещаю вам, не стану предпринимать ничего, что могло бы помешать вашему следствию. Кто это сделал?
— Не знаю.
— То есть как?
— Пока еще не знаю.
— Но...
— Мы это узнаем, когда я смогу ответить на два главных вопроса.
— У вас есть подозрения?

Теперь он чувствует себя неловко в кресле, пожевывает кончик потухшей сигары, от которой у него, должно быть, горчит во рту. Может, как это бывало и с Мегрэ, он все цепляется за свои иллюзии, за то представление о мире, которое ему только что разрушили. Почти трогательно видеть его взволнованным, взбудораженным, следящим за малейшими оттенками выражения лица комиссара.

— Произошло убийство,— сказал Мегрэ.
— Это как будто бесспорно.
— Без причин не убивают. Особенно ядом, что несовместимо с порывом гнева или страсти. За время моей службы я не встречал ни одного отравления, которое не было бы связано с денежными интересами.
— Но какие же интересы могли здесь быть, черт возьми?

Он в конце концов не сдержался.

— Я их не раскрыл.
— Все, чем владеет моя мачеха, принадлежит только ей, без права наследования. За исключением кое-какой мебели и безделушек.
— Мне это известно.
— Я не нуждаюсь в деньгах, особенно сейчас. И Арлетта тоже. Тео деньги не интересуют.
— Мне уже не раз говорили все это.
— И что ж?
— Ничего. Я только начал следствие, господин Бессон. Вы пригласили меня, и я приехал. Валентина тоже просила меня заняться этим делом.
— Она вам писала?
— Не писала и не звонила по телефону. Она сама приехала ко мне в Париж.
— Я знал, что она была в Париже, но думал, что она ездила навестить дочь.
— Она явилась в сыскную полицию и была в моем кабинете, когда мне передали распоряжение министра.
— Забавно.
— Почему?
— Потому что я не сомневался, что она знает вас.
— Мне она сказала, что по газетам следила за моими расследованиями и собирала даже некоторые вырезки. Что вам в этом не нравится? — спросил Мегрэ, видя, что Шарля передернуло.
— Да нет, ничего.
— Вы предпочитаете не отвечать на этот вопрос?
— Ничего особенного, уверяю вас. Только я ни разу не видел, чтобы моя мачеха читала газету. Она их и не выписывает и всегда отказывалась от радио и даже от телефона. Ей глубоко безразлично все, что происходит в мире.
— Вот видите, как иногда делаются открытия.
— О чем же это открытие говорит?
— Узнаем позже. Возможно, ни о чем. Вы что-нибудь выпьете?
— Тео все еще в Этрета?
— Да, я встретил его вчера вечером.
— В таком случае имеем шанс застать его в баре. Вы говорили с ним?
— Не было случая.
— Я вас познакомлю.

Видно было, что Шарль чем-то озабочен. На этот раз он просто откусил конец новой сигары и прикурил кое-как.

Ребята играли в море большим красным мячом.

Продолжение следует.

МЕГРЭ И СТАРАЯ ДАМА

Жорж СИМЕНОН

Роман

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—47.

Рисунки П. Пинкисевича.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РОЗА И ЕЕ СТРАННОСТИ

Шарль Боссон не ошибся. В баре, помимо Чарли, находился всего один человек, это был Тео. Он сидел перед недопитой рюмкой аперитива «мастик» [1] и за отсутствием партнера сам с собой играл в «покер-дайс» [2].

Шарль устремился к нему, счастливый и гордый возможностью представить комиссару старшего брата, а тот смотрел на вошедших тусклым взглядом и неохотно покидал табурет у стойки.

— Знаешь ты комиссара Мегрэ?

Тео мог бы ответить: «Только понаслышке», или «Как и все», или еще что-нибудь в этом роде, что дало бы понять, что для него это не просто первое попавшееся имя,— но он лишь церемонно поклонился и, не подавая руки, процедил:

— Очень рад.

Вблизи он выглядел старше: заметнее выступали мелкие морщины, похожие на трещины. Должно быть, по утрам он немало времени проводил в парикмахерской, где с ним проделывали сложные косметические процедуры, включая и массаж лица; кожа у него была, словно у старой кокетки.

— Ты, конечно, знаешь, что по моей просьбе и просьбе Валентины, специально вызвавшей в Париж, комиссар согласился вести следствие?

Шарль был несколько огорчен тем, что брат встретил их с ледяной вежливостью путешествующего монарха.

— Мы тебе не помешали?

— Ничуть.

— Только что на пляже мы провели целый час под солнцем, и нас мучает жажда, Чарли!

Тот дружески подмигнул Мегрэ.

— Что ты пьешь, Тео?

— Виски.

— Терпеть не могу виски. А вы что выпьете, комиссар? Себе я закажу пикон-гренадин.

Вышло так, что и Мегрэ взял себе то же самое. Давно уж он не пробовал этот напиток, и каким-то загадочным образом он сразу же напомнил ему времена отпусков.

— Ты был у Валентины после воскресенья?

— Нет.

У Тео были большие, холеные, бледные руки, поросшие рыжеватыми волосками, на мизинце — большой перстень-печатка. На нем не было ни одной вещи, какую можно приобрести в заурядном магазине. Да, несомненно, он облюбовал для себя определенный внешний облик и следовал ему неизменно. Кто-то в свое время произвел на него неизгладимое впечатление — возможно, какой-нибудь английский аристократ; он изучал его жесты, походку, манеру одеваться, даже шишку. Вот и теперь он время от времени вяло подносит руку ко рту, словно собираясь зевнуть, но не зевает.

— Ты еще долго пробудешь в Этрета?

— Не знаю.

Шарль все старался представить брата в более выгодном свете и объяснял комиссару:

---

[1] «Мастик» — спиртной напиток с привкусом аниса (прим. перев.).

[2] «Покер-дайс» — игра в кости, на которых вместо цифр изображены фигуры карточной колоды.

— Презабавный парень. Никогда не знает наперед, что будет делать на следующий день. Без всяких на то причин после ужина у «Фуке» или «Максима» он вдруг может собрать чемодан и улететь в Канн или Шамони, в Лондон или Брюссель. Там ведь, Тео?

Но Мегрэ уже перешел в атаку.

— Позвольте задать вам один вопрос, господин Бессон. Когда в последний раз у вас было свидание с Розой?

Бедняга Шарль оторопело уставился на обоих и раскрыл было рот, чтобы запротестовать. Он, видимо, не сомневался, что старший брат станет решительно опровергать возможность чего-либо подобного.

Но Тео возражать не стал. Он, казалось, был озадачен и, прежде чем поднять глаза на комиссара, несколько мгновений рассматривал дно своего стакана.

— Вы хотите знать точную дату?

— Да, возможно более точную.

— Шарль вам подтвердит, что я никогда не помню чисел и путаю дни недель.

— Больше недели тому назад?

— Примерно неделя.

— В воскресенье?

— Нет. Даже под присягой я дважды подумал бы, прежде чем ответить. Ну, а на скорую руку могу сказать, что было это в прошлую среду или четверг.

— Часто вы с ней встречались?

— Не помню точно. Два-три раза.

— Познакомились вы с ней не у вашей мачехи?

— Вам, наверное, говорили, что я не встречаюсь с мачехой. Я не знал, где работает эта девушка, когда с ней познакомился.

— Где это произошло?

— На гуляньи в местечке Бенетт.

— Ты стал волочиться за горничными?— пошутил Шарль, давая понять, что это не в привычках старшего брата.

— Я смотрел бег в мешках. Она стояла рядом со мной. Не припомню уж, кто первым заговорил — то ли она, то ли я. Во всяком случае, она сказала, что деревенские праздники похожи друг на друга, что все это глупо и она предпочитает уйти. Я тоже собирался уходить и из вежливости предложил ей место у себя в машине.

— И это все?

— Повторить, Чарли!

Тот, уже не спрашивая позволения, наполнил три стакана, и Мегрэ не стал возражать.

— Она говорила, что много читает, рассказывала о книгах, которые не могла понять, но которые волновали ее. Должен ли я рассматривать это как допрос, господин комиссар? Заметьте, что я готов подчиниться, если это требуется, но согласитесь, что не в таком месте...

— Полно, Тео!— возразил Шарль.— Не забывай, что господин Мегрэ приехал сюда по и о е й просьбе.

— Из тех, с кем я встречался, вы первый, кто, видимо, немного знает эту девушку,— добавил комиссар.— Во всяком случае, вы первый что-то рассказываете мне о ней.

— Что же еще вы хотите узнать?

— Что́ вы думаете о ней?

— Это деревенская девушка, но она слишком много читала и поэтому задавала несуразные вопросы.

— О чем?

— Обо всем. О доброте и эгоизме, об отношениях между людьми, о разуме. Разве все упомнишь?

— А о любви?

— Она заявила мне, что не верит в любовь и никогда не опустится до того, чтобы отдаться мужчине.

— Даже выйдя замуж?

— К замужеству она относилась как и чему-то, по ее словам, весьма постыдному.

— Стало быть, между вами ничего не было?

— Абсолютно ничего.

— Никаких вольностей?

— Случалось, что она брала меня за руку, когда мы шли пешком, а когда случалось ехать в автомобиле — слегка опиралась о мое плечо.

— Она никогда не говорила вам о ненависти?

— Нет, ее коньком были эгоизм и высокомерие, последнее слово она произносила с сильным нормандским акцентом. Чарли!

— Короче говоря,— вмешался брат,— ты ради забавы занимался изучением характера?

Тео не стал утруждать себя ответом.

— Это все, господин комиссар?

— До смерти Розы вы были знакомы с Анри?

На этот раз Шарль забеспокоился не на шутку. Откуда Мегрэ, говоривший с ним о пустяках, все это знает? Поведение Тео начинало ему казаться не таким уж естественным, особенно его затянувшееся пребывание в Этрета.

— Я знал его только по имени. Она рассказывала мне обо всех своих родных, которых она не любила, конечно, по той причине, что они якобы не понимали ее.

— А Анри Трошю вы встретили только после ее смерти?

— Он остановил меня на улице, спросив, тот ли я самый человек, кто встречался с его сестрой. Вид у него был такой, что он вот-вот полезет драться. Я обстоятельно объяснил ему все, и он успокоился.

— Вы встречались с ним еще раз?

— Да, вчера вечером.

— Зачем?

— Просто мы встретились случайно...

— Он зол на ваших родных?

— Особенно на Валентину.

— По какой причине?

— Это уж его дело. Полагаю, что вы сможете его допросить, как допрашиваете меня. Чарли!

Мегрэ вдруг понял, на кого с таким старанием пытался походить Тео: на герцога Виндзорского!

— Еще два-три вопроса, поскольку вы уж так любезны. Когда-нибудь вам приходилось встречаться с Розой в «Гнездышке»?

— Никогда.

— А ждать где-нибудь поблизости от дома Валентины?

— Она сама сюда приходила.

— Случалось ли ей бывать пьяной в вашем обществе?

— Она сильно пьянела после одной-двух рюмок.

— Она не высказывала желания умереть?

— Смерти она боялась панически. В автомобиле она всегда умоляла меня сбавить скорость.

— Любила ли она вашу мачеху? Была ли ей предана?

— Не думаю, чтобы две женщины, живя вместе и встречаясь с утра до вечера, могли любить друг друга.

— Вы полагаете, что в конце концов они неизбежно начинали друг друга ненавидеть?

— Этого слова я не произносил.

— Кстати,—снова вмешался Шарль Бессон,— я вспомнил, что должен зайти к Валентине. Было бы просто невежливо приехать в Этрета и не узнать, как у нее дела. Вы не поедете со мной, господин комиссар?

— Нет, спасибо.

— Вы останетесь с братом?

— Я побуду здесь еще какое-то время.

— Вам я больше не понадоблюсь сегодня? Завтра я поеду в Дьепп на похороны. Кстати, Тео, у меня умерла теща.

— Поздравляю.

Шарль выскочил из комнаты красный как рак, и трудно было бы сказать, что́ тому причиной: выпитые ли аперитивы или поведение брата.

— Идиот! — пробормотал Тео сквозь зубы.— Значит, это он заставил вас приехать сюда из Парижа?

Он пожал плечами, протянул руку и игральным костям, словно давая понять, что сказать ему больше нечего. Мегрэ вынул бумажник из кармана, повернулся к Чарли, но Тео пробормотал тому:

— Запиши на мой счет.

Выйдя из казино, Мегрэ увидел машину Кастэна, а возле отеля и самого инспектора, который дожидался его.

— Вы не торопитесь? — спросил Кастэн.— Может, выпьем по рюмочке?

— Вот уж чего мне не хочется. Кажется, я проглотил только что три аперитива подряд. И мне бы хотелось скорее сесть за стол.

Комиссар чувствовал, что его разморило. Все это дело вдруг представилось ему в комическом свете, даже Кастэн с его серьезным и деловитым видом показался умопомрачительным типом.

— Мне кажется, вам стоило бы прокатиться в Ипор,— заговорил инспектор.— Уже пять лет я здесь работаю и думал, что знаю нормандцев. Но совладеть с этой семейкой мне оказалось не по плечу.

— Что они говорят?

— Ничего. Ни да, ни нет. Разглядывают тебя исподлобья, сесть не предлагают и словно ждут, пока ты уберешься восвояси. То и дело переглядываются, будто говорят друг другу: «Так будем с ним разговаривать?» «Решай сам!» «Нет, ты решай!» Потом мать пробурчит какую-то фразу, вроде бы ничего не значащую, но, видимо, полную скрытого смысла.

— Что же она говорит?

— Вот, например, такое: «Все эти люди — одна шайка, никто из них и слова не проронит».

— А еще что?

— «У них, конечно, были причины, по каким они не пускали сюда нашу дочь».

— Роза их не навещала?

— Насколько я понял, редко. Хотя из их слов можно сделать любые выводы. Впечатление такое, что слова у них имеют совсем другой смысл, чем обычно. Можно было понять лишь одно: мы с вами явились сюда не для того, чтобы установить истину, а чтобы избавить «тех людей» от неприятностей.

Они, кажется, не верят, что Роза погибла по ошибке,— продолжал инспектор.— Послушать их, так это в нее, а не в Валентину ме-

тил убийца... Отец, вернувшись, все же предложил мне стакан сидра; он, правда, долго колебался, но как-никак я был в его доме. Был там и его сын — в море он уходил только в ночь. Но со мной он не чокнулся.

— Это старший, Анри?

— Да. Сам он не проронил ни слова да и им делал знаки, чтобы они молчали. Если бы я повстречал папашу в одном из кабачков Фекана, да навеселе, возможно, он рассказал бы мне больше... А что удалось сделать вам?

— Я поговорил с обоими Бессонами. Сначала с Шарлем, затем с Тео.

Они сели за стол. Перед ними стояла бутылка белого вина, и инспектор наполнил оба стакана. Мегрэ не ограничивал себя, и, когда они вышли на улицу, ему мучительно захотелось поспать после обеда, широко распахнув окна на море.

Его удержало вдруг возникшее чувство стыда. Это тоже было наследием детства — сознание долга, которое он сам добровольно доводил до крайности. Ему все казалось, что он мало делает для того, чтобы отработать свой хлеб. Это настолько укоренилось в нем, что, даже будучи в отпуску — что случалось далеко не каждый год, и пример тому нынешний,— он не переставал испытывать какое-то ощущение вины.

— Чем мне заняться? — спросил Кастэн, заметив, что комиссар сонлив и нерешителен.

— Чем тебе угодно, малыш. Ищи. Не знаю уж, где. Может, тебе удастся повидать доктора?

— Доктора Жоляи?

— Да. И других людей! Неважно кого. Наугад. Престарелая мадемуазель Сёрэ, должно быть, любит поболтать и томится в одиночестве.

— Подвезти вас куда-нибудь?

— Нет, спасибо.

Он знал, что подобное состояние находило на него каждый раз, когда он вел следствие. И случайно ли или же тут работал инстинкт, но каждый раз ему доводилось именно в это время выпивать лишку. В общем, это бывало тогда, когда материал следствия «начинал бродить».

Поначалу ему бывали известны одни сухие факты, которые приводились в полицейских рапортах. Потом он попадал в среду людей, которых прежде в глаза не видал и еще накануне ничего не знал о них. И он разглядывал их так, как рассматривают фотографии в альбомах.

С ними нужно было знакомиться возможно скорее, задавать вопросы, верить или не верить ответам, избегать слишком поспешных выводов. В этот начальный период люди и вещи виделись недостаточно отчетливо, как бы в отдалении, и казались поэтому безликими, лишенными индивидуальности.

И вот в какой-то момент, как будто без всякой причины, все это начинало «бродить». Персонажи становились менее расплывчатыми, более земными и совсем непростыми. Тут уж приходилось держать ухо востро.

Словом, он начинал видеть их изнутри, пока еще на ощупь, неуверенно, и все же создавалось впечатление, что еще одно усилие, совсем небольшое,— и все прояснится, и истина раскроется сама по себе...

Сунув руки в карманы, с трубкой в зубах, он медленно шел по знакомой уже пыльной дороге. Вдруг пустяковая мелочь привлекла его внимание. Совсем незначительная, но, возможно, и немаловажная.

В Париже он привык, что на каждом перекрестке к твоим услугам какие-либо средства сообщения. А каково расстояние от «Гнездышка» до центра Этрета? Примерно километр. У Валентины нет телефона. Нет и автомобиля. Видимо, на велосипеде она уже не ездит.

Стало быть, пожилой женщине приходится совершать целое путешествие, чтобы встретиться с людьми; вероятно, бывали времена, когда она подолгу ни с кем не виделась. Ближайшая ее соседка — одна из сестер Сёрэ, которой около девяноста лет, она, несомненно, уже не поднимается со своего кресла.

Интересно, Валентина сама ходила за покупками? Или поручала это Розе?

В зелени живых оград чернели крупные ягоды ежевики, но он не остановился, чтобы сорвать их, не остановился он и для того, чтобы срезать себе тросточку. Увы, не тот возраст! Но ему было приятно думать об этом. Он думал также о Шарле, о его брате Тео, пообещал себе выпить стаканчик сидра у Трошю. Интересно, предложат ли они ему этот стаканчик?

Он толкнул зеленую калитку, вдохнул в себя сложный запах цветов и растений в саду, услышал ритмичное поскребывание и на повороте тропинки увидел старика, который окапывал кусты роз. Это был, очевидно, Эдгар, садовник, приходивший к Валентине три раза в неделю; его нанимала также и мадемуазель Сёрэ.

Человек распрямился, стараясь рассмотреть вошедшего, поднес руку ко лбу, и нельзя было понять, приветствие ли это или просто прикрыл рукой глаза от солнца.

Это был настоящий садовник, «как на картинках». Почти горбатый оттого, что всегда нагибался к земле, с маленькими сверлящими глазами, похожий на зверька, высунувшего мордочку из норы.

Он ничего не сказал, проводил взглядом Мегрэ и, лишь когда услышал, как отворилась дверь, вновь принялся монотонно скрести лопатой.

Дверь на этот раз открыла не мадам Яруа, а сама Валентина. Она вышла ему навстречу с таким видом, словно они старые, очень давние знакомые.

— Но мне сегодня приходили,— объявила она оживленно.— Шарль известил меня. Его, кажется, расстроил холодный прием, оказанный вам его братом.

— Он рассказывал вам о нашем разговоре?

— О каком разговоре? Постойте-ка. Он говорил мне главным образом о мадам Монте, которая умерла. Это изменит его положение. Теперь он богат, богаче, чем когда-либо, ведь у старой карги было более шестидесяти собственных домов, не считая ценных бумаг и наверняка припрятанных мешков с золотыми монетами. Что вы выпьете, господин комиссар?

— Стакан воды, самой холодной.

— При том лишь условии, что запьете его еще чем-нибудь, хоть капелькой. Сделайте это ради меня. Я никогда не пью одна. Это было бы ужасно, не правда ли? Представьте себе старую женщину, которая в одиночестве распивает кальвадос. Но когда приходит кто-нибудь, признаюсь, я бываю рада случаю пригубить рюмочку.

Что ж, будь что будет! Чувствовал он себя отлично. В маленькой комнате было, правда, немного жарко, солнечные лучи грели плечо. Валентина, указав ему кресло, хлопотала вокруг него, она была оживленна и подвижна, и почти мальчишеский огонек светился в ее глазах.

— Шарль ни о чем другом вам не рассказывал?

— О чем именно?

— О своем брате, например?

— Он просто сказал мне, что не понимает, почему Тео решил предстать перед вами в дурном свете. И добавил, что, вероятно, он сделал это нарочно. Шарль был огорчен. Он просто обожает Тео, и тому же у него чрезвычайно развиты родственные чувства. Могу держать пари, что вам он не сказал обо мне ничего плохого.

— Совершенно верно.

— А кто же тогда?

Мегрэ не пробыл здесь и трех минут, и вот уже незаметно его самого подвергают допросу.

— Моя дочь, не так ли?

Однако произнесла она это с улыбкой.

— Не опасайтесь выдать ее. Она и не пыталась скрыть от меня, что довела до вашего сведения свое мнение обо мне.

— Мне кажется, ваша дочь не очень счастлива?

— А вы полагаете, что у нее есть желание быть счастливой?

Она улыбалась, глядя в стакан, улыбался и Мегрэ.

— Не знаю, часто ли вам приходилось иметь дело с женщинами. Роза, например, чувствовала себя глубоко несчастной, если у нее постоянно не было сложных проблем, которые она должна была разрешить. Это были философские проблемы, над которыми она вдруг принималась размышлять, и столь упорно, что едва отвечала мне, когда я к ней обращалась, и с грохотом мыла посуду, словно ей мешали найти ответ на вопрос, от которого зависели судьбы мира.

— Верно ли, что она перестала навещать своих родителей?

— Она редко бывала у них, потому что каждый раз там бывали скандалы.

— Из-за чего?

— Вы не догадываетесь? Она приходила к ним с этими своими проблемами, давала им советы, вычитанные из книг, и, естественно, с ней обходились как с дурочкой.

— У нее не было подружек?

— По той же самой причине. Это мешало ей встречаться и с местными парнями; они были для нее слишком неотесанными, слишком от земли.

— Стало быть, помимо вас, она почти ни с кем не общалась?

— Она ходила за покупками, но, должно быть, и на улице не слишком охотно раскрывала рот. Впрочем, простите. Я забыла о докторе. Роза как-то нашла в моей библиотеке медицинскую книгу и читала ее время от времени, после чего засыпала меня мудреными вопросами.

«Признайтесь, вам ведь известно, что мне немного осталось жить?» — говорила она.

«Ты больна, Роза?»

Она находила у себя то рак, то какую-нибудь другую, но обязательно редкую болезнь. Это переваривалось в ее голове несколько дней, затем она выпрашивала у меня свободный час и бежала к доктору. Возможно, это позволяло ей поговорить и о других ее проблемах — дон-

тор Жоэлэн внимательно выслушивал ее и никогда ей не противоречил.

— Вечера она проводила с вами?

— Ни разу она не оставалась со мной в гостиной. Впрочем, мне бы это не понравилось. Вы, наверное, считаете меня старой привередой? Покончив с посудой, она сразу же поднималась к себе в комнату, не раздеваясь, плюхалась в постель с книгой и принималась курить сигареты. Ей наверняка не нравился вкус табака. Курить она не умела... Дым ей ел глаза, ей приходилось то и дело закрывать их, но это входило в ее представление о поэтичности. Я чересчур зла? Не настолько, однако, как вам кажется. Когда я поднималась к себе, она входила с раскрасневшимся лицом, горящими глазами и ждала, пока я улягусь, чтобы подать мне лекарство.

«Не забудьте проветрить комнату, прежде чем ляжете спать».

Это была моя традиционная фраза, ибо дым из ее комнаты проникал из-под двери. Она отвечала: «Нет, мадам. Спокойной ночи, мадам». Затем раздевалась с таким шумом, словно там была рота солдат...

Мадам Леруа тоже грешила на кухне, но, вероятно, делала это ради собственного удовольствия или чтобы продемонстрировать свою независимость. Она открыла дверь, рыбьими глазами глянула на Мегрэ и словно не заметила его.

— Ставить суп на огонь?

— Только не забудьте мозговую кость.

Когда мадам Леруа ушла, Валентина снова обернулась к комиссару:

— Итак, за исключением моего зятя Жюльена, вы повидали всех членов семьи. Они небезупречны, но, согласитесь, не так уж и плохи.

Он пытался припомнить, что́ говорила Арлетта о своей матери, но так и не смог.

— В конце концов я, подобно милому Шарлю, также поверю, что произошел всего лишь необъяснимый несчастный случай. Вы же видите, что я по-прежнему жива, и если кто-то и решил в одно прекрасное время — бог знает почему? — покончить со мной, то, кажется, он отступился. Что вы думаете об этом?

Он совсем об этом не думал. Он смотрел на нее, прищурившись; мешали солнечные лучи, струившиеся между ними. Едва заметная улыбка блуждала по ее губам — улыбка кажется, сказала бы мадам Мегрэ. А он спрашивал себя, впрочем, не придавая этому серьезного значения, словно играл: можно ли смутить такую женщину?

Он не спешил, давая ей возможность наговориться вволю, время от времени потягивал кальвадос из рюмки. Аромат фруктового напитка становился для него запахом этого дома, вместе с запахом хорошей кухни, мастики для натирки полов и чистоты.

Она, должно быть, не полагалась полностью на горничных по части уборки. И он представил себе, как по утрам, в ночном колпаке, она сама стирает пыль с многочисленных хрупких безделушек.

— Вы считаете, что у меня есть причуды? Может быть, подобно иным местным жителям, вы даже решили, что я выжившая из ума старуха? Со временем вы поймете меня. Когда приходит старость, перестаешь считаться с чужим мнением и делаешь то, что тебе действительно хочется.

— Вы не видели еще раз Тео?

— Нет. К чему бы это?

— Вам известно, в какой гостинице он остановился?

— В воскресенье он как будто говорил, что снял комнату в «Английской».

— Нет, в «Приморской».

— А почему вы подумали, что он мог прийти ко мне снова?

— Не знаю. Он хорошо знал Розу?

— Тео?

— Да. Он несколько раз встречался с ней.

— Ну, едва ли часто. Она почти не выходила из дому.

— Вы ей не разрешали?

— Конечно же, я ей не разрешала шляться вечерами по улицам.

— И тем не менее она это делала. Сколько у нее было выходных дней?

— Два воскресенья в месяц. Помыв посуду после обеда, она уходила и если уезжала к родителям, то возвращалась только в понедельник утром, с первым автобусом.

— Стало быть, в доме вы оставались одни?

— Я уже говорила вам, что мне не бывает страшно. Значит, вы утверждаете, что между ней и Тео что-то было?

— По его словам, она довольствовалась тем, что беседовала с ним о своих проблемах.

И не без умысла Мегрэ добавил:

— ...держа его за руку или склонив голову ему на плечо.

Она залилась смехом, хохотала так искренне, что даже поперхнулась.

— Поскорее скажите мне, что это неправда!

— Это абсолютно точно. Более того, именно по этой причине Шарль не был слишком доволен своим братом сегодня.

— Тео при нем рассказывал вам об этом?

— Ему пришлось. Он понял, что мне это известно.

— А как вы об этом узнали?

— Прежде всего я встретил вчера Тео в компании с братом Розы.

— С Анри?

— Да. У них был долгий разговор в городском кафе.

— Откуда же он знает Тео?

— Это мне не известно. По его словам, Анри тоже кое-что знал и пришел к нему получить объяснения.

— Это слишком смешно! Если бы я слышала это не от вас... Видите ли, господин Мегрэ, нужно знать Тео, чтобы оценить по достоинству весь комизм того, что вы мне рассказываете. Он самый большой сноб на свете. И в этом едва ли не единственный смысл его существования. Он готов умереть от скуки, но пусть это будет избранное общество. Он пройдет сотни километров, лишь бы его увидели в компании какой-нибудь знаменитости.

— Я это знаю.

— И вдруг Тео прогуливается под ручку с Розой!.. Полноте! Есть одно небольшое обстоятельство, которого вы не знаете, о нем просто забыли упомянуть, рассказывая вам о моей горничной. Очень жаль, что родители забрали все ее вещи. Я показала бы вам ее платья, особенно шляпки. Вообразите самые необычайные цвета, которые меньше всего подходят друг другу. У Розы была пышная грудь. Когда она отправлялась куда-нибудь, она надевала такие узкие вещи, что едва могла дышать, хотя я ей и запрещала так одеваться. Она старалась не попадаться мне на глаза, но так намазывалась, делала это так неумело и грубо, что походила на тех девок, каких можно встретить на углу некоторых улиц в Париже. Тео — и она! Боже милостивый!

И она снова засмеялась, чуть более нервозно.

— Куда же они ходили?

— Мне известно только, что они встретились на гулянье в местечке Бонотт и что им случалось выпить рюмку-другую в небольшом кафе в Этрета.

— Давно это было?

Со стороны могло показаться, что комиссар дремлет. На самом деле он, чуть улыбаясь, наблюдал за Валентиной сквозь полуприкрытые веки.

— В последний раз они встретились в прошлую среду.

— Тео сам сказал вам об этом?

— Не совсем охотно, но все же сказал.

— Ну, теперь меня ничто не удивит! Я все же надеюсь, что он не приходил к ней на свидание в мой дом, влезая в окно, как любовник моей дочери?

— Он это отрицает.

— Тео!.. — повторила она, все еще не веря, затем поднялась, чтобы наполнить бокалы.— Я допускаю, что Анри — самый непримиримый в семье, пришел и Тео свести счеты! Но...

Ирония на ее лице сменилась серьезным выражением, потом вернулась снова беззаботная веселость.

— Это был бы бумеп!.. Уже как будто два месяца, как Тео приехал в Этрета? Представьте себе... Нет! Это было бы чересчур уж экстравагантно...

— Вы допускаете, что он мог сделать ей ребенка?

— Нет! Извините меня. Это пришло мне в голову, но... А вы тоже подумали об этом?

— Да, как-то подумал.

— Впрочем, это все равно ничего бы не объяснило.

За стеклянной дверью на балконе появился садовник, он ждал, не двигаясь, уверенный, что его в конце концов заметят.

— Простите меня, я на минутку отлучусь,— сказала Валентина.— Я должна дать кое-какие распоряжения.

Он вдруг услышал тиканье часов, на которое раньше не обратил внимания. Стали различимы какие-то размеренные звуки, доносившиеся со второго этажа. Это, должно быть, мурлыкала кошка, растянувшаяся на постели своей хозяйки,— потолки очень тонки у этого игрушечного домика.

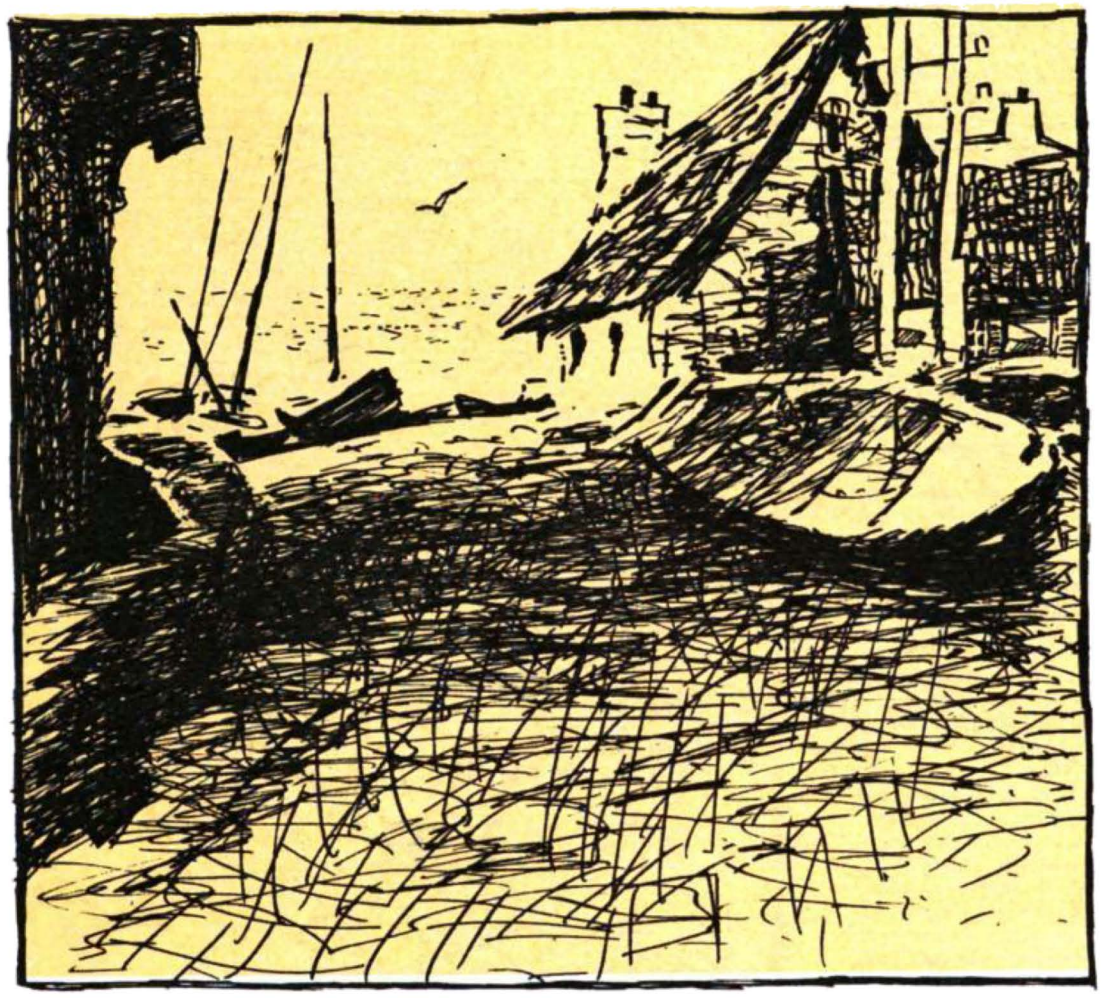
Солнце алмазом в комнату, дробясь в оконном переплете на зеленые осколки, плясало на безделушках, посылало оттуда зайчиков, рисовало на ламе стола четкие контуры листа липы. Мадам Леруа производила на кухне такой грохот, словно передвигала там мебель. В саду возобновилась работа скребка.

Мегрэ казалось, что он и не переставал слышать эти поскребывания. Однако, открыв глаза, он с удивлением увидел в метре от себя лицо Валентины.

Она поспешила улыбнуться ему, чтобы он не почувствовал себя неловко. Он же лишь пробормотал, еле разжимая рот:

— Кажется, я вздремнул.

Продолжение следует.



Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН

Роман

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРЕДСКАЗАНИЯ АЛЬМАНАХА

Когда Мегрэ прощался со старой дамой, они были в таком добром и веселом расположении духа, что им бы впору похлопывать друг друга по плечу.

Но сохранила ли Валентина свою улыбку, когда за ним захлопнулась дверь? Или же, как это бывает после безудержных взрывов смеха, у нее резко изменилось настроение, когда она осталась наедине с молчаливой мадам Леруа?

Мегрэ был скорее озабочен; он слегка волочил ноги, направляясь в город, к дому доктора Жолли. Вдруг, словно из-под земли, вырос перед ним Кастэн, вернее говоря, инспектор выскочил из кабачка, где учредил наблюдательный пункт и уже долгое время ждал комиссара, играя в карты.

— Я был у доктора, патрон. Роза ничем не была больна. Ее распирало от здоровья. И все же она время от времени приходила к доктору, а тот, чтобы доставить ей удовольствие, прописывал безвредные лекарства...

— Какие же?..

— Гормоны, например. Она сама их требовала, потому что все время толковала о своих гландах.

Кастэн, шагая рядом с комиссаром, спросил удивленно:

— И вы идете туда?

— Мне нужно задать доктору только один вопрос. Подожди меня.

Он обратился на «ты» к инспектору, хотя тот не работал в его отделе. Это тоже кое-что значило. Показался большой квадратный дом с увитыми плющом стенами, с садом, похожим на небольшой парк.

— Здесь он живет,— сказал Кастэн.— Но принимает больных во флигеле слева.

Флигель походил на ангар. Должно быть, здесь не обошлось без мадам Жолли, которая терпеть не могла больных и запаха лекарств,— вот она и выставила все это из своего дома.

— Постарайтесь, чтобы он узнал вас сразу, как откроется дверь, иначе придется ждать несколько часов.

Беленные известью стены. Вокруг на скамейках женщины, дети, старики. Не меньше двенадцати человек ждало очереди. Мальчишка с большой повязкой на голове, женщина в шали тщетно пытается утихомирить младенца, которого держит на руках. Все взгляды устремлены к двери в глубине, за которой слышатся голоса. Мегрэ повезло: дверь отворилась почти тотчас же, вышла толстая крестьянка. Доктор оглядел комнату и заметил комиссара.

— Входите, прошу вас. Извините, одну только минуту.

Он сосчитал пациентов, отделяя плевелы от зерен, потом указал на трех или четырех человек:

— Вас я сегодня не смогу принять. Приходите послезавтра в то же время.

И закрыл дверь.

— Пройдемте в дом. Вы что-нибудь выпьете?

— У меня к вам только один вопрос.

— Но я очень рад видеть вас и не отпущу вас так быстро.

Он распахнул боковую дверь и через сад повел комиссара к большому квадратному дому.

— Жаль, что именно сегодня жена уехала в Гавр. Она была бы счастлива познакомиться с вами!

Дом был богатый, комфортабельный, немного сумрачный из-за больших деревьев в саду.

— У меня только что был инспектор, и я ему сказал, что Роза была абсолютно здорова и могла бы дожить до ста лет. Редко мне приходилось встречать такую здоровую семью, как эти Трошю. Вам самому надо бы видеть эту крепышку.

— Она не была беременной?

— Что за странный вопрос? Что угодно мог бы я думать, только не это. Она была у меня совсем недавно и ни о чем подобном даже не заикнулась. Месяца три назад я ее обследовал всесторонне и могу поклясться, что к тому времени она не жила еще половой жизнью. Что я могу вам предложить, господин комиссар?

— Благодарю, ничего. Я только что от Валентины и там был вынужден выпить больше, чем мне хотелось бы.

— Как она себя чувствует? Вот вам еще одна — завидное здоровье! Могла бы вполне обходиться без докторов. Очаровательная женщина, вы не находите? Я знал ее еще до ее второго брака, даже до первого. Я и роды принимал у нее.

— Вы находите ее вполне нормальной?

— Вы имеете в виду ее разум? Вероятно, вы спрашиваете потому, что она выставляет напоказ свои причуды? Поосторожнее с такими людьми, комиссар. Как правило, это самые рассудительные головы. Она-то отлично знает, что делает! И всегда это знала. Она любит свой маленький мирок, свой домик, свой комфорт. Можно ли упрекать ее в этом? Словом, я за нее не беспокоюсь.

— Ну, а Роза?

Мегрэ не забывал о больных, которые ждали,— о женщине с младенцем на руках, о мальчике с забинтованной головой. Но доктор, видимо, не торопился. Он закурил сигару, поудобнее устроился в кресле, словно готовясь к длинному разговору.

— Во Франции тысячи таких девушек, как Роза. Из какой она семьи, вам известно. Вероятно, проучилась в деревенской школе года три, не больше. Потом случайно попала в другое окружение. Там с ней чересчур много разговаривали. Слишком много читала сама. Знаете, о чем она спросила меня как-то, придя ко мне на прием? Что я думаю о теории Фрейда! Она все приставала ко мне: в порядке ли у нее железы внутренней секреции. Да разве все упомнишь? Я делал вид, что принимаю ее всерьез. Выслушивал ее, прописывал лекарства, которые были безвредны, как вода.

— Бывала ли она печальной?

— Никогда. Напротив, она была веселого нрава, казалась беззаботной. Но временами она ударялась в эти свои размышления, как она это называла, и тогда вдруг становилась очень серьезной. Должно быть, у Валентины она откопала Достоевского и прочла всего — от корки до корки.

— Из лекарств, что вы прописывали ей, ни одно не содержало в себе мышьяка?

— Ни одно, будьте уверены.

— Благодарю вас, доктор.

— Вы уже уходите? Мне так хотелось, чтобы вы остались подольше.

— Наверное, я еще побываю у вас.

— Ну, если вы обещаете...

Доктор вздохнул с досадой: ему, видимо, не хотелось возвращаться к больным.

Кастэн ждал на улице.

— Что вы сейчас собираетесь делать?

— Съезжу в Ипор.

— Подбросить вас на моей «сирене»?

— Нет, не надо. Позвони-ка лучше жене и предупреди ее, что ты сегодня можешь вернуться домой позже обычного. А то и вовсе ночевать дома не будешь.

— Она к этому привыкла. Как же вы туда доберетесь? В это время автобусы уже не ходят. Не пешком же вы собираетесь идти.

— Я возьму такси.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—48.

— Если одно из двух такси свободно. Ведь здесь, в Этрета, всего два такси. Стоянка вон там, на углу улицы. А мне чем заняться это время?

— Поищи Тео Бессона.

— Ну, это не слишком трудно. Стоит только обойти кабачки. А потом?

— Это все. Последи за ним.

— Незаметно?

— Ничего не случится, если он тебя и заметит. Главное, не упускай его. Если он выедет из города на машине, у тебя есть твоя «симка». Поставь ее неподалеку от его авто. В этом случае черкни мне пару слов и оставь записку у меня в отеле. Не думаю, чтобы он мог далеко уехать.

— Если вы едете повидать семейство Трошю, желаю вам приятно провести время.

Солнце уже начало клониться к закату, когда Мегрэ выезжал из города на такси, шофер которого то и дело оборачивался к нему, чтобы поговорить. Комиссар, казалось, был в полудремоте, лишь время от времени делал он затяжку из своей трубки. Сельский пейзаж приобретал темно-зеленый оттенок, на фермах уже зажигались огоньки, в загонах мычали коровы.

Ипор оказался рыбацкой деревней, в которой, как и повсюду на побережье, было несколько каменных домов, где сдавались комнаты для приезжих. Шофер спросил, как ему проехать,— он не знал семью Трошю. Наконец он остановился перед одноэтажным домом, на ограде которого сушились сети.

— Подождать вас? — спросил шофер.

— Да, пожалуйста.

В окне смутно обрисовалось чье-то лицо. Мегрэ постучал в дверь, из-за которой доносилось звяканье вилок, стало быть, семейство было за столом.

Дверь ему отворил Анри, рот у него был полон, и он молча смотрел на комиссара, не приглашая его войти. В глубине комнаты горел огонь в очаге, над которым был подвешен объемистый котел. Рядом стояла печь, великолепная, почти новая печь, но можно было догадаться, что это предмет роскоши, которым пользуются лишь в редких случаях.

— Могу я поговорить с вашим отцом?

Старик тоже видел Мегрэ, но пока молчал. Их было пятеро или шестеро вокруг длинного стола без скатерти; перед ними дымились тарелки, а в центре стояло огромное блюдо — картошка и треска в сметане. Мать повернулась спиной к двери. Маленький русоволосый мальчонка вертел головой, стараясь увидеть пришельца.

— Впусти его, Анри,— проговорил наконец старик.

Вытирая губы рукавом, он поднимался медленно, с почти торжественной значительностью. Казалось, он говорил всему своему семейству: «Не пугайтесь: я здесь, и ничего с вами не случится».

Анри не сел на место, а остался стоять возле железной кровати, над которой висела лубочная картинка, изображавшая «Анжелюс» Миллэ.

— Вы, наверное, начальник того, кто уже был у нас?

— Я комиссар Мегрэ.

— Что вам еще от нас надо?

У него была выразительная голова моряка, какие любят художники-самоучки. Даже дома он не расставался со своей морской фуражкой. Он был одинаков в высоту и в ширину, и синий свитер подчеркивал его могучие плечи.

— Я пытаюсь установить, кто убил...

— ...мою дочь! — закончил Трошю, как бы уточняя этим, что убили именно его дочь, а не чью-то еще.

— Совершенно верно. Очень сожалею, что вынужден был побеспокоить вас. Я не предполагал, что застану вас за столом.

— А в какое время едят суп у вас? Наверняка позже, чем у людей, которые не поднимаются в половине пятого утра.

— Сделайте одолжение, продолжайте ужинать.

— Я уже поел.

Остальные продолжали есть молча, степенно, не переставая, однако, разглядывать Мегрэ, не пропуская мимо ушей ни одного слова отца.

Анри закурил сигарету, возможно, это было вызовом. Комиссар, которому все еще не предложили сесть, выглядел огромным в этой комнате с низким потолком, откуда свешивались домашние колбасы.

В комнате были две кровати, одна из них детская, через открытую дверь в другой комнате виднелись еще три. Но рукомойника не было — значит, все умывались на улице у колодца.

— Вы забрали вещи дочери?

— Это мое право, так ведь?

— Я вас не упрекаю. Просто моя задача облегчилась бы, если бы я знал, что было среди этих вещей.

Трошю обернулся к жене, и Мегрэ наконец увидел ее лицо. Она выглядела молодо для матери такой большой семьи, таких взрослых детей, как Роза и Анри. Она была худощава, одета в черное платье, на груди у нее висел медальон.

Родители переглядывались, дети заерзали на скамьях.

— Видите ли, мы уже их поделили.

— В доме уже не все ее вещи?

— Жанна, она работает в Гавре, увезла ее платья и белье, они ей впору. Вот туфли она не взяла, туфли ей малы.

— Теперь они мои! — заявила девочка лет четырнадцати, с крупными рыжими веснушками.

— Помолчи!

— Меня интересуют не столько вещи, сколько разные мелочи. Писем у нее не было?

На этот раз родители посмотрели на Анри, но тот, казалось, не слишком-то был расположен отвечать. Мегрэ повторил свой вопрос.

— Нет,— процедил Анри.

— Ни тетрадей, ни записей?

— Я нашел только альманах.

— Какой альманах?

Анри нехотя пошел в другую комнату. Мегрэ припоминал теперь, что в юности, когда он сам жил в деревне, ему приходилось видеть такие альманахи, плохо отпечатанные, на скверной бумаге, снабженные примитивными иллюстрациями. Его удивило, что такие издания еще существуют.

На каждый день месяца там было предсказание, например:

«17 августа. Меланхолия».

«18 августа. Ничего не предпринимать. Не отправляться в дорогу».

«19 августа. Утро будет радостным, но берегись вечера».

Мегрэ не улыбался, он с серьезным видом листал поданную ему книжицу, которую, однако, читали и перечитывали бесконечное число раз. Но ничего особенного он не обнаружил ни в сентябре, ни в конце августа.

— Других бумаг вы не находили?

Тут мать решилась встать и, в свою очередь, взять слово. Чувствовалось, что вся семья стоит за ней горой, заранее аплодируя ее ответу на вопрос Мегрэ.

— Вы в самом деле думаете, что вам надо было приезжать именно сюда и задавать вопросы нам? Я хочу, чтобы мне в конце концов ответили: мою дочь убили или не мою? А раз это моя дочь, тогда, мне кажется, не нам следует донучать вопросами, а тем, кого пытаются оставить в покое!

Обстановка словно бы разрядилась. Четырнадцатилетняя девочка даже хлопнула в ладоши.

— И все это потому, что мы бедные люди,— продолжала мать,— и потому, что иные, которые изображают из себя...

— Могу вас заверить, мадам, что я допрашиваю одинаково и богатых и бедных.

— И тех, кто притворяется богачами? И тех, кто разыгрывает из себя знатных дам, хотя родом невесть из каких, намного похуже нашего?

Мегрэ не отвечал, полагая, что она будет говорить еще. И она продолжала, оглядываясь вокруг, словно набираясь храбрости:

— А знаете вы, кто она такая, эта женщина? Я вам сейчас все выложу. Когда моя бедная матушка вышла замуж, то парень, который стал ее мужем, долгое время был влюблен в другую. Эта другая была мать Валентины. Она жила по соседству с моей матерью, почти дверь в дверь. Ну так вот. Родители этого парня и слышать не захотели, чтобы он женился на этой девице. Я это говорю, чтобы вы поняли, что это была за девица...

Если Мегрэ хорошо понял, то мать Валентины была девицей, на которой приличные люди не женятся.

— И все же она вышла замуж, скажете вы? Да. Но она не сумела себе найти никого, кроме пропойцы, кроме бездельника. Так вот эти двое и породили на свет вашу мадам!

Отец Трошю достал из кармана короткую трубку и набил ее табаком из кисета, сделанного из свиного пузыря.

— Я никогда не хотела, чтобы моя дочь работала у женщины, которая, может быть, даже хуже своей матери. Если б меня послушали...

Взгляд, полный упрека в спину мужа. По всей видимости, именно он в свое время разрешил Розе пойти в горничные к Валентине.

— Она и тому же еще и дрянь! Не улыбайтесь. Я знаю, что говорю. Может, ей и удалось провести вас сладкими речами. Но я еще раз повторяю: она дрянь, всем она завидует, мою Розу всегда ненавидела.

— Почему же ваша дочь оставалась у нее?

— Я и сама не знаю. До сих пор не знаю. Ведь и Роза тоже не любила ее.

— Она вам это говорила?

— Ничего она мне не говорила. Она никогда не говорила о своих хозяевах. Последнее время она с нами почти не разговаривала. Мы не были для нее достаточно хорошими. Вы понимаете? Вот что сделала эта женщина. Она научила ее презирать своих родных, этого я ей никогда не прощу. А теперь, когда Роза умерла, та явилась на похороны покрасоваться, хотя место ей в тюрьме.

Трошю поглядел на жену с таким видом, словно собирался утихомирить ее.

— Во всяком случае, не здесь вы должны вести свои розыски! — заключила она с силой.

— Вы позволите мне сказать одно слово?

— Пусть скажет,— вмешался Анри.

— В полиции у нас нет волшебников. Как же мы найдем преступника, если нам неизвестно, почему было совершено преступление?

Он говорил спокойно, вежливо.

— Ваша дочь была отравлена. Кем? Возможно, я узнаю, если мне удастся установить, п о ч е м у она была отравлена.

— Я же толкую вам, что эта женщина ее ненавидела.

— Но этого недостаточно. Не забывайте, что убийство — преступление очень серьезное. Убийца ставит на карту свою жизнь и уж во всяком случае свободу.

— Пройдохи не многим рискуют.

— Думаю, ваш сын поймет меня, если я добавлю, что с вашей дочерью встречались и некоторые другие люди.

Анри, казалось, смутился.

— Возможно, есть и еще кто-нибудь, о котором мы не знаем. Вот почему я надеялся осмотреть ее вещи. Среди них могли быть письма, адреса, какие-нибудь мелкие подарки.

При этих словах воцарилась тишина, все переглянулись. Они словно спрашивали друг друга. Наконец мать сказала все еще с некоторым недоверием, обращаясь к мужу:

— Ты покажешь ему кольцо?

Трошю как бы нехотя вытащил из кармана брюк большой старый кошелек со множеством отделений, которые закрывались на кнопки. Оттуда он извлек какой-то предмет, обернутый в шелковистую бумагу, и протянул его комиссару. Мегрэ увидел старинное кольцо с зеленым камнем в оправе.

— Я полагаю, у вашей дочери были и другие украшения?

— У Розы была полная коробка всяких штучек, которые она покупала на рынке в Фекане. Их уже поделили. Остался только...

Не произнося ни слова, девочка метнулась в другую комнату и принесла серебряный браслет, украшенный синими камешками из фарфора.

— Это моя доля! — сказала она с гордостью.

Все эти колечки, сувениры от первого причастия, медальоны стоили гроши.

— Скажите, а это кольцо было вместе с другими?

— Нет.

Рыбак посмотрел на жену, которая все еще колебалась.

— Я нашел его в глубине башмака,— сказал он.— Кольцо было завернуто в кусок шелковистой бумаги. Это были ее праздничные башмаки, она надевала их всего раза два.

Света из очага было недостаточно для того, чтобы оценить кольцо, да Мегрэ и не был знатоком драгоценных камней. Но было очевидно, что эта вещица совсем иного качества, чем те пустячки, о которых шла речь только что.

— Я и говорю,— произнес наконец Трошю, который слегка покраснел.— Эта штуковина беспокоила меня. Вчера я был в Фекане и там показал кольцо ювелиру, у которого мы купили наши обручальные кольца. Я даже записал на бумажке название — это изумруд. Он объяснил, что камень стоит столько, сколько хорошая шхуна, и что, если я нашел это кольцо, лучше отнести его в полицию.

Мегрэ повернулся к Анри.

— Так, значит, из-за этого? — спросил он его.

Анри молча кивнул. Мать насторожилась:

— Что это вы сокрытничаете? Вы уже встречались, что ли?

— Пожалуй, лучше объяснить вам кое-что. Я встретил вашего сына в компании с Тео Бессоном. Меня это удивило, но сейчас я понял. Ведь Тео два-три раза встречался с Розой.

— Это правда? — спросила мать у Анри.

— Правда.

— Ты знал об этом и ничего не сказал?

— Я встретился с ним, чтобы узнать, он ли дал сестре кольцо и вообще что было между ними.

— Что же он ответил?

— Он попросил меня показать ему кольцо. Я не мог этого сделать, потому что оно было в кармане у отца. Я описал ему, какое оно. Тогда я еще не знал, что это изумруд, но он сразу же произнес это слово.

— Так это он подарил ей?

— Нет. Он поклялся, что никогда не делал ей подарков. Он объяснил мне, что для него она была только товарищем, ему приятно было разговаривать с ней, потому что она была умной.

— А ты поверил? Ты можешь верить тому, что говорят эти люди?

Анри взглянул на комиссара и продолжал:

— Он и сам пытается узнать правду о смерти Розы и говорил, что полиция все равно не сумеет дознаться. И еще он мне сказал,— у Анри дрогнули губы,— что это Валентина пригласила вас сюда и будто вы ей служите.

— Я никому не служу.

— Я только повторяю его слова.

— Ты уверен, Анри, что не он дал кольцо твоей сестре? — спросил отец.

— Мне показалось, что он говорит искренне. Он добавил, что сам он небогат и, если камень настоящий, то, даже продав свой автомобиль, не смог бы купить такое кольцо.

— Откуда же, по мнению Тео, взялось это кольцо? — спросил Мегрэ, в свою очередь.

— Он этого не знает.

— Роза когда-нибудь ездила в Париж?

— Никогда в жизни там не была.

— И я не была,— добавила мать.— Я и не желаю туда ездить. Хватит с меня того, что иногда приходится бывать в Гавре.

— А в Гавре Роза бывала?

— Иногда ездила к сестре.

— И в Дьеппе бывала?

— Не думаю. Зачем бы ей понадобилось ездить в Дьепп?

— Дело в том,— снова вмешалась мадам Трошю,— что последнее время мы почти ничего не знали о ней. Когда она навещала нас, это было похоже на шторм — она поносила нас за все, что мы делаем, за то, как и что говорим. Да и сама говорила уже не так, как мы ее учили, а все какие-то непонятные слова...

— Была ли она привязана к Валентине?

— Вы хотите сказать: любила ли она ее? По-моему, она ее ненавидела. Я поняла это по некоторым словам, которые вырвались у Розы.

— Какие же это слова?

— Сейчас я уже не могу припомнить, но тогда они меня поразили.

— Почему же все-таки она продолжала у нее работать?

— Я сама спрашивала ее об этом. Она не отвечала.

Трошю решился наконец сделать тот жест, который инспектор Кастэн предвидел как заключение визита Мегрэ.

— Мы вас ничем не угостили. Может, выпьете стаканчик сидра? Я не предлагаю вам спиртного, ведь вы еще не ужинали.

Он вышел, чтобы налить сидра из бочки,

вернулся с кувшином из голубой глины, наполненным до краев, достал из ящика полотенце и протер два стакана.

— Можете ли доверить мне это кольцо на два дня?

— Оно не наше. Я не считаю даже, что оно когда-нибудь принадлежало моей дочери. Но если вы его возьмете с собой, оставьте мне расписку.

Мегрэ написал расписку на краешке стола, который для него очистили. Он выпил сидра, который был не совсем еще готов, но отозвался о напитке самым лестным образом.—Трошю сам делал его каждую осень.

— Поверьте мне,— говорила мать, провожая комиссара до двери,— именно Розу и хотели убить. И если стараются заставить поверить в другое, значит, есть для этого важные причины.

— Надеюсь, мы скоро узнаем об этом.

— Вы думаете, что скоро?

— Возможно, даже быстрее, чем вы думаете.

Кольцо, завернутое в шелковистую бумагу, он сунул в жилетный карман. Бросил взгляд на детскую кроватку, в которой, наверно, спала еще маленькая Роза, заглянул в комнату, где она, став старше, укладывалась спать вместе с сестрами, на очаг, перед которым она, сидя на корточках, готовила суп.

Если он и не был больше врагом, он все же оставался чужаком: они смотрели, как он уходит, и в их молчании было еще много невысказанного. Только Анри провожал комиссара до машины.

— Вам нетрудно будет подвезти меня до Этрета?

— С удовольствием.

— Я только возьму фуражку и мешок.

Он слышал, как Анри объяснял своим:

— Я подъеду в машине комиссара. Из Этрета отправлюсь прямо в Фекан и там на судно.

Он вернулся, неся с собой мешок из парусины с рыбацкими принадлежностями. Машина тронулась. Обернувшись, Мегрэ успел еще заметить силуэты людей на фоне раскрытой двери.

— Вы думаете, он меня обманул? — спросил Анри, закуривая сигарету.

От его одежды в машине терпко запахло морем.

— Не знаю.

— Вы покажете ему кольцо?

— Возможно.

— Когда я встретился с ним в первый раз, я хотел разбить ему рожу.

— Я это понял. Меня только интересует, как ему удалось переубедить вас.

Анри задумался.

— Я этого тоже не понимаю. Он оказался не таким, каким я себе его представлял. И я уверен, что он не пытался переспать с моей сестрой.

— А другие пытались?

— Да, сын Баббфа, когда ей было семнадцать лет. Но, клянусь вам, он и на том свете об этом вспомнит.

— Роза когда-нибудь говорила, что хочет выйти замуж?

— За кого бы это?

Он, видимо, тоже был убежден, что в округе не было пары его сестре.

— Вы что-то хотели сказать мне?

— Нет.

— Зачем же поехали со мной?

— Не знаю. Мне захотелось еще раз увидеть его.

— Чтобы еще раз поговорить с ним о кольце?

— Об этом и вообще обо всем. Я не такой ученый человек, как вы, но я чувствую, что не все тут ясно.

— Вы надеетесь найти его в том самом кабачке, где я вас встречал?

— Или там, или еще где-нибудь. Я хотел бы выйти из машины раньше вас.

Он действительно вышел при самом въезде в город и удалился, закинув за спину мешок, едва пробормотав слова благодарности.

Мегрэ заехал сначала к себе в отель, где не оказалось для него никакой записки, потом отправился в бар, в казино, где работал Чарли.

— Не видел моего инспектора? — спросил Мегрэ.

— Он заходил после пяти.

Чарли глянул на часы, которые показывали девять, и добавил:

— Давно уже.

— А Тео Бессона?

— Они пришли и ушли один вслед за другим.

Мегрэ взглядом показал, что понял.

— Что-нибудь выпьете?

— Нет, спасибо.

Анри, видимо, зря приехал в Этрета, так как Мегрэ нашел Кастэна на посту перед Приморской гостиницей.

— Он у себя?

— Четверть часа назад поднялся к себе в комнату.

Инспектор показал на свет в окне третьего этажа.

Продолжение следует.

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН

Роман

Рисунки П. Пинкисевича.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВЕТ В САДУ

В этот вечер Кастэн не раз тайком поглядывал на Мегрэ, спрашивая себя, действительно ли комиссар знает, чего хочет. На самом ли деле Мегрэ — великий человек, которому стремятся подражать молодые полицейские инспектора? Или же он просто не в форме, во всяком случае сегодня,— и дал увлечь себя событиям?..

— Посидим где-нибудь,— предложил комиссар Кастэну, найдя инспектора у отеля, где тот вел наблюдение.

Добродетельные граждане, протестующие против количества питейных заведений, не сомневаются, что для того и существуют кабачки, чтобы оказывать услуги полиции. Случайно один из них находился в пятидесяти метрах от Приморской гостиницы, и оттуда можно было наблюдать за окнами Тео.

Кастэн решил, что комиссар собирается поговорить с ним, дать какие-то распоряжения.

— Я бы выпил кофе с коньяком,— признался Мегрэ.— Сегодня что-то прохладно.

— Вы уже ужинали?

— По сути дела, нет.

— И не будете?

— Не сейчас.

Он не был пьян, хотя то здесь, то там немало выпил с утра. Вероятно, поэтому и выглядел таким разомлевшим.

— Может, Тео спит,— сказал он, поглядев в окно.

— На всякий случай я еще понаблюдаю?

— Наблюдай, сынок. И если не будешь спускать глаз с дверей отеля, что намного важнее, чем окна, можешь оставаться здесь. Я же, кажется, отправлюсь сейчас пожелать доброй ночи Валентине.

Но он просидел еще добрых полчаса, не говоря ни слова, задумчиво глядя перед собой. Наконец поднялся, вздохнул и, сунув руки в карманы, с трубкой в зубах, вышел. Кастэн слышал, как стихали его шаги на безлюдной улице.

Без нескольких минут десять Мегрэ остановился у калитки «Гнездышка». Дорогу заливал месяц, окруженный широким сиянием. По пути ему никто не встретился. Ни собака не залаяла, ни кошка, выскочив из-под ног, не юркнула за ограду. Только где-то в болотце монотонно квакали лягушки.

Привстав на цыпочки, он попытался увидеть, горит ли еще свет у старой дамы. Ему показалось, что окна первого этажа освещены, и он вошел в калитку, которая не была заперта.

В саду было сыро, сильно пахло перегноем. Идя по тропинке, он цеплялся за ветви, и шелест их, вероятно, был слышен в доме.

Дойдя до мощеной площадки перед домом, он увидел освещенные окна гостиной и Валентину. Приподнявшись из кресла, она настороженно прислушалась, замерла на мгновение, потом подошла к стене и неожиданно погасила свет.

Как раз в этот момент он чихнул. Легкий скрип означал, что открыли одну из створок окна.

— Кто там?

— Это я, Мегрэ.

Раздался короткий нервный смешок, как будто смеявшийся чем-то напуган.

— Прошу прощения. Сейчас зажгу свет.— И добавила тише, словно разговаривая с собой:— Что за напасть, где же выключатель? Ах да! Вот он...

Вероятно, она повернула сразу два выключателя, так как осветились снова не только окна салона, но зажглась и лампа в саду, почти над головой комиссара.

— Сейчас открою вам дверь.

Она была одета так, как он уже привык ее видеть. На круглом столике перед креслом, где он ее застал, были разложены карты для пасьянса.

Она суетливо хлопотала в своем опустевшем домике, ходила из комнаты в комнату, отпирала и запирала двери, гремела задвижками.

— Видите, не такая уж я храбрая, как утверждала: я забаррикадировалась. Я не ждала, что вы придете.

Ей не хотелось задавать ему вопросы, но она была явно заинтригована.

— Вы не торопитесь? Зайдите, присядьте.— И заметив, что он посмотрел на карты:— Чем-то ведь надо скрашивать одиночество. Что вам предложить?

— Видите ли, приехав в Этрета, я пью с утра до вечера. Ваш пасынок Шарль явился утром и угостил меня пикон-гренадином. К нам присоединился Тео, мы выпили и повторили. Затем я встретил инспектора, и мы зашли в кафе поболтать. Захожу к вам — и на столе автоматически появляется бутылка кальвадоса. Доктор оказался не менее гостеприимным. Трошю потчевали меня сидром.

— Они хорошо встретили вас?

— Не так уж плохо.

— Узнали у них что-нибудь интересное?

— Может быть. Пока следствие не окончено, трудно различить, что интересно, а что нет. К вам кто-нибудь заходил после меня?

— Нет. Но я сама выходила из дому. Навещала старушку Сёрэ. Она ведь так стара, что все давно считают ее умершей и никто не бывает у нее. Она моя ближайшая соседка. Будь я помоложе, я могла бы перебираться к ней прямо через изгородь... Теперь, как видите, я одна. Мой драгун в юбке уже давно убрался восвояси. Поначалу мне хотелось взять новую прислугу и поселить ее в доме, но теперь я задумываюсь, стоит ли, уж больно хорошо мне одной.

— Вам не бывает страшно?

— Это случается, вы могли только что убедиться сами. Услышав ваши шаги, я немного растерялась. Что бы я стала делать, ворвись ко мне бродяга? Как вы находите мой план? Сначала я гашу свет в доме, затем зажигаю лампочку в саду: меня не видно, я же вижу все.

— Мне кажется, это блестящий метод.

— Сейчас, правда, я забыла зажечь лампочку в саду. Надо будет вспомнить о ней в следующий раз и сразу найти выключатель.

Он глянул ей на ноги, отметив, что на ней были ботинки, а не домашние туфли. Но позволяла ли она себе, даже оставаясь дома, носить домашние туфли не только в спальне?

— Все еще никаких новостей, господин Мегрэ?

Он сидел в кресле, которое стало для него как бы своим. Вечером комната выглядела уютнее, чем при дневном освещении: круги мягкого света под лампами, тени по углам. Кот на этот раз был внизу; спрыгнув с кресла, он тут же подошел к комиссару и, задрав хвост, принялся тереться о его ноги.

— Вы не понимаете кошачий язык? — пошутила она.

— Нет, а что?

— Он просит приласкать его. Вы тревожились за меня?

— Я хотел убедиться, что здесь все в порядке.

— Вы все еще не убедились? Надеюсь, вы не обрекли какого-нибудь несчастного инспектора на то, чтобы он всю ночь проторчал на дороге, охраняя меня? В таком случае меня следовало предупредить, я поставила бы в кухне раскладушку.

Она была очень оживлена, в глазах у нее поблескивали озорные огоньки. Принеся графин, она налила ему, наполнила до краев и свою рюмку.

— Ваша жена довольна вашей профессией?

— У нее было достаточно времени, чтобы привыкнуть к ней.

Он откинулся на спинку кресла, набил трубку, глянул на бронзовые стенные часы с двумя толстощекими амурами по бокам.

— Часто вы раскладываете пасьянс?

— Вы ведь знаете, что для одиноких людей других игр почти нет.

— Роза не играла с вами?

— Я пыталась обучить ее игре в белот[1], но безуспешно...

Должно быть, Валентина терялась в догадках, что привело его сюда. Временами он, казалось, клевал носом, и она опасалась, что он совсем уснет в кресле, как это случилось с ним после обеда.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—49.

[1] Карточная игра, распространенная во Франции. (Прим. перев.)

— Пойду-ка, пожалуй, и себе в отель и лягу в кровать,— произнес он со вздохом.

— Может, еще одну рюмку, последнюю?

— А вы со мной выпьете?

— Да.

— Тогда согласен. Дорогу я теперь знаю и не боюсь заблудиться. Наверно, и вы скоро отправитесь спать?

— Да, через полчаса.

— Примете снотворное?

— Нет. Я не купила. Теперь меня это немного страшит.

— Но вы все-таки спите?

— В конце концов я, конечно, засну. Старым людям не нужен долгий сон.

— Значит, до завтра.

— До завтра.

Опять он, пробираясь через сад, задевал за ветки; чуть слышно скрипнула калитка. Постоял еще немного у обочины дороги, поглядел на край крыши и трубу, которые в бледном свете луны четко выделялись на фоне зелени. Потом поднял воротник пиджака: стало холодно и сыро — и, широко шагая, направился к городу.

Обойдя открытые еще кабачки — внутрь он не заходил, только насмотрелся оглядывая посетителей,— он удивился, что не повстречал Анри. Тот, видимо, все еще разыскивал Тео.

Знал ли Анри, что Тео вернулся к себе в отель? Осведомлялся ли сам о нем у портье? А может быть, он уехал на соломе хлебавши? Мегрэ не знал, в котором часу отчаливает из Феканского порта его судно, отправляясь на две недели промышлять рыбу в Северном море.

Он зашел на минуту в бар казино, там никого не было, только Чарли подсчитывал выручку.

— Вы не видели здесь рыбака?

— Сына Трошю? Заходил час назад и был уже сильно под мухой.

— Он ничего не говорил?

— Мне — нет. Но сам с собой разговаривал и чуть было не забыл свой мешок. Забрасывая его за спину, он все смахнул со стойки и разбил два стакана.

Кастэн все еще торчал на улице, наверное, чтобы не заснуть. Окна Тео были по-прежнему освещены.

— Вам попадался брат Розы, господин комиссар? Он только что прошел здесь, выписывая ногами кренделя.

— А в отель он заходил?

— Думаю, что он даже не заметил, что тут стоит отель.

— Он разговаривал с тобой?

— Нет, я прижался к стене.

— В какую сторону он направился?

— Он спустился по улице, потом свернул направо, должно быть, потому, что направо вел тротуар. Что будем делать дальше?

— Ничего.

— Мне оставаться здесь?

— Почему бы и нет?

— Вы полагаете, что Тео все же выйдет?

— Не знаю. Может быть.

И тут, уже во второй раз, Кастэна охватило сомнение: не слишком ли преувеличена слава комиссара? Во всяком случае, ему не следовало пить.

— Пойди-ка и узнай в отеле, спрашивал о нем кто-нибудь или поднимался к нему.

Через некоторое время Кастэн вернулся, ответ был отрицательным.

— Ты уверен, что в кабачках, когда ты следил за Тео, с ним никто не разговаривал и сам он ни к кому не обращался?

— Разве что в кабатчиках — заказать очередную порцию. Он ведь знал, что я следую за ним по пятам. Время от времени он даже нерешительно посматривал на меня, может быть, считал, что проще бы нам пить вместе.

— Писем ему не передавали?

— Ничего похожего я не заметил. Вам не кажется, что вам следовало съесть хотя бы сандвич?

Мегрэ, казалось, не расслышал. Вынув трубку из кармана, он, не торопясь, набил ее. Ореол вокруг месяца все увеличивался, и видно было, как нечто вроде дымки, ползущей с моря, затягивает помаленьку улицы.

Пока это был не настоящий туман: сирена не начала еще завывать.

— Через неделю здесь, кроме местных, никого не останется,— заговорил Кастэн.— Прислуга из гостиниц отправится на юг, там начинается новый сезон, приезжают новые клиенты.

— Сколько на твоих часах?

— Без двадцати одиннадцать.

Что-то, должно быть, насторожило Мегрэ; помолчав немного, он вдруг заявил:

— Я оставлю тебя на минутку. Зайду и себе в отель. Позвоню.

Он позвонил из будки в Фекан, на квартиру Шарлю Бессону.

— Говорит Мегрэ. Простите за беспокойство. Надеюсь, вы еще не легли?

— Нет. У вас новости? Вот теперь жена у меня заболела бронхитом и все не хочет ехать завтра на похороны.

— Скажите, господин Бессон, у вашей жены было когда-нибудь кольцо с большим изумрудом?

— С чем?

Мегрэ повторил.

— Нет.

— А вы когда-нибудь видели такое кольцо у своих близких? У Арлетты, например?

— Как будто бы нет.

— Благодарю вас.

— Алло! Господин Мегрэ...

— Да.

— Что это за история с кольцом? Вы что, нашли такое?

— Еще не знаю. Мы поговорим об этом на днях.

— Там все в порядке?

— Сейчас все спокойно.

Мегрэ повесил трубку, подышал немного, потом заказал номер парижского телефона Арлетты. Его соединили сразу, быстрее, чем с Шарлем. Ответил мужчина, это был первый контакт комиссара с Жюльеном.

— Жюльен Сюдр слушает,— спокойно произнес довольно низкий голос.— Кто говорит?

— Комиссар Мегрэ. Я хочу поговорить с мадам Сюдр.

Он услышал, как тот же голос пробасил:

— Это тебя. Комиссар.

— Алло! Какие-нибудь новости?

— Нет, как будто. Пока что нет. Я хотел бы задать вам один только вопрос. У вас никогда не крали драгоценностей?

— Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Отвечайте.

— Нет. Как будто нет.

— У вас их много?

— Кое-что есть. Подарки мужа.

— У вас когда-нибудь было кольцо с изумрудом солидного размера?

Короткое молчание.

— Нет.

— Вы не припоминаете такое кольцо?

— Нет, не припоминаю.

— Благодарю вас.

— Вы больше ничего не хотите сказать мне?

— Сегодня ничего.

Ей не хотелось, чтобы он вешал трубку. Чувствовалось, что она ждала, чтобы он продолжил разговор. Возможно, ей самой было что сказать, но она не решалась при муже.

— Ничего неприятного? — только и спросила она.

— Ничего. Спокойной ночи. Я думаю, вы сейчас оба ляжете спать.

Подумав, что он говорит это иронически, она сухо ответила:

— Да. Спокойной ночи.

Кроме ночного дежурного, в холле никого не было. В глубине стояло кресло, в котором он увидел Арлетту, когда она пришла к нему в первый вечер. Тогда он еще не был знаком с ней.

Он пожалел, что не захватил с собой из Парижа пальто, чуть было не позвонил мадам Мегрэ, чтобы пожелать ей доброй ночи, пожал плечами и отправился к Кастэну, который с врачебным видом стоял на своем наблюдательном пункте. И в этом отеле холл был безлюден. Почти все окна, за исключением двух-трех, были темны. Потух свет еще в одном окне, но не у Тео.

— Что бы он мог там делать? — пробурчал Кастэн.— Наверняка читает лежа в постели. Если вообще не заснул, забыв погасить свет.

— Который час?

— Полночь.

— Ты твердо уверен, что никто...

И тут инспектор хлопнул себя по лбу, чертыхнулся и прорычал:

— Ну и идиот же я! Я забыл сказать вам...

— Что ты забыл сказать?

— С ним никто не разговаривал в кабачках, это верно. Ему никто не передавал писем. Но когда мы были в баре на почте — во втором баре, куда он зашел,— хозяин сказал ему через какое-то время: «Вас просят к телефону».

— В котором часу это было?

— Чуть позже восьми.

— Хозяин не назвал по имени, кто звал его?

— Нет. Тео вошел в будку. Я наблюдал за ним сквозь стекло. Он не говорил. Он только слушал и время от времени произносил: «Да... да...»

— И все?

— Как это могло выскочить у меня из головы! Надеюсь, это не слишком серьезно, патрон?

— Мы это узнаем. Какое у него было выражение лица, когда он вышел из будки?

— Точно не могу сказать. Вроде бы его что-то удивило. Или заинтриговало. Но он не был обозлен.

— Пойдем. Подождешь меня в холле.

— Какую комнату занимает господин Бессон? — спросил комиссар у портье.

— Двадцать девятую на третьем этаже. Он, наверно, спит. Он просил его не беспокоить.

Мегрэ, ничего не объясняя, стал подниматься по лестнице, остановился на мгновение отдышаться и вскоре очутился перед белой дверью с медными цифрами на ней: «29». Постучал, ему не ответили. Постучал сильнее, настойчивее, склонился над лестничным пролетом.

— Кастэн!

— Я здесь, патрон.

— Спроси служебный ключ. У них должен быть ключ, открывающий все двери в отеле.

Это заняло какое-то время. Мегрэ выколотил трубку на ковер рядом с большой фаянсовой урной, заполненной песком и окурками.

Портье шел впереди, видимо, сильно раздосадованный.

— Только на вашу ответственность. Завтра вам придется объясняться с хозяином. Полиция или не полиция, все равно: так не положено.

Он выбрал ключ из большой связки, висевшей на цепи, но, прежде чем отпереть, осторожно постучал и приложил ухо к двери.

Наконец они вошли в комнату, которая оказалась пустой. Постель стояла нетронутой. Мегрэ открыл стенной шкаф, увидел там темно-синий костюм, черные туфли и габардиновый плащ. Бритва и зубная щетка были в ванной.

— Разве этот господин не имеет права отлучиться?

— Скажите, автомобиль его в гараже?

— Это легко проверить.

Продолжение следует.

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН Роман

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Они спустились в холл. Вместо того чтобы направиться к парадному входу, они пошли по коридору, спустились еще по нескольким ступенькам, и Мегрэ заметил выходившую прямо в гараж небольшую дверь, которая оказалась незапертой. Ворота, выходящие на безлюдную площадь, тоже были открыты.

— Вот его машина.

Кастэн походил на провинившегося школяра, который мнется, теряясь в догадках: какое наказание он получит за совершенную проделку?

— Куда мы направимся? — спросил он наконец.

— Где твоя машина?

— Напротив вашего отеля.

Это было совсем рядом. Когда они уже усаживались в машину, ночной дежурный высмотрел из дверей отеля.

— Господин Мегрэ! Господин Мегрэ! Вас только что спрашивали по телефону.

— Кто?

— Не знаю.

— Женщина?

— Нет, мужской голос. Вас просят сейчас же заехать к старой даме. Вы как будто должны понять, в чем дело.

Через несколько минут они были у «Гнездышка». Но перед калиткой уже стояла какая-то машина.

— Машина доктора,— сказал Кастэн.

Даже возле самого дома не слышно было голосов. Все окна были освещены, верхний этаж тоже. Дверь им открыл невозмутимый Тео Бессон. Комиссар с удивлением посмотрел на него.

— Кто здесь ранен?

Ноздри Мегрэ раздулись. В гостиной пахло пороховыми газами. На круглом столике, где были еще разбросаны карты, лежал большой револьвер армейского образца.

Он быстро прошел в комнату для приезжих, услышав там какое-то движение. В дверях чуть было не опрокинул Валентину, державшую в руках окровавленные простыни. Она посмотрела на него блуждающим взглядом.

На кровати, которую занимала Арлетта, лежал мужчина, обнаженный по пояс. Спина склонившегося доктора Жолли скрывала его лицо, но Мегрэ уже узнал брюки из грубой синей ткани.

— Мертв? — спросил он.

Доктор вздрогнул, обернулся и с видимым облегчением распрямился.

— Я сделал все, что мог,— прошептал он.

На ночном столике лежал шприц. Раскрытая сумка доктора валялась на полу. Повсюду виднелась кровь. Мегрэ отметил, что следы ее вели в гостиную и дальше, в сад.

— Как только Валентина мне позвонила, я сразу же приехал, но было уже поздно. Надо же было — пуля угодила прямо в аорту! Даже переливание крови, если бы его сделать вовремя, оказалось бы бесполезным.

— Это вы звонили мне в отель?

— Да, она просила меня сообщить вам.

Валентина стояла перед ними в проеме двери, руки и платье были у нее испачканы кровью.

— Какой ужас! — сказала она.— Когда вы были у меня вечером, мне и в голову не приходило, что такое может случиться. И все потому, что я и на этот раз забыла повернуть второй выключатель и зажечь свет в саду...

Мегрэ не обернулся к ней. Тяжело вздохнув, он еще раз посмотрел на лицо Анри Трошю, погибшего вслед за сестрой. В эту минуту он думал уже о том, что́ он скажет его родным.

— Я вам сейчас все объясню,— снова заговорила Валентина.

— Я все знаю.

— Вы не можете этого знать. Я уже поднялась к себе... Я уже лежала в постели...

Он впервые видел ее небрежно одетой. В волосах у нее были бигуди, из-под наспех одетого платья выглядывала ночная рубашка.

— Мне казалось, что я наконец заснула. Вдруг кот вспрыгнул ко мне на кровать. Он разбудил меня. Я прислушалась. Из сада доносился шум, такой же, как производили вы, когда пришли вечером.

— Где был револьвер?

— В ночном столике. Это револьвер моего мужа. Он приучил меня всегда иметь при себе оружие. Кажется, я говорила вам об этом.

— Нет. Но это неважно.

— Сначала я выглянула в окно, но было слишком темно. Я накинула платье и спустилась.

— Не зажигая свет?

— Да. Я ничего не видела, но слышала, как кто-то пытается открыть дверь. Я спросила: «Кто там?» Мне не ответили.

— И вы тотчас же выстрелили?

— Я не помню. Должно быть, я переспросила несколько раз. Но там продолжали возить-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—50.

ся с замком. Я выстрелила сквозь стекло. Услышала, как человек упал. Но я еще какое-то время не двигалась, не решаясь выйти.

— Вы не знали, кто это был?

— Понятия не имела. Тут я спохватилась, что нужно зажечь свет снаружи. Сквозь разбитое стекло я увидела тело, а рядом — большой сверток. Сначала я подумала, что это бродяга. Наконец я вышла через кухонную дверь и, только подойдя ближе, узнала Анри.

— Он был еще жив?

— Не знаю. Я побежала к мадемуазель Сёрэ, все еще с револьвером в руке. Я крикнула, чтобы она поднялась, что мне надо срочно позвонить по телефону, и она наконец открыла мне. Я позвонила доктору Жолли и попросила его предупредить вас или же захватить вас по дороге.

— А Тео?

— Я встретила его у моей двери, когда возвращалась.

— Вернулись вы одни?

— Нет. Я дождалась на дороге доктора.

Доктор прикрыл краем простыни лицо убитого и, держа перед собой окровавленные руки, направился в ванную комнату.

У тела остались Мегрэ и Валентина. Они были одни в тесной комнате, где трудно было повернуться. Комиссар по-прежнему держал трубку в зубах.

— Что вам сказал Тео?

— Я уже не помню. Он ничего не сказал.

— Вы не были удивлены, увидев его здесь?

— Возможно. Я не знаю. Не забывайте, что я только что убила человека. Как вы думаете, почему Анри пытался залезть ко мне?

Не отвечая, он прошел в салон. Кастэн и Тео молча стояли там друг против друга. Инспектор, видимо, нервничал, на комиссара он посмотрел отчаянным взглядом.

— Это все из-за меня получилось, да?

— Я не уверен.

У Тео Бессона был скучающий вид человека, попавшего в двусмысленное положение.

— Вы, я полагаю, случайно оказались поблизости? — спросил Мегрэ.

Тео не ответил, он, казалось, извинял Мегрэ за столь грубо поставленный вопрос.

— Ну-ка, подойди сюда! — обратился Мегрэ к инспектору.

Он вывел Кастэна во двор. Они увидели кровь на мостовой и мешок рыбака, который все еще валялся там, где упал.

— Поезжай быстро в отель, где остановился Тео. Мне нужно знать, звонил ли кто ему вечером. Если тебе не смогут ответить, обойди бары, в которые заходил Анри.

— Они закрыты.

— Звони! Пусть откроют!

— А что мне спросить?

— Звонил ли Анри оттуда кому-либо.

Кастэн ничего не понимал, но ему хотелось бы по мере сил исправить свою оплошность. Он бросился к «симке», и шум ее мотора вскоре стих вдали.

Доктор Жолли и Валентина спустились из ванной. Руки доктора были чисты и пахли мылом.

— Я тщетно уговариваю ее лечь,— заговорил он,— или позволить сделать укол. Она держится только на нервах. Ей кажется, что она в силах все это вынести. Но через полчаса после того, как я уеду, она свалится. Просто ума не приложу, как она могла это сделать.

— Я убила этого бедного парня,— пробормотала Валентина и поочередно поглядела на Мегрэ и на Тео, неподвижно и безмолвно стоявших в углу.

— Не можете ли вы повлиять на нее? — повернулся доктор к Мегрэ.— Она проспит крепко несколько часов, и к утру все будет в порядке.

— Не уверен, что это необходимо.

Жолли насупился, но возражать не стал и принялся искать свою шляпу.

— Вероятно, мне нужно позвонить в Гавр, как и в прошлое воскресенье, чтобы приехали за телом. Ведь потребуется вскрытие?

— Конечно.

— Что-нибудь нужно передать от вашего имени?

— Нет, спасибо.

Доктор поклонился старой даме; казалось, он вот-вот поцелует ей руку.

— Вы напрасно отказываетесь. На всякий случай я оставил в вашей комнате несколько таблеток. Принимать их надо через каждые два часа.

Он кивнул Тео и подошел к Мегрэ, не зная, что сказать.

— Разумеется, я в полном вашем распоряжении, господин комиссар. Дайте мне знать, как только я вам понадоблюсь.

Он ушел. Воцарилось молчание. Когда стих шум мотора его машины, Валентина, словно очнувшись, открыла буфет и достала графин с кальвадосом. Она хотела было поставить его

на стол, но Мегрэ вдруг грубо вырвал у нее из рук графин и грохнул об пол.

— А ну-ка сядьте оба! — приказал он прерывающимся от гнева голосом.

Они повиновались машинально, видимо, не понимая, что происходит. Мегрэ оставался стоять, заложив руки за спину, затем принялся расхаживать из угла в угол, как привык это делать у себя в кабинете на набережной Орфевр.

Машина Кастэна уже возвращалась. А вот сирена стала посылать свои зловещие призывы в ночную темноту, оповещая о тумане.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТЕО

Слышно было, как Кастэн выключил мотор, вышел из машины, постоял какое-то время на дороге, прежде чем открыть калитку. Мегрэ все не произносил ни слова. Тео, сидевший в кресле, которое несколько часов назад занимал комиссар, пытался, несмотря ни на что, походить на герцога Виндзорского. Валентина смотрела то на одного, то на другого, взгляд ее метался, как у пойманного звереныша.

Кастэн прошел через сад, вошел в дом. Его поразило молчание, разбитый графин, он не знал, что делать, куда девать себя. Не побывав ни разу в сыскной полиции на набережной Орфевр, он не мог видеть Мегрэ в такой ситуации.

— Итак, сынок?

— Я дозвонился к хозяину отеля; он уже спал, но все же поговорил со мной. Оказывается, он сам ответил с коммутатора, когда вызывали Тео, и перевел разговор, но не к нему в комнату — в комнатах нет телефонов,— а на аппарат в коридоре. Это было примерно в половине одиннадцатого. Тот, кто звонил, был пьян.

— У тебя есть бумага и карандаш?

— У меня есть записная книжка.

— Садись сюда, за этот стол. Устройся поудобнее, это займет, наверное, немало времени. Записывай их ответы.

Мегрэ снова принялся расхаживать, старая дама по-прежнему следила за ним глазами, а Тео рассматривал носки своих ботинок.

Перед ним комиссар и остановился наконец и сказал уже не гневно, а с презрением в голосе:

— Вы ожидали, что Анри приедет вечером в Этрета?

— Нет.

— Если бы он не позвонил вам, вы все равно наведались бы в «Гнездышко»?

— Не знаю. Возможно.

— Где вы находились, когда произошло убийство? На дороге? В саду?

— В саду. У калитки.

Валентина подскочила на стуле. Она поняла, что, направляясь к престарелой мадемуазель Сёрэ позвонить доктору, прошла мимо своего пасынка.

— Вы были вполне довольны собой?

— Это — мое дело.

— Вы знали, что у нее есть револьвер?

— Я знал, что у нее остался револьвер моего отца. Послушайте, господин комиссар, ответьте мне, что означает...

— Ну, нет! Вопросы здесь задаю я.

— А если я откажусь отвечать?

— Это абсолютно ничего не изменит. Разве что вынудит меня влепить вам по физиономии, уже целых четверть часа у меня руки чешутся.

Несмотря на трагичность обстановки, несмотря на то, что в соседней комнате еще лежал мертвец, Валентина не смогла сдержать довольную, почти радостную улыбку.

— Когда вам стало известно?

— О чем вы говорите?

— Послушайте, Бессон. Советую вам не валять дурака. Когда вам стало известно, что драгоценности вашей мачехи никогда не продавались, что они подлинные, а не подделка, как это пытались всем внушить?

Валентина вздрогнула и оторопело уставилась на Мегрэ, в ее взгляде промелькнуло что-то вроде невольного восхищения; она заерзала в кресле, словно желая что-то сказать, но комиссар не обратил на нее никакого внимания.

— Я всегда это подозревал,— сказал Тео.

— Почему?

— Потому что я хорошо знал ее и своего отца.

— Вы хотите сказать, что она опасалась нищеты, и что она не из тех женщин, которые заранее не принимают мер предосторожности.

— Да. А мой отец исполнял все ее прихоти.

— Их брак предусматривал совместное владение имуществом?

— Да.

— В какую сумму вы оцениваете стоимость драгоценностей?

— Примерно в несколько миллионов по нынешнему курсу. Но, помимо известных мне драгоценностей, должны быть еще и такие, о которых мы не знали. Отцу было неловко перед нами, что он так много тратил на нее.

— После его смерти, когда вам сообщили, что драгоценности давно проданы, вы делились своими сомнениями с братом или с Арлеттой?

— Нет.

— Почему?

— Я не был уверен.

— А не потому ли, что вы надеялись поладить с Валентиной?

Она ни звука не пропускала мимо ушей, следила за каждым жестом Мегрэ, за выражением лица Тео. Она отмечала для себя все значительно лучше Кастэна, выступавшего в роли стенографа-любителя.

— Я не стану отвечать на этот вопрос.

— Который недостоин вас — вы это хотите сказать? Вы говорили на эту тему с вашей мачехой?

— Нет.

— Не потому ли, что считали ее хитрее вас и выжидали случая, чтобы получить доказательства? Как вам удалось их раздобыть? Когда?

— Я осведомился у друзей в ювелирном мире о некоторых драгоценностях, продажа которых не могла пройти незамеченной. Таким образом, узнал, что они не поступали в продажу, во всяком случае, во Франции, а возможно, и в Европе.

— И вы терпеливо ждали пять лет?

— У меня было еще немного денег. Я удачно провел несколько коммерческих операций.

— А на этот год, когда ваши запасы подошли к концу, вы приехали провести каникулы в Этрета? И уж, конечно, не случайно познакомились с Розой и принялись потанать ее причудам?

Молчание. Валентина по-птичьи вытянула шею, и тут Мегрэ впервые увидел эту шею старухи, обычно прикрытую широкой черной бархатной лентой, украшенной жемчугом.

— А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить. Знала ли Роза что-нибудь до встречи с вами, или же она по вашему наущению стала обшаривать дом?

— Она шарила до знакомства со мной.

— Зачем?

— Из любопытства. А также потому, что ненавидела мою мачеху.

— У нее были причины ненавидеть ее?

— Она считала ее грубой и высокомерной.

Обе они жили в доме, что называется, в состоянии войны и почти не скрывали этого друг от дружки.

— Роза подозревала о существовании драгоценностей?

— Нет. Она просто просверлила штопором дыру в стене, разделяющей их комнаты.

Валентина возмущенно привстала, словно собираясь тут же убедиться в неслыханной дерзости своей служанки.

— Когда это произошло?

— Недели две назад, когда Валентина пила чай у мадемуазель Сёрэ.

— Что же она увидела сквозь дыру?

— Поначалу ничего. Но прошло несколько дней, и вечером, притворившись спящей и для верности даже захрапев, она бесшумно встала и увидела, как Валентина, стоя у кровати, открыла ящик с драгоценностями.

— Роза никогда в него не заглядывала?

— Все ящики и шкафы в доме запираются, а ключи Валентина держит при себе. Даже, чтобы достать банку сардин, Роза должна была обращаться к ней.

— Как же в таком случае она смогла завладеть кольцом?

— Когда Валентина принимала ванну. Она не говорила мне об этом ничего заранее. Видимо, она очень тщательно все подготовила, рассчитала по минутам.

— Вы видели кольцо?

— Да.

— Что Роза собиралась с ним делать?

— Ничего. Она не смогла носить его, не выдав себя. Скорее всего, это было нечто вроде мести.

— Вы не подумали, что мачеха может спохватиться?

— Это не исключено.

— Признайтесь, что вы решили не вмешиваться и посмотреть, как мачеха к этому отнесется.

— Возможно.

— Вас удовлетворил бы раздел, не так ли? И вы ничего не сказали бы ни Шарлю, ни Арлетте?

— Я не стану отвечать на этот вопрос.

— Вы, кажется, убеждены, что на вас не найдется управы?

— Я никого не убивал.

Валентина снова заерзала, словно собираясь, как школьница, поднять руку и попросить слова.

— К вам у меня больше нет вопросов,— сказал Мегрэ.

— Я должен выйти?

— Можете остаться.

— Я свободен?

— Пока что нет.

Окончание следует.

Жорж СИМЕНОН

Роман

Мегрэ и старая дама

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Мегрэ снова принялся расхаживать по гостиной, лицо его слегка покраснело. Теперь предстояло заняться старой дамой.

— Вы все слышали?

— Все, что он сказал,— ложь.

Мегрэ вынул кольцо из жилетного кармана и показал ей.

— Вы отрицаете, что в вашей комнате находятся подлинные драгоценности? Может быть, вы хотите, чтобы я взял ваши ключи и принес драгоценности сюда?

— Это — мое право. Мой муж был согласен. Он считал, что его сыновья достаточно взрослые и сами позаботятся о себе, и не хотел оставить такую старую женщину, как я, без средств к существованию. Если бы детям все стало известно, они бы заставили все распродать и год спустя снова остались бы без копейки.

Мегрэ старался не смотреть на нее.

— Почему вы ненавидели Розу?

— Я не ненавидела ее. Я ей не доверяла, и события доказывают, что я была права. Это она невзлюбила меня, хотя я все сделала для нее.

— Когда вы обнаружили, что кольцо пропало?

Валентина открыла было рот, чтобы ответить. Но тут же взгляд ее стал холодным и злобным.

— Я не стану отвечать на ваши вопросы.

— Как хотите.

Он обернулся к Кастэну.

— Продолжай записывать.

Он опять зашагал по комнате, заставляя подрагивать безделушки. Потом заговорил:

— Вы это обнаружили, по всей вероятности, на прошлой неделе, еще до среды. Роза была единственным человеком, который мог выследить вас и похитить кольцо. Вы, конечно, перерыли все ее вещи и ничего не нашли. Когда же в среду она взяла выходной, вы пошли за ней по пятам и увидели, что она встретилась в Этрета с Тео. И тут вы испугались по-настоящему! Вы не были уверены, сказала ли она ему о кольце. Но вы и без того подозревали, что его приезд сюда связан с драгоценностями.

Несмотря на отказ говорить, Валентина не сдержалась:

— Если бы он узнал, моя жизнь была бы под угрозой!

— Вполне вероятно. Заметьте, однако, что я вас ни о чем не спрашивал. Можете прерывать меня, когда у вас появится желание, но я не нуждаюсь в ваших подтверждениях.

Вы решили убрать Розу, прежде чем она успеет вас выдать. Во всяком случае, вы надеялись сделать это, и вы решили воспользоваться представившейся редкой возможностью. Третье сентября! Единственный день в году, когда собирается все семейство, которое, впрочем, вы ненавидите, включая и вашу родную дочь.

Она снова было открыла рот, но он не дал ей говорить.

— Вы знали о пристрастии вашей горничной к лекарствам, но всем лекарствам, какие бы они ни были. Не сомневаюсь, что вы заметили, что она таскает их из вашей аптечки. По вечерам она, видимо, привыкла допивать ваше снотворное, которое оставалось на дне стакана.

Видите ли, преступление, которое здесь совершилось,— это преступление женщины, более того, старой женщины, живущей в одиночестве. Одно из тех преступлений, которые готовятся исподволь. Его лелеют долгие часы, постепенно оно обрастает все новыми и новыми деталями.

В самом деле, разве могут заподозрить вас в убийстве, если яд, судя по всему, предназначался вам? Подозрение неизбежно упало бы на вашу дочь, на других членов семьи. А вам достаточно было заявить, что напиток показался вам горьким и что вы сказали об этом горничной. Хотя на самом деле вы, конечно, утаили это от Розы.

— Она все равно выпила бы!

Нет, старая дама не чувствовала себя раздавленной, как можно было предположить. Она по-прежнему была начеку, не пропускала ни одного слова из всего, что говорилось, и, конечно же, заранее готовила ответные удары.

— Вы были уверены,— продолжал Мегрэ,— что следствие поведет местная полиция и не заметит в этом деле ничего, кроме того, что лежит на поверхности. И, лишь узнав, что по просьбе Шарля Бессона из Парижа буду направлен сюда я, вы испугались.

— Как вы скромны, господин Мегрэ!

— Не знаю, скромен ли я, но вы допустили ошибку, примчавшись на набережную Орфевр с целью заручиться тем преимуществом, что вы-де сами обратились ко мне.

— А откуда, по-вашему, могла я узнать, что Шарль имеет в виду именно вас?

— Этого я не знаю. Эта деталь выяснится позже.

— Предстоит еще выяснить много деталей. У вас ведь нет ни одного доказательства, а вы рассуждаете так уверенно, господин комиссар.

Мегрэ оставил этот выпад без внимания.

— Это относится и к моим драгоценностям. Вот мои ключи. Они лежат перед вами, на столе. Поднимитесь наверх и ищите.

Он остановился, посмотрел ей в глаза, почувствовал новый поворот дела. Потом заговорил снова, словно беседуя сам с собой:

— А что, если, воспользовавшись поездкой в Париж, вы сдали их куда-нибудь? Впрочем, нет! Вы бы не упрятали их так далеко. В банк вы их не положили, остались бы следы.

Она насмешливо улыбнулась.

— Ищите!

— И найду.

— А если не найдете, значит, все, что вы здесь наговорили, гроша ломаного не стоит!

— Мы еще вернемся к этому в свое время.

Он горько пожалел, что в порыве гнева разбил графин со спиртным — теперь он охотно отпил бы глоток.

— Совсем не случайно, придя недавно пожелать вам доброй ночи, я рассказал вам о знакомстве Розы с Тео Бессоном и об их встрече в прошлую среду. Я знал, что это заставит вас действовать. И что, опасаясь, как бы я не допросил Тео, а он не заговорил, вы попытаетесь встретиться с ним и заставить держать язык за зубами, возможно, навсегда. Я только не знал, как вы сумеете незаметно связаться с ним. Я не подумал о телефоне. Точнее, я не подумал о старой мадемуазель Сёрэ, которая живет в двух шагах от вас и которую вы привыкли навещать.

Он повернулся к Тео.

— Вы знаете ее?

— Я ее не видел много лет.

— Она калека?

— Еще в то время она была почти глуха и слепа.

— В таком случае не исключено, что именно у нее мы и найдем драгоценности.

— Вы придумываете одну небылицу за другой! — крикнула яростно Валентина.— Вы говорите, говорите, уверив себя, что так или иначе попадете в точку. Вы, наверное, считаете себя ох, каким циником!

— Вы от нее звонили Тео. И, конечно, набирали немало номеров, прежде чем поймали его в каком-то из кабаков. Вы сказали ему, что хотите поговорить с ним. Он все понял. А ведь вы вовсе и не собирались говорить с ним... Да, да, оба ваши преступления — не только преступления одинокого человека, но преступления старой женщины. Вы очень умны, Валентина!

Она вдруг приосанилась, польщенная, несмотря ни на что, этим комплиментом.

— Вам нужно было заставить замолчать Тео и сделать это так, чтобы комар — то есть я — носа не подточил. Была, конечно, одна возможность, которая, вероятно, сошла бы гладко. Но ее вы отвергли: эта возможность — поделиться с Тео.

Но в вас слишком сильно чувство собственника. Одна мысль о том, что вам придется расстаться с частью этих драгоценностей, которые ничего вам не давали, да и никогда ничего бы не принесли,— эта мысль показалась вам настолько чудовищной, что вы предпочли пойти на второе убийство. И вы сказали Тео, чтобы он пришел к вам в полночь и никому не говорил об этом... Ведь именно так она сказала вам, господин Бессон?

— Вы понимаете, что мне затруднительно было бы ответить на этот вопрос. Как джентльмен...

— Вы негодяй! Хорош джентльмен, впутывающий служанку в семейные делишки да еще склоняющий ее к воровству только потому, что это, видите ли, его устраивает! Хорош джентльмен, хладнокровно посылающий вместо себя на смерть другого человека!

Во всяком случае, Бессон, после телефонного звонка Валентины вы одновременно и торжествовали и боялись,— продолжал Мегрэ.— Торже-

Окончание. См. «Огонек» №№ 42—51.

ствовали потому, что добились своего, ведь ее звонок означал, что она готова делиться. Боялись потому, что слишком хорошо знали ее и отдавали себе отчет, что отнюдь не с легким сердцем она решила заплатить вам за ваше молчание. Вы почуяли ловушку. Это свидание в полночь вам не слишком нравилось.

Вы вернулись в отель, чтобы хорошенько все обдумать. И вдруг вам повезло: позвонил бедняга Анри, который к тому же изрядно выпил... Совсем недавно вы с ним беседовали, и этот разговор заставил его задуматься. Ему захотелось повидать вас, не знаю точно зачем, возможно, и он о чем-то догадывался.

А вы послали его в разведку, наказав ему, чтобы он пришел сюда, в «Гнездышко», ровно в полночь. Иначе говоря, это он, Анри Трошю, должен был попасть в ловушку Валентины...

Мегрэ помолчал несколько мгновений, потом продолжал:

— Снимаю перед вами шляпу, мадам. Убийство Розы вы задумали безупречно. Но второе вы осуществили поистине с дьявольской ловкостью. Вплоть до выключателя, который продемонстрировали мне сегодня вечером,— это ведь должно было послужить свидетельством, что в волнении вы могли забыть включить свет в саду.

И вот Анри убит. Брат и сестра в одну неделю!.. Знаете, что бы я сделал, не служи я в полиции? Я оставил бы вас здесь под охраной инспектора, а сам отправился бы в Ипор и поведал бы эту историю мэтрэ Трошю и его жене. Я бы рассказал им, как, почему и во имя чьих грязных целей и интересов они за несколько дней потеряли двух детей в расцвете сил! Я привез бы их сюда, вместе с братьями и сестрами ваших жертв, вместе с их соседями и друзьями...

Мегрэ увидел, как побледнел Тео, как он судорожно стиснул пальцами ручки кресла. Валентина вскочила и закричала вне себя:

— Вы не имеете права! Чего вы ждете, почему не отправляете нас в Гавр? Вы обязаны арестовать нас, во всяком случае, меня.

— Значит, вы признаетесь?

— Ни в чем я не признаюсь! Но вы обвиняете меня и не имеете права оставлять меня здесь!— «Кто знает,— мельнуло у нее в голове,— может, Трошю уже знают и сейчас нагрянут сюда?!»— Мы в цивилизованной стране, и каждый должен быть выслушан судом!

Она судорожно прислушалась к шуму, доносившемуся с улицы, и чуть было не бросилась к Мегрэ, словно ища у него защиты. Уже отчетливо был слышен шум мотора, а потом шаги в саду.

Валентина была, казалось, на грани сумасшествия. Лицо ее потеряло обычную привлекательность, в глазах стоял ужас, она впилась ногтями в кулаки комиссара.

— Вы не имеете права! Вы не имеете...

Это не были Трошю, им еще ничего не было известно. Это прибыли из Гавра фургон и легковая машина с полицейскими и экспертами.

На добрых полчаса дом был отдан в их распоряжение. Тело Анри вынесли на носилках. Эксперты фотографировали место преступления, собирали осколки стекла, которое раздробила пуля.

— Вы можете идти одеться,— сказал Мегрэ Валентине.

— А я?— спросил Тео Бессон, съежившийся, словно из него выпустили воздух.

— Вам, как мне кажется, предстоит уладить дела с собственной совестью.

Еще один автомобиль остановился на дороге. В дом ворвался Шарль Бессон.

— Что здесь произошло?

— Я ждал вас раньше,— сухо ответил Мегрэ.

Словно не понимая, что должна означать эта фраза, депутат стал оправдываться:

— По дороге у меня лопнула шина.

— Что побудило вас приехать сюда?

— Наш с вами недавний разговор по телефону, когда вы сказали мне о кольце.

— Понимаю. Вы узнали кольцо по моему описанию?

— Мне стало ясно, что Тео был прав.

— Значит, вам были известны подозрения Тео о том, что ваша мачеха сохранила подлинные драгоценности? Он вам говорил об этом?

Братья холодно посмотрели друг на друга.

— Он мне этого не говорил. Но я все понял по тому, как он вел себя во время раздела имущества.

— Вы примчались, чтобы получить свою долю? И по этому случаю даже забыли про похороны вашей тещи, которые состоятся завтра?

— Почему вы так грубо со мной разговариваете? Я ведь ни в чем не виноват. Кого сейчас отвезли в фургоне?

— Ответьте сначала, зачем вы приехали?

— Не знаю. Когда вы сказали мне про кольцо, я понял, что готовится какая-то мерзость. И подумал, что Тео попытается что-то предпринять, а Валентина не даст себя провести.

— Ну так вот, кое-что действительно произошло. Только ваш старший брат позаботился о себе и вместо себя отправил на смерть другого.

— Кого?!

— Анри Трошю.

— Родители... знают?

— Нет еще. Вот что я думаю: не послать ли мне вас сообщить им эту новость? Ведь как-никак вы их депутат.

— Наверное, я больше не буду депутатом после всего этого скандала. А Роза? Кто... ее?

— Вы не догадываетесь?

— Когда вы сказали мне о кольце, я подумал было...

— О вашей мачехе! Да, она. И вам придется все это объяснить вашим избирателям.

— Но я-то ведь ничего не сделал!

Прошло уже немало времени с тех пор, как Кастэн перестал записывать. С удивлением смотрел он на Мегрэ, машинально прислушиваясь к шагам наверху.

— Вы готовы?— крикнул комиссар, подойдя к лестнице.

Валентина не отвечала. Мегрэ прочел опасение во взгляде инспектора.

— Не бойся! Такие женщины себя не убивают. Она будет защищаться до конца. Будет драться зубами и ногтями, найдет деньги, чтобы нанять себе лучших адвокатов. Она знает, что сейчас уже не отрубают головы старым женщинам!..

И действительно, Валентина спустилась к ним, как всегда, похожая на изящную маркизу, как в тот раз, когда Мегрэ увидел ее впервые. Безукоризненно причесанные волосы, большие светлые глаза, ни морщинки на черном платье, и огромный бриллиант на корсаже — видимо, одна из «подделок».

— Вы наденете на меня наручники?

— Я начинаю верить, что вам бы это доставило удовольствие: как же, это было бы так театрально и придало бы вам вид невинной жертвы. Ну-ка, парень, уведи ее.

— Вы разве не поедете с нами в Гавр?

— Нет.

— Вы вернетесь в Париж?— спросил Кастэн.

— Завтра утром, после того как зайду за драгоценностями.

— Вы сами пошлете рапорт?

— Составь его. Тебе ведь известно теперь столько же, сколько и мне.

Кастэн окончательно перестал понимать комиссара.

— А что делать с этим?

Инспектор указал на Тео, который курил сигарету и старался держаться подальше от своего братца.

— Он не совершил преступления, которое прямо подпадало бы под действие закона. Он слишком труслив для этого. Но ты сможешь вызвать его в любое время, как только он тебе понадобится.

— Могу я уехать из Этрета?— спросил Тео с явным облегчением в голосе.

— Когда угодно.

— Проводите меня, пожалуйста, до отеля, там остались мои вещи и машина.

Да, конечно, он не меньше, чем Валентина, боялся Трошю. Мегрэ кивнул одному из инспекторов, приехавших из Гавра.

— Проводите этого господина. И разрешаю на прощание дать ему пинок в зад.

Выходя из «Гнездышка», Валентина обернулась к Мегрэ и проговорила, еле шевеля губами:

— Вы считаете себя очень хитрым. Но последнее слово не за вами!

Мегрэ взглянул на часы, они показывали половину четвертого утра. Сирена, оповещающая о тумане, все еще продолжала завывать в ночной темноте. С ним остался лишь инспектор из Гавра, который заканчивал опечатывать двери, и Шарль Бессон, не знавший, куда девать свое огромное тело.

— Теряюсь в догадках, почему вы так грубо разговаривали со мной. Я ведь ничего не сделал!— Это была правда. И Мегрэ почувствовал нечто вроде угрызения совести.— Клянусь вам, я никогда не мог даже предположить, что Валентина способна...

— Вы можете поехать со мной?

— Куда?

— В Ипор.

— Вы очень настаиваете на этом?

— В противном случае мне пришлось бы разыскивать такси, что нелегко в такой час.

Он вскоре пожалел о своей просьбе: Шарль нервничал, машину швыряло из стороны в сторону. Остановился он как можно дальше от низкого домика, который пятном выделялся из тумана.

— Вас подождать?

— Сделайте одолжение.

Бессон, сидевший в дальнем углу тесной машины, слышал стук в дверь и голос комиссара, который произнес:

— Это я, Мегрэ.

Шарль видел, как зажглась лампа, как открылась и закрылась дверь. Он отгрыз кончик сигары.

Прошло полчаса, за это время Шарля не раз подмывало уехать. Затем дверь вновь открылась. Три фигуры медленно приближались к машине. Мегрэ открыл дверцу и сказал приглушенным голосом:

— Меня вы по пути подбросите до Этрета, а их отвезете в Гавр.

Мать, в траурной вуали, оставшейся от похорон Розы, то и дело начинала рыдать, зажимая рот носовым платком. Отец не проронил ни слова. Мегрэ тоже молчал.

В Этрета, выйдя перед своим отелем, он заглянул внутрь машины, разжал было губы, но не нашел что сказать и только медленно снял шляпу.

Он не стал раздеваться и не лег спать. В семь часов утра он доехал в такси до домика престарелой мадемуазель Сёрэ. То же такси доставило его до вокзала, он как раз успел на восьмичасовой поезд. Помимо чемодана, в руке у него был небольшой сафьяновый кошель в чехле непорочно-голубого цвета — точь-в-точь как глаза Валентины.

Перевел с французского
О. ШИРОКОВ.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

В жизни всегда есть неравенство. Одни были убиты на войне, другие ранены, а третьи отсиживались дома... Жизнь несправедлива.

Джон Ф. Кеннеди
Пресс-конференция, 1962 г.

Глава I
АЛЛЕН ЛОУЭЛЛ

1

В понедельник 15 октября 1973 года в три часа пятнадцать минут Стефани Сполдинг, сама того не подозревая, глядела в маленький глаз смерти. В дуло автоматической винтовки «Ли-Энфилд» с оптическим прицелом четырехкратного приближения.

Молодого человека, который залег в кустах и целился, широко, по-солдатски раскинув ноги, звали Аллен Лоуэлл. Он смотрел, как Стефани усаживалась в свой «линкольн-континентл» перед собственным кирпичным особняком возле Паунд-Риджа, как проскользнул на свое место шофер, потом хлопнула дверца, заработал мотор, и машина тронулась к дороге, проходившей под тем местом, где лежал Аллен.

Аллен думал о том, что не убил ни одной женщины за пределами Вьетнама. И сомневался, сможет ли это сделать.

Лимузин плавно приближался. Аллен навел прицел на заднее сиденье и увидел лицо, неожиданно большое. Машинально поймал в перекрестье лоб, не замечая хрупкой красоты лица, глубоко посаженных глаз, изящно вздернутого носа, густых черных волос, спадавших на плечи. Стефани с веселыми искрами в глазах что-то говорила шоферу, потом, услышав его ответ, рассмеялась.

Погибла бы, подумал Аллен, сама не зная за что, именно такой смерти она и заслуживает. Положив палец на спуск, он представил, как ее пробитая пулей голова валится на грудь и смех обрывается вместе с жизнью.

Секунду спустя лимузин благополучно проехал. Аллен поднялся, снял ствол «Энфилда», спрятал вместе с ложей в рюкзак и вышел на дорогу ждать попутной машины. Его подобрал какой-то мотоциклист, и он с грохотом понесся на заднем сиденье в Паунд-Ридж. Сошел Аллен у вокзала и первым же поездом уехал в Нью-Йорк.

На Большом Центральном вокзале он подошел к справочному бюро, где точно вовремя встретился с молодым человеком в коричневом свитере и джинсах. И отдал рюкзак ему.

2

Из письма Аллену Лоуэллу со штемпелем «Торонто. 18/X—1973»:

«...все готово, но не удалось раздобыть белое вещество. Если б и смогли, его было бы трудно переправить через границу. Надеюсь, ваш план окажется удачным.

Майк Горджо».

3

Вокруг холма, на котором стояла съемочная группа, расстилалась песчаная пустыня. Но это был не штат Невада, а железорудный комбинат на севере штата Нью-Йорк, и пустыня представляла собой дело человеческих рук. При обогащении руды тысячи тонн измельченной породы выбрасывались через торчавшую вдалеке трубу и оседали в дикой лощине.

Труба эта была роковой. Казалось, что со временем она занесет, подобно другим, и эту лощину, засыплет холмы, примется за остальные долины, ущелья и наконец превратит всю землю в бесконечную свалку отходов.

— Гляньте-ка, что устроили там,— сказал представитель фирмы «Рейнолдс Кемикл».— Только ничего не вышло.

Аллен Лоуэлл, редактор фильма, обернулся. В пятистах футах позади он увидел огромную гору этого самого песка с вызывающе торчащими кустиками на вершине. Но кустики были безжизненны.

Представитель фирмы объяснил ему, в чем дело.

— Все эти загрязнения вызвали большой шум, и владельцы комбината решили продемонстрировать, что песчаная гора с кустами великолепно вписывается в этот распрекрасный пейзаж.

— Но ведь кусты не растут?

Представитель фирмы рассмеялся.

— Здесь не растет ничего. Эта дрянь губит все живое, как рак.

Киногруппа ждала на солнцепеке, пока Гарри Эндрюс привезет взрывчатку. Тем временем представитель фирмы спустился с холма и протянул провод от подрывной машины футов на восемьдесят.

— Видно меня? — крикнул он оператору.

Оператор приник к видоискателю кинокамеры «Аррифлекс» и увидел держащего провод человека в синей каске, выгоревших джинсах и пыльных ковбойских сапогах. Оторвавшись, он крикнул:

— Отлично! Лишь бы солнце не затянуло.

По заднему склону холма со скрежетом взобрался грузовой фордовский пикап. Из него вылез, утирая зеленым платком блестевший от пота лоб, рослый, плечистый Эндрюс. Открыв заднюю дверцу, он достал несколько прозрачных, длиною в фут пластиковых патронов с белым веществом под названием «кемит», новейшей промышленной взрывчаткой. Небрежно бросил один Аллену, тот легко поймал его на грудь. «Хладнокровный парень»,— подумал Эндрюс.

Аллен посмотрел вниз, в лощину, где стоял представитель фирмы, и подбросил взрывной патрон в воздух как можно выше.

— Да ты что! — ужаснулся оператор.

Внизу, лениво кружа, как Уилли Мейс, когда

© 1973 by Joseph DiMona.

его жизнь была поставлена на карту, представитель фирмы взглянул на солнце и краем глаза заметил летящий к нему небольшой цилиндрический предмет. Патрон грузно упал ему в руки, и представитель еле устоял на ногах. С минуту он переводил дыхание, потом пошел к холму.

— Веселые у тебя шутки,— сказал он Аллену.

— «Кемит» безопасен. Это мы и собираемся продемонстрировать, разве не так?

— Все равно надо думать, что делаешь.— Представитель фирмы злился все больше.

Аллен молчал.

— Поехал бы в город да угнал первый попавшийся самолет,— не унимался представитель.

Гарри Эндрюс попытался успокоить его.

— Это я начал, Джим. Я первый кинул ему эту штуку.

— Идиот! — злобно ругнулся представитель и вернулся назад, к месту испытания. Он с самого начала возражал против этого дурацкого фильма, однако начальство решило, что документальный фильм, демонстрирующий безопасность «кемита», будет хорошей рекламой. Может, и так. Но кто верит фильмам?

И насколько безопасен «кемит»? В отличие от «уотер джел» и других табельных взрывчаток он не очень устойчив, это определенно. Каждую секунду этот маленький патрон мог превратиться в опасную игрушку, способную взорваться прямо в руках.

Рискуй теперь жизнью на свалке какого-то железорудного комбината за четыреста миль от дома, демонстрируя какой-то идиотской киногруппе, как обращаться со взрывчаткой. Сегодня урок первый: будут взорваны четыре типа «кемита» и один заряд динамита. Завтра урок второй: в «кемит» будут стрелять, поджигать его, рубить топором, показывая, что он не взорвется случайно. Ни при каких обстоятельствах!

Час спустя Аллен внимательно смотрел, как представитель фирмы присел с зарядом «кемита» у воткнутого в песок зеленого флажка. Слева под красным флажком был заложен динамит. Еще дальше под флажками разных цветов были заложены три типа «кемита», предназначенные для разных промышленных целей.

Аллен запоминал каждое движение. Представитель фирмы взял перочинный нож, сделал на стенке патрона трехдюймовую прорезь и глубоко воткнул детонатор в желатинированную взрывчатку. Запалом служил быстрогорящий пентритовый шнур. Представитель обмотал его вокруг патрона, отпустил дюймов на восемь и вновь обмотал, тем самым ослабив нажим на детонатор, чтобы его не выдавило. Потом представитель протянул шнур к главному проводу, идущему от подрывной машины на холме, и соединил их.

Через несколько минут, целый и невредимый, он поднялся на холм и склонился к подрывной машине, серому ящику с двумя красными кнопками и безотказным выключателем. Солнце светило ему прямо в лицо. Подняв взгляд на Грега Миллера, режиссера, он сказал:

— Я зарыл взрывчатку поглубже, чтобы песок взлетел вверх. Но вам будет нужно держать его в кадре. Ветер отнесет песок вправо.

— Ясно,— сказал Миллер.— Начали.

Представитель приступил к освященному временем ритуалу. Встав, он поднял ко рту сложенные рупором руки и прокричал: «ЗАПАЛ ПОДОЖЖЕН!» Потом повернулся в другую сторону и прокричал то же самое. Крики раскатывались по окрестностям, предназначаясь случайным прохожим и водителям транспорта. Аллен подумал: неужели это опасно? Взрывчатка в лощине, глубоко под песком. На войне он навидался взрывов.

Но тут представитель фирмы щелкнул выключателем, нажал обе кнопки, и плоская поверхность песка, спокойно, безмятежно сверкавшая под солнцем, внезапно вздыбилась мощным столбом земли, огня и дыма. Громовой грохот достиг ушей Аллена и на миг оглушил его.

Черт возьми, в этом маленьком, безобидном с виду патроне громадная сила. «Кемит» — это вещь. Представитель фирмы не сводил глаз с оператора.

— Засняли?

— В лучшем виде,— ответил оператор.

Наступило молчание. Аллен решил, что самое время извиниться перед представителем.

— Прошу прощения,— сказал он.— То же самое могло случиться с вами.

— Ты прав, черт возьми! — Представитель устало поднялся.— Вот что я скажу тебе, парень,— негромко произнес он.— Сперва мы узнаем, что абсолютно надежные взрывчатые вещества убивают. Потом — что они убивают нас.

Взорвав остальные заряды у других флажков, они поехали на одной из машин к желтому деревянному двухэтажному отелю в центре Ларго Фоллз.

Когда все спустились на обед в маленькую с обоями в цветочек столовую, владелец сказал, что молодой редактор расплатился и уехал. Миллер рассердился.

— Он не имел права самовольно уезжать. Мы ему платим.

— Ничего,— сказал представитель фирмы.— Смотришь, дольше проживем. Странный он парень.

— Мы дважды брали этого Джеффа Болтона внештатником, и оба раза были неприятности. Но он талантлив. И...— Режиссер умолк.

Представитель вопросительно посмотрел на него.

— И дешево обходится,— сказал Миллер, пожав плечами.— Не может найти постоянного места, поэтому работает почти задаром.

Аллен Лоуэлл приехал во взятом напрокат автомобиле в Сиракузы, ближайший город с аэропортом, и вылетел оттуда в Нью-Йорк. Улыбался он нечасто, но, вспомнив испуганное лицо того типа, когда он бросил ему взрывчатку, невольно улыбнулся. Внезапная идея, однако она оправдала себя. Гарри Эндрюс смотрел на летящий патрон как завороженный.

В Нью-Йорке он поселился в гостинице «Холидей Инн» на Девятой авеню под фамилией Болтон и немедля открыл набор инструментов для осуществления своего плана — сверла, отмычки, буравы. Их оказалось больше, чем требовалось. Ребята в Торонто были предусмотрительны.

Вернее, им так казалось. Потому что они не могли, не хотели знать и никогда не узнают, во что были втянуты.

4

Из дневника Аллена Лоуэлла... Запись от 22 октября 1973 года:

«Сегодня вечером годы учебы начали окупаться. Я взял из набора две простые отмычки и отправился в «Уолдорф» к Карсону. Поблизости не было никого. Я вставил одну отмычку в замочную скважину, приподнял ее, ниже просунул вторую, повернул, и замок щелкнул. Дело нехитрое. Дверь отворилась, я вошел в номер и занялся его паспортом.

Как полагалось по плану, оставил на его кровати полудолларовую монету с профилем Кеннеди.

Около полуночи прошелся по Девятой авеню и увидел, за что воевал. Отверженные, наркоманы, грабители, размалеванные шлюхи, сводники — лицо цивилизации 1973 года.

Временами, когда во мне кипит злоба, я хочу убить первым Уильямса, исколоть его, искромсать. Но для него это было бы слишком великодушно. Пусть страдает дольше всех, он этого заслуживает.

Два часа спустя. Я еще на ногах. Уснуть не удастся. Слишком возбужден!

Перечел написанное и понял, что звучит это по-садистски. Я не садист. Я солдат, умеющий думать».

5

В зале Верховного суда краснолицый, безупречно одетый адвокат-южанин выступал по делу о гражданских правах. Люди в черных костюмах сидели по девять в ряд и бесстрастно следили за ходом процесса.

Позади них высились ионические колонны, красные бархатные портьеры и простые часы под потолком, показывающие судьям время. Джордж Уильямс, заместитель помощника министра юстиции, вошел в комнату за скамьями для зрителей и стал смотреть в зал.

Судьи сидели на высоком помосте за столом красного дерева. Под помостом стоял простой длинный стол стенографистки, по обе его стороны — небольшие столики, в настоящее время занятые адвокатами штата Северная Каролина и федерального правительства. В одном углу расположились секретарь суда и один из судебных исполнителей.

Когда адвокат-южанин стал гневным тоном излагать свою точку зрения, атмосфера в зале накалилась, но тут стрелки показали час. Председатель Верховного суда взял молоточек и резко постучал.

— Мне очень жаль прерывать вас, адвокат, но уже время перерыва. В два тридцать суд продолжит заседание.

Уильямс торопливо спустился по проходу, показал судебному исполнителю удостоверение и перехватил Джона Ньюхауза, одного из правительственных адвокатов. Джон улыбнулся ему.

— Только что пришел?

Уильямс кивнул.

— Слышал бы ты, как южанин набрасывался на меня! По его мнению, мы вообще не должны заниматься гражданскими правами.

Они пошли в кафетерий. Ньюхауз спросил Уильямса, что привело его сюда.

— Собирался пригласить вас на обед. Тебя и Сьюзен.

— По какому случаю?

— Хочу уходить с работы.

Ньюхауз отмалчивался, пока они не взяли сандвичи и не сели к столу. Потом сказал:

— Послушай, мы уже обсуждали этот вопрос. Администрации меняются. Демократы когда-нибудь вернутся к власти. А тем временем можно делать кое-что полезное.

— В отделе внутренней безопасности?

Ньюхауз улыбнулся.

— Твоя беда объясняется просто. Ты блестящий работник! И республиканцы ставят тебя туда, где ты можешь принести пользу им. Почему бы и нет? Это их министерство.

Уильямс отхлебнул кофе и негромко сказал:

— Мне больше нравилось в отделе гражданских прав. Я ничего не имею против компромиссов. Из них состоит жизнь. Но там я *делал* кое-что.

Его спокойный тон не обманул Ньюхауза: Уильямс, даже приходя в ярость, не проявлял ее внешне.

— Значит, ждешь меня к обеду,— сказал Ньюхауз.— Чтобы я укрепил тебя в решении уйти с работы.

— Почему бы и нет?

Ньюхауз откусил кусочек орехового пирога.

— Мне будет очень одиноко без тебя, Джордж,— сказал он.— Мы с тобой единственные вольнодумцы-либералы на все министерство.

6

Сара Уильямс открыла на звонок дверь в переднюю.

— Звонила Сьюзен,— сказала она Ньюхаузу, когда мужчины вошли в гостиную.— Предупредила, что немного задержится. Она записывает сенатора Бакли, а он опоздал на целый час.

Сьюзен Грей, очередное увлечение Ньюхауза, была известна в Вашингтоне своим остроумием по телевизионным шоу, в которых с энтузиазмом набрасывалась на самодовольных типов.

— Бедняга Бакли,— сказал Ньюхауз.— Она нарежет из него филе.

— А разве можно нарезать филе из окорока? — спросила Сара, выходя с мужчинами в патио.

Разговоры в тот вечер не клеились. Ньюхауз постоянно возвращался к теме, обсуждавшейся за ленчем. Он был убежден, что Уильямсу следует остаться в министерстве юстиции.

— В конце концов, Джордж,— сказал он,— мы там последние со времен Кеннеди. Но у нас есть доступ во все правительственные сферы, и нам более чем когда-либо нужно сдерживать людей Никсона.

Приехала Сьюзен, привлекательная молодая рыжеватая женщина с прямым носом, короткой прической, в розовом, слишком коротком платье и со слишком уж острым язы-

ком. Подали обед, и вечер, как обычно, прошел в разговорах о политике. И лишь в час ночи, провожая Сьюзен и Ньюхауза, Джордж Уильямс увидел конверт, лежавший на столике в вестибюле.

Уединясь в кабинете и налив себе бренди, он вскрыл письмо.

Оно было отпечатано на машинке, без подписи. В нем говорилось:

«22 ноября 1973 года — десятая годовщина со дня гибели нашего президента. По причинам, которые вы полностью поймете, мы ознаменуем эту годовщину убийством следующих лиц:

Джордж Уильямс
Джеймс Карсон
Томас Медуик
Эверетт Меллон
Стефани Сполдинг
Роберт Уорнки».

Черт побери! Мысли Уильямса заметались. Письмо все еще лежало перед ним, когда вошла жена. Она сразу же заметила, что он расстроен.

— Что случилось, Джордж?

Он хотел было протянуть ей письмо, потом передумал, вложил его в конверт и сунул в карман.

— Так, небольшое служебное дело. Правда, неприятное.

— Придумай что-нибудь другое, Джордж. Мы не получаем на дом служебной корреспонденции.

— На сей раз получили.

Она пристально поглядела ему в лицо.

— Ну, раз ты в таком настроении, я лягу спать, не дожидаясь скандала.

— Это секретное дело, Сара. Я просто не имею права посвящать тебя в него.

— Понимаю. Только не принимай все так близко к сердцу. Это не вопрос жизни и смерти.

Расстроенная Сара пошла в спальню по коридору, застланному зеленым ковром. Она знала Джорджа и по его взгляду все поняла. Надвигался очередной кризис, очередной период, когда муж не будет ее замечать.

Она вышла за него восемь лет назад, когда он порвал с этой несносной Стефани Сполдинг, приятно удивленная, что такой привлекательный мужчина, как Джордж Уильямс, берет замуж отнюдь не красавицу, на два года старше себя. До Стефани ей было далеко, она это понимала. Но все же, казалось, он любил ее. На свой манер.

Манер этот, насколько она могла понять, заключался в том, что Джордж не изменял ей, но и не посвящал в свои дела. Своей работе в министерстве юстиции он был предан не только умом, но и душой. А что в этом странного? У Сары было много знакомых среди людей Никсона, съехавшихся в Вашингтон в 1968 году. От них она то и дело слышала, как замечательно трудится в министерстве ее муж, как тщательно бывают подготовлены его дела, как скрупулезны его расследования, как успешны его выступления в суде.

За прошедшие восемь лет Сара много раз видела, как муж брался за новое дело и, можно сказать, исчезал с ее глаз. Даже если он и находился дома, разум его, вечно беспокойный, анализирующий, уносился за много миль, в другие сферы. Зачастую Джордж оставался в городе и не появлялся домой или отправлялся в разъезды. Возвращаясь, он почти ничего не рассказывал.

Сара не была дурой, но она не была и юристом. Как могла она в эти периоды сотрудничать с ним? Чем могла помочь ему? Ничем — он замыкался в себе. Она хотела семейного уюта, скромных вечеринок с близкими друзьями, а вместо этого переживала один кризис за другим.

Иногда, в редких случаях, как этот, она жалела, что не оставила Джорджа тосковать по этой стерве Стефани. Та не потерпела бы отказа от личной жизни ради работы. Надо отдать ей должное — она вырвала бы его из кабинета, разрушила это умственное уединение и сделала бы все, что потребовалось.

Сара сняла платье и чулки. Господи, как ей хотелось, чтобы муж находился рядом! Но она знала, что сегодня этому не бывать.

Через несколько минут она стояла под душем, вода низвергалась на ее тело, вполне достойное гордости — полногрудое, узкобедрое, тут ей нечего было стыдиться даже в сравнении со Стефани.

Да черт бы побрал эту Стефани! Почему она вечно думает о ней? И почему сегодня особенно волнуется за Джорджа? Ну, очередное дело. Ну, будет Джордж потерян для нее на какое-то время. Что тут особенного?

И вспомнила его взгляд. На этот раз в нем была не просто сосредоточенность, а что-то другое. Что?

Это не вопрос жизни и смерти. Час спустя Джордж все еще сидел в кресле, как прикованный, и слова эти не выходили у него из головы.

Было двадцать второе октября. Если письмо написано типом вроде Освальда, остается жить тридцать дней. А в министерстве юстиции каждый знал, что подобных типов развелось теперь много. Много.

Но эти фамилии — и связь с гибелью Кеннеди. Вот что сводило его с ума. Почему они? Никто из них не занимал в администрации Кеннеди больших постов; о двоих, Джеймсе Карсоне и Эверетте Меллоне, Уильямс слышал впервые. И самым непонятным было, почему в этом перечне оказался он, Джордж Уильямс.

В те дни он был таким же «незначительным», как и все остальные. Он даже не встречался с президентом.

Уильямс вышел в патио. Не обдумав всего, он не мог бы уснуть. В вышине сквозь тучи проплывала луна, заливая лужайку мягким, спокойным светом. Уильямс присел на край шезлонга, поглядел на мерцающую в плавательном бассейне воду и вспомнил, как Роберт Кеннеди приезжал сюда единственный раз, год спустя после того, как он, Уильямс, начал работать в министерстве юстиции. Было это вскоре после той знаменитой вечеринки у Бобби, когда половина гостей прыгала в бассейн прямо в одежде, создавая не очень благоприятную рекламу; тогда Бобби, неугомонный шутник, толкнул Джорджа на край бассейна и подхватил, не дав упасть в воду. «Я должен своей жизнью оправдать свое доброе имя»,— сказал он мягким голосом, всегда словно бы таящим множество скрытых смыслов.

Уильямс исполнял роль посредника во время осложнений с губернатором штата Миссисипи Россом Барнеттом, отказавшимся допустить негра в университет, и действовал так успешно, что, когда все уже было позади, Бобби приехал к нему с поздравлениями,— за такие поступки сотрудники и обожали Роберта.

Бобби мертв, убит, но Бобби, как ни любил его Джордж, не мог заменить Джека. И никто бы не смог.

Вблизи на дерево села какая-то большая птица. Джордж мельком увидел ее горящие глаза; потом послышалось хлопанье крыльев, и осталась только темнота. Где-то заквакала лягушка-бык, поднялся легкий ветерок, и Джордж Уильямс, сидя в одиночестве, наконец осознал ужасную правду о себе: он доживал свое время в этом глупом веке. Ничто по-настоящему не имело для него значения с того памятного дня в 1963 году.

Но было и другое время. При Джеке Кеннеди тысячи молодых людей вступали в корпус мира и еще тысячи съезжались со всей страны разделить трудности управления этой страной с президентом, который говорил на их языке и разделял их надежды. То было время, когда Вашингтон бурлил энтузиазмом умных и целеустремленных молодых людей, когда был улажен карибский кризис, когда негры были близки к получению самого необходимого права в Америке — права голосовать,— и, черт возьми, кто знает, чего могли мы добиться? Кто знает?

И спустя десять лет Уильямс вновь ощутил себя юным, полным радужных надежд, воскресив в памяти те волнующие дни, когда он твердо верил, что будущее принадлежит молодым, когда президент говорил им с заснеженной инаугурационной трибуны: «Да будет отныне известно и врагам, и друзьям, что этот факел передан новому поколению американцев... Я не уклоняюсь от этой ответственности, я приемлю ее».

Ветер треплет волосы Роберта Фроста, на трибуне пылает огонь, Эйзенхауэр смотрит прямо перед собой, недоумевая, что происходит в стране, председатель Верховного суда Уоррен, держа в закоченелых пальцах Библию, принимает присягу у высокого молодого человека — и снежинки вьются перед глазами молодого Уильямса, он стоит на лужайке Капитолия, страстно надеясь, что хоть чем-то сможет быть полезен.

И после всего, что было, после надежды, потрясения, отчаяния — это зловещее письмо. Отвратительное, мерзкое письмо, где сказано, что «по причинам, которые вы полностью поймете», его каким-то образом связывают со смертью боготворимого им Джона Ф. Кеннеди, и поэтому он должен умереть. Кому могла прийти в голову такая мрачная шутка?

Нет, это не шутка. За тринадцать лет в министерстве юстиции он научился кое в чем разбираться.

В ту ночь Уильямс так и не уснул. На другой день он навел кое-какие справки у себя в министерстве, позвонил одному знакомому в ФБР, другому в налоговое управление и вскоре знал адреса остальных намеченных жертв.

Получили они ту же самую угрозу или ему придется стать вестником страха? Если так, вскоре у него появится первая нить.

7

В Нью-Йорке Аллен Лоуэлл отправился в объединенную контору по прокату фильмов, расположенную в большом административном здании на Девятой авеню, 630. Он открыл дверь, зазвонил колокольчик, и вышла женщина в синем халате.

— Мне нужен фильм «Годы молний — дни барабанов».

Симпатичная круглолицая женщина в очках без оправы сказала:

— А знаете, его можно получить бесплатно. Свяжитесь с ЮСИА [1]...

— У меня нет времени.

— Вы от какой организации?

— Американский легион.

Женщина положила на стойку бланк и скрылась среди стеллажей. Через несколько минут она вернулась с большой круглой коробкой.

— Не могу даже сказать вам, сколько требований мы получаем на этот фильм,— сказала она.— Вам придется вернуть его завтра. Он уже заказан на субботу и воскресенье.

— Верну.

Аллен уплатил прокатную стоимость, оставил залог, вышел через заднюю дверь в вестибюль и стал ждать лифт.

Через несколько минут он был наверху, в монтажном отделе фирмы «Аудио продакшнз». Президент «Аудио», улыбчивый ирландец Пит Муни, когда-то уволил Аллена, но поминать старое было не в его правилах.

— Занимай любую аппаратную, Джефф,— сказал он.— И сиди, сколько будет нужно.

Аллен заправил пленку, выключил свет и нажал педаль.

Он знал каждый кадр этого фильма. Но все равно нужно было убедиться. Приближается похоронная процессия, черный конь натягивает узду, норовя перейти в галоп, накрытый флагом лафет, Жаклин Кеннеди в черной вуали, а затем... вот он, снятый дальним планом мемориал Линкольна. Убрав ногу с педали, Аллен остановил кадр. Потом все увеличивал изображение, пока не разглядел то, что ему было нужно.

Через полчаса он вернул женщине фильм и пошел к кофейне «Эйвон» съесть булочку с бифштексом и выпить кока-колы. За стойку рядом с ним села красивая девушка, но Аллен не обратил на нее внимания. Он обдумывал свой план.

Уильямс, должно быть, уже предупредил остальных. А Карсон получил двойное предупреждение, если только ночевал у себя в номере. Зная Карсона, в этом можно было сомневаться.

Перевел с английского
Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

[1] Информационное агентство США.

В пустынной местности на севере штата Нью-Йорк испытывают очень сильную взрывчатку нового типа. После испытаний, заснятых на пленку, молодой редактор киногруппы Аллен Лоуэлл тайком от всех уезжает. В Нью-Йорке он проникает в номер отеля, где остановился режиссер Карсон, уничтожает его заграничный паспорт и оставляет на кровати монету с профилем Кеннеди.

В это же время заместитель помощника министра юстиции Джордж Уильямс получает анонимное письмо. В нем говорилось, что в ознаменование десятой годовщины со дня гибели Кеннеди будут убиты шесть человек, в том числе и сам Уильямс.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

Последний — на Арлингтонском кладбище

ДЖЕЙМС КАРСОН

Из досье ФБР:

«В-17743, проверенный осведомитель, сообщает, что в октябре 1964 года, читая лекции в Калифорнийском университете, Джеймс Карсон заявил студентам, что в американских фильмах коммунизм представляется «окарикатуренным» и что нужен «талантливый» фильм, отображающий положительные стороны коммунизма».

1

Черт побери, «Ле Клаб» превратился в сумасшедший дом! Давно уже Нью-Йорк не видывал такой вечеринки, как эта. Началась она как обычное юбилейное празднество фирмы манекенщиц «Стюарт модел эйдженси», но сотня молодых красивых девушек оказалась приманкой, и любители подобных зрелищ повалили валом. Сапоги до бедер, микроюбки, брючки в обтяжку, прозрачные блузки и плоть, плоть, плоть. Джим Карсон смеялся и думал, что Нью-Йорк невыносим. Просто невыносим. Три часа назад сложная юридическая дискуссия в роскошных апартаментах на верхнем этаже уолл-стритского «Чейз Манхеттен бэнк»,— а теперь хаос, рок, марихуана и рыженькая, ростом пять футов девять дюймов, отплясывающая прямо перед ним в микроюбке и без трусиков, вся открытая взгляду.

Когда музыка кончилась, рыженькая подошла к его столику, царственно игнорируя своего кавалера, облысевшего ветерана конкурентных войн за сбыт одежды.

— Мистер Карсон, помните меня?

— Помню. Ты снималась в «Необузданном» на студии «Юниверсл».

— Угу. А потом ни одной роли.

— Наведалась бы ко мне.

Взгляд сидящего Карсона упирался чуть ниже талии рыженькой, а когда он поднял взгляд, оказалось еще хуже. Ну и ну! Неожиданно для себя он рассмеялся.

— Попробуй пробейся к вам. Молодых актрис не пускают в кабинеты режиссеров, если они не шлюхи.

— В таком наряде пробилась бы.

Рыженькая рассмеялась вместе с ним.

— А где вы остановились, мистер Карсон?

Тут неотвязный кавалер положил руку ей на бедро.

— Ты что, Джейд, забыла обо мне?

— Остынь, Эйб,— сказала она, легким движением стряхнув его руку.

«Да ну и черт с ним»,— подумал Карсон. Он встал, пожал руку Эйбу Уэберу, а потом представил своего соседа по столику — президента одной крупной телекомпании.

— Подумать только,— сказала рыженькая.— Может, мне *следует* надеть трусики?

— Ради меня — нет,— галантно ответил тот.

— Я остановился в «Уолдорфе»,— сказал Карсон.— Номер восемнадцать—десять.

— Но послушай... — начал было Уэбер.

— Тихо, Эйб,— оборвала его рыженькая, и они удалились.

Потом ушел и президент телекомпании, и Джим оказался в обществе голливудского актера, похожего на Уоррена Битти, звали его Бак Хеминг. Бак заговорил с таким нарочитым техасским акцентом, что Джим чуть не полез на стену от хохота, и предложил: «Давай возьмем пару девочек и закатимся ко мне». Было уже довольно поздно, половина третьего, Карсон накурился марихуаны, и мысль насчет девочек пришлась весьма кстати.

— Каких?

— Какие приглянутся,— сказал Бак.— Сам знаешь, отказа мы здесь не встретим.

Это была правда. Как-никак Джим Карсон прекрасно снял два нашумевших фильма и продолжал расти как режиссер, а к Баку, по его выражению, девицы липли, «как мухи на дерьмо». Джим выкурил еще марихуаны, посмеялся, и они ушли с тремя девицами, двумя манекенщицами и стюардессой по имени Линни Липпикотт, не пожелавшей упускать Джима, но отправились они не к Баку, а в ресторан Р. Дж. Кларка, прокуренный и шумный, съели по бифштексу, и подвыпившая стюардесса сказала Джиму:

— Жаль, что мы не встретились два года назад.

— Почему?

— То был год петуха!

Восхитительная брюнетка со спадающей на глаза челкой и невинным личиком была явно чужой в этой компании, но не уходила, желая наутро похвастаться всему экипажу, что провела ночь с Джимом Карсоном.

И конечно же, конечно, ему было уже пора в постель поразвлечься с этой девицей, но сперва потребовалось заехать в бар ресторана «Гиппопотам» навестить Оливье Кокелена. Стюардесса с невинным личиком висла на Джиме, а обе манекенщицы на Баке, дымилась марихуана, на стенах, заглушая ее запах, курились благовония, потом этот идиот Бак бежал, что-то крича, посередине Парк-авеню, девицы гнались за ним, Джим ехал сзади в лимузине с шофером и видел, как они все втроем повалились на островке безопасности, а когда поднялись, две почему-то оказались совершенно голыми, потом все вскочили в лимузин, и Карсон спросил Бака:

— Как же ты проведешь их в дом?

— Ерунда,— ответил Бак.— Скажу привратнику, что это монахини из обители святой Марии, ставившие на команду Нью-Йоркского университета.— И всем это показалось смешно, дурманно-смешно, гашишно-смешно.

А позже, на квартире у Бака, стюардесса радостно залезла в постель к Джиму Карсону, и, засыпая, он смутно видел перед собой брюнетку с ангельским личиком, голова ее была откинута набок, губы приоткрыты.

Но, черт возьми, такое он видел множество раз.

2

На другой день Карсон прямо от Бака поехал на Уолл-стрит, и банковский служащий спросил:

— В фильме снимаются Кендайс Берген и Доналд Сазерленд?

— С ними заключен контракт.

Служащий снял очки без оправы.

— Мистера Сазерленда я что-то не помню.

— «Подвижной хирургический госпиталь».

— Телеспектакль?

— Лучший фильм семидесятого года. Сазерленд снимался в главной роли.

Этот человек оказался не так несведущ, как полагал Карсон.

— Снимался Элиот Гулд,— сказал он.

Карсон рассмеялся.

— Прямо в точку. Гулд летал на Луну и обратно. Но в главной роли был Сазерленд — он очень талантлив. Я снимал его в фильме «Военно-полевой суд».

Служащий вымученно улыбнулся.

— Извините, что я задаю эти вопросы, мистер Карсон. Говоря по правде, мне хочется убедить дочерей, что я знаю эту кухню изнутри. Разумеется, в этих вопросах мы полагаемся на ваше суждение.

— Прекрасно.

Продолжение. См. «Огонек» № 36.

— Распоряжаться деньгами будет студия «Двадцатый век Фокс»?

— Да.

И Карсон подумал, как просто было все пять лет назад. В те дни у тебя в руках были деньги, у тебя в руках был фильм. МГМ, «Юниверсл», «Коламбия» просто поручали тебе съемку и надеялись, что ты не выйдешь из сметы. Теперь же банки непременно суются во все.

— Можете неофициально передать мистеру Зифкинду, что мы одобряем этот фильм,— сказал служащий.

Но когда Карсон собрался уходить, этот человек сказал:

— Простите, мистер Карсон, я хотел спросить вас кое о чем.

— О чем же?

— Мы не встречались раньше где-нибудь? Только не в Голливуде, я там не бывал.

— Десять лет назад я работал в Вашингтоне.

— А-а,— сказал служащий.

— В ЮСИА.

— Угу.

— Вы бывали в то время в Вашингтоне?

Служащий опять вымученно улыбнулся.

— Покойный президент не был моим идеалом,— сказал он.— Но я присутствовал на инаугурации как представитель банка. Мело тогда ужасно.

— Я был на балу, но вряд ли мы встречались в толпе.

— А, теперь ясно! — радостно сказал служащий.— Бал. Вы танцевали с моей племянницей. Это... удивительно. Как же вы попали в Голливуд о т т у д а?

— Кое-кто застрелил кое-кого,— ответил Карсон.

Ему вдруг стало противно находиться в одной комнате с этим радостным маленьким служащим правых взглядов, но он не мог позволить себе нарушить сделку.

— Что ж, рад встретиться с вами снова, но боюсь, я вряд ли припомню вашу племянницу. В тот вечер я танцевал с пятьюдесятью девушками, большинство из них были мне незнакомы.

— А Стефани Сполдинг? — спросил служащий.

Черт возьми!

3

Карсон старался забыть о Стефани, с которой у него был недолгий роман. Она оказалась просто-напросто типичной выскочкой из Бэк Бэй [1]. К тому же эта история омрачала его воспоминания о тех временах в Вашингтоне, и он даже не хотел разбираться, почему именно.

Но сегодня, видимо, выдался скверный день. Карсон вернулся в «Уолдорф», и там на конторке его ждала телеграмма. Он вскрыл ее и прочел:

«Нужно поговорить, когда вам будет удобно. Буду звонить.

Джордж Уильямс,
помощник заместителя министра юстиции».

Министерство юстиции? Что это может значить?

Встревоженный, он поднялся к себе в номер. Прошлую ночь он здесь не спал, и в вазе увядали цветы от журналиста, не дающего ему покоя. Сдаваться этот тип не собирался.

Но Карсон не думал о журналисте. Из головы у него не выходило содержание телеграммы. Он швырнул пальто на кушетку, сорвал галстук, бросил его поверх пальто и вошел в спальню. И тут увидел нечто очень странное. На кровати лежал его паспорт, взятый для предстоящей поездки за границу. Изрезанный на кусочки! Кто-то располосовал его и разбросал по всей кровати. Черт возьми, что происходит?

И внезапно увидел полудолларовую монету с профилем Кеннеди.

СТЕФАНИ СПОЛДИНГ

Из досье ФБР:

«К-30087, проверенный осведомитель, сообщает, что Стефани Сполдинг Уинтроп 6 октября 1967 года была на митинге организации «Женщины против вьетнамской войны» в Паунд-Ридже, штат Нью-Йорк. Она пожертвовала этой организации 5000 долларов, чек № 32, выписан на Первый Национальный Банк Паунд-Риджа 7.X.1967 г.

На последующих митингах замечена не была».

1

Стефани Сполдинг Уинтроп высоко подбросила теннисный мяч и подала с такой силой, что выбила у Брета О'Брайена ракетку.

— Ты что, зла на кого-то? — крикнул он ей.

«Знал бы он»,— подумала Стефани, но промолчала, перешла на другую сторону и сильной подачей выиграла еще одно очко. На этот раз Брет усмехнулся.

— Буду теперь играть только с мужчинами.

Так и продолжалась игра: Стефани била по мячу изо всех сил, пытаясь разрядить напряжение, в котором находилась после телеграммы Джорджа Уильямса.

Час спустя на переднем крыльце особняка Стефани в Паунд-Ридже стоял седоволосый мужчина, глядя на приближающуюся брюнетку в белых теннисных шортах. Увидев его, она улыбнулась и сильно ударила ракеткой по опавшим листьям.

— Выигрыш с перевесом в одно очко,— сказала она.

— Я только что приехал и обнаружил, что тебя нет.

— А я разделывала нашего теннисиста-профессионала,— сказала Стефани.— Извини, что заставила ждать, Стен. Но сегодня у меня есть и другие проблемы.

Стефани поднялась наверх принять душ и переодеться, а Стенли тем временем получил из рук симпатичной горничной-ямайки стакан виски. Рассмотрел оригинал Миро и маленькую картину, подписанную Пикассо,— два голубых блика в зеленой комнате, длинную софу периода «депрессии», снова входящего в моду (Стефани всегда опережала моду на год), прозрачные кофейные столики из стекла, удобные с виду кресла и весьма характерную для Стефани вещь — радиоприемник выпуска 1930 года в глубине комнаты.

Стенли не смог удержаться. Он подошел к приемнику, включил его — и подскочил от неожиданности. Раздался голос Франклина Рузвельта: «Я вижу, что треть нации плохо питается, плохо одевается и живет в плохих условиях». Стенли улыбнулся. Ну и ведьма! Он поднял взгляд и увидел спустившуюся в комнату Стефани в простом платье с голубым узором и в ременных кожаных сандалиях. Она засмеялась.

— Пробуждаешь воспоминания?

— Должен признаться, я в таком возрасте, что помню эту речь.

Стефани села на угол софы, небрежно подобрав под себя ноги. Стенли неожиданно для себя снова залюбовался ее красотой, зелеными глазами, умным скуластым лицом, полными губами, густыми черными волосами, спадающими на плечи и грудь.

— Речь Рузвельта напомнила мне, что коекому наплевать, если ты плохо питаешься, плохо одеваешься и живешь в плохих условиях.

Стефани улыбнулась, и тут вошла горничная с холодным чаем.

— Семейка?

— Стряпчие твоего покойного мужа сообщили сегодня мне, что семья оспаривает завещание покойного.

Стефани молча отхлебнула чая. Стенли продолжал:

— Ко дню смерти мистера Уинтропа вы были официально разведены.

— Но завещания он не изменил.

— Не изменил,— сказал адвокат,— но тут есть одна юридическая зацепка.

— О господи, Стенли, давай к делу.

Трудно было найти человека, более уравновешенного, чем Стенли Харуэлл, но он внезапно ощутил все нарастающее беспокойство. Эта его восхитительная клиентка намеренно — Стефани все делала намеренно — села так, что он должен был либо смотреть на ее крутые бедра, либо отвернуться. Это было чертовски бестактно, тем более при ее воспитанности. Он разозлился на себя за такую реакцию и потихоньку расстегнул пуговицу жилета.

— Ты не против? — спросил он, заметив, что Стефани глядит на него.

— По мне хоть брюки сними,— ответила она.

— Но я... — Он не договорил, потому что Стефани рассмеялась.

— Какой ты душка. Извини меня за эту реплику. Ну, рассказывай, что за ужасы замышляет эта семейка.

Она чинно подобрала под себя ноги и подумала: «Черт бы побрал эти мини-юбки, когда я научусь в них сидеть. Старина Стенли не знает, куда девать глаза».

Адвокат с решительным видом потягивал виски. Нельзя больше приходить к Стефани домой. В конце концов он повернулся к ней и сказал:

— Они собираются утверждать, что ты довела мужа до самоубийства и что он был невменяем, когда составлял завещание. Будут и другие обвинения.

— В том числе и с моей стороны!

— Прошу прощения?

— Неизвестно, кто кого доводил. Я первая пыталась покончить с собой!

Харуэлл был ошеломлен.

— В материалах, которые ты мне дала, этого нет.

— Не хотелось доставлять удовольствие его родственничкам. Но доктор Нельсон может это подтвердить. В мае прошлого года я приняла двенадцать снотворных таблеток. Смертельная доза — десять.

Адвокат полез в дорогой кожаный портфель, вынул блокнот, шариковую ручку с золотым ободком и начал писать.

— Не знаю, что это нам даст...

— Доктор Нельсон живет здесь, в Паунд-Ридже. Позвонить ему?

— Пока не надо. Я не вижу здесь юридической подоплеки.

— Подоплека очень проста. Боб Уинтроп был мерзавцем!

— Стефани...

— Это знают все, в том числе братья и сестры. Они тоже ненавидели его.

Стенли зажег сигарету, затянулся, потом стал смотреть, как дым поднимается к потолку.

— Ну и что?

— Значит, не я доводила его до самоубийства, а он меня.

— Но он мертв, а ты жива.— Адвокат неожиданно подался вперед, положив локти на колени.— Стефани, им известно о сенаторе.

Вошла горничная и взяла поднос со стаканами. Стефани подождала, пока она выйдет, и сказала:

— Бедняга Бакко. Его тоже хотят втянуть в это дело? У нас было только одно свидание, да и то случайно.

— Он женат. И снова выставляет свою кандидатуру. Семья считает, что он окажет на тебя нажим.

— Из-за одного свидания? Когда ничего не было?

— Что ничего не было, доказать трудно, особенно когда человек женат и ведет борьбу с людьми, готовыми на все ради дискредитации противника.

Стефани ненадолго задумалась.

— А может, послать этих родственничков к черту? Пусть подавятся своими деньгами.

— Мистер Томас из банковского треста сказал мне, что у тебя окажется долгов на тридцать тысяч долларов без средств к выплате. Нужно сражаться, Стефани.

— Но я подведу Бакко.

— Сенатору Муру придется самому побеспокоиться о себе. Нельзя ведь жертвовать десятью миллионами ради сохранения его репутации. Откровенно говоря, завещание мне кажется неоспоримым. Уинтропы просто хотят помучить тебя, прежде чем ты станешь владелицей денег.

Стефани неожиданно улыбнулась.

— В таком случае черт с ним, с Бакко.

Харуэлл понял. Нужно быть начеку, а то в один прекрасный день — черт с ним, с Харуэллом. Любовник ты или адвокат — со Стефани надо держать ухо востро.

Полчаса спустя после ухода Стенли Стефани все еще расхаживала по гостиной. От злости она не могла найти себе места. Взяла странную телеграмму от Джорджа Уильямса и перечла в десятый раз. Так сухо! Ни малейшего намека, что они знакомы.

Посылая телеграмму, он должен был понимать, как подействует на нее его имя.

Стефани разорвала бланк пополам, скомка-

[1] Аристократический район Бостона.

ла и выбросила в окно, из которого открывался прекрасный вид.

РОБЕРТ УОРНКИ

Из досье ФБР:

«PSI R-10675, непроверенный осведомитель, сообщает, что во время студенческих волнений Роберт Уорнки 3 марта 1967 года присутствовал на митинге чернокожих студентов в университете штата Огайо и заявил, что поддерживает их требования. Публично Уорнки занял противоположную позицию».

1

Подача в глубь поля, мяч сверкнул на солнце, и этот цветной парень бросился к нему; рядом с парнем оказывается угловой защитник; оба подпрыгивают, вытянув руки вверх, и мяч у парня; защитник отходит, и парень несется вперед. Боб подал свисток, и парень, усмехаясь, сбавил скорость. Бросил мяч защитнику, тот приветственно вскинул руку.

Боб Уорнки усмехнулся. Из этого парня выйдет толк. Мальчишка, а рост уже шесть футов два дюйма, громадные ладони. Такие и нужны ресиверу.

Роберт вышел на тренировочное поле Ксавьера, небольшой средней школы на севере штата Нью-Йорк. Команда сгрудилась. Четвертьзащитник говорил: «Этот малый способен поймать ведро дерьма в ураган»,— и тут все заметили Уорнки. Боб дал им очередное задание и вышел за боковую линию.

Но вместо того, чтобы следить за ходом игры, он внезапно перенесся мыслями за сотни миль, в Вашингтон, откуда пришла телеграмма. Фамилия Уильямс ни о чем не говорила ему... Взволновало Уорнки воспоминание об этом городе.

Тринадцать лет назад он тоже получил телеграмму из Вашингтона, отправил ее президент США, человек, к которому Боб обращался «лейтенант» и видел, что ему это нравилось.

Боб служил с Джеком Кеннеди на островах Рассела в эскадре торпедных катеров, а потом не видел его много лет. Помощник боцмана из бедной бруклинской семьи не общается на гражданке с людьми вроде Кеннеди. Но все же от него пришла телеграмма, а Боб как раз отчаянно искал работу.

Он стал сотрудником президентской программы физического развития и даже ездил в Москву разрабатывать совместную программу. Он, Роберт Уорнки, парень с Канарси-стрит,— в Москву!

Но он прекрасно поработал над этой программой — это признали все,— и Джек стал давать ему другие мелкие поручения, иногда даже политического характера. Боб старался держаться в тени, подальше от господ Шлезингера, Сорнсона, Макнамары и прочих. Однако всякий раз, когда Джеку хотелось припомнить прежние дни на флоте, он приглашал Боба, и они весело сидели за кофе в Овальном кабинете.

Потом однажды все это оборвалось — так внезапно, что Боб в полной мере не осознал случившегося, ему и теперь до конца не верилось, что молодой президент с холодной усмешкой уже никогда не вызовет его из Вашингтона.

И потом все покатилось под гору. Благодаря связям в Вашингтоне Боб устроился вторым тренером в один из лучших колледжей, к большому неудовольствию главного тренера. А потом подлая шутка судьбы отдала Боба ему в руки. Один парень, разозлясь, что Боб перевел его в защиту, хотя и знал, что у него не было никаких нарушений, решил свести счеты.

Боба внезапно вызвал главный тренер. Оказалось, парень заявил, будто Боб приставал к нему в раздевалке. Он, Роберт Уорнки, добропорядочный американец! Обвинение было настолько подлым и низким, что Уорнки не верил своим ушам.

Но его отрицания ни к чему не привели. Тренер сказал Бобу, что «инцидент» не будет предан гласности, но ему придется к концу сезона подыскать другое место. Из-за этой клеветы Бобу не удалось больше устроиться в колледж. И теперь он работал в какой-то средней школе за гроши. Это после Овального кабинета в Белом доме.

Черт, он совсем забыл про игру. Он даже не видел ее. Слезы застилали ему глаза, и ребята смотрели на него с центра поля.

ТОМАС МЕДУИК

Из досье ФБР:

«T-46782, совершенно надежный осведомитель, сообщает, что Томас Медуик, конгрессмен от 14-го избирательного округа, штат Пенсильвания, получил наличными взнос на предвыборную кампанию от Энтони Капуто, вице-президента филадельфийского профсоюза электриков. Осведомитель наблюдал передачу денег из автомобиля, стоящего перед мотелем «Белк Травел Лодж» на шоссе № 40 возле Честера, штат Пенсильвания. Сумма неизвестна. В финансовом отчете Медуика взнос профсоюза электриков не указан».

1

Конгрессмен Томас Медуик открыл нижний ящик стола, достал оттуда бутылку виски, с подноса на соседнем столике взял стакан и налил. Ему нужно было успокоиться.

Этот толстомордый шпик Джека Андерсона опять следит за ним. Один из его юристов дважды приезжал к сенатору Мерроу, и он знал, зачем. Но дознался ли Андерсон? Мерроу сказал, что ничего не говорил ему.

Медуик был коренастым, широкоплечим, чуть близоруким, толстые линзы очков превращали его глаза в две голубые луны. Сейчас взгляд их был устремлен в потолок. Откинувшись назад вместе со стулом, он думал: господи, всему конец! Из-за одной ошибки загублена вся карьера. Если Андерсон глубоко копнул это дело с «Интернейшнл дайнемикс»...

Раздался стук в дверь, и вошла симпатичная седоволосая секретарша.

— Вот документы, которые вам требовались,— сказала она, кладя перед ним на стол высокую стопку папок. И пошутила: — Машина для их уничтожения вам не нужна?

Медуик кисло улыбнулся, и она, немного смутясь, вышла. Но через минуту вернулась.

— Совсем забыла. Вам телеграмма.

Медуик прочел телеграмму, и сердце у него заколотилось. Министерство юстиции!

Он сказал секретарше, что будет у сенатора Мерроу, и зашагал просторным, гулким коридором канцелярии Белого дома мимо бюстов государственных деятелей, обходя туристов, идущих «заглянуть» к своим представителям, на ходу улыбнулся конгрессмену Дейву Гарту из Нью-Йорка и спустился в маленькую станцию метро, где сел на поезд до Сената.

Сенатор Мерроу был республиканцем из Техаса, одним из наследников состояния фирмы «Киндер Ойл». Очевидно, самым богатым из сенаторов после Керра из Оклахомы. Он «пригрел» Медуика, едва его избрали в конгресс. И втянул в неприятную историю с «Интернейшнл дайнемикс».

Медуик вошел в небольшую приемную, где в это время блондинка с техасским акцентом болтала по телефону.

— Послушай,— говорила она,— я з н а ю, что он женат... — и, увидев Медуика, оборвала разговор.— Позвоню вечером,— сказала она, положила трубку и улыбнулась.— Привет, мистер Медуик. Сенатор ждет вас.

Сердце Медуика учащенно забилось. Ну и денек выдался! Почему сенатор ждет его? Неужели тоже получил телеграмму из министерства юстиции?

Медуик прошел за стеклянную перегородку, где сидели помощники и симпатичные секретарши — в этой конторе не было участниц движения за освобождение женщин,— и улыбнулся тем, кто узнал его. Дверь в кабинет Мерроу была приоткрыта, он распахнул ее до отказа и вошел в комнату с высоким потолком, украшенную портретом генерала Вашингтона и техасским флагом на стене позади стола. Спереди к столу привалился мускулистый Мерроу, он был без пиджака, доедал бутерброд с пастрами [1] и при этом диктовал секретарше.

— Назначь на одиннадцатое,— сказал он ей.— Хьюстон на одиннадцатое.— И помахал недоеденным бутербродом Медуику.— Евреи делают кое-что хорошее.

Медуик сел.

— Пастрами разве еврейская?

— Я получаю ее из кошерной лавки,— сказал Мерроу.— И, заказывая ее, всякий раз склоняюсь на сторону Израиля. Слава богу, ем я не все время. Я растерял бы своих избирателей.

— Еще что-нибудь? — спросила секретарша.

— Нужно придумать отговорку,— сказал сенатор.— Какую угодно, а то эта дура Ливермор будет ждать меня на ночь. Давай попробуем вот что. Вечером одиннадцатого я должен быть в Далласе на конференции по... по...— Он повернулся к Медуику.— Придумай, по чему.

— По охране окружающей среды?

— Прекрасно. На конференции по охране окружающей среды. «Я очень огорчен этим, потому что всегда высоко ценил гостеприимство дома Ливерморов и с нетерпением дожидался его. С наилучшими пожеланиями и т. д.».

Секретарша закрыла блокнот и вышла за перегородку.

— Отличные ножки у этой девочки,— сказал веселый сенатор.

Медуик поражался Мерроу. Этот человек вечно бурлил весельем. Все прочие богачи, каких знал Медуик, были хмурыми, постоянно озабоченными, подозрительными и ненадежными. Но Мерроу неизменно пребывал в прекрасном настроении, заражая им окружающих. Сенатор вернулся к своему вращающемуся креслу за столом, плюхнулся в него и положил ноги на какие-то документы.

— Эль прико [2] опять был здесь.

— Андерсон?

— Его шпик. Фентон. Само собой, я ничего ему не сказал.

— А почему ваша секретарша сказала, что вы меня ждете?

— Фентон недавно ушел — и, зная твое чутье, я догадался, что ты явишься. Явился ты быстрее, чем я ожидал.

Медуик протянул ему телеграмму Уильямса.

— Как, по-вашему, что это может значить?

Мерроу прочел ее и поднял взгляд.

— Ты предатель?

— Нет.

— Шпион?

— Давно уже нет.

— Длинноволосый псих-радикал из колледжа?

— Я уже не в том возрасте.

— Так вот, это отдел внутренней безопасности,— сказал сенатор.— Уильямс работает там, я его знаю.— Он сделал паузу.— Видимо, эта телеграмма по другому делу, «Дайнемикс» тут ни при чем.

— По какому же? — спросил Медуик.

— Черт возьми, откуда я могу знать. Позвони Уильямсу и спроси. Да не волнуйся ты, Медуик. Это вредно.

Медуик подошел к окну и сел на подоконник. По Пенсильвания-авеню мрачным потоком неслись машины, люди беспокоились о своих счетах, или ближайшем спортивном матче, или о высоких ценах. А он, Томас Медуик, сидел здесь, и ему грозила опасность оказаться в тюрьме вместе с полоумным сенатором-миллионером, видящим все в смешном свете.

— Андерсон так близко, что я слышу его дыхание. Эта история с «Дайнемикс» вас не беспокоит?

— Бумаги подписывал ты,— ответил сенатор.

И внезапно Медуик все понял, понял, почему сенатор проявлял к нему такую симпатию, понял, что его использовали — и что он накануне разоблачения. Сенатор не станет его защищать. Нет, сэр.

Он побледнел и, ни слова не сказав, вышел из кабинета, так погруженный в свои раздумья, что наткнулся на стол, испугав секретарш. Он вспомнил, как девять лет назад, когда работал у Фулбрайта, этот самый сенатор попросил его об одолжении, а он отказал.

То были времена Кеннеди, и четыре года спустя, когда Кеннеди уже не стало, сенатор Мерроу опять попросил его об одолжении. Медуик тогда был конгрессменом, он нуждался в предвыборном фонде и на этот раз согласился. Потом еще раз. Потом еще.

И до сих пор никаких проблем не возникало.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

---

[1] Копченая говядина.

[2] Испанизированное ругательство.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

В пустынной местности испытывают новую взрывчатку. После испытаний редактор киногруппы Аллен Лоуэлл тайком уезжает. В Нью-Йорке он проникает в номер отеля к режиссеру Карсону и уничтожает его паспорт.

Заместитель помощника министра юстиции Джордж Уильямс получает анонимное письмо, в котором угрожают смертью ему и еще пятерым. Среди них режиссер Карсон, ведущий разгульную жизнь; беспринципная красавица Стефани Сполдинг, затевающая тяжбу из-за наследства своего бывшего мужа-миллионера; Роберт Уорнки, сотрудник президентской программы физического развития в администрации Кеннеди, ныне за гроши работающий тренером в общеобразовательной школе; конгрессмен Томас Медуик, замешанный во взяточничестве. Всех их грозят убить в связи с десятой годовщиной со дня гибели Кеннеди.

ЭВЕРЕТТ МЕЛЛОН

Из досье ФБР:

«Н-19578, проверенный осведомитель, сообщает, что Эверетт Меллон пожертвовал 200 долларов организации движения за предоставление неграм избирательных прав. Чек № 14 выписан на банковский трест г. Стонингтона, штат Массачусетс, 3/IX—1966 г.».

1

— Оргия! Устроили оргию на моей яхте, черт побери!— Джим Хартфорд звонил из Нью-Йорка, его надтреснутый голос был негодующим.— Я могу привлечь вас к суду!

Эверетт Меллон старался не выказать беспокойства, хоть и понимал, что у Хартфорда для этого есть основания. История о том, что патруль береговой охраны вытащил из воды девицу, а потом обнаружил, что «Треска» полна голых парней и девиц и у них громадный запас гашиша, обошла все газеты. И Меллон ответил:

— Вы наняли меня сдавать напрокат свою яхту, и я сдавал. Она потребовалась журналу «Плейхауз» для совещания по сбыту. Они обманули м е н я, так что привлекайте и х.

— Но ответственность несете вы,— сказал Хартфорд.— Я свяжусь со своими адвокатами, потом позвоню вам еще.

И повесил трубку.

«Ну и ну,— подумал Меллон.— Вот тебе и прокат яхт. Два года обивал в Нассау пороги бесчестных белых бизнесменов и продажных черных политиканов, в конце концов сумел завести прибыльное маклерство, а тут на тебе. И поделом мне!»

Меллон понимал, что Хартфорд прав. Сдавая этот большой ял, он догадывался, что у Келлнера, сотрудника журнала, на уме не дело, а что-то другое: большинством «распространителей» оказались восемнадцати-девятнадцатилетние нимфы. Но он пошел на этот риск. Сделка была очень удачной — восемь тысяч долларов за неделю. Никто еще не выкладывал столько!

Надо ж было одной идиотке шлепнуться за борт! Из-за нее он попал на первые страницы газет и лишился своего дела. Ну и везет же тебе, Меллон!

Он вышел из дока и поглядел на «Треску», прекрасный ял с изящными очертаниями быстроходного судна ньюпортской постройки. Из-за таких вот яхт он и занялся маклерством. Вся его жизнь, не считая того краткого эпизода в Вашингтоне, была связана с яхтами.

Его подручный, негр Рафаэль, оттирал палубу.

— Плохо дело,— бормотал он,—плохо дело.

— Что плохо?

— Все прожжено сигаретами. Миста Хартфорд увидит и будет сердит.

— А что еще они натворили?

Негр улыбнулся, обнажив ослепительно белые и сверкающие золотые зубы.

— Поломали стулья, разбили стаканы, порвали матрацы... На славу повеселились, да!

— А мы с тобой из-за них потеряем работу,— раздраженно сказал Меллон. Он шагнул на сходни и осторожно перешел на палубу, потом нырнул в проход, ведущий к каютам. Бар с высокими, привинченными к полу табуретами и беспорядочно расставленными красными шезлонгами находился в кормовой части. Выглядел он не так уж скверно. Рафаэль, как всегда, поработал на совесть.

Ну и накурили же здесь они, господи! Запах гашиша еще держался три дня спустя. Вся обстановка пропиталась им. Меллон зашел за стойку и увидел картонные коробки с битой посудой, потом вышел в коридор и тут же наткнулся на сломанную мебель, собранную Рафаэлем. На окрашенной стене бросалась в глаза длинная, безобразная царапина. Чем тут занимались эти идиоты?

На сегодня хватит. Завтра он подсчитает убытки и отправит Келлнеру письмо. Келлнер побоится огласки и немедленно вышлет чек.

Но его делам в Нассау пришел конец. Если маклер хочет оставаться при деле, он не станет зарабатывать легкие деньги, рискуя чьей-то яхтой.

Меллон поднялся наверх, похлопал Рафаэля по спине и сошел на берег. К нему подбежала девочка-негритянка, дочка его секретарши.

— Телли-грамма,— сказала она.

Через две минуты он звонил Джорджу Уильямсу в Вашингтон. Этот человек из министерства юстиции сказал, что прилетит повидать его. А потом задал странный вопрос:

— Вы не получали анонимного письма?

— Все мои кредиторы подписываются,— ответил Меллон.

— Ваша фамилия есть в письме с угрозой убийства,— сказал Уильямс.

— Моя фамилия? Угроза убийства? С какой стати кому-то убивать меня! Господи, я всего-навсего яхт-маклер.

— Вы работали в администрации Кеннеди?

Меллон пришел в такое недоумение, что едва смог ответить.

— Вряд ли это можно назвать так. Я три месяца был служителем в сенате, это мое самое близкое отношение к Кеннеди.

2

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 23.X.73 г.:

«...Как эти шестеро будут удивлены, увидев м е н я! Я знаю их лучше, чем кто-либо.

В каком-то смысле я начинаю любить их... так охотник любит утку, севшую на воду возле его укрытия, видя, как от его выстрела разлетаются перья и брызжет кровь. Я люблю их так. Кровь за кровь, смерть за смерть, шестерых за Томми».

Глава II

СМЕРТЬ ТОМАСА МЕДУИКА

1

Вашингтонский поезд стоял у перрона, пар и сжатый воздух окутывали колеса. Аллен Лоуэлл поднялся с портфелем и чемоданом во второй вагон и сел недалеко от двери. Портфель он поставил на соседнее сиденье и все время держал на нем руку; но была пятница,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36, 37.

вторая половина дня, в вагоне почти не оставалось свободных мест, и рослый негр в дашики[1] захотел сесть рядом с ним.

Аллен поставил портфель на пол между ногами.

Поезд дернулся, тронулся и вскоре бойко застучал колесами. Аллен равнодушно смотрел на проплывающие за окном пейзажи Нью-Джерси, на простирающиеся до горизонта болота. Вдали из Ньюаркского аэропорта плавно поднимался самолет.

Все было спокойно, но Аллену не давал покоя сидящий рядом негр.

Аллен взял портфель и вышел в проход. Пошел в конец вагона мимо усталых, полусонных бизнесменов и студентов. Нажал кнопку на двери, дверь отворилась, и он вышел. Направился к небольшому бару, где стояло несколько мужчин со стаканами и сандвичами, вагон болтало, и люди в тесноте с трудом удерживали равновесие.

Нужно было оставаться здесь до конца пути или искать другое место. Но Аллен видел, что поезд переполнен.

Он заказал виски со льдом, хотя пить ему не хотелось, и отошел к окну, подальше от напористой толпы у стойки. Неторопливо потягивая виски, он размышлял. ФБР! Не иначе как этот негр оттуда. Собирается засадить в тюрьму каких-то ничего не подозревающих ребят, сыграть с ними веселую шутку.

ФБР в расшифровке некоторых его друзей— Феноменально Бестолковый Розыск. Но Аллен знал, что это не так. Действительно знал!

Через час Аллен вернулся в вагон и от двери увидел, что негр ушел. Подойдя к своему месту, он обнаружил записку:

«ДЕРЬМО ТЫ, БЕЛЫЙ».

Разумеется, эта записка не обманула его.

Руки с портфеля он не снимал.

2

Когда человек получает анонимную угрозу, каждое скопление людей становится опасным, каждое высокое здание увеличивает вероятность смерти. Но Джордж Уильямс ни о чем таком не думал; он был уверен, что человек, пославший это письмо, умен, ведет какую-то жестокую игру и не удовольствуется просто стрельбой. Причиной тому была связь с убийством Кеннеди. По каким-то соображениям, может, политическим, может, иным, убийца связывал их либо с окружением покойного президента, либо с его врагами, иначе в чем же здесь дело?

После получения письма Уильямс взял выходной, чтобы узнать адреса остальных и отправить им телеграммы. Но первый же телефонный звонок подтвердил его подозрения: он единственный из всех получил угрожающее письмо.

Почему? То ли автор письма сознавал, что высокопоставленный служащий министерства юстиции сможет немедленно разыскать остальных, то ли на Уильямса у него были особые планы.

Как бы то ни было, Уильямсу требовалось повидать Харли Коннорса. Из-за отправленных накануне телеграмм об угрозе станет известно. Уильямс предпочел бы заниматься этим делом без помощников — один волк-одиночка против другого: в безмолвной борьбе умов он мог рассчитывать на успех. Но он знал, что Коннорс не допустит этого. Коннорс был его начальником.

В пятницу утром Уильямс поставил свою машину в гараж скромного административного здания на Девятой-стрит, где размещался отдел внутренней безопасности вместе со множеством других правительственных отделов, не умещавшихся в своих штаб-квартирах. Отделы внутренней безопасности и гражданских прав были расквартированы здесь, далеко от здания министерства юстиции.

Уильямс заглянул к себе в кабинет, просмотрел почту, потом пошел по коридору к большому угловому кабинету своего начальника.

— Есть у него время? — спросил он секретаршу.

Та взглянула на свой календарь.

— В десять он должен быть у министра, но сейчас не занят. Я позвоню ему.

Две минуты спустя Уильямс беседовал с Харли Коннорсом.

— Взгляни,— сказал он, протягивая анонимное письмо.

Коннорс, грузный человек с нездоровым румянцем и быстрыми, умными глазами за стеклами очков в роговой оправе, профессионально прочел его.

— Какой-нибудь психопат?

— Это предстоит выяснить,— ответил Уильямс.

— Остальных пятерых ты знаешь?

Уильямс достал сигарету и закурил.

— Только женщину.

— Странно,— сказал Коннорс.— Какая связь между Кеннеди и этими людьми?

— Это первое, о чем я подумал.

Коннорс снова уставился в письмо, словно пытаясь найти ключ, который проглядел.

— Черт возьми, где же Сэлинджер, Соренсен, О'Брайен, О'Доннел? Если это игра на публику, то почему не избрать мишенью его ближайших помощников? Почему вас?

— Я не встречался с Кеннеди ни разу в жизни. Очевидно, и большинство остальных тоже.

— Странно,— снова сказал Коннорс и поджал губы.— Но не настолько, чтобы я не верил этому.

Он отложил письмо.

— Беда в том, что мы не можем из-за этого письма приставить к каждому трехсменную охрану. Таких писем мы получаем из Белого дома по сотне в день.

Уильямс откинулся на спинку кресла.

— Знаю. Поэтому сам и предупредил остальных.

Коннорс поглядел на него.

— От тебя можно было ожидать несколько большего.— Он улыбнулся.— Черт возьми. В этом маленьком перечне он сделал одну большую ошибку. Пятеро неизвестных — ладно. Но Джордж Уильямс? Неужели он ничего о тебе не знает?

Уильямс не ответил. Помолчав, он сказал:

— Возможно, в течение ближайшего месяца мне время от времени придется отпрашиваться с работы.

— Об этом не беспокойся,— ответил Коннорс.— Вот что, Джордж, я хочу сказать тебе кое-что начистоту. В Белом доме противились твоему переводу ко мне в отдел, но я сказал, что нуждаюсь в тебе и сумею ладить с тобой. Пусть мы и не особенно ладим, ты мне нужен, и я не хочу, чтобы тебя убил какой-то озверевший маньяк.

— О себе я могу позаботиться. Меня беспокоят остальные.

— Ты уже связался с ними?

— Отправил телеграммы.

— Дай мне немного подумать,— сказал Коннорс.— Поскольку ты есть в этом списке, можно будет подключить министерство. Угроза государственному служащему дает к тому основание. Если это письмо нельзя истолковать как угрозу, можно будет организовать все молчком.

Уильямс встал.

— Буду действовать сам. Не думаю, что есть смысл подключать министерство.

Удивленный Коннорс поднялся вместе с ним.

— Квазиофициально, Джордж. Это не бог весть что. Но нам потребуется помощь бюро, не так ли? Давай я свяжусь с Джимом по телефону, отправлю ему ходатайство о помощи, а попозже мы с тобой поговорим еще. Да, и вот что. Можешь ты оставить мне это письмо?

— Нет.

Они поглядели друг на друга, потом Коннорс кивнул, и Уильямс ушел. Коннорс еще долго смотрел на дверь после того, как она закрылась. Коннорс был жестким, кое-кто считал его беспощадным, а Уильямс вообще был загадкой.

Коннорс щелкнул выключателем, и через минуту из динамика магнитофона послышался их разговор. «Не думаю, что есть смысл подключать министерство»,— говорил Уильямс.

Почему? Опасался чего-нибудь?

3

Негр в дашики сошел в Вашингтоне с поезда и стоял в укромном месте, пока не увидел проходящего Аллена. Он знал этого стервеца. И не хотел иметь с ним ничего общего. Ничего.

Тогда они пробились в Лонсан под непрерывным огнем, вьетнамцы, как всегда, открыто преследовали их, а не прятались; негр зашел за хижину и обнаружил троих «зеленых беретов», охраняющих толпу пленных. «Береты», видимо, пробрались сюда раньше и теперь небрежно держали автоматы, хотя невдалеке бушевал бой.

Негр терпеть не мог «беретов». Они совсем озверели. Кастрировали взятых в плен, коллекционировали отрезанные уши и убивали не моргнув глазом. И этот «берет», стройный парень с покатыми плечами, которого негр только что узнал в поезде, вдруг открыл огонь по толпе безоружных пленных. Прямо у него на глазах! Вопли, залитые кровью лица, кто-то пытался бежать, а этот скот косил их. Зверски! Ни с того ни с сего!

У него не выходили из памяти эти серые глаза, и вот на тебе, этот самый тип в яркой спортивной куртке торопливо усаживается в такси.

«ДЕРЬМО ТЫ, БЕЛЫЙ»,— написал он на карточке и оставил ее на сиденье. Ни об одном другом белом он так не думал.

4

В сотнях миль к северу от Вашингтона готовилось первое поступление сведений на Аллена Лоуэлла в Национальный информационный центр ФБР. Все началось с допроса.

Джо Игнелли, начальник отдела охраны комбината «Ю. С. стил» в Ларго Фоллз, тянул жилы из Гарри Эндрюса.

— Гарри, соберись с мыслями!

Эндрюс утер лоб зеленым платком.

— Я заметил, что тот парень вел себя странно. Нужно было б приглядывать за ним.

— Когда, по-твоему, он взял их?

Эндрюс задумался.

— Это могло произойти в любое время, но, по-моему, когда подбросил чуть ли не на милю вверх один патрон и я смотрел, кто его поймает.

— Он вытащил из кузова два патрона, припрятал их, а потом, когда ты уже пил мартини, вернулся?

Эндрюс поднялся.

— Съезжу опять туда. Все-таки возможно, что их по ошибке куда-то засунули. Там никто не знал, что делать.

Игнелли позвал секретаршу:

— Эй, Мери!

Секретарша вошла. Игнелли объявил ей:

— Нам с тобой предстоит работа.

А Эндрюсу сказал:

— Гарри, прочеши каждый дюйм этой проклятой пустыни. Если нужно, проведи там неделю. Но каждый дюйм!

5

«23 октября 1973 года

От начальника отдела охраны «Ю. С. стил», Ларго Фоллз, начальнику отдела промышленных взрывчаток

Доклад о пропавшей взрывчатке

1. Инвентаризация показала, что два бруска «кемита» исчезли после киносъемок компании «Колмен продакшнз» 22 октября 1973 года. Гарри Эндрюс, служащий, назначенный на объект, не заметил вовремя исчезновения брусков. Оправдывается общей суматохой и незнанием съемочного процесса.

2. Пять брусков из привезенных двенадцати были взорваны во время съемок. Пять возвращено на склад.

3. Редактор фильма, находившийся при съемочной группе, внештатник, то есть человек, не состоящий в штате компании, исчез вечером после демонстрации «кемита». Есть основания полагать, что он нашел способ похитить бруски и припрятать их до отъезда.

4. Зовут этого человека Джефф Болтон. Указанный адрес: Мериленд, Балтимор, Марлтон-авеню. 1340.

---

[1] Мужская рубашка в африканском стиле.

5. Президент компании «Колмен продакшнз» Леонард Колмен нанял его специально для съемок этого фильма. Он обещал незамедлительно связаться с Болтоном.

6. Дальнейшие меры будут приняты, как только мистер Колмен поговорит с ним.

Джозеф Игнелли,
начальник отдела охраны».

Телефонный разговор Мартина Харвестера, служащего «Ю. С. стил», Ларго Фоллз, с агентом № 12 сиракузского отделения ФБР, записанный на пленку с ведома звонившего:

ХАРВЕСТЕР. Как положено, сообщаем о пропаже двух зарядов взрывчатки. Называется взрывчатка «кемит».

АГЕНТ. «Кемит»?

ХАРВЕСТЕР. Да.

АГЕНТ. На упаковке есть отличительные пометы?

ХАРВЕСТЕР. Да, минутку. У меня здесь есть один патрон. Написано красным «Рейнолдс кемикл», это все. Упаковка, кстати, белая.

АГЕНТ. При каких обстоятельствах они исчезли? Может, это просто ошибка при инвентаризации?

ХАРВЕСТЕР. Киногруппа использовала для съемок рекламного фильма настоящую взрывчатку. Редактор исчез в один день с зарядами. Это и вызывает у нас тревогу.

АГЕНТ. У вас есть его фамилия и адрес?

ХАРВЕСТЕР. Джеффри Болтон, Мериленд, Балтимор, Марлтон-авеню 1340.

«СТС[1] сиракузского отделения ФБР Национальному информационному центру ФБР, Вашингтон:

Джеффри Болтон адрес Мериленд Балтимор Марлтон-авеню 1340 подозревается в краже двух зарядов взрывчатки с комбината «Ю. С. стил» в Ларго Фоллз, штат Нью-Йорк. Произведите проверку».

«СТС НИЦ ФБР, Вашингтон сиракузскому отделению ФБР:

Возраст и внешние данные подозреваемого?»

«СТС сиракузского отделения ФБР НИЦ ФБР, Вашингтон:

Возраст двадцать с лишним, шесть футов, стройный, глаза серые, особых примет не замечено, коротко стрижен, описан как «чисто американский тип», то есть не хиппи».

«25 октября 1973 года

Джозефу Игнелли, начальнику отдела охраны «Ю. С. стил», Ларго Фоллз, штат Нью-Йорк

Уважаемый мистер Игнелли!

Я звонил Джеффри Болтону по номеру, которым мы пользовались прежде, сотрудничая с этим человеком. Телефон оказался отключенным. Визит по адресу привел в дом с меблированными комнатами, где он снимал квартиру на втором этаже, домовладелица миссис Маргарет Смит сообщила, что Болтон заплатил за квартиру авансом и съехал в прошлый четверг по неизвестному адресу.

Я не могу разобраться в происшедшем. Мы привлекали Болтона к съемке двух рекламных фильмов и нашли, что он прекрасный редактор. В доказательство можем продемонстрировать вам оба его фильма.

Тем не менее я узнал от режиссера, что на съемках он вел себя странно, и его исчезновение подчеркивает, что там произошло что-то необычное.

Могу лишь принести свои глубочайшие извинения и обещать вам всяческое сотрудничество в розыске этого человека. Я связался с профсоюзом киноредакторов в Нью-Йорке, но Болтон не является его членом, и профсоюз ничем не может помочь. Ирвинг Миллер, президент союза, утверждает, что никогда не слышал этой фамилии.

Пожалуйста, немедленно свяжитесь со мной и передайте инструкции.

С почтением
Леонард Колмен, президент
фирмы «Колмен продакшнз».

«СТС НИЦ ФБР, Вашингтон сиракузскому отделению ФБР:

Джеффри Болтону, проживающему в Род-Айленде, Мапл-стрит, 1308, 8 марта 1968 года было предъявлено обвинение в краже автомобиля № РВ 50083 с завода Олсли, повторяем, Олсли моторз, Мейн-стрит, 1600. Обвинение снято.

Никакого другого Болтона в досье НИЦ нет. Джеффри Болтон из Род-Айленда, Провиденс, Мапл-стрит, 1308,— негр.

Подозреваемый Джеффри Болтон, Мериленд, Балтимор, Марлтон-авеню, 1340, съехал, не оставив нового адреса. Компьютерные поиски проведены по опознавательным номерам социального страхования, налогового управления и министерства обороны».

«25.X.1973 года

Директору отдела промышленных взрывчаток от начальника отдела охраны «Ю. С. стил», Ларго Фоллз

Рапорт о пропавшей взрывчатке

1. Не волнуйтесь. Два пропавших заряда «кемита» найдены.

2. Гарри Эндрюс провел поиск на месте съемок и сообщил, что оба заряда оказались зарыты в песок футах в пятидесяти от того места, где находилась камера.

3. На съемках работал персонал, не знающий правил обращения со взрывчаткой, очевидно, кто-нибудь положил заряды там и забыл.

4. Жду инструкций насчет выговора или штрафа Гарри Эндрюсу. Эта оплошность достаточно серьезна даже для увольнения. Но обстоятельства киносъемки были внове для него, и, возможно, этим оправдывается его заявление о неразберихе.

Джозеф Игнелли,
начальник отдела охраны
«Ю. С. стил», Ларго Фоллз».

«СТС сиракузского отделения ФБР НИЦ ФБР, Вашингтон:

«Отмените розыск. Взрывчатка найдена».

6

Молодой человек в зеленой ветронепроницаемой куртке ждал в условленном месте перед банком Риггса на Дюпон-серкл. Увидев Аллена, он направился к перекрестку Девятнадцатой и Н-стрит, где свернул направо. Аллен следовал за ним в нескольких футах, пока они не подошли к синему «фольксвагену». Оба сели в машину.

Как только машина тронулась, бородатый молодой человек с рябоватым лицом достал из кармана конверт и протянул Аллену.

Аллен вскрыл его и стал читать:

«Вы обманываете нас. Почему?

Удалось ли достать белое вещество?

Все контакты через человека у банка Риггса в девять утра по вторникам и пятницам, как условлено. Вас он знает как Стена Хейкера, жителя Сент-Луиса, дезертира.

Пока вы в Вашингтоне, он и его группа будут снабжать вас оружием и оказывать содействие.

Зовите его Алекс».

Аллен устроился поудобнее в углу сиденья. Алекс спросил:

— Взрывчатку достали?

— Два заряда,— ответил Аллен.— Этого должно хватить.

— Динамит?

— Нечто новое под названием «кемит». Вот квитанция.— Он протянул багажную квитанцию.— Взрывчатка в портфеле. Храните ее в прохладном месте.

— Ясно,— сказал Алекс.— Вы делаете успехи, приятель.

Они подъехали к закусочной на Коннектикут-авеню и выпили по чашке кофе.

— Когда все будет готово, я дам знать,— сказал Аллен.— Тем временем мне потребуется от вас кое-что.

— Что именно?

— Девушка, согласная провести ночь в кутузке. И пистолет со слезоточивым газом. Ей придется применить его.

Бородатый парень взглянул на него с огоньками в глазах.

— Такая у меня есть. Она уцепится за возможность помочь.

Аллен условился о встрече с ней на К-стрит в пять часов, потом попросил отвезти его на Дамбартон-стрит в Джорджтаун[1]. Бородатый высадил Аллена, Аллен подождал, пока машина скроется, потом пошел на Р-стрит. Через несколько минут он постучал в дверь одной квартиры. Из-за двери послышался девичий голос:

— Кто там?

— Джефф,— ответил Аллен.

Дверь отворилась, раздался радостный крик, и девушка, брюнетка в джинсах и желтом лифчике, бросилась к Аллену и обняла его.

— Где ты пропадал? Господи!

Аллен высвободился.

— Только что приехал из Сан-Франциско по служебным делам.

— Не ври, что ты работаешь,— сказала она, ведя его в квартиру. Аллен увидел простую серую кушетку, несколько ярко-желтых кресел, стереопроигрыватель, альбом для пластинок, валяющиеся вокруг конверты и баньяновое дерево в кадке.

— Гостиная у меня для показухи,— сказала Пегги Бартон.— Пойдем туда, где я бываю сама собой.

И повела его в комнату, где не было ничего, кроме крошечной статуи Будды на шестидюймовой подставке у стены.

— Здесь я предаюсь размышлениям.

Но Аллена не интересовало, где предается размышлениям Пегги.

— Я привез кое-что от Томми,— сказал он.

Эта новость ошеломила ее.

— Правда?

Аллен открыл картонную коробочку, там лежал золотой браслет с медалью св. Христофора.

— Он купил его тебе. С тех пор я все искал тебя. Я не знал, что ты уезжала в Европу.

У Пегги навернулись слезы. Она вышла в гостиную и с коробочкой в руке села на кушетку.

— Господи, это невыносимо,— сказала она.

Аллен неподвижно стоял посреди комнаты.

— Сядь ты ради бога,— попросила она, чуть не плача.— Неужели не можешь проявить немного... сочувствия?

Аллен ничего не ответил, но сел. Пегги полезла в сумочку и вынула пергаминовый пакетик.

— Джефф, ты не любишь этого, я знаю, но сейчас мне необходимо. Я сама не своя.

Она набила гашишем маленькую белую трубку, зажгла ее и глубоко затянулась, потом легла вверх лицом и выпустила струйку голубого дыма. И тут же стала более сдержанной.

— Не понимаю, почему вы с Томми были так близки,— сказала она.— Ты не куришь, почти не пьешь, ты такой... правильный. И заставлял Томми поступать по-твоему.

— Пегги, мне пора.

Но Пегги уже была или во власти воспоминаний, или гашиша. Она с деланной улыбкой протянула трубку Аллену.

— Сделай мне одолжение, Джефф, ради Томми. Затянись. Докажи, что в тебе есть что-то человеческое.

Аллен выбил трубку из ее руки. Горящие крошки разлетелись по всему ковру, Пегги, стоя на коленях, пыталась смести их, а Аллен направился к двери.

— Я правильный, а Томми мертвый,— сказал он.

Пегги сверкнула на него глазами.

— Без тебя знаю, гад.

Час спустя Аллен, сняв пиджак, лежал на кровати в скромном отеле на углу Четырнадцатой и К-стрит и думал. Стефани Сполдинг в Паунд-Ридже, Карсон в Манхэттене, Меллон в Нассау, Уорнки в Итаке.

Для Аллена важно было начать в Вашингтоне, поэтому жребий выпал Медуику. Уильямса Аллен решил держать на горячих углях.

Конечно же, Уильямс знал кое-что о смерти. Еще бы. Но даже Джордж Уильямс будет поражен методом отправки Медуика на тот свет. Есть разные способы убивать. Рояльные струны и тапочки, классический способ особых подразделений? Слишком примитивно.

Медуик заслуживал чего-нибудь получше.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

---

[1] Служба телетайпной связи.

[1] Фешенебельный район Вашингтона.

После испытаний новой взрывчатки редактор киногруппы Аллен Лоуэлл неожиданно скрывается. Прилетев в Нью-Йорк, он забирается в номер отеля к режиссеру Карсону и уничтожает его паспорт.

Джордж Уильямс, заместитель помощника министра юстиции, получает письмо. В нем угрожают смертью самому Уильямсу, а также ведущему разгульную жизнь режиссеру Карсону, беспринципной светской красавице Стефани Сполдинг, работающему за гроши тренером в общеобразовательной школе Роберту Уоркки, замешанному во взяточничестве конгрессмену Томасу Медуику, жульничающему маклеру Эвересту Меллону. Этих таких разных людей грозят убить в ознаменование десятой годовщины со дня смерти Кеннеди.

В то же время выясняется, что в период испытаний кто-то похитил два патрона новой сильной взрывчатки.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

Последний — на Арлингтонском кладбище

нями грамот и памятных значков от организаций и школ, восхвалявших великого Директора.

Теперь почти все экспонаты исчезли, осталась только выставка Диллинджера, но и ей не суждено было пережить переезда в новое здание, возводящееся напротив. Сегодня ФБР представляет собой компьютеры, лаборатории, электронные приспособления.

Через приемную в кабинет прошел Фред Джарвис, один из старых служащих; войдя, он увидел, что и при новом директоре большой стол красного дерева по ту сторону толстого тридцатипятифутового ковра по-прежнему украшают звездно-полосатые флажки, воткнутые по углам, и маленькая копия печати ФБР в центре. Эта композиция повторялась на задней стене двумя большими флагами и большой копией печати между ними. «У тебя тоже замашки Муссолини»,— подумал Джарвис.

Директор смотрел, как приближается этот высокий седеющий человек в неизменном твидовом костюме, вечно сутулящийся и глядящий из-под кустистых бровей как бы с недоверием. Подойдя к столу, Джарвис опустился в кресло, словно устал от ходьбы.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—38.

7

При Дж. Эдгаре Гувере приемная его кабинета представляла собой ностальгический экскурс в увлекательное прошлое. В стеклянном ящике хранилась гипсовая копия посмертной маски Джона Диллинджера, соломенная шляпа, в которой он был убит, и даже сигара «корона-бельведер» из нагрудного кармана его рубашки; в одном углу стоял вращающийся стенд с газетными рисунками, живописующими подвиги агентов ФБР за многие годы; в другом висел список погибших при исполнении служебных обязанностей — с 1924 года их набралось более двадцати. Стены пестрели сот-

— Бьете в набат?

Директор улыбнулся. Придя в бюро, он обнаружил, что Джарвис занимает в списке личного состава одно из последних мест, и поднял его над быстро исчезавшей толпой охотников за гангстерами. Он полагался на здравый смысл Джарвиса, и ему нравилась его занятная ирония.

— У нас странное дело,—сказал директор.— Джорджу Уильямсу грозят убийством.

— Из Белого дома?

Директор засмеялся.

— Угроза анонимная. А взглянуть на обратный адрес, видимо, не догадались.

Оба улыбнулись, и директор продолжал:

— Какой-то псих сообщил письмом, что в ознаменование десятой годовщины со дня смерти Кеннеди будут убиты шесть человек.

— Забавно,— сказал Джарвис, но не улыбнулся.

— Коннорс воспринимает угрозу всерьез.

— Я тоже,— сказал Джарвис.

— Нужно будет пропустить через машину шесть фамилий, включая Уильямса. Кроме него, я знаю только конгрессмена Медуика.

Они поглядели друг на друга.

— А он, как известно, замешан еще в одном деле.

Джарвис промолчал.

— Нам нужно найти убийцу, скрывающегося где-то на целом континенте,— снова заговорил директор.— И мы беремся его искать, заведомо зная, что это безнадежно.

— Не совсем так,— быстро сказал Джарвис.— Вы забываете, что убийца прислал письмо. Это меняет картину.

Директор ФБР повернулся вместе с креслом и стал смотреть из окна на новое здание, строящееся на другой стороне улицы.

— Дело сводится вот к чему,— сказал Джарвис.— Если точно выяснить, п о ч е м у он отправил это письмо, почему предупредил их, хотя в этом не было необходимости, этого человека можно найти.

Но тут директор снова повернулся и навалился грудью на стол.

— Вот это и ставит нас в тупик. Вопрос: зачем он посылает Уильямсу письмо? Вопрос: почему он называет всех шестерых? Вопрос: почему он упоминает убийство Кеннеди? Черт возьми, это не может быть связано с Далласом. Та история закончена!

— Вопрос четвертый,— сказал Джарвис.— Почему э т и шестеро?

Директор резко хлопнул ладонью по столу.

— Какой-то маньяк собирается убить шесть человек в ознаменование убийства Кеннеди — и все, кроме одного, даже не знали президента. Невероятно! Бессмысленно!

Но Джарвис снова быстро сказал:

— Для него в этом есть смысл.

Директор кивнул. Потом сказал:

— Кажется, Коннорс занят другим делом. Он попросил меня устроить Уильямсу тщательную проверку.

Джарвис покачал головой.

— Письмо это написал сумасшедший, даже если он и не знает о своем безумии. Уильямс определенно в своем уме.

— Но все равно, это может быть уловкой. Возможно, здесь как-то замешан кто-нибудь из остальных пяти.

Джарвис пожал плечами.

— На мой взгляд, есть только одна линия поиска.— Он встал и потянулся.— Мать всегда заставляла меня извиняться, когда я потягивался.— Он помахал списком.— Где-то должна быть связь между этими шестерыми. Работа, женщина, клуб. Мало ли что. Введу их фамилии в компьютер и посмотрю, что он выдаст.

8

Наступила ночь. Прожектора ярко освещали белый камень Капитолия, двое агентов службы безопасности патрулировали лужайку, еще один стоял у двери.

Внезапно к широким ступеням Капитолия подъехала машина с подростками и, заскрипев тормозами, остановилась.

— Пошли,— сказал один агент, направляясь к машине.

Молодая блондинка в микроюбке вылезла из машины и побежала вверх по ступеням, автомобиль укатил. Она подбежала к агенту у двери и сказала:

— Я ищу своего отца.

— Перестаньте паясничать, мисс.

Девушка внезапно оторвала две пуговицы, и ее блузка на глазах изумленного агента распахнулась. Под блузкой не было ничего. Потом, прежде чем агент успел сказать хоть слово, девушка навела на него пистолет со слезоточивым газом.

— Ах, черт!— завопил он, согнувшись и протирая глаза. Девушка повернулась и побежала вниз.

— Он порвал на мне блузку,— крикнула она агентам, тяжело бегущим навстречу ей. И действительно, блузка была порвана: они с Алленом разорвали ее час назад в комнате девушки.— Он не пускал меня, а потом порвал блузку!

Агенты даже не слушали. Они схватили ненормальную девицу и поволокли вниз, к машине.

— Проведешь ночь в камере, дурочка,— сказал один.

Аллен Лоуэлл проскользнул мимо ослепленного агента в дверь.

В кабинете Медуика Аллен надел инфракрасные очки. С помощью инфракрасного фонарика он определил, что ящики картотеки заперты, но отмычки из набора быстро сделали свое дело. Роясь среди карточек, он наткнулся на помеченную «Техас». Этот ящик он вытащил. Потом поискал «Интернейшнл дайнемикс», но не нашел и удовольствовался двумя пухлыми папками с пометкой «личное».

Аллен положил налоговые и личные дела на стол, сел и стал печатать письмо.

Час спустя он снова был у себя в номере и делал запись в дневнике, потом вдруг замер. Письмо, отправленное Уильямсу!

Когда он переправлял через посредника Джеку Андерсону похищенные из ФБР бумаги, то забыл об одной мелочи.

Нет, выследить его не могли. Это невозможно. Но все же...

9

На другой день Джордж Уильямс взял письмо и отправился на другую сторону Пенсильвания-авеню, в здание ФБР. Билл Оренберг,

начальник отдела анонимных документов, сидел в длинном застекленном кабинете на пятом этаже.

— Насколько я понимаю,— сказал Билл,— мы действуем на квазиофициальном основании, что бы это, черт побери, ни значило.

Джордж улыбнулся. Воочию предстала одна из великих рекламных идей Дж. Эдгара Гувера: по коридору, глазея сквозь стекло, шла ведомая агентом группа туристов. Туристам не верилось, что перед ними рабочий кабинет. Но они видели мужчин и женщин, глядящих в микроскопы, вынимающих папки и следящих за счетчиками непонятных машин. Неподалеку от Уильямса женщина выложила на сильно освещенный стол старую коричневую шляпу, вывернула ее наизнанку и стала энергично чистить щеткой.

— Зачем это она делает?

— Собирает волосы для экспертизы,— объяснил агент туристам.— Бюро расклассифицировало волосы на триста типов, по одному волоску можно определить пол подозреваемого, возраст, расу, иногда даже национальность. И если на волосах есть какой-то жир, мы можем классифицировать и его...

Должны же туристы уйти, подумал Уильямс. И спросил Оренберга:

— Как тебе нравится работать в зоопарке?

— Мы привыкли к этому... постепенно.

— Проработай эту бумажку,— сказал Уильямс, протягивая ему письмо. Но Оренберг откинулся назад.

— Э, нет,— сказал он.— Прежде всего отпечатки пальцев. Ты уже искал их?

— Конечно. Ни единого. Этот парень — профессионал.

Оренберг сел на высокий табурет за лабораторный стол с микроскопом и другим оборудованием.

— Почему ты сказал «парень»?

— Так, по интуиции. Может, я ошибаюсь и это целая организация.

— Угу,— сказал Оренберг и посмотрел письмо на просвет.— Ну, здесь трудностей не будет.

— Почему?

— Он печатал на машинке. Более того, на о д н о й машинке. Твоему парню не бывать анонимным убийцей.

— Если это портативная «ройял», у нас два миллиона подозреваемых.

— Письмо отпечатано на одной машинке,— сказал Оренберг. Он надел стереоскопические очки и стал изучать его.

— Строчная «м»,— сказал он.— Взгляни-ка.

Сняв очки, он надел их на Уильямса. Уильямс увидел громадные увеличенные буквы, и «м» оказалась с засечкой слева, слегка размазывающей краску. Уильямс снял очки.

— Вижу.

— Дай-ка мне конверт,— сказал Оренберг.— Чтобы не совать его под валик, адрес почти всегда пишут печатными буквами. В таком случае авторы писем у нас в руках. Им не приходит в голову, что печатными буквами они заполняют девять бланков из десяти.

Уильямс улыбнулся; с Оренбергом они уже работали вместе. Подав конверт, он сказал:

— Тебе не повезло. Адрес тоже отпечатан.

Оренберг взял лупу и осмотрел клапан конверта.

— Первым делом мы ищем губную помаду. Но тут у нас мужчина или женщина, не пользующаяся косметикой.— Он засмеялся.— Ладно, давай я пропущу письмо с конвертом через свои чудовищные машины и начну сужать поле поисков.

Говоря, он пытался вытряхнуть что-нибудь из конверта.

— Никогда не знаешь, что там может случайно оказаться... ниточка, волос, иной раз даже обратный адрес.

Уильямс встал.

— Чудес я не жду, Билл. Мы уже говорили об этом раньше. Но вот одно мне нужно знать как можно скорее.

— Что же?

— Отпечатано ли письмо на казенной машинке?

В точку! Оренберг поднял взгляд на Джорджа, снова поражаясь ему. Он до сих пор помнил то убийство борца за гражданские права, когда Уильямс посоветовал ФБР соскрести грязь с внутренней поверхности крыла машины, брошенной в тысяче шестистах милях от места убийства. С помощью компьютера эксперты определили, что взятые образцы почвы характерны лишь для того района США, где было совершено преступление. Убийца был найден и сознался, после чего известность Уильямса возросла.

Теперь Оренберг понял, что Уильямс разыскивает гражданского государственного служащего, и его чудовищные машины наверняка могли помочь в этом. Если это государственный служащий, зарегистрированный во множестве мест, на его поиски уйдет всего несколько часов.

— Я смогу назвать тебе тип машинки,— сказал Оренберг,— фамилию изготовителя, год изготовления, и мы узнаем, казенная это машинка или нет. Потом я проведу анализ бумаги и конверта, они тоже могут оказаться казенного образца. И, кроме того, если удастся, тип и год выпуска ленты, может, тоже казенного образца. Еще я проверю, не использовал ли ранее твой приятель этот лист как подкладку и не оставил ли каких отпечатков. Этого достаточно?

— Я удовольствуюсь половиной,— с улыбкой сказал Уильямс.— Когда будут результаты, позвони мне.

— Вот что еще,— сказал Оренберг.— Если возникнут сложности с анализом бумаги, можно оторвать клочок для спектрографа?

— Один уголок,— сказал Уильямс и ушел.

Оренберг положил письмо на стекло и зажег под ним двухсотваттную лампу. Кабинет его был заставлен компьютерами, микроскопами, рентгеновскими установками, хроматографами, спектрографами, ультрафиолетовым оборудованием, всем этим он пользовался постоянно. Но больше всего полагался на собственное чутье. Зачастую первое исследование с простой лупой давало ему больше, чем вся сложная аппаратура. Вот и теперь он сразу же заметил кое-что любопытное. Последняя фамилия в списке была допечатана после остальных пяти. Качество печати было иным, и, что еще более важно, интервал был пошире. Измерительный микроскоп тут же подтвердил это. Очевидно, печатавший вынул письмо из машинки, потом вложил снова, чтобы допечатать последнюю фамилию. Действовал он почти безупречно. Почти.

Оренберг немедля стал продолжать. Он сунул клапан конверта под ультрафиолетовые лучи, край засветился голубовато-белым, и поверх голубовато-белого оказался желтый мазок. Ясно.

Оренберг сделал пометку. Автор письма открывал конверт над паром, и потребовался клей, чтобы снова заклеить его. Причина? Очевидно, автор забыл написать последнюю фамилию... или решил допечатать ее уже позже. Почему?

Оренбергу это ни о чем не говорило, но подобные ключи были нужны Уильямсу. Он взглянул на последнюю фамилию.

Роберт Уорнки.

Час спустя Оренберг сфотографировал и увеличил текст письма. Невооруженным глазом он видел, что это шрифт «цицеро», десять знаков на дюйм. И это была ручная машинка, не электрическая, с легко узнаваемым пропорциональным интервалом, каждой букве отводилось от двух до пяти единиц измерения, каждая единица 1/32 или 1/36 дюйма.

По неровной печати он также понял, что печатал не профессионал. Шрифт казался смутно знакомым, и Оренберг терялся в догадках. Он положил увеличенную фотографию на сканер компьютера, хранившего в своей памяти образцы шрифтов всех известных в стране машинок. Потом стал нажимать клавиши. Начал он с «а», «г», «т», «р» и «м», потому что их конфигурация сильно различалась в машинках разного типа.

Через несколько минут после сравнения полудюжины букв количество возможных машинок свелось к семи. Запоминающее устройство компьютера с щелканьем выбросило фотографии их шрифтов.

Оренберг снова взял лупу. Уильямс, как всегда, не ошибся в направлении поиска. Три из пяти возможных машинок были казенными. Оренберг положил анонимное письмо возле одной из фотографий и стал сличать шрифты. Один шанс на тысячу, думал он. Один на тысячу. Но все может быть.

10

Пенсильвания-авеню, прекрасный осенний день; в «ягуаре» смеется блондинка; ветерок гонит по тротуарам вдоль больших гранитных зданий опавшие золотистые листья; весь мир сверкает, ощущая живящую октябрьскую свежесть, прохладный воздух убыстряет движение крови, и ты внезапно ощущаешь себя живым, бодрым, энергичным.

Джордж Уильямс давно не ощущал всего этого так остро из-за анонимного письма, похожего на шутку, но не бывшего шуткой; казалось бы, бессмысленного, но имевшего смысл.

Кто-то должен был погибнуть, Уильямс понимал это. Предотвратить внезапное нападение невозможно. Бывали ранены или убиты даже президенты и кандидаты на этот пост, окруженные взводами агентов секретной службы. А тут шесть человек, ежедневно бывающих на улицах без всякой охраны.

Джордж Уильямс переходил Пенсильвания-авеню и не замечал наблюдавшего за ним стройного молодого человека.

Уильямс шел на встречу с директором ФБР, к которому хорошо относился. Директор сообщил, что его контактом будет Фред Джарвис.

В настоящее время, сказал директор, Джарвис просматривает досье на всех, указанных в списке, и на всякий случай компьютерные данные НИЦ. Уильямсу было сказано, что эти начальные поиски должны храниться в секрете. Главным образом потому, что директор утверждал, будто в ФБР нет никаких досье.

Но от Уильямса трудно было отделаться шутками.

— Мое досье можете держать в секрете, но я должен видеть остальные. Там должна быть какая-то связь.

— Ее-то мы и хотим найти,— сказал директор.— Дайте нам хотя бы день.

— А если сегодня ночью кто-нибудь погибнет?

— Думаете, опасность так близка?

Уильямс поглядел на него.

— Эта угроза не шантаж ради выкупа. Поэтому она втройне опасна. У этого человека лишь одна цель.

— Какая же?

— Он н а м е р е н всех убить!

11

Окинава, 13 августа 1945 года. Офицеры ТДК-848 [1] были злы. Весь день корабль был пришвартован к «Пенсильвании», линкору, накануне подбитому камикадзе, теперь его борт возвышался над водой лишь на фут. Но повреждение было исправлено, и ТДК было поручено снять с линкора боеприпасы во избежание опасности взрыва.

ТДК-848 был одним из крупнейших десантных кораблей времен второй мировой войны. Он прибыл на Окинаву как ТДК(с), это обозначение указывало, что корабль предназначен для эвакуации раненых. На борту находилась группа армейских и флотских врачей и десятки фельдшеров, их задачей было доставлять с берега наиболее тяжелораненых и оперировать их в кубриках на импровизированных столах.

Наряду с медперсоналом ТДК были приданы две баржи, пришвартованные с правого и левого бортов; ТДПС [2], стоящее на главной палубе; танковая палуба была заполнена амфибиями, именуемыми ДГА-3 [3], и на борту находились офицеры и солдаты первой дивизии морской пехоты.

1 апреля, когда началась высадка на Окинаву, ДГА выезжали из низкого люка на танковой палубе, сперва они полностью выгрузились, потом просто держались на плаву, вспенивая воду, а затем растянулись широким фронтом и устремились к берегу. Пришвартованные с обоих бортов баржи были освобождены и скрылись с громким плеском, а потом всплыли. На них сошла с ТДК команда саперов, и вскоре уже баржи доставляли грузы на бе-

[1] Транспортно-десантный корабль.
[2] Танко-десантное плавучее судно.
[3] Десантная гусеничная автомашина.

рег. Потом ТДК перегружал балласт в трюмах, пока крен на правый борт не достиг сорока пяти градусов. Тросы, удерживающие ТДПС, были срезаны, судно медленно сползло в море и стало одним из многочисленных десантных транспортов.

Примерно через полчаса на борт стали поступать первые раненые. В мае корабль был ими забит, по сотне и больше человек зараз бывало пристегнуто к столам на танковой палубе, а в кубриках молодые врачи уверенно, профессионально делали сложные операции.

Что помнилось лейтенанту Питу Шовайса? Он вспоминал лежавшего на столе крепкого мужчину с шрапнельными ранами от взрыва противопехотной мины и незрячими глазами. Шовайса случайно оказался рядом, когда этот человек говорил: «Доктор, я ничего не вижу. Я знаю, это слепота, но вернется ли ко мне зрение?» Проходивший мимо врач сказал: «Конечно. Это просто шок».

«Слава богу»,— сказал раненый. Но, взглянув на врача, Шовайса понял, что это ложь. И не мог больше смотреть на раненого, тот лежал с обнаженной белой грудью, невидящие глаза глядели с надеждой, сердце наверняка бешено колотилось от страха, он думал, что доктор лжет, знал, что лжет, и надеялся, что говорит правду. Он не мог ослепнуть!

Шовайса не забыл ни лица того человека, ни часто дышавшего парня с виду моложе всех остальных. Шовайса остановился у его стола, лишь у одного из десятков лежащих на танковой палубе, вывезенных с острова в никуда. И спросил шепотом другого врача:

— Как его дела, док?

— Его? — громко ответил врач.— Ему осталось всего несколько минут.

«Тише! Услышит!» — хотелось крикнуть Питу Шовайса. Но врач ушел, и Шовайса остался с обреченным вот-вот умереть у него на глазах. Он видел, что раненый дышит. Неужели это возможно? Легкие работали, раненый был жив и даже не ощущал боли. Его юношеский профиль был спокоен. Это мрачная шутка, подумал Шовайса, многие врачи шутят так с экипажем, чтобы не сойти с ума.

Потом парень умер. Внезапно. Просто перестал дышать. Ни хрипа. Ни конвульсий. Ни последнего стона. Он лежал еще теплый, так близко, что Шовайса мог бы коснуться его рукой.

Почему именно эта смерть из многих так потрясла его? Может, он начинал сходить с ума? Долгие месяцы на корабле с ранеными и умирающими привели его на грань безумия.

Потом это кончилось; корабль был официально превращен в транспорт боеприпасов и отправлен на Гуам за несколькими тоннами патронов. Японцы под Нахой упорно сопротивлялись. Врачи и фельдшера покинули корабль, танковая палуба была тщательно отмыта и выкрашена, и ТДК отплыл на Гуам с красным вымпелом, отпугивая все корабли, потому что любая случайность — упавший ящик боеприпасов, нечаянный огонек, ракета с другого корабля, удачливый камикадзе — могла превратить их в обломки.

Они выполнили это задание и 13 августа готовились отдохнуть. Над Хиросимой и Нагасаки взорвались атомные бомбы; японцы вели через швейцарское посольство переговоры о мире, война была окончена. Прошлой ночью, очевидно, уже последний японский фанатик спикировал навстречу огненной смерти на палубу «Пенсильвании».

Приказ отойти от линкора и пройти полмили до стоянки у входа в бухту Бакнера разозлил эфицеров ТДК. Как обычно, транспорт боеприпасов был прокаженным, содержащимся в изоляции от остального флота.

Целый час ушел на то, чтобы назначить специальный наряд, прогреть двигатели, отплыть к новой стоянке и наконец бросить якорь у буев при входе в бухту. Ненужная работа. Война была окончена. Дипломаты в это время уже составляли каблограмму о капитуляции.

Когда стало смеркаться, офицеры собрались на обед в кают-компании, и, едва сели, раздался сильный взрыв.

Служащим на транспорте боеприпасов звук взрыва раздирает сердце. Через несколько секунд они неслись по трапам к мостику; зазвучал сигнал общей тревоги. Шовайса поднялся на палубу и увидел десантный транспорт, очевидно, только что подошедший и вставший на якорь возле них с правого борта. Камикадзе спикировал на него, пробил мостик и офицерские каюты, бомбы его взорвались, и транспорт был охвачен пламенем.

Ну и ну! Потом лейтенант Пит Шовайса услышал еще один звук, от которого замерло сердце. Сверху слева раздавался завывающий гул другого камикадзе. Он шел над левым бортом ТДК, готовясь к развороту для пикирования. Чтобы покончить с горящим транспортом? Или поразить оставшийся ТДК? Если летчик-камикадзе разглядел красный вымпел, он, несомненно, спикирует на транспорт боеприпасов.

Шовайса услышал в наушниках команду артиллерийского офицера расчету носового сорокамиллиметрового орудия. Но было поздно! Времени прицелиться уже не оставалось. Камикадзе с ревом несся вниз, прямо на них, бесприцельная очередь трассирующих снарядов с корабля проходила в нескольких ярдах от самолета. Двести футов, самолет неуклонно приближался; одномоторный моноплан с ревом несся на транспорт боеприпасов. Сто футов, он приближался, и артиллеристы не могли в него попасть!

И тут летчик сделал нечто необъяснимое; он свернул, врезался в воду и нашел смерть между горящим транспортом и ТДК. Почему? Он не промахнулся. Что заставило его изменить намерение?

Потом Шовайсу отправили в шлюпке на горящий транспорт предложить помощь, если в ней была необходимость. Пожар успешно гасили. Лейтенант пошел к пострадавшим каютам в сопровождении офицера, который чуть не плакал:

— Убил одиннадцать офицеров! Одиннадцать! А ведь эта растреклятая война окончена!

Тело японского летчика было извлечено; его нашли в машинном отделении вместе с обтекателем самолета. Шовайса прошел по обгоревшим каютам и там, в маленьком отсеке, прочел — не смог удержаться — недописанное письмо. Летчик-самоубийца оборвал жизнь офицера, когда он писал жене.

В письме было поздравление с рождением сына, Аллена Лоуэлла, и просьба поскорее прислать его фотографию. «У меня большие планы для этого мальчика»,— писал офицер.

12

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 26/X—1973 г.

«Пять вечера. Нужно как-то провести семь часов. Последний час провел, перечитывая любимое стихотворение ДжФК:

Возможно, за руку возьмет она меня
И уведет в свой мир, где не бывает дня,
Глаза закроет и лишит дыханья...

Но в полночь Смертью мне назначено
свиданье
В одном из городов, охваченных огнем...
Я слову данному еще не изменял
И на свидание явлюсь, как обещал.

Я позвоню Медуику ровно в полночь. Через два часа он будет убит, притом таким способом, что Уильямс обалдеет.

Я осеняю себя крестным знамением. И клянусь перед богом, что замышленное мною — не зло.

Я клянусь перед богом, что замышленное мною — не зло.

КЛЯНУСЬ ПЕРЕД БОГОМ, ЧТО ЗАМЫШЛЕННОЕ МНОЮ — НЕ ЗЛО.

Но они должны поплатиться».

13

Томас Медуик глядел на высокого худощавого человека в строгом, хорошо сшитом костюме с жилетом. Это был Джордж Уильямс; одежда его словно бы гласила: «Министерство юстиции». Но голубые глаза — нет, они не были мутными от сотен судебных дел. Глубоко сидящие под густыми бровями, они скорее напоминали лазеры и насквозь пронизывали Медуика, сидящего в гостиной своего колониального особняка в городке Маклин, штат Виргиния, и пытавшегося скрыть страх. Пропавшие досье сводили его с ума!

— Я не вражеский агент, мистер Уильямс,— сказал он.

— Дело касается не внутренней безопасности,— ответил Уильямс.— Меня интересует, получали вы недавно какое-нибудь анонимное письмо?

Медуик задумался. «Интернейшнл дайнемикс»? Не иначе!

— Мне приходит много писем от избирателей. Среди них, должно быть, есть и анонимные.

— Это письмо вы запомнили бы. В нем угроза убийства.

Медуик впервые за весь день почувствовал облегчение. Черт побери, что все это значит? Он улыбнулся.

— Угрозы я тоже получаю ежедневно, мистер Уильямс.

— Боюсь, вы не представляете, насколько это серьезно. Ваша фамилия есть в анонимной угрозе смертью. Министерство юстиции убеждено, что угроза реальна.

— Вот как? — сказал Медуик.— А с чем она связана?

— В письме говорится, что с десятой годовщиной гибели Кеннеди.

— Но я даже не знал Кеннеди!

Не сводя голубых глаз с Медуика, Уильямс спросил:

— Знаете вы кого-нибудь из остальных: Джеймса Карсона, Стефани Сполдинг, Роберта Уорнки, Эверетта Мелона?

Вошла жена Медуика, хорошенькая блондинка в облегающих брюках и зеленом свитере.

— Привет, мальчики,— сказала она.

Медуик представил ее гостю.

— У вас такой хмурый вид, мистер Уильямс,— сказала она.— Не хотите ли выпить? Бар Медуика славится.

Уильямс улыбнулся.

— Шотландское с содовой разгонит мою хмурость.

Миссис Медуик повернулась к мужу.

— Где ты е г о прятал? Такой замечательный человек.

— Оставь, Мери,— сказал Медуик.— Это не потенциальный избиратель.

Она засмеялась, вышла и вскоре принесла выпивку. Поднос с бутылкой, ведерком льда и содовой она поставила на стол перед ними.

— Мы не можем взять в дом служанку,— сказала она,— потому что Томас не ворует. Я давно упрашиваю его делать, как все.

«Черт побери! — подумал Медуик.— Нашла время умничать». И поспешил увести ее из комнаты.

— Такие вот замечания,— сказал он, возвратясь,— и положат конец феминистскому движению. Обратно на кухню, на коленях, вот как я считаю.

— Что же с этими фамилиями? — спросил Уильямс.

— Я пытался вспомнить. Никого из этих людей я не знал, кроме Стефани Сполдинг. Но даже ее толком не помню.

Уильямс спокойно отхлебнул виски. Он знал наверняка одно. Медуик — мошенник. Но сейчас главным было не это.

— Все они,— сказал Уильямс,— и еще я упомянут в этом письме.

— Да бросьте вы.

— Вот ксерокопия письма.— Уильямс протянул ее Медуику, тот разглядывал копию несколько минут, потом вернул.

— Невероятно. Бессмысленно. Какое отношение имею я к Кеннеди?

— Вот и давайте поговорим об этом.

— Но что...

— Мистер Медуик, между нами шестерыми существует какая-то связь. Фамилии эти не случайны; проверка показала, что все шестеро из намеченных жертв работали в администрации Кеннеди, но лишь на самых низких должностях. Никто не был значительным ни в каком смысле. И все же.

— Чего вы от меня ждете?

— Расскажите своими словами, что вы делали при Кеннеди; кто ввел вас в правительство; почему вы занялись политической деятельностью; все, что сможете припомнить, что может иметь отношение к угрозе смертью более чем десять лет спустя. Помогите мне найти эту связь...

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

После съемок испытаний сильной взрывчатки редактор киногруппы Аллен Лоуэлл сразу же исчезает. Пробравшись в номер к режиссеру Карсону, он уничтожает его паспорт.

Тогда же Джордж Уильямс получает анонимное письмо, в котором ему, режиссеру Карсону, светской красавице Стефани Сполдинг, школьному тренеру Роберту Уоркки, конгрессмену Томасу Медуику, маклеру Эверетту Меллону угрожают убийством в связи с десятой годовщиной со дня смерти Кеннеди. Вскоре выясняется, что во время испытаний взрывчатки пропали два заряда.

Ночью Аллен Лоуэлл проникает в Капитолий и похищает из кабинета Медуика порочащие конгрессмена документы. Тем временем заместитель помощника министра юстиции Уильямс, имя которого упомянуто в анонимном письме, начинает вести расследование готовящегося преступления.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

14

— Ну так вот,— сказал Медуик,— я был одним из первых. Одним из вдохновенных.

— Что это означает?

— Какой-то репортер, кажется, Мерримен Смит, писал о съехавшихся в Вашингтон в шестьдесят первом... минутку, я попытаюсь вспомнить: «...вдохновенные, загадочные, с потрясающими идеями». Что-то в этом роде. Я жил в Джорджтауне с тремя другими выпускниками Гарварда, и мы называли себя «вдохновенными». Нам нравилось звучание этого слова.

— Кто перетащил вас в Вашингтон?

— Никто. Приехал сам. Сказать по правде, тогда я весь горел. Я был вдохновенным. Друг моего отца знал кое-кого в госдепар...

— Кто он?

Медуик встал, радуясь возможности разрядить напряжение.

— Вы не против, если я налью себе еще? А вам?

Он снова подлил в стаканы, стараясь не терять самообладания.

— Джордж Болл. До тех пор я ни разу не встречался с ним. Обыкновенный служащий. Я сказал ему, что хочу сдать экзамены для службы за границей. У меня было смутное желание работать в какой-нибудь африканской стране или в развивающемся государстве. Я хотел внести свой вклад, тогда эти слова были у всех на устах.— Медуик улыбнулся воспоминаниям.— Внести свой вклад. Каждый из нас стремился к этому.

— Ну и что?

— Ну, и я провалился на экзамене.

Наступило молчание. Медуик отхлебнул виски и продолжал:

— Я уже хотел уезжать из Вашингтона, когда один из моих соквартирников, Джо Форстер, был вызван для беседы в ЦРУ. Им был нужен человек, хорошо владеющий испанским. В Гарварде я специализировался по испанскому. Меня взяли на службу.

Заметив на лице Уильямса внезапное удивление, Медуик сказал:

— Я думал, вам это известно. Вы не просматривали досье?

— Пока нет,— сказал Уильямс, но этот вопрос вывел его из равновесия. Нужно будет н е м е д л е н н о просмотреть досье всех пятерых. Если они одновременно служили в ЦРУ, что не исключено, масштабы угрозы увеличивались во много раз. Палестинцы, кубинцы, израильтяне, южноамериканцы, бывшие агенты, недовольные военные...

— Долго вы там работали?

— Семь месяцев,— ответил Медуик.— Начал как аналитик седьмой ступени, потом прошел курс подготовки «привидений». Обычная история. Вдаваться в подробности, очевидно, незачем?

Но Уильямс ответил не сразу. Он снова подумал о том, что нельзя будет разыскать неизвестного убийцу, не зная его мотивов.

— Послушайте,— сказал он Медуику,— когда мы закончим, я попрошу вас записать фамилии и адреса всех, с кем вы имели дела или поддерживали знакомство в Вашингтоне, начиная с троих ваших соседей по квартире и включая каждого, с кем вы тесно общались по работе. А теперь расскажите мне о своей службе в ЦРУ.

— П о с л е ЦРУ я два года работал помощником сенатора Фулбрайта,— сказал Медуик.

— Сперва о ЦРУ.

— Но я пробыл там только семь месяцев и, за исключением одной недели, лишь перекладывал бумаги и переводил кое-что с испанского.

— В том числе и то, что касалось Кубы?

— Да.

— Расскажите о той неделе,— сказал Уильямс.

15

Написанное от руки письмо, доставленное курьером из Белого дома заместителю начальника южноамериканского отдела ЦРУ:

«БЕЛЫЙ ДОМ
Вашингтон
10 февраля 1961 г.

Дорогой Билл

Все системы действуют, однако ДжФК недоволен ситуацией. У него такое чувство, будто Айк подложил ему свинью. Военные ежедневно убеждают его, что это будет всего трехдневная операция и волноваться нечего, но здесь все уверены, что они, как всегда, выдают желаемое за действительное.

Президент попросил меня связаться с кем-нибудь из Департамента Грязных Дел в вашем управлении, и я сказал ему, что доверяю тебе. Речь идет о путешествии к нашим друзьям в Гватемалу. В самом ближайшем времени. Сможешь?

Джордж Лэтем,
специальный помощник».

13 февраля 1961 года Томас Медуик, вызванный в кабинет своего начальника Уильяма Керрвуда, обнаружил там худощавого, интеллигентного вида человека с редеющими волосами, в очках. Керрвуд представил его как Джорджа Лэтема, одного из помощников президента.

— Ваш инспектор утверждает, что вы говорите по-испански,— сказал Керрвуд.

— Испанский — моя специальность. Отец занимался импортом в Южную Америку, и предполагалось, что я возьму на себя ведение дел.

Керрвуд был отставным полковником до мозга костей. Он позволил себе задать еще один вопрос, хотя его нисколько не интересовали дела этого мальчика на побегушках.

— Почему же вместо этого вы работаете у нас?

— Отец принял несколько ошибочных решений, и его предприятие лопнуло.

— Об этом пока хватит. Вы решили работать здесь?

— Да, сэр.

— Но вы пока проходите обучение? Еще не получили должности?

Медуик пришел в замешательство, но постарался ответить по-военному четко. В ЦРУ все было по-военному.

— Я еще прохожу обучение, сэр. Но уже освоился с делом.

— Вижу, я выражаюсь не совсем ясно,— сказал Керрвуд.— Меня интересует, можно ли прихватить вас в небольшое путешествие. Нам нужен переводчик всего на одну неделю. Мы сейчас не можем взять кого-то из штатных переводчиков, они и так уже запаздывают на три недели, поэтому...

— Я буду очень рад поехать,— сказал Медуик. (Черт возьми! Неужели его собираются забросить куда-то за границу? Всего после трех недель обучения, да и то не по курсу особых агентов?) Керрвуд, очевидно, разглядел недоумение на его лице, потому что улыбнулся.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—39.

— Вы отправитесь с нами, мистер Медуик. Небольшая дипломатическая миссия, и только. В Гватемалу.

— А что там такое? — выпалил Медуик.

Керрвуд с Лэтемом переглянулись и рассмеялись.

— Видишь, Джордж,— сказал Керрвуд,— сказать, что мы плохо храним секреты, ты не сможешь.

Тут впервые заговорил Лэтем:

— Мы обучаем там кубинских беженцев. Для вторжения на Кубу. Только вторжения может не получиться.

Медуик промолчал, но выражение его лица сказало им все. Лэтем повернулся к Керрвуду.

— Я думаю, мистер Медуик будет превосходным переводчиком. Никаких пристрастий ни к той, ни к другой стороне из-за отсутствия информации. Пусть так все и остается.

Сержант ВВС потряс Медуика за плечо.

— Идем на посадку, сэр.

Медуик, помигивая, выпрямился. В военном самолете С-47 было темно, прохладно. Впереди на одном из кресел Лэтем, включив светильник, читал донесения.

Медуик все еще удивлялся, что он, Лэтем и Керрвуд были единственными пассажирами громадного самолета. Потянувшись, он снова ощутил восторг приключения, потом взглянул в маленький иллюминатор на темные тучи, яркую луну и мерцающие вдали огни, должно быть, Гватемала-сити.

Рев двигателей ударил ему в уши, самолет медленно развернулся, стал снижаться, и внезапно Медуик увидел красные и зеленые огни посадочной полосы. Но она находилась далеко от огней города; собственно говоря, они исчезли с горизонта, когда самолет снизился, колеса коснулись полосы, самолет встряхнуло, и послышался визг шин. Потом, когда двигатели перевели на реверс, чтобы снизить скорость пробега, раздался пронзительный свист. К Медуику кто-то подошел.

— Удалось вздремнуть?

Это был Керрвуд. В тусклом свете он выглядел осунувшимся. Медуик кивнул.

— Хорошо,— сказал Керрвуд.— Теперь, может, спать не придется трое суток.

Самолет остановился неизвестно где. Медуик не видел ни строений, ни контрольной башни; непонятно было, как только удалось посадить этот громадный самолет. Он отстегнул привязной ремень, взял чемодан с полки и направился к выходу. У двери его остановил второй пилот. Через несколько секунд командир экипажа обернулся и сказал:

— Все в порядке.

Должно быть, он услышал в наушниках сигнал, но Медуик начал понимать, что попал в мир, где все распланировано и о котором знать ему ничего не положено. Второй пилот распахнул дверь и сказал Керрвуду:

— Желаю удачи, сэр.

— Благодарю, капитан.

Три человека спустились один за другим по складному трапу — Медуик шел последним.

Взлетно-посадочная полоса находилась посреди леса, подступавшего вплотную со всех сторон. Справа виднелось небольшое здание, рассмотреть его в темноте Медуик не мог, вне всякого сомнения, это была контрольная башня. Керрвуд и Лэтем направились к ней, и вдруг Медуик услышал стрельбу. Он было испугался, но Керрвуд с Лэтемом шли, не обращая на нее внимания. Уже у самой башни Медуик разглядел вращающийся над крышей громадный радиолокатор. Керрвуд знаком велел им оставаться на месте и постучал в дверь. Дверь отворилась, внутри горел тусклый красный свет, и Керрвуд вошел.

Через пять минут он вышел. В лесу, менее чем в полумиле, опять послышались выстрелы. Керрвуд по-прежнему не обратил на них внимания, он лишь сказал:

— Неоперативность, как всегда. Они уже выехали. Подождем здесь.

С-47 уже несся по взлетной полосе и через минуту оторвался. Керрвуд закурил, Медуик последовал его примеру. Прислонясь к стене и глядя на желтую луну, он стал припоминать все подробности, чтобы когда-нибудь рассказать об этом приключении своим детям. Потом при свете луны он увидел человека в воздухе.

— Мистер Керрвуд, смотрите!

Парашютист, раскачиваясь, опускался на взлетную полосу, яростная стрельба раздалась еще ближе. Что тут происходит? Неожиданно появились другие парашютисты, они опускались группами, вот первый приземлился, покатился по взлетной полосе, быстро поднялся, отстегнул парашют, и Керрвуд сказал:

— Неплохо. Неплохо!

Внезапно показались огни фар, подъехала машина; Медуик смотрел, как парашютисты бегут к ним, они сели втроем на заднее сиденье машины, и никто по ним не стрелял.

— Беда в том,— сказал Керрвуд,— что это легко здесь; в Гватемале. На Кубе будут стрелять боевыми.

Сердце Медуика учащенно забилось. Ему все это казалось учениями, максимально приближенными к боевой обстановке. Он даже не был уверен, что это учения. И лишь после слов Керрвуда до него дошла суть происходящего. Война! Эти люди не играли. Они готовились к высадке на Кубу. Они готовились идти под огонь, может быть, на смерть!

— Угораздило вас явиться именно сегодня,— сказал им человек в спортивной рубашке и зеленых брюках. Они пили кофе в бункере, каждый сидел на отдельной низкой койке. Человек этот, Кевин О'Ши, казался Медуику совершенно невоенным. У него было небольшое брюшко, седеющие волосы и усталый взгляд бывшего газетчика.

— На счету каждый день,— сказал Керрвуд.— Президент еще не дал окончательного согласия.

Эти слова, казалось, разозлили О'Ши.

— К чему эта канитель? Черт возьми, у нас все готово!

— Не все согласны,— ответил Керрвуд и стал потягивать кофе, а О'Ши раздраженно заходил по комнате.

— Вот оно, значит, что,— сердито сказал он.— Очередное никчемное путешествие.

Керрвуд встал, и Медуик впервые заметил в нем властность.

— Ваше дело — исполнять приказы, О'Ши. Успокойтесь.

О'Ши сел и все так же сердито сказал:

— Вы хотите угробить этот план? Скажите прямо, и дело с концом.

— Мы заняты тем, о чем вам было сказано... собираем факты. Теперь, раз подготовка окончена, я хотел бы поговорить с кубинскими полковниками и Дейвом Гриффином. Где Гриффин?

— В Гватемала-сити, у эль президенте. Должен вернуться с минуты на минуту.

— Что он там делает?

О'Ши взглянул на Керрвуда с иронической усмешкой.

— Вы шутите? Повез очередной подарок.

— Хорошо,— сказал Керрвуд, лег на койку и заложил руки под голову.— Ну и дела! Когда все это кончится, Дрю Пирсон напишет четыре тысячи фельетонов и не исчерпает всего материала.

— И снова выведет вас из себя, — сказал О'Ши.— Ведь вы тоже принимали участие в разработке этого плана.

— Да, пока не выяснил, что кубинские беженцы врут, а мы им верим. «Народ только и дожидается этого вторжения. Люди взбунтуются против Кастро, стоит нам только высадиться где-нибудь на побережье!» Чушь собачья, братец, и вы это знаете. Мы послали туда людей и выяснили настоящее положение дел, его вы тоже знаете. Но вы, Гриффин и остальные, по-прежнему стегаете дохлую лошадь.

Наступило зловещее молчание. Медуик взглянул на О'Ши и увидел, что он уже не похож на усталого газетчика. Он походил на убийцу. Может, оттого, что молча сверкал маленькими глазами на Керрвуда.

Лэтем нарушил молчание.

— Дело в том, О'Ши, что, кто бы из нас ни был прав, президент находится в затруднении. Если он даст согласие и эти ребята будут перебиты, с ним тоже будет кончено. Если не даст и тысячи кубинских беженцев вернутся после обучения в Америку, где заявят, что добились бы успеха, он ничем не сможет их опровергнуть. А Кастро будет набирать силу. Так что выбор здесь труден.

— Какая там, к черту, трудность,— сказал О'Ши.— У нас есть обученные люди, они жаждут мести. У нас есть корабли. У нас есть чем оказать поддержку с воздуха. В самом худшем случае мы снимем их с побережья. Уверяю вас, президент не может проиграть. А если выиграет, то вся слава достанется ему, а не нам, беднягам, два месяца потевшим и оравшим в джунглях.

О'Ши вышел собрать людей на совещание. Примерно через час явились четверо кубинских офицеров и трое сотрудников ЦРУ. Все трое были по-военному подтянутыми, сильными. Старший из них, командующий операцией отставной генерал Фредерик Шарп, был крепко сложенным, лысым, в мундире цвета хаки и с биноклем на груди. Худощавый, жилистый Дэвид Гриффин пришел в мундире офицера морской пехоты без погон. Самый младший, голубоглазый, с массивной челюстью, по имени Карл Ричардсон, явно исполнял при них роль оруженосца.

Поговорив немного о том о сем, они расселись на койках, и Керрвуд принялся с помощью Медуика расспрашивать кубинцев. Каков дух беженцев? Хватает ли продовольствия, боеприпасов? Чего недостает? Какие есть жалобы? Что еще необходимо для успеха операции?

Ответы на испанском следовали залпами, Медуик переводил, а Керрвуд, не переставая говорить, делал пометки в блокноте. Медуику это казалось обычным военным инструктажем. Но потом Керрвуд задал вопрос, потрясший кубинцев:

— Что скажете вы и ваши люди, если президент по каким-то причинам будет вынужден отменить операцию?

Наступило молчание. Кубинский полковник, к которому был обращен вопрос, не скрывал злобы. Маленький, мускулистый, с блестящими черными глазами и неизменно свирепым взглядом, он отвечал резко, в голосе его слышались военная четкость и презрение. Несомненно, О'Ши предупредил их о подлинных намерениях Керрвуда.

— Мы все равно пойдем,— ответил кубинец.— А те, кто останется, расскажут об этом всему миру. Что ваш великий президент Кеннеди обещал изгнать Кастро из западного полушария и что он трус и лжец.

В комнате воцарились напряженность и злость. Но Керрвуд улыбался.

— Такого ответа я и ждал от вас, полковник. Вы смелый человек.

Эти слова ошеломили кубинца. Он впервые посмотрел на Керрвуда с уважением, но по-прежнему настороженно. Керрвуд повернулся к отставному генералу и сказал:

— Это пока все, что я хотел сказать кубинцам.

Кубинцы резко поднялись и вышли. Когда дверь за ними захлопнулась, Керрвуд, спокойно покуривая, откинулся к стене.

— Суть в том, что этот человек прав. В телевизионных дебатах с Никсоном Кеннеди заявил, что прогонит Кастро. Его слышала вся Америка.

— Да,— подтвердил Лэтем.— Но он готов сказать, что был не прав, и принять все последствия.

— Но это возможно теперь или никогда,— сказал отставной генерал.— Через полгода Кастро так окопается, что нам не удастся его прогнать.

Лэтем поднялся и возглавил совещание.

— Наконец мы подошли к подлинной цели нашего приезда, джентльмены. Судя по тому, как вы набрасывались на Керрвуда, вы все помешались. Неужели он стал бы тратить время, чтобы отговаривать вас от этой операции? Вас, олимпийцев?!

Так Медуик впервые услышал об олимпийцах.

Лэтем продолжал:

— Нам нужна от вас информация с места. Может ли удаться это вторжение без поддержки с воздуха?

Все подскочили с криками: «Немыслимо! Са-

моубийство! Предатели!» Керрвуд встал и поднял руку.

— Джентльмены,— сказал он.— Такого решения не может принять никто, даже президент. Если американские самолеты будут сбиты над Кубой, если станет известно, что в этой игре принимал участие американский персонал, пропадет вся ценность операции. Без нас — это кубинцы отвоевывают свою родную землю. С нами и нашими самолетами — это громадная мощь плохих янки обрушивается на крошечный островок. Так не пойдет.

Молчание.

— Поэтому мы прилетели сюда, чтобы узнать ваше мнение. Возможна ли эта операция без воздушной поддержки? Если нет, мы немедленно отменяем ее и берем все последствия на себя. Если она может как-то удаться, мы позволим вам действовать, но лишь при этом основном условии. Никакой открытой американской поддержки.

— Невероятно,— сказал генерал.

Гриффин повернулся к нему.

— Нам нужно совместно подумать об этом, генерал,— сказал он. И обратился к Керрвуду: — Сколько времени остается у нас на анализ?

— Мы должны знать ваше мнение завтра. Каждый день — это потеря, черт возьми,— ответил Керрвуд.

— Увидимся утром,—сказал генерал.— А теперь доброй ночи.

Трое служащих ЦРУ вышли. Керрвуд постоял, глядя на закрытую дверь, потом повернулся к Лэтему.

— Зря ты упомянул об олимпийцах.

— Я дал им понять, что мы в Белом доме их раскусили,— сказал Лэтем.

— И все же... нам был нужен от них честный ответ. Теперь мы его не получим.

— Почему?

— Раз они, как ты говоришь, олимпийцы, вторжение им будет только на руку. Даже если произойдет катастрофа. Они поднимут крик, что Кеннеди отменил поддержку с воздуха и погубил свободолюбивых изгнанников, завладеют ЦРУ, и мне придется уходить.

— Вот как?

— Да.

Лэтем лег на койку и уставился в потолок.

— Недолюбливаю я ЦРУ,— сказал он.— И президент тоже.

— Кто-то должен делать грязную работу,— ответил Керрвуд.

16

Рано утром беженцы снова отправились на учения, и Медуик от нечего делать гулял по лагерю. На вырубке среди джунглей стояли сборные домики из гофрированной жести типа времен второй мировой войны, на грунтовых дорогах — «джипы», в глубине виднелись серые бункеры, слышалось чириканье птиц в лесу и далеко в горах прерывистый треск выстрелов.

Воздух был теплым, прозрачным. Медуик пошел по дороге, оскальзываясь городскими туфлями на острых камнях, и вскоре оказался у ворот в изгороди из колючей проволоки; часовой-кубинец сидел в шезлонге, покуривая и держа автомат на коленях. Ничего не сказав ему, Медуик повернулся и пошел обратно. Керрвуд, Лэтем и сотрудники ЦРУ были на совещании у генерала — кубинцев туда даже не пригласили, поэтому задача Медуика в этой миссии была выполнена. Внезапно рядом с ним, подняв облако пыли, остановился «джип».

— Медуик!— окликнул сидящий за рулем. Это был Карл Ричардсон, младший из сотрудников ЦРУ, с которыми он встречался накануне вечером.

— Я просто прогуливаюсь,—сказал Медуик, словно бы оправдываясь.

— А прокатиться не хочешь? — спросил Ричардсон.— Мне нужно доставить кой-кому донесение.

— Блестящая мысль.

Медуик взобрался на небольшое сиденье рядом с Ричардсоном, Ричардсон передвинул рычаг переключения передач назад, потом вперед, они подъехали к воротам, и часовой пропустил их, махнув рукой.

По обе стороны широкой грунтовой дороги простирались гватемальские джунгли. Вверху раскачивались ветви больших дубов, внизу рос густой подлесок в рост человека.

— Как они воюют в такой чащобе? — спросил Медуик.— Как хоть они видят друг друга?

— На расчистку района, который нам нужен, ушел месяц,— сказал Ричардсон.— Но теперь он расчищен. И видимость, чтобы убивать, достаточная.

Медуик засмеялся, но тут же с удивлением заметил, что Ричардсон не шутит.

— Здесь никто не убивает друг друга, так ведь? — спросил Медуик.

— Было несколько... несчастных случаев,— ответил Ричардсон.— Кубинская родовая вражда, что-то в этом роде. Они дожидаются, пока попадут сюда, а потом пуля в спину, и вражде конец.

— Предупредите их всех, что я не кубинец,— сказал Медуик, чтобы рассмешить Ричардсона. Но ему это не удалось. Ричардсон был серьезным парнем.

Какое-то время они ехали молча, потом Ричардсон спросил:

— К чему Лэтем упомянул об олимпийцах?

— Мистер Ричардсон, хочу сказать вам кое-что сразу. Я работаю в управлении всего три недели. И ничего не знаю. Я даже не знал, что наши люди находятся в Гватемале. А олимпийцы для меня просто неизвестное кодовое слово.

— Ну так вот, ты едешь с одним из них,— сказал Ричардсон.

— И вы, разумеется, не скажете мне, кто такие олимпийцы.

Машину потряхивало. Ричардсон крепко сжимал баранку, суставы его пальцев побелели.

— Скоро узнают все,— сказал он, словно разговаривая сам с собой.— В управлении есть патриоты. Есть и болваны, оставшиеся с прежних времен.— Он повернулся к Медуику и, видимо, заметил на его лице удивление, потому что сказал: — Не удивляйся так. К нам, знаешь ли, тоже внедряются агенты.

— Вы хотите сказать, что в ЦРУ есть... коммунисты?

Медуику это казалось немыслимым.

— Конечно,— ответил Ричардсон. И выражение его лица словно бы говорило: «Что за болванов берут на службу в последнее время?»

— А на какой стороне Керрвуд? — спросил Медуик.

— Он против вторжения,— сказал Ричардсон.— Так что делай выводы сам.

Залив Свиней был моментом в истории,— подготовка же заняла целый год. В операции участвовал, можно сказать, цвет богатой кубинской молодежи; смелые и озлобленные молодые люди, внезапно лишенные беззаботной жизни и бежавшие в чужую страну, где у них не было ни денег, ни связей, ни влияния. Они были готовы умереть, лишь бы вернуться домой. И умерли.

Медуик видел их в тот день на вырубке, они отдыхали, небольшой группе американский инструктор объяснял устройство 105-мм орудия, остальные сидели на земле, положив локти на колени, курили, болтали и отпускали по-испански грубые шутки.

По разговору, слышанному накануне, Медуик понимал, что они обречены. Без поддержки с воздуха надеяться им было не на что. Их наивная, беспочвенная вера, что, едва они высадятся, кубинский народ восстанет, довершала эту обреченность.

Внезапно Медуик ощутил сильное желание объяснить им все: сказать, что они должны оставить это безрассудное решение, сохранить свою жизнь. Но тут раздался пронзительный свисток, кубинцы в зеленой рабочей форме подскочили и построились, момент был упущен.

Но это желание не покидало Медуика. На обратном пути он повернулся к Ричардсону и сказал:

— Керрвуд прав, а вы — нет.

Ричардсон стиснул челюсти и промолчал. Медуик не унимался:

— Если вы пошлете их без поддержки с воздуха, они будут уничтожены.

И тут Ричардсон показал свое подлинное нутро.

— Какая жалость!

— Вы не нравитесь мне,— сказал Медуик, и до конца пути оба молчали. Но когда Медуик сошел у казарм, Ричардсон сказал нечто странное:

— Берегись, а то попадешь в чей-нибудь список.

Через три дня Медуик снова был в Вашингтоне, через неделю вся эта поездка в Гватемалу представлялась сном, невозможным, воображаемым, странным эпизодом, не происходившим в действительности, а через три недели он читал о высадке кубинских беженцев на побережье, о том, что самолеты Кастро беспрепятственно пикировали на них, бомбили и обстреливали, видел фотографии трупов и молодых людей, осужденных на пожизненное тюремное заключение, и вспоминал веселых богатых юношей на вырубке в гватемальских джунглях в один из моментов «холодной войны», которая, в сущности, никогда не кончится.

17

— Сколько лет было Ричардсону? — спросил Уильямс.

— Наверно, под тридцать.

— И он сказал: «Берегись, ты можешь попасть в чей-нибудь список»?

— Да. Но это был просто оборот речи. Я совершенно уверен, что он не имел в виду такого списка, как этот, двенадцать лет спустя.

Уильямс вовсе не был уверен в этом, но спросил лишь:

— Вы не слышали, что сталось с ним?

Медуик затянулся сигаретой.

— Слышал. Я член комитета по военным делам, несколько лет назад его фамилия появилась в одном из документов, которые мы изучали. Он был майором у «зеленых беретов», по крайней мере носил эту личину.

— Что это за документ?

— О массовом убийстве. Чего еще можно ждать от Ричардсона?

Уильямс на минуту задумался.

— Вы не могли чем-то рассердить кого-то из так называемых олимпийцев?

— Я вам рассказал все.

Уильямс поднялся.

— Ричардсон не в том возрасте. Ему сейчас должно быть около сорока, а мне кажется, что автор письма помоложе. Но олимпийцы... Помните «Уотергейт»?

— При чем здесь он?

— Я там сталкивался с ними. Если свести людей правых взглядов из ЦРУ и кубинских беженцев, можно ждать чего угодно, включая эту угрозу.

Уильямс направился к двери, Медуик сопровождал его.

— Времени у нас мало,— сказал Уильямс.— Напишите мне все фамилии, какие сумеете вспомнить, и подробности вашей работы у Фулбрайта. Я тем временем наведу справки о Ричардсоне.

Уильямс ушел, и Медуик остался со своими воспоминаниями. В каком-то смысле Гватемала была высшей точкой его жизни, и он до сих пор гордился, что не спасовал перед этим маньяком Ричардсоном. Потом все изменилось. Все пошло под уклон. Его работа у Фулбрайта была рутинной; потом Кеннеди погиб, с помощью Фулбрайта Медуик пробился в конгресс и без его помощи открыл, что там можно иметь кой-какие незаконные доходы, начал загребать их, помногу, и худощавый парень-идеалист, приехавший в Вашингтон как один из «вдохновенных» и бросивший в джунглях Гватемалы вызов правому реакционеру из ЦРУ, погиб под жирком, под ленью, под алчностью.

Могло бы такое случиться, будь Кеннеди жив? Медуик не знал, потому что не хотел об этом задумываться.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Сотрудник киногруппы Лоуэлл скрывается после испытаний сильной взрывчатки. Вскоре обнаруживается пропажа двух ее зарядов. Лоуэлл тайком проникает в номер к режиссеру Карсону и уничтожает его паспорт. Затем он похищает из кабинета Медуика в Капитолии порочащие конгрессмена документы.

В анонимном письме кто-то угрожает смертью заместителю помощника министра юстиции Уильямсу, режиссеру Карсону, красавице Стефани Сполдинг, тренеру Уорнки, конгрессмену Медуику и маклеру Меллону, связав это с десятой годовщиной со дня гибели Кеннеди.

Уильямс вынужден заняться расследованием и буквально по крупицам собирает материал о потенциальном убийце и его жертвах. Выясняется, что во время подготовки к вторжению на Кубу Медуик был переводчиком и вылетал в Гватемалу с группой офицеров американских спецслужб.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

18

В полночь у Медуика зазвонил телефон. Он взял трубку, и чей-то негромкий голос спросил:

— Конгрессмен Медуик?

Медуик сразу понял, кто это.

— Да.

— Похищенные из вашего кабинета досье у меня.

— Вам это ничего не дает. Там нет секретных бумаг.

Это была ложь, однако Медуик надеялся, что она сработает. Но услышал в ответ:

— А контракт «Интернейшнл дайнемикс» под номером сто-четыреста семьдесят восемь?

Медуик промолчал. Он попался.

Голос произнес:

— Вы можете получить их обратно — за деньги.

— Назовите сумму.

— Пятьсот долларов.

Медуик с трудом сдержал радость. Секунду спустя он спросил:

— Где и когда?

— Немедленно. Я нахожусь у торгового центра на шоссе номер сто тридцать восемь.

— Я могу позвонить в полицию,— сказал Медуик,— и вас арестуют за то, что вы вломились в кабинет конгрессмена.

— Звоните,— ответил голос, и Медуик понял, что сглупил. Пустая угроза могла привести только к его разоблачению.

— Сейчас еду. Как мне узнать вашу машину?

— Остановитесь, и я подъеду к вам.

Щелчок, и трубка в руке дрожащего Медуика умолкла. Он встал, надел пальто и направился к двери. Мери вышла на лестничную площадку.

— Кто звонил, Том?

— Не могу сказать,— ответил Медуик.— Это — секретное дело.

— В полночь?

— Не волнуйся, я вернусь через полчаса.

— Том...

Но Медуик был уже за дверью. Он был так взволнован, что только на полпути к торговому центру вспомнил, что не взял денег. Вернуться? Он замедлил ход, потом решил, что лучше поскорее приехать на место и поговорить с тем человеком. Деньги можно было взять в любое время. Дома в личном сейфе у него лежало десять тысяч долларов наличными — подарки друзей-промышленников.

Аллен Лоуэлл ждал у темного торгового центра. Вскоре свет фар пронизал темноту, на стоянку въехал автомобиль и неуверенно остановился. Там было еще несколько легковых машин и грузовик. Аллен натянул кожаные перчатки, взял досье и полицейский пистолет тридцать восьмого калибра, вылез из машины и взглянул в испуганное лицо Томаса Медуика.

— Выключите свет,— сказал Аллен.

Медуик потянулся дрожащей рукой к щитку управления. Стало темно. Потом воззрился на Аллена.

— Я знаю вас?— спросил он.— Кажется, мы встречались?

— Этого не могло быть,— ответил Аллен. Он сунул в окошко два пухлых досье и пистолет. Пистолет шлепнулся Медуику на колени, потом упал на пол.

— А это зачем?— спросил Медуик тонким от страха голосом.

— Я уезжаю,— сказал Аллен.— На первой странице одного из досье есть записка. Когда я уеду, прочтите.

«Он сел в свою машину и отъехал. Синий «форд» номер А 17089»,— быстро заметил Медуик. Ему было страшно, как никогда в жизни. Этот человек не спросил никаких денег. Никаких пятисот долларов. И бросил на колени пистолет! Какого черта...

Он включил верхний свет и обнаружил конверт. В конверте лежало отпечатанное на машинке письмо:

«Последние три года я получал деньги от «Интернейшнл дайнемикс» за помощь в заключении некоторых контрактов. Теперь кто-то намерен предать все огласке.

Моя семья не должна стыдиться этого. Но, чтобы искупить свою вину, я решил покончить с собой.

Жену Мери и обоих сыновей, Тома-младшего и Билла, я прошу считать меня человеком, который в течение долгого времени вел достойный образ жизни, но потом совершил несколько ошибок и счел, что должен расплатиться за них. Моя любовь к вам — это последний дар».

ВНИЗУ СТОЯЛА ЕГО ПОДПИСЬ!

Медуик встревоженно огляделся. На стоянке все было тихо. Пистолет валялся на полу машины. Он поднял его и в раздумье подержал. Невероятно! Этот парень действительно думал, что он покончит с собой. Возьмет и застрелится. Он что, сумасшедший?

Или не такой уж сумасшедший? Медуик внезапно вспомнил, что говорил ему Уильямс об анонимной угрозе. Но он был так озабочен пропажей досье, что не понял что к чему. Конечно! Он есть в списке. А этот парень — убийца!

Медуик поглядел на письмо, потом на конверт и заметил, что внутри лежит еще что-то. Твердое, тяжелое. Он разорвал конверт, и на колени ему упала полудолларовая монета с профилем Кеннеди.

Нужно немедленно доехать до телефона и позвонить Уильямсу. Медуик в неистовстве объехал стоянку, ища телефон-автомат. Он боялся предпринимать что-то без Уильямса — тем более что обращаться в полицию было нельзя. Там могли начать расспросы. Что же делать?

Домой. Скорее домой. Телефонных кабин здесь нет. Может, попадутся по пути. Он завел мотор, торопливо выехал со стоянки, резко свернул на дорогу, идущую вдоль Потомака, и вдруг увидел телефонную кабину.

Минуту спустя он держал в руке безмолвную трубку. Провод был обрезан. О господи!

Вернуться в машину и мчаться. Забыть о телефонных кабинах. Добраться домой живым. Следить за неожиданными препятствиями на дороге, за машинами на обочине, быть готовым ко всему.

Когда на скорости семьдесят миль в час он делал резкий поворот над обрывом, в переднее левое колесо угодила бронебойная пуля. Машину занесло, раздался визг шин, и Медуик, несмотря на все усилия, воспарил над краем обрыва.

19

Полицейский рапорт о происшествиях

Наряд №	Дата	Время	Вид происшествия (Вкратце)
2	30/X-73	8.00	Предположительно самоубийство

Обстоятельства:

1. На шоссе 138, в одной миле к югу от Виргинского шоссе, был обнаружен мертвым белый, предположительно опознанный как Томас Медуик, проживающий по адресу: Виргиния, город Маклин, Харперз Роуд 1707, конгрессмен от штата Пенсильвания.

2. Врач коронерской службы Альфред Зессер предположительно установил время смерти — около полуночи 29/X-73 г.

3. Автомобиль, зеленый «крайслер-седан» № А 70555 съехал с дороги на большой скорости. Водитель, очевидно, погиб в катастрофе.

4. На переднем сиденье были обнаружены полицейский револьвер 38-го калибра, личное и налоговое досье, письмо, говорящее о намерении покончить с собой.

5. Револьвер сдан в отдел расследования убийств на дактилоскопическую экспертизу.

На место катастрофы прибыли сержант Эл Тенни и капитан Гордон Мастермен из отдела

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—40.

расследования убийств города Александрия, штат Виргиния. Тело извлекли, дактилоскописты сняли отпечатки пальцев, были сделаны фотографии упавшей машины, ее передние колеса находились в воде реки Потомак.

— Какое тут, к черту, самоубийство,— сказал Тенни.

— То же самое подумал и я,— сказал Мастермен.

Негромко переговариваясь, они осматривали машину.

— Самоубийцы обычно кончают с собой как можно быстрей и легче — снотворными таблетками или пулей в мозг,— сказал капитан.— Нет, Эл, здесь что-то не то.

— По-моему, это как-то подстроено. Это убийство.

— Тебе не приходило в голову, что, возможно, все так и есть, как выглядит? Что это — несчастный случай? Человек решает покончить с собой, ему, как почти всегда, недостает мужества, он, расстроенный, едет домой, мысли его сосредоточены на одном, и вдруг машину заносит. Тот же самый результат. Но не самоубийство.

— Занесло его вот почему,— сказал Тенни. Он сидел на корточках у переднего левого колеса. Покрышка была продырявлена.— Шина совсем спущена. В этом все дело. И бедняга погиб с признанием в бесчестии.

Заканчивая осмотр, полицейские обнаружили под искореженным передним сиденьем мелочь, кольцо с ключами и медаль с изображением св. Христофора.

— Не помогла медаль,— сказал Мастермен. Он положил ее вместе с мелочью, среди которой была и полудолларовая монета с профилем Кеннеди, в бумажный пакет и опечатал его.

Они стали подниматься по склону и едва вышли наверх, подъехал автомобиль с двумя агентами ФБР.

Тем же утром Аллен Лоуэлл отправился на машине в Нью-Йорк. Он подъехал к «Холлидей Инн» и снова снял там номер. Заполнив регистрационную карточку, он подошел к газетному киоску в другом конце вестибюля. На первых страницах газет о Медуике ничего не было. Почему?

Отнеся сумку в номер, он спустился, купил газету «Пост» и просмотрел от первой до последней страницы. О Медуике не было ни слова. Полиция, видимо, умолчала об этой истории.

Аллен чуть заметно улыбнулся. Причина была ясна. Они не знали, что же, ч е р т в о з ь м и, произошло. Несчастный случай? Самоубийство? Убийство?

Любопытно, что сказал бы майор Карл Ричардсон, если бы видел, как он всадил пулю в скат с тридцати ярдов. Результат оказался даже более эффектным, чем Аллен предполагал. Если бы машина просто остановилась, Аллен был готов прикончить Медуика из винтовки. Но его замысел удался, так и должно было быть с мерзавцем вроде Медуика. Жирующий мошенник не стоил лишнего выстрела.

Аллен поехал на метро в центр, где электронное оборудование продавалось со скидкой, и купил большой магнитофон, какими пользовалось ФБР, электронный акустический фильтр, несколько сетеотводных тросов. Потом заглянул в музыкальный магазин и приобрел камертон.

Карсон окажется крепким орешком; после известия о смерти Медуика его будут тщательно охранять. Но у Аллена хранилась ампула с газом. Последний подарок Карла Ричардсона.

Глава III

СМЕРТЬ ДЖЕЙМСА КАРСОНА

1

Наутро после смерти Медуика Джордж Уильямс отправился прямо в Пентагон. О происшествии на шоссе 138 он еще не знал.

Зайдя в комнату 301, отдел личного состава армии США, он сказал секретарше, что ему нужен полковник Ларма. Девушка произнесла несколько слов в селектор, появился лейтенант и проводил Уильямса к полковнику, общительному человеку с брюшком и седыми усами.

— Что привело министерство юстиции в нашу скучную обстановку? — спросил полковник.

Уильямс улыбнулся, сел на деревянный стул с жесткой спинкой и поставил портфель на пол.

— Нужны сведения о майоре Карле Ричардсоне.

Полковник не изменил выражения лица, но пристально посмотрел на Уильямса.

— Карл Ричардсон не такое уж редкое имя. Какой вам нужен, если их несколько?

— Я думаю, вы понимаете, какой мне нужен,— сказал Уильямс.— «Зеленый берет». Участник одного из массовых убийств во Вьетнаме.

Полковник вздохнул.

— Очевидно, это подполковник Карл Ричардсон. Я знаю его. Вы хотите ознакомиться с его личным делом?

— Да.

— Для чего?

— Нужно поговорить с ним. Не о массовом убийстве. По другому вопросу.

Седоусый полковник откинулся на спинку стула.

— Это может оказаться затруднительным даже для служащего министерства юстиции,— сказал он.— Подполковник Карл Ричардсон разбился вместе с вертолетом во Вьетнаме в шестьдесят восьмом году.

— Подтверждено?

— Подтверждено.

— И все же я хочу просмотреть его личное дело,— сказал Уильямс.

Тут полковник уставился на него.

— Но ведь он погиб! Дело сдано в архив. На поиски уйдет целый день и ради чего?

На столе зазвонил телефон, полковник послушал и передал трубку Уильямсу, сказав с неожиданным почтением:

— Это вас. Директор ФБР.

Уильямс взял трубку и услышал слова директора:

— Томас Медуик погиб ночью в автокатастрофе.

2

— После ночной истории директор разрешил показывать тебе досье на каждого,— сказал Джарвис. Когда Фред позвонил, Уильямс отправился прямо в ФБР.

— Досье Медуика смотреть уже поздно,— ответил Уильямс.

— Мне очень жаль, Джордж. Отнеслись мы к этому серьезно, но не в полной мере.

— Что произошло ночью?

Джарвис рассказал подробности, насколько они были ему известны. Уильямс слушал с каменным видом. Когда Фред закончил, он задал ему несколько вопросов.

— Из пистолета стреляли?

— Нет.

— Где он зарегистрирован?

— Серийный номер спилен. Вдова говорит, что у Медуика не было никакого оружия.

— Это не значит, что действительно не было,— сказал Уильямс.

Они посидели в раздумье, потом Уильямс заговорил снова:

— Тут, несомненно, убийство, смущает меня только одно. История с подкупом, насколько я понимаю, подлинная.

— Да,— подтвердил Джарвис.

Уильямс встал и ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Фред, ты когда-нибудь слышал об олимпийцах?

Джарвис отвел глаза и промолчал.

— У Медуика была ссора с одним из них в шестьдесят первом...

— В шестьдесят первом?

Уильямс походил по комнате и вернулся на место.

— Об этом и речь, Фред. Шестьдесят первый год. Письмо имеет отношение к Кеннеди.

— Но ведь это... невероятно. Мифология. Никто не тянет с местью двенадцать лет.

Уильямс сел.

— Это еще невероятнее, чем кажется. Во-первых, ссора была пустяковой, просто перебросились несколькими фразами. Во-вторых, человек, с которым Медуик ссорился, погиб в шестьдесят восьмом году во Вьетнаме.

— Тогда о чем же ты говоришь?

— Не знаю,— ответил Уильямс.— Просто распутываю любую нить, какую удастся найти.— Он взял досье со стола.— Здесь все?

— Все, включая Стефани Сполдинг и югослава ростом шесть футов два дюйма по фамилии Дрднов, они сфотографированы, когда выходили из югославского посольства на Массачусетс-авеню в два часа ночи. Она держит туфли в руке. Хочешь поехать посмотреть на машину Медуика?

— Зачем? Как бы там ни было, он мертв.

— Но не убит! — повысил голос Джарвис.— Мы проверяли, уверяю тебя!

— В какую сторону он ехал?

— На восток.

— У него пробита передняя левая шина,— сказал Уильямс.

Джарвис набросился на него как тигр.

— Я ничего не говорил о шине. Откуда ты знаешь, что продырявлена передняя левая?

— Догадался,— ответил Уильямс.

Джарвис глядел в спину выходившему Уильямсу. Пробитая шина? И тут, как предвидел Уильямс, до него дошло. Он позвонил директору.

— Это убийство. Кто-то прострелил Медуику левую переднюю шину.

— Откуда ты знаешь?

— Догадался,— сказал Джарвис.

3

Билл Оренберг глядел на Уильямса из-за лабораторного стола.

— Все в порядке,— сказал он.— Машинка «Ундервуд Стандард» шестьдесят первого года выпуска.— Он опустил взгляд на бумагу.— Их раскупили в том же году следующие ведомства. Тебе повезло...— Он умолк.

— Почему?

— Министерство обороны их не покупало. Так что сфера поисков сужается почти наполовину.— Он стал читать: — Министерство здравоохранения, просвещения и социального обеспечения, ЮСИА, министерство торговли и еще одно ведомство.

— ФБР,— сказал Уильямс.

— Ты меня поражаешь.

Не обращая внимания на его разочарованность, Уильямс спросил:

— Наверно, машинок выпуска шестьдесят первого года осталось не так уж много. Ты проверял?

— Отправил запросы во все отделения, но пока ни одно не ответило. Это нудная работа, я понимаю. Но мы выясним, сохранилась ли эта машинка.

— Похоже, надежды у тебя мало,— сказал Уильямс.

— Это же погоня за химерой. Хорошо, если этот человек государственный служащий. А если нет?

Но Уильямс сказал лишь:

— Проверь, не пропадала ли откуда за последние десять лет машинка этого года выпуска. Сделать такое несложно.

— Тебе все несложно,— возразил Оренберг.

Уильямс улыбнулся.

— Во всяком случае, у нас есть один шанс. Он отпечатал еще одно письмо, записку для Медуика о его самоубийстве.

Но ксерокопия этой записки уже лежала на столе у Оренберга.

— Получил ее сегодня утром,— сказал он.— И никакого проку. Это другая машинка. Мы даже знаем, чья. Медуика.

— Он печатал записку в кабинете Медуика?

— Судя по шрифту, да. Ай-Би-Эм семьдесят первого года выпуска. Сравни.— Он показал перепечатанную копию записки.— Отпечатана на машинке Медуика. Все идентично.

— Тогда забудь об этом,— сказал Уильямс. Он впервые прочел поддельную записку о самоубийстве полностью.— Почему, несмотря на предупреждение, Медуик выехал из дома? Должно быть, тот человек знал что-то очень важное из контракта Медуика. Как он мог это узнать?

— Если он работал в ФБР, то без труда,— сказал Оренберг.

Уильямс разволновался. Он перегнулся через стол и до боли стиснул плечо Оренберга.

— Или имел доступ к досье ФБР! Медиа, Билл. Те ребята, что похитили досье из отделения в Медиа! Они прихватили и машинку. Как быстро можно узнать перечень этих досье?

И сердце Оренберга заколотилось. Волне-

ние Уильямса передалось ему. Медиа! Не зря шрифт показался ему знакомым!

4

ВЗЛОМАНО ОТДЕЛЕНИЕ ФБР В МЕДИА, ШТАТ ПЕНСИЛЬВАНИЯ ПОХИЩЕНЫ ДОСЬЕ

Вашингтон.

14 марта 1971 года. Федеральное Бюро Расследований сообщило сегодня, что в городе Медиа, штат Пенсильвания, накануне ночью было взломано отделение ФБР, и оттуда похищены досье. Сообщение сделано после разоблачительных публикаций в газетах, куда были анонимно посланы копии документов.

ФБР подтвердило подлинность документов, свидетельствующих, что Бюро ведет активную слежку за студенческими и негритянскими группами и группами мира.

Уильямс позвонил Фреду Джарвису.

— Извини, Джордж,— сказал Джарвис,— на сей раз ты пошел по ложному следу.

— Что ты имеешь в виду?

— Я лично занимался взломом в Медиа, и мы ничего не добились. Знаем только, что это дело восемнадцати-девятнадцатилетних. Новых левых.

— Нужный мне человек, несомненно, был в шестьдесят третьем году в Вашингтоне, потому что знает людей, указанных в списке. Значит, сейчас ему не меньше двадцати восьми. Я ничего не понимаю. Что ему было делать в Медиа с мальчишками?

— Подожди,— сказал Джарвис. Через несколько минут он заговорил снова, и Уильямс расслышал в его голосе нотку торжества.

— У меня тут досье толщиной восемь дюймов, но я знаю, что искать,— ага, вот оно.

Из досье ФБР:

«PSI 187965, вполне надежный осведомитель, сообщает, что 13 марта 1971 года слышал в Пенсильванском университете разговор двух студентов о взломе в Медиа. Один из них сказал, что «не доверяет так называемому «берету», устроившему этот взлом». Потом выразил уверенность, что «короткостриженый — провокатор ФБР».

5

«Зеленый берет»! Это подтверждало догадки Уильямса. Шину прострелил на большой скорости, несомненно, опытный стрелок, отнюдь не дилетант. И хотя Уильямс думал об убийце как о «парне», он в глубине души сознавал, что «парень» почти наверняка знал в 1963 году всех упомянутых в списке,— следовательно, ему должно быть под тридцать и он мог служить во Вьетнаме.

Авантюра с запиской о самоубийстве также указывала, что это не яростный, воинствующий юнец, слепо ополчившийся на общество, а опытный и коварный убийца.

Теперь стало еще важнее ознакомиться с досье Карла Ричардсона. Предположение, что автор письма — в прошлом солдат, было интригующим. Кроме того, это была единственная нить. След взлома в Медиа уже простыл, Уильямс понимал это, но не сомневался, что в конце концов связь его с этим делом обнаружится.

Однако ждать было некогда. Возможно, убийца уже подбирался к очередной жертве. Вечером Уильямс позвонил всем, сообщил о смерти Медуика и предупредил о близкой опасности. Роберт Уорнки не воспринял предупреждения всерьез. Кому нужно убивать его? Футбольного тренера средней школы? Эверетт Меллон сказал, что станет носить пистолет, хотя и уверен, что попал в список по ошибке, что его с кем-то спутали. Карсона, как всегда, в отеле не оказалось. Потом состоялся разговор, который Уильямс отложил напоследок,— со Стефани Сполдинг.

Первый год Джорджа Уильямса в Вашингтоне прошел в ухаживании за девушкой, красивее которой он еще не встречал. На другой год Стефани внезапно объявила, что влюблена в него, перебралась к нему на квартиру в Джорджтаун и стала готовить гурманские обеды на двоих — она была превосходной стряпухой. Уильямс не мог поверить своему счастью, не мог поверить, что столь утонченная девушка может влюбиться в такого отсталого человека, как он, что она, такая желанная и сумасбродная, станет проводить с ним каждую ночь.

Разумеется, однажды вечером, придя домой, он не застал Стефани. Ушла она без объяснения, без записки. Вскоре из Акапулько пришла открытка со словами, которые не шли у Джорджа из головы: «Слишком скучно, милый». Сперва он решил, что это об Акапулько, но впоследствии они случайно встретились на одной вечеринке — Стефани по-хозяйски обнимал за плечи рослый, мускулистый югослав, и она с нежнейшей улыбкой сказала Джорджу, что имела в виду их совместную жизнь. И принесла извинения.

Эта встреча состоялась через год после ее ухода и три месяца спустя после его знакомства с Сарой. Он сказал: «В таком случае, не заберешь ли свою одежду?», а Стефани ответила: «Это старье?! Выброси его». Уильямс бросил все в мусорный ящик — сделал мусорщику подарок в десять тысяч долларов,— а три дня спустя Стефани зашла к нему и побледнела. «У меня это просто сорвалось с языка. До чего ты глуп!» Общение их на этом оборвалось, если не считать письма из Нью-Йорка: «Я все еще люблю тебя. Я всегда буду тебя любить. Но ты был таким странным!» Джордж показал письмо Саре, та рассмеялась — и на этом все было кончено. Однако Стефани все еще волновала его.

Он бы никому в этом не признался, но это было так, и она волновала его теперь, когда он звонил ей.

Стефани подошла к телефону сразу же.

— Я должен сказать тебе кое-что очень важное, Стефани.

Молчание. Он живо представил себе ее блестящие зеленые глаза, белую кожу, изящные скулы... она говорила: «Почему ты такой... сухой, Джордж? Твоя телеграмма походила на повестку из министерства юстиции».

Уильямс сказал, почему. Они оба и еще четверо упомянуты в письме, угрожающем смертью.

— Угроза связана с убийством Кеннеди.

— Ты шутишь... Что за фантастика?..

— Один человек из этого списка,— сказал Уильямс,— конгрессмен Медуик, был убит прошлой ночью.

В трубке послышался резкий вдох.

— Джордж, мне страшно. Что же делать?

— Можешь ты уехать на месяц в Европу, пока мы не разберемся с этим? Просто скрыться?

— На будущей неделе меня вызывают в суд,— сказала Стефани после паузы.— Родственники мужа оспаривают его завещание. Но при данных обстоятельствах я попробую добиться отсрочки.

— Настоятельно рекомендую,— сказал Уильямс.

Оба помолчали, потом Стефани спросила:

— Как Сара?

— Прекрасно.

— Очень жаль,— сказала Стефани, и Джордж невольно улыбнулся. Стефани можно было упрекнуть во многом, но только не в лицемерии. Не дождавшись ответа, Стефани заговорила снова:

— Позвонить тебе завтра после разговора с адвокатом? Если он не добьется отсрочки?

— Да, конечно. Но, Стефани...

— Что?

— Вчера ночью совершено убийство. Никто не знает, что там произошло. Так что будь осторожна. Пригласи на ночь кого-нибудь. Или не ночуй дома.

— Есть какие-нибудь предложения, милый?

— Стефани, это серьезно. Примерно то же самое я говорил вчера вечером Медуику, и два часа спустя он был убит.

После этого Уильямс стал просматривать досье намеченных жертв. Кто на очереди? Уорнки? Оренберг сказал, что фамилия его допечатана после вскрытия конверта. Уильямс решил, что Уорнки — наименее вероятная мишень, что, возможно, в отношении его убийца даже колеблется.

Меллон? Он в Нассау. Уже логически его можно исключить.

Стефани? Вполне возможно.

Уильямс? Вполне возможно.

Уильямс позвонил Карсону в Нью-Йорк. На этот раз Карсон оказался в отеле.

— Черт возьми, приятель, я жду вашего звонка. В чем дело?

Уильямс объяснил и был ошеломлен, услышав:

— Три дня назад, придя к себе в номер, я обнаружил, что мой паспорт изрезан на куски.

Уильямс быстро сообразил:

— То есть вы собираетесь за границу и убийца знает об этом?

— Уеду, как только получу новый паспорт. Мне сказали, что на это уйдет дня два.

Стараясь не выказать тревоги, Уильямс сказал:

— Мистер Карсон, вчера ночью один человек из списка убит. Раз убийца знает, что вы уезжаете, ему нужно будет поторопиться с вами. У него на очереди вы.

— Но что это может значить? Черт возьми, я даже не знал Кеннеди. Да, кстати, этот тип положил мне на кровать монету с его профилем.

— Мистер Карсон, не ночуйте сегодня в отеле. И будьте начеку. Я могу дать гарантию, что убийца находится в Нью-Йорке.

— Может, позвонить в полицию?

— Полиция не поможет. Не станет помогать. Полицейские не могут быть сиделками при всех, кто получает угрозы.

— Я скроюсь. Немедленно.

— Завтра вечером я буду в Нью-Йорке,— сказал Уильямс.— Остановлюсь в отеле «Амбассадор», номер двадцать один ноль три. Встретимся там в восемь.

— Откуда вы знаете, в каком номере поселитесь?

— Это номер ФБР,— ответил Уильямс.— Там администрация селит рабочих лидеров, растратчиков, бандитов. В соседнем номере находится аппаратура для подслушивания.

— Я приеду.

Карсон — следующий. Несомненно. Но сегодня, если он примет предосторожности — а нотка страха в его голосе говорила о том, что примет,— можно было за него не опасаться. И ознакомиться с его пухлым досье.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

После съемки испытаний новой взрывчатки редактор киногруппы Аллен Лоуэлл скрывается. Лоуэлл тайком пробирается сначала в номер к режиссеру Карсону, где уничтожает его паспорт, а затем в кабинет конгрессмена Медуика, откуда выкрадывает папку с документами.

В это же время получает анонимное письмо заместитель помощника министра юстиции Уильямс. Ему, режиссеру Карсону, красавице Стефани Сполдинг, тренеру Уорнки, конгрессмену Медуику и маклеру Меллону угрожают убийством. Уильямс вынужден заняться расследованием этого дела. Выясняется также, что в период испытаний пропали два заряда взрывчатки. Их пропажу связывают с исчезновением Лоуэлла.

Конгрессмен Медуик выезжает ночью, чтобы встретиться с похитившим порочащие его документы Лоуэллом. На обратном пути его машина свалилась с обрыва. Медуик погиб. Расследующие происшествие полицейские обнаруживают, что передняя камера автомашины пробита пулей.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

6

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ОТКРЫВАТЬ
БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ДИРЕКТОРА ФБР

Джеймс Карсон
Калифорния, Биверли-хиллз
Мулголанд-драйв 3190

Анкетные данные

1. Родился 29/X — 1938 г., штат Иллинойс, г. Ивенстон, Коплинс-авеню 433. Отец — хирург чикагской центральной больницы. Учился в ивенстонской школе, потом в частной школе Хилла. В 1956 году поступил в Северо-Западный университет на отделение свободных искусств. Специализация — английский язык, драма. Окончил в 1960 году.

22/II — 1961 г. подал заявление о приеме на работу в ЮСИА на должность редактора фильмов. Принят, ступень 10, оклад 6200 долларов в год. Через три месяца переведен в режиссеры-продюсеры, ступень 12, оклад 9600 долларов в год.

В личном деле ЮСИА есть благодарность от директора Эдварда Р. Мерроу.

В ЮСИА снял десять фильмов. Список прилагается. Фильмы не обнаруживают пристрастия к коммунизму, хотя «Залив скорби», фильм о вторжении на Кубу беженцев-патриотов, имеет сильный антиамериканский оттенок. Фильм не был выпущен на экраны из-за протеста ЦРУ и многих конгрессменов, особенно сенатора Джорджа Гаррисона, штат Техас, который протестовал против демонстрации «антиамериканской пропаганды» по всему свету.

После этого за Карсоном было установлено трехсменное наблюдение.

4/II — 1964 г. Карсон уволился с государственной службы, заявив, что после смерти Кеннеди разочаровался в ЮСИА.

15/IV — 1964 г. получил должность режиссера в студии «Кэскейд филмз», Голливуд, бульвар Сансет 2300. Снимал для телевидения коммерческие и промышленно-рекламные фильмы.

18/X — 1967 г. стал снимать художественный фильм «Остроумный ответ». Финансирование было прекращено, и фильм не окончен.

8/XI — 1967 г. начал снимать часовую телевизионную драму для программы «Час драмы Дюпона» на Си-би-эс, озаглавленную «Подготовиться троим». Фильм удостоен премии «Эмми», высшей награды за теледраму.

После этой награды Карсон резко пошел вверх. Стал клиентом агентства талантов Уильяма Морриса. 20/III — 1968 г. закончил в Берлине съемку художественного фильма «Последний парад», фильм был выдвинут на соискание премии Академии художеств. В 1969 году снял на студии «Коламбиа» фильм «Солнечная пляска», не имевший кассового успеха. Но в 1970 году снял фильм «Шпион на улицах Нью-Йорка», имевший едва ли не самый крупный кассовый успех в истории кино. Вслед за ним «Наследие», все еще не сходящий с экрана. Очередной кассовый успех.

Текущие сведения

1. Нанят студией «XX век Фокс» для съемок фильма в Испании, название пока неизвестно. Уезжает за границу 24/X—1973 г.

2. Резюме непроверенной приложенной информации говорит о постоянных антиамериканских настроениях. Карсон также твердо уверен, что президент Кеннеди явился жертвой заговора и Ли Освальд — не убийца-одиночка.

3. Его художественные фильмы не выражают антиамериканских настроений.

4. Личное дело из ЮСИА и полученная впоследствии непроверенная информация говорят об антиамериканских настроениях. Особенно характерны замечания, сделанные перед студентами. Однако эти мнения не отражены в художественных фильмах.

5. Рекомендуется ослабить наблюдение. Однако все его художественные фильмы необходимо просматривать.

Получено из ЦРУ 7/VI — 1962 г.

6/VI — 1962 г. Карсон резко поссорился с агентом, отправленным допросить его о фильме «Залив скорби». Злобно отзывался о ЦРУ, называя его «гнездом маньяков-убийц».

Кроме того, утверждал, что президент Кеннеди намерен «уничтожить» ЦРУ, когда это будет политически осуществимо.

Получено из ЦРУ 17/X—1965 г.

Агент, работающий под прикрытием кинорежиссера, слышал, как на вечеринке в доме миссис Эдвард Моррисон, Калифорния, Биверли-хиллз, Палмира-роуд 3102, Карсон говорил, что «ЦРУ причастно к убийству Кеннеди».

Получено из бюро по борьбе с наркотиками министерства финансов 12/I—1970 г.

Карсон — известный потребитель марихуаны. Покупает у Хела Каско, безработного актера, Калифорния, Голливуд, Лас Палмас-авеню 1030.

Получено из налогового управления 14/III—1973 г.

Список филантропических пожертвований Карсона за 1972 г. включает 300 долларов организации «Вьетнамские ветераны против войны» и на избирательную кампанию сенатора Джорджа Макговерна. Пожертвование «Вьетнамским ветеранам» запрещено.

7

В Нью-Йорке Карсон положил трубку и на минуту задумался. Ему нужна была охрана. Едва кто-нибудь проходил мимо его двери, он подскакивал. Решил было позвонить в агентство Пинкертона — там можно было нанять круглосуточную охрану за небольшие деньги,— но тут ему пришла мысль получше. Он снова взялся за телефон.

— Сэм, это Джим Карсон. Помнишь меня?

— Еще бы. Ты дал Стелле роль в «Последнем параде». Я твой должник.

Голос Сэма с сильным бруклинским акцентом был медлительным, но мозг у него работал быстро. К внезапным звонкам среди ночи Сэм привык.

— Какой-то псих грозится убить меня,— сказал Карсон.— Собственно говоря, в списке у него шесть человек, и один был убит прошлой ночью.

— Откуда ты звонишь?

— «Уолдорф», номер одиннадцать ноль один.

— Через десять минут к тебе постучат. Зовут их Мак и Энджи. Тот, что повыше, — Мак. Объясни им, в чем дело.

У Карсона отлегло от сердца.

— Я очень благодарен...

Но Сэм перебил его:

— Как только мои ребята явятся, выйдешь вместе с ними из номера — держись посередине!— войдете в лифт и выйдете из вестибюля, словно собираетесь провести вечер в городе. Но назад не возвращайся. Поедешь на Тридцать пятую стрит сто тридцать четыре, квартира четырнадцать Е... запиши.

Карсон записал.

— Оставайся там, пока все не кончится,— сказал Сэм.— За вещами в отель я пошлю кого-нибудь. Девочку нужно?

Карсон улыбнулся.

— Сегодня не надо.

Он почувствовал себя в большей безопасности, чем президент. С этими ребятами маньяков можно не опасаться.

8

Аллен Лоуэлл вошел в отель «Амбассадор», но на этот раз не избежал пристального взгляда одного из детективов отеля, как однажды раньше. На сей раз за ним следили.

Увидя, что Лоуэлл подошел к администратору и зарегистрировался, детектив был удивлен. Но не настолько, чтобы забыть тридцать минут спустя отправить горничную в номер Лоуэлла. Горничная вошла и услышала, что Лоуэлл принимает душ. Делая вид, что прибирает номер, она подходила к портфелю все ближе и ближе, но тут из душевой вышел голый Лоуэлл.

— Ночная служба, — торопливо сказала горничная.

Лоуэлл юркнул обратно, взял полотенце и обмотал вокруг бедер.

— Убираться не нужно,— сказал он.— Я ложусь спать.— И стал разбирать постель.

— Простите, сэр,— сказала, покраснев, горничная и вышла. Спустившись вниз, она сказала, что, на ее взгляд, этот постоялец никаких подозрений не вызывает. Пока она поднималась, охотник за драгоценностями заглянул бы по крайней мере в три номера.

Аллен спал до трех часов ночи, потом бесшумно встал, оделся и вышел с портфелем в коридор. Поднялся по лестнице на двадцать первый этаж и с помощью отмычек открыл

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—41.

замок номера 2103, где завтра остановится Уильямс.

Возился в этом номере он довольно долго. Затем проник в соседний.

9

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 31/X—1973 г.

«...Убил первого и, как ни странно, ничего не ощущаю. Медуик вызывал у меня отвращение.

Карсон — другое дело. Карсона будет жаль. Дело в том, что Карсон мне н р а в и т с я. Он есть то, что он есть. Пустозвон».

10

На другой день визит Уильямса в Пентагон оказался напрасным. Он собирался провести там весь день, изучая личное дело Карла Ричардсона. Но полковник Ларма стал извиняться.

— Дела Ричардсона нет,— сказал он.— Я заставил трех человек рыться в подвале весь день. Потом до меня дошло.

— ЦРУ?

— Именно.

— Но все равно у вас должны быть какие-то документы.

Полковник разгладил седые усы.

— Вот записка о переводе,— сказал он. И Уильямс прочел: «Переведен в Центральное разведывательное управление 12 сентября 1969 г. по распоряжению полковника Уильяма Этуэлла, начальника управления кадров армии США».

Прочтя, он кивнул.

— Собственно, я интересуюсь не столько Ричардсоном, сколько теми, кто воевал вместе с ним.

Полковник недовольно нахмурился.

— Черт возьми, мне даже неловко. Давайте говорить напрямик. Никаким подполковником он не был, не командовал ни батальоном, ни другим подразделением. И не держался на одном месте. Его посылали туда, где он был нужен.

— Откуда вы столько знаете о нем?

— У нас была сотня таких типов, и все они занимались тем же самым. От них осталась только сотня записок о переводе.

Но Уильямс не был обескуражен. Полковник поглядел в устремленные на него суровые глаза. Ему не хотелось бы иметь в суде такого противника.

— Тогда подойдем к этому делу другим образом,— спокойно заявил Уильямс.

— Постойте,— сказал полковник.— Вы же знаете директора ФБР. Стоит ему позвонить в ЦРУ, и вам покажут дело Ричардсона.

— После «Уотергейта» — нет.

— Но все-таки...

— Кроме того, вы упускаете из виду одну вещь,— сказал Уильямс,— Ричардсон замешан в массовом убийстве. Если вы позвоните начальнику военно-юридической службы...

Полковник уже тянулся к телефону.

— Молодчина. Материалы предварительного следствия скажут вам обо всем.

Пятнадцать минут спустя Уильямс разговаривал с высоким любезным капитаном по имени Джо Росс.

— Да, да, Ричардсон,— сказал Росс.— Только, знаете, под трибуналом он не был. Его дело прикрыли сверху.

— Но следствие велось?

— Конечно. Мы тогда считали, что он б ы л майором. Я позвоню, узнаю, какие материалы сохранились.

С минуту он говорил по телефону, потом положил трубку.

— Так я и думал. Его дело в Роквилле, штат Мериленд.

— Что там хранится?

— Наши дела и еще восемь миллионов тонн других правительственных бумаг.— Капитан написал Уильямсу адрес.— Большое хранилище без окон. Отдайте эту записку Джиму Калику, он там заведующий.

Уильямс вел машину по зеленой равнине Мериленда с маленькими городками, внезапно разросшимися, когда число государственных служащих увеличилось и белые стали покидать округ Колумбия, не желая жить в столице рядом с неграми. История эта уже давняя, но для Вашингтона, где был подписан манифест об освобождении рабов, какая-то несуразная. Многие из этих белых трудились в федеральных агентствах, чтобы обеспечить неграм всей Америки равные жилищные условия с белыми.

Но сейчас Уильямс не думал о социальных феноменах. В Нью-Йорке жизнь Карсона висела на волоске. А здесь, в Вашингтоне, он шел по давнему следу одного эпизода в жизни Медуика. Почти наверняка это было потерей времени. Но, как он сказал Джарвису, приходилось брать все, что попадается.

Уильямс вошел в двухэтажное кирпичное здание с неброской вывеской у входа: «Архив. Роквиллское отделение». В просторном вестибюле за столом сидел охранник. Уильямс показал ему записку от полковника Ларма, через несколько минут дверь из хранилища отворилась, и невысокий, худощавый человек в белом халате пригласил:

— Прошу вас, мистер Уильямс.

Уильямс сел за большой стол, минут через двадцать подъехала тележка, доверху груженная картонными коробками. Верхнюю коробку сняли и поставили перед ним. Он заглянул внутрь и увидел толстые пачки юридических документов в шести папках.

На верхней была надпись: «Предварительный допрос сержанта Гринвуда по делу Ричардсона».

Гринвуд? Уильямс открыл папку и просмотрел первую страницу, письмо из министерства обороны: «По соображениям национальной безопасности обвинения против сержанта Чарльза Гринвуда сняты. Никаких пометок в документах не делать. Никаких дальнейших мер по делу не принимать».

Подписано было Робертом Макнамарой.

Уильямс пришел в недоумение. Что-то не то. Эти документы должны быть засекречены. Идя в штаб-квартиру военно-юридической службы, он думал, что придется нажать кой-какие рычаги, прежде чем удастся получить секретный отчет следователя. Но отчет был доступен кому угодно. Перевернув страницу, Уильямс понял, в чем дело. «Слушание сенатской судебной комиссией с 3 по 8 октября 1967 г. п р и з а к р ы т ы х д в е р я х».

Ну и ну! Армейская система хранения документов где-то дала сбой. Вместо отчета армейского следователя в досье оказались материалы слушания в конгрессе. Или, может, кто-то специально изъял отчет следователя?

Но Уильямс особенно не расстраивался. Он знал по опыту, что слушания в конгрессе при закрытых дверях часто дают больше информации, чем строго ограниченные армейские следствия.

11

Протокол заседания сенатской судебной комиссии от 7 марта 1969 года, здание сената, комната № 103.

Присутствуют сенаторы США Темпл, Бенсон, Кармайкл, Дженсен.

Первый свидетель — сержант Чарльз Гринвуд, США.

ТЕМПЛ. Открывая заседание, хочу сказать свидетелю, что комиссия понимает, что здесь затрагиваются интересы национальной безопасности. Но это разбирательство секретно. Свидетель должен понять это и решать сам, отвечать или нет. Теперь я приступаю к изложению фактов, сообщенных из армии.

СВИДЕТЕЛЬ. Мне известны эти факты, сэр.

ТЕМПЛ (держа лист). Вы читали отчет следователя?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, сэр.

ТЕМПЛ. В таком случае изложите их своими словами по памяти.

СВИДЕТЕЛЬ. Ну, все началось, когда мы поймали того двойного агента, Ху Линга. Майор Ричардсон...

ТЕМПЛ. Карл Ричардсон?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, сэр. Майор Ричардсон устроил ему проверку на детекторе лжи. Мы были на своей базе возле Чу Лай, и кто-то из армейской разведки провел эту проверку. Линг, должно быть, не прошел ее.

ТЕМПЛ. Ну и что дальше?

СВИДЕТЕЛЬ. И у нас начались осложнения.

ТЕМПЛ. Что за осложнения? Рассказывайте, сержант.

СВИДЕТЕЛЬ. Линг в ту же ночь сбежал. Ушел прямо из лагеря, сняв часового ножом. Майор Ричардсон пустился в погоню. Он был настоящим тигром.

ТЕМПЛ. Прежде чем продолжать, ответьте на один вопрос. Знали вы, что Ричардсон — агент ЦРУ?

СВИДЕТЕЛЬ. Я ничего не знал об этом, сэр. Считал его одним из офицеров разведки, приданных «беретам» для особых заданий. Время от времени он брал на эти задания кое-кого из нас.

ТЕМПЛ. Вы нашли Линга?

СВИДЕТЕЛЬ. Нет, сэр, и майор... просто выходил из себя. Не давал нам спать всю ночь.

ТЕМПЛ. Хорошо, что произошло наутро?

СВИДЕТЕЛЬ. Первым делом мы поспали. Мы с ног валились. Но примерно в полдень майор сказал, что берет нас на патрулирование. Вместо этого он усадил нас в вертолет, мы полетели на север от Чу Лая, там, внизу, шел бой, и высадились возле какой-то деревушки. Это было бессмысленно. Мы находились за линией противника, чарли отступали прямо к нам, откуда было знать, сколько их могло попрятаться в деревушке. И тут, сенатор, я начал думать, что майор Ричардсон помешался.

БЕНСОН. Он вел себя, как сумасшедший?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, сэр, он не принимал никаких мер предосторожности. Махнул нам рукой и побежал к деревушке. Нам ничего не оставалось, как следовать за ним.

ТЕМПЛ. А чарли в деревушке были?

СВИДЕТЕЛЬ. К счастью для нас, нет. Только старики, женщины и дети. Полковник заставил нас сгонять их в центр деревни, и мне было очень не по себе. Я ждал, что с минуты на минуту в деревушку ворвется взвод вьетконговцев, а мы впятером стояли посреди площади.

ТЕМПЛ. Продолжайте, пожалуйста. Хотите воды, сержант?

СВИДЕТЕЛЬ. Нет, сэр. Но дальше... тяжело рассказывать. (Пауза.) Да, сэр, я бы выпил воды.

ТЕМПЛ. Пусть судебный пристав принесет свидетелю графин и стакан. К сожалению, сержант, предложить мартини мы не можем. (Смех.) Теперь вам лучше?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, сэр. Так вот, мы были там, стрельба с юга приближалась, и тут Ричардсон торопливо сказал мне: «Покарауль их, Гринвуд, я отведу остальных».

ТЕМПЛ. Что он имел под этим в виду?

СВИДЕТЕЛЬ. Не знаю. Я подумал, что он хочет бросить меня и удрать. Но потом увидел, что он и с ним Болтон...

ТЕМПЛ. Сержант Джеффри Болтон?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, сэр. Болтон, сержант Маркони... Джо Маркони... и... и двое рядовых... Они отошли к краю деревни и залегли в траве. И, клянусь богом, тут появилось несколько вьетконговцев, они вырвались из леса, отступали, стреляя на ходу, и даже не оглядывались, и майор Ричардсон захватил их всех в плен. Человек двадцать, а то и больше. И среди них был Линг, двойной агент. Хотите знать правду? Я тут подумал, что Ричардсон — лучший из офицеров, каких я встречал. Только он был сумасшедшим.

ТЕМПЛ. Что было дальше?

СВИДЕТЕЛЬ. Наша пехота ворвалась в деревню, и они были потрясены, увидев, что нас всего горстка, мы уже в деревне и все пленные в наших руках. Но тут Джефф Болтон... не знаю, почему... по-моему, он просто свихнулся. Болтон открыл по пленным огонь. Ричардсону пришлось остановить его.

ТЕМПЛ. Мне кажется, что с ума сошел Болтон, а не Ричардсон.

СВИДЕТЕЛЬ. Вот этого я не мог понять. Болтон был по-своему прекрасным солдатом, знал все хитрости, но не был... таким садистом. Стрелял он лишь по необходимости.

ТЕМПЛ. Вы не забыли о показании в отчете следователя? Сержант Маркони утверждает, что Ричардсон п р и к а з а л Болтону стрелять.

СВИДЕТЕЛЬ. Да, и впоследствии Ричардсон убил Болтона.

БЕНСОН. Должен предупредить вас, молодой человек. Это не доказано.

СВИДЕТЕЛЬ. Да, у б и л! Я с а м в и д е л э т о.

ТЕМПЛ. Расскажите, что вы видели.

СВИДЕТЕЛЬ. Так вот, когда мы вернулись в лагерь, командир дивизии полковник Барстон вышел из себя. Там крутились всякие газетчики, а шумиха об этом случае «беретам» была

ни к чему. О нас и так писали: убийцы и все такое прочее. Ну и полковник вызвал Ричардсона на ковер, но, по-моему, Ричардсон ему ничего не сказал. Но на другой день Болтон, я и остальные пошли в патруль с Ричардсоном и нарвались на засаду. Большую. Мы быстро вызвали подкрепление, тут еще подлетели вертолеты и открыли огонь, мы отступали перебежками, то и дело залегая и все время отстреливаясь. Болтон спрятался за дерево, Ричардсон находился позади него, потом раздалась очередь, и Болтон упал. Ричардсон отошел, но я видел в его руках автомат. И скажу об этом на любом суде, пусть я сержант...

ТЕМПЛ. Говорите, сержант.

СВИДЕТЕЛЬ. Я был ранен пять минут спустя. В плечо и в бедро. Санитары унесли меня к деревне и спасли мне жизнь. На другой день Маркони пришел проведать меня, весь в слезах. «Болтона похоронили»,— сказал он. Болтон был лучшим другом Маркони. Маркони сказал: «А это... прошу прощения, сэр, он так выразился... это дерьмо Ричардсон даже не показался». (Всхлипывание.)

ТЕМПЛ. Если свидетель хочет, можно устроить перерыв...

СВИДЕТЕЛЬ. Нет, сэр, ничего. Как бы там ни было, я рассказал следователям все, что знаю... Ричардсон убил Линга. Но остальных перебил Болтон. Теперь Маркони говорит, что Ричардсон приказал Болтону стрелять, а потом убил его. Словно не хотел, чтобы Болтон оказался свидетелем, если что выяснится.

Конец первой части протокола.

12

Уильямс дочитал, выписал фамилии и звания. Потом откинулся на спинку стула и увидел приятную надпись: «Курить разрешается».

Он зажег сигарету и стал обдумывать возникшие вопросы.

Первый. Почему так много шума из-за этого далеко не самого массового убийства? Специальные подразделения ЦРУ только ими и занимались.

Второй. Почему Ричардсон убил Болтона? Не только, чтобы заткнуть ему рот. Другие, например, Маркони и Гринвуд, живы и могут дать показания.

Третий. В показаниях Гринвуда что-то настораживало его.

Час спустя он был в Пентагоне, в кабинете полковника Ларма, и на сей раз добился успеха. После нескольких звонков Ларма сумел найти свидетельство о смерти сержанта Джеффри Болтона. Его тело было переправлено в США и 12 октября 1966 года после отпевания в церкви Христа Вседержителя похоронено на кладбище Уэбстер Гров, штат Миссури.

Потом Ларма принес дела Гринвуда, Маркони и остальных. Все, кроме Маркони, до сих пор служили в армии. Маркони был изгнан из армии в 1967 году за оскорбление офицера в форте Беннинг. Маркони слышал, как Ричардсон приказал Болтону стрелять; Маркони был уже гражданским; теперь Уильямсу нужен был он, Маркони.

Поблагодарив полковника, Уильямс поехал домой. Сары не было, он оставил ей записку, собрал вещи и отправился в аэропорт.

К семи часам он был в номере 2103 нью-йоркского отеля «Амбассадор» и ждал Джеймса Карсона.

13

Аллен Лоуэлл сидел, положив на колени пистолет 38-го калибра, в номере 2101. Номер был заставлен электронным оборудованием для подслушивания и звукозаписи, стенные розетки, высокочувствительный микрофон, магнитофоны, автоматически включающиеся при звуке голоса, и все прочее было покрыто пылью; очевидно, ФБР не пользовалось этим номером уже давно.

Аллена беспокоило, что Уильямс находится за стеной. Стоило ему, а зная Уильямса, этого вполне можно было ожидать, сунуться с проверкой в соседний номер — и все. Уильямс тут же погибнет, и весь план будет сорван.

Не хотелось бы кончать таким образом, думал Аллен, и вдруг напрягся. Кто-то вставил ключ в замочную скважину.

Аллен бесшумно пробежал в ванную, юркнул в чулан и взвел курок. Пусть будет так. Нужно было знать, что Уильямс очень умен. Он это предусмотрел!

Потом Аллен услышал голоса т р о и х людей. Уильямс говорил:

— Хотя, может, и есть смысл произвести тут проверку, пока мы будем беседовать в соседнем номере.

Другой человек сказал:

— Мы не техники, мистер Уильямс. Наше дело — записать разговор на пленку.

— Проверьте, все ли в порядке,— негромко сказал Уильямс. — Вы должны знать оборудование настолько, чтобы понять, прикасался ли кто к нему.

— Само собой.

Заговорил третий:

— Надолго ли мы вам нужны?

— У меня встреча в восемь. Если можете, оставайтесь до конца и держите пистолеты наготове.

— Вот как?

— Мало ли что!— сказал Уильямс.— Все в порядке?

— В порядке.

Уильямс вышел. Аллен слышал, как хлопнула дверь, потом оставшиеся двое, очевидно, усевшись в кресла, спокойно заговорили. Один сказал:

— Значит, это и есть легендарный Уильямс.

— На меня он впечатления не произвел,— сказал другой.

— Нет?— удивился первый.— Заметь, что он ничего не упустил. Он прикрывает фланги.

Наступило молчание, потом кто-то из них сказал:

— Заглянем в ванную?

— Давай, а то влетит от Уильямса.

Аллен Лоуэлл напрягся в темном чулане, когда в ванной послышались шаги, голоса приближались к чулану, вот-вот должна была открыться дверь, и Аллен непонятно почему вспомнил отца с матерью.

14

19 сентября 1960 года кандидат в президенты от демократической партии приехал в Стойбенвилл, штат Огайо. Позднее Кеннеди говорил, что никогда не видел таких толп, как в этом турне. Женщины вопили и цеплялись за его одежду, пытаясь оторвать хоть клочок, хоть пуговицу. Мужчины прорывались сквозь полицейское оцепление, чтобы пожать ему руку и выкрикнуть что-нибудь ободряющее. А молодые люди кричали с ветвей деревьев, с автомобильных крыш, некоторые поднимали друг друга. Одна школьница размахивала на весу флажком с изображением Кеннеди.

Среди молодых людей возле нее был пятнадцатилетний Аллен Лоуэлл, непрерывно щелкавший фотоаппаратом. Впервые в жизни он испытывал восторг, доходящий до жути. Стойбенвилл представлял собой замкнутый мирок; его уделом были заводы компании «Уилинг стил» на другой стороне реки; и вот появляется Джек Кеннеди. Красивый... богатый... объездил мир... герой войны и при всем при том м о л о д о й!

Кандидаты в президенты вряд ли представляли, какое впечатление производили их недолгие остановки в захолустных городках. Говорят, что телевидение принесло весь мир в каждую квартиру, и казалось бы, американские юноши не должны ощущать внезапного прилива неизведанных чувств, когда президентский кортеж шумно въезжает в город по пути к ближайшему аэропорту. Но сколько Алленов Лоуэллов до сих пор помнят, как впервые увидели во плоти человека оттуда... из-за пределов городка и своих юношеских горизонтов.

Лимузины и мотоциклы с ревом унеслись, толпа утихла, словно после какого-то оргазма, ту девушку, Пегги Голдторп, опустили на тротуар, и Аллен Лоуэлл вывел ее и свой велосипеды из-за лавки Лири.

Стойбенвилл не велосипедный город. В сущности, он не похож ни на один город Америки. На южной окраине к реке Огайо жмутся грязные кирпичные дома. Двигаясь по главной улице к северу, вы оставляете позади восьмиэтажный отель, железнодорожную станцию и запущенный, жалкий деловой район.

Жители Пенсильвании именуют его районом красных фонарей Питтсбурга, большого города в пятидесяти милях. Там есть свои игорные школы, выпускающие крупье, банкометов и шулеров с дипломами, не иначе. Мрачен, угрюм Стойбенвилл, окутанный дымом металлургических заводов, преданный погоне за нетрудовым долларом, очевидно, уникальная для Америки смесь сталелитейщиков и отребья, носящего двухсотдолларовые костюмы.

Но, миновав эту неприглядную часть города, вы поднимаетесь на длинный крутой холм и оказываетесь среди чистеньких домиков, зеленых улиц и автомобилей на въездных аллеях... менее чем в миле от беспокойного города внизу. Аллен Лоуэлл жил здесь с тех пор, как его отчим, Пит Шовайса, стал работать на сталепрокатном заводе. Лейтенант Пит Шовайса отвез по адресу письмо, найденное на борту корабля во время войны. Лично вручил его матери Аллена, она понравилась ему, и он женился на ней.

Отец Пегги Голдторп по стойбенвиллским меркам считался богачом. Он был вице-президентом компании «Уилинг», и — что Аллену казалось гораздо важнее — ему принадлежал единственный плавательный бассейн в городе.

Пегги, Аллен и его друг Боб Кроули, тяжело дыша, поднимались по крутой дороге к дому Голдторпов. В сущности, это не холм, а гора; Аллен не раз видел, как большие грузовики с прицепами, шумно несущиеся к югу из Питтсбурга, заносило на повороте на вершине холма, тормоза отказывали, грузовики складывались пополам и мчались вниз, круша легковые машины, потом наконец опрокидывались, врезались в какой-нибудь дом или чудом останавливались. Никакие знаки на повороте не помогали.

Через несколько минут ребята сидели у бассейна, а Пегги пошла в дом надеть купальник. Миссис Голдторп принесла ребятам кока-колы.

— Видели мистера Кеннеди?— спросила она.

— Да, мэм,— ответил Аллен.

Миссис Голдторп когда-то играла в гольф. Она до сих пор была загорелой и довольно подтянутой. Поглядев на сидящего Аллена, она спросила:

— Что думают о нем твои родители?

— Разошлись во мнениях,— с улыбкой ответил Аллен.— Мать за Кеннеди, отец за Никсона.

— Конечно, о н а католичка,— сказала миссис Голдторп, насмешливо улыбаясь. Аллену не понравилась эта улыбка. Он сказал:

— Я тоже за него.

— Пятнадцатилетние, слава богу, не голосуют. А то президентами у нас были бы одни футболисты.

— А почему президентами у нас должны быть только паршивые старые политиканы?— сказал Аллен, и миссис Голдторп поглядела на него более пристально.

— Не горячись, — сказала она. — Успокойся. Даже когда вырастешь, тебя мало будет касаться, кто у нас президент. Стойбенвилл не такой уж значительный город.

— Е с л и я останусь в Стойбенвилле,— ответил Аллен, и тут из затянутой сеткой двери вышла на газон Пегги. Миссис Голдторп заметила, что Аллен восторженно смотрит на ее рано развившуюся дочь в красном купальнике, и ушла, напоследок сказав:

— Приходи на передачу «Встреча с прессой».

Пегги пропустила ее слова мимо ушей.

— О чем тут шел спор?

— Твоей матери не нравится Кеннеди,— ответил Боб.

— Он католик и демократ,— сказала Пегги.— Чего же ты хочешь?

Но Боб, видимо, забыл о политике ради более непосредственных интересов.

— Эй, Пегги,— сказал он,— а ты взрослеешь.

Пегги зарделась.

— Я знаю,— сказала она.— Это произошло так внезапно.

Ребята захохотали. Воздух там был прохладный, не для купания, они решили посидеть и разъехаться по домам. Но когда Пегги нырнула, передумали.

— Я позвоню Томми,— сказал Аллен,— попрошу привезти плавки. А ты?

— А я съезжу за своими,— ответил Боб. Аллен подошел к двери и постучал. Появилась миссис Голдторп.

— Можно позвонить по телефону, мэм?

— Конечно, Аллен.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Во время съемки испытаний сильной взрывчатки сотрудник киногруппы Лоуэлл похищает два заряда и скрывается. После этого он тайком проникает в номер к режиссеру Карсону и уничтожает его паспорт. Затем выкрадывает из кабинета конгрессмена Медуика порочащие конгрессмена документы.

Тогда же Лоуэлл посылает анонимное письмо заместителю помощника министра юстиции Уильямсу, в котором угрожает смертью ему и еще пятерым: режиссеру Карсону, красавице Стефани Сполдинг, тренеру Уорнки, конгрессмену Медуику и маклеру Меллону. Уильямс начинает расследование.

Выясняются неблаговидные дела конгрессмена-взяточника. После ночного звонка Лоуэлла Медуик едет на встречу с ним, надеясь выкупить документы. Когда конгрессмен возвращался домой, Лоуэлл прострелил переднюю шину его автомобиля. Потерявшая управление машина падает с обрыва. Медуик погибает.

Поиски убийцы приводят Уильямса в архив, где он знакомится с протоколами заседаний сенатской комиссии, разбиравшей дело о зверствах «зеленых беретов» в период войны во Вьетнаме.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

Последний — на Арлингтонском кладбище

15

Когда зазвонил телефон, Томми Шовайса, как обычно, сидел в подвале. Он строил модель самолета. С моделями он возился дни и ночи. Отец жаловался, что мальчик превращается в крота. Но Томми был тихим, застенчивым и необщительным. Лишь уединясь в подвале, где лампочка под потолком освещала точные копии немецкого «фоккера», «спеда», «харрикейна» и «корсара» с изогнутыми крыльями, Томми чувствовал себя уверенно и спокойно.

— Аллен у Голдторпов, просит привезти ему плавки!— крикнула мать, не входя в подвал.— Поедешь?

Томми поехал. Он любил сводного брата, который был на пять лет старше его. Аллен защищал ворота футбольной команды «Стойбенвилл хай» и, хотя был низковат для вратаря, как он брал мячи! В прошлом году в решающем матче с «Уилинг хай» он взял три мяча, один из них отбил рукой всего в футе от ворот, бросившись между двумя защитниками.

Через несколько минут десятилетний мальчик въехал к Голдторпам, везя плавки на багажнике. Он поставил велосипед, пошел на задний двор и увидел там неприятную для себя картину: его брат целовал эту девчонку. Томми видел, как они отодвинулись друг от друга, и Пегги сказала Аллену: «Я тебя всего вымочила». С еще большим неудовольствием он заметил, что брат его раскраснелся и тяжело дышит. И тут они одновременно увидели его.

— Томми!— воскликнула Пегги. Оба разглядели выражение его лица и рассмеялись. Томми не видел ничего смешного, но тоже улыбнулся и протянул Аллену плавки. Аллен шутливо смазал его по уху.

— Как успехи, дружище? Как «фоккер»?

— Что?— спросила Пегги, они оба снова рассмеялись, и Томми смутился.

— «Корсар»,— ответил он, чтобы прекратить этот смех.— С изогнутыми крыльями.

— Приеду домой — покажешь,— сказал Аллен, и Томми понял, что ему нужно уезжать.

— Через час я его закончу.— Он побежал к велосипеду.— Пока!— крикнул он и завертел педали.

— Кажется, мы шокировали твоего братишку,— сказала Пегги.— Видел бы он нас вчера вечером.

— Вчера ничего не было.

— И этого много,— откликнулась Пегги.— Большего я не позволю.

Аллен похлопал ее по заду, вошел в дом, переоделся в одной из спален и, выйдя, нырнул в прохладную воду, потом появился Боб с хорошенькой брюнеткой по имени Полли Стеннет, поглядывавшей на Аллена, и день прошел прекрасно, тот самый день, когда будущий президент заезжал в город и открыл по крайней мере одному парню новые горизонты. В довершение всего Аллен в тот вечер первый раз в жизни по-настоящему занимался любовью на траве в тени пустых трибун стадиона. Потом Пегги целый месяц с ума сходила от беспокойства, пока не выяснилось, что она не беременна. И Аллен, недостаточно высокий и крепкий для футбола, но прекрасный вратарь, был избран старостой класса, выпил первый глоток виски, и оно ему не понравилось, потом на одном из пикников его соблазнила Полли Стеннет, и при всех этих развлечениях ему как-то удавалось быть отличником; тем временем президент Кеннеди вступил в должность, молодые люди начали стекаться в Вашингтон; Аллен никак не мог сделать выбор между колледжем и корпусом мира, но однажды его отец с матерью, неторопливо поднимаясь по крутой дороге из города в синем «шевроле», услышали грохот, увидели мечущиеся огни фар и потерявший управление грузовик с прицепом, несущийся прямо на них; было поздно, слишком поздно, и после этой катастрофы Аллен с братом оказались в Чикаго у тетки, которая терпеть их не могла.

16

Теперь Аллен стоял в темном чулане, прижимаясь к стене. Дверь отворилась. Агент ФБР увидел человека в лыжной маске и отпрянул, но Аллен навел на него пистолет.

— Ни звука,— негромко сказал он и указал на полку.— А ты,— обратился он к тому, что был справа,— возьми простыню и свяжи своего напарника.

Когда все было сделано, Аллен ударил его ребром ладони по голове. Тот повалился, как подрубленный. Аллен заткнул ему рот. Потом осмотрел магнитофон, соединенный с телефоном в соседнем номере, и повозился с проводами. Лежавший на полке агент увидел,

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—42.

что он делает, и попытался высвободить руки. Аллену очень не хотелось делать этого, но выбора у него не было. Он ударил агента апперкотом в переносицу, и тот потерял сознание.

Подойдя к входной двери, Аллен поглядел в щель. Карсон и с ним двое рослых людей как раз входили в соседний номер. Аллен осторожно подошел к столу, достал из портфеля кассету, поставил ее на магнитофон и поднял телефонную трубку. Попросил соединить его с номером 2103 и осторожно положил трубку на место.

Услышав звонок, Уильямс вздрогнул. Он даже в министерстве никому не говорил, что будет здесь. Под взглядами Карсона и его телохранителей он поднял трубку.

Металлический голос, видимо, пропущенный через фильтр, произнес: «Говорит человек, написавший угрожающее письмо. Я готов пойти на сделку. Встретимся через пять минут в вестибюле у газетного киоска. Я подойду к вам». Щелчок. Телефон отключился.

Запись! Явно попытка выманить его из номера. Уильямс передал остальным, что услышал. Но Карсон сказал:

— Ну и пользуйтесь случаем. Что такое пять минут?

— Времени достаточно,— сказал Уильямс.

— И не забывайте о нас,— сказал Мак.

Уильямс на минуту задумался. В соседнем номере два агента ФБР, здесь Мак и Энджи — и есть один шанс на сотню, что этот парень будет у киоска. При такой расстановке сил упускать этот шанс было нельзя.

— Мак,— сказал он,— встаньте снаружи. К двери никого не подпускайте. Если вас потревожит детектив отеля, покажите ему эту карточку. Скажите, что это дело министерства юстиции. Он поймет. Ему известен этот номер.

Энджи он велел сесть в кресло между дверью и Карсоном. Парни решили, что он не в себе; никто, ни один человек в любом случае не смог бы пройти мимо них.

В соседнем номере Лоуэлл переменил кассету. Проходя по коридору, Уильямс услышал голоса из-за двери. Один произнес: «Значит, это и есть легендарный Уильямс». Другой ответил: «На меня он впечатления не произвел».

Уильямс улыбнулся и пошел к лифту.

В номере 2103 зазвонил телефон. Карсон сидел у стола, и Энджи предупредил:

— Не снимайте трубку.

— Почему? — спросил Карсон. Телефон продолжал звонить.

— В таких случаях на звонки не отвечают,— сказал Энджи.

Но Карсону уже надоели эти загадки, и, кроме того, звонок действовал ему на нервы. Он поднял трубку, Энджи закричал: «НЕЛЬЗЯ!», и потом, расширив глаза, увидел, что Карсон напрягся, уронил трубку и схватился за горло, голова его запрокинулась назад.

— Черт побери! — закричал Энджи.— Мак! Мак!

Мак ворвался в дверь и увидел Карсона, голова его уже спадала на грудь, Энджи стоял рядом и хлопал его по щекам.

— Что случилось, черт возьми?

— Телефон был с «сюрпризом». Я сказал ему, чтобы он не поднимал трубку. Черт, он мертв. Убит прямо у меня перед носом. Сэм уволит меня за это!

Аллен Лоуэлл торопливо сошел по пожарной лестнице на восемнадцатый этаж, там вызвал лифт, спустился и скрылся в людном вестибюле.

Двое за Томми Шовайса.

17

Через несколько минут Уильямс снова был в номере с детективами отеля и полицией. Парни скрылись. Уильямс наблюдал, как полицейские проводят осмотр, но был в таком же недоумении, как все остальные. Возвратясь в номер до этого, он обнаружил, что парней нет, а Карсон сидит, откинувшись на спинку кресла, с упавшей на грудь головой, мертвый. Телефонная трубка валялась на полу.

Уильямс был в отчаянии. Он убил Карсона, вопреки осторожности выйдя из номера. Войдя в соседний номер узнать, почему агенты ФБР не доложили о случившемся, он увидел двух связанных людей, лежащих с кляпами во рту, и проклял судьбу, проклял себя, проклял все, чему его учили.

Полицейский помог ему развязать агентов, и они неуверенно поднялись на ноги. Один из них сказал:

— Я видел, как он возился с проводами.

— И вот еще что,— сказал другой.— Когда он поставил пленку, раздался какой-то странный свист.

Пленка со свистом? Уильямс с агентами вернулся в соседний номер, агентов тут же принялся допрашивать капитан из отдела расследования убийств по имени Пэт Макгреди, рослый, полный мужчина, одному из своих людей он велел записывать показания. Неожиданно их перебили. Через кордон полицейских в коридоре ухитрился прорваться какой-то газетчик.

— Исчезни, приятель,— сказал Макгреди.

— Это моя работа,—запротестовал газетчик.

Макгреди взял его за локоть и грубо выставил за дверь. В коридоре к нему подошел Уильямс.

— Как только освобожусь, я изложу всю историю. Но не только для вашей газеты.

— Жаль! — сказал газетчик.

Уильямс считал, что должен это сделать. Он мог оповестить о случившемся все телекомпании и все газеты, превратить преследователя в преследуемого. В министерстве будут недовольны, ФБР сочтет это пощечиной, но иной возможности остановить этого человека нет. Он очень опытен.

— Как вас зовут? — спросил газетчика Уильямс.

— Фил Келлер из «Дейли ньюс».

— Я позвоню вам.

Когда он вернулся в номер, врач говорил: «Наружных повреждений нет».

К трубке пока никто не прикасался, она лежала на полу. Уильямс бросил на нее металлический нож для бумаги. Искр не было. Он поднял трубку двумя пальцами, хотя знал, что отпечатков пальцев найти не удастся. Сделал это он просто по привычке.

— Давайте заглянем внутрь,— сказал он Макгреди.

Капитан отвинтил крышку микрофона и заглянул. Там ничего не было. Потом открутил крышку наушника, вытряс оттуда осколки стекла и поглядел на Уильямса.

18

1 ноября 1973 г.

КИНОРЕЖИССЕР УБИТ В НОМЕРЕ ОТЕЛЯ

Служащий министерства юстиции рассказывает

Угроза смертью с упоминанием Кеннеди

Вчера в 20 часов 05 минут Джеймс Карсон, 34 лет, постановщик таких фильмов, как «Последний парад» и «Шпион на нью-йоркской улице», был обнаружен мертвым в номере 2103 отеля «Амбассадор».

Час спустя Джордж Уильямс, заместитель помощника министра юстиции США, сообщил репортерам на краткой пресс-конференции, что убийство Карсона и смерть на прошлой неделе Томаса Медуика, конгрессмена от штата Пенсильвания,— дело рук одного человека.

История эта предстала в неожиданном свете, когда Уильямс сказал, что он и еще пять человек, включая обе жертвы, были упомянуты в угрожающем смертью письме, намекающем на какую-то связь с «десятой годовщиной» убийства президента Кеннеди.

Уильямс сказал, что все были предупреждены. Карсон во время убийства находился под охраной.

В угрожающем письме упомянуты миссис Стефани Сполдинг Уинтроп, живущая в Паунд-Ридже, штат Нью-Йорк; мистер Уорнки из Итаки, штат Нью-Йорк; мистер Эверетт Мелон, Нассау, Багамские острова.

После этого заявления на пресс-конференции поднялся шум. Уильямс отказался отвечать на вопросы относительно Кеннеди, сказав лишь, что никто из шестерых, за исключением мистера Уорнки, никогда не встречался с президентом. Однако, сказал он, все работали на «побочных», как он выразился, должностях в администрации Кеннеди. Например, мистер Меллон, как сообщил Уильямс, был служителем в сенате всего три месяца.

Руководство полиции точно не знает причин смерти Карсона.

Уильямс сказал, что ФБР начинает поиски неизвестного убийцы по всей стране. Никаких ключей к установлению его личности пока не найдено.

Ниже следует текст письма с угрозой, полученного Уильямсом и представленного вчера прессе:

«22 ноября 1973 года — десятая годовщина со дня гибели нашего президента. По причинам, которые вы полностью поймете, мы ознаменуем эту годовщину убийством следующих лиц:

Джордж Уильямс
Джеймс Карсон
Томас Медуик
Эверетт Меллон
Стефани Сполдинг
Роберт Уорнки».

19

ИЗ ЗАПИСИ ПЕРЕДАЧИ «ВЕЧЕРНИЕ НОВОСТИ» КОМПАНИИ СИ-БИ-ЭС 1 НОЯБРЯ 1973 ГОДА

ДИКТОР. Сегодня у нас в студии находится доктор Кеннет Ленгхарт, один из ближайших советников Кеннеди с шестидесятого по шестьдесят третий год. Специальностью мистера Ленгхарта были международные отношения, он помогал Макджорджу Банди. Скажите нам, мистер Ленгхарт, что происходит?

ЛЕНГХАРТ. Джон, сегодня меня спрашивали об этом сотню раз. Боюсь, что ответа я дать не смогу. Все это слишком... непонятно.

ДИКТОР. Вы не считаете, что это очередная версия заговора против Кеннеди?

ЛЕНГХАРТ. Я считаю, что этого не может быть.

ДИКТОР. Почему?

ЛЕНГХАРТ. Из-за упомянутых людей. Я знаю двоих, Джорджа Уильямса и миссис Уинтроп. Вряд ли они похожи на убийц. Более того, оба они приверженцы Кеннеди. Я когда-то упрекнул миссис Уинтроп за ее убеждение, что со смертью президента погиб весь мир. Она ответила: «Погибла его лучшая часть». И всем в Вашингтоне известно, что Уильямс едва не лишился работы, когда в министерство юстиции пришли республиканцы. Консерваторы не хотят иметь в своей среде демократов Кеннеди.

ДИКТОР. Расскажите нам что-нибудь о Джордже Уильямсе. Я сегодня говорил кое с кем из наших вашингтонских служащих, и мне сказали, что он руководит расследованием этого дела.

ЛЕНГХАРТ. Что ж, по-моему, раз Джордж Уильямс ведет расследование, этот маньяк, кто бы он ни был, вряд ли чувствует себя спокойно.

ДИКТОР. Но если эти убийства не связаны с Кеннеди и если жертвы даже не знали президента, с какой целью убийца упомянул его и написал: «По причинам, которые вы полностью поймете»?

ЛЕНГХАРТ. Осмелюсь сказать, Джон, что этот помешанный имеет на то свои причины. Но в чем они заключаются, я совершенно не представляю.

— Что ж, ясно одно,— сказал диктор после передачи,— этот тип не Бремер и не Освальд. Это профессиональный убийца, изучавший и, может, даже практиковавший оригинальные способы убийства. К тому же он может раздобыть отравляющие вещества, которых, по утверждению министерства обороны, у нас нет. Вывод один. ЦРУ.

Ленгхарт промолчал.

— У кого еще есть цианидовый газ? Ни у кого.

Но Ленгхарт потягивал кофе и думал: «В твоей теории есть один изъян. Агенты разведки не пишут своим жертвам п р е д у п р е ж д а ю щ и х п и с е м».

20

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 1/XI—73 г.

«...Уильямс оповещает прессу. Не думаю, чтобы он понимал, с чем имеет дело.

Сегодня вечером первая фаза моего плана завершается, как я и предвидел, волной известности, именно это мне и нужно. Все удивляются: зачем, для чего? Почему эти шестеро?

В свое время я все объясню.

А теперь признаюсь. Мне очень неприятно то, что я делаю. Мне было неприятно убивать Карсона. Он первый дал мне работу».

Глава IV

ПОКУШЕНИЕ НА ЭВЕРЕТТА МЕЛЛОНА

1

Эверетт Меллон лежал на пляже перед отелем «Парадайз Айленд» в Нассау. Две симпатичные девушки в бикини подошли к нему и остановились.

— Это он,— сказала одна.

— Ты уверена?

— Сегодня в газетах был его портрет.

Внезапно за спиной у них появился багамец в белых парусиновых брюках.

— Проходите, леди.

— Видишь,— сказала первая.— Его охраняют. Я была права.

Меллон приподнялся, сел и с любопытством поглядел на происходящее. Черт побери! Одна из девушек, блондинка с косой, кокетливо поглядела на него в упор. Меллон расхохотался. Он стал знаменитостью.

И станет миллионером. По его служебному телефону весь день звонили богачи из Нью-Йорка, внезапно пожелавшие, чтобы он сдал их яхты напрокат, и спрашивали: да, кстати, старина, есть ли какие новости об этом безумном заговоре в связи с Кеннеди?

Меллон отвечал истинную правду: он не знал ничего.

Утром представитель полиции Нассау сообщил ему, что, находясь здесь, он будет под круглосуточной охраной. Некто Фред Джарвис позвонил из Вашингтона и сказал, что если он вернется в Штаты, то круглосуточная охрана будет обеспечена ему и там.

В результате шумихи после пресс-конференции Уильямса ФБР твердо решило охранять намеченные жертвы. Джарвис сделал еще одно предупреждение: не открывать никаких почтовых отправлений, не принимать незнакомых посетителей, не выходить ночью даже с охраной.

Сумасшествие, думал Меллон. Сумасшествие. Три месяца работал с мальчишками-рассыльными служителем в сенате, а десять лет спустя такая вот история.

Теперь, когда не было сомнений в том, что угроза реальна, он знал, что мог оказаться в списке лишь по одной причине. По ошибке. Этот убийца с кем-то спутал его.

2

В Нью-Йорке Джордж Уильямс ждал, когда Макгреди освободится. Надежд на предложенную ФБР круглосуточную охрану у него не было. Человека, сумевшего совершить вчерашний трюк в «Амбассадоре», охрана не остановит. Но общественное внимание — дело другое. Оставшиеся жертвы теперь будут под наблюдением тысячи глаз: для убийцы это будет проблемой.

А ему нужно создать как можно больше проблем. За все время работы в министерстве юстиции Уильямс не встречал более изобретательного убийцы. Или более п о д г о т о в л е н н о г о!

Этот невероятный план убийства шестерых, видимо, разрабатывался много месяцев, до мельчайших деталей — поддельная записка о самоубийстве Медуика, телефон с «сюрпризом» для Карсона. Что последует дальше? И кто станет очередной жертвой?

К услугам Уильямса был каждый компьютер в министерстве, ФБР и местных управлениях полиции. В его распоряжении были лаборатории, готовые вцепиться в каждую улику, проанализировать ее и проследить до конца. Но какие улики оставил убийца? Разбитая ампула в наушнике телефона, пуля в спущенном переднем колесе — и все.

Пока нужно было пользоваться традиционными методами. Агенты ФБР, находившиеся в номере, описали внешность убийцы. Примерно шести футов ростом, стройный, около тридцати лет.

Использование секретного боевого отравляющего вещества, как и владение каратэ, говорило о службе в войсках особого назначения.

Уильямс вошел к Макгреди и застал его расстроенным.

— Газеты смешивают нас с грязью,— пожаловался он.— И виноваты в этом даже не мои люди, а проклятые болваны из ФБР.

— Мне пришло кое-что в голову.— Сидя в кресле, Уильямс чуть подался вперед.— Кроме них, еще один человек в отеле не только видел убийцу, но и разговаривал с ним.

Макгреди откинулся назад и уставился на Уильямса.

— Случайный свидетель? Вы грезите.

— Убийца знал номер,— сказал Уильямс.

— Что?

— Убийца знал, в каком номере я нахожусь.

Тишина... потом капитан хлопнул ладонью по столу.

— Конечно. Он знал и номер ФБР! Половина служащих отеля о нем даже не слышала.

— Кто-то из них говорил с убийцей и дал ему эти сведения.

Капитан подскочил так, что своим массивным телом отбросил кресло к стене.

— Сукин сын! Он у нас в руках. Мы найдем этого служащего за сутки!

3

Торонто, шесть утра. Шедший ночью снег прекратился, и на тихих улицах уже рычали снегоочистители; один из них проехал, взметая тучу снега, мимо швейного ателье «Бон суар».

Аллен Лоуэлл ехал по этой улице, глядя на стоявшие автомобили. Снег был его союзником. Если кто-то наблюдал за ателье, то мотор его автомобиля должен был работать для обогрева, и стекла были бы чистыми.

Но все автомобили представляли собой безжизненные снежные холмы. Аллен медленно ехал мимо них, потом остановился. В автомобиле на другой стороне улицы он заметил красное пятно за стеклом.

Осторожно перейдя скользкую свежеочищенную улицу, Аллен подошел к дверце автомобиля. Красное пятно оказалось лыжной шапочкой; внутри кто-то спал. Аллен громко постучал в стекло. Лыжная шапочка шевельнулась. Аллен повернул заиндевевшую ручку и распахнул дверцу. Сидевшему в машине было года двадцать четыре. Зубы его выбивали дробь.

— Черт, я заснул,— сказал он.— Мог бы замерзнуть насмерть.

И оглядел Аллена.

— Ты не Лес Рэндолф,— сказал он.— Что произошло?

— Лес не может приехать, поэтому сменяю тебя я,— сказал Аллен.— Вдобавок сделаю одолжение и не скажу Майку Горджо, что ты спал.

Молодой человек завел мотор.

— Приятель, я совсем закоченел. Ты спас мне жизнь.— Он поглядел на часы в машине.— Что за черт? Сейчас только шесть, а смена в восемь.

— Майк над тобой сжалился,— сказал Аллен.— Езжай домой и ложись в теплую постель.

Но молодой человек, казалось, был в сомнении.

— Как тебя зовут?

— Джон Томпсон,— сказал Аллен, настороженно глядя на него.— Не слыхал о таком?

— Нет,— сказал парень.— Но для меня ты сам Иисус Христос.— Он включил отопление, но мотор, видимо, еще не прогрелся. Лицо его было синим.

— Хорошо,— сказал он.— Принимай пост. Где твоя машина?

— В ста футах,— сказал Аллен.— Отъезжай, я встану на это место.

Минуту спустя автомобиль занесло в снег, он было забуксовал, потом медленно пополз по улице. Аллен подумал, что, раз смена в восемь, в его распоряжении два часа.

Перейдя улицу, Аллен позвонил в ателье «Бон суар». Он не отрывал пальца от кнопки, пока сквозь стекло не выглянул бледный подросток в пижаме. Увидев Аллена, он широко распахнул дверь.

— Привет, Джефф,— сказал подросток. Аллен хлопнул его по спине.

— Скажи отцу, что приехал Джефф Болтон.

— Он будет сердит,— сказал, улыбаясь, подросток.— Но не удивлен. В дверь вечно звонят чуть свет. Пошли наверх.

Через несколько минут появился, завязывая пояс красного поношенного халата, невысокий лысый человек.

— Привет, Джефф,— сказал он.— Я ждал тебя попозже.

Они подошли к стене; Робер нажал кнопку, и панель отодвинулась. За панелью находилась крошечная комната с прессами, набором чернил и копировальными машинами.

— Горджо держит ателье под наблюдением,— сказал Аллен,— поэтому я и приехал так рано.

— Зачем это Майку? — спросил Робер.

— Видимо, прослышал, что у меня осложнения с полицией.

— Mon Dieu [1],— сказал Робер.

— Мне нужны новые документы менее чем через два часа. Сможешь сделать?

— Для тебя я заставлю гору пойти в пляс.— Робер взял из стопки один паспорт, рядом с паспортами лежали моментальные фотографии и армейские удостоверения личности, и сел с ним за стол посреди комнаты. Аллен лениво перебирал удостоверения и, заметив, что Робер повернулся к нему спиной, сунул в карман удостоверение и паспорт техника-сержанта Гарольда Дауба.

— Я приготовил комплект документов,— сказал Робер,— на имя Джима Адамса, проживающего в Сиэтле, Сук-стрит, сто тридцать пять. Отдам его тебе, а тому человеку изготовлю новый. Давай свой паспорт.

Аллен дал ему паспорт на имя Болтона. Робер взял нож, отделил фотографию и приклеил ее на готовый паспорт. Пока он возился с этим, Аллен заметил:

— Полиция когда-нибудь накроет тебя.

Робер только улыбнулся и сунул паспорт в маленький конверт.

— Voila [2],— сказал он.— Родился новый человек. Теперь ты месье Адамс. Вот твоя карточка социального страхования, кредитная карточка компании «Галф ойл», которой ты ни в коем случае не должен пользоваться, регистрационная карточка избирателя и членский билет сиэтлского яхт-клуба.

Аллен улыбнулся.

— Откуда ты все это берешь?

— Меняю! Изготовив новые документы, я забираю у ребят те, что у них были, и потом с помощью легкой магии отсюда выходят совсем другие люди.

Аллен взял паспорт, сунул в бумажник карточки и отдал документы на имя Болтона.

— Я сожгу их,— сказал Робер и поглядел в напряженное лицо Аллена.— Что-то мне подсказывает, что сейчас осложнения у тебя серьезные. Это так?

— Да.

— Могу я чем-то помочь другу моего сына?

— Можешь. Постарайся скрывать от полиции мое новое имя до двадцать второго ноября.

— Почему именно эта дата?

— Я не хочу говорить тебе больше, чем нужно. ФБР будет давить на канадскую полицию.

— Если до двадцать второго, то я смогу поводить их за нос. Дам им другую фамилию, на поиски у них уйдет две недели, а на третьей неделе мы с женой едем во Францию. Так что до того времени ты в безопасности.

Аллен задумался, потом сказал:

— Если Майк Горджо спросит, на какое имя ты сделал мне документы, скажи — Джо Маркони, адрес любой.

Робер записал имя и произнес его, проверяя, правильно ли оно звучит в его произношении.

— Я обязан тебе жизнью сына,— сказал он.— И ничто не заставит меня забыть об этом.

Два часа спустя Майк Горджо звонил в дверь ателье «Бон суар». В это время человек с паспортом на имя Джеймса Адамса садился на восьмичасовой самолет до Нью-Йорка.

В другом кармане у него были удостоверение и паспорт техника-сержанта Гарольда Дауба. Пусть Уильямс выведает это!

Перевел с английского
Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

---

[1] О господи (фр.).
[2] Ну, вот (фр.).

Редактор киногруппы Лоуэлл похитил во время съемки испытаний взрывчатки два заряда и скрылся. Забравшись в номер к режиссеру Карсону, Лоуэлл уничтожил его паспорт. Затем он проник в кабинет конгрессмена Медуика и выкрал оттуда папку с документами.

Тогда же Лоуэлл послал анонимное письмо Уильямсу, заместителю помощника министра юстиции. В нем Лоуэлл угрожал убийством самому Уильямсу, а также режиссеру Карсону, конгрессмену Медуику, маклеру Меллону, красавице Стефани Сполдинг, тренеру Уорнки. Уильямс вынужден начать расследование этого дела. Выясняется, что конгрессмен — взяточник. Надеясь выкупить порочащие его документы, Медуик поехал ночью на встречу с Лоуэллом. На обратном пути Лоуэлл прострелил переднюю шину и потерявший управление автомобиль упал с обрыва.

После смерти Медуика Уильямс вновь предупреждает всех об опасности. Он назначил встречу с режиссером Карсоном в отеле. Лоуэлл выманивает Уильямса из номера и убивает охраняемого Карсона.

Понимая, что в одиночку с таким преступником не справиться, Уильямс решает известить о случившемся все газеты и телекомпании.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

4

Билли Фарран был невысоким, тощим пареньком в синей рубашке и джинсах. Он, Макгреди и Уильямс сидели в маленькой комнате, на столе стояли настольная лампа и магнитофон. Магнитофон был включен на запись, когда Макгреди сказал:

— Хорошо. Начинаем. Говорил ты кому-нибудь, что Джордж Уильямс снимет номер двадцать один ноль три?

— Я уже сто раз отвечал вам, нет. Не говорил никому.

— Тогда почему ты рылся в предварительных заказах? Портье видел тебя.

Фарран не ответил. Макгреди понизил голос и заговорил доверительным тоном:

— Слушай, парень, если скажешь то, что нам нужно, мы тебя отпустим. Обещаю. Если нет — задержим как пособника убийцы.

— Но я ничего не сделал!

— Ты дал убийце нужные ему сведения, и в результате Карсон был убит.

Фарран злобно посмотрел на Уильямса, потом снова повернулся к Макгреди:

— Я требую адвоката. Вы не имеете права...

— О господи,— сказал Макгреди.

Тут впервые заговорил Уильямс:

— Позвольте мне вести допрос, капитан.— И обратился к Фаррану:— Я юрист, Билли. И вот что я думаю. У тебя нет надобности в адвокате.

— Вы просто хотите...

— Потому что знаю, Билли, что ты невиновен. Кто-то обвел тебя вокруг пальца.

— Давайте, давайте,— злобно сказал Фарран.

— Прямо в точку,— заметил Макгреди Уильямсу, но Уильямс продолжал:

— Некто, кому ты доверяешь, попросил тебя узнать, где я остановлюсь.

— Так я же не говорил...

Уильямс терпеливо откинулся на спинку стула.

— Давай начнем с главного, Билли. Я нахожусь здесь, чтобы доказать твою невиновность, так что слушай внимательно. Был убит человек по фамилии Карсон, ты никогда и не слышал о нем. Так?

— Так.

— И вообще, насколько ты знал, этот номер собирался снять я.

Фарран покрылся испариной. Он подозревал ловушку, но не мог взять в толк, к чему клонит Уильямс.

— Но и против вас я ничего не имею...

— Я знаю, Билли,— сказал Уильямс.— Значит, когда этот молодой человек сказал, что скрывается от ФБР, и попросил эти сведения, ты логично предположил, что они имеют какое-то отношение к ФБР. Так?

На этот раз Фарран подумал прежде, чем ответить.

— Ладно, так. Я все равно не доверял этому типу. Сукин сын. Это что, записывается?

Уильямс улыбнулся.

— Никто, кроме нас, не услышит этого, Билли. Утром мы поговорим с прокурором, и ты будешь на свободе. Ответь только на несколько вопросов. Как он выглядел?

— Ростом чуть пониже шести футов, худощавый, стройный. Глаза серые. Парень как парень.

— Стриженный под ежик?

— Не под ежик, но волосы короткие. Похож на спортсмена из коммерческой телепрограммы, если вы понимаете, что я имею в виду. Чисто американский тип, лицо белое.

— Есть бородавки, родинки или шрамы? — спросил Макгреди.

— Не заметил.

— Кто познакомил тебя с ним, Билли? — Наступила долгая пауза.— Трудно ответить? — спросил Уильямс.

— Да,— сказал Фарран,— потому что они тоже ничего не знали. Это убийство удивило их.

— Кто они, Билли? Не зная этого, мы не сможем его найти.

— Говорю вам, они ни при чем. Я разговаривал сегодня с ними.

Голос Уильямса внезапно стал резким.

— Ты говорил с ними в три часа ночи, номер телефона в Торонто — КИ 8—3748, человека этого зовут Майк Горджо. Так, Билли?

Билли побледнел. Кончилось тем, что он пожал плечами.

— Раз вы знаете это имя и номер телефона, то все равно выследите их. Но клянусь вам, что Майк Горджо не знал об убийстве. Услышав о нем, он чуть в обморок не упал.

— В таком случае какое отношение он имеет к убийце?

— Откуда мне знать? — сказал Фарран.— Просто Майк попросил помогать этому парню, потому что он уже много лет старается для дезертиров. Имейте в виду, этим ребятам я буду помогать всеми силами. Я и сам всегда ненавидел эту поганую войну во Вьетнаме, можете записать это на пленку и...

Но Уильямс жестом остановил его.

— Хорошо, Билли. Успокойся. К тебе осталось всего несколько вопросов. Как Майк Горджо передал эту просьбу тебе и твоим друзьям?

— Прошел слух примерно месяц назад. Они замышляли какое-то дело, но что не убийство — это точно. Они не так глупы — им и без того хватает неприятностей.

— Какое дело?

— По-моему, ограбление. Этот парень сказал Горджо, что ограбит броневик для перевозки денег, а будут деньги — дезертиры смогут уехать из Канады с фальшивыми документами и жить где-нибудь в другом месте. Горджо попался на эту удочку.

— Кто вы — я имею в виду вашу группу? — спросил Уильямс.

— СДО [1]. Мы помогаем дезертирам. Секрета в этом нет.

— Значит, этот убийца просит помощи у дезертиров и СДО, обманывает их и использует СДО для своих целей. Я так понимаю, Билли. А ты?

— Да, черт возьми,— сказал Фарран.— Он одурачил нас. И вот видите, в каком я положении.

— Что ж, я слетаю в Торонто поговорить с Горджо. Но ты не волнуйся, ему это ничем не грозит. Мне нужна его помощь.

Фарран впервые улыбнулся.

— Отлично. Не трогайте Майка из-за меня.

— Ладно, Билли,— сказал Уильямс.— А каким именем назвался тебе убийца?

— Джефф Болтон.

Уильямс как-то странно смотрел на Фаррана, пока Макгреди не спросил:

— В чем дело, Джордж?

— Размышляю,— ответил Уильямс.— Джефф Болтон. Недавно я видел свидетельство о его смерти. Это «зеленый берет», его убил во Вьетнаме Карл Ричардсон, знавший Томаса Медуика.

— При чем здесь это?— спросил Макгреди.

— Это очень важно, капитан,— ответил Уильямс.— Очень.

Он повернулся к Фаррану.

— Спасибо за помощь, Билли. Я тоже тебе помогу. Капитан, Джефф Болтон — та нить, которую я распутываю, на счету каждая минута, поэтому, если вы продолжите допрос...

— Конечно, конечно,— ответил Макгреди.— Но вы сказали, что видели свидетельство о смерти Болтона. Очевидно, убийца просто назвался его именем, что тут особенно важного?

— Дело не только в этом, капитан. Мне нужно идти. Потом покажете мне расшифровку пленки.

Он поднялся, пожал руку Макгреди и попрощался с Фарраном. Фарран глядел ему вслед, даже когда дверь уже закрылась.

— Смотри-ка,— сказал он,— эта фамилия взволновала его. А он вроде не из тех, кого легко разволновать. Что ж, я его не осуждаю.

— Почему?

— Я не сказал вам одной вещи о Джеффе Болтоне.

— Какой же?

— Вам никогда не найти его.

— Мы возьмем его через пять...— начал было Макгреди.

— В газетах его называют сумасшедшим,— сказал Фарран.— Но, похоже, он знает, что делает.

5

Библиотека конгресса — одно из красивейших зданий в Вашингтоне; входящий поднима-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—43.

[1] Организация «Студенты за демократическое общество».

ется по мраморным ступеням в вестибюль с высоким куполом, окаймленный винтовыми лестницами с бюстами государственных деятелей; с потолка свисают громадные люстры, и целеустремленные ученые проходят под ними в самое большое книгохранилище мира.

Но библиотека конгресса не только хранилище литературы. Она также предоставляет работу юристам, исследователям, архивариусам, все они отдают свои силы одной цели: помочь конгрессу в формулировке законов. Занято этим более пятидесяти человек; каждый предложенный статут должен быть исследован и подкреплен ссылками на прошлые законы, судебные решения, прецеденты.

Среди этих экспертов широкой известностью пользовалась Клара Эббот, высокая, седовласая, похожая на старую деву дама. Она не была законоведом и не имела юридического образования. Должность ее именовалась «административный помощник десятой ступени». Прославилась Клара феноменальной памятью. Только заработавшиеся в библиотеке юристы знали, сколько часов кропотливого труда она сберегла, мгновенно вспоминая даты прошлых статутов и судебных решений.

В тот день, как и всегда, посетители вливались в вестибюль, поднимали глаза к сводчатому потолку и шли через арку в главный читальный зал, посередине его стоял большой круглый стол служащих, остальное пространство занимали столики с зелеными настольными лампами и склонившимися над книгами учеными.

Второй этаж был владением Клары Эббот. Когда зазвонил телефон, она работала за своим столом, подальше от начальства, и очень обрадовалась, узнав голос в трубке.

— Джордж, как я рада снова слышать тебя!

Уильямс звонил из Нью-Йорка.

— Помнишь,— спросил он,— в сенате слушалось дело о массовом убийстве во Вьетнаме? Карл Ричардсон...

— Засекречено,— тут же ответила Клара.

— Не было слушания в палате представителей в дополнение к сенатскому?

— Было. Засекречено и то и другое. Насколько я помню, сенатское слушание проходило в октябре шестьдесят седьмого года. Главным свидетелем был сержант Чарльз Гринвуд.

— Клара, это фантастично. Невероятно. Ты всегда поражаешь меня.

Клара улыбнулась.

— Т е б я не поражает никто. И не умасливай меня, старый льстец. Слушание в палате представителей состоялось, кажется, в ноябре того же года, и сержант Джо Мартони...

— Маркони...

— Послушай, я не воплощение совершенства. Джо Маркони давал показание вместе с Гринвудом. Но помочь тебе, Джордж, я не могу. Эти дела находятся в секретном хранилище.

— Клара, между этими делами и двумя убийствами на прошлой неделе существует связь.

Клара взяла карандаш и стала чертить закорючки, а Уильямс продолжал:

— Мне нужно видеть протоколы.

— Рассекретить их,— сказала Клара.

— На это уйдет три месяца переписки и объяснений.

Клара с минуту думала, потом сказала:

— Вынести оттуда эти дела невозможно. Я лишусь работы. Но меня ни в чем не смогут обвинить, если кто-то похитит из моего стола ключ и выпишет себе пропуск. Воров сейчас полно во всем здании.

— А какое время удобнее всего выбрать этому вору?

— Завтра в перерыв.

Поговорив еще немного, Клара улыбнулась, положила трубку и подняла взгляд на молодого юриста, стоявшего с умоляющим выражением на лице.

— Клара, о праве на инспекцию по договору о разоружении...

— Штассен в Женеве, июнь пятьдесят восьмого года,— сказала Клара.— Кажется, второй день конференции. Это была первая ссылка на Советский Союз.

Молодой юрист так обрадовался, что Клара на миг испугалась, как бы он не бросился ее целовать. Казалось, все молодые люди в библиотеке стремились к этому. Видимо, с возрастом она не утратила красоты.

6

Под тентом отеля «Сент-Реджис» толстый швейцар помогал пассажирке выйти из лимузина, мимо них прошел патлатый хиппи со шрамом на правой щеке. Он был одурманен наркотиком, и женщина с неприязнью посмотрела на него.

— Нью-Йорк,— сказала она швейцару.

— Да, мэм,— ответил тот.

Хиппи свернул на Пятую авеню и направился к паспортному фотоателье в подвальном этаже Рокфеллер-центра.

Час спустя Аллен Лоуэлл, тот самый хиппи, разговаривал с продавщицей на втором этаже обветшалого магазина на Сорок восьмой стрит неподалеку от Бродвея. Магазин был завален головами горилл, мантиями восемнадцатого века, винтовками, телефонами, всевозможными сценическими принадлежностями.

— У меня сегодня проба,— сказал он,— а я получил этот шрам.

— Кто же вас так? — спросила девушка.

— Грабители.

Она кивнула.

— Натрите этой мазью.— И подала ему баночку.— Мазь телесного цвета. Со зрительских мест шрама не разглядят.

— Шрам будет скрыт полностью?

Девушка задумалась.

— Нет, не полностью. Люди, знаете ли, не слепые. Но он не будет таким свежим и красным.

Аллен поблагодарил ее и вышел. Пятнадцать минут спустя у себя в номере он приклеил на паспорт новую фотографию и попробовал мазь. Все в порядке, подумал он, глянув в зеркало.

Потом позвонил в авиакомпанию «Истерн эрлайнз» и заказал билет на рейс № 500 до Нассау, самолет вылетал в 20.00 из аэропорта Кеннеди.

СЛУЖБЕ БЕЗОПАСНОСТИ ВСЕХ АЭРОПОРТОВ

Человек, подозреваемый в убийстве, отвечает следующему описанию.

Возраст — около тридцати лет.

Раса — белый.

Рост — около шести футов.

Телосложение — среднее.

Внешность: стройный, каштановые, коротко стриженные волосы, глаза серые, цвет лица белый, никаких родимых пятен или шрамов. Фоторобот высылается.

Действия: подозреваемого задержать. Обыскать багаж. Связаться с мистером Уильямсом, министерство юстиции, телефон 202-737-8029. Мистер Уильямс особо предупреждает, что подозреваемый может изменить внешность. Проверять подозрительные парики.

7

Капитану Макгреди приходилось туго. Репортеры сводили его с ума непрерывными вопросами; передовые статьи всех газет были посвящены управлению полиции. Опубликовать заявление, что Карсона охраняли агенты ФБР, а нью-йоркская полиция даже не была поставлена в известность, видимо, никто не счел нужным. К трем часам на другой день после убийства его терпение лопнуло. Он разыскал по телефону Уильямса в отеле «Плаза».

— Черт возьми, веселую вы устроили мне жизнь. Я не знаю, что можно сообщать прессе. А все писаки Нью-Йорка оплевывают меня.

— Молчите о Джеффе Болтоне,— сказал Уильямс.— О СДО. О Майке Горджо. Иначе сорвете все дело.

— Но мне же надо что-то отвечать репортерам.

— Отсылайте их со всеми вопросами к Фреду Джарвису в ФБР. Говорите, что это их дело...

— Но это у б и й с т в о в Нью-Йорке!— выкрикнул Макгреди.

Уильямс подождал, пока он остынет.

— Сфера действий убийцы — вся страна,— сказал он.— И Багамские острова, если мы не успеем вовремя. Это дело межштатное. Юрисдикция ФБР.

Но Макгреди был уже вне себя.

— Пусть даже международное. Мне нужно что-то отвечать.

— Ладно,— сказал Уильямс.— Если вы обещаете не упоминать о СДО и Майке Горджо, я даю вам одну конкретную улику.

— Какую? — с недоверием спросил Макгреди.

— Пленку, на которой записаны голос и свист Болтона.

— О Н А У В А С?

— Ее сегодня анализировали в здешнем отделении ФБР. Но, как я и предполагал, без толку. Фильтр уничтожил особенности голоса. Однако на пресс-конференции пленка произведет хорошее впечатление.

Макгреди представил себе пресс-конференцию, телевизионные камеры и ошеломляющую реакцию, когда он предъявит пленку, это фантастическое оружие убийства. Осколки ампулы тоже будут у него. Прекрасно!

— Уильямс,— сказал он,— дорогой вы мой друг. Откройте старому волку один секрет. Где, черт побери, вы нашли эту пленку?

— В урне на углу Лексингтон-авеню и Сорок девятой стрит через полчаса после убийства.

Макгреди чуть не застонал. Кто мог подумать, что убийца бросит обвиняющую улику возле отеля? Уильямс мог, вот кто. Он предпринял легкую контратаку:

— Вы не должны были держать это в секрете.

— Видите ли,— сказал Уильямс,— это было в некотором роде личное послание. На коробке с пленкой написана моя фамилия.

Положив трубку, Уильямс представил себе искривленное в недоумении мясистое лицо Макгреди. Пока что он молодчина. Другие на его месте бросили бы репортерам допрос Билли Фаррана и выставили себя героями.

Но за ходом событий было некогда думать о капитане. Уильямс звонил в Торонто Майку Горджо и узнал, что Болтон успел побывать там и скрылся. По словам Горджо, ребята так взъелись на Болтона из-за этих убийств, что пришлось установить наблюдение за ателье «Бон суар», где изготовляются фальшивые документы. Ребята решили, что теперь Болтону потребуются новые, и оказались правы. Только Болтон незаметно проскользнул туда, обманув наблюдателя, получил документы и скрылся. Однако Майк расколол владельца ателье. После долгих угроз тот сказал, что сделал Болтону документы на имя Джо Маркони и что с этими документами Болтон вылетел из Канады.

Джо Маркони! С какой стати Болтон взял его фамилию? Уильямс сказал:

— Майк, он солгал вам. Как фамилия этого изготовителя документов?

— Видите ли,— ответил Майк,— здесь он наша «линия жизни». Я сказал вам — «Бон суар», так что выясняйте сами.

— Тогда почему вы назвали мне это ателье?

— Показать на случай серьезных осложнений, что мы содействуем, как можем. Да черт с ним, скажу и фамилию, все равно рано или поздно узнаете. Робер Уар. У-А-Р.

— Я попрошу полицию Торонто навестаться к нему,— сказал Уильямс.— Давно вы знаете Болтона?

— Хм, знаю! Я и в глаза его не видел. Но его здесь считают героем.

— Почему?

— Он много лет работает в Штатах для дезертиров — с тех пор, как погиб его младший брат. Но даже бывая в Торонто, не заходит повидать нас. Загадочный парень.

— Какую работу он выполняет?

— Видите ли, Болтон — наш основной похититель. Лучший. На него можно положиться. Мы просим его похитить личные дела из Пентагона — он достает эти дела. Просим установить в кабинете у сенатора подслушивающее устройство — он присылает нам пленки с записью. Устраивает все, что потребуется.

— Что же вы делаете с полученной от него информацией?

— Отдаем журналистам и конгрессменам, которые стараются вытащить нас из этой ямы. Только проку от этого мало, пока в Белом доме сидит Гитлер.

8

Вечером в восемь часов зал «Истерн эрлайнз» в аэропорту Кеннеди был переполнен, два агента службы безопасности, Джим Эйлсворт и Джо Леленд, наблюдали очередь на рейс № 500 до Нассау.

— Ты не захватил его описания? — спросил Эйлсворт.— Шучу.

— Черт знает что,— сказал Леленд.— Нужно искать короткостриженого парня, но только он может быть в парике. Это значит, любой мужчина от восемнадцати до девяноста трех.

Тем не менее вглядывались они пристально. Оба знали назубок описание этого угонщика самолетов. У них не было б никакой надежды опознать кого-то из бесчисленных негров, кубинцев, пуэрториканцев, арабов, проходящих здесь ежедневно; этот все же был белым американцем. Но как его высмотреть? Нельзя же вытаскивать из очереди каждого короткостриженого парня. Хватать каждого хиппи и тянуть его за волосы тоже нельзя.

Потом агенты увидели нужного им человека. Лет двадцати восьми. Стройный. Подойдя поближе, они разглядели, что глаза у него серые. Короткая стрижка. И крикетная сумка в руке. С крикетной сумкой на самолет? Они вытащили его из очереди.

— В чем дело?

— Откройте сумку,— потребовали агенты. Человек открыл сумку, там был крикетный шар.

— Тьфу ты,— ругнулся Леленд.

Человек засмеялся.

— Там, внутри, взрывчатка.

Агенты могли бы задержать его за такую шутку, но у них было более важное дело. Они пристально оглядели очередь и заметили молодого человека в аккуратном синем блейзере с дорогим галстуком, в хорошо отглаженных брюках. У него были длинные волосы и давний шрам на лице.

— Что думаешь об этом красавчике? — спросил Эйлсворт.

— В описании сказано — никаких шрамов,— ответил Леленд.— А его шраму уже много лет.

Аллен Лоуэлл прошел контрольные ворота и поднялся по трапу в самолет. У него были свои проблемы. После покупки билета оставалось всего сто долларов, и он понимал, что деньги придется раздобывать в Нассау. Но это было несложно. Когда матроны расходятся по пляжам, в курортных отелях можно поживиться.

9

Управление стратегических служб «Дикого Билла» Донована не было важным фактором во второй мировой войне. Поспешно организованный, неподготовленный и включавший в себя таких разных людей, как знаменитый борец «Прыгающий Джо» Савольди и аристократичный ученый Аллен Даллес, он тем не менее добился некоторых успехов, особенно в Риме и в Швейцарии, где Даллес вел переговоры с нелояльными наци.

После второй мировой войны УСС прекратило свое существование, его место заняли различные агентства военной разведки, потом президент Гарри Трумэн, увидев этот хаос, создал, к вящему неудовольствию Эдгара Дж. Гувера, Центральное разведывательное управление. Гувера беспокоило, что ЦРУ вторгнется в его империю внутренней безопасности, и ФБР много лет не ладило с ЦРУ.

Собственно говоря, в первые годы от этого больше страдало ЦРУ. Располагалось оно в старых деревянных казармах возле Молла[2], построенных еще во время первой мировой войны. Однако управление разрасталось, получая несметные секретные фонды, и к 1973 году превратилось в гигантскую организацию, размещалась она в громадном комплексе зданий в Лэнгли, штат Виргиния, и располагала тысячами служащих в США и за границей. Но пока что, если не считать уотергейтского скандала, ЦРУ, насколько было известно общественности, не совалось во внутренние дела.

Тем не менее в ноябре 1973 года там был начальник отдела внутренней безопасности, звали его Талха Бахтиари. Как ни странно, табличка на его двери гласила: «Бухгалтерское и учетное планирование»,— а приветливый служащий, бывший газетчик, чей кабинет тремя этажами выше украшала табличка «Внутренняя безопасность», в сущности, являлся подставным лицом, единственной его обязанностью было учтиво отвечать на письменные запросы.

В тот ноябрьский день Бахтиари сидел в своем кабинете на первом этаже, глядя, как ветер гонит за окном опавшие листья. Потом он повернулся вместе с вращающимся креслом к Питеру Ходкинсу, худощавому человеку в очках без оправы на хрящеватом носу. Ходкинс руководил в управлении отделом личного состава.

— Этот Болтон становится все более и более опасным,— сказал Талха Бахтиари.

— Кого он еще убил? — спросил Ходкинс.— Я не просматривал газет.

— Нас,— злобно ответил Бахтиари.— Он прикрывается именем Джо Маркони. Впутывает нас в эти убийства.

Ходкинс остался равнодушен.

— Ну, а кто знает о Маркони?

— Узнает Джордж Уильямс, вот кто.

— Что за Уильямс?

— Человек, который ненавидит нас,— сказал Бахтиари.— Не ЦРУ. Н а с.

Ходкинс раскуривал трубку. Покончив с этим, он сказал:

— Ну и что вы намерены делать? Болтона нам не найти. Ему грозит приговор за два убийства, и он скроется поглубже.

— Я пошлю кого-нибудь в Торонто к человеку по имени Робер Уар, пусть выведает настоящую фамилию, под которой скрывается Болтон. Мы знаем, что фамилия Маркони — уловка.

— Этого человека опередят полицейские.

— Методами добывания правды, к каким прибегнет наш человек, они пользоваться не станут.

Ходкинс выколотил трубку в пепельницу и, сложив руки на животе, стал обдумывать это предложение.

— Тут лучше всего подошел бы Джонсон,— сказал он,— но его отправили в Ливан.

Бахтиари раздраженно подскочил.

— Джонсон! Что это с вами? Вы прекрасно понимаете, кто нам нужен. Черт возьми, он з н а е т Болтона!

— Не выношу эту сволочь,— сказал Ходкинс, ругательство сорвалось у него словно бы невольно.— В прошлом году в Сан-Франциско он едва не втянул нас в историю. Ему бы только стрелять.

Но Бахтиари ответил лишь:

— В данном случае это может оказаться плюсом.

— Я против него,—сказал Ходкинс.

— У меня сегодня с ним встреча.

Ходкинс ушел, а через полчаса секретарша позвонила Бахтиари и сообщила, что прибыл тот, кого он ждал. Бахтиари с удивлением обнаружил, что волнуется, но нервозность его не удивляла — этот убийца всегда так действовал на него.

Вошел человек, одетый в замшевую куртку, толстые шерстяные брюки и сапоги. Он был рослым, мускулистым, широкоплечим, с громадными кулаками. Сев напротив Бахтиари, он глядел ему прямо в глаза, когда тот ставил задачу найти Болтона, пока до него не добрался Уильямс.

— Почему я?

— У вас есть одно преимущество. Вы знаете Болтона.

— И что делать, если я сыщу этого парня раньше, чем Уильямс?

Бахтиари объяснил. Несколько минут спустя этот человек поднялся во весь свой громадный рост и вышел. И Талха Бахтиари понял, что предоставил свободу действий единственному человеку, способному справиться с делом. Джордж Уильямс не мог тягаться с ним, потому что не стал бы пользоваться его методами: ломать пальцы, отрезать языки, выкалывать глаза — лишь бы добиться результата.

Подполковник Карл Ричардсон неоднократно применял все эти пытки.

Но толстый, низенький начальник отдела внутренней безопасности п л о х о знал этого человека. Идиоты, думал Карл Ричардсон. Интеллигенты, не имеющие понятия, как действовать в трудных положениях. Бахтиари послал его гоняться за химерой. Глупо! Настоящий ответ относительно Болтона был ясен. На его поиски Ричардсону могут потребоваться недели. Как бы Ричардсон ни старался, Уильямс при поддержке всего министерства юстиции мог опередить его. Зачем рисковать? Почему не убрать первым Уильямса? Что такое еще один покойник из министерства юстиции?

Уже не в первый раз подполковник Карл Ричардсон решил действовать вопреки приказу.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

[2] Парк в Вашингтоне.

Редактор киногруппы Лоуэлл похитил два заряда взрывчатки во время съемки ее испытаний и скрылся. Он тайком уничтожил паспорт режиссера Карсона, лишив его возможности уехать. Затем он похитил порочащие конгрессмена Медуика документы. В это же время Лоуэлл написал заместителю помощника министра юстиции Уильямсу анонимное письмо, в котором угрожал ознаменовать десятую годовщину со дня гибели Кеннеди убийством Уильямса, Карсона, Медуика, маклера Мелона, красавицы Стефани Сполдинг, тренера Уорнки.

В процессе расследования Уильямс узнает, что конгрессмен Медуик — взяточник. Желая выкупить похищенные документы, конгрессмен поехал ночью к Лоуэллу после его звонка. При возвращении домой он погиб в автомобильной катастрофе, подстроенной Лоуэллом.

Догадываясь о том, что наибольшая опасность угрожает теперь Карсону, Уильямс встречается с ним в хорошо охраняемом номере отеля. Но Лоуэлл сумел выманить Уильямса оттуда и убить Карсона. При допросе служащего отеля Уильямс узнал, что убийца назвался Джеффом Болтоном. Это имя уже встречалось ему в протоколах сенатской комиссии, расследовавшей зверства «зеленых беретов» во Вьетнаме. Уильямс известил о преступнике все газеты и телекомпании.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

Последний — на Арлингтонском кладбище

10

Джордж Уильямс вернулся к себе в отель в семь часов. Он впустую потратил день у телефона в нью-йоркском отделении ФБР на Шестьдесят пятой Ист-стрит. Уар в Торонто, несмотря на угрозу ареста за соучастие в убийстве, утверждал, что у Болтона документы на фамилию Маркони. НИЦ ФБР проверил фамилии Болтон и Маркони на компьютере и сообщил, что таких в этой возрастной группе нет, за исключением угнавшего автомобиль негра из штата Род-Айленд. Уильямс сказал, что дальше заниматься этим человеком не нужно.

Остаток дня прошел в безрезультатных переговорах с полковником Ларма, попытках навести справки об остальных членах отряда Ричардсона во Вьетнаме. В списках никого из них не было; все находились под прикрытием ЦРУ.

Министерство юстиции связалось с полицией Торонто, охотно пошедшей на сотрудничество. Она недолюбливала американских дезертиров, хотя канадское правительство относилось к ним терпимо; полицейские обещали в ближайшее время узнать у владельца ателье нынешнюю фамилию Болтона.

Но Уильямс не возлагал на это особых надежд. Болтон, несомненно, понимал, что Уара найдут. И почему он взял фамилию Маркони? Это занимало Уильямса больше всего. Мог ли Болтон как-то узнать, что Уильямс интересуется тем отрядом ЦРУ?

Может быть, что-то удастся узнать из показаний Маркони, хранящихся в библиотеке конгресса? Может, ничего, кроме устаревшей информации о Вьетнаме?

Тем временем Болтон на свободе, смерть близка, а он ничего не добился.

В дверь постучали. Уильямс открыл и увидел Стефани Сполдинг. На ней был брючный костюм из черного шифона с золотой булавкой у горла и небольшая соболья накидка. Выглядела Стефани великолепно, и Уильямс ощутил желание задушить ее.

— Я велел тебе находиться дома. Не подвергать себя опасности.

Стефани вошла в комнату, за ней тянулся легкий аромат духов.

— А я хотела удивить тебя.— И чмокнула его в щеку.

— В этом ты преуспела. Я же предупреждал тебя два дня назад, что это очень серьезно, а ты беспечно разгуливаешь по улицам Нью-Йорка.

— Джордж, ну пожалуйста. Неужели ты не можешь хотя бы сделать вид, что рад видеть меня?

Стефани движением плеч сбросила свою накидку и бесцеремонно улеглась на кровать. Шифоновые брюки были прозрачными, облегающими, роскошными.

— Джордж, сидеть в Паунд-Ридже такая тоска. Осточертело. Лучше уж смерть... пытки... все, что угодно.

Уильямс придвинул кресло к кровати и стал с улыбкой разглядывать свою гостью. Все его попытки рассердиться на нее оказывались тщетными. А когда она вела себя игриво, как сейчас, урезонивать ее было невозможно. Все же он попытался.

— Что с приставленными к тебе охранниками из ФБР?

— Они блестяще несут службу, Джордж. До сих пор думают, что я в Коннектикуте. Кроме того, я не могла их терпеть. От них пахнет бриолином, черт побери.

— В таком случае,— сказал Уильямс,— найми частную охрану, которая будет тебе чуть больше по вкусу. Ты можешь себе это позволить.

Стефани улыбнулась и села.

— Я сейчас немного обеднела, Джордж. Не могу пользоваться состоянием покойного мужа, пока его родственнички цепляются ко мне. Пришлось влезать в долги, сам знаешь, как это приятно.

Она, не мигая, глядела на Джорджа, ее зеленые глаза блестели.

— Должна сказать, что год от года ты становишься все интереснее. Почему ты не стареешься?

— Наверно, потому, что не приходится ежедневно заботиться о тебе.

Стефани обреченно вздохнула.

— Хоть верь, хоть нет, Джордж, я приехала не соблазнять тебя. Но поговорить с тобой мне нужно. Теперь уже у тебя должен быть к л ю ч.

— У меня есть одна нить, но пока я ничего не добился,— ушел он от ответа. Он не знал, сколько можно открывать ей. Наконец сказал: — Кое-что у нас имеется. И Медуик, и Карсон были не в ладах с ЦРУ.

— Ну и что?— спросила Стефани.

— Ну, а ты имела дело с ним?

Стефани улыбнулась.

— Право же, Джордж, я не могу рассказывать тебе всего. Мне придется отвечать за разглашение тайны.— Уильямс промолчал, и она рассмеялась.— Тебе-то следует знать, что я не питаю слабости к военным. А подбирать записки из голубиного помета под статуями — слишком грязно.

— И все же ЦРУ может быть причастно к этому,— сказал Уильямс.

Стефани поглядела на него.

— Джордж, тебе не приходило в голову самое простое объяснение?

— Какое?

— У многих еще не утих гнев из-за убийства Кеннеди. Таких людей миллионы. Они считают, что после его смерти страна катится под уклон.

— Поэтому один из них выбирает наугад шесть фамилий и в отместку убивает этих людей?

Стефани задумалась.

— Вот этого я не понимаю. Даже если это душевнобольной приверженец Кеннеди, с какой стати ему выбирать меня? Ведь я тоже привержена Кеннеди до сих пор. Из-за этого надо мной даже посмеиваются. Но я говорю: «Чего смеяться? Что было у нас после Кеннеди? Линдон Джонсон... Никсон с «Уотергейтом». При Кеннеди казалось, что ради этой страны стоит трудиться. После Джонсона и Никсона краснеешь, видя звездно-полосатый флаг».

— Может, ты знала автора письма в те дни. Ему тогда было, как мне кажется, лет восемнадцать.

— Мой ровесник,— сказала Стефани.— Вряд ли. Я почти не встречалась с восемнадцатилетними. Джордж, сколько было тебе, когда мы встретились?

— Двадцать три.

— Ты влюбился в меня в первый же вечер, правда?

Уильямс промолчал.

— Можешь не отвечать,— сказала она.— Я тоже влюбилась в тебя.

— И проявила это странным образом,— заметил Уильямс.

11

В 1963 году Уильямс и двое его друзей-юристов снимали в Джорджтауне особняк колониальной постройки с белыми ставнями и газовым фонарем у парадной двери. Джордж Вашингтон не ночевал в этом особняке, но друзья Уильямса с лихвой возместили это смазливыми выпускницами вассаровского и редклиффского колледжей, наехавшими в Вашингтон при Кеннеди.

Уильямс почти всегда укладывался в постель с какой-нибудь книгой по правовым вопросам, и оба друга считали его несовременным — до той ночи, когда он сошелся с самой необузданной девицей в городе. Однажды вечером распахнулась дверь, в комнату влетела восем-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—44.

надцатилетняя красавица с распущенными черными волосами и сказала, что за ней гонятся. Из живших в особняке знал Стефани только Эв Коллинз, явно неспособный выйти и сразиться с одним из ее распаленных любовников. Уильямс вызвался заменить его.

Над джорджтаунскими кварталами времен войны за независимость высоко сияла желтая луна... но на улице было тихо... совсем тихо.

— Где он?— спросил Уильямс.

— За своей машиной,— ответила Стефани.— Никак не могу от него отделаться.

— Почему он преследует тебя?— спросил Уильямс, когда они шли по улице, но Стефани ответила лишь:

— Я ему нравлюсь.

Автомобиль этого человека стоял на противоположной стороне улицы; Уильямс подошел и обнаружил бледного приземистого мужчину тридцати с лишним лет, курившего сигарету. Сказал ему:

— Боюсь, что вы докучаете этой девушке.

Мужчина засмеялся коротким, лающим смехом.

— Вот что, Билли,— сказала Стефани,— перестань таскаться за мной. Меня это пугает.

— Да,— сказал он с удивительным спокойствием.— И меня тоже.

— Ладно... перестань!

— Не могу,— ответил он.

И тут Стефани совершила удивительный поступок. Она крепко поцеловала его. Он обнял ее, и они прижались друг к другу. Видя это, Уильямс извинился и вернулся в дом.

Но через несколько минут раздался стук в дверь, и когда Уильямс открыл, там была Стефани.

— Ты спас меня,— сказала она.

Уильямс невольно заметил, что таких красивых глаз, как у нее, он еще не видел. Она вошла и словно у себя дома свернулась клубком в кресле, обтянутом красным бархатом. Эв Коллинз, вариший на кухне кофе, спросил:

— Что там такое?

— Этот человек... он женат, я однажды легла с ним в постель, и он счел это... связью! Наверно, ему кажется, что влюбился. Торчит по ночам у дома и глядит на мое окно. Я не знаю, как от него отделаться.

— Это был странный способ,— сказал Уильямс.

— Это был единственный способ,— возразила Стефани.— Черт, при нем я чувствовала себя... дурочкой.

Уильямс с Коллинзом засмеялись, и в тот же вечер после дорогого ужина в «Жокей-клубе», разорительного для Уильямса (то, что он видел там Бобби Кеннеди, своего начальника, вошедшего кошачьей походкой, застенчиво улыбаясь, с судьей Байроном Уайтом, прозванным «Волшебник», несколько утешило его), Стефани заявила ему, что родители ее в Швейцарии, и если он не против, она хотела бы остаться с ним на ночь...

Однако наутро, когда он спросил, увидятся ли они снова, Стефани сказала «нет», потому что она не ханжа.

12

— Что ты имела под этим в виду?— спросил Уильямс.

Стефани рассмеялась.

— Я боялась тебя,— сказала она.— Ты смущал меня, и я хотела причинить тебе боль. Но причинила только себе — как всегда.

Уильямс улыбнулся, потом сказал:

— Стефани, убийца сейчас может находиться за дверью. Карсон был убит почти у меня на глазах. Так что, если хочешь романтических воспоминаний о романтическом прошлом, подожди, пока мы его не схватим.

— Ты ничего не понимаешь,— сказала Стефани.— Именно к этому я и веду. Мне то время вспоминается как лучшее в жизни. И тебе. Признайся.

— Ну и что?

— Может, и убийце тоже. Все идет оттуда, Джордж, поверь мне. Забудь о ЦРУ. Держу пари, что остальные не имели ничего общего со шпионством.

Каждое ее слово наводило на размышления, потому что могло оказаться истиной. Он мог пойти по ложному следу, напрасно тратя время и энергию на поиски «зеленых беретов» и агентов ЦРУ. Но Болтон служил в «беретах». Поэтому и взял имя Джо Маркони, человека из того же отряда. Однако угроза была адресована шести людям Кеннеди, не имевшим отношения к Вьетнаму.

13

Моряк казался Эверетту Меллону совсем не похожим на военного. Он носил очки без оправы и напоминал профессора романской филологии. Но на мундире у него были три шеврона капитана третьего ранга.

— Для плана «Тектайт»,— сказал он,— нам потребуется много яхт. Главным образом мощных. Возить людей с острова Сент-Томас на Сент-Джон и обратно.

— У меня их всего несколько,— сказал Меллон.— Яхты для небольших рыболовных компаний; управление на корме.

— Слишком малы,— сказал капитан.— Нам больше подошла бы моторная яхта длиной пятьдесят футов, мы использовали бы ее для перевозок, а потом, во время операции, поместили бы на нее своих людей. Потребуется нам она как минимум на три недели.

Они сидели в патио у Меллона, на капитане был ослепительно белый мундир, на Меллоне — бермудские шорты.

— Скажите, капитан,— спросил Меллон,— вы служите в военном флоте, так ведь?

— Да.

— Почему вы не пользуетесь своими судами?

Последние дни Меллон готов был подозревать всех, даже моряка, пришедшего фрахтовать яхту для военного флота. Но этого капитана он знал уже три года, еще с прошлой операции «Тектайт». Капитан улыбнулся.

— Понимаю ваше недоумение. Я и сам чувствую себя глупо. Но дело в том, что это не военно-морская операция. Ее проводит министерство внутренних ресурсов. Мы лишь помогаем — и без особой охоты.

— Почему?

— Флот считает, что ему незачем соваться в подводные эксперименты. Мы делаем свою работу по исследовательской программе. Тут вмешивается министерство внутренних ресурсов — и даже требует от нас содействия.

Меллон стал понимать.

— Мы считаем, что оказываем содействие, фрахтуя яхту, а не уснащая это предприятие военным кораблем. Поэтому...

— У меня есть нужная вам яхта,— сказал Меллон.— Можете пользоваться ею за тысячу в неделю.

— Никаких проблем.

Меллон сделал паузу.

— Одна проблема может возникнуть. Если вы фрахтуете яхту, то я требую себе должность капитана.

Капитан откинулся назад, пристально глядя на Меллона. Меллон понимал, о чем он думает.

— Вам, насколько я знаю, известно о грозящей мне опасности. И поверьте, это выход. Тут уже убийце будет проблемой добраться до меня в уединенной лагуне острова Сент-Джон, окруженной военной и правительственной охраной. Так ведь?

— Но все же...

— Прошу вас, капитан, возвращайтесь к своему начальству и дайте мне знать о его решении.

Капитан взял свою белоснежную фуражку с потускневшими от соли галунами и надел ее чуть набекрень. Меллон улыбнулся.

— Очень щеголевато, капитан.

Капитану хотелось побыстрее покончить с этим делом и вернуться в Вашингтон к семье. Он сказал:

— Считайте, что договорились. Только мы не можем брать на себя ответственность за вашу безопасность.— Он сделал паузу.— Однако мы можем назначить к вам на яхту четырех матросов и подобрать н а д е ж н ы х. Может, это будут вовсе не матросы, вы понимаете, что я имею в виду.

Меллон понимал. Одна проблема была решена. Служащий багамского правительства предупреждал его, что наплыв приезжих в туристический сезон — опасность, с которой не совладать. На крохотном островке множество неизвестных людей, а правительство не может рисковать жизненно важной туристской клиентурой, проверяя каждого приезжего.

Во время прошлой операции «Тектайт» Меллон был на острове Сент-Джон, тогда акванавты жили в домике под водой тридцать дней. Туристов к лагуне не подпускали. Там были только ученые и военные. Все известные, все проверенные. Это будет идеальным убежищем.

Когда капитан ушел, Меллон отправился на кухню и налил себе джина с тоником. Потом услышал, что кто-то подошел к передней двери. Один из его охранников пытался отогнать юную брюнетку в оранжевом бикини.

— Она не уходит, миста Меллон,— сказал охранник.— Говорит, что ваша родственница.

Меллон поглядел в ее голубые глаза и подумал, что если это убийца, он умер бы спокойно.

— Это моя племянница,— сказал он.— Пропустите ее.

Несколько минут спустя девушка пила с ним в патио кока-колу и хихикала.

— Вы приняли меня за убийцу?

— В личине,— сказал . Меллон.— На самом деле ты тридцатипятилетний мужчина с пистолетом в лифчике.

— Вот это да!— воскликнула девушка и засмеялась снова.— Я уже слышала, что вы остряк. Все ребята на пляже подначивали меня прийти сюда... так сказать, потревожить льва в его логове.

— Садисты вы все,— полушутя сказал Меллон.— Вам хотелось бы видеть, как пуля пробьет мне горло и я захриплю...

— Вот-вот, мне так и говорили. Вас хотят убить, а вы ш у т и т е.

— А что еще делать? Кто-то покушается на мою жизнь, хотя совсем меня не знает и ничего против меня не имеет. Очевидно, здесь какая-то путаница. Надеюсь, что так.

Девушка стала снимать бикини. У нее была замечательная фигура, идеальные груди, тонкая талия и выпуклый зад; белые полоски незагорелой кожи на груди и на бедрах Меллон нашел возбуждающими. Загар оттенял единственную оставшуюся на ней вещь — серебряный браслет, на котором висела монета с профилем Кеннеди.

— Тебе сколько лет?

— Семнадцать.

— А мать с отцом сейчас ищут тебя возле отеля?

— Может быть,— с неожиданной серьезностью сказала девушка.

Меллон встал, чувствуя себя старым и смущенным, но с твердым намерением выпроводить девицу. Ему и без того хватало забот.

— Пожалуй, сегодня купаться нагишом мы не будем. Мисс, как тебя зовут?

— Кэти.

— Видимо, сейчас ты пойдешь домой. В купальнике, а не без.

— Вот тебе на,— сказала девушка.— Ты что, в самом деле старик?

Она подошла к Меллону и взглянула ему в лицо с сумасшедшими искрами в глазах. Багамские охранники, наблюдавшие с пистолетами в руках из-за ограды, захохотали.

— Этот человек умрет счастливым!— сказал один из них.

А вечером семнадцатилетняя брюнетка похвастала своему новому остроумному приятелю Джиму Адамсу, что преуспела, и в доказательство вытащила из сумки трусы Меллона; Джим сказал, что такую девушку встречает впервые; что в Сиэтле девушки настоящие недотроги.

Потом, в постели, Кэти сообщила ему еще кое-что. Меллон наутро собирался на остров Сент-Джон. Какие-то дела, связанные с подводным проектом.

14

В Нью-Йорке была уже ночь, и Стефани Сполдинг сказала Уильямсу:

— Будет тебе. Отложи до завтра.

Уильямс положил телефонную трубку и поглядел на свою гостью. Стефани становилась обузой.

— У меня нет времени для тебя, Стефани.

— Но до утра ты все равно ничем не сможешь заняться. Уже одиннадцатый час.

— И, наверно, поскольку тебе негде спать, ты ляжешь здесь.

Но Стефани уже набрасывала на плечи свою накидку.

— Только сперва ты поведешь меня поужинать.

Стефани хотелось в ресторан «Двадцать одно». Уильямс не возражал по двум причинам. Во-первых, там была хорошая кухня, и он охотно ходил туда, когда мог себе это позволить. Во-вторых, раз уж потом все равно оправдываться перед Сарой, имело смысл пойти в приличное место. «А оправдаться будет непросто,— подумал он.— У Сары *долгая* память».

Высокий Чак Андерсон приветствовал их у дверей ресторана и подмигнул Уильямсу.

— Вы сегодня в прекрасном обществе, Джордж,— сказал он.— Как дела, миссис Уинтроп?

Боб Крейндлер подошел поговорить со Стефани, и Чак понизил голос:

— Может, вам отдельный кабинет?

— Нам здесь никто не помешает,— ответил Уильямс.

— Это дело вы еще не распутали?

— Нет.

— У меня у самого появилось несколько морщин. Мистер Карсон был нашим постоянным клиентом. И замечательным человеком. Но все это очень странно. Никто *ничего* не знает!

— Вы точно определили нашу проблему,— сказал Уильямс.— Но не буду отвлекать вас от дел.

Он подсел к Стефани в большом баре, шум стал утихать, и все взгляды обратились к ним. Ему это не понравилось, он подумал, что все газеты расточали ему похвалы как следователю, печатали его фотографии на первых страницах, а теперь могут раструбить о его появлении в обществе ветреной Стефани Сполдинг. Что скажет об этом старина Коннорс! Немного погодя, когда они ужинали, он взглянул на часы и увидел, что уже полночь. Восьмое ноября. Оставалось две недели.

Через час они ехали на такси к отелю «Ридженси», где Стефани заказала номер. Настроение у нее было прекрасным.

— Было очень весело,— сказала она.— Черт возьми, мы с тобой знаменитости.

— Надеюсь, в следующий раз твоя фамилия появится на страницах газет не в некрологе,— резко сказал Уильямс, он устал, изнервничался, и ему не давало покоя решение поместить Стефани в «Ридженси», а не в своем отеле.

— Господи, почему бы не остаться мне в «Плазе», на другом этаже? Сара не может быть такой уж подозрительной.

— Незачем еще больше осложнять это дело пересудами о нас,— ответил Уильямс.

Они подъехали к отелю. Уильямс вошел первым.

— Ни в коем случае никого не пускайте к ней в номер,— сказал он администратору.

— Не беспокойтесь,— ответил администратор.— Мы знаем об опасности.

Но Уильямсу не следовало оставлять Стефани одну. Потому что на углу Шестьдесят второй-стрит и Парк-авеню в темноте у тротуара стояла машина, а за рулем сидел Карл Ричардсон.

15

В номере Стефани Сполдинг было темно. Изножье кровати освещала серебристая луна. Стефани снился восхитительный сон; они с Джорджем, снова юные, бегут по лужайке Молла в Вашингтоне, Джордж поскользнулся, и, когда она подошла, чтобы помочь ему подняться, он взглянул на нее, улыбнулся своей странной полуулыбкой и сказал: «Я люблю тебя»,— тут, нарушив тишину, разогнав сновидение, зазвонил телефон, у Стефани не было ни сил, ни желания просыпаться, потом она внезапно села, перепуганная, как никогда в жизни. Телефон продолжал звонить. Стефани сняла трубку.

Незнакомый голос произнес: «Я тот, кто послал вам письмо. Давайте встретимся у входа, я все объясню. Только не вызывайте полицию!»

Трубка выпала из дрожащей руки Стефани. Она подняла ее и, не теряя времени, позвонила в «Плазу».

— Джордж,— чуть ли не завизжала она.— Убийца! Он звонил!

— Откуда?

— Сказал: «Встретимся у входа».

— Не выходи и не паникуй. Через минуту там будут пятнадцать агентов ФБР. К двери не приближайся!

Уильямс тут же позвонил в «Ридженси», и администратор сказал, что немедленно пошлет к ее номеру охрану.

— Посмотрите, кто у входа,— сказал Уильямс, хотя и понимал, что это очередной трюк изобретательного убийцы, но все же нужно было удостовериться. Он связался по телефону с ФБР, и оттуда немедленно отправили трех агентов. Затем позвонил Макгреди, поднял его с постели, и капитан привел в действие управление полиции.

Положив трубку, Уильямс с минуту посидел в раздумье на постели. Что готовится на сей раз? При последнем таком звонке телефон оказался с «сюрпризом». Но пытаться сделать то же самое дважды? Зная, что Стефани позвонит Уильямсу, что даже при намеке на опасность она вызовет полицию?

Уильямс торопливо оделся и взял коротконствольный пистолет тридцать второго калибра. У него было предчувствие, что в течение ближайшего часа оружие ему понадобится. Он твердо решил не упустить на этот раз убийцу.

Спустившись на лифте в пустой вестибюль, где сидел только администратор, Уильямс, не подходя к передней двери, выскользнул на Пятьдесят девятую-стрит из боковой. Ричардсон, сидевший в машине на углу, никак этого не ожидал. Ему пришлось развернуться, это было глупо, и когда он с ревом понесся к Уильямсу, у того уже был в руке пистолет. Какой-то таксист сдавал машину назад, собираясь уезжать. Ричардсон положил правую руку с «люгером» на предплечье левой и несколько раз выстрелил, но вместо того, чтобы ответить тем же, Уильямс остановил перепуганного таксиста и пустился в погоню.

Если нестись по Манхэттену в два часа ночи, то на задержание ринется два десятка полицейских машин. Ричардсону это было совсем ни к чему. Он резко остановил машину у Центрального парка, выскочил и перемахнул через стену в темноту под деревьями. Но Уильямс не отставал от него; Ричардсон выругался, потому что недооценил этого человека и, в полной уверенности, что тот побоится преследовать в парке вооруженного противника, не подумал остановиться и застрелить Уильямса, когда он, перелезая через стену, представлял собой прекрасную мишень.

Ричардсон побежал в темноту. Издалека донесся приближающийся вой сирен. Уильямс мастерски организовал все. Это конец. Ему было слышно, как Уильямс бежит следом, потом он увидел большой камень, укрылся за ним, выставил пистолет, неколебимый, как скала, и стал ждать. Но Уильямс не появлялся. Тот еще сукин сын.

Сирены в Манхэттене... к отелю «Ридженси», где Стефани уже была окружена охраной, съезжавшейся со всех сторон... к «Плазе», где раздавалась стрельба и перепуганный таксист громко рассказывал, как его пассажир на ходу выскочил из машины и перепрыгнул через стену в Центральный парк.

Но Центральный парк большой, там было темно, и внезапно Ричардсон осознал: у него есть преимущество на несколько минут. Ему приходилось действовать в подобных условиях.

Там, где он последний раз слышал Уильямса, было тихо. Самым разумным для этого человека было отползти в безопасное место и ждать, когда появится полиция и со всех сторон окружит Ричардсона. Но Уильямс на это не пойдет. Он не из таких. И, кроме того, он думает, что перед ним убийца.

Черт побери! Тут Ричардсон осознал еще кое-что. Они сочтут *его* убийцей. Разве он не звонил по телефону? Разве он не стрелял в Уильямса? На спасение ему оставались минуты. Пригнувшись, он бесшумно побежал вдоль камня, чтобы скрыться из поля зрения Уильямса. Минуту спустя, держа пистолет наготове, он опять заполз за этот камень и распростерся на земле. Выстрелов не было. Перед ним лежал небольшой камешек. Он бросил его ярдов на тридцать вправо. Выстрелов не было. Он вскочил, подбежал к дереву и прижался к стволу.

— Уильямс,— окликнул он,— я здесь.

Выстрелов не было.

Ричардсон неистово огляделся, но в темноте ничего не было видно. Уильямс мог находиться где угодно. Потом увидел его... за кустом в тридцати футах прямо напротив. Он навел «люгер» и выстрелил раз, другой. Тщетно: человек не упал. Ричардсон бросился вперед, споткнулся, и пуля прожужжала над его головой; этот гад обманул его, повесив пиджак на куст, он обернулся и тут на самом деле увидел Уильямса. Уильямс выстрелил. Пуля попала Ричардсону в плечо, он упал и выронил пистолет. Уильямс подошел, поднял его и сказал: «Пошли!»

И неожиданно для себя Ричардсон поплелся рядом с Уильямсом, зажимая рукой рану. Уильямс помог ему перелезть через стену. Там стояла полицейская машина, но Уильямс сказал сержанту, что Ричардсон его человек и что убийца в парке.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Во время съемки испытаний взрывчатки Лоуэлл похитил два заряда и скрылся. Затем он уничтожил паспорт режиссера Карсона и выкрал из кабинета конгрессмена Медуика документы, изобличающие того во взяточничестве. Тогда же он написал письмо заместителю помощника министра юстиции Уильямсу. В нем Лоуэлл угрожал смертью Уильямсу, Карсону, Медуику, маклеру Меллону, красавице Стефани Сполдинг, тренеру Уорнки.

Ночью Медуик поехал к Лоуэллу после его звонка, чтобы выкупить украденные документы. На обратном пути он гибнет в устроенной Лоуэллом автомобильной катастрофе. Поняв, что в наибольшей опасности сейчас находится Карсон, Уильямс принял, казалось бы, все меры предосторожности. Но во время их встречи в отеле Лоуэлл сумел выманить Уильямса из номера и убил хорошо охраняемого Карсона.

Телевидение и печать извещены о преступлении. Агенты безопасности перекрыли все аэропорты. Однако Лоуэлл выскользнул из ловушки и готовит убийство маклера Меллона.

Теперь за Лоуэллом начинает охотиться тайная организация крайне правых, существующая в высших правительственных сферах, к которой он привлекает внимание общественности, называя себя именами ее членов.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

16

Ричардсон держался стойко. Заспанный врач пришел в номер и перевязал его. Пуля пробила мышцы, не задев кость. Ричардсон даже не поморщился, когда врач зондировал рану и накладывал швы. Тем временем Уильямс позвонил сперва Макгреди, потом в ФБР, оттуда доложили, что убийца не найден. Он сказал, что раненый — его помощник из министерства юстиции и что врач уже оказывает ему помощь.

И вот в три часа ночи они сидели в номере у противоположных стен. Уильямс держал пистолет на коленях. Он понимал, что даже с рукой на перевязи Ричардсон опаснее целого взвода убийц.

— На этот раз вы сглупили,— сказал Уильямс.

В ответ послышалось лишь ворчание.

— Вы Джефф Болтон?— спросил Уильямс.— Тот человек, что прислал мне письмо?

— Нет, черт возьми.

— Тогда почему вы хотели убить меня?

— Мне нужно позвонить,— сказал Ричардсон.

— Нужно, но не хочется, так ведь? Если ваши люди узнают о случившемся, вам не поздоровится. Мне кажется, вы затеяли это на свой страх и риск.

— Почему?

— Ни прикрытия. Ни наблюдения. Ни помощников. Почему вы хотите убить меня, Карл Ричардсон?

Тут Ричардсон посмотрел на него более пристально.

— Ага, значит, вы знаете. Ну и что?

— Итак, вы погибли при воздушной катастрофе во Вьетнаме пять лет назад. Очень странно видеть вас живым и здоровым.

— Тьфу ты,— сказал Ричардсон.— Бросьте этот детский лепет. Вы же понимаете, что катастрофа — просто заметание следов.

Уильямс говорил спокойно, но держал пистолет на коленях и был предельно насторожен.

— Вы сегодня сделали очень «умный» ход, Ричардсон. Не думаю, что ваше начальство будет довольно, узнав о нем. Поэтому я заключу с вами сделку...

— Никаких сделок.— Тон был резким, категоричным.

— Я могу выдать вас полиции, сделать заявление для прессы, что вы на меня напали, — и вашей карьере конец. Навсегда.

— Или?

— Или можете рассказать мне все, что знаете о Болтоне, и быть свободным.

На лице Ричардсона отразилось искреннее удивление.

— И это все?

— Из шести убито двое. Я должен найти Болтона, пока он не совершил очередного убийства.

Ричардсон, очевидно, соображал быстро. Уильямс понимал, что ему нужно вырваться из этой ловушки хотя бы затем, чтобы снова стрелять в него.

— Но вы не можете меня отпустить,— сказал Ричардсон.— Сегодня я пытался убить вас. И могу попытаться снова.

— Рискну,— сказал Уильямс.

— Если я расскажу все, что знаю о Болтоне, вы будете настолько глупы, что отпустите меня?

— Совершенно верно.

Ричардсон откинул голову назад и задумался. Потом сказал:

— Хорошо, расскажу. С какой стати Болтон пошел в «зеленые береты», мне никогда не понять.

17

11 февраля 1964 года. Аллен Лоуэлл прошел по коридору ЮСИА в кабинет своего начальника Джима Карсона. Карсон просматривал на свет кусок 16-мм пленки; увидев Аллена, он положил пленку на стол.

— В чем дело, Аллен?

— Хочу поблагодарить вас за то, что дали мне здесь работу. Мне очень понравилось редактировать фильмы.

— Ты увольняешься?

— Видите ли, меня должны призвать в армию, но я не хочу дожидаться призыва. Я вступаю в «зеленые береты».

Карсон свистнул. Потом сказал:

— Не спеши, малыш. Там будет несладко.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—45.

Если призовут, я могу устроить тебя в армейский киноцентр в Нью-Йорке, будешь наслаждаться жизнью в большом городе и нести службу.

— Я хочу нести службу по-своему.

Карсон оглядел худощавого восемнадцатилетнего парня.

— Не обижайся, Аллен, но, по-моему, в «береты» ты не годишься.

— Буду тренироваться. Я еще расту.

Карсон сдался.

— Поступай, как считаешь нужным, но я все же не понимаю тебя. Почему «береты»?

— У вас это есть в фильме,— ответил Аллен.— Президент Кеннеди сказал «беретам»: «Носите их как символ чести».

— Извини за грубость,— сказал Карсон,— но Кеннеди мертв, и ты, если пойдешь в «береты», тоже можешь оказаться на Арлингтонском кладбище.

— Если за Америку, то пусть.

Карсон ждал, что парень улыбнется, но он не улыбнулся. Через минуту Карсон сказал с неловкостью:

— Что ж... Я восхищен твоим образом мыслей, малыш. Теперь, когда Кеннеди нет, я тоже ухожу отсюда.

— Чем же вы займетесь?

— Попытаю счастья в Голливуде. Конечно, это совсем не то, что твое решение,— торопливо добавил он.

Но Аллен сказал лишь:

— Я увольняюсь в пятницу. Вы обеспечите расчет и все прочее?

— Не волнуйся.— Он пожал парню руку.— Желаю удачи, Аллен. Береги там себя. Если в Голливуде мне повезет, свяжись со мной, когда отслужишь, я постараюсь помочь тебе вернуться в кино.

Четыре года спустя Аллен написал Карсону, что он в Голливуде, нездоров и ищет работу. Карсон, как и следовало ожидать, не ответил.

18

ИЗ РАСШИФРОВКИ ЗАПИСАННОГО НА ПЛЕНКУ РАЗГОВОРА МЕЖДУ КАРЛОМ РИЧАРДСОНОМ И ДЖОРДЖЕМ УИЛЬЯМСОМ, ЗАПИСЬ СДЕЛАНА БЕЗ ВЕДОМА ОТВЕЧАЮЩЕГО.

РИЧАРДСОН. Должен сразу же сказать, что не знаю его настоящей фамилии. В документах ни у кого не было настоящих фамилий. Поступив в эту контору, я назвался Карлом Ричардсоном.

УИЛЬЯМС. Джефф Болтон служил в ЦРУ?

РИЧАРДСОН. Не совсем.

УИЛЬЯМС. Я не понимаю. Либо служил, либо нет.

РИЧАРДСОН. Маркони, Гринвуд и я были во Вьетнаме в одном отряде. Шли туда, где были нужны, занимались чем требовалось — допросами, разведкой. Работа эта тяжелая. Легкой у нас не бывало. На мой взгляд, Маркони и все остальные были героями. И все люди конторы, нас там были сотни, занимались самой грязной работой. Потом один из наших был убит, а у нас была срочная работа за линией фронта, и я попросил у командира пехотинцев на время одного человека.

УИЛЬЯМС. Как его фамилия?

РИЧАРДСОН. Маркони пошел в один из взводов и, по-моему, выбрал первого попавшегося. Настоящей его фамилии я не знал. Незачем было. Мы снабдили его документами на имя Джеффа Болтона.

УИЛЬЯМС. Постойте, постойте! Фамилия пехотного командира? Он должен помнить настоящую фамилию Болтона.

РИЧАРДСОН. Он погиб. Это правда. Напоролся на мину. Но я понимаю, к чему вы клоните. Номер части. Черт возьми, что это была за часть? (Пауза на пленке.) Бригада, расположенная возле деревни Чу Лай двенадцатого сентября шестьдесят седьмого года. Ерунда, ничего из этого не выйдет.

УИЛЬЯМС. Выйдет, если есть запись о переводе солдата в другую часть.

РИЧАРДСОН. ЦРУ уничтожило бы запись о Болтоне.

УИЛЬЯМС. Все же мы проверим. Продолжайте.

РИЧАРДСОН. Командир отдал нам этого «берета», тощий был, жилистый, с виду неказистый. Но отличный солдат.

УИЛЬЯМС. Как это понять?

РИЧАРДСОН. Умный. Чего недополучил в телосложении, было в мозгах. И смелый. Однажды мы ставили мины на дороге, ведущей к резиденции одного вьетконговского начальника. Хижина пустовала, но мы знали, что он вскоре вернется туда с друзьями... Вдруг спереди по нас открыли с трех сторон пулеметный огонь. Деваться было некуда. А Болтон взял мину, которую собирался установить, и выкинул странную штуку. Бросил ее высоко в воздух в сторону чарли, и упала она прямо перед ними. Но не взорвалась. Это был отличный трюк, болтоновский трюк. Он применил его первым.

УИЛЬЯМС. С какой целью?

РИЧАРДСОН. Во-первых, эти чарли были зачарованы летящей миной. Они перестали стрелять и бросились в укрытия, но это еще не все. Когда мина шлепнулась, они минут пять глядели на нее, выжидая, пока она взорвется, а мы тем временем улизнули оттуда. Если бы она просто взорвалась, кое-кто бы погиб, но остальные продолжали бы наступать. Стоящий парень этот Болтон. Правда, он ненавидел меня.

УИЛЬЯМС. Почему?

РИЧАРДСОН. Он был настоящим сумасбродом, э... вы, очевидно, назвали бы его идеалистом. Все остальные в отряде были... консервативными.

УИЛЬЯМС. Олимпийцами?

(Пауза на пленке.)

УИЛЬЯМС. Я уже знаю. Так что продолжайте.

РИЧАРДСОН. Об олимпийцах мне ничего не известно. Знаю только, что мы были сторонниками, как вы это называете, «жесткой политики», а Болтон считал, что, воюя во Вьетнаме, он принесет какую-то пользу человечеству или что-то в этом духе, и ему очень не нравилось то, что он видел или в чем, оказавшись среди нас, принимал участие. Признаю, что остальные недолюбливали Болтона. На него, можно сказать, ополчились — заставляли делать всю грязную работу.

УИЛЬЯМС. Например?

РИЧАРДСОН. Пытки.

УИЛЬЯМС. Вы заставляли его пытать пленных, единственного человека, который не желал этого делать?

РИЧАРДСОН. Война есть война. Он сам пошел в «береты». Никто не просил его.

УИЛЬЯМС. Но вы затащили его в свой отряд ЦРУ, и он увидел, что тут идет совсем другая война.

РИЧАРДСОН. Да.

УИЛЬЯМС. Он не протестовал?

РИЧАРДСОН. Протестовал? Он удирал три раза. Но от «конторы» во Вьетнаме не убежишь. Некуда. А когда узнал, что за дезертирство можно пожизненно попасть в тюрьму, притих и остался с нами.

УИЛЬЯМС. Бедняга.

РИЧАРДСОН. Что с вами, Уильямс? Этот парень хочет убить вас, забыли?

УИЛЬЯМС. Расскажите, чем завершилась история этого Болтона. Как он покинул ваш отряд? Куда ушел? Какую новую фамилию взял?

РИЧАРДСОН. Началось все это в дождь возле деревни Лон Син из-за того гада, Ху Линга. Он был двойным агентом. Мы его разоблачили.

19

Дождь барабанил по зеленым листьям манго, шуршал в кустах и превращал землю в жидкую грязь. Аллен Лоуэлл лежал в палатке неподалеку от деревни Чу Лай, поглядывал на Гринвуда, этого болвана и подлизу, спокойно храпящего, положив руку под голову, и думал, как было бы просто вонзить нож ему в сердце или перерезать горло, но тут клапан палатки открылся и вполз промокший до нитки Маркони.

— Что за проклятая ночь,— сказал он,— Ху Линг сбежал. Мы пять часов гонялись за ним впустую.

— Откуда ты сейчас?— спросил Аллен.

— Меня вызывал командир. Сказал, что завтра вылетаем в Лон Син.

— Зачем?

Маркони стянул мокрую одежду и в одних трусах полез в спальный мешок.

— Говорит, что Ху Линг подастся туда. Ближайшая деревня.

Аллен лежал на спине, глядя на брезент, провисший под тяжестью воды.

— Тебе не место среди этого сброда, Джо.

Маркони повернулся на бок, лицом к нему.

— Смешно слышать это от тебя.

— Давай завтра убежим вместе.

Маркони с минуту молчал, потом улыбнулся.

— Послушай, Ричардсон называет тебя сумасшедшим, и я начинаю верить, что он прав. Ты удирал уже три раза, но куда убежишь во Вьетнаме? Улететь отсюда невозможно. Так что успокойся, малыш. Я давно тебе это говорю. Рано или поздно придет твоя очередь, вернешься в Штаты, и все эти мелкие... неприятности забудутся.

Аллен улыбнулся.

— Неприятности, да.

— Давай-ка спать,— сказал Маркони.

— Ты забыл об одном,— сказал Аллен.— Мы уже не в «беретах». Здесь нет ни регулярных отпусков, ни периодов отдыха и возвращения в Штаты через полтора года. Мы выполняем особую задачу.

— Война — это ад, — сказал Маркони и уснул.

Аллен до рассвета смотрел на клапан палатки и потом задремал. Когда он проснулся, Ричардсон уже вызвал вертолет, и после завтрака они снова отправились убивать.

Летчик показал пальцем вниз.

— Бой начался.

Все стали смотреть в иллюминаторы правого борта и увидели внизу стрельбу. Пехотинцы били из минометов, в зарослях вздымались клубы дыма от взрывов.

— Проклятие,— сказал Маркони за спиной Аллена,— они слишком далеко! Черт знает где от Лон Сина.

Сидевший впереди Ричардсон обернулся. Он был одет в мундир «зеленых беретов» с патронташем и гранатами.

— Трусишь?— спросил он у Маркони.

— Что вы, сэр.

— Хочешь провести здесь еще два года без отпуска?

— Нет, сэр.

— Тогда будь паинькой и помалкивай.

Но даже подлиза Гринвуд шепнул Лоуэллу:

— Видать, он спятил из-за этого Ху Линга.

В деревне, состоящей из беспорядочно разбросанных, соединенных тропинками хижин, они сверху увидели движение. Шли женщины и дети, вол тянул повозку, они увеличивались в размерах, когда вертолет стал опускаться у крайней хижины; когда он совсем снизился, с земли поднялись громадные тучи пыли. Все выскочили вслед за Ричардсоном, пробежали несколько шагов, залегли и открыли прикрывающий огонь, но на выстрелы никто не отвечал. Какая-то женщина в соломенной шляпе торопливо скрылась в хижине. Ричардсон жестом подал команду, и они пробежали вперед, залегли и снова открыли огонь. На сей раз был ранен и повалился иссохший старик, вышедший из-за хижины посмотреть.

Они пролежали целых две минуты, потом Ричардсон сказал через плечо:

— Наверно, там никого нет.

Пригибаясь, они побежали к деревне, миновали хижины с укрывшимися там людьми и вышли на деревенскую площадь. Ричардсон приказал согнать туда жителей. Когда они согнали группу злосчастных женщин, детей и стариков, с южной стороны, все приближаясь, послышалась стрельба и вой осколков. Потом стрельба приблизилась совсем, и Ричардсон внезапно приказал Гринвуду: «Покарауль их здесь. Мы отойдем». Аллен увидел, как побледнел Гринвуд от страха, что его бросят, но «береты» кинулись к южной стороне деревни и залегли в тихой роще; стрельба по-прежнему раздавалась в нескольких сотнях ярдов, потом внезапно из-за кустов показалось двадцать с лишним человек в пижамах; они находились спиной к Ричардсону, оружие их было направлено в лес, Ричардсон встал, навел на них пулемет и крикнул:

— Бросай оружие!

Вьетнамцы обернулись, никто из них не выстрелил. Лоуэлл сразу же увидел Ху Линга с выкатившимися от страха глазами.

Они бросили оружие и пошли под конвоем американцев на сельскую площадь; Аллен и остальные встали, наведя автоматы на безоружных людей и недоумевая, что же намерен Ричардсон делать дальше. Им полагалось сдать пленных пехотинцам, когда те подойдут, и получить награду. Но Аллен знал Ричардсона. Ричардсон не хотел иметь свидетелей того, что должно было произойти.

Взгляд Лоуэлла привлек младенец на руках у женщины. Он высоко поднял ручонки и размахивал ими. Аллен взглянул в умоляющие лица стоявших перед ним молодых вьетконговцев, стариков и женщин с детьми, это была картина, которую никогда не забыть, такая отвратительная сторона войны, что к глазам подступали слезы. И тут Ричардсон сказал ему: «Я застрелю Линга, а ты перебей остальных»,— вытащил из кобуры «люгер», которым очень гордился, и выстрелил Лингу сперва в пах, а когда тот согнулся от боли, в голову. «Стреляй! Стреляй!»— крикнул он Аллену, но Аллен не мог нажать на спуск, не мог шевельнуть рукой и сказал Ричардсону: «Поручите другим! Я не в силах!» А Ричардсон ответил: «Стреляй живей,—и, пока не подошли пехотинцы, добавил:—Стреляй, а то навсегда останешься в этом отряде». И Аллен начал стрелять, поражая людей в грудь и в лицо, они с криками стали падать на землю, услышав это, американские пехотинцы вбежали в деревню, и один из них, негр, поглядел на Аллена с отвращением и презрением. Ричардсон, поняв, что этот инцидент станет известен и повлечет за собой массу неприятностей, в бешенстве погнал своих людей бегом к вертолету.

Потом, когда вертолет уже поднялся, Аллен подошел к Ричардсону, схватил его за горло и стал душить. Ричардсон, побагровев, силился оторвать стальные пальцы от горла, в конце концов Маркони с Гринвудом оттащили Аллена, повалили на пол и прижали его коленями; он бился, пытаясь вырваться, проклинал себя, что не застрелил Ричардсона, потом истерически разрыдался.

На другой день Ричардсон с улыбкой пришел к нему в госпиталь.

— Твое желание сбылось, парень. Ты возвращаешься домой.

Аллен тупо поглядел на него.

— На оформление бумаг уйдет три дня,— весело сказал Ричардсон.— Но это — почетное увольнение.

— Нет,— сказал Аллен.— Я останусь и убью вас.

— Не советую,— ответил Ричардсон.— А когда вернешься в Штаты, рекомендую помалкивать. Иначе наживешь неприятностей.

— Почему?

— Вчера на глазах у солдат Джефф Болтон совершил массовое убийство. Теперь я придумал, как прикрыть это дело. Ты будешь убит. Мною.

Аллен молча смотрел на него. Ричардсон сказал:

— Это легенда на тот случай, если кто-нибудь поднимет шум. Поэтому возвращайся домой, как паинька, возьми свою прежнюю фамилию и навсегда забудь о вчерашнем.

Но вернулся Аллен не так уж скоро. В тот же вечер после ухода Ричардсона он попытался совершить самоубийство, проглотив целый пузырек снотворных таблеток, прописанных лежавшему на соседней койке сержанту, но ему промыли желудок и спасли. На другой день блондин-психиатр с усиками и пышной шевелюрой начал с ним десятидневную серию бесед.

Однажды после беседы психиатр пил кофе со своим коллегой.

— Как этот парень?— спросил коллега.

— Обычная история, изнурение, стресс, ненависть к командиру.

— То есть ничего особенного.

— Только вот бред. Твердит, что ходил с «беретами» в разведку, пытал и убивал пленных. Обычная компенсация для людей его типа.

— Из какой он части?

— Киноредактор из пятого отдела. Боев и в глаза не видел. В документах все указано.

Блондин оторвался от чашки и проводил взглядом медсестру в зеленом халате.

— Черт, я бы от нее не отказался.

Но его коллега все же не потерял интереса к тому пациенту.

— Раз у него такой бред, может, подержать его здесь, пока он не придет в себя.

— У нас на счету каждая койка,— сказал блондин.— Поэтому я отправляю его домой. В родном городе, в кругу семьи он за несколько дней придет в норму.

— Пожалуй,— сказал другой психиатр.— А вдруг нет?

20

— Откуда вы знаете о разговоре психиатров?— спросил Уильямс.

— Блондин был нашим человеком.

— Значит, вы представили парня-идеалиста психически больным?

— Думайте по этому поводу, что хотите,— сказал Ричардсон. Он уже держался и говорил с полной непринужденностью.— На мой взгляд, парень выполнял свой долг перед страной. А если ему было тяжело, если он страдал — черт с ним, он не единственный.

— Все же я хочу получить сведения о нем: откуда он, кто были его друзья. Должно быть, за то время, что парень пробыл у вас, вы кое-что слышали.

— Не слышал ничего. Он в первый же день возненавидел меня. И Гринвуда. Общался с ним только Маркони, потому что и сам чем-то напоминал Болтона. То есть ему тоже не нравилось кое-что, чем мы занимались. Но дезертировать он не пытался, могу вас в этом уверить.

— Что ж, может, для вас это окажется новостью — Болтон вчера был в Торонто и выправил себе фальшивые документы на имя Маркони.

— Слышал,— злобно сказал Ричардсон.— Сукин сын. Он делает как раз то, что нужно вам, впутывает нас в эту историю, чтобы навести на наш след. Слушайте, Уильямс, у меня тоже есть новость для вас. Мы ищем этого сумасшедшего так старательно, как и вы.

— Почему?

— В а м мы ничего не скажем, Уильямс.

Уильямс подался вперед и резко сказал:

— Перестаньте, Ричардсон, не то завтра же эта пленка будет в ЦРУ и вам придется искать другую работу.

— Пленка? Гад! У нас же договоренность.

— Договоренность сохраняется,— сказал Уильямс.— Но вы утаиваете сведения.

Ричардсон выглядел уже не так уверенно. Лицо его покрылось испариной.

— Вы записали весь разговор на пленку? И после этого хотите, чтобы я говорил?

— Иначе смерть,— сказал Уильямс. Он поднял пистолет и навел его в переносицу Ричардсону. И странное дело, это была не просто угроза. Он охотно убил бы этого садиста.

— Выключите запись,— сказал Ричардсон.

Уильямс опустил руку под стул и нажал кнопку.

— Ну, лживый гад, в нашу договоренность входит выключение магнитофона?

— Да,— сказал Уильямс.

— Ладно, преподам вам несколько уроков. Во-первых, эти убийства Болтона не имеют отношения к нам. Они связаны с Кеннеди. Болтон был без ума от Кеннеди, когда попал к нам во Вьетнаме. Черт, он даже носил при себе фотографию, где был снят с ним...

— О н был снят с президентом?

— Да, но не волнуйтесь. Этому парню однажды удалось попасть на большой прием в Белом доме, и президент произвел на него такое впечатление, что Болтон подошел к нему, заговорил и кто-то заснял их.

— Что он говорил о Кеннеди?

— А, обычную левацкую чушь. Что у Кеннеди были идеалы, понятные молодым. Что он пробуждал в них желание трудиться и даже сражаться ради своей страны. И все это так вдохновенно. Мне надоело это слушать. В конце концов я послал его вместе с Кеннеди коекуда.

— Как можно было сказать ему такое?

Ричардсон покосился на Уильямса.

— Я и забыл, что передо мной сидит такой же миссионер.

— Говорил Болтон, как попал в Вашингтон и стал работать для той администрации?

— Еще бы! Я десяток раз слышал, что с его тетушкой случился удар, когда он отправился в Вашингтон работать для этих левых. Тетушка понимала что к чему. Но Болтон выслушал инаугурационную речь, пришел в восторг — и прощай, тетушка, привет, Вашингтон, боже, храни короля.

— Хорошо,— сказал Уильямс.— Почему вы ищете Болтона?

— Из-за в а с,— сказал Ричардсон.— Вы втягиваете ЦРУ в историю, к которой мы совсем непричастны. И ненавидите нас! Нам это известно.

Он подался вперед.

— Вот что я скажу вам, Уильямс. Вы на ложном пути. Забудьте об олимпийцах! Черт возьми, если бы Болтон хотел отомстить за то, что было с ним во Вьетнаме, он бы искал меня, а не шестерых поклонников Кеннеди.

— Но он считает, что вы погибли во Вьетнаме.

Ричардсон промолчал, и Уильямс резко взглянул на него.

— Выходит, он з н а е т, что вы живы. Вы его видели? К о г д а?

— Не знаю, что он знает,— ответил Ричардсон после паузы,— но я знаю, что он хочет убрать шестерых незнакомцев к годовщине Кеннеди — а вы обвиняете ЦРУ! ЦРУ не интересует его, Уильямс. Е м у н у ж н ы в ы!

— Хорошо,— сказал Уильямс.— Это все.

— Не все,— возразил Ричардсон.— Мне нужна пленка.

Уильямс встал.

— Убирайтесь, Ричардсон. Моим условием было, что вы свободно уйдете отсюда, и я его выполняю. Но когда вам снова захочется стрелять в меня, вспомните об этой пленке. После ее получения ЦРУ на другой же день подыщет вам конторскую работу где-нибудь в Уганде.

Ричардсон в бешенстве вышел.

Уильямс стал готовиться ко сну. Теперь он точно знал, что Джефф Болтон душевно нездоров; об этом позаботились садисты из «зеленых беретов». И этот душевно больной парень носил с собой фотографию, где был снят с Кеннеди. Значит, он б ы л приверженцем Кеннеди; здесь была связь с угрозой убийств к годовщине со дня смерти президента.

Но в чем же эта связь? Ричардсон попал в точку. Уильямс проверял нити, ведущие к ЦРУ, а угроза касалась шестерых приверженцев Кеннеди, а не головорезов-олимпийцев. Почему?

Ну и дело! Ну и головоломка! Уильямс не мог ни к чему подобрать ключ. И чувствовал себя совершенно разбитым, совершенно беспомощным.

Завтра он вылетит в Вашингтон и просмотрит показания Маркони, но надежды на них мало. Что мог сказать Маркони такого, чего не говорил Ричардсон?

Усталый Уильямс принял душ, надел пижаму и, вместо того, чтоб лечь в постель, сел в кресло и снова открыл портфель. Он понимал, что заснуть все равно не сможет. Зачем же зря терять время на попытки?

В портфеле были досье на все жертвы. Он достал их и разложил на столе. Что еще? Копия угрожающего письма, копия записки Медуика о самоубийстве, копия пленки с отфильтрованным голосом Болтона. Сводка НИЦ ФБР по фамилии Болтон, не открывающая ничего.

Уильямс еще раз перечел отпечатанную компьютером бумагу. Последний абзац гласил:

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ДЖЕФФРИ БОЛТОН, МЕРИЛЕНД, БАЛТИМОР, МАРЛТОН АВЕНЮ 1340, ВЫБЫЛ, НЕ ОСТАВИВ НОВОГО АДРЕСА. КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПОИСКИ ВЕЛИСЬ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ, НАЛОГОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ И МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ. РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР – 0130799482.

Уильямс долго разглядывал этот номер. У компьютеров свой загадочный мир, где цифры заменяют плоть, заменяют кровь, заменяют все.

Стрелки его часов показывали два. И все-таки он позвонил в НИЦ.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Сотрудник киногруппы Лоуэлл скрылся после съемки, похитив два заряда взрывчатки. После этого он уничтожил паспорт режиссера Карсона и выкрал у конгрессмена Медуика папку с документами, изобличающими того во взяточничестве. В анонимном письме, посланном тогда же на имя заместителя помощника министра юстиции Уильямса, Лоуэлл угрожал смертью Уильямсу, Карсону, Медуику, маклеру Меллону, красавице Сполдинг, тренеру Уорики.

После звонка Лоуэлла Медуик ночью поехал выкупать похищенные документы и на обратном пути погиб в устроенной Лоуэллом автомобильной катастрофе.

Предполагая, что теперь Карсон находится в наибольшей опасности, Уильямс позаботился о его охране. Но это не помешало Лоуэллу перехитрить Уильямса и убить Карсона в недоступном для посторонних номере отеля. О преступлении извещены печать и телевидение, перекрыты все аэропорты. Однако Лоуэллу удалось уйти от преследователей, и он стал готовить убийство маклера Меллона.

Секретная группа крайне правых в высших правительственных сферах обеспокоена: Лоуэлл берет себе имена ее членов и таким образом раскрывает «олимпийцев». Они дают задание своему агенту Ричардсону найти Лоуэлла. Но Ричардсон решает уничтожить вначале Уильямса, однако попадает раненым в его руки и рассказывает о службе Лоуэлла в особом подразделении во время войны во Вьетнаме.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

21

Вашингтон, поздняя ночь. По Пенсильвания-авеню проехало несколько машин, да еще продолжала работу кофейная Ченина. В остальном жизнь на улицах возле министерства юстиции замерла.

Но выходящие на здание ФБР окна верхних этажей светились. В одной просторной, залитой неоновым светом комнате с громоздкими копировальными и перфораторными машинами и стоящими вдоль стен высокими серыми шкафами, где вращались или покоились катушки с пленкой, молодой человек без пиджака, находившийся на ночном дежурстве, поднял трубку зазвонившего телефона. «Что случилось, черт возьми? — подумал он.— Какому-нибудь полицейскому из Литл Нека, штат Омаха, потребовалась дактилоскопическая идентификация?»

Молодой человек, фамилия его была Ферфилд, заговорил:

— Кто это? Мистер Уильямс? Что вам... о! — Ферфилд неожиданно встрепенулся.— Простите, мистер Уильямс, чем могу помочь?

Через комнату мимо него прошла девушка в белом халате. Ферфилд внимательно слушал.

— Да, сэр,— сказал он.— Больше на Болтона у нас ничего нет. Я помню, как его искали. Единственным Болтоном в картотеке оказался негр из Провиденса.

— Что означает номер ноль сто тридцать семьсот девяносто девять четыреста восемьдесят два? — спросил Уильямс.

— Все просто, сэр,— торопливо ответил Ферфилд.— Ноль сто тридцать — кодовая приставка, означающая, что других сведений не имеется.

— А остальные цифры?

— Семьсот девяносто девять означает, что компьютер проверил все возможные искажения фамилии и ничего не было обнаружено.

— Четыреста восемьдесят два?

— Ложная информация.

— Что? — переспросил Уильямс.

— Ложная информация, сэр. Кто-то сообщил неверные сведения.

— Черт побери! — выругался Уильямс.

Лицо Ферфилда вспыхнуло, он не мог понять, почему Уильямс сердится.

— В чем проблема, сэр?

— НАЙДИТЕ МНЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЭТИ НЕВЕРНЫЕ СВЕДЕНИЯ!—сказал Уильямс так гневно, что в трубке послышался треск.— Посадить бы вас, компьютерщиков, в клетку да запустить в космос...

Но Ферфилд забормотал:

— Да, сэр. Да, сэр. Я постараюсь, сэр,— записал номер Уильямса в Нью-Йорке и положил трубку.

Он направился к установке 501, компьютеру с печатающим устройством, его туфли на резиновой подошве не издавали ни звука. Но сердце взволнованно билось. Почему именно он оказался на дежурстве, когда позвонил Уильямс? Это несправедливо. А что он сделал? Дал Уильямсу нужные сведения.

Ферфилд сел перед печатающим устройством и набрал на клавиатуре: 0130799482.

Потом заглянул в черную папку с вкладными листами, лежащую рядом с печатающим устройством, и отщелкал: 717598/475.

Печатающее устройство заработало. ЛОЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ АВТОМАТИЧЕСКИ СТИРАЕТСЯ НА ТРИНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ПОСТУПЛЕНИЯ.

Девушка в белом халате подошла к нему.

— Хочешь кофе, Билл?

Он повернулся к ней.

— Конечно, хочу. Тут мне один тип задал работенку...

И снова нагнулся к печатающему устройству, теперь оно отщелкивало:

ДАТА ДАТА ДАТА

Ферфилд отстукал дату, и устройство тут же стало отщелкивать:

ЛОЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ, ПОДЛЕЖАЩАЯ УНИЧТОЖЕНИЮ.

СТС НИЦ Вашингтон Сиракузскому отделению ФБР:

ДЖЕФФРИ БОЛТОН АДРЕС МЕРИЛЕНД БАЛТИМОР МАРЛТОН АВЕНЮ 1340 ПОДОЗРЕВАЕТСЯ В ПОХИЩЕНИИ ДВУХ ЗАРЯДОВ ВЗРЫВЧАТКИ С Ю. С. СТИЛ В ЛАРГО ФОЛЛЗ. НИЦ ТРЕБУЕТ СВЕДЕНИЙ О ПОДОЗРЕВАЕМОМ.

СТС Сиракузского отделения ФБР — НИЦ Вашингтон:

ВОЗРАСТ ДВАДЦАТЬ С ЛИШНИМ ШЕСТЬ ФУТОВ СТРОЙНЫЙ ГЛАЗА СЕРЫЕ ОСОБЫХ ПРИМЕТ НЕТ СТРИЖЕН КОРОТКО ОПИСАН КАК «ЧИСТО АМЕРИКАНСКИЙ ТИП», ТО ЕСТЬ НЕ ХИППИ.

И тут Ферфилд воскликнул: «Ах, черт! Ах, черт!» Щелкающие клавиши воссоздали облик убийцы. Ферфилд бросил взгляд на девушку, глядевшую ошалело, как и он, на отпечатанные слова, и сказал:

— Влетит же нам от Уильямса!

22

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 9.XI—73 г.:

«Несмотря ни на что, у меня нет ненависти к Ричардсону и Маркони. В управляющей ими организации они безмозглые роботы. Ненавидеть таких болванов было бы напрасной тратой душевной энергии».

23

«Тектайт III» был наиболее грандиозным океанографическим проектом после злополучного «Си Лэб III».

До сих пор так и не выяснено, что творилось во время «Си Лэб III» — смелого эксперимента, проводимого в 1968 году, когда акванавты военно-морского флота должны были жить и работать на глубине трехсот футов в бурном океане у острова Сан-Клементе, штат Калифорния.

Впоследствии на слушании в конгрессе один из руководителей высказал мнение, что это был саботаж.

В одном случае, проходя мимо барокамеры, где в это время были акванавты, он обнару-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—46.

жил, что кислородный вентиль закрыт. Через несколько минут пятеро людей в барокамере погибли бы. Кто завернул вентиль?

Затем во время тренировок при подготовке к учебному спуску спасательная камера с акванавтами внутри была поднята над палубой на пятьдесят футов, потом внезапно сорвалась с креплений и полетела вниз. В пяти футах над палубой стальная конструкция погасила скорость, однако камера была повреждена, и акванавты получили травмы.

А в первый день эксперимента, когда на борту плавбазы находились большие чины, телерепортеры и газетчики, освещавшие важные события, произошла трагедия. Три акванавта были спущены в так называемой спасательной камере на дно, на триста футов в ледяные глубины Тихого океана, где люди дрожали от холода даже в резиновых костюмах с электрическим обогревом. Камера мягко опустилась на дно, и три человека поплыли к домику, находившемуся в пятидесяти футах. Но вдруг двое плывущих сзади увидели, что передний схватился за горло. Они быстро подхватили его, втащили в камеру и дали сигнал подъема, но их старший был уже мертв. Расследование показало, что с его скафандра был снят поглотитель углекислоты. Кто его снял?

Странно. И теперь, в этом гораздо более скромном эксперименте, где акванавтам предстояло жить в чистой лагуне на глубине всего пятидесяти футов, агенты службы безопасности все же нервничали. И присутствие Эверетта Меллона было последней каплей.

Джон Ладлоу подплыл на моторке к яхте Меллона и спрыгнул на сходни. Меллон в белых брюках и спортивной рубашке смотрел, перегнувшись через борт, как он поднимается.

— Вам придется покинуть яхту, мистер Меллон,— сказал Ладлоу.

Вокруг них в прекрасной голубой лагуне были суда всевозможных типов, даже старый ТДК, перестроенный в грузовое судно. Военно-морской флот зафрахтовал множество небольших моторок, носившихся между ТДК и яхтой Меллона к лагерю в лесу у самого берега.

Слева, на другой стороне острова Сент-Джон, находился Рокфеллер-парк, соблазн для туристов. Но проход туда преграждали колючая проволока и охрана, сейчас эта территория принадлежала флоту. Пойти туда без пропуска никто не мог.

Меллон, не ответив Ладлоу, повел его в салон яхты с металлическими, обтянутыми кожей стульями, баром слева и большим камбузом за дверью сзади.

— В чем дело, мистер Ладлоу?— спросил он наконец.

Ладлоу служил в военно-морской разведке и носил гражданскую одежду, состоявшую на острове Сент-Джон из зеленых шортов, джемпера и старых теннисных туфель.

— Я послал рапорт в военно-морское министерство,— сказал Ладлоу.— Написал, что у нас достаточно хлопот и без гражданского дела рб убийстве.

— Ну и что?

— Мы отправим вас отсюда на вертолете и закажем билет на самолет до Нассау.

Меллон стоял за стойкой бара.

— Хотите кока-колы?

— Спасибо. Я рад, что восприняли вы это нормально. Лично я охотно оставил бы вас. И мы признательны вам за яхту.

Меллон налил кока-колы в два высоких стакана, поглядел на пузырьки и пену, потом подошел к Ладлоу, сидевшему, выпрямясь, на обитом кожей табурете.

— Успокойтесь, мистер Ладлоу,— сказал он с улыбкой.— Вряд ли убийца находится на борту.

— Как знать,— сказал Ладлоу.— Тот, кто способен убивать по телефону, не человек.

— Тут вы правы. Но все же, где мне будет безопаснее: в этой лагуне, где повсюду морская пехота и разведка, или дома в Нассау? Если я погибну, мистер Ладлоу, моя смерть падет на вашу голову.

Ладлоу пристально посмотрел на него.

— Не обижайтесь, мистер Меллон. Но как вы можете ш у т и т ь? Окажись я в этом списке, мне было бы не до шуток. Я служу в разведке восемь лет, знаю приемы самозащиты и каратэ, прекрасно стреляю, однако вскакивал бы с постели при каждом шорохе.

Меллон отпил кока-колы.

— Всем хочется, чтобы я валялся в шоке из-за этой истории. Вы говорите, я шучу. Наоборот, я воспринимаю эту угрозу совершенно серьезно. В Нассау я мог бы сидеть на пляже с девушкой, а здесь созерцаю океанографический проект в пустынной лагуне. Не такое уж это удовольствие, мистер Ладлоу.

Ладлоу чуть не рассмеялся. Разумеется, он знал об эскападе Меллона с юной девицей. Рапорт охранников сотрудники разведки в Нассау прочли с восторгом. Но он промолчал.

— Должен признаться, я пошел на небольшой компромисс,— сказал Меллон.— У меня здесь... гостья. Иди сюда, Кэти.

Из камбуза появилась юная брюнетка, которую Меллон впервые увидел в оранжевом бикини. Рассеренный Ладлоу подскочил.

— У нее нет пропуска. Вы тайком переправили ее сюда!

— И вы вините меня?— спросил Меллон, указывая на девушку, теперь она была в красных брюках, готовых треснуть по всем швам.— Не делайте ошибочных выводов, мистер Ладлоу. Это совершенно невинное общение.

Ладлоу промолчал.

— Кстати,— сказал Меллон,— родители ее тоже находятся у меня на борту. Сейчас они сошли на берег.

— Кто они такие?— спросил Ладлоу. На девушку он старался не смотреть.— Рапорт. Подробности!

— Ее отец Джексон Симмонс,— сказал Меллон.— Один из океанографов. Пропуск есть и у него, и у жены, поскольку он участник проекта, и он был рад остановиться на моей яхте.

— Ну что ж,— сказал Ладлоу.— Все они могут оставаться. А вам нельзя.

— Вы разве не знаете...

— О чем?

— Адмирал-океанограф прислал мне телеграмму. Вот она.

Смущенный Ладлоу прочел:

ВАМ НЕОБХОДИМО ОСТАВАТЬСЯ НА СУДНЕ В ТЕЧЕНИЕ ДВУХ НЕДЕЛЬ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ОКЕАНОГРАФИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА. ДЕЙСТВУЮ ПО ПРОСЬБЕ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

Ладлоу стал оправдываться:

— Известия вечно до кого-то не доходят, мистер Меллон. Я прошу прощения.

— Ничего. Сказать по правде, эта телеграмма была неожиданностью и для меня. Наверно, вмешался Джордж Уильямс из министерства юстиции.

Ладлоу настроился по-деловому.

— В таком случае мы примем жесткие меры предосторожности. Я поставлю две лодки с правого и левого бортов на круглосуточное дежурство. На яхту никого не будут допускать. Ночью будем освещать борта прожекторами. Я помещу на борт пять вооруженных морских пехотинцев, и, если вы захотите сойти на берег или перебраться на другое судно, двое будут сопровождать вас. Идет?

— Согласен на все,— сказал Меллон.— Эта угроза не дает мне покоя.

Но Ладлоу, спускаясь в моторку, сомневался в этом. Судя по настроению Меллона, он вовсе не был испуган.

Ладлоу не мог тягаться с работниками министерства юстиции, но он подумал, что если б возглавлял это дело, то как следует припугнул бы Меллона.

24

Накануне вечером Джордж Уильямс позвонил из Нью-Йорка Фреду Джарвису и сообщил о полученных из НИЦ сведениях, а утром вылетел в Вашингтон и вошел в кабинет Джарвиса перед самым полуднем. Джарвис сказал, что связался с комбинатом «Ю. С. стил» в Ларго Фоллз и все выяснил. Болтон был киноредактором-внештатником, подвизавшимся в балтиморской кинокомпании «Леонард Колмен продакшнз».

Уильямсу сперва не поверилось. Внештатный киноредактор? Так вот кто такой Болтон!

Джарвис продолжал:

— Эта информация подлежала уничтожению, потому что начальник отдела охраны хотел спасти от увольнения того, кто допустил кражу взрывчатки. Он признался, что написал ложный рапорт, будто взрывчатка найдена.

Но Уильямс не слушал. Он сказал Джарвису:

— Мы имеем дело с убийцей, которому под тридцать, он был однажды на приеме у Кеннеди и там сфотографирован. Вопрос: как он попал на прием? Молодому человеку это не так просто. Мы имеем дело с убийцей, который был в «зеленых беретах», оказался среди олимпийцев, научился убивать, обращаться с электроникой и всевозможным грязным фокусам. И теперь мы имеем дело с убийцей — внештатным кинередактором. Судя по твоим сведениям, работавшим у Колмена и раньше.

Он умолк, и Джарвис сказал:

— Приверженец Кеннеди, садист из «зеленых беретов» и кинередактор. Неужели мы говорим об одном и том же человеке?

— Надеюсь, что да,— сказал Уильямс. Он поднял трубку и попросил секретаршу Джарвиса соединить его с компанией «Колмен продакшнз» в Балтиморе, хотя Джарвис сказал: «Мы звонили туда. До завтра его не будет». Когда секретарша Колмена ответила, Уильямс сказал ей, что приедет завтра в полдень, и попросил объяснить мистеру Колмену, что дело не терпит отлагательства.

— Как сказать ему, о чем пойдет речь?— спросила секретарша.

— О Джеффе Болтоне.

— Ах, о н е м! Славный парень.

— Славный?

— Он мне нравился. Жаль его.

Уильямс спросил, почему. Секретарша ответила:

— Джефф был всегда таким... нервным. И все же хорошим. Мистер Колмен вам все расскажет.

Уильямс поблагодарил ее и положил трубку. Колмен будет только завтра. Он сказал Джарвису:

— Теперь я в библиотеку конгресса.

Джарвис вытаращил глаза.

— Это еще зачем?

— Нужно прочесть, что говорил Маркони на этих слушаниях. Он знал Болтона.

Джарвис даже расстроился.

— Черт возьми, Джордж! В Балтиморе появился горячий след, а ты начинаешь копаться в десятилетнем прошлом.

— У меня свой метод,— сказал Уильямс.

Его тон заставил Джарвиса переменить тему.

— Кстати, об одном из списка можно не беспокоиться.

— О ком?

— О Меллоне. Он в сент-джонской лагуне, вокруг него там целая флотилия под усиленной охраной морских пехотинцев.

— Сент-Джон!— гневно сказал Уильямс.— Худшего места не придумаешь. Как узнать убийцу, если он будет в форме?

Джарвис встревожился.

— Коннорс решил, что это прекрасный план. И протолкнул его.

— Можно забрать Меллона оттуда?

— Наверно. Но Меллон хочет остаться. Там он чувствует себя в большей безопасности.

— В таком случае,— сказал Уильямс,— установи на его яхте радиотелефон, и пусть охранники докладывают тебе ежечасно. Чуть что... докладывай. Понял?

— Будет сделано, Джордж. Извини.

Уильямс поднялся, и Джарвис сказал:

— Джордж... У меня душа за тебя болит. Ты стал совсем дерганый.

— Я не справляюсь с этим делом,— сказал Уильямс.— Чем глубже я в него вникаю, тем он дальше оказывается. Такое чувство, будто он заманивает меня на ложные следы.

— Взял бы ты отпуск, Джордж...

— Его расписанием отпуск не предусмотрен,— ответил Уильямс.

25

В половине первого Уильямс вошел в кабинет Клары, на ее столе лежали бланки пропусков и ключ. И листок с надписью «Джеймс Паттон». Секретарша в другом конце комнаты подняла взгляд.

— Могу я помочь вам?

— У меня назначена встреча с мисс Эббот.

— Она ушла на ленч,— сказала девушка.— Вернется, очевидно, в два.

— Спасибо. Передайте ей, что заходил мистер Уильямс и зайдет еще.

Выйдя, он спустился по мраморным ступеням в вестибюль и в главном читальном зале заполнил себе пропуск.

Потом спустился на лифте в цокольный этаж. Показал пропуск охраннику у двери. На пропуске была подпись «Джеймс Паттон». Охранник пропустил его и захлопнул за ним дверь.

Уильямс оказался среди протоколов заседаний комиссий конгресса за целое столетие. Полки, набитые толстыми книгами в переплетах, высились до самого потолка. Он нашел дату, которая была ему нужна: заседание комиссии по военным делам, 10 октября 1967 года.

Страницы он просматривал бегло, потому что все факты были ему известны. Он искал любое упоминание о Болтоне. От того, что он нашел, у него задрожали руки и забилось сердце. Только бы это было правдой! Только бы Маркони не лгал!

26

Из протокола заседания комиссии палаты представителей по военным делам 10 октября 1967 года:

Присутствуют достопочтенные конгрессмены Кессуэл, Бертон, Флейджер, Роджерс.

ФЛЕЙДЖЕР. Были вы на похоронах Болтона?

МАРКОНИ. Конечно, мы же вместе росли.

ФЛЕЙДЖЕР. Вместе росли и оказались в одном отряде? В армии, насколько мне известно, такое не допускается.

МАРКОНИ. Вот как это получилось, сэр. Майор Ричардсон приказал мне выбрать для нашей операции кого-нибудь из опытных пехотинцев, в одном из подразделений я нашел своего друга Болтона и выбрал его.

ФЛЕЙДЖЕР. Что сказал Ричардсон по этому поводу?

МАРКОНИ. Мы ничего не говорили ему, сэр. В сущности, я еще никому не говорил об этом.

ФЛЕЙДЖЕР. Почему?

МАРКОНИ. Ричардсону это не понравилось бы. В операциях подобного рода нельзя допускать ни малейшего риска. Офицерам не нравится, когда среди подчиненных есть старые друзья.

ФЛЕЙДЖЕР. Вы говорите, что проводили какую-то... секретную операцию?

МАРКОНИ. Да, сэр. Хотя вы уже знаете, в чем она заключалась. Мы ловили бежавшего двойного агента.

ФЛЕЙДЖЕР. Хорошо, вернемся к Болтону. Юрисконсульт, дело Болтона у вас?

ЮРИСКОНСУЛЬТ. Да, сэр.

ФЛЕЙДЖЕР. Итак, вы с Болтоном росли вместе. В Чикаго? У него указан чикагский адрес.

МАРКОНИ. Нет, сэр. Стойбенвилл, штат Огайо. Он переехал в Чикаго, когда его отец и мать погибли в автокатастрофе. Вместе со своим сводным братом Томми Шовайса...

Томми Шовайса! Несомненно, это тот самый! Уильямс закрыл глаза. Дальше читать он не мог. Джефф Болтон — сводный брат Томми Шовайса? Если так, то понятно, почему один человек оказался в списке смертников. Он сам, Джордж Уильямс.

27

В марте 1969 года начальник Уильямса Харли Коннорс вызвал его к себе.

— Послушай, я знаю, что в отделе гражданских прав ты загружен по горло, но у нас есть одна проблема, и ты можешь помочь.

— Мне хватает своих дел...

Но Коннорс замахал своей мясистой рукой.

— В Канаде находится двадцать тысяч наших дезертиров. Ладно. И мы ждем, когда армия что-то предпримет — это их забота. Ладно. Но армия ничего не делает.

— Ну и что?

— Мы должны прекратить это, черт возьми, хотя бы попытаться.

— Так попытайтесь.

Уильямс был уверен, что сумеет отвязаться от всех вздорных планов Коннорса, обратясь к его начальнику.

— Мы уже пытались,— сказал Коннорс.— Расшевелили ФБР в Сент-Поле, и они тут же сцапали гражданского, который переправлял дезертиров через границу — разумеется, не бесплатно.

— Я слышал об этом. Хорошая работа.

— Дерьмо работа,— ответил Коннорс, не блиставший деликатностью выражений.— Эти наши короткостриженые друзья действовали как всегда блестяще. Оба арестанта бежали.

— Оба?

— У этого типа был подручный. Главного зовут Фред Колдуэлл. Помогал ему Том Шовайса — парню девятнадцать лет, он удрал из Чикаго от призывной комиссии и связался с этой организацией дезертиров.

Уильямс в изумлении поглядел на него.

— Шерлок Холмс мертв, Харли. Что мне делать — ехать в Сент-Пол, изучить какой-нибудь след на снегу и отыскать их?

— Ты точно определил характер своей работы,— сказал Коннорс.

Томми Шовайса был напуган. Они с Колдуэллом провели всю ночь в сарае, но Томми так и не смог заснуть, просто лежал. Во что он ввязался? Может, зря послушал Аллена?

Томми очень беспокоился об Аллене. Брат, которого, учась в школе, он обожал, вернулся больным, настороженным, подозрительным, молчаливым. Тетка терпела его три дня, потом велела убираться из ее дома. Томми перебрался к брату в меблирашки на южной окраине Чикаго.

— Что происходило во Вьетнаме?—спрашивал Томми Аллена снова и снова. Но Аллен не рассказывал ничего, лишь твердил:

— Пойдя в армию, я сделал ошибку. И ты этой ошибки не повторишь.

Потом Томми пришла повестка. Аллен взял ее и вместе с конвертом разорвал у него на глазах.

— Ты не пойдешь на эту мерзкую войну!

Томми забеспокоился, но Аллен велел ему сидеть дома и не высовывать носа, а сам через несколько дней вернулся с новостями и назначил встречу в баре.

— Я делал здесь кое-что для дезертиров в Торонто, до того ненавистна мне эта вьетнамская война,—сказал Аллен, когда они сели за столик.—Теперь я написал туда главе группы, некоему Майку Горджо, и у него появилась мысль.

— Какая — застрелить ЛБДж? [1]

— Горджо пишет, что слышал о моей работе для СДО и что каждый, кто настроен так против войны, близок ему. Он намерен еще попользоваться моими услугами. И обещает, если я помогу ему и его ребятам в кой-каких особых делах, проявить к тебе особую заботу.

— А что это значит? — спросил Томми.

— Тебе не придется уезжать в Швецию, Канаду или куда-то еще. Горджо связан с одним человеком в Миннесоте. Зовут его Фред Колдуэлл, он переправляет дезертиров через границу.

Томми забеспокоился.

— Аллен, я только увязну еще глубже. Я буду помогать другим нарушать закон.

— Зато будешь в безопасности,—сказал Аллен.—Эти ребята изо дня в день живут в опасении, что канадское правительство передумает и отправит всех домой держать ответ. И там все находятся под надзором... ФБР известна каждая фамилия. С Колдуэллом ты будешь невидимкой. Если что случится, у тебя будет возможность убраться на север или на юг и даже тайком возвращаться домой.

Вскоре к ним подсели две девицы из-за соседнего столика, они поболтали, но дело кончилось ничем, в ту ночь они легли на свои кровати в меблированной комнате, и Аллен сказал:

— Ты отстал от жизни, Томми.

— Почему?

— Я был четыре года в «беретах» во Вьетнаме, вернулся домой и что обнаружил... ровесники смеются надо мной. Говорят, что «береты»—головорезы и садисты, ведущие бессмысленную войну против крестьян. Три года я думал, что сражаюсь во имя какого-то идеала. А дома мои друзья, одноклассники и приятели считали меня идиотом. И были правы.

Два дня спустя они отправились к Фреду Колдуэллу, кареглазому парню лет двадцати пяти.

— Береги Томми,—сказал Аллен.—Это мой единственный брат. Если с ним что случится, я убью тебя, где бы ты ни прятался.

— Как я всегда говорю, нет ничего лучше дружеского знакомства,— ответил Колдуэлл.— Скажу тебе только, что он будет в такой же безопасности, как и я, а у меня пока не было никаких осложнений. Ты друг Майка Горджо?

— Я ни разу не встречался с ним, но у нас велись кой-какие дела по почте и системе сообщения.

— Толковый парень этот Горджо,—сказал Фред.—Приехал в Торонто год назад и взялся за дело как следует. Наконец-то наши дела организованы.

— Он поручал мне дел десять,— сказал Аллен,— и по-моему, организация у него прекрасная. Даже жаль, что у меня не хватило ума отправиться вместо Вьетнама в Канаду.

Но вечером в одной из сент-полских пивных Томми сказал Аллену:

— Не хочу скрываться от призыва. Пойду в армию. Отслужу свой срок.

Аллен, побледнев, схватил его за плечи.

— Чтобы я больше этого не слышал. Никогда! — Потом немного успокоился.— Это не вторая мировая война, дружище, это небывалая мерзость.

На другой день Аллен вернулся в Чикаго искать работу, а на следующий Томми познакомился с красивой девушкой по имени Пегги Бартон. Пегги была активисткой в университете штата Миннесота, кроме того, увлекалась марихуаной и сексом. Томми еще никогда не встречал такой девушки, но Пегги он сразу понравился. Услышав, что он состоит в организации дезертиров, она не могла поверить.

— Ты? — изумилась она.

— Я,—ответил Томми.—Что тут странного?

— Ты не похож на дезертира. Если б не сказал, я держала бы пари, что ты х о ч е ш ь пойти в армию и тем более не станешь помогать другим уклоняться от призыва.

Томми улыбнулся.

— И была бы права,—сказал он.—Но мой брат только что вернулся из «беретов», он стал там сам не свой.

Пегги, стройная блондинка в армейской куртке с вызывающей надписью «Убийцы» на спине, реагировала на это странно.

— Но тобой он распоряжаться не должен,— сказала она.—Раз тебе так хочется, иди в армию.

— Боюсь, что Аллену станет еще хуже,— простодушно ответил Томми.

— Ты влюблен в него, что ли?

— Аллен — замечательный человек. Всю жизнь он был мне больше чем братом. Конечно, мы любим друг друга. Почему бы нет?

Пегги улыбнулась.

— Никогда не встречала такого старомодного парня,—сказала она.—Ты прелесть.

Томми познал с ней марихуану, свободный секс, а потом любовь, и однажды вечером, когда они ехали на велосипедах по холодной миннесотской дороге, Пегги сказала:

— Я бы хотела, чтобы ты вернулся домой, Томми.

— Почему?

— Я люблю тебя, и мне страшно,—сказала она.—Ты можешь попасть в тюрьму. А это нелепо, раз ты на самом деле хочешь служить.

В ту же ночь осведомитель позвонил в сент-полское отделение ФБР, Фред Колдуэлл и Томми Шовайса были схвачены и арестованы без права освобождения под залог. Самое странное, что осведомитель звонил не из Сент-Пола.

Перевел с английского
Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

[1] Президент США Л. Джонсон.

Похитив два заряда взрывчатки во время ее испытаний, Лоуэлл скрылся. Затем он уничтожил паспорт режиссера Карсона, выкрал документы, уличающие конгрессмена Медуика во взяточничестве; послал заместителю помощника министра юстиции Уильямсу письмо с угрозой убить самого Уильямса, а также Карсона, Медуика, маклера Меллона, красавицу Сполдинг, тренера Уорнки.

Ночью Лоуэлл позвонил Медуику, который после этого поехал выкупать похищенные у него документы и погиб в устроенной Лоуэллом катастрофе.

Теперь наибольшая опасность угрожает Карсону. Он находится под охраной агентов ФБР и телохранителей. Но Лоуэлл сумел обмануть Уильямса и убил Карсона. Несмотря на все принятые меры, преступник скрывается и готовится к покушению на маклера Меллона.

Лоуэлла разыскивают и «олимпийцы» — секретная организация правых из высших правительственных сфер, которую он пытается разоблачить. Агент «олимпийцев» Ричардсон попал в руки Уильямса и рассказал о своем бывшем подчиненном Лоуэлле, служившем вместе с ним во Вьетнаме в особом подразделении.

В это время маклера Меллона поселяют на яхте, тщательно охраняемой морскими пехотинцами и разведкой.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

Последний — на Арлингтонском кладбище

Аллен в Чикаго узнал об аресте брата и пришел в смятение. Денег у него не было. После возвращения Аллен нигде не мог удержаться на работе. Он был подавленным, неспособным сосредоточиться, постоянно ошибался, и даже наиболее патриотически настроенные наниматели, желавшие помочь бывшему «зеленому берету», бывали вынуждены отказываться от него.

И теперь он не знал, как быть. Брат попал в тюрьму по его вине. А у него ни ломаного цента, ни влиятельных друзей, и он не мог вызволить брата, попавшего в тюрьму за то, чего не хотел делать.

Час спустя Аллен вышел на дорогу попроситься на попутную машину до Сент-Пола, его подобрал водитель такого же трейлера, какой сбил его отца и мать, довез до Де Мойна, там остановился на пустыре у окраины города и стал приставать. Аллен ударил его ребром ладони по голове и оглушил.

Потом на пустынных дорогах Миннесоты повалил снег, движение было редкое, да еще замедленное снегопадом, и Аллен мерз на обочине, веки его заиндевели, наконец остановилась легковая машина с четырьмя женщинами, и бывший «зеленый берет» оказался на заднем сиденье между двумя симпатичными монахинями; очень милые, ярко выраженные ирландки довезли его до Сент-Пола, сделав крюк в десять миль, и предложили помолиться за него.

Аллен был в незнакомом заснеженном городе, где-то здесь сидел в тюрьме его брат. Тюрьма находилась позади здания федерального суда. Аллен отправился в тюрьму, спросил о времени свиданий и узнал, что слушание дела назначено на завтра. Он отрекомендовался братом Томми и спросил, есть ли у него адвокат.

— Адвоката назначит ему судья,— сказал человек, сидевший за столом.— Об этом не волнуйтесь. Его права будут защищены должным образом.

Оказалось, что защищены они были более должным образом, чем представлял тот человек, потому что ночью пятьдесят студентов Миннесотского университета совершили налет на тюрьму, в свалке кто-то похитил ключи и освободил Томми и Фреда Колдуэлла. На другой день трое возглавлявших налет были арестованы за пособничество побегу. Отцы через несколько часов вызволили сыновей, однако из университета их исключили.

Завладел ключами и открыл двери камер Аллен Лоуэлл. Студенты не предполагали, что заключенные действительно будут освобождены, и это была одна из причин, благодаря которой трое вожаков получили условный приговор.

Два дня спустя Джордж Уильямс явился в сент-полское отделение ФБР. Инспектор Джон Моли, тридцатипятилетний человек интеллигентной внешности, был, как положено, одет в строгий костюм с черным галстуком, но, казалось, предпочел бы куртку и мягкие кожаные башмаки. К тому же, как вскоре обнаружил Уильямс, он был совершенно некомпетентен.

— Полиция помогала вам?— спросил Уильямс.

— Полицейские выставили посты на дорогах и отправили людей с описанием бежавших на вокзал и в аэропорт. Но...

— Как долго смогут они не снимать постов?

— В этом-то вся проблема. Идет снег, стоит мороз, на дорогах образуются пробки, а начальник полиции через двенадцать часов снял посты.

— Черт с ним,— сказал Уильямс.— Арестованные бежали и не станут сидеть в Сент-Поле, дожидаясь, пока вы снова их возьмете.

— Ну и что же нам делать?

Уильямс поглядел на него.

— Узнаем, куда они скрылись. Это нетрудно.

— Нетрудно? Как же это узнать?

— Вызвать осведомителей.

Осведомители явились поодиночке во второй половине дня — эти оробелые юнцы подрабатывали доносами на своих однокурсников и для очистки совести убеждали себя, что они за войну. Уильямс допросил всех, отпустив последнего, он вошел в кабинет Джона Моли и грузно опустился на зеленую софу, над которой висел непременный портрет Гувера. Полистав с минуту свои записи, Уильямс сказал:

— Итак, все утверждают одно и то же: что беглецы подались в Торонто, за пределы юрисдикции США.

— Значит, нужно позвонить на границу.

— Значит, они отправились в другую сторону,— сказал Уильямс.— Будем исходить из того, что они умны. Торонто — это слишком явно.

Моли смотрел на него как зачарованный.

— Невозможно проверять каждую машину между Сент-Полом и Чикаго, верно?— сказал Уильямс.

— Верно. На всей дороге посты не выставишь. Начальникам полиции наплевать на двух дезертиров из Миннесоты.

— Но полиция штата могла бы искать автомобиль, в котором едут трое молодых людей.

Моли пришел в возбуждение.

— Верно! Им кто-то помог, по словам осведомителей, один парень. Значит, все трое, видимо, поедут вместе.

— Тогда позвоните в полицию штата и скажите, чтобы задерживали каждую машину с тремя молодыми людьми. Если хотите, и на дорогах в Торонто.

Моли поглядел на него.

— Господи, как легко у вас все получилось! За что мне только платят деньги?

Но Уильямс оборвал его:

— Лично я надеюсь, что вы их не найдете.

Моли не знал, как воспринимать это заявление от высокопоставленного служащего министерства юстиции, поэтому не произнес ни слова.

На двухрядном асфальтовом шоссе среди заснеженных лесов и равнин обнаружить их было проще простого. Ни потока автомобилей, в котором можно затеряться, ничего... Аллен беспокоился. Он гнал машину так быстро, как только мог, не сводя глаз с зеркала заднего обзора.

— Полегче, Аллен,— сказал Фред,— разобьемся. Они сочтут, что мы направились в Торонто. Половина осведомителей — мои люди, я знаю, что они скажут так.

Еще не опомнившийся Томми сидел на заднем сиденье и помалкивал. Но тут он заговорил:

— На процессе я скажу судье, что хочу служить в армии, может, он пойдет мне навстречу.

— Конечно,— сказал Колдуэлл,— а как насчет тех тридцати парней, что мы переправили через границу в прошлом месяце?

— Но фамилии брата никто не знает,— сказал Аллен.— Ты известен, а Томми нет.

— Большое спасибо.

— Я вытащил тебя из тюрьмы, разве не так? Ты гнил бы сейчас в той камере.

Вечером они наткнулись на проселок, приведший к заброшенной охотничьей хижине, влезли в нее, развели громадный ревущий огонь и стали жарить сосиски, купленные по пути в городке.

На другой день они остановились у аптеки, Колдуэлл позвонил одному из своих людей и узнал, что руководить поисками прибыл один из шишек министерства юстиции по имени Джордж Уильямс.

Видимо, это встревожило Аллена, потому что он сказал: «Нельзя оставаться на этой дороге»,— развернулся и поехал обратно к хижине.

— Спрячемся там. Полиция не сможет обыскивать каждую развалюху в трех штатах.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—47.

И уже почти у цели, проезжая мимо рекламного щита, они слишком поздно заметили полицейского, тот метнулся к рации на мотоцикле, и Аллен понял, что дело плохо. Он свернул на первый же проселок и ехал, пока было возможно, потом пришлось бросить машину.

Они были в заснеженном лесу, когда послышался лай собак. Чертов полицейский, должно быть, вызвал своих и обнаружил следы на снегу. Как их было не заметить?

И тут им повезло. Полицейский оказался смельчаком. Он пустился в погоню, не дожидаясь своих коллег с собаками. Рев его мотора разносился по лесу, потом возле брошенной машины полицейский затормозил, тяжелый мотоцикл заскользил по снегу, и Аллен кошкой бросился на полицейского, вцепился одной рукой ему в горло, другой вырвал у него пистолет и ударил рукояткой по голове.

Полицейский, раскинув руки, упал в снег, и Аллен сказал:

— Фред, мы с тобой едем на мотоцикле им навстречу. А ты, Томми, тем временем спрячься в лесу.

Он надеялся, что они вызовут суматоху и Томми успеет скрыться, вместе с тем он сознавал, что может погибнуть, и не хотел, чтобы брат попал под пули. Колдуэлл, видимо, тоже сознавал это.

— Нет,— сказал он.— Я остаюсь, можешь ехать сам.

Аллен навел на него пистолет.

— Чтобы они не бросились за Томми, на мотоцикле должны быть двое.

Минуту спустя он гнал мотоцикл, держа пистолет в правой руке на руле. Колдуэлл сидел сзади, ухватясь за его талию. Мотоцикл скользил на укатанной дороге, но Аллен крепко держал руль. Они вынеслись из леса и увидели полицейских с собаками. Один потянулся к пистолету, но было поздно — мотоцикл пронесся и скрылся, прежде чем патрульная машина успела развернуться.

Томми продирался сквозь чащу, не сознавая, куда идет, обледенелые ветви хлестали его по лицу. А потом еще началась метель, Томми едва не валился с ног, почти ничего не видел и неожиданно выбрел на дорогу, откуда начал свой путь, где и наткнулся на полицейского, оглушенного Алленом. Полицейский уже сидел, он крикнул троим, пришедшим ему на помощь, двое обернулись и выхватили пистолеты, Томми закричал «Нет!», но первая же пуля вошла ему в мозг и отбросила на ствол дуба, потом он рухнул, как сломанная кукла, на снег тонкой струйкой потекла кровь.

28

Джордж Уильямс вернул протокол слушания на полку. Тайна была разгадана, по крайней мере в одном случае. В его собственном. Он теперь знал, почему брат Томми Шовайса хочет его убить.

И поскольку, узнав, что парень убит, Уильямс тогда взорвался, наорал на безмозглых полицейских, стрелявших без причины, и в глубине души понял, что он один повинен в смерти парня, потому что эти гении сами никогда бы его не нашли, теперь у него появилось какое-то странное чувство. Он больше не винил человека, решившего убить его. Ничуть не винил.

Уильямс вышел из библиотеки, отправился в ФБР, и через пять минут телетайп отстукал имя сводного брата Томми Шовайса: Аллен Лоуэлл.

29

«АП [1]... Вашингтон... 10 ноября... Информированный источник ФБР сообщил сегодня, что убийства Джеймса Карсона и Томаса Медуика совершил некто по имени Аллен Лоуэлл, служивший в «зеленых беретах». Последнее время Лоуэлл жил в Чикаго.

ФБР сегодня разослало фотографии Лоуэлла прессе. Описание его внешности уже публиковалось.

Представитель ФБР заявил, что в настоящее время не может сказать, как была установлена личность подозреваемого, но намекнул, что после убийства конгрессмена Медуика этим делом занимались многие служащие.

Джордж Уильямс, служащий министерства юстиции, впервые сообщивший о «списке Кеннеди», находится в отъезде, и связаться с ним для комментариев невозможно.

ФБР утверждает, что теперь арест подозреваемого — вопрос нескольких дней».

30

Человек, пришедший к Лауре Морган, был не таким, как она представляла себе агентов ФБР. Волосы его были длинными, костюм — неглаженым. Однако он показал худощавой старушке удостоверение, и она пригласила его в гостиную своего каркасного двухэтажного дома на северной стороне Чикаго.

— Вы Лаура Морган, тетя Аллена Лоуэлла?— спросил агент.

— Да, сэр,— ответила женщина, сидевшая, выпрямясь, на краю софы.— Я всегда говорила, что он скверный мальчишка.

Она заметила, что агент быстро оторвал взгляд от блокнота, в котором делал записи.

— Попадал он раньше в неприятные истории? В полицейском журнале регистрации приводов его фамилия не встречается.

— Нет. Все неприятности выпадали на мою долю. Он никогда не слушался и все время твердил, каким станет, как только сможет уйти от меня. Видите ли, его матерью была моя сестра, и, когда они с мужем погибли в катастрофе, мне пришлось взять к себе обоих мальчишек...

— Нам это известно, мисс Морган.

— А... ну ладно... Я все-таки заставила его окончить школу, и он тут же отправился в Вашингтон. После всего, что я для него сделала, этот мальчишка не прислал мне хотя бы пяти центов.

— Ему предлагали там какую-то работу?

— Никто ему ничего не предлагал. Мы смотрели, как Кеннеди принимал президентскую присягу — тоже мне президент!— и я хорошо помню, Аллен с Томми сидели на полу перед телевизором, и Аллен так ловил каждое слово, будто находился в церкви. Томми — тот нет. Он слушал спокойно, а вот Аллен... Даже не знаю, что-то не то творилось с этим мальчишкой. Я хочу сказать, незачем ему было волноваться о том, что говорит какой-то политикан за тысячу миль отсюда.

— Он вступил там в корпус мира или что-нибудь в этом роде? Мы пока не проследили, чем он занимался в Вашингтоне.

— Нет,— сказала мисс Морган.— Туда брали тех, кто окончил колледж, так ведь? А он был просто заурядным мальчишкой — ни колледжа, ни денег, ни связей. Я все говорила ему: «Что ты надеешься найти в Вашингтоне? Ты никто, Аллен».

— А что он отвечал?

— Отвечал он нагло. Например: «Будь я заурядным, я не захотел бы ехать». Чересчур уж много понимал о себе этот мальчишка.

31

Куда бы он ни шел, газетные заголовки резали глаз его именем. «РАЗЫСКИВАЕТСЯ АЛЛЕН ЛОУЭЛЛ». «АЛЛЕН ЛОУЭЛЛ — УБИЙЦА».

Но его это не беспокоило. Не беспокоило и то, что Джордж Уильямс, должно быть, сообщал по телеграфу на весь мир имя Джим Адамс, несомненно, поздравляя себя с тем, что заставил беднягу Робера харкать кровью.

Находясь среди олимпийцев, Аллен усвоил: чтобы выжить, нужно опережать противника. Теперь он носил с собой документы на имя сержанта Гарольда Дауба, они обеспечат ему безопасность до смерти Меллона. Потом будет пользоваться другими, уже изготовленными в Вашингтоне.

Меллон будет мертв завтра. Сполдинг трудностей не представит — Аллен слышал, что она удирает от своих охранников как минимум дважды в сутки. Трех дней на нее хватит. Потом этот педик Уорнки — на него пусть уйдет неделя. Значит, остается полторы недели, чтобы подготовиться к встрече с Уильямсом, он уже выбрал для нее место и приготовил весьма оригинальное оружие для убийства самого опасного из противников.

Аллен взял на плечо тяжелый поднос со стаканами и распахнул ногой дверь ресторана при отеле «Парадайз» в Нассау, где работал помощником официанта. Поставив поднос на столик неподалеку от выписывающего чек преуспевающего бизнесмена, Аллен глянул на номер его апартамента: 641.

Он уже украл более двух тысяч долларов, запоминая, кто где живет, и открывая двери отмычкой, когда жильцы уходили на пляж. К счастью для него, кражи замалчивались. Отели меньше всего хотят объявлять, что у них обкрадывают туристов. Правда, Аллен заметил слонявшегося по отелю желтолицего полицейского в штатском. Но он не беспокоился. Еще одна удачная операция — и конец. Двух с половиной тысяч будет вполне достаточно.

Кражу он совершил час спустя. Все прошло гладко. Затем отправился в комнатушку, снятую в городе, осмотрел купленный накануне бинокль и, взяв отвертку, стал осторожно ковыряться в нем.

32

Коннорс, говоря по телефону, захлебывался от восторга.

— Джордж, ты установил его личность, начав с нуля. Я всех здесь уверял, что тебе это удастся.

Но Уильямс тут же охладил его:

— Я чувствую, что нахожусь в худшем положении, чем раньше.

— Почему?

— Мотив. У него есть причина убить м е н я — я способствовал убийству его брата. Но что он может иметь против остальных, н и к о г д а н е с л ы х а в ш и х о Томми Шовайсе?

— Это так,— сказал Коннорс.— Но у меня есть одна теория. Когда не можешь обнаружить мотива, когда ты весь измучен и кажется, что сходишь с ума,— хватай его за горло. НАЙДИ ЭТОГО ПАРНЯ И ВЫЖМИ ИЗ НЕГО МОТИВ!

Уильямс на другом конце провода улыбнулся.

— Я не смог бы выразиться так красноречиво, но именно это я и пытаюсь сделать. Повидаю тех, кто последними разговаривал с ним, Леонарда Колмена в Балтиморе и Робера Уара в Торонто. Загляну и к Горджо, хотя Майк в глаза его не видел. Однако он вел с ним дела и может кое-что знать о его тактике, местах укрытия, личинах... кое-что. Возможно, из показаний этих троих нам удастся найти ключ. Вот что, Харли...

— Да?

— Я думаю, что Лоуэлл распланировал каждое убийство и действует, меняя документы, внешность, подходы, методы. В сущности, если хочешь знать правду, я думаю, что мы н и к о г д а не найдем его.

— Не найдем?— В голосе Коннорса звучало изумление.— Тогда на кой нам все это, черт побери! Сидел бы дома, ждал смерти в уютной обстановке.

— Я досконально проработал все версии, но все-таки не могу остановить его. И не смогу, пока...

— Пока что?

— Где тут связь с Кеннеди? Если он мстит за брата, зачем убивать м е н я в ознаменование годовщины? Вот что путает карты в этом деле. Вот что делает его неуловимым. Мы не можем схватить его, потому что не знаем мотивов. Я надеюсь, ты не забываешь о Сполдинг и остальных. Эта реклама может подстегнуть Лоуэлла, и он бросится на ближайшую жертву.

— Фред Джарвис постоянно следит за охраной, охрана, как ты распорядился, круглосуточная.

— Хорошо,— сказал Уильямс. Через несколько минут он говорил по телефону с Уаром, но опять безуспешно.

— Вы должны понять меня,— сказал Робер.— Джефф Болтон мне почти что сын. Несколько лет назад один из моих сыновей, Поль, связался с наркотиками. Продавал их дезертирам и принимал сам. Полиция застукала его и других с поличным, и Джеффу удалось вызволить его. Остальные были арестованы и осуждены, а мой сын остался на свободе и исправился.— Уар ненадолго умолк, потом продолжал: — Теперь мой сын—адвокат в Кве-

[1] Ассошиэйтед пресс.

беке, он пользуется уважением, счастлив в браке и все благодаря этому американскому парню. Я не стану помогать вам.

— Вы должны нам помочь,— сказал Уильямс.— Это совсем не тот парень, какого вы знали. Он безумен.

— Но я недавно видел его, месье. Он так же нормален, как и прежде. Конечно, Джефф стал... нервным после смерти брата. Но он в своем уме.

— Я приеду повидать вас,— сказал Уильямс.

Молчание, потом Уар устало сказал:

— Не трудитесь, месье. Я скажу, как уже сказал полиции, что изготовил ему документы на имя Джо Маркони.

— Не уезжайте,— сказал Уильямс.

33

Неподалеку от острова Сент-Джон аквалангист взобрался на корму моторки у вспомогательного судна и нырнул в зеленые глубины карибской лагуны. Меллон разглядывал его в бинокль со своей яхты и удивлялся, как глубоко видно ныряльщика в чистой воде.

Ныряльщик, один из тренирующихся акванавтов, подплыл к домику на дне. Над ним неподвижно висела серебристая рыбка, затем промелькнул угорь — безвредный, не мурена; аквалангист, медленно гребя руками, подобрался к входной двери, нажал несколько рычагов и вплыл во входной отсек. Подождал, пока сжатый воздух не вытеснил из отсека воду, потом открыл внутреннюю дверь, увидел двух других акванавтов в одних трусах, играющих за столом в покер. Один из них поглядел на потолок и спросил:

— Что за карты у него, Лес?

Другой засмеялся. Телевизионная камера над ними управлялась с борта вспомогательного судна, и ответ последовал незамедлительно:

— Два короля, две двойки и пятерка.

— Черт бы тебя побрал!— крикнул тот, чьи карты были раскрыты.

— Выбирайте выражения, джентльмены. У нас на борту дама.

— Боб, включи-ка экран,— сказал один из сидящих. Вошедший подошел к телевизору, и на экране появилась девица в бикини. Семнадцатилетняя красавица, подружка Меллона Кэти.

Акванавты засвистели.

— Спусти ее сюда! Когда мы с ней познакомимся?

— Джентльмены, это Кэти Симмонс,— послышался сверху укоризненный голос,— дочь мистера и миссис Симмонс, с которыми вы знакомы. Так что не забывайте о манерах, м о и д о р о г и е.

Кэти с улыбкой мгновенно сняла верхнюю часть купальника, обнажив груди. Потом медленно надела и повернулась к невидимому человеку наверху.

— Простите, мистер Хадсон,— сказала она.— Он соскользнул.

— Ах, черт,— сказал один из акванавтов.— После этого хотят, чтобы мы провели здесь тридцать дней.

Наверху, на борту судна, Кэти стояла перед рассерженным ученым.

— Я расскажу об этом твоему отцу.

Сказать по правде, Кэти была очень зла на себя. Джим Адамс убьет ее, если узнает, что она привлекла к себе внимание, хотя он велел ей быть особенно сдержанной. Но эти акванавты такие душки и выглядят такими одинокими, словно рыбки в аквариуме.

Дура, абсолютная дура. Вечно она совершает невозможно глупые поступки. Например, обещала Джиму следить за Меллоном.

— Не рассказывайте, пожалуйста,— попросила она мистера Хадсона.— Эти ребята кажутся такими одинокими...

— Мисс Симмонс! Вы еще ребенок.

«Спустить бы с тебя брюки»,— подумала Кэти. Но вместо этого начала плакать, и в конце концов старый Хадсон обещал ей, что ничего не расскажет родителям. И прибавил:

— Я не могу оставить тебя на борту, Кэти.

И тут она расплакалась по-настоящему. Потому что Джим Адамс собирался встретиться с ней на вспомогательном судне, и теперь она сама все испортила.

Кэти сидела лицом к корме в небольшой моторке, идущей к яхте Меллона. Оглянувшись, она увидела, что яхта кишит морскими пехотинцами и по бортам, футах в тридцати, стоят две лодки. Джим не сможет добраться до нее. Она больше никогда его не увидит.

Кэти взобралась по сходням и поздоровалась с Меллоном. Она считала его очень славным человеком. Ей понравилось с ним в постели, но Джиму она этого не говорила. Джим был ревнивцем.

В своей каютке она переоделась в брюки и кофточку и в тысячный раз подумала: что может иметь Джим Адамс против Меллона? Всякий раз при упоминании его фамилии у Джима на лице появлялось какое-то спокойное, неестественное выражение. А ведь Меллон — добряк. Он даже мухи бы не обидел.

Прошлым вечером на пляже в Нассау она пыталась спорить с Джимом на эту тему. Но Джим сказал:

— Если он такой хороший, почему кто-то хочет его убить?

— Но мистер Меллон даже не верит в то угрожающее письмо, о котором писали в газетах. Он говорит, что его с кем-то спутали.

Ее друг не ответил. Он лежал вверх лицом на индейском одеяле, которое они принесли с собой, и глядел на звезды.

— Почему ты следишь за ним, Джим? Это нехорошо. Это страшно. Я не хочу вмешиваться ни во что дурное.

Джим приподнялся на локте и поглядел на нее.

— Меня за это могут уволить,— сказал он.— Но я скажу, потому что люблю тебя и не хочу, чтобы ты пугалась. ФБР.

— Ты агент ФБР — с такими волосами?

— Маскировка.— Он засмеялся.— Большинство наших агентов сейчас носит длинные волосы.

— А мистер Меллон совершил что-нибудь... плохое?

— Да, он совершил кое-что плохое. Не стану говорить, что, а то еще проболтаешься. Но намекну. Когда его яхта отправится на Сент-Джон, ты увидишь на борту нескольких незнакомцев, и, как минимум, двое будут агентами ФБР. Сама убедишься.

Теперь, натянув брюки, Кэти подумала, что Джим был несправедлив к мистеру Меллону. Они находились в лагуне три дня, и она видела только людей в форме. Симпатичных морских пехотинцев. Значит, Джим все-таки соврал.

Выйдя на палубу, она увидела, что по сходням поднимаются двое мужчин, в деловых костюмах они выглядели здесь очень неуместно. Меллон проводил их в салон, а десять минут спустя, столкнувшись на палубе с Кэти, сказал:

— Знаешь, кто это? Агенты ФБР. На борту не хватает только военных летчиков.

И не мог понять, почему Кэти, услышав это, расплылась в улыбке.

34

Фирма «Колмен продакшнз» размещалась в скромном кирпичном здании с белой облицовкой в прекрасной холмистой местности возле Таусона, штат Мэриленд. Уильямса проводили в неприбранный угловой кабинет президента фирмы, человека с красноватым веснушчатым лицом, всклокоченными седыми волосами и грубоватыми манерами.

— Черт возьми, да не вспоминайте об этих съемках «кемита»,— сказал Колмен.— Сплошные неприятности из-за Болтона, то есть Лоуэлла, если это его настоящая фамилия. Нам еще даже не заплатили за этот фильм.

— Почему?

— Заказчик так разозлился после истории с Болтоном, что вряд ли захочет иметь с нами дело. К тому же, разумеется, у меня были обычные осложнения со сценарием, но вас это не интересует. Вы хотите узнать все, что мне известно о Болтоне, верно? С вашего позволения, я буду называть его так.

— Он впервые работал у вас над фильмом о «кемите»?

— Нет, мы нанимали его еще для нескольких работ, началось это около года назад. Хотите кофе?

— С удовольствием.

Они сидели молча, пока секретарша не принесла им ритуального кофе в картонных стаканах, и Уильямс стал пить, выжидая.

— Этот парень пришел искать внештатную работу примерно год назад,— сказал Колмен.— Он был в отчаянии. Во-первых, он не мог удержаться ни на одной постоянной работе. Откровенно сказал мне, что после Вьетнама несколько раз был в психиатрических лечебницах. Во-вторых, произошла одна история, сломившая его.

— Какая именно?

— Он получил в Нью-Йорке работу над специальным телефильмом, посвященным годовщине со дня смерти Кеннеди, и в последнюю минуту его уволили. Сказали, что им не понравилась его позиция.

— Как называлась эта нью-йоркская компания?— спросил Уильямс.

Колмен улыбнулся.

— Не упускать ни одной подробности, мистер Уильямс? Что ж, старый король Кол к вашим услугам. Вот сводка, которую он дал мне, внизу название компании.

Он протянул Уильямсу отпечатанную на мимеографе сводку. Уильямс прочел внизу:

Интернейшнл телевижн пэкейджинг
Нью-Йорк, Рокфеллер-плаза, 30
Срок работы: с августа по октябрь 1972 г.

— По указанному здесь адресу он не живет,— сказал Колмен.— Мы навели справки после кражи «кемита».

Но Уильямс читал на верху страницы:

ЮСИА
Вашингтон, О. К.
Срок работы: с июня 1963 по май 1964 г.

Значит, Лоуэлл работал в ЮСИА! Карсон тоже. Какая-то связь! Уильямс сложил сводку, сунул ее в карман и сказал Колмену:

— Лоуэлл замышляет убийство нескольких людей, состоявших на государственной службе в одно время с ним. Зная его, не могли бы вы подобрать ключ к разгадке причины?

— Ключ у меня есть, не сомневайтесь,— сказал Колмен.

— Какой?

— У него была пленка с похорон президента, я видел ее.

— Пленка? Вы имеете в виду его снимок с Кеннеди на одном из приемов в Белом доме?

— Нет,— сказал Колмен.— Пленку, отснятую на похоронах. При устройстве на работу он демонстрировал ее как образец.

— Ясно. Почему же пленка с похорон Кеннеди — ключ?

— У меня есть с п и с о к с ю ж е т о в. Уходя, он забрал пленку, но список оставил. Я нашел его сегодня в личном деле. И могу сказать вам, что был н е с к о л ь к о удивлен.

Колмен раскурил трубку и откинулся назад, попыхивая и глядя в лицо Уильямсу. Он был из тех людей, которые любят держать слушателя в неведении как можно дольше.

— Что же было на этой пленке?— спросил Уильямс.

— Та-а-ак,— протянул Колмен, и Уильямс ждал, пока очередной клуб дыма поднимется к потолку.— Лоуэлл говорил, что во время похорон он был еще начинающим редактором в ЮСИА. Но по этому случаю агентство послало на съемки всех сотрудников, чтобы осветить событие со всех сторон. Лоуэлл отправился со съемочной группой, и кончилось тем, что он стал брать интервью у людей в толпе. В фильм «Годы молний» эти интервью не вошли, но Лоуэлл тем не менее гордился ими. Он хранил пленку как образец. Устраиваясь на работу, он прокручивал ее, чтобы показать, на что способен. В кинобизнесе это обычное дело.

Похороны Кеннеди! Лоуэлл и н т е р в ь ю и р о в а л людей! Колмен взял список и зачитал фамилии тех четверых, у кого Аллен Лоуэлл брал интервью на похоронах Кеннеди в ноябре 1963 года:

Эверетт Меллон
Томас Медуик
Роберт Уорнки
Стефани Сполдинг.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

После съемки испытаний взрывчатки редактор киногруппы Лоуэлл скрылся, похитив два заряда. Он тайком пробрался в номер и уничтожил паспорт режиссера Карсона, лишив его возможности уехать за границу. Затем он похитил порочащие конгрессмена Медуика документы. Тогда же Лоуэлл написал заместителю помощника министра юстиции Уильямсу анонимное письмо. В нем он угрожал убить самого Уильямса, а также Карсона, Медуика, маклера Меллона, красавицу Стефани Сполдинг, тренера Уорнки.

После разговора с Лоуэллом по телефону Медуик поехал к нему, чтобы выкупить украденные документы. На обратном пути он погиб в устроенной Лоуэллом автокатастрофе. Вслед за тем Лоуэлл сумел перехитрить Уильямса, убить, казалось бы, надежно опекаемого агентами ФБР и телохранителями Карсона и скрыться, несмотря на то, что были приняты все меры к его задержанию.

За Лоуэллом начинают охотиться и «олимпийцы» — тайная организация крайне правых в правительственных сферах, которых он стремится разоблачить. В руки Уильямса попал агент «олимпийцев» Ричардсон и рассказал о Лоуэлле, служившем с ним во Вьетнаме в особом подразделении. Уильяме продолжает поиски и, знакомясь с протоколами заседаний комиссии конгресса по военным делам, наталкивается на упоминание имени брата Лоуэлла Томми Шовайса, к гибели которого Уильямс был косвенно причастен.

В это время Лоуэлл готовится убить маклера Меллона, находящегося на охраняемой разведкой и морскими пехотинцами яхте.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

Последний — на Арлингтонском кладбище

35

Уильямс позвонил Коннорсу.

— Планы меняются. Завтра по пути в Торонто я остановлюсь в Нью-Йорке. Лоуэлл в прошлом году работал в компании «Интернейшнл телевижн пэкейджинг».

— Ты что-то раскопал в Балтиморе?

— Трудно сказать. Оказывается, у Лоуэлла есть небольшая пленка с похорон Кеннеди. Он демонстрировал ее как образец при устройстве на работу. На пленке он берет интервью у четырех людей — и все эти четверо в списке намеченных жертв.

— Господи!

— Свяжи это с тем,— сказал Уильямс,— что в Нью-Йорке он работал над юбилейным фильмом, посвященным Кеннеди, потом перебрался в Балтимор и сказал продюсеру, что был уволен из нью-йоркской фирмы.

Коннорс помолчал, потом ответил:

— Связывай с а м. Я не могу.

— Я тоже не могу, но должен. Если Уар и Горджо в Торонто не сообщат ничего нового, это все, чем мы будем располагать. Связь с фильмом. И она ничего не проясняет.

На ночь Уильямс остановился в балтиморском мотеле, поужинал в одиночестве, потом поднялся к себе в номер. Но из головы у него не шла пленка Лоуэлла. Как нередко бывало с самого начала этого кошмара, он перенесся мыслями в 1963 год, к тем дням, когда Кеннеди был еще жив, город кишел энергичными оптимистами, и среди тысяч там были Меллон, Медуик, Сполдинг и Уорнки.

А теперь, десять лет спустя, этот человек решил их убить.

Уильямс знал, почему о н находится в списке. И, возможно, Лоуэлл мог затаить какую-то обиду на Карсона с тех пор, когда они работали в ЮСИА. Это конкретные причины, из-за которых психически неуравновешенный парень мог пойти на убийство.

Но те четверо, у кого Лоуэлл брал интервью на похоронах? Они были выбраны в толпе наобум и десять лет спустя обречены на смерть. Почему?

36

Аллен Лоуэлл дожидался на причале острова Сент-Томас моторки, которая доставит съемочную группу в лагуну. Погружение было назначено на завтра.

Он был одет в коричневую ветронепроницаемую куртку и джинсы, на плече у него висел в футляре бинокль. Его взяли в съемочную группу на место таинственным образом исчезнувшего накануне подсобного рабочего. Исчезновение организовал Аллен, он сказал этому человеку, что очень интересуется погружениями и просто должен видеть этот эксперимент. За хрустящую стодолларовую бумажку и обещание назавтра такой же рабочий отдал Аллену свой значок. С этим значком Аллен ни у кого не вызывал любопытства и менее всего у охранявшего причал морского пехотинца.

Аллен стоял на причале под солнцем и смотрел, как чайки ныряют в голубую воду и неизменно взлетают с серебристой рыбкой в клюве. Они не промахивались.

Моторка подошла, пришвартовалась, и Аллен перенес на нее аккумуляторы и съемочное оборудование. Несколько минут спустя моторка неслась к острову Сент-Джон, покрытому до вершин холмов пышной зеленью. Сперва перед их взором был Рокфеллер-парк, потом двадцать минут спустя они обогнули косу и увидели корабли на якоре, домики на берегу и вертолет, медленно, мягко опускавшийся на пристань.

Когда они, вспенивая воду, подошли к лагуне, Аллен увидел суда, которые ему были нужны— яхту Меллона и ТДК.

На яхте Меллона агент ФБР говорил по радиотелефону с оператором Уильямса в Вашингтоне.

— Никаких происшествий. Все спокойно. Выхожу на связь через час.

Аллен видел две лодки, охранявшие яхту, морских пехотинцев на борту и думал, что прорваться через этот кордон было бы невозможно. Он поступил предусмотрительно, назначив свидание Кэти на ТДК.

Моторка остановилась у пристани, покачиваясь и задевая бортом за кранец. Аллен спросил моториста:

— Куда вы теперь?

— Не знаю. Наше дело — ждать распоряжений.

— Хотите получить двадцать долларов за небольшую прогулку?

Первый оператор поглядел на Аллена и сердито сказал:

— Эй, Адамс, тебя взяли помогать!

— Подойду через полчаса,— торопливо сказал Аллен мотористу.

— Куда тебе?

— У меня девочка на вспомогательном судне.

— Ладно,— сказал моторист.— Я буду здесь.

Аллен поспешно спрыгнул на пристань и перевыполнил свою норму тяжелой работы, помогая группе устанавливать оборудование.

На вертолете, который видел Аллен, прилетел адмирал. Это было проявлением мудрости координатора из министерства внутренних ресурсов. Командование флота выражало недовольство с самого начала этой операции, и, чтобы задобрить его, некий гений подал идею пригласить кого-нибудь из адмиралов на церемонию погружения, которой открывался тридцатидневный эксперимент.

По замыслу первый спустившийся к домику аквалангист должен был достать из люка большой золотой ключ, всплыть на поверхность и под объективами телекамер вручить пораженному адмиралу этот символический ключ от эксперимента.

Адмирал Джесон Бингем болтал в кают-компании ТДК с капитаном Мазуром.

— Перед вылетом сюда мне был звонок из министерства юстиции. Они обеспокоены тем, что здесь находится этот Меллон.

— На этом настоял адмирал-океанограф, сэр. Мы были готовы отправить его отсюда.

— Черт, как мне это не нравится! Эксперимент стоил правительству громадных денег, и нам только не хватало, чтобы во время него был убит какой-то гражданский. После этого фиаско можно будет навек проститься с «Тектайтом».

— Еще не поздно,— сказал капитан.— Мы можем отправить его отсюда на вертолете.

— А с меня могут снять голову в Пентагоне, если я прикажу отправить его отсюда и он будет убит у себя дома. Нет. Ошибка уже сделана. Но мы примем меры, чтобы с этим человеком ничего не случилось — по крайней мере пока я здесь.

Капитан объяснил, как охраняется яхта Меллона, и адмирал остался доволен.

— Мимо морских пехотинцев не пробраться никому,— сказал он. Потом услышал, как подошла моторка.

На ТДК кают-компания находится рядом со сходнями. И адмирал ясно слышал разговор. В будущем он не раз будет вспоминать его. Какой-то человек сказал вахтенному:

— Мне нужно повидать Кэти Симмонс.

— Кого?

— Это девушка лет семнадцати...

— Да, сэр. Е е я помню, сэр.

Неизвестный сказал:

— Я договорился встретиться с ней здесь в это время.

— Ее здесь нет, сэр. Мистер Хадсон, главный океанограф, отправил ее на яхту Меллона. Теперь ей запрещено находиться здесь.

В кают-компании капитан улыбался адмиралу, думая, рассказать ли ему об импровизированном телепредставлении, устроенном Кэти для аквалангистов. Но решил, что не стоит. Никакой адмирал не удержался бы при этом от смеха.

— Это не так уж важно,— сказал тот человек вахтенному.— Но что такого Кэти сделала?

— Выставила напоказ груди,— сказал вахтен-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—48.

ный, и адмирал расхохотался. Капитан с облегчением рассмеялся тоже.

Аллен Лоуэлл, спускаясь в моторку, не смеялся. Задача перед ним стояла сложная.

Агент ФБР разговаривал с Кэти на борту яхты Меллона, когда к лодке охраны у левого борта подошла моторка. Агент увидел за штурвалом молодого человека, и тут девушка замахала рукой и крикнула:

— Джим! Сюда!

— Кто это? — спросил агент.

— Мой парень. Он сказал, что будет работать со съемочной группой.— Она повернулась к агенту.— Сэр, можно ему подняться на борт? Всего на минуту? Я несколько дней не видела его.

Меллон вышел на палубу, но агент уже сказал: «Ни в коем случае». Он взял рупор, служивший для переговоров с охраной, и его усиленный голос прозвучал металлически:

— Скажите, пусть проваливает! Никаких гостей!

Человек в моторке передал охраннику какой-то футляр и с ревом понесся к пристани. Охранник крикнул в мегафон:

— Он оставил подарок для девушки.

— Хорошо, давай его сюда,— ответил в рупор агент.

Лодка подошла к борту.

— Поймать сможете?

— Конечно.

Охранник бросил футляр, Кэти поймала. Рядом с ней стояли Меллон и агент ФБР. Они взяли у нее футляр и открыли, внутри был бинокль.

— Я забыла взять его,— сказала Кэти, хотя до сих пор и в глаза не видела бинокля. Но Джим велел сказать так, если возникнут вопросы. Агент повертел бинокль в руках.

— По-моему, тут все в порядке,— сказал он.— Тем более, что этот человек не на борту.

— Завтра я буду наблюдать церемонию погружения,— сказала Кэти.— Я близорука, а так хочется все рассмотреть.

Но агент ФБР решил удостовериться сам. Он поднес бинокль к глазам, поглядел. Затем агент отдал его Кэти.

— Я хотел убедиться, что это действительно бинокль,— сказал он, хотя, собственно, и не сомневался в этом. У такой девушки, как Кэти, должен быть мальчик на побегушках.

Аллен Лоуэлл весь день работал на солнцепеке, грузил тяжелые ящики и оборудование, лицо его заливал пот, в башмаки набился песок. Но он привык работать со съемочными группами. Потом все сели в моторку и вернулись на Сент-Томас, а вечером в прибрежном баре Аллен вручил рабочему еще сто долларов.

— Завтра можете выходить на работу,— сказал он.— Зрелище было незабываемое.

Потом Аллен пошел к себе в отель и достал из чемодана мундир армейского сержанта. В ту же ночь сержант первой десантной дивизии Гарольд Дауб вылетел самолетом компании «Пан Америкен» в Майами, а там пересел на рейс до Вашингтона. «Тектайт III» был у Аллена позади.

Впереди была Стефани Сполдинг.

37

Десять часов сорок пять минут, остров Сент-Джон. Бинокль лежал в футляре на туалетном столике в каюте Кэти.

Надо было поторапливаться. Церемония начиналась в одиннадцать, акванавты на своем судне натягивали костюмы, адмирал и другие высокие чины собрались на палубе ТДК.

Кэти решила устроить акванавтам последнее представление. Она облачилась в голубое бикини и пошла на нос, откуда могла помахать им перед спуском. Чтобы они помнили ее все долгие дни под водой.

Когда она проходила мимо радиорубки, один из агентов ФБР увидел ее и присвистнул.

Перед вылетом из Балтимора двенадцатичасовым рейсом в Нью-Йорк Джордж Уильямс позвонил Стефани Сполдинг и Бобу Уорнеру. Стефани сразу же вспомнила интервью во время похорон. Уорнер на минуту задумался.

— Знаете, у меня много раз брали интервью как у тренера. Но я не помню, совал мне кто-то в тот день микрофон под нос или нет... Постойте... А, вы имеете в виду того... верно, один парень подходил ко мне на улице, когда процессия уже прошла. Я глядел ей вслед и плакал как ребенок. Он спросил, работал ли я с Кеннеди, а я ответил, что сейчас не могу говорить. Вот и все интервью! Черт, должно быть, это он. Тот самый парень!

— Это он,— сказал Уильямс и повесил трубку. Потом стал дозваниваться на яхту Меллона. После долгих помех и ошибок он наконец связался со своим человеком.

— Меллон под надежным присмотром?

— К яхте никто не приближался,— сказал агент ФБР. И после паузы добавил:— Вообще-то вчера подплывал один парень.

— Что?

— На яхте находится девушка, дочь одного из ученых. Этот парень вчера хотел известить ее, но мы его прогнали.

— Возьмите эту девушку и не подпускайте к Меллону!

— Этот парень не подходил к ней! Только передал через охранников бинокль.

— Бинокль?

— М-м-м, да...

— Где сейчас этот бинокль?

— Н-не знаю.

— Бросьте его за борт сию же минуту!

— Это настоящий бинокль. Мы проверяли.

— СИЮ ЖЕ МИНУТУ НАЙДИТЕ ЕГО И БРОСЬТЕ ЗА БОРТ!

Адмирал Бингем был в прекрасном настроении. Кто-то из штаба сказал ему, что он получит золотой ключ от домика акванавтов, и его это радовало. Штабисты, капитаны первого и второго рангов, стоявшие с ним на палубе, были одеты в безупречно белые мундиры с золотыми галунами. По правому борту находилось прогулочное судно, с которого акванавты должны были погружаться. Эта помпезность была дисгармонирующей нотой в якобы военной операции, но министерство внутренних ресурсов не особенно считалось с военными моряками. Адмирал улыбнулся, когда один из акванавтов, уже одетый для погружения, отдал ему честь.

От ТДК к подводному домику шли кабели, он стоял поодаль от берега. К нему причалил старый Курт Меннинг, научный телеобозреватель. Съемочная группа наводила с кормы катера на адмирала объективы телекамер.

— Не хотите ли сказать несколько слов перед погружением?—спросил его Меннинг.

И, не дожидаясь ответа, перепрыгнул на палубу, к досаде других телегрупп на своих катерах. Адмирал отказался говорить с ними до погружения, опасаясь, что может что-то случиться: он не хотел, чтобы его снимали вещающим о технологическом достижении, когда внизу лежит мертвый акванавт, как это случилось при проведении «Си Лэб III», но у Меннинга, очевидно, был какой-то подход.

С яхты Меллона, стоявшей ярдах в тридцати, это было яркое, красочное зрелище. Солнце с ясного, голубого неба сверкало на волнах лагуны. Акванавты докуривали последние сигареты, им предстояло не курить тридцать дней. Один из них поднял взгляд и увидел Кэти в голубом бикини.

— Опять эта дочь природы.

— Умеет задеть мужчину за живое,— сказал другой и услышал, как с пристани его окликают по имени. Молодая красивая женщина вышла из толпы и бросила ему фотографию в непромокаемом пластике. Потом послала воздушный поцелуй.

Акванавт помахал фотографией жены и улыбнулся ей. По сравнению с девицей в бикини она внезапно показалась очень старой.

Кэти на носу внезапно спохватилась. Бинокль! Она была так поглощена зрелищем и этими беднягами-акванавтами, что чуть не забыла о наставлениях Джима.

Взяв бинокль, Кэти поднесла его к глазам. Взволнованная, она думала о том, как передать бинокль Меллону. Но где он? Джим, очевидно, считал, что он будет на носу, рядом с ней.

Кэти встревоженно огляделась и увидела, что Меллон стоит на рулевой рубке с морским пехотинцем. Она стала торопливо подниматься по трапу, и тут же на трап выскочил встревоженный агент. Кэти отковырнула ногтем кусочек кожи на бинокле и вместе с ним вытащила тонкий, похожий на иглу штырек.

— Мистер Меллон,— подавая бинокль, сказала она.— Вы только взгляните попристальнее на красавчика справа!

— Давай.— Меллон взял бинокль.

— МЕЛЛОН!— прогремел голос.— БРОСЬТЕ БИНОКЛЬ ЗА БОРТ! ЭТО БОМБА!

Меллон опустил бинокль и рассмеялся.

— Вы шутите? Ваш приятель вчера не взорвался! Какие пугливые стали...

Меллон вновь поднес бинокль к глазам. Но мгновенно взбежавший по трапу агент рванул Меллона, и тот растянулся на крыше. Бинокль описал в воздухе дугу, и все, кто был на борту ТДК, затаив дыхание, следили, как он падал на поручень. Раздалось громкое БУМ! Взрыв повредил палубу и близлежащие каюты, корпус яхты треснул, и один морской пехотинец полетел за борт, рукава его были изодраны в клочья.

Глава V

22 НОЯБРЯ 1973 ГОДА

В Нью-Йорке было холодно, резкий ветер насквозь пробирал шедших по бетонке к дверям вокзала и к теплу пассажиров вашингтонского самолета. Уильямс вышел наружу и подозвал такси.

По пути к Манхэттену водитель, человек с густыми черными бровями и, видимо, не раз сломанным носом, спросил:

— Слышали об этих убийствах? Одно в отеле «Амбассадор»... Картон, или Карсон, или как там его? А теперь бомба в Нассау.— И глянул в зеркало заднего обзора.

— Читал,— ответил Уильямс.

— Ну так вот, мой сын вчера вечером разгадал, кто это. Мы смотрели новости по телевизору, и он явился с ответом. Это Освальд.

— Ли Освальд?

— Вот именно. Настоящий Ли Освальд. Вы знаете, у него был двойник. Сын заставил меня прочесть одну из книжек об этом заговоре, там есть свидетельство, что, когда один Освальд покупал что-то в одном городке, другой был в другом, не то на стрельбище, не то где-то еще. И малыш говорит, что один из этих Освальдов еще на свободе.

Уильямс сотрудничал в этом деле с комиссией Уоррена, помогал расследовать каждую версию заговора. Всех волновала связь с ЦРУ: Освальд жил в России, следовательно, ЦРУ по крайней мере обращалось к нему. Но в конце концов все улики указали на то, что Освальд действовал в одиночку, и Уильямс поверил в это.

— Что ж,— сказал он водителю,— кто он такой, станет известно двадцать второго ноября.

— Почему?

— В письме указана эта дата.

— Но осталось всего две недели. По-вашему, он за это время убьет еще четверых, хотя его ищет все правительство?

— Я думаю, попытается,— сказал Уильямс.

Рокфеллер-центр высится посреди города, уже немного постаревший, но все еще величественный, его современные стеклянные башни кажутся фантастическими виденьями, которые в один прекрасный день рассеются.

Такси свернуло с Пятой-авеню, но Уильямс не замечал ничего вокруг. Теперь, больше чем когда-либо, он понимал, что должен как-то заставить Лоуэлла охотиться за собой, немедленно! Меллона спасла накануне лишь чистая случайность. Позвони он агенту ФБР пятью минутами позже, Меллон был бы мертв.

Газеты снова подняли шум. Покушение вызвало гневные нападки на «беспомощное» ФБР, неспособное защитить известную жертву с помощью сотен морских пехотинцев.

На это Уильямс мог бы кое-что возразить. От такого убийцы, как Лоуэлл, который все рассчитывает заранее, всегда совершает что-то непредвиденное и действует с поразительной дерзостью и точностью, защитить намеченные жертвы невозможно, разве что посадить их в тюремные камеры, на что не согласятся ни Сполдинг, ни Уорнер, хотя кто-то из ФБР всерьез предлагал эту меру. Теперь уж было ясно, что обычные меры — охраняемый номер в отеле, дом-сейф — бесполезны против методов Лоуэлла.

Водитель остановился у здания № 30, и Уильямс поднялся лифтом на восьмой этаж, где размещалась «Интернейшнл телевижн пэкейджинг».

Помещения фирмы были обставлены с неброской роскошью: повсюду, даже в приемной, стояла мебель в стиле эпохи Регентства и висели картины-подлинники. Уильямса проводили в кабинет вице-президента, отвечающего за производство, высокого, худощавого, седеющего человека по имени Том Джексон.

— Мне поручено оказывать вам всевозможное содействие, мистер Уильямс,— сказал он.— И, честно говоря, я берусь за это очень охотно. История в высшей степени ужасная.

— Давно работает ваша компания, мистер Джексон?

— Года два с половиной плюс-минус месяц. А что?

— Почему же вам потребовалась помощь внештатников?

Джексон улыбнулся.

— Видите ли, мистер Уильямс, это был особый случай. Мы широко привлекали всех, у кого были еще не демонстрировавшиеся пленки с президентом Кеннеди, для юбилейного выпуска в прошлом году. Болтон в числе прочих откликнулся на объявление. Он провел несколько интервью на похоронах президента. В самом деле очень впечатляюще.

— Вы просматривали эту пленку?

— Да. И, кажется, это была моя идея послать его девять лет спустя за интервью к этим четверым. Свести вместе прошлое и настоящее.

— И он взялся за это?

— Да, сэр. Продюсером фильма был Боб Торли. Он расскажет вам, что произошло.

Через несколько минут вошел человек в сером кашемировом свитере, серых брюках, мягких кожаных ботинках и пожал руку Уильямсу.

— Ну и псих этот Болтон, а?

— Как он среагировал на четыре повторных интервью?— спросил Уильямс.

— Среагировал? Его это чуть не доконало. Начну с того, что он был в скверной форме. Я еще при первой встрече заметил, что он слишком нервный для работы. Наверно, мистер Джексон, взяв его, просто оказал ему любезность, потому что он—вьетнамский ветеран и все такое прочее.

— Т о г д а я думал,— сказал Джексон,— что мы сможем использовать его пленку.

— Но после того, что Болтон выяснил, это стало невозможно. Видите ли, мы хотели, чтобы он навел справки о тех людях, прежде чем соваться к ним за интервью. И когда он вернулся, злющий, как черт, я спросил, в чем дело. Он сказал: те четверо обожателей Кеннеди теперь превратились в шлюху, мошенника, бездельника-пьяницу и педика.

Уильямс задумался. Первых троих он мог определить, поэтому педиком оставался Уорнки. Уорнки? Футбольный тренер?

— Он не уточнял, кто есть кто?

— Нет. Какой смысл? Он сказал, что не станет снимать их в память о Кеннеди, потому что они осквернили — именно так он и выразился — все, ради чего Кеннеди трудился. Заявил, что не позволит нам использовать свою пленку с похорон после того, что узнал. Мы ответили: ладно, обойдемся. И все.

— Одному продюсеру в Балтиморе он сказал, что был выгнан с работы из-за своих взглядов.

— Из-за взглядов! У него были безупречные взгляды. Он любил Кеннеди и работал над этой передачей, как вол. Мы поручили ему отредактировать несколько сцен, выяснить кое-что из времен Кеннеди, и он был рад, как ребенок.

— Значит, насколько вам известно, он разочаровался в замысле, узнав, что сталось с теми четверыми?

Джексон развел руками.

— В чем же еще могло быть дело? В тот день он ушел отсюда и больше не возвращался. Точка. Не скажу, что его уход явился ударом для нас — в конце концов он был просто внештатником,— но он так горячился, не желая использовать эту пленку, что, наверно, часть ее стерлась. В общем, мы решили обойтись без этих четверых, в том числе, разумеется, без интервью Болтона на похоронах.

Уильямс спросил, можно ли ему посмотреть юбилейный фильм.

— Я бы рад помочь вам, мистер Уильямс, но там даже нечего видеть. Фильм так и не был закончен. Зато можете посмотреть версию этого года.

— А почему не закончен прошлогодний фильм?

— Болтоновский? Отделы новостей на телестудиях не любят независимых продюсеров-документалистов, мистер Уильямс. Они хотят сами делать все свои передачи... В телебизнесе это хорошо известно. Поэтому нам сообщили в последнюю минуту, что часы наибольшего приема заняты и заказчик отказывается от фильма. Полгода работы пошло насмарку, но теперь у нас надежный заказчик, и мы делаем новый юбилейный телефильм. С полной гарантией.

Уильямс знал, что Джексон говорит правду. Однажды он принимал участие в антитрестовском деле против телекомпаний, захвативших часы наибольшего приема, и отказа отделов новостей от независимых продюсеров в частности.

— У вас нет пленки Лоуэлла?— спросил он.

Джексон покачал головой.

— Тогда я хотел бы посмотреть новый фильм.

— Да-да,— сказал Джексон.— Сейчас я свяжусь с монтажером.

Он позвонил секретарше и потребовал к телефону Санчеса. Когда Санчес взял трубку, Джексон сказал:

— У меня здесь человек, ему нужно посмотреть наш новый фильм о Кеннеди. Монтаж не закончен?.. Что ты можешь показать ему?.. Ясно. Минутку. Монтаж еще не закончен,— сказал он Уильямсу,— но Санчес может показать вам несколько эпизодов с разных пленок.

— Когда монтаж будет закончен?

Джексон спросил в трубку Санчеса.

— Пока не может сказать. Они ждут какую-то пленку, а когда она поступит, неизвестно.

— Я еще приеду,— сказал Уильямс.

Джексон поглядел на него.

— Я все же не понимаю, какое отношение фильм этого года имеет к Болтону. Болтон не принимал в нем никакого участия.

Но вместо ответа Уильямс спросил:

— Когда ваша передача идет в эфир, мистер Джексон?

— Двадцать второго ноября в восемь часов.

Уильямс поблагодарил его, Торли и вышел из кабинета. Но, проходя мимо, он остановился у стола секретарши, принимающей посетителей, изящной брюнетки, та одарила его улыбкой.

— Мистер Джексон говорит, что в тот день, когда уходил Джефф Болтон, дежурили вы. Помните?

— О, конечно. Он славный парень. Нервный только очень.

Зазвонил телефон, и Уильямсу пришлось ждать, пока секретарша вставит штекер в гнездо. Потом она взглянула на него и сказала:

— Я только знаю, что мистер Брокуэй пришел к мистеру Джексону. А через пять минут Джефф вернулся с ленча, вид у него был просто ужасный. Бедняга, с тех пор, как он повидал тех, кого интервьюировал, на нем лица не было.

— Ну и что?

— Я не знаю, что произошло. Он зашел к мистеру Джексону и вышел через десять минут бледный как смерть. Я спросила: «Что случилось?» А он: «Ничего. Ничего». Вышел, и больше я его не видела.

— Кто такой мистер Брокуэй?

— Один наш финансист из другого города. Он приезжает сюда по делам время от времени, поэтому здесь у него есть кабинет. Мистер Джексон очень любезен с ним.

— Значит, когда Болтон зашел к Джексону, там находился человек по фамилии Брокуэй?

— Верно.

— А через десять минут Болтон ушел и больше не показывался?

— Тоже верно,— сказала секретарша.— Он был совсем зеленый! Сказал, что больше не придет никогда.

Уильямс поблагодарил ее и вышел.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Редактор киногруппы Лоуэлл во время съемки испытаний взрывчатки «кемит» похитил два заряда и скрылся. Тайком пробравшись в номер режиссера Карсона, он уничтожил его заграничный паспорт. Потом выкрал из кабинета конгрессмена Медуика важные документы и написал заместителю помощника министра юстиции Уильямсу анонимное письмо, угрожая убить Уильямса, Медуика, Карсона, маклера Меллона, красавицу Стефани Сполдинг, тренера Уорнки.

Лоуэлл предлагает Медуику выкупить похищенные документы, изобличающие конгрессмена во взяточничестве. Возвращаясь домой с документами, Медуик погиб в автомобильной катастрофе, устроенной Лоуэллом. Затем Лоуэлл убил тщательно охраняемого режиссера Карсона и ушел от преследования, несмотря на то, что все аэропорты контролировались агентами ФБР.

Олимпийцы — секретная группа крайне правых в высших правительственных сферах — тоже обеспокоены. Лоуэлл называет себя именами членов этой группы, привлекая к ней внимание общественности. Они поручили своему агенту Ричардсону убрать Лоуэлла, но тот попал в руки Уильямса и рассказал о совместной службе с Лоуэллом в особом подразделении во время войны во Вьетнаме. Знакомясь с протоколами комиссии конгресса по военным делам, Уильямс по фамилии брата Лоуэлла наконец-то устанавливает личность самого убийцы.

А в это время Лоуэлл готовит покушение на маклера Меллона, охраняемого на яхте морскими пехотинцами, разведкой и агентами ФБР. Уильямс своевременно догадался, что переданный на борт яхты бинокль — бомба. Это и спасло Меллона от гибели.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

2

В Торонто была сильная метель, и самолет Уильямса кружил, казалось, несколько часов, прежде чем нырнуть в серый вихрь. На высоте пятьсот футов развиднелось для посадки с лыжным шасси на обледенелую полосу.

Уильямс взял напрокат «пежо» и спросил дорогу у девушки за конторкой. Она дала ему карту, обвела карандашом оба названных адреса и предупредила:

— Улицы здесь убирают быстро, но в течение ближайшего часа ехать будет трудно. Если вы незнакомы с нашими дорогами, лучше подождать.

— Рискну,— сказал Уильямс и через несколько минут пожалел об этом. Снег все еще валил, и колеса с хрустом вязли в белой массе; в довершение всего от дыхания запотели окна, и стеклоочистители натужно скрипели по ветровому стеклу.

Задержка самолета уже выбила его из расписания, а в ситуации, где на счету каждая минута, это могло оказаться роковым. Здесь, в Торонто, должен быть какой-то ключ. Уар д о л ж е н будет назвать настоящие фамилии на документах, изготовленных для Лоуэлла. А Майк Горджо и его друзья д о л ж н ы знать о человеке, который сотрудничал с ними несколько лет, больше, чем открыли.

То, что Уильямс узнал в Балтиморе и Нью-Йорке, значительно приблизило его к разрешению самой главной загадки: мотивов Лоуэлла. Интуиция подсказывала, что он на верном пути.

Уильямс звонил из Нью-Йорка Майку Горджо, и тот обещал приютить его на ночь; у него как раз выехал один временный жилец. Но сперва Уильямс хотел повидать Уара.

Когда он остановился у ателье «Бон суар», снегопад стал утихать. Войдя, он подождал, пока полная женщина в синем халате не обратит на него внимания, и представился.

— А,— сказала женщина.— Мы ждем вас. Я Мари Уар.

Она повесила на дверь табличку «Закрыто» и повела Уильямса в заднюю комнату.

У гладильных станков стоял громадный негр. Женщина повела Уильямса вверх по лестнице в спальню, где бледный, осунувшийся Робер сидел на кровати.

— Вот что, Робер,— сказала миссис Уар,— хватит дурить. Скажи этому человеку, какие документы ты изготовил для Джеффа.

— Мари считает,— сказал Робер,— что я не должен покрывать его, раз он убивает людей. Я даже слег. Но считаю, что она права.

Он подал Уильямсу листок со стола возле кровати.

— Прошу прощения, утром я пролил на него чай.

Уильямс прочел фамилию и адрес:

Джим Адамс
Сиэтл, штат Вашингтон
Оук-стрит, 135

— У него паспорт,— сказал Робер,— кредитная карточка компании «Галф ойл», которой он не будет пользоваться, и членский билет сиэтлского яхт-клуба.

— Откуда мне знать, что вы не лжете, спасая своего приятеля?— спросил Уильямс.

— Он не лжет,— гневно сказала миссис Уар. Уильямсу было ясно, почему Робер передумал.— Я сама знаю. В то утро, когда он уходил, я сказала: «Оревуар, Джефф». А он улыбнулся и сказал: «Мари, теперь меня зовут Джим».

Уильямс поверил ей. Попросив разрешения, он позвонил в Вашингтон и сообщил Коннорсу полученные сведения.

— Действуй дальше!— сказал Коннорс и обещал тут же передать их на телеграф.

3

Метель прекратилась внезапно, и, когда Уильямс вышел из «Бон суар», улицы уже были очищены. Осторожно ведя машину, Уильямс ехал по предвечернему Торонто на северную окраину. К пяти часам, когда он был у дома, где жил Майк Горджо, уже стемнело; Уильямса ждали к полудню.

Он нажал кнопку звонка, дверь открыл молодой человек с взъерошенными белокурыми волосами. Уильямс представился и сказал, что ему нужно видеть Майка.

— Входите, но сейчас его нет.

Уильямс вытер ноги о половик и увидел еще троих молодых людей, они сидели и читали.

— Я Френк Пауэрс,— сказал белокурый.— Майк решил, что из-за метели вы не смогли вылететь, и ушел полчаса назад. Но комнату для вас на всякий случай оставил.

— Это хорошо,— сказал Уильямс. Он чувствовал, что трое парней относятся к нему с опаской. Он был представителем закона. Они— дезертирами.

Один из них быстро принес чашку дымящегося черного кофе. Уильямс сел на скрипучую кушетку с продавленными подушками.

— Никто из вас не встречался с Алленом Лоуэллом?— спросил он.

Высокий темноволосый парень, сидевший у дальней стены, вспылил:

— С тем типом, что убивает людей? Вы что, хотите обвинить нас в соучастии?

— Никто из нас с ним не встречался,— сказал Пауэрс.— Я сам расспрашивал по всему Торонто. И узнал, что он приезжал к Уару в прошлом году.

— Значит, ты его видел?

— Нет. Он тайком приезжает, тайком уезжает.

— Но откуда ты знаешь?— спросил Уильямс.— Он мог не назвать своей настоящей фамилии.

— Мы не скрываем своих фамилий,— гневно сказал Пауэрс.— И гордимся тем, что сделали, что бы ни говорили о нас в Америке.

— Аллен Лоуэлл примерно шести футов ростом,— сказал Уильямс,— стройный, коротко-стриженый. Видели когда-нибудь здесь такого? Чисто американский тип.

— Дело вот в чем,— сказал Пауэрс,— большинство этих ребят недавно из армии, поэтому короткостриженых много, смотря в каких частях они служили... Да, а теперь слушайте. Был тут один такой с год назад, спрашивал Майка. Вел себя как-то странно... будто нервничал или что. Не мог спокойно сидеть. Я сказал ему, что Майк будет к обеду и что можно поспать в комнате наверху. Но когда Майк вернулся, этого парня уже не было. Он так и не виделся с Майком.

На Уильямса это впечатления не произвело.

— У него могла быть сотня причин, чтобы уйти.

— Да, но, когда я повел его наверх, казалось, что он хотел остаться. Рухнул на койку, вид у него был совсем измотанный. Я даже решил, что он болен.

Уильямс ощутил, как у него напряглись мышцы живота. Лоуэлл внезапно ушел из «Интернейшнл телевижн»... Некто похожий на него внезапно ушел из этого дома... Правда, дезертиры все время приходили и уходили. Уильямс допил кофе.

— Где эта комната? — спросил он.

Пауэрс проводил его наверх в небольшую комнату, там стояла низкая койка с провисшей сеткой.

— Комната Майка рядом,— сказал он.— Мы называем ее президентским номером. Ванная в конце коридора. Располагайтесь как дома. Мы всегда гостеприимно встречаем шпиков ФБР.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—49.

— Я из министерства юстиции,— сказал Уильямс.

— Для нас все вы шпики,— ответил Пауэрс и ушел.

Уильямс пошел в ванную, умылся и по пути назад заглянул в комнату Майка. Ему сразу бросилось в глаза, что Майк — футбольный болельщик. На всех стенах висели снимки с матчей НФЛ[1]. Что ж, это у них с Лоуэллом общая черта, подумал Уильямс. У него был номер ежегодника «Стойбенвилл Хай», он прочел там, что в юные годы Лоуэлл был вратарем этой команды и брал «мертвые» мячи.

В коридоре не было никого, и Уильямс зашел в комнату. В дополнение к снимкам НФЛ на комоде стояла фотография четвертьзащитника, отбивающего мяч. Спортсмены на ней были в школьном или студенческом возрасте. Видимо, Горджо, как и Лоуэлл, участвовал в футбольных матчах. Уильямс долго разглядывал эту фотографию.

Он направился в угол комнаты к письменному столу, и тут совершенно неожиданно раздался звонок.

Парни взбежали наверх и ворвались в комнату.

— Что тут такое, черт возьми?— спросил Пауэрс. Но Уильямс, присев у стены, разглядывал глазок электрической сигнализации. Звонок не умолкал.

— Видимо, Горджо нужна секретность,— сказал Уильямс стоящим в дверях.— Кто знает, как отключить сигнализацию?

— Мы даже не знали, что у него есть сигнализация! Я ни разу не слышал этого звонка.

Уильямс обнаружил провод, идущий вдоль плинтуса за стол к выключателю, судя по всему, установленному недавно. На полу еще валялись крошки краски и штукатурки. Он повернул выключатель, и звонок прекратился.

Для чего эта сигнализация у стола? Уильямс сказал парням:

— Все в порядке, тревога окончена.

Но они не уходили.

— Послушайте, мистер, если он установил сигнализацию, значит, там есть что-то, чего вам не следует видеть.

— Что же?— спросил Уильямс. На столе и в ящиках были только письма и счета, ничего изобличающего, не было даже списка краж Болтона, несмотря на договоренность.

Парни переглянулись.

— Что ему скрывать?— сказал Пауэрс.— Разве фамилии дезертиров на тот случай, если канадская полиция передумает и возьмется за нас.

— Все равно зачем ставить сигнализацию?— спросил другой.

Все спустились вниз, и тут появился Майк Горджо. Это был коренастый, кудрявый, обаятельный парень.

— Черт,— сказал он, потирая руки,— никак не привыкну к этому холоду...— Заметив Уильямса, он умолк.— Вы Джордж Уильямс, да?

— Да.

— Ну, будьте как дома. Эй, Ларри,— сказал он одному из парней,— поднимись ко мне, достань припрятанную бутылку шотландского. Она в чемодане под кроватью.

— Я не смогу пройти мимо сигнализации,— сказал Ларри.

Горджо рассмеялся.

— Тьфу ты, я и забыл. Слушай, глазок всего в футе от пола, перешагни.

И плюхнулся в кресло.

— Похоже, от нее будет больше неудобства, чем толку.

— Когда ты установил ее?— спросил Уильямс.— Ребята не знали о ней.

— Ну,— сказал Майк,— узнав, что по соседству со мной вздумал ночевать представитель министерства юстиции, я приобрел комплект сигнализации и вчера вечером установил сам. Видите ли, до того, как попасть в военные преступники, я был электриком.

Уильямс улыбнулся.

— Что ж, я привел ее в действие, так что ты был прав.

— Еще бы, черт побери, меня это не удивляет. Вы здесь по делу об убийстве, значит, должны осмотреть все. Пистолет под подушкой не нашли?

— По правде говоря,— с улыбкой сказал Уильямс,— меня больше интересовали футбольные фотографии.

— Еще бы, не сомневаюсь,— ответил Майк.— И все же, мистер Уильямс, открою вам один секрет. Эту штуку я ставил не для вас. Для себя! Меня уже трижды грабили в этом гнусном городе. Теперь я обзавелся сигнализацией, держу под подушкой пистолет, и если еще кто сунется к старине Майку, то будет продырявлен.

— Ты хранишь деньги в комнате?

— Ох уж эти служащие министерства юстиции,— усмехнулся Горджо.— Вы не знаете принцип грабежа? У тебя в руках человек — у тебя в руках деньги. Ты ведешь его к деньгам за нос. Проклятие, двое бандюг сцапали меня сонным и забрали все до цента... все, что я скопил за пять лет. Да еще сломали два ребра.— Он засмеялся.— Надо же. Расставил ловушку бандюгам, а в нее угодил бешеный пес из министерства юстиции. Ладно, черт возьми, я знаю одно. Эта штука установлена не зря!

Ларри спустился с бутылкой шотландского, и Майк налил всем.

— Когда собираетесь к Уару?— спросил он.

— Я уже видел его,— сказал Уильямс.— И узнал новую фамилию Болтона.

Майк почтительно взглянул на него.

— Молодчина вы, Уильямс. Вот уж не думал, что Робер расколется. Он рассказывал мне душещипательную историю, как Болтон спас его отпрыска.

Все допили, и Уильямс спросил Горджо, могут ли они поговорить наедине. Парни охотно оставили Майка с беспокойным гостем из министерства юстиции.

Уильямс подождал, пока они выйдут, и поставил свой стакан на кофейный столик.

— Когда Карл Ричардсон войдет в эту дверь, Майк?

4

Во взгляде Горджо ничего не отразилось.

— Какой Карл Ричардсон? Никакого Ричардсона я не знаю.

— Думаю, что знаешь, Майк. Думаю, что ты был с ним во Вьетнаме. Потому что мне известно кое-что, чего Аллен Лоуэлл не знал три года. Настоящее имя Майка Горджо — Джо Маркони.

Молчание, потом Горджо сказал:

— Видимо, сигнализация навела вас на мысль...

— Ты допустил небольшую оплошность, Майк, и притом дважды. У тебя на комоде стоит фотография футболиста. Она очень заинтересовала меня, потому что эту же самую фотографию я видел в твоем школьном ежегоднике.

— Что?

— Поэтому я знаю, кто ты на самом деле. И знаю, что олимпийцы внедрили тебя в группу дезертиров, чтобы ты мог тайно использовать их и вербовать новых. А приманкой для них был некто, уже работающий для СДО[2] в Штатах, потому что он ненавидит войну и все связанное с ней,— это не кто иной, как твой друг по школе и «зеленым беретам» Аллен Лоуэлл...

— Я не слышал ни о каком Аллене Лоуэлле!— сказал Горджо.

— Тебе нужен был человек, прошедший школу у олимпийцев. Он намного облегчил твою работу. Ты с ним списался под своим новым именем и заключил кой-какую сделку. Предметом сделки был его брат, так, Майк? Ты втянул его в эту историю? Дело в том, что мне не дает покоя одна деталь. Человек, донесший о Колдуэлле и Томми Шовайса, звонил из Торонто!

Горджо ничего не ответил, и Уильямс продолжал. Он сказал, что после смерти брата Лоуэлл попался на крючок. И выполнял любые задания для дезертиров, а на самом деле для олимпийцев.

— Но ты знал, что, если он приедет сюда поговорить с Майком Горджо, твоей заочной сделке конец. Поэтому ты писал ему от имени Горджо, держал его на расстоянии, а когда он приезжал, тебя не оказывалось в Торонто.

Ответом было лишь молчание и недоуменный взгляд.

— Итак, ты много лет заставлял Аллена Лоуэлла делать в Штатах всевозможную грязную работу якобы для дезертиров. Он устанавливал электронные микрофоны в кабинетах, крал досье, подслушивал телефонные разговоры и слал тебе обличающие сведения, девяносто девять процентов их ты передавал олимпийцам для шантажа и давления на либеральных политических деятелей и газетчиков, а один процент — дезертирам. Прекрасно, Майк. Поздравляю тебя.

Горджо поглядел на него как на помешанного.

— Уильямс, вы меня с кем-то спутали. Я вовсе не Джо Маркони. Этой фотографии не было в стойбенвиллском ежегоднике...— Он прикусил язык.

— Стойбенвилл? Откуда ты знаешь, что я имел в виду стойбенвиллский ежегодник?

— ГАД ТЫ, УИЛЬЯМС!

— Может быть,— спокойно ответил Уильямс,— но я не дурак, Майк. Ты до сих пор не знаешь, что Лоуэлл появился здесь год назад, потому что внезапно столкнулся с Карлом Ричардсоном. Считалось, что Ричардсон погиб во Вьетнаме, но столько лет спустя оказалось, что он жив и все еще следит за ним. Может, за ним все эти годы следили и олимпийцы? У Лоуэлла возникли подозрения, он приехал в Торонто, чтобы выяснить, кто ты такой, а тебя, естественно, не было. На этот раз он пошел прямо к тебе, в твою комнату. У тебя хватило ума скрыться, но ты забыл кое-что. Он увидел ту фотографию, Майк.

Глаза у Горджо блеснули, и Уильямс понял, что попал в точку. Если так, то единственно возможный ответ на загадку шестерых в списке был наконец ясен. Только бы он не ошибся в расчетах... и Ричардсон подтвердил бы это.

Майк придвинулся вплотную к Уильямсу и зашептал:

— Прощайся с жизнью, Уильямс. Пистолет не под подушкой.— Он вытащил оружие из-за пояса.— Ричардсон будет здесь с минуты на минуту. Сигнализация установлена для него. Я предоставлю ему играть роль хозяина. Может, допьем то, что осталось?

— Прекрасное предложение,— сказал Уильямс,— но несвоевременное. Мне нужно идти.

Он открыл шкаф и надел пальто. Майк сперва опешил, потом шагнул к нему.

— Ты никуда не пойдешь!

Уильямс улыбнулся, открыл дверь и вышел. Он понимал, что Горджо не посмеет выстрелить, побоится полиции. Эту грязную работу должен был выполнить Карл Ричардсон, а не подсаженный к дезертирам олимпиец.

«Пежо» стоял примерно в ста футах. На полпути к нему Уильямс обернулся и увидел, что Горджо стоит в дверях, колеблясь, рискнуть или нет, а расстояние между ними все увеличивалось. Потом Горджо принял ошибочное решение. Он вскинул пистолет и нажал спуск. Выстрел гулко прогремел на тихой улице, но Уильямс резко пригнулся и забежал за стоящие машины. Отперев «пежо», он завел мотор. Горджо бежал по тротуару к нему. Колеса машины забуксовали в снегу, и Уильямс не мог тронуться с места. Горджо поднял на бегу пистолет, поскользнулся и растянулся во весь рост. Пистолет заскользил по асфальту. Когда Уильямс наконец тронулся, в него едва не врезался мчавшийся автомобиль. Гневно взглянув на водителя, он увидел, что это Карл Ричардсон.

Маркони подскочил и бросился к пистолету. Ричардсон с первого взгляда оценил положение — двери были открыты, люди глядели в окна,— прибавил газу и на первом перекрестке свернул. Уильямс, едва удержавшись на повороте, помчался следом. Он твердо решил, что на сей раз Ричардсон от него не уйдет.

5

Впереди мерцали хвостовые огни машины Ричардсона. Куда он едет? На юг, к Гамильтону? Нет. Машина съехала с главной магистрали, свернула налево, и они понеслись по обледенелой дороге на север, к горам.

Уильямс был безоружен, правда, Ричардсон не мог этого знать; и все же было самоубийством ехать за ним в безлюдные горы, где Ричардсону ничего не стоило остановиться и убить его с близкого расстояния. Но от того, сможет ли он как-то остановить Ричардсона,

[1] Национальная футбольная лига.

[2] Организация «Студенты за демократическое общество».

не боясь пули, и выведать, что ему известно, возможно, зависела жизнь трех человек.

Внезапно хвостовые огни исчезли. Уильямс миновал заснеженный поворот, но впереди их не было. Потом он понял, что Ричардсон выключил свет, ночью на темной дороге это было опасно, хотя за полчаса навстречу не проехало ни одной машины. Очевидно, Ричардсон замыслил какой-то трюк.

Они были уже в горах, дорога шла вверх над крутыми склонами. Тучи разошлись, и в свете луны Уильямс разглядел машину Ричардсона, темную тень, заполняющую дорогу.

Ричардсон делал именно то, чего опасался Уильямс. Он заманивал его повыше в горы, где мог устроить засаду и убить преследователя, когда тот подъедет.

И Уильямс пошел на хитрость. Он до отказа выжал акселератор, извилистая дорога шла по краю обрыва, это был большой риск, но он все приближался и приближался к Ричардсону, а потом изо всех сил нажал на клаксон и, просигналив пять минут, остановился у обочины.

Ричардсон услышал гудок и подумал: что за черт! Он сигналит мне. Но что это может значить? Нуждается в помощи? Помощь! Ричардсон был уверен только в одном: здесь, на открытом месте, он убьет Уильямса. И никакие хитрости, как в Центральном парке, его не спасут.

Но скорость он сбавил. Сигнал. Он должен что-то означать. Может, Уильямс предупреждает его? Может, у него в машине есть радио и он услышал, что дорога где-то впереди перекрыта?

Ричардсон подъехал к площадке, где стояли тракторы дорожных строителей, включил заднюю скорость, въехал между двумя тракторами, потом ухитрился сделать поворот и очень-очень медленно поехал вниз. «Люгер» лежал у него на коленях.

И тут осознал, что делает. Этот проклятый Уильямс опять схитрил. Поставил *его* в положение обороняющегося. Опасность ситуации внезапно стала ясна ему. Если Уильямс вылез из машины и поджидает его наверху, на обрыве, и если у него есть пистолет...

Сукин сын! Ричардсон в отчаянии огляделся и понял, что на такой узкой дороге невозможно развернуться снова, а потом увидел «пежо», стоящий поперек дороги меньше чем в тридцати футах. Он был в ловушке!

Гудок машины Уильямса не умолкал. И Ричардсон внезапно увидел, что за рулем в ней нет никого. Видимо, Уильямс сел на пол или чем-то закрепил клаксон. Но для чего ему сигналить?

Вот тут-то Уильямс недооценил опыт и мастерство бывшего «зеленого берета». Хотя Ричардсон не совсем понимал, что происходит, он знал — *что-то* происходит и этот сигнал предназначен сбить его с толку. Взяв из ящика для перчаток две гранаты, уложенные в ватный чехол, Ричардсон быстро выскочил в левую дверцу и бросил гранату в машину Уильямса.

Внутри «пежо» полыхнул слепящий взрыв, зазвенели стекла, и Ричардсон, ощутив внезапный удар, упал навзничь. Проклятый осколок металла от разорванной машины пролетел тридцать футов и угодил ему в грудь! Он лежал, сжимая вторую гранату и проклиная свою глупость, а Уильямс с шорохом спускался по откосу холма.

Он нагнулся над лежавшим и без труда обезоружил его.

— Возьму ее, пока вы снова не подорвались, Ричардсон.— И, перешагнув через него, открыл дверцу его машины.

Лежавший застонал, и Уильямс увидел в его взгляде страх. Агент ЦРУ негромко спросил:

— Вы хотите бросить меня здесь?

— Почему бы нет?— ответил Уильямс.— Вы бросили бы меня... разорванным на куски.

— Господи, Уильямс, я не хочу умирать.— Кровь заливала его рубашку, боль усиливалась. Надо было искать выход. Если Уильямс срочно не доставит его в больницу, он умрет.— Возьмите меня, Уильямс.

— Нет.

Ричардсон в панике схватил Уильямса за лодыжку.

— Возьмите... я скажу вам то, что вы хотите знать.

— Поторгуйтесь, Ричардсон, поторгуйтесь как следует.

— Уильямс,— слабым голосом произнес Ричардсон.— Я скажу... *почему Лоуэлл хочет убить вас шестерых.*

Служащий министерства юстиции поглядел на Ричардсона, «мясника» с безумными от страха глазами.

— Я уже знаю, что побудило его к этому. Лоуэлл год назад случайно столкнулся с вами на Рокфеллер-плаза, 30, и узнал вас... *мистер Брокуэй.*

Потрясение ясно отразилось на лице Ричардсона.

— Не такой уж ты...— Ричардсон закашлялся кровью,— хитрый... гад. Вчера ты не обманул никого из наших в «Интернейшнл телевижн».

Но прежде чем он успел договорить, Уильямс уже исчез.

Десять минут спустя, когда к искореженной машине подъехал грузовик, Карл Ричардсон был мертв.

6

Джордж Уильямс прилетел в Вашингтон и сразу же отправился к Коннорсу. Увидев его, Коннорс подскочил.

— Черт возьми, что там случилось? Канадцы требуют твоей шкуры.

— Ричардсон преследовал меня, и с ним произошел несчастный случай,— ответил Уильямс.— Я не убивал его.

Коннорс сел и улыбнулся.

— Погибают все, кроме тебя.

— Удача может вскоре изменить мне,— сказал Уильямс.— И ждать больше нельзя. Я должен срочно встретиться с Лоуэллом.

— Как же ты намерен это устроить?

Вместо ответа Уильямс стал что-то писать в блокноте. Коннорс вспылил.

— Что ты разузнал? Выкладывай.

Уильямс протянул ему блокнот, и Коннорс увидел, что записка адресована Лоуэллу. Она состояла из одной фразы: «Я видел твой юбилейный телефильм, и ты прав».

— Это и есть твоя новость?

— Опубликуй как обращение от моего имени,— сказал Уильямс.

— Какой фильм? Над которым он работал в прошлом году?

— Опубликуй и увидишь, что последует.

— Постой ты,— сердито сказал Коннорс.— Я ничего не понимаю. Что там, в этом фильме?

— Не знаю,— сказал Уильямс.— Я не видел его.

Но потом Уильямс пил кофе с Джоном Ньюхаузом, и Ньюхауз сразу заметил кое-что.

— Ты сам не свой, Джордж. Не забыл, что тебе нужно спокойствие?

— Все вышло из-под контроля,— сказал Уильямс.— В любом случае выиграть я не могу. Если он не поверит обращению, нам конец. Он убьет всех нас, когда ему вздумается. Мы ничем не сможем ему помешать.

— А если начнет охотиться за тобой?

— Я так и не узнаю ответа. Покойник ничего не может узнать. Спасти остальных я не могу, поэтому в любом случае я проиграл.

— Джордж, как твой друг...

— Я не спасаюсь бегством, Джон,— перебил Уильямс.— Я должен встретиться с Лоуэллом. Должен услышать от него, почему он решил убить шестерых незнакомцев вместо Маркони и Ричардсона.

— А твое послание Лоуэллу насчет телефильма?— спросил Ньюхауз.— Мне показалось, ты напал кое на что. Это словно некий код, говорящий, что ты знаешь его мотивы.

— Я имею право догадываться,— сказал Уильямс.— Если я ошибся, он не клюнет на это.

— А если прав, он убьет тебя.

7

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 20 XI-73 г.

«...Сегодня во всех газетах обращение Уильямса: «Я видел твой юбилейный телефильм, и ты прав».

Во время второй мировой войны Черчилль однажды сказал о Роммеле: «Перед нами хитрый, изворотливый враг и, невзирая на наши потери, должен сказать, замечательный генерал».

Точно так же я отношусь к Уильямсу: Он разгадал за несколько дней то, что я подготавливал целый год, шаг за шагом... и даже мои мотивы.

Но что за человек Уильямс? Что за человек, который станет выслеживать дезертиров, чтобы их убивали... а потом десять лет спустя скажет: «Я видел твой юбилейный телефильм, и ты прав»?

Он хитер, изворотлив и опасен, он один из *них* и должен погибнуть. Немедленно! Это обращение в печати явилось его смертным приговором.

...Сегодня я сделаю видеозаписи в «Кэпитэл филм рекординг»...

1. Похищение

Список оружия
Винтовка
Пистолет 38-го калибра, в наличии.

2. Смерть и корпус III.

«Кемит» (2) . . . . . СДО
Детонаторы (2) . . . . . СДО
Тридцать футов медленно горящего шнура . . . . . СДО
Тридцать футов быстро горящего шнура . . . . . СДО
Газ «адамсайт», сигнальная ракета, газовая маска из ЦРУ корпус III».

8

В четыре часа Уильямс снова был у Коннорса.

— Вот что, Харли,— сказал он,— убери охранников. Они весь день мозолят мне глаза.

— Черт возьми, Уильямс, нет. Что бы ты ни говорил. Ты мой лучший сотрудник.

Уильямс зашел за стол и взглянул на Коннорса сверху вниз.

— Ты что, не понимаешь? Теперь или никогда.

— Кто сказал, что сейчас он будет охотиться за тобой?

— Я рассчитываю на то обращение.

Коннорс вскинул руки.

— Обращение! При чем тут оно, черт возьми!

Уильямс поглядел на него, потом сказал:

— Если ты не уберешь этих людей, мое заявление об отставке лежит в...

Коннорс в гневе подскочил.

— Не дави на меня, Уильямс!

— Убери... иначе я перестреляю их. Я не шучу. Скажу, что принял за сообщников убийцы.

Коннорс рухнул в кресло. Наконец, приняв прежнюю позу, он сказал:

— Никто... *никто*... не действует мне так на нервы, как ты.— Он перевел дыхание.— У нас разные политические взгляды, Джордж. Но, черт возьми, я нахожусь здесь затем, чтобы работать для страны, а ты лучший работник во всем министерстве, и я опять должен забыть о своей гордости, опять унижаться и говорить: да, будь по-твоему, поступай как знаешь. Но если завтра ты истечешь кровью на пустынной дороге, я не пролью ни слезинки. Понял?

— Убери охранников, Харли,— сказал Уильямс. И вышел.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Редактор киногруппы Лоуэлл во время съемки испытаний взрывчатки «кемит» похитил два заряда и скрылся. Он лишил режиссера Карсона возможности уехать за границу, уничтожив его паспорт. Затем он выкрал документы, уличающие конгрессмена Медуика во взяточничестве. Тогда же Лоуэлл написал письмо заместителю помощника министра юстиции Уильямсу. В нем содержалась угроза ознаменовать десятую годовщину со дня гибели президента Кеннеди убийством Уильямса, Медуика, Карсона, маклера Меллона, красавицы Сполдинг, тренера Уорнки.

После звонка Лоуэлла Медуик поехал к нему, чтобы выкупить документы. Лоуэлл прострелил переднюю шину его автомобиля, и Медуик разбился вместе с машиной. Вслед за этим Лоуэлл убил тщательно охраняемого режиссера Карсона.

Тайная группа крайне правых в правительственных сферах — олимпийцы — тоже разыскивает Лоуэлла, который берет себе имена ее членов, привлекая внимание к деятельности этой организации. Ее агент Ричардсон, раненный Уильямсом, рассказал много о Лоуэлле, служившем с ним в особом подразделении во Вьетнаме.

Уильямс по крупицам собирает сведения об убийце и наконец устанавливает личность Лоуэлла, который в это время готовит покушение на маклера Меллона. Лишь в самый последний миг удалось спасти Меллона от гибели. Уильямс узнает также, что олимпийцы обманули ненавидевшего их Лоуэлла. Они внедрили в заграничную организацию помощи дезертирам, не желавшим воевать во Вьетнаме, своего человека и через него направляли действия Лоуэлла.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

9

Здание Национального архива стоит рядом с министерством юстиции на Конституционной авеню. На фронтоне его выбито известное изречение: «Прошлое — это пролог». В стенах находятся государственные служащие, большинство из них старые библиотекари, они оберегают хранилища документов, микрофильмов и обеспечивают ученых материалом для исследований по таким темам, как, например, трибунал генерала Кастера, бумаги Линкольна, школьные предметы Джефферсона.

У входа стоит охранник, но он, можно сказать, лишь следит за тем, чтобы не выносили документы без разрешения. Другой охранник сидит в подвале перед решеткой, за которой среди прочих достопамятных вещей хранятся опечатанные документы об убийстве Кеннеди и рентгеновские снимки, а также вещественные улики, в том числе вещи Освальда и его винтовка «Маннлихер-Каркано».

Аллен Лоуэлл вошел в здание перед выходом в часы пик, предъявил охраннику у входа удостоверение ФБР, изготовленное Робером три года назад, и спустился в подвал. Охранником там был щуплый старик, он сидел на высоком стуле, с бедра его свисал пистолет. Аллен показал ему удостоверение и сказал, что ему нужно просмотреть кое-что в секретной части доклада комиссии Уоррена.

— Ничего не выйдет, молодой человек,— сказал охранник.— Чтобы пройти туда, требуется специальное разрешение.

— Вот оно.— Аллен достал короткоствольный пистолет 38-го калибра.

Старик испугался.

— Только не горячись,— взволнованно сказал он.— Держи себя в руках.

— Открывай дверь и помалкивай,— ответил Аллен. Охранник оглянулся в надежде, что его коллега встревожится, но Аллен рассчитал точно. Начался час пик, и охранник у входа был слишком занят проверкой пропусков, чтобы замечать происходящее в подвале. Старик заколебался, потом выбрал на кольце один ключ и отпер решетчатую дверь. Аллену очень не хотелось этого делать, но выбора у него не было. Он как можно легче ударил старика рукояткой пистолета по голове. Старик сполз на пол. Аллен взял кольцо с ключами и, пройдя обширное пространство, занятое картотекой и документами, оказался у картонных коробок. Там находились вещи Освальда, а сверху в пластиковом футляре лежала винтовка.

Дальше все было просто. Аллен вышел с винтовкой, запер за собой дверь и спрятал винтовку сбоку у лестницы. Потом взбежал наверх и показал удостоверение ФБР охраннику у входа.

— Что тут происходит? — задыхаясь, спросил он.— Ваш человек в подвале лежит без сознания. Должно быть, кто-то его оглушил.

— Вы шутите?

— Пошли. Тот человек еще должен быть там!

Охранник бросился сквозь толпу, перепрыгивая через ступеньки. Аллен последовал за ним. Внизу ударил его рукояткой пистолета. Потом взял винтовку, обернул найденной газетой с заголовком «Будут присутствовать мировые лидеры» и, неся ее под мышкой, растворился в толпе служащих, вытекающей через неохраняемую дверь.

У себя в номере Аллен осмотрел винтовку Ли Освальда. Заглянув в ствол, он с болью осознал результат действия этой дешевой винтовки: был нажат ничтожный спусковой крючок, щепотка пороха воспламенилась, крохотная пуля завращалась по нарезам в стволе, а потом, направленная глазом идиота, угодила в затылок. Классический выстрел труса.

Но эта злая винтовка в его руках единственный раз послужит доброй цели.

10

Вечером в 5.15 Уильямс остался дома один. Сару он отправил к родственникам в Виргинию. Она протестовала, но все же уехала, понимая, что Джорджу надо действовать так, как он задумал.

Когда она села в машину и он поцеловал ее, у нее чуть не брызнули слезы, а Сара была не из тех, кто легко плачет.

— Я боюсь, Джордж,— сказала она.— Ты был таким... упрямым.

— Я не могу подвергать тебя...

— Я не о том. Об охранниках. Ради бога, хотя бы...

Но Уильямс покачал головой.

— Что толку от охраны, Сара? Охрана была у Карсона. Меллон находился в плотном окружении охраны. Лоуэлл всегда найдет способ.

— Тем более это... ужасно.

— Я подготовился. И, кроме того, мне нужно встретиться с Алленом. Вот почему я сделал ставку на это обращение.

Сара включила зажигание, потом спросила:

— Как можно встретиться с человеком, который хочет тебя убить?

— Не дав ему убить себя,— ответил Уильямс и через силу улыбнулся, когда жена отъехала назад, все еще злая и взволнованная, развернулась так, что из-под колес полетел гравий, и резко рванула с места.

Уильямс возвратился в дом. Позвонил Фред Джарвис, сказал, что похищена винтовка Освальда и что прессе сообщаться об этом не будет.

«Если я не буду из нее убит»,— подумал Уильямс, положив трубку. В глубине души он был встревожен. Он надеялся поговорить с Лоуэллом, но предчувствие Сары оправдывалось.

Вместо разговора скорее всего раздастся БАХ! — и в голове окажется пуля.

Здание архива было охвачено волнением. Агенты ФБР прибыли через две минуты после того, как была обнаружена пропажа. Старику-охраннику делали в подвале холодные примочки.

— Я уже давно ожидал этого,— сказал он, сидя на полу.

— Что произошло? — спросил один из агентов.

Старик рассказал, и агент догадался, что это был Аллен Лоуэлл. Он пошел к телефону и позвонил Джарвису, своему оперативному начальнику в деле Лоуэлла. Но когда он вернулся, старый охранник усмехался.

— Да, ожидал этого я давно. Приверженцы Кеннеди хотят сделать из его убийства дело о заговоре и пытались проникнуть сюда не только таким способом.— Старик осторожно

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—50.

коснулся затылка.— Вот я и устроил на всякий случай небольшую подмену.

— Подмену? Значит, взята другая винтовка?

— Конечно. Настоящая в сейфе. А этот парень взял ту, что использовали для сравнения с настоящей. Зря старался.

Аллен Лоуэлл приложил винтовку к плечу, поглядел в оптический прицел и отставил ее.

В час ночи он уснул в дешевой ночлежке на северо-западе вашингтонского делового центра, может быть, в это же время за несколько миль оттуда ложился спать и Уильямс. Но Аллен завел будильник на четыре часа.

Городок Маклин, штат Виргиния, был окутан ночной темнотой. Аллен Лоуэлл медленно крался к дому Уильямса. При нем была винтовка и маленькая сумка авиакомпании «Пан Америкен». После возвращения в Вашингтон он осматривал этот дом уже трижды. Сперва у дома не было охраны, но в последний раз Аллен заметил в сумерках двух человек. И быстро скрылся, чтобы не попасться им на глаза.

Но Аллен сомневался, что Уильямс оставит охрану. Он уже знал этого человека. Уильямс был очень умен, сообразителен и не позволил бы охранникам спугнуть ночного гостя. Он понимал, что этот гость вполне может появиться через месяц, когда шумиха утихнет, охраны не будет, и без труда прикончить его.

Уильямс сидел в полной темноте на первом этаже у окна спальни, глядя на дальний газон. Он ждал звонка, но Лоуэлл не звонил, и это его беспокоило, он снова и снова вспоминал телефон с «сюрпризом», бомбу-бинокль и думал, что действия такого коварного убийцы, как Лоуэлл, невозможно предвидеть.

Может, он ошибался, переоценивая этого человека, но все же оставил ему в заднем дворе небольшое объявление. Сидя у окна, он долго смотрел на едва видимый плавательный бассейн — как этот бассейн должен был усилить ненависть Лоуэлла,— а потом, взяв небольшой бинокль, стал вглядываться в укромные места. Осматривая живую изгородь, задержался на небольшом фонаре, установленном на дальнем газоне, единственной точке света в кромешной тьме.

Он снова повел биноклем вдоль изгороди, потом замер. Сквозь нее пробирался кто-то с винтовкой. Разглядеть лица Уильямс не мог, но знал, что это Аллен Лоуэлл. Держась в тени, человек быстро побежал к дому. Потом остановился. Он увидел фонарь и освещенное им небольшое объявление. Уильямс написал его черным мелком после второго звонка Джарвиса.

Прислонясь к изгороди, Лоуэлл прочел:

ВИНТОВКА
НЕ ТА

Аллен невольно бросил взгляд на винтовку, потом на темный дом и пришел в ярость. Уильямс разгадал его план. Он не спит и, вне всякого сомнения, целит в него из пистолета через одно из окон. Аллен молниеносно вскинул винтовку и выстрелил в окно спальни, расположение которой узнал в один из предыдущих визитов.

Услыша вскрик, Аллен повернулся, протиснулся сквозь изгородь и пробежал сто ярдов до своей машины. Иллюзий он не питал. Было бы чудом, стреляя наугад, попасть в Уильямса, несомненно, следившего за ним в бинокль. Машину придется через минуту спустить в кювет и дальше идти пешком. Уильямс позвонит, и на дороги выедут все полицейские машины в округе.

Вскрик Уильямса был полунарочитым-полуневольным. Осколок разлетевшегося стекла вонзился ему в затылок. Прижимая к ранке платок, он набрал номер телефона, установленного в полиции специально для него. Дежурный сержант сказал, что дополнительные машины и люди наготове и все дороги будут перекрыты.

Уильямс крест-накрест заклеил ранку пластырем и вспомнил, что Коннорс сказал ему: «Погибают все, кроме тебя». Но теперь казалось, что его везение кончается.

11

Маклин, штат Виргиния — район «джентльменских» ферм. В предыдущие приезды Аллен хорошо подготовился. Он знал свой маршрут.

Бросив машину у обочины, он пошел в обратную сторону задами ферм и вышел к гостеприимному владению некоего Дж. Гинзберга. В нескольких стах ярдов от его дома стояло небольшое двухэтажное строение, где в настоящее время никто не жил. Видимо, Гинзберг сдавал его, но сейчас съемщиков не находилось. Двое суток назад Аллен преспокойно спал там. И этой ночью собирался сделать то же самое, положив винтовку на кровать рядом с собой, а пистолет под подушку. Да, все было хорошо подготовлено. Но неожиданные случайности — в природе вещей.

Полицейские машины прочесывали дороги и вскоре наткнулись на брошенный автомобиль. Проверка показала, что он похищен на улице несколько часов назад; владелец еще даже не знал об этом.

Несколько минут спустя полицейские подъехали к дому Уильямса. Его, казалось, не удивило, что машина оказалась брошенной.

— Лоуэлл на своих двоих,— сказал он,— а до Вашингтона далеко. Перекройте все мосты и поставьте людей с биноклями следить за рекой.

— Будет исполнено, сэр,— ответил молодой сержант, взволнованный участием в столь невероятном деле.

Но Уильямс добавил:

— И проверьте все дома.

— Это не так просто,— сказал сержант.— Вы хотите, чтобы мы перебудили весь город?

— Все дома возле дороги на Вашингтон,— сказал Уильямс.

И тут внезапно раздался телефонный звонок. Уильямс поднял трубку и услышал:

— Ваша взяла. Завтра в шесть вечера на Арлингтонском кладбище.

Послышался гудок отбоя.

Арлингтонское кладбище. Так вот зачем ему винтовка Освальда! Но тогда почему же Аллен хотел убить его сегодня? Уильямс повернулся к сержанту:

— Звонил Лоуэлл. Из кабины на улице или из какого-то дома. Он не может быть далеко. Действуйте.

Полицейские ушли, но двое все же остались и не хотели уходить, что бы ни говорил Уильямс. Но Уильямс не говорил почти ничего. Он знал, что Лоуэлл сюда не вернется.

Но будет ли он завтра в Арлингтоне, на глазах сотен полицейских и охранников? Неужели ему хочется п о г и б н у т ь там?

Уильямс прекрасно знал, что Лоуэлл на это не пойдет.

Ночью полил дождь... проливной косой дождь, барабанивший о домик, где Аллен лежал в раздумье. Он знал, что ведет шахматную игру с мастером, но в этой игре Уильямс не мог победить, если Лоуэлл не потеряет головы. Потому что это был его ход, и Арлингтон являлся отличной западней.

Можно было избрать любое место, где окажется большая толпа народа и охранников. Но Арлингтон был лучшим по одной причине. Если что-то сорвется, если он допустит какую-то оплошность, то погибнет на Арлингтонском кладбище среди белых надгробий на широком холме, среди людей, не вернувшихся с войны (за что они были убиты?), где лежат оба Кеннеди (за что они были убиты?), где красота отлогого холма, глядящего на белый Капитолий, не может скрыть отчаяния, лежащего так неглубоко.

12

25 ноября 1963 года Аллен Лоуэлл не находил себе места. Ему не хотелось быть там, где он б ы л, на маршруте похорон, возле съемочной камеры ЮСИА с двумя операторами и бригадой звукотехников.

Аллен долго не верил известию о деянии Освальда, не мог поверить, не позволял себе верить. Но несколько минут назад он был в большой ротонде Капитолия, там, под картинами «Высадка Колумба», «Посадка первых поселенцев» и другими историческими полотнами, стоял гроб, задрапированный тканью с белыми и красными полосами и со звездами на синем поле, — это и все, что оставалось от президента, которого он боготворил тысячу дней.

Прошло меньше недели с тех пор, как он видел молодого президента лицом к лицу и даже сфотографировался с ним. В Белом доме проводился прием для членов Верховного суда, единственный прием в году, куда могли получить приглашение все государственные служащие, даже клерки и секретарши, потому что судей с женами было очень мало. Аллен попросил Карсона, Карсон попросил директора ЮСИА, и ему каким-то образом раздобыли пропуск.

Аллен находился внизу, в Восточном зале, примерно с сотней незнакомцев, пока Джек Кеннеди и члены его семьи принимали судей. Потом оркестр морской пехоты в алых мундирах заиграл марш. Барабанная дробь, фанфары, а потом «Ура вождю!». Аллен поднял взгляд. Президент и его красивая, кареглазая жена, оба сияющие, спускались вдвоем по лестнице, не подозревая, что это в последний раз.

Аллен стоял в шеренге, президент приближался к нему, пожимая руки, загорелый, веснушчатый, полный жизни молодой человек с быстрыми, умными глазами, а потом — он и сам не знал, как это получилось,— Аллен вышел из шеренги и направился к президенту, агент секретной службы окликнул: «Эй!»,— обернувшись, Кеннеди увидел парня с протянутой для пожатия рукой и улыбнулся. Он крепко пожал Аллену руку, при этом ослепительно сверкнула фотовспышка, спросил фамилию и где работает, а когда Аллен сказал, в ЮСИА, мистер Кеннеди заметил: «Вы там делаете хорошую работу»,— словно Аллен представлял собой агентство, а не был младшим служащим, потом чьи-то руки оттащили Аллена, и президент пошел дальше, бросив еще один добродушный взгляд на порывистого молодого человека, и это он видел президента в последний раз. До сегодняшнего дня.

Девять человек из армии, флота, морской пехоты, военно-воздушных сил и береговой охраны медленно несли гроб вниз по ступеням между двумя шеренгами матросов и морских пехотинцев, взявших на караул, Бобби Кеннеди и вдова под черной вуалью скорбно ждали внизу, оркестр играл военно-морской гимн, самую печальную мелодию, какую Аллен слышал, и потом, заслыша ее, он всегда будет ощущать внезапную, резкую боль в сердце.

И вот барабанная дробь, гроб на лафете, три пары серых в масть лошадей, правый ряд оседлан, но без всадника, а позади лафета большая вороная лошадь, несущая в стременах сапоги, вставленные задом наперед, она пятится, словно протестуя.

— Черт побери, Лоуэлл! Возьми себя в руки.

Джим Ноли, оператор, сердито жестикулировал ему. Они шли на очередное место съемок, поэтому Аллен не видел отпевания в соборе св. Матфея, он оказался в людской толпе возле мемориала Линкольна и взял интервью у четверых заплаканных молодых людей.

13

СРЕДНИМ ПЛАНОМ толпа у мемориала Линкольна, ждущая похоронной процессии. КРУПНЫМ ПЛАНОМ молодой, нервного вида Аллен Лоуэлл с микрофоном. КАМЕРА СОПРОВОЖДАЕТ ЕГО, когда он поворачивается к толпе, и ОТЪЕЗЖАЕТ НАЗАД, СРЕДНИМ ПЛАНОМ

Лоуэлл и парень в спортивной рубашке. Парень плачет.

ЛОУЭЛЛ. Как вас зовут?

ПАРЕНЬ. Эв... Эверетт Меллон, я служитель сената.

ЛОУЭЛЛ. Каковы теперь ваши планы?

ПАРЕНЬ. Остаться на государственной службе и показать этим бешеным идиотам, что нас не уничтожить одним выстрелом. Им это не удастся! О господи!

ЛОУЭЛЛ. Что случилось?

ПАРЕНЬ. Процессия!

ВСТАВНОЙ КАДР. Лафет и процессия, видимые из толпы, стоящей вдоль улицы. Барабанный бой.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ человек средних лет. Он плачет.

КАМЕРА ОТЪЕЗЖАЕТ и захватывает в кадр Лоуэлла, идущего к нему.

ЛОУЭЛЛ. Простите, сэр.

ПЛАЧУЩИЙ. Да?

ЛОУЭЛЛ. Как вас зовут?

ПЛАЧУЩИЙ. Про... простите. Я сейчас не могу говорить.

ЛОУЭЛЛ. Только имя.

ПЛАЧУЩИЙ. Боб Уорнки. Я знал президента. Я работал с ним. (Отворачивается, чтобы скрыть слезы, потом поворачивается обратно.) Я любил этого человека. Я никогда его не забуду. Никогда.

КРУПНЫЙ ПЛАН. Лоуэлл и юноша в очках.

ЮНОША. Я Томас Медуик. Работал у сенатора Фулбрайта.

ЛОУЭЛЛ. Вы будете продолжать свою работу после того, что стряслось?

ЮНОША. Президент Кеннеди поддерживал в этой стране все, во что я верю. Мы должны продолжать. Нельзя допустить, чтобы правые воспользовались этим несчастьем и захватили страну в свои руки.

КРУПНЫЙ ПЛАН. Восемнадцатилетняя девушка в толпе. Она плачет. Лоуэлл подходит к ней.

ЛОУЭЛЛ. Как вас зовут?

ДЕВУШКА. Стефани Сполдинг.

ЛОУЭЛЛ. Вы состоите на государственной службе?

ДЕВУШКА. Состояла.

ЛОУЭЛЛ. Где?

ДЕВУШКА. В го... госдепартаменте. А теперь не знаю... но я вернусь на службу! Я должна что-то делать! (Всхлипывает.) Я не могу допустить, чтобы они остались безнаказанными, ведь все только началось.

Четверо людей в толпе, выбранных наобум. Аллен чувствовал, что его связывают с ними кровные узы; что все они, потрясенные этой трагедией, всегда будут заодно. Они одного поколения; они победят.

Другой пленки, где Лоуэлл появлялся перед камерой, не было. Сколько раз в последние годы он вновь и вновь просматривал ее, демонстрируя в кинокомпаниях как образец своей работы, сколько раз вновь и вновь видел этих четверых приверженцев Кеннеди, плачущих от горя, сколько раз вновь и вновь слышал их обещания помнить и продолжать борьбу.

14

Внезапный удар в дверь. Схватив пистолет, Аллен спустился вниз. Дверь трещала, словно в нее ломилась какая-то сила. Что там такое? Буря? Гроза?

Он выглянул в боковое окно и увидел жуткое зрелище. Громадный дог с пеной у рта бросался и бросался на дверь, обезумев от страха. Аллен сразу же понял, что происходит: в Стойбенвилле у Маркони была такая же собака, шалевшая в грозу от ужаса.

Аллен знал, что даже если впустить такую собаку в дом, она не успокоится до конца грозы. И опасался, что владелец может прийти на шум выяснить, в чем дело. Правда, большой дом находился в трехстах футах, ярость бури заглушал лай, но все же...

ТРАХ! Дог бросился на дверь — и на этот раз она не выдержала. Замок открылся, скулящий дог ударил Аллена в грудь, сбил с ног и инстинктивно потянулся к горлу. Аллен высвободился и метнулся к лестнице, тут сверкнула молния, и пес в страхе стал носиться кругами по темной комнате. Поднявшись наверх, Аллен выглянул в окно, увидел, что в большом доме загорается свет, и понял, что оставаться больше нельзя. Но как пройти мимо пса, не убивая его?

Он взял винтовку в левую руку, пистолет в правую и стал осторожно спускаться. Потом пес с лаем выбежал из двери. Кто-то был снаружи?

Впервые испугавшись, не считаясь с неожиданностью, Аллен выбежал из дома. Пока он шел через ферму к югу, гроза прекратилась, и облака разошлись. Подойдя к изгороди, он перелез через нее и оказался на кукурузном поле.

Аллен весь день шел полями к югу, потом к западу, прячась, когда появлялись полицейские вертолеты. В четыре часа дня он лежал на спине в лесу. Оставалось два часа.

Гроза спутала карты и полиции. Поиски начались очень поздно, и, когда рассвело, Уильямс понял, что потерпел неудачу. Лоуэлл уже должен был скрыться.

Но куда он направится? Неужели окажется настолько отчаянным, что явится на Арлингтонское кладбище, заранее предупредив Уильямса, чтобы сотня полицейских могла оцепить этот участок?

Нет, это обман. Уильямс обдумал это предположение и отверг его. Но потом нашел ответ. Возможно, Лоуэлл знал его лучше, чем он предполагал. И делал ставку на то, что Уильямс встретит его один, не вызывая полицию.

Дело в том, что именно так Уильямс и собирался поступить. Но он придет на кладбище таким маршрутом, которого Лоуэлл не будет ожидать. И первым делом осмотрит крышу особняка Кастис-Ли, глядящего на кладбище, где вполне можно будет обнаружить молодого человека с винтовкой.

15

Из разговора по радио между летчиком полицейского вертолета № 78 Клеем Монаганом и руководителем полетов сержантом Джеем Пирсоном:

ЛЕТЧИК. Внизу все спокойно. Я вижу, как патрули прочесывают лес.

РУКОВОДИТЕЛЬ. Вас понял. Осмотрите район Цепного моста.

ЛЕТЧИК. Понял. Да я знаю эту реку наизусть. Как обычно, несколько ребят с каноэ. Они вроде бы никуда не направляются. Лечу туда. (Пауза.) Арлингтон восемь, это семьдесят восьмой.

РУКОВОДИТЕЛЬ. Прием, семьдесят восьмой.

ЛЕТЧИК. Неподалеку от водопада опрокинулось каноэ, и парень держится за каменный выступ. Ах ты, черт!

РУКОВОДИТЕЛЬ. Что случилось, семьдесят восьмой?

ЛЕТЧИК. Парень не удержался, нет, нет, все в порядке! Ухватился за другой выступ. Спущусь, посмотрю, как он там.

РУКОВОДИТЕЛЬ. Вас понял. Доложите о своих действиях, семьдесят восьмой.

16

Джордж Уильямс приехал в министерство и сказал Коннорсу:

— Сдаюсь.

— Я ж говорил тебе,— сказал Коннорс,— дело слишком значительно, чтобы разыгрывать героя-одиночку. В него втянуто слишком много людей. Слишком многие до сих пор носятся с какими-то фантазиями насчет Кеннеди. Я признаю это, хоть и считаю их сумасшедшими.

— Ну что ж,— сказал Уильямс,— я не могу перетрясти всех, поэтому пришел к тебе с предложением. Лоуэлл назначил мне встречу сегодня в шесть у могилы Кеннеди...

Коннорс откинулся на спинку кресла.

— Так вот зачем ему эта винтовка! Что ж, я рад.

— Почему?

— В Белом доме решили, что она предназначена для их человека.

— Нет,— сказал Уильямс.— Ему нужен я.

И выставил руки ладонями вперед.

— Словом, распоряжаться будешь ты. Только делай это разумно. Поставь вокруг того места сколько угодно людей, но пусть они спрячутся. А маршрут я избрал вот какой. Сперва отправлюсь в особняк Ли, где, как я думаю, он и будет. Если там его не окажется, пойду на кладбище и буду ждать... но только один. Поблизости не должно быть ни туристов, ни полицейских.

— Тебе что, жить надоело?

— Просто любопытство, Харли. Любопытство. Я хочу услышать из его уст, почему он решил убить пятерых неповинных людей.

— Шестерых,— поправил Коннорс.

— Пятерых,— возразил Уильямс.— Я виновен.— Он поглядел на Коннорса.— И вот что еще. Лоуэлла не убивать! Предупреди всех!

Когда Уильямс ушел, Коннорс связался по телефону с ФБР, потом с управлением полиции. Сказал, что будет лично руководить операцией. Распорядился, чтобы особняк Ли был окружен, чтобы люди были рассеяны по всему кладбищу наблюдать за могилой, но сами не показывались. И не стреляли, пока он, Коннорс, не даст такого указания. Лоуэлла нужно по возможности взять живым.

Потом он нашел время выпить по чашке кофе с Джарвисом, приехавшим из ФБР.

— Я навидался всякого,— сказал Коннорс,— но не припомню, чтобы кто-то, убивший уже двоих, охотился за третьим на открытом месте, где будет сотня вооруженных людей. Что за человек этот Лоуэлл? Насколько он безумен?

— По-моему, именно это Уильямс и хочет выяснить,— сказал Джарвис.— Но пуля быстрее слов. И почему он всячески предоставляет Лоуэллу возможность убить себя?

— Этого я тоже не могу понять. Черт, он хочет быть там один, чтобы рядом не было ни одного полицейского!

Но Джарвис задумался.

— Знаешь что? Если Уильямс и Лоуэлл выходят один на один, я без колебаний поставлю на Уильямса.

— И сделаешь ошибку,— сказал Коннорс.

17

Талха Бахтиари, начальник отдела внутренней безопасности ЦРУ, оглядел Джо Маркони, сидевшего у него в кабинете. Он вытянул из него все подробности истории с Ричардсоном. Скверно, что Ричардсон погиб, но хуже всего, что Лоуэлл уцелел! С тем, что ему известно и что Уильямс может выведать у него, если они в конце концов встретятся!

Бахтиари сразу же принялся звонить по телефону, и когда Маркони услышал названия телекомпаний, газет и радиостанций со всех концов страны, на лице его отразилось изумление размаху этой сети. Звонок следовал за звонком, и Бахтиари стал обретать чувство уверенности. Заполнялся единственный пробел — неосведомленность, какими у л и к а м и располагает Лоуэлл. Устные показания олимпийцев не беспокоили... Лоуэлл—убийца, никто не поверит его невероятной истории о секретной группе в высших сферах правительства. Разве «Уотергейт» не обнажил все? Разве что-то осталось необнаженным?

Бахтиари знал, что Лоуэлл выполнил десятки щекотливых заданий. Знал, что каждую пленку с записанным телефонным разговором, каждую фотографию документа он переправлял «дезертирам», а Маркони тут же отсылал их через сеть курьеров Бахтиари к олимпийцам. И эти документы были взрывоопаснее всего, раскрытого в уотергейтском деле. Лоуэлл был профессионалом, но не подозревал, что его использовали профессионалы более высокого класса — олимпийцы. Обнародование этих документов было бы пагубным, даже роковым.

Бахтиари сделал последний звонок.

— Совершенно верно. Телекомпании под контролем... Мы наблюдаем и за местными, так что не беспокойтесь...

Когда он положил трубку, Маркони спросил:

— Из-за чего такая тревога? Чтоб не допустить выступления по телевидению?

— Помимо всего прочего,— ответил Бахтиари.— Должен сказать, что твой друг детства причинил нам больше хлопот, чем кто бы то ни было за многие годы.

— А теперь?

Бахтиари встал.

— Теперь... его улики в руках у н а с.

— Как же вы...

— Пойдем в зал связи,— сказал Бахтиари,— я покажу тебе.

Маркони с признательностью вышел вслед

за ним из кабинета. Это означало, что его оставят в живых.

Олимпийская резиденция Бахтиари находилась не в маклинской штаб-квартире ЦРУ, а на шестом этаже здания «Ринг билдинг» на Коннектикут-авеню. Она занимала весь этаж и функционировала под вывеской «Страховая компания Гаррисон энд Гаррисон» — там действительно были страховые агенты, обученные на средства олимпийцев. Кабинеты их находились рядом с лифтами.

Мало того, никто из посетителей не мог бы проникнуть в резиденцию из-за препятствия — стены. Лишь когда в кабинете одного из «страховщиков» отпирался замок, стена отъезжала. Персонала в конторе было немного; несколько человек, работавших там, были питомцами ЦРУ. Двое старших служащих, в прошлом агентов, проводили здесь полный трудовой день. Только Бахтиари, третий человек в организации олимпийцев, до сих пор служил в управлении.

Он привел Маркони в зал связи. Маркони здесь никогда не бывал. У одной стены телексы, на наклонных полках до самого потолка включенные по замкнутому каналу телевизоры, карта США, ключевые города на ней обозначены лампочками, простой стол и несколько стульев. Маркони догадался, что на стол направлена телекамера, потому что, сев за него, Бахтиари поправил галстук.

Маркони оглядел все телевизоры. Ничего, кроме расплывчатых изображений. Потом заметил, что под каждым телевизором стоит название какого-нибудь крупного города.

Бахтиари повернулся к пульту управления, находящемуся на расстоянии вытянутой руки от его кресла. Пульт был усеян кнопками и ручками настройки. Бахтиари нажал одну кнопку и сказал Маркони:

— Смотри телевизор у правой стены, третий с конца.

Под телевизором была надпись «Детройт».

— Что за черт? — сказал Маркони, увидев, как изображение человека за письменным столом стало резким. Но речь его была совершенно невнятна!

Бахтиари нажал еще две кнопки, и телевизоры ожили, на экранах появились люди, произносившие неразборчивые слова. В комнате стояла какофония незнакомых звуков. Маркони захотелось зажать уши!

— Что происходит? — крикнул он, перекрывая шум.

Четкие лица на экранах несли невнятицу. Безликие люди докладывали по вызову со всех концов страны. «Господи,— подумал Маркони,— если все районы докладывают по этим телемониторам, значит, дело Лоуэлла всерьез насторожило «контору».

Бахтиари нажимал кнопки, экраны телевизоров темнели. И в полумраке Маркони непонятно почему ощутил страх. Господи, во что он ввязался? Эта организация гораздо более мощная, чем ему представлялось.

— На каком языке они говорили? — спросил он.

— На английском, разумеется. Чему тебя учили в «конторе»?

— Но ведь изображение было ясным.

— А мы удалили звук с каждой пленки! Это нетрудно. К счастью для тебя, мы вовремя перехватили материалы Лоуэлла. Хочешь посмотреть их на экране?

— Конечно.

— Прокрути материалы Лоуэлла,— сказал Бахтиари по селектору киномеханику. А Маркони сообщил:

— Первую пленку получили всего час назад.

На одной стене опустился экран, он ярко осветился, и на нем появился нервный молодой человек, Лоуэлл, стол его был завален документами, под рукой стоял магнитофон.

Лоуэлл говорил:

— Я — Аллен Лоуэлл, известный вам как убийца. Сейчас я покажу вам тайно сфотографированные документы и прокручу пленки с подслушанными телефонными разговорами, я делал это по заданию организации, еще неизвестной вам... опаснейшей группы заговорщиков, когда-либо существовавшей в нашем правительстве. Они именуют себя олимпийцами...

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

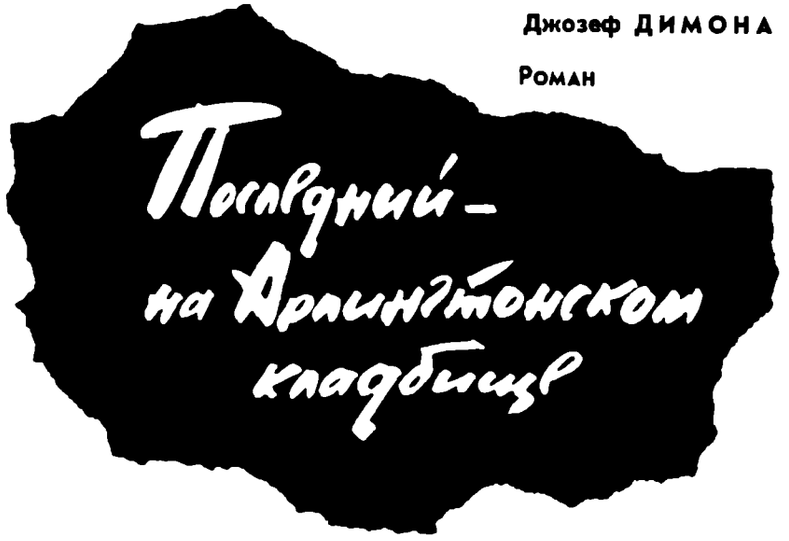
Окончание следует.

Похитив два заряда взрывчатки «кемит» во время съемки ее испытаний, редактор киногруппы Лоуэлл скрылся. Он уничтожил заграничный паспорт режиссера Карсона, выкрал порочащие конгрессмена Медуика документы, а также написал заместителю помощника министра юстиции Уильямсу анонимное письмо, в котором угрожал смертью Уильямсу, Карсону, Медуику, маклеру Меллону, красавице. Сполдинг, тренеру Уоркки. Затем он предложил Медуику выкупить похищенные документы. На обратном пути конгрессмен погиб в устроенной Лоуэллом автомобильной катастрофе. После этого преступник, перехитрив усиленную охрану, убил режиссера Карсона и скрылся.

Тайная группа крайне правых в высших правительственных сферах, называющая себя олимпийцами, дала задание своему агенту Ричардсону ликвидировать Лоуэлла, который берет себе имена членов этой группы и таким образом раскрывает ее. Ричардсон попадает в руки Уильямса и рассказывает о Лоуэлле, служившем с ним во Вьетнаме. После долгих поисков Уильямс все же устанавливает личность убийцы по фамилии его брата, обнаруженной в протоколах комиссии конгресса. А в это время Лоуэлл готовит покушение на маклера Меллона, которое удалось предотвратить в самый последний момент.

Уильямс побывал в Канаде и узнал, что олимпийцы обманули Лоуэлла: он думал, что помогает дезертирам, не желавшим участвовать в грязной войне во Вьетнаме, а его действия направляли через своего агента олимпийцы. Вот почему собранные Лоуэллом разоблачительные документы оказались в распоряжении его врагов.

Лоуэлл решает убить Уильямса и назначает ему встречу на Арлингтонском кладбище.



18

Приказ по радио из управления арлингтонской полиции:

ВСЕМ АВТОМОБИЛЯМ... ОТПРАВИТЬСЯ К АРЛИНГТОНСКОМУ КЛАДБИЩУ И ПОСТУПИТЬ В РАСПОРЯЖЕНИЕ МИСТЕРА УИЛЬЯМСА ИЗ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ И МИСТЕРА ДЖАРВИСА ИЗ ШТАБ-КВАРТИРЫ ФБР.

Разговор по радио между летчиком Клеем Монаганом с полицейского вертолета № 78 и руководителем полетов Джеем Пирсоном:

МОНАГАН. Все в порядке, мы выловили его из воды. Он цел и невредим. Какие будут инструкции?

ПИРСОН. Вас понял. Доставьте его на берег и высадите. Затем немедленно отправляйтесь на Арлингтонское кладбище. Человек в сером деловом костюме будет Уильямс. Любой другой, приближающийся к нему, будет убийцей. Уильямс говорит, что прошлой ночью видел убийцу, на нем коричневая рубашка и джинсы.

МОНАГАН. Вас понял. Вы мне уже говорили это.

ПИРСОН. Вас понял. Напоминаю еще раз, непонятливый ирландец.

МОНАГАН. Связь кончаю.

19

В маленьком полицейском вертолете Монаган повернулся к Аллену, державшему его под дулом пистолета. Второй пилот был в наручниках, с кляпом во рту.

— Порядок? — спросил Монаган.

— Нужно было б рассмеяться его шутке.

— Попробуй рассмейся, когда на тебя наведен пистолет. Эй, что ты делаешь, черт возьми?

Аллен раздевал лежавшего на полу второго пилота, тот пытался нанести ему удар скованными руками. Летчик обернулся, и вертолет понесся вниз. Аллен присел на корточки, целя Монагану прямо в голову.

— Я убил немало людей,— сказал он.

Монаган повернулся и выровнял вертолет. Он соображал, что можно предпринять. Как-то подать сигнал? Выбросить что-нибудь — записку, да мало ли что? Но нужно соблюдать осторожность. Настоящего убийцу он мог распознать. Лоуэлл был мастером этого дела.

Потом он услышал вздох, оглянулся и увидел, что второй пилот обмяк. Этот парень оглушил его рукояткой пистолета или приемом каратэ.

— Смотри вперед! — приказал Аллен.

Десять минут спустя рядом с летчиком сел человек в полицейской форме, но на сей раз вторым пилотом был Аллен.

— Часто выходишь на связь? — спросил он.

— Четкого расписания нет,— ответил Монаган. И получил пистолетом по скуле. Пошла кровь.

— Каждые четверть часа,— сказал Монаган,— но необязательно с точностью до минуты.

Вертолет неторопливо пролетел над Потомаком, слева виднелся мемориал Линкольна, машины на Рок Крик Паркуэй, прямо по курсу — обелиск Вашингтона, белая, устремленная в небо шпага, серые правительственные здания на Пенсильвания- и Конституцион-авеню, красивые зеленые лужайки Молла, потом свернул к югу, промелькнул самолет, садящийся в Национальном аэропорту, и впереди показался склон холма, люди на нем, завидя приближающийся вертолет, стали прятаться. Их сотни, подумал Аллен. Там, должно быть, сотни полицейских. Но где же Уильямс?

Вертолет с двумя полицейскими на борту ни у кого на земле не вызывал подозрений. Справа кружил еще один вертолет. Монаган запросил по радио:

— Участок. Есть новые распоряжения?

— Вас понял. Наблюдать местность возле особняка и могил. Видите Уильямса?

— Нет. Где он?

— Сейчас должен быть у особняка Ли.

Вертолет спустился к крыше особняка. Уильямса там не было. Тут по их каналу заговорили с другого вертолета:

— Вижу Уильямса. Он идет к кладбищу.

— Ведите пристальное наблюдение за местностью.

— Вас понял. Но там через каждые десять футов постовые.

Вертолет Монагана описал круг и зашел в хвост другому, Лоуэлл понял, что Монаган хитрит. Летчик другого вертолета запросил:

— Эй, семьдесят восьмой, что делаешь?

— Иду по маршруту.

— На м о е й высоте?

Монаган побагровел и поднялся на пятьсот футов, надеясь, что этот маньяк не станет стрелять.

— Скажи, так засмотрелся вниз, что забыл,— прошептал Аллен.

— Я так засмотрелся вниз, что забыл,— передал Монаган.

— Вас понял. Только не виси у меня на хвосте.

А внизу, на красивейшем из кладбищ, Уильямс подошел к могиле и остановился, с виду одинокий, тихий человек, поглощенный эпитафией, которая оканчивалась словами: «...и этот свет воистину озарит мир».

Он стоял на открытом месте под наблюдением множества глаз и ждал. Несмотря на опасность, настроение у него было приподнятым — он знал, что Лоуэлл опять добился своего. Уильямс давно разгадал его план, потому что другого не могло и быть. Лоуэлл должен был появиться с воздуха — с одного из этих вертолетов, если не появится третий.

Но у Аллена в вертолете не все шло гладко. Его слепили слезы, Монаган следил за ним, выжидая удобного момента. Их нужно было унять, Аллен пересилил себя и утер глаза тыльной стороной ладони. Монаган уже не сомневался, что парень душевно неуравновешен. Он сознавал, что это дурно, но все же испытывал к нему сочувствие.

— Что случилось? — спросил он.

Аллен промолчал, но посмотрел вниз... ненавистный ему человек стоял у могилы с вечным огнем... И понял, что плачет потому, что после этого, живой или мертвый, он больше не будет ощущать ненависти в сердце... он сделал все, что мог, большего не сделал бы никто из этой глупой, безумной, маниакальной нации.

Вертолет Монагана внезапно изменил курс и стал снижаться к Уильямсу. Опустилась веревочная лестница, и прятавшиеся вблизи полицейские услышали голос, усиленный мегафоном:

— Нам приказано доставить вас в Белый дом, мистер Уильямс.

Полицейские оцепенели. Коннорс с Джарвисом следили за происходящим, но этот голос привел их в недоумение. В Белый дом? Возможно! Коннорс повернулся к полицейскому с рацией.

— Свяжись с вертолетом, узнай, кто отдал этот приказ!

Но не успел он от него отвернуться, как Уильямс ухватился за лестницу и полез в кабину. Стоящие вблизи полицейские ждали команды Коннорса. Полицейский с рацией сказал: «У них другая частота, сэр». Вертолет с Уильямсом на борту поднялся и плавно полетел в сторону Белого дома, другой устремился за ним, и сотня полицейских на земле поглядела на Коннорса с отвращением.

А на борту вертолета Уильямс сказал:

— Привет, Аллен.

20

Аллен защелкнул на Уильямсе наручники и сел на пол лицом к нему. Летчик нервозно спросил:

— Куда? Куда?

— Лэнгли, ЦРУ.

— Что?

— Сядешь на площадку за штаб-квартирой ЦРУ. Что в этом трудного?

— Там охрана, черт возьми! — сказал летчик.—Они не подпустят нас, откроют стрельбу.

— Лети,— сказал Аллен.— И передай на тот вертолет: если он не уберется с нашего хвоста, Уильямсу конец.

Монаган передал. Потом, развернув вертолет широкой дугой, полетел в Лэнгли.

Аллен расстегнул свою сумку и достал два заряда взрывчатки.

— «Кемит»,— сказал Уильямс.— Похищен у «Рейнолдс Кемикл».

Окончание. См. «Огонек» №№ 36—51.

Аллен поглядел на него.

— Вы и это разнюхали?

— Конечно,— сказал Уильямс.— Что ты собираешься делать в Лэнгли? Чтобы взорвать весь комплекс, двух зарядов мало.

— Для того, что мне нужно, хватит,— ответил Аллен.

Он вставил в оба заряда детонаторы, достал из сумки маленькую серую коробку и подсоединил провода детонаторов к клеммам на ней. Потом положил взрывчатку вместе с коробкой обратно в сумку.

— Кажется, я знаю, что побуждает тебя так действовать, Аллен, и если я прав, то я на твоей стороне.

— Еще бы,— сказал Аллен.— Потому-то вы и убили моего брата.

— Убил его стрелявший без разбору полицейский.

— Но подставили Томми вы. Вы помогли найти его. Зачем, Уильямс? С какой стати человеку Кеннеди стрелять мальчишек?

— Я не хотел этого,— сказал Уильямс.— Но твой брат нарушил закон, а я служу в министерстве юстиции.

На лице Аллена заиграла усмешка.

— Вы имеете наглость говорить о законе — в вашем министерстве юстиции?

— Ты прав, Аллен, и вот почему я сказал, что я на твоей стороне. Я думаю, что, может, это была правильная мысль — решиться на убийства.

Теперь Аллен глядел на него в полном недоумении. Но их прервал окрик.

— Перед нами Лэнгли,— крикнул летчик.— Там везде вертолеты. Они не пропустят нас.

Аллен встал и поглядел через плечо летчика. Зеленые и красные огни вертолетов были ясно видны в темноте.

Один вертолет отделился от остальных и зашел сбоку, застрочил пулемет, пули пробивали обшивку, и летчик закричал по радио: «Господи! Они стреляют! Остановите их!» Лоуэлл ударил его по плечу.

— Вниз! На посадку!

Летчик двинул ручку от себя, и вертолет под опасным углом стал снижаться к комплексу ЦРУ. Когда он приблизился к высокому забору, с земли стали стрелять охранники, над самым забором пуля пробила летчику голову, и вертолет камнем полетел вниз, громадные лопасти винта задели землю, вертолет перевернулся, Уильямса швырнуло на потолок, потом вперед, но Аллен не потерял сознания, он выбил рукояткой пистолета стекло, вытащил Уильямса и повел его по газону к темному зданию. Мимо них свистели пули, Лоуэлл внезапно упал на колено и выстрелил в кого-то, потом встал и подтолкнул Уильямса на дорожку, ведущую к двери. Пока он открывал замок, Уильямсу в плечо попала пуля, развернула и свалила наземь. Лоуэлл дотянулся до него и втащил внутрь. Потом захлопнул и запер дверь.

— Идти можете?

Уильямс поднялся. При падении он ударился головой о ступеньки, и у него плыло перед глазами.

— Все в порядке. Только плечо.

— Это здание мне и нужно,— сказал Лоуэлл.— Пошли.

Они поднялись по темной лестнице на верхний этаж, потом по узкой лесенке к двери, ведущей на крышу. Стрельба внизу прекратилась, было слышно только гудение вертолетов, шарящих прожекторами по земле. Уильямс прислонился к балюстраде, кровь из раны просачивалась через пиджак.

— Мы продержимся здесь не больше двух минут,— сказал он.

Лоуэлл улыбнулся.

— Они не так глупы, чтобы стрелять сюда. Это третий корпус.

— Что он собой представляет?

— Ричардсон называл его складом Грязных Фокусов. Он набит взрывчаткой и газами. Один снаряд с вертолета разнесет половину ЦРУ.

— Ты мог бы сделать это «кемитом»,— сказал Уильямс.

— Я так и собираюсь,— ответил Аллен.

Должно быть, летчики получили приказ, потому что вертолеты теперь кружили, не стреляя. На земле охранники в пуленепробиваемых жилетах и касках оцепили темное здание. У одного был мегафон. Его усиленный голос долетел из темноты:

— Сдавайся, Лоуэлл. Открой дверь на лестницу и подними руки.

Уильямс поглядел на Аллена.

— Что станешь делать?

— Прежде всего отгоню охрану. Скажите им, что у меня два заряда динамита и я хочу взорвать этот корпус.

Уильямс встал и перегнулся через балюстраду. Наведенные снизу фонарики освещали его лицо.

— Назад! — крикнул он.— У Лоуэлла динамит, он хочет взорвать здание! Прикажите своим людям выйти.

Фонарики внизу замигали, когда охранники поняли, в чем дело, но никто из них не двинулся с места. Несколько человек даже шагнули вперед, словно собираясь штурмовать корпус.

— Не поверили,— сказал Уильямс Аллену.— Никто не уходит.

Аллен вспомнил песчаную пустыню на севере штата Нью-Йорк; человек, привезший взрывчатку, бросил заряд Аллену, а он — представителю фирмы, стоящему под холмом, и тот поймал патрон дрожащими от страха руками. Потом «кемит» испытывали: жгли, стреляли в него, рубили топором, и, к удивлению Аллена, он не взорвался. Аллен получил бы дополнительную оплату за то, что был при этом.

Он открыл сумку, отцепил от «кемита» заряды и прикрепил вместо них длинные шнуры. Потом вручил заряды Уильямсу и снял с него наручники.

— Поднимите так, чтобы снизу было видно. Потом зажгите шнуры и перебросьте через балюстраду. «Кемит» не бросайте, иначе я вас убью.

— Ты хочешь взорвать здание? — спросил Уильямс.

— Это входит в план,— ответил Аллен.— К вашему сведению, я с самого начала собирался убить вас здесь, где орудуют ваши дружки. В третьем корпусе.

— Только шнуры зажигай сам. У меня одна рука не действует.

— Ладно,— сказал Аллен.

Он зажег оба шнура и отдал «кемит» Уильямсу. Уильямс встал снова и увидел, что охранники подошли вплотную к зданию. Подняв взрывчатку, он крикнул: «Запалы горят!» Потом перекинул шнуры через балюстраду, и они, рассыпая искры, повисли высоко над землей. Охранники в смятении отступили, человек с мегафоном крикнул находящимся в здании: «Те, кто внутри! Бегом наружу!» По лестнице послышался топот ног.

Уильямс вернул «кемит» Лоуэллу, и тот снова защелкнул наручники на его запястьях.

— Сработало,— сказал Уильямс.—Они бегут. Что дальше?

— Заряды не взорвутся, Уильямс,— ответил Лоуэлл.— Мы жгли эту взрывчатку в огне, и она не взорвалась. Взрывается она только электродетонатором. Но они этого не знают.

— Неглупо. В здании никого не осталось,— сказал Уильямс,— но толку от этого мало. Тебе не спастись, Аллен.

Свисавшие шнуры медленно, с треском горели. Уильямс понимал, что кто-то из охранников сообщает об этом по рации на вертолеты и спрашивает, как быть.

Лоуэлл поглядел на Уильямса.

— Я одного не могу понять. Почему они стреляли в вас? Мне казалось, вы будете хорошим заложником.

Уильямс поудобнее прижался к стене, чтобы левому плечу было не так больно.

— На прошлой неделе Ричардсон с Маркони пытались убить меня в Канаде. Преднамеренно. Маркони знал, что я прилетаю, и сообщил Ричардсону.

— Но вы же из министерства юстиции,— сказал Аллен.— Вы их человек!

— Видимо, олимпийцы так не считают,— ответил Уильямс.

— Чем же все кончилось?

— Ричардсон мертв. Маркони по-прежнему ведет свою фальшивую игру.

— Гад,— сказал Аллен.— Он три года делал из меня идиота. Даже приставил моего брата к Колдуэллу, зная, что он будет арестован и я еще старательнее буду работать, как мне казалось, для дезертиров. Он подставил Томми вам, Уильямс.

Теперь над ними кружил только один вертолет. Уильямс понял, что другой улетел за снайперами, чтобы снять Лоуэлла. Но им нужно будет поспешить.

— Почему же ты не убил Маркони? — спросил Уильямс.— Почему решил убить шестерых незнакомцев?

— Будто не знаете,— ответил Лоуэлл.— У меня все было готово. Я хотел убить женщину, потом Уорнки, а вас оставлял напоследок. Потом своей телеграммой вы нарушили мое расписание. Значит, вы узнали об «Интернейшнл телевижн». НО ВАМ НЕ ОСТАНОВИТЬ МЕНЯ!

На небольшой высоте подлетел вертолет, луч его прожектора пробежал по крыше и высветил их, сидящих у стены. Лоуэлл согнул в локте левую руку, положил на нее правую и выстрелом погасил прожектор.

— Отлично стреляешь,— одобрил Уильямс.

Пламя шнуров уже подбиралось к зарядам в руках Лоуэлла. Он встал.

— Пора, Уильямс. Во Вьетнаме Ричардсон несколько лет твердил мне о товарах на этом складе.

— Здание окружено, со всех сторон вертолеты и охранники, а ты надеешься уйти живым? Опомнись, Аллен, это конец.

Но Аллен выдернул шнуры из «кемита», снова вставил детонаторы и подсоединил провода. Вертолеты стали снижаться, Аллен поднял Уильямса на ноги и подтолкнул к лестнице. Когда они спускались, шум вертолетов стал громче; в свете прожекторов летчики должны были видеть, что крыша пуста и на нее можно садиться.

В коридоре первого этажа Аллен открыл дверь с табличкой «ГАЗЫ ДЛЯ РАЗГОНА ДЕМОНСТРАЦИЙ», втолкнул Уильямса и запер. Уильямс увидел коричневые алюминиевые контейнеры с ничего не говорившими ему черными надписями: XF 111, TF 23, OTT 101. Вернулся Лоуэлл уже без «кемита», он раскраснелся и тяжело дышал, с пояса его свисал противогаз. Подойдя к полке, где лежали гранаты с надписью OTT 101, он положил десяток в пустой контейнер.

— Что такое «OTT сто один»?— спросил Уильямс.

— Во Вьетнаме мы называли его «рвотный газ». Прекрасно разгоняет толпу.

— А «кемит» в отсеке со взрывчаткой и часовой механизм пущен? В панике из-за газа и опасности взрыва ты надеешься скрыться?

— Вот именно.

— Это безнадежно, Аллен. Тебе не сделать даже пяти шагов. Ты погибнешь, и погибнешь напрасно. Твой план провалился, как бы ты ни считал.

Лоуэлл присел на бетонный пол рядом с Уильямсом.

— Послушайте, я знаю, на что иду. Но вчера вечером, прежде чем отправиться к вам, я отослал копии сделанных видеозаписей в редакции новостей всех телекомпаний Нью-Йорка. Там все... пленки, документы... Когда передачи пойдут в эфир, олимпийцам конец. Я свалю их, всю организацию.

— Убийством шестерых неповинных людей?

— Неповинных? — сказал Лоэулл.— Этих четверых предателей, у которых я брал интервью! Они заслужили смерть. Такие, как они, и сделали возможным появление олимпийцев. Это был единственный способ...

Уильямс взглянул в горящие глаза Аллена. Искалеченный, разрушенный олимпийцами разум—или он мыслил ясно? Возможно, он нашел единственный способ разоблачить и уничтожить олимпийцев? Убийство шестерых людей Кеннеди к годовщине его гибели потрясло бы страну. Даже олимпийцы не могли бы помешать этой гласности...

— Я готов был расцеловать вас, когда после гибели Карсона вы созвали пресс-конференцию,— продолжал Аллен.— Слушайте, Уильямс, после сегодняшнего вечера телекомпании должны пустить мои пленки в эфир, даже Белый дом не сможет помешать этому. Что бы ни случилось со мной, мой план сработает! Я ни о чем не буду жалеть!

— Нет, Аллен, не сработает. ТЕЛЕКОМПАНИИ НЕ ПУСТЯТ ТВОИ ЗАПИСИ В ЭФИР.

Лицо Аллена побледнело.

— Помнишь юбилейный фильм о Кеннеди, над которым ты работал в прошлом году? Знаешь, почему я сообщил тебе, что видел твой фильм и ты был прав?

— Скажите.

— Я не видел фильма, но понял, что эта телекомпания служит ширмой для олимпийцев. И что ее юбилейный фильм будет под видом

чествования поносить Кеннеди. Очень тонко. И очень эффективно.

Лоуэлл, словно бы погруженный в раздумье, покачал головой. Уильямс услышал, как он произнес «Брокуэй», потом «Ричардсон».

— Телекомпании,— недоуменно произнес он.— Я думал, что после «Уотергейта» они еще свободны. Думал, что по крайней мере...

— В прошлом году телекомпании отказались бы от тенденциозного фильма,— сказал Уильямс.— Но юбилейный фильм этого года, который опорочит Кеннеди столь тонко, сколь и эффективно, должен выйти в эфир. Почему? Потому что в этом году туда проникли олимпийцы.

И тут Аллен уставился на него со страхом.

— Не могут же они быть так сильны!

— Они сильны, Аллен,— сказал Уильямс.— Твои видеозаписи не увидят света. Я тебе гарантирую. Они исчезнут. Окажутся в руках олимпийцев.

Аллен, внезапно ставший по-мальчишечьи жалким, обхватил голову руками.

— О господи, господи...— Его тело содрогалось от рыданий.— Тогда нет никакой надежды! Никакой возможности!..

Он поднял взгляд, лицо его было залито слезами.

— Если я дам показания в суде, там скажут, что я просто сумасшедший убийца. Мне необходимы эти записи, Уильямс!

Уильямс молчал.

— Все эти убийства... были... напрасны. Напрасны. Господи,— негромко произнес он дрожащим голосом.— Что случилось с нами, Уильямс? Что пошло не так после шестьдесят третьего года?

— У нас была возможность, и мы упустили ее,— тихо ответил Уильямс.— Но мы упали или нас толкнули?

— Толкнули,— сказал Аллен почти шепотом.— Никто даже не представляет, как нас толкнули.

21

В 1963 году Аллен влюбился. Эта голубоглазая блондинка из Ленсинга, штат Мичиган, Мери Ноултон, работала секретаршей в бюро стандартов. По вечерам она посещала университет Джорджа Вашингтона, и Аллен познакомился с ней, придя туда подать заявление на несколько курсов лекций. Оба они были честолюбивы. Мери хотела вступить в корпус мира, Аллен — посвятить себя политической деятельности.

Мери жила на втором этаже дома по Коннектикут-авеню вместе с двумя подругами, они обе работали секретаршами на государственной службе, и Аллен провел с ними много приятных вечеров, познавая еще неизвестное: зажженные свечи, Бартока и Баха, хорошие вина,— он водил Мери на балет, и спектакль ему даже понравился, Мери говорила подругам, что Аллен ей симпатичен, потому что он веселый. Он все время смешил ее.

Покинув Чикаго и дом властной тетки, Аллен чувствовал себя в Вашингтоне будто в раю; горизонты его были широко открыты; он любил свою работу в ЮСИА: проходящие перед его глазами кадры фильмов, любовно смонтированные и склеенные, были окнами, в которые он видел новый мир. Он был частью этого мира. И надеялся когда-нибудь появиться на одной из пленок: это было возможно. Все было возможно.

Аллен был веселым, беззаботным и любил Мери; даже ее соседки по квартире обожали его. Он всегда развлекал их. Как-то они попросили его привезти ковер, купленный у одной знакомой. Трое девушек сели в его старую машину с открытым верхом, они подъехали к дому в Джорджтауне, и несколько минут спустя все четверо вышли из дома со свернутым в рулон ковром.

Но как было погрузить его в машину? В конце концов ковер подоткнули под заднее сиденье, и он торчал в сторону, словно телефонный столб. Аллен с двумя девушками на переднем сиденье и одной, державшей ковер, на заднем, делал поворот. На углу был конный полицейский; скрученный ковер ударил полицейского по спине и вышиб из седла. Тот в отчаянии ухватился за подпругу. Лошадь испугалась и понеслась галопом с полицейским под брюхом. Аллен спокойно свернул на ближайшем перекрестке и помчался домой, а что сталось с полицейским, они так и не узнали.

Аллен с Мери обсуждали свои планы, создание семьи в них не входило. Мери воспламенилась призывом Кеннеди: «Спроси себя, что ты можешь сделать для своей страны»,— и ей хотелось сделать кое-что до замужества. Однажды дождливым августовским утром она отправилась в корпус мира и предложила свои услуги, но ее отвергли, потому что она была слишком молода.

Потом президент Кеннеди поехал в Даллас, и после его смерти Аллен решил вступить в «зеленые береты». Мери была в восторге: она впервые обнаружила нотку серьезности у этого весельчака. В тот вечер они, чтобы отпраздновать, сняли номер в отеле возле Капитолия и предавались любви, любовь усиливалась внезапным поворотом в их жизни, сознанием, что теперь, когда Кеннеди не стало, его дела переходят к н и м.

Аллен отправился на войну, а Мери так и не вступила в корпус мира. Два месяца спустя ей написали из Ленсинга, что ее отец серьезно болен, она поехала домой, там познакомилась с одним адвокатом и год спустя, написав Аллену письмо, которого он так и не получил, вышла за адвоката замуж. Адвокат оказался непоколебимым консерватором, он был одним из делегатов съезда, выдвигавшего Никсона, и Мери вскоре обнаружила, что ее политические взгляды изменились. Но Аллен не узнал этого, потому что больше не видел ее и потому, что общим у них был только миг надежды, которой он больше никогда не испытывал; эта единственная отрада никогда больше не пробуждалась в его больной душе.

22

На крышу с грохотом приземлился вертолет, открылась дверь, и вниз по лестнице загремели шаги.

— Здание взлетит через несколько минут, и я вместе с ним.

— Не надо, Аллен! — сказал Уильямс.— Я знаю людей в правительстве, которые могут помочь!

Но Аллен равнодушно покачал головой.

— Вы дурачите себя, Уильямс,— сказал он.— Да простит меня бог за Карсона и Медуика. Да простит он меня за напрасно прожитую жизнь. Не стоило мне пытаться...— Тут ворвался мордастый охранник, за которым следовало еще двое, и выпустил очередь, едва не рассекшую Аллена пополам, Аллен скорчился, изо рта его хлынула кровавая пена, Уильямс крикнул охранникам: «Бегом из здания! Динамит!» Охранники ухватили его за наручники и бросились по коридору к двери, выбежали на лужайку комплекса ЦРУ, где многие окна в темных зданиях вокруг были освещены, и на бегу кричали людям, чтобы они скрывались, потом у них за спиной в небо взметнулся мощный взрыв, воздушная волна швырнула их на землю и третий корпус взлетел вместе с бренным телом Аллена Лоуэлла, корчившимся в последней боли.

Из рапорта Джорджа Уильямса относительно Аллена Лоуэлла от 22/XI—73 г.

...Обстоятельства этого расследования, включая покушение на мою жизнь, привели меня к выводу, что Лоуэлл был прав в предвидении опасности, до сих пор неизвестной американскому обществу.

Перед смертью Лоуэлл сказал мне, что сделал видеозаписи с разоблачением и отправил пленки трем крупнейшим телекомпаниям. Теперь мне сообщили, что пленки не дошли по назначению. Я этому не верю. Я хочу добиться, чтобы наши с Лоуэллом сведения об олимпийцах стали достоянием общественности, и прошу поручить лично мне связаться с ЦРУ для смещения известных участников заговора.

Если эта просьба не будет удовлетворена, я немедленно подаю в отставку.

Джордж Уильямс,
заместитель помощника
министра юстиции США

23

ВСЛУХ НЕ ЧИТАТЬ. Принять следующие меры:

Поставить на рапорте Уильямса от 22/XI—73 г. гриф «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

Поручить Уильямсу связаться с начальником отдела ЦРУ Талха Бахтиари.

Харли Коннорс,
помощник министра юстиции США

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

«ПРОБНЫЙ ШАРИК» ИЛИ?..

В ней было всего пятьдесят строк, в этой набранной нонпарелью заметке одного из зарубежных научных журналов. Журнал выходил в небольшом европейском капиталистическом государстве и был широко известен. Автор заметки сообщал, что в лаборатории видного московского профессора Алексея Михайловича Круглова широко поставлены исследования, связанные с проблемой большого значения...

Пятидесятистрочная заметка, занявшая свое скромное место в конце номера, тем не менее обрела сенсационный характер, вызвав оживленные комментарии ученых и много всяких домыслов.

Когда журнал пришел в Москву, в институте недоумевали: «Как могла появиться эта заметка? Кто дал информацию о работе, которая пока строго засекречена?»

Правда, автор заметки, по существу, ничего не раскрыл. Более того: в ней, с точки зрения знатоков дела, были, как говорят, общие слова. И им, знатокам, было очевидно: публикация заметки — «пробный шарик». Авось, подумают, что теперь уже нечего секретничать: все равно, мол, кто захотел что-нибудь узнать об исследованиях Круглова, тот уже знает... Бывало, что и попадали на таких простаков.

И тем не менее в институте заметка при всей ее неконкретности вызвала тревогу: «Внимание, внимание! Кто-то пытается проникнуть в тайну научных работ!»

Больше всех, конечно, встревожился сам Алексей Михайлович, человек уже немолодой, много повидавший и испытавший в жизни. В тот день, когда журнал пришел в институт, профессор, кажется, сразу постарел на несколько лет. Его успокаивали, говорили ему много добрых слов, а он твердил свое: «Опростоволосился старик!»

Запросили несколько учреждений, не давали ли там официальной информации для прессы. Ответ пришел отрицательный. Что же делать? После недолгих раздумий Алексей Михайлович позвонил в КГБ.

Беседа длилась недолго, и профессор был несколько удивлен, когда, уже прощаясь, сотрудник Комитета госбезопасности вдруг спросил его:

— А вам Петр Максимович Егоров ничего не рассказывал о своих встречах с гостившим в нашей стране...— И сотрудник назвал фамилию иностранного ученого, работавшего в смежной области.

— Нет, не рассказывал,— несколько растерянно ответил профессор.— Хотя друг от друга у нас с Егоровым никогда не было тайн. Петр Максимович — мой лучший ученик и ближайший помощник.— Профессор умолк, задумался и вдруг решительно, твердо заявил: — Простите, но я исключаю даже самую мысль о нем, как о...

— Я тоже не допускаю этой мысли, Алексей Михайлович... Но не будем столь категоричны в своих суждениях. Жизнь — сложная штука. Как говорят французы: «C'est la vie...» Такова жизнь...

РВИ ЦВЕТЫ, ПОКА ЦВЕТУТ...

Натали, так звала ее бабушка, с детства привыкла к шумному обществу в их доме. Отца она не помнила: он погиб на войне,— а мать очень быстро перестала горевать. Пианистка, много ездившая по стране с концертными бригадами, она всегда была в окружении веселой компании, частенько собиравшейся в их доме. Натали была еще школьницей, когда ей разрешали допоздна засиживаться в шумном обществе маминых друзей.

Ей еще не было и восемнадцати, когда за ней стал ухаживать скрипач, сухощавый и смуглый молодой человек с мужественным и приятным лицом.

Мама снисходительно относилась к завязавшемуся роману. Женщина не очень строгих правил, она сквозь пальцы смотрела на то, как дочь порой уединялась со скрипачом в свой «девичий будуар». Впрочем, Анну Петровну нельзя было всерьез принимать как мать, воспитывающую свое дитя. Нет, она не была создана для этой, по ее словам, «удивительно скучной деятельности». Да и времени не хватало: постоянные разъезды, гастроли...

Роль воспитательницы приняла на себя бабушка. Ей уже было далеко за шестьдесят, но она, в прошлом хористка провинциальной оперы, до сих пор подолгу просиживала у зеркала. Молодящаяся старуха придерживалась своего «морального кодекса», требования коего настойчиво внушала внучке. Главное среди них: «Рви цветы, пока цветут, пройдут златые дни, завянут ведь они».

Красивая, стройная, умненькая, в меру образованная, Натали легко завоевывала симпатии молодых и не очень молодых мужчин. Скрипач скоро уступил место предприимчивому театральному администратору. Этот предлагал руку и сердце. Натали молча выслушала его, а потом расхохоталась.

— Что вы, с ума спятили, Виктор Александрович! Мужем Натали будет... Вы знаете, кем должен быть человек, который захочет взять меня в жены?..

И, хлопнув дверью, вышла из комнаты. Бабушка была довольна внучкой: «Правильно понимает жизнь...»

Эпиграфом к альбому, в котором были собраны фотографии кинозвезд, девушка поставила строки, неизвестно откуда взятые ею, но достаточно полно выражавшие психологию начинающей «львицы»: «Любовь имеет власть дать в один момент то, что труд не всегда может дать за целый век».

Трудно сказать, какой дорогой пошла бы Натали после школы, если бы однажды в их доме не появился старший брат покойного отца — Федор Степанович. Это был крупный ученый, которого вопреки его собственному желанию перевели в Москву из южного города. Профессор, горячо любивший брата, почел своим долгом позаботиться о его семье, и в первую очередь о племяннице. Там, на юге, до него доходили смутные слухи о том, что жена брата быстро утешилась и ведет образ жизни, отнюдь не заслуживающий одобрения. Слыхал профессор, что и племянницу наставляют на тот же путь. И в первые же дни своей московской жизни убедился, что слухи весьма основательны. Тогда он твердо решил: «Мама, уж бог с ней, пусть живет как хочет, а за племянницу я в ответе... Перед памятью брата».

Профессор частенько наведывался к Натали. Она была в последнем классе школы, когда он повел с ней разговор о будущем. И с грустью отметил: увы, бабушкины семена уже пустили глубокие корни. Больно было за брата, но что поделаешь: «Поздно ты, кажется, появился в этом доме, дядя!»

В воскресные дни Федор Степанович увозил племянницу к себе на дачу. Он принадлежал к числу тех стариков, которые любят прислушиваться к говору ветра, птиц и любоваться тем, как солнечный свет могуче пробивается сквозь густую зелень дремучего леса. Здесь, на природе, дядя и вел свои, как он выражался, воскресные «проповеди». Прекрасный рассказчик, он очень увлекательно говорил о своих исследованиях, о своих учениках, трудом и талантом утверждавших свое место в жизни. В рассказах ученого вставали перед девушкой удивительно интересные, смелые люди, поистине творящие чудеса. И порой Федору Степановичу не без основания казалось, что племянница совсем другими глазами начинает смотреть на мир.

Равнодействующей двух сил — бабушки и дяди — явился институт иностранных языков... «Ну что же,— подумал профессор,— хорошо... Кончит иняз, я ее в научный институт переводчицей определю. Может, так и появится любовь к точным наукам. Или же будет педагогом... Благородная специальность».

У бабушки были свои планы: выдать внучку замуж за дипломата и отправить за границу. Это, как говорится, программа-максимум. Программа-минимум — переводчица «Интуриста», легкая, красивая жизнь, постоянные встречи с именитыми и богатыми иностранцами... Что же касается Натали, то она еще не решила, какой вариант для нее будет лучшим.

В институте у нее было много друзей. Друзей разных и по-разному оценивающих, что есть счастье человека.

Однажды, когда у Натали собрались на вечеринку однокурсники и кто-то из них случайно прочел эпиграф и фотоальбому, вспыхнул спор.

— Неужели это — твое кредо? — допытывался Саша, староста их группы, тыкая пальцем в альбом.— Неужели ты серьезно веришь, что любовь может сделать больше, чем труд? — И он испытующе посмотрел на молодую хозяйку дома.

Она усмехнулась и, передернув плечиками, исподлобья оглядела друзей.

— Я не верю ни в силу любви, ни в силу труда. Я верю в силу денег. Искусство жить — искусство делать деньги. Как их делать — это сугубо индивидуально... Не правда ли?

И, не ожидая ответа, она звонко рассмеялась, так что трудно было понять, всерьез она или шутит назло Сашке, чтобы подразнить его...

Поздно вечером, когда друзья разошлись, Наташа устроила бабушке страшенный разнос. Началось все с того, что бабушка бубнила:

— Молодец, Натали... Как ты этого Сашку отбрила! Ты не слушай его... И дядьку твоего... Подальше от него... Жизни не понимает...

Вот тогда-то и задала ей перцу Натали — бабушка даже задрожала от неожиданности:

— Ты дядю не трогай! Слышишь! Не смей!

ДИМКА-КАКТУС

Нет, еще неизвестно, кто победит: дядя или бабушка? А тут у дяди появился помощник — Дима, молодой инженер-строитель, сын старого друга Федора Степановича. Он познакомился его с племянницей на концерте. Наталя в этот вечер была поистине прекрасна. Дядя сразу уловил, как мгновенно перекрестились их взгляды — Димы и Наташи.

Все, что произошло в последующие дни,— еще один удар по скептикам, не верящим в любовь с первого взгляда. Бабушка была в полном смятении: Дима отнюдь не принадлежал и числу тех, кто, по ее мнению, мог бы составить счастье внучки, а попытки помешать вспыхнувшему чувству рухнули. Наташа была словно в угаре. Все, буквально все нравилось ей в Диме: и спортивная фигура, и темные курчавые волосы, лохматившиеся над черными задумчивыми глазами, и как он играет на пианино, как танцует. Впервые она, кажется, по-настоящему полюбила настоящего человека. Он чем-то напоминал ей дядю — такой же ершистый, колючий. Наташа прозвала его «Кактусом».

Однажды вечером Наташа заявила бабушке, что Дима уезжает в Сибирь строить в тайге новый город и зовет ее с собой, конечно, после окончания института.

Бабушка несколько минут не могла прийти в себя — казалось, что сейчас ее хватит удар.

— Ты с ума сошла!.. Тайга. Сибирь... Безумство, бред. Опомнись, Наташа! Это не для тебя. Да и вообще, что ты нашла в этом...

Была предпринята фронтальная контратака бабушки, мамы, ее друзей. Пытались даже подключить дядю: «Зачем девушке уезжать из Москвы?.. Да еще с ее специальностью...»

Долго Наташа терзалась сомнениями. Но «разум» взял верх над чувством. На вопрос Димы: «Поедешь или нет?» — она уклончиво ответила: «Впереди целый год. Там видно будет. Но, честно говоря, меня не прельщает романтика тайги. Бабушка, вероятно, права: я не рождена для подвига... Подумай, может, и ты не поедешь?.. Здорово было бы, не правда ли?» Дима ответил улыбкой средней веселости, потом сжал губы так, что они побелели, и в свойственной ему манере сказал: «Все красивое ядовито. В этом суть любой красоты».

Вскоре он уехал в Сибирь, сказав на прощание:

— Что же, я согласен, Наташа, поживем — увидим. Практика — критерий истины. Буду писать тебе и буду жить ожиданием твоих писем.

Было это в ту пору, когда Наташа уже перешагнула на последний курс. В занятиях она преуспевала. Каждый раз на институтских встречах студентов с работниками какого-нибудь посольства Наталя обращала на себя внимание и своим произношением и богатым запасом слов. И когда «Интурист» попросил послать к ним на практику в качестве гидов группу старшекурсников, среди них оказалась и Наташа.

В «Интуристе» были очень довольны ею. Даже как-то намекнули: «Возможно, что пошлем заявку на вас...» Наташе это было приятно, пожалуй, «Интурист» ей импонировал все же больше, чем Димкина тайга. А бабушка и вовсе ликовала: «Все выходит по-моему».

И вдруг совершенно неожиданно для всех друзей по институту, для мамы и бабушки Наташа перед самым окончанием отказалась идти работать в «Интурист». И вообще во всем ее облике, поведении, образе жизни произошли какие-то непостижимые перемены. Откуда эта хмурость, озабоченность? Куда пропал былой интерес к шумным вечеринкам, танцам? Бабушка склонна была отнести все это на счет Димкиных писем — они приходили чуть ли не через день. На все домогательства старухи Наташа отвечала уклончиво, а иногда, вспылив, вихрем налетала на бабушку, повергая ее в страшное смятение. «Вот и уеду к Димке. Тебе какое дело?» Притихшая бабушка, однако, долго не могла успокоиться: «Неужели уедет?.. До чего же переменчивая, стрекоза!»

В тайгу она не уехала, но однажды заявила маме и бабушке, что зря не послушалась дядю и не пошла в науку.

— Что ж, надо исправлять ошибку. Попрошу дядю устроить меня в какой-нибудь научный институт переводчицей. А там видно будет. Может, и Димку перетяну, не правда ли?

Маша отнеслась безразлично к этим новым веяниям в жизни дочки, а бабушка снова бубнила:

— Я тебя не узнаю!.. Тебя подменили!..

Внучка ласково успокаивала бабушку, но решения своего не изменила. Что же касается дяди, продолжавшего опекать Наташу, то он, пожалуй, был доволен больше всех — откровенно говоря, Димкин вариант ему тоже был не по душе. И вот уж из крупного научно-исследовательского института, которым руководил друг Федора Степановича — Алексей Михайлович Круглов,— в иняз отправляют заявку на переводчицу.

ЭВРИКА! ЧУДЕСНАЯ ИДЕЯ!

Наталья Викторовна, ее теперь уже так величали, оказалась смышленой, отличной переводчицей. В пределах возможного она проявила себя способной и понимающей проблем той узкой области научных исследований, коим посвятил свою жизнь ее шеф — профессор Круглов. Она не только переводила, но и реферировала для него некоторые статьи. А для повышения квалификации стала усердно почитывать доступную ей, но все же специальную литературу.

Профессору нравилась такая целеустремленность, такой серьезный подход к делу. Он горячо поддерживал переводчицу в ее намерениях и сделал соответствующие распоряжения.

— Свяжитесь с Петром Максимовичем Егоровым,— мой ближайший ученик, большой эрудиции ученый и чуткий, отзывчивый товарищ. Он поможет вам войти, так сказать, в нашу тематику и освоить терминологию. Я ему скажу о вас... Вам будет легче.

Кандидат технических наук Егоров был действительно человеком добрым, отзывчивым и охотно помогал Наталье Викторовне. Помощь эта была тем более успешной, что переводчица проявила способности к точным наукам. Она удивительно быстро входила в курс исследований, которым посвятили себя шеф и его ученик. Правда, весьма элементарно, но Наташа уже могла понять, о чем они иногда спорят, и легко вылавливала из большой статьи в каком-нибудь зарубежном журнале именно то, что больше всего могло заинтересовать профессора. Как-то она сказала Петру Максимовичу:

— Жаль, что я не послушалась дядю. Мне кажется, что я могла бы преуспеть в науке...

— Вы же еще очень молоды, Наталья Викторовна. Господи боже мой! О чем вы говорите? Вам и сейчас не поздно поступить в институт... И начать все сначала.

Наташа радостно захлопала в ладоши.

— Чудесная идея!.. Петр Максимович, вы гений...

И тут же стала советоваться: в какой технический вуз поступить, как готовиться к экзаменам, чем сможет помочь дядя?

— Ну и, конечно, вы, Петр Максимович... На вашу помощь я могу рассчитывать?

— Готов хоть сейчас...

Подготовка в вечерний институт еще больше сблизила Наташу с Егоровым.

По вечерам они иногда задерживались в лаборатории. А тут как-то в жаркий летний день молодой ученый пригласил переводчицу освежиться — поехать в Химки, поужинать на летней веранде. Она деликатно отказалась.

— Что вы, Петр Максимович... Это неудобно... К тому же экзамены на носу.

Он смутился, что-то пролепетал и, смущенно улыбаясь, развел руками.

Вступительные экзамены в институт она выдержала. Не потребовалось никаких и ничьих хлопот: переводчицу научно-исследовательского института охотно приняли в вечерний вуз. Бабушка ахала, охала, но и она смирилась, уверовав в талант Наташи.

Теперь начиналась новая полоса в жизни Наташи, и шеф в шутку уже называл ее коллегой. Специальность, избранная девушкой в вузе, была сродни направлению работ профессора Круглова.

Время шло. Наталья Викторовна была на третьем курсе. Она уже не механически, а со знанием дела переводила, реферировала статьи для профессора. А он души не чаял в ней: «Чудесная помощница! Ее хоть младшим научным сотрудником назначай».

РАЗГОВОР НА НАБЕРЕЖНОЙ

Однажды случилось так, что Наталья Викторовна не успела к концу дня закончить срочный перевод для большого доклада в Государственном комитете. Расстроенная, она пришла к профессору: как быть?

— Вот уж и не знаю, дорогуша. Завтра утром доклад, а для сравнения с нашими результатами зарубежные данные нужны до зарезу.

— Я готова привезти вам их вечером домой. Посижу здесь еще несколько часов.

— Да вы же голодны... Сейчас велю принести вам чего-нибудь перекусить. А к восьми машину пришлю...

Ее встретили очень радушно, запросто. Елена Максимовна, веселая, полная дама, хорошо знавшая почти всех сотрудников мужа и покровительствовавшая некоторым из них, усадила Наталью Викторовну пить кофе.

Профессор забрал переводы и, оставив женщин, удалился в свой кабинет. У хозяйки дома и переводчицы, несмотря на большую разницу в годах, обнаружилась общность взглядов на многие вопросы. Они сошлись характерами и понравились друг другу. Наталья Викторовна засиделась в профессорском доме допоздна. И в тот же вечер было решено, что она будет давать уроки английского языка Володе — профессорскому сыну.

— Ждем вас послезавтра, Наталья Викторовна. Вообще прошу чувствовать себя у нас, как дома...

И вот переводчица уже свой человек в профессорском доме. Обычно после занятий с Володей она оставалась ужинать, и случалось, что за столом оказывалась рядом с Петром Максимовичем, который иногда до поздней ночи работал с шефом. Наталья Викторовна беседовала с хозяйкой дома, а учитель и ученик, не обращая внимания на женщин, вели свои разговоры, оживленно обсуждая результаты каких-то экспериментов.

Петр Максимович частенько провожал Наташу домой. И при этом всегда был подчеркнуто сдержан. Наташе трудно было разобраться, в чем дело. Неужели это после давнишнего ее отказа ехать в Химки — с тех пор он больше ни разу не предлагал ей провести вечер вместе. Или, может, тут совсем другое: она как-то, правда, несколько туманно, поведала ему, что есть в Сибири такой Димка-Кактус...

Однако при всей своей сдержанности Петр Максимович не мог скрыть: нравится ему эта девушка, ее лицо, голос, острый ум, тонкая наблюдательность, способности и трудолюбие. Несколько раз он ловил себя на этой мысли и тут же говорил себе: «Брось! Оставь все это. Не время... Надо готовиться к поездке на симпозиум».

О поездке на международный симпозиум в столице небольшого европейского государства он как-то поведал Наталье Викторовне. Это было осенью. Они оба задержались в институте и теперь, возвращаясь домой, шли по набережной. Стояла безлунная ночь с нависшим над рекой хмурым небом. Они молча глядели на мерцавшие сквозь туман одинокие звезды. Кругом было тихо, и только золото листьев шуршало под ногами.

Первой прервала молчание Наташа:

— Как жаль, что вы уезжаете. Мы поехали бы в воскресенье в Абрамцево...

Он даже вздрогнул от неожиданности.

— Да, конечно... Мне тоже жаль... Нет, я не то хотел сказать... Я хотел...

Он замолчал. Остановился. Подошел поближе к Наташе.

— Но впереди еще столько воскресений.— И, кажется, впервые он пожал ей руку и уж совсем неожиданно для себя прижал ее ладонь к своей щеке.

И снова долгое молчание. Потом он стал рассказывать ей о симпозиуме, о возможных дискуссиях. Наташа встревожилась:

— А вас не положат там на обе лопатки?.. Я боюсь за вас...

— Что вы, Наташенька... Мы там далеко впереди них...

И он говорил о шефе, о лаборатории, о последних открытиях. Наташа перебила его:

— Извините, Петр Максимович, но мне все это надоело в институте. Давайте о чем-нибудь другом...

Продолжение следует.

ПЯТИДЕСЯТИ СТРОК

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ, А. СЕРГЕЕВ

НАЕДИНЕ С ДЖЕННИ...

Через несколько дней Егоров улетел за границу.

Его встретили там очень радушно — имя молодого ученого уже было известно участникам симпозиума. Петр Максимович возглавлял нашу делегацию, и к нему был прикреплен персональный гид — один из местных ученых, хорошо знавший русский язык и работавший в области, смежном с той, где вел свои исследования профессор Круглов. Это был молодой, элегантный человек, вежливый, предупредительный. Все его почему-то звали запросто Карл.

— Можете мной располагать, как вам угодно. Надеюсь, что и вы в долгу не останетесь, когда я приеду в Москву.

— Собираетесь к нам?

— Да, в порядке обмена... Соответствующие переговоры уже ведутся...

И он назвал один из крупных московских институтов, где ему, вероятно, предоставят возможность поработать.

На первых порах Петр Максимович был весьма доволен, что к нему прикрепили такого гида. Несколько раздражало лишь одно обстоятельство: Карл буквально заполонил его время — ни одного вечера Петр Максимович не смог провести вместе с товарищами по делегации. Сегодня — театр, завтра — прогулка за город, затем в гости к какому-то профессору. Петр Максимович даже насторожился было: в чем дело? Но беседы, которые вели с ним, касались самых отвлеченных тем, связанных с наукой вообще, с литературой и искусством. И только однажды разговор переключился на его институт. Все началось с какого-то спора, в ходе которого он сам стал говорить об институтских делах. Но советский ученый задумался над этим уже позже, вернувшись в гостиницу.

Гид познакомил его и со своей сестрой Дженни. Эффектная молодая женщина с копной золотистых волос, небрежно спадавших на оголенные плечи, с мягкими темными глазами и белой шеей в мелких веснушках. Она тихо сказала ему:

— Учтите, я большая поклонница вашей страны, ее прогрессивной науки.

Петру Максимовичу показалось, что он вызвал интерес Дженни не только как ученый, но и как мужчина. «А может, это мне только показалось»,— подумал он. Однако тут же вспомнил, как за ужином, сидя рядом с ним, она по-английски шепнула ему на ухо что-то такое, от чего он покраснел, сконфузился и ответил, кажется, не совсем вежливо. Но Дженни не обратила внимания на это и в том же тоне продолжала разговор. Русский ученый старался держаться в стороне от нее, но она с улыбкой настигала его и ласково журила: «Какой вы, однако...»

Симпозиум близился к концу. Через несколько дней домой! Петр Максимович вместе с товарищами распланировал оставшиеся свободные вечера. И вот снова неожиданное приглашение: Карл зовет его к себе в гости.

— Я и Дженни хотим попрощаться с вами. Скромный ужин в узком семейном кругу. Мы да старики...

Но «семейный круг» неожиданно сузился. Хозяин дома очень огорчен: родители вынуждены были поехать за город и тяжело заболевшему дяде. И они сели за стол втроем. А вскоре и сам Карл исчез — позвонили родители и умоляли сына срочно приехать: дяде стало совсем плохо...

— Дженни, ты останешься за хозяйку. Я еще, может быть, вернусь.

Петр Максимович не успел и слова вымолвить, как Карл распрощался, и он оказался в приятном обществе очаровательной женщины — вдвоем во всей квартире.

Впрочем, не совсем так. Вдвоем, если не считать служанки, миловидной блондинки, неожиданно появившейся в комнате в тот самый момент, когда Дженни предложила гостю пересесть поближе к камину.

— Прошу прощения, мадам...

— Я, кажется, ясно сказала: сегодня вечером мы обойдемся без ваших услуг, Катрин!

— Извините,— испуганно пролепетала девушка. Так же, как и хозяйка, она свободно владела не только немецким, но и русским языком.— Какой-то господин настойчиво требует вас к телефону... Да, я ему говорила, что мадам просила не беспокоить ее, но он уверяет, что к нему это не относится, что вы будете очень рады его звонку, что меня строго накажут, если я не доложу вам, и снова требовал вас...

Дженни бросила на служанку взгляд, в котором нетрудно было прочесть: «Черт бы тебя побрал с твоим телефонным звонком». Потом подошла к гостю.

— Простите, я вас покину на несколько минут.— И удалилась из комнаты, сухо обронив: — Катрин! Раз ты уже здесь, то помешай угли в камине...

— Хорошо, мадам...

Петру Максимовичу показалось, что девушка порывается что-то сказать ему. А может, это только показалось. Он сам хотел узнать у нее, где она выучилась русскому языку. Но в этот момент вернулась Дженни.

Хозяйка мило улыбнулась вслед быстро удалившейся из комнаты служанке.

— Это ваша соотечественница, мой дорогой друг. Дитя войны... Лагерь перемещенных лиц... Любовь всесильна. Русская девушка полюбила иностранца. И не вернулась в Россию. Отказалась. А муж мало зарабатывает. Попросилась в наш дом. Аккуратность и исполнительность, видимо, никогда не были ее отличительными чертами. Но, что поделаешь, надо быть добрым...

И, подойдя вплотную к гостю, озорно вскинув на него глаза, спросила:

— Как будет развлекать меня русский ученый?

И, не ожидая ответа, Дженни взяла его за руки.

Он деликатно высвободил их, потом решительно поднялся с места, отвесил поклон и сухо сказал:

— Прошу прощения. Дела требуют моего присутствия в гостинице.

И, еще раз откланявшись, удалился...

На следующий день рано утром, выйдя из гостиницы, Егоров неожиданно где-то на пустынной улице лицом к лицу столкнулся с Катрин. Видимо, она ждала его или, может, шла следом.

— Здравствуйте! Вы, оказывается, русская. Из лагеря перемещенных?

— Вам уже все известно обо мне...

— Вы пришли сюда, чтобы повидать меня?

— Да. К вам большая просьба. Возьмите эту маленькую посылку. Сувенир племяннику. Брат не хочет, чтобы я посылала ему посылки. Пишет, что не нуждается... И вообще... Чурается. Но тут маленький сувенир... Спиннинг. Я ему напишу. Он сам зайдет и вам. Вы не возражаете? Окажите услугу... Что делать, так сложилась судьба. Не упрекайте меня.

Она передала ученому маленькую, аккуратно перевязанную коробочку. И тут же быстро исчезла в переулке, сжав в руке листок с московским адресом советского гостя.

Все это произошло так стремительно быстро, что Петр Максимович даже не успел опомниться. И только после того, как за поворотом в последний раз мелькнула русая головка, он подумал: к чему бы вся эта история?

Через несколько дней делегация уезжала домой. Ее тепло провожали организаторы симпозиума. Дженни приехала на вокзал вместе с братом, словно ничего и не произошло в тот вечер. Карл обнимал гостя и говорил:

— Я надеюсь, что наше приятное знакомство продолжится в Москве. До скорого свидания, господин Егоров...

В Москве его встречали шеф и Наталья Викторовна. Петр Максимович увидел переводчицу, покраснел и расплылся в радостной улыбке: да, ему приятно видеть ее среди встречающих. И он прямо сказал ей об этом.

В первый же вечер, когда они остались вдвоем, Наташа призналась Петру, что она часто думала о нем, думала и немного беспокоилась.

— А ты? Хоть раз вспомнил?

Он ничего не ответил, а только крепкой рукой взял ее под локоть, и они долго шагали молча.

— Я думал о тебе и сравнивал с этой... Ее зовут Дженни.

И он все рассказал ей — о гиде, о его сестре, о возможном приезде назойливого «друга» в СССР.

— Странно все это было... Ты не находишь, Наташа?

— Не знаю, Петя, может, и странно, а может быть, у них так принято... Не правда ли?

«ГИД» ПОЯВЛЯЕТСЯ В МОСКВЕ

Прошел год. Петр Максимович уже успел позабыть о своей поездке за рубеж. Он был поглощен работой и Наташей, которая, кажется, уже прочно вошла в его жизнь.

И вот нежданно-негаданно нагрянул гость.

Карл дал о себе знать по телефону. Петр Максимович несколько удивился и даже встревожился: он, кажется, не оставлял своего телефона Карлу, а справочная не давала номера телефонов института. Странно! Спросить у Карла, как он узнал номер телефона? Неудобно, обидится... Подумает черт знает что. И Петр Максимович решил: «Чепуха! Мало ли кто из наших ученых, с которыми имеет дело господин Карл, помог ему связаться со мной...»

Продолжение. См. «Огонек» № 30.

Можно было по-разному относиться к гостю, но долг вежливости обязывал. Они были в театре, ужинали в ресторане, и он возил Карла по городу, показывал Москву, а потом пригласил домой на обед — мама отлично продемонстрировала настоящую русскую кухню. Выпили, закусили, поели блинов с икрой. Пошел оживленный разговор. Гость восторженно говорил о русских ученых, и в частности о шефе Петра Максимовича, с которым был хорошо знаком по литературе. И вдруг неожиданно заявил:

— Перед моим отъездом в Москву редактор нашего очень популярного журнала попросил меня передать вам его предложение — выступить в журнале со статьей. О чем? О ваших исследованиях... Большой гонорар, известность... Весь мир заговорит о вас...

Гость испытующе смотрел на Петра Максимовича и несколько раз повторял:

— Большой гонорар... Известность, даже, если хотите знать, слава! Правда, я где-то прочел, кажется, у Бальзака, что слава — товар невыгодный: стоит дорого, а сохраняется плохо. Но это не имеет значения. Гонорар в сочетании со славой — это, знаете ли...

Петр Максимович в резкой, даже несколько грубой форме оборвал Карла:

— Вы отдаете себе отчет в том, что означает ваше предложение? Если бы вы не были моим гостем...

Но «гид» быстро переключился на шутливый тон и поднял тост за всемирную дружбу ученых. Уже прощаясь, он дружески похлопал хозяина дома по плечу.

— А насчет статьи вы все-таки подумайте... Да, между прочим... Есть вариант... Послушайте, вы можете сдать статью, оговорив при этом, чтобы ее не публиковали, если это вам по каким-нибудь причинам нежелательно. Подумайте и над таким вариантом... Ну, а гонорар само собой...

И вдруг неожиданно для гостя хозяин тоже дружески похлопал «гида» по плечу и решительно сказал:

— А вы знаете, это, кажется, неплохой вариант. Есть о чем подумать. Увидимся — поговорим...

Рано утром Петр Максимович позвонил в КГБ и попросил срочно принять его...

ОН ИЛИ НЕ ОН?

— Да, пропуск оставлен. Жду...

Звонок Егорова весьма обрадовал майора Птицына: все идет так, как и должно идти.

Несколько дней назад с границы сообщили, что долгожданный гость проследовал с группой туристов в Москву. И, докладывая об этом генералу, майор сказал:

— Думаю, товарищ генерал, что события должны развиваться следующим образом. Турист обязательно повстречается с Егоровым и, вероятно, все же попытается установить с ним контакт. На какой почве? Пока сказать трудно. Но я почти уверен, что Егоров после визита туриста сам явится и нам.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Сегодня я снова прослушивал пленку, присланную «Ландышем». В тот вечер в доме Дженни ученый вел себя, я бы сказал, предостойнейшим образом. «Ландыш» снова подтверждает: Карл рассматривает Петра Максимовича как орешек весьма крепкий. Не надеется сразу расколоть. Однако пытаться будет...

И вот звонок. Майор ждал его с утра. Он знал, что вчера вечером Карл был в гостях у ученого.

...Петр Максимович старается восстановить во всех деталях свои встречи на симпозиуме, визит и «гиду», разговор с Дженни-обольстительницей, как он ее давно уже окрестил. Рассказывает и вслух размышляет:

— Теперь я понимаю... Грубая ловушка, грубая и неумная. Я бы сказал, топорная работа. Когда встречаешь этаков в детективе, поражаешься бедной фантазии автора. А вот сама жизнь...

Егоров готов чем только можно помочь чекистам. Он старается нарисовать портрет Карла. «Это же очень важно для вас. Я знаю... Так вот слушайте...» Майор слушает и с трудом сдерживает улыбку. Так и подмывает достать из папки фотографию Карла и показать: «Вот же он какой! Ладно, придет время — все покажут Егорову. А пока майор слушает и мысленно сопоставляет: все сходится с сообщением «Ландыша». Слушает и думает: Петр Максимович действительно орешек крепкий. Карл это знает и все же надеется раздобыть сведения о работе института. Так он и говорил Дженни перед отъездом.

— Что вы сказали гостю, прощаясь?

— Могу воспроизвести свою последнюю фразу: «Подумаю, обязательно подумаю... Увидимся — поговорим».

— Когда вы снова встретитесь?

— Завтра... У меня дома...

— Постарайтесь вселить в гостя надежду, что не исключена возможность такого варианта — вы дадите краткую информацию для журнала... Обязательно поинтересуйтесь суммой гонорара.

Уже прощаясь, майор передал Петру Максимовичу небольшой фотоальбом с видами Москвы.

— Пусть он лежит у вас дома, на столе... Мы с вами встретимся послезавтра... Нет, сюда вы не приходите. Учтите, за вами тоже могут следить. Встретимся в книжном магазине... Я сам подойду к вам... Не забудьте захватить с собой фотоальбом...

Петр Максимович покраснел и растерянно спросил:

— Понятно... Альбом... В порядке проверки... Неужели вы мне не доверяете? Хотите записать на пленку? — И он сердито ткнул в альбом.

— Да не обижайтесь вы, Петр Максимович. Ученым свойственна некоторая рассеянность. Ну-ну, не возмущайтесь... Позвольте вам задать один вопрос: вы все, что касается ваших встреч за рубежом, рассказали? Или, может, кое-что забыли... Подумайте.

Петр Максимович стал мучительно перебирать в памяти каждый час своей жизни в те дни.

— Как будто бы все...

— Вот видите, зкий вы... какое бы это слово помягче подобрать: ну, не наблюдательный, что ли, рассеянный...— И Птицын расхохотался.— А молодая женщина, которая просила вас отвезти спиннинг племяннику... Забыли?

Ученый дрожащей рукой потер лоб, на котором выступили капли пота.

— Боже мой, как же я мог забыть и не сказать вам... Но я никак не связывал ту женщину с гидом-туристом, с Дженни. Неужели это их агент? Теперь я понимаю. Боже мой, как я попался!..

— Вы же заполняли таможенную декларацию и знаете, что запрещается перевозить что бы то ни было для передачи третьим лицам.

— Но я честно заявил сотрудникам таможни, что этот спиннинг меня просили передать. И сказал даже, кто просил... Спиннинг у меня забрали. А перед отходом поезда вернули... Вернули и сказали: «Ладно, везите. Пусть парень рыбу ловит».

Егоров умолк, а потом глухо сказал:

— Вы должны мне верить, товарищ майор!

— Да успокойтесь же вы, Петр Максимович! Если бы я вам не верил, то уж, конечно, не дал бы понять, что располагаю несколько более подробными сведениями, чем те, которые в вашей памяти улеглись. Сейчас же от вас требуется максимальная выдержка, спокойствие. Желая точно знать, что он будет говорить вам, мы даем эту штуку. Не скрою: штука эта вмонтирована в альбом. Да, чуть не забыл. Последний вопрос: вы не встречали больше человека, забравшего у вас спиннинг?

— Встречал. Точнее, видел... Два раза... Через неделю после того, как я вернулся с симпозиума, мне позвонил какой-то человек и отрекомендовался: «Я брат Кати, которая передала вам спиннинг для моего сына». Я, естественно, пригласил его зайти за посылочкой. Назначил время — в субботу вечером. Он не пришел. А в воскресенье утром позвонил и сказал, что живет очень далеко от моего дома. И тут же спросил: «Где вы работаете? Собственно, меня интересует только район, так сказать, место возможной встречи». Я назвал. Он обрадовался: «Отлично. Я работаю в том же районе. Близ станции метро. Вы не возражаете — буду ждать вас завтра в девять часов утра у выхода из станции метро. Я ношу зеленую шляпу, хожу с палкой. Большое спасибо. Я ведь живу в Мытищах. Ехать специально за спиннингом хлопотно». Вот и вся история.

— Ясно. Опытный дядька. А где же вы его снова встретили?

Петр Максимович застенчиво улыбнулся.

— Это несколько интимная история. Но от вас у меня нет секретов... Недалеко от дома девушки, с которой меня связывает...

Петр Максимович запнулся, и майор поспешил на выручку:

— Крепкая дружба?

— Будем считать, что так. В общем, это даже не имеет в данном случае существенного значения. В субботу мы не успели договориться о воскресном дне. Звоню ей утром — никто не отвечает. Тогда я решился нагрянуть без звонка. Иду и еще издалека вижу, как из «Гастронома» выходит моя знакомая. Я ускорил шаг. Она уже вошла в парадное, а я только с «Гастрономом» поравнялся. И тут он из магазина...

— Поздоровались?

— Я поклонился, но он,— может быть, это мне показалось — отвернулся в сторону... Вероятно, не заметил.

— Давно это было?

— Нет, в минувшее воскресенье.

Майор мысленно зафиксировал: «На следующий день после встречи ученого с туристом».

— Каков он из себя, папа рыболова?

— Фигура этого папы весьма напоминает фигуру тяжелоатлета. Здоров, как бык! Крупное лицо, чуть приплюснутый нос.

Майор поблагодарил ученого и, уже прощаясь, спросил:

— Простите... Как зовут ту девушку...

— С которой, как вы заметили, меня связывает крепкая дружба? О ней речь? Наташа, Наталья Викторовна... Чудесный человек и очень хороший товарищ...

Птицын вернулся в кабинет и достал из сейфа папку, на которой крупно было выведено только одно слово: «Ландыш». В папке лежала фотография того самого «тяжелоатлета», о котором только что рассказывал ученый. На обороте фотографии стоял большой вопросительный знак. Майор долго рассматривал снимок и мысленно продолжал диалог: «Он или не он? А если он, то как его найти? Эх, «Ландыш», «Ландыш» ты наш дорогой! Даже фотопленку умудрилась прислать. Теперь дело за нами... А может, еще одно твое усилие, «Ландыш»,— и мы узнаем его».

Продолжение следует.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30, 31.

ОПЕРАЦИЯ «СПИННИНГ»

...Сорок третий год. Западная Белоруссия. Где-то совсем близко советские войска. Скоро они придут и в эту деревню. Но не дождалась их Катерина. Ждала свободы, а свалилось горе. Под конвоем их пригнали на станцию, всех тех девчат и парней, что остались в живых. Подали состав из двухосных вагонов с зарешеченными окнами и надписями на дверях: «Мы добровольно едем в Германию». Молча стояли угрюмые немецкие солдаты, держа на поводке огромных овчарок с налитыми кровью глазами.

Ее никто не провожал. Отец погиб на фронте еще в сорок первом. Мать до смерти избили гитлеровцы, когда узнали, что Катин брат ушел к партизанам. Катерину взяли к себе добрые люди. Вначале прятали, а потом, когда стало полегче, пристроили стирать белье офицерам. И вот новая беда: всю молодежь в Германию отправляют.

В рабочих лагерях она подружилась с антифашистом Питом. Сперва это была только дружба молодых, которых сблизила неукротимая жажда мести за кровь, за побои, за пытки. А потом пришла любовь, которая во сто крат умножает гаснущие силы. И, может, любовь эта помогла им вынести все, что пало на их плечи в неволе. Из лагерей их отправили в услужение к немцу-кулаку, в деревню, что где-то над Рейном. В первые дни им обоим это показалось сущим раем. А потом рай обернулся кромешным адом: побои, издевки, глумления, работа с рассвета до темноты — в поле, хлеву, на огороде, кухне. Хозяин, не стыдясь детей и супруги, приставал к Кате, за что, правда, был бит дважды: женой в открытую и Питом тайно, ночью. Для влюбленных вся эта история обернулась наихудшим образом. Пита нещадно колотил хозяин, Катю — хозяйка...

Но вот уже война хлестнула и по немецкой земле. Молодые с надеждой смотрели на Восток: скоро ли она придет, долгожданная свобода?

Однако первыми в деревне появились американцы. Это случилось в тот майский день, когда мир узнал о капитуляции фашистской Германии.

Конец войны, можно возвращаться по домам. Месяц пролетел, будто один день. Наконец комендант объявил Питу, что через несколько дней он получит пропуск. Куда? К родителям.

— А можно и к родителям и туда? — И Пит показал рукой на Восток.— Моя жена Катерина оттуда, из России... Мы сперва заедем к моим родным. Это недалеко. А потом и ней, в Россию... Хорошо? Можно? Когда прикажете получать пропуска, господин комендант?

Американец неопределенно ответил: «Да, будут пропуска». Прошел еще месяц, а пропусков не давали. Наконец их позвали в комендатуру. За столом рядом с американцем сидел белобрысый толстяк в щеголеватом штатском костюме.

— Это ваш земляк, мисс Катерина,— галантно раскланялся американец.— Знакомьтесь, мистер...

«Мистер», не дожидаясь, пока назовут его фамилию, бросился обнимать Катерину и даже прослезился.

— Да, много горя, доченька, хлебнул наш народ. Ой, как лютовал враг на родной земле! И так ноет сердце, так тянет до белорусских лесов! Но вот беда какая — теперь там лютует энкавэдэ. Читай, доченька, читай и думай.

И белобрысый толстяк протянул ей газету «Батьковщина» на белорусском языке. Тогда она не знала, что этот грязный антисоветский листок начал издаваться в Западной Германии на американские деньги. Через всю первую полосу заголовок: «Террор большевиков в Белоруссии». «Колыма, лагеря, пытки — вот что ждет дома белорусов, находившихся в плену у немцев».

— Но я же не виновата в том, что меня насильно угнали...

— Наивная ты, доченька. Ну кто станет разбираться... Послушай, Пит, женщины никогда не отличались обилием мозгового вещества. Возьми эти газеты, пусть она тебе почитает их. И потом на семейном совете решите. Я же вам добра хочу... Посмотрите рассказы очевидцев, и, как мужчина, сам реши, куда вам лучше всего податься. Только смотри, парень, потом не пожалей...

И Пит решил за обоих:

— Поедем лучше, Катерина, к моим старикам. Поживем — увидим. Время покажет... Ты не грусти. Отец у меня тоже был антифашист. Не знаю, остался ли в живых... О русских он всегда говорил уважительно.

Когда окончательно отпал Катин вариант — ехать вместе в Белоруссию, молодых стали уговаривать в комендатуре подписать контракт с американцами, вербовавшими рабочую силу за океан. И снова появился белобрысый толстяк с газетенкой «Батьковщина». Он совал все тот же грязный листок, на котором рядом с рассказами «очевидцев» об «ужасах террора красных» публиковались «свидетельства счастливчиков», уехавших за океан. Что делать, кому верить? Катя уже заколебалась было, но Пит настоял на своем.

— Нет, Катюша. Мы с тобой не поедем за океан. Мы — к моим старикам... Живут они, правда, бедно да тесно. Но что поделаешь — все-таки отчий дом.

И они отправились туда, где до войны жили родители Пита.

Шли годы. В доме Пита девушку из Белоруссии приняли, как родную дочь. Пришлась она им по душе — красивая, ласковая, работящая, хорошая жена и мать: сына родила и назвала в честь погибшего деда — Петром. Подрос сынок, пошла работать. На фабрику. Ткачихой. Специальность получила. Радовалась. Но недолго. Началась безработица, и ее первой выкинули за ворота: жена неблагонадежного Пита, члена общества дружбы с СССР. Она долго ходила без дела — всюду отказывали.

Однажды Катя познакомилась с русской женщиной Валей — Виолеттой,— так она отрекомендовалась. Разные дороги привели их в чужой город. Катю — любовь к Питу, а эту — предательство. У себя в родном городе она служила у оккупантов в гестапо и вместе со своим любовником-эсэсовцем удрала в Германию. Там он ее бросил, и вот уже который год женщина без родины считается по Европе, по дешевке предлагая свои услуги всякому антисоветскому сброду. Виолетта пообещала свести Катю с человеком, тоже русским, у которого здесь большие связи и который вхож в богатые дома: «Он обязательно тебя пристроит».

Знакомство состоялось буквально через день, в маленьком кафе. Сухощавый, лысый, с усиками, с мышиными глазами, нагловатый хлыщ

назвал себя Сержем, хотя лет ему было уже под пятьдесят. Он с иронической улыбкой с ног до головы осмотрел Катю, словно раздевая ее догола. Серж ни о чем не спрашивал ее. Молча выпил рюмку коньяку и чашку кофе. Закинул ногу на ногу, скользнул взглядом холодных, настороженных глаз и, цедя каждое слово, сказал:

— Вы хотите из меня сделать великого гуманиста, мадам Виолетта.— И он кивнул в сторону Кати.— Ну что же... Попробуем. Она будет определена горничной в очень богатый дом ученого...

И Серж назвал фамилию немца с весьма подозрительным прошлым, немца, который лишь каким-то чудом уцелел от суда над военными преступниками. Катя читала об этом ученом в газете.

Серж даже не спрашивал у нее, согласна ли она. В условиях безработицы, настороженного отношения к русским вообще, да еще к тому же женщине, причастной к весьма неблагонадежной семье, предложение Сержа следует считать за великое благодеяние.

— Вам повезло. Вы встретили Виолетту и меня, человека, рожденного делать людям добро. Запомните день, когда вы меня увидели. Возможно, что со временем я предоставлю вам возможность отблагодарить...

Когда она рассказала обо всем Питу, тот пришел в неописуемую ярость. Пит никогда не ругал Катю. И, кажется, впервые в сердцах сказал ей: «Ну и дура же ты!» Старики тоже что-то бурчали неодобрительно: горничной, да еще в такой дом, и фашистскому ублюдку! Катя проплакала всю ночь. Как же так, неужели они не могут понять? Не от хорошей жизни идет она в горничные. Работы нигде не найти, дома едва концы с концами сводят...

Дом ученого был действительно богатым. Здесь часто собирались гости: немцы, американцы, итальянцы... Гостей, как правило, принимали молодые хозяева — Карл и Джемми, брат и сестра. Старики рано отправлялись на свою половину и как-то чурались этого пестрого и шумного общества. А вот Карл и Джемми... О, эти были неутомимы! Сами куда-то исчезали на несколько дней и возвращались с компанией, которая иногда жила в доме целую неделю. Когда Карл успевал заниматься наукой, это оставалось для Кати загадкой. Было еще одно обстоятельство, которое привлекало внимание горничной: Карл и Джемми сравнительно хорошо говорили по-русски. Правда, с ней они разговаривали только по-немецки, иногда переходили на английский. Катя стала чуть ли не полиглотом...

Подавая кофе американским гостям, горничная как-то уловила несколько фраз. Карла называли крупным специалистом по русским делам. Речь шла о неизвестных людях в Москве.

Когда она рассказала обо всем этом Питу, он насторожился:

— Здесь что-то нечисто... И этот Серж твой, «великий гуманист», и Карл, «специалист по русским делам»,— одна компания. Держи ухо востро...

Однажды поздно вечером Катя услышала, как брат наставлял сестру — он был под хмельком и в таких случаях говорил очень громко. Смысл братских советов сводился к немудрой заповеди: там, где бессильны деньги, где нельзя купить нужного тебе человека, им может завладеть красивая женщина. Красивая женщина — это Джемми, человек, которым она должна завладеть,— какой-то актер, приехавший на гастроли с группой советских деятелей искусств...

На следующий же день Катя решила дать знать об услышанном разговоре кому-нибудь из находящихся в городе советских гостей. Но потом одумалась: а если Карл узнает? Сперва на смех поднимет ее, а потом вышвырнет из дому, как собачонку. Нет, тут требуется осторожность, надо все взвесить.

После долгих, мучительных раздумий Катя и Пит решили, что действовать надо совсем иным путем. Нужно войти в доверие к молодым хозяевам. Вначале Пит требовал другого — уйти из этого страшного дома. И делу конец. И тогда Катя, можно сказать, выплеснула ему все, что наболело у нее, все, что накипело в ее душе за годы разлуки с отчим домом. Теперь она знает: только любовь к Питу могла заставить ее в те летние дни 1945 года отказаться от возвращения домой. Она уже давно поняла, что была тогда жестоко обманута. Однако что делать, Катя любит Пита, любит сына, и дом Пита стал ее домом. Но Родина — она там, на Востоке...

— Пит, ты должен меня понять, ты же умный и добрый... Если уж судьба забросила меня сюда, то надо хоть какую ни на есть малюсенькую пользу принести своему советскому дому...

Она расплакалась, и Пит долго не мог ее успокоить. В ту ночь было решено: с волками жить — по-волчьи выть, а там видно будет.

Позже, когда Катя будет рассказывать обо всем этом чекисту, он воскликнет: «У вас железная логика разведчика. Откуда только она у вас появилась?.. Прорезалась, как зуб мудрости».

Задача № 1 — добиться разрешения поехать в СССР. Хотя бы на месяц, чтобы повидать родных. Хозяев, пожалуй, она уговорит,— может, их даже устроит такая поездка. Теперь Катя не сомневалась в том, что Серж неспроста определил ее в дом Карла и Джемми. Видимо, у специалиста по «русскому вопросу» есть дальний прицел, свои виды на женщину из России. Сложнее другое — получит ли визу? Семья Пита — это хорошо. А Карл, Серж, Виолетта? Плохая рекомендация для поездки в СССР. А ей до зарезу надо повидать брата, бывшего партизана. И лихорадочно пульсирующая мысль ведет ее по цепочке звеньев — от одного к другому.

И логика начинающего разведчика подсказывает: повременим с задуманным планом, сторонись пока и Сержа и Виолетты и не иди на сближение с Карлом. Сперва получи разрешение на поездку в СССР.

Позже, в Москве (по просьбе Кати ее вызвали туда из маленького западнобелорусского городка, где она встретилась с братом, тетками и двоюродными сестрами), сотрудник органов госбезопасности, слушая ее, скажет: «Молодцом! Все правильно решила. Все верно по своим местам расставила. И визу получила. Не растерялась. А обстановка-то была ведь очень сложная. Тебе же это понятно?» Да, ей все понятно...

Кате после возвращения из СССР не стоило большого труда завоевать полное доверие хозяев. Проявился ли тут неожиданно открывшийся в ней талант, или попросту Карл с Сержем оказались людьми недальновидными, сказать трудно. Большое впечатление произвела на хозяев хорошо разработанная легенда об ужасах бытия в городах и селах Белоруссии. Она намекнула, что есть среди ее советских друзей и такие, которых далеко не все устраивает в советском образе жизни.

В общем, рассказы Кати попали на благодатную почву, и после долгой проверки горничной Карл стал уже замышлять тайную переброску ее в СССР. Но это далекая перспектива. А пока она должна помогать им, будущим спасителям России, выполняя их особые задания. На первых порах задания эти были связаны главным образом с довольно частыми поездками различных советских делегаций, ученых, туристов и т. п. При этом она чувствовала, что ее все еще держат на определенной дистанции: круг «людей Карла» достаточно широк, но, кроме Сержа, она пока не знает никого. Тут действовали свои законы конспирации.

Ей стало известно, что нити от Карла тянутся к одному из иностранных посольств в Москве, что есть там, у некоторых сотрудников этого посольства, свои агенты, но кто они, через кого поддерживаются связи? Уравнение со многими неизвестными. Сумеет ли она решить его? Катя верила в свои силы. И каждый раз, когда «Ландышу» удавалось передать в Москву «Ромашке» информацию о всяких антисоветских каверзах, в ней от счастья и гордости все пело. «Значит, я чем-то могу помочь им...»

Помощь эта становилась год от года все более ощутимой.

Карл и Серж почему-то решили специализировать ее по «научной части». Нацеливали на советских ученых. В одном случае она должна была сделать провокационное предложение («Могу достать чертежи...»); в другом — попытаться соблазнить политическим убежищем («Поверьте, мы, русские, здесь отлично устроены. Я вас познакомлю с господином...»), а в третьем...

Этот третий вариант казался ей самым каверзным. Все разыгрывалось, как по нотам. Приглашается в гости Петр Максимович. Неожиданно в гостиную входит горничная, на которую хозяйка, разговаривая по-русски, обрушивает поток ругани. Джемми выходит из комнаты. Неужели гость не поинтересуется горничной, отлично владеющей русским языком? И о чем тогда пойдет у них разговор? Джемми стоит за дверью, а на камине портативный магнитофон. Ну, а если русский будет молчать? Тогда другой вариант идет в ход. Хозяйка, вернувшись в гостиную, невзначай роняет слова о бедной советской девушке, которую сюда забросила война. Перед отъездом ученого домой его встретит на улице Катя и будет умолять отвезти в Москву самый что ни на есть пустячный сувенир — спиннинг. Катя знает: в спиннинге шифровка.

Бог ты мой! Советский ученый с ее помощью оказывается связным, передает шифровки. А она не имеет права предупредить его. Что делать?

...Карл был весьма доволен своей горничной. Милая Катрин весьма точно разыграла операцию «Спиннинг» — прекрасный помощник! Немец уже получил подтверждение: шифровка попала по назначению, в руки резидента.

Если бы он знал, что «подтверждение» получила и его горничная! Телеграфировал «брат»: «Беспокоимся долгим молчанием». Значит, все в порядке, ее сигнал получен вовремя, шифровка перехвачена...

Продолжение следует.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—32.

НА НЕБОСКЛОНЕ ПОЯВИЛАСЬ ВЕНЕРА

Сегодня Птицын снова встретится с Петром Максимовичем. А пока надо стянуть в один узел все нити. Их уже достаточно, чтобы начинать анализировать, сопоставлять. Сообщения «Ландыша» и оперативных работников — богатая пища для размышления.

...В столице небольшого европейского капиталистического государства действует кем-то щедро оплачиваемый разведцентр. Не последнюю, видимо, роль в нем играет немец Карл, опытный разведчик, официально выступающий в роли физика. Эти хищники рыскали только в одном направлении — советская наука. Теперь их интересовал большой научный институт, где работает профессор Алексей Михайлович Круглов.

«Ландыш» — молодец: операция с шифровкой прошла блестяще. Чертовски сложным оказался ключ, но расшифровать все же удалось: «Любой ценой нужно раздобыть данные о последних работах профессора Круглова. Потребуйте от Венеры самых активных действий. У нее есть все возможности. Вероятно, буду ваших краях».

Кто это — Венера?

«Ландыш» сообщает, что у них свой человек в самом институте. Кто? Сейчас это — самое главное. Кто он?

Есть обстоятельства настораживающие: через несколько дней после беседы Птицына с Петром Максимовичем Карл покинул СССР досрочно, не пробыв даже всего туристского срока. И, что самое главное, он больше не встречался с Егоровым. Почему? Теперь он, вероятно, будет искать другой путь к институтским секретам. На кого надеются? Известно, что Карл, его разведцентр связаны с работником, представляющим в Москве крупное капиталистическое государство. Известно, что они встречались здесь.

Известно, известно... А вот два неизвестных так и остаются нераскрытыми... Резидент и кто-то в институте. Кто? Главное — найти резидента. Эх, «Ландыш», «Ландыш»!.. Правда, она прислала пленку со снимком, предупредив: «Есть основания полагать, что это резидент. Координаты попытаюсь раздобыть».

Появилась еще одна ниточка, и можно за нее уцепиться. Живет в Сибири ученый, Константин Петрович, на которого у Карла есть свои виды. Да еще какие! Замахнулся широко, а рука почему-то все еще не опустилась. В чем дело? Прошло уже много времени с того дня, когда вот здесь, в этом кабинете, майор выслушал тяжкую исповедь легкомысленного человека. Низко опустив голову, боясь взглянуть в лицо Птицыну, он долго и сбивчиво рассказывал, как сбился с пути.

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Жизнь его в небольшом южном городке сложилась с самого детства нескладно. Отец — электромонтер, мать — маникюрша. Отец приходил домой всегда пьяный, любил играть в карты, якшался с какими-то темными людьми. Ночью, протрезвев, в ярости начинал бить жену. Отец бросил их, уехал на Север зашибать деньгу. Мать умерла в тот день, когда сыну вручили аттестат зрелости,— это было летом 1940 года. Он остался один-одинешенек.

Костя пошел работать на завод. Руки у него были золотые — с детства приходилось мастерить. Дела шли преотличнейшим образом. Молодому слесарю дали уже пятый разряд. Жизнь складывалась удачно. И вдруг все рушится. Война!.. На следующий же день после начала войны он был отправлен на фронт, а через три месяца появился в родном городе — здесь уже хозяйничали оккупанты — в весьма непрезентабельном виде: изодранные, замасленные брюки, кургузый пиджачишко неопределенного цвета и какие-то чоботы на ногах...

От дома, где он жил, остались развалины. Побрел на окраину, где в тихом переулочке обитал Фомич, старик, когда-то посвящавший Костю в таинства слесарного искусства: «Может, там на первых порах отдам якорь». Старик ахнул, когда увидел Костю.

— Откуда ты, вояка?

— Из окружения, батя. Думал, что уже конец. А выполз. На брюхе, да выполз.

Фомич усмехнулся.

— Нет, сынок, это не то. Не туда выполз... Если бы к своим, другое дело. А ты от немцев — к немцам. Ладно, давай устраивайся. В тесноте, да не в обиде... Найдем для тебя и здесь подходящее дело. Фронт, он везде фронт...

Вначале парень не понял, о каком фронте речь. А потом сообразил что к чему. С месяц по-всякому Фомич проверял парня, пока решился наконец приобщить его к той горстке смельчаков, что по заданию горкома партии во главе с его секретарем действовала в городе.

Под Новый год, в тот день, когда подпольщики должны были подорвать немецкий склад, Костю схватили гестаповцы. Выдал его провокатор. Парня долго и тяжко пытали. Но ничего добиться не смогли. Костя сидел в камере-одиночке в тягостном ожидании еще более изощренных пыток, а может, и самого худшего. Впрочем, худшее ли это? Мелькнула и такая мысль: уж лучше конец всему.

Однажды ночью дверь камеры с грохотом распахнулась, и на пол был брошен окровавленный человек. Он пришел в себя лишь на рассвете и поведал Косте, что провалилась еще одна группа подпольщиков. Среди них и он, Михаил Пузанов (Костя где-то слышал о нем), и что провокатор действует вовсю — Михаил это понял на вчерашнем допросе.

— Все пропало, друг. Все... А последняя военная сводка? Срамота. Снова наши отступают. Нет, брат, никуда не денешься, никуда от немца не схоронишься. Может, откупимся от гестапо? Чего таить? Все равно найдут и твоих и моих корешков...

Костя взревел от ярости:

— Сволочь! Ты что предлагаешь, гадюка?!

Ночью те же люди, что подбрасывали Пузанова в камеру, увели его. А через ночь Костю снова потащили на допрос, снова били, снова требовали назвать фамилии, клички, явки. И в сотый раз Костя повторял: «Не знаю, никакого отношения к подпольной организации не имею».

— Что же, мы поможем тебе. Введите рыжего.

Ввели рыжеволосого Михаила Пузанова, а дальше все разыгрывалось по нотам. Пузанов клялся, что Костя сам предложил ему откупиться, выдав группу товарищей. Он, Пузанов, вначале сопротивлялся, а потом тоже согласился — «все равно погибать»... Костя молча смотрел на него — вначалу изумленно, потом негодующе, а затем уже с презрением...

— Чего же молчишь? Раздумал?— издевался Пузанов.— Ребят из твоей десятки уже взяли. Сейчас сюда приведут, а ты упираешься.

И действительно, привели трех молодых, отчаянно смелых ребят из Костиной десятки. Они уже были «обработаны по высшему классу» и еле стояли на ногах.

— Ну что, свиньи, молчать будете или говорить? Признаваться или комедию играть?

Они молчали. И тогда гестаповец стукнул кулаком по столу и, тыча Костю в грудь, заорал:

— Вот кто подтвердит... Он все про вас знает, все рассказал!

Костя завыл от бессильной ярости:

— Не верьте им! Не сдавайтесь!..

Он стоял подавленный, разбитый, уничтоженный, но несломленный. Все физические боли его мерили перед одной кровоточащей болью сердца: неужели поверят, неужели не поймут, что это подлая ловушка?

Арестованных увели, а его оставили. Допрос продолжался. Собственно, это уже был не допрос. Это была изощреннейшая охота за его, Костиной, совестью. Осада велась со всех сторон, и так, и эдак, и по-хорошему, с тысячью разных посулов, и с угрозами, зуботычинами.

— У тебя нет другого выхода. Чего ерепенишься?— орал Пузанов, вопил переводчик, неистовствовал гестаповец.

Но судьбе угодно было указать Косте другой выход. Когда его, избитого до полусмерти, везли в какой-то тыловой немецкий лагерь, поезд попал под бомбежку советских «П-2», и группе заключенных, среди которых оказался и Костя, удалось скрыться. Это было где-то на Украине. Местные жители спрятали их, пока могучий вал наступающих советских войск не докатился до тех мест. Теперь Костя снова вступил в ряды Советской Армии и вместе со своим саперным полком прошел до Берлина, заслужив два боевых ордена и звание лейтенанта. Но после демобилизации он не вернулся в родные края. Решил поселиться в сибирском городе, где жил его фронтовой друг. «Заедем, брат, ко мне домой. Места у нас хватит на всех. А там как бог даст...»

Так началась новая для него жизнь. Поступил на большой машиностроительный завод, стал учиться в вечернем вузе. После получения диплома был приглашен в научно-исследовательский институт, женился на сотруднице этого же института. В науке весьма преуспел: сравнительно быстро защитил кандидатскую, а звание доктора присвоили без защиты.

Жил он легко, весело, для всего находилось время: и гостей принять и в ресторане с друзьями посидеть.

РУБЕЦ НА ШЕЕ

Несколько недель назад профессора послали в заграничную командировку. Он хорошо владел немецким и несколько хуже английским. В столице небольшого западноевропейского государства Константин Петрович знакомился с работами коллег. В отличнейшем настроении профессор готовился к отъезду, когда грянул гром.

Ему во всех деталях запомнился тот июльский день: бульвар с многолетними липами, слитный шум города, зеленая скамейка на бульваре — он присел отдохнуть, собраться с мыслями перед последней встречей с коллегами. И вдруг к нему подходит немолодой человек, вежливо раскланивается и на чистом русском языке несколько жеманно приветствует его:

жа. Утром он поднялся в номер к профессору, застав его в состоянии весьма смущенном и подавленном. Серж говорил тихо и вкрадчиво.

— Вот здесь,— он показал на свой портфель,— магнитофонная лента и фотокадры. Так сказать, свидетели прошедшей ночи. Здесь,— он показал на карманчик пиджака,— счет ресторана на ваше имя. Это тоже прошедшая ночь. У вас, кажется, не хватило валюты на оплату счета? Пустяки, счет будет оплачен мною. О соответствующей расписке я позабочусь сам. А здесь,— он постучал пальцем по лбу,— сохранились некоторые любопытные сведения касательно еще одной ночи. В гестапо. Я, кажется, уже имел честь напомнить вам, что версия о Косте-провокаторе после той ночи весьма энергично пошла гулять по городу. Нет-нет, боже упаси, я ни на чем не настаиваю. Клевета? Возможно. Но ее надо как-то опровергнуть. А ведь есть свидетели. Кто? Ну хотя бы ваш покорный слуга.

— Вы не запугивайте меня. Я не из робкого десятка, я...— Профессор замахал руками, но нужных слов ни не нашел, ни они застряли у него в горле, и сам он весь затрясся, побледнел.

— Поменьше эмоций, господин профессор. Пока еще ничего страшного не произошло.

— К чему вы все это говорите? Что вы от меня хотите?

— Сущие пустяки. Поверьте слову русского человека. Мы расстанемся добрыми друзьями. Вот вам значок с видом Эйфелевой башни. Сохраните его, пожалуйста. Человек, который вам предъявит там, у вас дома, такой же значок, будет нуждаться в некоторых услугах... В самых мелких, ничего не значащих. Вы меня поняли, профессор? Не удивляйтесь, если этим человеком буду я.

А ЖИВ ЛИ Я?

...Прилетев в Москву, профессор несколько дней занимался отчетом по командировке, отчетом научным. Дела в какой-то мере отвлекали его от отчета перед собственной совестью, отвлекали от тяжких раздумий. Но ночью он не спал. Ворочался с боку на бок на широкой гостиничной постели. «Неужели так и останешься в ловушке, старик? Ловко они поймали тебя на крючок... Нет, не поймали... Черта лысого, пусть попробуют, мы еще поборемся. А как?..» И с этим безответным вопросом он оставался наедине с самим собой, до рассвета не сомкнув глаз. Иногда среди ночи профессор поднимался с постели и выходил на балкон, всматривался в безлюдные, притихшие улицы. Воздух очень медленно остывал после изнурительного дневного зноя, и от этого становилось нестерпимо душно. Профессор жадно глотал настоянный бензином воздух, и ему казалось, что удушье не от погоды, что душит его ни на минуту не утихающая, то щемящая, то ноющая боль сердца. В туманной летней ночи вся его трудная жизнь сейчас, в страхах и тревогах без конца и начала, проходила перед ним одной какой-то смутной, непонятной сценой. И перед мысленным взором ученого вставали то Пузанов, то гестаповец, то Серж, то Дженни. Он где-то, кажется, у Бёлля, прочел, что и живые бывают мертвыми, а мертвые живут. И профессор, временами впадая в то страшное состояние, когда человек чувствует холод могилы, сам себя спрашивал: «А жив ли я?»

...Решение созрело в канун того дня, когда он должен был улетать домой, в Сибирь. Профессор пошел на Кузнецкий мост, разыскал дом с вывеской «Приемная Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР» и попросил начальника приемной выслушать его.

Профессора попросили, если это не нарушает его планы, на день отложить вылет в Сибирь. С ним хочет побеседовать сотрудник, немного уже знакомый с господином Карлом. ...Майор Птицын внимательно слушает сибиряка, не задает вопросов и не прерывает его. И только когда профессор, рассказывая о памятной ночи в гостинице, запнувшись и покраснев, обронил: «Противно даже вспоминать...» — Птицын не удержался:

— Можете не вспоминать.

Сибиряк встрепенулся, посмотрел на собеседника, а тот, все так же улыбаясь, мягко и несколько участливо сказал:

— Вы не расстраивайтесь. Самый главный и правильный шаг уже сделан. Это когда вы пришли в приемную. Человек вы... как бы это вам помягче сказать... в данном случае оказались недальновидным, что ли... Однако образумились вовремя, и это делает вам честь. Сейчас нечего губы кусать. Выпейте воды... Возьмите же себя в руки, будьте мужчиной. Нам о серьезных делах беседовать. Продолжайте, я вас слушаю.

Птицын слушает, а мысленно разговаривает с «Ландышем». «Нет, зря я сетую на тебя, «Ландыш». Молодцом!» Три дня назад от нее пришло важное и достаточно подробное сообщение: в сети Карла и Дженни попался какой-то ученый из Сибири, занимающийся примерно теми же проблемами, что и Круглов. Карл хвалил Дженни и Сержа-шантажиста за отличное выполнение задания и называл профессора Константином Петровичем.

...Прошло уже много времени с тех пор, как профессор улетел домой, в Сибирь. А судя по данным сибирских товарищей, никто еще пока не выходил на связь с Константином Петровичем. Неужели забыли о нем, оставили в покое? Нет, так не бывает. Еще побеспокоят. Тогда, вероятно, и резидент объявится. И Птицын еще и еще раз перечитывает сообщение «Ландыша», запись «исповеди» Константина Петровича, читает, думает, анализирует.

...Бывают же такие совпадения: размышления майора прервал лейтенант.

— Только что получена телеграмма от сибиряков: профессор выехал в Москву.

У Птицына сразу поднялось настроение. Однако пора собираться: через двадцать минут встреча с Петром Максимовичем.

Егоров не мог ничего нового рассказать Птицыну. Как и следовало ожидать, Карл от второй встречи уклонился. Позвонил по телефону, поблагодарил за гостеприимство, произнес несколько восторженных тирад о Москве и на прощание сказал: «А что касается статьи для журнала, то пока надобность в ней отпала. Надеюсь, это вас не огорчает?»

— И что же вы ответили ему?

— Всегда к вашим услугам.

— Петр Максимович, нам еще, возможно, придется встретиться с вами. Не возражаете? Ну и отлично. Будьте здоровы.

— Насколько я понимаю, надо держать в секрете свои переговоры с иностранцем.

Птицын на какое-то мгновение призадумался.

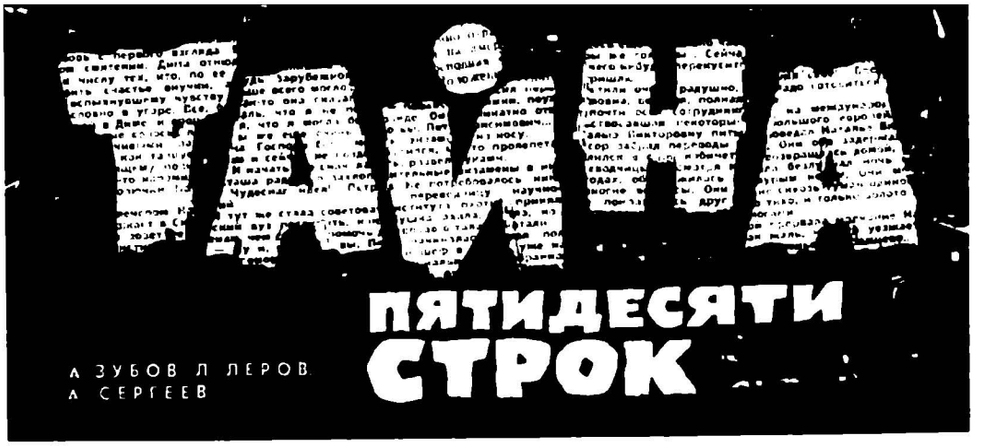
— Конечно, пока... Да, чуть было не забыл... К вам в институт приехал из Сибири на консультацию профессор, Константин Петрович. Вы его хорошо знаете?

— Не совсем хорошо.

— Долго он пробудет у вас?

— Это зависит от шефа. Он связан с ним непосредственно.

Окончание следует.



«САША ПЛЮС МАША...»

— Присаживайтесь, рассказывайте. Какими ветрами в Москву принесло? Потревожили?

Они сидят друг против друга, уже хорошо знакомые теперь люди. Профессор держится легко, несколько даже непринужденно. В тот день, когда он выплеснул все накипевшее, наболевшее, породившее кошмары, страхи, тревоги, перед ним раскрылось все лучшее, чем богато человеческое сердце. Невозможное, страшное, угрожающее стало простым и удивительно ясным. Да, опростоволосился! Но удержался от шага, за которым начиналась пропасть. А вскоре пришло еще одно облегчение — развеялся гестаповский кошмар, рухнула клеветническая легенда. Однажды его вызвали в местный орган Комитета госбезопасности и сообщили, что из Москвы получена весьма приятная для него весть. Сравнительно недавно на юге России был арестован гестаповский холуй Михаил Пузанов, который на следствии, между прочим, показал, как он пытался спровоцировать на предательство молодого парня по имени Костя, как по указанию гестаповцев пустил в городе слух, будто этот Костя выдал фашистам своих сообщников по подполью. Вот и все, конец легенде! Но это потом, а пока...

Пока он подробно рассказывает, как все было.

— Почти год прошел. Никто не тревожил меня. И вдруг заявился «гость». Это случилось недели две назад, в воскресенье. Я возвращался с охоты. Иду лесной опушкой, и на самом повороте шоссе меня кто-то сзади тихо окликнул. Я обернулся. Человек протягивает мне значок с видом Эйфелевой башни: «Это не вы обронили?» Протягивает и улыбается. А я едва на ногах стою. Кровь хлынула к лицу: «Значит, все-таки вспомнили!» Спрашиваю: «Кто вы такой?» «Вам это не надо знать. Завтра меня уже не будет в этом городе. Слушайте и не возражайте: под любым предлогом вам надо приехать в Москву. Не дадут командировку, сошлитесь на болезнь близкого человека. Вот вам деньги на поездку. Если через две недели не приедете в Москву, пеняйте на себя». «Я не могу сейчас уехать. Меня не пошлют в Москву...» «Возьмите отпуск за свой счет. Выдумайте подходящий предлог. Когда приедете, сразу дадите знать: на внутренней стене будки-автомата в вестибюле кино «Ленинград» напишете: «Саша плюс Маша — любовь». Не вздумайте вилять. Вас найдут».

Слушаю я эту директиву, а самому, честно говоря, так не хочется ехать, так не хочется встречаться с этой гадиной. Схватил бы сейчас вот этого... Но понимаю: нельзя. Помню ваши советы. Вернулся домой и думаю — честно, как на духу, говорю вам: «Эх, задержал бы меня директор, не пустив бы!» И вдруг, представьте, прихожу утром в институт, а мне директор говорит: «Срочно вылезайте в Москву. Звонил Алексей Михайлович, соглашается консультировать вас». Я аж обомлел.

Профессор повез на консультацию Круглова проект новой схемы управления сложной установкой, работающей на том же принципе, что и установка, известная в узком кругу ученых как «эффект К». Настроение приподнятое. Дела в институте идут отлично. Вот если бы только не предстоящая встреча.

— Волнуюсь, не знаю, смогу ли разыграть все так, как требуется. Я ведь человек не очень способный по этой части. Не подвести бы вас.

— Нет, нет, вы не то говорите. Раз надо, значит, сумеете. Думаю, что на связь с вами кто-то выйдет. И очень скоро. Вы уже оттелились в будке телефонного автомата? Нет еще? Напрасно. Я бы на месте резидента отчитал вас за такую недисциплинированность. Сегодня же отвечайтесь. Помните: «Саша плюс Маша...» После встречи с резидентом на следующий же день звоните мне. А увидимся мы с вами уже не здесь. Я вам скажу где...

Резидент не заставил долго ждать себя. Кто сообщил ему, что он, Константин Петрович, сегодня в «Эрмитаже» слушает какую-то южноамериканскую звезду, сие для профессора осталось загадкой. Но при выходе из театра, в саду, к нему подошел высокий, широкоплечий, атлетического телосложения дядя с несколько приплюснутым носом и так же, как там, в сибирском лесу, протянул значок с видом Эйфелевой башни: «Это не вы обронили?..»

Профессор, уже давно подготовленный к такой встрече, тем не менее вздрогнул, испуганно шарахнулся в сторону и даже задал какой-то глупый вопрос:

— Кто вам сказал, что я сегодня в «Эрмитаже»?

— Не ставьте дурацких вопросов. Это я должен вас спросить: почему вы опоздали с подачей сигнала? Будем считать инцидент исчерпанным. Отнесем на счет рассеянности ученого и займемся делами. Их у меня два. Первое — меня просили передать вам этот небольшой сувенир. Красочный альбом... В память о той ночи — фотографии, запечатлевшие вас не в лучшем виде. Извольте — получайте.— Он было протянул альбом, а потом резко отдернул руку.— Простите. Послушайте раньше еще об одном деле. Они, эти дела, близнецы, двойняшки, и один без другого жить не могут...

Атлет хихикнул, довольный своей остротой.

— Теперь слушайте внимательно. Вы в курсе намеченных профессором Кругловым экспериментов. Нам известна проблема и еще кое-что. А нам нужны точные данные о последних его исследованиях. Плюс такие же точные сведения о работах вашего сибирского института, которые, надеюсь, вы не откажетесь сообщить нам... Через три дня мы встретимся у остановки троллейбуса номер три на улице Чехова, возле Пушкинской площади. В девятнадцать ноль-ноль.

Птицын слушает профессора, а в голове уже складывается очередное уравнение с неизвестными. О, их, к сожалению, еще многовато. «Кое-что» им уже известно, просят точные данные. А кто же поставляет это «кое-что»? Не тот ли, кто сообщил резиденту, что профессор пошел в сад «Эрмитаж»?! «Кое-что»?

Птицын задумался. Он сам был в свое время причастен к науке. И хорошо знал цену этого «кое-что». Птицыну, когда он был аспирантом на кафедре радиоэлектроники, профессор частенько говорил: «У вас дар исследователя, аналитический ум. Это очень важно для ученого».

Птицын вспомнил своего учителя и улыбнулся. Что поделаешь? Его «дар исследователя и аналитический ум» были по достоинству оценены людьми, работавшими совсем в другой области... Вначале не очень-то было по душе. Смирился лишь постольку, поскольку партия приказала,— шла мобилизация на работу в органы госбезопасности. Но потом вошел во вкус. Дар исследователя, оказывается, и здесь требуется не меньше, чем в радиоэлектронике...

Итак, что же получается?..

Он достал из папки запись бесед с Петром Максимовичем. Вновь и вновь перечитывал строки, уже давно привлекшие его внимание: Егоров вторично встретил человека, приходившего к нему за спиннингом... Неужели это случайность — из магазина вышла она, близкий друг Петра Максимовича, а через несколько минут вслед за ней — он, Атлет... Резидент... Если это не случайность, тогда...

— Вот что, Константин Петрович. При встрече с Атлетом скажите ему, что последние данные о работе института Круглова вы можете получить от самого Круглова, вашего доброго знакомого, но что вам при беседах с шефом очень мешает его ближайший помощник Егоров: при нем профессор менее откровенен, более сдержан...

— Что же от меня требуется? Скажу я ему это... А дальше...

— Спокойствие и выдержка. Атлет должен вам верить во всем. Скажите ему, что в четверг вы задержитесь подольше с Кругловым... Конечно, если вам не помешает Петр Максимович... Желаю успеха...

ОНИ ПЛЫЛИ РЯДОМ

В пятницу с утра Птицын позвонил Петру Максимовичу и условился о встрече.

...Все стало на свои места. Да, это она, девушка, к которой Егоров спешил в памятное воскресное утро, та самая девушка, что вышла тогда из «Гастронома» на две минуты раньше резидента. В четверг она точно выполняла задание: как Егоров ни сопротивлялся («Пойми ты, Наташа, мне надо завтра шефу докладывать. Сегодня я никак не могу уйти пораньше»), она все же увела его в театр («Пусть это будет моим капризом. Я ведь не так часто капризничаю. Не правда ли?»).

Теперь Птицын вынужден сказать Егорову всю правду. А это нелегко. Петра Максимовича уже, видимо, терзают тяжелые предчувствия. Но иначе нельзя. Он должен все знать. Так требует план операции.

...Они гуляли по набережной — это любимое место их прогулок: здесь, собственно, все и началось у них. Первое пожатие руки, первое объяснение в ту безумную ночь.

А сейчас он смотрит на нее глазами, перед которыми открылся весь ужас свершившегося. Он думает о том, хватит ли у него сил выдержать и не выдать себя. Должен, обязан выдержать, не имеешь права выдавать себя — это ничтожно малая расплата за все... За что? В чем т в о я вина, Петр?

— О чем ты думаешь, Петя? Ты меня не слушаешь...

— Прости, пожалуйста, Наташа, я действительно задумался. Меня все же тревожит визит иностранца и его предложение насчет статьи. И потом неожиданный отбой...

— Меня тоже что-то тревожит... После визита этого джентльмена... Петя, вспомни, ты за рюмкой водки не сболтнул ли чего-нибудь лишнего?— испуганно спросила она.

— Успокойся, Наташа. Ты ведь знаешь, какой я пьяница... Я, конечно, ответил на некоторые его вопросы...

И Петр Максимович вслух стал вспоминать вопросы, которые ему задавал Карл, и свои ответы.

— А по-моему, Петя, ты был слишком откровенен с ним...

— Ты не волнуйся за меня. Главное в нашем открытии совсем не то, что я ему рассказал. Ведь мы нашли...— И он долго говорил о последних исследованиях института. Однако Наташа не слушала его и довольно откровенно позевывала.

Майор как в воду глядел: «Ни одного вопроса она не задаст вам»,— вспомнил Петр Максимович.

— Прости меня, пожалуйста, Наташенька... Для тебя это, конечно, скучная материя, а для меня — вся жизнь...

Был жаркий субботний вечер. Они зашли на «поплавок» поужинать. Наташа была очень весела, ласкова.

— Мне всегда недостает тебя, Петя... Знаешь, поедем завтра в Химки, искупаемся, пообедаем...

На следующий день сразу после работы Наташа поехала в Химки. Петр Максимович задержался в институте, и они условились встре-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 30—32, 34.

титься в семь часов вечера у входа в речной вокзал и вместе пообедать.

...Она уплыла далеко. Рядом с ней неожиданно появился мужчина. Кругом — ни души. Какую-то минуту плыли молча, бок о бок. Достав из-под купальника спрятанный на груди непромокаемый мешочек, она протянула его пловцу.

— Тут последние данные. Я их записала со слов Егорова.

— Хорошо. Изучим, решим, что дальше делать. Инструкцию и вознаграждение получите через тайник номер два.

И они поплыли в разные стороны.

В семь вечера Петр Максимович ждал ее у подъезда речного вокзала.

За ужином Наташа говорила Петру ласковые слова, которые его уже не согревали. Но он помнил, что ему надо улыбаться... И он улыбался...

«ДЕЙСТВУЙТЕ БЫСТРЕЕ ТЕМ ЖЕ СПОСОБОМ»

Переводчица была арестована через десять дней после того, как в Москву пришел журнал с сенсационной пятидесятистрочной заметкой. В этот же день в момент свидания с сибирским профессором был арестован и Атлет. Он оказался ягодной того же поля, что и Серж. Для окружающих — он плановик одного из московских учреждений.

Их обоих могли арестовать сразу же, в Химках, где Атлет принял от переводчицы мешочек с «сенсационной информацией» на 50 строк — момент этот был зафиксирован должным образом. Но сотрудники органов госбезопасности решили подождать несколько дней («Посмотрим, как будут развиваться события»).

Все эти десять дней они, что называется, не спускали глаз с Венеры и Атлета. Венера снова вышла на связь с Атлетом. Была перехвачена шифровка в их тайнике: «Требуем новых данных о работах профессора. В полученной информации оказались неточности. Нужны уточнения. Используйте благоприятную ситуацию: после публикации в зарубежном журнале секретность темы ослабнет. Действуйте быстрее тем же способом».

И она продолжала действовать. Шел уже девятый день после прихода журнала в институт. Именно в этот день утром из тайника была изъята шифровка Венеры с какой-то формулой и схемой.

Все! Рисковать дальше нельзя. Надо просить у прокурора санкцию на арест Венеры и Атлета.

КАК ЭТО БЫЛО

Она не отпиралась и поведала печальную историю своего падения.

Это случилось во время практики. Наташе в «Интуристе» поручили работать с иностранным гостем-ученым. Она должна помочь ему познакомиться с нашей страной, услуги ее могут потребоваться и днем и вечером: в научном институте, и в театре, во время прогулки по городу или на встрече с советскими коллегами за ужином.

Наташа с волнением приступила к новому для нее делу и быстро освоилась с ним. Ей понравился необычный для нее образ жизни — машины, приемы, театры. И еще одно немаловажное обстоятельство: иностранец был сравнительно молод, обаятелен и очень внимателен к ней.

Нет, она не поедет к Димке в тайгу. К чему, зачем? «С милым рай и в шалаше» — это выдумка неудачливых девиц. Теперь она это уже твердо решила и даже написала Димке: «Не сердись, кактус! Ты должен понять меня».

Однажды в холле гостиницы студентка встретила сотрудницу «Интуриста», помогавшую практикантам. «Рада сообщить вам, ваш подшефный весьма доволен своим гидом».

Тогда Наталя еще не догадывалась, что у ученого были серьезные для этого основания: его вполне устраивала болтливая, веселенькая, падкая на комплименты и сувениры девушка. Тогда она еще не догадывалась, почему так участливо иностранец расспрашивал ее о погибшем отце, о матери, бабушке, дяде. У девушки учащенно билось сердце, когда гость, будто невзначай, задерживал ее тоненькие пальчики в своей большой руке...

Однажды он познакомил гида со своим другом юности («Мы вместе учились в колледже»), работником посольства. Они втроем несколько раз были в Большом театре, ездили в Загорск, в Лавру. И в тот прощальный вечер, когда ученый собирался улетать домой, когда он горячо благодарил свою переводчицу (не только словом, но и прекрасным сувениром), сотрудник посольства тоже был тут, вместе с ним. Ученый дружески похлопывал его по плечу.

— Я прошу тебя, мой друг, не оставлять без внимания мисс Наталя. Она заслуживает этого.— И он галантно поцеловал ей ручку.— Вспоминайте меня, когда будете вместе... Я даже разрешаю вам когда-нибудь выпить за мое здоровье... Но ни шагу дальше...— И ученый весело хохотал, обнимая своего друга.

И Наталя смеялась. А ученый продолжал:

— Мисс Наталя, я вас тоже прошу не забывать моего друга. Он пишет книгу о русской науке, и, может быть, ему потребуются какие-нибудь справки, или официальные справочники, или устная консультация. Если это вас не очень обременит, помогите ему. Я заранее благодарю вас.

«Друг» дал о себе знать через неделю после отъезда ученого: позвонил Наташе домой и пригласил ее в ресторан.

— Я хотел бы воспользоваться вашим любезным согласием помочь мне... Вы как-то говорили, что читали о последних открытиях советских пушкинистов. Мне хотелось бы побеседовать с вами на эту тему...

Они пили кофе по-турецки и французский коньяк. Говорили о русском балете и венском айс-ревю. Ну, конечно, и о пушкинистах. Дипломата очень заинтересовал тот факт, что какие-то потомки Пушкина оказались в родстве с английской королевой.

Они встретились раз, другой, третий. Как всегда, Наташа без умолку щебетала о маме, бабушке, дяде, институте, рассказывала о студенческих вечерах, на которые приезжают ребята из МГУ и МВТУ, о парне из МВТУ, который зачастил к ним на вечера и танцует только с нею. Так разговор зашел об МВТУ.

— Я хочу рассказать об этом великолепном институте в своей книге. И был бы очень признателен вам, если бы вы разузнали для меня некоторые детали обучения в нем. Вы, кажется, говорили, что ваш поклонник учится там? Или я ослышался?..

Даже не очень сметливый человек, услышав такую просьбу иностранного дипломата, должен был насторожиться. Но девушка выполнила и эту просьбу: поклонник ее оказался парнем весьма болтливым.

Наташа охотно встречалась с сотрудником посольства. Бывала у него дома. Иногда у нее появлялась потребность в диалоге с собственной персоной. «К чему это тебе?» «Ну просто так... Приятно время провести. К тому же это прекрасная разговорная практика». В ходе «практики» Наталя с удивлением обнаружила, что сотруднику посольства хорошо известно имя ее дяди. Поначалу это несколько озадачило переводчицу. Но ненадолго. Посыпались комплименты. И в ее адрес и в адрес дяди: «Блестящий ученый, острый ум, смелый экспериментатор...» Наташа прервала собеседника и сама стала рассказывать об исследованиях Федора Степановича все, что запомнилось из его рассказов,— старика иногда одолевала словоохотливость. Иностранец рассеянно слушал и незаметно переводил разговор на какую-то другую тему, хотя и исследованиям дядюшки, словно невзначай, они возвращались несколько раз...

И вот наконец... В тот вечер он ее встретил у себя дома с подчеркнутой галантностью. Когда они сели за стол, он достал из кармана коробочку, раскрыл ее, и на красном бархате ослепительно блеснуло золотое кольцо с бриллиантом.

— Мисс Наталя, я буду с вами откровенен. Вы сообщили мне сведения, очень ценные для нашего правительства. Я хотел бы от его имени отблагодарить вас...

Она растерялась, засуетилась, стала отталкивать протянутую коробочку, вскочила с места...

— Я не понимаю, о чем вы говорите?

Он стоял перед ней, этот сухопарый, с виду еще молодой человек в щегольватом костюме, с матово поблескивающими, гладко прилизанными волосами и нагло рассматривал ее красивое лицо.

— О, не надо так... Я мог бы сейчас включить магнитофон и предоставить вам возможность выслушать, например, ваш рассказ о работах дяди... Или об МВТУ... Передавая вам этот скромный подарок, я хотел бы попросить вас помочь мне узнать некоторые дополнительные данные, касающиеся дядюшкиной лаборатории. Поверьте, это важно для всемирного прогресса. Наука не может замыкаться в рамках одной страны.

Она, как затравленный зверек, металась по комнате.

— Как вы смеете!.. Вы хотите, чтобы я занялась...

Он подошел к ней и мягко прикрыл ее рот своей большой ладонью.

— Не надо, не надо так говорить, мисс! К чему такие слова? Вы умная девушка. И мы всегда найдем с вами общий язык. Это случается, когда стоит дилемма: или пойти с повинной в Комитет государственной безопасности, или... Не будем больше говорить об этом... Я хочу выпить за здоровье очаровательной мисс Наталя.

Терзания легкомысленной девушки длились недолго. У Наташи не хватило воли пойти с повинной.

— Ваша главная задача,— наставлял иностранец,— отлично учиться, чтобы заслужить право на интересную работу после окончания института. Что я считаю интересной работой? Переводчица большого научного института... Для начала... А в будущем? О, у вас прекрасное будущее, вы должны стать и переводчицей и ученой. Да, да. Вы одаренная девушка, вы будете работать и учиться в институте. Ваш дядя позаботится об этом. Вы пойдете в науку... Вам ясно?..

С того дня Натали перестала быть «Натали» — она теперь «источник информации». У нее есть строгий хозяин, который перестал быть галантным мужчиной,— он приказывает, требует. Они не должны больше встречаться. И вообще ей следует держаться подальше от иностранцев, поближе к советским ученым.

— Ваша главная задача: постарайтесь попасть в отдел Алексея Михайловича... Старик нас очень интересует... Меня вы, возможно, больше никогда не увидите. Связь со мной будете поддерживать через человека, который сам найдет вас в удобном ему месте. Пароль: «Где тут ближайшая булочная?» Вы ответите: «Сейчас я вам покажу». Запомнили? Дальше будете действовать по приказу этого человека. Если вы мне потребуетесь лично, я вас сам найду. Если вы когда-нибудь встретите меня, то не вздумайте по собственной инициативе подойти ко мне.

И он посмотрел на нее своими серыми прищуренными глазами, пренебрежительно скривив губы.

«Человек» дал о себе знать только через полгода. На привокзальной площади к Наташе подошел крепыш атлетического телосложения, в бежевом спортивном костюме. По ней скользнул взгляд холодных, зорких зеленых глаз, широко посаженных на лице с тяжелым подбородком и приплюснутым носом.

— Где тут ближайшая булочная?

На секунду она растерялась, метнула взгляд то в одну, то в другую сторону (позже резидент строго отчитывал ее за это), посмотрела на шагающего рядом с ней человека испуганно и с трудом выдавила:

— Сейчас я вам покажу.

Однако Наташа быстро нашла себя в ампуа «источника информации» под кличкой «Венера». В течение месяца она уже успела заслужить благодарность Атлета — так он приказал называть себя, предупредив:

— Не пытайтесь узнавать мое имя, отчество, фамилию. И фамилию нашего шефа забудьте — он для нас «Аристократ».

Она передала сведения о преподавателях института иностранных языков; о динамисте Ф. из машинной бригады («Часто выезжает на гастроли за границу»); о своем однокурснике Саше («Его посылают работать в торгпредство... Любит крепко выпить и волочиться за девушками»). А вот что касается Димки, его рассказов о строительстве химкомбината в тайге — на это у нее не хватило духу... Почему? Наташа сама не могла в этом разобраться...

Уже была отработана техника связи, облюбованы тайники, один из них в парке, в дупле старого дуба, где Наташа оставляла коробочку или конверт, который потом забирали. Уже было освоено искусство тайнописи и шифра. Она научилась слушать своих собеседников с безразличным видом и в то же время накапливать в памяти целый ворох фактов. Кое-какие сведения о работах Алексея Михайловича уже были переданы иностранной разведке. Но еще недостаточно точные и полные. Разведка ждала более глубокой и квалифицированной информации.

— Хозяин доволен вашей работой. Но пора подниматься на новую ступень,— требовал Атлет.

— Каким образом? Что я еще могу сделать?

— Аристократ просил вам напомнить о вашем самом сильном оружии.

— Каком?

— Вы красивая женщина... Вы рассказывали про Петра Максимовича...

Наташа не подвела Аристократа. Все развивалось так, как было задумано. Она отлично вошла в роль...

И вдруг первая осечка. В назначенный день и час она должна ждать Атлета у метро «Сокол». Он редко прибегал к таким встречам, предпочитая связь через тайники. Но в последнее время «работа» стала напряженной, требовала оперативной связи и даже непосредственных контактов. Задания поступали срочные, самые неожиданные.

— Немедленно сообщите о приезде ученого из Сибири. Его зовут Константин Петрович... Постарайтесь дать знать в день приезда: возвращаясь домой, держите одну перчатку в руках.

— Дайте знать, где, как, когда сибиряк собирается провести вечера. Если в театре — сообщите, в каком.

А потом она получит еще более странное задание:

— В четверг Петр Максимович не должен после работы оставаться в лаборатории. Вместе с вами или один, как хотите, но он должен покинуть институт. Держите... Билеты в театр на этот вечер могут пригодиться.

Вот и сегодня, видимо, что-то срочное побудило Атлета назначить ей свидание у метро «Сокол». «Стойте на трамвайной остановке. Я сам подойду к вам».

Он действительно появился на остановке в точно назначенное время. Но к Наташе не подошел. Значит, что-то случилось... Несколько дней она провела в тягостном предчувствии беды.

Нет, все в порядке! Атлет снова дал о себе знать. Он не подошел тогда к Наташе из осторожности: ему показалось, что кто-то следит за ним.

В тайнике шифровка: «Аристократ обеспокоен неудачей туриста и требует энергичных действий. Надо достать более точные данные об игрушке старика».

Турист — Карл. Старик — Круглов. Игрушка — новая установка, сконструированная в институте.

Венере повезло. Егоров, кажется, проболтался. Энергичных действий не потребовалось. И вот Химки. Пляж. Заплыв. Непромокаемый мешочек... И арест.

* * *

Птицын перечитывает протоколы допросов Венеры и Атлета. Что касается состава их преступлений, ему все ясно. Он обеспокоен другим: получено сообщение о какой-то новой затее Карла и Сержа. Кого-то опять снаряжают в «туристскую поездку» к нам, в Советский Союз. И в протоколах допроса его интересуют все детали, касающиеся Карла, методов его работы.

Атлет не единственный резидент. Может, довоенные друзья Сержа, Виолетты? Посольство? Кто? Аристократ? Нет. Противник не так уж глуп: после провала Атлета хозяин его уйдет со сцены. На время, но уйдет. И еще вопрос, пожалуй, самый важный — направление атаки. Профессора Круглова, вероятно, больше не будут атаковать. Тогда кого? На что надеются?

Сколько таких вопросов терзают сейчас майора. Сколько их, таких неизвестных в одном уравнении!

Птицын аккуратно складывает все дела в сейф и уезжает домой. Завтра утром завершающий допрос Венеры...

— Когда вы в последний раз видели Аристократа?

— Полгода назад...

— Где?

— В театре.

— Вы поздоровались с ним? Беседовали?..

— Нет. Это мне строжайше запрещено.

— Он узнал вас?

— Кажется, узнал...

— Кто из друзей Аристократа известен вам?

— Никто. Я никогда не видела его вдвоем с кем-нибудь.

— А с Карлом вы встречались?

— Нет.

— Но вы были в курсе планов Карла?

— Да, меня посвятил в этот план Атлет. Нужно было провести первую разведку лаборатории профессора Круглова. По плану «турист» Карл должен был установить контакт с Петром Максимовичем, воспользовавшись их давним знакомством.

— В чем заключалась ваша роль в этой, как вы говорите, первой разведке?

— Пожалуй, что ни в чем... Пассивный наблюдатель.

— Так ли?!

— Мне кажется, что так.

— Позвольте заметить, что, судя по установленным фактам, ход событий нам представляется несколько другим... Телефон? Кто передал Карлу телефон Петра Максимовича?

— Ну, это же мелочь. Не правда ли?

— Предположим...

Птицын встал из-за стола, подошел к окну, посмотрел на улицу, потом обернулся, тяжело вздохнул,— видимо, в ответ на какие-то раздумья — и спросил:

— Скажите, вам действительно было безразлично, как обернется вся эта история с господином Карлом для Петра Максимовича?

— Мне кажется, что иногда я начинала верить, будто действительно люблю Петра. И у него не было никаких сомнений в моей искренности. И тогда, когда перед поездкой в Химки я спрашивала его: «Не выболтал ли ты лишнего?»; и тогда, когда он подробно рассказал мне все то, что я передала потом Атлету в Химках... У Петра уже не было тайн от меня.

— Вы уверены в этом? — улыбнулся Птицын...

ТАЙНИК

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

«Доб — 1! Доб — 1!» Трудную задачу ты задал, злополучный «Доб».

Александр Порфирьевич Птицын долго рассматривает газетный лист, на белом поле которого, поверху, теперь уже отчетливо проступили три буквы и цифра: «Доб — 1». Всматривается в них так, словно ищет на белом поле газетного листа разгадку тайны, которая вот уже сколько дней не дает ему покоя. Поначалу казалось, что уже накрепко схвачено звено, уцепившись за которое можно потянуть всю цепь. Но вскоре выяснилось, что это даже и не звено, а всего лишь предположения. И только... Во-первых, не удалось выявить все те цифры, что обычно следуют после тире. А во-вторых и в-третьих — все загадки...

Грузный мужчина лет пятидесяти с густыми черными волосами, поблескивающими серебром у висков, внешне оставался спокоен. И только люди, близко знавшие Птицына, догадывались, как встревожен подполковник. Оставшись один на один с ворохом донесений, актов, экспертиз, протоколов допроса, он часами ворошил в памяти все, что относилось к этому, казалось бы, предельно ясному, но до сих пор не распутанному делу. Дальше «Доб — 1» не продвинулись. Из лаборатории сообщили:

— Все средства в ход пустили... На белом поле отчетливо видим адрес: «Доб — 1 — ». А номера квартиры так и не вытянули. После второго тире вроде бы цифра три и еще какая-то... Больше ничем помочь не можем. Через час получите газету...

И мельнувшие было надежды рухнули.

Птицын включил радио. Передавали музыку. А ему всегда хорошо думалось под негромко звучащую музыку: мозг начинал работать в том самом ритме, который принято называть вдохновением.

Жизнь приучила его мыслить реалистично. И по самым трезвым, практическим его расчетам получалось, что теперь, пожалуй, будет не так уж трудно разыскать владельца газеты, даже без номера квартиры. А от него уж рукой подать и до связного, до того, кто заложил деньги в тайник. Придется, конечно, повозиться. Не без этого. Но в Москве не так уж много подписчиков «Медицинской газеты», проживающих на улицах, названия которых начинаются с трех букв «Доб...». Однако орешек оказался куда крепче.

Но пора внести ясность во всю эту историю с «Доб — 1». Она началась примерно месяц назад, когда был арестован инженер Кириллов, начальник лаборатории научно-исследовательского института. Он возвращался из длительной зарубежной командировки. Было известно, что инженера завербовала вражеская разведка, что в Берлине в ресторане состоялась заключительная встреча с ее представителем, от которого Кириллов получил последние наставления.

Таможенники более тщательно, чем обычно, осмотрели чемодан инженера, однако ничего, что могло привлечь их внимание, не нашли. Но с того часа, когда Кириллов вступил на советскую землю, его «передавали с рук на руки».

Кириллова передали «под опеку» подполковника Птицына. Генерал, знакомый Александра Порфирьевича с делом, сказал:

— Есть основания арестовать инженера... Вот тут записи его бесед с разведчиками... Тут письма, сообщения, фотографии. И тем не менее считаю нужным воздержаться от ареста.

— Профилактика, Василий Михайлович? — спросил Птицын.

— Нет, совсем другое. Не тебе объяснять, сколь важно проследить связи Кириллова... Не выйдет ли кто на связь с ним? По нашим данным, Кириллову в Москве должны передать солидную сумму денег. Деньги и еще кое-что... Или из рук в руки, или через тайник. И тот и другой вариант побуждает меня пока воздержаться от ареста. Но тут, Александр Порфирьевич, ворох сомнений. Риск... Твое мнение?

Птицын молчал. Он, конечно, понимал: важно поймать Кириллова за руку, когда она потянется к тайнику или когда кто-то выйдет «на связь» с ним.

Еще тогда, когда научный сотрудник Птицын начинал свою деятельность на новом для себя поприще, старый чекист наставлял его: «Арестовать шпиона, когда он разоблачен и его преступная деятельность задокументирована, проще простого. А вот оставить его на свободе и, не слугуя, выявить каналы связи такого человека с резидентом — сложнее. Так что ты не торопись, когда на след нападешь. Иногда извилистая дорога оказывается наиболее прямою...» Это верно, но есть основания и для сомнений Василия Михайловича: риск! Неосторожность, нелепая случайность — Кириллова вспугнешь, и тогда потеряются связи, пропадут вещественные доказательства, а в итоге — проваленное дело.

— Что молчишь, дорогой мой? Сомневаешься, боишься? — И в глазах генерала засветилась так хорошо знакомая Птицыну острая и тонкая, но не обидная ирония.

Птицын молча пожал плечами.

— Не оригинально... Плечами легче разговаривать, чем языком. Так что скажешь? — допытывался генерал.

— О боязни, конечно, говорить не стоит, но о сомнении — естественно. Я ситуацию понимаю: большой риск, хотя и оправданный, и овчинка, пожалуй, будет стоить выделки.

...Рано утром дежурство принял лейтенант Бахарев. В недавнем прошлом комсомольский работник, мечтал он совсем другой дорогой по жизни шагать — литературный институт, служение поэтической музе, дружба с ней у него еще со школьной скамьи. Вырезка из газеты, напечатавшей первые стихи молодого рабочего Коли Бахарева, бережно хранится и поныне. Но что поделаешь? Вызвали в райком партии и попросили... Да так попросили, что отказываться вроде и неловко было.

— Какой из меня чекист... Мое дело «глаголом жечь сердца людей», а тут карающий меч...

Человек, сидевший рядом с секретарем райкома, улыбнулся, подошел к Николаю и похлопал его по плечу:

— Те, кто умеет «глаголом жечь сердца людей», сердцеведы, а они, Николай Андреевич, весьма дефицитная категория людей в нашем доме... Стихами же я, признаться, тоже балуюсь. Правда, по ночам. И тираж их весьма ограничен — один экземпляр...

...Инженер Кириллов жил на даче, смотревшей своими окнами на канал Москва — Волга. Там, на берегу, с удочкой в руках и приютился молодой «рыбак». Над водой еще стелился туман, но на дом уже легли первые лучи восходящего солнца, и в холодном воздухе раннего утра стояли ароматы трав, проснувшихся деревьев и влажной от росы земли.

Бахарев наслаждался пленительным буйством красок разбушевавшейся природы и вспомнил прочитанное у кого-то: еще никогда ни человек, ни зверь, ни птица ни разу не сумели уловить того момента, когда солнце, появляясь, превращается из бледного, розового в розово-золотое, золотое... Как это удивительно точно подмечено!

Привычное обыкновение пофилософствовать на природе не покидает Николая Бахарева и сейчас, когда все его нервы натянуты, словно струны, хотя кругом покой, тишина и никаких тебе поводов для тревоги. Уже десятые сутки там...

И вдруг чуткое ухо уловило скрип калитки и тяжелые шаги. Обернулся. Он, он самый! Никогда за все десять суток инженер столь рано не поднимался. Тем более в воскресенье. Что бы это значило?

...Они вместе сошли с электрички — инженер и затерявшийся в толпе «рыбак».

Через час инженер стоял у ворот кладбища Донского монастыря. Стрельнул глазами вокруг: тихо, безлюдно. Потом вошел во двор и направился к отлитой из чугуна скульптуре, что с незапамятных времен стоит в нише монастырской стены. Инженер подошел поближе, нагнулся, еще раз стрельнул глазами вокруг и быстро стал шарить в пустотелом патрубке. Все точно соответствовало инструкциям, полученным им: пустотелый патрубок крепил к основанию скульптуры голову мифологического барана. В патрубке лежал пакет...

У ворот его ждали трое. Один из них — Птицын — шел сзади, двое следовали впереди. На улице было не так уж безлюдно, и инженер не обратил на них внимания. Несколько минут они неторопливо прогуливались. Птицын все еще надеялся: может, кто-то выйдет «на связь» с инженером.

Нет, никто не подошел к инженеру, не суждено сбыться вашим надеждам, товарищ Птицын! Придется довольствоваться программой-минимум: берите инженера, каков он есть, с пакетом, изъятым из тайника. Птицын громко закашлял, словно поперхнулся. Сигнал был тут же принят. Бахарев, шедший впереди, резко повернулся навстречу инженеру и осторожно, но уверенно взял его под руку.

— Вы арестованы! Вот ордер...

Тут же подкатила следовавшая в отдалении «Волга». Кириллова усадили в машину...

На этом мы, пожалуй, можем попрощаться с инженером, который, собственно, теперь уже имеет лишь косвенное отношение к той истории, о которой дальше пойдет речь. Все, что требовалось узнать и получить от него, узнали и получили. В КГБ ему предъявили запись его переговоров в берлинском ресторане и кинопленку, зафиксировавшую инженера, когда он забирал пакет из тайника. Он ничего не скрыл, все выложил: и как его завербовали и какое дали поручение. Что касается тайника, то еще там, в Берлине, Кириллов получил инструкцию: в начале сентября на Пушкинской площади должно появиться его объявление об обмене квартиры. Текст объявления за подписью А. П. Трепетова ему дан в Берлине. А во второе воскресенье сентября, утром, от восьми до девяти, он должен отправиться на кладбище Дон-

сного монастыря, где в тайнике — схема его расположения тоже была вручена инженеру — будут лежать предназначенные ему деньги, лупа, таблетки для проявления тайнописи. В случае неудачи — неожиданные обстоятельства могут помешать обеим сторонам — повторить визит на кладбище в третий понедельник сентября. Как только операция с тайником будет завершена, на Пушкинской площади в тот же день, на той же доске должно быть наклеено объявление, подписанное Семирадским: «Продается кухонный гарнитур и холодильник «Саратов».

Когда арестованного увели, Птицын снова прочитал протокол допроса, потом перевел взгляд на Бахарева:

— А нам с тобой надлежит все же найти хозяина тайника.

— Легко сказать... За какую же ниточку еще ухватиться? Ум все, кажется, испробовали...

Действительно, было уже немало сделано в поисках человека, положившего в тайник деньги и таблетки. Кропотливое дактилоскопическое исследование показало, что отпечатков пальцев много и принадлежат они, видимо, женщинам. Но даже трудно установить, сколько было их, женских рук, державших газету. Пытались протянуть какие-то нити от номеров денежных купюр. Если кто звонил на работу Кириллову, то следовал ответ: «Он будет позже». Было установлено круглосуточное наблюдение за тайником в Донском монастыре — никто никакого интереса к нему не проявил: видимо, связной имел основание считать, что тайник уже пуст. Птицын поинтересовался у коллег, кто из иностранцев, причастных к разведке, бывал в последнее время в районе Донского монастыря. Но все эти попытки не увенчались успехом. «Ключи», которые были выявлены на допросе Кириллова, ничем не помогли Птицыну и Бахареву в их поисках.

В то утро Бахарев, заглянув в кабинет Птицына, застал его в настроении прескверном.

Кивком головы поприветствовав Николая, он спросил:

— Какие новости? Какие предложения? — И, не ожидая ответа, объявил: — Вот какую нить будем тянуть.— И достал из сейфа газету, в которую были завернуты деньги, лупа, таблетки — все то, что лежало в тайнике.

Бахарев развел руками, а Птицын продолжал:

— Отправных данных маловато. Знаю. А попытаться надо. Газета такая могла быть только в доме медиков. «Медицинская газета». Теперь смотри сюда. Видишь на белом поле стертую временем карандашную пометку? Надо полагать, что это адрес... Рукой почтальона... Что скажешь?

— Тут и обсуждать нечего, Александр Порфирьевич. Все ясно. Сейчас пойду и себе в кабинет и напишу сопроводительное письмо в лабораторию с просьбой...

— Вот именно... Письмо, да еще с просьбой... Ты его, может, в типографии отпечатаешь, это письмо?.. Немедленно в лабораторию. Одна нога здесь — другая там! И не уходи, пока не проявят весь текст... Ясно? А я сейчас позвоню начальнику экспериментального отдела... Чтобы в темпе работу делали... Зеленой улицей...

И вот снова тупик: на белом поле газетного листа явственно проступили буквы «Доб» и рядом цифра «1». Видимо, номер дома. Соседнюю цифру — номер квартиры — так и не удалось выявить. Да еще оттиски пальцев разных рук, когда-то державших газету. И все. А дальше? Дальше ни шагу вперед...

Птицын затребовал список московских улиц, названия которых начинаются с «Доб», и направил своих сотрудников в дома под номером 1.

Александр Порфирьевич уже потерял было всякую надежду на успех избранного пути: в домах с № 1 никто не выписывал «Медицинскую газету». И вдруг телефонный звонок. Голос Бахарева:

— Докладываю. У меня сразу два подписчика.

* * *

...Гражданин Гринбаум жил в двадцать пятой, многонаселенной квартире. При своей угрюмоватой внешности он оказался поэтом... филателии. В глубине его завешенных косматыми бровями глаз лихорадочно горелн задорные огоньки чудака-фанатика, одержимого своей страстью.

Фортуна явно благоволила Бахареву. Надо же было так случиться, что его «подопечный» при первой же попытке лейтенанта завязать с ним знакомство сразу же, что называется, с ходу, раскрыл себя.

С утра старик отправился в парк, где проходил традиционный день коллекционеров. Это встреча людей разных возрастов и профессий, для которых нет, кажется, большей радости в жизни, чем пополнить свою коллекцию еще одним каким-нибудь радостным значком, диковинной монетой, уникальной спичечной коробкой или маркой. Вы можете называть этих людей как угодно: чудаками, фанатиками, одержимыми, дельцами, знающими, куда выгодно вкладывать деньги,— как хотите называйте их, но согласитесь, что это чертовски интересно — коллекционировать.

Не будет большим преувеличением, если мы отметим, что из всех коллекционеров, собравшихся в то утро на аллеях парка, выделялись филателисты. Они, по существу, оказались тут хозяевами. Недолго потолкавшись среди них, Бахарев без труда уловил приметы того высокого почтения, которое оказывали Гринбауму на этом представительном сборе. Его окружили молодые ребята, что-то спрашивали, что-то показывали.

— Ефим Маркович, научите отличать поддельные марки?

— Милый мой мальчик, Научить этому очень трудно... Ты не раз попадешь впросак, пока каким-то особым чутьем не станешь улавливать подделку.

— Неужели так трудно?

Старик улыбнулся, положил свою жилистую волосатую руку на плечо мальчишки и сказал:

— Я тебе расскажу любопытную историю... Известный шведский филателист более двадцати лет коллекционировал... поддельные марки. Ты не удивляйся. Есть и такие странные люди. Специально собирал поддельные марки. Однажды он решил продать свою коллекцию. И нашел покупателя. И о цене договорились. Большую, хорошую цену давали. Но сделка не состоялась. При тщательной экспертизе выяснилось, что половина его коллекции — подлинники. А ведь швед был не простак среди филателистов.

Бахарев вступил было в спор со старнком: «Простите, но это смахивает на анекдот». Потом задал несколько вопросов, блеснув широким филателистическим кругозором. Затем похвастался своей последней покупкой весьма и весьма редкой марки. Так они и познакомились.

Бахарев отрекомендовался студентом Литинститута, у которого две страсти — поэзия и марки. У него друзья за рубежом, и потому он смеет утверждать, что располагает коллекцией действительно уникальных марок.

Гринбауму как-то с первого взгляда пришелся по душе этот молодой человек, блондин с пышной шевелюрой и озорными серыми глазами, и он тут же пригласил его в гости: «Заходите, чайку попьем... Покажу вам мои марки. А вы ту вашу, редкую, захватите. Любопытно взглянуть».

Редкостную марку, принесенную Бахаревым, старик взял дрожащими руками. Он долго и пристально рассматривал ее — и на свет и в лупу.

— Молодой человек, я могу предложить вам...

Гринбаум назвал высокую цену и выжидающе смотрел на гостя. Но тот только мило улыбнулся в ответ.

— Нет уж, увольте, Ефим Маркович, не продам. Я же пришел к вам как к знатоку... Хочется посмотреть вашу коллекцию... И вообще мне приятно познакомиться с таким... Ну, как бы это точнее сказать? Вы же король...

Через полчаса они уже дружески чаевничали. Юрист по профессии, Гринбаум тоже оказался поклонником поэзии.

— И я вам покаюсь, молодой человек. Иногда даже мучаюсь рифмою. Идешь по улице, а она, проклятая, в голове сверлит и сверлит: «благородной» — «свободной», «славить» — «забавить». Черт ее побери, эту рифму! Идешь по улице, а в голове жужжит: «свой» — «простой», «поэта» — «света». Это же дьявольское наваждение какое-то!

Старик долго рассуждал по поводу назойливых рифм, а потом робко спросил:

— Вы, наверное, много стихов знаете? Побалуйте старика.

— Стихи я могу читать хоть до утра.

В открытое окно струился свежий, пронизанный осенним солнцем воздух. Легкий ветерок растрепал черные, как смоль, кудрявые волосы старика. Он подошел к окну и закрыл глаза — для него стихи звучали, как музыка. А когда Бахарев прочел что-то из Тютчева, Гринбаум тяжело вздохнул, понурил голову и сказал:

— Никогда не нужно задерживаться в отеле, именуемом «жизнь». Наступает время, когда человек должен сказать сам себе: «Сударь, соблаговолите освободить номер...» Так вот-с, молодой человек...

— Что это вас, Ефим Маркович, на такую мрачность повело?

— Ничего не поделаешь, мой молодой друг. Умирать никому не хочется. А болезни атакуют и атакуют. Широким фронтом... Я сопротивляюсь, сколько могу. Вот видите,— и он показал на книжный шкаф,— даже медицинскую энциклопедию купил. Смеяться будете над стариком. Я и «Медицинскую газету» выписываю... Аккуратно подшивку веду... А что делать?

— Да нет, почему же? Все это очень любопытно. И даже то, что «Медицинскую газету» выписываете. Ее, вероятно, небезынтересно листать.

— Только при вашем здоровье да при вашей специальности она вам ни к чему... Впрочем, если хотите, полюбопытствуйте...

Бахарев торопливо перелистывал подшивку. Январь, февраль... На какую-то долю секунды взгляд задержался на знакомой полосе, и рука его дрогнула чуть-чуть: она здесь, на месте, в подшивке — газета, экземпляр которой бережно хранится в сейфе Птицына... Все! Ставка на Гринбаума бита. Бахарев подумал: «Надо сниматься с якоря и проиладывать курс к 38-й квартире, где тоже выписывают «Медицинскую газету». Но это уже для коллеги. Мне здесь больше появляться нельзя, ненаромом можно столкнуться лицом к лицу с филателистом, 38-я квартира всего лишь этажом выше».

И все же перед уходом он решил провести легкую разведку. Коль скоро Гринбаум завел речь о болезнях и медицине, нетрудно переключить разговор на лечащих его врачей. И выяснилось, что Анна Михайловна из 38-й квартиры по долгу службы в районной поликлинике да по долгу давнишней дружбы, восходящей еще к довоенным временам, и есть тот единственный врач, которому безгранично доверяет чудаковатый Гринбаум.

— Молодой человек, если вам когда-нибудь потребуется доктор в самом высоком смысле этого слова, соблаговолите позвать Анну Михайловну. Если она возьмется вас лечить, считайте, что вы уже здоровы. Это говорю вам я, Ефим Маркович Гринбаум, у которого столько болезней, что их хватит минимум на половину медицинской энциклопедии. Анна Михайловна — чудесник... Вы когда-нибудь принимали капли Вотчела? Напрасно так саркастически улыбаетесь, даже здоровому перед сном они полезны... Ну, конечно, вы уже решили, что у старика не все дома.— И он выразительно стал вертеть пальцем свой висок.— При чем тут капли Вотчела, думаете вы? Капли ни при чем. А Вотчел... Вы не будете смеяться над стариком? Даете слово? Я три раза перечитывал эту книгу... Страстная публицистика... Советую почитать: поэзия в медицине. Авиценне приписывают такое изречение: «Врач должен обладать глазом сокола, руками девушки, мудростью змия и сердцем льва». Анна Михайловна именно такая... Да, да! Редкое сочетание... Хотите, я вас сейчас познакомлю? Вам будет интересно, даже если вы сам Поддубный.

Старик принадлежал к числу тех людей, которые, однажды дав волю безудержным излияниям, останавливаются с большим трудом. Он частенько впадал в это состояние говорливости. Так и сейчас. Старик умолк лишь на мгновение, потом вскочил с места и схватился за голову, будто случилось что-то страшное, и снова неудержимый поток слов.

— Дорогой мой, я забыл о самом главном: Аннушка ведь тоже филателист. Она никогда не простит мне, если я вас отпущу с этой вашей марнкой... Собирайтесь, сударь... И не сопротивляйтесь. Между прочим, ее дочка — очаровательное создание. Несколько, правда, взбалмошная. Но это смотря на чей вкус... Ей бы, пожалуй, давно следовало замужем быть, а она, изволите видеть, в невестах все еще пребывает... Эх-хе-хе! Трудно ее жизнь сложилась. И характер не сахар... Ну, ну, это я просто так, к слову... Один момент, я только позвоню Аннушке. Женщины всегда хотят быть в форме, когда в доме появляются интересные мужчины.

Бахарев недолго оставался сам с собой, со своими пока еще сумбурными мыслями: «Что сей сон значит?» Старик быстро вернулся в комнату, сияющий, довольный.

— Все в порядке! Через полчаса нас ждут... Между прочим, я вас должен предупредить: там, как варит кофе доктор Эрхард, никто не умеет варить.

— Эрхард? Странная фамилия...

— О, это я по старой памяти величаю ее. Теперь она Васильева. Девичья фамилия.

— А Эрхард?

— По мужу... Его уже нет... Простите, я не совсем точно выразился. Физически он существует, но для нее он труп, живой труп. Это большая трагедия. Бедная Аннушка!

Гринбаум взглянул на часы.

— Извольте-с! В нашем распоряжении полчаса, и я, пожалуй, успею кое-что рассказать вам об удивительной жизни этой женщины... Нет повести печальнее на свете... Литератору, вероятно, будет небезынтересно. Может пригодиться для сюжета... Приготовьтесь и слушайте. Только, чур, с Аннушкой на эту тему ни слова...

* * *

На третий день войны доктор Эрхард получила повестку из военкомата. Для нее это не было неожиданностью: почти все ее коллеги уже стали военврачами. Она заранее продумала все, что касается дома, семьи. Собственно, думать надо было только о Маришке. Фридрих Эрнестович, хотя это была не родная его дочь, души не чаял в девочке и категорически настаивал на немедленной эвакуации. В понедельник вечером Маришку отвезли к бабушке в рязанскую деревню. А что касается самого Фридриха Эрнестовича, учителя немецкого языка, то здесь все ясно: не сегодня, так завтра его призовут в армию. Переводчики сейчас очень нужны...

Прощались сурово, молча. К чему слова? Все уже было сказано еще до этой тяжелой минуты последних объятий. Все было переговорено, недобрым словом помянут и трижды проклят Гитлер: такие они строили чудесные планы — и вот война... Как это ни странно, женщина оказалась крепче мужчины — ни одной слезинки! Фридрих, высокий, сильный, широкоплечий — богатырь, не выдержал, всхлипнул.

— Ты побереги себя, любименький! Ты же у меня совсем слабенький...

Учитель немецкого языка с ожесточением говорил о фашистах:

— Майн готт! Как это случилось, что в стране, давшей человечеству Карла Маркса, Гете, Шиллера, хозяйничают эти выродки, звери, варвары!.. Аннушка, мне стыдно людям в глаза смотреть... Я принадлежу к той же нации, что и эти...— И он заплакал.

Анна успокаивала его:

— Не терзай себя, лапонька,— так нежно она его называла, человека, который был на много старше ее.— Не надо заниматься самобичеванием. Ты же совсем другой...

Она молча, по-мужски, по-солдатски уходила на войну. Только крепкое объятие и всего лишь несколько слов:

— До свидания, Фридрих, до встречи на фронте... Мы обязательно встретимся там. Я верю. Я жду тебя... Письма будем посылать маме.

Бог ты мой, если бы Анна знала тогда, какой она будет, эта встреча!..

...Фридрих исчез на следующее же утро. Не ушел, а исчез. Вроде бы отправился в школу, налегке. И больше в квартире его не видели. Соседи терялись в догадках, высказывали разные предположения: несчастный случай, и тещи в деревню подался, ушел добровольцем в ополчение, прямо из школы, а может быть... Нет, в такое не хотелось верить.

Один из вариантов — ополчение — отпал. Через три дня пришла повестка из военкомата. Тогда забили тревогу, сообщили домоуправу: «Некому повестку вручать — исчез сосед». Домоуправ — в милицию, в военкомат. Начался розыск. В школе Эрхард не был. К теще не заезжал. Среди жертв несчастных случаев не значился. Пришел лейтенант милиции. В присутствии понятых открыли комнату. Все на места. Стали искать хоть какую-нибудь фотокарточку Фридриха — для милиции, для розыска — не нашли. Тогда кто-то из соседей вспомнил странную причуду учителя: не любил фотографироваться, суеверный был, что ли.

Фотографию, конечно, милиция нашла. В школьной анкете. Но лейтенант милиции тем не менее счел нужным подробно записать свидетельства соседей о странной причуде учителя немецкого языка...

Розыск, предпринятый милицией, не дал результатов. Да и трудно было надеяться на успех в те тревожные, суматошные дни, когда сотни тысяч беженцев кочевали с запада на восток, когда, кажется, полстраны находилось на колесах. Ищи иголку в стоге сена...

Одна из соседок, Мария Григорьевна, написала о случившемся в рязанскую деревню. А через три месяца получила письмо Аннушки, та уже знала обо всем от матери. Военврач сообщила Марии Григорьевне свою полевую почту на случай, если вдруг объявится Эрхард. Она всегда была оптимисткой.

Но, увы, военная судьба Анны Михайловны сложилась печальнейшим образом. Тяжелые бои. Окружение. Тщетная попытка вырваться из огненно-стального кольца. Последняя отчаянная схватка горстки обессилевших воинов, две недели скитаний по лесам. Ранение. Плен. Гнусное предложение пойти на службу к немцам. Дерзкий отказ. Лагерь. Попытка к бегству. Поймали. Били резиновыми дубинками, пинали сапогами, скручивали веревками и снова бросали в барак — теперь это уже был барак особо опасных, барак строжайшего режима.

А здесь... Здесь было все, что уже известно по многим рассказам узников лагерей смерти.

Она стойко встретила все испытания и быстро нашла единомышленников — бороться, бороться и бороться! Даже тут, где смерть может настигнуть тебя каждый час. Их была небольшая горстка военнопленных, не терявших надежду на новый, более успешный побег.

Надежда эта, как бальзам,— еще кровоточили на теле следы побоев и ранений, еще свежи были в памяти все унижения, каким с изощренным мастерством подвергали их на допросах. Теперь допросы позади, и они просто-напросто заключенные лагеря, погребенные во чреве этого мрачного барака, со скудным светом, сочившимся из двух запыленных лампочек под потолком. Так прошла первая неделя. И вдруг ночью в барак явилось высокое для здешнего лагеря начальство. Эсэсовец прошелся вдоль нар — его лица никто не видел, а он всех мог рассмотреть.

На рассвете, когда заключенных погнали на особо трудные работы, ее одну почему-то вызвали к коменданту лагеря. Все, в том числе и она сама, решили, что это конец.

Долговязый лейтенант, царь и бог в здешнем бараке, передал ее по всей форме офицеру комендатуры и, расплывшись насмешливой улыбкой, многозначительно провел ребром ладони по горлу.

Анну повели к домику с зарешеченными окнами. У входа стояли часовые, державшие на привязи волкоподобных псов. «Еще один допрос, снова пытки, снова побои»,— подумала она.

...В комнате стоял полумрак. Хозяин все предусмотрел: лица его не было видно, фигура оставалась в легком затемнении. Зато настенный светильник ярко озарял человека, переступившего порог. Но Анна и не старалась разглядеть коменданта лагеря, к чему? И только голос, голос немца, восседавшего за массивным письменным столом, заставил ее вздрогнуть. Он сказал лишь одно слово: «Садитесь». И вздрогнула она совсем не потому, что само это приглашение в устах коменданта концлагеря прозвучало по меньшей мере чудовищно неправдоподобно, нереально. Ее ошеломил сам голос, которого она уже давно не слышала. Нет, это не он. И вдруг:

— Садись, Анна!

И прежде чем она успела опомниться, фашист встал из-за стола, подошел к ней и обнял ее...

Анна очнулась в палате госпиталя. Глубокий обморок длился более часа. В палате она лежала одна. Открыла глаза, оглянулась и простонала.

Дежуривший около нее санитар тут же сорвался с места и куда-то помчался, а через несколько минут явился Фридрих. За эти несколько минут Анна все вспомнила, и первая, ошеломляющая своей неожиданностью мысль, что пришла ей в голову, была и радостной и тревожной: «Фридрих — наш разведчик в тылу врага. Только бы не выдать его, только бы сдержать себя...» Как истый конспиратор, она поначалу никак не могла уразуметь, почему, собственно, Фридрих так рискованно (хотя они и остались вдвоем) ведет себя, называя ее Аннушкой, предлагая чашку куриного бульона, проявляя нежную заботу... Что он, совсем голову потерял? Она приложила палец к губам, как бы напоминая, что и стены имеют уши, будь осторожен... Он не сразу понял, за кого его принимает Анна. И только сообразив, в чем дело, расхохотался...

— Ты что же, решила: Фридрих — советский разведчик?

Позже, когда придут советские войска и ее освободят из лагеря, она узнает, что Фридрих, ее Фридрих, которого она так боготворила, был действительно разведчиком, но только немецким. Все годы их дружной предвоенной жизни. Это уже скажут ей там, куда она придет, чтобы поведать обо всем случившемся с нею. Они, эти люди, внимательно слушавшие ее, знали о нем уже больше, чем она сама. Пятнадцать лет скромный учитель немецкого языка никак и ничем не обнаруживал себя, чтобы в час войны сбросить маску...

Аннушка, восстанавливая в памяти каждую минуту своего страшного бытия в лагере, поведала чекистам во всех деталях про ту встречу с Фридрихом. И как он ласково увещевал ее:

— Пойми, судьба России решена. Гибель. Крах... Ты будешь рядом со мной, моей помощницей... А если хочешь — врачом в госпитале. А еще лучше, если ты...

Одно предложение гнуснее другого. Он хотел бы снова бросить ее в барак, но... в качестве своего агента. Худенькая, слабенькая, кажется, едва теплилась жизнь в ней, а она с кулаками: «Подлец!» Глупая, Анна еще пыталась в чем-то убеждать его, взывала к совести, разуму, напоминала о прошлой жизни, о дочери... Потом он переменил тактику: угрожал, рисовал страшные картины будущего.

— Если ты даже снова попадешь к своим... Чепуха, это невозможно, это исключается, чудес на свете не бывает... Но предположим. Ведь они тебя расстреляют. Кто поверит жене шпиона? В бараке уже все знают...

Нет, он не сломил ее воли. Хотя Анну каждый день вызывали к нему. И все те же увещевания и угрозы, ласки и побои. Потом ее снова уводили в карцер: «Посиди, подумай». Она не сдалась и тогда, когда повели на расстрел. Позже ей стало ясно: это был последний козырь Фридриха, садиста, который, прожив с ней почти десять лет, так и не узнал ее по-настоящему. Бледная, она стояла у стены, а пули ложились поверх головы и сбоку. И после каждого выстрела офицер спрашивал ее: «Не хочет ли русская женщина повидать шефа?»

Эрхард понял: никакая сила не сломит сопротивления Анны. Он перестал ее пытать. Но в барак к своим она так и не вернулась больше. Может, это и к лучшему, ей было страшно от одной только мысли: «Что они думают сейчас обо мне?» Анну отправили в лагерь специального режима, где она находилась под особым наблюдением. Первое время военврача еще вызывали к какому-то рыжему оберштурмфюреру, который хмуро спрашивал ее, не передумала ли русская и не имеет ли она желания снова встретиться с мужем. Он, оберштурмфюрер, получил на сей счет особые указания...

Свобода пришла за несколько дней до окончания войны. Кругом радуются, ликуют, обнимаются. На ее глазах какая-то томившаяся в лагере женщина среди воинов-освободителей встретила мужа. А она, военврач II ранга, тоже радуется, тоже ликует, но... Кто снимет тот тяжелый камень, что лег на ее истерзанную душу в ту трижды проклятую минуту, когда она увидела Фридриха? «Жена шпиона» — это прилипнет к ней надолго.

...Гринбаум перевел дыхание и, слегка кивая головой, продолжал:

— Увы, минуло немало времени, отмеченного новыми суровыми испытаниями — физическими и духовными, пока тяжкий камень был снят, пока Аннушке не было сказано: «Мы вам верим. Спасибо за стойкость! Забудьте, что у вас когда-то был муж».

Она распрямилась. Ибо камень-то все же на душе остался, и есть дочь, которая все знает... Знает и,— может, это только показалось мне? — где-то подсознательно надеется на возвращение отца, хотя и не родного, но любимого.

— Эх, дети, дети,— гудит на всю комнату Гринбаум.— Отцы и дети... Извечная проблема, дорому я вам, молодой человек. Я не в осуждение молодежи говорю это. Но как вам понравится, девчонка ни черта еще в жизни не видела, а мать поучает. «У тебя,— говорит,— эта подозрительность со времени культа... Я не совсем уверена, что вся история с папой выглядит именно так, как она тебе представилась...» Нет, спорить с ней бесполезно. Сечь, только сечь. Что, а? Смеетесь? Того же поля ягодка. Как это у вас теперь принято говорить: критический реализм... Нигилизм. Ну, ну, пойдемте... Только прошу, сударь, помните про уговор. С Аннушкой о жизни ее — ни слова. Вы ничего не знаете. Убьет меня, если... Договорились?..

Продолжение следует.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

2

Их встретили весьма приветливо. И мама, располневшая, но не утратившая следов былой красоты, и дочка Марина, стройненькая, русоголовая, с высокой белой шейкой и большими, как у мадонны, зелеными глазами. Сдержанно и несколько сухо расклонялась находившаяся тут же молодая женщина, отрекомендовавшаяся Олей. Но сухость и сдержанность быстро исчезли. Милое лицо ее все чаще озарялось улыбкой. Внешне Ольга оказалась удивительно похожей на свою подругу. И ладно, спортивно сложенной фигурой, цветом глаз и волос. Девушек легко было принять за латышек. Но, судя по акценту, Ольга — иностранка. А она русское — странно!

Бахарев ничем не выдал своего удивления, поддерживая оживленный разговор и со студентками и с хозяйкой дома — она действительно оказалась таким же фанатиком-филателистом, как и ее сосед. Редкостная марка, принесенная Бахаревым, стала объектом тщательного исследования и подробного комментария. И неизвестно, сколь долго длился бы этот филателистический диалог, не вмешайся Марина, девушка, весьма резкая в суждениях...

Через день Птицын с утра заглянул в кабинет Бахарева.

— Какие вести?

— Пока весьма скромные, но кое-что для работы серого вещества уже имеется. Собирался сейчас и вам с докладом... Первая документация...— И он протянул Птицыну два листа бумаги.

Подполковник поудобнее устроился в единственном мягком кресле, стоявшем в углу скромного бахаревского кабинета, и погрузился в чтение. В докладе действительно оказалось немало материала для раздумий и некоторых, правда, весьма противоречивых выводов. Прежде всего — мама. «Аннушка», доктор Васильева. Тут, кажется, все ясно. Запрошенные из архива материалы подтвердили все, что сообщил Гринбаум.

Теперь дочка — Марина. Экстравагантная девчонка. Впрочем, судя по возрасту, уже не девчонка. На последнем курсе факультета иностранных языков. Поздно поступила в институт. Всякие тут трудности были... Один «папа» чего стоил... Эля, ядовито-насмешлива. Гринбаум сказал о ней: «Девушка одержима этакими эдаким всеотрицанием. Все подвергает сомнению. Все... Все инзвергает». Отчасти можно понять: хлебнула горя. Хотя, когда речь зашла об арестах в конце тридцатых годов, она вдруг огрызнулась: «Так уж совсем и не было никаких врагов народа?! Слова, может, и не совсем точны, но сути не меняют...» Бахарев обратил внимание, как Анна Михайловна в те мгновения настороженно и даже со страхом следила за дочкой. А Марина «палила», словно из пулемета.

Ну и, наконец, Оля. Что скажешь о ней? Миловидная, приятная, деликатная. Восторженно говорит о Советском Союзе, советской молодежи. Учится в мединституте... Родители жили когда-то в России, под Саратовом. Отец — немец, мать — русская. Судьба забросила их в Гамбург. Прожили они там лет десять. Потом кочевали по разным странам и континентам, пока торговые дела не заставили всерьез и надолго отдать якорь в столице маленького европейского государства. Там и родилась Оля. Нарекли ее именем бабушки со стороны мамы. Русский язык, русские обычаи, русская кухня всегда с почтением принимались в этом доме всеми — от мала до велика. И Оля сравнительно хорошо говорила по-русски не только потому, что уже третий год живет в Москве и учится в мединституте. Матушке было угодно, чтобы русская речь всегда звучала в их доме.

Отчего пошла дружба Оли с семьей доктора Васильевой? Поначалу Бахарев объяснил сам себе все это просто: две студентки, две подруги. Но из не очень связных рассказов болтушки Марины узнал, что, когда Оля собиралась в Москву — в порядке обмена студентами,— друг их семьи попросила передать Анне Михайловне привет и небольшой сувенир. И тут же сказала: «Нас сблизила горькая участь — жили в одном лагере, были в одной подпольной группе. С Анной мы изредка переписываемся. Очень рекомендую ее. Большой души, светлого ума человек. У этой женщины тяжелая судьба и очень доброе сердце. Тебе, Оля, будет уютно в их доме...» Ей действительно было уютно в этом доме. Иностранную студентку приняли тепло, радушно. Марина и Оля скоро подружились.

Что же, для первого сообщения достаточно. Сложный, с неравными сторонами, четырех-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 4.

ТАЙНИК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

угольник: Фридрих, Анна, Марина, Ольга. Где перекрещиваются их дороги, с какого из этих четырех углов тянется нить к «Доб-1», к тайнику в Донском монастыре? И есть ли эта нить? А если да, то от кого и куда? И еще один немаловажный вопрос: что представляет собой Эрхард сегодня? Птицыну кое-что известно о его послевоенной жизни. А Гринбаум умолчал: где он и что делает сейчас, бывший учитель немецкого языка? Почему филателист умолчал: по незнанию или умышленно? А мама и дочка — они знают? Что знают?

Настораживало одно обстоятельство, документально установленное, зафиксированное в архивных материалах. Несколько лет назад в Москву приезжал иностранный «турист» Альберт Кох, состоявший, как и сейчас господин Эрхард, на службе у американской разведки. На второй день своего пребывания в Москве гость встретился с Мариной в кафе «Метрополь», передал ей привет от папы и сувенир — две шерстяные кофточки: маме и дочке. Разговор у них был тогда недолгий. «Турист» сообщил дочке, что отец ее занимается литературной деятельностью, работает над большим исследованием, посвященным советской литературе.

Птицын перечитывает давнюю запись и по обыкновению начинает разговаривать сам с собой. Бахарева это не очень устраивает, и, уловив паузу, когда подполковник о чем-то задумался, он подает голос:

— Улика весьма серьезная. Думаю, что мы напали на след.

— А мама? Она знает об этой встрече с «туристом»?

— Как же иначе? Сувенир-то надо было ей как-то передать... Может быть, главное действующее лицо она и есть?

— Какие основания?

Бахарев молчит. Есть только интуиция, первые впечатления от личного знакомства. Сказать об этом Птицыну он не решается да и сам себе не хочет признаться в зыбкости такой версии. Птицын знает эту его слабость. Может, поэтому Александр Порфирьевич, не ожидая ответа, ставит все новые и новые вопросы, незаметно очерчивая таким образом схему операции.

— А Ольга? Ее роль какова? Ты обратил внимание, Николай Андреевич, на одну деталь в архивных материалах: и Эрхард и его друг «турист» частенько наведываются в тот самый город, откуда прибыла Ольга. А в городе том, как тебе известно, действует филиал разведцентра. Возможно, что...

— Ну, это уже из области догадок, предположений,— прерывает Бахарев. Он говорит, не повышая голоса, но с явно иронической интонацией.

— Да, пока догадки, не подтвержденные, не документированные. Хотелось бы, в частности, иметь более подробные сведения о той семье, которая рекомендовала Ольгу.

— Мы уже знаем, что это за семья. Женщина находилась в концлагере вместе с доктором Васильевой. Ведь так можно тень бросить и на...

— Тень ни на кого не надо бросать. Нужны факты, проверенные, установленные. А пока мы с тобой лишь гипотезы выдвигаем.

...Вот уже целый час сидят они друг против друга, взвешивая все «за» и «против». Послушаешь их и не поймешь, кто тут старший по званию, кто начальник. Грузный, высоколобый и рассудительный Птицын или вихрастый, несколько эмоциональный Бахарев с озорными глазами. Они что-то предлагают, отвергают, в чем-то сомневаются и с кем-то спорят. Для них ясно пока одно: есть основания серьезно заняться новыми знакомыми Бахарева. Птицын резюмирует:

— Будем считать так, Николай: вопрос первый и, пожалуй, главный для нас — есть ли какие-то связи у Фридриха с его бывшей семьей? Вопрос второй — нет ли нитей от Фридриха к Ольге, хотя они и живут в разных странах? Вопрос третий — связь Ольги с семьей доктора: кто в ком и почему заинтересован?

Решение принято такое: Бахарев должен чаще бывать у Васильевых...

Задача эта оказалась несложной. Марине было не безразлично, увидится ли она с Колей. Все в нем нравилось ей, даже то, что был он слегка небрежен в одежде. Обаятельный, остроумный рассказчик, внимательный слушатель, всегда готовый сделать доброе, приятное,— таким он вошел в ее жизнь. Они встречались часто. И вдвоем и в компании.

Бахарев жил недалеко от Речного вокзала. Поздними вечерами они частенько гуляли по здешнему парку, у притихших в ту осеннюю пору причалов. Николай вполголоса читал Тютчева и Есенина, Маяковского и Светлова. И очень редко, лишь после настойчивых просьб — свои, лирические. Марина была ласкова и благодарна: считала, что ей посвящены эти стихи, что «это она явилась, как неразгаданная тайна», что это она и есть та самая, от которой «сердцу поэта стало теплее».

Поэт не кривил душой: она действительно осталась для него «неразгаданной тайной». Все оказалось куда сложнее. При ближайшем знакомстве Марина предстала не такой уж взбалмошной. И круг ее интересов был куда шире, чем предполагал Бахарев. Много читала, многое знала, неплохо разбиралась в живописи, на многое имела свою особую, правда, порой весьма спорную, точку зрения, которую не всегда было легко опровергнуть.

Как-то, возвращаясь из театра Пушкина, они решили прогуляться по бульвару. На затененных аллеях, уютно устроившись на скамейках, шептались парочки. Марина озорства ради потащила Колю на эти аллеи «вспугнуть птенчиков», а он запротестовал:

— Не надо, Марина... Я ведь тоже не всегда принадлежал к числу счастливых обладателей собственной комнаты... А тебе самой не приходилось вот так?..

— Нет, никогда...— Она оборвала его резко и многозначительно.— Мой девиз: все или ничего. Причем желательно все... Я многого была лишена... Я тебе никогда не рассказывала про...

Она задумалась, затем кивнула головой, нахмурилась.

— Не буду... Не хочу... Потом как-нибудь...

— Почему?

— Не спрашивай.

Они шли молча. Каждый думал о своем. Бахарев пристально взглянул на Марину: «Вот тебе, Бахарев, еще одна загадка! «Потом как-нибудь...» Расснажет ли? А может, это ничего не значащая чепуха... Девичий каприз... Не похоже. Откроется ли? Доверяет ли? Как будто бы да... Но не игра ли это?..»

Стояла хмурая осень. Злой, порывистый ветер шумел в ветках уже оголившихся деревьев. Они шли по Гоголевскому бульвару навстречу ветру. Бахарев первым прервал молчание, начав по обыкновению декламировать стихи. На память пришли тютчевские:

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас...

Он улыбнулся, снова посмотрел на Марину.

— Тебе понравились стихи? Не слушала? Как же так? О чем-то думала?

— Да... Об одном товарище по имени Николай.

Марина взяла его под руку. Он исподволь бросил взгляд на ее лицо — оно светилось радостным ощущением: будто она почувствовала, что и ее спутник охвачен приятным волнением. Бахарев ласково спросил:

— Любопытно, какие такие невеселые мысли навевает фигура скромного литератора?

— Я не склонна к шуткам. Что я знаю о тебе, скромный литератор? Налетел вихрем, разметал все условности. И все пошло кодуном...

Поворот, несколько неожиданный для Бахарева. Ему казалось, что о себе он в разное время по разным поводам уже говорил Марине. Студент-заочник Литинститута. Сейчас пишет повесть. Где-то в Сибири газета опубликовала первые стихи молодого поэта, а сейчас тамошний альманах принял новый цикл его стихов. Так что теперь он при деньгах и может позволить себе заняться повестью. В этой версии была и доля правды. Пожалуй, он может поведать Марине кое-какие подробности, отнюдь не вышедшие.

— Ну что же, Марина, будем исповедоваться... Так, что ли?

Она ничего не ответила, вызов настроиться на шутливый тон не приняла. Снова наступило тягостное молчание, на сей раз нарушенное Мариной:

— По-настоящему я испытала чувство любви только один раз, и оно было безжалостно растоптано...

— Кем? Как?

— ...Вадим был студентом Института международных отношений, а я... Для него я была переводчицей из почтового ящика... Я сумела, что судьбе угодно было сделать меня няней детского сада. Но тогда я была благодарна и за это. Мама находилась в местах суровых. А отец...

Она умолкла. Бахарев — в напряжении: скажет ли?

Марина продолжала, но говорила так, будто скрупулезно взвешивала каждое слово:

— Ну что же, будем, как ты изволил выразиться, исповедоваться... «Ты слушать исповедь мою сюда пришел, благодарю. Все лучше перед кем-нибудь словами облегчить мне грудь».— Марина исподлобья посмотрела на Бахарева.— Как видишь, и меня иногда выносит на поэтическую орбиту. Итак, про отца...

Она рассказывала долго, не сбиваясь. Порой умолкала, словно обдумывала что-то, снова говорила. Теперь уже тихо, иногда даже сквозь зубы, с горечью. И все о том же, что уже известно Бахареву. Он с нетерпением ждал последней страницы этой тяжкой повести — скажет ли всю правду? И мысленно подстегивал ее: «Ну, говори же... Говори. Уже все испытания позади... Мама работает... Ты учишься... А что было потом?..» И — может быть, это ему только показалось — Бахареву стало как-то не по себе, когда Марина обронила: «Вот и вся моя исповедь». Он надеялся, что с ним она будет искренней до конца, что от него у нее не будет тайн... Странно все это. В чем тут дело — забывчивость или еще что-то?..

А Марина продолжала:

— Прошло уже много лет, а мне и сейчас стыдно смотреть в глаза людям, знавшим нашу семью, когда он был с нами...— Она так и сказала об отце: «он».— Но я отвлеклась от главного. Впрочем, трудно сказать, что тут главное — отец или студент? А со студентом вот как было...

И Марина поведала столь же горестную, сколь и тривиальную историю. Они познакомились на танцах. Была любовь. Были цветы. Пылкие объяснения. Рестораи. Театры. Ее «ввели» в дом. Она с детских лет прекрасно знала немецкий и несколько хуже английский. И Вадим и его отец искренне верили в талант молодой переводчицы, блиставшей в обществе гостей этого дома не только знанием языков, но и немецкой литературы, искусства. Она говорила о Цвингере, о сокровищах Дрезденской галереи так, будто всю жизнь провела там в качестве экскурсовода, и так же легко, на память, как хрестоматийные строфы Пушкина, цитировала дневники Гёте о заслугах архитектора Георга Бера, творца купола знаменитой Фрауэнкирхе. Вадим принадлежал к числу тех, для которых все эти обстоятельства играли немаловажную роль. Он недвусмысленно намекал девушке о своих далеко идущих намерениях. Просил Марину познакомить его с ее родителями. Но она тут же сочинила легенду об отце, погибшем на войне, о матери, вышедшей замуж за генерала и живущей на Колыме, где слухит отчим. Кроме старухи тетки, опекавшей ее, у нее никого не было.

Вадим оказался мальчиком весьма настойчивым и однажды поздним летним вечером повел подругу в укромный, заранее облюбованный им уголок ближайшего парка «местного значения». Он честно признался, что есть там скамейка, где... Вадим не успел закончить своего циничного признания, как тут же схлопотал звонкую пощечину. Молодой человек не растерялся, попытался все повернуть на шутливый лад: «Нас не поняли». Потом извинялся, целовал ручки, клялся, лепетал какие-то пошлости. Марина сказала: «Мой девиз: все или ничего». Роман, однако, продолжался. Марина строго хранила свою тайну: она переводчица. Но однажды в доме Вадима девушка лицом к лицу столкнулась с женщиной, ребенком которой ходит в детский садик, где она работала няней. Тайное стало явным. Марина призналась во всем. Рассказала и про мать и про отца. Вадим шарахнулся от нее, словно от прокаженной.

— Вот тебе, Колюня, и конец всей истории моей первой любви.

— А второй не было?

— Сейчас мне еще трудно ответить.

Бахарев отметил, что сказано было это многозначительно, с дрожью в голосе и с вызовом, обращенным и к нему. И он принял этот вызов:

— Теперь, кажется, моя очередь исповедоваться? Удивительное совпадение — я ведь тоже был отвергнут. Причина, правда, несколько иная. У меня действительно родители погибли во время войны — оба были на фронте. Меня воспитывала бабушка. А потом я удрал от нее и попал в дурную компанию. Поймали. Хотели отправить в колонию. Но при обыске бригадмилец изъял из моего чемодана тетрадку со стихами. Листает тетрадку и спрашивает:

— Чьи?

— Мои.

— Давно ли, малый, стихами балуешься?

— Не балуюсь, а пишу. Про красную жизнь...

— Пишешь про красную жизнь, а сам...

— Так то же стихи... А ведь надо и жевать что-нибудь... Слово за слово, и бригадмилец предложил лейтенанту милиции оставить парня на его попечение: «Я в газете работаю... Попробую, может, из парня толк выйдет».

Посмеялись, пошутили, а утром привели меня в редакцию газеты. Показали мои стихи поэту. Тот прочел, поморщился и сказал: «Стихи дрянь, но у парня, кажется, есть искра божья». Определили меня в типографию учеником линотиписта. Долго отливал я в свинцовые строки чужие стихи, пока не пришел праздник и на мою улицу: собственноручно набирал я свои вирши. Ту газету, где напечатали их, храню до сих пор...

Бахарев рассказывал, как всегда, с юмором. Была и любовь, принесшая ему много обид и разочарований. И была та же тривиальная ситуация — что поделаешь, неизобретательны они, товарищи влюбленные. Выдавая себя за бывалого журналиста, поэта, он забыл, что город небольшой, здесь все и всё друг про друга знают. Когда любимой девушке, охотившейся за знатным и богатым мужем, стало известно, что он всего-навсего ученик линотиписта да еще с сомнительным прошлым, она тут же отвернулась от него.

— Потом сожалела... Судьба — индейка. Я, можно сказать, в нашем городе в первой пятерке очеркистов оказался. В Москву вызывали... Стихи мои стали печатать. А поначалу мы с тобой на равных были. Но я не горевал. А ты, Марина?

— Я любила его... Потом обозлилась на всех. За что?.. Пока мама не вернулась, пока всю правду не установили... Пока ей орден не дали... Тот, к которому еще на войне представили...

— А сейчас тоже злишься?

— Бывает... Когда вспомню... Или начнет кто-нибудь рану бередить. Ольга иногда меня допытывать начинает: почему я так поздно учиться пошла? Что ей сказать... Отбрехиваюсь.

Разговор зашел об Ольге.

— Артистка. Неискренняя... Не люблю таких... На лице любезность, добрая улыбка. А на душе...

— Почему же ты дружишь с ней?

— Тянется она к нашему дому. И мамина подруга просит — приголубьте! Вот и голубим. А она фальшивая. К ней муж приезжал, и я случайно услышала их разговор. Все наше советское им явно не по душе. Я поспешила подать голос, а они оба растерялись, смутились, покраснели, что-то лепетали... А потом Ольга вдруг ни с того ни с сего стала рассказывать, как это здорово, что у нас бесплатно лечат... Хотела я ее тогда, что называется, отхлестать, да раздумала... Неудобно... Может, раздражена чем-то была или обидел кто-нибудь... А в институте о ней говорят: душа общества, друг советской молодежи. Поди разберись...

Так, разговаривая о том о сем, они дошли до Марининого дома. Было уже далеко за полночь, и обеспокоенная Анна Михайловна поджидала дочь у подъезда.

— Полуночники. Разве так можно?.. Позвонили бы... Кстати, тебя, Мариночка, весь вечер по телефону спрашивал кто-то. И в одиннадцать звонил. Извинялся, говорит, очень ты ему нужна.

— Кто?

— Интересовалась — не назвался.

— Странно... Завтра позвонит... Кто ищет, тот найдет... Да, Коля, не забудь, завтра у Ольги в институте вечер. Вся наша компания собирается. Придешь?

— Обязательно.

3

Студенческий джаз играл нечто такое, что в одинаковой мере устраивало любителей твиста и танго. Бахарев подошел к Марине, галантно раскланялся: «Разрешите пригласить?» И увел ее подальше от буйных молодых парней и девушек, самозабвенно работавших ногами и руками. Марина, тряхнув золотистыми волосами, заметила:

— Ты хорошо танцуешь твист.

И, словно ободренный похвалой, Бахарев тут же задал такой темп, что у Марины заколотилось сердце. С твиста переключились на рок-н-ролл, вызвав одобрительные возгласы всей их компании.

После танца, взяв Марину под руку, он повел ее к Ольге — она стояла у двери в окружении о чем-то спорящих юношей и девушек. Разговор шел о популярном в ту пору романе. Точки зрения были крайние: одни утверждали, что это «пасквиль на советскую действительность», другие — «писатель смело показал жизнь молодежи такой, какая она есть».

Марина тут же ринулась в спор. Говорила резко, насмешливо. Незаметно она перешагнула за рамки романа:

— В нас разожгли аппетит и правде. Это хорошо... Но эту правду нам хотят выдавать блокадным пайком.

Ее тут же поддержала хрупкая миловидная блондиночка, однокурсница Ольги, их общая подруга, которую все тут называли не иначе, как «наша Риточка». Она почему-то обрушилась на комсорга, Виктора:

— Каждый считает себя обязанным воспитывать нас... И ты тоже... Это читайте — это не читайте; этот поэт бяка, а этот — гений; учат, какие смотреть фильмы, какие носить юбки, прически, какие танцевать танцы.

— Наша Риточка запела с чужого голоса.— И Виктор насмешливо посмотрел на нее.— Это о ней сказано: страшны не ультрамини-юбки, а ультрамини-мысли.

В ответ раздался исторический вопль:

— Вы слышали? Вы слышали? Стоит только сказать правду, всю целиком, как сразу же клеят ярлык: «С чужого голоса!..» Сразу же тебя подозревают в чем-то.

— Обожаемая Риточка,— все в том же ироническом тоне продолжал Виктор.— На кафедре психиатрии тебя будут на руках носить. Будут показывать студентам и говорить: «Полюбуйтесь. Классическая форма истерии, осложненная психогенным неврозом». И профессор, глядя на Риточку, воскликнет: «Друзья. Не забывайте, что еще в семнадцатом веке Сиденгам говорил: «Истерия подражает всем болезням!». В том числе и обостренной мнительности. Посмотрите на эту девушку!..»

Страсти накалялись. В спор снова вступила Марина. И, конечно же, на стороне «нашей Риточки».

Бахарев как-то ловко, никого не обидев, примирил спорщиков, чем сразу снискал расположение всей женской части компании. Ольга тоже поддержала Бахарева: «Ох, уж эти горячие головы» — и неожиданно предложила:

— Друзья, предлагаю всем поехать к нам в общежитие. У Герты такие пластинки...— И она со смаком поцеловала кончики пальцев.

Герта что-то шепнула подруге на ухо и выразительно посмотрела на ребят, стоявших в стороне. Бахарев перехватил взгляд Герты и понял: мальчики ждут своих девушек. Он уже был посвящен в историю интимных отношений Ольги и Герты с двумя студентами из МВТУ — Игорем и Владиком. «Я не уверена в том, что

Ольга любит Владика,— рассказывала Марина.— А вот что касается его, то он, кажется, совсем потерял голову...»

Ольге пришлось быстро перестраиваться.

— Я буду просить прощения у дорогих друзей. Сегодня ничего не получается. Перенесем на следующую субботу... Завтра уезжает домой мой родственник. Нужно успеть купить кофе и бутылочку армянского коньяка. Маленький сувенир мужу.

— Ваш супруг — большой любитель этого нектара,— вступил в разговор рыжеволосый парень в бархатной куртке.

— Я и не знала, что вы такой знаток вкусов Германа.

— Приятное воспоминание о чудесно проведенном дне.

— Какой день вы имеете в виду?

— Воскресный... Когда вы с мужем приезжали к нам домой... Нижайший поклон Герману. Кстати, он просил у меня путеводитель по Бородино. Все забываю передать вам. Завтра принесу в институт.

— Спасибо, дорогой Жорик. Герман будет весьма признателен. Нам тогда все очень понравилось. Очаровательные места. Бородино... Голоса истории. Ну и, конечно, нектар...

— Пять звездочек. Божественный букет...

Слегка захмелевший Жорик — Олин однокурсник и поклонник — все продолжал вспоминать про тот воскресный день, когда Оля и Герман приезжали к нему в гости под Можайск. И, вероятно, юноша говорил бы еще долго, если бы его несколько резковато не прервала Ольга:

— Жорик!.. Довольно... Это все плюсквамперфектум. И никому не интересно... Многословие не украшает мужчин... К тому же еще пьяненьких.

И она несколько демонстративно направилась и щегольски одетому Владику — он стоял в стороне от всей компании. Оля недолго пошепталась с ним и снова вернулась к Марине.

— Мы собираемся домой. Вы с нами или остаетесь?

— Кто это «мы» и кто это «вы»?

— Мы — это Владик, его товарищ, Герта и я. Вы... Я имею в виду тебя и...

Она обернулась в сторону Николая.

Бахарев с любопытством наблюдал за спором подруг. Что будет дальше, на чем порешат?

— Коля, ты решай.

— Как прикажет моя повелительница. Ее слово — для меня закон. Французы утверждают: чего хочет женщина, того хочет бог.— И, улыбнувшись, церемонно поклонился Марине.

— Повелительнице угодно покинуть этот дворец.— И она жеманно подала ему руку.

Шли молча. Разговор не клеился. Николай попытался было восстановить дружескую атмосферу, стал рассказывать какую-то забавную историю, потом начал читать стихи. Но никто не поддержал его. Атмосфера какой-то напряженности, неловкости воцарилась в этой обычно веселой компании. И тогда Николай предпринял последнюю попытку.

— Хватит! Игра в молчанки отменяется...

— Мы слушаем вас,— откликнулась Ольга.— Вы хотите что-нибудь предложить?

— Да. Ваш покорный слуга сегодня гарун-аль-рашид. Он получил аванс за сборник стихов и приглашает всю честную компанию в «Метрополь». Там преотличнейший джаз. Так по крайней мере утверждает мой друг...

И он назвал имя популярного поэта, сразу же вызвав почтительное внимание студентов из МВТУ.

— Полагаю, что мой друг в подобных вещах разбирается. Итак, объявляю референдум: кто за?

Ольга демонстративно скрестила руки на груди, как бы сказав мальчикам: «Делай, как я». И они тут же приняли ее команду: отказались от ресторана. Только Марина подняла руку: «Я — за!»

Бахарев терялся в догадках: откуда Ольгин афронт? И против кого — против меня или Марины?

4

...В десять часов вечера заполучить столик в «Метрополе» — это почти подвиг. Вначале Марина решила, что Бахареву повезло. Оставив ее на несколько минут в вестибюле, он сумел договориться с метрдотелем. Но оказалось, что тут дело не в «везении».

— Я не могу сказать, что мы хорошо знакомы с ним. Но раза два метрдотель видел меня в компании моего друга. Для него это достаточно. Сейчас нам поставили дополнительный столик.

— О, какой ты важный, Коля!.. Видимо, вашего брата с Парнаса уважают здесь...

Бахарев усмехнулся.

— Люди гибнут за металл, дорогая моя...— И Николай, нарочито выставив вперед грудь, зашагал, взяв под руку Марину.

Она была в прекрасном настроении. Смутный полусвет. Звонящие удары джаза. Танцы. Снующие меж столиков официанты с их заученными движениями и улыбками. Ресторанный гомон. А главное — рядом с ней он, Николай, человек, который вдруг, непонятно почему, стал ей так близок и дорог. Они не пропустили, кажется, ни одного танца. Бахарев танцевал легко, непринужденно. За столом он, к месту и в pendant настроению, прочел светловское четверостишие:

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта,—
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты...

Марина благодарно посмотрела на Бахарева, и они многозначительно чокнулись бокалами. Потом она без удержу болтала, злословила в адрес Ольги, рассказывала о Владике, который,

находясь на практике в Севастополе, ежедневно присылал Ольге длинющие письма до востребования, а вернувшись из Севастополя, с вокзала заехал сразу не домой, а к ней, в общежитие. Это было буквально через неделю после того, как из Москвы уехал муж Ольги. О нем, о Германе, она почти ничего не знает. Кажется, причастен или хочет быть причастным к журналистике. Ольга рассказывала, что муж ее пишет какую-то монографию, а может быть, роман, посвященный спартаковцам двадцатых годов. И даже консультировался в Москве, в Институте марксизма-ленинизма. Но его очень интересует и война двенадцатого года, Бородино. Они ездили туда...

— Я хотела вместе с ними, но Ольга... Странно... Владик, Герман — и ревность... Герман был ко мне внимателен несколько больше, чем полагается в таких случаях.

— Кстати, почему она такая ершистая сегодня?

— Мне кажется, что Ольга чем-то уязвлена.

— Чем?

— Из двух подруг один литератор отдал предпочтение не ей...

Бахарев весело рассмеялся.

— Глупости, Марина... Ты фантазируешь... Мне даже неловко.

— А мне очень приятно. Она задавака. Пусть не воображает себя королевой.

— Это же твоя подруга, почему ты так о ней?..

— Я злючка. Я тебе говорила уже об этом. Даже близкой подруге не верю...

— Нельзя так, людям надо верить.

— Чепуха!.. Это из публичной лекции о моральном кодексе...

И сразу умолкла, сникла, тут же начав ожесточенно расправляться с котлетой по-киевски.

К их столику подошел высокий, лощеный, сухопарый мужчина в черном, с иголочки, костюме, с черной холеной бородкой. Слегка склонив голову, он обратился к Николаю:

— Разрешите пригласить вашу даму?

Сказано было глуховатым, но приятным, бархатным голосом, в котором едва угадывался иностранный акцент. Бахарев приметил этого человека еще тогда, когда минут двадцать назад тот заглянул в зал. Судя по тому, как к гостю сразу же бросился метрдотель, Бахарев догадался, что иностранец — турист. Его незамедлительно провели к столику.

Бахарев раза два-три, оглядывая шумный зал, на долю секунды задерживался на фигуре иностранца. И он перехватывал взгляд гостя, устремленный к Марине.

— Пожалуйста,— любезно ответил Николай.

И тут произошло такое, что повергло гостя в полное замешательство. Марина горделиво вскинула головку и вдруг резко, всем корпусом повернулась в сторону Николая. Не глядя на склонившегося перед ней иностранца, она растерянно пролепетала:

— Простите, у меня болит голова... Я хочу пропустить этот танец... Извините...

— Я очень огорчен, фрейлейн.— Видимо, он не сразу решил, как ему следует обратиться к Марине: фрау или фрейлейн.— Хочу надеяться, что и следующему танцу вы будете себя прекрасно чувствовать... Я буду просить разрешения резервировать ваше согласие,— обратился он к Николаю. Иностранец говорил по-русски достаточно бойко.

— Да, конечно... Мне неприятно, но что делать,— мило улыбнулся Бахарев.

Гость тоже ответил улыбкой, но подчеркнуто иронической.

— Хочу надеяться, что отказ вашей очаровательной дамы никак не связан с моим иностранным происхождением.

— Нет... Что вы, что вы... Как чувствуешь себя, Марина? Пообещаем гостю следующий танец?

Марина не ответила, но, крепко стиснув ладонями виски, все объяснила без слов: болит голова.

Иностранец учтиво раскланялся и направился к своему столу.

Бахарев недоумевал: в чем дело? Действительно ли у Марины болит голова, или тут другая причина? Однако на раздумья времени не оставалось. Тем более, что Марина решительно предложила, не дожидаясь кофе и мороженого, ехать домой. Они уже собрались было уходить, как подскочил официант, заверив, что все будет подано, как он выразился, «сей момент». Однако Марина продолжала капризно твердить свое: «Не хочу кофе, хочу домой...» Бахарев попытался перейти на шутливый тон:

— Ох, Марина, чует мое сердце — дело кончится дипломатическими осложнениями... Этот долговязый может черт знает что подумать и черт знает что сотворить. Я же в прошлом газетчик и знаю их брата: «Русская девушка боится танцевать с иностранцем» — неплохая шапка для буржуазной газетенки. Что, а? Нет, уж прошу тебя...

Между тем принесли кофе с мороженым. Загремел оркестр. Иностранец в тот же миг появился у их столика и склонился над Мариной.

— Прошу вас...

Деваться было некуда. Право, не отказывать же во второй раз. Она пошла танцевать с гостем.

Бахарев пригласил даму с соседнего стола, что позволило ему понаблюдать за бородатым иностранцем, а в какой-то момент он даже оказался почти рядом с ним.

Что случилось с Мариной? Побледнела, плотно, зло сжала губы. Гость непрестанно что-то торопливо нашептывает ей, а на лице девушки то испуг, то гнев. Гремит музыка, гудит зал, и иностранец, видимо, вынужден говорить громче. И тогда Бахареву — он чуть ли не столкнулся с Мариной — удалось уловить несколько слов: «Папа весьма сожалеет... Он просил...»

И все. Чей папа? О чем сожалеет? О чем просит?

Танец кончился. Иностранец проводил Марину к столу, поцеловал ручку, раскланялся с ней, с Николаем. Процедил «благодарю вас...» и твердым шагом промаршировал в угол зала.

Марина не проронила ни слова и рассеянно перекладывала с места на место вилку, ножик, салфетку...

— Как чувствуешь себя? Голова все еще болит?

— Спасибо... Мне лучше, но...

В это мгновение она перехватила мимолетный взгляд Бахарева, разглядывавшего ее левую руку. Марина смутилась, сунула руку под стол и растерянно пробормотала что-то невнятное. Она просит прощения, ей надо удалиться на несколько минут...

— Господи, Марина... Мы же друзья. Прошу без всяких цирлих-манирлих. Кстати, я тоже выйду — хочу позвонить другу, предупредить, что завтра буду у него попозже...

Когда они вышли из ресторана на улицу, ее знобило. Бахарев спросил: «Что с тобой?» Она ответила: «Вероятно, простудилась». И всю дорогу молчала, отвечая на вопросы лаконично: «да», «нет», «кажется», «вероятно».

Проводив Марину до дома, Бахарев из автомата позвонил дежурному по управлению. Хотел перепроверить: поняли его, когда он звонил из ресторана?

— Да, все понято, меры приняли.

Продолжение следует.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ТАЙНИК

С утра Бахарев позвонил Марине. К телефону подошла мама.

— Марина нездорова... Температуры нет, но слабость, озноб... Настроение? Скверное. Со мной не разговаривает. Может, с вами? Приехать? Сейчас спрошу у нее... Нет, сегодня просит не приезжать...

Бахарев повесил трубку: «Случай, когда даже не требуются мозговые извилины. Достаточно иметь глаза...»

Где-то он это вычитал и говорил себе в назидание каждый раз, когда ситуация казалась ему предельно ясной. Мысленно Николай уже решил: Доб-1 и эта девица находятся в прямой связи. Все сомнения на этот счет сейчас отброшены. С этим он и отправится сегодня к Птицыну.

Их встреча назначена на три часа. Значит, еще успеет заглянуть в свое кафе. Была у него такая любимая нарпитовская точка, как он величал кафе на Пушкинской площади. Бахарев неторопливо, без аппетита доедал сосиски. Вновь и вновь он возвращался к событиям минувшей ночи в ресторане, пытаясь проникнуть в полный всяких сложностей Маринин мир. Бахарев неожиданно поймал себя на мысли, вызвавшей у него даже некоторую тревогу: мир этот пробуждает в нем куда больший интерес, чем того требуют обстоятельства дела. И где-то там, в глубине души, глухо пробиваются смутные чувства... Бог ты мой, неужели?.. И уже предупредительно гремит голос разума: «Нет, нет! Служба, служба, Николай... Работа... Долг...» И он полон решимости сегодня же заявить Птицыну: «Имеющиеся улики — против Марины Эрхард-Васильевой».

А какие, собственно, улики? Она же сама ему почти обо всем рассказала. Встреча в ресторане? Не для нее она явно неожиданна. Да, допускаю, снова появился друг Эрхарда, хотя тот был без бороды. И, если Бахареву не изменяет зрительная память, они вовсе не похожи друг на друга — Альберт Кох, фотография которого хранится в архиве, и человек из ресторана. Да, допускаю: этот человек охотится за Мариной. Танцуя с ней, надел ей на палец левой руки бриллиантовое кольцо — подарок отца. А что она должна была делать? И в ответ — вопросы, вопросы... Почему не рассказала ему, почему бежала из зала и сняла кольцо? Почему не хочет его видеть сегодня?

Так он готовился к разговору с Птицыным. Бахарев вышел на площадь и посмотрел на часы: времени в обрез. Хорошо бы такси поймать. На противоположной стороне улицы, у памятника Пушкину, остановилась машина, вышел пассажир. В чем дело? Почему машина не идет на стоянку? Бахарев перебежал дорогу и — к шоферу.

— Свободен?

— Занят, жду пассажира.

Бахарев огляделся. И вздрогнул от неожиданно увиденного: бог ты мой, как же так?.. На одной из скамеек сидела Марина. Нет, он не обознался. Это она. Нарядная, красивая, но бледнее обычного. И растерянно смотрит по сторонам. Ждет кого-то... Кого? С кем у нее свидание? Странно, его, Николая, она не захотела видеть, сказалась больной. Николай хотел было окликнуть Марину, но что-то побудило его отойти в сторону, чтобы понаблюдать, оставаясь незамеченным.

Марина поднялась с места и направилась к кому-то навстречу. Это был тот самый, что на такси подкатил. Остановился, снял шляпу, поцеловал руку Марины. Еще несколько секунд, и Бахарев увидит его лицо.

О, это же заморский гость, джентльмен, который вчера вечером в ресторане приглашал Марину танцевать. Теперь он под руку вел ее к такси.

Машина лихо рванула с места, Бахарев посмотрел вслед убегающему такси и в то же мгновение заметил помчавшуюся вслед голубую «Волгу» с хорошо знакомым ему водителем.

...Бахарев во всех подробностях рассказывает Птицыну о событиях вчерашнего вечера в ресторане, о неожиданной встрече на Пушкинской площади и безапелляционно заключает:

— Нити тянутся к Марине... Я почти уверен в этом.

Птицын слушает Бахарева, не глядя на него.

— Как понимать твое «почти»?

— Остается уточнить некоторые детали, в частности роль мамы...

Бахарев отвечает быстро. А Птицын задает вопросы неторопливо. И вдруг между прочим замечает:

— В нашем деле иногда требуется бесстрастность. Страсти мешают анализировать... Вот так... Кофе пить будешь?

Бахарев молчит. Напряженно думает.

— Если не было бы страстей, то мир перестал бы существовать, дорогой Александр Порфирьевич... Мысль неоригинальная, но проверенная жизнью.

— Не спорю... Но пересол вредно действует на пищеварение... Мысль тоже неоригинальная, но тоже проверена жизнью... Согласен? Вот так. Пофилософствовали мы с тобой немного и хватит. Вернемся к делу. Еще рано делать выводы. Хотя допускаю и твой вариант: Эрхард — Марина. Более того, к твоим логическим заключениям можно добавить и некоторые вещественные. Я вновь просматривал архивные материалы и нашел фотографию Марины — теперь уже с двумя иностранными туристами. Стоят у входа в гостиницу «Метрополь». Альберт Кох, видимо, знакомит ее со своим другом, спутником — лица не видно. И еще, что не менее важно. В деле имеется запись второй беседы Марины с Кохом. Точнее, с двумя сразу. В том же кафе. Перед отъездом Альберт Кох снова повел разговор об отце, об Эрхарде. Его, мол, гложет тоска по семье, и он по-прежнему одинок. И все лелеет надежду увидеть дочь, жену. Эрхард верит, что когда он закончит свою — рассчитанное на западного читателя исследование русской литературы — работу, то получит моральное право просить у Москвы разрешения вернуться к семье.

Турист обо всем этом говорил на высокой ноте, с многозначащими паузами и при всем том вопрошающе смотрел на Марину: какова реакция? И когда по его соображениям настала самая пора, он будто невзначай сказал: «Дочь должна помочь отцу...»

Марина тогда ничего не ответила туристу, ничего не обещала. А Кох, прощаясь, все же счел нужным напомнить девушке:

— Отец всегда остается отцом... Это вечная истина. Не забывайте ее, фрейлейн Марина. Я буду просить вас подумать обо всем, что вам сказал. У вас для этого будет много времени...

И снова Марина промолчала. Даже привета отцу не передала.

...Птицын не комментирует этот архивный документ. Он хочет знать мнение Бахарева.

— Что скажешь, Николай Андреевич?

— Веский аргумент. Более того. Не могу найти ответа на один вопрос: почему Марина, рассказав мне все, со всеми подробностями об отце, умолчала об этих встречах, о странном подарке? Почему? Что тут — страх, недоверие

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4, 5.

или какой-то расчет, какое-то обязательство? И еще: знает ли об этих встречах доктор Васильева? И догадывается ли дочка, чем занимается сегодня ее отец? Или верит Коху?

— Ты, пожалуй, слишком много вопросов сразу поставила, Николай Андреевич... Ну, что же, будем составлять планы операции... Уже накопились кое-какие данные.

Иностранец Зильбер предложил Марине поехать за город погулять, пообедать...

— Я есть большой любитель русской природы, русской старины... Архангельское!.. Кажется, ваш Герцен писал: «Бывали ли вы в Архангельском? Ежели нет — поезжайте...»

— У вас изумительная память!

— О, я никогда не жаловался на нее... Значит, вы будете следовать совету Герцена? Там?

Иностранец остался в восторге от музея, картин, изумительных коллекций фарфора. Потом они долго гуляли по парку, любовались зубчатой полосой леса, синевшего за гладью излучины Москвы-реки, восхищались «Чайным домиком».

Стоял теплый осенний день. В небе плыли облака, белые, розовые, какими они бывают только в мае, июне.

— Очаровательное единство архитектуры, пейзажа, скульптуры, живописи,— восторгался иностранец.— Кто бы мог подумать, что этот великолепно звучащий оркестр природы организован человеком... Князь Юсупов... Там, кажется?..

— Если вы имеете в виду фамилию последнего владельца этой усадьбы, то вы не ошиблись. А если интересуетесь истинными творцами красоты Архангельского, то это крепостные художники, архитекторы...

— Да, да... Так есть... Гении народа...

Они спустились к пруду, а потом вышли на безлюдную аллею, где под сенью плакучей ивы стояла неприметная скамейка.

— Присядем, отдохнем...— предложил спутник.— Вы не возражаете?.— И, не дожидаясь ответа, сел на край скамейки.

А потом увлек Марину туда, где гуляли обитатели военного санатория, расположенного на берегу Москвы-реки.

На нижней террасе Марина встретила подругу по институту. Девушка шла под руку с отцом, генерал-лейтенантом инженерно-технической службы, о котором в институте ходили легенды. Как ни скрывала Тоня, но девушки знали, что ее папа — ученый, причастный к космическим делам. И саму Тоню в шутку называли «мисс Венера».

Видимо, дочь приехала навестить отца в санаторий. Марина еще издали ее узнала и весело поздоровалась.

— Привет, «мисс Венера»!.. Это моя подруга по институту,— объяснила она спутнику.— Тоня...— и назвала простую русскую фамилию...— А это, видимо, Тонин отец...

— О, странное имя «мисс Венера»...

Марина начала было расшифровывать и тут же запнулась, смутилась. Но он не стал допытываться. Сделав легкий поклон, сказал:

— Прошу прощения... Мне надо купить сигареты... Я оставляю вас на несколько минут. Разрешите? — И быстро исчез.

Он вернулся минут через десять и снова извинился.

— То есть сложная операция — покупка сигарет. Пока я нашел киоск...

Часов в пять небо насупилось, надвинулись темные тучи, и под веселые раскаты грома зашумел ливень. Иностранец подхватил Марину под руку, и они побежали в ресторан.

День был воскресный. Народу много — гости отдыхающих да и просто любителей загородных прогулок. Метрдотель любезно встретил иностранца и его даму, но тут же беспомощно развел руками.

— Все места заняты. Однако мы сейчас что-нибудь сообразим.— И лицо его засветилось приветливой улыбкой, которая, видимо, всегда была у него на вооружении.

А через минуту он уже провожал гостей к большому столу, в углу зала: «Здесь вам будет удобно».

Они сели рядом. У окна.

— Что будем пить? Армянский коньяк? Русская водка? Шампанское?

Марина отказалась.

— Но вы же что-нибудь будете пить... кроме вашего знаменитого боржома?

— Наше знаменитое пиво... Жигулевское.

— О, то есть голос крови... Немцы обожают пиво.

— А я не немка. Я русская. Васильева. Дочь своей мамы.

— По паспорту. Это, говорят, очень принято у вас.

Мило беседуя со своей спутницей, турист и не заметил, как к их столику подошли двое: высокий парень в сером модном костюме с белым треугольником платочка, выглядывавшим из нарядного, и миловидная девушка. Свободный и широкий жест, легкий акцент позволяли без труда угадать в парне грузина. На вид ему, как и его подруге, было не более 25. Ее каштановые волосы шелковыми волнами ложились на виски, подчеркивая привлекательное лицо со вздернутым носиком.

— Разрешите? — Грузин склонился над столом и приветливо улыбнулся.— Вы не будете возражать, если мы сядем за ваш стол? Понимаете, создалась безвыходная ситуация.— И он развел руками.— Все места заняты... И только за вашим столом...

Наступило неловкое молчание. Девушка со вздернутым носиком стала было упрекать грузина:

— Я же тебе говорила, Серго, что это неудобно... И метрдотель предупредил...

Но тут в разговор вступила Марина:

— Почему же неудобно? Вы нам вовсе не помешаете. Не так ли, Эрнст Карлович?

Иностранец не ответил.

— Пойдем, пойдем, Серго. Прошу тебя.

— Ва, подожди. Здесь, кажется, матриархат,— попробовал он отшутиться.

И вдруг в голосе Марины зазвучал металл:

— Я не понимаю вашего молчания, Эрнст Карлович. Приятные молодые люди хотят...

— О, я есть очень доволен. Если это вам не будет мешать, фрейлейн. Великолепное общество.— Смутившись, иностранец перешел на сбивчивую речь.

— Лена,— представилась девушка.

Они познакомились. Серго тут же атаковал иностранца:

— Вам понравились женские головки Ротари? Не правда ли, изумительны? Мастерски выписаны, хотя и не очень глубоки. Согласны? А Гюбер Робер? А коллекция «антиное»? О, этот князь знал, что надо привозить из Италии. Какая картина произвела на вас самое большое впечатление?

Зильбер, не задумываясь, назвал несколько полотен прославленных мастеров французской, итальянской, голландской, фламандской школ. А потом, обращаясь к Марине, вдруг спросил:

— А как вам понравилась картина Дуайена «Андромаха, защищающая Астианакса»?

Девушка подняла брови, усмехнулась каким-то своим мыслям и ничего не ответила.

— Так как есть, Марина?..— продолжал допытываться гость.

— Вы не обижайтесь, господин Зильбер, но во мне эта картина вызвала не очень приятные для вас ассоциации.

— Это есть неожиданный ответ... Для меня лично?.. Странно. В каком образе я представился фрейлейн? Астианакса?

— Нет, нет, господин Зильбер... Вы не владелец Астианакс... Вы полководец, разрушитель Трои... Я смотрела на Андромаху, ее обезумевшие от горя и страха глаза и вспомнила рассказ мамы... Когда гитлеровцы пригнали колонну пленных в какую-то украинскую деревню, их повели на площадь перед церковью, чтобы показать им, каков он есть, новый порядок. В центре стояла виселица, на которую должны были вздернуть молодого парнишку — связного партизан. Ему «гуманно» разрешили проститься с матерью. Моя мама, она была среди пленных, говорила мне, что на всю жизнь запомнила полное ужаса лицо крестьянки, отбивавшей сына у эсэсовцев, ее истошный крик «Не отдам, сынку! Меня вешайте, а его живым оставьте». И вот так же, как греческий полководец на картине, невозмутимо стоял на площади гитлеровский офицер, ваш соотечественник, господин Зильбер... Он стоял и усмехался, глядя на несчастную женщину.

— Вы есть маленький зверек с очень острыми зубками,— огрызнулся турист. На лице его резко обозначились красные пятна, и заметно было, как он сейчас внутренне напрягается для прыжка и как трудно ему удержаться от этого прыжка. Но он удержался и с улыбкой, небрежно, стараясь смягчить резкость тона, заметил: — Я буду вам напоминать, что Вильгельм Пик и Макс Рейман тоже есть мои соотечественники. Я буду надеяться, что фрейлейн имеет хорошую память и на такой факт...

— Я ничего не забыла, господин Зильбер. Мне трудно забыть, если бы я даже захотела этого. Простите, я не желала вас обидеть. Просто так... Мы по-разному воспринимаем одну и ту же картину. Это бывает. Мрачные ассоциации приходят без спроса...

Наступило неловкое молчание, и неизвестно, сколь долго бы оно продолжалось, если бы не голос грузина:

— Вай-вай! Вы меня извините, дорогие друзья, но этот разговор не для застолья. Я прошу поминутъ внимания.— И Серго выдал длиннющий, один из ста известных ему грузинских тостов, смысл которого сводился к тому, что на свете есть много гостеприимных домов, но нет в мире более гостеприимных хозяев, чем в том большом советском доме, гостем которого милостью судьбы оказался уважаемый господин Зильбер.

Эрнст Карлович галантно ответил, что судьба была милостива к нему, ниспослав такую очаровательную спутницу (голова склонилась в сторону Марины), такую милую соседку по столу (голова склонилась в сторону Елены) и такое приятное знакомство с сыном Грузии, о которой он много слыхал и читал (поклон в сторону Серго).

Серго подозвал официанта, что-то шепнул ему на ухо, и через пять минут перед Мариной поставили бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет.

— Простите, мы этого не заказывали,— смутилась Марина.

Официант бросил многозначительный взгляд в сторону грузина, и тот поспешил внести ясность:

— Не обижайте... Наш кавказский обычай.

Елена от души смеялась.

— Положение ваше безвыходное. Все ваши протесты останутся без внимания. Серго — настоящий грузин, и этим все сказано.

— То есть очаровательный обычай,— весело воскликнул Зильбер.— Хорошие обычаи всегда заслуживают подражания.— И перед Еленой поставили две бутылки шампанского и две коробки конфет...

Молодые люди охотно рассказывали о себе. Они — жених и невеста. Аспиранты. Вчера был сдан последний трудный экзамен, и сегодня «отмечается» это радостное событие.

Потом разговор пошел о чертах характера разных народов, и Эрнст Карлович, отрекомендовавшись туристом, поспешил заметить:

— У русских весьма превратное представление о западных немцах. Они не есть одинаковые. Среди них имеются люди, которые очень болезненно реагируют на возрождение нацизма. Хотя сам я очень далек от политики. Моя специальность — физика плюс математика. И когда я есть гость Москвы, мои мысли не о политике, а о Ландау и Капице, Семенове и Калдыше... Эти люди принадлежат всем народам... Вы будете согласны со мной?..

— Когда я ем, я глух и нем... У русских есть такая поговорка,— ответила Елена.— Давайте пить и закусывать...

— Да, да,— подхватил Серго,— пить и закусывать. Я хотел бы поднять этот тост...

И он обрушил на иностранца целый каскад тостов. Один из них он произнес за Германию Гете и Гейне, Маркса и Тельмана. Зильбер аплодировал.

— То есть прекрасный тост.

Серго посмотрел на гостя и заметил, как беспокойно бегают его глаза.

Разговор зашел о красотах Архангельского. Иностранец был достаточно осведомлен обо всем, что касалось истории усадебного дворца, событий, когда-то происходивших в этом живописном уголке Подмосковья.

— Вы так много знаете,— удивилась Елена.— С вами очень интересно разговаривать...

— То есть маленькое преувеличение. Я имею скромный багаж знаний. Но я много читал о России, люблю ее писателей.

— Кто из них вам больше по душе? — спросила Елена.

— Из всех русских писателей, которых называют классиками, я больше всего люблю Толстого. Океан мудрости.

От Толстого Эрнст Карлович как-то незаметно перешел к современной русской литературе, но аспиранты разговора не поддержали. Серго и Елена что-то нашептывали друг другу. А Зильбер тихо сказал Марине:

— У нас очень популярны русские интеллигенты-правдолюбцы.

— Оригинально... Интеллигенты-правдолюбцы... Кто же у вас ходит в правдолюбцах?

Эрнст Карлович назвал несколько фамилий и, между прочим, фамилию того самого поэта, который, по словам Николая Бахарева, числился в его друзьях. Марина оживилась.

— Любопытное совпадение. Молодой человек, с которым я вчера была в ресторане, сам поэт и друг того поэта, которого вы назвали...

— То есть приятное совпадение. Я имею просьбу вашего папы, если это не затруднит меня, привезти ему для книги что-нибудь любопытное из жизни современных советских писателей. И, конечно, личные впечатления... Я буду весьма признателен фрейлейн, если она познакомит меня со своим другом.

Марина пристально посмотрела на иностранца, окинула его вопрошающим взглядом и неторопливо ответила:

— Что же, пожалуй... Почему бы и нет...— Однако голос ее звучал не так твердо и уверенно, как обычно. Уже поднимаясь из-за стола, Марина сказала: — Я хочу напомнить вам, господин Зильбер, про обещанную газету... Мне интересно прочесть эту статью...

— Да, да... Конечно... Обязательно... О, я буду просить прощения за свою забывчивость... Видите, у меня не есть такая хорошая память. Я буду приготовлять для вас газету и в последний момент оставил ее в номере... О, я есть очень рассеянный...

Все, что докладывал подполковнику Николай Бахарев, все, что сообщали оперативные сотрудники, казалось, неопровержимо свидетельствовало: разгадка «Доб-1» — в семье доктора Васильевой-Эрхард. Надо лишь точнее установить — мама или дочка? Или и мама и дочка вместе? И все же подполковник Птицын почему-то испытывал тревожное чувство — не идет ли по ложному следу? Сколько раз случалось, когда хитрый, умный противник ловко путал карты. Может быть, и сейчас так...

Прошло уже несколько недель с тех пор, как Бахарев набрел на первый след «Доб-1», и ему, Птицыну, казалось, что скоро будет распутан весь клубок. Генерал Клементьев и непосредственный начальник Птицына, полковник Крылов, уже несколько раз спрашивали его: «Скоро ли?» А он вынужден отвечать: «К сожалению, не могу дать точного ответа». Птицын подробнейшим образом излагал все обстоятельства дела. Генерал молча выслушивал его и реагировал весьма сдержанно:

— Ну-ну, продолжайте действовать, Александр Порфирьевич... Только спокойно. Людей не дергайте. Как известно, частенько самые веские доказательства дает время... Не мне думается, что в данном случае время не наш союзник.

И вот клубок, кажется, начинает распутываться. Птицын внимательно слушает сообщение Серго и Елены. Иностранца интересует настроение студенчества, отношение молодежи к некоторым явлениям жизни и литературы. Зильбер как бы вскользь заметил, что в западной печати появилось сообщение о каких-то русскоязычных журналах, распространяемых среди молодежи. И Марина очень туманно намекала ему, что есть у нее друзья, которые смело, как она выразилась, правду-матку режут... И потом просьба познакомить с «литератором». И поручение отца. И эта, пока неизвестная им газета с какой-то неизвестной статьей, так заинтересовавшей студентку. И вообще сам факт второй встречи с Зильбером. Серго, резюмируя свой рассказ о поездке в Архангельское, говорит: «Зильбер пока еще прощупывает настроение Марины, но, кажется, намерен кое-что поручить ей». И Птицын, прослушав запись беседы Зильбера с Мариной в Архангельском, склонен согласиться с Серго.

Бахарев в общем-то придерживается точно такого же мнения. И не для того, чтобы опровергнуть Серго, все же задает вопрос:

— Неужели Зильбер только затем и приехал? Это что же — основное его задание? Или, так сказать, попутно?..

— Вот и меня это смущает...

Птицыну тоже неясно, зачем понадобился

«гость». И вообще, где доказательство того, что он имеет какое-то задание? Разве уже начисто исключена самая простая ситуация: физик Зильбер приехал в качестве туриста, встречался со своими коллегами в институте, занимающимися проблемами радиоэлектроники (это предусмотрено программой пребывания гостя в СССР), но, выполняя просьбу друга, повидал его дочь, передал ей сувенир... История с кольцом? Ну и что же? По причинам понятным она не хотела афишировать подарок отца и тогда, в ресторане, пошла в дамскую комнату и сняла кольцо. Может, и от матери скрыла... Кто же он в действительности, господин Зильбер? Так молча Птицын вел трудный разговор с самим собой, будто и не было в комнате его помощников.

И вдруг неожиданный вопрос:

— Серго, вы можете назвать какую-нибудь характерную примету этого физика?

— Ва, конечно! Когда он фужер с вином поднимал, держал его двумя пальцами: большим и третьим. На указательном заметен вывих последней фаланги. Ноготь чуть влево свернут...

Птицын вышел из-за стола.

— Это точно? На указательном?

— Ва, за него вы меня принимаете?

— Отлично. Благодарю... Не угодно ли кофейку? Вон там, в углу, чашки и кофейник. Не хотите? Как угодно. А я побалуюсь...

Птицын налил чашку кофе, отхлебнул и чуть не замычал от удовольствия: этот божественный напиток он принимал благоговейно и над кофеваркой буквально священнодействовал.

— Считайте себя свободным, товарищи... Впрочем, нет, ты, Бахарев, подожди моего звонка у себя в кабинете. Скоро принесут последнее сообщение «Ландыша».

Бахарев собрался уходить. Птицын сердито посмотрел на него, спросил:

— Ну, чего насупился? Чего, спрашиваю? Какая такая трагедия свершилась?

— Никакой трагедии... Обычное многосложное сплетение обстоятельств, именуемое «жизнью».

— Тушану не напускай. Вижу, не слепой. Чего нос повесил? В чем дело? Говори по совести: ты уверен, что это от Марины нить к тайнику тянется?

— Александр Порфирьевич...— запнулся и смерил Птицына испытующим взглядом, словно спрашивал: «А как отнесетесь вы, подполковник, к моему раздвоению чувств?» Нет, никакого раздвоения! И твердо, решительно спросил: — Вам угодно выслушать мой искренний ответ?

— Если уж есть что ответить, тогда отвечай.

— Нет, не уверен.

— Почему?

— Жизнь, она штука сложная... В схему ее никак не уложишь. Послушал я Серго с Еленой, вспомнил свои беседы с Мариной, еще раз проанализировал все, что случилось в ресторане, и думаю так: поспешил я с выводом, когда докладывал вам. Улик много, а весомых, настоящих нет. Нет же их... Где они? Утаила встречи с Кохом? Да, утаила. Почему? Полагаю, что только из чувства ложного страха... Не снимаю вины с нее за это...

— Ну-ну... Улики, они, конечно, имеются. Только эмоции некоторых товарищей не позволяют им...

Бахарев снова поморщился.

— Александр Порфирьевич! Не ругайте меня за то, что скажу сейчас... Поверьте: это не амбиция, а от души... Верьте слову коммуниста...

— Говори.

— Может, и делу «Доб-1» вместо меня привлечь другого? Может...

Бахарев запнулся. Ему почему-то вспомнился его недавний разговор с Птицыным, когда поздно вечером они возвращались домой. Был разговор о жизни вообще, о молодости, ее порывах, заботах, исканиях. И совершенно неожиданный вопрос Александра Порфирьевича:

— Все хочу тебя спросить, Коля... Вопрос чисто теоретический. Если, скажем, отрешиться от конкретных обстоятельств жизни девушки по имени Марина, сама по себе, как таковая, могла бы она тебе понравиться?.. По душе ли такая?

— Трудный вопрос...— смущенно ответил Бахарев.— Возможно, что и да...

Почему он сейчас вспомнил этот свой разговор с Птицыным? Почему так иронически поглядывает на него подполковник?

— Вы правильно поймите меня, Александр Порфирьевич. Это не малодушие. Это голос...

В это время в комнату вошел полковник Крылов и остановился у двери, прислушиваясь к разговору.

— О чем шуметь изволят господа Могры? Чем изволите недовольны быть, Александр Порфирьевич? Мрачнее тучи... Николая Андреевича на путь истины наставляете? И то дело...

Птицын и Бахарев смущенно молчали.

— Так о чем спор?

— Спора нет, Иван Михайлович. Есть сложное сплетение обстоятельств, в силу которых...— Он запнулся.— Ну, как бы это точнее выразиться...

— Мы не на сессии ООН. Не дипломатничайте, Птицын.

— Так вот, в силу этих запутанных обстоятельств, касающихся дела «Доб-1», Николай Андреевич полагает, что ему следует в сторону отойти... Передать, так сказать, эстафету...

— Это что же за обстоятельства такие?— И Крылов, прищурившись, хитро посмотрел на Бахарева. — Впрочем, догадываюсь... Вы мне, помните, рассказывали, Птицын, про некоторые психологические контурны... Не сердитесь, Бахарев. Не надо...— Полковник подошел к нему поближе и дружески положил руку на плечо.— И не ершитесь, пожалуйста... Всякое бывает с существами, именуемыми homo sapiens. Даже если они сотрудники КГБ... Вспомнилась мне сейчас любопытная история. У вас есть несколько свободных минут? Тогда присаживайтесь и послушайте.

Крылов и Бахарев сели на стулья у приставного столика, а хозяин кабинета плюхнулся в массивное кресло у сейфа. Лейтенант чувствовал, что полковник затеял разговор неспроста, и нервно ерзал на стуле.

— Чего-то вам не сидится, Бахарев,— иронически ухмыльнулся Крылов.— Вы не нервничайте, не о вас речь... Учитесь властвовать собой, молодой человек. Курить будете? Не курите, молодцом. А я грешен — люблю сигару пососать.

Крылов затянулся и, как бы собираясь с мыслями, уставился в потолок.

— История эта врезалась в память, знаете, как клинопись на камне... со всеми деталями... Но я буду краток. Место действия — Прибалтика; время действия — лето 1940 года; главные действующие лица — Иван, да Василий — командиры Красной Армии, да Анна-Луиза — просто миловидная девушка. Неглавных действующих лиц перечислять не буду. Их было предостаточно. Обстановка — весьма напряженная и сложная. Прибалтику хотели втянуть в империалистические авантюры. И тогда слово взяли трудящиеся массы — они потребовали немедленного восстановления Советской власти, свергнутой Антантой в 1919 году, потребовали воссоединения с СССР. Власть перешла в руки прогрессивных сил. Рухнули двери тюрем, и политические заключенные, среди которых было немало коммунистов, вышли на волю.

И Крылов, как заправский чтец-декламатор, умолк на секунду.

— А теперь, друзья, я вас приглашаю в небольшой островерхий особняк за высоким зеленым забором, в особняк, принадлежавший хорошо известному в городе врачу. Здесь поселились два друга, два советских командира — Иван и Василий. Молчаливый, угрюмый доктор и его насмерть перепуганная супруга отвели русским просторную комнату с большим окном, выходившим на берег залива.

— В этой комнате, господа офицеры, вы надеемся, будут чувствовать себя уютно, — сдержанно объявила докторша, с трудом подобрав последнее слово.

«Господам офицерам» тогда было не до уюта. После дороги и длительного оперативного совещания в штабе им хотелось одного — спать. Прислуга приготовила одному кровать, другому постелила на диване и, пожелав спокойной ночи, вышла.

Так началась для них новая и, прямо скажем, непривычная, во многом необычная жизнь. В особняке они только ночевали. Уходили рано утром, приходили поздно ночью. Питались в штабе. Хозяевам они не мешали и виделись здесь разве только с прислугой.

Казалось, что никто не интересовал их в

этом мрачном особняке: место ночлега, не более. Тем удивительнее показался Василию тот неожиданно обостренный интерес, с каким Иван рассматривал над диваном большой портрет миловидной девушки.

— Кто это? Дочь? Где она?..

— Что это ты вдруг заинтересовался девушкой?

— Хотя бы потому, что мы, так я думаю, живем в ее комнате.

— Ого, какая наблюдательность! Что еще обнаружил великий следопыт?

— Следопыт не следопыт, а кое-что могу тебе сообщить о хозяйке комнаты: по образованию филолог, зовут Анна-Лиисе, думаю, что бывала в Германии, Англии и Швеции...

— Любопытно...— протянул Василий.— То, что она филолог, ясно: литература, словари. А почему ты решил, что она бывала в Германии, Швеции и Англии?

— Видишь ли, друг мой, в то время, когда ты перед сном роешься в местных официальных справочниках, чтобы наутро дать нам поражающие своей глубиной и целенаправленностью задания, я, как книжный червь, зарываюсь в словари. Это не столь любопытно, сколь полезно. Так вот, в этимологическом словаре немецкого языка мне попалась открытка Анне-Лиисе от ее родителей, адресованная в Берлин. Словарь Вебстера подарен ей одной английской семьей с благодарностью и пожеланием не забывать дома английский язык. Там даже есть подпись их сына. Ну, а в путеводителе по Стокгольму — ее пометки карандашом. Мне очень понравилось тонкое замечание девушки по поводу «Дамы с веером» Рослина. Она, видимо, хорошо разбирается в живописи.

— А в политике?

— Право, затрудняюсь... Ты ум слишком многого требуешь от меня...

— Тогда послушай, что я тебе скажу...

И Василий рассказал другу, как несколько дней назад фашистские молодчики стреляли в девушку в тот момент, когда она, освобожденная воинами Советской Армии, выходила из ворот тюрьмы. К счастью, бандиты промахнулись, и встречавшая узницу революционная молодежь чуть ли не на руках понесла ее. Когда все волнения улеглись, Василий беседовал с девушкой и ее друзьями. Выяснилось: девушка — дочь хозяев особняка, но домой не хочет возвращаться. Почему? Папа, узнав, что она связана с подпольной революционной организацией, публично отрекся от нее. «Девушка, связанная с подонками общества, не может быть дочерью порядочных людей». Это были слова отца. У него и у дочери оказались разные взгляды на то, что принято называть порядочностью...

Анна-Лиисе поселилась в квартире своих друзей по подполью. Она функционер Коммунистического союза молодежи. Дел у нее много и, между прочим, небезынтересных Ивану и Василию. Молодежь хочет организовать народную милицию.

Решено было познакомиться с девушкой поближе. Но события неожиданно развернулись так, что Анна сама явилась в особняк.

Дело в том, что однажды, вернувшись поздно вечером домой, Иван и Василий узнали, что хозяева сбежали (позже выяснилось: бежали в Швецию на моторной лодке), оставив все, кроме драгоценностей и финансовых документов. Сообщившая о бегстве хозяев прислуга Мирья, старая женщина, вскоре поведала и о судьбе молодой хозяйки, выросшей у нее на руках.

— Господи, благослови ее... Благодарю тебя, господи, что вернул ее мне...— заключила старая няня свой рассказ.

Не далее как сегодня утром Анна-Лиисе виделась со старухой и, узнав о бегстве родителей, решила жить вместе с той, кто нянчил, воспитывал ее.

Теперь совсем по-другому пошла жизнь в мрачном особняке. Словно поселилась тут одна семья под опекой заботливой Мирьи. Анна водворилась в свою комнату, Иван и Василий перешли в бывшую спальню доктора. Поздно вечером, часов этак в одиннадцать-двенадцать, молодые люди собирались в столовой. Говорили о разных разностях. Русским было очень интересно слушать хозяйку — о делах комсомольцев, их заботах, тревогах, колебаниях, вопросах, на которые они сами не всегда находили правильный ответ и на которые кое-кто из притаившихся контрреволюционеров спешил ответить по-своему. Анна расспрашивала их о России, о них самих, где, чему учились, кто их родители. Девушка с трудом скрыла свое удивление, когда обнаружила, что ее новые друзья — люди весьма эрудированные. Неплохо разбираются в литературе, истории, в музыке и живописи, а Иван, не прибегая к словарю, читает немецкие и английские газеты. А она-то думала, ей-то говорили... Во всем этом она призналась значительно позже.

Как-то поздно вечером Иван сказал Анне, что в городе решено открыть несколько детских садов, а помещений подходящих нет.

— Как же так,— всполошилась Анна.— А наш дом?

И тут же было принято решение — отдать особняк под детский сад. Анне и Мирье предоставили маленькую квартиру, а Василию и Ивану — комнату в другом доме. Но дружба их с Анной продолжалась. Они часто виделись, ходили в гости и ней, баловали ее сластями, приглашали на вечера в Дом Красной Армии, не обращая внимания на шутки и остроты в адрес двух соперников, из которых, так казалось окружающим, Василий явно пользовался большей благосклонностью... И вдруг все это рухнуло куда-то. Пришла беда...

Продолжение следует.

ТАЙНИК

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

...Грянула война. На кораблях под непрерывной бомбежкой добрались до Ленинграда. Ивана и Василия ждал приказ из Москвы: организовать работу в тылу фашистских захватчиков.

Анна-Лиса и Мирья тоже оказались в осажденном Ленинграде. Иван и Василий настойчиво уговаривали Анну эвакуироваться через Ладогу на Восток. Но она категорически отказалась, заявив, что может быть полезной в радиопропаганде. Мирья не пожелала бросать свою Аннушку и осталась в Ленинграде.

Наступили тяжелые блокадные дни. Холод и голод, артобстрел и бомбежки. И все же друзья встречались. Иван и Василий навещали Анну-Лису, хотя им приходилось пешком в морозы вышагивать из одного конца города в другой. Приносили хлеб и пшено — часть своего пайка. Знали, что Анна-Лиса делится своим скудным пайком с Мирьей, получавшей «сто двадцать пять блокадных грамм». Анна отказывалась принимать дары друзей, и они тайком оставляли их у Мирьи.

Однажды, когда друзья уже собрались было идти к Анне-Лисе, Иван вдруг сказал Василию: «Иди сам». «Что это ты, Иван?.. Надорвался?.. Посовестился бы, не похоже на тебя». Иван ничего не ответил и молча положил в карман полушубка товарища маленький пакет. Василий в сумерках побрел один. По дороге достал пакет, развернул — в белый листок бумаги были завернуты три кусочка селедки. И записка: «Кушайте на здоровье, друзья. Ваш Ваня». Позже Василий все понял: друг его не мог не заметить, что Анна-Лиса искренне, по-товарищески любила обоих, но сердце девушки принадлежало лишь одному из них — Василию, длинному, худющему и не очень-то красивому парню. Что поделаешь!..

Их троих связывала не только дружба. Они часто встречались в штабе. Анна занималась радиопропагандой, подготовкой листовок, обработкой информации, переводом захваченных документов, журналов, книг, издававшихся тамошними квислингами. Из Ленинграда в немалой мере направлялась работа боевых отрядов, действовавших в подполье на родине Анны-Линсы. И вдруг связь с одним из самых больших отрядов прервалась. Вскоре стало известно, что его руководители арестованы гестапо. Начали выяснять причины ареста, анализировали положение в отряде, изучали его связи... И пришли к выводу: вдали от места событий разобраться трудно. Решили отправить в тыл нового человека, который возглавил бы отряд. Пусть он и разберется в этой сложной обстановке.

Кого послать? Добровольцев было много. Но одного нельзя послать по состоянию здоровья, а этот — слабовольный, может и не выдержать, третий... В общем, сошлись на одном: это должен быть коренной житель республики, человек смелый, большой силы воли.

Анна-Лиса не раз говорила своим друзьям, что готова отправиться в тыл противника на любое задание. Но сейчас речь шла о том, чтобы возглавить отряд. Она, конечно, и на такое дело пошла бы, однако предлагать свою кандидатуру сама не решалась.

И тогда решили за нее. Как-то на узком оперативном совещании руководитель службы обеспечения сказал:

— Имеется, товарищи, предложение. Может быть, оно кое-кому покажется странным. Но давайте обсудим... Что, если послать в тыл противника Анну-Лису?

Все посмотрели на него с недоумением.

— Не удивляйтесь. Она местная жительница, знает язык, нравы, обычаи, в прошлом действовала в подполье, образованна, умна, миловидна, приобрела у нас опыт оперативной работы. Есть у нее, на мой взгляд, один недостаток — больно молода...

— Это не единственный недостаток,— решительно возразил начальник оперативного отдела.— Мы, конечно, можем доверять этой девице здесь.— Он иронически ухмыльнулся, подчеркнув два последних слова.— Но мы не знаем, как она поведет себя там.— И снова ударение на последнем слове.— Я хотел бы напомнить, что она вышла из буржуазной среды, ее родители бежали в Швецию, куда она тоже в свое время имела удовольствие прокатиться. Но главное не в этом — она жила в Германии... По-моему, достаточно.

— Нет, недостаточно!— резко возразил поднявшийся с места Василий.— Вам, должно быть, известно, что заграничные путешествия были не в диковинку вообще и интеллигенции этой страны в частности. Это во-первых, а во-вторых...

Ему трудно было говорить. Карандаш дрожал в руках. Василий взорвался было, но быстро овладел собой и спокойно стал перечислять все, что сделала Анна-Лиса в подполье: как стреляли в нее фашисты, как организовала она, девушка, отряды народной милиции и как во главе одного из таких отрядов ночью ликвидировала банду фашистских головорезов.

— Я вижу, вы хорошо изучили биографию Анны-Линсы,— процедил начальник оперативного отдела. Усмехаясь, спросил: — Может быть, вы знаете и другие качества этой девицы, о которых не принято говорить вслух? А может, кое-кому из присутствующих они еще лучше известны? — И он захихикал, нагло посмотрев в сторону Ивана.

Василий стукнул кулаком по столу.

— Здесь не балаган...

Дело в том, что в штабе многие уже знали о взаимоотношениях Василия и Анны. Не только знали об их любви, уже прошедшей суровое испытание блокадой, но и ждали, что не сегодня-завтра они поженятся. Недвусмысленные намеки до глубины души оскорбили Василия. Но он сдержался.

— Простите, товарищи, я несколько погорячился. Разрешите высказаться по существу...— И, чеканя каждое слово, не повышая голоса, продолжал: — Я полагаю, что товарищи тщательно взвесили все «за» и «против», обсуждая вопрос о засылке Анны-Линсы в тыл противника. Я полагаю, что они приняли это решение, основываясь не только на анкетных данных. Мне, по причинам вам известным, не совсем удобно выступать в ее защиту. Но, может быть, именно поэтому я решаюсь заявить со всей ответственностью коммуниста: она не подведет! Я ручаюсь за нее!

Василий, казалось, должен был быть благодарен товарищу, который отводил кандидатуру Анны, любимой Василием девушки, невесты. Ведь не на увеселительную прогулку снаряжали ее, а на дело смертельно опасное. А он, коммунист Василий, требовал: посылайте! Но обо всем этом подумалось позже.

Около года хрупкая девушка во главе большого отряда действовала в тылу врага. Она оказалась смелой разведчицей. Информация, поступавшая от нее лично и от ее отряда, высоко ценилась штабом и нередко направлялась в Ставку.

И вдруг гром среди ясного неба: радио гитлеровцев передало, что гестапо удалось раскрыть «большую группу русских шпионов во главе с опытной разведчицей». Вскоре в Ленинграде получили и фашистскую газету с тем же самым сообщением.

...Крылов тяжело вздохнул, снова зажег сигару, и в комнате стало так тихо, что слышно было, как Бахарев почему-то энергично тер рукой подлокотник кресла.

— Надо ли говорить вам, друзья,— продолжал Крылов,— какой это был страшный удар. И для штаба. И для Василия. Штаб лихорадило. Люди ходили как в воду опущенные. Тяжело переживая провал Анны-Линсы, старались найти причины, анализировали данные, поступившие от других групп, обдумывали план ближайших операций. А начальник оперативного отдела оживился, словно нежданно обрушившаяся беда его не касалась. Он гремел: «Я вам говорил, предупреждал. Мы не имели права доверять этой девице. Мы обязаны были воздержаться. У нас есть опыт. А кое-кто тут стал паясничать: ах уж, мол, эти анкетные данные! Анкета — прожектор. Ездила за границу. Была в фашистской Германии. Да, в студенческие годы, но что это меняет? Может быть, уже тогда завербовали...»

Он шумел, а все молчали. Трудно было возражать ему. Факты упрямы. Группа провалилась. Анна-Лиса в руках гестапо...

Василия тогда отстранили от всех дел. Еще более похудевший, он ходил как неприкаянный. Но он жил какой-то неясной надеждой. На что? Сам не знал. И все надеялся, верил...

Сведения о провале группы были разноречивые. И если вдумчиво проанализировать их, то версия о том, что Анна-Лиса предала, отпадала. Но начальник оперативного отдела сам не захотел этим анализом заниматься и другим запретил. «Пустое дело. Все ясно...» А месяца через полтора из Москвы пришло подробное сообщение о судьбе Анны-Линсы и ее друзей. Гестапо «внедрило» в эту группу провокатора. Благодаря смелости, находчивости и строгой конспирации Анны большая часть отряда спаслась от провала. А что касается арестованных, то они, следуя примеру своего руководителя, держались стойко, приняли все муки, пытки и никого не выдали.

Осенью 1944 года родина Анны-Линсы была освобождена. Вместе с наступавшими частями Советской Армии в столицу республики вошел и штаб, в котором служили Василий и Иван. И в первый же день в штаб поступило донесение: наши солдаты с ходу ворвались в тюрьму и перестреляли гестаповцев, которые спешили угнать последнюю партию заключенных. Среди них девушка. Она просит немедленно доставить ее в штаб.

Через час Анна-Лиса уже сидела рядом с Василием.

Тяжко было слушать ее. О себе она почти ничего не сказала. Говорила о страшных муках, принятых товарищами. Один из них чудом остался в живых и сейчас поведал о бесстрашии и стойкости Анны. Сначала ее только допрашивали. Потом пытали. Затем начали действовать через родителей, вернувшихся из Швеции и ублажавших представителей рейха. Она не захотела видеть отца и мать. Анну уговаривали, сулили всякие блага.

— Там оно было, друзья,— продолжал Крылов.— Как смогла все это перенести Лиза...— Полковник осекся и поспешил исправиться: — Как все это могла перенести Анна-Лиса, знает лишь она сама... Только с тех пор эта женщина носит платья и кофточки с высокими воротничками, чтобы прикрыть шрамы на шее. Но один шрам, тот, что на левой щеке, ничем не прикроешь...

— Так это же Елизавета Ивановна!— воскликнул Бахарев.— Жена Василия Михайловича, генерала Клементьева! Я с ней рядом на вечере в клубе сидел... Шрам на левой щеке... Точно... Ну, а дальше, дальше как дело было? Начальник оперативного отдела как себя чувствовал?

Крылов помялся. Не хотелось ему отвечать молодому работнику КГБ на этот вопрос.

— Неплохо чувствовал. До поры до времени. Правда, он сам попросился в другой штаб. Позже и вовсе отстранен был. А Василий, что же... Поженились... И я на той свадьбе был... Все вспоминали, как мы вместе ухаживали за Анной-Линсой. У них теперь двое ребят. Мирья долго жила с ними, детей нянчила. Умерла лет десять назад. А Лиза кафедрой иностранных языков заведует. Есть еще вопросы у лейтенанта Бахарева?

Нет у Николая Андреевича вопросов. Ему понятно, для чего была рассказана эта история.

— Спасибо, Иван Михайлович, и за рассказ и за... урок.

— Какой же это урок. Просто так. Толика пищи для раздумий. Это ведь легче всего — тень на человека бросить. А ты попробуй докажи, что тень зря бросили. Тут и смелость, и мастерство, и всякие иные качества требуются. В общем, не нужно шарахаться из стороны в сторону. Ясно? Так вот извольте видеть, обстоятельства дела «Доб-1» таковы, что...

Он помедлил, подыскивая подходящие слова. И тут на помощь пришел Птицын:

— Обстоятельства по делу выявляются такие, что все улики оказываются весьма разноречивыми.

И он, словно не было у него с Бахаревым никакого щепетильного разговора, стал развивать план ближайших действий:

— Значит, так. Позвонить Марине. Раз. Если она согласится принять тебя, поехать к ней. Два. Узнать, как здоровье. Три. Послушать, что скажет гость. Ты, надеюсь, не забыл, что Марина обещала познакомить Зильбера с тобой. Посмотрим, как она будет выполнять свое обещание. Серго и Елена продолжают наблюдение. Но им уже нельзя показываться на глаза ни Марине, ни Зильберу. Подключим других. Мне

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—6.

докладывай два раза в день. Первый доклад жду сегодня вечером. Я буду здесь допоздна.

...Птицын сидит в кабинете и продолжает все тот же трудный разговор с самим собой. «За» — «Против». «Ну, а если не Марина, то кто?.. Эх, «Ландыш», «Ландыш», ты, кажется, опять выручаешь нас...

5

Мы уже как-то рассказывали про «Ландыша», когда писали «Тайну 50 строк»[1]. Белорусская девушка Катя, попавшая в концлагерь, полюбила там иностранца, юношу, участника движения Сопротивления. После войны судьба забросила ее на родину будущего мужа. Семья, дети, поиски работы. Предложили место служанки в доме богатых людей. Прошло немного времени, и служанка догадалась: отсюда тянутся нити к агентам вражеской разведки, засланным в СССР. Случилось так, что Кате удалось узнать многое такое, что облегчило работу нашим разведчикам и контрразведчикам. И случилось так, что Катя нашла способ дать знать об этом на Родину. Катя — «Ландыш» не последнюю роль сыграла тогда в раскрытии «Тайны 50 строк», когда была поймана с поличным переводчица секретного научного института, выполнявшая задание вражеской разведки.

С тех пор прошло уже несколько лет. Волею судеб Катя связала свою трудную, а теперь полную опасностей жизнь с нашими органами государственной безопасности. Но уже несколько раз приходили от нее в Москву письма — крик души: «Разрешите вернуться в СССР. Муж согласен». Нет, ей не приказывали. Ее просили. Взывали к ее разуму. К ее сердцу патриотки. «Ну, еще годик... Вот закончим дело...» Потом всплывало новое дело. А к тому времени Катя завоевала доверие хозяев. Стала в доме своим человеком. Она прошла жестокую проверку. Ей разрешили поехать в Белоруссию повидаться с родными, дали много денег, но поставили одно условие... Какое же это было страшное для нее условие, как хитро было все продумано! Она должна была выполнить поручение хозяев, используя служебное положение родного брата. «В Москве он познакомит тебя с человеком, для которого главное в жизни — деньги и красивые женщины,— сказали ей.— Мы его знаем. Подходящий мужчина». «Деньги вы мне дали. А кто будет той красивой женщиной?» — боязливо спросила Катя. Служанку в ответ одарили снисходительно-насмешливой улыбкой. «Ты! Не убудет тебя. А твой... Служба, дорогая моя, есть служба».

В Москве «Ландышу» помогли «выполнить» это задание.

— Вы не волнуйтесь, Катя,— говорил ей Птицын.— Все будет в порядке. Мы не позволим... Ни одного пятнышка не ляжет на вашу честь. А отчет вы представите в наилучшем виде. И ни один волос с головы вашего брата не упадет. Вот так...

Хозяева были премного довольны результатами поездки Кати. Прошло некоторое время, и она стала своеобразной домоправительницей. Тем не менее ее держали на известной дистанции. Не все доверяли. Не все она знала. Но многое, что могло помочь Родине, ей удалось разузнать. И уже настала пора, когда хозяева и их «гости» не очень-то стеснялись говорить в присутствии Кати о делах сугубо секретных.

...И вот лежит перед Птицыным последнее сообщение «Ландыша».

Подполковник отхлебнул кофе и, не опуская чашку, уставился на фотографию «туриста» Альберта Коха.

— Черт те что... Бывают же такие совпадения. И дефект указательного пальца, и на студентку вышел. И медицина присутствует. Все совпадает. А фотография не та. Задала ты нам задачу, «Ландыш»... Вот так, милая.. Ситуация, доложу я тебе...

В третий раз перечитывает подполковник сообщение «Ландыша». Дело, согласно этому сообщению, складывается примерно следующим образом.

Год назад в их доме появился гость — господин Альберт Кох, который прежде никогда здесь не бывал. Он приехал с письмом от господина Эрхарда, одного из специалистов по СССР. Господин Альберт Кох, инженер-физик, должен получить новое подданство — то же, что и у Катиных хозяев. Он должен стать сотрудником одного из институтов, поддерживающих научно-технические контакты с СССР. Ближайшая цель — через несколько месяцев отправить Коха в Москву. При этом, как указывалось в рекомендательном письме, следует предусмотреть осложняющие обстоятельства: господин Альберт Кох однажды уже бывал в СССР в качестве «туриста», и есть основания полагать, что он обратил на себя внимание контрразведки.

Через некоторое время «Ландыш» сообщила, что ее хозяева без всякого труда определили Коха в нужный институт. И сейчас идет подготовка к его отправке в Москву, и, конечно, не под фамилией Альберта Коха. «Ландыш» передала на словах портрет инженера. Птицын, «читая» этот портрет, мысленно благодарил «Ландыша»: «Молодец! Надо же уметь так точно схватить все черты... Полное совпадение с фотографией Коха, хранившейся в архиве». Среди других примет — дефект указательного пальца... Какой именно, Катя вспомнить не смогла.

В Москве «физика» свяжут с человеком, ко-

[1] См. «Огонек» №№ 30—32, 34, 35 за 1966 год.

торый будет весьма полезен разведчику. Его стихия — уголовщина, спекуляция, контрабанда. Родом из Одессы и за полвека успел познать, что такое тюрьма, колония строгого режима и как за большие деньги покупают фальшивые паспорта и души людей. В Москве у него есть дама сердца, женщина, привыкшая жить «красиво и широко». Дама очень перспективна: от нее могут потянуться нити к секретному подмосковному институту. Об одессите Катя много сообщить не может. Знает только, что даму свою он покорил необычайной галантностью, солидностью, а главное — широтой натуры: о нем говорили, что он не любит вести счет деньгам и утверждает, будто Госбанк только для того и выпускает их, чтобы они снова вернулись туда...

На вопрос Коха, кто поможет ему установить связь с одесситом, последовал ответ: «Пусть это вас не заботит... Если надо будет, мы вам все это сообщим перед вылетом...» А пока он должен запомнить следующее: через несколько дней после приезда Альберта Коха в Москву ему позвонит в гостиницу человек и попросит к телефону Сергея Николаевича. «Турист» должен переспросить: «Кого?» Ему ответят: «Сергея Николаевича Пономарева. Из Ленинграда». «Турист» может положить телефонную трубку на место и поспешить к Никитским воротам, в кинотеатр повторного фильма, и купить на завтра билет на первый сеанс — десятый ряд, первое, второе или третье место. Рядом с ним будет сидеть человек с журналом «Природа» в руках. Это и будет тот самый джентльмен из Одессы.

В Москве «турист» должен увидеть студентку, с которой он однажды уже встречался. Точных координат ее «Ландыш» пока дать не может. Известно лишь, что студентка в добрых отношениях с медиками. Но тут же «Ландыш» дважды оговаривается: все это предположительно! Она надеется, что ей все же удастся установить более точные данные и об уголовнике из Одессы, и о студентке, и о характере задания, с которым «физик» отправится в Москву. А главное — хотя бы ориентировочную дату выезда разведчика.

Надеется... Это хорошо, что она надеется. Но прошло уже немало времени после этого подробного сообщения, а от Кати ни слуху ни духу. В чем дело? Больна? Опасность провала?

Птицын сердито дует на чашку горячего кофе, приговаривает: «Черт те что, какая закавыка...» Кох ли это? Дефект указательного пальца правой руки — подходит. Студентка — отлично. И с медициной в порядке: мама — доктор. Вероятно, это имелось в виду. Все, кажется, совпадает. Но вот борода, усы, черт их побери, путают карты... И этот одессит? Толстяк? Будем считать, что первую их встречу в кино мы проворонили. Но быть того не может, чтобы он вновь не появился на горизонте. Это, конечно, в том случае, если Кох есть Зильбер. А так ли это? Он, Птицын, сличал фотографии Коха и Зильбера, лишив «туриста» бороды и усов. Нет, не похожи. Кто же он, господин Зильбер?

* * *

...Бахарев, направляясь в свой кабинет, в коридоре встретил Серго.

— Генацвали! Дорогой мой!

— А, Серго... Привет! Кстати, забыл спросить тебя. Ты не обратил внимание на руку Марины? Кольца не было?.. Золотое с маленьким бриллиантом?

Серго ответил, не задумываясь:

— Не было.

— Ты уверен?

— Генацвали, если Серго говорит «не было», считай, что на камне высечено. Серго хвастать не умеет. А про кольцо у них разговор был...— И тут же он хлопнул себя по лбу.— Склероз, настоящий склероз. Забыл доложить подполковнику... Мы только подошли к столу и слышим: иностранец спрашивает у Марины, понравилось ли ей кольцо и почему она его не носит. И сказал, что отец будет очень огорчен, если не угодил подарком.

— А она что?

— Ничего. Она вообще мало разговаривала...

— Женщины, дорогой мой Серго, наделены даром выражать свои мысли не только словами, но и взглядом, усмешкой... Понял? А вообще-то спасибо за информацию. Не забудь Птицыну доложить. Деталь, по-моему, очень важная...

Бахарев распрощался с Серго и пошел звонить Марине. Звонил он ей в тот день несколько раз. И все безуспешно. Наконец, часов в пять ответила мать: «Марина плохо себя чувствует. Просит прощения, но подойти к телефону не может».

Вечером Бахарев приехал в Комитет докладывать Птицыну. Подполковник стоял у маленького столика в углу комнаты и колдовал над своей любимой кофеваркой.

— Что нового?

— Ничего. Мать уверяет, что дочь больна и к телефону не подходит.

— Врет... С какой целью врет, не знаю. А то, что врет,— факт неоспоримый. Вот так...

— У вас есть какая-то информация на сей счет?

— Садись. Кофе пить будешь? Как угодно... Все равно садись. Вот там... Есть важные вести. Три часа назад после долгого перерыва поступило сообщение «Ландыша». Ей делали серьезную операцию, и она на некоторое время выбыла из строя. И вот, наконец, связь восстановлена.

«Ландыш» сообщала, что за несколько дней до операции записала разговор хозяйки с Альбертом Кохом.

Мадам считает, что посылать Альберта, учитывая настороженность советской контрразведки, по меньшей мере рискованно. Даже если пустить в ход секреты лучших мастеров косметики, изменить фамилию. Тем более, как сказала хозяйка, в ее стране встретились некоторые затруднения по части оформления туристских документов. Вернувшись из больницы, «Ландыш» узнала, что вместо Альберта Коха в Москву снарядили разведчика под фамилией Зильбер. Характер заданий, условия его работы в Москве те же, что и у Коха. В свое время он вместе с ним в одной туристской группе выезжал в Москву и должен попытаться продолжить кое-какие дела, начатые Кохом. «Ландыш» старается точнее узнать, кто должен выйти на связь с разведчиком. И вновь подтверждает: в разговоре несколько раз упоминалась какая-то студентка и человек из Одессы. Передала словесный портрет Зильбера. Совпадает — у этого тоже дефект указательного пальца. Бывает же так.

— Судя по тому, что Зильбер в Москве находится уже шестой день, первую его встречу с одесситом мы проворонили,— заключает Птицын.

— Но из всего сказанного не могу уловить, почему мать Марины врет?

— Ты не торопись. Всему свой черед. Вот эту чашечку допью и тогда...

— Александр Порфирьевич, вы же всю ночь спать не будете — глушите черный кофе одну чашку за другой... Так же нельзя.

— Знаю... Давал слово: три чашки в день и ни единой больше... Постепенно снижаю норму.— И Птицын с аппетитом, маленькими глотками допил четвертую за вечер чашку кофе. Потом он крякнул от удовольствия, сел рядом с Бахаревым.

— Давно советовал тебе, Коля, время от времени голову в холодильник прятать... Чтобы остывала... На, читай...

Это было сообщение о Зильбере. Через час после того, как Бахарев поговорил по телефону с Анной Михайловной, «турист» встретился с Мариной у Чистых прудов. Они заглянули в ближайшее кафе, и здесь Зильбер, передав Марине какую-то газету, сказал: «Как видите, я не забыл о своем обещании...»

Что это за газета, догадаться было трудно. Но, судя по разговору Зильбера и Марины, это была та самая газета, которую «турист» обещал принести ей еще тогда, при первой встрече в ресторане «Метрополь». И, видимо, газета на немецком языке: Марина тут же углубилась в чтение статьи, которая, если верить комментариям «туриста», принадлежала господину Эрхарду. По словам Зильбера, его друг уже давно принимал к той плеяде прогрессивных людей Запада, что поддерживают советскую политику мирного сосуществования.

— Вы можете подарить мне эту газету?

— Конечно... Ваш отец будет безмерно счастлив, когда узнает, что среди читателей его статьи и дочь...

Потом они прогуливались по бульвару. «Турист» проводил ее до станции метро «Кировская». И уже перед самым прощанием они заспорили. Марина пыталась что-то вручить «туристу», а тот сопротивлялся и в чем-то убеждал ее. А она, не подав руки, скрылась в вестибюле метро.

Минут через десять бородач нырнул вслед за ней. Вышел на станции «Проспект Маркса». Посмотрел на часы и направился в месторг. Перед входом еще раз посмотрел на часы. Постоял несколько минут, оглядывая улицу, вошел в магазин. Был час «пик». Зильбер протиснулся к молодой женщине и что-то положил ей в карман... К сожалению, никаких характерных ее примет зафиксировать не удалось, и, к сожалению, попытка проследовать за неизвестной успехом не увенчалась.

— Шляпа! «Не увенчалась»! — кипятился Бахарев.— А тут, вероятно, и заключена разгадка...

— Опять эмоции. Что ты с ним будешь делать?.. Поймем же, черт возьми, с любым из нас может случиться. Ну вот и с нами случилось...

Бахарев смотрит на Птицына полными изумления глазами.

— Как это понять, Александр Порфирьевич? Что значит «с нами»?

— Вот так и надо понимать. Вдвоем мы сегодня действовали. Решил, что надо мне самому поближе к Зильберу присмотреться: экий он фрукт... И вот... Черт те что... Шляпы!

— Александр Порфирьевич, простите за резкость. Это я, так сказать... От огорчения, что ли...

— Зачем же... В принципе оно, конечно, по справедливости сказано. Шляпы и есть. Но надо же реальную обстановку представлять. Ты был когда-нибудь в месторге в час «пик»? То-то и оно. Столпотворение. Поди уследи в этом адовом человеческом водовороте. Ну, а теперь по домам. Завтра с утра снова звони Марине.

— Александр Порфирьевич, может быть, мне с Ольгой встретиться, попытаться у нее узнать, что там приключилось с Мариной: действительно ли она больна?

— Ну что же... В этом есть свой резон...

Утром Бахарев без особого труда получил расписание занятий Ольги: в четырнадцать часов она выйдет из Института акушерства и гинекологии.

* * *

...Стоял сумрачный осенний день. Утром прошел дождь, и воздух все еще был пропитан сыростью. Николай медленно прогуливался по опаленным осенью аллеям парка, что почти вплотную примыкал к институту.

Бахарев пытался разобраться в происходящем. Птицын в общем-то прав: «Ишь, как тебя занесит». Неужели он окажется во власти эмоций, он, Колька Бахарев, уже побывавший в свои молодые годы в разных жизненных передрягах? Он снова вспомнил свой разговор с Птицыным о Марине, когда они возвращались домой. И свое смущение и растерянно-неопределенный ответ на прямо поставленный вопрос: «Не знаю, может быть...» Нет, хитришь! Тебе ведь не безразлична эта ершистая девушка. И он мысленно как бы соразмеряет себя с другим Бахаревым, всматривается в него. А что, собственно, разглядывать? Лейтенант Бахарев поступит так, как повелевает закон советского чекиста: если неопровержимые улики будут против Марины, он сумеет подавить в себе чувство к ней, каким бы сильным оно ни было. И никто, как он, Бахарев, обязан докопаться до объективной истины, никто, как он, Бахарев, будет денно и нощно распутывать клубок улик...

Так, ожидая встречи с Ольгой, он «аранжировал» те самые «психологические контюрны», на которые намекало начальство. Неожиданно на аллее показался Владик из МВТУ — юноша, с которым Николай познакомился на вечере студентов медицинского института. Бахарев еще раз взглянул на него и усмехнулся: «Ольгин поклонник заступил на вахту».

Еще тогда, когда он впервые увидел Владика, ему подумалось: «Любовь зла, полюбишь и козла». Что нашла эта красивая, яркая девушка в щупленьком, невзрачном пареньке? И ему вспомнился рассказ Марины. Она не без сарказма говорила о цинизме подруги и в лицах представила, как однажды на девичнике после нескольких рюмок коньяка Ольга, закинув ногу на ногу, попыхивая сигаретой, злословила в адрес своего поклонника:

— Удивительно примитивный парень. Стоит на коленях, заламывает руки, кричит «моя Офелия», произносит велеречивые тирады о красивой любви до гробовой доски вместо того, чтобы честно сказать: «Хочу переспать с тобой».

Одна из девушек, Надя, хорошо знавшая Владика, спросила Ольгу: «Зачем же тебе понадобился этот прыщавый замухрышка?» Ольга словно вдруг протрезвела, испытующе посмотрела на подругу и резко отрубила: «Тайна секса...»

Марина, рассказывая обо всем этом Николаю, оживленно комментировала поведение Ольги:

— Ее, пожалуй, впервые при посторонних так прорвало. Слишком много выпила. Она ведь в общем-то весьма сдержанная и лишнего никогда не позволит. Только оставаясь со мной наедине, иногда говорит то, что думает. Так мне кажется...

Вспоминая сейчас этот Маринин рассказ про девичник, Бахарев подумал: «Тайна секса... Только ли секса?»

...Сейчас ему надо опередить Владика, перехватить Ольгу.

Она вышла на улицу и сразу свернула в сторону сада, туда, где в уже давно облюбованном месте ее ждал Владик. И вдруг — Бахарев.

— Какая приятная встреча, Николас.— Она его так называла с первого дня знакомства.

Ольга что-то тараторила о том, как ей приятно было знакомство с русским поэтом, с таким молодым человеком, в котором она увидела лучшие черты истинно русского интеллигента. Она стала настойчиво приглашать его в гости, в общежитие. Бахарев, желая поскорее переключить разговор на Марину, сказал:

— В ближайший день нагряну и вам вместе с Мариной.

Она нонетливо передернула плечиками и игриво заметила:

— Вы есть трусишка... Я имею о вас более высокое мнение, Николас... Без Марины боитесь прийти?

— Полноте, Ольга,— рассмеялся Бахарев.— Впрочем, я учту, что вы были обо мне более высокого мнения...

— Вы давно видели Марину?

— Мне кажется, что я не видел ее целую вечность... Звонил по телефону, и Анна Михайловна как-то неопределенно ответила. Говорит, что Марина все еще болеет и не ходит в институт.

Ольга ухмыльнулась.

— Дочь врача всегда, когда ей это потребуется, может представить в институт оправдательный документ... У вас его почему-то называют бюллетенем... Смешно... Вчера я была у нее. Пили чай с клюквенным вареньем и слушали очень грустные пластинки... Такие же грустные, как и хозяйка. Даже про ужин в ресторане, как пила, веселилась, танцевала, каким вы были милым кавалером, про все это она рассказывала с такой кислой физиономией, будто речь шла о визите к дантисту... Между прочим, она часто вспоминала вас. И очень душевно. Видите, какая я благородная — зову вас в гости и тут же рассказываю вам такое... Душа женщины — потемки. Это я не о Марине. О себе. Кстати, мне показалось, что она очень хочет видеть вас. Счастливый мужчина, которого рвут на части две молодые женщины!

— Вам это показалось. Судя по телефонному разговору...

— Нет, нет. Это так есть. По-моему, у нее будет какое-то дело до вас. Какое? Право не знаю. Мы очень откровенны друг с другом, у меня от Марины нет секретов, и у нее — от меня. Но женщины всегда будут женщинами...

Бахарев в некоторой степени уже владел искусством вести беседу, думая в то же время о чем-то постороннем. И хотя сейчас мысли Николая были где-то там, в запутанной сфере отношений Марины и Зильбера, на лице Бахарева был написан живейший интерес к тому, что говорит собеседница.

Бахарев галантно раскланялся и пошел к остановке троллейбуса.

Продолжение следует.

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ, А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ТАЙ

В четыре часа дня, по расчетам Бахарева, Анна Михайловна возвращалась домой. И если Марина по каким-то причинам избегает телефонного разговора с ним, то уже по крайней мере с мамой можно объясниться.

К телефону подошла мама.

— Здравствуйте, Коля. Куда вы пропали? Марина вспоминала вас... Спрашивала, не звонили ли вы.

— А разве она отлучалась из дому?.. Мне казалось, что она не поднимается с постели.

Замешательство длилось не более секунды.

— Да, вообще-то режим, как говорят врачи, постельный... Но у нее было какое-то неотложное дело. С вами, молодыми, совладать не так легко. У вас...

Анна Михайловна не успела закончить фразы. Видимо, Марина вырвала у нее трубку и, не сказав даже «здравствуйте», спросила:

— Ты хочешь видеть меня?

— Конечно. Был бы очень рад, Марина... Я тебе звонил...

— Ты можешь сейчас приехать? Жду.

Дом, где жили Васильевы, стоял в глубине большого двора-сада — с детской площадкой, беседной-читальней, с большим самодельным, насморо сбитым столом — приютом домовых любителей «забить козла». По фасаду — пять подъездов, смотревших на двор. Дорога от троллейбусной остановки и до дома петляла по микрорайону, огибала корпуса-близнецы, рассыпанные по весьма туманному замыслу планировщиков.

Бахарев за сравнительно короткий срок хорошо, со своей профессиональной точки зрения, изучил этот район города, знал проходные дворы, парадные, через которые можно с улицы попасть во двор или сад, с одного двора в другой.

Шагая от троллейбусной остановки, где-то на полпути, пересекая небольшой сад, Бахарев встретил Анну Михайловну. Она первой окликнула его:

— Коля!

— Здравствуйте, давно я вас не видел.

— Вы нас совсем забыли...

— Творю, Анна Михайловна. Днем и ночью. А как здоровье Марины? Сегодня, наконец, получил высочайшее разрешение навестить ее. Она уже выходит на улицу?

Анна Михайловна покраснела. И, не отвечая на вопрос, попросила проводить ее до троллейбуса. Шли молча. Первой заговорила Васильева:

— Все как-то очень странно, Коля, складывается... Разрешите один, может, и не очень деликатный вопрос. Но я мать...

Бахарев внутренне насторожился, а на лице — улыбка.

— Пожалуйста...

— Вы ничем не обидели Марину в тот вечер, в ресторане?

— Боже упаси! Анна Михайловна, что вы...

— Нет, нет... Это, конечно, мнительность матери. Но именно с тех пор она стала молчаливой, подверженной частой смене настроений, очень легко возбудимой... Я всегда была к ней снисходительна. Но есть предел и материнской снисходительности. Мы любим, уважаем, а главное, хорошо понимаем друг друга. И вот все это сейчас рухнуло. Она рычит на меня по каждому поводу, ничто не радует ее. А тут как-то днем, будучи больной, вскочила с постели и исчезла, не сказав даже, куда идет.

Васильева говорила торопливо, и выражение ее лица непрерывно менялось — гнев, сострадание, мольба.

— Не сердитесь. Крик материнской души.

— Понимаю... Мать всегда остается матерью. Говорят, что нет ничего бескорыстнее любви матери. Всякая страсть или слаба или своекорыстна в сравнении с любовью матери. Это действительно так...

— Какая уж там корысть... Набрала домурсток столько, что едва на ногах держусь... Марина хотела начать работать и пойти на вечерний факультет. А я и слушать не хочу. Сколько скандалов у нас было, пока отговорила. Но она упрямая. Говорит, хочу одеваться модно, красиво... Пойду работать.

— Но все же она вас послушалась.

— Верно. Но было однажды и такое... Приходит домой и достает из сумки два прекрасных манекена — импортные, архимодные, элегантные. И говорит: «Это тебе, а это мне». «Откуда?» — спрашиваю ее,— где ты взяла деньги?» А она смеется. «Я,— говорит,— целый год тайком от тебя давала частные уроки. Вот и накопила...» Что ты с ней будешь делать, с этой стрекозой.

— Когда она вам такой подарок сделала?

— Давно, несколько лет назад.

Бахарев перечеркнул один из многих вопросов, не нашедших еще ответа. Значит, утаила от матери, не рассказала ей о встрече с «туристом», о подарке отца, ловко придумала «байку» о своей работе. Утаила — почему? Один вопрос снят, другой возник...

...Васильева пропустила уже три троллейбуса. Видимо, не так просто остановить прорвавшийся поток материнских чувств, и тому же очень сложных, противоречивых. Она то возносила Марину до небес, то вдруг начинала корить ее. И между прочим, словно вскользь, заметила, что не боится развенчивать Марину даже перед ним, Николаем, хотя знает, что он для ее дочери не просто знакомый...

— Буду с вами откровенной, Коля. Я врач, а значит, в какой-то мере и психолог. Не могу не заметить, в каком нервозном состоянии пребывает дочь, ожидая встречи с вами.

Потом задумалась, испуганно посмотрела на Бахарева.

— Дура я. Мать не должна была говорить это вам. Вы, мужчины, по-разному можете истолковать такую откровенность. Но я верю вам, Коля. Дай-то бог не ошибиться. А теперь прощайте. Спешу на дежурство. Напомните Марише — в шкафу, на кухне, ваши любимые пирожки с картошкой...

* * *

Бахарев никогда не изменял своим профессиональным привычкам — и дому он направился боковой дорожкой и перед тем, как пройти вдоль фасада, выглянул из-за торцевой стенки.

...Он даже ахнул от неожиданности: «Вот это да!» Из третьего подъезда выпорхнула Марина. В домашних туфлях, лыжной куртке, небрежно наброшенной на плечи и с каким-то свертком в руках. «Видимо, не в дальний путь собралась. Посмотрим, что будет дальше»,— решил Бахарев.

Марина свернула направо, и Бахарев даже подготовился к встрече с нею. Но когда девушка подошла к первому подъезду, оттуда вышел высокий, элегантно одетый, весь какой-то подтянутый, подобранный, молодящийся мужчина лет под шестьдесят. Массивное свое тело он нес уверенно, твердо, прямо. Бахарев успел заметить, что у него, видимо, покалечена левая рука, в которой он как-то не очень ловко держал чемоданчик на молнии. Была ли их встреча случайной или заранее назначенной? Кто он и что за сверток передала ему Марина — еще одна загадка.

Случай, однако, помог узнать имя, отчество и даже фамилию незнакомца. Спрятав сверток в чемоданчик, он зашагал по двору. Его окликнула какая-то женщина.

— Аркадий Семенович! Товарищ Победоносенко, за вами задолженность.

Аркадий Семенович повернулся, весело спросил:

— За мной? Простите, мадам, где, не вижу?

— Перестаньте, пожалуйста, паясничать. Во-первых, у этой вашей остроты длинношая борода, а во-вторых, здесь не Одесса... Из-за таких, как вы, наш жэк на черную доску попадет. За три месяца задолженность по квартплате...

— Боже мой, какая неприятность. Шутка ли — на черную доску! Какой позор, мадам! Слово джентльмена — завтра погашаю задолженность и плачу за месяц вперед.

Бахарев вспомнил сообщение «Ландыша» о человеке из Одессы.

Послав воздушный поцелуй блюстительнице жэковского финплана, Победоносенко ушел.

Вот таким, посылающим воздушный поцелуй, и запечатлела его бахаревская фотокамера.

Бахарев застал Марину за письменным столом: наверстывала пропущенное в институте.

— У тебя еще и сейчас нездоровый вид.— И подумал: «Значит, не ягала, значит, что-то другое побудило ее выходить из дому».— Ты бледна, Марина, и глаза воспалены...

Она опустила голову и стала исподлобья разглядывать Бахарева. А он сидел тихо, не сводя с нее глаз. «Неужели она и есть «Доб-1»... Сейчас поведет разговор о Зильбере. Будет мосты наводить, встречу готовить. Нет, вероятно, поведет игру хитрее».

Поначалу разговор явно не клеился. Бахарев мысленно укорял себя за какие-то глупые, пошлые вопросы, на которые следовали односложные ответы «да», «нет», «возможно» или же слегка насмешливый взгляд, в котором не трудно было прочесть: «А умнее ты ничего не мог спросить?» Николай решил предпринять последнюю попытку, чтобы вывести Марину из этого странного, явно неестественного для нее состояния.

— А хозяйка ты никудышная, Марина,— совсем неожиданно для собеседницы заявил он.— Еще несколько таких томительных минут, и к твоим стопам падет труп. Человек умрет смертью голодающего индуса... Я не обедал, а ты сирываешь, что в нухонном шкафу любимые мои пирожки с картошкой...

И он рассказал о встрече с Анной Михайловной.

Впервые за весь вечер Марина улыбнулась.

— Ты ведь любимчик у мамы. Не знаю только, за что она тебя там...

— О, если бы мы знали, за что нас женщины любят... За мудрость, глупость, богатство или красоту? Философу Зенону однажды кто-то сказал, что любовь — чувство недостойное мудреца. Он ответил: «Если это так, то жалею о бедных красавицах, ибо они будут обречены наслаждаться любовью исключительно одних глупцов».

Марина расхохоталась, схватила Николая за руку и потащила на нухню.

— Пойдем, мой дорогой философ, есть пирожки. Там и выясним, кто кого за что любит...

За нухонным столом разговор пошел более оживленно. Бахарев рассказал несколько острых анекдотов. Марина ответила меткой эпиграммой-четверостишием, передаваемой студентами из уст в уста. «Говорят, что автора,— и она назвала фамилию известного поэта,— подвергли основательной экзекуции за столь смелую эпиграмму». И тут же перевела разговор на литературные и окололитературные темы. И снова, может быть, это показалось Бахареву, злала в несколько нервозное состояние. Хотя внешне старалась выглядеть такой же, как и обычно,— бойкой хохотушкой. Вслед за эпиграммой была рассказана сплетня об известном писателе, сплетня, попавшая в среду студентов «из самых достоверных источников». Бахарев про себя зафиксировал: «Недавно передавало би-би-си». Потом стала расспрашивать о поэте, которого Бахарев как-то назвал «лучшим своим другом», и верно ли, что поэт написал «страшно злые» и талантливые стихи, которые в печати, говорят, не появились. И, кто знает, появятся ли? И верно ли?..

— Марина,— перебил ее Бахарев,— ты, вероятно, решила, что я по меньшей мере секретарь правления Союза писателей. А я всего-навсего скромный литератор, среди знакомых которого есть, правда, и звезды первой величины.

— Не хитри, Коля... Ты все знаешь, но считаешь, что мне, беспартийной обывательнице, знать это не положено. Не так ли? Но да будет вам, ответственным товарищам, известно, что все это секрет полишинеля. Послушай, что говорят студенты.

— Мариночка, во-первых, никогда не вещай от имени всех студентов. Они тебя не уполномочивали. Во-вторых, ты несколько преувеличиваешь мою роль на литературном Олимпе. Но если ты столь любознательна по части литературной жизни, то могу тебя познакомить с одним премного осведомленным товарищем. Журнал Патэ... Всё обо всех...

— Он поэт, драматург, прозаик?..

— К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос. По моим сведениям, он не обременен ни талантом, ни литературными трудами. Но в Доме литераторов — непременный гость. Каждый вечер. И за его столом в ресторане всегда шумно... Он утверждает, что его задушит астма, если он не будет дышать воздухом ЦДЛ...

Мирная беседа явно грозила вылиться в перепалку. Уже были скрещены шпаги на романах Кафки и двух модных зарубежных фильмах, уже было замечено, правда, с улыбкой, подружески, что у собеседницы интерес к литературным сплетням преобладает над интересом к самой литературе... Нет, это никак не входило в планы Бахарева. Если исходить из предположения, что Марина по поручению Зильбера перед «большой встречей двух» прощупывает его литературные симпатии и антипатии, то он повел себя по меньшей мере глупо. Видимо, не для модных литературных диспутов о судьбе современного романа разведчик Зильбер жаждет встречи с русским литератором. Да, но это если исходить из предположения... А где доказательства? Какие есть основания предполагать? Марина за весь вечер уже не раз могла в какой-то форме подготовить почву для встречи Зильбера с Бахаревым, а она будто и забыла о просьбе иностранца.

— Коля, мне кажется, что тебя вечно одолевает желание баламутить те миллиарды нервных клеток, что заложены в человеческом мозгу. Ты не перестаешь о чем-то размышлять. Это, вероятно, очень утомительно?

Бахарев даже взбодрился. Ему казалось, что он уже в совершенстве владеет столь необходимым искусством слушать собеседника, вести с ним разговор на любую тему, в то время как твоя мысль лихорадочно работает совсем в другом направлении. И вдруг такой вопрос.

— Так о чем же думает сейчас поэт?

— Мне стыдно признаться, что в эти минуты наших словесных баталий на весьма возвышенные темы я думал о делах прозаических и даже низменных.

— Эти дела имеют отношение и ко мне?

— Непосредственное... Я думал о том, что хорошо бы нам с тобой... выпить.

— Ты с ума сошел, Коля!

— Вовсе нет. Я предлагаю отметить твое выздоровление и завтра или послезавтра снова пойти в «Метрополь». Кстати, я в долгу перед тем самым своим приятелем, всезнайкой. А он большой любитель выпить за чужой счет. Чудесно проведем вечер. Выпьем, потанцуем... Согласна?

Марина не ответила, тяжело опустила голову, стала нервно теребить салфетку, потом посмот-

рела на Бахарева. Лицо ее снова стало хмурым. И тут же она прикрыла его ладонями.

— Что с тобой? Тебе нехорошо? Может, я предложил что-нибудь обидное?

— Нет, нет... Не обращай внимания.

— Так ты согласна?

— Ну, что ж, пожалуй, я...

И вдруг она вскочила со стула и с криком «нет, нет, не согласна, не хочу!» побежала к себе в комнату, упала на постель и зарыдала.

Среди многих передряг, в которые приходилось попадать Бахареву, такой еще не бывало: один на один, в четырех стенах с девушкой, охваченной истерикой. Поначалу он собрался вызвать «неотложку». Но пока Николай беспомощно метался в поисках домашней аптечки, охал и ахал, безуспешно взывая почему-то к благоразумию — «ну будь же умницей, Марина»,— она пришла в себя. Встала с постели, извинилась — «прости, пожалуйста, нервы...» И тут же плюхнулась в любимое кресло около торшера. Он сел рядом, участливо посмотрел ей в глаза — и, может быть, это ему показалось — увидел в них некоторую ожесточенность. В молчании прошло минут пять. Она, видимо, почувствовала неловкость этого молчания, вскинула голову и, не глядя на Бахарева, словно его и нет в комнате, достала с полки томик Шекспира и негромко стала читать:

...Я не безумна,
Но разума хотела бы лишиться,
Чтоб ни себя, ни горя своего
Не сознавать!

НИК

— Что с тобой, Марина, успокойся...— И Бахарев попытался перевести разговор на шутливый лад.— Великий сердцевед из Стратфорда противопоказан вам, сударыня. У вас легко ранимое сердечко. Ты успокойся и объясни толком: в чем дело, что случилось?

— Нет, нет, не надо успокаивать и не нужно допытываться. Сейчас у меня удивительно ясная голова... Тебе надо уйти, Коля. Так будет лучше... По крайней мере сегодня. Завтра придешь снова, хорошо?

Был поздний сырой, осенний вечер. Бахарев, подняв воротник плаща, под монотонную песнь хлынувшего дождя неторопливо шагал по притихшей, безлюдной улице. Шагал, томимый безотчетной тревогой.

Когда-то Птицын, любивший на досуге поговорить «за жизнь», наставлял ученика: «Запомни, Бахарев, мы всегда в бою, всегда в поиске, даже тогда, когда нужно доказать невиновность человека. Это не менее важно, чем найти виновного». А Марина? Виновата или не виновата? Может, сейчас перед ним тот один из самых трудных вариантов, когда нужно доказать, что на человека ошибочно брошена тень, хотя есть для того все основания. Вроде бы именно к ней тянется нить от «Доб-1»? Но в глубине души таится сомнение — нити то обрываются, то вновь возникают. И Бахарев снова в раздумьях: о сложности человеческих взаимоотношений, о тернистых дорогах жизни, на которых ищущий, увы, порой с большим опозданием, убеждается в том, что оказался на ложном пути.

Там, в Комитете, несмотря на поздний час, его ждал Птицын. Так они условились.

6

Бахарев сидит притихший,— Александр Порфирьевич сегодня не очень доволен своим учеником. Обычно Птицын журил подчиненного не за то, что у того что-то не получалось. Журил, если знал: мог сделать и не сделал.

— Прости меня — боюсь обидеть... Как же ты так опростоволосился? Марина встречается с явно подозрительным иностранцем, что-то получает от него, а затем передает пакет какому-то франтоватому одесситу. А ты упускаешь его из виду. Хотя знаешь о сообщении «Ландыша»: человек из Одессы...

И вдруг неожиданный вопрос:

— Послушай, а почему ты решил, что он одессит?

Бахарев даже опешил от такого вопроса. Менее всего он был подготовлен к нему: в самом деле — почему? Только потому, что блюстительница жэковского финплана крикнула: «Это вам не Одесса!» Маловато, слабенький аргумент. Посмотрел на Птицына — его лицо было абсолютно бесстрастно, и, глядя на него, человеку постороннему трудно понять: гневается он сейчас или нет, спокоен или волнуется, радуется или печалится? Но Николай хорошо знает: когда у Птицына вот такое бесстрастное лицо, значит, лихорадочно работает мысль. Бахарев решил не отвечать.

— А вообще-то вариант возможный...— продолжал Птицын.— Удивительно знакомая фамилия — По-бе-до-но-сенко! Мы где-то с ним встречались. А если это он, то, значит, одессит...

И Птицын вполголоса стал мурлыкать про то, как «с одесского кичмана бежали два уркагана». Потом взглянул на часы.

— Поздновато. В архиве уже нет и дежурного. А в фотолаборатории? Там, пожалуй, ноекто допоздна задерживается. Я предпочел бы словесному портрету фотографический... Сейчас позвоню этим фотокудесникам... Отнеси им свою пленку...

Через полчаса Бахарев вернулся из лаборатории со снимками. Напрягая зрительную память, Птицын с трудом узнавал того самого...

— Черт те что, кажется, он и есть... Вот это штукенция!.. Так ты говоришь, передала ему свертон. Туфли, завернутые в газету?

Бахарев удивленно посмотрел на Птицына: что это, снова мысли вслух или вопрос-догадка?

— О каких туфлях вы говорите? Понятия не имею, что было в том пакете. Может, и туфли...

— Если это именно тот, о ком я думаю, то вероятнее всего, что в пакете были туфли...

— Туманно... Хотелось бы знать...

Стоявшие в углу старинные часы глухо пробили три раза.

— До утра осталось недолго. Часов через шесть туман рассеется... А сейчас по домам. Спать, спать. Советую отменно выспаться. Дело требует свежей головы...

Легко советовать— спать, спать! И для Птицына и для Бахарева остаток ночи прошел в тревожных раздумьях. Бахарев и вовсе не уснул, а Птицын долго вертелся с боку на бок и заснул лишь к рассвету, ощущая в голове страшную тяжесть. Оба, не сговариваясь, пришли в Комитет спозаранку.

С утра Птицын сообщил в архив кое-какие наводящие данные, а потом принялся за разбор почты. Бахарев сидел молча и ждал, когда Александр Порфирьевич, как обычно, протянет ему сводку — информацию о событиях минувшего дня и ночи. Так уж заведено: всегда чутко прислушиваться к эху этих событий, хотя на первый взгляд они не имеют никакого отношения к делу, которое тревожит тебя сейчас. Какой бы нелепицей это ни показалось человеку неопытному, связывать воедино что-то случившееся вчера, сегодня, ночью, что-то заинтересовавшее Комитет госбезопасности, с тем трудным поиском, который ведет маленькая группа его работников. Пусть все догадки окажутся мыльным пузырем, пусть кто-то из скептиков и улыбнется — «Эка хватил!» — все равно надо проверить, проанализировать, нет ли тут какой-то тайной связи, пока еще ничем не давшей знать о себе.

Птицын никогда не изменял этим правилам. И от Бахарева того же требовал. В очередной сводке сообщалось о событиях разных.

...В научно-исследовательском институте неизвестным был оставлен у входа в лабораторию чемоданчик со взрывчатым веществом.

...На машиностроительном заводе ночью неизвестные лица сорвали замок с двери склада учебного оружия. Похищены два учебных пистолета.

...На 112-м километре Минского шоссе врезался в столб автобус с иностранными туристами.

...На перегоне Адлер — Гагра обнаружено положенное кем-то на рельсы бревно.

...Во II корпусе студенческого городка в двадцати почтовых ячейках были разложены газеты «Футбол», сработанные знакомым методом. Далее следовал подробный комментарий. На первой странице газеты — все то, к чему привык читатель «Футбола», а на остальных — контрреволюционные призывы, гнусные измышления. На целую полосу — воззвание, подписанное Союзом молодых интеллектуалов.

Опрошенный вахтер заявил: никто из посторонних в корпус не проходил, если не считать гостя к студенту Владимиру Яковлеву — сказал, что идет к племяннику: низкорослый, полный дядя, в серой шляпе, модном осеннем пальто цвета маренго, клетчатом кашне. Вахтер обратил внимание на походку: гость шел переваливаясь с боку на бок. Опрошенный Владимир Яковлев показал, что никакого дяди у него в Москве нет и никто в гости к нему не приходил. Трое студентов, оставшихся по болезни дома, подтвердили, что действительно встретили такого толстопузого гражданина на лестнице. Одна из студенток добавила: «По-моему, он косоглазый... И нос мясистый».

Птицын откладывает в сторону информационное сообщение. Минуту-другую барабанит пальцами по столу. Потом поднимается с места, идет к сейфу, достает листок бумаги и протягивает его Бахареву.

— Вчера вечером получил... Не успел тебе показать... Сообщение нашего оперативного работника Снегирева... Читай.

Бахарев читает и вопросительно смотрит на Птицына.

— Александр Порфирьевич, неужели тот самый? Низкорослый, полный, ходит покачиваясь...

Снегирев сообщал, что «Бородач» вчера утром долго плутал на такси, пока не выехал на шоссе, ведущее в Архангельское. Там «Бородач» гулял по парку, потом свернул на тихую, немноголюдную аллею и присел на скамейку под ивой. Как и предполагал Птицын, Зильбер, видимо, решил приладить именно к этой скамейке металлический намагниченный контейнер. Снегирев проверил: металлический ящичек величиной со спичечную коробку был пуст.

На полпути к выходу из парка «Бородач» резко повернул назад к примеченной им скамейке. Неизвестно, чем руководствовался разведчик, но он забрал контейнер — то ли место показалось ему не очень надежным, легко просматриваемым, то ли какие другие соображения.

К полудню Зильбер вернулся в гостиницу, поднялся в номер и через полчаса вышел на улицу с серым клетчатым чемоданчиком в руках. Непринужденно оглянулся кругом, посмотрел на часы и направился к метро. Он вышел на станции «Комсомольская» и уверенно, словно по давно знакомому маршруту, зашагал к электропоезду на Загорск. Сел в пятый вагон от хвоста. Пассажиров было немного — выбирай любое место. Зильбер устроился поближе к выходу. Положил чемоданчик на полку и углубился в чтение журнала «Техника — молодежи». Минуты за две до отхода поезда в вагон вошел низкорослый, перекатывающийся с боку на бок человек в серой шляпе, сером осеннем пальто и уселся напротив Зильбера. На полку для багажа рядом с чемоданчиком «Бородача» лег почти такой же чемоданчик толстяка. Не имея еще никаких оснований связывать одной цепочкой Зильбера и толстяка, Снегирев уловил момент, когда из-за журнала выглянуло мясистое лицо с тяжелым подбородком, и нажал спусковую кнопку фотокамеры.

На станции Мытищи толстяк вышел из поезда, и, когда он уже шагал по перрону, Снегирев увидел, что в руках у него чемоданчик Зильбера — тоже в серую клетку, но с зелеными полосами и с молнией вдоль всей крышки. Что было делать? Хозяин какого чемодана представляет наибольший интерес?

Снегирев решил следовать за Зильбером — «турист» ехал в Загорск, в излюбленную туристами лавру...

Птицын уже собрался было идти к генералу докладывать о сообщении Снегирева, как раздался телефонный звонок. Звонили из архива — нашли довоенных времен дело одесских контрабандистов.

* * *

Бахарев внимательно наблюдает за Птицыным, перелистывающим пожелтевшие листы. Наблюдает, с трудом скрывая улыбку: кто сказал, что лицо — это зеркало души? Вот лицо человека, в душе которого сейчас, вероятно, клокочет такое, что ахнешь. А лицо? Непроницаемо-бесстрастное. И только подмеченное Бахаревым легкое дрожание пальцев Птицына говорило о том огромном усилии воли, которое требуется сейчас подполковнику, чтобы скрыть волнение. Ведь, кроме всего прочего, это его, Птицына, молодость, одно из первых дел, которое поручили ему в органах государственной безопасности.

Уже просмотрено много страниц — протоколы, допросы обвиняемых, свидетелей, экспертов. И, наконец...

— Он самый! Здравствуй, голубчик!..

Значит, не ошибся, значит, многолетняя работа в органах государственной безопасности отшлифовала зрительную память. Теперь уже сомнений не было: он. Достаточно сопоставить хранящуюся в деле фотографию одесского льва, молодого Аркашки с Дерибасовской с фотографией старого, франтоватого Аркадия Семеновича Победоносенко.

По делу одесских контрабандистов Победоносенко проходил поначалу как свидетель, а уж потом попал в соучастники. Первоклассный одесский сапожник, Аркаша с Дерибасовской, весьма искусно «работал», как он сам выразился на допросе, всякие «шуры-муры» в элегантных дамских и мужских туфлях контрабандистов. «Шуры-муры» — это тайники в каблучках, под стельками, тайники для царских золотых монет и зелененьких долларов...

Птицын перечитывает протокол допроса.

— Занятный человечишка... Любил пофилософствовать... Мендель Маранц с Дерибасовской! Нет, ты послушай, Бахарев, и оцени — сидит перед следователем, а разглагольствует, как с кафедры... Спрашиваю его: «А какие у вас были побуждения, когда вы пошли на первое свидание с «Мишкой-аристократом»? Толь-

ке не знайте, говорите всю правду». Отвечает: «Лучший способ скрыть свои побуждения — это говорить правду». Спрашиваю: «Что руководило вами, когда вы в самый канун провала банды выгнали «Мишку-аристократа» и, не страшась соседей, истошно вопили на весь коридор: «Чтобы ноги твоей не было в моем доме»?» Отвечает: «Есть рубеж, где человек должен остановиться. Нельзя всем жертвовать ради бизнеса». Спрашиваю: «Вас активно использовали люди типа «Мишки-аристократа». Но чем вы объясните несколько странное отношение к вам: вас считали своим человеком, но никогда не приглашали на семейные торжества, где обычно собиралась вся банда, не приглашали и столу даже в тот вечер, когда вы, заглянув в ресторан «Лондон», застали там ваших друзей?» Отвечает: «Вы когда-нибудь читали Аристотеля? Нет? Жаль... Старик понимал толк в человеческой психологии. Дает ответ на вопрос. «Грязь,— говорил он,— на высокой скале и грязь на болотистой дороге — все грязь. Но если бы грязь чувствовала и умела выражать свои чувства, то грязь на скале, наверное, почитала бы себя грязью возвышенной и презирала бы низколетящие грязи». Я был низколетящая грязь...»

Птицын покачал головой.

— Что скажешь, Бахарев, какое Спиноза? Черт те что!.. Вероятно, я потому и запомнил его. Да и фамилия такая — По-ба-до-носенко... Почти по Шаляпинскому... А в общем-то вопрос проясняется. Похоже, что одесский сапожник взялся за старое дело, только теперь у него хозяева, видимо, классом повыше. Шарина же выполняла...

Размышление вслух прервал деликатный стук в дверь.

— Войдите... Входи, входи, Алексей Петрович. С чем пожаловал?

— Дополнение к тому делу имеется.

И сотрудник архива, положив на стол пухлую папку, торжественно объявил:

— Битый час искал... Это как чеховская лошадиная фамилия: не успокоишься, пока не вспомнишь. А помню — дело одесских контрабандистов имело продолжение... уже в послевоенное время. Прошу вас, Александр Порфирьевич.

Птицын открывает папку, читает длинное, страниц на десять, каллиграфическим почерком написанное заявление, местами витиеватое, местами выспреннее. Заявление, видимо, сочинялось еще дома, и в приемную КГБ автор явился, все обдумав, взвесив. И на все эти раздумья ему дана была лишь одна трудная, длинная ночь, ибо явился он в приемную с уже написанной исповедью в девять часов утра. На первой странице было четко выведено:

«Я, Аркадий Семенович Победоносенко, уроженец города Одессы, судимый по делу контрабандистов, ныне мастер сапожной мастерской, сообщаю нижеследующее: в е ч е р а в е ч е р о м в пивном баре имел откровенный разговор с самым отчаянным фраером Молдаванки, которого у нас в Одессе звали Косым и который просил сейчас называть его Ефимом Михайловичем. Судя по тому, как он с ходу атаковал меня, едва я заказал пару пива, я был уже давно у него на прицеле. Я сразу узнал в нем одного из шайки одесских контрабандистов, для которых когда-то работал всякие тайники в ботинках. Как и до войны, он был элегантно одет, те же усики, тот же мясистый нос, то же маленькие, бегающие глазки, та же бесшабашная походка человека, у которого почти нет шеи — наследственная одесская астма. У него волосы на макушке поредели и были, как говорят у нас в Одессе, зачесаны с разумной экономией... За несколько месяцев до того, как провалилась вся банда, упомянутый выше Косой был отправлен «Мишкой-аристократом» в Ленинград готовить базу для «дочернего предприятия», что, полагаю, и спасло его от карающего меча ВЧК — ОГПУ. Я спросил подсевшего и столу Косого: «А что тебе, собственно, надо от Победоносенко?» Он обнял меня и сказал: «Милый мальчик, я еще сам точно не знаю. Поговорим просто так... за Одессу, да благословит ее господь бог... Одесса—это, как сказал наш Бабель, много моря, солнца и красивых женщин. Так выпьем за умной души твоей супружницу-красавицу, да будет земля ей пухом...» И он тут же вытащил из заднего кармана плоскую флягу с водкой, разлил ее поровну в два стакана и чокнулся: «Бывай здоров, мальчик». Это означало, что Косому уже все известно о послевоенном Аркаше! А откуда известно? Имею предположение, что это наши общие одесские дружки шепнули Косому про то, как после войны появился на Дерибасовской Аркашка Победоносенко с орденом Красной Звезды на груди и в выцветшей солдатской гимнастерке без погон, и в сапогах, пошитых из трофейного шевро...»

Далее следовало большое отступление, вопль души, из которого явствовало, что жизнь Аркадия Победоносенко развивалась по синусоиде — со взлетами и падениями. В сорок втором году на пятом его рапорте начальнику лагеря с просьбой послать в штрафной батальон, на самый трудный участок фронта, появилась резолюция: «Удовлетворить. Отправить на Сталинградский фронт». Стоял декабрь 1942 года, когда на берегах Волги день и ночь гремели бои за каждую пядь земли, за каждое здание, лестничную клетку, когда огнем и кровью проверялись характеры. О том, как дрался солдат-штрафник Аркадий Победоносенко, автор заявления в КГБ счел нужным обронить лишь три слова: «Смотри прилагаемые характеристики». А они сплошь превосходные.

После Сталинграда с него сняли ярлык штрафника и перевели в саперы. Приходилось ему ходить в разведку, разминировать поля. За штурм Берлина награжден орденом Красной Звезды.

Когда кончилась война, Победоносенко решил вернуться в родную Одессу. В заявлении подробно рассказывается, как нелегко было принять такое, казалось бы, простое и естественное решение. Это было не так просто — после Колымы вернуться в город, где все тебя знают как «Аркашку с Дерибасовской», живущего по принципу «деньги не пахнут», водившего знакомство с подозрительными людьми. Он нашел в себе силу воли порвать с прошлым, хотя оно долго и неотступно преследовало демобилизованного сержанта. Первомайского сапожника назначили заведующим большой мастерской, где трудилось много молодых ребят, и Победоносенко терпеливо учил их «работать элегантный ботинок точь-в-точь как в Париже».

Так прошло два года. Он жил легко, весело, не замечая бега времени. Тени прошлого, кажется, уже перестали тревожить директора обувного ателье, и вдруг на бульваре Победоносенко лицом к лицу столкнулся с дядей, уверенно размахивавшим тростью с костяным набалдашником. Он был в широченных синих брюках и кремовом, прекрасно сшитом пиджаке. Победоносенко попытался увильнуть, сделать вид, что не узнает, но «Рваное ухо» был не из тех, кто упустит нужного ему человека.

В шайке «Мишки-аристократа» «Рваное ухо» работал «на подхвате» и слыл деятелем цепким. Деваться было некуда. Поздоровавшись, поговорили о погоде, девушках на Лимане, ценах на базаре, вспомнили друзей — «иных уж нет, а те — далече...». «Рваное ухо» пригласил поужинать. Победоносенко отказался. «Живот болит... Второй день манной кашкой пробавляюсь»,— на ходу придумал он. «Рваное ухо» долго обхаживал Победоносенко, а потом пошел в лобовую: «Послушай, Аркаша, как ты считаешь: встретились на бульваре два хорька, которые в общем-то — отбросы частности, это не для деловых людей — неплохо относятся друг к другу. Ты имеешь что возразить? Нет? Отлично. Если эти два джентльмена, подчеркиваю, в общем-то неплохо относятся друг к другу и в общем-то могут быть взаимно, подчеркиваю, взаимно полезными — почему бы им не пойти на союз? Я что-нибудь неправильно сказал, Аркаша? Поправь меня... А теперь слушай: требуются золотые руки сапожника. Золотые руки за золотые десятки... Ты меня правильно понял, Аркадий? И забудь душать за комбинат бытового обслуживания».

Было сказано еще несколько ни к чему не обязывающих обе стороны фраз, и Победоносенко, извинившись,— «у меня тут встреча с девушкой»,— попрощался, попросив три дня на размышления.

Насчет свидания с девушкой он не врал. Дней двадцать назад Аркадий познакомился с московской работницей, лечившейся в одесском санатории. Легкое увлечение (сколько их было у Аркадия с Дерибасовской!), кажется, переросло в нечто более серьезное. Тяжело больная Таня, много горя хлебнувшая в жизни, была одинока: отец погиб на фронте, ее и мать эвакуировали на Урал. Вскоре после возвращения в Москву мать умерла. И Таня осталась одна.

Аркадий не принадлежал к числу красивых мужчин, но был в нем тот, как говорят французы, шарм, что заставляет женское сердце биться более учащенно. Он честно поведал Тане о своей жизни, и она поверила ему, когда он сказал, что с прошлым все покончено. Она ему поверила, хотя и не скрывала от него: ей трудно забыть его прошлое. В таких случаях он врачует и рассказывает легенду о грешнице, которую толпа хотела закидать камнями, и о Христе, который, обращаясь к толпе, говорил: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень...»

Таню покорила искренность Аркадия, сила его характера. И вот «Рваное ухо» с его предложением...

В тот вечер Таня вернулась в санаторий поздно вечером: спорила она со мной, потом она его. Все было взвешено, все точки над «и» поставлены. На следующий день был взят расчет в сапожном ателье и билет до Москвы...

Через два года после свадьбы Таня умерла — тяжелейшая болезнь почек сделала свое дело — и, как пишет в своем заявлении А. Победоносенко, «свет стал мне не мил». Незадолго до смерти Таня, понимавшая, что дни ее сочтены, вперемежку за два года вновь повела с мужем разговор о его темном прошлом и сказала: «Клянись, Аркадий, что и после смерти моей... ни шагу назад...» Он молчит, а она, собрав все силы, хрипит: «Клянись, говорю!» Аркадий становился на колени, целовал ее бледные руки и шептал слова, что были сильнее любой клятвы.

Встреча с «Косым» в пивном баре произошла ровно через год после смерти Тани. Нетрудно представить, что было на душе Победоносенко в те минуты, когда «Косой» дал понять, что о давней встрече Победоносенко с «Рваным ухом» ему все известно, так же как и о неожиданном исчезновении на одесском небосклоне такой звезды первой величины, как Аркашка с Дерибасовской.

— Однако человек не песчинка. Разве он потеряется на нашей грешной земле? — улыбался «Косой».— Мир тесен, Аркаша... Вот и пьем мы с тобой пиво за одним столом. Только этот напиток не для меня. Живот пучит. Пойдем, друг, в «Арагви», грузинского коньячку пососем. Там и разговор закончим. Ты только не говори мне, мальчик, что у тебя животик вава и что ты на манной кашке сидишь.— И он снова дружески обнял Аркадия за плечи, еще раз дав понять, что ему все известно, но он никаких претензий не имеет.

Разговор был продолжен в «Арагви», в отдельном кабинете — тут «Косой» чувствовал себя как дома.

— Деловым людям нужна твоя, Аркаша, помощь. Платить будут те птицы зеленененьким. В Одессу перебираться не нужно. Заказ будешь

получать в Москве. Тут и наш главный шеф...

И, видимо, крепко выпив, с гордостью добавил:

— Это тебе не «Мишка-аристократ»... Так чтобы ты знал: человек не с советским паспортом. Чуешь?

И сразу умолк, поняв, что болтнул лишнее. «Косой» подозрительно-испытующе посмотрел на Аркашку, нахмурился и зло буркнул:

— Все, что сказал,— как в могилу. Ты ничего не слышал, мальчик, ничего не знаешь. Иначе...

И он резким движением полоснул ребром ладони по горлу.

— Так как? Снова три дня на размышление? Не пойдет...

Победоносенко лишь на какую-то долю секунды задумался, потом налил в два больших фужера коньяку, встал из-за стола и несколько торжественно провозгласил:

— Выпьем за успех...

— Так, значит, согласен? — обрадованно спросил «Косой».

— Согласен.

Они условились о следующей встрече и разошлись в разные стороны.

Вернувшись домой, Аркадий Победоносенко долго стоял перед висевшей на стене большой фотографией Тани. Потом он сел за стол, достал из секретера несколько листов бумаги и каллиграфическим почерком вывел: «В Комитет государственной безопасности...»

Он не спал всю ночь. Вышел из дому в семь утра и долго петлял по Москве, пока в девять утра, окончательно убедившись в том, что за ним нет слежки «Косого», нырнул в приемную КГБ.

...Птицын листает дело, по которому проходят «Рваное ухо», «Косой», еще несколько одесских «деятелей» и человек из посольства. О нем разговор на следствии шел уже заочно, в прошедшем времени — почуяв недоброе, джентльмен вовремя ретировался. Птицын листает дело и размышляет вслух:

— И тут и в деле студгородка фигурирует «Косой»; «Косоглазый», толстый, мясистый нос, ходит, переваливаясь с боку на бок. «Косой» и человек из посольства... «Косой» и Зильбер... И газета «Футбол» в студгородке. Случайное совпадение? Или одна цепь?

А у Бахарева свой ход мысли. Он понимает: в принятой Птицыным схеме — Марина передает Победоносенко туфли, чтобы сделать в них тайники — появилась трещина. Но не более. Ведь не сбросишь со счетов и такую версию: плюнул Аркадий Семенович на все свои клятвы покойной супруге и вернулся к старому. Вместе с «Косым».

И тогда опять Марина? Да, опять Марина! И не далее как сегодня он снова будет иметь возможность убедиться в этом.

Продолжение следует.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ТАЙНИК

Генерал Василий Михайлович Клементьев уже был в курсе новых фактов, архивных материалов, неожиданного переплетения человеческих судеб: нити от двух на первый взгляд совершенно разноплановых дел — «Доб-1» и студгородок — где-то вдруг сошлись в одном узле. Крылов уже докладывал Клементьеву об изысканиях Птицына, о «Косом», «Армашке с Дерибасовской», «Бородаче»-Зильбере, о Марине, обо всех тех, кто оказался по делу «Доб-1» в сфере внимания контрразведки. И вдруг устанавливается — пусть в порядке гипотезы — их причастность и к студгородку. Генерал попросил Крылова в одиннадцать зайти к нему вместе с Птицыным, а пока принести все материалы, все, что имеет отношение к «Доб-1», подчеркнув:

— Буквально все... Сообщения оперативных работников, «Ландыша», фотографии... И дело контрабандистов тоже...

Высоченный, все такой же худющий, как и в пору войны, генерал слыл человеком гибкого ума. Он никогда не спешил с решениями, не поддавался голосу чувств, но умел разбираться в сложном их переплетении, находить то доброе, что нужно поддержать, хотя не для всех еще было очевидно это доброе. Филолог по образованию, он незадолго до начала второй мировой войны пришел в органы государственной безопасности с партийной работы. За плечами его уже был некоторый опыт, но он считал для себя обязательным продолжать освоение тончайших премудростей этой, на его взгляд, сложнейшей сферы партийной деятельности. А осваивать приходилось многое и разное, и порой, когда бывшему филологу казалось, что его подстерегает опасность стать дилетантом, он вспоминал слова университетского профессора, которого считал своим наставником: «Многое знать невозможно, а из всего того, что можно знать, важно знать самое нужное».

Сейчас для него, по его собственному разумению, «самое нужное» — это уловить, проанализировать то новое, что появилось за последнее время в методах вражеской разведки, то новое, что дает ныне знать о себе ежедневно. Вот и Зильбер... Кто он? Крупный разведчик или мелкий эмиссар НТС, подбрасывающий гнусную пачкотню?

Для генерала это вопрос, остающийся пока без ответа. Тем более ему интересно знать точку зрения коллег, помощников, и вообще возникают ли и у них эти вопросы широкого и дальнего, как он выражается, плана? Что скажут Крылов, Птицын — люди опытные, много видевшие в жизни и много знающие, но порой подвергнутые, как все смертные, опаснейшему роду недуга — безжалостной текучке...

Генерал внимательно слушает Птицына. Александр Порфирьевич, как всегда, говорит неторопливо. А иногда делает паузу и словно резюмирует: «Полагаю, что следовало бы принять такую схему...» Обратив внимание генерала на донесение Снегирева, историю двух чемоданчиков в электропоезде, Птицын после очередной паузы продолжает:

— Полагаю, что следовало бы принять за вероятное следующее: толстяк — один из зильберовских агентов — забрал в поезде чемоданчик с так называемыми газетами «Футбол». Выбор объекта — студгородок,— возможно, идет от студентки Марины: ей лучше знать, когда, где, каким образом сподручнее всего подбросить эту пачкотню. Тем более, что в этом городке живут и ее товарищи по институту. В этой связи важно установить возможность еще одной схемы: Марина — Аркадий Семенович — косоглазый толстяк. Да, девять лет назад сообщник одесских контрабандистов приходил с повинной в КГБ. Допускаю, что сделано это было под настроение: годовщина со дня смерти жены, которой он поклялся, что к прошлому возврата не будет. А время творит свое. И Победоносенко пошел старой дорогой. Встретив друга, «Косого»,— ему тогда за чистосердечное раскаяние только шесть лет дали,— сразу нашел с ним общий язык. Обращаю ваше внимание, Василий Михайлович, что по времени все это сходится. Поразительнейшим образом. Неужели случайность?

— Случайность? — переспросил генерал.— Конечно, бывают и случайности, Александр Порфирьевич. Несомненно, бывают... Но не могу не согласиться и с такой философией...— Генерал запнулся, досадливо поморщился и продолжал: — Чертовский склероз. Никак не вспомню автора этой, весьма мудрой, на мой взгляд, точки зрения. Случай благосклонен лишь к достойным. В распоряжении каждого из нас появляется немало возможностей изменить к лучшему свою жизнь. А успех приходит лишь к тому, кто эти возможности умеет использовать. Согласны? Ну, ну... Прошу прощения — прервал ваш доклад. Продолжайте, Александр Порфирьевич.

— Я хотел бы поставить несколько вопросов в развитие разговора о случайностях. Неужели случайно Зильбер встречался с толстяком и ловко передал ему чемоданчик? Неужели случайно в тот же день человек, удивительно похожий на толстяка из электропоезда, с тем же чемоданчиком в руках проникает в студенческое общежитие?

Генерал снова перебил Птицына:

— Стоп! Я подолью масла в огонь... Неужели случайно сегодня утром в подмосковном городке в почтовых ящиках одиннадцати квартир лежали те же самые «газеты» «Футбол»? Мне сообщили об этом час назад...

В комнате наступила тишина. Все трое минуту-другую сидели молча. Для Крылова и Птицына сообщение генерала — полная неожиданность. И оба они смотрят на него с нескрываемым изумлением. Александр Порфирьевич пытается мгновенно, тут же логически связать подмосковный городок и студенческое общежитие, установить связь между Зильбером и подмосковным городком. Мысль работает в лихорадочно быстром темпе. Архангельское? Нет, не то... Совсем в другой стороне... Он стал вспоминать все донесения оперативных работников, наблюдавших за Зильбером,— ничего связующего. Марина? Пока нет никаких оснований даже для отдаленных ассоциаций.

— У вас есть по поводу Подмосковья какие-нибудь догадки, вопросы, Александр Порфирьевич? — Генерал первым нарушает молчание.

— Догадок нет, а вопросы имеются. Один и, пожалуй, самый главный: это, так сказать, от нас двоих.— И Птицын кивает в сторону Крылова.

— Что ж, давайте вместе разбираться.

— С миссией Зильбера действительно не все ясно, Вася. Тут, пользуясь терминологией Птицына, некая занавыка. Туманные флюиды...— И Крылов, подняв кверху руки, смешно зашевелил своими крючковатыми пальцами, что и должно, видимо, изображать те самые флюиды.

— Какая такая занавыка?

Крылов стряхнул пепел с сигареты и аккуратно положил ее на край пепельницы.

— Зильбер — вражеский разведчик. Это бесспорно. Сообщения «Ландыша» не оставляют в том сомнения. Мы еще точно не знаем, кто его связные и на какие объекты он нацелен. Но знаем, что это разведчик. Однако же разведчик не стал бы размениваться на подбрасывание листовок. Тебе это хорошо известно, Василий Михайлович. Это, я бы сказал, монополия НТС: мы привыкли видеть в разведчике противника, подбирающегося к государственным тайнам. А тут, изволите видеть, организуется подбрасывание идеологической макулатуры... Кто он: мастер по «наведению мостов» между Западом и Востоком? Специалист по фабрикации и распространению листовок среди тех наших молодых интеллектуалов, что одержимы судом фронды? Или же его интересуют государственные секреты?

Генерал доволен: это хорошо, что и ближайшие его помощники задумываются над проблемами не только тактического, но и стратегического порядка, что и их волнуют приметы некоторых перемен в стратегии, а значит, и в тактике противника. Вопрос поставлен правильный и большой. На него надо отвечать. Как? Он, генерал, не может еще дать ответа абсолютно бесспорного. Он может только высказать некоторые свои соображения. Явление подмечено новое, его еще нужно осмыслить.

— Я тоже считаю, что это, как ты изволил высказаться, Иван Михалыч, закавыка. И меня и вас учили стратегии и тактике врага. Имеются здесь проверенные десятилетиями классические формулы... Разведчик, прибывший с заданием вражеского центра, не станет заниматься, ему не позволено заниматься таким делом, как подбрасывание листовок.

Был большой разговор трех опытных работников. Разговор коммунистов, для которых главное есть и будет политика партии. Обострение идеологической борьбы сказалось и на деятельности вражеских разведок. Ее агентов теперь учат подбрасывать идеологические бомбы, разведывать настроения молодежи, находить ключи к душам мятущихся «ниспровергателей» всех и вся.

— Итак, будем считать, что никакой закавыки в миссии Зильбера нет,— заключает разговор генерал.— Разведчик как разведчик, которого начальство обязало включить в сферу своей деятельности то, что принято называть идеологическими диверсиями. Наш противник считает, и, может быть, не без основания, что, скажем, ключ к душе иного молодого человека порой стоит большего, чем ключ к сейфу с секретным чертежом. И вот извольте.— И генерал тюкнул пальцем в ловко закамуфлированные газетные листы.— А теперь перейдем от всяких теоретических изысканий к практическим делам. Я вас попрошу, Александр Порфирьевич, взять все материалы, относящиеся к фальсифицированной газете «Футбол»... И в студгородке и в Подмосковье. По почерку видно, что эта диверсия направлялась одной и той же рукой. В ближайшее же время я должен получить от вас детально разработанный план операции. Предусмотрите все возможные варианты. В Подмосковье «газета» обнаружена по одиннадцати адресам. Но у нас нет уверенности, что размах диверсии ограничивается только одиннадцатью... Может, следует опросить кого-нибудь из получателей «газеты». Кого? Установите... Опрос людей по этому делу проведите сами... Здесь мы имеем дело с хитрым и наглым противником.

— Слушаю. Я представлю вам подробный план операции... Разрешите идти?

— Нет, попрошу задержаться... Это еще не все... Настораживают противоречивые сообщения Бахарева. Видать, умный, образованный малый, но увлекающийся.

— Я ему, Василий Михайлович, не раз советовал время от времени остужать в холодильнике свою голову.

— Шутки шутками, Александр Порфирьевич,— подал голос Крылов,— а молодого человека, видимо, нет-нет да и, как вы правильно заметили, бросает из одной крайности в другую. Кстати, у вас нет никаких опасений по части... как бы это деликатнее выразиться...— Крылов запнулся, но Птицын понял его.

— По части личного и служебного? По части полной объективности? Вы это имели в виду?

— Ну, хотя бы и это,— заметил генерал.

— Я ручаюсь за Бахарева,— резко отрубил Птицын.

— Нуте, нуте... Не надо распаляться. Нам вашего поручительства не требуется. Мы с Крыловым тоже немного знаем Бахарева. Парень принципиальный... Но человеку свойственно человеческое. Силу чувств никогда не сбросишь со счетов. Согласны? То-то же. Теперь давайте разберемся в предложенных вами вариантах. Я позволю себе заметить, что они еще не подкреплены в достаточной мере фактами. Твоя точка зрения, Ваня?

— Это верно — пока имеются только предположения, хотя и весьма основательные... Бахарев старается со скрупулезной точностью определить: это — за, а это — против...

— Да, пожалуй,— раздумчиво, ни к кому не обращаясь, заметил Птицын.— Как в аптеке. А рисунок получился сложный: мазками.

— Вот именно...— продолжал Крылов.— И по части Аркадия Семеновича! Не спешим ли с выводами?.. Между тем одна персона осталась

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—8.

пока в тени. В деле фигурирует, а знать-то о ней мы мало что знаем.

— Вы имеете в виду Ольгу,— уточнил Птицын.

— Да...

— В институте о ней дают весьма лестные отзывы. Активная общественница. Как-то на курсовом собрании резко выступила против группы крикунов, утверждавших, будто материалы студенческой многотиражки перед публикацией просматривает партком. Выступила и задала такого жару бунтарям, что те сразу притихли. Хорошо зарекомендовала себя на практике, в коллективе поликлиники. Мать ее связана с участниками движения Сопротивления...

— Почему же вы считаете возможным подозревать ее? Только потому, что она иностранка? — резко спрашивает Клементьев, и губы его сжимаются в тонкую полоску.

Птицын молчит. Его самого беспокоят эти вопросы.

— Так как же, Александр Порфирьевич?— настаивает генерал.

Птицын смотрит на Клементьева все с тем же невозмутимо спокойным лицом и неторопливо отвечает:

— По нашим данным, в катехизисе так называемых добродетелей этой иностранной студентки едва ли не главным пунктом является грим.

— Как прикажете понимать?

— Эта женщина с искусным гримом на лице и на душе...

— Опять из сферы предположений. Факты?

— Есть и факты, над которыми нельзя не задуматься. Мы с Бахаревым терялись в догадках: откуда Зильбер узнал, что Марина пошла со своим знакомым в ресторан «Метрополь»? Вряд ли это случайная встреча. Кто мог навести туриста на след? И вспомнили. Когда молодежь возвращалась со студенческого вечера и Бахарев предложил пойти в «Метрополь», только два человека слышали его слова — Ольга и Владик. Герта со своим кавалером ушла далеко вперед. Владика я исключаю. Остается Ольга? Вот так...

— Довод не очень серьезный, но все же...— И генерал почесал затылок.— Тем более важно увидеть эту девушку, как вы выразились, без грима.

— Но есть и другой довод: на пути к «Метрополю», оставшись вдвоем с Бахаревым, Марина сказала, что она должна позвонить маме и предупредить ее, что поздно вернется домой. В будке телефона-автомата девушка задержалась недолго...

— Ну и что же?

— По наведенным справкам, в этот вечер матери Марины дома не было, она дежурила в больнице. Очередное дежурство, о котором дочь не могла не знать.

— Ну и что же?

— Если мама на дежурстве и не знает, когда дочь вернется домой, к чему предупреждать ее по телефону? Судя по некоторым нюансам, Марину никак не отнесешь к числу высокодисциплинированных дочерей. Да и не так-то легко — мы и на этот счет наводили справки — дозвониться дежурному врачу, когда больные еще бодрствуют. Вот так...

— Значит, снова Марина?..

Птицын молча пожал плечами и развел руками.

— Нам не дано права разводить руками, Александр Порфирьевич. Я попрошу вас лично попытаться быстрее прояснить роль каждого из шести действующих лиц: доктор Васильева, ее дочь Марина, иностранная студентка Ольга, Победоносенко, «Косой» и Зильбер... Пора от гипотез переходить к документированным фактам. Очень попрошу, Александр Порфирьевич.

7

События развивались стремительно, и Птицын, Бахарев и их помощники пребывали в том тревожном состоянии, которое охватывает людей их трудной профессии, когда дело оказывается чрезвычайно запутанным.

Из студгородка Птицын вернулся к полудню. Вахтер среди пяти предъявленных ему фотографий толстяков сразу опознал фотографию «дяди» студента Володи Яковлева. Линия Зильбер — «Косой» на схеме может быть из разряда пунктирных переведена в разряд жирно подчеркнутых. А вот что касается ее продолжения: Аркадий Семенович — Марина,— тут дальше тонюсенького пунктира не продвинулись. Снова, увы, только догадки. Правда, в деле одесских контрабандистов тоже есть фотография «Косого». И нетрудно было убедиться в том, что человек в электропоезде и толстый дядя, сманивавший Аркадия на темные дела,— одна и та же персона. Но значит ли это, что и Аркадий Семенович замешан в истории с «газетами» «Футбол»? Что же тогда передала ему Марина при встрече во дворе? Какая связь между этой передачей и студгородком? И еще один более серьезный вопрос: кто из них двоих — «Косой» или Аркадий — тот самый человек, с которым Зильбер должен был связаться? Оба из Одессы, оба в прошлом причастны к шайке контрабандистов. Кто же он, связной Зильбера?

Размышляя над всеми этими пока безответными вопросами, Птицын поджидал Бахарева. Николай знал, что в одиннадцать Александр Порфирьевич вызван к генералу с докладом о ходе дела «Доб-1», знал, что подполковник долго и старательно готовился к беседе с Клементьевым. И сейчас, едва переступив порог кабинета Птицына, по одному лишь выражению его лица понял: разговор с генералом был трудным. Хотя, как всегда, Александр Порфирьевич невозмутимо спокоен.

— Какие новости, Александр Порфирьевич? Что генерал?..

— А что генерал?! Требует от гипотез к документированным фактам переходить. Правильно требует... Про студгородок ты уже знаешь. А теперь такую же пакость в подмосковном городке сотворили... Черт те что получается...

Птицын рассказал и про свою поездку в студенческое общежитие и про то немногое, что ему пока известно о подмосковном городке.

Бахарев, услышав название городка, вскочил со стула и стукнул себя пятерней по лбу.

— Позвольте, позвольте, Александр Порфирьевич. Да ведь Марина там была...

Зильбер, «Косой», листовки, студгородок... И Марина! Опять она... Бахарев вспомнил, как Марина восторженно рассказывала ему про Дом культуры в этом городке, про чудесный воскресный день, проведенный ею там, на берегу пруда, в веселой компании молодежи. Сейчас ему трудно восстановить в памяти, в какой связи зашел разговор о ее поездке. Сейчас звено к звену, факт к факту ложились плотно, как патроны в обойме.

Зильбер, «Косой», листовки в студгородке! И вот — Подмосковье. Почти в одно и то же время. И Марина... Зачем она туда ездила? Где связь между первым, вторым, третьим?

...Марина встречалась с Зильбером... Что-то передавала одесскому сапожнику, специалисту по тайникам в обуви, а на следующий день старый друг Победоносенко «Косой» встречается в электропоезде с Зильбером и через три часа подбрасывает листовки в студгородке. А «Ландыш» сообщает: Зильберу поможет человек из Одессы. Не напрашивается ли сам собой общий знаменатель?

...Птицын вместе с Бахаревым составляют детальный план дальнейших действий, в котором учтены все значительные и малозначащие факты.

Надо внимательно проанализировать все одиннадцать адресатов и установить, чем руководствовался тот неизвестный, который послал «газеты» «Футбол» именно в эти одиннадцать квартир, по какому принципу подбирал их. Это, пожалуй, сейчас самое важное.

— Я мало верю в такой вариант, но ведь бывает, что адреса подбирают попросту из бюллетеней по обмену квартир,— говорит Птицын.— Отправляйся в бюро обмена — пусть срочно дадут справку: фигурировали ли эти адреса в последних бюллетенях?

Бахарев мчится в бюро обмена, а Птицын перечитывает несколько только что полученных оперативных сообщений, но ни одно из них не вносит ясности. И вдруг...

С утра Птицын еще не терял веры в то, что Победоносенко навсегда порвал с прошлым, что его встреча с Мариной — случайное совпадение обстоятельств. И вот извольте...

Сегодня Победоносенко поехал в... Архангельское. Купив путеводитель, поговорив о чем-то с киоскершей, Аркадий Семенович отправился в парк и исчез из виду. Но вскоре оказался в музее. И что особенно важно для Птицына: на безлюдной аллее со скамейкой под ивой, той самой, к которой прицеливался Зильбер, одессит не появлялся. И тут же рождается версия: «Зильбер потому и забрал тогда контейнер, что приспособил его к другой скамейке, в другом уголке парка?» Куда исчез Победоносенко? Где рыскал?

С Зильбером все ясно. Птицыну известен почти каждый его шаг. Вместе с группой туристов он был в МГУ, в Дубне, Третьяновке, ГУМе, ужинал в обществе советских ученых, смотрел «Лебединое озеро». Однако несколько раз ему удавалось «отрываться» от группы. Вчера он заглянул в антикварный магазин, потом поехал на Ленинские горы. Со смотровой площадки глядел на Москву. Задержался в сквере. Присел на скамейку рядом с двумя юношами, о чем-то спорившими. Вытащил из кармана газету и минут пять читал или делал вид, что читает. Встал, пошел дальше. Вернулся к стоянке такси и отправился в ГУМ. Протиснувшись к прилавку, сунул какой-то маленький пакетик в карман пальто рыжеволосой молодой женщины.

Зильбер — в гостиницу, а рыжеволосая долго плутала по центру Москвы, пока не зашла в кино «Метрополь», в синий зал. Но когда кончился сеанс, рыжеволосой в зале не оказалось.

Птицын, когда его что-то озадачивает, почему-то усиленно теребит пальцем нос. И сейчас так. Теребит нос и про себя чертыхается, воздавая, однако, должное ловкости неизвестной — уже во второй раз она искусно исчезает из поля зрения. Думается, что и тогда в Мосторге и сегодня в ГУМе действовало одно и то же лицо. Правда, та была блондинка. Но этот прием Птицыну хорошо известен — парик, грим. Женщина, надо полагать, маскируется, хотя действует нахально — один и тот же прием использует вторично.

И еще одно сообщение. Снова о Победоносенко.

Возвращаясь из Архангельского, Аркадий Семенович недалеко от дома заглянул в пивную, где встретился с шофером такси. Видимо, давние приятели. Выпили они шесть бутылок пива и по стакану столичной. Долго объяснялись друг другу в любви и дружбе. На прощание шофер быстрыми глотками допил остатки пива, перевел дух, вытер не первой свежести платком капли пота на одутловатом лице и, достав из кармана заморскую коробку сигарет, облобызал одессита.

— Вот тебе, приятель, подарочек...— сказал он, тщетно пытаясь подавить икоту.— Для твоей коллекции. Знаю, что собираешь эту дрянь. Давно приготовил для тебя, да все как-то забывал прихватить из дома...

Победоносенко бережно принял коробку и стал внимательно разглядывать ее.

— Что глаза пялишь?

— Экстра-класс!..— И выразительно поднял большой палец кверху.— Сколько прикажешь, Ефим Палыч? — И стал доставать кошелек.

Шофер рассвирепел.

— Ты за кого меня принимаешь, Аркадий Семенович?...

— Гражданин таксист! Не надо делать столько шуму из ничего. Я вас умоляю...— И, хихикая, поднял кверху левую руку.

Победоносенко уже хотел было сунуть коробку от сигарет в карман, потом что-то вспомнил, открыл крышку, достал лежавшие там несколько сигарет и бережно положил на стол.

— Аркадий Семенович сигареты не уважает. Он признает только трубку... Ба! А это что за цифирь?.. Может, записывал что на память и забыл? — И протянул коробку шоферу.

На внутренней стороне крышки было написано: ВИ-68-75.

— Кто его знает, что за цифирь? Я лично не записывал. Похоже, что пассажир, тот, что сигареты обронил, цифирь писал... Ты плюнь на ту цифирь... Плюнь да разотри... Коллекцию не портит.

— А что за пассажир такой, рассеянный с улицы Бассейной?

— Это я тебя все хотел спросить, да недосуг было... Забывал... Странная, друг Аркадий, история приключилась. Вез я парочку за город... Симпатичные... Вроде как из Прибалтики... Так вот, понимаешь...— И шофер быстро, невнятно затараторил, спьяна глотая слова, а там, где их не хватало, объяснялся языком жестов.

— Подожди, подожди! Аркадий Семенович не любит, когда говорят так много и так быстро. У нас, на Дерибасовской, в таких случаях кричат: «Гражданин! Соблаговолите затянуть фонтан!» Давай выпьем еще по сто, понюхаем пробочку и пойдем ко мне закусывать — имею предложить отличнейший пирог с капустой... Там мы с тобой примем еще по сто и уж в точности выясним, кто, куда, зачем ехал и что ты хотел спросить у гражданина Победоносенко...

Друзья обнялись, расцеловались и, слегка покачиваясь, вышли из пивной.

* * *

...Ни один из одиннадцати адресов подмосковного городка в бюро обмена не регистрировался и в бюллетенях, издаваемых бюро, не значился. Вариант бюро обмена отпал начисто. Более близкое знакомство с материалами дела, в частности с беглой характеристикой жителей тех квартир, в адрес которых были отправлены «газеты»-листовки, мало чем обогатило Птицына. Однако некоторые данные привлекли его внимание. Все 11 квартир не были коммунальными. Контингент жильцов достаточно разношерстный. Много студентов вузов и техникумов. Есть и учитель и врач, молодой хирург, работающий в местной поликлинике. Учитель преподает литературу в здешней школе. Идеологический снаряд выпущен с каким-то определенным расчетом. Каким? Как велся расчет? Птицын строил логические и алогические схемы. Он обратил внимание, изучая плансхему городка, на то, что все получатели «газет», в общем-то, живут в одном микрорайоне. Как соотнести все это с поездкой Марины в Подмосковье?

...Птицын включил транзистор и в ожидании Бахарева занялся любимой кофеваркой. Ждать пришлось долго, и не одна чашка кофе была выпита, пока где-то около пяти вечера Бахарев наконец объявился. И сразу же попросил вызвать Снегирева.

— Хочу показать ему вот эту фотографию.— И он положил на стол любительский фотоснимок.

— Кто это?

— Ольга.

— А при чем тут Снегирев? Думаешь, что это она и выпорхнула из «Метрополя»?

— Допускаю... Но вот факт не предположительный, а абсолютно достоверный: в подмосковном городке Ольга проходила практику в поликлинике. У нее там широкий круг знакомых — врач, учитель, студенты...— И Бахарев подробно рассказал о своем сегодняшнем визите к Марине.

...Марина на сей раз встретила Бахарева несколько приветливее. Чувствует себя лучше, была уже в институте. Жаловалась: придется подналечь, чтобы наверстать пропущенные лекции, семинары. И тем не менее она не прочь в воскресенье отправиться куда-нибудь в лес, за город. На дворе стоит чудесная осенняя пора. И если Николай составит компанию, она будет рада. Николай тут же откликнулся шуткой.

— С тобой хоть на край света... Погода дивная. Но у тебя, кажется, есть излюбленные места в Подмосковье? Помнишь, ты мне рассказывала о веселом загородном пикнике? Восторгалась живописными перелесками, порфирным лесом... И компания, кажется, была премилая.

— Да, да, вспоминаю... Это меня Ольга затащила туда. Она проходила там практику в поликлинике и подружилась с молодежью. Чудесные ребята. Компания оказалась действительно премилой. Жаль, что мы еще не были с тобой знакомы. Тебе было бы там очень приятно. Умные ребята, образованные... Широкий взгляд на жизнь.

— В общем, милая компания достаточно молодых и достаточно шумных интеллектуалов?

— Как тебе сказать, Коля? Не все, конечно. Были среди ребят и такие, у которых больше претензий на интеллигентность... С амбицией без амуниции, интеллектуалы без достаточного «золотого обеспечения».

— Ух ты, как хлестко!— ухмыльнулся Бахарев.

— Это не мое... В газете прочла... Фельетон... Но не в том суть. Спор был любопытный. Схватились два однокурсника из МЭИ — Володька и Юрка, сын главного конструктора тамошнего завода. По-настоящему интеллигентный парень и тот, кто без «золотого обеспечения». Оба выпили лишнего и давай хлестать друг друга... Фигурально выражаясь...

Марина, переняв чившись на совсем несвойственную ей манеру излагать свои мысли, повела рассказ в лицах, живописуя прежде всего щеголеватого красавца Юрку, прикатившего на своем «Москвиче» с желтыми фарами. У него было худое лицо, обрамленное жгуче-черной бородкой, и все на нем, с ног до головы, заморское, яркое, причащее: и жокейская шапочка канареечного цвета с длинющим зеленым козырьком, и большие черные очки, и грубошерстный цветастый свитер, натянутый на голое, атлетически сложенное тело, и, конечно, заморские джинсы с множеством молний. Рядом с ним Володька выглядел замухрышкой в своем затрапезном, изрядно потрепанном пиджаке поверх ковбойки. Щупленький этот паренек пришел позже всех и компанией был встречен весьма уважительно, даже с некоторым подобострастием. Кто-то шепнул Марине: «Умопомрачительный эрудит!.. Будущий Ландау и Петросян, вместе взятые... Но задиристый до невозможности — палец в рот ему не клади... Сила!»

— Не помню, с чего у них началось,— рассказывала Марина,— но первым длинную очередь прострочил Володя: «Ишь вырядился, принц Уэльский. Был бы я твоим папашей, купил бы я тебе «Москвич»... На, выкуси! — И сунул Юрке фигу под нос.— Черта лысого! Венина березового не хочешь? Деньгами швыряется там, будто это он сам, а не папаша его — главный конструктор. Тебе до инженера еще пилять и пилять... А другие только на стипендию... Да еще без отца. Я не про себя... Не жалуюсь... Мне с лихвой всего хватает... Я про других... В нашей же группе...» Юрка немедленно ринулся в контратаку: «Мой батька в лаптях ходил, в лаптях тачку катал, когда Магнитку строил... Ты не хорохорься... Поговорю с ним, он тебе мозги быстро вправит... Обличитель явился! Трибун! У батьки в партиоме такой же умник, как и ты, нашелся: «Почему-де, мол, вы, Иван Васильевич, своего Юрку балуете?» Отец мигом отбрил его. «Не для того мы социализм строили, чтобы бедностью похваляться. Я,— говорит,— в своей жизни всякого горюшка через край хлебнул, хочу, чтобы у сына всего вдоволь было. Для того и Магнитку строил». Володька слушает Юрку и пальцем по виску постукивает. «Значит,— говорит он,— у отца и сына тут явно не все вдоволь. Нехватка!.. Бог обидел, когда серое вещество распределял». И пошла тут всеобщая свалка. До хрипоты спорили! Володька один довод за другим сыплет. Дело, говорит, не в «Москвиче» и ультрашикарном костюме. Страшно другое: есть такие молодые люди, что, заполучив «Москвич», магнитофон, транзистор, не зная счета деньгам, быстро становятся рабами вещей, и такие понятия, как счастье, идеал, удовлетворение работой, жизнью, замыкаются для них кругом «красивых» вещей... Настоящая жизнь приравнивается к «сладкой жизни». А спорщики между тем в раж вошли. Одни за Юрку, другие Володьку поддерживают.

— А ты, а Ольга?— спрашивает Бахарев.

— Ольга отмалчивалась. А я... Поначалу ближе к Володьке держалась... А потом... Словно бросили камень в воду и круги все шире и шире пошли... Уже забылся об изначальном предмете спора, и пошел разговор о том, что можно, чего нельзя нашей молодежи... И вообще что есть что... Знакомые, думаю, голоса... Опять воспитывать хотят нас... Нет, не согласна я... Все во мне кипит, бурлит, и я против Володьки пошла. Не одобряешь?

Выпалила она это с нетерпимой запальчивостью и теперь, в упор глядя на Бахарева, ждала, что он скажет.

— Сложная это проблема, Марина. У каждой медали две стороны. Но Володька, пожалуй, ближе к истине. В папином разговоре о бедности и социализме чую явную демагогию. Да, да! Нищета духа! К тому же и богатства бывают разные. Знал я девушку — хорошую, умную,— так она благосклонно принимала ценные подарки отца, хотя и догадывалась, что куплены они на деньги, весьма дурно пахнущие. Жизни, между прочим, известен и такой вариант...

— Это о ком? В какой связи, и чему ты это? Не понимаю тебя!— Марина встрепенулась, вопрошающе глянула на Бахарева, и, может, это ему показалось, голос ее чуть-чуть задрожал, и в глазах ее мелькнула тревога, растерянность.

— Что взволновало мою повелительницу?— И Николай, переключившись на обычный для него шутливый тон, жеманно раскланялся.— Просто я вдруг вспомнил знакомую девушку. К симпозиуму интеллектуалов никакого отношения не имеет. Так чем все же закончился тот велиний спор?

Марина молчала, о чем-то думала.

— Почему молчит, о чем думает моя повелительница? Ну не надо хмуриться... Я уже давно забыл про ту девушку... Ты так интересно рассказывала.

— О чем?

— О спорах у костра с печеной картошкой.

— Тебе действительно интересно слушать меня?

— Конечно... Литератору всегда интересно знать, о чем спорят люди, тем более молодежь.

Марина перестала хмуриться, вновь оживилась.

— Я же тебе сказала. Предмет изначального спора был забыт. Начались дебаты о жизни вообще и о том, как предстает она со страниц романов, повестей, с киноэкранов. Пошли жаркие литературные дебаты. И если бы не Ольга, то ребята, вероятно, пошли бы врукопашную объясняться. Страсти накалились...

— О, я люблю такое общество. О чем же спор шел?

Марина на мгновение задумалась.

— Если мне память не изменяет, началось с того, что один из студентов заявил, будто настоящее искусство независимо от жизни. Оно как бы интуитивно и отрешено от бренного мира.

— Любопытная точка зрения. Нечто в этом роде я читал у австрийского психолога Зигмунда Фрейда. А что утверждали оппоненты?

— Главным оппонентом, конечно, был учитель литературы. Тот так и сыпал цитатами... Стендаль, Белинский, Толстой... Тебя не хватало у костра, Коленька. Ты же страшной силы эрудит.

Он посмотрел в ее искрившиеся лукавством глаза и многозначительно спросил:

— А ты уверена, что я поддержал бы учителя?

— Я как-то не задумывалась над этим, Коля. Но мне казалось, что ты...

Она запнулась, умолкла и окинула Бахарева недоумевающим взглядом.

— Конечно, равнодушного искусства я не признаю, Марина. Но, когда учился в Литинституте, идеи Зигмунда Фрейда были мне небезразличны. Таинственные подсознательные импульсы в творчестве художника... Их не так-то легко сбросить со счетов. И вопрос этот не такой уж простой... А вообще-то отрадно, что ребята спорят! Лично я предпочитаю спорящих отмалчивающимся. Не терплю молчаливых и равнодушных. О равнодушии отличнейшим образом Чехов выразился: паралич души, преждевременная старость...

— Но тогда спор зашел слишком далеко. Студента поддержал врач, а Ольга — учителя. Точнее, так: то студента, то учителя. А потом объявила: если не прекратят спор, она немедленно уйдет. И представь: подействовало... Врач был тихо влюблен в Ольгу. Она, кажется, и сейчас встречается с ним... Мы можем легко договориться и снова махнуть туда же. Меня что-то потянуло на природу.

— Обожаю лес, нашептывающий осенние сказки. Идешь по аллеям, мощенным золотом, и весь погружаешься в беспредельное блаженство. Это же здорово, черт возьми!.. Аж дух захватывает.

— Значит, поэт согласен?

— Как видишь, я куда более сговорчив, чем ты.

Она поняла намек на последнее бурное объяснение и тут же нахмурилась, умолкла, спряталась, словно черепаха под панцирем.

— Ну, ну... Больше не буду... Это случается. У одних идиосинкразия к помидорам, у других — к ресторанам. Отныне и во веки веков будем ходить только в чайные или молочные — пить кофе и вкушать кефир с миндальными пирожными. Договорились?

Она иронически улыбнулась, одарив его насмешливым взглядом.

— Глупенький ты мой, несмышленыш... Как хочешь считай — женский капризэ, идиосинкразия. Но в «Метрополь» я не пойду.

— Именно в «Метрополь»?

— Пожалуй, что так — именно в «Метрополь».

— Ну, а в «Националь», «Арагви», «Софию»? Я не буду скрывать от тебя, возможно, это и порок: но, когда у меня есть деньги, я смотрю на них весьма снисходительно. Какая-то неведомая сила влечет к ресторанному столику. Люблю эти злачные места, что поделаешь. А деньги у меня сейчас есть... Вот и тянет. А тут еще и подходящий повод — Марина выздоровела. Не пойдешь со мной, пойду один...

Он говорил так увлеченно, что сам поверил в сочиненную легенду.

— Нет уж, один ты не пойдешь. Мы пойдем вместе. Только не в «Метрополь».— И добавила со смущенной улыбкой:— Тебе этого не понять... Я ведь суеверная. После нашего «культпохода» в «Метрополь» все и началось с моими нервами...

— В общем, высокодоговаривающиеся стороны пришли к согласию. Отлично!

* * *

— Скорей, скорей! — Птицын поторапливает шофера. Надо успеть попасть в подмосковный городок еще до закрытия поликлиники. К тому же в пути он принял новое решение: ему самому в поликлинике и вообще в городке показываться не следует: кто знает, может, в воскресенье и состоится пикник у костра и он там неожиданно появится! Пришлось делать круг, чтобы заскочить к начальнику районного отдела милиции. Птицын ввел его в курс дела и отправил к главврачу. Причину визита придумали тут же: «Ищем преступника, который не то в июле, не то в августе долго бюллетенил».

Начальник райотдела милиции терпеливо, с бесстрастным лицом перелистал около двухсот историй болезней жителей городка, побывавших в поликлинике в июле. Против каждой фамилии ставил никому не нужную цифру — на сколько дней был выдан бюллетень; адрес, фамилию лечащего врача. С длинным этим списком он и вернулся к Птицыну поздно вечером, когда маленький городок уже собирался на покой.

Подполковник быстро отыскал среди адресов больных десять интересовавших его. Одиннадцатый он нашел в списке врачей. И сразу вспомнил рассказ Марины о молодом хирурге — тот самый, что тихо вздыхал по Ольге. Несколько озадачил ответ на другой вопрос: к кому на прием ходили эти десять горожан? Только пять из них лечились у Оли. Тут все ясно. Адреса списаны с историй болезней. А остальные пять? Все они были на приеме у старого, заслуженного врача. Кто же тогда дал Ольге их адреса? Птицын посмотрел на часы. Звонить к главврачу домой? Поздно, да и к чему тревожить человека, который, вероятно, и без того основательно переполошился? Он оставил необходимые инструкции начальнику милиции и помчался в Москву.

Итак, новый вариант: Ольга! Завтра с утра явится Снегирев, и Птицын надеется, что тот опознает в фотографии Ольги девушку в ГУМе, ЦУМе и кино «Метрополь». А пока — по домам.

Они вышли на улицу. Вызванные из гаража машины еще не подошли к подъезду. Стояли молча. Поеживались. Каждый думал о своем. И вдруг Птицын с простодушной наивностью спросил:

— Жениться не собираешься?

Бахарев привык к неожиданным вопросам Птицына. И не удивлялся им, но этот вопрос насторожил.

— С чего бы это вы вдруг...

— С чего, с чего! Просто так... Интересуюсь... Вот и спрашиваю...

— Сложный вопрос задаете...— И сразу переключился на шутливый тон:— Днями выясните. А пока — туман, сплошной туман...

— Странный ты, товарищ Бахарев. Ну давай, давай. Плыви в тумане... Вот и машины наши подошли...

И они разъехались в разные края Москвы. Птицын предупредил Бахарева:

— Я завтра с утра снова в Подмосковье поеду.

Продолжение следует.

ТАЙНИК

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ, А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—9.

8

Давно такое не случалось в практике Птицына. Всякое с ним бывало — нам-то целый месяц плутал он по ложному следу. Но уже после того, как нащупал правильную дорогу, тут уж никто не мог сбить его с курса. А с «Доб-1», как он выражался, черт те что получается. Вчера вечером, кажется, все неоспоримо свидетельствовало: иностранная студентка, Ольга. И вот с утра...

Снегирев не подтвердил:

— Нет, не похожа! Фигура вроде бы та же, а лицо? Есть что-то общее... И все же нет, это не она... И прическа у той, в ГУМе, была совсем другая.

Значит, цепочка, связывавшая студентку Ольгу, врача-практиканта в подмосковном городке, с Эмльбером, с девушкой из ГУМа и «Метрополя», рвется. Что же остается на чаше весов Ольги? У нее на приеме в поликлинике были пять молодых горожан из числа 11, получивших по почте газеты-листовки... Не густо!

И нельзя же забывать об исходной позиции, о главном: «Доб-1»... Адрес получателя «Медицинской газеты»... При чем тут Ольга? А если такой вариант: доктор Васильева дает прочитанные газеты студентке-медичке? Да, она и сама может взять их... Впрочем...

И снова раздумья: Ольга или Марина? И вдруг звонок из приемной...

— Сюда явился гражданин Победоносенко...

...Птицын поднялся из-за стола навстречу Аркадию Семеновичу, протянул руку, поздоровался, пригласил сесть, а сам занял свое любимое место на подлокотнике большого мягкого кресла в углу комнаты.

— Будете курить?

— Благодарствую. Воздержусь.

— Кофейку?

— Благодарствую. Предпочел бы перейти к делу.

Птицын улыбнулся.

— Не торопитесь... Я ведь ждал вас, Аркадий Семенович. Никому не говорил об этом, даже ближайшему помощнику, но был почему-то уверен, что придете.

— Странно... Почему вы меня могли ждать?..

— Мы с вами знакомы...

— Не имею чести... Правда, как поется в песне, Одесса очень велика...

— Нет, мы не в Одессе встречались с вами, а в этом же доме... Хотя и не без посредничества Одессы... По делу шайки одесских контрабандистов...

— А-а-а, вспоминаю, вспоминаю. У вас, чекистов, плохая привычка — извините за откровенность. Вы всегда изволите усаживаться таким образом, что ваше лицо с трудом разглядишь, а собеседник — как на ладони. Теперь я вижу, что лицо знакомо... Да, встречались.— И он опустил глаза.— Грехи молодости. Но я, кажется, искупил свою вину. Ведь в этом доме я бывал и после войны. Вам известно?

— Да, известно. Поэтому я и ждал вас. Верил в вас. Хотя тут недавно дрогнула моя вера. И все же ждал.

— Спасибо...

Минуту-другую гость молчал. Упершись локтями в стол, он обхватил лицо ладонями.

— Ну что же... Слушаю вас, Аркадий Семенович.

Одессит достал из маленького чемоданчика, поставленного им у ног, изящные дамские туфли и положил их на стол.

— Как понимать прикажете?

Победоносенко все так же молча взял в руки правую туфлю, недолго повозился с ней, отвинтил четыре маленьких, тщательно замаскированных шурупа и легко, даже несколько грациозно, с претензией на артистичность, отделил каблук.

— Вот полюбуйтесь... Отлично сработанный тайничок... Хотите — кладите золотые, хотите — зелененькие...

— И что же? — невозмутимо спросил Птицын, окинув беглым взглядом тайник.— Вернулись к старому, а потом рудименты совести появились? Бывает...

— Не надо так говорить, товарищ начальник. Зачем обижать старого человека?

— Я бы вас еще не зачислял в старики...

— Слышать комплименты в таком доме очень приятно. Но, увы, мне за шестьдесят. Это уже возраст, когда человек должен быть таким, как он есть... Без камуфляжа...

— И что же? — тем же невозмутимым тоном спрашивал Птицын.— Какой вы есть?

— Победоносенко давным-давно сказал себе: «Забудьте думать, Аркаша, про старое. Вы не найдете там счастья...» Я пришел к вам с открытой душой. Поверьте, что эти туфли с тайником попали ко мне случайно. Соседка по дому знала, что я иногда...

Он запнулся.

— Не буду таить от вас. Готов понести наказание... Иногда Победоносенко тряхнет старинной и берет в руки изящную туфлю, чтобы навести полный порядок. Я знаю, что этот вираж налево карается законом. Каюсь... Но не могу удержаться... Поверьте: меньше всего для заработка. Больше для души... Узкий круг клиентов... Принимаю только экстрамодельные. И всегда предупреждаю хозяйку: «Вы мне не объясняйте, что надо делать. Победоносенко знает это лучше вас. Туфли должны вернуться к хозяйке в наилучшем виде. И все, что нужно для этого, Победоносенко сделает. Рубчики, набойки — это не моя стихия». Я и ее предупредил...

— Кого ее?

— Соседку... Дочку докторши... Марину... Ту, что эти туфли дала в починку.

— Что вы о ней знаете?

— Слухи ходят разные.

И он долго рассказывал о семье Марины. Рассказал все, что Птицыну и без того было известно. Потом снова о туфлях, которые он, согласно своему кредо, должен был вернуть в наилучшем виде и потому тщательно проверил каблук, стельки, подметки.

— А глаз у Аркадия Победоносенко, слава богу, как рентген. Это знала вся Одесса. И вы

тоже. Вы мне это сказали тогда, на допросе. Я не забыл...

— И что же увидел глаз-рентген?

— Гм... Странный вопрос... Разбудите Аркадия Победоносенко ночью, покажите ему новенькую туфлю, в которой какой-то прохвост смастерил тайник,— и я его сразу же найду вам. Школа одесских контрабандистов, товарищ начальник,— это академия...

— Итак, вы нашли в туфлях Марины Васильевой тайник. Кто еще знает об этом?

— Почему вы задаете такие странные вопросы Аркадию Победоносенко?.. Он уже говорил на высокой ноте.— Кто приходил в этот дом, чтобы рассказать о встрече с Косоглазым? Кто, спрашиваю я вас? Кому одесские шмаровозы чуть не устроили в Измайлове темную за этот визит? Кому, спрашиваю я вас? У кого на спине рубец от ножевой раны и левая рука пошаливает? У кого, спрашиваю я вас?

И он поднялся с места, скинул пиджак, задрал рубашку:

— Вот он, рубец. Вилы и кричали: «Легавый! Живым не быть тебе!» Смотрите, товарищ начальник... И не задавайте Аркадию Победоносенко странных вопросов.

Птицын подал стакан воды.

— Выпейте, успокойтесь. Все это нам известно. Я знакомился с вашим делом. Потому и сказал, что ждал вас и верил вам... Вы превратно поняли мой вопрос. Ведь могло случиться, что в комнате, где вы, по вашему выражению, даете левый вираж, находился еще кто-то.

— Никого... Я живу один и работаю ночью... Повторяю — для души. Это как у алкоголика... Обнаружив тайник, я сразу понял: «Аришка, делом жареным пахнет... Это тебе не контрабанда». И еще, товарищ начальник, хотел бы обратить ваше внимание на одно удивительное совпадение.

Победоносенко достал из кармана подаренную ему шофером заморскую коробку от сигарет, раскрыл ее и протянул Птицыну.

— Смотрите... Вам что-нибудь говорит эта цифра?..

— Давайте с вами условимся, Аркадий Семенович: в этой комнате вопросы задаю я, а вы отвечаете на них.

— Простите, память коротка... Вы меня уже однажды предупреждали...— Победоносенко смутился и стал барабанить пальцами по столу.— Я вас слушаю, товарищ начальник, какие будут вопросы?

— Откуда к вам попала эта коробка?

— Подарок дружка — шофера такси. Он знал, что я коллекционирую папиросные коробки...

И Победоносенко рассказал Птицыну все, что слышал вчера от шофера. Коробку эту, очевидно, обронил кто-то из тех «прибалтов» — таксист твердо решил, что миловидная парочка, которую он вез под Можайск,— это «прибалты»: и по внешнему виду и по говору. И вот извольте — бывают же такие совпадения. Недавно шофер увидел ту самую девушку во дворе дома, где живет Победоносенко. Таксист поджидал друга на скамеечке в садике. И вдруг замечает, как из подъезда выходят две девицы и одна из них — та, что на такси с милым под Можайск катила. А навстречу им Аркадий Семенович шествует и учтиво раскланивается. В тот день таксист забыл спросить у друга про девушку. Да и ни к чему она ему. А вчера, когда коробку подарил, вспомнил, хотя и был достаточно «нагружен».

— Бывает же так, товарищ начальник... Говорят, алкоголь обостряет умственную деятельность...

— Возможно... Правда, мне самому не доводилось проверять сию мудрость... Но раз говорят, значит, бывает.— И Птицын сдерживает чуть насмешливую улыбку.— Нет истин, которые можно применить ко всем людям...

Птицын рассматривает коробочку, открывает, закрывает ее, кладет в сторону.

— Пойдем дальше... Много лет назад вы расстались с «Косым». Помните, конечно, такого?

— Ефима Михайловича Плешакова?

— Это его настоящая фамилия?

— Как в метриках записали, не знаю, а в Одессе все больше «Косым» звали...

— Так вот, вернемся к первому моему вопросу: когда вы в последний раз видели «Косого»?

Победоносенко насупился, даже скис как-то.

— Видел несколько лет назад... На очной ставке... А слышал о нем на прошлой неделе. Есть у нас общий знакомый по Одессе. Заходил ко мне и говорил, будто на ВДНХ видел «Косого» в толпе гуляющих. Прискорбно, но факт. Не могу знать, как занесло его сюда — то ли срок мончился, то ли в бегах пребывает. Замечу, однако, товарищ начальник, что побаиваюсь, как бы этот тип со мной чего не сотворил.— И у сапожника слегка задрожал голос.— Мужчина он такой... По части темперамента перебор имеет. Второй раз пойти на тет-а-тет... Скажу вам по совести — это очень неприятно...

— Вы можете не беспокоиться, Аркадий Семенович. Соответствующие меры будут приняты. А теперь еще один вопрос: где работает ваш приятель, таксист?

Победоносенко назвал номер его машины.

— Ну что же, Аркадий Семенович, будем прощаться. Точнее — до следующего нашего свидания. Договариваемся вот о чем — вы посидите в приемной. Вам принесут туда туфли, и вы должны привести их в первородное состояние. Чтобы никаких следов. Туфли не спешите возвращать хозяйке. У вас есть телефон? Отлично. Вам позвонят. Тогда вы тотчас же отнесете туфли. И, конечно, ни гу-гу... Ясно? Можете идти. Впрочем, последний вопрос.

— Слушаю...

Птицын испытующе смотрит на Победоносенко, словно заранее сомневается в правильности его ответа.

— Знаю, что, возможно, и обижу вас своим вопросом, но не задать его не могу: зачем вы ездили вчера в Архангельское?

Победоносенко тяжело вздохнул.

— А говорите, что верили мне, ждали меня... Э-хе-хе... Человек ты с отметинкой, Аркаша.

— Можете не отвечать на этот вопрос, если он вам неприятен... Итак, мы с вами договорились...

— Нет, нет, товарищ начальник, мы еще не договорились. Вы будете слушать Аркадия Победоносенко или что? Победоносенко будет рассказывать вам про Архангельское, про тетю Фросю, которая была для моей покойной супруги больше, чем сестра ее мамы... Если бы вы видели, как эта старая женщина боролась со смертью, что стояла у изголовья моей дражайшей... Разве может Аркадий Победоносенко забыть такое? И он регулярно, раз в неделю, ездит в Архангельское, к тете Фросе. Раз в неделю он привозит тете Фросе ее любимые конфеты... Есть еще вопросы и Аркадию Семеновичу или нет?

— Нет... Спасибо вам, товарищ Победоносенко... Вы не сердитесь. У нас служба такая... Бывайте здоровы.

...В ожидании туфель сапожнику пришлось задержаться в приемной.

Птицына интересует — в какой стране, какой фирмой сделаны эти элегантные туфли. А эксперт, пустив в ход всю свою технику, исследуя сохранившиеся на стельке три (из скольких?) золотистые буквы и стертые очертания какого-то фирменного знака, сразу ответа дать не может. И только перелистав множество каталогов, альбомов зарубежных обувных фирм, смог наконец назвать и страну и фирму. И указал при этом в заключении: «В СССР обуви не поставляет».

...Так, ясно,— значит, Марина не могла купить эти туфли в Москве, значит, кто-то привез ей. Подарок от Эрхарда? Или купила у кого-то? А может?..

Мысль ищет любые возможные ситуации. А если Марина отдавала в починку чужие туфли? Чьи? И еще. Тогда во дворе сапожник раскланивался с Мариной. Но таксист в равной мере мог решить, что поклон галантного Победоносенко адресован Ольге... И снова — Ольга или Марина?

* * *

Из Подмосковья Птицын вернулся к вечеру. Ему без особого труда удалось установить «биографии» остальных пяти адресатов: все они были на приеме у старого, заслуженного врача Веры Петровны в те дни, когда Ольга проходила под ее опекой практику. Они обе вели прием, и студентка могла, конечно, запросто списать адреса пригласивших ей пациентов.

Значит, Ольга? А как быть со злополучными туфлями? И еще одно обстоятельство: сообщение Серго, разыскавшего таксиста. Ко всему тому, что уже было известно из рассказа Победоносенко, шофер добавил некоторые детали. «Прибалты» ехали в гости к каким-то знакомым. По дороге несколько раз останавливались, любовались природой, фотографировали друг друга, у речки задержались. Шофер не может утверждать с абсолютной точностью, но ему показалось, что мужчина набрал в бутылку воду. Сигаретную коробку он нашел вечером, вернувшись в парк. Она забилась в угол заднего сиденья. Когда была сделана запись, на каком участке пути,— сказать не может. Не заметил. Что касается существа самой записи, то ее легко удалось расшифровать — номер военной машины N-й части. Есть основание считать, что она встретилась «прибалтам» в пути.

Серго попытался с помощью таксиста нарисовать словесный портрет спутницы иностранца, и получалось что-то похожее на Марину — нос, глаза и...

Его прервал Бахарев — он находился здесь же, в кабинете Птицына.

— Это была не Марина. Я решительно утверждаю...

Сказано это было Бахаревым тоном категорическим, что случалось с ним не так часто. Птицын даже несколько удивился.

— Что с тобой?.. «Утверждаю», «Решительно утверждаю»...

— И тем не менее я остаюсь при своем мнении.

— Только учти, что есть такая опасность:

оставаясь при своем мнении, можно остаться в одиночестве...

— Постараюсь избежать такой опасности. Так вот... Видимо, наш друг Серго, собирая материал для словесного портрета, был одержим навязчивой идеей: Марина, та самая, с которой он сидел за одним столом в ресторане. А я выдвигаю другую и, на мой взгляд, весьма основательную версию — Ольга, та самая Ольга, которая на студенческом вечере постаралась замять явно нежелательный для нее разговор о поездке с мужем под Можайск, в гости и однокурснику. Почитайте мое соответствующее сообщение. Я вам докладывал, Александр Порфирьевич, про перепалку рыжеволосого паренька и Ольги. Вспомнили? Так вот, разрешите провести вторичный опрос шофера...

Часа через два Бахарев вернулся от таксиста. Из пяти предъявленных шоферу фотопортретов, в том числе и Марины, таксист сразу опознал Ольгу. Более того. Сравнительный анализ почерка иностранной студентки — Бахарев уже давно заполучил фотокопии институтских работ и Ольги и Марины — и человека, сделавшего запись на папиросной коробке, подтвердил полную их идентичность.

А поздно вечером на квартире у Птицына раздался телефонный звонок. Звонил Бахарев.

— Прошу прощения за беспокойство в поздний час. Не удержался, Александр Порфирьевич! Спешу доложить,— и у него несколько задрожал голос,— туфли с тайником принадлежат Ольге. Подробности завтра утром. Спокойной ночи.

* * *

Для него она была отнюдь не спокойной. Он по-прежнему весь в трудных раздумьях. И чем ближе развязка дела «Доб-1», тем острее ощущалось, как к приятному чувству примешивалась неясная тревога. Марина! Она оставалась для него загадкой даже после того, как сегодня раскрылась история злополучных туфель с тайником. Однако не все еще ясно. А встречи с «туристом», Кох, Зильбер? А приветы и подарки отца? Почему она, так много рассказавшая ему, Бахареву, о своей жизни, утаивает все эти страницы биографии? Что тут: страх, малодушие или нечто посерьезнее? Говорят, что страх рождает подлость. Нет, не допускаю того... Эта девушка хлебнула в жизни много горя — его хватило бы на пятерых. Но горести не подавили в ней ни ума, ни души, ни силы характера. И того, и другого, и третьего природа отпустила ей вдоволь. Так в чем же дело? Складывалась сложная и запутанная схема взаимоотношений Марины со всеми теми, кто оказался в кругу причастных к «Доб-1», к листовкам в студгородке и Подмосковье. Схема эта пребывала в состоянии неустойчивого равновесия, и каждый день выявлялись новые обстоятельства.

Бахарев вышел из будки телефона-автомата. Подошел поближе к дому Марины. Глянул вверх. Маринино окно, словно светлячок в темноте, светится. Не спит. Что делает, ершистая?

О, это у нее отлично получается — ершиться! Вспомнил их сегодняшний спор. Начался он с обмена мнениями об одной из новинок в толстом журнале, а кончился дискуссией на темы политические: что есть демократия? В разгар словесной перепалки Марина совершенно неожиданно дала «залп» афоризмом: «Мало иметь убеждения, нужно еще уметь и убеждать». И тут же весело рассмеялась. Николай насмешливо спросил:

— Как прикажете понимать вас, сударыня,— полное согласие с убеждениями Бахарева, который, однако, не мастак убеждать других? Вы жестоко ошибаетесь, сударыня.

Потом они болтали о всяких разностях. Бахарев принес Марине польский журнал мод, и когда разговор зашел о модах и модницах, Николай Андреевич решил: теперь самое время сделать тот самый ход, что подготовлен и разработан им был вчера вместе с Птицыным.

— Я глубоко убежден, Марина, что с модой бороться бесполезно. Она всесильна и покоряет всех... Представь, не далее как полчаса назад у вас во дворе встречаю знакомую, Анну Петровну, из издательства. Пожилая, скромно одетая женщина, которую никак не причислишь к модницам. И что же оказывается: буквально помешана на модных туфлях... И в починку отдает их только какому-то своему, особому, частному мастеру, кстати... он в вашем доме живет... Анна Петровна уверяет, что это художник, маг...

Что скажет сейчас Марина? Как будет реагировать? Отмолчится и, возможно, потом попытается проверить Бахарева? На этот случай Птицын предупредил сапожника: «Если кто-то поинтересуется: «Есть ли среди ваших клиентов Анна Петровна?» — отвечайте: «Да, есть такая...» Нет, она не отмолчалась.

— Твоя знакомая права. Это действительно маг. Прекрасный мастер. Хорошо, что ты напомнил о нем. Чуть было не забыла. Я отдала ему в починку Олины туфли...

У Бахарева перехватило дыхание. А Марина продолжает, но теперь уже с раздражением:

— Недавно звонила и просила забрать их у сапожника... Экая барыня! Говорит: «Если ты, Мариночка, не очень занята, привези их мне, пожалуйста». У нее, видите ли, семинар, а туфли срочно понадобились. Я ей говорю, что не могу, жду тебя, а она: «Будет очень приятно видеть тебя вместе с Николас».

Бахареву хочется немедленно звонить Птицыну, немедленно сообщить, что туфли с тайником принадлежат вовсе не Марине, а Ольге, что сейчас... Но сейчас лицо его должно выражать полное безразличие ко всему услышанному. А Марина кукситься.

— Придумала барыня: семинар у нее... Ты поедешь со мной? Я не настаиваю. Ну, если ты ничем не занят, тогда другое дело... На, почитай «Литературку», а я спущусь вниз к сапожнику за туфлями.

...Ольга встретила их радушно. Держалась легко, непринужденно, все время щебетала, расточала заученные улыбки, говорила, что рада видеть вместе с Мариной Николаса. На столе появились кофе, печенье, конфеты.

Вскоре пришла Герта, чуть позже — Владик. Он чувствовал себя здесь как дома. Приехал прямо из института. И оживленно рассказывал про какого-то крупного ученого-математика. В «студенческих кулуарах» о нем говорят как о «инспровергателе основ», «бунтаре».

— Чем же он недоволен? — спросил Бахарев.

Владик удивленно посмотрел на Николая, словно тот задал какой-то очень глупый вопрос.

— Сопротивлением материалов...

— Простите, не понял. Это каламбур?

— Нет, всерьез. Профессор считает, что гайка завинчена чрезмерно туго, без учета предела прочности. Профессор — сторонник некоторой демократизации жизни... Надо ослабить гайку.

— А-а-а... Бывает, бывает... Возможно, у профессора есть для этого основания... Монблан мысли! Говорят, что у летающей мыши тоже есть своя особая точка зрения на проблемы реактивной авиации.

— О, не надо политики, умоляю вас, друзья! — И Ольга умоляюще подняла руки.— Я буду просить — меньше дебатов... Надо находить общий язык... Владик, ну что ты со своим профессором носишься? Кому это интересно?

— Тебе. Ты же сама спрашивала меня, не знаю ли я такого ученого...

Владик не слышит, как Ольга досадливо ворчит: «Несусветный бред, он меня спутал с кем-то»,— и продолжает:—Так вот, недавно я подружился с математическим отпрыском. Сынок очень гордится дерзостью мысли отца. Говорит: «Моего старика не запугаешь». А кого, собственно, ему бояться? Ивана Петровича уважают крупнейшие ученые мира. Через неделю он едет за границу на какой-то большой симпозиум. Не то в Австрию, не то в ФРГ...

— Владик, я буду просить тебя оставить нас в покое с этим математиком. Поставь какую-нибудь хорошую пластинку... Давайте потанцуем, мальчики...— И, обращаясь к Бахареву:— Николас, вы большой мастер твиста. Я заметила это еще тогда, помните, на вечере в институте. У вас прекрасно развита мышца живота...— И теперь уже раздраженно к Владику: — Владик, мы хотим танцевать. Я не привыкла два раза просить...

Владик быстро ставит какую-то пластинку, подхватывает Герту, Бахарев — Ольгу, а Марина, снисходительно улыбаясь, наблюдает за танцующими. Потом Николай галантно целует ручку даме, жалуется на недомогание и теперь уже в обществе Марины и Ольги ведет светскую беседу о том о сем, а по существу, ни о чем. Девушки жалуются на большую учебную нагрузку: почти не остается времени для развлечений.

— О, это никуда не годится. Так нельзя... Кстати, что вы собираетесь делать в воскресенье?

— Студентам трудно так далеко смотреть,— ответила Ольга.

— Я за вас решил. В воскресенье мы едем на ВДНХ. Гарун-аль-Рашид дает обед. Согласны?

Первой откликнулась Ольга — весело захлопала в ладоши:

— Конечно, согласны. Я еще никогда там не была. Иностранцы в восторге от этого райского уголка Москвы. Марина, а почему ты молчишь? Гарун-аль-Рашид может и раздумать. Не так ли?

— Да, он такой. На него это похоже.— И Бахарев подошел к Марине поближе.— Так как, Марина? Договорились?

— Если это тебе доставит удовольствие, то считай, что договорились.

...Пластинка иструмилась... Ольга погасила верхний свет маленькой люстры и включила лампу углового торшера, бросившего мягкий свет на журнальный столик. Тут лежали журналы «Смена», «Здоровье», «Наука и жизнь». И два-три номера «Медицинской газеты».

— Вы все это выписываете, Ольга?

— Нет, не все. Не хватает времени проглатывать так много информации. Я выписываю «Здоровье», Герта — «Науку и жизнь». А «Медицинскую газету» просматриваем в институтской библиотеке. Если заинтересуюсь какой-нибудь статьей, прошу этот номер газеты у тети Ани, Марининой мамы...

Бахарев бросил беглый взгляд на газету, освещенную лампой торшера. На белом поле — знакомое, наспех выведенное карандашом «Доб-1-38». И тут же порадовался за Птицына: «Молодцом! Он как-то высказывал такую догадку: «А что если доктор Васильева прочитанные газеты затем дает Ольге?»

Легко представить, как учащенно забилось в это мгновение сердце Бахарева. Все, кажется, становится на свои места...

К дому он приближался уже в полночь, многое передумав, взвесив, оценив каждый из сотен фактов, каждую из сотен бесед, встреч, мимолетно оброненных фраз... Круг начинает замыкаться: Ольга!

И снова все та же тревожная мысль, никогда не оставлявшая его в покое: «А что если и Ольга и Марина? А что если они действуют вдвоем? Как быть с той пока ничем и никем не опровергнутой уликой: почему ее встречи с «туристами», гонцами Эрхарда хранятся в тайне?» И снова вслед за вопросом, задававшимся уже сотни раз: «Почему она утаивает от него эти свои встречи?» — следует логическое предположение: «...А если и Ольга и Марина?.. И кто из них главный?»

С мыслью этой, без сна он провел остаток ночи.

* * *

Бахарев докладывал Клементьеву, Крылову и Птицыну. Докладывал со всеми подробностями. Сообщал только факты, не комментируя, не делая выводов, и против обыкновения старался говорить бесстрастно, «спрятав» подальше свои эмоции.

В заключение он положил на стол протокол повторного дактилоскопического исследования газеты, хранившейся в сейфе Птицына. Криминалисты сличили оттиски пальцев на газете и в разное время собранные Бахаревым оттиски пальцев Ольги, Марины, доктора Васильевой. Полное совпадение.

— Это все? — спросил генерал, когда в комнате наступила тишина.— А выводы? Предложения?

Бахарев волновался. Он не ожидал, что именно ему генерал задаст эти вопросы. Но быстро овладел собой.

— Вывод таков: студентка Ольга — агент иностранной разведки. Прибыла в СССР с заранее подготовленным тайником в туфлях — надо полагать, для хранения и перевоза через границу собираемых ею данных, интересующих вражескую разведку. В частности, ее интересовали номера военных машин, их маршруты. Думаю, что тайник в туфлях подготовлен для хранения чего-то очень важного. Можно полагать, что на пути в Можайск фотографировала заинтересовавшие ее промышленные объекты. Кроме того, она занималась изучением настроений молодежи, главным образом студенческой. Есть основание считать, что она причастна к распространению антисоветских фальшивок в подмосковном городке. В поле ее зрения — ученый, крупный математик, который, видимо, по разным причинам интересует иностранную разведку. Что касается Зильбера, то направление его деятельности очевидно. Остается неясной роль той женщины, с которой он контактируется в Москве.

— Кого вы имеете в виду?

Бахарев слегка покраснел.

— Студентку Марину. При этом нельзя не учитывать и такой вариант: две подруги — Ольга и Марина, выполняя задания вражеской разведки, действуют совместно.

— Вы мне нравитесь, Бахарев.— Генерал отчеканил и продолжал: — В достаточно сложной коллизии вы достаточно стойко держитесь. Итак, что будем делать дальше?

Первым подал голос Крылов.

— Полагаю, что наступила пора арестовать Ольгу. А она уже прольет свет...

— Ваше мнение, Птицын?

— Пора такая может и наступила, но я бы пока от ареста воздержался.

— И я тоже. Излишняя поспешность. Хочу обратить ваше внимание на следующие обстоятельства.— И генерал, взяв лист бумаги, вывел на нем жирную единицу.— Первое: как могла Ольга, будучи разведчицей, отдать в ремонт туфли с тайником? Действие, лишенное всякого разума. И далее, Ольге зачем-то срочно понадобились эти туфли. Зачем? Интересно было бы это знать. По нашим сведениям, уезжать домой она пока не собирается. А Зильбер уедет через несколько дней. Он просил продлить срок своего пребывания в Москве. Ему отказано. Об этом ему сообщили позавчера. А вчера днем Ольге срочно понадобились туфли. В чем тут дело? И сожалению, мы пока на можем ответить на эти вопросы. Второе обстоятельство,— и генерал вывел на листе бумаги двойку,— Зильбер присмотрел место для тайника в Архангельском. Даже «прилепил» контейнер, а потом снял. Пока это нестреляющее ружье. А оно должно выстрелить. Зильбер — человек рассудительный. И третье обстоятельство. Встреча Зильбера и Бахарева. Кто-то должен сообщить разведчику, что в воскресенье Бахарев будет на ВДНХ. Кто это сделает? Марина? Ольга? Мы должны знать, кто подаст Зильберу сигнал. И четвертое. Не по степени важности. Связной Зильбера — толстый, косоглазый человек, подбросивший газеты «Футбол» в студенческом общежитии. У нас есть его фотография, мы знаем и его биографию, а найти пока не можем. Между тем, очевидно, он должен выйти на связь с Зильбером. А возможно, и с Ольгой.

Генерал отложил в сторону белый лист бумаги с четырьмя цифрами.

— Стало быть, если это так, то можно согласиться с Александром Порфирьевичем: не следует спешить с арестом Ольги. Что касается Зильбера, то вопрос о нем будет решен позже. Есть ли другие соображения? Ты продолжаешь настаивать на своем, Ваня?

— Нет... Снимаю... Согласен.

— А вы, Николай Андреевич?

Бахарев ответил неопределенно:

— Пожалуй, что и не стоило бы...

— Значит, полное единодушие «большого совета». Отлично! Надеюсь, что в ближайшую неделю события начнут развиваться в более быстром темпе.

...Генерал ошибся: они стали развиваться намного раньше. «Большой совет» еще не закончился, как раздался телефонный звонок.

— Слушаю... Так, так... Уже расшифровали? Молодцы...— Генерал быстро перелистывает груду бумаг, находит нужную ему и бегло читает.— Одну секунду... Да, «Ландыш»... Ждем. Несите немедленно.

9

В жизни «Ландыша» произошли серьезные перемены. Прежняя, молодая хозяйка дома, вы-

шла замуж за коммерсанта и отбыла в недалекие края, продолжая, однако, свою деятельность на поприще разведки.

В особняк прибыла молодящаяся дама, шагнувшая далеко за пятьдесят. Карл представил ее как свою тетушку Элизабет. Она с успехом заменила племянницу — и как хозяйку дома и как опытную, с большими связями, разведчицу. Тут-то и появились неожиданные осложнения в работе Кати. В прошлом красавица, Элизабет и сейчас привлекала нужных ей людей былым своим искусством кружить головы мужчинам. С годами потускнела, поблекла красота ее тела, но, увы (увы, прежде всего для Кати), в ней сохранилось любовное неистовство. Страшно взбалмошная, эта женщина начала побаиваться «Ландыша». Бывавшие в доме «гости» — заморские и местные — все чаще стали заглядываться на миловидную Катрин, что приводило в бешенство мадам Элизабет. Избалованная вниманием мужчин, тяжело переживавшая неумолимый бег времени, она жестоко мстила всем, кто хоть как-то подчеркивал увядание ее красоты. И вот Катя. Стоило ей показаться в гостиной, когда там были «гости», и взгляд глубоко запавших серых глаз Элизабет обшаривал домоправительницу с ног до головы. И если бы она не побаивалась «племянника» — хозяином все же был он и все связи с резидентами и агентурой шли через него,— то совсем худо пришлось бы «Ландышу». А Карл доверял ей и активно привлекал к разным операциям, не обращая внимания на причуды тетушки. Катя чувствовала неприязнь Элизабет, догадывалась, в чем дело, и старалась все время оставаться в тени, никем не замеченной. Она надеялась, что разум этой хитрой, умной, волевой разведчицы возьмет все же верх. Но, увы, когда бушуют женские страсти, разум частенько меркнет. Элизабет казалось, что даже застенчивая улыбка Кати — западня для мужчин.

Все эти обстоятельства поставили «Ландыша» в условия чрезвычайно сложные. Карл привлекал ее «к делу», а Элизабет под любыми предлогами оттесняла. Так продолжалось до тех пор, пока хозяйке не пришла блестящая, по ее мнению, идея. Как-то она сказала «племяннику», что пора предоставить Кате более самостоятельную работу, с более широким полем деятельности. Она должна поступить на работу переводчицей в организацию, обслуживающую иностранных туристов.

— А почему бы не поручать ей время от времени,— предложила Элизабет,— сопровождать группы наших туристов, отправляющихся в СССР? Не считаешь ли ты, что здесь будет больше пользы?

Карл согласился. Но тут же оговорил право на использование Кати и для других поручений. Элизабет презрительно усмехнулась.

— У тебя дурной вкус, племянник...

Карл вспылил. Они два дня не разговаривали друг с другом. И Катя со страхом наблюдала, чем все это кончится. Кончилось, однако, победой Карла, ибо в мире бизнеса последнее слово за тем, кто платит.

Катя с семьей переехала в уютную квартиру, в центре города, недалеко от особняка Карла. Она стала гидом-переводчиком, не очень-то обремененным заботами. Но по-прежнему часто бывала в доме Карла. Предлог был найден самим Карлом и вполне подходящий: хозяин хочет в совершенстве изучить русский язык.

И вот первое задание Кате. О нем речь идет в гостиной, где собрались Карл, Катя, Эрхард. А в центре всеобщего внимания — лысый, сухощавый джентльмен с протезом вместо левой руки. Собственно, сейчас хозяин уже не Карл, а джентльмен с протезом, хотя гость не очень-то стремится быть в центре внимания. «Ландыш» впервые присутствует в гостиной в качестве будущего резидента, человека, которого готовят к серьезному заданию. Карл представил Катю, и она сразу же блеснула эрудицией. Разговор зашел о русском ученом, математике, весьма интересовавшем лысого.

— Да, очень перспективный человек,— заметила тут же Катя, встречавшая фамилию ученого в русском научно-популярном журнале.— Это один из одаренных математиков, работающих в области радиоэлектроники.

Джентльмен многозначительно посмотрел на Катю, одобрительно улыбнулся Карлу: «У вас смышленая помощница». А Катя словно не заметила ничего, продолжала:

— С какой точки зрения вас интересует этот ученый, господа? Его исследования в...

— Нас интересуют не только его исследования, но и его идеи... Так сказать, мировоззрение... Прошу прощения, что прервал вас.— И человек с протезом почтительно склонил голову в сторону Кати.— Наше внимание, несомненно, привлекут и его исследования военно-прикладного характера. Но в данный момент нас весьма интересуют политические настроения ученого, необычные для советского ученого взгляды на устройство общества... У русских появился новый жупел: либерализация. Это их противник номер один... Они чертовски проницательны, эти кремлевские деятели, и быстро разнюхали, что если «либерализация» — это «А», то за ним последуют «Б» и «В»... Будем трезво оценивать обстоятельства, господа: вся эта философская эквилибристика наших достопочтенных кремлеведов — «единое индустриальное общество», «конвергенция», «эволюция равновесия сил», «деидеологизация» — увы, пока не дает ожидаемых дивидендов... Вы согласны, господа? — И, не ожидая ответа, жестко отрезал: — Итак, к делу!

План операции обсуждался тщательно, в разных вариантах, с разными действующими лицами, с учетом возможностей агентов, находившихся в Москве. И тут Катя впервые услышала об иностранной студентке, которая учится в советском медицинском институте. «Медичкой» — такова ее кличка — подготовлены важные для

разведки материалы, которые она должна была доставить сюда лично. Среди этих материалов — данные об интересующем разведку ученом: его сын дружит с любовником «Медички». Находящийся сейчас в Москве Зильбер действует в тесном контакте с нею. Она помогла ему связаться с весьма полезным человеком по кличке «Толстый» — он проживает в маленьком городке центра России и в столице появляется с командировочным удостоверением коммерческого директора какого-то учреждения, занятого сбором утильсырья.

Зильбер отправлен в Москву со свободной и широкой программой действий, нацеленной в первую очередь на молодежь. Многое зависит от беседы с «Медичкой», исподволь изучающей настроения своих сверстников. Возможный вариант: установление контакта, желательно как можно более тесного, с советской студенткой, дочерью врача, женщины, которая в свое время была репрессирована. Зовут студентку Марина,— и тут «Ландыш» не скрывает своего изумления: она неродная дочь Эрхарда. «Ландыш», полагая, что это ее сообщение вызовет особо большой интерес, передает некоторые подробности психологического порядка.

Эрхард был несколько обескуражен, как только человек с протезом повел разговор о Марине. Самодовольный, полный сознания значимости своей персоны в этой штаб-квартире разведчиков, он как-то сразу сник, едва зашел разговор о его дочери. Эрхард жалостливо смотрел на человека с протезом, когда тот, обращаясь к «Ландышу», наставлял ее:

— Если упомянутого советского ученого русские, несмотря на его вольнодумство, все же отправят в заграничный воям, вам надлежит поработать с ним в качестве переводчицы и...— На лице джентльмена появилась похотливая улыбка.— Вы сами знаете свое оружие, мисс Катрин. Но возможен и такой вариант: русские не пошлют математика на симпозиум. И тогда мы отправим вас в Москву вместе с туристской группой студентов-математиков. Вам надлежит, мисс Катрин, найти ход к профессору, действуя в контакте с «Медичкой», используя собственные возможности и связи. Кажется, ваш дядюшка что-то преподает в университете?

Человек с протезом, не ожидая ответа, поднялся с места, окинул взглядом сидевших за столом и в несколько проникновенной тональности продолжал:

— Я хотел бы, господа, обратить ваше внимание на одну категорию советских людей. До войны, да и в первые годы после войны, любой советский гражданин, имевший родственников за рубежом или связанный родственными узами с репрессированным, находился под наблюдением карательных органов. Потом, как вы знаете, наступила «оттепель» — так, кажется, принято сейчас писать в России. Повышенная подозрительность уже была не в моде. Ее публично осудили. И мы не можем не воспользоваться этим обстоятельством.— И он снова повторил: — Я имею в виду эту самую Марину, дочь врача...

И тут Эрхард взмолился. Кто его знает, какая струна зазвенела в душе его! Может, вспомнил, как маленькая большеглазая девочка ласково обвивала ручонками его шею, ласково просила рассказать ей сказку; или подумал о том, что девчушку-то он полюбил по-настоящему, без маскировки; или мечтал каким-то образом заполучить ее сюда, к себе, в свое логово, и не хотел подвергать риску там... Или попросту — бывает же и такое — нечто человеческое пробудилось и у этого субъекта. Так или иначе он дерзнул сказать:

— Сэр, я буду иметь честь убедительно просить вас оставить мою дочь вне поля вашего... Простите, вне поля нашего зрения...

Сэр иронически улыбнулся:

— Вы слишком сентиментальны, господин Эрхард... Нас не интересует, кто является отцом девушки, которая сможет помочь человечеству в борьбе с тоталитаризмом. И не надо больше напоминать мне об этом.— И тоном, не терпящим возражений, объявил:— Итак, господа, вариант первый: профессор приезжает на симпозиум. Катрин знает, как ей в этом случае действовать. Об организации дела позаботится Карл. Вариант второй: профессора не послали за границу на симпозиум. Катрин с группой туристов студентов-математиков едет в Москву. За организацию дела отвечает господин Карл. Более детальные инструкции, пароль, явку Катрин получит в канун отъезда...

Продолжение следует

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

ТАЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Все?

— Все, Василий Михайлович. На этом запись обрывается...

— А она действительно молодцом, ваша Катя. Сообщения весьма полезны. Главные действующие лица уже находятся под нашим наблюдением. Вот только «Толстый»... Надеюсь, Александр Порфирьевич, что ваша группа сумеет найти его след. Прошу вас сегодня же разработать план действий оперативных сотрудников. Ну что же, все, кажется, ясно...

— За исключением одного темного пятна.

— Что вы имеете в виду, Николай Андреевич? — сказал генерал, хотя отлично знал, о чем пойдет речь.

— Марина Васильева... Нам до сих пор неизвестно, чем закончились беседы Зильбера с ней...

— А ваше мнение какое? Нам важно знать вашу личную оценку линии Зильбер — Марина,— сказал генерал.

Бахарев молчал. Он сидел в углу комнаты и словно изучал карту, что висела на стене, будто искал там ответа.

— Так как же, товарищ Бахарев,— настаивал генерал.— Воздерживаетесь...

Генерал встал из-за стола, подошел поближе к лейтенанту и, обращаясь непосредственно к нему, продолжал:

— Странное молчание... Я ведь все знаю, Николай Андреевич, все, все, так сказать, привходящие обстоятельства. Включая и то, как вы однажды отказались продолжать вести дело...

Бахарев перевел взгляд с карты на генерала и, посмотрев на него в упор, тихо, едва слышно сказал:

— А вы о доверии к людям говорили, Василий Михайлович... Да и сами... Прибалтийская сага... Мы ведь знаем ее. Волнующая история...

Генерал нахмурился.

— Если бы вам не доверяли, товарищ Бахарев, то мы не сидели бы здесь вчетвером. Ясно? А психологическими коррективами никогда не следует пренебрегать. Ясно? Итак, я повторяю: какова ваша личная, да, да, подчеркиваю, личная оценка линии Зильбер — Марина? Смог он одолеть этот барьер или нет?

— Я лично допускаю такое... Может, и смог,— Бахарев говорил непривычно для него медленно.— У девушки сумбур в голове. И к тому же до сих пор, хотя прошло уже немало времени, она продолжает пребывать в состоянии некоторой озлобленности. И это тоже сказывается. От озлобленности до преступления один шаг.

— Насчет одного шага — это вы правильно изволили заметить, товарищ Бахарев. На такой один шаг противник тоже рассчитывает. Не знаю, сделан ли уже тот шаг, но нельзя не зафиксировать состояние известной готовности к тому. Нам не следует забывать, что отчим Марины был и есть сотрудник иностранной разведки. Через лиц весьма подозрительных шлет он дочери из-за рубежа подарки. Дочь не может не догадываться, чем занимаются все они — и папа и его друзья-«туристы» — и чего добиваются они от нее. И не считает нужным заявить обо всем этом кому следует... Тут, знаете ли, есть над чем призадуматься...

Василий Михайлович насупился, словно именно в этот момент он как раз и «призадумывается».

— Теперь о сумбуре в голове девушки. Зильберу он на руку, этот сумбур. Между тем нам до сих пор еще неизвестно, сумел ли он воспользоваться теми обстоятельствами, что облегчают его работу? Вы сами изволили, товарищ Бахарев, назвать их: сумбур и озлобленность. Назвать назвали, а от оценки сложившейся ситуации воздерживаетесь... Молчите... Или вам не ясен вопрос? Я готов сформулировать его еще раз: сумел ли Зильбер, используя названные вами обстоятельства и всякие иные, пока неизвестные нам, выполнить задание своего центра по части Марины?

В разговор вступил Птицын:

— Я не спешил бы с категорическим ответом на такой трудный вопрос. Картина складывается противоречивая, порой запутанная...

— Согласен... Ваши предложения?

— Усилив наблюдение за Зильбером — Ольгой, настойчиво продолжать выяснение линии Зильбер — Марина... Со всеми ее ответвлениями...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—10.

НИК

— Имеете что-нибудь добавить, Бахарев?

— Нет. Тут, как сказал поэт, ни прибавить, ни убавить.

— А я хотел бы прибавить. Позволю высказать еще одно пожелание. Думается, что нам небезынтересно узнать степень стойкости этого сумбура в голове девушки, в какой мере он поддается доброму влиянию человека, который захочет навести там небольшой порядок. Попытайтесь, проведите «разведку боем». Задание, конечно, не главное, но немаловажное. Не нам заниматься сейчас перевоспитанием этой девушки. Нет у нас пока такой возможности. Но нам нужно знать, с каким человеческим материалом имеет дело Зильбер: небольшой ералаш в голове, который легко приводится в порядок, или нечто иное? К тому же прошу учесть: Зильбер уедет, а она останется среди нас. Ясно? Вот и отлично. Желаю успеха...

* * *

Для Бахарева разговор с генералом — повод к серьезным размышлениям. Ему, еще сравнительно молодому контрразведчику, не раз приходилось заниматься глубоким исследованием настроений, мировоззрения подопечных. Но, пожалуй, еще никогда, с тех пор как он стал работать в органах КГБ, ему не приходилось оказываться в роли... пропагандиста. Хотя в свое время, в пору комсомольской юности, он слыл отличным руководителем политкружка рабочей молодежи. Как понимать последнее пожелание генерала? «Разведка боем»... В чем ее смысл? И он мысленно ведет диалог Клементьев — Бахарев. Он мысленно, заняв позицию генерала, разъясняет Бахареву: «Ты помнишь сарказм Владика насчет сопротивления материалов? А если без сарказма?» И он повторяет слова генерала: «Нам нужно знать, с каким человеческим материалом имеет дело Зильбер». И тут же Бахарев спорит с генералом: «А вы уверены, что расчеты Зильбера и иже с ним строятся лишь на таком фундаменте, как политические настроения Марины, как незарубцевавшаяся ее рана?» «Нет, не уверен,— отвечает генерал.— Но думаю, что среди других факторов и этот взят противником на вооружение. И занимает не последнее место в том расчете. Значит, надо проверить, правилен ли их расчет. Ясно?»

Ох, уж это генеральское риторическое «ясно»! Бахарев слегка раздражен. Но это состояние некоторой раздраженности длится недолго. В общем-то генерал не далек от истины, когда говорил о сумбуре в Марининой голове. Хаос там изрядный. Поди разберись... Ведь всякий раз, если кто-то смел атаковать, как говорится, основу основ, Марина, словно коршун, обрушивалась: «Не троньі» Бахарев однажды с наслаждением наблюдал ее в такой яростной контратаке против Владика, когда она вдруг вспомнила, что ее мама, дочь санитарки из захудалой сельской больницы, могла только благодаря Советской власти стать врачом. И что мамина сестра, в прошлом батрачка и кухарка, при Советской власти стала государством управлять: председателем райисполкома была.

— Это же факты,— наступала она на Владика,— неоспоримые. И ты полагаешь насчет коллективизации... С моей мамой поговори, она тебе расскажет, как жила их деревня до колхоза... Тут, Владик, мы с тобой драться будем...

А через несколько минут она столь же яростно спорила с Бахаревым по поводу статьи, объективно анализировавшей события первых месяцев войны — для нее они сплошные просчеты, ошибки, поражения. И пошло: «Фальсификация истории... От молодежи скрывают правду... Чужие голоса!..»

Вспоминая все это сейчас, Бахарев не очень-то четко представлял себе, как он проведет «разведку боем».

* * *

На следующий день Марина пригласила Николая на концерт: «У мамы абонемент в зал Чайковского. А сегодня у нее неожиданное дежурство».

...Пианист с первых аккордов покорил зал артистизмом, пониманием музыки, глубиной ее трактовки. В программе концерта любимый Бахаревым Шопен. И, возвращаясь домой, он восторженно говорил Марине о шопеновской музыке — откровение более высокое, чем мудрость философии,— о полонезе, пробуждающем в душе его что-то трепетное, непередаваемое словами и в то же время удивительно реальноощутимое. Каждая нота звучит, будто зов сердца композитора, высекая огонь из души человеческой.

С этого, кажется, и начался их спор. Они сошлись на том, что симфоническая музыка в программах радио и телевидения, увы, порою пребывает на положении падчерицы, а за попытки создать джазовые варианты фортепианного концерта Чайковского надо ссылать на необитаемый остров без права переписки... Они сошлись во вкусах по части додекафонной музыки — обоим она не по душе. Но когда речь зашла о пошлости в эстрадной музыке, о примитиве во многих, к сожалению, ставших популярными туристских и студенческих песнях, Марина вдруг взвилась:

— Почему молодежи отказывают в праве самой решать, что есть хорошо, а что плохо? И в поэзии, и в живописи, и в танцах, и в музыке... Почему нельзя спорить о вкусах? Когда же наконец исчезнет перст указующий?

Разговор перенесся в сферу отнюдь не музыкальную. Марина бушевала.

— Весной нынешнего года наш старшекурсник написал туристскую студенческую песню. И слова и музыку... Я допускаю, что песня эта не без пошловатого налета. Есть в ней куплеты со злобным подтекстом... Но ведь автора на всех собраниях прорабатывали. Фамилия парня стала нарицательной. Кто-то потребовал исключить его из института. Прости меня, Коля, но это уже... Слов не нахожу... Не нравится песня? Не пойте. Запретите ее петь на студенческих вечерах. Но шум такой и чему? Об авторе и его песне мало кто и слышал. А тут по всему институту слухи пошли... Да и не только по институту. Ну, что молчишь?

— Как эта песня называется?

— «Заря».

— А-а-а! «Заря»! Я кое-что слышал об этом боевике эстрады. Где? В одном весьма респектабельном доме за ужином профессор рассказывал про ту песню. Она, кажется, стала гимном клуба «Заря».

— Коля, прости меня, но ты какую-то ахинею несешь. Что за клуб?

— Самый настоящий клуб. Автор песни и еще девять молодых балбесов из других институтов решили создать клуб «Заря». Со своим уставом. Главное в их уставе: «У нас все будет не так, как в комсомоле. Наше кредо — свобода мнений и вкусов». Фокусники слова... Жонглеры... Между прочим, эти «борцы за свободу мнений» выпустили рукописный журнал, в котором есть вирши, принадлежащие автору «Зари»... Я слышал твой разговор с Владиком о маме и колхозах. Так вот, Мариночка, в тех виршах коллективизация поэтическими образами дана в сравнении с реформой... 1861 года...

И Бахарев впервые, кажется, за все время их знакомства окинул ее колючим взглядом, и на губах его появилась ироническая усмешка.

— Ты разговариваешь со мной, как с глупой девчонкой...— вскипела Марина.— Речь шла о музыке, о легком жанре, о праве молодежи на свои песни, а ты привел ни к селу ни к городу какой-то клуб, коллективизацию. Меньше всего я ожидала этого от литератора Бахарева.

— Ты не сердись. И клуб и коллективизация — все это и к селу и к городу. Началось с пошловатой туристской песенки, а кончилось виршами против Советской власти...

— Мой собеседник не отдает себе отчета в том, что он говорит.

— Отдаю... Ты, Мариночка, не то чтобы уж совсем невежественна в некоторых вопросах нашего бытия, но, как говорится, не совсем, что ли, разбираешься в многосложных деталях архимудрой социальной науки. Между прочим, Чайковский писал, что ни музыка, ни литература, ни какое бы то ни было искусство в настоящем смысле этого слова не существуют просто для забавы. Они отвечают куда более серьезным потребностям человеческого общества. А Гендель мечтал о том, чтобы его музыка делала людей лучше... Но это так, к слову. Мы отвлеклись от истории с песней «Заря», точнее, от продолжения этой истории... Так вот, этот самый клуб молодых «свободолюбов»...

— Я впервые слышу о нем. Неужели все так было?

— У меня нет оснований не верить рассказу профессора. Солидный дядя... Девяносто кило-

граммов.— И он улыбнулся, вспомнив Птицына, в свое время беседовавшего со взбалмошными юнцами из несостоявшегося клуба «Заря».

— Ну и прохвост! — в сердцах воскликнула Марина.

— Кто, профессор?

— Да нет же, автор «Зари». И вообще вся эта гоп-компания.

Бахарев мысленно отметил, что первая «разведка боем», пожалуй, дала кое-какие результаты.

* * *

В тот день Птицын получил несколько сообщений оперативных работников, действовавших под его началом в группе с кодовым названием «Доб-1». Ни одно из этих сообщений не привлекло внимания подполковника — ничего нового и тому, что уже известно. Есть детали, подтверждающие и без того бесспорные выводы. Но в последнем сообщении было нечто новое.

...Она долго прогуливалась по парку в Архангельском, свернула на уединенную «зет»-аллею — там эта аллея обозначалась в деле «Доб-1»,— села на скамейку под ивой, оглянулась и, убедившись, что кругом безлюдно, стала прилаживать контейнер: видимо, Зильбер лучшей для себя скамейки так и не нашел и остановился все на той же, однажды им облюбованной.

Доставленная Птицыну фотография девушки и фотокопия шифровки, которую она положила в контейнер, не оставляли сомнений: Ольга!

С ключом и шифру пришлось основательно повозиться. И все же ключ удалось найти. Записка предназначалась Зильберу — девушка явно побаивалась личных встреч.

Разведчица сообщала «бородачу», что в воскресенье Марина и Бахарев отправляются на ВДНХ. Там же, вероятно, они будут обедать в одном из ресторанов. Ольга в понедельник снова приедет в Архангельское, чтобы получить инструкции Зильбера после его встречи с Бахаревым на ВДНХ. Желательно уточнить: следует ли собранные ею и хранимые в разных местах материалы передать шефу через Зильбера, или ждать ближайших зимних каникул, когда она сама поедет домой. Лично она считает более надежным второй вариант.

...С наступлением сумерек на той же аллее «зет» появился элегантно одетый толстяк. Раза два он мотороплво продефилировал по аллее, а потом, «устав», сел «отдохнуть» на скамью под ивой. Операцию изъятия контейнера он провел ловко и незаметно — так по крайней мере ему казалось...

К вечеру Птицын получил лаконичное сообщение: улица, номер дома и квартиры, куда толстяк проследовал из Архангельского. Хозяйка квартиры — Н. В. Вакулова. А вскоре пришло еще одно сообщение: более года назад по ходатайству одного из ученых Надежда Васильевна Вакулова была направлена на работу в научно-техническую библиотеку подмосковного филиала одного научно-исследовательского института. Покойный муж ее, крупный специалист в области радиоэлектроники, был научным сотрудником того же института.

Птицын сразу же пошел к генералу. Надо было решать, арестовывать «Косого» или повременить.

— Не будем спешить, Александр Порфирьевич. Арестовать «Косого» значит подать Зильберу сигнал: «Спасайся, провалились!» Подождем... Согласны?

— Я того же мнения. Никуда он теперь от нас не уйдет. Вот только с Вакуловой как быть. Она ведь черт те что натворить может...

— И все же подождем... Есть в этом резон...

Между тем «бородач» продолжал атаковывать Марину. Сегодня после обеда она виделась с Зильбером в Сокольниках, в парке.

...В пять часов в кабинете Бахарева раздался телефонный звонок.

— Слушаю... Где вы находитесь?.. Вас понял... Будет сделано... Постараюсь...

Звонил Птицын. Из Сокольников.

О характере разговора Зильбера и Марины можно было догадываться лишь по выражению их лиц — невозмутимо спокойное, несколько ироническое у Зильбера; злое, испуганное, полное негодования — у Марины. Беседа длилась около получаса. Только что Марина ушла из парка. Бахарев обязательно должен повидать ее сегодня.

В пять тридцать Николай позвонил Марине. Дома он ее не застал. К телефону подошла мама, и до Бахарева донеслось горькое матерински слово, слово женщины, отчаявшейся, растерявшейся:

— Не знаю, что и думать, девочка снова в каком-то страшном трансе. Звонил ей все тот же бархатный голос. Спрашиваю Марину: «Кто это?» Отвечает раздраженно: «Знакомый». Тут же собралась и ушла. Недавно звонила и сказала, что работает в библиотеке. Обещала к восьми вернуться.

Поздно вечером Николай позвонил Александру Порфирьевичу домой. Позвонил только для того, чтобы сообщить: «Виделся. Разговор был недолгий. Она снова в состоянии нервного потрясения. Подробности при встрече».

Подробности оказались весьма значимыми. Около девяти вечера Бахарев перехватил Марину на пути к дому и предложил погулять в ближайшем сквере. Стоял сырой, неластый ноябрьский вечер. Мокрый асфальт шуршал опавшими листьями. В темных уголках, на скамейках, заботливо укрытых от взоров любопытных, ворковали парочки. Марина предпочла укромному уголку безлюдную боковую аллею, едва-едва озаренную мигающим лампионом. Но и тусклого этого света было достаточно Бахареву, чтобы заметить, сколь хмуро выражение лица его спутницы. Такой она была и в тот вечер, когда он известил ее после болезни. Но теперь появились и тревога, и порыв к откровенности, и боязнь, как бы не проговориться. И видно, как тяжко дается ей это молчание. Все попытки завести разговор не увенчались успехом.

— Мы так и будем молчать весь вечер? — спросил Бахарев.

— Если это тебе неприятно, мы можем разойтись по домам...— ощетинилась она.

И широкими шагом направилась к выходу из сквера. Бахарев догнал ее, взял за руку.

— Не надо, Марина... Не сердись. Я ведь это так, для красного словца. Да будет вам известно, сударыня, что даже классическая школа Цицерона признает право на существование такой разновидности красноречия, как... молчание. Вот я и пытаюсь «услышать» твое мнение. И «слышится» мне, как что-то невыносимо тяжелое легло на хрупкие плечи сударыни и сбросить это тяжкое не хватает у нее силы воли. Не так ли? Или у меня плохой «слух»?

— Ты о чем?

— О том, что на твоем хмуром челе начертано. Я ошибся?

Она ничего не ответила, подняла воротник пальто, взяла Бахарева под руку, и вот так, снова молча, они шагали по укрытому золотом осени асфальту. Вдруг она резко повернулась к Бахареву:

— Ты как-то похвалил меня, сказал, что я девушка сильная. Это неправда, неправда. Безвольное существо, испугавшаяся шантажа какого-то негодяя...

— Ничего не понимаю, Марина. Объясни, пожалуйста, что случилось? Кто тебя обидел?

Снова огонь страха, смятения метнулись в ее глазах, и вся она вдруг сникла, сгорбилась и, не поднимая головы, прошептала:

— Так, просто так... Разыгравшиеся нервы. Пустое все это. Пошли, пожалуй, домой. Уже поздно...

И она направилась к дому. Больше он не услышал от нее ни слова. Уже прощаясь, Бахарев напомнил о ВДНХ.

— Ты не забыла?

— Может быть, отложим на другое воскресенье?

— Но мы уже договорились с Ольгой, а она с Владимом. Нет, это неприлично.

— Неприлично... Гм! Неужели в мире, где столько подлости, еще существует такое старомодное понятие? Ну ладно... Договорились. Завтра на ВДНХ. Ты заедешь за мной? Буду ждать...

* * *

...Они оба тщательно готовились к этой встрече — разведчик и контрразведчик, Бахарев и Зильбер. Стороны продумали все детали. Даже количество мест за столом.

В тот вечер, когда Николай впервые попал в комнату Ольги, прощаясь с гостями, она спросила: «В воскресенье на ВДНХ — это твердо? Я надеюсь, что Гарун-аль-Рашид заранее позаботится о столике на четыре персоны?» «О да, конечно. Гарун-аль-Рашид хорошо знает свое дело». Также хорошо он знает, что Ольга на ВДНХ не приедет: разговор должен быть в присутствии одной только Марины. А столик — на четыре персоны. Все ясно. Зильбер попросит разрешения присесть за стол к «старым знакомым». Ну что же, здесь их планы не расходятся. Бахарев тоже не случайно приглашал Ольгу с Владимом. Ему тоже нужен повод заказать стол для четверых.

...Сервированный на четыре персоны столик стоит в углу большого зала. С полудня на белой скатерти лежит серая картонка с магическим словом «занято». А над нею уже возвышается ваза с фруктами. Заказано! Фрукты оплачены...

Все шло так, как и предполагал Бахарев. Часика полтора он гулял с Мариной по выставке. Воскресный день для конца ноября выдался ясный, теплый. В павильонах многолюдно, и Марина, по-прежнему хмурая, неразговорчивая, с раздражением процедила, что ей надоела эта толчея, что она предпочитает быть на воздухе. Да и вообще пора идти к Большому фонтану, месту встречи с Ольгой и Владимом. У фонтана их не оказалось. Ждали десять, двадцать минут, полчаса. Николай предложил позвонить из автомата в общежитие и спросить у Герты, давно ли уехала Ольга. Нашли автомат. Позвонили и выяснили: «Тысяча извинений... Страшно болит голова... Лему в постели и глотаю пачостные таблетки... К тому же и у Владима неожиданное задание по институту».

Марина, не скрывая своей радости, передает Николаю телефонный разговор с Ольгой. А чему, собственно говоря, она радуется — тому, что они будут только вдвоем, или тому, что задуманная ею или ею и Ольгой операция развивается успешно?.. Мысль эта не дает покоя Бахареву-контрразведчику, а Бахарев-литератор весело откликается:

— Ну что же, раз так, шагаем в ресторан. Я чертовски голоден...

Столик на четыре персоны — к их услугам. Официант, расторопный малый, узнав, что второй пары не будет, так поставил два свободных стула, что каждому ясно — без согласия хозяев не подсаживайся.

Ресторанное многоголосье, суетня официантов — народу полным-полно,— первая рюмка коньяка, ласковая улыбка собеседника, рассказывающего что-то интересное и смешное, делают свое дело. Лед, кажется, тронулся. Марина уже смеется, острит. Коля пересаживается поближе к ней, поднимает рюмку и предлагает тост:

— Я хочу выпить за твою проницательность и за твою силу воли. Я хочу быть правым. Ты сильная, ты должна быть сильной...

— Раз должна, значит, буду. Хотеть — это быть. Так, кажется, говорили древние?..

Они выпили, закусили, оба чмокнули от удовольствия, и вдруг рядом с их столиком, словно поднявшиеся откуда-то из подземелья, появились двое сухопарых, изысканно одетых мужчин. В одном из них Бахарев сразу узнал Зильбера. Он мастерски изобразил на своем лице крайнее изумление.

— О, майн гот... Русские говорят — мир есть тесен... Я имел честь быть познакомлен с вами в «Метрополе». Мадемуазель есть сама грация в танце...

И «бородач» галантно поклонился девушке.

Лицо Марины переносилось от бешенства. Николай мельком взглянул на нее и тут же подумал: вот, пожалуй, и ответ на твой вопрос, товарищ Бахарев.— чему радовалась Марина. Он никогда не видел ее в таком состоянии — сейчас Марина, кажется, готова на любую акцию, ничто и никто ее не удержит, надо поспешить как-то самортизировать «удар». Он поднялся со стула и, улыбаясь, продолжая разговор стоя.

— Ты узнаешь, Марина, своего партнера? У господина... не имею честь...

— Зильбера, Эриста Карловича Зильбера...— И «турист» галантно склонил голову в сторону Бахарева.

— Так вот, у господина Эриста Карловича Зильбера бархатный голос и очень приятная, легко запоминающаяся внешность. Будем знакомы — Николай.

— Очень приятно... Это есть мой коллега и друг. Ганс Рихтер... Мы есть туристы... Мы будем иметь много впечатлений. О, это чудесный городок. Я инженер-физик и имею возможность быть высоким ценителем того, что демонстрируют русские. Это изумительно. Я видел в павильоне радиоэлектроники не только то, что есть сегодняшний день мировой техники, но и то, что есть завтрашний... Потом я есть немного голодный и делал предложение Гансу искать ресторан... Но, к сожалению, как говорят коммерсанты, спрос выше предложения. Все места заняты, и будем искать другой ресторан.

После такого заявления гостей продолжать разговор стоя было уже невозможно — есть нормы приличия, долг хозяев, традиционное русское гостеприимство. В общем, все складывается наилучшим образом. Пора приглашать гостей и столу, хотя Бахарев и догадывается, какая ярость клокочет сейчас в груди Марины. И ловит себя все на той же мысли: неужели перекосившееся в злобе лицо, нескрываемое раздражение — лишь отлично сработанная маска? А под ней — полное удовлетворение? События развиваются так, как потребовал от нее «бородач», все идет по ею же разработанному и ею же твердо осуществленному плану. Ведь может быть и такой вариант? Он, Бахарев, еще не уверен, что...

На раздумья нет времени. Бахарев любезно приглашает туристов и столу и по-немецки говорит им:

— Мы сможем объясняться и по-немецки... Если это устраивает гостей...

— О, да, конечно. В России многие отлично разговаривают и читают по-немецки.— И уже по-русски Зильбер добавляет: — Это есть очень приятно.

Рихтер сердечно благодарит за приглашение, но у него деловое свидание, и он должен спешить. Бахарев, соблюдая «протокол», увещевает гостя, хотя знает, что по замыслу Зильбера Рихтер должен удалиться—он тут был лишь для «фона». И Рихтер удаляется — Бахарев обратил внимание на то, как тот пошел и выходу на негнущихся ногах, походной надрового воякн: «турист»!

На столе появляется третий прибор. Обед продолжается. Идет оживленный разговор мужчин, в котором Марина не принимает участия, лишь изредка подавая какие-то реплики или односложно отвечая на вопросы Зильбера: «да», «нет». А тот заливается соловьем, расхваливая Москву, размах строительства, потом переключается на выставку, и тут уж пошли в ход превосходные степени. Гость, между прочим, не оставил без внимания павильон печати. О нем он тоже говорит восторженно. Блестящий взлет культуры, гигантские тиражи газет, журналов, книг, проникающих в самые глухие уголки России. Гость изумлен, восхищен. Но он не может не заметить...

— Я не литератор... Вы больше меня есть специалист по этим делам.— Он уже знает, что его собеседник — литератор, поэт, что у него широкий круг знакомых среди писателей разных возрастов, что его собеседник на короткой ноге с поэтами, о которых Зильбер премного был наслышан у себя дома: «Таланты, увы, не всегда признанные и поддержанные». Так вот, гость не может не заметить, что, по мнению прогрессивных людей Запада, советская литература достигла бы куда больших успехов, если бы не... Тут «турист» запнулся и попросил прощения за то, что должен сделать небольшое критическое замечание. Он, конечно, понимает, что неприлично в доме хозяев говорить вещи, неприятные им, но, поверьте,— от души.

— У вас это называют партийное руководство литературой... У нас это называют антигуманной, антидемократичной акцией. Я не есть политик. Я есть физик. Но я есть демократ и горячий поклонник свободы творчества. Мой большой друг, господин Эрхард — он мельком глянул в сторону Марины — крупный специалист по новейшей русской литературе — немного просвещал меня...

— Разрешите и мне немного просветить вас,— сказал Бахарев.— Я тоже сторонник свободы творчества, но...

— О, это очень приятно... Я имею просьбу моего друга Эрхарда познакомиться с такими

литераторами. Мой друг имеет большой интерес к произведениям молодых литераторов... Это есть будущее человечества... Молодые легко увлекаются, иногда впадают в крайность, но мы благодарны им за свежесть мысли, ума... А это есть индивидуум, который имеет свой особый взгляд на общество, не стандартный... У вас их называют нигилистами... Мой друг пишет монографию и будет рад узнать, что́ есть нового у таких литераторов, что́ есть предмет их споров с официозной позицией... Я буду благодарен господину...

Но Марина не дала ему закончить. Она резко поднялась с места и, обращаясь к Бахареву, сказала:

— Я себя очень плохо чувствую, Коля... Пойдем домой... Вы простите нас, господин Зильбер...

«Бородач» тоже встал и несколько растерянно смотрел то на Марину, то на Бахарева.

— Это есть очень неприятно...— заговорил он, продолжая мешать русские слова с немецкими.— Ресторан не имеет кондишин... Я хочу предложить госпоже небольшую прогулку в парке... Или кафе «Метрополь», где есть очень уютно...

— Нет, нет! Благодарю вас. Я иду домой.— И, не попрощавшись, пошла к выходу.

Николай догнал ее.

— Подожди, пожалуйста, меня в парке. Я рассчитаюсь с официантом. А гость... Право, не знаю, как с ним быть.

— Я тоже не знаю... И знать не хочу...

Бахарев вернулся к столу и позвал официанта: «Прошу общий счет...» Зильбер понял, что сие значит, и благодарно улыбнулся: «То есть русское гостеприимство... Я буду иметь предложение выпить за это радушие... И буду просить разрешить мне ответить вам, господин Бахарев. Мы будем провожать фрейлейн Марину домой, а потом поедем ко мне, в гостиницу. Я буду иметь удовольствие предложить вам французский коньяк... Мы можем продолжить наш интересный разговор».

Бахарев согласился. Они оба вышли из ресторана, и Николай, пытаясь перевести разговор на шутливый тон, торжественно объявил поджидавшей его Марине:

— Синьорита проследует до своего палаццо под интернациональным эскортом, после чего мужчины отправятся пить коктейль и продолжат свою беседу.

Марина с тревогой и удивлением посмотрела на Бахарева, иронически-снисходительно улыбнулась Зильберу, и они молча зашагали по аллеям выставки. Надсадно гудела осень, небо заволокло тучами, и первые капли надвигающегося дождя окропили землю. Зильбер раскрыл зонт, протянул его Марине, но она в меру вежливо поблагодарила и в меру резко отказалась от услуг «туриста». Бахарев, наблюдавший эту немую сцену, не мог не обратить внимания на то, каким ледяным холодом повеяло от дочери Эрхарда...

Они сели в такси и через двадцать минут были у дома Марины. В пути она не проронила ни слова и так же молча вышла из машины, на прощание буркнув Зильберу что-то похожее на «ауфвидерзеен». Зильбер остался сидеть в такси, а Бахарев выскочил, чтобы проводить Марину во двор, к подъезду. Николай попытался отшутиться, шаркнул ногой, поцеловал ручку, но, когда их взгляды перекрестились, он понял: не место, не время для шуток — и ничего веселого у него не получится. Она стояла перед ним серьезная и печальная, в ее глазах светились то страх, то грусть, то злоба, то страшная беспомощность. Сейчас она не могла ничего сказать Николаю. Она могла только пренебречь женской гордостью и вполголоса промолвить:

— Коля, я хочу, чтобы ты оставил гостя и пришел сейчас к Марине... Она одна дома, и ей... Ей немного грустно и тяжко...

— Мы недолго задержимся, Марина... Мужской разговор... Ваш поморный слуга через час-другой будет у ваших ног...

Марина скорее прошептала, чем сказала:

— Не уходи, умоляю тебя... Попрощайся с ним... Не надо...

Он ничего не ответил. Повернулся и шагнул в темноту, туда, где стояла машина с господином Зильбером.

Продолжение следует.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ТАЙНИК

* * *

В тот вечер Марина не дождалась Николая. «Мужской разговор» затянулся до полуночи.

Птицын тщательно изучает отчет об этом «разговоре». Для него все тут важно — и интонации Зильбера, и то, как быстро «турист» реагировал на ответы Бахарева, и реплики «бородача». А Николай молча, испытующе вглядывается в лицо Александра Порфирьевича: ну как, справился? И, судя по выражению лица Птицына, тот прежнего доволен: разговор получился именно таким, каким замышлял его подполковник. Бахарев с честью вышел из трудного положения, блестяще выполнил все полученные им инструкции перед встречей с вражеским разведчиком.

Есть основания полагать, что Зильбер проявляет большой интерес к Бахареву, его «возможностям», «литературным связям», «взглядам». В споры на самые разные темы — социалистический реализм, критерии литературы и кинематографа, молодежь и демократия, отцы и дети, гуманизм и диктатура,— споры, в которых Бахарев предстал перед разведчиком весьма эрудированным литератором, нет-нет да и вплетались какие-то недомолвки, неопределенные замечания Николая: «Об этом стоит подумать...» «Возможно, в сказанном вами есть зерно истины...» Птицын понимал: разведчика должны были устроить даже те маленькие лазейки, которые оставлял этот пока еще не очень понятный ему молодой человек с не очень стандартными — с точки зрения Зильбера — взглядами на жизнь.

— Над чем вы сейчас работаете, что пишете? — поинтересовался Зильбер.

— Заканчиваю повесть о молодежи. Думаю, что получится острая вещь... В семье советского работника растут эгоисты, себялюбцы. Любимые их слова — «дай», «мое», «хочу», «не хочу». Растут домашние идолы, которым все поклоняются. Включая отца. Но он бессилен. Пытался урезонить старшего сына, а тот ему отрезал: «Ты не лучше нас...»

Бахарев развивает на ходу придуманный сюжет и видит, с каким напряженным вниманием слушает его «турист». Зильбер попыхивает сигарой и, скрывая свой большой интерес к будущей повести, спрашивает:

— То есть ситуация, взятая из жизни?

— Да, и в нашей жизни такое бывает.

— Вы думаете, что вашу повесть опубликуют?

— Хочу надеяться. Возможно, что придется потратить немало энергии в поисках синсходительного редактора.

— В этих поисках вы можете рассчитывать на помощь прогрессивных людей... Где бы они ни жили...

Бахарев сделал вид, что не понял, на что намекает гость, и снова повел разговор о молодежи, о студентах. Зильбер охотно подхватил эстафету.

— О, то есть отчаянные бунтари... И у нас и у вас... Вы, вероятно, слышали о них?

— Да, я как-то читал об одном из наиболее крикливых студенческих лидеров на Западе. У него очень оригинальное кредо: «Насилие — это есть радость». Его программа — коктейль из идей Сен-Симона и Бакунина,— заметил Бахарев.— Но если говорить о главном в его кредо — то это антикоммунизм.

— Вы есть слишком прямолинейный, господин Бахарев... Вы есть немного резкий в своих суждениях... Антикоммунизм — то есть формула пропаганды.

— Зачем мне такие тривиальные слова говорить? Вы умный, образованный человек, господин Зильбер. Это не комплимент... Вы в нем не нуждаетесь. Поверьте, инженер человеческих душ умеет разбираться в людях. Вы отлично знаете, что на нашей грешной земле — два полюса: капитализм и социализм. Третьего, как говорится, не дано...

— Дано... Дано...— резко оборвал Зильбер.— Дальновидные люди — и у нас на Западе и у вас на Востоке — имеют другую точку зрения. В наш век космоса и атома мир делится не по социально-политическим системам, а по уровню экономического, научно-технического и, если хотите, военного потенциала... Капитализм и социализм трансформируются в единое индустриальное общество...

— Общество не может существовать без идеи, господин Зильбер.

— Единое индустриальное общество может. Оно деидеологизировано. Оно питается идеями не социальными, а куда более возвышенными и многозначащими — техническими...

Бахарев улыбнулся и тоном, в котором трудно уловить, что это, шутка или нет, сказал:

— Это позиция проэкономного физика. Если бы я был физиком, то может быть...

— Вы есть молодой человек острого ума. Если бы мы имели возможность продолжить наш откровенный диалог завтра, послезавтра... Я верю в конвергенцию наших точек зрения...

— Кто же мешает нам продолжить диалог?

— О, я буду приветствовать такую постановку вопроса, хотя несколько затрудняюсь сейчас ответить вам... Время покажет... Я верю в дальновидность советских литераторов и хотел бы выпить за их творческие успехи, за то, чтобы они всегда без страха высоко держали знамя гуманизма...

Разговор пошел о литературе, именитых писателях. И гость пришел в восторг, когда узнал, что есть у Бахарева друг, знакомый с очень популярным на Западе советским писателем, повесть которого отвергнута толстыми журналами. И что друг этот обещает Бахареву дать почитать повесть в рукописи, которая сейчас ходит по рукам...

На пятнадцать часов был назначен разговор с генералом. Пора завершать операцию. Уравнение со многими неизвестными перестало существовать. Почти все известно. Выписаны ордера на арест Ольги и «Косого»... Если потребуется взять Зильбера, и тут выполнены соответствующие требования закона. А вот брать ли Зильбера, когда и где арестовывать Ольгу, «Косого»? Кого раньше, кого позже? Вопросов много. Тем более, что обстоятельства на первый план выдвинули соображения, выходящие за пределы «Дос-1». Беседа Зильбера с Бахаревым позволяет повести дело дальше, глубже.

У Птицына есть некоторые соображения. Но он пока ничего не говорит о них Бахареву. Он хочет доложить эти соображения генералу, послушать его мнение, вернее, его оценку встречи Бахарева с Зильбером — доклад об этой встрече уже послан Клементьеву. И сейчас в ожидании разговора с ним Александр Порфирьевич пьет горячий кофе и внимательно слушает, как Бахарев размышляет вслух: кто сообщил Зильберу о ВДНХ — Марина, Ольга или обе вместе? Предположим, Ольга. А линия Зильбер — Марина? Как здесь развиваются события? Он ее чем-то шантажирует, запугивает?

Размышления прервал телефонный звонок — позже Бахарев назовет его благословенным, положившим конец всем сомнениям.

Птицын прижимает плечом трубку к уху, что-то записывает. И вдруг он, человек степенный, весь преображается, начинает жестикулировать. А Бахарев растерянно, ничего не понимая — Птицын бросает в трубку односложные «да», «нет», «он самый», «ясно»,— смотрит на подполковника. Наконец Птицын, стараясь быть сдержанным, объявляет:

— Звонили из приемной... Марина пришла.

Бахареву надо быстро решать: оставаться ему тут на месте и вместе с Птицыным встретить ее, или уйти и до поры до времени пребывать... литератором? Вопрос серьезный и все из той же серии далеко идущих замыслов. Птицын звонит полковнику, генералу — их нет на месте. Надо немедля принимать решение: через минуту-другую сюда войдет Марина. И Птицын решает: «Придется тебе, Николай, еще некоторое время пробывать в литераторах... Уходи...»

...Она не сказала ни «здравствуйте», ни «благодарю» в ответ на приглашение сесть. Она сразу выпалила: «Спасите!» И больше не смогла сдержаться — к горлу подступил комок...

— Не надо, девушка, успокойтесь. Вот так. А то черт те что... Я, простите, не очень понял вас: кого спасать надо?—Последние слова были сказаны вежливо, учтиво, но достаточно холодно и строго.

Марина вопрошающе посмотрела на Птицына: что значит этот вопрос? Когда она шла сюда, то десятки раз прикидывала, как спокойно, размеренно будет рассказывать обо всем, начиная с первых дней войны и кончая встречами с «туристами», подарками отца, расскажет о его странной статье и ее подспудно зревших подозрениях, о домогательствах Зильбера и легкомыслии Бахарева. Все было разложено по полочкам. И твердо решено было покаяться в собственной вине, объяснить, почему медлила, почему не пришла тогда, после беседы с Кохом. Но, как часто бывает в таких случаях, все заранее приготовленные слова в последний момент исчезли. Растаяли, как ледышки. Сейчас она ощущала дрожь своего голоса, удары крови в висках. А сердце бьется так учащенно, что, кажется, вот-вот вырвется наружу. И когда она уже вошла в приемную КГБ, ей почему-то показалось, что главное в ее визите — спасти Бахарева... Она так и начала свой разговор с Птицыным.

— Речь идет о близком мне человеке... Бахареве Николае Андреевиче, литераторе. Поверьте, речь идет о весьма достойном человеке. Иначе я не пришла бы к вам.

Сказала и запнулась, смутилась. То есть как не пришла бы? Она все равно пришла бы сюда, и вовсе не потому, что Бахарев...

У нее закружилась голова, она вдруг почувствовала недомогание, охватившее ее после бессонной ночи. Но она нашла в себе достаточно сил, чтобы стряхнуть тяжесть.

А Птицын все так же вежливо, но холодно и строго продолжал:

— Вы не ответили на мой вопрос, товарищ Васильева,— кого надо спасать: вас или упомянутого вами литератора?

Марина тяжело вздохнула и, глядя в упор на Птицына, отчеканила:

— И меня и его. Я пришла к вам с повинной...

Птицын с живейшим интересом, словно для него все это открытие, слушает исповедь мечущейся девушки, отмечая точность бахаревских характеристик, точность нарисованного им портрета Марины. И про себя фиксирует: девушка ничего не утаивает. И про родителей, и про первую встречу с «туристом», и про подарки Эрхарда, и про первые тогдашние сомнения, касающиеся истинного лица отчима, и про блески надежд — «а вдруг вернется, раскается во всем и вернется»,— и про «Метрополь», и про танец с Зильбером...

— Я его сразу узнала... Он был с Кохом, когда мы с ним второй раз встречались в кафе «Метрополь». Подозрения незаметно, исподволь закрадывались уже тогда. Я догадывалась, какие это туристы. Но сама себе не решалась признаться в этом.

До сих пор она говорила спокойно, ровно, глядя прямо в лицо собеседнику. А тут вдруг сорвалась, опустила глаза, и голос задрожал.

— Это был мой первый ложный шаг... А за ним второй... Мы танцуем, гремит музыка, а Зильбер нашептывает: «Вам привет от па-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—11.

пы... Он очень скучает без вас. Я привез вам небольшой подарок господина Эрхарда». И я не успела опомниться, как он надел на мой палец бриллиантовое кольцо... Я принесла его с собой, вот оно.— И Марина, достав из сумки кольцо, положила его на стол.— Оно не принадлежит мне. Делайте с ним то, что считаете нужным.

Умолкла. Собирается с мыслями. Вспоминает:

— Во время танца Зильбер сказал, что имеет некоторые пустяковые поручения ко мне от господина Эрхарда. Я спросила: «Какие?» Он ответил: «Не стоит сейчас об этом». И тут же сообщил, что хотел бы показать мне статью отца, опубликованную в одной из прогрессивных газет Запада. «Господин Эрхард немного занимается литературой и немного политикой. Ваш папа тоже хочет бороться за мир против империализма и фашизма. Жизнь многому научила его...» И многозначительно добавил: «Конечно, средства борьбы бывают разные... А газету я вам принесу. Нам надо еще раз повидаться. Но у вас, кажется, не принято встречаться с иностранцами в гостинице...» И назначил свидание у памятника Пушкина. Мы поехали в Архангельское. Гуляли. Обедали. После обеда я попросила у Зильбера обещанную газету. Он изобразил на своем лице смущение: «Не обессудьте, проклятый склероз. Приготовил для вас газету и в последний момент забыл положить ее в карман». Позже я поняла, что газета — это всего лишь предлог, повод для продолжения наших встреч. И действительно, он тут же предложил мне через два дня встретиться у Кировских ворот...

— О чем был у вас там разговор?

— Я пыталась вернуть ему кольцо, сказала, что не хочу получать подарки от чужого человека и очень жалею, что приняла такой подарок тогда, в первый раз... Зильбер нахально сунул кольцо в карман моего пальто. «Вы никуда от этого не уйдете... Вот вам газета, прочтите его статью, и вы поймете, что этот человек не так уж далек от тех, кто придерживается весьма прогрессивных позиций... И в частности коммунистов, покинувших свои отчие дома, так называемые социалистические государства, чтобы на чужбине бороться за подлинный социализм, демократический социализм... Я не сомневаюсь, фрейлейн Марина, и в вашей стране есть люди, молодые люди с горячими сердцами и светлыми головами, которым придется по душе статья вашего папы...

Да! Это так, есть... Не смотрите на меня удивленными глазами. Я читал статьи этих молодых людей... Там, у нас, где свобода печати... Я мог бы вам показать очень интересный русский журнал, который издают на Западе. Вы нашли бы там прекрасные рассказы и стихи весьма уважаемых и весьма популярных у вас советских авторов. То есть люди, не имеющие возможности печатать свои произведения у себя дома. То есть настоящие борцы за настоящую демократию... Я не политик, я ученый, но я есть гражданин. И не могу не преклоняться перед ними».

— Он назвал этот журнал?

— Да, но я не запомнила...

— «Грани»?

— Вот, вот... Кажется, так... Зильбер сказал, что если я пожелаю, то буду получать этот журнал.

— По почте?

— Он не уточнял...

— И вы согласились?

— Почему вы так говорите?.. Неужели я даю основание...— На лицо ее легло выражение мученичества, страдания и оскорбленности.

— Значит, отказались? Ну, ну... Не сердитесь... Не надо... Молодежь, она ведь любознательная: хочет знать, что за «Грани» такие...

— А что вы знаете о статье отца?

— Я плохо разбираюсь в политике, тем более в вопросах теории...

— Жаль... Серьезный пробел в вашем вузовском образовании.

— Бахарев тоже так считает. И все же я позволю высказать свое мнение... Автор,— она избегала слов «отец», «отчим»,— зло бичует империализм и ратует за многообразие путей строительства социализма. И при этом, может быть, мне показалось, ловко маскирует подтекст: из всего многообразия путей он предпочел бы тот, который решительно отметает диктатуру пролетариата и руководящую роль партии...

— Оказывается, вы не так уж плохо разбираетесь в политике, если в занашуфлированном подтексте уловили эти «мотивы» из знакомой «симфонии». Я, кажется, зря ополчился на вузовское образование.

— Это не вуз... Это мой друг, Бахарев... У нас с ним был долгий спор. И, читая статью, я не раз вспоминала про тот наш большой разговор... Это был, пожалуй, единственный случай, когда я увидела своего друга в неожиданном для меня облике.

— В каком же?

Марина задумалась.

— Я, вероятно, отвечу несколько выспренне... Восприятие всегда субъективно, но, поверьте, оно искреннее. Несколько легкомысленный и вольнодумный, Николай вдруг предстал передо мной, если хотите, политическим бойцом, этаким воинственным агитатором, умеющим убеждать и драться за свои убеждения. А разговор шел на острые политические темы... Я ведь привыкла к тому, что у нас, в институте, наши ребята-активисты обычно уклоняются от таких разговоров, отшучиваются... А Бахарев не уклонился, сам вызвал меня на спор. И я ему была благодарна тогда... Вот вам и ответ насчет подтекста...

Птицын слушает сбивчивую речь Марины, вспоминая генеральский наказ по части «разведки боем».

— Надеюсь, вы догадались принести нам газету? Отлично... Вот и мы сейчас почитаем сочинение господина Эрхарда... А вы, если хотите, можете кофейком побаловаться. Не хотите? Как угодно...

Птицын, неплохо знавший немецкий язык, бегло пробежав статью, тут же занялся тщательным изучением всей газетной полосы. И, к немалому удивлению Марины, стал даже на свет рассматривать ее. Затем он позвонил кому-то по телефону, сообщив название газеты, дату и заголовок статьи.

— Проверьте и как можно быстрее... Да, да, вы правильно поняли... Напоминаю — фамилия автора Эрхард... Ну-с, продолжайте, товарищ Васильева. Я вас слушаю... Как дальше развивались события?

— Через несколько дней Зильбер снова позвонил мне и сообщил, что вчера в Москву приехал его коллега по институту, и он видел у него в номере газету, в которой опубликована еще одна статья господина Эрхарда. Если она меня интересует, мы можем завтра пообедать в Сокольниках. Но газету он не принес, сославшись на внезапный отъезд коллеги в Ленинград. Однако счел нужным разразиться целой тирадой: «Жаль, что вы не прочтете этой блестящей статьи вашего отца... Вдохновенное слово о величии гуманизма, который, увы, иногда игнорируют даже там, где он должен стать знаменем людей, объявивших себя строителями новой жизни».

Глухим голосом Марина рассказывает об этой последней своей встрече с Зильбером.

— Разговор в Сокольниках не был для меня прозрением. Я уже давно, ощупью шла к тому, чтобы убедиться, кто есть кто. Я давно, еще тогда, когда Кох приезжал, начала догадываться, с кем имею дело и чем продолжает заниматься отчим. Но подсознательно я все время как-то отталкивала эту страшную мысль, хотелось продлить состояние туманного неведения... Мне тяжело в этом признаваться... Я виновата... Скажу честно, привезенная Зильбером газета поначалу даже в какой-то мере окрылила меня в моих надеждах. Но ненадолго. К чувству смутной надежды примешивалась неясная и с каждым часом обострявшаяся тревога... Не знаю почему, но у меня сложилось какое-то настороженное отношение и этой статье...

— Мы постараемся,— сказал Птицын,— еще до того, как вы уйдете отсюда, помочь вам ответить на тревожащий вас вопрос. А теперь продолжайте...

— Я ее читала дважды... И анализировала: что, собственно, нового по всему, что я знала, о чем догадывалась, добавила эта газета? А тут еще поведение Зильбера... В Сокольниках он начал действовать активнее, решительнее, почти в открытую стал требовать: «Вы обязаны стать помощницей отца... Не забывайте, что вы дочь господина Эрхарда...» От требований перешел к убеждению: доказывал, что если я буду помогать отчиму, то это облегчит ему возвращение к семье. Потом отказался и от этой тактики. Стал прощупывать мои настроения, говорил о призвании молодых бороться за гуманизм, демократию, свободу слова и мнений... Говорил, что мой отец вместе с группой истинно русских патриотов, вместе с коммунистами, бежавшими из социалистических стран, живет теми же заботами, что и самая передовая, по мнению господина Зильбера, часть советской молодежи... И сразу дал мне понять, кого он имеет в виду... Я не помню, как это случилось, но я рассказала ему о нашем студенческом поэте, авторе песни «Заря». Она в рукописи ходила по рукам. Я рассказала, как хотели этого поэта исключить из института. Зильбер обрадованно воскликнул: «Это есть настоящий борец, Марина!.. Ваш папа всем сердцем с такими людьми. Это есть, как у вас говорят, продолжатель традиций Чернышевского и Писарева». И даже процитировал Писарева, напомнив его слова о свежести взглядов университетской молодежи, всегда питавшей непримиримую ненависть к рутине.

И снова повел разговор о каких-то издаваемых на Западе русских газетах и журналах, где можно прочесть произведения советских литераторов, художников, критиков, которые, по его словам, вынуждены уйти в подполье...

— А вы не спрашивали у Зильбера, чем, собственно, вы должны помочь отчиму? О каких поручениях идет речь?

— Нет, не считала нужным даже задавать такой вопрос, мне уже все было ясно. Но он сам, не дожидаясь моего вопроса, поспешил набросить туманную завесу. «От вас требуются сущие пустяки, Марина... Информация... Обычная информация о самых обычных фактах... В глазах любого человека — коммуниста или социал-демократа, капиталиста или рабочего — факт остается фактом... Категория внеклассовая, вне партии...» Я слушала его и улыбалась. Он удивленно спросил меня: «Чему вы улыбаетесь? Разве я сказал что-нибудь смешное?» Я ответила: «Нет, не смешное... Тривиальное... Недавно я имела возможность выслушать примерно такую же точку зрения. Одна из наших студенток доказывала своему другу, что факт поражения СССР в начале войны есть факт бесспорный, каким бы глазами писатель ни смотрел на него. И для советского и для буржуазного писателя это есть факт неопровержимый. И тогда начался спор, может ли быть классовый подход к факту и его описанию. Друг студентки рассказал любопытную историю о том, как один и тот же совершенно бесспорный факт был по-разному воспринят людьми, представляющими разные классы.

Осенью 1920 года Петроград посетили два иностранца: он и она. Он, вернувшись домой, написал, что улицы Петрограда находятся в ужасающем состоянии, изрыты ямами, и автомобильная езда по городу сопряжена с чудовищными толчками. А перед ней — эти же улицы, изрытые ямами, предстали в ином облике. Неподалеку от Путиловского завода она увидела разворошенную мостовую и баррикаду, сложенную в дни наступления белогвардейцев. И перед ее внутренним взором возникли баррикады Парижской коммуны, священные камни революции. Так один и тот же факт по-разному выглядел в глазах Герберта Уэллса и Клары Цеткин».

Зильбер вначале растерялся, потом улыбнулся: «О, это есть блестящий полемист... Друг вашей подруги есть отличный мастер коммунистической пропаганды... Но я еще более высокого мнения о русской студентке — у нее острый ум интеллектуала, который ищет настоящую правду... Я был бы рад беседовать с такой студенткой...» Ох, как мне хотелось отхлестать его, сказать, что такая студентка стоит перед ним, а ее друг — это Николай Бахарев, с которым господин Зильбер имел честь познакомиться в ресторане «Метрополь».

— Почему же вы не сказали ему этого?

— Не хотела... Не хотела, чтобы господин «турист» причислял меня к тем молодым, о которых он говорил. Зильбер сделал бы из этого гнусные выводы.

— Вам нельзя отказать в некоторой проницательности, товарищ Васильева. Итак, Зильбер, судя по вашему рассказу, атаковал вас и с фронта и с флангов...

— Да, примерно так... Но было еще одно направление атаки: Бахарев... Только что я объяснила вам, почему не было сказано Зильберу, кто та студентка и кто тот «блестящий полемист». А сейчас я подумала: жаль, что не сказала. Быть может, Зильбер тогда и не добивался бы встречи с ним.

— С кем?

— С Бахаревым...

— Что вы можете сказать о нем?

Марина не сразу ответила Птицыну, старательно подбирая слова, чтобы точнее выразить мысль. Раздумчиво качнув головой, она тихо сказала:

— Говорят, что настоящая привязанность слепа. Может быть, и так. Но я попытаюсь... На первый взгляд он кажется человеком легкомысленным. Но, пожалуй, это — обманчивое впечатление. Кто познакомится с ним поближе, тот увидит, что он вдумчив, умен, серьезен. Я уже вам, кажется, говорила... Однажды он даже предстал передо мной воинственным агитатором... Нет, нет — тонким, эрудированным полемистом.— Марина умолкла, задумалась. Опустила голову. Потом, глядя в глаза Птицыну, резко сказала:

— И все же я смею утверждать, что этот человек несколько легкомыслен, есть в нем что-то от богемы, от прожигателя жизни. Он любит рестораны, веселые компании, легко тратит деньги на себя и других, любит щегольнуть острым словом и острой мыслью. О таких говорят: для красного словца не пожалеет и отца. И думает он порой не так, как многие... Я не боюсь говорить вам об этом.

— А чего же бояться. Я тоже люблю острую мысль. Самое опасное — стандартомыслие. Оно идет от равнодушия. А ваш Бахарев каков?

— О, нет, он не из равнодушных. Нет, нет... Он человек импульсивный, человек острой реакции. И эта реакция его... Я боюсь, что она будет понята господином Зильбером по-своему. Я боюсь, что он попытается...

Марина не нашла подходящих слов, и Птицын поспешил ей на помощь:

— Сделать с Бахаревым то же, что он пытался сделать с вами.

— Возможно, что и так... Это очень сложно... И страшно... Я не знаю, чем кончился их разговор...

Она несколько растерянно посмотрела на Птицына.

— Мне очень тяжело говорить вам все это... Я знаю, где я нахожусь... Мне трудно говорить так о близком человеке, которого я...

Она осеклась, смутилась, а Птицын про себя отметил: «Пожалуй, я начинаю понимать в тайну, которую не отнесешь к категории государственных. Вот уж действительно — молодость не умеет таить своих чувств».

И снова пауза. Тяжелая пауза — девушка, кажется, задыхается от молчания, когда слова застревают в горле, когда хочется сказать очень многое, даже слишком многое. А Птицын не силомен нарушать молчание. С невозмутимо-отрешенным выражением лица смотрит он куда-то в сторону и ждет.

— Зильбер настойчиво добивался встречи с Бахаревым,— продолжает Марина.— Я это чувствовала. Я догадывалась, зачем нужна ему эта встреча... Я вам говорила о некоторых чертах характера Бахарева... Такими я нарисовала его портрет и в разговорах с Зильбером, когда мы были в Архангельском. Тогда у меня еще не сложилось окончательное представление о «туристе» А потом было уже поздно. Он действовал тонко, хитро. Я не могу не воздать должное уму, культуре этого человека, его хватке.

И она снова все о том же, об ухищрениях «бородача».

— «Турист» избрал другую тактику. Он знал, как я люблю маму. Для меня нет на свете человека более дорогого, близкого... Хотя со стороны иным кажется, что я плохая дочь...

— А как мама относится к вам?

— Обожает, опекает, как ребенка.

— Да, все мамы на свете одинаковы... Ну, а вот, скажем, вы пошли в ресторан «Метрополь». Пошли с человеком, не очень еще близким. Мама знала об этом?

— Конечно. Я, правда, с трудом, но дозвонилась ей в тот вечер. Она дежурила в больнице..

Птицын тут же вспомнил, как они с Бахаревым терялись в догадках: кому Марина звонила из автомата на пути в ресторан — маме или Зильберу?

— Это очень трогательно. Но я, кажется, прервал нить вашего рассказа. Прошу прощения. Вы остановились на том, что Зильбер повел атаку с другого фронта.

— Да, это было так.— И она все теребит и теребит воротничок своей блузки, будто он душит ее.— Зильбер знал, что я очень дорожу спокойствием мамы... Да, да, это так... И Зильбер заявил, что, если я откажусь помогать отцу, он расскажет маме обо всем и предупредит, что на карту поставлена судьба ее дочери... Законченный негодяй! Когда он пустил в ход шантаж, я сникла и...

— И поддалась?

— Нет, нет... Это случайность...

— Что вы имеете в виду?

— Встречу Зильбера с Бахаревым на ВДНХ. Он появился там неожиданно. Мы с Бахаревым сидели в ресторане, когда...— Она запнулась и испуганно посмотрела на Птицына.— Нет, нет, я не организовывала этой встречи. Вы должны мне поверить.— И в голосе ее — отчаяние.

— Конечно, бывают и случайные стечения обстоятельств... Допустим... Но, может быть, случайность проявилась совсем в другом. Ну, скажем, вы случайно, без умысла, невзначай где-то обронили слово о ваших планах на воскресенье?..

Марина задумалась.

— Нет, я никому не говорила.

— Тогда разрешите последний вопрос: как вы считаете — Зильбер встречался с вашей мамой?

— Нет, категорически нет.

— Откуда такая категоричность?

— Я сама все рассказала маме. И все мои сомнения — идти к вам или нет? — отпали после разговора с мамой. По ее настоянию я пришла к вам.

— А я-то думал, что вас привело сюда доброе чувство к другу...— Птицын улыбнулся, поднялся с места и подошел поближе к Марине.

— Вы не улыбайтесь.— Она теперь смотрела на него снизу вверх.— Это все очень сложно. Вначале мне казалось, что только одна сила побудила меня прийти к вам, в этот дом — Бахарев. А теперь понимаю, что иначе поступить не могла... При любых обстоятельствах... Но разговор с мамой многое решил.

— Мы-то не хуже вас знаем, какой это сильный человек... Вот так...

Она поняла, что разговор закончен. Встала и спросила:

— Я могу идти?

— Да... Впрочем, задержитесь...

Птицын снял телефонную трубку, набрал номер.

— Как наши газетные дела, Сергей Петрович?.. Так я и предполагал,— тот же почерк. Благодарю за оперативность. А справку пришлите... Для документации...

И, уже обращаясь к Марине, Птицын сказал:

— Ну, вот, еще одна ваша догадка исчезла. Могу сообщить вам, что газета со статьей вашего отчима — чистейшая фальсификация. Ловкая проделка, рассчитанная на простаков. В указанной газете за указанное число нет никаких следов сочинений господина Эрхарда. Газета с его статьей отпечатана тиражом в один экземпляр. Специально для вас... Вот так, товарищ Васильева. А теперь можете идти. До свиданья. Но нам, вероятно, придется еще раз встретиться. Будьте здоровы...

* * *

Как и следовало ожидать, незадолго до отъезда Зильбера Ольга снова вышла с ним на связь. В тайнике на аллее «зет» она оставила для него письмо с закодированным текстом, фотокопия с которого лежала на столе Птицына. «Медичка» сообщала, что решила не рисковать и не посылать с Зильбером все собранное и подготовленное ею, так как скоро сама поедет на каникулы. Что касается математика, то, по некоторым сведениям, он выступал на ученом совете и частично признал ошибочность своей позиции. Но кое в чем продолжает упорствовать. В чем именно?.. Ольга надеется получить соответствующую информацию через близкого ей студента, который дружит с сыном профессора...

А еще через час в этом же парке появился «Косой». Он долго бродил по аллеям, щедро одаренным багрянцем осени. Переваливаясь с бока на бок, неторопливо «толстяк» приближался к заветной скамейке. Кругом тихо, ни единой души. Он присел на скамейку, углубился в чтение газеты, которую держал левой рукой, а слегка дрожащей правой шарил в тайнике. Все на месте. Отлично. Сейчас он поедет на Белорусский вокзал, положит чемодан в камеру хранения, в ящик с шифром. Вечером Зильбер — ему этот шифр известен — заберет чемодан «толстяка». И делу конец... Завтра рано утром Зильбер улетит домой, и тогда «Косой» облегченно вздохнет.

В столь благодушном настроении «толстяк» покидал парк, не подозревая, что завтра он уже будет сидеть... перед следователем и рассказывать, как летом служебные дела привели его под Можайск и в воскресенье, прогуливаясь по лесу, он набрел на веселый пикник молодежи. Его пригласили выпить рюмку водки, за ней вторую, третью... На гостеприимство молодых он щедро ответил — через час принес бутылку армянского коньяка, купленного в ближайшем кафе. В состоянии крепкого подвыпития стал болтать об Одессе, о дружках, о своих связях и красивой жизни, которой он сейчас, увы, может предаваться лишь в мечтах... Так он познакомился с Ольгой и ее мужем... Супруги оценили «перспективность» неожиданного знакомства. Договорились о встрече в Москве. Там разговор был более откровенный. «Косой» почувствовал, что еще не все потеряно по части красивой жизни. Ему хорошо уплатили за выполнение назавшихся безобидными поручений. Потом ему все стало ясно — и он был вполне доволен своей ролью связного: этот тип уже давно жил по принципу, согласно которому «деньги не пахнут». А новая хозяйка требовала расширять связи. Так появилась на горизонте дама из технической библиотеки научного института, о которой Ольга сказала: «Она нам пригодится...» Время от времени «Косой» получал подачки.

И вот последнее задание — Зильбер, газеты «Футбол», студгородок, тайник в Архангельском...

«Косого» арестовали вечером на Белорусском вокзале. Он не возмущался, не выражал удивления, негодования, хмуро посмотрел сперва на одного, потом на другого молодого человека. «Косой» обронил перчатку, и сотрудник КГБ, подняв ее, сказал:

— Не надо суетиться... Вот вы и перчатку чуть было не потеряли... Разрешите помочь чемодан до машины донести?..

Продолжение следует.

ТАЙНИК

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

На следующий день, рано утром, «Бородач» улетел домой. А через две недели и Птицыну поступило сообщение «Ландыша». Оно было сравнительно коротное: Катя не знала, как развивались последние события по ходу операции «Доб-1».

«Бородач» докладывал хозяевам итоги своей миссии в Россию. Операция «Футбол» осуществлена удачно. Новый связной «Медички» — «Толстый» — показал себя достаточно ловким и расторопным. «Медичка» успешно действует в соответствии с заданиями центра. С ее помощью операции «Футбол» удалось придать более широкий размах. В ближайшее время она прибудет на каникулы и доставит важные сведения. Несколько сдержанное Зильбер говорил о возможностях дальнейших контактов со студенткой Мариной Васильевой. Однако и здесь усилия не пропали даром. С ее помощью удалось установить контакт с одним московским литератором. Характеристика, данная Зильбером литератору, вызвала повышенный интерес хозяев, в частности человека с протезом: литератор — друг Марины Васильевой и может повлиять на нее. Но это, конечно, не самое главное. Зильберу в упор был поставлен вопрос куда более серьезный.

— Считает ли господин Зильбер возможным в недалеком будущем установить контакт известного вам деятеля русской эмиграции с Бахаревым?

— Да, сэр! Я допускаю такую возможность, сэр. Хотя мой собеседник весьма уклончиво реагировал на соображения, туманно высказанные ему в этом плане. Но мне показалось, что если его новую повесть откажутся печатать в России, то Бахарев не прочь будет воспользоваться моими предложениями.

— Какими? — Сэр смерил Зильбера испытующим взглядом и тихо, твердо потребовал: — Я попросил бы господина Зильбера подробнее передать эту часть разговора с Бахаревым.

— Слушаюсь, сэр.— Он облизнул губы и не шевелясь, со спокойно-бесстрастным лицом, но в меру выразительно передал свой диалог с русским литератором.— Я сказал ему, что, будучи ученым, человеком, далеким от политики, случайно оказался в достаточно близких отношениях с редакторами журнала русских эмигрантов «Грани», издаваемого в Мюнхене, и издательства «Эмноунтер» в Лондоне. И прокомментировал: «Об этом издательстве англичане говорят, что оно левее центра и во главе его стоит уважаемый поэт, воевавший когда-то на Гвадалахаре против Франко. И «Грани» и «Эмноунтер» охотно публикуют отвергнутые в России рассказы, повести, стихи...» Тут же я назвал Бахареву фамилии нескольких популярных в России авторов таких произведений. И это, кажется, произвело на него впечатление. Если не считать иронического замечания по поводу «Сказания о синей мухе» Тарсиса: «Неужели читающая публика Запада всерьез принимает этого шизофреника?» Я попытался «отстреляться» шуткой: «Люди,— заметил я,— бывают разные, и было бы не совсем справедливо ожидать, что каждый из нас обладает всеми добродетелями. К тому же прошу учесть специфику наших издательств — коммерция! Все, что вызывает интерес публики, может стать предметом бизнеса. Один из моих друзей в Англии работает сейчас в чисто коммерческом предприятии «Флегон пресс». Когда, скажем, в советском журнале или в «Гранях» появляются произведения, интересующие западного читателя, то «Флегон пресс» незамедлительно размножает их и продает по достаточно дорогой цене. Вам следует с должным пониманием отнестись и этим законам жизни мира бизнеса. Тут ничего не поделаешь, господин Бахарев. В вашей стране тоже есть свои, непонятные нам законы издательского дела. У вас это называется партийностью литературы. Не так ли?» Бахарев в ответ неопределенно пожал плечами и усмехнулся, бурмуя: «Да, да, конечно...» К чему относилось это его замечание, я не понял.

— На чем же основана уверенность господина Зильбера в том, что Бахарев воспользуется нашими связями с «Гранями» или «Эмноунтером»?

— Прошу прощения, сэр, но я не выражал такой уверенности. Я лишь изволил заметить, что мне показалось, будто Бахарев несколько заинтересовался моими предложениями. Поверьте, сэр, для этого имеются некоторые основания.

— Я попросил бы господина Зильбера аргументировать их.

— Извольте, сэр. Бахарев спросил меня: «Как практически я смогу отправить свою рукопись в «Грани», если вдруг — это игра моего воображения — появится такая необходимость?» Согласитесь, сэр, что подобные вопросы не задают зря. Я ему ответил: «Господин Бахарев может не беспокоиться... Вот вам моя визитная карточка,— и вручил ему карточку с адресом, известным сэру.— Когда у вас, господин Бахарев, созреет решение послать рукопись в «Грани», или «Эмноунтер», или во «Флегон пресс», дайте мне знать. Хорошо?» В ответ Бахарев многозначительно посмотрел на меня и повел бровями. Но, по своему обыкновению, ушел от прямого ответа. «Да, да, я понимаю ваше недоумение, господин Бахарев,— сказал я.— Мне знакома специфика вашей демократии — это не совсем безопасно для вас — писать иностранцу... Мы с вами условимся о маленькой хитрости. Вы напишете мне письмо с просьбой прислать обещанный вам в Москве лечебный препарат... Обратный адрес можете указать любой, какой придет вам на ум... Далее все будет организовано должным образом...» Бахарев с живейшим интересом выслушал меня, а потом неожиданно рассмеялся. «Неужели вы серьезно полагаете, господин Зильбер, что я стану играть в эту конспирацию... Впрочем, кто его знает? Жизнь каждодневно преподносит удивительные сюрпризы. Обо всем вами сказанном надо подумать... Вы дали пищу для серьезных размышлений». Он небрежно сунул мою визитную карточку в карман и тут же перевел разговор на какую-то нейтральную тему.

Зильбер умолк, а человек с протезом, глядя слегка прищуренными глазами в бокал с вином, все продолжал одобрительно кивать головой теперь уже, вероятно, каким-то своим мыслям.

— Мы еще вернемся, господин Зильбер, к вашему сообщению о московском литераторе. Вы правильно сориентировали «Медичку» постоянно держать молодого человека в поле своего зрения, изучать его настроения, взгляды. В частности, мы должны точно знать, не отправится ли он в зарубежный вояж, когда и куда.

...«Ландыш» пока не имеет возможности сообщить точных координат «Медички», «Толстого» и дамы из научного института. Принимает необходимые меры. Что касается Марины Васильевой, то о ее координатах, видимо, все известно: она неродная дочь Эрхарда. Он специально прибыл в связи с докладом Зильбера. Судя по некоторым репликам человека с протезом, с ним уж не очень-то считаются здесь, и вся работа с Васильевой велась Зильбером по собственному усмотрению, без всяких консультаций с Эрхардом. «Ландыш» передала содержание разговора Эрхарда с Зильбером, когда они остались вдвоем. В голосе бывшего учителя немецкого языка прозвучал упрек:

— Я же предупреждал вас, господин Зильбер, с моей дочерью вам вряд ли удастся установить контакт... Как видите, дама сфабрикованная вами без моего ведома газета не очень-то помогла... Вы не сделали необходимых выводов из информации Коха, из моих комментариев и этой информации... Я уже не говорю о личной просьбе. Я имел честь просить вас, господин Зильбер, не впутывать девушку... Вы не пожалели внять этой просьбе... Потратили много средств, энергии, времени, подвергали риску себя и других... А польза какова?

— Профит еще будет, господин Эрхард... Смею вас заверить. Контакт с литератором многого стоит. А что касается личных просьб... Что мне вам сказать? Сентиментальность — опасная для нас болезнь...

* * *

Бахарев по-прежнему встречался с Мариной. Ей казалось, что он уже не такой, как прежде: остепенился, его не тянет больше в ресторан, к шумному застолью. Иногда Николай куда-то исчезал на несколько дней, но накануне предупреждал: «Буду работать. Легко пишется...» Однажды она спросила его: «Когда же выйдет из печати твоя книга?.. Ты уже давно получил аванс». Он тяжело вздохнул и стал сетовать на издательство: «Перенесли в план будущего года».

Бахареву и Марине все реже удавалось оставаться вдвоем, наедине. У них появился почти постоянный спутник — Ольга. Она всегда находила повод прийти и Марине именно тогда, когда там был Николай, и уйти именно в тот час, когда Бахарев собирался домой. Хозяйка нервничала, допускала бестактности, иногда даже грубила Ольге. Та делала вид, что не понимает, в чем дело, и продолжала... выполнять свое задание.

...Ольгу арестовали в Бресте, когда она направлялась домой на каникулы. Все, что предшествовало предъявлению ордера и аресту, она восприняла с поразительной невозмутимостью, спокойствием — ни тени смущения, тревоги. Когда ее пригласили в кабинет административного здания КПП для осмотра личных вещей, она с холодной вежливостью сказала:

— Извольте...— и спросила: — Сейчас, вероятно, придет носильщик?

— Да, конечно...

— Благодарю вас.— И всем своим видом подчеркнула: да, я понимаю, у вас такая служба. Таможенники, пограничники. Там во всем мире. Пожалуйста — вот все мои вещи... Извольте... Видимо, тут какое-то недоразумение.

Капитан, производивший обыск, делал это не спеша. Он аккуратно вынимал из Ольгиного чемодана одну вещь за другой, внимательно рассматривал белье, обувь, платье, блузы, шерстяные носки, всякие безделушки, русские сувениры, бутылки коньяка и пакеты с зернами кофе. Понятые — механик железнодорожного депо и врач медпункта — поначалу проявляли повышенный интерес и необычным своим обязанностям, а потом свыклись со всей этой непривычной для них церемонией и, словно сговорившись, задремали в мягких старинных креслах. Ольга села рядом с понятыми. Вынув из сумочки губную помаду и зеркальце, принялась освежать бледную краску на губах. Потом спросила: «Разрешите курить?» — и стала попыхивать сигаретой, словно все происходящее ее не касалось и уж, во всяком случае, не волновало.

В напряженной тишине прошло не менее часа.

Капитан занес в протокол последнюю запись, она шла под номером 27. Каллиграфическим почерком было выведено: «Сувенир — тульский самовар. Цена не обозначена». Ольга повернула голову в сторону капитана и, улыбаясь, спросила:

— Это, кажется, все? — Пожалуй, впервые в ее голосе прозвучало нечто подобное нетерпению.

И с той же улыбкой, с той же неизменно холодной вежливостью последовал ответ:

— Простите, это еще не все. Разрешите посмотреть вот эту сумочку?

И капитан потянулся к лежавшей перед Ольгой на круглом столике черной кожаной сумочке. Понятые, впервые за два часа услышав человеческие голоса, встрепенулись, замашляли, заерзали на своих креслах и даже привстали.

Сидевший у окна Птицын все время пристально наблюдал за Ольгой. Он подметил, как круто изогнулась ее искусно подчерненная правая бровь, как слегка порозовело бледное лицо и судорожно задрожали пальцы, ухватившиеся за ремешок сумочки.

— Разрешите...

Ольга разжала пальцы.

— Извольте...

Капитан открыл сумочку и по-прежнему неторопливо стал выкладывать на стол пудреницу, расческу, носовой платок, тюбик губной помады, деньги, набор открыток, жевательную резинку... И когда сумочка опустела, он осторожно раскрыл ее пошире и ловко зацепил ногтями кончик клейкой ленты, скреплявшей внутреннюю обшивку с металлическим остовом. Лента легко отделилась, и внутри сумочки обнаружилось тайное отделение. Капитан попросил понятых подойти поближе к столу и на их глазах извлек из тайника несколько листков бумаги. Собственно, весьма условно можно было назвать бумагой это тонкое, уплотненное шелковое полотно. В тайнике оказались три пронумерованных листа такой бумаги, каждый из которых был исписан мелким, убористым почерком.

Капитан взял лист № 1. Первая строка была жирно подчеркнута. Он вслух прочел ее: написанные по-немецки фамилия, имя, отчество и полное ученое звание. Это была фамилия математика, которым так интересовалась разведка.

Капитан бережно отложил в сторону найденные в тайнике листы бумаги и подчеркнуто вежливо обратился к Ольге:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—12.

— А теперь я прошу вас снять туфли... Вот здесь коврик... Чтобы вам не простудиться... Или вам угодно будет достать из чемодана другие туфли?

Молча, ни на кого не глядя, Ольга сняла туфли и подала их капитану. Он достал из кармана перочинный нож, легко вывернул четыре шурупа, крепивших каблук правой туфли, и, когда каблук отделился, офицер показал его понятым.

— Прошу вас, товарищи понятые, осмотрите.

Внутри каблука был тайник. Капитан и понятые, подписав протокол обыска, приложив к нему ордер на арест студентки, вышли. Птицын остался один на один с Ольгой. «Медичка» поднялась, не зная, что ей делать дальше, поежилась, хотя в кабинете было тепло.

— Вам холодно?.. Можете накинуть пальто. Нездоровится? Знобит? Да, бывает... Садитесь. У нас разговор будет недолгий, но сидя как-то удобнее вести его. Русские говорят: в ногах правды нет. У меня есть несколько вопросов к вам. Так сказать, предварительного характера.

— Слушаю вас.

— Кто была ваша попутчица в купе?

Ольга ухмыльнулась.

— Она жена какого-то советника.

— Какого?

— Не знаю точно... Ливанского или ливийского. Ее муж работает в посольстве в Москве.

— Куда едет?

— В Париж. Пробудет там неделю, а потом домой.

— Она знает, кто вы, куда едете?

— Нет, она ничего не знает обо мне. Я пыталась говорить с ней по-французски, но она плохо знает язык. С большим трудом мы объяснялись с ней по-французски и по-русски. Она приняла меня за француженку.

— Ваши родные ждут вас? Вы известили их о выезде? Письмом, телеграммой?

— Я послала маме письмо, в котором сообщила, что выезжаю в Париж, пробуду там три дня, а в пятницу автобусом — домой.

— Вы, вероятно, догадываетесь, что в маршруте произойдут некоторые перемены... А мамы на всем белом свете остаются беспокойными мамами, когда ждут домой своих дочерей. Не надо, чтобы ваша мама волновалась.

Ольга вопросительно посмотрела на Птицына, стараясь понять его.

— Думается, следовало бы отправить маме телеграмму и сообщить ей, что ваши планы изменились, что вы задержались в Москве.

— Я охотно послала бы такую телеграмму, но как это сделать? Если я вас правильно поняла, то я больше не принадлежу себе... Так, кажется?..

— Да, вы правильно поняли... Впрочем, это, кажется, не очень трудно понять... Но о телеграмме мы могли бы позаботиться. Вот вам листок бумаги. Пишите.

Ольга написала телеграмму, протянула ее Птицыну.

— Ваша телеграмма будет отправлена.

— Из Бреста?

— Нет, из Москвы. А сейчас прошу вас...— И Александр Порфирьевич подал Ольге пальто.

В тот же день «Медичка» специальным авиарейсом была отправлена в Москву. Вместе с ней полетел и Птицын.

10

На первом же допросе Ольга собственноручно писала обстоятельные ответы на вопросы. Арестованная ничего не скрывала и даже не пыталась скрыть. Это, пожалуй, шло не от отчаяния, а от сознания: иного пути нет. Она вела себя так, словно давно ждала подходящего случая, чтобы рассказать советской контрразведке о своей шпионской работе. Ее не очень беспокоили утомительные допросы и, видимо, не очень тревожила перспектива суда. И это иногда озадачивало следователя. Однажды он спросил ее:

— У вас сегодня такой вид, будто вам нездоровится. Может, прервем?

Она вскинула на него усталый взгляд из-под своих длинных ресниц и несколько вызывающе ответила:

— Как вам будет угодно. Лично я готова продолжать.

— Вы пользуетесь прогулками?

— Да, благодарю вас...

— У вас есть сигареты?

— Да, благодарю вас...

— Вам дают читать книги?

— Да, благодарю вас...

— У вас есть какие-нибудь просьбы?

— Нет.

— Почему вы отказались от права встретиться с представителем консульства вашей страны?

Ольга подняла правую бровь, многозначительно посмотрела на следователя и сказала:

— Я знаю, что в этом доме вопросы задавать — ваша прерогатива. И тем не менее не могу не спросить: а что я скажу консулу, когда встречусь с ним? Что я агент разведки?

— Ну что же, как вам угодно...

И она продолжала рассказывать, как все это было. Ольга никого не щадила: ни себя, ни своих хозяев. Она никого не старалась выгородить, оставить «в тени». Она ни на чью помощь не рассчитывала.

Следователь уже знал, что эта молодая женщина в последние годы жила двойной жизнью: в институте — серьезна, вдумчива, сдержанна, достаточно прогрессивна в своих суждениях, оценках разных событий. Но это маска. Подлинное ее лицо — падкая на деньги, хищница, легкомысленное существо, для которой жизнь — это мимолетные развлечения. Но такой она представала лишь перед узким кругом особо близких ей людей, которым доверяла. Теперь перед следователем сидела совсем другая Ольга: ни та, что носила маску, ни та, что так цинично смотрела на окружающий ее мир. Это была женщина, видимо, принявшая сама для себя какое-то трудно давшееся ей решение. Следователь пытался сам для себя сформулировать, что с ней произошло: прозрела, протрезвела, опомнилась? Внезапно наступило душевное раскрытие, духовное обновление? Нет, конечно, но было заметно, как внутренне переменилась Ольга, и эта перемена в известной мере определила ее поведение. У нее не было каких-то убеждений, идей. Была лишь жажда сладкой, бездумной жизни. И теперь она поняла, что поставила крупную ставку не на ту карту, что она проиграла и не одна, а вместе со всей своей компанией, ставшей теперь для нее ненужной, далекой и даже враждебной. Она знала: бывшие ее хозяева палец о палец не ударят для спасения или хотя бы облегчения ее участи. И Ольга избрала для себя единственно правильный в ее положении путь: раз попалась, да и тому же с явными уликами, надо признаваться во всем.

Говорит она тихим, размеренным голосом, глядя следователю прямо в лицо.

— Завербовали меня тогда, когда была глупой, наивной и беззаботной девчонкой, полагавшей, что самый сильный в мире человек — это тот, у кого деньги. Меня уговаривали: риска никакого, усилий потребуется мало, а вознаграждение солидное... Тогда я не понимала, что к чему, поначалу они не говорили мне, в чем будут заключаться мои обязанности, что и для кого я должна делать. Все рисовалось туманно, в общем плане: придется иногда выполнить отдельные несложные поручения, скажем, с кем-то познакомиться, кого-то о чем-то расспросить, что-то узнать, куда-то ненадолго поехать. И тут же подчеркивалось: «Все это будет хорошо оплачено». И тут же строгим голосом предупреждали: «Все, о чем мы условились, должно сохраняться в тайне». Я согласилась.

Я раза три-четыре встречалась с Карен Милз и Груд Белан — это те, кто завербовал меня. Вначале я терялась в догадках: что же требуется от меня? Мне не давали никаких поручений, со мной разговаривали обо всем и ни о чем. Но постепенно в этих, казалось бы, ничего не значащих беседах я стала улавливать лейтмотив, звучавший, однако, неназойливо: антикоммунизм — кредо моих хозяев... Далеко не все мне было ясно, но я не задавала уточняющих вопросов. Мне дали понять, что все сказанное обсуждению не подлежит и должно быть принято как аксиома.

Была в этих беседах еще одна важная тема — искусство конспирации, техника работы вдали от центра.

Несколько месяцев со мной никто не встречался. Казалось, что обо мне забыли. И вдруг телефонный звонок Карен Милз: «Я должна вас повидать». Место встречи было обусловлено давно, заранее: все тот же секретный кабинет приморского ресторанчика «Креветка». Здесь мне и было объявлено, что я должна поехать в Москву, учиться в медицинском институте. Все необходимое для этого будет сделано без моего участия...

Незадолго до отъезда в Москву Груд Белан инструктировал меня. В Москве я должна изучать окружающих меня людей: профессоров, преподавателей, студентов, их родителей. Собирать о них как можно больше сведений: фамилии, имена, отчества, происхождение, адрес, материальное и семейное положение, способности, жилищные условия, состояние здоровья, увлечения, слабые и сильные стороны характера, пристрастия, политические и философские убеждения, религиозность, отношение к деньгам, служебная перспектива, отношение к советскому строю. По возможности нужно доставать фотографии этих людей, сведения об их документах — паспорт, билет члена Коммунистической партии, комсомола, профсоюза, воинский билет, пропуск в институт, учреждение, библиотеку, на завод.

Груд Белан требовал, чтобы я уделила особое внимание молодежи, и в частности молодым интеллектуалам. Он считал, что в их среде я скорее всего смогу найти те самые критически мыслящие личности, которые, по его словам, выполняют роль социального и политического обличителя общества, роль передового борца за высокие идеалы подлинного гуманизма, подлинной демократии и свободы. Он долго беседовал со мной, ссылался на каких-то, по его мнению, видных экономистов, философов, социологов. «Помните,— поучал он меня,— в наше время иногда важнее владеть идеями, умами людей, нежели созданными ими машинами. Будущая судьба современного общества в руках, точнее, в умах интеллигентов». Шеф назвал их «пятым сословием» и несколько театрально воскликнул: «Вот сфера ваших действий, наблюдений, контактов! Нам важно знать, действительно ли в Советском Союзе существует так называемая независимая интеллигенция, и если это так, то мы должны выявить ее кадры». Я робко заметила, что все это сказано несколько возвышенно и общо и мне желательно услышать более конкретные советы. Груд Белан насупился, но согласился со мной и тут же перешел к практическим инструкциям.

«Чаще заводите разговоры на литературные темы,— наставлял он.— Учтите, что в Рос-

сии иные архизасекреченные физики и математики отлично разбираются в литературе, искусстве. Почище иных гуманитариев! И, уж во всяком случае, проявляют обостренно повышенный интерес ко всем новинкам литературы, театра, кино и порой именно с этих позиций начинают свой политический артобстрел. В Москве, Ленинграде вокруг некоторых журналов разгораются диспуты, выходящие далеко за рамки литературные. Вы должны прислушиваться и таким спорам, но при этом очень осторожно высказывать свою точку зрения. Спор о новом романе — удобная форма выражения политических настроений, взглядов. За литературными симпатиями и антипатиями иногда скрываются симпатии и антипатии и тому или иному политическому курсу. Спор об остром романе — своеобразная лакмусовая бумажка, умело пользуйтесь ею. А для расширения вашего кругозора рекомендую полистать вот эту литературу. Делается не очень чистыми руками господ эмигрантов, возомнивших себя совестью России, но если уж вы хотите получить практические инструкции, то почитайте внимательно...— И он не без некоторого презрения ткнул пальцем в лежавшую на столе кипу газет и журналов на русском и английском языке.— Издатели, господа русские эмигранты, стараются доказать нам, что делают великое дело, в которое стоит вкладывать капитал. Что ж, в какой-то мере это, может быть, и так...— И он снова повторил:— Рекомендую вот эту их продукцию — «Посев», «Грани»... Вам работать в России. Вы должны знать, что пишут о России ее люди, какие болевые точки нащупаны ими в том сложном организме, что именуется СССР. Вы услышите здесь голос тех советских интеллектуалов, кого я причислил к «пятому сословию»... Вот любопытные «Письма «Граней»... Занятное чтиво для разведчика, уезжающего в Москву... Это переписка журнала «Грани» с его друзьями в России: эмигранты стараются убедить нас, что в России их друзей предостаточно. Лично я имею на сей счет свою особую точку зрения. Думаю, что господа эмигранты стараются подороже продать товар. Но мы с вами не будем залезать в дебри... Будем исходить из того, что есть в России люди, для которых «Письма «Граней» представляют интерес. Подобные письма раньше отправлялись в СССР с помощью специальных воздушных шаров. Но при такой транспортировке много писем пропадало. Теперь, когда в России наступила «оттепель», их посылают почтой... Возможно, и от вас потребуется вклад в список адресов получателей... Мы еще вернемся к этому делу...»

Затем меня познакомили с материалами проходившего в Лондоне закрытого симпозиума русских эмигрантов с участием профессора Лондонского университета Леонарда Шапиро. Тема формулировалась коротко: «Советская молодежь». На симпозиуме было прочитано три реферата: «Отношение молодежи к КПСС»; «Подпольные писатели в СССР среди молодежи»; «Интерес молодежи к религии».

Перед отъездом я получила дополнительный инструктаж по работе с кодами, зашифровке и расшифровке секретных сообщений, по более сложной технике фотографирования, уменьшению текста до микроточки. Меня научили особым образом обрабатывать пленку, чтобы она становилась мягкой и вкладывалась в такие неприметные контейнеры, как батарея карманного фонаря, полый карандаш и даже полая пятикопеечная монета, распадающаяся на две части. Все это я использовала в своей работе.

...Когда я в первый раз приехала домой на каникулы, то привезла данные на двадцать семь человек. Убористым шрифтом были исписаны три листа бумаги — специально изготовленного для таких целей полотна: оно не шуршит и не прощупывается в тайнике — качества, весьма ценные в нашей работе. Эти листы я закладывала в тайник своей сумочки, закленвала его и с успехом провозила через границу. На вашей пограничной таможне дважды осматривали мою сумочку, когда в ней находились конспиративные материалы, и каждый раз операция кончалась благополучно.

Сумочку с тайником мне дала Карен, когда я впервые отправилась в Москву. Тогда же она подробно инструктировала меня, как пользоваться тайником, устроенным в сумочке. Мне было преподано несколько практических уроков: в тайник нельзя класть предметы, которые прощупываются или велики по объему. Карен положила в тайник два носовых платка и кромку заклеила лентой. Платки эти так и пролежали до тех пор, пока мне не понадобилось вложить туда листки со списками людей, данные о которых я собрала.

...Дома я занялась обработкой списков. Три дня корпела. Доклад получился на двадцати листах машинописного текста.

...Для чего, кому нужны эти списки советских людей, основные сведения о них, я не знаю. Мне ничего не сказали. Я могла лишь догадываться, что большинство этих лиц, а может быть, и все, были внесены в картотеку нашей разведслужбы.

— Которая и оплачивала вашу работу?

— Да... Это есть так.

— Продолжайте...

— Во второй раз я привезла из Москвы материалы еще на одну большую группу советских граждан и несколько фотографий — десять — двенадцать, точно не помню. Кроме того, я передала Груду два комсомольских билета, три членских профсоюза и пять пропусков в разные учреждения. Документы я выпрала у своих знакомых, выполнив эту операцию таким образом, что никто ни в чем не мог заподозрить меня.

Фотографии и документы я провозила через границу в чемодане с двойной стенкой. Я пользовалась им несколько раз, пока Груд не запретил мне прибегать к такой уловке. Он сказал: «Все тайное со временем становится явным — советская контрразведка уже знает секреты таких чемоданов».

— Списки людей — это единственное задание, полученное вами от разведки? — спросил следователь.

— Нет... Но началось с этого. А потом сфера моей деятельности непрерывно расширялась. Во-первых, сам круг людей, интересовавших разведку, расширялся. Я составила список известных мне иностранных студентов, обучающихся в Москве, и по возможности дала каждому из них характеристику. От меня требовали узнать каким-нибудь способом номера почтовых ящиков — адреса военнослужащих.

Окончание следует.

ТАЙ

— И вы нашли такой способ?

— Да... Студентки, живущие в общежитии, получали письма и от военных — родителей, братьев, друзей. А на конвертах — обратный адрес. Почтальон бросал письма на стол в холле... Был еще один способ. Во время учебной практики в Подмосковье ко мне на прием приходили жены военнослужащих. В историю болезни вписывались их адреса... Военные люди, воинские части — тут все должно было быть в поле моего зрения. Я следила за передвижением войск в дни подготовки к военным парадам. Записывала номера военных машин, въезжавших или выезжавших из ворот заводов, находившихся под моим наблюдением... Таких заводов было два. Я должна была сообщить, чем они огорожены, как просматриваются снаружи, сколько входов и въездов, система охраны, номера машин, стоящих перед административными корпусами... Пожалуй, все...

— Подумайте, может, это еще не все?

Ольга задумалась, стала вспоминать.

— Было и такое поручение — достать книги, в которых содержатся списки советских писателей, композиторов...

— Вам удалось?..

— Не полностью.... В одном доме я смогла похитить книгу со списками писателей... Но оказалось, что эта книга была издана несколько лет назад... Груда Белана не очень удовлетворила моя микропленка. Он сказал: «Здесь нет молодежи, влившейся в Союз писателей за последние годы. А она-то интересует нас прежде всего...»

— Были ли еще какие-нибудь специальные поручения?

— Были... Покупать путеводители... Почтовые конверты с советскими марками... Малогабаритные будильники, которые можно использовать в качестве контейнеров... Составить подробный план-схему ГУМа.

Потом я должна была взять пробу земли с названных мне четырех мест на улицах Москвы. Места эти были точно обозначены. И еще — подыскать подходящие места для тайников... Меня попросили найти предлог, чтобы поехать в приволжский город и взять там пробу воды. Но я не смогла выполнить такое трудное для меня задание. Хозяева были недовольны и требовали предпринять еще одну попытку. Это уже было в пору вторых летних каникул... Памятное для меня лето.

— Чем оно памятно для вас?

— Я стала женой Германа. Мы встретились с ним на веселой вечеринке в приморском ресторане «Креветка». Мне хорошо помнится тот летний вечер. Было уже далеко за полночь, когда мы вдвоем вышли на берег. В лицо резко ударил морской ветер, пахнущий йодом, водорослями и прелыми листьями. Домой идти не хотелось, и мы гуляли, наслаждаясь красотой лунной дорожки на воде, вдыхая полной грудью острые ароматы моря. В ту ночь мне было очень хорошо на душе, я даже забыла о тяжком грузе, что взвалила на себя, дав согласие тем двум...

Арестованная умолкла, провела рукой по волосам, потом обеими руками обхватила голову.

— Вы устали? — спросил следователь.— Вам нездоровится?

— Нет, благодарю вас... Сейчас я продолжу свои показания... Та ночь глубоко врезалась в память. Так ведь бывает: одна ночь, больше чем год. Это произошло в ту пору моей жизни, которую нельзя измерить обычным счетом времени,— я впервые задумалась над тем, куда затянет меня ловко брошенная сеть, и чему приведет мое, мягко выражаясь, легкомыслие, цинизм, жажда денег, каким бы способом они ни добывались. Вы мне не верите, улыбаетесь?

— Нет, почему же... Всякое бывает. Но я хотел бы знать, был ли то голос пробудившегося разума?

— Нет, увы, это было не так. Обычный животный страх взбалмошной девчонки, которую в какую-то минуту осенила страшная мысль: «Подумай, какой дорогой ценой дадутся тебе те деньги, смотри, как бы не пожалела потом. Хватка у них железная, не вырвешься».

Но я по-прежнему оставалась верной принципу — брать от жизни все, что можно взять от нее. И в ту ночь, не знаю почему, мне казалось, что Герман, сын весьма обеспеченных родителей, молодой человек с большим будущим — он имел шанс пробиться в крупные журналисты — сумеет дать мне в жизни все, что хочется иметь взбалмошной женщине, и поможет порвать те узы, которыми я связала себя с разведкой. Страх и расчет!

Где-то далеко-далеко за лесом уже занимался рассвет, а мы все еще шли по берегу и уже в который раз объяснялись в любви и говорили друг другу какие-то возвышенные слова о верности, долге, о нашем будущем. Позже, когда я вспоминала про эти возвышенные слова, мне было как-то неловко и смешно.

Вскоре сыграли свадьбу. Мы отправились в свадебное путешествие. На шикарном судне. Поздно вечером мы вышли на палубу. Долго любовались, как волны, разбиваясь о борт судна, рассыпались брызгами, как одиноко мерцали редкие звезды в черном туманном небе. Я предложила пойти в каюту — стало холодно.

— Подожди, мне надо тебе сказать...— И он почему-то боязливо оглянулся по сторонам.

...В тот вечер он мне сообщил, что все знает обо мне, о моих связях с Кареи Миле и Грудом Беланом, что работать на них нам придется вместе, помогая друг другу.

На какое-то мгновение передо мной открылось совсем другое лицо Германа — лицо жестокое, свирепое, глубоко запрятанные под широкие брови глаза смотрели на меня холодно и расчетливо. Я молча выслушала его признание и тяжело вздохнула. Он спросил:

— Что ты вздыхаешь? Нам будет хорошо. У нас будет много денег. Они должны платить и мне и тебе. А такая красивая, как ты, должна быть богатой, очень богатой...

— Но у нас будет много трудностей на пути и богатству,— сказала я.

И тогда, задрав нос кверху, Герман, словно он вещал с амвона, изрек: «Per aspera ad astral» (Через трудности к звездам!).

— Вот они, эти звезды! — Ольга иронически улыбнулась и посмотрела на следователя глазами, полными глубокой печали и боли...— Но я, кажется, отвлеклась... Так, на чем я остановилась? Да, свадебное путешествие... Первые радости медового месяца и горькое похмелье...

Родители мои словно чувствовали это и все допытывались: «Почему ты такая грустная?» Они, конечно, ничего не знали. Они проклятли бы меня... Отец был участником движения Сопротивления, среди подруг матери были коммунистки. А я... Продалась... Ну что же, быть по сему — и, замусив удила, пустилась вскачь...

Наступил день моего отъезда в Москву. Меня снова инструктировали. «Ваша главная задача — непрестанно расширять круг знакомых, изучать их, поставлять нам данные о них». Я догадывалась, что в Москву под видом туристов приезжают мои «коллеги». Но Карен строго предупредила: никаких встреч, никаких бесед с ними. Никто до поры до времени не будет вас инспектировать, и вы никому не подотчетны в Москве». О выполнении задания я должна была докладывать, вернувшись домой, сдавая все собранные материалы. Я приезжала на родину, в тот же день отправляла открытку по условному адресу — текст был стандартный: «Дорогая Рит! Вчера я вернулась из продолжительной поездки. Все хорошо, плохо только, что моя глухота прогрессирует, совсем неважно стала слышать. Привезла тебе обещанную гранатовую брошь. Скоро увидимся. Целую. Ольга».

Кто такая Рит? Понятия не имею. Думаю, что такой вообще не существует. Видимо, псевдоним, придуманный для связи с Карен и Грудом. Да и эти тоже скрываются под псевдонимами. На второй день после того, как я опустила в почтовый ящик открытку, раздавался телефонный звонок. Меня вызывали на встречу. Сперва я отчитывалась устно, а потом мне говорили: «...об этом напишите подробнее». И два-три дня я писала свой отчет. Сдавала его и получала вознаграждение. Деньги платили большие, но платили по-разному. Если в докладе оказывались сведения, представляющие особо большой интерес, ставка повышалась. Иногда даже до двухсот процентов. Так, в частности, было, когда я достала не только основные данные о студенте МВТУ, который влюбился в меня, но и скупые сведения о его институте, о его учебной практике в Севастополе, включая фотокопии с некоторых листов студенческого конспекта.

Но иногда я оставалась в недоумении. Мне, например, казалось, что заслужу самой щедрой награды за свои сообщения о докторе Васильевой и ее дочери, студентке Марине. Глава этой семьи Эрхард оказался шпионом и в первые же дни войны бежал к гитлеровцам. Сейчас он работает на какую-то разведку. Однако это мое сообщение было воспринято равнодушно, спокойно, без дополнительных вопросов. Вскоре я поняла, в чем тут дело: хозяевам многое уже было известно и об Эрхарде и о его семье. И только значительно позднее от меня потребовали письменного доклада о докторе Васильевой и ее дочери Марине, их друзьях и знакомых.

...Следователь внимательно слушает Ольгу, стараясь не прерывать ее. Но сейчас он не может не спросить:

— Какую характеристику вы дали Марине?

— Сложная, противоречивая натура. Остатки былой озлобленности, склонность к фронде и порой стремление обязательно высказать свою особую, оригинальную, отличную от общепринятой точку зрения на острые вопросы жизни — все это не может не заинтересовать наших людей. Даже при наличии у этой девушки таких качеств, как честность, неподкупность, принципиальность, желание глубоко осмыслить окружающий мир. Я предупреждала своих хозяев — это бочка яда, злости, ненависти, но девушку нельзя купить... Любовь и преданность своей стране в ней намного сильнее озлобленности и фрондерства... Сама она иногда позволяет себе смотреть на некоторые стороны советского образа жизни сквозь дымчатые очки, но, как тигрица, набрасывается на того, кто посмеет чернить эту жизнь в главных ее проявлениях... Да, купить ее нельзя. Скорее можно запугать — она несколько боязлива. Страх преследовал ее с детства... И у нее есть уязвимое место — слепая любовь к матери. Лишь бы не потревожить маму... Я говорила об этом и господину Зильберу...

— Вы показали, что вам было запрещено встречаться с вашими коллегами по разведке. А как же Зильбер?

— Меня предупреждали: обстоятельства могут сложиться так, что в Москве я должна буду встретиться и помочь нашему человеку. На этот случай был дан пароль: «У меня для вас имеется гранатовая брошь». Человеку, который произнесет эту фразу, можно верить, помогать, отвечать на его вопросы...

Однажды ко мне в общежитие позвонил иностранец и сказал, что привез небольшую посылку от моих родных. Мы условились о встрече. Посылки не было. Был пароль: «У меня для вас имеется гранатовая брошь». Это сказал Зильбер...

После первых же его вопросов я поняла: среди других заданий разведчика есть и такое — проверить мою работу на месте. В частности, он попросил меня подробно рассказать, как выполнялась операция закладки тайника в Донском монастыре. Вопрос насторожил, точнее, напугал. Усилил тревогу.

— А для этого были основания?

— Да, были... Летом ко мне приехал Герман и сообщил о важном поручении центра — это было, пожалуй, первое небезопасное дело, которое доверялось мне. Я получила от Германа материалы, необходимые для зашифровки и расшифровки текстов, а также большую сумму советских денег. И тут же инструкция: в начале сентября ежедневно бывать на улице Горького, на Главном телеграфе и заглядывать в будку телефона-автомата — при входе первый справа. На стене будет знак «W», начертанный угольным карандашом. Как только появится такой знак, я должна во второе воскресенье сентября, рано утром, не позднее шести часов, отправиться во двор Донского монастыря и, согласно полученному мною плану, отыскать там тайник, заложив в него все, что передал мне Герман. Я не знала, кому это предназначено, и была строго предупреждена не пытаться узнавать. Во вторую субботу сентября объявление появилось. Я помчалась в общежитие. К счастью, подруга ушла в кино, и я имела возможность тщательно просмотреть в газету...

— Вы не помните, в какую?

Ольга удивленно посмотрела на следователя.

— Помню... В «Медицинскую газету».

— Вы ее выписываете?..

— Нет... Точнее, выписала на первое полугодие, а на второе пропустила сроки подписки. Но все те номера газеты, которые меня интересовали по ходу занятий, мне охотно давала доктор Васильева... Она давний подписчик этой газеты...

— Ясно... Продолжайте... Итак, вы тщательно подготовили пакет.

— И рано утром, сказав, что еду на аэродром провожать родственницу, отправилась в Донской монастырь.

По инструкции, в среду я снова должна была пойти туда же, на Главный телеграф. В той же будке рядом с «W» появится буква «R». Это сигнал, подтверждающий, что все в порядке. Нет буквы «R» — значит, беда. Условленного знака не оказалось. Ни в четверг, ни в пятницу, ни в последующие дни... Я потеряла покой, страшно испугалась. Стала вспоминать до мельчайших деталей, как закладывала тайник. Мне казалось, что все правила конспирации были соблюдены строжайшим образом. И вдруг провал. Неужели это я виновата? Значит, за мной продолжают следить?.. И вот от Зильбера узнаю: человека, которому предназначалось содержимое тайника, провалил один из наших разведчиков, за что и понес суровое наказание. Там, в центре, естественно, догадались, в каком тревожном смятении я нахожусь, и, видимо, поручили Зильберу внести ясность: «Вас не винят».

— Передать вам поручение центра — это было единственное задание Германа?

— Нет... Он должен был проехать на машине по дороге, проходящей через некоторые районы Подмосковья...

— Какие? Вот вам карта... Покажите...

Ольга сразу же прочертила карандашом маршрут.

— Мы воспользовались приглашением моего однокурсника. Его родители живут в деревне, дорога к которой идет примерно тем же маршрутом.

— Что интересовало вашего мужа?

— Линии электропередач, радарные установки, промышленные объекты, встречавшиеся в пути военные машины. Он тайком записывал их номера...

— Это его запись?— следователь протянул коробку для сигарет, на которой был записан номер машины.

— Нет, в данном случае моя. Мы дублировали друг друга. Вечером мы долго искали эту коробку...

— Что еще привлекало внимание вашего супруга?

— Мы остановились на берегу реки, чтобы набрать бутылку воды...

НИК

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ, А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Окончание. См. «Огонек» №№ 4—13.

— Ясно. Как оценивал Герман результаты поездки?

— Сдержанно... Хотя был очень доволен неожиданным знакомством... К нашему пикнику присоединился гражданин, отрекомендовавшийся Семеном Опанасенко.

И Ольга подробно рассказывала о том, что уже хорошо известно следователю,— как человек по кличке «Толстый» стал выполнять их поручения.

— Герман дважды встречался с ним в Москве. «Толстян» достаточно откровенно поведал о себе, о своих делах до ареста. Герман осторожно дал ему понять, что услуги таких людей, как «толстян», всегда высоко котировались и будут котироваться. Тем не менее муж приказал мне до поры до времени держаться подальше от этого типа, пока он не посоветуется с хозяевами, пока не придет условная телеграмма: «Твое письмо получил, спасибо». Значит, «толстяка» можно использовать. Такая телеграмма пришла. Видимо, его фамилия значилась где-то там в досье. Он до ареста работал против вас. Но даже после получения телеграммы я должна была прибегать к услугам «толстяка» осторожно, втемную.

— Хороша темная! Вы же ему давали прямые шпионские поручения,— заметил следователь.

— Да... Соблазнительно было. Когда Зильбер приехал в Москву, он при первой же встрече со мной поинтересовался «толстяком». И был весьма доволен, узнав, что человек этот как раз в эти дни находится в Москве.

— Что вам известно о заданиях, которые выполнял Зильбер в Москве?

— Я уже говорила: проверить мою работу на месте и лично познакомиться кое с кем, на кого я давала материал.

— И это все?

— Нет... Ему удалось перевезти через границу сфабрикованные газеты «Футбол». Внешне они ни в чем не отличались от такого же советского издания. Ну, а по содержанию... Содержание вам известно.

— Какова ваша роль в распространении этих фальшивок?

— Я подсказала исполнителя — «толстяна». Из списка людей, за которыми я вела наблюдение во время учебной практики в Подмосковье, выбрала одиннадцать человек и дала их адреса. Это главным образом учащаяся молодежь. С некоторыми из них я познакомилась поближе на одном из лесных пикников, устроенном моим поклонником, местным хирургом. Мне казалось, что настроения этих молодых людей таковы, что фальшивка попадет на благодатную почву... Я дала Зильберу еще один адрес — студгородок, в котором бывала два-три раза, и знала, как туда легче всего проникнуть, куда следует положить газеты...

— Вы показали, что Зильбер имел задание установить контакт с Мариной Васильевой. Вы содействовали этому?

— Частично... Когда мы всей компанией возвращались со студенческого вечера, Марина со своим знакомым Николаем Бахаревым пошла в ресторан «Метрополь». Я тут же из автомата дала знать об этом Зильберу... Его очень заинтересовал друг Марины литератор Николай Бахарев. Я познакомилась с ним в доме Васильевых, и мне казалось, что Бахарев именно тот человек, который может привлечь внимание наших людей. Именно так я охарактеризовала его в своем сообщении Зильберу. Его очень заинтересовала причастность этого человека к миру литераторов, хотя он был несколько озадачен, не найдя его фамилии в своем списке членов Союза писателей. Я объяснила ему, что Бахарев еще только начинающий литератор и у него все впереди, его, конечно, примут в Союз. Зильбер согласился со мной и стал настойчиво добиваться встречи с другом Марины. И не без моей помощи кое-чего добился. Мне удалось свести их вместе в ресторане «Колос» на ВДНХ, а Зильбер ухитрился каким-то образом затащить Бахарева к себе, в номер гостиницы. О чем они беседовали там, мне неизвестно. Перед отъездом, во время нашей мимолетной встречи, Зильбер на ходу, скороговоркой передал свои впечатления от этой встречи. Он примерно сказал так: «Ничего определенного сообщить не могу. Бахарев оказался юношей с более сложной натурой, чем я предполагал. С ним надо работать, его нужно изучать. На таких выигрывают, но на таких иногда и проигрывают». Последние его слова я запомнила хорошо...

— Уезжая, Зильбер оставил вам какие-нибудь инструкции?

— Он просил меня продолжать наблюдение и за Мариной и за Бахаревым, но не предпринимать без согласования с центром каких-либо активных действий. Кроме того, он сообщил мне о намерении центра использовать меня как передаточный пункт для доставки в Россию пропагандистских материалов на русском языке, в том числе и тех, которые пишутся в вашей стране, а печатаются в свободном мире. Зильбер сказал, что в ближайшее время будет организовано поточное микрофильмирование многих таких материалов. Микропленки через меня будут направляться определенным лицам для проявления, размножения и распространения. Я поняла Зильбера таким образом, что центр обеспечит доставку микропленок мне в Москву. А я, в свою очередь, обязана через тайники передавать эти микропленки третьим лицам. Кто они, Зильбер не сказал. Микрофильмирование предполагало и такое: в Москве я буду получать от каких-то лиц микропленки для отправки центру. Зильбер назвал всю эту операцию бесконтактной связью. Такую связь мы с ним отрабатывали в дни его пребывания в Москве. Зильбер сказал: «Пусть это будет для вас тренировкой». Он привез с собой магнитный контейнер, внешне ничем не отличающийся от спичечной коробки советского производства. Только взяв в руки эту спичечную коробку, можно было определить, что она металлическая и при соприкосновении с другим металлом накрепко прилипает к нему. Я имела возможность лично убедиться в этом, используя для такой отработки бесконтактной связи тайник в Архангельском. К тренировке был привлечен и «толстян». Однако в последние дни пребывания Зильбера в Москве я вынуждена была прибегнуть к этому тайнику уже не в порядке учебы. Так сложились обстоятельства... Я поддерживала связь с Зильбером или открытыми телефонными разговорами, или, по наиболее ответственным делам, передачей кодированных записок. Мы пользовались тем, что в ваших универмагах толпы народа и люди пробиваются к прилавку, будучи весьма плотно прижаты друг к другу. Но однажды я заметила за собой то, что принято у разведчиков называть «хвостом». Кто-то из ваших сотрудников работал неточно, грубовато. Мне удалось «оторваться» от «хвоста», лишь прибегнув к хитрости,— я скрылась из зала кинотеатра «Метрополь» во время киносеанса. Следивший за мной агент остался в зале.

— Вам предъявляется изъятая у вас при обыске записная алфавитная книжка в голубом кожаном переплете. Она принадлежит вам?

— Да.

— Дайте пояснения по существу некоторых записей. Что значит запись на последней странице: «Концерт Баха». И рядом несколько цифр.

— Зашифрованный телефон Бахарева. Из каждой пары цифр надо вычитать 25.

— Он сам дал вам свой телефон?

— Нет. Я выкрала из сумки Марины Васильевой ее записную книжку и переписала телефон Бахарева, а потом незаметно положила книжку на ее письменный стол.

— На предпоследней странице есть такая запись: «Св. 40, Мол. 50». Что это значит? Расшифруйте.

— Пожалуйста: «Свечи стоят 40 копеек, молитвенники 50». Это запись, связанная с заданием, которое я получила в Москве от мужа, Германа. Он передал мне ряд поручений деятеля русской эмиграции, действующего в контакте с моим шефом. При этом Герман подчеркнул: «Считай, что ты получила задание шефа».

— Как зовут эмигранта?

— Истинная его фамилия мне неизвестна. А кличка — «Константин».

— Что требовал от вас Константин?

— Я должна была собрать широкую информацию о художниках, изучающих живопись монастырей, церквей — особенно в северных краях России; о так называемых подпольных советских литераторах — биографии, политические взгляды, почему их произведения не издаются в СССР, над чем работают; составить справку — отношение студенческой молодежи к разным литературным журналам, издаваемым в Москве и Ленинграде. И, наконец, совсем новое для меня дело — побывать в московских церквах, побеседовать с верующими и священниками.

— Что вы должны были выяснить в этих беседах?

— Нет ли нарушений закона о свободе вероисповедания. Много ли среди верующих молодежи. Печатаются ли церковные книги, где их достать, сколько стоят свечи, молитвенники. Возрастной состав священников, содержание их проповедей. Как много свободных мест в церковных приходах для семинаристов, оканчивающих духовные училища.

— Вы выполнили это поручение?

— Частично. Я побывала в церквах Троицы в Хохловском переулке, Николы в Хамовниках и в церкви Донского монастыря. Беседовала с верующими и со священниками. Но считаю, что еще не располагаю достаточно полной информацией для ответа на поставленные вопросы. Однако мне уже сейчас ясно: некоторые ответы верующих не обрадуют шефа. Верующие выражали недовольство по поводу того, что были случаи, когда священники покидали церкви и выступали с лекциями на атеистические темы.

— А как с поручением Германа касательно «подпольных литераторов», литературных приверженностей студентов?

— О, это чрезвычайно емкое и многостороннее задание... Очень сложное... Рассчитанное на длительное время... Я немногое успела...

— Это все, что вы можете ответить на мой вопрос?

— Чего же вам более?

— Я рекомендовал бы вам придерживаться иной тональности на допросе. Ясно?

— Благодарю вас... Прошу прощения. Я хочу добавить к сказанному следующее: я возлагала большие надежды на Бахарева... Но в беседах он высказывался по интересующим меня вопросам очень туманно. Мне кажется, что встреча Зильбера с Бахаревым была более результативной. Перед отъездом на каникулы я стала активнее контактироваться с Бахаревым. Но, увы, женская ревность!.. Марина вела себя, как тигрица... И все же я буквально за несколько дней до отъезда договорилась с Бахаревым, что после возвращения в Москву мы пойдем ужинать в Дом литераторов. Конечно, вместе с Мариной. Он в шутку заметил: «Я обеспечу вам, Оленька, кавалера... Очень популярного писателя... Но, увы, обстреливаемого всеми калибрами официозной критики». А потом обстоятельства сложились так...

Она помолчала, а когда опять заговорила, голос ее внезапно стал глухим.

— Я постараюсь искупить свою вину... Я сознаю ее... И готова подробнейшим образом ответить на все ваши вопросы.

— При обыске в вашем правом туфле был обнаружен тайник. Кто дал вам эти туфли, как вы использовали их?

— Туфли мне дала Карен, когда я в последний раз была дома на каникулах. За несколько дней до отъезда в Москву. Мы встретились на явочной квартире. Карен сняла со своей блузы гранатовую брошь, вынула из нее булавку и концом, противоположным острию, служившим ей отверткой, вывинтила четыре шурупа, крепивших каблук, и ловко отделила его от туфли. Каблук был полый. Карен объяснила: «В этом полом каблуке ты будешь перевозить через границу микропленку, отсюда в Москву, но возможно, что в будущем придется возить и из Москвы. Какую микропленку, узнаешь потом, в следующий приезд. А пока надевай туфли и носи их как можно больше. Считай это экспериментом.

Затем она попросила поставить каблук на место с помощью все той же булавки. У меня это сразу получилось. Карен была довольна. И между прочим заметила: «Здесь неплохо хранить ампулу с кураре». И весело засмеялась. Я ничего не ответила. Я не была уверена, что это шутка... Кураре, как известно, яд...

Тогда же Карен сказала: «Носи туфли до самого отъезда из Москвы и постарайся забыть, что под твоей правой пяткой тайник». Видимо, она обладает каким-то даром внушения. Я действительно забыла о существовании тайника под пяткой и сдуру попросила Марину отдать эти туфли частному сапожнику, чтобы отремонтировать носок оторвавшейся подметки. Беспечность обошлась дорого. Видимо, я плохо усвоила уроки конспирации. Я спохватилась через несколько дней после того, как туфли были отданы сапожнику. Спохватилась и ужаснулась. Тут же позвонила Марине и, сочинив легенду о предстоящем семинаре, попросила ее забрать туфли и привезти их мне. Сказала, что они срочно нужны. Сама я не могла поехать — ждала важное сообщение от своего поклонника, студента МВТУ, об одном московском ученом. Мои хозяева весьма интересовались им...

— Знали ли о вашей преступной работе Васильевы? Может, догадывались?

— Нет. Ни в малейшей степени.

— А ваши родители?

— Нет... Я уже говорила — они прокляли бы меня.

— Вы несколько лет занимались изучением политических настроений окружавших вас молодых людей. Не требовали ли ваши хозяева, так сказать, общих соображений о мировоззрении, тенденциях развития духовного мира советской молодежи? В прямой или иной форме?

— Нет... Впрочем, был такой разговор с Карен во время моей последней встречи с ней. Она показала мне одну из наших газет с антисоветской статьей, подготовленной Мюнхенским институтом по изучению СССР. В ней красным карандашом было подчеркнуто несколько строк, и Карен просила внимательно прочесть их. Если мне память не изменяет, в статье шла речь о том, что современная советская молодежь, как та, что готовится к вступлению в армию, так и находящаяся в ее рядах, политически и идеологически не готова к тому, чтобы сознательно пожертвовать жизнью во имя так называемого социалистического отечества. Автор утверждал, будто в СССР молодой человек — и призывник и солдат — не отвечает тем морально-политическим требованиям, которые необходимы для решающей победы СССР в мировом вооруженном конфликте.

Когда я прочла эти строки, Карен спросила: «А вы как считаете, автор дает правильную оценку? Нам важно знать, что это — наша пропаганда или реалистическая картина? Мы не имеем права заблуждаться там, где речь идет о мобилизационной готовности возможного противника». Я хотела тут же ответить Карен, но она остановила меня: «Я не тороплю вас ответом. Вопрос слишком серьезный. Проанализируйте ваши многочисленные беседы с молодыми людьми в СССР. Завтра мы снова с вами встретимся. Я попрошу изложить ваши соображения письменно». На следующий день я передала Карен листок бумаги, на котором было написано примерно следующее: «Автор статьи глубоко заблуждается. Да, в СССР есть небольшая категория молодежи, охваченной духом непрестанного сопротивления, бунтарства. Но, мне кажется, что для нас весьма рискованно делать ставку на эту ничтожную часть советской молодежи. Да и эти ребята, как мне думается, в случае, когда дело дойдет до военных столкновений, будут преданнейшими солдатами. Среди всех и самых разных их чувств все же главным, решающим остается необычайной силы любовь к своей стране, к своему народу. Что же касается фронды или какой-то группы молодежи, на которую мы рассчитываем, то я не могу не согласиться с метким замечанием одного француза, с которым я как-то беседовала в Москве,— он приезжал в гости к моей коллеге. «Фронда молодых,— сказал француз,— это болезнь эпохи, она исчезнет, как исчезают прыщи на лицах юных, испытывающих в известном возрасте волнение крови». Карен, видимо, была не очень довольна моим письменным ответом и, сухо поблагодарив за откровенность, спросила, однако: «А вы не ошибаетесь?» Я твердо ответила: «Нет, не ошибаюсь».

* * *

В другой раз Марина Васильева пришла в Комитет госбезопасности уже по вызову.

Следователь не сказал ей об аресте Ольги — для Марины она уехала домой на зимние каникулы,— но по характеру некоторых вопросов Васильева стала догадываться о повышенном интересе контрразведки к жизни иностранной студентки. И Марина откровенно рассказала все, что знала, что думала о своей подруге.

Разговор был долгим и касался, конечно, не только Ольги, но и ее самой. Может, впервые здесь, лицом к лицу со следователем, отвечая на его вопросы, Марина остро ощутила нависшую над ней опасность — бог ты мой, как легко можно было покатиться по наклонной! И Васильева честно призналась в этом следователю.

А впереди еще один трудный разговор и неожиданное открытие.

После допроса ее проводили в кабинет Птицына. Марина не удивилась встрече с человеком, перед которым совсем недавно излила свою душу. Она решила, что допрос будет продолжен. Васильева стояла перед Птицыным усталая, растерянная, поникшая, и бледное лицо ее выражало глубокое душевное волнение.

Птицын предлагает ей сесть, а она все еще стоит, словно не слышит или не понимает его слов. И Александр Порфирьевич повторил:

— Садитесь же! А то ведь и я должен буду встать. Вот так... Кофейку не угодно ли? Воды? Извольте...

Она выпила стакан воды.

— Вы не волнуйтесь. Самое страшное позади. Я разговаривал со следователем. Он сказал, что ваши показания для дела важны, и при этом подчеркнул их объективность и откровенность. Со своей стороны я признателен вам за то, что вы в тот раз сами пришли к нам. Вы и тогда были искренни, но я не мог быть с вами откровенным до конца. На это были свои основания. Они отпали. Сейчас я могу сообщить вам нечто такое, что должен был скрывать от вас...— Птицын запнулся, на какое-то мгновение окинул взглядом удивленное лицо Марины и продолжал:

— Дело в том, что Николай Андреевич Бахарев — наш сотрудник. Больше того, он работает под моим началом и действовал по моим указаниям...

Теперь уже не удивление, а изумление на лице потрясенной девушки. Она силится что-то сказать, но, видимо, не может. Нет сил, нет слов. Перехватило дыхание. Комната расплылась в каком-то тумане. Марина судорожно уцепилась за край стола. Теперь на ее лице можно было прочесть не только изумление, но и досаду, гнев и даже страх. Большие глаза ее вопрошали: «Зачем же так...» И, перехватив ее взгляд, Птицын говорит:

— Поймите, товарищ Васильева, так надо было!

...В тот вечер Марина несколько раз подходила к столику, поднимала телефонную трубку, начинала набирать номер. Наконец она решилась и все же позвонила Бахареву. Она отчетливо видела перед собой лицо человека, ставшего для нее близким и теперь неожиданно далеким: неужели так надо было? Она слышала его нетерпеливый голос: «Алло! Алло! Кто говорит?» Не ответила. Молча опустила трубку на рычаг. И вдруг в ее почти потухших глазах сверкнула надежда. Марина снова звонит Бахареву и глухим голосом говорит:

— Николай Андреевич!— Так она называет его впервые.— Я все знаю. Меня вызывали на допрос. Я была у вашего шефа... Мне было сказано: «Так надо было...» Это и ваше мнение?

Бахарев не сразу ответил. На какое-то мгновение ему захотелось весело, как он это обычно делал при встрече с ней, выпалить что-нибудь приятное, успокаивающее. Помедлив, сдержанно, с трудом скрывая душевную теплоту, выпалил на одном дыхании:

— Марина... Ты пойми... Это все очень сложно...

— Мне ясно,— отчужденно-холодно отчеканила она.— Значит, и ты так считаешь... Значит...

— Никаких «значит», Мариночка! Ты должна все понять...— И Бахарев на мгновение умолк, словно подыскивая самые нужные сейчас слова.

Никогда еще так остро не ощущал он, насколько глубока и полна его привязанность к этой девушке, столь необычно и сложно появившейся на его пути. Бахарев весь день готовился к этому разговору с ней. Он уже знал о встрече Птицына с Мариной. Знал о реакции генерала Клементьева на эту встречу. Бахарев находился в кабинете Александра Порфирьевича, когда к концу рабочего дня подполковнику позвонил генерал. Клементьев интересовался, как прошла беседа с Васильевой и, в частности, что сказали ей о Бахареве, сумели ли объяснить все... И, судя по выражению лица Александра Порфирьевича, генерал был чем-то недоволен.

— Черт те что получилось,— отхлебывая горячий кофе, бурчал расстроенный Птицын.— Докладываю генералу: объяснили, мол, девушке коротко и ясно. Сказали: «Так надо было». А генерал не без иронии заметил: «Это все, что ты мог сказать ей, Птицын? Маловато... Немного у тебя слов нашлось при той психологической коллизии. Думал я, что для девушки, перенесшей столько горестей, найдешь слова потеплее.— И добавил: — Позвоните ей и попросите, если может, пусть завтра придет ко мне». И нам с тобой велено быть там. И Крылову. Об остальном, сказал, сам позаботится. Вот так... Ну, чего молчишь? Ишь, как сияет товарищ Бахарев.« Черт те что...

И тут же Птицын, напомнив Николаю про давнишний их разговор о Марине: «По душе ли тип такой?» — с лукавством спросил: — Так как же, и сейчас на тот мой вопрос ответить затрудняешься? Мне-то ты теперь сможешь ответить... Все на свое место стало... А с Мариной, вероятно, разговор у тебя тяжким будет...

И вот он идет, этот разговор...

Бахарев продолжает все на той же ноте:

— Мариночка, ну что же ты молчишь? Я взываю к твоему разуму и сердцу. Разрешим мне сейчас приехать к тебе...

— Нет, не надо... Нужно все обдумать. Ты взываешь к сердцу, которое не выдержало испытания,— было пылким, но слепым... Это все не так просто...

— Да, это все сложно, но объяснимо. Я хотел бы... Алло! Алло! Кто нас разъединил?

Разъединила Марина. Не попрощавшись, положила телефонную трубку. Затем, тяжело ступая, подошла к балконной двери, прижала голову к холодному стеклу — на улице шел мокрый снег. Стала прислушиваться: не раздастся ли телефонный звонок? Нет, Бахарев не звонил. Тишина! Только слышно, как по оконному карнизу без конца тенькает ледяная капель.

Ее вывел из оцепенения звонок. Она бросилась в переднюю к телефону. «Николай... Пусть приезжает... немедленно». Но это звонил Птицын.

— Марина! Сможете ли вы еще раз приехать к нам завтра? Когда? Когда вам удобно. Хорошо, в три часа.

...Бледная и взволнованная, переступила она порог большой светлой комнаты. Генерал поднялся, зашагал ей навстречу.

— Здравствуйте, Марина! Рад вас видеть. Только хмуриться не надо. Знакомьтесь: Крылов Иван Михайлович. А с этими товарищами вы, кажется, уже знакомы.— И, улыбнувшись, кивнул в сторону Бахарева и Птицына.

Марина смущенно, растерянно оглядывается по сторонам. На длинном полированном столе — ваза с красными розами, коробка конфет. Что все это значит? Зачем ее сюда позвали? А генерал продолжает:

— Присаживайтесь... Вот сюда... Что будем пить: кофе, чай?.. Николай Андреевич! Вы себя неприлично ведете — рядом такая девушка а вы словно в рот воды набрали и никакого внимания. Я-то в ваши годы... Прошу вас...

Бахарев краснеет и что-то несвязное бормочет в ответ.

...Вот уже минут пятнадцать Марина сидит за этим длинным столом в обществе четырех чекистов и никак не может понять: зачем, собственно, ее сюда пригласили?! Генерал расспрашивает о занятиях в институте, интересуется здоровьем мамы, ее работой, настроением.

— Я очень рад, что у вас дома все в порядке, что все тяжкое осталось позади... Ваша мама молодец. Передайте ей привет и наше пожелание доброго здоровья. А теперь хотелось бы несколько слов сказать вам, Марина... Вы, вероятно, догадываетесь, что пригласили вас сюда не только для того, чтобы угостить чашкой кофе. Мы не без вашей помощи провели нелегкую операцию. Распутали сложный узел. Ваша роль при этом была трудной. Жизнь вас не баловала с детства. Но вы на очень важном рубеже смогли подавить чувство страха и пришли к нам, отбросив сомнения, колебания... Спасибо вам за это. У нас, Марина, суровая служба. И веления ее суровы. Что поделаешь? Порой приходится подавлять проявление самых сильных человеческих чувств... Простите за это небольшое отступление. Полагаю, что вы меня поняли. Поняли, к чему все это сказано...

Генерал допил чашку кофе, встал с места, прошелся по кабинету и вскользь, словно только сейчас вспомнил, обронил:

— Мы тут вчера посоветовались с руководством и приняли решение вручить вам этот скромный сувенир. — И он протянул ей часики, на крышке которых было выгравировано: «Марине Васильевой — от друзей». — И еще один сувенир, на мой взгляд, куда более дорогой. Вот эти розы... Их уж пусть вам вручает Николай Андреевич. Впрочем, служебный кабинет — это не лучшее место для столь лирической акции. Бахарев сегодня свободен, и уж он сам решит, где их вручить. Николай Андреевич! Проводите, пожалуйста, Марину... А заодно постарайтесь помочь ей понять все, что осталось для нее еще неясным. Только не прибегайте, пожалуйста, к категорическим формулам, вроде: «Так надо было». Никому еще точно не известно, так ли надо было или чуть-чуть, самую малость, но не так. Во всем этом нам с вами еще надлежит разобраться позже. А пока не смею задерживать... Впрочем, я совсем забыл: у вас, Марина, могут быть просьбы, вопросы?

Она благодарно взглянула на высокого, скорее долговязого, обаятельного человека и покачала головой.

— Просьб нет, а вопросы... Что ж, вы, кажется, мудро все решили... И время поможет... Спасибо вам... И за сувениры... и за уроки...

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ.

Три черепа

ГЛАВА I

ИМЯ ПОСТРАДАВШЕГО НЕИЗВЕСТНО

На рассвете 21 июля 197... года служба 02 Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома работала без напряжения, хотя была суббота, а по субботам, как известно, количество происшествий возрастает сравнительно с будними днями.

Первое серьезное сообщение поступило в четыре часа двадцать восемь минут. Звонил, судя по голосу, молодой человек. Скороговоркой, немного волнуясь, он рассказал, что в кустах на бульваре генерала Карбышева лежит мужчина с разбитой головой; кажется, не дышит. Рядом валяется чемодан. Звонивший не назвал своей фамилии, сказал о себе — «ранняя пташка» и повесил трубку.

Дальше все шло быстро и четко, в соответствии с порядком, неоднократно описанным в книгах и показанным в кино.

Дежурный, немолодой уже полковник, связался по радио с ПМГ — подвижной милицейской группой, патрулировавшей на автомобиле квадрат, куда входил бульвар Карбышева, приказал разыскать лежащего в кустах мужчину и оставаться там до прибытия оперативной группы.

Затем полковник вызвал с первого этажа инспектора МУРа, возглавлявшего в эти сутки оперативную группу, изложил суть дела, и через три минуты в стоявший во дворе «рафик» вместе с инспектором сели следователь прокуратуры, судебно-медицинский эксперт, эксперт научно-технического отдела и кинолог с овчаркой (с некоторых пор проводникам служебно-розыскных собак присвоили такое звание, звучащее прямо как ученое, на что, впрочем, они не в обиде). Овчарку звали Кинг.

Через пятнадцать минут опергруппа приехала на место происшествия — там уже был экипаж ПМГ. Солнце давно взошло, утро выдалось ясное.

Началась обычная работа. Эксперт НТО сфотографировал с разных точек лежавшее среди кустов тело пострадавшего. Судебно-медицинский эксперт выяснил, что мужчина жив: пульс был слабым, нитевидным, но прощупывался явственно. У пострадавшего было всмятку разбито лицо — термин не медицинский, но лучше всего определявший картину: на месте лица образовалась запекшаяся кровавая лепешка, так что ни о каких чертах, по которым можно было бы узнать человека, не приходилось и говорить; нос был просто раскрошен и вдавлен — подробность натуралистическая, но что поделаешь, если при составлении протокола врач обязан придерживаться сугубой натуралистичности? Другая рана, на затылке, была еще серьезнее: череп пробит, вероятно, с кровоизлиянием в мозг. Хотя дыхание пострадавшего еле ощущалось, врач сумел определить, что в момент происшествия он находился в состоянии опьянения. Что касается времени происшествия, то по всем признакам оно произошло не менее как пять часов назад, то есть между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи. Орудием преступления послужил тяжелый плоский предмет.

Пока по рации вызывали «Скорую» с реанимационным оборудованием, кинолог пустил в работу Кинга. Ищейка сразу взяла какой-то след и повела за собою своего хозяина прямолинейно и скоро, на туго натянутом длинном поводке — к проспекту Жукова.

Осмотр места происшествия дал инспектору МУРа и дежурному следователю прокуратуры не очень-то много.

Пострадавшего ударили не там, где он лежал — об этом говорили две отчетливые полосы, видные в траве и начинавшиеся у пешеходной дорожки, пересекавшей бульвар,— след волочения. Никаких камней и других тяжелых предметов, которые могли бы послужить орудием преступления, вокруг не обнаружили, признаков борьбы — тоже.

Пострадавший одет в новый костюм неопределенного (булыжно-болотного, как подметил эксперт НТО) цвета, производства московской фабрики. Во внутреннем кармане пиджака лежал паспорт на имя Балакина Александра Ивановича, 1922 года рождения, уроженца города Воронежа. Прописан в городе П. Паспорт выдан там же совсем недавно, в декабре прошлого года. На фотографии изображен человек с пристальным и довольно мрачным взглядом из-под густых бровей. Карточка не переклеена. Определить на месте, принадлежит ли паспорт пострадавшему, не представлялось никакой возможности, ибо, как сказано, лицо последнего разбито.

В паспорт вложена телеграмма, вернее, полтелеграммы. Верхняя половина, где наклеивается адрес получателя, адрес и время отправления, оторвана. Текст короткий: «Приезжай двадцатого надо срочно поговорить Юра».

Листок потертый,— видно, что носили его не день и носили не в паспорте, а просто в кармане, иначе бы он не засалился.

Верхняя половина оторвана по сгибу, и бумага по линии разрыва лохматится. Разорвали телеграмму пополам не далее как вчера. Это ясно и без экспертизы.

Кем и куда было послано, установить трудно. Если бы приблизительно знать — «когда» и «откуда»... А так — безнадега. Если телеграмма послана из Москвы, то в Москве более шестисот отделений связи, а если считать, что каждое посылает хотя бы пятьдесят телеграмм в сутки — получается тридцать тысяч. А за сколько суток проверять?.. Нет, конечно, тут ничего невозможного нет, но кто же у граждан телеграммы принимать будет, если все станут ворошить старые послания?

Инспектор МУРа и следователь, разглядев обрывок телеграммы, понимающе переглянулись. Свежая линия разрыва наводила на кое-какие мысли... Да и содержание тоже.

Из другого кармана у пострадавшего извлекли носовой платок не первой свежести, белый в синюю клетку, из третьего — несколько двухкопеечных монет и бумажный рубль. И больше ничего в карманах не было.

В стареньком сером фибровом чемоданчике лежало чистое неглаженое нижнее белье — трусы и майки-безрукавки, две верхние глаженые белые рубахи, такие же, как и надетая на пострадавшем, мохнатое полотенце, несколько чистых носовых платков и целлофановый мешочек с безопасной бритвой и бритвенными принадлежностями.

Похоже, человек или собрался куда-то из Москвы, или приехал в Москву ненадолго.

— Виктор, будь другом: пальчики,— сказал эксперту НТО инспектор.

Тот присел на траву, открыл чемоданчик, взял у пострадавшего отпечатки пальцев.

Прибыла «Скорая». Ее врач и судебно-медицинский эксперт коротко посовещались, раненого осторожно подняли, уложили в машину, и «Скорая» умчалась в сторону Ленинградского проспекта.

Меж тем вернулся кинолог со своим Кингом.

— Ну что? — спросил инспектор МУРа.

— Привел к ресторану «Серебряный бор», Александр Александрович, уверенно привел.

— Думаешь, это его след? — Инспектор кивнул на примятую траву, где минуту назад лежал пострадавший.

— Скорей всего.

— Ладно, поработай еще.

Кинг взял другой след и опять повел на проспект маршала Жукова.

Дежурный следователь начал составлять протокол осмотра места происшествия.

В половине седьмого опергруппа вернулась на Петровку, вернее, в 3-й Колобовский переулок, где находится дежурная часть ГУВД Мосгорисполкома. Кингу ничего больше распутать не удалось: слишком было натоптано на бульваре генерала Карбышева. Но он и без того дал примечательную нитку: если окажется, что след с бульвара, приведший к ресторану «Серебряный бор», принадлежит пострадавшему,— это уже кое-что.

Старший инспектор Московского угрозыска майор Алексей Николаевич Басков поступил в МУР семь лет назад, и путь его был в некотором смысле типичным. После службы в армии, в ракетных войсках — спецшкола милиции. Потом работал инспектором угрозыска в районном отделении, учился на юридическом факультете МГУ. Окончил — взяли в МУР.

За прошедшие годы ему пришлось расследовать разные преступления, и, надо полагать, справлялся он неплохо, если через пять лет ему стали поручать самые сложные дела.

Не будем лукавить и рисовать идеальный портрет сыщика, который в свободное время ездит на этюды и создает прекрасные пейзажи маслом, играет на фортепьяно, саксофоне и арфе, имеет абонемент в Большой зал консерватории, первый разряд по шахматам, свободно изъясняется по-английски, по-французски и на языке суахили, любит собак, кошек, всех четвероногих вообще и каждую весну собственноручно вешает на старой березе возле дома скворечник, не пьет, не курит, не... Однако остановимся и скажем: все это великолепно, но не попахивает ли прямо-таки апостольской святостью? И не завянет ли букет живых цветов на столе, когда в комнату войдет такая устрашающе добродетельная личность? И как, простите, при таких изящных задатках да еще работать в уголовном розыске?

У Алексея Баскова есть увлечения: он любит читать — классику и современные детективы — и смотреть хоккей, но, если бывает возможность, не по телевизору, а с трибуны Дворца спорта в Лужниках, куда берет с собою сына Сашку, первоклассника. Басков курит, предпочитая сигареты «Ява» московской фабрики «Ява»; он и выпить может по достойному поводу, предпочитая водку, но в меру, конечно, в меру. Короче: как принято выражаться в подобных случаях, ничто человеческое ему не чуждо. А более всего он любит своего сына, жену Марию, которая работает инженером-экономистом, и свою работу.

Баскову тридцать восемь лет. Он среднего роста, крепко сложен, вполне здоров и обладает одним из иконописных данных идеального сыщицкого образа — у него первый разряд по борьбе дзюдо. В жизни он придерживается правила, сформулированного кем-то из великих писателей (Басков не помнит, кем именно): предполагай, что хочешь, но верь только опыту.

Профессия выработала в Баскове умение не спешить с выводами и не полагаться на субъективное впечатление. Соприкосновение с носителями людских пороков несколько поубавило его природный оптимизм, но не испортило добродушного характера.

Таков в самых общих чертах человек, которому поручили дознание по происшествию, случившемуся на бульваре Карбышева. И еще надо сказать, что он научился с иронией смотреть на многие стороны бытия и обрел способность почти ничему не удивляться. Но это не имело ничего общего с той притворной, показной манерой лениво, как бы между прочим щеголять невозмутимостью и всезнайством перед неразвитыми, но убийственно опытными и рано состарившимися девочками, той манерой, которой помечены нагловатые молокососы из некоторых — нетипичных, конечно! — семей, где отпрыскам еще при их появлении на свет обеспечены дача с финской баней, автомобиль «Жигули», фирменные штаны «ливайс» и шапка из рыси (если отпрыск капризно откажется от норковой шапки и даже от шапки Мономаха), не говоря уж о твердых гарантиях насчет поступления в любой из гуманитарных вузов...

К двенадцати часам дня Басков располагал ценными сведениями.

Во-первых, по представлению УВД из города П. еще 28 мая Балакин объявлен во всесоюзный розыск — он подозревается в крупном ограблении (вкупе с неким Петровым Михаилом Степановичем).

Во-вторых, Александр Иванович Балакин, чей паспорт обнаружили в кармане у потерпевшего, не кто иной, как вор-рецидивист редкой по нынешним временам специальности: он вскрывал сейфы, точнее, небольшие несгораемые ящики, и всегда выбирал мелкие объекты, вроде колхозных или совхозных бухгалтерий, райпотребсоюзов и т. п. Первая судимость — в 1940 году, последняя, шестая, в 1969-м. Отбывал наказание в колонии строгого режима на Северном Урале. Освобожден в ноябре прошлого года (как узнает Басков позже из полученной из города П. справки, вел себя Балакин хорошо, сам выходил на работу и заставлял выходить всех, кто жил в бараке, который Балакин «держал»). Несколько раз менял фамилии. Кличка — Брысь. Между прочим, последнюю кражу, за которую его судили, совершил он в Московской области и задержали его сотрудники областного угрозыска,— значит, на улице Белинского должно быть дело на Балакина.

Басков позвонил в Управление внутренних дел Мособлисполкома, договорился, предупредил секретаршу отдела, что часа через два придет с улицы Белинского пакет. А потом послал по телетайпу запрос в город П., чтобы сообщили подробности, связанные с ограблением совхозной кассы и с пребыванием Балакина в городе.

В-третьих, точно установлено, что потерпевший — не Балакин. В картотеке имелись отпечатки пальцев Балакина. Дактилоскопическая экспертиза, сравнившая отпечатки, взятые у потерпевшего, с балакинскими,— не гаданье по руке, а неопровержимый научный факт.

Получив эти данные, Басков понял, что ему предстоит распутывать сложное дело, можно сказать, из ряда вон. Почему?

Он рассуждал так. Исходная посылка: у неизвестного гражданина находят паспорт рецидивиста. Характер ран показывает, что: а) нападавший покушался на убийство и б) при этом хотел обезобразить лицо своей жертвы настолько, чтобы его невозможно было распознать. Если выдвинуть предположение, что это сделал Балакин, оно тут же разбивается о вряд ли подлежащий сомнению довод: у матерого вора по кличке Брысь, которого несчетно раз фотографировали анфас и в профиль на белом фоне и у которого столько же раз брали отпечатки пальцев и ладоней, хватит ума сообразить, что попытка выдать за себя кого бы то ни было путем подмены паспорта обречена на провал. Басков отлично знал, что вор, подобный Брысю, скорее позволил бы какому-нибудь фраеру плюнуть себе в физиономию, чем пойти на такой убогий фраерский прием.

Нет, Басков не мог поверить, что нападал Балакин. И что кто-нибудь другой, но по его наущению — тоже маловероятно, и по той же причине.

Но тогда — кто? Безусловно одно: только тот, кто каким-то образом заполучил паспорт Балакина.

В таком случае преступник, если он намеревался с помощью чужого паспорта направить следствие по ложному пути,— малоопытный индивидуум, не знакомый с возможностями уголовного розыска.

Это обязывающий вывод. Но не обязательно верный. Нельзя исключать, что тут все-таки петляет сам Балакин...

Майор Басков не был педантом, но в некоторых определенных ситуациях строго придерживался предписанной формы. Положив перед собой блокнот, он принялся составлять план следственных действий.

За этим занятием и застал майора Марат Шилов, стажер, проходивший у него практику. Шилов вернулся из больницы, где в нейрохирургическом отделении пострадавшему сделали операцию на черепе. «Склеили, как разбитую чашку»,— сказал излишне взволнованный Марат. Он привез окончательное заключение медицинской экспертизы, самый печальный пункт которого констатировал, что ранение затылочной части вызвало кровоизлияние в мозг с поражением жизненно важных центров и полным параличом. Прогноз неутешительный.

В заключении говорилось, что неизвестному примерно пятьдесят пять — пятьдесят восемь лет от роду. Из особых примет: осколочное ранение правого бедра с повреждением кости и зажившим остеомиелитом, вероятно, полученное во время войны; на левом запястье, с внешней стороны — бледно-синяя татуировка в виде черепахи.

— Пусть сфотографируют черепаху,— не поднимая глаз от бумаги, сказал Басков.

Марат кинулся к двери.

— Подожди,— остановил его майор.— Садись.

Марат сел к низкому столику.

Дочитав заключение медиков, Басков сказал ворчливо:

— Не бегай. Ты не на палубе военного корабля. Слушай.— Басков закурил.— Скажешь в лаборатории о черепахе, а потом вот что...— Басков протянул ему паспорт Балакина.— Попроси быстренько сделать с этого карточку покрупнее, девять на двенадцать, пусть дадут штучки три посторонних портретов, ну, сам понимаешь, для опознания... Поедешь в ресторан «Серебряный бор», возьмешь адреса официанток вчерашней смены... И буфетчицы тоже... Разыщи всех, предъяви карточки... Может, признают этого.

Шилов вскочил.

— Не суетись,— осадил его Басков, выкладывая на стол из серого фибрового чемоданчика белье.— Захвати чемодан, покажи... Не вспомнят ли вчерашнего посетителя с таким серењким... Если там гардероб летом не работает, сдавать ручную кладь некуда, в зал несут...

Марат Шилов, взяв чемоданчик и паспорт, покинул кабинет — все-таки почти бегом,— а Басков позвонил дежурному по райотделу милиции Ворошиловского района и попросил его передать настоятельную просьбу начальнику угрозыска, чтобы срочно связался с ним, Басковым. И правила и простой здравый смысл требовали, чтобы районные его товарищи подключились к расследованию и проверили, не замешаны ли тут местные, обитающие на территории района лица, сомнительные по части уголовной. Начальник районного угрозыска позвонил через несколько минут. Басков подробно изложил ему все, что было известно о происшествии на бульваре Карбышева, и они условились о контактах.

Теперь оставалось составить телеграмму. К сожалению, о неизвестном пострадавшем можно было сказать только, что это мужчина 55—58 лет, особые приметы — татуировка в виде черепахи (просьба сообщить, не было ли заявлений об исчезновении мужчин этого возра-

ста). О рецидивисте Балакине Александре Ивановиче все известно, кроме его нынешнего местопребывания. Надо объявить розыск в связи с новым делом.

Телеграмма эта еще до часу дня будет получена в отделах и управлениях внутренних дел, где стоят телетайпы, то есть в сотнях городов Советского Союза. Оттуда ее передадут по иным каналам в малые города, городки, поселки, и уже сегодня к вечеру в дело включится милиция всей страны. Когда Басков представлял себе, как срабатывает этот механизм, у него появлялось такое чувство, словно он обладает сверхъестественной способностью, не покидая собственного кабинета, окунуть руку в студеную воду Берингова пролива.

Отослав перепечатанную и подписанную телеграмму в телеграфный зал, Басков собирался спуститься в буфет, пожевать чего-нибудь, потому что утром, уезжая из дома, ничего не поел, не хотелось. Но тут явился курьер с улицы Белинского, из областного УВД. Басков расписался в получении дела Балакина, поблагодарил курьера, раскрыл папку, начал читать подшитые бумаги и скоро забыл о том, что проголодался.

Из протокольных записей даже при небольшом воображении можно было выстроить всю судьбу вора Балакина, такую злую и крученую, что хватило бы и на роман и на сотню кошмарных снов, от которых заходится сердце. Но Баскова особенно поразила одна ничтожная деталь — ничтожная при любой иной комбинации, но не при той, что выпала ему сейчас.

В деле среди особых примет имелось скрупулезное описание татуировок. Балакин-Брысь носил на своей коже портативную картинную галерею и целый свод прописных воровских истин, ни одну из которых составители катехизиса ни за что на свете не рискнули бы занести в свое сочинение. Басков буквально застыл, наткнувшись в этом пространном каталоге на черепаху. За всю свою практику он впервые встретился с такой наколкой сегодня, час назад, когда читал принесенное Маратом Шиловым медицинское заключение о неизвестном пострадавшем. И вот — вторая черепаха. Каждый бы подумал, что это неспроста, что не случайно сползлись эти два симпатичных пресмыкающихся на бульваре Карбышева.

Басков, разумеется, не верил ни в бога, ни в черта, хотя его любимой клятвой, когда приходилось в чем-нибудь поклясться, была божба, перенятая им еще в юности у отцова друга, старого матроса, звучавшая странно для убежденного материалиста, если не считать двух ее последних слов: в горб, в гроб, в гардероб, в Христа-спасителя, в его веру и в метрические меры. Но теперь он задумался.

Подобно тому как человеку, долго бредущему в густом тумане, начинают мерещиться в клубящихся белых космах очертания знакомого дома или дерева, так Баскова начинало охватывать ощущение, что над этими двумя черепахами клубится некая давняя тайна, скрытая от его глаз, но будто бы чем-то ему знакомая. Он попробовал себя охладить: мол, начитался ты Эдгара По, подсознательно возник золотой жук — вот и никакого тумана, простейшая логическая цепочка. Но опять задумался, и голубые черепахи, вытатуированные на руках у двух разных людей, представились ему путеводным знаком, в который он должен верить...

— Мистика какая-то,— сказал он вслух самому себе, что случалось с ним не часто, положил папку в сейф и вышел из кабинета. Черепахи черепахами, а поесть все же надо...

Вернувшись, он снова взял дело Балакина. Но не успел еще выкурить и полсигареты, как телетайпы принесли телеграмму из города П.

Она была длинная, и каждое слово оказалось для Баскова немаловажным — это были свежие сведения, которые отсутствовали, как понятно, в старом деле Балакина, привезенном с улицы Белинского. Вот что в ней сообщалось.

Балакин Александр Иванович, 1922 года рождения, освобожденный в ноябре прошлого года, имевший положительную характеристику из колонии, где отбывал наказание, получил паспорт и был прописан в П. временно, на площади владельца частного дома, в декабре того же года. Тогда же поступил работать в пригородный совхоз плотником.

27 мая этого года, вернее, в ночь с 27-го на 28-е, с воскресенья на понедельник, была ограблена совхозная касса. Охранника оглушили ударом в затылок и связали; нападавших он не видел. Взято 23 тысячи рублей. У охранника отобран пистолет системы ТТ с девятью патронами.

Балакин в понедельник на работу не явился. Произведенным дознанием выяснено, что он ушел из дому вечером 25-го и с тех пор исчез. Учитывая квалификацию Балакина и сообразуясь с обстоятельствами происшедшего, областное управление внутренних дел предприняло меры по его задержанию, но безуспешно, ввиду чего был объявлен всесоюзный розыск.

В ограблении подозревается также Петров Михаил Степанович, по кличке Чистый, 1946 года рождения, судимый за ограбление квартир и организацию преступной группы, отбывавший наказание одновременно с Балакиным, освобожденный из той же колонии двумя неделями позже, живший после освобождения вместе с ним в П. и работавший грузчиком речного порта.

Дальше шло подробное описание того, каким способом был вскрыт несгораемый ящик. Басков уже знал почерк Балакина по делу, присланному из областного УВД, которое он только что прочел. Совпадение оказалось полное...

Итак, перед Басковым появился еще один объект — Петров по кличке Чистый. Какое отношение имеет он к происшедшему на бульваре Карбышева? Может, самое прямое, а может, никакого.

Хорошо бы, конечно, узнать, кто такой этот Юра, пославший неизвестному пострадавшему телеграмму с просьбой приехать. Но это, увы, из области сослагательного наклонения. Если бы во рту росли грибы... Этого «если бы» Басков терпеть не мог.

Он так и этак поворачивал и сопоставлял известные ему факты, но всякий раз получались разноцветные неубедительные сочетания, как в калейдоскопе — хоть и симметричные, но все-таки случайные. Чуть повернешь трубочку — узор совсем другой.

По правде сказать, он был довольно нетерпелив. И иногда слишком многого от себя хотел, не имея на то оснований. Бывало, что чему-нибудь по всем правилам надлежало совершиться завтра. А он подгонял события, хотел, чтобы совершилось сегодня. Басков отлично понимал, что насиловать естественный ход событий — легкомысленное занятие, но не всегда умел сдерживать себя...

Зазвонил телефон. Басков ждал звонка Марата, но это оказался начальник МУРа.

— Ну, что у тебя? — был вопрос.

— Есть новенькое, Олег Александрович...— И Басков рассказал о сообщении из города П.

— А пострадавший жить будет? — спросил начальник.

— Состояние тяжелое, но, кажется, не умрет.

— Будем надеяться... Тебе помощь не нужна?

— Да пока обойдусь.

— Ну, желаю... До понедельника.

— Всего хорошего, Олег Александрович.

Положив трубку на аппарат, Басков решил было пойти погулять на улицу, в сад напротив, но стояла жара, а в кабинете у него не жарко, и Басков раздумал. Часы показывали четверть пятого... Поболтать бы с Сашкой, но сын и жена уехали к его старикам на дачу, в Востряково. Марату возвращаться еще рановато...

Басков сел в мягкое кресло, стоявшее спинкой к окну, и, тасуя и перетасовывая в уме похождения Балакина, незаметно для себя уснул.

Разбудил его звук громко захлопнутой двери — в дверях кабинета стоял возбужденный Марат.

— Есть, Алексей Николаевич!

Басков нарочито неспешно растер пальцами затекшую шею, пересел за стол, закурил сигарету и только тогда спросил:

— Что есть?

Марат поставил серый фибровый чемоданчик на подоконник, вынул из него пачку фотографий, из пачки выдернул портрет Балакина и сказал почти радостно:

— Его никто не узнал.

— Так чего же ты ликуешь?

— Чемодан узнали.

— Погоди, давай-ка по порядку. Садись и рассказывай.

Марат неохотно, но все же сел.

— Значит, так... Достал адреса... Начал с официантки, которая поближе живет... Не повезло — уехала с подругой на Москву-реку купаться... Зато со второй сразу повезло... Показал снимки — таких, говорит, вчера не было... Говорю про чемодан, она на него посмотрела и говорит: точно, сидел у нее вчера за столиком гражданин с таким вот чемоданчиком. Пил водку, закусывал ветчиной. Она его запомнила, потому что он несколько раз спускался вниз, объяснил, что ему по автомату звонить надо. Наверно, неудачно...

— Почему?

— Она говорит, расстроенный был, мрачный.

— Много пил?

— Она говорит, граммов четыреста.

— Как выглядел?

— Вот, я записал.— Марат достал из кармана блокнот, полистал его и раскрытым протянул Баскову.

Запись была краткая: «Шатен, глаза серые, нос прямой, лоб морщинистый, лицо бледное. Лет — приблизительно пятьдесят пять. Голос низкий. Производит впечатление интеллигентного человека».

— Долго он сидел? — спросил Басков.

— Часа два или три.

— Про жизнь разговора не было?

— Она же сказала, Алексей Николаевич: он не в духе был. Даже с соседями по столику — ни слова. Она очень наблюдательная оказалась.

— Официантки вообще народ наблюдательный. Что дальше?

— Он когда звонить выходил, чемоданчик с собой брал. А официантке сразу задаток дал — двадцать пять рублей.

— Сколько же раз выходил?

— Пять или шесть.

— А когда совсем ушел?

— Вот тут-то и интересно, Алексей Николаевич. Она говорит, расплатился он примерно в половине одиннадцатого, она сдачу отсчитала, он оставил рубль на чай и ушел. И не очень пьяный был. А уже перед самым закрытием она его увидела у окошка буфетной, где спиртное выдают. Значит, где-то с часик побродил, а потом решил добавить.

— Буфетчицу ты навестил?

— А как же! От официантки — прямо к ней. Пожилая такая женщина, но память тоже хорошая.

— Ну-ну... И что она запомнила?

— Чемоданчик четко узнала. Портрет описала точно так, как и официантка. Он попросил налить двести коньяка, объяснил, что торопится, и за столик уже поздно было садиться. Ну, она велела ему из мойки фужер принести, налила, он выпил, минералкой запил.

— Между прочим, откуда он деньги доставал, когда расплачивался? Бумажник у него был? Или как?

Марат улыбнулся, довольный собой.

— Это я тоже догадался спросить. И официантка и буфетчица точно запомнили: просто из кармана вынимал, из правого брючного кармана.

Басков взял карандаш, вырвал из настольного календаря — откуда-то из апреля — неисписанный листок.

— Давай теперь посчитаем,— сказал он.

Марат поднялся со стула, встал у него за правым плечом.

— Предположим, в буфете пил он пятизвездочный коньяк. Сколько это будет?

— Там же с наценкой. Сто граммов — трешник.

— Так. Пишем: шесть рублей. Плюс четыреста граммов водки по рупь двадцать. Пишем: пять рублей. Кладем на закуску два рубля, плюс — на чай. Итого — четырнадцать. Что же получается?

— А что, Алексей Николаевич? — не понял Марат.

— Протокол осмотра места происшествия читал?

— Читал.

— Сколько там у него в карманах денег нашли?

— Рубль, кажется.

— Вот именно — всего лишь рубль, один целковый. А должно быть по крайней мере десять. Ведь он с официанткой четвертным расплачивался. Так?

— Так, Алексей Николаевич.

— Тебе это ни о чем не говорит?

— Обчистили до копейки. Значит, нападение с целью ограбления?

— Ну, сам понимаешь, игра с паспортом тут, наверно, не последний момент, но деньги нападавшему тоже нужны были.

Марат заговорил тихим, словно извиняющимся голосом, как делал всегда, когда осмеливался выдвигать собственные соображения.

— Алексей Николаевич, а если предположить, что никакой игры с паспортом не было? Может, он сам его присвоил...

Басков взглянул на Марата с любопытством.

— Предположить, конечно, можно, да нам с тобой лучше от этого не будет... Все равно личность установить надо, личность... И Балакина разыскать... И этого Чистого...

Марат задумчиво покивал головой.

— Да-а, тяжелый случай.

— Бывает хуже, но редко. А главное, дорогой мой Марат, тут есть какая-то особая тайна, и просто так ее не ухватишь.

Басков достал из сейфа дело Балакина, дал его Марату.

— Вот почитай-ка одно место. Про татуировки. Еще одну черепаху найдешь... Это, брат, загадочка первый сорт...

Марат читал, а Басков ходил из угла в угол.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул Марат, дойдя до черепахи.— Это же целый... целая...— Марат никак не мог подобрать нужного слова. Наконец нашел: — Это же целая головоломка.

— И опять же нам не легче,— сказал Басков, убирая дело.— Ладно, Марат, иди гуляй. До понедельника...

Было без двадцати девять, когда Басков вышел на улицу и пешком отправился домой. Начинало смеркаться, но жара еще не спáла, дышалось на асфальте тяжело, и шел он неторопливо, так что к себе на Новослободскую попал к девяти.

Разделся, постоял под душем. Потом вскипятил чайник, заварил свежего чаю, открыл банку домашнего, еще прошлогодней варки, черносмородинового варенья и только собирался предаться желанному чаепитию, как зазвонил телефон.

Говорила старшая смены из телеграфного зала Нина Александровна.

— Извините, что беспокою, Алексей Николаевич. Только что получили телеграмму. По-моему, вам интересно будет.

— Сейчас приеду.

Он все-таки выпил большую кружку чаю, прежде чем отправиться на Петровку.

Телеграмма пришла из одного большого зауральского города, от начальника областного управления внутренних дел:

«Имею основания полагать, что могу быть полезен установлении личности пострадавшего имеющего татуировку виде черепахи. Близко знал Балакина Александра Ивановича. Полковник Серегин».

В ответ была отправлена телеграмма за подписью заместителя начальника ГУВД Мосгорисполкома генерала Виктора Антоновича Пашковского. Она гласила:

«Ждем понедельник. Просим позвонить майору Баскову...» — и дальше номер домашнего телефона Баскова.

Продолжение следует.

Три черепахи

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА II

ТРЕТЬЯ ЧЕРЕПАХА

Строго рассуждая, родословная решительно всех людей на свете, будь то короли или обыкновенные землепашцы, растет из одного корня. Он уходит в глубину веков, а если все же допустить, что прародителями человеческими были Адам и Ева, то у коронованных особ вообще нет никаких оснований чваниться своей родовитостью. Самое большее, чем они могут гордиться — так это предприимчивостью своих ближайших предков, умевших делать карьеру. А если принять во внимание, что карьеры венценосцев, как правило, делались с применением весьма сомнительных средств, то их потомкам более приличествовало бы не гордиться, а испытывать острый стыд, однако этого почему-то не бывает.

Большинство честных, работящих, так называемых простых людей знают свою родословную в лучшем случае до прадеда и прабабки, но это вовсе не означает, что все они — Иваны, не помнящие родства. Это означает, что их личная родословная растворена в истории народа. А общая народная память надежнее любых метрических выписок. У Твардовского очень верно сказано: «Мы все — почти что поголовно — Оттуда люди, от земли, и дальше деда родословной Не знаем: предки не вели...».

Правда, у каждого наступает в жизни такой момент, когда хочется пробиться в глубь прошлого ниже того пласта, где лежат прадедовы кости. Но если у человека есть дети и внуки, он больше думает о потомстве, а о предках — лишь мимолетно, и в этом заключен глубокий благословенный смысл...

...Так размышлял Анатолий Иванович Серегин под плотный ровный гул двигателей самолета ИЛ-62, полулежа в откинутом кресле и закрыв глаза, на высоте девять тысяч метров. У него была давно укоренившаяся привычка: если он о чем-нибудь задумывался, то обязательно старался определить начало той цепочки ассоциаций, которая привела его именно к этому предмету, а не к какому-нибудь другому. Вот и сейчас он спросил себя: с чего это вдруг ему в голову пришла мысль о родословных? Стал докапываться, раскручивать в обратном порядке и нашел.

Летел он в Москву по делу, в котором фигурировали Сашка Балакин и, как говорило ему предчувствие, другой его друг детства. Все трое были они равны, что называется, по происхождению и сделаны вроде бы из одного теста, а взять хотя бы его, Серегина, и Балакина... Уходили они во взрослую жизнь из общего гнезда и вот разошлись, как две линии, прочерченные из одной точки под тупым углом. От происхождения, вероятно, и перешла его мысль к родословной...

Анатолий Иванович Серегин в свои пятьдесят пять лет не испытывал потребности добираться до самых корней собственного генеалогического древа. Во-первых, потому, что у него росли уже два внука, и, согласно его же разумению, ему следовало заботиться о будущем. Во-вторых, у начальника областного управления внутренних дел нет времени копаться в материях, которые он сам называл потусторонними.

Однако историю своего рода полковник милиции Серегин знал хорошо (в согласии с его самодеятельной теорией — до прадеда включительно) и постарался, чтобы его сын и дочь тоже ее запомнили. Он питал тайную надежду, что и внуки его узнают ее из уст своего деда,— ведь им уже по три года, а Серегин рассчитывал еще пожить лет, скажем, десяток, хотя сердце порой и пошаливает.

Прадед его родился где-то между 1815-м и 1820 годом и был крепостным пензенского помещика. Он ставил избы, клал печи, ладил сани и коляски. В 1857 году Никита Серегин получил вольную — за то, что вынес из горящего помещичьего дома господских детей. Как говорил полковнику Серегину его дед Дмитрий Никитич, об этом имелся документ да потерялся где-то. Дед держал лавку скобяных товаров в Благовещенске — следовательно, был уже, так сказать, представителем мелкой буржуазии. А отец, Иван Дмитриевич, окончив реальное училище, в 1914 году вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию и стал профессиональным революционером.

Об отце своем полковник Анатолий Иванович Серегин мог бы поведать много — не хватит времени рассказать и сотую долю, пока реактивный лайнер летит от зауральского города до Москвы. Если же отмечать только ключевые события, довольно будет нескольких строк. В 1934 году Ивана Дмитриевича назначили начальником цеха на металлургический завод в городе Электрограде, где ему дали двухкомнатную квартиру в двухэтажном бревенчатом доме — первую в его жизни отдельную квартиру. Его сыну Анатолию было тогда десять лет.

Осенью 1941 года часть завода, в том числе цех Серегина, эвакуировали на восток, и из этой части вырос во время войны самостоятельный завод, директором которого до самой своей кончины, до 1969 года, был Серегин.

Анатолия Серегина, родившегося в 1924 году, призвали в армию в сорок втором. Анатолий бредил и грезил разведкой, что было слегка наивно для стриженного под ноль и еще не начавшего бриться новобранца. Но желание его почти осуществилось — с маленькой поправкой. Он попал в ОМСБОН — Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (отец посодействовал, обратившись к давнему своему товарищу по чекистской работе). Серегина научили подрывному делу и еще многому, что необходимо уметь диверсанту, действующему в глубоком вражеском тылу. Потом, в начале 1943-го, их сбросили на парашютах в одном из районов Правобережной Украины, и полтора года Анатолий ходил по тылам оккупантов, рвал рельсы, бензосклады, минировал шоссейные дороги. Всякое бывало — и бои в окружении, и ночные налеты на железнодорожные станции, и быстрые отходы перед подавляющими силами карателей, когда невозможно даже схоронить убитых друзей. Анатолия ранило три раза, но ему везло — пули попадали в ноги, и только в мягкие ткани. Его наградили орденом Славы III и II степени и медалью «За отвагу».

В декабре 1945-го его демобилизовали, как имеющего три легких ранения, и он уехал в Сибирь, домой, к отцу с матерью. До осени 46-го отдыхал (вернее, заново проходил десятилетку — по учебникам, по школьным своим тетрадям), а осенью поступил на юридический факультет Московского университета — приняли его вне конкурса, демобилизованным тогда установили льготы. С этого момента биография его во многом напоминает биографию майора Баскова, но с учетом семнадцатилетней разницы в возрасте...

Так что, можно сказать, не совсем случайно судьба свела их в аэропорту Домодедово, где майор Басков встречал полковника Серегина.

Как они условились накануне по телефону, майор ждал Серегина в комнате милиции.

Когда поздоровались и назвали себя по фамилии, Басков, увидев, что Серегин держит в руке довольно тощий портфель, несколько удивленно спросил:

— Вы вот так, налегке, товарищ полковник?

— Меня зовут Анатолий Иванович,— улыбнувшись, сказал Серегин. Ему хотелось сразу задать нужный тон, показать, что он тут не начальник, а товарищ Баскову.— Я ненадолго.

— Извините, Анатолий Иванович, я подумал: если ваши предположения окажутся верными... Ну, насчет пострадавшего... с черепахой...

— Тогда я вам действительно буду полезен, тогда придется задержаться... Ну да ничего.— Он похлопал по портфелю.— Пара белья и рубаха у меня есть. А костюм, как видите, новый, чувствую себя в нем, как пес в намордник.

Баскову сделалось легко с этим незнакомым человеком, старше его и летами и званием.

— В таком случае прошу, Анатолий Иванович.— Басков толкнул дверь, пропуская Серегина впереди себя, и они пошли к ожидавшей их машине.

Шагая сбоку и чуть позади, Басков оглядел полковника, который, видно, и вправду испытывал неуютность в своем необношенном, с иголочки, синем костюме. Он был на полголовы выше Баскова и немного грузноват; волосы, еще густые, из-за седины были цвета перца с солью; лицо странно не гармонировало с фигурой — при такой комплекции, кажется, полагались бы круглые твердые щеки и мясистый подбородок, а меж тем лицо у Серегина было сухое.

В общем, внешность полковника по первому впечатлению внушала Баскову симпатию. А главное, ему понравилось, как это он сказал своим глуховатым низким баритоном про пса в намордник...

— Вы чего это меня сопровождаете? — добродушно-насмешливо сказал Серегин.— Я же не знаю, куда идти, вам положено гостю дорогу показывать.

— Еще раз извините, Анатолий Иванович.— Басков зашагал вровень.

— Вас как зовут?

— Алексей.

— А по батюшке?

— Можно без батюшки.

Продолжение. См. «Огонек» № 12.

— Ну быть посему, так удобнее.

Басков подумал, что ведет себя с этим симпатичным полковником примерно так, как Марат с ним, Басковым, но не почувствовал при этом укола своему самолюбию. Он и переднюю дверцу машины открыл перед Серегиным с удовольствием. Но Серегин, поздоровавшись с шофером, сказал:

— Давайте на заднее... Попросторнее...

Машина выскочила на шоссе и покатила к Москве.

— Номер в гостинице вам забронирован,— сказал Басков.

— Где?

— «Будапешт».

— Это хорошо... Недалеко...— Серегин имел в виду, что недалеко от Петровки, 38.— Живал там...

— Значит, сейчас прямо туда, а завтра...— начал было Басков, но Серегин мягко перебил его:

— А что мне там делать? Сколько сейчас по-московски?

— Ровно пятнадцать.

— Вот видите, я на запад летел, четыре часа выгадал. Надо употребить их на пользу.— Он показал Баскову свои наручные часы, на которых часовая стрелка упиралась в цифру 7.— Кстати, переведем-ка их.

— Но вам отдохнуть не мешает.

Серегин провел тыльной стороной руки по подбородку.

— Не устал... А вот щетинку срубить действительно не мешает. Я ведь брился, если по-московски, в три часа ночи, а по-нашему в семь утра.

Басков предложил:

— Знаете что, Анатолий Иванович, поедемте ко мне. Сын на даче, жена на работе. Побреетесь, перекусим малость, машина нас подождет...

Серегин согласился:

— Ну что ж, годится.

— На Новослободскую, Юра,— сказал Басков шоферу.

Басков понял, что с полковником Серегиным ему работать будет ловко и просто.

...На бритье и обед ушло полчаса.

— Ну, пора зарплату отрабатывать,— сказал Серегин, вставая из-за стола.— Спасибо за хлеб-соль.

— С чего начнем?

Серегин кивнул на груду тарелок в раковине.

— Посуду помыть надо.

— Жена управится.

Серегин серьезно посмотрел на Баскова.

— Я хотел бы взглянуть на пострадавшего.

— Там ведь, Анатолий Иванович, лицо — в крошку.

— Имею в виду наколку...

Без четверти шесть они, одетые в белое (даже ноги в белых полотняных бахилах), вошли в палату, где лежал пострадавший.

Нет, лежал — сказано неправильно. Он был подвешен в воздухе на некоем подобии гамака, растянутого между четырьмя никелированными металлическими стойками. Обритый череп блестел, как старый пожелтевший бильярдный шар. Укрытое до пояса простыней тело с обнаженным торсом было обвито разноцветными эластичными трубками, тонкими, как телефонный провод, и толщиной в мизинец. Трубки и трубочки змеились от ног из-под простыни, от рук, лежавших вдоль тела. Три трубочки, короткие, как стержень шариковой ручки, торчали из того запекшегося месива, которое должно было называть лицом,— две на месте ноздрей и одна на месте рта. Голова поддерживалась системой резиновых лент, проходивших под шеей. В изголовье стоял большой стеклянный шкаф без задней стенки, заполненный на разных уровнях стеклянными же и никелированными сосудами, соединенными между собой сетью стеклянных трубок,— это было похоже на действующую модель какого-то сложного химического производства, показываемого в разрезе. В изножье стоял пульт, напоминавший приборную панель автомобиля, на нем горели красные, желтые, зеленые глазки индикаторов. В углу, подобный торпеде, тяжко утвердился голубой баллон с кислородом. Пахло лекарствами и чуть ощутимо — кровью.

В общем, зрелище было не для слабонервных, у впечатлительного человека, вероятно, закружилась бы голова, и пришлось бы ему дать понюхать нашатыря. Но те, кто пришел сюда сейчас, увы, видали и не такое. Они были невозмутимы.

Серегин обернулся к сопровождавшему их доктору и тихо, словно боясь разбудить спящего, спросил:

— Можно мне поглядеть?.. Левую руку...

— Больше всего мы боимся инфекции,— так же тихо ответил доктор.— Но вы почти стерильны... Только недолго...

Серегин приблизился к гамаку, присел на корточки и посмотрел на запястье левой руки казавшегося бездыханным человека — он лежал левым боком к вошедшим.

Синяя черепашка величиной с грецкий орех, с панцирем в клеточку, как шахматная доска, с затушеванными всплошную лапами, головой и хвостиком, ползла от кисти к локтю по лимонно-желтой истончившейся коже.

Серегин поманил доктора и Баскова.

— Прошу вас, на минутку.

Они подошли, наклонились.

Серегин показал на полусжатую левую кисть пациента и сказал доктору:

— Мне надо посмотреть на указательный палец.

— Это нетрудно,— сказал доктор и распрямил кисть.

Серегина интересовала первая фаланга указательного пальца.

— Вот, видите шрамик? — прошептал он Баскову.

На первой фаланге белела тонкая нитка шрама, скобой охватывавшая палец от основания ногтя до центра подушечки.

Доктор пригляделся внимательнее и сказал:

— Очень давняя травма. Вероятно, в детстве.

Серегин выпрямился, довольный.

— Совершенно верно, доктор. Это было еще до войны. Спасибо, мы пошли.

В коридоре Басков спросил у доктора:

— Как он?

— Вы знаете, будем надеяться на лучшее. Очень здоровое сердце.

— В медицинском заключении есть печальные выводы...

— Относительно паралича и прочего? — уточнил доктор.

— Да.

— Сейчас невозможно предсказать, но, видите ли, в нашей практике бывали случаи и тяжелее, однако все постепенно компенсировалось.

— Благодарим вас, доктор...

В машине Серегин долго молчал. И сигарету, предложенную Басковым, взял и прикурил, не поблагодарив. На несколько минут он совершенно преобразился, потеряв всю свою добродушную общительность, словно недолгое пребывание там, в палате, что-то переключило в нем на совсем другую волну.

— Вот как оно бывает в жизни,— наконец прервал молчание Серегин.

Он вздохнул при этом так печально, что Басков не решился задавать соболезнующие вопросы. Подъезжали к Белорусскому вокзалу, нужно было решать, куда теперь ехать, поэтому он задал чисто деловой вопрос:

— Что дальше, Анатолий Иванович?

— У вас дело Балакина на руках? — спросил Серегин.

— Да.

— Вообще-то в министерство бы заглянуть надо, повидать кое-кого, но это и после можно... Поедем-ка к вам.

— Но вам устроиться надо, Анатолий Иванович.

— Что, боитесь, мой номер эти перехватят, которые в Москву не за песнями, а за коврами приезжают?— Серегин снова был таким, каким встретил его Басков в аэропорту.

— Ну, в «Будапеште» этот номер у них не пройдет,— сознавая, что каламбурит не очень-то удачно, ответил Басков и добавил серьезно: — В крайнем случае поживете у меня, места хватит.

— Спасибо, дорогой. Давно в гостиницах не жил, соскучился. Давайте на Петровку, а?

На площади Маяковского они свернули влево и поехали по Садовому кольцу. Баскову не терпелось спросить, что выведал полковник, когда рассматривал левую руку раненого. Но он считал нетактичным начинать первым разговор на эту тему. Должно быть, полковник Серегин, как и он сам, Басков, не любит торопиться с заключениями, однако в отличие от Баскова еще умеет и терпеть, не подгонять события. Но вот и приехали...

Войдя в кабинет, Серегин скинул пиджак.

Басков открыл сейф, достал дело Балакина и положил его на стол.

— Садитесь на мое место, Анатолий Иванович, а я чайку попробую организовать.

Серегин, закурив, долго глядел на папку, не раскрывая ее, словно желая продлить предвкушение, какое охватывает человека, много лет разыскивавшего вожделенную книгу и наконец-то заполучившего ее. Потом раскрыл, но читать не стал — его интересовали фотографии.

Басков вернулся с подносом, на котором стоял большой фаянсовый чайник, два стакана и вазочка с сахаром.

— Налить, Анатолий Иванович?

— Угу, спасибо.— Серегин все смотрел на фотографию, изображавшую Балакина, каким он был десять лет назад, когда совершил ограбление в Московской области и был разыскан сотрудниками областного УВД.

Басков налил чаю полковнику и себе, сел к маленькому столику, спросил:

— Узнали?

— Он, Сашка Балакин, Сашка Брысь. Славный был парень.— Серегин положил в стакан два кусочка сахару и, помешивая ложечкой, сказал задумчиво: — Интересная все-таки система — человек...

— В каком смысле?

— Я говорю, вроде машины времени. Поглядишь на старика, и можно представить, каким он был в пятнадцать лет. И наоборот, видишь мальчишку и угадываешь, каким он будет в старости. А уж если знаком был в детстве — через сто лет не спутаешь... Яблочко румяное высохнет на ветке — а все равно яблочко...

Басков достал из сейфа паспорт Балакина, дал Серегину.

— Это в прошлом году...

Серегин взглянул на фотокарточку, сказал:

— И тут похож...— И после долгой паузы добавил: — Вот теперь могу вам сообщить имя пострадавшего: Игорь Шальнев, а по отчеству Андреевич... Отца его я тоже знал, и мы, ребята, звали его дядей Андреем...

Наступило долгое молчание, как часом раньше в автомобиле. Оба они, Серегин и Басков, понимали, что сказанное — может быть, самый важный момент в деле о происшествии на бульваре Карбышева.

— А почему вы обязательно палец хотели посмотреть, Анатолий Иванович? — задал Басков вопрос, который ему хотелось задать еще по дороге из больницы.

Серегин улыбнулся устало.

— Черепашек на руках и на прочих частях тела можно много найти, а такой рубчик на пальце — штука уникальная, особенно в сочетании с черепашкой, и известен он из ныне живущих только мне да, пожалуй, Балакину, если он еще топчет землю.

— Мне лично такие татуировки встретились впервые... Правда, две в один день.

Серегин отстегнул запонку на левой манжете, закатал рукав.

— Могу пополнить вашу коллекцию, молодой человек.

Басков с нескрываемым изумлением смотрел на руку полковника. Бледно-синяя черепаха — точно такая же, как у пострадавшего, имя которого он только что узнал,— ползла от запястья к локтю.

— Удивляетесь? — спросил Серегин, вдевая запонку.

— Третья черепаха за три дня...

— Вот почему я палец должен был увидеть.

Басков встал, прошелся от окна к двери и обратно.

— Повезло мне, Анатолий Иванович, первый раз в жизни так везет.

— Это везение, молодой человек, было заложено еще в тридцать седьмом году,— иронически, как бы возражая, сказал Серегин,— А вот у него, у Игоря, сестренка была... Если жива-здорова, да разыскать ее — вот тогда действительно повезет.

— Главное, он бы в порядок пришел.

— Ну, врач же дает надежду.

— А вы, Анатолий Иванович, последний раз давно Шальнева встречали?

— В сорок первом году.

Басков присвистнул: мол, что тут толку?

— Но зато мы знаем, откуда танцевать,— сказал Серегин.

— Конечно, Анатолий Иванович! — воскликнул Басков. Положительно, он уподоблялся Марату. Извиняло его лишь то, что он был сейчас необычно для себя возбужден оттого, что так удачно все повернулось с появлением полковника Серегина.

Серегин меж тем допил чай и закурил.

— Давайте запишем, и я пущу все это в работу,— сказал Басков.

Серегин уступил ему место за столом и, прохаживаясь по кабинету, начал диктовать, а Басков писал.

— Шальнев Игорь Андреевич, двадцать четвертого года рождения. По сорок первый год проживал в городе Электрограде. Окончил электроградскую среднюю школу. С мая сорок первого по октябрь работал корректором в городской газете.

— Извините, Анатолий Иванович, из чистого любопытства: откуда вы так точно знаете — с мая по октябрь? — невольно перебил Басков.

— Цех отца эвакуировали из Электрограда семнадцатого октября. Я тоже уехал. А до отъезда мы с Игорем виделись каждый день. В одном доме жили.

— Понятно. Пишем дальше.

— Шальнева Ольга Андреевна. Год рождения тридцать четвертый или тридцать пятый. В октябре сорок первого училась в школе.— Серегин задумался на минутку, а потом добавил: — Была у них няня, звали ее Матреной... Да вряд ли... Она и тогда уже старенькая была... Вряд ли жива... Да и фамилию ее не знаю...

Прежде чем уйти, чтобы отправить по телетайпу эти ценные для розыска сведения, Басков задал вопрос, как говорится, не по существу.

— А про черепах, Анатолий Иванович, расскажете?

— Э-э, Алеша, это длинная история...— Серегин потянулся, взглянул на часы.— По-нашему уже час ночи... Устройте меня в гостиницу, а завтра потолкуем.

— Портфель-то ваш у меня дома остался.

— Ничего, бритву бы только взять... А впрочем, утром в парикмахерской побреюсь.

Басков вернулся быстро, вызвал машину, довез Серегина до «Будапешта», дождался, пока он оформился у администратора, и поехал домой. Они договорились, что полковник придет в МУР в одиннадцать часов утра.

На следующий день, во вторник, 24 июля, поступило сообщение из Электрограда, в котором говорилось, что Шальнев Игорь Андреевич, 1924 года рождения, был призван на службу в Военно-Морской Флот 10 октября 1942 года. Служил на Балтийском флоте, в Ленинграде, затем в стрелковых частях Ленинградского фронта. Демобилизован в связи с ранениями в ноябре 1945 года («Как я»,— сказал Баскову полковник Серегин). В декабре 1945 года поставлен на учет Электроградским горвоенкоматом, снят с учета в 1957 году. Отбыл в неизвестном направлении.

Работал в городской газете «Знамя труда», сначала корректором, последние пять лет — фотокорреспондентом. Жил по адресу: ул. Красная, д. 6, кв. 4. Был женат на гражданке Мучниковой Антонине Ивановне, г. р. 1935, от брака с нею имел сына. В 1957 году брак расторгнут.

Шальнева Ольга Андреевна, 1935 года рождения, проживает в Электрограде по адресу: проспект Радио, д. 11, кв. 32; работает преподавателем русского языка и литературы в средней школе № 2.

Большего трудно было ждать при первых шагах дознания...

Вечером Басков напомнил Серегину о его обещании рассказать про черепах.

— Хорошо,— согласился полковник,— но с одним условием. Зайдем в магазин, возьмем бутылку...

— У меня дома есть,— сказал Басков.

— Пойдем в гостиницу...

Спорить Баскову не приходилось. Они сделали так, как предлагал Серегин.

В номере умылись, сбросили с ног башмаки, сели в кресла за круглый столик, выпили по рюмке, и Серегин начал свой долгий рассказ.

Ночь за окном стояла душная, а в номере была приятная прохлада.

Продолжение следует.

Три черепахи

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава III

ВОСПОМИНАНИЯ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

1

— Странные бывают фантазии у людей, которые названия улицам дают,— так начал свой рассказ Серегин.

Когда отца назначили начальником цеха на заводе «Электрометалл», мы переехали в Электроград, и отцу дали двухкомнатную квартиру на улице Красной. Честное слово, я еще тогда удивился, хотя было мне всего девять лет, почему это она Красной называется. И малому ребенку на слух понятно: красная — это уж самая лучшая. Красная площадь, например. А тут не поймешь что.

Представьте себе восемь двухэтажных домов, срублены из суковатых бревен. Стоят в ряд, и все с четными номерами, нечетных нет, на нечетной стороне — сараюшки, которыми владеют жители пятиэтажных кирпичных зданий, а здания считаются уже по другой улице. Сама Красная — просто полоса кочковатой серой земли с канавами по бокам. Вход в дома не с улицы, а с задворок. Против каждых двух домов — длинный дощатый сарай. Между прочим, это были замечательные сараи. Внутри они разделялись перегородками на шестнадцать клетей, и у каждой клети своя дверь — восемь с одной стороны, восемь с другой. По числу квартир, потому что дома были восьмиквартирные. В сарае держали дрова или уголь, а многие ставили себе кровати, и летом это было вроде дачи. Чердака сараи не имели, перегородки — высотой метра в два с половиной. Так что при желании можно устраивать общие собрания жильцов, не слезая с кровати, а нам, мальчишкам, удобно было подглядывать, что поделывают соседи.

Получается, ругаю я нашу улицу, но это не так, только поначалу нос воротил. Оно и понятно, мы же в Москве жили, на Малой Бронной. В двенадцатиметровой комнате вчетвером, но все равно — столица.

Нет, улица наша была, извините за игру слов, не красная, а даже прекрасная.

Не понравилось мне с непривычки, что завод день и ночь шумит, а он вот, рядом, двести метров. Пыхтит, грохочет, а когда работает в кузнечном цеху главный молот — в окнах стекла дребезжат, в шкафу посуда звякает. Но быстренько привык, под этот молот даже отец быстрее засыпал — сам мне так говорил, а в первые дни сильно раздражался...

Перебрались мы в Электроград в тридцать четвертом, летом, в июне или июле. Поселились в доме номер шесть, и квартира номер шесть, на втором этаже. Дедушка мой тогда уже умер, на троих шикарная была квартира, у меня отдельная комната. Помню, мать ходила такая счастливая, полы скребла, обои клеила, чистила-блистила.

Но я тосковал. Оглядываюсь день, другой — ребят-одногодков никого, и вообще пацанов нет, как будто тут одни взрослые живут. Оказалось, все в пионерлагере до сентября.

Мне идти в четвертый класс, школа была тогда одна на весь город, так что я, можно сказать, входил сразу в городское общество. Но первым знакомцем сделался сосед по дому, из четвертой квартиры,— Игорь Шальнев. Отец у него работал бухгалтером на заводе. Мы были ровесники, и он тоже в четвертый перешел, и потом мы за одной партой сидели семь лет.

Сошлись мы без всякой подготовки. Я както утром по лестнице спускался, скрипучая такая лестница, а он из своей квартиры вышел с кружком от конфорки с кухонной плиты и железным прутом с крючком на конце — была тогда мода катать кружки и обручи по тротуарам. Левой рукой задашь обручу начальную скорость, подцепишь его крючком и катишь, а он звенит. Если человек семь кучкой обручи катят — целый оркестр, приятно слушать.

Увидел он меня и спрашивает:

— У нас живешь?

— В шестой квартире.

— Ты кто?

— Толя Серегин,— говорю.

— Это тебя так мама-папа зовут, а взаправду как?

Я сообразил, о чем он, отвечаю:

— Серьга.— Так меня в Москве на Малой Бронной прозвали.

В те времена все ребята поголовно клички имели, по большей части от фамилии. Он говорит:

— Я Эсбэ.

— А это что — Эсбэ?

— Справочное бюро — сокращенно. Я все знаю.

Ну, я, конечно, не очень-то поверил, москвичу баки забить, голову заморочить не такто просто, но вообще-то скоро обнаружилось, что он действительно знал много таких штук — мне и не снилось. Он показывает свой крючок и конфорочный диск, спрашивает:

— Умеешь?

— Нет,— признаюсь.

— Айда, покажу.

Он повел меня на ту улицу, где кирпичные дома стояли,— это центральная улица была, Горького, как в Москве. Только на ней асфальт и имелся.

За час освоил я это дело, и поговорили мы о том, о сем. Он, между прочим, спросил, есть ли у меня поджига, а я и не слыхал, что это такое.

— Эх, ты, Серьга! — сказал мне Эсбэ, как больному.— Хочешь быть жертвой, да?

Я не ведал, что значит стать жертвой, даже слова такого никогда не встречал, поэтому, чтобы не выдать своего невежества, задал неопределенный вопрос:

— Почему?

— Без поджиги тебя кто хочешь может подстрелить. Айда!

Он повел меня к сараям и там, в закутке, вынул из кармана своих штанов револьвер, не настоящий, конечно, но очень красивый — глаз не оторвешь.

— Это браунинг,— говорит.— У меня есть еще маузер, вот такую доску с двадцати шагов насквозь пробивает, и пуля улетает дальше.— И показывает пальцами — доска получается сантиметров пять толщиной.

Я уже освоился с ним немного и подначиваю:

— За горизонт улетает?

Оказалось, напрасно подначивал.

У Эсбэ уши сделались розовые — оскорбился. Достает из другого кармана коробок спичек, прилаживает одну спичку к револьверу — там на деревянной рукоятке маленькая скобочка из стальной проволоки, спичка втыкается так, чтобы головка легла на прорезь, сделанную в казенной части ствола.

— Отойди! — командует.

Я стал у него за спиной. Он чиркнул коробком по спичке, вытянул руку, и тут как бабахнет — в ушах зазвенело.

Стрелял он в стенку сарая шагов с семи. Доска была не в пять сантиметров, но в сантиметр — это как минимум.

Продул небрежно дуло (мы ствол дулом называли), подошел к стенке, ткнул пальцем и приглашает меня этак сквозь зубы:

— А ну смотри.

Я посмотрел: дырка, аккуратная такая. Он говорит:

— Понял? А у маузера дуло в два раза длинней.

Теперь, наверно, уже у меня уши покраснели и вид был, как у оплеванного, потому что Эсбэ поглядел на меня и сжалился.

— Ладно,— говорит,— тебе нужно сделать поджигу. У меня есть трубка — во! — Он оттопырил вверх большой палец правой руки, а тремя пальцами левой как бы посыпал его сверху — это означало «на большой с присыпкой», по-нынешнему — высший сорт или товар повышенного спроса, что ли.

Он повел меня в наш общий длинный сарай, в клеть под номером четыре, и первым долгом показал мне свой маузер, который извлек из тайника в углу, за поленницей душистых колотых дров. Это была, уверяю вас, замечательная вещь.

К обеду я тоже был вооружен браунингом. Изготовил его Эсбэ, но я наблюдал внимательно и так освоил процесс производства, что позже сам стал порядочным оружейным мастером.

Очень вкусно выходило все у Эсбэ. Материалов и инструментов было в специальном ящике множество.

Он сам остался доволен своей работой, а обо мне и говорить нечего. Но Эсбэ на этом не остановился. Достал из ящика два коробка спичек и начал обстругивать серу о дуло — она падала в ствол. Потом высыпал серу на клочок газеты, вынул из ящика заткнутый тряпочкой винтовочный патрон, из него отсыпал немножко пороха и смешал его с серой, а смесь ссыпал в ствол. Из газетной бумаги слепил пыж, загнал его коротеньким шомполом в ствол, легонько утрамбовал. Потом вынул из ящика мешочек — в нем оказались самолитные свинцовые пули самых разных калибров. Он выбрал подходящую, опустил в ствол, загнал еще один пыж и сказал:

— Сейчас попробуем.

Мы пошли через болотце, лежавшее сразу за сараем, к заброшенной будке, неизвестно зачем стоявшей посреди огромного пустыря.

Эсбэ, как в первый раз, велел мне стать у него за спиной и выстрелил по будке. Смятую пулю мы отыскали внутри, и Эсбэ протянул мне поджигу.

— Хороший браунинг,— авторитетно объявил он при этом.

Мы вернулись в сарай и зарядили оба браунинга. Обстругивал я спички и размышлял. И выходило так, что все знаменитые затеи Тома Сойера — просто девчоночьи игрушки. Эсбэ, пока мастерил браунинг, кое-что рассказал про город и его малолетних и уже не очень малолетних обитателей, обрисовал расстановку сил. Тут по-настоящему пахло порохом, без всяких шуток.

Дело вот какое.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12, 13.

По другую сторону железной дороги строился еще один большой завод, народу там было если и поменьше, чем по эту, то ненамного. Стройка существовала самостоятельно и как бы не входила в состав города. Из-за чего возник конфликт между стройкой и городом, толком никто уже не помнил, но, в общем, предлог был мелкий, вроде того как официальным поводом для первой мировой войны послужило убийство эрцгерцога Фердинанда и его жены в югославском городе Сараево. Нашу войну можно было назвать окопной. Стороны не тревожили друг друга, пока не нарушалась граница, то есть городские не могли безнаказанно перейти через железную дорогу на территорию стройки, и наоборот. Но раз, а иногда и два раза в год, обязательно летом, происходили генеральные сражения на обширном поле километрах в двух от города.

День битвы устанавливался по договоренности между атаманами двух войск. Атамана нашего войска звали Ватула, ему было лет двадцать.

На вооружении у нас имелись поджиги, не менее смертоносные рогатки, из которых стреляли шариками от подшипников, а для ближнего боя — ножи. Но главное не это. Хотите верьте, хотите не верьте, у нас была настоящая пушка на колесах, маленькая и старенькая, но настоящая. Ее унесли с заводского шихтового двора, избавив таким образом от переплавки в мартеновской печи. Она, правда, не стреляла за отсутствием снарядов, но на поле боя ее выкатывали, а после опять прятали в укрытие, в какой-то погреб, о котором знали только несколько человек.

Мне лично пришлось участвовать в трех битвах, и однажды я получил ранение — шариком из рогатки мне так закатали в лоб, что я потерял сознание. Очнулся, гляжу в небо, как князь Андрей, а шум битвы уже далеко — наши врагов разгромили и обратили в бегство. Вообще мы всегда одерживали победу, хотя раненых и у нас бывало много. Меня, можно сказать, вынес с поля боя Эсбэ, довел до амбулатории, и там мне промыли рану, залили йодом и наложили скрепки...

Можно спросить: куда же смотрела милиция? А куда ей смотреть, если на весь город было милиционеров человек пятнадцать, а вооруженных сорванцов — под тысячу. К тому же Д и Ч — день и час сражения держались в строгом секрете. Если бы кто проболтался — на городском кладбище прибавилась бы свежая могила.

Вы не подумайте, будто были мы какими-то отпетыми бандитами. Ничего подобного! В школе все шло чин чином, учились нормально и в пионерском строю с барабаном ходили, хотя круглых отличников, конечно, презирали. Кто постарше, после семнадцати — в аэроклуб рвались, на планерах летали, а значки «Ворошиловский стрелок» и ГТО считались чуть не орденом. На каждой улице существовала своя тесная компания и свой атаман, иногда возникали междоусобицы, и довольно жестокие, но главный закон был — лежачего не бить, это соблюдалось свято, не то что у сегодняшних переростков и недоростков. И вина мы не пили. Но так уж завелось: в школе паинька, а после уроков — совсем иное дело. Время было голодное, далеко не каждая семья хлеб с маслом ела, больше все маргаринчик. Мы на базаре шарап устраивали. Скажем, стоит тетка, яблоками торгует. Один подходит, дергает мешок споднизу, за ухо мешка, яблоки раскатываются, тетка вопит: «Караул, грабють» — а мы суем кто сколько за пазуху — и дёру. А уж подойти к мешку с семечками, схватить горсть и удрать — тут вообще никакой доблести. Никуда не годится, конечно, я бы за такие штуки собственному сыну не то что уши надрал, но что поделаешь — шпанистые у нас коноводили...

Если говорить о деньгах, то их у большинства ребят никогда не бывало. Редко кому, как мне и Игорю Шальневу, родители полтинник на кино давали. Единственный источник дохода был утиль. Тогда по улицам ездили старьевщики — приемщики на больших фургонах, битюгами запряжены. Принимали тряпки, кости, фарфор, бутылки, а дороже всего шла медь. Взамен предлагались свистульки глиняные, разные пищалки типа «Уйди-уйди», ландрин в железных коробках, а самым дорогим приобретением считался пугач и пробки к нему, которые в упаковке походили на соты с медом, и старьевщик аппетитно так отламывал от большой плитки малые куски. Но пугачи брали только маменькины сынки, а тому, кто был вооружен поджигой, они ни к чему. Мы с Эсбэ сдавали утиль за деньги.

А у Эсбэ имелась еще одна статья дохода, связанная с известным риском,— он делал и продавал взрослым хоккейные клюшки.

До войны в шайбу не играли, даже не слыхали про такую игру. Только в мячик, или в шарик, как мы выражались. Обычно все, кто играл в футбольных командах, и взрослые и пацаны, зимой в том же точно составе выходили на лед. И на тех же местах. Футбольный инсайд и в хоккее оставался инсайдом, хавбек — хавбеком и так далее.

Фабричные клюшки надежностью не отличались. Клинья, или ручки, делались такие непрочные, чуть стукнет соперник — клин пополам. На один матч порой на команду большую охапку клюшек требовалось, но их, конечно, никто не покупал. Поэтому настоящие, заядлые хоккеисты старались сами себе делать клюшки, а кто не мог — покупал у других. Спрос был большой и постоянный. Особенно ценились клюшки с камышовым клином, а на втором месте стоял клин текстолитовый, из нового искусственного материала, но они были гораздо тяжелее.

Главная деталь в клюшке — все-таки загиб, ведь по шарику не клином бьешь, а загибом.

Лучший материал для загиба — дуга из лошадиной упряжи. А где ее возьмешь? Только на конном дворе горкомхоза. Там и добывал дуги Эсбэ, в этом и состоял риск.

Откуда он научился, до сих пор не пойму, но Эсбэ классные клюшки создавал. Именно создавал. Впервые я увидел его работу в сентябре, мы уже в школу пошли. И был я просто околдован.

Меня что по сию пору удивляет — рос Эсбэ в интеллигентной семье, отец бухгалтер, мать инженер, у них даже домработница была, а он на все руки мастер. Одно с другим как-то не стыкуется...

Кстати, нужно о его семье хоть немного рассказать, раз уж я о ней упомянул.

Отец Эсбэ, дядей Андреем ребята его звали, был высокий, стройный, плечистый и носил усы, тонкие, стрелками, которые все называли почему-то офицерскими. Слово «офицер» употреблялось тогда только в ругательном смысле, а дядю Андрея соседи уважали и любили за добрый нрав, а все-таки усы считали офицерскими. Мать Эсбэ ходила в ту пору с животом, ждала ребенка, поэтому не могу сказать, какая она была в обычном своем виде. У них жила домработница Матрена, как родная. Маленькая такая, как колобок. Она еще и мать Эсбэ нянчила, привезли они ее из Рязани, они все рязанские. Помню, мне смешно было, как она говорила «анадысь» — в смысле недавно. Безответная такая старушка, вечно хлопотала. Замечательный хлебный квас она делала. И морс из клюквы варила очень вкусный, иногда мама просила ее и для нас сварить, из нашего сырья.

У них под выходной день вечером почти всегда собирались гости, человек по десять, и гуляли допоздна. Дядя Андрей на гитаре играл, мать на скрипке, и пели они дуэтом старинные романсы очень душевно. Ну, домто деревянный, слышимость не хуже, чем в нынешних, так что жили мы как бы внутри музыкальной шкатулки или патефона. Моя мама не одобряла такого образа жизни — из-за беременности мамы Эсбэ. Иной раз с досадой скажет: «Ну, как она может, в ее-то положении?!» А отец мой поддакнет, чтоб угодить ей: «Шумная семейка!» Но чужое веселье отцу не мешало. С дядей Андреем они подружились, а его жене он даже целовал руку. Жаль Шальневых, печально все сложилось, но до этого мы еще дойдем.

Хочу досказать насчет клюшек.

Однажды вечером, уже смеркалось, Эсбэ постучал к нам в дверь — звонков тогда не было — условным стуком: удар, длинная пауза, удар, короткая пауза, удар — длинная пауза и еще два таких удара — это по азбуке Морзе на флоте означает общий вызов. Мы флажную и буквенную телеграфную азбуку выучили в неделю и договорились пользоваться между собой. Выхожу, он шепчет: «Ты не трусишь?» Кто же себя трусом назовет? Говорю: «Что надо делать?» Шепчет: «Надень тапки, через десять минут — за сараем». Мы пошли к конному двору, и по дороге Эсбэ объяснил мою задачу. Я буду ждать у забора, он бросит мне дугу, и я должен быстро утащить ее к нашему сараю. Подошли, он поставил меня у забора, на углу, а сам испарился. Не знаю, сколько ждал, а потом слышу — шмяк на траву. Поднимаю — дуга. На ощупь — гладкая, но как бы рябая. Я ее на плечо — и быстрым шагом домой. Большая дуга попалась, хотя не очень тяжелая. Эсбэ, пожалуй, ее по земле волочил бы: он пониже меня был.

На следующий день после школы Эсбэ начал мастерить клюшки. Он проявил великодушие и кое-что разрешал делать мне.

Первым долгом мы распилили дугу одноручной пилой пополам в ее вершине, поперек.

Дуга была очень красивая, покрашенная в вишневый цвет, а сверху покрыта лаком. Собственно, лак давно облупился, остались мелкие блестки, как чешуя у рыбы, которая долго лежала на сухом берегу, но все равно дуга пускала зайчики на солнце.

Опилки пахли приятно и были пушистые и легкие в горсти.

— Вяз,— сказал Эсбэ.— Это старая дуга.

Из толстой дуги для тяжелых запряжек можно было выкроить и восемь загибов, а нам как раз такая и досталась, но Эсбэ не любил халтурить, и мы сделали шесть.

А происходит это так.

Половинку дуги надо распилить вдоль на три части. Трудная работа, если учесть, что пилили мы не на верстаке, а на порожке сарая, держа скользкую заготовку руками. А вяз потому и вяз, что вязкий. Не один пот сошел, пока разделали первую половинку на три плашки. Средняя плашка получилась готовым полуфабрикатом, а крайние еще требовалось обтесать с одной стороны, чтобы они стали плоскими.

Эсбэ ножом обстругал заготовки, придал им форму фабричного загиба и начал доводить сначала драчевым напильником, потом бархатным, а потом тонкой наждачной шкуркой. Когда заготовка сделалась нежной, словно замша, он достал из ящика фанерный шаблон загиба и шилом нанес на заготовку его контур, затем лобзиком выпилил по контуру, и оставалось лишь сделать вырез для клина.

Из-под кровати Эсбэ вынул камышовый клин, уже совсем готовый, дал мне плитку столярного клея, консервную банку, велел развести у сарая костерок и научил, как варят клей.

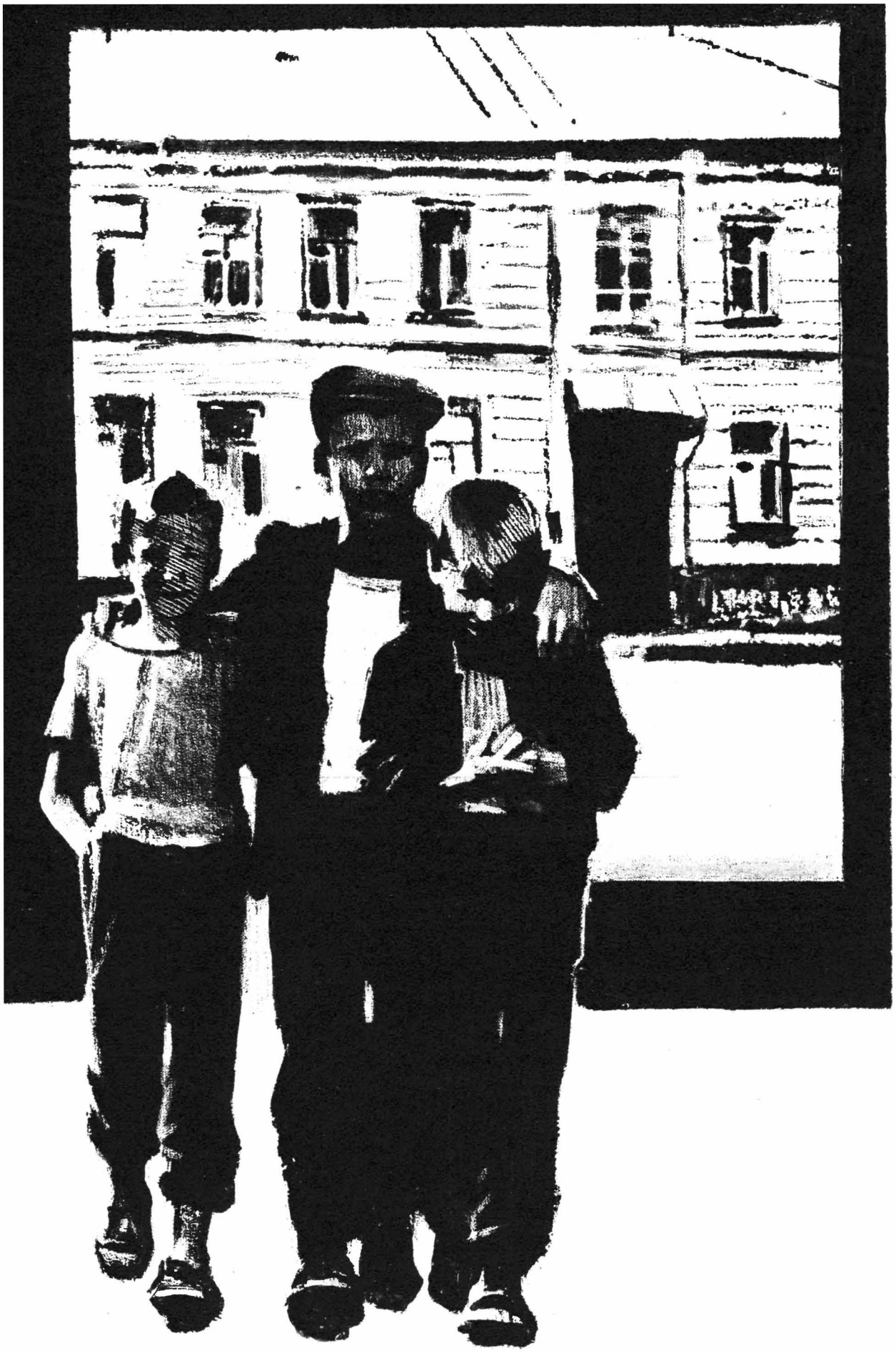
Я все исполнил по инструкции, а он подогнал клин к вырезу на загибе и склеил их. Пока клей сох на зажатой в маленькие тиски клюшке, Эсбэ приготовил изоляционную ленту, киперную (такая белая широкая тесьма, употребляли ее для обмотки и как шнуровку для хоккейных ботинок) и клубок свитой в тонкий жгут кожаной оплетки.

Потом сочленение было туго спеленато изоляционкой, загиб — киперной лентой, а поверх красиво оплетен кожаным жгутом, так что было похоже на заплетенную гриву коня (недаром же загиб из дуги), а ручка с торца обита куском толстой кожи и на две ладони от торца обмотана той же изоляционкой.

Такие клюшки ходили по полсотни штука. Если не ошибаюсь, столько же стоили самые лучшие мокшановские футбольные мячи, в которые играли команды мастеров. А харьковские велосипеды, которых тогда было раз в сто меньше, чем сейчас автомобилей марки «Жигули», стоили двести пятьдесят рублей. Может, насчет цен я неточно — подзабылось немного, но, в общем, что-то около этого.

Понятно, что Эсбэ в свои десять лет был вполне самостоятельным человеком, брось его, как говорится, в любой водоворот жизни — не утонет. Но все же дуги не каждый день добывать удавалось и даже не каждый месяц. А поймают — родителям позор и суровое общественное порицание.

В октябре Эсбэ все шесть клюшек пристроил, и мы начали пировать. Кино — каждый день. Ситро — пей не хочу. Халва — пожалуйста, пока не стошнит.



В школе я был за Эсбэ, как за каменной стеной. Меня с первого дня приняли в свою компанию самые заводилы, потому что я был другом Эсбэ, а его даже старшеклассники знали.

Зима с тридцать четвертого на тридцать пятый запомнилась на всю жизнь.

Мать Эсбэ родила девочку и умерла при родах. Моя мать страшно плакала и кляла себя за то, что осуждала ее когда-то. Оказывается, ей нельзя было рожать, врачи запретили из-за сердца, но дядя Андрей очень хотел дочку. Дом наш после похорон как-то притих, а дядя Андрей стал непохож на самого себя. С тех пор я его трезвым не видел, наверно, целый год, пока он не женился на молоденькой женщине, которая сильно красила губы и курила длинные папироски.

Эсбэ неделю не ходил в школу и не встречался даже со мной, сидел в своей комнате при занавешенном окне.

Девочку назвали Олей. Вот забыл только, в декабре она родилась или в январе.

Во-вторых, той зимой шел фильм «Чапаев». Мы с Эсбэ смотрели его сорок три раза — в клубе имени Горького, который был, так сказать, культурным центром города, и везде, где работали кинопередвижки.

Летом я поехал, как и все, в пионерский лагерь, в деревню Глухово, и мы с Эсбэ пробыли там две смены. Поджиги и рогатки мы с собой не брали. Тогда все лето играли в Чапаева, и даже когда у нас военные игры были, мы хоть и охотились официально за флагом синих, но между собой все равно оспаривали, кому Чапаевым быть, кому Петькой, а кому лысым полковником. Анки у нас не было, потому что девчонок мы в компанию не принимали. Эсбэ и я были влюблены, одиннадцатилетние сопляки, в нашу вожатую Таню Соломину. Ей двадцать лет, очень красивая была, с парашютом прыгала и к тому же «Ворошиловский стрелок». Мы ее слушались, как ни отца, ни мать. А один раз увидели, в мертвый час,— сидит на полянке за столовой и плачет. Мы к ней, она обняла нас, смеется сквозь слезы, спрашивает: «Вы что, мальчишки?» Эсбэ угрюмо говорит: «Кто вас обидел, должен погибнуть». Она так хохотала, что из столовой пришла судомойка Маша. Таня нам говорит: «Вы спать должны. Мертвый час. А ну-ка бегом». А жили мы в деревенском доме рядом с пуговичной фабрикой, которая тоже в таком же доме располагалась, может, немного побольше. Пуговки делали довольно ходовые — жестяная тарелочка величиной со шляпку желудя, на донышке проволочное ушко, а тарелочка накрывалась жестяной же крышечкой, а поверх нее цветная бумажка в клеточку, а на бумажку — прозрачный целлулоид. Большим успехом пользовались пуговицы, а мы их воровали, и у кого больше — тот и пан. И вот нас разоблачил старший вожатый, ему начальник этой фабрики пожаловался. Устроили у нас в спальне шмон, и больше всего пуговиц нашли в подушке у Эсбэ — триста с лишком штук, почти недельный план всей фабрики, на которой работали четыре старушки. Нас не взяли в поход — в виде наказания. А потом мы выследили, что этот старший вожатый после отбоя встречается с Таней, и Эсбэ хотел вызвать его на дуэль, когда вернемся в город, и предложить ему маузер, а сам Эсбэ должен стрелять из браунинга. Это было очень даже благородно с его стороны, но дуэль не состоялась. Как говорится, время залечило наши сердечные раны...

Может быть, все, что я тут рассказываю, не имеет прямого отношения к делу, однако я думаю так: полезно знать истоки, откуда пошел человек, как его характер складывался. Когда это знаешь, легче поймешь и объяснишь поступки и поведение этого человека уже во взрослые годы.

Но пора переходить к черепахам.

В 1936 году появился на нашей улице Сашка Балакин. Он приехал откуда-то из Средней Азии, кажется, из Ташкента. В доме № 8 на Красной жили его дядя с женой и дедушка. Ходили слухи, что дядя не очень-то ему обрадовался. А нас он просто загипнотизировал. Начать с того, что Сашка умел ходить на руках хоть по полчаса, крутил сальто, а стойку на руках мог делать на спинках стульев, на краю крыши сарая и вообще на чем угодно. Он был на два года старше нас с Эсбэ, уже давно научился курить и, само собой, быстро стал нашим кумиром.

Но дело не в нас. Сашка сразу сделался своим среди старших ребят, и даже наш атаман Богдан признал его за равного себе, хотя был страшно самолюбивый.

Что еще всех поразило — у Сашки имелась на левой руке наколка. Симпатичная черепаха. Он небрежно объяснял, что наколол ее один его приятель, гроза тех мест, откуда он приехал. Это создавало некий таинственный ореол. Из наших только Богдан носил наколку — аляповатого орла на левой кисти, сделанного им самим и совсем бледного, потому что колол он в три иглы и неглубоко.

Всякий знает, у ребят два года разницы — все равно как в армии разница между сержантом и майором. Но Сашка относился к нам с Эсбэ так, словно мы ему ровня, не задавался и вообще меньших не считал недоделанными, а если кто надоедал ему расспросами или просьбами сделать стойку или

сальто, он беззлобно говорил: «Хватит. Брысь!» Так его и прозвали: Сашка-Брысь.

Он окончил семилетку и должен был бы, по нашим понятиям, идти в восьмой класс, но не пошел. Собирался поступить в электромеханический техникум, потому что хотел пойти служить, когда призовут, на флот, и не куда-нибудь, а в подводники. А на подводной лодке главная специальность, мол, электрик. Так он нам объяснял, но у него ничего не получилось.

Отправился Брысь в Москву, подал документы в техникум, сдавал экзамены и провалил по всем предметам. Потом время упустил, в школу не записался и всю зиму гулял. Как он говорил, дядя сильно сердился и решил его наказать. Дело в том, что родители Брыся присылали дяде деньги на содержание своего сына, и вот дядя перестал давать Брысю даже несчастный полтинник на кино, и Брысь здорово из-за этого переживал, ему стыдно было даже перед нами, сопляками.

Дядя запретил ему пользоваться сараем. Но это не огорчало Брыся, потому что любой из мальчишек с великим удовольствием готов был предоставить ему ключ от своего сарайного замка и почитал за счастье, если Брысь принимал приглашение.

А у него стала появляться надобность в сарае.

Однажды поздней осенью он вечером вызвал Эсбэ, я как раз у него сидел, уроки готовили. Мы вышли вместе. Брысь спрашивает: «Можешь ключ от сарая взять!» У Эсбэ ключ всегда в кармане был. «Одевайся, буду ждать за сараем,— говорит Брысь.— Только — молчок». Я, конечно, тоже пошел.

В сарае Эсбэ зажег лампу — там у всех «летучая мышь» была.

Брысь развязал мешок, в котором лежало что-то кубическое. Это оказался большой фанерный ящик. Брысь попросил стамеску, отодрал планки, снял крышку. В ящике плотно друг к другу стояли фитилями вверх белые свечи. Брысь говорит: «Это надо продать». Мы с Эсбэ знали, что в двух деревнях возле города электричества не было, при керосиновых лампах жили, а такие свечи — белые, длинные, их восковыми называли — и в городе каждая семья в доме держала, потому что свет частенько отнимали.

Брысь попросил Эсбэ подержать ящик в сарае с неделю, а потом малыми порциями надо будет продавать свечки по деревням. И, само собой, приказал нам строго хранить молчание.

Свечи мы успешно продали. Выручка была небольшая, так как сбывали их вдвое дешевле магазинной цены, но мы испытывали сладкое чувство хорошо исполненного долга: мы удружили, помогли Брысю, а это много значило.

Сейчас-то, с высоты прожитых лет, я понимаю, что вели мы себя, то есть я и Эсбэ, несознательно. Ясно же, что свечи были краденые, но мы об этом и думать не желали.

Брысь поделил деньги на три равные части и дал нам нашу долю. И, взяв с нас слово хранить тайну, рассказал, что эти свечи он реквизировал — так он именно и назвал — в палатке возле базара. Мы прониклись к нему еще более пылкой любовью. Еще бы: Брысь оказал нам доверие, выбрал среди всех не кого-нибудь, а именно нас. Я-то, правда, попал в избранники чисто случайно, из-за того, что в тот вечер оказался дома у Эсбэ, но это был несущественный момент, раз Брысь все-таки не отверг меня.

Так мы сделались помощниками нашего кумира, а вернее, сообщниками, но этого слова мы еще не знали.

Эсбэ дал Брысю запасной ключ от сарая, и за ту зиму под кроватью, где Эсбэ хранил в ящике свои инструменты, много чего побывало.

Брысь приносил в мешке конфеты и красивые дамские гребни, печенье и перочинные ножики, одеколоны и папиросы «Пушка», а один раз принес большой куб мармелада. И всегда все это было не навалом, а в фабричной упаковке. Мы с Эсбэ понемножку-потихоньку торговали ворованным добром по соседним деревням и в школе и ни разу не попались — Эсбэ у всех вызывал доверие, никто не мог заподозрить его в чем-то нехорошем. Мармелад мы освоили сами, конфеты и вообще когда попадалось что-нибудь вкусное Брысь разрешал нам хавать, то есть лопать, сколько влезет. Деньги неизменно делились поровну, так что мы с Эсбэ иногда жировали, как недорезанные буржуи.

Удивительная вещь, но нам никогда и в голову не приходило, что занимаемся сбытом краденого,— так велик был авторитет Брыся. Мы считали его непогрешимым. Мы никогда не спрашивали, откуда что он принес, а он никогда не говорил нам об этом. Сам собой сложился уговор: что бы ни сотворил Брысь — значит, так и надо, так оно и должно быть. Ведь верующие не обсуждают деяния своего бога, не правда ли?

Той зимой Брысь научил нас курить — как раз когда реквизировал ящик папирос «Пушка».

После школы мы встретились с Брысем, пошли в сарай. Он распечатал пачку, закурил, а мы смотрим, как он, сидя на кровати, пускает одно за другим три колечка — здорово у него получалось.

Наверное, Брысь уловил, как мы ему завидуем. Говорит: «Я в четвертом классе закурил». А мы были уже в шестом. Стыд и срам! Эсбэ спрашивает: «Можно, мы попробуем?» «А чего ж?» Брысь дал нам по папиросе и объясняет: «Надо в себя дым втянуть, полный рот, потом враз вдохнуть — вот так»,— он показал, как это делается, и выпустил дым двумя длинными струями из носа. «Ну, валяйте». Он дал нам прикурить. Мы сделали все по инструкции, но вышел из меня дым или нет, я не понял, потому что голова вдруг закружилась, и я очнулся на полу. Эсбэ лежал рядом. Брысь смеялся до слез, держа в руке две наши папиросы. Они еще дымились — значит, я был без сознания сколько-то там секунд, а показалось, будто приехал откуда-то издалека и всю дорогу спал. Эсбэ тоже очухался, и Брысь говорит: «Это всегда так бывает. На сегодня хватит, в следующий раз лучше будет». И правда, вечером мы с Эсбэ попробовали сами, без Брыся, сделали затяжек по пять, и было очень приятно. А через неделю мы курили в школьной уборной вместе с парнями из девятых и десятых классов, и они глядели на нас с большим одобрением.

Словом, Брысь сделал нас полноправными людьми. А сам, между прочим, чуть не попался.

Однажды — уже наступила весна, снег стаял — он вернулся из опасной своей экспедиции расстроенный и с пустым мешком. Мы курили в сарае, он долго молчал, а потом говорит: «Ша, птенчики, затаились». С того дня Брысь по вечерам стал ходить в кино, и так длилось до мая.

А у Эсбэ созрел грандиозный план. В Испании шла война с фашистами, каждый день по радио и в газетах сообщали о героической борьбе за республику и свободу, а слова «No pasaran»[1] знали даже трехлетние шкеты. Както идем мы после школы домой, и Эсбэ спрашивает вдруг с таинственным видом: «Хочешь в Испанию?» «Все хотят,— говорю,— только кто нас туда пустит?» Он говорит: «Чудак, убежим». И потащил меня в сарай.

Вытаскивает из-под кровати свой знаменитый ящик, а из него две географические карты, очень мелкие — на одной Советский Союз, на другой Европа. Разложил их и объясняет маршрут.

Надо на поезде доехать до Батуми. Там достать лодку и морем доплыть до турецкого берега — это совсем просто, граница рядом. Ну, а дальше еще проще: в Стамбул, оттуда на попутном пароходе в Марсель. Из Марселя же до Испании — рукой подать, как от Батуми до Турции. В Испании мы поступаем в интернациональную бригаду и будем разведчиками. Если же не примут, то мы станем действовать против фашистов и Франко самостоятельно, сделаемся мстителями-диверсантами и будем наводить страх и ужас в стане противника. Оружие на первые дни у нас есть — поджиги и ножи, а потом мы, конечно, добудем в первой же операции пулемет и гранаты.

Эсбэ показал мне компас, необходимый при дальнем путешествии, и кое-какие продукты, которые он начал запасать еще недели за две до этого,— сахар, соль, черные сухари.

План был, конечно, замечательный, и я сразу согласился бежать в Испанию. Эсбэ намечал отправиться в начале июля.

Немного смущало лишь одно: что скажут и как себя будут чувствовать наши родители, когда узнают о побеге? Но, обсудив этот вопрос, мы решили вырвать из сердца всякую жалость и оставаться мужчинами до конца. Мы же не девчонки, мы не можем думать о родительских слезах и разводить нюни. Ну, поплачут они день-другой, погорюют, зато после, когда мы вернемся героями и победителями, они будут гордиться нами. К тому же мы привезем им на память знаки различия с мундиров фашистских офицеров, которых мы будем брать в плен.

Сомнения были отброшены, и я тоже приступил к заготовке необходимых припасов, для чего приходилось урезать собственное дневное довольствие и малыми порциями конфисковывать дома соль, сахар, спички и прочее.

Денег на покупку железнодорожных билетов и на проезд от Стамбула до Марселя мы, само собой, тратить не собирались, но все же какую-то сумму на непредвиденные расходы иметь полагалось, и поэтому Эсбэ наметил сделать на продажу несколько клюшек, для чего требовалась дуга.

Сторожа на конном дворе горкомхоза были благодаря Эсбэ уже бдительные, и добывали мы дугу с большим трудом, но в конце концов все-таки реквизировали. Эсбэ начал потихоньку изготовлять клюшки, а я ему помогал.

Кончились занятия в школе, нас перевели в седьмой класс. В пионерский лагерь мы ехать отказались в первую смену, объяснили родителям, что поедем во вторую, а пока нам надо потренироваться в футбол — нас приняли в детскую команду общества «Металлург». Насчет команды мы не врали, но никаких тренировок, конечно, не было.

Постепенно мы уточняли и шлифовали план побега, и все представлялось нам в лучшем виде, все сулило полную удачу. Но однажды задумался Эсбэ и говорит: «Два бойца — это хорошо, а три — было бы еще лучше». Мы стали перебирать знакомых ребят, кого можно сговорить на побег, но один за другим отпадал безнадежно: тот отца забоится, у другого вечно из носу сопли текут, третий из поджиги стрелять не может... «Вот если бы Брысь согласился,— сказал Эсбэ.— Вчера он со своим дядей дрался...» Мы знали, что дядя давно хотел на Брыся в милицию заявить, а сам Брысь говорил старшим ребятам — или морду набьет этому дяде за его крохоборство, а набить он мог, или плюнет на все и удерет домой, в Ташкент или куда там, но о своих родителях он никогда не поминал, будто их вовсе нет. Бабки сплетничали, мол, Брыся услал его папа с глаз долой, чтобы не мешал. Будто папа его, вроде отца Эсбэ, женился на молодой, а при таких случаях чужой сынок или дочка новой жене часто мешают. Вот и Эсбэ с мачехой не очень-то уживался. У них там опять по вечерам собираться начали, песни, музыка, только уже без скрипки, потому что на скрипке мать Эсбэ играла, а другие не могли, и няня Матрена убрала ее к себе в плетеную корзину. Один раз новая мама Эсбэ вошла к нему в комнату, там и Оля лежала в качалке, а она, мама, была немножко подшофе, и принесла Эсбэ кусок от плитки шоколада, а он сказал: «Не хочу»,— и они потом редко разговаривали...

Мы постановили закинуть удочку и раз вечером подкараулили Брыся, когда он из клуба возвращался с последнего сеанса. Остановили: мол, нет ли закурить? У него всегда было, пошли в сарай, зажгли лампу, и Эсбэ, пока курили, изложил наш план.

Брысь сначала улыбался, а потом щелкнул меня и Эсбэ в лоб и говорит:

— А что, это идея! Можно махнуть.

Мы от счастья закричали «ура!». Брысь нас остановил:

— Тихо! Никому не болтали?

Продолжение следует.

---

[1] Они не пройдут (исп.).

Три черепахи

из забора. Но дня через три у меня ночью повязка съехала, мать утром увидела руку, сказала отцу. Он тогда в первый раз кричал на меня. А мать плакала и неделю со мной не разговаривала. Но они понимали, что ничего назад не повернешь, и в конце концов смирились.

Через месяц опухоль постепенно сошла и наколка приобрела почти такой вид, как у Брыся, чего мы с нетерпением ждали. Только все еще чуть краснели некоторые точечки от игл.

Нам с Эсбэ предстояло сделать три клюшки, а три уже были готовы. Мы освободили для этого целый день и принялись за работу. По плану до отъезда оставалась неделя.

Эсбэ распиливал половинку дуги вдоль на три части ножовкой, а я точил ножи о брусок. Вдруг он как заорет.

— Ты чего? — говорю.

Он левой рукой машет, из указательного пальца кровь прямо ручьем.

— Кажется, палец отпилил.

Оказывается, половинка дуги из упора выскользнула, а он ее левой рукой поддерживал, ну и чиркнул пилой по пальцу до кости.

Мы побежали в городскую поликлинику, до нее метров двести. Бежим, а Эсбэ говорит:

— Вот не хватало перед самой дорогой.

От боли он не так страдал — обидно было по-дурацки получить рану за неделю до отправки в Испанию.

Ну, сделали Эсбэ в поликлинике все, что надо, но клюшки пришлось доделывать мне, и получились они, понятно, не такие классные, как у Эсбэ. С одной рукой он мог только руководить мной, а сам смотрел и злился, что у меня все идет сикось-накось. Но, худо-бедно, три клюшки я смастерил. Правда, за них дали на десятку меньше, чем за клюшки марки Эсбэ.

Приближался наш отъезд. Накануне Брысь отправился в Москву и на Курском вокзале узнал расписание дальних поездов и с каких платформ они отправляются. Он привез вагонный ключ — добыл в Москве, а как, не сказал. Это была для нас необходимейшая вещь...

4 июля 1937 года мы покинули Электроград, выехав на пригородном поезде. Билеты до Москвы купили, чтобы не нарваться на контролера и не сорвать весь план в самом начале из-за пустяков.

Никакого багажа у нас не было, только три сумки для противогазов. Они висели у нас через плечо, в них были все припасы. Эсбэ положил в сумку маленький мешочек с горстью родной земли. Он сказал: мы будем целовать ее в минуту тяжких испытаний и смертельной опасности, и это поднимет наш дух. Брысь хохотал до икоты, потом сказал: придется землю целовать в натуре, а не через материю, потому что мешочек краденый — Эсбэ стащил его у няни Матрены, она хранила в нем принадлежности для штопки чулок и носков.

Поджиги и ножи лежали на дне сумок. Все наши деньги — около трехсот рублей — были у Брыся, как у командира и старшего, а у нас с Эсбэ на всякий пожарный случай имелось по десятке.

Эсбэ очень хотел взять почтового голубя для пересылки боевых сообщений на родину. И наш атаман Богдан обязательно дал бы ему своего самого любимого почтаря, он один у него такой был, белый как снег. Но для этого надо было сообщить Богдану, куда мы едем, иначе бы он не дал. Эсбэ подумал и отказался, хотя и эта идея была первый класс.

Палец у Эсбэ вроде бы прошел. Мы до этого бинт перебинтовывали каждый день — переворачивали той стороной, что почище, но бинт был все время один.

Через два часа мы приехали в Москву. Наш поезд, скорый до Батуми, отправлялся в десять вечера. Времени оставалось еще много, болтаться на вокзале на виду у милиционеров было ни к чему, и я предложил поехать в парк имени Горького. Там мы весело провели целых полдня, попробовали все аттракционы, ели мороженое и пили ситро. Правда, за все это пришлось платить, но мы не жалели, потому что хоть один раз в жизни человек должен как следует разгуляться, тем более нас ждали суровые испытания, и еще неизвестно, вернемся ли мы живыми...

В половине девятого приехали на Курский вокзал. Брысь повел нас через какие-то склады и вывел на железнодорожные пути по другую сторону вокзала. На путях стояли два состава, но оба скоро ушли. Мы присели за сложенные штабелем рельсы, и Брысь объяснил, что наш поезд должен отправляться с первого пути, самого ближнего к вокзалу. Наметили план действий и стали ждать.

Скоро на первый путь медленно втянулся длинный состав с большим паровозом. Уже смеркалось, потому что небо было в тучах, и в этом нам повезло. Быстро перебежали через рельсы, Брысь спрыгнул на подножку вагона в середине состава, поглядел в тамбур, спокойно открыл ключом дверь и махнул нам рукой. Это был тамбур, где находилась печь. Брысь отпер штопором перочинного ножа висячий замок на двери отопительного отсека, и мы с Эсбэ сели на корточки по бокам от печки, а он нас запер и исчез. По плану, Брысь должен нас навещать, а часто или редко — это смотря по обстановке.

Сердчишко у меня билось, как овечий хвост, и у Эсбэ, наверно, тоже. Но мы успокоились, как только поезд тронулся. Летом печку топить не будут, так что потревожить никто не должен. А если и застукают, Брысь сумеет или выручить нас, или вместе с нами отдаться во власть кондукторов, а от них убежать — плевое дело...

Стучали колеса, скрипела холодная печка, звякала в ведре лопата, а паровоз иногда гудел то сердито, то радостно. Мы ехали в Испанию.

Шептаться — ничего не услышишь, говорить громко нельзя. Не помню, долго ли смотрели мы на пролетавшие за темным окном красные искры, но проснулся я, когда окно уже было светлым. Эсбэ, как и я, лежал на оцинкованном грязном полу тесного закутка, свернувшись калачиком, и щека у него была то ли в саже, то ли в угольной пыли. Хотелось пить, но воды мы не взяли, и я снова уснул. Растолкал меня Эсбэ. Поезд стоял на какой-то большой станции.

— Серьга, Серьга! — шептал Эсбэ, и глаза у него были больше медного пятака.

— Я уже не сплю,— откликаюсь.— Что случилось?

— Весь народ из поезда вышел. Мы уже давно стоим.

— Сколько?

— Может, полчаса. А Брысь не идет.

За стенами вагона слышался громкий говор, смех, крики носильщиков. И светло было, как в солнечный день.

Мы не знали, что предпринять, но тут заскрежетал замок на двери, дверь раскрылась на две половинки, и мы увидели Брыся.

— Живо за мной! — скомандовал он.

Через минуту мы курили за пакгаузом на солнышке и обсуждали положение. Было девять утра.

— Почему сошли? — спросил Эсбэ недовольно.— До Батума ехать еще двое суток.

— По кочану! — мрачно сказал Брысь, но злился он не на нас, а, похоже, на себя.— Или расписание изменили, или путь. Не в тот поезд мы сели, чижики. Это город Горький.

Эсбэ сразу стал спокойный и деловой. Спрашивает у Брыся:

— Что будем делать, командир?

— Надо подумать, штурман.

Забыл сказать, Эсбэ в нашей боевой группе значился штурманом, а я вторым пилотом — вроде как в экипаже самолета АНТ-25, на котором летали Чкалов, Байдуков и Беляков. Это придумал Эсбэ. Он говорил, так будет удобно для конспирации, когда начнем действовать в Испании, это собьет с толку кровожадных ищеек генерала Франко. Ищейками назывались, конечно, не собаки, а люди — приспешники каудильо, они же клевреты.

Эсбэ озабоченно нахмурил брови и начал излагать:

— Мы приехали на Волгу... Волга впадает в Каспийское море... В Москву возвращаться нельзя, нас ищут... На Каспийском море стоит город Баку... От Баку до Батума не так далеко...

— Во дает! Без всякой карты! — Брысь понарошку дал Эсбэ шалабан.— Ты, наверно, по географии отличник?

Но за географию Эсбэ не обиделся, да и момент не тот, чтобы обижаться. Он выдвинул предложение:

— Надо пробраться к Волге, реквизировать лодку и плыть в Баку.

В те годы от Горького до Баку доплыть на лодке было, наверное, легче, чем сейчас, если иметь в виду только то обстоятельство, что гидростанций и водохранилищ тогда еще не существовало. Мы смело приняли новый план Эсбэ.

— Но сначала надо пожевать и водички попить,— сказал Брысь, и мы с этим охотно согласились.

Вышли, минуя вокзал, на какую-то улицу, Брысь разузнал у прохожего, как добраться до берега реки, и по дороге мы купили хлеба и воблы и напились воды из колонки.

Шли мы пешком, и путь был долгий. А когда увидели с высокого берега реку, оказалось, что это не Волга, а Ока — так объяснил сидевший на откосе старик.

Эсбэ достал из сумки свои карты и компас, что-то высчитал и успокоил нас с Брысем — мол, тут все равно, что Ока, что Волга. Мы находимся при впадении одной реки в другую.

Принялись за воблу. Она была замечательная, я такой никогда не пробовал. Постучишь о каблук, погнешь ее туда-сюда, шкуру сдерешь, против солнышка на нее посмотришь — насквозь светится, как янтарный камень.

Свои запасы не трогали — они еще пригодятся в черный день. Наелись и так.

Потом закурили, и Эсбэ вдруг говорит:

— Что-то палец ноет.

— А ну разверни,— приказал Брысь.

Размотал Эсбэ грязный бинт, видим — ранка

вся почти затянулась, но у ногтя маленькая трещинка, и как будто нарывает. И весь палец черный.

— Дело швах,— сказал Брысь.

Но Эсбэ лизнул палец, и кончик языка стал у него черный, а палец побелел.

— Это уголь,— объяснил Эсбэ.— Из поезда.

— Сильно болит? — спросил я.

— Ноет,— сказал Эсбэ.— Придется отрубить.

— Ты что, больной? — Брысь даже плюнул.

— Чтобы не было гангрены,— спокойно растолковал Эсбэ.— Так всегда делают, если нет другого выхода.

— Знаешь что, чижик, не лепи чего не надо,— разозлился Брысь.— Схожу в город, принесу бинт и йоду. Ждите меня здесь.

— Тогда принеси и воды,— сказал Эсбэ.— Надо купить какой-нибудь жбан, мы должны иметь в лодке пресную воду.

— А в реке соленая, что ли? — усмехнулся Брысь.— Ладно, сделаем.

Он ушел. И больше мы его не видели.

Что Брысь не придет, стало понятно утром. А всю ночь мы ждали его, засыпая на час и просыпаясь. На рассвете мы проснулись от холода. Река курилась под взошедшим солнцем. Наши рубахи и штаны сверкали алмазами — нас, как траву вокруг, покрыла роса. Я стучал зубами и глядел на Эсбэ, а он на меня.

Мы не могли поверить, что Брысь нарочно покинул нас, бросил, как котят, в чужом городе. Это на него непохоже.

— Может, ногу сломал,— сказал Эсбэ.

— А может, подрался с кем...

Эсбэ дрогнул лишь на минутку и тут же овладел собой.

— Ты готов продолжать путь? — сурово спросил он.

— Готов.

— Тогда подкрепимся — и вперед.

После воблы мучила жажда, а есть не хотелось. Но тут нам крупно повезло.

Мы увидели пацана, примерно нам ровесника, в черных коротких штанах на одной лямке и серой заплатанной рубахе. В одной руке он нес бамбуковую удочку, в другой — узелок и консервную банку на веревочной дужке, как ведерко.

Подойдя ближе, он остановился и оглядел нас хитроватыми глазами.

— Привет,— сказал Эсбэ.

— Здоро́во,— ответил пацан, и такие у него были круглые «о», что я вспомнил, как Брысь пускает изо рта, когда курит, три кольца, одно за другим.

— Ты здешний?

— А ты?

— Мы плывем в Казань,— соврал Эсбэ, но это оказалось потом чистой правдой.— У тебя лодка есть?

— Ну, есть.

Короче говоря, мы столковались с этим бывалым рыбачком, что он на своей лодке доставит нас до первого удобного места на берегу Волги, откуда мы и двинем на низ, в Казань. За это мы отдали ему поджигу Брыся — его сумка осталась у нас, Брысь ушел в город без нее. Эсбэ показал, как надо стрелять и заряжать, а рыбачок в благодарность дал нам два крючка, свинцовое грузило и отмотал с удилища метра три лески. И на том мы с ним расстались.

До Волги мы видели лишь Москву-реку и Клязьму. Можно понять, как мы были ошарашены? Белые пароходы, баржи на поводу у буксиров, плоты с домами, печами и даже гусями плыли по реке, и она казалась самодвижущейся дорогой.

Мы сняли ботинки, привязали шнурками к сумкам и зашлепали по песочку, на который набегала шептавшая волна. Берег был высокий и отвесный.

Не знаю, сколько отошли от Горького, но едва ли не к полудню увидели мы первое подходящее для привала место. Тут в Волгу впадал ручей, и в его устье образовалась ровная площадка. Пожалуй, это даже была маленькая речка, а ручьем она выглядела по сравнению с Волгой. Вода в ней оказалась чистая, прозрачная, холодная. Мы с Эсбэ лежа пили ее, пока живот не стал, как барабан. Потом поели вчерашней воблы и сала из запасов и решили обследовать ручей. И правильно сделали.

Метрах в пятидесяти он делал поворот вправо, скрываясь за выступом высокого белого откоса. За поворотом мы увидели лежавшую на берегу ручья черную лодку.

Глаза Эсбэ загорелись неукротимым огнем, для меня он был похож в этот момент на Стеньку Разина, который только что бросил за борт персидскую княжну. Ясно, что лодка могла стать нашей добычей.

Она оказалась очень тяжелой, но мы, попотев, все же столкнули ее в ручей. На дне ее лежали весла с узкими лопастями, тоже нелегкие. Уключины — два деревянных колышка с петлями из смоленого каната. На носу железная цепь, продетая в кольцо.

На цепи мы подвели лодку к стоянке, погрузили свое добро, вывели ее в Волгу, уселись и... Хотел сказать — поплыли, но это было бы сильным преувеличением.

Во-первых, ни я, ни Эсбэ грести не умели, да к тому же палец у Эсбэ нарывал, правда, с утра стало немного лучше. Во-вторых, с такой верткой лодкой управляться такими пудовыми веслами даже опытный подмосковный гребец научился бы не скоро. В-третьих, мы с Эсбэ открывали свою первую навигацию не где-нибудь, а на Волге. Не шутка...

Мы трезво оценили свои возможности, и Эсбэ сказал:

— Надо бы потренироваться, но здесь нельзя, мы должны уплыть подальше. Давай пихаться.

У самого берега течения не было заметно — почти как на пруду. Опыт плавания на маленьких плотах по весенним прудам с помощью шеста у нас имелся. Первым на корму с веслом в руках встал я, а Эсбэ для баланса сел на носу. Я оттолкнулся веслом от дна, и мы начали водную часть своего пути в Испанию.

Перевернуться и утонуть мы не боялись, потому что плавали, как утки. А то, что на проплывавших мимо баржах волгари ржали при виде такого необычного способа передвижения по реке на лодке, нас не задевало. Была забота посерьезнее — удрать как можно дальше от места реквизиции. Причем должен признаться, что совесть нас тоже не мучила. Ведь мы отправлялись воевать за свободу Испании, мы считали себя представителями великой страны. Что значит какая-то лодка, принадлежащая частному лицу, по сравнению с грандиозной интернациональной задачей, которую мы решали? Ну, побегает хозяин, поматерится малость, но в конце-то концов наше государство в целом не пострадает — ведь мы оставим лодку в Баку...

Худо-бедно, но к вечеру мы уплыли, наверно, километров на пять, выбрали местечко на низком берегу, вытащили лодку и уснули, даже не пожевав.

Эта стоянка была долгой — мы учились грести. А потом дело пошло гораздо лучше, хотя на четвертый день опять пришлось остановиться надолго. Куковали двое суток, пока не подсохли мозоли на ладонях.

Мы сходили в прибрежную деревню в сельпо, купили хлеба и спичек и потом по очереди удили рыбу. Наживкой была шкурка от сала. По сей день удивляюсь: никогда до тех пор я не рыбачил, понятия не имел, как клюет, как подсекать, а ловились лещи просто до безобразия легко. Часа за два у нас на песочке образовалась целая гора рыбы, не меньше ведра. И все одна к одной, как лапти. И тут только мы сообразили, что ни жарить, ни варить ее не в чем.

Пришлось еще раз идти в деревню и реквизировать чугун, сушившийся на заборе возле сельпо.

Если бы мы с самого начала готовились к путешествию по воде и имели в виду рыбную ловлю, у нас бы, конечно, имелись в запасе и перец, и лук, и лавровый лист, но, честное слово, и уха из одних лещей с солью, сваренная на костре, вкуснее ресторанной ухи.

Мы спали и купались, рыбачили и готовили еду, ели и опять спали. Нос у Эсбэ начал лупиться от солнца, а у меня плечи так обгорели, что больно было надевать рубашку. По вечерам, на сон грядущий, мы пели, чаще всего «Легко на сердце от песни веселой», из кинофильма «Веселые ребята». Вернее, пел Эсбэ, у него здорово получалось, а я подпевал.

Как стемнеет, ляжешь на сено — мы его из скирд и копен брали — и глядишь на небо. Если долго на одну звезду глядеть, она как будто дышит, то пригаснет чуть, то разгорится, словно кто на нее подул. А на другие звезды глянешь — они мигают друг другу, а потом кажется, что это они на тебя показывают — мол, смотрите, какой храбрый и самостоятельный парень лежит там, на берегу реки Волги. Шевельнется жалостная мысль: как-то теперь чувствуют себя родители, но вспомнишь, ради какой цели кинул отчий дом, и поймешь, что ничего уж с этим не поделаешь. И вдруг просыпаешься, как будто и не засыпал, и солнце зажгло оранжевым огнем всю реку, сколько видно вправо и влево...

Понемногу мы начинали считать себя старыми речными волками. Но рыба надоедала, припасы в сумках таяли, и мы были вынуждены заниматься реквизициями, а это требовало больших усилий и подвергало опасности. Покупать мы уже ничего не могли, потому что от двадцати первоначальных рублей осталась всего трешка.

Беда наша была в том, что мы попали в межсезонье: в садах вишня уже отошла, а яблоки только-только наливались. Картошка на огородах ботвой удалась, а копнешь — там еще сплошной горох. Волей-неволей пришлось обратить внимание на домашнюю птицу. Так случилось, что поголовье кур в некоторых прибрежных деревнях и селах сократилось, но ненамного. Больше одной курицы в день съесть мы не могли, тем более что иногда удавалось приносить из курятника тепленькие яйца.

Хоть и говорится в народе про человека, у которого руки трясутся, что он будто кур воровал, но я с тех пор сильно сомневаюсь в точности этой поговорки. Во всяком случае, у нас с Эсбэ руки не тряслись.

Однако бог, как говорится, шельму метит, и жизнь нас скоро покарала.

Двадцать седьмого июля, после трехнедельного плавания, мы подошли к Казани и заночевали километрах в трех от города. Утром проснулись, искупались, поели. И только тут Эсбэ обратил внимание, что прямо против нас метрах в ста от берега баржа на якоре стоит — видно, она ночью пришла, когда мы спали. Носом по течению развернута, за кормой лодка на коротком буксире.

— Глянь, на нас в бинокль смотрят,— сказал Эсбэ.

И правда, какой-то дяденька в белой майке-безрукавке стоит на корме баржи и держит перед глазами бинокль. Пока мы обменивались соображениями, этот дядя откладывает бинокль, подтягивает лодку, прыгает в нее, отвязывается и плывет к нашему берегу.

— Давай! Быстро собираться! — говорит Эсбэ и кидает в нашу лодку сумки.

Но не успели мы ничего предпринять. Дядя в пять гребков уж тут как тут. Вдавил лодку носом в песок, перемахнул на землю и прямо к нам.

— Издалече будете? — спрашивает и глазки щурит нехорошо.

— Из Казани,— врет Эсбэ.

— И лодочка из Казани будет? — издевается дядя.

— А откуда же еще...

— Так-так-так,— говорит дядя и берет в руку цепь, вдетую в кольцо на носу нашей лодки.— А случаем, не из-под Горького эта посудина?

Эсбэ отвернулся, будто не к нам речь, подобрал наши ботинки, сунул мне мои и дернул меня за рукав.

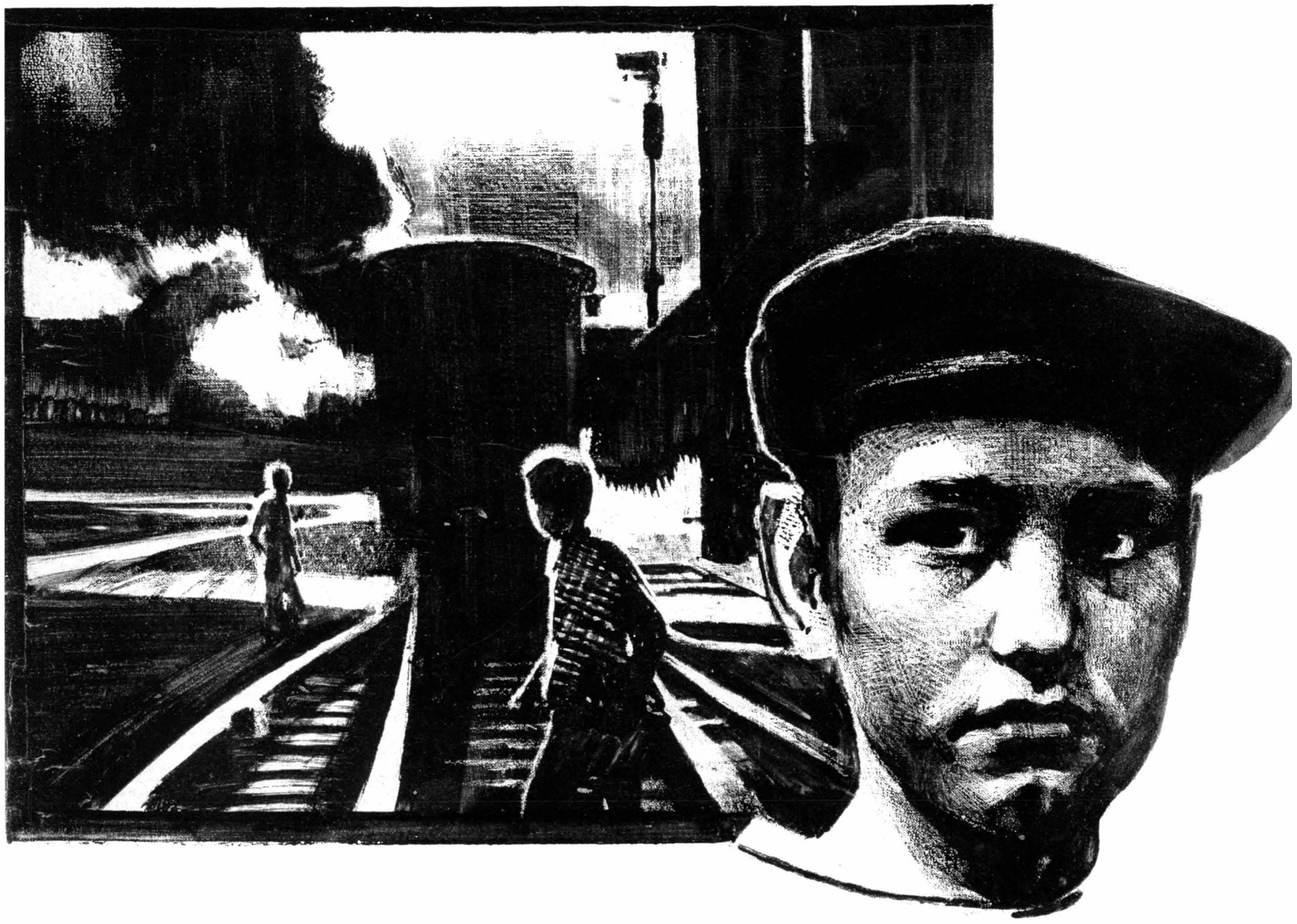
Мы дали такого стрекача — только ветер в ушах засвистел. А может, это дядя свистел, потому что я раз оглянулся и заметил, что он пальцы в рот сунул.

Сколько жить буду, никогда понять не смогу, как узнал этот дядя свою лодку. Это все равно что запомнить в лицо каждого из тыщи пойманных тобой лещей или судаков.

Но гадай не гадай, а мы потерпели катастрофу. Все осталось там, на берегу: поджиги и финка, карты и компас, соль, махорка и спички и даже мешочек с родной землей.

Дядя за нами не бежал, мы пошли шагом и обсудили положение. Судьба, до сих пор относившаяся к нам благосклонно, отвернулась от нас. Планы рушились. Удар был слишком жесток. Мы потеряли всякий боевой дух.

— Может, он взял нас на понт? — сказал Эсбэ, но я чувствовал, что он и сам не верит этому.



— Что же теперь? — спросил я.

Эсбэ вздохнул.

— Вернемся и начнем все снова. У нас теперь есть опыт.

У Эсбэ такая манера была: то говорит, как бродяга, то как по книжке, хлестче взрослого интеллигента.

Не стоит распространяться, как добирались мы до Москвы. Ехали и на товарных поездах и на пассажирских, на подножках, на крышах и на буферах. Это было нетрудно, если учесть нашу речную закалку. Ровно через сутки, утром двадцать восьмого июля, мы сошли с пригородного поезда на Рязанском вокзале в Москве. А на выходе с перрона нас остановил милиционер, пожилой дяденька с планшеткой на узком ремешке.

— Трохи подождите, хлопцы.— И отводит нас в сторонку.

Нам бояться нечего, домой едем. А он планшетку надвое разбросил, посмотрел, как в книгу, поглядел на наши рожи, застегнул планшетку и говорит:

— От оно як... Ты — Анатолий Серегин, а ты — Игорь Шальнев.

Взял нас за шиворот и повел. В милиции при вокзале он доложил дежурному: беглецы нашлись. И мы только тогда сообразили, что нас давно разыскивают по фотокарточкам.

До вечера сидели в комнате под замком. Дали нам полбуханки черного, по куску рафинада и чаю в железных кружках.

Вечером приехала моя мать. Конечно, слезы, упреки. Но она быстро успокоилась и говорит Эсбэ:

— Тебя я тоже беру.— И жалостно так на него посмотрела.

Эсбэ спросил, почему не приехал его отец, а она говорит:

— Понимаешь, так получилось... В общем, после расскажу...

Мама расписалась в книге, что получила нас в целости и сохранности, и нас отпустили. Домой ехали на последнем поезде. В вагоне мама объяснила Эсбэ, что его отца забрали ночью две недели назад, но дома все в порядке, сестренка Оля и няня Матрена здоровы, а свою молодую маму Эсбэ не увидит, потому что она куда-то уехала.

Эсбэ спросил: что значит забрали? За что забрали? Мама сказала: никто ничего толком не знает, но будто бы за растрату. Ей, видно, не хотелось об этом разговаривать, и она перевела на другое.

— Хорош у вас дружок,— говорит.— Заманил и бросил?

Я даже про отца Эсбэ забыл от таких слов. Объяснять, что если кто кого заманил, так скорее мы Брыся, а не он нас, не стоило, все равно бы она не поверила, но откуда ей известно, что Брысь в Горьком с нами расстался? Спрашиваю:

— А Брысь разве вернулся?

Она не поняла:

— Какой Брысь?

— Ну, Саша Балакин.

— Милиция вернула. С доставкой на дом.

Эсбэ молчал, а у меня в голове была полная карусель. Слишком много новостей для одного раза.

Теперь-то я понимаю, как сломалась тогда жизнь Эсбэ. Когда у него мама умерла, то была только трещина, а сейчас все полетело к черту. Ни отца, ни матери, сестренке два с половиной года. Кто кормить будет? Хорошо, хоть Матрена есть, но что она может?

На мне это тоже отразилось. Вероятно, я бессознательно начал догадываться, что все познается в сравнении. Когда бывало что-нибудь не так, не по мне, а хотелось сладенького, кто-то мне в ухо шептал: у тебя мама-папа есть, а у Эсбэ нету. Или так: у тебя ноги в валенках мерзнут, а Оля, сестренка Эсбэ, на улицу в мороз вообще не ходит — валенки купить не на что.

Но все это было, как тучи на небе,— придут, уйдут. Жизнь продолжалась. Как говорится, с учетом происшедшего.

Брысь оставался нашим героем. Мы были

правы, когда там, в Горьком, не поверили в его способность бросить товарищей. Все объяснялось проще. Брысь отправился в аптеку за бинтом и йодом для Эсбэ, но ради экономии денег хотел получить их бесплатно. Как на грех, в аптеке оказался вместе с ним милиционер в обычной гражданской одежде — тоже, наверное, пришел за медикаментами. Он заметил, что Брысь сильно озабочен насчет застекленного прилавка, забрал его, отвел в отделение, ну, а дальше все ясно.

Дядя Брыся поставил ультиматум: или берись за ум, или возвращайся к родителям. Брысь с сентября пошел в школу, в восьмой класс. Мы с Эсбэ учились в седьмом.

Эсбэ по-прежнему делал клюшки на продажу. Брысь иногда добывал то крупу, то сахар, а однажды принес четыре кило сливочного масла. Все это он отдавал Эсбэ. Но разве втроем так проживешь? Еще же и одеваться-обуваться надо.

После матери у Эсбэ остались кое-какие украшения — сережки, кольца. Матрена в Москву ехать боялась, да и неграмотная она, даже деньги считала кое-как. Ну, моя мама съездила, сдала в торгсин.

Уголь мы носили со станции, а с пилорамы — горбыль и щепу.

Иногда я звал Эсбэ к нам пообедать или поужинать, но он сначала соглашался, а потом сказал: «Я наемся, а Оля с Матреной?» И не стал ходить.

Понемногу все как будто налаживалось, Эсбэ начал веселее глядеть, но один раз произошла неприятность.

Там у нас на Красной, в доме номер четыре, жили недавно поселившиеся две семьи, которые дружили только между собой, а с другими знаться не желали. На две семьи — пятеро братцев, мордастые такие ребята, пухлые. Они с нами тоже не водились.

И вот раз в выходной день идем мы мимо этого дома, и самый старший из братцев, повыше нас ростом, кричит Эсбэ от своего крыльца:

— Эй ты, арестантов сын! Щепок-тряпок не надо?

Эсбэ кинулся на него, а они все пятеро там были. Я — на подмогу. Завязалась драка, и нам пришлось плохо. Но тут появился Брысь.

Он их даже не бил, просто расшвырял. И говорит, когда Эсбэ объяснил ему, в чем дело:

— Вы, толстомордые! В следующий раз ноги оторву и галоши есть заставлю.

Больше они Эсбэ не трогали, но он после этого как-то сник, вроде съежился. Такие дела.

А в сороковом году произошло новое несчастье. Брысь попался на месте преступления — его взяли вечером в промтоварном магазине. Был суд, и его судили как взрослого, он уж совершеннолетия достиг. Дали три года. Он исчез из нашей жизни. Но, выражаясь красиво, не из души.

В сорок первом году, в июне, когда мы выпускные экзамены сдавали, Эсбэ приняли на работу в городскую газету, корректором. Редактор раньше дружил с дядей Андреем. И к тому же Эсбэ был грамотный, сочинения писал без единой ошибки.

А я уехал из Электрограда в октябре, когда цех отца эвакуировали. Оля, между прочим, уже в первый класс пошла.

Рассвело. Полковник Серегин встал из-за столика, открыл окно. На улице было прохладно и тихо. Свежий воздух выдавил из номера сигаретный дым.

— И больше вы его не видели? — спросил Басков.

— Эсбэ? То есть Шальнева? Нет, не видал.— Серегин как будто смутился и снова обернулся к окну.— Не ценим мы в молодые годы того, что не вернешь... Я ведь на юрфаке в Москве учился. До Электрограда два часа езды. И не выбрался... Хотелось, очень хотелось, да все некогда... Одно оправдание — уже на втором курсе женат был. А счастливому не до прошлого...

Они договорились, что в десять часов утра отправятся в Электроград. Басков домой не поехал. Серегин дал ему одну из двух подушек, снял с одеяла пододеяльник, и Басков устроился на диване.

Продолжение следует.

Три черепа

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава IV

КТО ПОСЛАЛ ТЕЛЕГРАММУ!

— Конечно, всякое бывает, но паспорт Балакина в кармане у Шальнева — по-моему, лучшее доказательство, что не Балакин покушался на убийство, это я еще в первый день понял,— сказал Басков.

Серегин приподнял опущенное до упора стекло. Машина сделала поворот, и в окно била такая плотная ревущая струя ветра, что трудно было говорить и слушать.

— В первый день и окончательно?

— Нет, правда, Анатолий Иванович, это же элементарно. Не мог такой матерый на такую липовую комбинацию рассчитывать. Он же возможности дактилоскопии знает... А теперь, после всего, что вы о Эсбэ и Брысе рассказали, я и подавно не верю...

— Ну, Алеша, время даже русла рек меняет.

— Не мне вас учить. Характер, думаю, изменить труднее.

— Готов согласиться, но Балакин так или иначе в этом замешан, паспорт-то его. Не он бил — ладно. Идея не от него — справедливо. Но каким образом и зачем паспорт Балакина попал в карман к Шальневу? Какая связь между Балакиным, ограбившим, предположим, совхозную кассу, и Шальневым? Кому и зачем понадобилось убивать Шальнева? Где мотивы?

— Трудно сказать... И подозрителен, конечно, этот дружок Балакина — Чистый.

— А он кто?

— Тоже не из детского сада. Руководил бандой. Грабил квартиры. Он шофером такси в Москве работал, сколотил группу, сам наводил и сбывал краденое...

— Вот видите, он тоже с возможностями дактилоскопии знаком, комбинацию с паспортом ему приписывать не более уместно, чем Балакину.

— И так правильно.

— Не думаете, что это случайность?

— Какой-нибудь местный импровизатор сработал? — переспросил Басков.— Нет, Анатолий Иванович, это было бы слишком жирно для того, кто подбросил Шальневу паспорт. Да и зачем лицо уродовать? Одного затылка хватало.

Машина плавно повернула, ветер перестал гудеть, и Серегин приспустил стекло.

— Желаю вам, Алеша, поскорее найти того, кто послал телеграмму.

— Юру? Если бы его найти,— с усмешкой сказал Басков и, достав сигарету и спички, закурил.

— Скоро ли прибудем? — спросил Басков шофера.

— Вот сейчас правый поворот, и на месте.

— Хорошо бы застать,— сказал Серегин.— Учителя все в отпуске.

— У вас рука легкая, Анатолий Иванович,— улыбнулся Басков.

— Дай бог, если так.

Въехали на улицу Электрограда, и шофер Юра спросил у прохожего, как попасть на проспект Радио.

Дом № 11 оказался новеньким.

Серегин и Басков пошли во двор, куда выходили подъезды. На скамье под молодой липой, дававшей очень прозрачную тень, сидели три старушки в цветастых платках. Сверху из открытого окна гремела музыка — что-то рок-н-роллистое. Время близилось к полудню. Жаркое марево висело в воздухе.

Серегин и Басков вошли во второй подъезд, поднялись на третий этаж и увидели на обитой черным дерматином двери квартиры № 32 приколотую кнопкой к косяку квадратную бумажку. На ней каллиграфически было выведено шариковой ручкой, синим: «Игорь! Буду в 2 часа. Ключи в квартире напротив. О.»

— Шальнева Игорь зовут? — словно не веря себе, спросил Басков.

— Андреевич.

— Значит, ждут его здесь?

— Нам-то ждать недолго.— Серегин посмотрел на часы.— Сто двадцать минут.

Они спустились, пошли к машине.

— Заедем в горотдел? — спросил Басков.

— Засвидетельствовать почтение не мешает.

— Не знаю, как у вас, а у меня всю дрему как рукой сняло,— сказал Басков в машине.

— Мы с вами спали за ночь три часа. Но тут взбодришься, это верно.

В горотделе милиции они пробыли полчаса. Поговорили с начальником, Басков поблагодарил инспектора, который прислал сведения о Шальневе и его сестре, и откланялись. Заехали в кафе, хотели выпить кофе, но он оказался такой бурдой, что пришлось заказать чай, а чая не имелось, и они втроем выпили две бутылки теплой воды «Саяны», после чего захотелось прополоскать горло водою из-под крана.

Официантка научила, как проехать на улицу Красную. Но ничего из этой экскурсии в детство у Серегина не получилось. По той причине, что он улицу просто не узнал. Никаких деревянных, рубленных из бревен домов давно не было, сараев тоже. Стояли в ряд одинаковые девятиэтажные панельные здания. Пылил под автомобилями выщербленный асфальт. Рядом пыхтел завод. Временами что-то ухало, и земля вздрагивала. Наверное, работал главный молот.

Серегин попытался отыскать конный двор горкомхоза, где когда-то они с Игорем Шальневым добывали дуги для производства клюшек. Шофер Юра, следуя указаниям, провел машину в конец улицы, свернул вправо, но и конного двора тоже не обнаружили.

— Пустое дело,— со вздохом сказал Серегин.— Позарастали стежки-дорожки...

Часы показывали половину второго.

— Давай потихонечку на улицу Радио,— сказал Басков шоферу Юре.

Остановившись напротив дома № 11, они подождали до двух, и никто за это время к дому со стороны улицы не подошел.

Ровно в два Басков и Серегин поднялись на третий этаж. Бумажки на двери квартиры № 32 не было.

Басков позвонил.

Дверь открыла высокая полная женщина лет сорока, с очень свежим цветом лица, тронутого загаром. Пепельные волосы острижены коротко. Чуть вздернутый нос, серые с голубым проблеском глаза. Старенькое, в мелкий красный горошек ситцевое платье с коротким рукавом сидело в обтяжку и едва не лопалось на груди. Она поправила упавшую на лоб прядь, и Басков обратил внимание, что пальцы у нее в ссадинах, а под ногтями как будто земля. Маникюра и следов нет.

— Здравствуйте,— сказал Басков.

— Добрый день, Ольга Андреевна,— вслед за ним сказал Серегин.

Таких гостей она явно не ожидала и была удивлена.

— Здравствуйте,— грудным контральтовым голосом ответила Ольга Андреевна.— Вы ко мне? — Она немного растерялась, настороженность мелькнула в глазах, но тут же на лице появилась робкая улыбка. Отступив и давая им дорогу, она пригласила: — Прошу, входите... Извините, встречаю в таком виде... Я только-только из садика, с садового участка.

В квартире пахло земляникой и укропом.

Прошли в комнату.

— Надо бы спросить, кто такие,— сказал Басков как можно более мягко и протянул Ольге Андреевне раскрытое удостоверение.— Мы из Москвы, из МУРа. Надо поговорить немножко.

Она не стала смотреть удостоверение, она была испугана.

— Что случилось? С Игорем что-нибудь?

— Почему вы думаете, что с Игорем? — спросил Басков.— Вы имеете в виду брата?

Она в растерянности переводила взгляд то на одного, то на другого.

— Он должен был приехать еще в субботу, а сегодня среда...

— Случилось несчастье. Но он жив и будет жить... Сейчас в Москве, в больнице... Вы не беспокойтесь.

Ольга Андреевна предложила им стулья, стоявшие у круглого обеденного стола, сама опустилась на тахту.

— Но это что-то серьезное?

— Достаточно серьезно.

Чтобы снять напряжение, в разговор вступил Серегин.

— А я ведь вас еще вот какой знал.— Серегин показал рукой на метр от пола, и голос его звучал при этом так, словно он говорил с ребенком.— Не помните Серьгу, Игорева дружка?

Она как-то беспомощно пожала плечами: переход был для нее слишком резок и неожидан.

— Я в сорок первом в октябре отсюда уехал, вы тогда в первый класс пошли,— продолжал Серегин.

Ольга Андреевна нахмурила лоб, а потом ласково взглянула на него.

— Это ваша мама мне свою шубку переделала, кротовую? Вы в шестой квартире жили? На втором этаже?

— Точно.

— Ну как же, вспомнила... Только вот лицо ваше...

— Мудрено. Без малого сорок лет прошло.

— Мне Игорь про вас много рассказывал... Уже после войны...

— Я его тоже не забывал.— Серегин словно оправдывался.

Но это лирическое отступление не отвлекло Ольгу Андреевну от грозного смысла слов, произнесенных Басковым. Она обратилась к нему с молящими нотками в голосе:

— Вы расскажете об Игоре?

— Что можно. Но, кажется, мы больше услышим от вас. Нельзя ли водички?

— Есть клюквенный морс, сама варила,— сказала Ольга Андреевна.

— По рецепту Матрены? — спросил Серегин.

— Вы ее помните? — удивилась она.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—15.

— Да, конечно... Но вы принесите нам водички.

Она ушла на кухню.

— Такая пигалица была,— тихо сказал Серегин.— Славная женщина...

Ольга Андреевна вернулась с графином воды и стаканами, налила.

Серегин и Басков не спеша пили, а Ольга Андреевна смотрела на них в нетерпении. Наконец они поставили стаканы на стол, и она сказала Баскову:

— Если можно, ради бога, что с Игорем?

Он рассказал ей о происшествии на бульваре имени генерала Карбышева, не утаив ничего, кроме истории с паспортом. И про телеграмму умолчал.

Ольга Андреевна встала, взяла из шифоньера носовой платок и отошла к окну, задернутому белым тюлем.

— За что? — тихо сказала она, стараясь побороть слезы.— Мало он в жизни натерпелся?

Басков и Серегин молчали. Чем они могли ей помочь?

Эта была та минута, из-за которых оба они порою ругали и кляли свою должность и профессию. Чего хуже — приносить в дом к хорошим людям страшные вести. Никто, конечно, во время войны не считал почтальонов, приносивших похоронки, виновниками смерти обозначенных в похоронках людей, но почтальоны словно носили у себя в сумках все горе и все проклятия сирот, вдов, матерей и отцов, не дождавшихся с фронта своих родных солдат.

— Ольга Андреевна, прежде всего нам нужен адрес вашего брата.

Она опять пожала плечами.

— Он живет в Ленинграде, на Суворовском проспекте.

— Давно?

— Ну, если точно, с пятьдесят седьмого.

— А почему именно там?

Она немножко не понимала, отчего нужно знать такие давние подробности. При чем здесь это, если с Игорем случилось что-то серьезное? Она ответила скучным голосом:

— Понимаете, он в сорок втором призвался на флот, на Балтийский: всю войну прослужил в Ленинграде, там у него было много друзей... Туда и поехал...

— А почему? Здесь было плохо?

Ольге Андреевне этот вопрос не понравился. Верно, ей было неприятно отвечать на него.

— Если хотите — да. Ему здесь было плохо.

Серегин, пока Басков задавал вопросы, смотрел на него с еле уловимым сожалением, и Басков наконец заметил это сожаление — соединил его с отчужденным тоном Ольги Андреевны и подавил в себе несколько эгоистический подъем, который испытывает сыщик, попавший на верную дорогу. Он понял, что сейчас не время вдаваться в психологические тонкости еще не ясных ему взаимоотношений действующих лиц — прежде надо определить, если допустима такая терминология, точное их взаиморасположение в пространстве и во времени.

— Вы меня извините, Ольга Андреевна,— сказал Басков,— наверно, мои вопросы кажутся вам бестактными... бесчеловечными, что ли... Но если каждый раз я буду делать реверансы, мы далеко не продвинемся.

Она, кажется, поняла наконец, что это не расспросы досужих любопытствующих, а рабочий разговор, почти допрос, и ей стало легче отвечать.

— И вы меня извините... Неожиданно очень... Вы хотите знать, почему Игорь отсюда уехал?

— Вкратце.

— Вкратце не расскажешь. В общем, у него тут была семья... Развелся... А встречать каждый день на улице любимого человека тяжело, правда? То есть с которым развелся...

— Скажите, Ольга Андреевна, не было ли у Игоря Андреевича друга по имени Юра?

Она как-то сочувственно посмотрела на него, впервые за последние пять минут подняв низко склоненную голову, и перевела взгляд на Серегина:

— Ленинградских его знакомых я по именам не помню... Игорь, правда, всегда много о них рассказывал... Но у него есть сын Юра.

Басков, как он сам выражался в подобных

случаях, нажал на тормоз: еще один неожиданный поворот.

— Юра в пятьдесят седьмом родился? — спросил он, стараясь не выдавать истинных размеров своего интереса.

— В пятьдесят шестом.

— И где же он теперь?

— В Москве, с бабушкой, где ж ему еще быть.

Это «с бабушкой» было произнесено так, что даже человек, самый глухой по части людской психологии, услышал бы отзвук каких-то больных столкновений. Но Басков уже решил, что не будет пока вникать в оттенки сложных душевных узоров, а пойдет по грубой канве фактов и событий. Поэтому он спросил:

— Адрес Юры вам известен?

— Нет, я с ними не общаюсь. Игорь, конечно, знает.

Вставил слово Серегин:

— Фамилия у него отцова?

Ольга Андреевна печально улыбнулась.

— Что вы! Они фамилию Шальневых слышать не могут.

— Это кто они? — спросил Басков.

— Бабушка, его тетя.

— А их как фамилия?

— Мучниковы.

— Разрешите, я запишу.

Басков записал в блокнот рядом с ленинградским адресом Шальнева: Мучников Юрий Игоревич, 1956 года рождения. И, посмотрев на Серегина, как бы ища его одобрения, задал новый вопрос, в той же своей манере — как бы не придавая ему особого значения:

— Ольга Андреевна, а фамилия Балакин вам ничего не говорит?

Ольга Андреевна, сидевшая до этого, облокотясь о стол, и чертившая ногтем на скатерти какие-то невидимые чертежи, выпрямилась и застыла. Она смотрела поверх плеча Баскова в задернутое тюлем окно и молчала.

Серегин, как и Басков, не мог угадать, что означает это молчание и что за ним последует, поэтому счел необходимым помочь Ольге Андреевне наводящим вопросом.

— Может, помните — был такой парень, постарше нас с Игорем, звали его Брысь? — И тут же сам высказал сомнение: — Да нет, вряд ли, он в сороковом году отсюда уехал, вам всего пять лет было.

Сидевшая напряженно, словно в ожидании удара, Ольга Андреевна вдруг закрыла лицо руками и, кажется, готова была разрыдаться.

Серегин подошел к ней, положил руку на судорожно вздрагивающее круглое плечо.

— Что вы, голубушка? Успокойтесь.

— Простите.— Она встала, ушла в другую комнату.

Серегин и Басков глядели друг на друга, слушали, как в соседней комнате хозяйка открывает и закрывает ящики то ли стола, то ли шкафа, и ничего не понимали.

Ольга Андреевна вернулась с фотокарточкой в руке. Положив ее на стол, сказала еле слышно:

— Если вас интересует именно этот Балакин... именно он...

Серегин взял карточку. Это был профессионально выполненный групповой портрет размером 13×18, на плотной сатинированной бумаге, отлично напечатанный, так что изображение нисколько не выцвело. Красивая девушка, то, что называется в полном цвету, держала под руки двух молодых мужчин, один из которых, по ее правую руку, зажал в углу рта дымящуюся папиросу. Он смотрел несколько исподлобья, из-под густых бровей, пристально и спокойно. А второй мужчина, очень похожий лицом на девушку, улыбался, как и она. Девушка была в легком платье, мужчины — в рубашках с коротким рукавом. Они стояли среди берез. Пятна света и теней играли на заднем размытом плане.

— Это вы с Игорем и Александром Балакиным,— узнал Серегин, и в голосе его звучало неподдельное волнение.— Когда сделано?

— Летом пятьдесят седьмого,— вяло, безразлично ответила Ольга Андреевна.

— Кто так хорошо снял?

— Щелкала Тоня, Игоря жена... Игорь навел, аппарат ей дал, а сам встал с нами...

Серегин передал карточку Баскову, Ольга Андреевна продолжала стоять, и Серегин сказал:

— Да вы садитесь, а то как-то неудобно.

Она села. Басков бережно подвинул к ней карточку, спросил:

— Ольга Андреевна, а вы знаете, чем занимается Балакин?

Опять его вопрос явно пришелся ей не по душе, но, как ни странно, на сей раз это помогло Ольге Андреевне, она сделалась спокойной. Погладив карточку пальцами, сказала беспечно:

— Вот в этот момент ничего я не знала, и было замечательно. А потом меня просветили...

— И давно вы в последний раз видели Балакина?

И опять она взглянула на Баскова с сочувствием.

— Все тогда же, в пятьдесят седьмом.— И добавила, словно поддразнивая этих людей, нежданно явившихся со своими бесчисленными вопросами и ворошащих далекое прошлое: — А у меня от него дочь. Институт кончает.

— Вы с ним не расписаны?

— Не успели.

— Почему?

— Помешали. Пришлось ему уехать.

— Кто помешал?

Она уже готова была вновь поддаться раздражению, но сдержалась — все это читалось на ее лице, как по книге.

— Господи, я ведь говорила: коротко не расскажешь, а расскажешь — вы ничего не разберете.

Серегин и Басков понимали, что она, конечно, перенервничала, и хотя Ольга Андреевна совсем не была похожа на малокровную особу, вздрагивающую от здорового чихания в соседней квартире, эти ее внезапные переходы от одного настроения к противоположному были вполне объяснимы.

И снова Басков не соблазнился возможностью пойти по этой безусловно существенной для дела нитке — связи Ольги Шальневой с Балакиным. Если даже предположить, что она говорит неправду насчет того, когда видела его в последний раз,— в данный момент ему важен сам факт связи, остальное можно оставить на потом.

— Брат часто у вас бывал? — спросил Басков.

— Раз в год — обязательно.

— Он кем работает?

— Вообще-то у него инвалидность. Инвалид войны второй группы. В шестидесятом году оформил. Ну, сами понимаете, на такую пенсию не очень-то... Он корректором работал, нештатно, на дом брал.

— Не женился больше?

— Ну что вы! До сих пор Тоню любит.

— Но в остальном жизнь у него в порядке?

Ольга Андреевна замялась: еще один неловкий вопрос. Но, помолчав, ответила:

— Пить стал нехорошо.

— Что значит нехорошо?

— Ну, понимаете, он всегда был не против, но последние годы, даже когда у нас гостил, каждый день допьяна.

— Не скандалист?

— Ну что вы! Наоборот — все ему друзья, все прекрасные люди.

Видно, присловье «ну что вы» было фирменным у Ольги Андреевны, но, произносимое ее грудным контральто, звучало симпатично.

— Последний вопрос, Ольга Андреевна,— сказал Басков.— Брат ваш никогда о Балакине не поминал?

— Ну, конечно, говорили, он же все-таки отец моему ребенку. Вы имеете в виду — не встречался ли Игорь с Сашей?

— Пожалуй, так будет точнее.

— Нет, это исключено. Игорь бы не утаил.— Она задумалась на секунду.— Но, знаете, был непонятный случай с письмом, у меня такое ощущение возникло — не без Саши тут... Мы тогда еще на Красной жили, он адрес-то знал.

— А что за письмо?

— По-моему, оно должно было сохраниться. Попробую поискать.

Она снова покинула их.

— Вот оно как бывает: он для нее по-прежнему Саша,— задумчиво сказал Серегин.— Повезло Брысю.

— Интересно, знает он, что у него дочь есть?

— А вы, Алеша, спросите, не стесняйтесь. Она уж успокоилась.

Баскову показалось, что это было сказано не без подначки, и он перевел разговор на дело.

— Анатолий Иванович, она столько ниток дала, надо все это быстро раскрутить.

— Целый клубок,— согласился Серегин.— Какие же мысли? Что намерен предпринять?

Полковник впервые употребил обращение на «ты», и Басков понял, что подозрения его относительно подначки несправедливы.

— Надо разыскать Юру, а потом срочно в Ленинград.

— А мне хочется с ней поговорить. Просто так, поболтать о прошлом. Я, пожалуй, останусь до вечера.

— Это и на пользу будет. Она о Балакине, наверно, много может рассказать.

— Насчет пользы посмотрим. Но как нам дальше координироваться?

— Нет проблемы, Анатолий Иванович. Мы, знаете, как сделаем? Я машину вам оставлю, Юра меня только до вокзала довезет, а там на электричке час с небольшим. А в Москву приедете — решим.

— Ну что ж, годится.

Ольга Андреевна вернулась.

— Вот нашла.— Она держала в руке конверт и словно колебалась, кому первому его протянуть. И, как и фотографию, отдала письмо Серегину. Баскова это нисколько не обидело: как-никак у этих двух людей было гораздо больше общего, чем у него с Ольгой Андреевной, да и не попал он с первых минут в нужный тон.

Прочитав письмо, Серегин передал его Баскову. Оно было коротким.

«Здравствуйте, уважаемый Игорь Андреевич! Пишет Вам неизвестный Вам человек. Адрес мне дал один человек, который Вас хорошо знал, а сейчас неизвестно где, и посоветовал обратиться к Вам. А просьба очень большая, если не трудно. Я очень люблю журнал «Вокруг света», но здесь у нас его достать невозможно, не говоря о подписке. Большая просьба: если можете, подпишите меня на этот журнал на 1971 год. Деньги я вышлю. Буду очень благодарен. Мой адрес.., Корольков Владимир Николаевич».

Судя по адресу, письмо писано в колонии.

— И что же вы ответили? — спросил Басков.

— Видите, какое дело... Игорь тогда уже в Ленинграде жил. Я написала этому Королькову, дала адрес Игоря.

— А к нему Корольков обращался?

— Нет. Но подписку Игорь устроил.

— Можно, я возьму это письмо?

— Пожалуйста.

Басков не знал, пригодится оно для следствия или нет, но всякое бывает. Он взял висевший на спинке стула пиджак, положил письмо в блокнот, а блокнот в карман пиджака и встал.

— Ну, извините, Ольга Андреевна, за беспокойство, мне пора.

— Ничего, ничего, вы же по делу. Но об Игоре так ничего и не рассказали. Или нельзя?

Серегин кашлянул в кулак и сказал:

— Ольга Андреевна, я с вашего разрешения еще посижу. И об Игоре поговорим.

Она обрадовалась.

— Очень вам буду благодарна.

Серегин едва заметно улыбнулся: это были слова из письма неведомого почитателя журнала «Вокруг света» по фамилии Корольков.

Продолжение следует.

Три черепахи

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА V

КАК РАЗРУШАЮТСЯ СЕМЬИ

Когда Басков ушел, Ольга Андреевна предложила Серегину отведать клубники, которую привезла со своего садового участка. Но прежде надо было ее почистить, и они перешли в кухню.

Анатолий Иванович помогал хозяйке, они разговаривали, пытаясь вспомнить моменты особо замечательные, но это плохо получалось, потому что из довоенного Ольга Андреевна мало что могла восстановить в памяти, да и вообще вряд ли много найдется общих предметов для воспоминаний о детстве у двух людей, если один старше другого на одиннадцать лет.

— Как же вы войну-то прожили? — спросил Серегин.

Она помолчала, улыбнулась рассеянно.

— Сама не знаю... С топливом плохо было, мы с Матреной на станции угольную крошку собирали, в лес за хворостом ходили... Голодно жили, конечно... Матрена стирать по домам пробовала, иногда пяток картошек принесет, пшена стакан, но больше все сами стирали, а Матрене работу так уж давали, из жадости... Меня соседи иной раз пообедать пригласят... Игорь-то ничем помочь не мог. Он сначала курсантом на флоте был, в Ленинграде, в отряде подводного плавания. Получал какие-то рубли. Потом их в пехоту перевели, он сержантом стал, иной раз пришлет пятьдесят или тридцать рублей, и то не из жалованья, а как-то там разживется. Он писал, они ведь все на займ подписывались, на десятимесячный оклад, а облигации — в Фонд обороны. Все так делали, и он ведь не мог сказать, что у него дома сестра и нянька совсем без денег живут. Он же настоящий комсомолец был, правда?

Серегин вздохнул.

— Он замечательный был парень. А в комсомол мы вступали в сорок первом.

— Знаете, Игоря когда второй раз ранило, он в Ленинграде в госпитале лежал, на Гороховой улице, это уже в сорок четвертом году было, блокаду уже сняли... Так он нам посылочки присылал, экономил из своего пайка... Хлеб сушеный, не сухари казенные, а сам сушил. Табак на продажу, сахар и даже витамин ц3 — маленькие такие пузыречки, а в них черносмородиновый экстракт — это ему против цинги давали... А один раз восемьсот рублей переводом получили... Они там в палате в карты по ночам играли, в очко, и Игорю иногда крупно везло... Про карты он в письме написал, а военная цензура не замазала, хотя эта фраза о картах была с двух сторон крестиками отмечена — собирались, наверно, вычеркнуть, а потом оставили... А может, забыли...— Ольга Андреевна рассмеялась.— Вот какая ерунда запомнилась.

— На войне всяко бывало,—сказал Серегин.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—16.

Они услышали, как возле дома на улице затормозила машина. Серегин выглянул в раскрытое настежь окно.

— Юра вернулся, шофер наш.

— Надо бы его в дом позвать, жарко на улице.

— И то верно.

Серегин пошел за Юрой, а Ольга Андреевна принялась мыть в дуршлаге очищенную клубнику, которой было почти целое ведро.

Когда Серегин привел Юру, Ольга Андреевна проводила его в ванную, где он умылся, а потом она усадила его за стол и поставила перед ним тарелку крупных красных ягод.

— Может, хотите со сливками? — спросила она.— У меня есть.

— Не-ет,— решительно отказался Юра.— Лучше в натуральном виде.

— Не стесняйся,— посоветовал Серегин.

Он вернулся следом за Ольгой Андреевной на кухню, и она спросила:

— Анатолий Иванович, а вы можете об Игоре подробности рассказать?

Серегин испытывал некоторую неловкость: что, собственно, мог он ей поведать, если сам не знал ничего, кроме виденного собственными глазами? Она поняла, что он в затруднительном положении, сказала:

— Вы хоть объясните, как его состояние. Не опасно это?

— Мой молодой товарищ все, собственно, вам рассказал. Что добавить? Я Игоря видел. Сейчас ему очень плохо, но он этого не чувствует. Полная потеря сознания.

— Его ударили?

— В затылок и в лицо.

— Изуродовали?

— Есть немного.

— А повидать нельзя?

— В принципе можно. Но я бы вам не советовал пока, Ольга Андреевна. Вот в себя придет, заговорит... А так что же — только расстраиваться.

У нее опять слезы навернулись на глаза, но она превозмогла себя.

Серегин посмотрел на нее несколько искоса и, словно нащупывая почву, сказал с мягкой усмешкой, стараясь не выдать собственного отношения к тому, о чем шла речь:

— Мой младший товарищ... как бы это выразиться... весьма озадачился.

— Чем же?

— Знал Саша Балакин, что у него дочь растет, или не знал?

Если Серегин и лукавил с Ольгой Андреевной, то совсем слегка и не в своекорыстных целях. Хотя поднятый им вопрос имел существенное значение для дознания, но он его задал больше для того, чтобы сделать плавный переход к другим вопросам, которые интересовали его просто по-человечески, а не как одного из участников расследования.

Ольга Андреевна обеими руками пригладила свои густые волосы.

— Нет, Анатолий Иванович, не знал. Я в тот момент, как он исчез, и сама не знала. А потом не появлялся, не писал...

Ей было явно невесело возвращаться в пятьдесят седьмой год.

— Ольга Андреевна, голубушка, расскажите, как Игорь с войны пришел, как вы тут жили... Очень мне интересно... И, поверьте, это интерес не постороннего человека.

— Понимаю.

— Да нет,— горячо возразил Серегин— Вы многого не сможете понять. Я, в сущности, свинья. Жил в Москве пять лет после войны, учился...И не нашел пяти-шести часов сюда съездить, юность вспомнить. Как ни говорите, а Игорь-то был моим единственным настоящим другом.

— Ну, хорошо, я расскажу. Только вы про клубнику не забывайте.

Она поставила перед ним миску с ягодами и розетку с сахарным песком, себе положила на тарелку пригоршни две, полила клубнику сливками из бумажного пакета. И вот что услышал Серегин.

— Игорь в сорок пятом демобилизовался по ранениям. Приехал в декабре. Я тогда в пятом классе училась. Сижу за столом у окна, домашние готовлю. Вдруг снежком в стекло — стук. Я думала, Генка, сосед, балуется. Окна у нас не замерзали, рамы двойные, между рамами Матрена вату клала. Смотрю, красноармейская шапка перед окном на прутике покачивается... А Игорь не писал точно, когда приедет, сглазить боялся, он ведь немножко суеверный... Но я тут же догадалась, что это он. Побежала дверь открыть, а сама уже плачу, и Матрена, глядя на меня, тоже в слезы... Я Игоря даже не узнала, он мне меньше ростом казался, а тут такой большой, в шершавой шинели, табаком пахнет...

Но это лирика. Сготовила Матрена картошки с салом, которое Игорь привез, напились мы малинового чаю, и рассказал он нам про все, как было в Ленинграде, про войну, как ранили его, где побывал, что видел. Из трофеев он привез фотоаппарат «лейку» и готовальню для черчения — просто чудо. А нам с Матреной целый рулон байки — знаете, которая на зимние портянки шла. Мягкая такая, теплая, цветом как сливочное масло. Это ему знакомый старшина дал, в полку, где Игорь последнее время служил. Мы с Матреной сами сшили себе прекрасные кофты и юбки... Ну, не очень, конечно, прекрасные, мы же не портнихи, но, во всяком случае, с нашей одежкой не сравнишь — все заплата на заплате было, а в школу я ходила в старенькой Матрениной овчинной душегрейке, еще дореволюционной. А теперь приоделись. Да еще вторую кофту Матрена покрасила в синий цвет, так что у меня была перемена.

Игорь на другой же день отправился в редакцию городской газеты. Там работали те же люди, что и в сорок первом году, и все его помнили. Место корректора было занято, но один литработник собирался уходить, и редактор предложил Игорю поработать пока нештатно, а потом что-нибудь выкроится. Игорь стал писать заметки под рубрикой «По городу», а иногда делал стихотворные подписи под клишированными карикатурами — их, по-моему, присылали откуда-то из Москвы, централизованным порядком... Ну, гонорар в газете был маленький, трудновато приходилось, но как-никак Игорю рабочие карточки выдали, так что мы с Матреной считали, живем, как в раю... По сравнению с войной, конечно...

Игорь веселый был, не унывал. Жалел только, что мало флотского привез — один ремень с медной бляхой, на которой якорь выдавлен.

Рана у него первое время сильно болела, на бедре свищ был, вечно ему его чистили, но, в общем, это не мешало. Он даже начал зимой в хоккей играть за заводскую команду.

Году в сорок восьмом его приняли в штат, появился твердый оклад. Если не ошибаюсь, семьсот девяносто рублей в месяц, по-ны-

нешнему семьдесят девять. Да плюс гонорар рублей пятьсот. Да еще к тому времени у них цинкография появилась, можно было делать клише со своих снимков, и Игорь занялся фотографией, стал делать портреты передовиков, и в редакции его работы очень нравились.

Вы не удивляйтесь, что я редакционные дела хорошо знаю. Мне тогда тринадцать лет исполнилось, в седьмой класс ходила, а Игорь о своей работе, хорошо там у него или плохо, все нам с Матреной рассказывал. Он вообще по натуре такой человек, не может в себе держать чувства свои... Вернее, был таким, но его научили, крепко научили...

В пятьдесят первом, летом, как раз я десятилетку окончила, приехала сюда Нина Матвеевна Мучникова, у нее была дочь Тоня, мне ровесница. Им квартиру дали в доме восемь по улице Горького, это тогда лучший дом считался в центре города. Нина Матвеевна заведовала горздравотделом.

Ну, знаете, городок наш был тогда не такой большой, как сейчас. Все всё друг про друга знают, а про новеньких стараются узнать. А эта Нина Матвеевна ничего о себе и не скрывала — наоборот, охотно рассказывала свою биографию. Уж на что Матрена наша на сплетни и пересуды не падкая, и то через неделю от соседок услыхала: вот, мол, явилась в городе замечательная гражданка, энергичная женщина, любого мужика за пояс заткнет. Одна, без мужа, и дочку вырастила, и институт окончила, и вон на какую должность назначена. А старшая ее сестра и того выше — занимает в Москве очень большой пост. Тоже без мужа, но, правда, детей нет. До того она своим рабочим делом озабочена, что во всю жизнь некогда ей было о муже подумать.

Но я немножко перескочила, надо по порядку.

Я когда аттестат получила, у нас с Игорем был серьезный разговор. Он хотел, чтобы я поступала в институт. Но это получалось несправедливо. Он ведь перед войной тоже десятилетку окончил, ему высшее образование тоже необходимо, еще больше, чем мне. Если бы не мы с Матреной, он бы давно его и получил, а тут, чтобы нас кормить, он об институте и не заговаривал. На вечерний у него бы ни сил, ни времени не хватило. Все-таки газета, занят он и днем и вечером, а иногда и ночью.

Ну, я поставила вопрос так: иду работать, и оба мы поступаем на вечерний факультет, ему для этого надо только ограничить немного свои обязанности в редакции — ну, хотя бы отказаться от фоторепортерской работы.

Игорь ни в какую. Ты должна учиться, говорит, а я ждал десять лет и еще подожду. Вот получишь диплом, тогда и я возьмусь — и никак его с этого не собьешь.

Поступила я в Московский педагогический имени Ленина, что на Малой Пироговке. Как говорится, по призванию.

Тогда в Москву ходили не электрички, а поезд обычный, с паровозом, два часа езды. Но это, с одной стороны, даже хорошо было — два часа туда, два обратно — удобно для студента, можно много проштудировать за дорогу.

В поезде и познакомилась я с Тоней Мучниковой, дочерью Нины Матвеевны. Она училась тоже в педагогическом, но в другом — иностранных языков. Это, как теперь выражаются, более престижный институт. Тогда этого словечка никто не употреблял, но иняз и в наше время считался рангом выше других педагогических. Женщины сплетничали, будто Нина Матвеевна прозрачно намекала, что Тоне помогла устроиться московская тетя, занимавшая высокий пост. Не знаю, так ли, но я не верила, потому что Тоня — очень способный человек и еще до института английским владела отлично.

Постепенно мы сдружились. Тоня познакомила меня с матерью, и, честно скажу, не понравилась она мне. Я так определенно говорю вовсе не под влиянием последующих событий, она мне с самого первого раза показалась малосимпатичной. Она, например, органически не умела говорить тихо. Всегда по-командирски, словно солдат строем ведет. Тоня при ней как-то стушевывалась, хотя была девушкой неробкой.

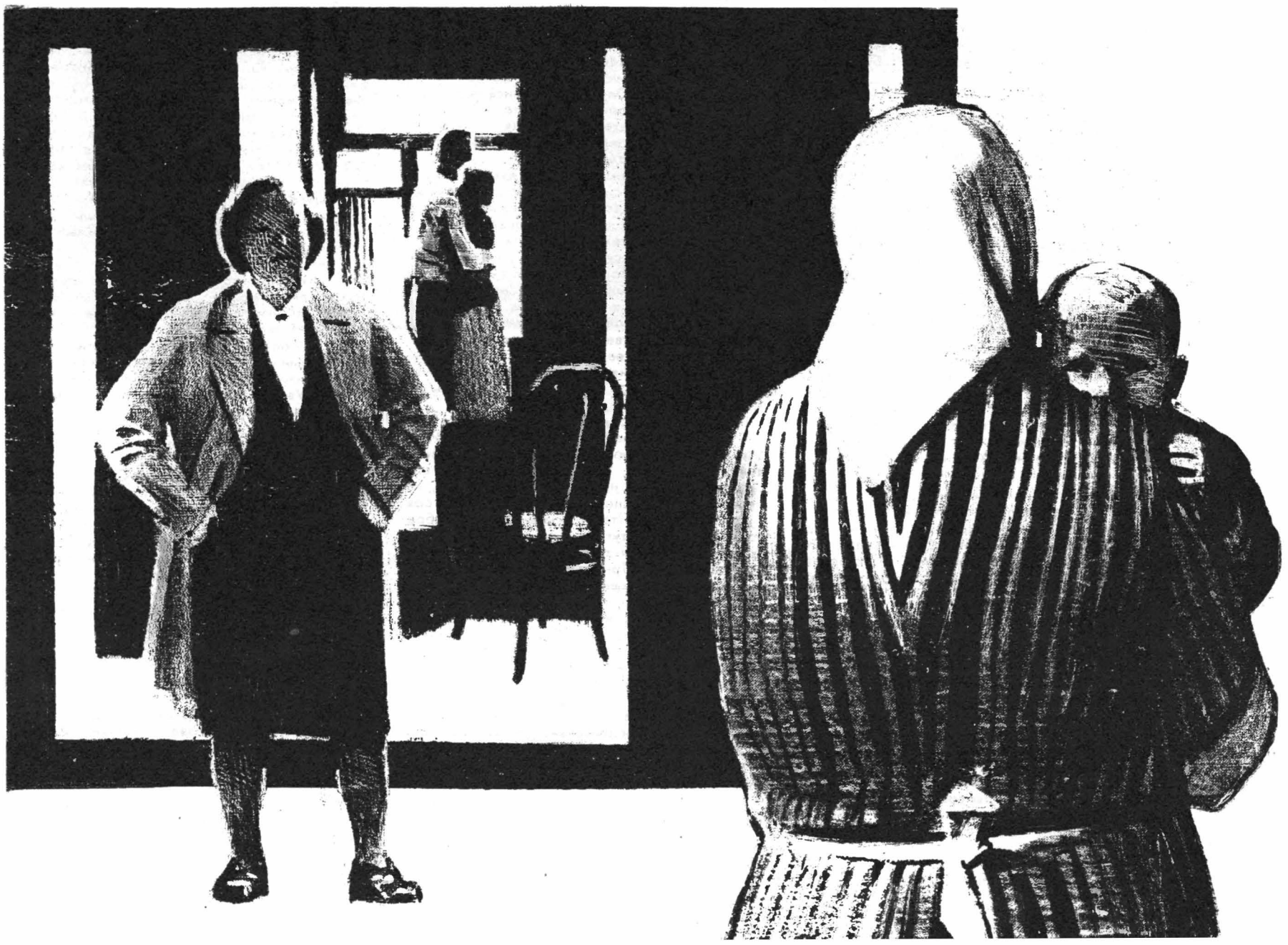
На меня Нина Матвеевна весьма неодобрительно смотрела. Правда, кофточку и юбку из портяночной байки я давно не носила, Игорь мне кое-что получше купил, но одета я была сравнительно с Тоней мало сказать бедновато. Пальто из бобрика, юбка бумажной вязки, кофта ситцевая. Смерила меня Нина Матвеевна при первом знакомстве с ног до головы и только и молвила сквозь зубы: «Да-а...» А по всему видно, что сама-то в шелках и габардине ходить стала не так уж и давно... Ну да ладно...

Конечно, я Тоню к себе в гости тоже пригласила, и лучше бы уж и не приглашала. Понимаю, рано или поздно Игорь все равно бы ее увидел, познакомился, но до сих пор себя виню. А было это уже в пятьдесят втором...

Словом, Игорь сразу, с порога, как вошел в мою комнату, где мы сидели, так и влюбился в Тоню. Нет, он вида не показал, только шутил больше обыкновенного, но после мне признался, когда уж они разошлись, признался мне, что именно с первого взгляда понял, что никуда ему от Тони не деться.

Сейчас-то я представляю, какие сомнения он испытывал. Ему двадцать восемь, ей семнадцать. На шее у него Матрена и я — как же еще и жену прокормить? Положим, у Тони мать побольше зарабатывает, помощь обеспечена, да не таков Игорь, чтобы эту помощь принять. Но, если быть точной, о женитьбе Игорь тогда не помышлял. Он просто полюбил Тоню, а женитьбу отодвинул куда-то в будущее, лет на пять-шесть. Надо Тоне хотя бы институт окончить. А там, если она не встретит кого-нибудь более подходящего, он откроется и предложит руку. С разрешения и согласия матери, разумеется. Так он решил.

Мы с Тоней часто друг у друга стали бывать, и Игорь не упускал случая, когда она



ко мне приходила. Острит, анекдоты рассказывает — на это он мастер. Если бы так же умел среди людей себя поставить и планы осуществлять — самый счастливый человек был бы. А на самом-то деле... Знаете, чтобы понятней было, я вам вот что расскажу... Дружил он с одним инженером заводским, холостяком. Такой славный, тихий человек. Игорь лет на пять моложе его был, а обращался с ним даже покровительственно. Он мне про него говорил: знаешь, Оля, этот Дмитрий такой вежливый и застенчивый, что вытирает ноги о коврик при дверях, когда выходит из квартиры на улицу. А, между прочим, сам-то он был точно такой же, только храбрился всегда, и его постоянное хорошее настроение, оптимизм, что ли, сбивали людей с толку. Никто ведь не слыхал, как он вздыхал по ночам, лишь мы с Матреной...

Но дело не в этом. Как это там говорится: человек предполагает, а бог располагает. Хотя бога и нет.

В общем, на беду ли Игоря, на счастье ли, а Тоня и сама в него влюбилась. И произошло это на встрече Нового года, пятьдесят пятый встречали, мы с Тоней учились тогда уже на четвертом курсе. Вернее, призналась она ему под Новый год. Встречали мы у нас, Тоня пожелала быть вместе с нами, хотя мать тащила ее в Москву, к тетке, у которой собирались какие-то полезные знаменитости.

Она осталась ночевать в комнате у Игоря. Тогда все и решилось.

Сейчас-то я понимаю, что ничего плохого в этом не было, раз они любили друг друга. Но в ту новогоднюю ночь места себе не находила, до утра не спала. Как же так? — думаю. Он на одиннадцать лет ее старше, как она может его полюбить? Правда, у Игоря и раньше были подруги, вернее, любовницы, намного моложе его, но в доме у нас никто никогда не ночевал, а знала я о них, как говорится, от общих знакомых. И вообще Игорь женщинам нравился. Его считали интересным мужчиной, и потом, знаете, все женщины, даже самые молодые и неопытные, безошибочно чувствуют мужскую доброту. Это чепуха, что скорее и сильнее всего мы влюбляемся в повелительных, мужественных и решительных... Ну, скорее — еще случается, но чтобы сильнее — это неверно... Добрый лучше. Но при этом чтоб не дурак...

Утром позавтракали мы втроем, а потом Игорь мне говорит: «Мы с Тоней поженимся, но не сейчас, а летом будущего года. Надо Тоне институт кончить. Мы тебя просим — никому ничего, ладно?» Это лишнее он сказал, у меня никогда привычки не было о чужих делах болтать. А Матрена наша скорей язык проглотит, чем скажет кому-нибудь про домашние события.

Но, как часто бывало, и этот план у Игоря провалился. Тоня забеременела, и месяца через три мать ее это обнаружила. Я представила себе, какой скандал выдержала Тоня, и даже нехорошо сделалось. И вот однажды вечером в начале апреля Нина Матвеевна является к нам.

У нее была особая манера входить в незнакомый дом. Войдет, знаете, твердым шагом, станет посредине комнаты и оглядывает стены кругом так, будто ни людей, ни даже мебели здесь нет, будто это пустая комната в новом доме, а ключ и ордер на квартиру — у нее в кармане. Хозяин своей страны, в общем...

Мы сидели в комнате Игоря, ужинали. Ну, она все-таки увидела нас, говорит Игорю:

— Нам нужно побеседовать с глазу на глаз.

Что людей от еды отрывает — это для нее пустяки, мелочь по сравнению с историей и с задачами, которые она у себя в горздраве решает.

Ладно, мы с Матреной взяли свои тарелки, перешли на кухню.

Едим и прислушиваемся. Дом деревянный, дверь фанерная, а мамочка Тони, я уж объясняла, тихо разговаривать не умела. Так что содержание беседы стало мне известно, хотя Игорь отвечал еле слышно, его ответов было не разобрать. Но ведь и по одной половине диалога почти все можно понять, по вопросам. Тем более, общая ситуация мне знакома.

— Я все знаю, уважаемый Игорь Андреевич,— сказала она.— Вы совратили мою дочь, заморочили ей голову. Как вы объясните свое гнусное поведение?

В ответ Игорь пробубнил что-то неразборчивое, но я могла себе вообразить, что именно он сказал. Никакого совращения не было.

Она деланно захохотала, как плохая актриса на сцене:

— Ха-ха-ха! Любовь до гроба! Связался черт с младенцем. Знаю я вас!

Игорь опять — бу-бу-бу.

— Я могла бы устроить Антонине аборт,— говорит она.— Но вы понимаете, что такое аборт при первой беременности? Она может остаться бесплодной.

Тут единственный раз Игорь повысил голос, и его слова можно было отчетливо разобрать. Для него это был уже не обычный разговор, а крик:

— Никаких абортов! Мы женимся.

— Подлец,— со злобой сказала она.— Чем такого зятя иметь, лучше дочь удавить — вот как по-нашему делали. Да ничего не попишешь, окрутил девчонку.

Игорь — бу-бу-бу. А она совсем из себя вышла, и уже на «ты»:

— Голодранец! Подумаешь — в газете работает. Это ты моей телке мозги запудрил, а я-то вас знаю, щелкоперов. Чем семью кормить станешь на свои полторы тысячи или сколько там? Думаешь, тещу доить будешь? Черта с два!

Вроде бы с образованием женщина, а вот не выдержала, вся позолота слетела, нутро прорвалось, и кричала она, как на базаре. А Игорь повинно мямлил или вовсе молчал.

Закончила она в том же стиле:

— Жалко, беспартийный ты, я б тебе показала, несмотря что будущий зять.

И удалилась гордо. А Игорь попросил Матрену накапать ему валерьянки — у нее всегда была, сама корешки настаивала.

Поженились Тоня с Игорем буквально недели через две, еще в апреле. Теща все быстро организовала — заведующая загсом с ней дружила. Она хоть и очень партийная была, Нина Матвеевна, но народным предрассудкам верила: в мае жениться — всю жизнь маяться. Вот и торопилась. А Игорь с Тоней только рады были. Правда, Тоня со мной поделилась — тень какая-то у нее на душе лежала, что все это сладилось так скоро, хоть и заботами матери, но наперекор ее воле и желанию. Они договорились, что будут жить у нас, в Игоревой комнате, но с квартиры матери съехать — это для Тони вовсе не значило, что она из-под маминой власти ушла. Власть-то оставалась...

Я вот теперь иногда сижу, думаю и прихожу к мысли, что все несчастья, которые потом случились, все они оттого произошли, что и мать Тони и тетка ее суровая сами никогда настоящей семьи не имели. Я, конечно, по-бабьи тут рассуждаю, но, по-моему, это правда: они просто завидовали в душе Тоне и Игорю, хотя могли этого и не сознавать. Это, знаете, там, в голове, под коркой гнездится, от разумной воли не зависит, и, может, эта Нина Матвеевна и образцово-показательная сестрица ее, как говорится, заслуживают снисхождения из-за своей врожденной душевной глухоты, да я-то им простить не могу, как Игорь все прощал.

Но лучше по порядку...

Стала Тоня у нас жить, и все у них с Игорем было хорошо. Денег Нина Матвеевна дочери не давала, только на учебники и полугодовой билет на поезд и проездной на московский транспорт покупала, да Игорь и сам запретил у тещи брать. Но в октябре родился Юра, и тут нам пришлось туговато. Приданое-то и мы приготовили, и теща раскошелилась, но Тоня после тяжелых родов нуждалась в усиленном питании, побольше витаминов, икра и прочее такое. Игорь, конечно, старался, даже корректуру начал брать в московских издательствах, да только все это было копеечное и, главное, нерегулярно.

Нина Матвеевна захаживала иногда. Придет, поглядит на наше житье-бытье, поморщится, скажет: «Не могут ребенку даже кровать купить» — и уйдет до следующего раза. А Юра у нас действительно первые месяцы в кошелке спал — большая такая кошелка для белья, из ивового прута плетенная, ее еще из Рязани мама привезла, это мы от Матрены знали.

Тоня пятый курс пропустила, ректорат разрешил ей как роженице на год перенести. Перезимовали мы, но Игорю легче не стало. Тоня все время болеет, то ангина, то бронхит. У меня диплом, помочь мало чем могу. Игорь почернел весь за полгода. Если бы не Матрена, не знаю, чем бы все это кончилось. Имею в виду — для Юры. Потому что он тоже начал болеть, простужаться, и Матрена его с рук не спускала. Выхаживала.

А для остальных все равно дело кончилось плохо.

Мне сначала повезло. Защитила дипломную работу, и меня распределили сюда, в Электроград, и попала я в родную школу, которую сама кончала. Лучше придумать трудно.

Ну, с осени пятьдесят шестого нам, то есть Игорю, стало немного посвободнее с семейным бюджетом. Тоня возобновила учебу у себя в институте. Юрику на второй годик пошло, и болеть он вроде перестал. Приободрились мы, так что визиты Нины Матвеевны нас уже не смущали, хотя она по-прежнему каждый раз пуд презрения с собой приносила. Неугомонная особа...

Пятьдесят седьмой год встречали с большими надеждами, как-то вдруг поверили в будущее. Игорь даже бутылку шампанского купил, и, помню, мы с нее все трое совершенно опьянели, а ведь еще и Матрене немножко налили. Такие были слабые, но это нас не огорчало. Почва под ногами укреплялась, тем более Тоня тоже должна через полгода окончить институт.

Но опять-таки, как Игорь любил повторять, человек предполагает, а бог располагает,— он всегда прибавлял: хотя бога нет. Шепотом и обязательно оглядываясь, якобы с опаской. Скоморошничал.

Так вот, в июне пятьдесят седьмого — я тогда первые четыре класса вела, к июню уже освобождалась на все лето — как-то под вечер, Игорь еще из редакции не возвращался, сижу я у открытого окна в его комнате, портняжничаю — кофту свою переделываю. Тоня в Москве, в институте задержалась. Юра уже спит. Матрена тоже прилегла. Но еще совсем светло, часов восемь.

Вижу, по тротуару под нашими окнами ходит взад-вперед человек с серым кожаным чемоданом, из настоящей кожи. Костюм синий очень хорошо на нем сидит, фигура спортивная, может, немного грузноватая, лицо загорелое, волосы темные, коротко подстрижены. Ходит и на меня искоса посматривает, глаза прищурены, глядит из-под бровей, а брови густые и черные. Явно ждет кого-то. Ну, а раз под окнами у нас — значит, кого-то из нашего дома. Интересный мужчина, думаю, такого раз увидишь — не забудешь. Очень, судя по выражению лица, независимый человек, самостоятельный.

Я перестала голову поднимать, а сама угадать стараюсь, кто он такой. То ли известный спортсмен, а может, летчик. Выглядит лет на сорок, но чувствуется, что моложе,— по походке, что ли.

Так он больше часу ходил и папиросу изо рта не вынимал, одну от другой прикуривал. И вот вижу: Игорь из-за угла, с улицы, появился. Увидел этого мужчину с чемоданом, остановился и как закричит:

— Брысь!

Я думала, шутка какая-то, что он пугает кошку. А тот говорит тихо:

— Эсбэ, дорогой, жив-здоров?

Чемодан поставил на тротуар, они с Игорем обнялись, и, вижу, на глазах у брата моего слезы.

Потом входят в квартиру, Игорь говорит:

— Вот, Оля, это Саша Балакин, мой довоенный друг, бывший Брысь.

Гость поправляет:

— Почему же бывший? Бывшие — это грёши сплывшие.— И прибавляет, на меня внимательно глядя: — Я вас, Оля, знал, когда вам было лет пять. А вы меня не помните?

Я, конечно, не помнила.

— Не то слово — знал! — кричит Игорь.— Скажи лучше: кормил. Всех нас подкармливал.

А потом Игорь позвал из кухни Матрену и опять кричит так — ничего подобного с ним раньше не бывало:

— Помнишь, Матренушка, Сашу Балакина, Брыся?

Матрена тогда уж видеть плохо стала, шить и штопать совсем не могла, но Сашу узнала.

— Вон какой ладный вырос,— говорит.— Озоруешь все аль бросил?

Он смеется.

— Бросил, Матрена. Вот деньжата завелись, надо им глазки протереть.

— Кабы не помереть,— Матрена говорит. Она любила в рифму отвечать.

— Ничего, мы культурно. Я культуры нахватался, как бобик блох.

У меня тогда мелькнуло в голове, что не идет Саше такое балагурство. Не то чтобы он развязно себя вел, но как-то раздваивалось впечатление. Будто в нем, как в футляре, сидел другой человек.

А он на меня посмотрел и вдруг говорит:

— Извините за бобика, Оля. Больше не буду.

Я была поражена: как он мог так точно и быстро прочитать мои мысли? И сразу такое ощущение, что нет для него у меня никаких тайн, как голая я перед ним. Я уже много позже поняла, что он был очень наблюдательный и даже проницательный человек, а это дается только большим опытом жизни. А тогда, несмотря на мое высшее педагогическое образование, он представлялся мне колдуном или, может быть, гипнотизером. Тем более что благодаря сказкам Матрены я с детства брала в расчет колдунов при всяком удобном случае. Напрашивается сказать, что я была им околдована с первой встречи, и это очень близко к истине. Или, как раньше выражались: он пленил ее сердце.

Игорь спрашивает:

— Ты к нам?

— Если можно,— отвечает Саша.— Думал, дядя приютит, да он, говорят, помер. В квартире там другая семья живет.

— Живи, Саша, друг! Места хватит!

Это Игорь немного преувеличивал: с местом как раз было сложно. В одной комнате — Тоня, Игорь и Юра, в другой — мы с Матреной. Значит, гостю жить, вернее, спать, можно лишь на кухне. У нас там, правда, нормальная кровать стояла, довоенная, никелированная.

— Идем прогуляемся,— предложил Саша.

— Ужинать давай,— говорит Игорь,— ты же с дороги.

— Пойдем, прихватим чего-нибудь.

Вернулись они нагруженные — коньяк, вино, закуски разные. А тут и Тоня из Москвы приехала. И началось...

Отмечали приезд Саши целую неделю. Игорь в редакции отпросился, хотя ему новый редактор с неохотой отпуск за свой счет дал. Я должна была в пионерлагерь уехать, с горкомом комсомола уже договорилась, да не поехала. Гуляли, веселились, в Москву два раза на такси катались, в лес ходили. Тогда, между прочим, и сфотографировались. Тоня тоже участвовала поначалу, но потом явилась Нина Матвеевна, увидела водку и коньяк на столе и устроила Тоне разгон. Это было по справедливости. У Тони экзамены шли. Мы-то с Тоней вообще не пили, так только, чуть пригубишь, чтобы ребят не обижать, но ей не объяснишь...

А Саша с Игорем, как говорится, не просыхали. И платил за все, конечно, Саша, денег у него были полны карманы, и носил он их как-то небрежно, без бумажника.

Пока пили, он о себе ничего не рассказывал, больше нас расспрашивал. А потом Игорь на работу пошел, и гулянка поутихла. Только по вечерам они с Сашей выпивали немного за ужином или в пивную на рынок захаживали.

Днем Саша куда-то уходил или уезжал, но однажды остался. Я в то утро как раз собралась в горком — узнать, не отпала ли во мне нужда в пионерлагере, и если нет — собрать чемоданчик и отправиться с первой попутной машиной. Но Саша предложил пойти побродить в городском парке — ему, мол, хочется вспомнить молодые годы. Я и не подумала отказываться. Не могу объяснить, как это все сложилось, но за неделю он сделался для меня главным человеком, а ведь он ничего специально ради этого не предпринимал, вел себя просто... Я была уже влюблена. Я сравнивала его со своими знакомыми ребятами, и сравнение было не в их пользу.

Когда мы гуляли в парке, попросила я Сашу рассказать о себе. И поведал он довольно грустную историю.

В сороковом году его за мелкую кражу арестовали, судили, и попал он в колонию — об этом я и от Игоря слыхала. Потом война, его послали в штрафную роту, был ранен. Так сказать, смыл кровью свое преступление, и судимость с него сняли. После госпиталя воевал уже в обычной части, был разведчиком. Один раз ходили в тыл к немцам за «языком», и ему не повезло. При отходе его ранило в голову, потерял сознание, и фашисты взяли его в плен. Увезли в Германию, гоняли из одного концлагеря в другой. Несколько раз пытался бежать, но неудачно. А в сорок пятом году, когда наши освободили его из плена, при проверке угораздило попасть на злого человека. Тот не разобрался как следует, заподозрил его в предательстве, и Сашу осудили. После освобождения мотался по всей стране.

Так он рассказывал, а я слушала и плакала. Спросить, откуда у него столько денег, мне и в голову не приходило, но он сам объяснил, что целый год работал на китобойном флоте, плавал в Антарктике, и вот приехал к нам прямо из Одессы, целенький, даже по дороге ни рубля не потратил.

Потом говорит: «Махнем в Москву?» Я с удовольствием. Вышли на шоссе, Саша проголосовал, и мы приземлились, как он выражался, в ресторане «Метрополь». Выпили вина немного, пообедали и обратно тоже на машине приехали. И в машине он шепнул, что полюбил меня и не знает, что теперь делать. Он на тринадцать лет старше, но самое главное — я сестра Игоря, Игорь же ему верный друг, а мне — и отец и мать. Надо у Игоря просить, чтобы разрешил нам пожениться, а у него язык не повернется — стыдно.

Саша даже не находил нужным у меня спросить, как я на это смотрю, да оно и понятно, если я сама ничего другого не придумала, как только сообщить ему, что Игорь старше своей жены Тони на одиннадцать лет. Саша, разумеется, понял мое сообщение как согласие, и правильно понял.

В тот же день Саша говорил с Игорем. После Игорь мне сказал, что сначала удивился, никак не мог себе представить меня женой своего друга, которого знал столько лет. Но Саша привел ему как аргумент его собственную женитьбу на Тоне, и вопрос был решен.

По правилам, надо бы идти в загс и подать заявление, но оказалось, у Саши паспорт остался в Одессе, в пароходстве, а на руках было только удостоверение. По правде, я и удостоверения не видела, но ни на миг у меня не возникало никаких подозрений. В конце концов не в регистрации дело. Свидетельство о браке важная, конечно, вещь, только мы тогда рассуждали немножко не так, как сейчас. Важно, что люди любят друг друга и живут дружно, а бумажку оформить никогда не поздно...

Но не все так думают. Тоня по простоте душевной рассказала своей матери, Нине Матвеевне, о нашей скоропалительной женитьбе, и та возмутилась. Мы с Игорем смеялись, когда Тоня передавала нам в лицах разговор с матерью, а ничего смешного не было. Нина Матвеевна назвала все это собачьей свадьбой и спросила, где же новобрачные собираются жить. Жить мы собирались в моей комнате, а Матрене приходилось перебраться на кухню. Тогда Нина Матвеевна еще больше возмутилась и сказала, что не допустит, чтобы ее дочь и внук обитали в такой квартире и в такой ненормальной атмосфере — она имела в виду, что Саша с Игорем часто выпивают, а дальше, мол, будет еще хуже. И вообще наша семейка, Шальневы, вполне оправдывает свою фамилию, и еще неизвестно, кто такой этот Саша Балакин. Лично у нее, Нины Матвеевны, он вызывает резко отрицательное отношение. Саша слушал все это с мрачным видом, только глаза блестели.

Свадьбу мы играли три дня и были втроем, не считая Матрены. Тоню вместе с Юрой теща забрала к себе домой. И, честно говоря, невеселая свадьба получилась. Пил один Игорь. Поцелует меня, потом Сашу, а потом начнет тещу ругать и плакать над своей неудалой судьбой. Пьяные слезы, чего говорить, но я его понимала.

Ну, планы обсуждали, конечно. Саша собирался устроиться на работу во Владимире, в море ему надоело. Я спросила, почему именно там, а не здесь. Он говорит, у него никакой подходящей специальности нет, чтобы на заводе работать, а во Владимире живет приятель, который его может на какую-нибудь непыльную должность устроить, пусть на самую маленькую зарплату,— денег у него лет на пять хватит, а там видно будет...

За эти три дня из дому выходили только Игорь и Матрена — он в магазин, она на базар.

На четвертый день Игорь с утра отправился на работу, а мы с Сашей решили погулять в парке.

И вот, едва от дома отошли, догоняют нас двое, молодые парни, в обыкновенных костюмах. Один мне говорит: «Извините»,— а второй показывает Саше свое удостоверение и требует предъявить документы. Саша прищурился на него, потом голову опустил и говорит мне: «Прости, Оля, мне надо с ними пройти. Иди домой» — и сует мне в руку комок бумажек, деньги. Но тот, с удостоверением, остановил его. Говорит: «А вот этого не надо. Положите обратно в карман».

Тут подъехала милицейская машина, и Сашу увезли.

Истерики со мной, конечно, не было, но как я в редакции у Игоря очутилась, не помню. Кажется, он не очень удивился, когда услышал, что произошло. Велел идти домой и сказал, что постарается узнать, в чем дело. Может, это простое недоразумение. У него в городской милиции много знакомых было.

Пришла домой, поглядела на наш свадебный стол, и такая тоска меня взяла, хоть вой. А тут явился один из тех, что Сашу задержали, забрал его чемодан, спросил, не было ли у него еще каких вещей, извинился и пожелал доброго здоровья.

Еле дождалась я Игоря. А он сел на кровать и молчит. Спрашиваю, что ему удалось узнать, а он: «Тоня не приходила?» Я за свое. Тогда он говорит, а в глаза мне не смотрит: «Понимаешь, он мне рассказывал — год назад его из колонии освободили. Он не имеет права ближе чем за сто километров от Москвы жить. Вот и забрали». Я не сообразила возразить, что Саша у нас еще не прописывался, говорю другое: «Что же они, за сто километров его повезли?» Игорь объясняет, что за нарушение правил полагается наказание. «А как они узнали, что он у нас остановился?» — спрашиваю. И тут он проговорился: «Я думал, следили за ним. Ошибся. Теща моя ненаглядная в милицию сообщила». Тогда уж до меня дошло, что не так все невинно, как Игорь мне представить старается. Наш город — семьдесят километров от Москвы. Что ж, Саша не имеет права на тридцать километров ближе к столице подъехать, обязательно должен находиться за сто? Ерунда какая-то. И почему Игорь думал, что за Сашей могли следить? Непонятно. Но Игорь ничего больше сказать мне не хотел. «Сам ничего не знаю. Но ты не расстраивайся, все будет хорошо».

Да уж, так хорошо — хуже не придумаешь. Но это еще были цветочки. Мои слезы — сладкая водичка по сравнению с тем, что Игорю пришлось перенести. Правда, он и сам во многом виноват — не надо было так себя распускать, поддаваться.

Ну, ночь я почти совсем не спала, слышала, как он метался, как бутылкой о стакан звякал,— свадебные остатки допивал, а там много оставалось.

Уснула часов в семь, но скоро проснулась — разбудил меня голос Нины Матвеевны. Не к месту, но вспомнила, как Игорь про нее один раз сказал: с ней надо при раскрытых окнах разговаривать или стекла крестнакрест бумажной лентой заклеивать — как в войну заклеивали, чтобы не полопались от ударной волны.

— Ха-ха-ха! — слышу за стеной знакомый голосок.— Посмотри на свою рожу, красавец! Опух весь от пьянства.

Игорь молчит. А она продолжает:

— Вот что, друг. С Тоней вам не жить, и сына тебе воспитывать я не позволю. Так что давай по-мирному, без шума. Развод устроим

быстро, это я на себя беру. А мы в Москву переезжаем. Давай-ка вещички соберем.

Я надела халат, иду к ним.

— В чем дело, Нина Матвеевна? Что здесь происходит?

Она в пустой чемодан платья Тонины кидала, разгибается и говорит:

— А тебе надо меня благодарить — от уголовника спасла, от рецидивиста.

Смотрю, Игорь сидит на стуле, голову руками обхватил и качается из стороны в сторону. Так мне его жалко стало.

— По какому праву вы нами командуете?— говорю ей.

— Молчи, тебя не спрашивают! — орет она на меня.— Притон завели? Не выйдет!

Закрыла чемодан, и ушла, и дверью так хлопнула, что со стола вилка упала...

Дальше все произошло в точности, как постановила Нина Матвеевна. У меня тогда не укладывалось в голове, что дружную в общем-то семью, мужа и жену, которые друг друга любят, может кто-то разлучить, разбить, хотя бы и такая особа, как Нина Матвеевна. Но, видно, чего-то я не понимала, да и сейчас не понимаю.

Положим, ко всему еще добавилось, что Игорю новый редактор вынес строгий выговор с предупреждением, запретил делать снимки. Но это же чепуха, при чем здесь семья? Да только я и не подозревала, что Тоня думала иначе — она смотрела на все глазами матери, а собственного мнения уже не имела.

Мы с Игорем ничего раньше не слыхали, а между прочим, Тоня-то прекрасно была осведомлена, что мать ее на повышение идет и должна переехать в Москву. Главное, поближе к своей обожаемой сестре, которая командовала ею, как она сама командовала дочерью. Такая вот субординация...

Ну, а дальше все совсем печально.

От воспаления легких умерла в октябре пятьдесят седьмого года Матрена.

Игорь стал пить очень часто, и в редакции ему предложили подать заявление — по собственному желанию. Он уволился.

Я ждала ребенка. По расчетам, роды должны быть где-то в конце февраля — начале марта. А Игорь вдруг собрался в Ленинград. Жить и работать там.

Я плакала, но он успокоил: устроится, обживется, а как мне настанет срок рожать — обязательно приедет. Так оно и было.

— Дочку вашу как зовут?— спросил Серегин после долгой паузы.

— Люба.

— В институте, вы сказали, учится?

— Да, в текстильном, на четвертом курсе. Сейчас у них трудовой семестр, в Калининской области со стройотрядом работает.

— Она об отце не знает?

— Мы с Игорем решили — лучше сказать, что он китобоем был, пропал без вести на промыслах.

— Не баловала вас жизнь.

Ольга Андреевна расправила плечи, вспушила над ухом волосы и улыбнулась.

— Ну что вы, Анатолий Иванович! Грех жаловаться.

— Счастливый характер... Ну, а Игорь общался с сыном-то?

— Я же говорю: они даже от фамилии его отказались. И денег не брали, и к Юре запретили ездить... Издалека иногда видел... Приедет из Ленинграда ко мне в отпуск или так, потом в Москву чуть не каждый день. Ждет у дома, караулит за углом... Когда увидит, а когда не повезет...

— Да-а, дела...

...Она проводила его и шофера Юру до машины.

На прощанье Серегин сказал:

— Я скорей всего уеду на днях к себе в Сибирь, но теперь уж нам так надолго терять друг друга из виду не надо бы.

— Мне тоже так кажется, Анатолий Иванович.

Он сел в машину рядом с шофером, опустил стекло.

— Басков вам скажет, когда можно будет увидеть Игоря.

— Спасибо.

Продолжение следует.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Три черепахи

ГЛАВА VI

ПОЕЗДКА В ЛЕНИНГРАД

Чтобы время не пропадало зря, Басков по дороге от дома Ольги Андреевны Шальневой до железнодорожного вокзала заехал в горотдел милиции и позвонил Марату Шилову — велел узнать адрес Юрия Игоревича, Антонины Ивановны и Нины Матвеевны Мучниковых, а если есть телефон — то и номер телефона. Он почему-то твердо был уверен, что они живут вместе, хотя для такой уверенности не было никаких оснований, кроме тона Ольги Андреевны в тот момент, когда она говорила о Мучниковых. Вторым пунктом Басков продиктовал Марату связаться с Ленинградом и уточнить адрес Игоря Андреевича Шальнева, который, по предварительным данным, прописан в доме на Суворовском проспекте.

Так что, приехав на Петровку в пять часов пополудни, Басков имел все необходимые данные. Мучниковы, бабка, мать и сын, и вправду жили вместе — на проспекте маршала Жукова. Марат записал и телефон.

Вернувшись в Москву один, без полковника Серегина, Басков освободился от невольного чувства подчиненности перед старшим, которое хотя и не очень-то тяготило его, но все-таки мешало и слегка раздражало, как раздражает человека надетый не по погоде лишний свитер или плащ.

Басков сел за стол, закурил и сочинил в уме первую свою деловую фразу — чтобы, как он выражался, не начинать разговор со здоровья.

Набрав номер, он после третьего гудка услышал бодрый, густой, среднестатистически приветливый женский голос:

— Вас слушают!

Басков знал по опыту, что такой безлично приветливый голос тут же меняется в ту или иную сторону — в жесткую или мягкую,— как только его обладателю становится известно, кто на другом конце провода.

— Здравствуйте,— сказал Басков.— Это Нина Матвеевна?

— Да. С кем я говорю?

— Это майор милиции Басков. Беспокою вас по вопросу, касающемуся вашего бывшего зятя, Игоря Андреевича Шальнева. Но вы не волнуйтесь, никаких неприятностей для вас лично тут нет.

Рычаг переключения голосовых связок сработал автоматически.

— Я и не волнуюсь. Он что, не алименты ли от сына получать захотел? — с надменной жесткостью спросила Нина Матвеевна.

— Ну что вы! — сказал Басков и с удивлением отметил, что в точности, вплоть до интонации, повторил любимое восклицание Ольги Андреевны. И, кашлянув, тоже изменил тон: — Но дело действительно касается его сына. Мне нужно задать ему один вопрос, всего один.

На этот раз рычаг как будто скрипнул и перевелся в другую сторону.

— При чем здесь Юра? Он отца в глаза не видел, он за него не ответчик.

— Понимаю. Но мне надо увидеть вашего внука. Он в Москве?

— Да, в Москве.

— Вечером я могу застать его дома?

— Вы обязательно должны его видеть? А по телефону разве нельзя?

— Можно, конечно, но лучше...— Басков оборвал себя, подумал и сказал: — Впрочем, вы правы... Будьте любезны, дайте мне его рабочий телефон.

Голос Нины Матвеевны, не теряя своего привычного напора, сделался почти нежным:

— Прошу вас, не звоните на работу. Он там недавно... Его еще плохо знают... Он очень нервный... Должность ответственная... Это же внешнеторговая организация.

— Ну хорошо,— согласился Басков.— Когда он придет домой?

— Он на машине... У нас «Жигули»...— Нина Матвеевна заговорила быстрее и с прежней уверенностью.— Так что я позвоню, скажу, чтобы не задёрживался.

Басков обратил внимание на то, что она произнесла «задёрживался» вместо «задерживался», и в душе подивился, сколь крепко может сидеть в человеке какой-нибудь нелепый порок произношения, приобретенный черт знает когда и где, но в один момент снимающий с человека даже самым тщательным образом наведенный многими годами городской лоск. И ничего тут зазорного нет. Это как метка на лапе у окольцованной птицы — по выбитым там буквам и цифрам можно узнать, откуда прилетела...

— Значит, когда я могу застать? — спросил он.

— Я-то должна на фабрику ехать... Просят выступить перед работницами как ветерана Великой Отечественной.— Рычаг переключился на «возвышенно».— Я на пенсии... Персональный пенсионер... Но от жизни народа не отрываюсь, дорогой товарищ...

— Басков,— скучным голосом подсказал он.

— Да, товарищ Басков... Так мне, может, лучше отменить?

— Нет-нет,— испугался Басков.— У меня к вашему внуку всего один вопрос. Самый простой... И ответить на него может только он сам... Не беспокойтесь, все будет в порядке.

— Надеюсь... Так я сейчас с ним свяжусь.

— Благодарю. Я приеду в восемь. Будьте здоровы.— И Басков повесил трубку, не дожидаясь ответного пожелания.

Он попробовал покритиковать себя за крайне необъективное, неприязненное отношение к этой Нине Матвеевне, которую он совершенно не знал и никогда не видел. Но эта его попытка, подобно самокритике людей, выступающих на общих собраниях, была явно формальной и притворной. «А за что, собственно, я ее должен любить?» — спросил себя Басков и бросил это пустое притворство.

В восемь вечера он был на проспекте Жукова. Дверь ему открыл высокий молодой человек в сизо-голубом вельветовом костюме и малиновой рубахе с расстегнутым воротом. Поглядев в его серые холодноватые глаза, Басков подумал, что уже видел этого красавчика, и начал было гадать, где, но тут же вспомнил фотокарточку, которую показывала Ольга Андреевна,— Юрий Мучников глазами был очень похож на Игоря Андреевича Шальнева.

Из-за правого плеча Юрия на Баскова с прищуром смотрела завитая и напудренная пожилая дама, одетая в черный костюм и белую кофту с кружевным воротником. На бортах ее жакета блестели медали и значки. Значит, Нина Матвеевна все-таки отменила встречу с фабричными работницами. Из-за левого плеча Юрия выглядывала другая женщина — копия Нины Матвеевны лицом, но моложе лет на двадцать. Басков догадался, что это мать Юрия.

Поздоровавшись, Басков сказал:

— Я на одну минуту.

— Нам можно присутствовать? — как бы только для того, чтобы соблюсти необходимые приличия и не ущемить права пришедшего, поинтересовалась Нина Матвеевна.

— Пожалуйста,— немедленно согласился Басков.— Никаких секретов нет.

— Прошу вас.— Наметанным глазом окинув и оценив одеяние гостя, Юрий Мучников плавным жестом показал на дверь комнаты, завешенную портьерой.

Басков хоть и не смотрел на него в этот момент, но маршрут его взгляда и выражение глаз угадал безошибочно — по тому, как было сделано приглашение, ясно, что костюм Баскова не произвел впечатления.

— Не надо,— отказался Басков.— Я тороплюсь. Скажите, Юрий Игоревич, вы не посылали в последнее время телеграмму в Ленинград?

— Совершенно четко отвечаю: не посылал,— стараясь быть приятным, но не умаляя собственного достоинства, отвечал Юрий.— Ни в Ленинград, ни в другой город Советского Союза, а также за рубеж я в последнее время не посылал.

— Кому телеграмму? — не выдержала Нина Матвеевна.

— Шальневу Игорю Андреевичу.

— Юра даже не знает его адреса! — повышая голос, сказала она.

— Юра заехал за мной на работу в шесть часов, а в семь мы были уже за Внуковом, это я точно помню,— молвила молчавшая до этого мать Юры.— Слушали по радио последние известия.

Нина Матвеевна посмотрела на нее снисходительно и сказала:

— Надо коротко и ясно отвечать. При чем здесь последние известия? А я вообще всю ту неделю жила на даче.

— Ну ладно,— сказал Басков.— Прошу простить за беспокойство.

— Кто это Шальнев? — спросил Юра у бабушки.

— Вот видите! — воскликнула она, победно глядя на Баскова.

— Да, все ясно.— И, подумав, Басков продолжал: — Тогда еще дополнительный вопрос: двадцатого июля, в пятницу, вечером вам никто не звонил? Часов в десять-одиннадцать...

Юрий наморщил свой идеально гладкий, красиво вылепленный лоб и, помедлив, вспомнил:

— Видите ли, мы в пятницу уехали на дачу.— Он поглядел на мать, ожидая подтверждения.

— Да, Юра заехал за мной на работу в шесть часов, а в семь мы были уже за Внуковом, это я точно помню,— молвила молчавшая до этого мать Юры.— Слушали по радио последние известия.

Нина Матвеевна посмотрела на нее снисходительно и сказала:

— Надо коротко и ясно отвечать. При чем здесь последние известия? А я вообще всю ту неделю жила на даче.

— Ну ладно,— сказал Басков.— Прошу простить за беспокойство.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12 - 17

Басков повернулся к двери, протянул руку к сложной системе запоров, но Юра предупредил его.

Шагнув за порог, Басков, не оборачиваясь, сказал:

— Счастливо оставаться.

— Всего хорошего,— в один голос ответили мать и сын.

Дверь закрылась, маслено щелкнув замками. Басков закурил сигарету и потому не стал вызывать лифт, спустился по лестнице. На последней ступеньке он выбросил эту семью Мучниковых из головы. Он испытывал досаду— может, оттого, что после очного общения с ними опять почувствовал неприязнь к этим незнакомым людям, а больше все-таки потому, что его надежда заполучить путеводную нить от Юры к происшествию на бульваре Карбышева оказалась напрасной.

К себе домой он добрался в девять. И едва вскипятил чайник — зазвонил телефон. Это был Серегин.

— Вы где, Анатолий Иванович? — спросил Басков.

— У себя, в гостинице. Что новенького?

— Сын отцу телеграмму не посылал. А телеграмма подписана «Юра».

— А почему вы так мрачно?

— Тот, кто посылал телеграмму, все до тонкости изучил, очень хорошо осведомлен о семейных делах Шальнева. И действовал без осечки. Боюсь, такого двумя пальцами не ухватишь.

Серегин хмыкнул.

— Вы же знаете, Алеша, иной раз слишком большая осведомленность преступника может дать наводку лучше, чем его ошибки.

В словах этих заключался целый метод. Ну, если и не метод, то один из принципов, которым можно руководствоваться при розыске преступника. Ищи того, кто мог, например, знать все о разрушенной семейной жизни Шальнева, и, может быть, этот человек как раз и окажется преступником.

Басков был достаточно опытен, чтобы не считать такой подход неким открытием, откровением. Это обыкновенные азы розыскной практики. Но слова Серегина вернули ему равновесие.

Басков медлил с ответом, поэтому Серегин подул в трубку.

— Алло, Алеша! Вы меня слышите?

— Да, Анатолий Иванович.

— Я думал, куда-то пропали... Я говорю, где тонко, там и связывать.

— Наверно. Вы представляете, как Шальнев к сыну рвался... В каком состоянии был... Без промаха действовали...

— А рука-то все-таки дрогнула.

— Ну, это, может, по непривычке к мокрому делу.

— Тоже штрих.— Серегин продолжал вселять в него оптимизм и уверенность.— Лозунг шахтеров знаете?

— Вперед и ниже?

— Ну хотя бы... Не поздно будет нам посидеть?

— У моего отца друг был, моряк, он говорил: поздно только голого раздевать.

— Так приезжайте.

— По маленькой?

— Я из своей большой кружки да-авно не пробовал. Вы прямо в гостиничный ресторан, я места займу.

Басков нашел Серегина в переполненном ресторане гостиницы «Будапешт» за отдельно и неуютно стоявшим возле самых дверей столиком. Играл оркестр, пела низким меццо-сопрано высокая брюнетка на эстраде. Публика танцевала.

Разговаривать было трудно, приходилось близко сводить головы, и со стороны, наверное, казалось, что собеседники поочередно жуют друг другу ухо. Все же, пока усиживали графинчик и закусывали каким-то фирменным салатом и семгой, Серегин сумел передать Баскову половину из того, что рассказала ему Ольга Андреевна. Вторую половину он досказал, когда провожал Баскова на Пушкинскую улицу, на остановку троллейбусов № 3 и № 23.

— Крепко ее Балакин окрутил. Видно, большой ходок по этой части,— сказал Басков.

Но Серегин возразил:

— А может, он ее не морочил? Может, собирался жизнь налаживать?

— На ворованные деньги?

— Тогда у него не ворованные были. Нечестным трудом добытые, но и не ворованные.

— Как это?

— А так... Я от нее в горотдел заехал. У них архив налажен превосходно, в пять минут дело нашли. Читаю, и картина любопытная. При обыске обнаружили у Балакина чужой паспорт, поддельное удостоверение личности, рыбацкое, китобойское. И около десяти тысяч рублей — старыми, конечно. А своего паспорта нет. И нигде не устроен, хотя еще годом раньше из колонии вышел — справка имеется. Ну, стали допрашивать: откуда деньги, чей паспорт? Паспорт, говорит, в поезде у одного раззявы принял, а деньги в карты выиграл, в очко. В Сухуми хаза была, играли по крупной, он банк держал. Почему на место не определялся, чем жил? Хорошее место подыскивал, а жил картами, да кореша́, мол, старые долги отдавали. Начали ему вопросы о Шальневых задавать: почему у них остановился, кто они ему такие? И он заявляет: Ольга Шальнева ему фактическая жена, надо только зарегистрироваться. И просит отпустить его для этого хотя бы на день.

— Тут в протоколе должно стоять: «Смех в зале», в скобках,— пошутил Басков.

— В скобках ничего нет, а смех, наверно, был... И напрасно.— Серегин сердито покашлял в кулак.— Задержали его, взяли у прокурора санкцию — до выяснения... А Балакин той же ночью совершил побег из ка-пэ-зэ. И попал ему под руку милиционер из новичков — досталось бедняге, три недели в больнице лежал. Балакина словили еще до утра... Ну, и вкатил ему суд пятерку... А насчет денег он, между прочим, не врал. Проверяли — и хазу эту в Сухуми нашли и свидетелей...

— Может, и насчет регистрации не врал,— уже совершенно серьезно заметил Басков.

— Вполне возможно.

— Интересно, догадался он, кому спасибо сказать должен?

— Тут ежу понятно.

— Повезло Нине Матвеевне. Одним разом от двух неугодных избавилась.

— К слову пришлось, Леша: как ее святое семейство поживает? Вы ведь в хоромах были...

— Дальше порога не ходил. Но скучно, наверно...

— Почему?

— Машина есть, дача есть, должность у внука ответственная, во Внешторге, у самой — персональная пенсия союзного значения, кругом почет и уважение. Все есть... Разве не скучно?

— Э-э, бросьте-ка, пожалуйста! — Серегин взмахнул рукой.— Будьте уверены, этим Мучниковым совсем не скучно...

— Ну их к богу, Анатолий Иванович, а?

— И то верно... Что-то троллейбусов нет...

Басков посмотрел на свои часы.

— Без четверти двенадцать. Еще будут... У вас теперь какой план?

Серегин вздохнул, расправил плечи.

— Да что ж, пора домой возвращаться, я вам тут больше не нужен. А там дела ждут.

Басков достал из кармана сигареты, хотел закурить, но раздумал.

— Я вот о чем, Анатолий Иванович... Шальнев-то когда-нибудь очнется.

— Нет вопроса,— живо откликнулся Серегин.— Мне самому смерть хочется с ним поговорить, потрогать его живого, а не чурку безгласную... Как только в себя придет — давайте телеграмму, не задержусь.

— От вас он ничего не скроет, а я ему кто? Просто сыщик.

— Может, там и скрывать нечего.

— Я завтра в Ленинград... Должно там что-ничто найтись, должно.

— Так вы, значит, вечером отправитесь, со «Стрелой»?

— Хочу самолетом. Чего день терять?

— А кто мне командировку отметит?

— Вы зайдите ко мне, Марат на месте будет, я ему все скажу.

Снизу, от Дома союзов, появились огни троллейбуса — длинная лента на лбу и два светлых пятна на полах.

— Ну, счастливо, Анатолий Иванович. Очень рад был вместе поработать.

— Взаимно, Леша.

Подошел троллейбус. Они пожали друг другу руку, и Басков уехал, а Серегин не спеша зашагал к гостинице.

Басков смотрел в круглый иллюминатор на крыло самолета, которое вот уже минут сорок высоко парило над белоснежным стеганым одеялом облаков, а сейчас с едва ощутимой косиной снижалось, облака стали похожи на покрытую пушистым снегом бескрайнюю степь, и крыло вот-вот начнет срезать верхушки сугробов, между которыми лежит синяя тень.

Как с заигранной, трескучей грампластинки зазвучал из динамика голос стюардессы, призывавшей застегнуть ремни. Стекло иллюминатора сделалось мутно-сизым, и крыло пропало. Самолет вошел в облака...

Через десять минут Басков вышел из здания аэропорта, а еще через полчаса здоровался за руку с начальником жилищно-эксплуатационной конторы, к чьей епархии относился дом, в котором жил Игорь Андреевич Шальнев. Там ждал Баскова ленинградский коллега, старший лейтенант Шустов.

Начальник жэка, у которого на правом лацкане серого пиджака висел знак участника войны, вышел и быстро вернулся в сопровождении низенького немолодого человека с заплывшими глазками и не менее как трехдневной щетиной на небритом лице.

— Это наш слесарь,— представил начальник.

— Здравия желаю,— хмуро проворчал слесарь, и по комнате порхнул перегарный душок. В руке он держал замурзанный чемоданчик.

— Понятых возьмем там,— сказал Шустов, обращаясь к Баскову.

— Тогда пошли.

По дороге к дому Басков узнал от начальника, что Шальнев обитает в двухкомнатной квартире, где есть еще один жилец — Зыков Константин Васильевич, год рождения 1929-й, одинокий, прописан в Ленинграде с 1973 года, приехал из Пскова, жилплощадь получена в порядке обмена. Работает Зыков на железной дороге, должность — составитель поездов. Больше ничего о Зыкове начальнику неизвестно... Да, квартплату в сберкассу вносит своевременно.

— Зыкова мы предупредили. Дождется, никуда не уйдет,— заключил начальник. И добавил: — Он в ночную работал. Спит, наверное.

— А как сказали — для чего придем? — спросил Басков тихо, чтобы слесарь не слышал.

— Как вот старший лейтенант велел. Осмотр квартиры на предмет ремонта.

Эта вынужденная ложь перед соседом Шальнева была необходима, чтобы, во-первых, не пришлось портить замки на квартирной двери, во-вторых, Баскову очень хотелось побыстрее увидеть соседа и поговорить с ним; а в-третьих, было бы неграмотно со стороны Баскова допустить, чтобы сосед заранее, до его появления, знал об истинной причине предстоящего визита в квартиру № 32. Мало ли что может выясниться впоследствии...

Начальник был брит, и пахло от него мужским одеколоном «Шипр», но глядел он не намного веселее слесаря: видно, не причислял хлопоты с милицией к разряду желанных.

— Неприятности, что ли, Иван Степаныч? — спросил у него Шустов.

— Наше дело такое: из крана вода не течет — плохо, с потолка течет — все одно, понимаешь, плохо. Не угодишь, понимаешь,— ворчливо, но без всякого уныния отвечал Иван Степаныч.

— А наоборот бывает — из крана течет, а с потолка нет? — продолжал развивать тему Шустов.

Начальник одобрительно повел на него бровью.

— Иной раз получается... Если верхний сосед не купается...— И, не меняя тона, на том же дыхании ввернул вопрос: — А что этот гражданин Шальнев сотворил?

Шустов обернулся к Баскову, и тот объяснил:

— Под трамвай в Москве попал.

— Насмерть?

— Да нет... Помяло сильно.

— Он тихий,—подтверждающе сказал начальник.

— Знаете его?

— Кабы знал, был бы не тихий. Или непла-

тельщик... А так я его фамилию первый раз вчера услышал.

Тут они подошли к дому.

— Постановление на обыск есть? — спросил Басков у Шустова. Он имел в виду обыск комнаты Шальнева.

Шустов похлопал себя по груди, где был карман.

Дом был пятиэтажный, старый, без лифта. На третий этаж поднимались по крутой лестнице с выбитыми, словно обтаявшими ступенями из светлого камня. На площадке второго этажа Иван Степаныч позвонил в обе квартиры — тут на каждом этаже их было по две. В одной не отозвались, а из другой женский голос спросил: «Кто?» Иван Степаныч назвал себя. Открыла высокая полная старуха. «Еще кто-нибудь есть дома?» Услышав, что есть еще ее старик, Иван Степанович попросил подняться в номер 32.

В квартиру № 32 позвонил Басков. Открыли быстро — ждали. Басков увидел перед собой одинакового с ним роста плотного человека в синей нейлоновой рубахе и черных брюках. Густые черные волосы стрижены коротко. Лицо загорелое, но как-то по-деревенски, по-крестьянски: верхняя половина лба белая, как молоко, а все остальное — того медного, с нефтяным отливом в углублениях цвета, какой бывает только у чеканных поделок массового производства, продающихся в сувенирных магазинах. Лицо это чеканилось без излишней проработки, стилизовано под примитив. Однако в глазах, смотревших вполприщура, переливались некие оттенки. Это Басков заметил и отметил.

— Здравствуйте. Вы Зыков? — сказал Басков.

— Константин Васильевич. Заходьте,— пригласил Зыков, отступая в прихожую. Его простуженный тенорок звучал не то чтобы льстиво, но выражая готовность слушать.

— Мы тут заодно с вашим начальником,— объяснил Басков, кивая на Ивана Степаныча: надо было как-то оправдать начальника жэка за его вынужденную ложь жильцу, хоть она и была во благо.— Я майор милиции Басков.

— Это мы понимаем.— Зыков согласно наклонил свое чеканное квадратное лицо, и Баскову показалось, что он понимает гораздо больше, чем заключалось в его, Баскова, словах.

Иван Степаныч, изображая ремонтную озабоченность, заглянул в ванную, но забыл при этом включить свет.

— Ладно, ближе к делу.— Басков поглядел на слесаря и подошел к двери комнаты Шальнева. Что это именно его комната, было очевидно, ибо дверь другой комнаты, принадлежавшей Зыкову, стояла настежь.

Слесарь осмотрел замок — не английский и не французский, а самый обыкновенный, которые открываются большим ключом через большую скважину, именно такую, в какие на рисунках художников-сатириков вот уже лет сто подглядывают и подслушивают отрицательные персонажи.

— Тут спичкой можно,—проворчал слесарь презрительно.

Он пошуровал в своем чемоданчике, достал кусок толстой проволоки и плоскогубцы, загнул конец проволоки. Потом сунул загогулину в скважину, как-то неожиданно нежно пощупал там внутри, а потом нажал — замок тихо хрюкнул, и дверь раскрылась.

Все, кто стоял за спиной у Баскова, вытянули шеи — с тем врожденным людским любопытством, которое так неудержимо тянет даже самого безразличного человека заглянуть в чужое жилье.

В большой квадратной комнате с двумя узкими окнами стояли платяной шкаф, диван-кровать, письменный стол и четыре стула. И все это старое, того сорта, что потрескивает по ночам. На одной стене, справа — полки с книгами. В левом углу на табуретке телевизор марки «Рекорд», облупленный, с маленьким экраном.

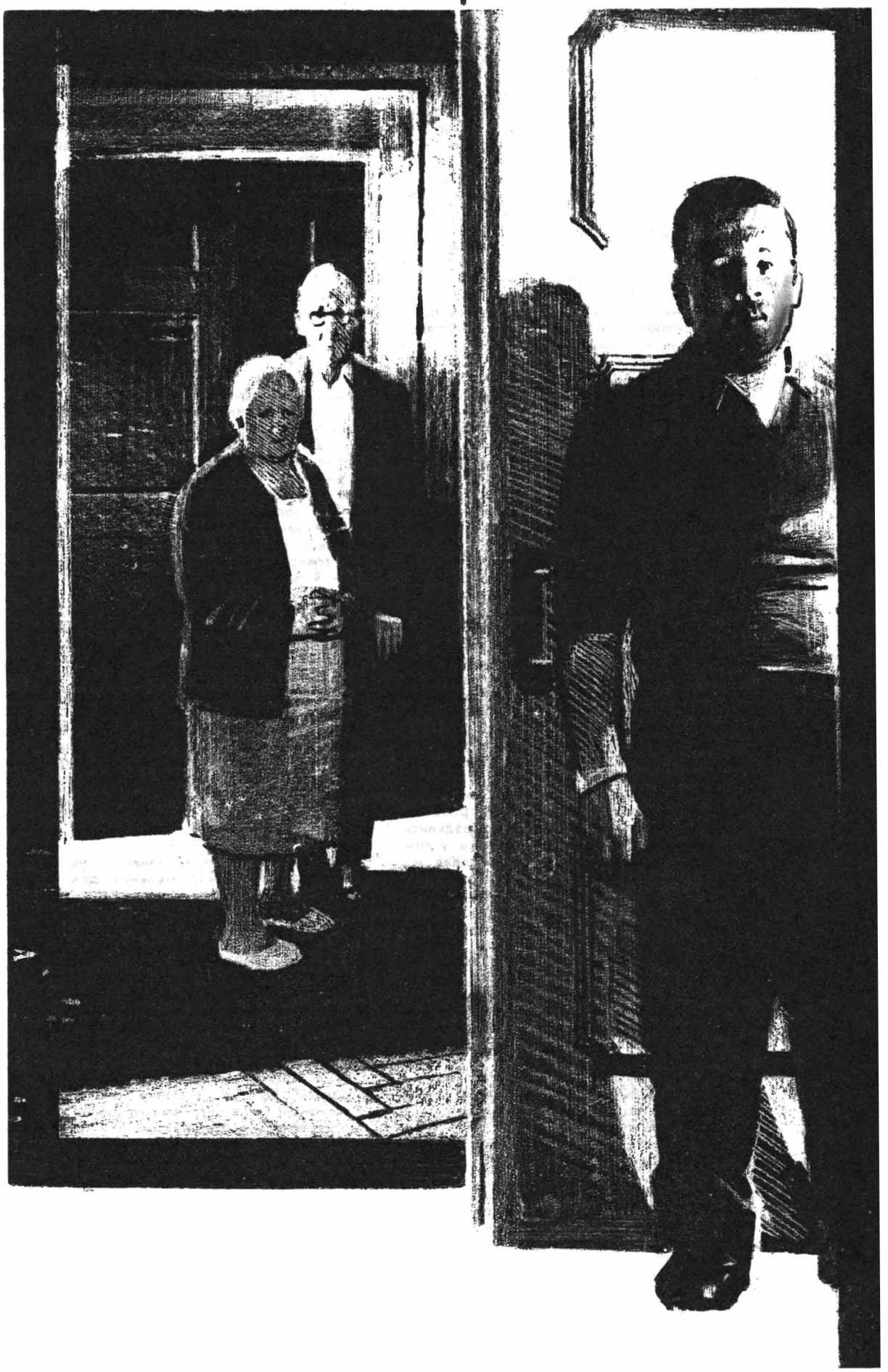
Прибрано, пыли не успело еще накопиться.

Басков обернулся к старухе со второго этажа:

— Вас как зовут?

— Мария Антоновна.

— Войдите, пожалуйста, в комнату, Мария Антоновна. Вместе с мужем. Мы тут кое-что посмотрим... Это на пять минут...



Иван Степанович тронул Баскова за рукав.

— Я вам нужен? А то, понимаешь, дела...

— Надо будет после комнату запереть. Мы ее опечатаем.

Иван Степанович посмотрел на слесаря.

— Сделаешь.— И ушел.

— Вы, Константин Васильевич, подождите у себя — разговор будет,—сказал Басков Зыкову и, войдя в комнату Шальнева, закрыл дверь.

Мария Антоновна с мужем стояли в сторонке.

Басков открыл ящики письменного стола и начал перебирать бумаги. Шустов занялся книжными полками.

Собственно, это был не обыск, а осмотр вещей с целью составления их описи. Но Басков все же питал смутную надежду найти здесь хоть какую-нибудь ничтожную зацепку, которая намекнула бы на причинную связь того, чем жил Шальнев до отъезда в Москву, с тем, что произошло на бульваре Карбышева. В существовании такой связи он не сомневался.

Покончив с письменным столом, Басков от-

крыл платяной шкаф. Там на плечиках висели довольно потертое драповое пальто, старый, уже не пахнувший овчиной, полушубок и три костюма — один поношенный, два совсем новые.

Басков разложил костюмы рядышком на кровати, посмотрел на них, отступив, и позвал Шустова.

— Гляди. Ничего странного не находишь?

Шустов раздумывал недолго.

— Вот это, по-моему, пятидесятый размер, третий рост,— он показал на черный костюм.— Этот побольше. Пятьдесят четыре, рост два.— Это относилось к темно-синему.— А серенький — пятьдесят два, четвертый.

Шустов прекрасно мог бы работать продавцом в отделе готового платья. Басков так и сказал ему и пошел за соседом. Тот ступил в комнату как-то странно, словно здесь была подная, непроглядная темнота и он боялся наткнуться на что-нибудь.

Басков показал ему на костюмы и спросил:

— Это Игоря Андреевича костюмы?

— Вроде,— неуверенно отвечал Зыков.

— Но он их носил?

— Мне ить это ни к чему... замечать...

— А вы вспомните.

Зыков ткнул пальцем в черный костюм.

— Вот эт носил.

— А эти?

— Ей-ей, ни к чему мне... Може, когда и носил. Може, он в прежние годы важней был...

Так, значит... И Зыков тоже с одного взгляда определил, что костюмчики разного размера. Но чего-то он как будто недоговаривал...

— Хорошо, Константин Васильевич, идите пока к себе.

Костюмы Басков повесил обратно в шкаф. Составили протокол, дали понятым подписать.

Потом слесарь тем же своим крючком запер дверь, ее опечатали. Шустов со слесарем и понятыми ушли, а Басков постучался к Зыкову.

Его комната размером была такая же, как у Шальнева, но в ней казалось тесно, потому что вещей помещалось раз в пять больше.

В главном углу, слева против входа, стояла двуспальная высокая кровать. На розовом пикейном одеяле пирамидой громоздились три подушки — две блином, а третья углом к потолку. И сверху наброшена розовая же кисейная накидка. Или тут женская рука, или сам хозяин такой аккуратист, мелькнула у Баскова посторонняя мысль.

Сказать, что Зыков принял появление гостя с удовольствием, было бы сильным преувеличением, но что он ждал нетерпеливо — в этом Басков не сомневался. Весь вид хозяина говорил о нетерпении.

Зыков выдвинул из-под круглого обеденного стола мягкий, в цветастой обивке стул, обмахнул рукой сиденье.

— Пожалста, милости просим.

Басков сел. Ему хотелось пить, и он посмотрел на хрустальный графин, накрытый кисейной салфеткой, стоявший на хрустальном подносе посредине стола.

— Водицы хотите? — угадал Зыков.

— Хорошо бы.

— Момент.

Зыков шагнул к заставленному посудой серванту, а Басков окинул комнату быстрым взглядом. На гвозде, вбитом в дверь, висела выгоревшая железнодорожная фуражка — единственная деталь, нарушавшая теремную гармонию этого дышавшего прочным благополучием жилища, набитого крепкими, добротными вещами. «Наверное, от этой фуражки лоб у хозяина наполовину белый»,— подумал Басков.

И воду Зыков налил в хрустальный же стакан.

— Супруга на службе? — мимоходом поинтересовался Басков.

— Без бабы живу. Разведенный...

Зыков улыбнулся — скромно, но так, чтоб понятно было: мы, мол, хоть и холостые, но не без женского внимания. Он как бы надеялся на мужскую понятливость и солидарность своего непрошеного гостя.

— Давно?

— Да вот, поди, осьмой год будет.

— А сами работаете кем?

— Составы формую... Составитель поездов называется.

Выражался Зыков не всегда грамотно, но доходчиво.

— Скажите, Константин Васильевич, сосед ваш когда последний раз дома был?

— То ись как — последний? — не испугался, а удивился Зыков.

— Ну, когда вы его в последний раз видели.

Зыков собрал складки на своем двухцветном лбу.

— Так ведь Андреич к сестре поехал... В четверг, на той неделе...

Все верно — Шальнев пил коньяк в ресторане «Серебряный бор» вечером в пятницу.

— На поезде поехал?

— А как же. И на дорожку опрокинули.

— Ночным? Может, «Стрелой»?

— В ночь — это так, в двенадцатом из дому ушел... А «Стрелой» иль нет — чего не знаю, врать не стану...

— Ну, а как он себя чувствовал?

Зыков пожал правым плечом.

— Да как обнаковенно...

— Не волновался? Ничего особенного не заметили?

— Да нет вроде. Пить разве не схотел... Налил свой лафитничек серебряный, и все. Я ему: чего-то ты? А он: не идет, извиняй... Ну, я ее один и прикончил.

— А вообще-то он пил?

— А как же!

Зыков говорил о Шальневе таким тоном, как говорят о недоразвитых или чудаковатых.

— Я закурю? — Басков достал из кармана сигареты.

Зыков суетливо как-то поспешил к серванту, подвигал там мелодично позванивавшей посудой, и на столе появилась круглая крутобокая пепельница — опять же хрустальная, свинцово-тяжкая.

Баскову почему-то вспомнилось прошлогоднее дело, которое он вел вместе со следователем из Управления внутренних дел на транспорте и по которому проходили три составителя поездов. Они воровали из контейнеров транзисторные приемники, телевизоры, меха и прочие дорогие товары, в том числе, между прочим, и хрусталь. Действовали ловко и награбить успели тысяч на шестьдесят... Зыков — тоже составитель...

Однако Басков принципиально не признавал подобные оскорбительные для честных людей силлогизмы: составители поездов имеют возможность вскрывать контейнеры; Зыков — составитель; следовательно... Кроме того, против таких необоснованных заключений убедительно выступал элементарный факт: Зыков прямо навязывался гостю со своими хрусталями, совал их под нос. Будь у человека совесть нечиста, никогда бы он на рожон не лез. Бывает, конечно, наоборот, но для этого необходима изощренность закоренелого преступного ума.

А с другой стороны, поведение Зыкова казалось Баскову все-таки неестественным. Почему он, например, до сих пор не спросит, что стряслось с Шальневым? Как-никак, семь лет в одной квартире. Всякий нормальный сосед не утерпит, поинтересуется. Вон Иван Степаныч, начальник жэка, впервые фамилию Шальнева услышал — и то не удержался.

— Сам-то не балуюсь, а чужого дымку понюхать — ноздрю прочищает,— сказал Зыков, подвигая пепельницу к Баскову.

— Тоже, говорят, вредно.

— Да оно ить и кушать вредно и спать... ежели одному.— Зыков робко пошутил и сам хихикнул от неловкости, но тут же приосанился.— Может, закусочку соорудить? У меня имеется...

— Жарко, Константин Васильевич, в другой раз... Я вот сижу и думаю: неужели вам не интересно узнать, чего это мы к Шальневу вломились?

Зыков упер руки в колени, а подбородок в грудь — набычился, задумался, сдвинул брови, словно собирался дать ответ на самый главный вопрос жизни. И, наконец, молвил — не простуженным тенорком, а басовито:

— Я так разумею, товарищ майор: мне у вас спытывать прав не дано. Коли надо, сами скажете. Чую — неладное дело, а за язык тянуть не гоже.

— Тоже правильно,— одобрил Басков.— Вообще-то он вам нравился?

Зыков прикрыл ладонью рот, чтобы скрыть ухмылку.

— Так ить он не девка, товарищ майор.

— Но жили-то дружно?

— Душа в душу!

Басков встал, прошелся в узком пространстве между сервантом и столом.

— По-моему, вы его не очень-то одобряли, а, Константин Васильевич?

— Не томите, товарищ майор. Не живой уж Андреич, что ли?

— Почему решили?

— Да вы так об нем... как про бывшего...

— Жив Андреич, но состояние неважное. В дорожную катастрофу попал в Москве.

Басков сознавал, что Зыков ему не верит. Самому наивному из наивных ясно: с чего эту станут обыскивать комнату человека, если он пострадал от городского транспорта? Но Зыков сделал вид, что поверил.

— Помогай бог... Здоровья ему.

Присев к столу, Басков поглядел Зыкову в глаза и снова спросил:

— А все же, Константин Васильевич: почему вы его не одобряли? Ну, не во всем, а иногда...

Зыков опять упер руки в колени и набычился — видно, в такой позе ему легче было обдумывать важные вопросы. Но на сей раз заговорил он без нарочитой солидности, даже с некоторой игривостью:

— Малохольный малость.

— Например?

— Ну, касательно баб взять...

— Не увлекался?

— Какой там! Он пятью годками меня постарше, тут особо уж не пожируешь... Да не в том смех.

— В чем же?

— А вот ходила к нему рыжеватенькая, молодая еще, не боле тридцати, и все при ей... Одно — в очках, и зовут чудно — Агриппина, а щечки-губки — аленький цветок...

Зыков с таким нарастающим смаком излагал предмет, будто сам распалялся от собственных описаний, но Басков вдруг почувствовал фальшь. Все эти зыковские «ить», «може», «спытывать» отдавали специальной нарочитостью. В Ленинграде человек живет уже семь лет и до этого, надо полагать, не в глухой деревне обитал, прибыл-то сюда из Пскова и работает на железной дороге, где не потаковски балакают,— как же тут деревенский лексикон сохранить?

— Простите, Константин Василич, вы сколько классов окончили? — спросил Басков.

Прежде чем ответить, Зыков с каким-то новым вниманием посмотрел на Баскова и, вероятно, разобрал подспудное значение вопроса — отчего и для чего он задан. Дальше он свою речь поддельными простонародными завитушками украшал уже не столь густо.

— Семь, а что? — сказал Зыков, потеряв всю смачность голоса.

— Ничего, так просто... Ну и что этот аленький цветочек?

Зыков словно уж забыл, о чем шла речь. Помолчав, он продолжал без всякой охоты, как досказывают конец анекдота, который, оказывается, давно известен слушателю.

— Ну что... Ходила она, ходила... «Ах, Игорь Андреич! Вы такой хороший, Игорь Андреич!.. Вы себе цены не знаете, Игорь Андреич!» А он ее ни разá ночевать не оставил... Все стишата читал... Твой лоб, говорит, отлит в кудрявой бронзе. А какая там бронза, ежели у бабы бесы в очах? Возьмет шампанское на последние — и все про бронзу...

— А вы помочь не пробовали?

Зыков улыбнулся в точности так, как в первую минуту их разговора, когда Басков спросил о супруге,—улыбнулся, надеясь на мужскую солидарность собеседника.

— Был грех, закидывал.

— Ну и как?

— Дураком обозвала.

Басков счел, что пора кончать разговор, и встал.

— Ну, я пошел. Спасибо за содействие. Может быть, мне понадобится еще раз встретиться с вами.

— Мы всегда рады, милости просим.

Продолжение следует.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА VII

ГОСТИ ШАЛЬНЕВА

По пути в райотдел милиции Басков испытывал чувство какого-то неопределенного недовольства собою. Словно начал работу и бросил ее, не завершив.

Старший лейтенант Шустов, встретив его у себя в кабинетике, предложил пойти перекусить.

— Подожди. Давай покурим,— отказался Басков.

— Не так чего-нибудь? — спросил Шустов.

Басков закурил, походил вдоль стола и сказал:

— Ты быстрей меня сообразил про костюмчики. С разного плеча, верно?

— Абсолютно.

— Зыков намекнул — мол, Шальнев в прежние годы мог иную комплекцию иметь. А два костюма совсем новые. Финского производства. А давно ли у нас финские костюмы появились?

— Ну, может, лет десять...

— Но эти-то явно не десять лет в шкафу висят.

— Точно. Фасон модный.

Басков спросил:

— У тебя магнитофон есть?

— Найдется.

— Одолжи, пожалуйста. И кассет штуки три.

Шустов достал из сейфа портативный магнитофон и кассеты.

— Не дают мне покоя костюмы эти,— сказал Басков.— Пойду к Зыкову, пока он не остыл... А ты, будь другом, узнай, работал Зыков двадцатого июля и в какую смену...

Зыков вроде бы и не удивился такому скорому возвращению Баскова, однако вид у него был настороженный.

Басков поставил магнитофон на стол, сел в пододвинутое Зыковым кресло и сказал озабоченно, как бы приглашая хозяина разделить эту озабоченность:

— Не пойму я одну штуку, Константин Васильевич.

— А чего? — с готовностью отозвался Зыков.

— Не сосед ваш носил эти костюмчики, которые новенькие.

Зыков промолчал.

— Давайте начистоту, Константин Васильевич: были гости у соседа?

— Были,— вздохнув, ответил Зыков.

— Это их костюмы?

Зыков кивнул головой.

— В них и приехали.

— Почему сразу не сказали?

— Да ведь оно знаете как — путаться кому охота?

— Почему путаться? Во что? Или подозрительные гости были?

— Зачем! — возразил Зыков.— Полярники они.

Это было сказано горячо, но Басков уловил фальшь в тоне Зыкова и почувствовал недоверие к нему, даже некое подозрение шевельнулось у него. Но на каком основании можно подозревать Зыкова в чем-то противозаконном? Нет таких оснований. Одна интуиция, нечто из области парапсихологии, а парапсихологию Басков, хоть убейся, за науку не признавал, не боясь заслужить репутацию отсталого и даже темного человека у тех, кто тотчас захлебывается от восторга перед всякими новомодными идеями, едва они являются на свет. Правда, Зыков соврал, когда ему показывали костюмы, но этого еще недостаточно, чтобы зачислять его в категорию подозреваемых.

И все-таки Басков не верил Зыкову. А Зыков, видно, почувствовал это еще гораздо раньше, чем Басков задал ему прямой вопрос, уличавший его во лжи. Стало быть, не имело смысла маскировать истинное свое отношение к нему, тем более что Басков и с самого начала не очень-то старался притворяться лучшим другом Зыкова. Такова уж дана ему натура, и ничего он с собой поделать не мог: он всегда оставался вежливым и корректным даже с самыми несимпатичными ему людьми, так или иначе причастными к расследуемым преступлениям, но быть артистом, разыгрывать роль отца и благодетеля не умел и не хотел. В раскрытии преступлений Басков не придавал никакого значения личному обаянию дознавателя, целиком полагаясь на неопровержимость твердо установленных фактов...

Молчание становилось тягостным, и Басков его нарушил.

— Вы меня извините, Константин Васильевич,— сказал он,— покажите ваш паспорт. Для порядка надо.

Эта просьба возникла не по наитию — о паспорте Басков подумал, еще когда только входил в квартиру и увидел открывшего дверь Зыкова. Само слово «паспорт» как бы напрашивалось быть кодовым названием дела, если бы такие названия употреблялись в угрозыске для дел официально, а не только в рабочем обиходе среди инспекторов, прибегавших к ним для краткости: именно паспорт, обнаруженный в кармане у Шальнева, послужил тем коконом, из которого Басков тянул свою нить — путеводную, как он надеялся.

Реакция Зыкова на вполне безобидную просьбу оказалась для Баскова неожиданной. Зыков расстегнул суетливыми пальцами две пуговицы на рубахе, словно ему стало душно, и вдруг громко запричитал:

— Господи, вот беда! Нету паспорта, пропал! Неведомо как, а пропал!

— Когда пропал? — как можно спокойнее, чтобы вселить спокойствие и в Зыкова, спросил Басков.

— Да кабы знать! — Зыков вскинул руки выше головы.— Года два, считай, не лазил в шкатулку, не нужон был... Зачем он, паспорт? В полуклинику не хожу, здоровый... По санаторям не разъезжаю...

Зыков опять начал коверкать свою речь.

— Подождите,— остановил его Басков.— Два года вы в шкатулку не заглядывали, где паспорт лежал, да?

— Точно так. А може, год.

— А когда же заглянули?

Зыков лишь секунду помедлил, соображая, а потом ответил убежденно:

— Да на той неделе. В среду... Верно — в среду.

Басков чувствовал, что он говорит правду, и задал следующий вопрос без всякой задней мысли:

— Зачем же паспорт понадобился?

Но этот вопрос, еще более нестрашный, чем просьба предъявить паспорт, оказал на Зыкова странное действие. Он перестал причитать, улыбнулся — явно деланно — и ответил с задушевностью, которая никак не подкреплялась настороженным выражением его прищуренных глаз, настолько прищуренных во все время их разговора, что Басков до сих пор не сумел еще определить, какого они цвета.

— Сижу, значит, вечерком, покопаться захотелось, там у меня карточки всякие, в шкатулке-то... Да вот гляньте...— Зыков поднялся со стула, направился в угол, где стоял низкий столик, а на нем большая черная шкатулка палехской работы, блестевшая лаком.

— Не надо, охотно верю,— сказал Басков, хотя он точно знал, что сейчас Зыков говорит неправду — насчет причины, по которой Зыкову захотелось покопаться в шкатулке.

— Я и в милицию заявление подал, чтобы, значит, новый паспорт выправили.

Зыков оправдывался, и Басков опять решил его успокоить, хотя, учитывая уже проявленную собеседником проницательность, это было бесполезно.

— Ну и ладно,— сказал Басков.— Червонец заплатите, и все дела.

В истории с паспортом позиция Зыкова была Баскову совершенно непонятна. С одной стороны, сосед Шальнева был встревожен вопросом о том, зачем ему понадобился паспорт, и дал явно лживый ответ, с другой — он вроде не притворялся, когда не сумел объяснить пропажу паспорта. Если тут что-то нечисто, Зыков без малейшего риска мог бы сказать, что паспорт он потерял, или придумать, как его украли.

Но были и другие варианты. Не исключено, что один из костюмов принадлежал Балакину.

Паспорт Балакина оставлен в кармане у Шальнева, а зыковский пропал. Что если Балакин без ведома хозяина заглянул в шкатулку? Документ Балакину необходим, а в чертах его лица, как заметил Басков по автоматической привычке сравнивать, проскальзывало некоторое сходство с Зыковым.

И, наконец, не выглядел абсурдным вариант, что Зыков мог уступить Балакину свой паспорт — не бесплатно, разумеется.

В том и другом случае поведение Зыкова становилось объяснимым. Но почему паспорт понадобился ему именно в прошлую среду и почему он скрывает истинную причину, оставалось непонятным. Этим и наметил заняться в первую очередь Басков.

— Вот что, Константин Васильевич,— сказал он.— Давайте-ка все по порядку. И начистоту.

— Я что? Я — пожалуйста.

Басков включил магнитофон, и Зыков начал свой долгий рассказ, из которого, как позже

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—18.

обнаружил Басков, выяснилось, что Зыков обладает редкостной памятью на мелочи.

Около десяти часов вечера, 24 июня, в воскресенье, Константин Васильевич Зыков сидел у раскрытого окна в своей комнате и смотрел на улицу. Было совсем светло — не прошла еще пора белых ночей.

Собственно, ничего интересного он не видел, потому что в канун понедельника люди ложатся спать пораньше и оживления на проспекте не наблюдалось. Зыков скучал, позевывал, но спать ему не хотелось, да и ни к чему укладываться в такую рань, если завтра можно валяться сколько угодно, так как на работу ему идти в ночную смену.

Вдруг зазвонил дверной звонок. Один раз — значит, к нему: соседу звонят два раза. Зыков никого не ждал, поэтому удивился, но открывать пошел с большой охотой: все-таки развлечение. Он набросил на плечи пижамный пиджак, который надевал, только когда принимал женщин. Пиджак был точь-в-точь такой, как он видел давным-давно, лет тридцать назад, на одном солидном пассажире мягкого вагона, в котором сам Зыков, тогда работавший в ремонтной бригаде, ехал два перегона по договору с проводником в служебном купе. Этот пиджак нравился даже самой образованной из его немалочисленных знакомых — бухгалтерше Клавдии, сорокалетней вдове из соседнего дома. И таков уж у него порядок: коли повидала его баба в пижаме — быть ей любовницей.

Открыв дверь, Зыков увидел перед собой двух мужчин. Один, в темно-синем костюме, был коренастый и плотный, ростом точно с него (свои габариты Зыков знал: рост 174 сантиметра, вес от 75 до 80 килограммов, смотря по режиму, объем грудной клетки на вдохе — 120 сантиметров). Другой, в сером костюме, тоже не хилый и на полголовы выше. Первому лет пятьдесят с хвостиком, второй ему в сыновья годится.

— Добрый вечер,— вежливым баском сказал старший.— Шальнев дома?

— Дома, если спать не лег,— пошутил Зыков.

Но пришельцы шутить не были настроены. Они как будто торопились. Зыков обратил внимание, что карманы у обоих оттопырены и на груди и на брюках, а поклажи никакой нет.

— Мы к нему,— сказал старший и шагнул через порог.

Зыков протянул руку к выключателю, зажег в прихожей свет.

Молодой, войдя, аккуратно, бесшумно притворил за собою дверь.

— Андреич! — крикнул Зыков.— К тебе гости!

— Соседей разбудишь,—сказал, как цыкнул на него, молодой.

Из комнаты появился Шальнев в потертых сатиновых черных штанах, в белой рубахе с коротким рукавом, с очками в левой руке.

Чуть подавшись вперед, он вглядывался в старшего из гостей, а тот глядел из-под густых бровей на него, и так они стояли друг перед другом долго, дольше, чем спичка горит.

— Не узнаёшь, Эсбэ? — наконец спросил гость.

— Саша,— словно не веря себе, прошептал Шальнев.

И они обнялись. А молодой вроде бы облегченно усмехнулся и сказал наблюдавшему в стороне Зыкову:

— Это называется «Друзья до гроба», или «Двадцать лет спустя». Детям до шестнадцати лет смотреть не разрешается.—И ткнул Зыкова пальцем в бок как бы играючи, но довольно ощутительно.

Зыкову такое панибратское обращение пришлось не по душе. Отметив стальную жесткость ткнувшего его пальца, он удалился к себе в комнату, а молодой крикнул. ему вдогонку:

— Не горюй, папаша, еще поладим!

Зыкова это совсем озлило, он хотел ответить, что, мол, если такой папаша пожелает, запросто может из такого сынка лыка надрать и лапти сплести, но что-то подсказало ему не ввязываться. Да и обиделся он больше не сам по себе, а за пижаму. Будь на нем обычная майка и ткни его в бок хотя бы и такой вот шустрый малый — ничего, стерпеть можно. Тут же натуральный крученый шелк в два слоя, фигурная стежка, плачено три сотни, не каждому по карману — и никакого почтения...

Сняв пижамный пиджак и повесив его на плечиках в шифоньер, Зыков опять присел к окну. Глухо слышимый за стеной оживленный говор был ему немного досаден, но он не завидовал. Если бы то были женщины — другой вопрос, а так — ему плевать. У него есть заботы послаще. Продавщица Зина из магазина электротоваров, где он покупает лампочки, обещала в следующую субботу поехать с ним на Кировские острова. На лицо она, конечно, не ахти, носик сапогом и лоб прыщавый, зато молоденькая и, видать, не балованная: под казенным халатом, он приметил, второй год зимой и летом все одну кофту носит. Какой с лампочек может быть навар! Если угостить не пожалеть, подарочек, то да се — оно не даром выйдет, да без этого оно и не бывает...

Его приятные расчеты остановил стук в дверь.

Вошел сосед. Через голову его на Зыкова смотрел молодой гость.

— Будь другом, Васильич,— просительно сказал Шальнев.— Уж все закрыто, а у меня, знаешь, хоть шаром покати, угостить нечем... Ты не сходишь на Московский в ресторан? У тебя ведь там знакомство...

Если бы Зыков был еще в пижамном пиджаке, он бы обязательно отказал. Но майка все упрощала, тем более что соседа он всегда готов был уважить, хотя и считал его не совсем полноценным человеком — по той причине, что сосед был оскорбительно и пугающе равнодушен ко всему тому, что сам Зыков и подавляющее большинство известных ему людей считали непременным условием настоящей жизни.

Только для порядка, чтобы соблюсти приличие, Зыков немного подумал, прокашлялся и молвил:

— Коли ты, Андреич, просишь — я готов. В таком случае не помочь — все одно что похмельному опохмелиться не дать.

— Сразу видно — страдал человек на своем веку,— вмешался молодой, скаля белые зубы. Он обошел Шальнева, приблизился к Зыкову, подал руку и представился: — Митя Чистов.

— Меня Костя зовут,— не глядя на него, но без обиды отвечал Зыков.

— «Папаша» не в масть прошел? Ну, больше не буду, прости.— Митя заглянул ему споднизу в глаза, но Зыков свойски грубовато отстранил его.

— Не булди. Чего взять?

Митя вынул из кармана брюк пачку десяток, положил на стол.

— Тут триста... Водочки, коньячку, шампанское любишь — шампанского бери... Икра есть — икру бери. Чего не дадут — тоже тащи.

— Ишь, пулемет,— уже почти одобрительно заметил Зыков, надевая рубаху.

В дверях Митя обернулся к Зыкову.

— Поймай такси или левого. Туда-обратно, пусть ждет.

И ушел.

— Ты правда не стесняйся,— почему-то шепотом возбужденно сказал Шальнев.—Придется нам сегодня кутнуть.

— Дружки старые, что ли?

— Тот, второй, Саша... Еще до войны водились. А Митю первый раз вижу.

— Давно разбежались? — Зыков уже надевал костюм.

— Да вот, знаешь, получается без малого четверть века. С пятьдесят седьмого.

— Видать, с большой монетой.— Зыков кивнул на пачку десяток.

Шальнев кашлянул в кулак, отвел глаза и сказал, будто оправдываясь:

— Где-то на севере работали, я еще толком не расспрашивал.

— Понимаем. Калымили, значит.—Зыков положил деньги в бумажник.— Надо бы посуду какую захватить.

— Да-да, и сумку.

Они пошли на кухню. В поместительную пластиковую сумку на «молнии», принадлежавшую Зыкову, уложили одна в одну три разнокалиберные кастрюли и салатницу, принадлежавшие ему же, для закусок. И Зыков отправился в ресторан Московского вокзала. Как советовал Митя, он поймал левого, попросил его обождать чуть в стороне, на Лиговке, и минут через сорок вернулся домой, нагруженный съестным и спиртным, как дальний запасливый дачник.

Гости, пока Зыков ездил, умылись и сидели, скинув костюмы, в одних трусах и майках. Взглянув на старшего, которого Шальнев звал Сашей, Зыков немножко испугался, хотя и не подал вида: руки и грудь его, там, где не закрывала майка, были синие, как баклажаны. Но тут же догадался, что это наколки, и успокоился. Митя встретил его появление громкими аплодисментами.

— На чем есть-пить станете? — ворчливо спросил Зыков, расстегивая сумку. Он намекал на то, что у Шальнева-то обеденного стола не имелось.

Митя приподнял крышки кастрюлек, потянул носом и зажмурился.

— Такую закусь можно и на полу.

— Что мы — арестанты, что ли? — продолжал ворчать Зыков.

При этих словах гости, молодой и старый, быстро переглянулись, и старший сказал:

— Может, на кухне?

Шальнев замахал на него руками.

— Ну зачем же, Саша? Сейчас придумаем что-нибудь.

— А чего тут думать,— сказал Зыков и кивнул Мите.— Давай-ка мой раздвижной притащим.— И, подумав, прибавил: — А может, проще ко мне?

— Нет-нет,— с непривычной для Зыкова решительностью запротестовал Шальнев.— Будем здесь.

У себя в комнате Зыков хотел отдать Мите остаток денег, их было сотни полторы, но Митя сжал его ладонь в кулак вместе с бумажками и сказал небрежно:

— Еще сочтемся. Только начинается, а мы с Сашком народ измученный, до звездочек злые.

— Ты про коньяк? — пряча деньги в карман, уточнил Зыков.

— Про него, проклятого.

И они еще до застолья сделались если не друзьями, то понимающими друг друга людьми: Зыков признавал такую вольность с деньгами баловством, но людей вроде Мити, которые их не считают, очень уважал.

А потом была душевная пьянка, ради которой Зыков не пожалел даже своей льняной скатерти цвета малосольной семги, точно такой же семги, какая лежала на одной из тарелок.

Они с самого начала разделились: Шальнев с Сашей сидели рядышком по одну сторону стола, Митя с Зыковым — по другую. Саша и Митя пили из стаканов, Зыков и Шальнев — из хрустальных рюмок. Так что в некотором роде получалось крест-накрест. Но разговор был тоже парный: Шальнев с Сашей говорили тихо, из губ в ухо, а Зыков с Митей вели громкую и веселую беседу.

После третьего или четвертого захода Зыков сказал Мите:

— Колбаски не хошь? У меня хорошая есть, венгерская, салями называется. В ресторане такой нет.

Митя братски обнял его за плечи.

— Костя, друг, самая хорошая колбаса — это чулок с деньгами... Нам бы щец покислей.

Зыков еще сильней зауважал Митю: с пониманием человек, раз о бабах суетится, не то что малохольный Андреич.

Тут старый Саша перебил их беседу, обратясь к Мите, как показалось еще не пьяному Зыкову, с подначкой:

— Сдачу не брал?

— Ты что! — обиженно откликнулся Митя.

— Ша.

Зыков сообразил, что его почтение к Мите выходит вроде бы и не по адресу.

Шальнев и Саша кончили шептаться. Игорь Андреевич, еще не очень захмелевший, громко спросил:

— Слушай, что это за история с журналом «Вокруг света»?

Саша, то есть Балакин, не враз сообразил, о чем речь.

— Какой журнал?

Шальнев погрозил Саше пальцем и в этот момент показался Зыкову мальчишкой.

— Брось, Сашка! Думаешь, я не понял? Тот парень подписать его просил. Письмо еще на Красную улицу пришло, а я уже сюда перебрался. Оля парню ответила, мои координаты дала, а я как раз к ней погостить приехал, читал письмо, но не помню — взял его или не взял... На «Вокруг света» трудно подписаться, но мне устроили...

Саша смотрел на Шальнева нежно, и это удивило Зыкова, потому что такое лицо, как у Саши, по его разумению, могло выражать что угодно, только не ласковость и нежность.

— Ну и что? — подбодрил Саша умолкнувшего Шальнева.

— А вот что: письмо-то было послано из...

— Догадываюсь,— перебил его Саша, покосившись на Зыкова.— И дальше что?

— И был там привет от моего знакомого,— неумело изображая хитрость, продолжал Шальнев.— Полагаешь, мне трудно вычислить, кто такой этот знакомый?

Саша сказал:

— Ты старый штурман... Курс на Испанию, помнишь, проложил, все вычислил.

Шальнев расхохотался, а Зыкову слова Саши остались непонятны.

— А мальчик-то был? Или ты просто аукнуть хотел? — спросил Шальнев.

— Правда, попался там шкет, малолетка совсем, но с головой. Журнал получил — радовался. А я заодно адресок твой новый узнал.— Саша налил себе водки в стакан, а Шальневу коньяку в рюмку и спросил другим тоном, как бы опасаясь чего-то: — Ну, а Оля что?

Они выпили и опять стали говорить друг другу на ухо.

Митя хлопал коньяк по полстакана и закусывал без передышки. Зыков за ним не поспевал, но тоже мимо рта не проносил. Ему было и вкусно и, главное, интересно, потому как в строго мужских застольных компаниях бывал он разве что на работе во время обеденного перерыва, а в прочих случаях — только с женским сословием.

Чем дальше, тем больше хмурился Саша, слушая Шальнева. А потом вдруг Шальнев заплакал и даже разрыдался.

— Они же все разбили! — пресекающимся голосом выкрикивал он.— Они же у меня Юру отняли, жизнь сломали.

Митя, уже порядком нагрузившийся, заорал пьяно:

— Подать их сюда, секир-башка делать будем!

— Заткнись,— сказал Саша, словно камнем бросил.

Он встал, приподнял Шальнева за плечи со стула, и они вышли из комнаты.

Митя, кажется, мигом протрезвел, толкнул Зыкова локтем.

— Он что, припадочный?

— Сосед-то? Да нет. Книжек много читает, и работа тоже — все читай и читай. Корехтур называется.

— Корректор,— поправил Митя.— А Юра — это кто?

— Сын. Андреичу бы дедом быть, внуков растить, да не про него это. Тютя, а не мужик. У него даже карточки сыновой нету, а вживе и подавно руками не трогал.

— Неудачник, значит,— усмехнулся Митя.— А Сашок расписывал!

Зыкову сделалось неудобно оттого, что он перед незнакомым человеком вроде бы чернил какого-никакого, но все же доброго соседа. Он сказал:

— Видать, Андреич в молодые-то лета козырем был, да ведь жизнь кому хошь крылья обобьет. А жену выбирать — что арбуз без разреза: не угадаешь. У меня вот тоже не задалось...

— Ну, ты мужик хоть куда,— возразил Митя.— А этого — по стенке размазывать. Ха! В одном городе жить — и родного сына не видеть? — И он добавил непечатное словечко, которого Зыков отродясь не слыхивал.

— Сын в Москве,— уточнил Зыков.

— Все равно...— Митя повторил словечко и предложил:— Ну их в трам-тарарам, давайка тяпнем.

Вернулись Шальнев и Саша, налили себе и больше уже не шептались. Разговор стал общим и бестолковым, потому что все, даже Саша, который до тех пор не пьянел, быстро напились.

Зыков проснулся в своей кровати, увидел аккуратно сложенные на стуле брюки и рубаху на его спинке, но как и когда улегся спать, он решительно не помнил. Он в ванной почистил зубы, пошел на кухню, поглядел на свою двухпудовую гирю, черневшую в простенке за плитой, которую он выжимал каждое утро — тридцать два раза без передыху правой рукой и потом, после короткого перерыва, двадцать четыре раза левой,— но поднимать тяжести не хотелось, да и не утро было, а час дня.

Подойдя к соседской комнате, он услышал легкий храп — там еще не вставали. Делать нечего — надо ждать, когда проснутся. А жаль: на работу ему аж в девять вечера — успеешь и выпить и протрезвиться...

Зыков побрился, умылся, наодеколонился, и тут дверь у соседа хлопнула. Он выглянул в коридор, увидел встрепанного Митю, направлявшегося к нему с неполным стаканом в руке.

— Здорово, пьяница! — приветствовал его Митя.

— От такого слышу,— добродушно отзечал Зыков.

— На-ка поправься, да продолжим.

Зыков водку выпил, крякнул и сказал:

— Мне нынче в ночь вкалывать.

— Идем-идем, какая ночь? Тут, как за Полярным обручем,— сплошной день.

У Зыкова возникли зыбкие догадки насчет Саши и Мити еще тогда, когда он увидел синие от татуировки руки Саши. Поэтому он спросил, проверяя себя:

— А ты видал, каково за Полярным-то кругом?

Митя посмотрел на него и сказал нахально:

— Я только лысого ежа не видал. Там, как у тебя на роже,— сверху светло, внизу темно.

Зыков не успел обидеться. Митя одной рукой отнял у него пустой стакан, другой обнял за шею, притянул к себе, нос к носу, и заговорил жарко и притворно, как артист или цыганка, с придыханием:

— Ходишь ты по крутой горе, ты слышишь? Счастье по пять пудов по пяткам бьется, в руки не дается, ты понимаешь? На лице твоем печаль и скука, ты слышишь? А сама ты...— Он оборвал себя и нормальным голосом спросил: — Девочки будут? А? Не обижайся, Костя,— вот рука. А на пару мы с тобой — ни одна кегля не устоит.

Этот молодой, но все угадывающий Митя одновременно и раздражал Зыкова и располагал к себе.

— Язык у тебя,— скривясь, сказал Зыков.

— Знаю — помело,— быстро согласился Митя.— Но будут?

— Придется уважить.

— Я же говорю: ты сам страдал — потому понимаешь! — воскликнул Митя, и они пошли в комнату, где за столом сидели невеселые Шальнев и Балакин.

Так как выпивки оставалось по той ничтожной норме, о которой старые пьяницы презрительно говорят «пол-литра на троих, да еще стакан дворнику», и так как из всей компании самым бодрым был Зыков, ему и выпало снова отправиться в ресторан.

И само собой получилось, что уже часам к четырем он понял: на работу сегодня лучше не показываться. Но без замены никак нельзя, и Зыков поехал на квартиру к своему сменщику. Тот вошел в положение — сам иной раз просил о том же,— и Зыков, вернувшись, с легкой душой продолжил начатое...

И закружило Зыкова на две недели. Он и на работу ходил вполпьяна, а трое его собутыльников, можно сказать, трезвыми не бывали.

Как-то вечером пожаловала рыженькая Агриппина. Шальнев к себе в комнату ее не пустил, говорили в прихожей, и Агриппина ушла, расстроенная видом Игоря Андреевича.

Уважая просьбу Мити, Зыков поговорил со своей приятельницей бухгалтершей, та пригласила знакомую даму, и одну ночь они вчетвером гуляли в комнате Зыкова, отдельно от Саши и Игоря Андреевича. Саша женщинами не интересовался.

Митя сказал дамам, что служит в полярной авиации, летает на вертолете, возит геологов и разных зимовщиков. Это произвело сильное впечатление, и вообще Митя очень понравился обеим.

Когда на следующий день Зыков проснулся, дамы уже ушли, и Мити тоже не было.

Зыков вышел в прихожую. Из комнаты соседа доносились громкие голоса. Зыков притаился.

— Не будь жлобом,— сказал Саша.

— Мы так не договаривались,— зло ответил Митя.

— А теперь договоримся.

— Чего это я должен от себя отрывать? — не соглашался Митя.— В благодетели лезешь?

— Не твое дело. Тебе трех пока хватит.

— А если не дам?

— Не финти, Чистый! — нервно, с угрозой крикнул Саша.— Забыл, кто я и кто ты?

— Смотри — не пожалеть бы,— смиряясь, но все же по-прежнему зло произнес Митя.

— Заткнись, надоело. Сказано — и ша. Давай!

Зыкову почудился шелест бумаг, но дальше подслушивать он побоялся и поспешил в ванную. Это было вовремя: в квартиру вошел Игорь Андреевич с двумя полными сумками в руках — он вернулся из магазина... Все опохмелились, и опять закрутилось пьяное колесо.

Так прошла неделя, началась вторая. Во вторник, 3 июля, Зыков предложил всем сходить в баню, попариться с веником. И тут между ним и Сашей произошел такой разговор.

— В баню мы не пойдем, но вот насчет помыться ты прав,— сказал Саша.

— А что? — удивился Зыков.— Оченно даже помогает — похлестаться веничком. От головы оттягивает.

— Оно так, да сердце больное, пару не выдерживает... Но ты вот что — купи-ка нам белья... Ну, трусы, майки, носки покрасивше. Можно?

— Отчего же? Конечно, можно.

Саша дал денег, и Зыков съездил в Военторг на Невском, купил все, что надо. Саша и Митя мылись в ванной, а Зыков собирался в баню и про себя рассуждал: чудной народ — не понимают своей пользы. Какое это мытье — в ванне? Как в корыте... И насчет сердца ерунда. Не похоже, чтоб у таких мотор барахлил. Водку хлещут, как за плечо бросают, а пару вдруг испугались.

Но окончательно странными показались Зыкову гости соседа на следующий день, в среду. Саша позвал его к себе и сказал:

— Васильич, не в службу, а в дружбу... Нам с Митей костюмчики новые надо купить, а идти неохота. Морды опухшие — стыд. Сделаешь?

— Можно, да не ровен час мерка не сойдется.

— Чего ей не сойтись? Размеры мы знаем: мне пятьдесят четвертый, рост второй, ему — пятьдесят второй, рост четвертый.

— Ну, а цвет? Матерьял?

— Это все равно, лишь бы неодинаковые. И не синий и не светлый. И подороже.

Саша отсчитал пятьсот рублей.

— Вот, хватит?

— За две сотни хороший костюм достать можно.

— Ну, на твой вкус...

Когда Зыков в универмаге выбрал два костюма и, не примеряя, попросил выписать на них квитанцию и завернуть, продавщица посмотрела на него как-то удивленно, даже опасливо. Тут-то Зыков и подумал, что гости Шальнева — люди все же очень непонятные, а может быть, и такие же малохольные, как сам Шальнев. Но он успокоил себя, что всяк по-своему с ума сходит. Да и морды у них вправду опухшие, со стороны глянуть — как только что из вытрезвителя.

Саша и Митя, надев обновку, остались довольны. Костюмы были финские, модно сшитые, чистошерстяные. У Саши коричневый в синеватую клетку, у Мити — мышиного цвета.

Оставшиеся деньги — сотню с рублями — Саша подарил Зыкову.

А ровно через неделю, 11 июля, часов в девять утра (Зыков как раз вернулся с ночной смены), Саша постучался к нему, вошел в комнату и попросил спуститься на улицу, поймать машину — лучше не такси, а левую,

можно даже грузовую. Ехать, мол, до Колпина, и пассажир шофера не обидит. И машину желательно подогнать прямо к подъезду, во двор. Саша, между прочим, побрился, оставил лишь усики, которые выглядели вполне подходящими, а борода у него так и не отросла до подобающих размеров, потому что времени было мало.

Зыков нанял черную «Волгу», поднялся за Сашей, потом вместе с ним спустился. Они обнялись внизу на прощание, Саша сказал: «Не поминай лихом»,— сел в машину и уехал.

Как он простился с Шальневым и Митей, Зыков не видел, но с Митей скорее всего без слез, потому что в последние дни, после того подслушанного разговора, они меж собой мирных, а тем более дружеских бесед и за чаркой не вели, а трезвые — и подавно, будто черная кошка между ними пробежала. Митя и зубоскалить перестал, ходил туча тучей, только глазами злыми поблескивал, а Саша недобро усмехался, глядя на него.

Митя отбыл тем же манером, с помощью Зыкова, через два дня, 14 июля. И тоже в сторону Колпина.

Шальнев после отъезда Саши сделался сам не свой. Ничего не ел. От выпивки отказывался категорически. И не спал совсем. Только курил и кашлял, кашлял и курил.

Зыков объяснял это усталостью, потому что и сам порядком утомился после двухнедельной беспрерывной пьянки, а ведь он был не в пример здоровее и выносливее своего хилого соседа. Но дело оказалось не только в усталости.

Накануне отъезда Мити, вечером 13-го, у него с Шальневым завязался почему-то скандал. При начале Зыков не присутствовал, началось это в комнате у Шальнева, а потом сосед в расстроенных чувствах прибежал на кухню, где Зыков жарил молодую картошку, купленную на рынке.

— Господи, ну и человек! — держась рукой за сердце, сказал Шальнев и присел на табуретку.

— Ты чего это, Андреич?—поинтересовался Зыков, углядев при этом, что держался Шальнев за сильно оттопыренный борт пиджака.

Но Шальнев не успел объяснить, так как на кухне появился Митя, который был все еще под мухой.

— Ну что, старая крыса, не любишь против шерсти? — спросил Митя, глядя на Шальнева исподлобья.

— Не хочу с вами говорить,— тихо сказал Шальнев.

— А ты и помалкивай, паразит, обмылок! На чужие жрет-пьет, и еще сухими ему давай.

— Подите вы к черту,— умоляюще протянул Шальнев.

— Что-о! — заорал Митя и подвинулся к нему.— Я тебя соплей перешибу, огарок!

Шальнев встал, и Зыкову показалось, что он ищет глазами, чем бы ударить Митю. Да где уж такому против Мити — смех один. Зыков еще помнил своим ребром, как Митя при первом знакомстве ткнул его пальцем, но он все-таки посчитал возможным на правах проверенного собутыльника вмешаться в неожиданную свару.

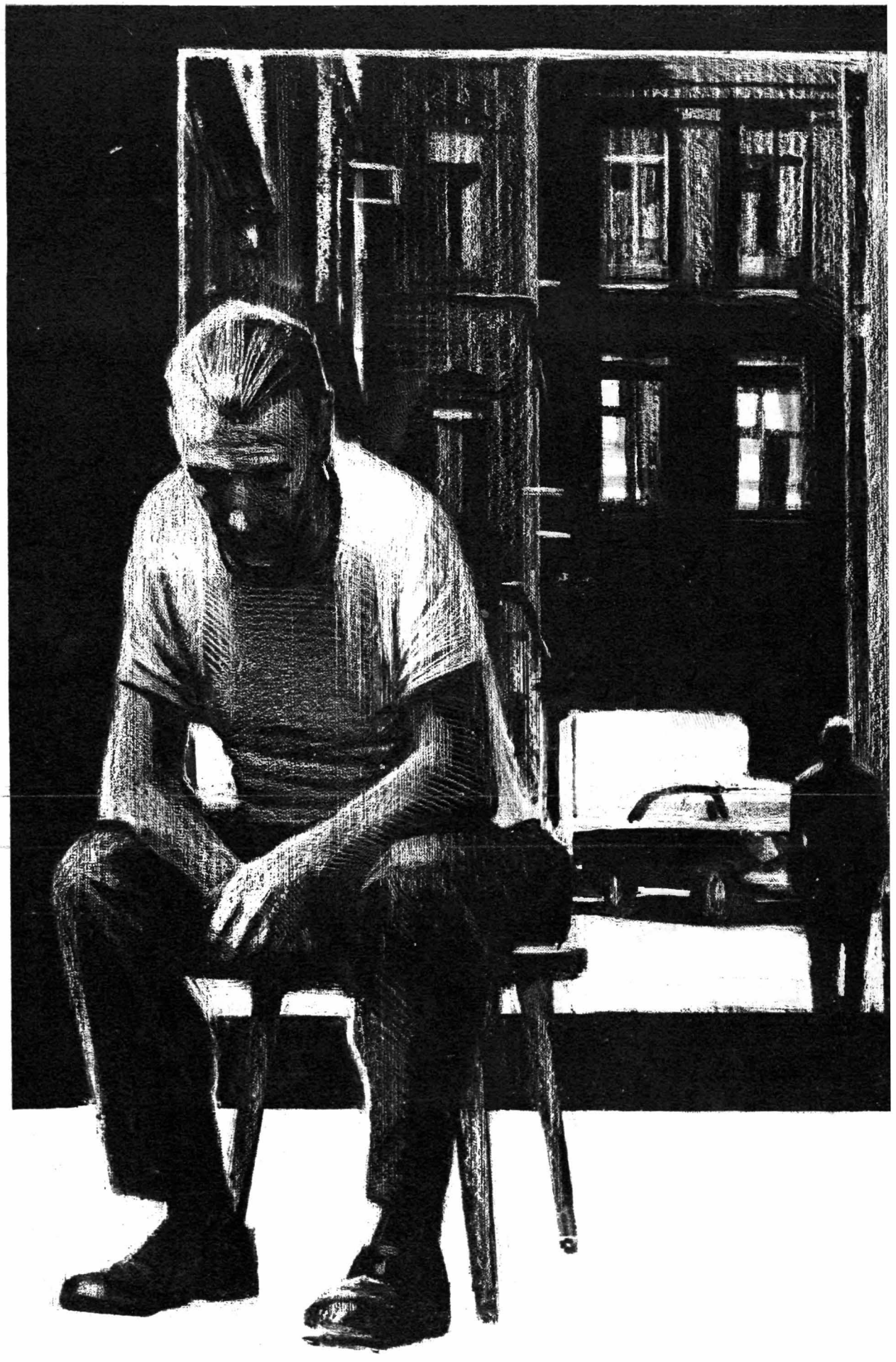
— Вот так-так!— укоризненно сказал Зыков.— То пили-пели, с одной плошки ели, а то и плошку пополам. Нехорошо так, некрасиво.

Митя плюнул под ноги Шальневу и ушел в комнату.

Ту ночь Шальнев коротал у Зыкова на полу, на старом своем матрасе. Он сказал, что не хочет больше видеть Митю.

Утром Митя, слава богу, уехал. Шальнев с ним не попрощался. А когда они остались с Зыковым вдвоем, Шальнев сказал, что собирается через неделю съездить к сестре в Электроград. Но уехал раньше, потому что 18 июля получил телеграмму и сильно взволновался.

Вот и все. Больше Зыков ничего не знает.



Выключив магнитофон, Басков сказал:

— Послушайте, Константин Васильевич, вы себя ребенком, надеюсь, не считаете?

— Да какой уж там ребенок!

— А их, значит, полярниками считали?

— Честное слово!

Басков постучал пальцем по магнитофону.

— Любой, кто вот это послушает, любой скажет: знали вы, кто они такие.

— Да не знал я!

— Ну, скажем, догадывались. А?

Зыков горестно покрутил головой.

— Догадывался.

— В таком случае как ваше поведение называется, понимаете?

— Не понимаю, ей-ей, не понимаю.

Кажется, он действительно не видел в своем поведении ничего предосудительного — так уж устроен.

Продолжение следует.

Три черепахи

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава VIII

ЗАЧЕМ НУЖЕН ПАСПОРТ?

Басков слушал рассказ Зыкова, и у него было такое ощущение, словно он заперт в затхлой комнате без окон, куда не проникает ни светлый день, ни людской шум. Не верилось, что рядом живет огромный город, что где-то на заводах станки точат и шлифуют металл, в парках плещут фонтаны и смеются дети.

Этот Зыков, педантично выворачивавший свое вполне реальное пахучее нутро, казался ему нелепой выдумкой, персонажем бреда, плодом больного воображения. Вот встряхни головой — и он исчезнет, развеется, как дым.

Но нет, такая прочная плоть не исчезнет ни под чьим брезгливым взглядом, она только посмеивается над высшими субстанциями — разумом, душой и прочим.

Однако абстрактные размышления о смысле существования на земле таких, как Зыков, личностей Басков считал бесполезными. Ему надо было выяснить роль Зыкова в расследуемом деле...

Из того, что теперь ему известно, вычерчивалась странная схема.

Ограбив совхозную кассу под городом П. и взяв 23 тысячи рублей, Брысь-Балакин и Петров по кличке Чистый знали, что немедленно будет объявлен всесоюзный розыск, и до 24 июня отсиживались где-то в тихом месте. Это понятно и естественно...

24 июня они появляются у Шальнева, чей адрес Брысь имел. Это уже менее понятно. Ленинград очень опасен для преступника, которого разыскивает милиция всего Советского Союза. Нужны какие-то особые причины, чтобы рецидивист с опытом Брыся решился так рисковать. Невозможно представить, чтобы Брысем руководило сентиментальное желание повидать друга детства, с которым в последний раз встречался года двадцать два тому назад, в 1957-м. Правда, тут примешана еще и несчастливая любовная история Брыся и Ольги Шальневой. Но что могло остаться от любви за двадцать два года? У Ольги выросла дочь, но ее отец Брысь все эти годы о ней и не подозревал. И что ему до нее? Как угодно поворачивай, но риск Брыся ничем не оправдан — или же существует мотив, скрытый пока от Баскова...

У Зыкова пропал паспорт. Внешностью Брысь немного похож на Зыкова. Вполне допустимо, что он паспорт и взял...

В рассказе Зыкова обращают на себя внимание два момента.

Разговор у Брыся с Чистым, который подслушал Зыков, шел, вероятнее всего, о день-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—19.

гах. Брысь требовал, Чистый не давал. Что за счеты между двумя грабителями?

Ссора на прощание между Шальневым и Чистым имеет какую-то связь с подслушанным разговором, ибо Чистый упомянул о «сухих», то есть о деньгах. Но какую?

Так или иначе, добытые сведения нисколько не проясняли вопроса, каким образом паспорт Балакина оказался в кармане у Шальнева на бульваре Карбышева.

Теперь Басков имел основания подозревать Чистого. Во-первых, Чистый мог легче, чем кто-либо еще, заполучить паспорт Брыся. Во-вторых, из пьяных разговоров ему нетрудно было выудить подробности прошлой жизни Шальнева и истории его несостоявшейся семьи, имя сына и где он сейчас живет. Но зачем Чистому понадобилось нападать на Шальнева?

Предположим, у Шальнева имелись деньги — те самые, о которых шла речь в подслушанном Зыковым разговоре. Даже крупные деньги. Для чего же Чистому надо было доставать левой рукой правое ухо, разыгрывать такой сложный спектакль, если он мог просто отнять эти деньги еще на квартире? Боялся Брыся? Но если деньги крупные, ему вовсе не обязательно встречаться с Брысем и докладывать: так, мол, и так, я изъял у твоего друга энную сумму.

Нет, и тут плохо вяжется — или опять-таки есть мотив, неизвестный Баскову...

Где-то на самом дне сознания померещилась Баскову комбинация, что все это мог сотворить и сам Брысь. Но для этого ему нужно обладать большим иезуитством, ибо Брысь обязан был рассчитать за следователя невероятно витиеватый ход мысли. Он должен был рассуждать так: я убиваю Шальнева и оставляю у него в кармане свой паспорт; следователь не имеет причины думать, что это сделал я, потому что именно я и дал деньги Шальневу; со мной был Чистый, и только он знал обо всем, значит, подозревать будут только Чистого...

Но Басков эту версию принять не мог, хотя она и не казалась совершенно уж абсурдной. Он по-прежнему не верил в возможность того, что преступление на бульваре Карбышева совершил Балакин.

И, наконец, как самый малоправдоподобный, но все же допустимый вариант: на Шальнева напал с целью ограбления Зыков. Зыков подслушал разговор — раз. Поменялся паспортами с Брысем — два. Его паспорт был кстати Брысю, паспорт Брыся оказался кстати Зыкову, если он задумывал ограбление с инсценировкой, а может быть, и натолкнул его на мысль об ограблении Шальнева. О сыне и взаимоотношениях Шальнева с ним Зыков был отлично осведомлен — три. Но чтобы включить эту версию в число подлежащих рассмотрению, надо прежде дождаться, что скажет старший лейтенант Шустов, который как раз сейчас выясняет, что делал Зыков 20 июля, в день нападения на Шальнева...

И еще насчет Зыкова: если он и непричастен к преступлению на бульваре Карбышева и если действительно не заглядывал в шкатулку год или два, то паспорт вдруг понадобился ему неспроста. Возникла какая-то причина. Но какая? А может, он все-таки просто уступил свой документ Балакину по его просьбе?

Басков перебирал в уме все эти рассуждения, а Зыков, видя, что он задумался, сидел тихо, не двигаясь, ожидая, что последует дальше.

Закурив, Басков отодвинул магнитофон в сторону, облокотился о стол и спросил:

— Скажите, Константин Васильевич, новый паспорт вы получили?

Зыков, конечно, какого-нибудь вопроса ждал, но явно не такого. Однако ответил, не смутившись:

— Больно скоро! Там сказали, дней через десять... Справки навести требуется.

— А зачем вы вдруг паспорт искать стали?

— Да не искал я... Карточки поглядеть захотелось... Я ж говорил...

— А как в милицию написали? Где потеряли?

— Ну-у, где... На улице потерял...

— Зачем соврали?

Зыков сделал страдальческое лицо и сказал обиженно:

— Пытаете меня, товарищ майор, а за что? Если там с Андреичем чего, так я не виновный.

Басков решил приоткрыть перед Зыковым краешек правды — это иногда развязывает язык.

— Слушайте, Зыков, дело серьезное. Вашего соседа хотели убить. О паспорте я не из любопытства спрашиваю. А вы что-то скрываете...

С Зыковым произошла мгновенная перемена: впервые Басков увидел, как лицо его побледнело. Он молча встал, открыл шифоньер, достал из пиджака вчетверо сложенный листок и положил его перед Басковым, выдохнув:

— Вот.

Это оказалось извещение из почтового отделения, написанное от руки чернилами: «Получите денежный перевод».

— Когда это принесли? — спросил Басков, нисколько не удивившись.

— В среду.

— Восемнадцатого?

— Ну да, прошлую среду.

— А Шальнев когда телеграмму получил?

— Я ж говорил — тоже восемнадцатого.

— Шальнев про перевод знал?

— А зачем мне докладывать?

— От кого деньги?

Зыков прижал обе руки к груди.

— Ей-богу, товарищ майор, знать не знаю. Никогда ни от кого не получал.

— А сколько?

— Так ведь не показали,— скороговоркой заторопился Зыков.— Прихожу, удостоверенье служебное предъявляю, а она, вредная,— паспорт надо.

— Может, должок чей?

— Взаймы не даю... Оно знаете как...

Басков поднялся со стула.

— Одевайтесь, пойдем на почту. А потом еще в магазин надо. Вы где костюмы покупали?

— На Невском, в Пассаже.

...Начальница почтового отделения, оставив их в своем кабинете, сама сходила за бланком с переводом на имя Зыкова. Это оказался телеграфный перевод на 300 рублей. Отправитель — Александр Иванович Балакин. Внизу отстуканы четыре слова: «Спасибо за все Саша».

Басков повертел бланк в пальцах и протянул его начальнице.

— Вижу, это из Москвы послано. А из какого отделения?

— Вот, тут все есть — и часы и шифр. А отделение связи — четыреста сорок восьмое.

Басков записал номер и встал:

— Благодарю. Будьте здоровы.

— А что же дальше? — Начальница приподняла бланк за уголок, словно он был липкий.

Басков улыбнулся.

— У адресата паспорт потерялся. Выправит новый — получит деньги.

Басков собрался уходить, но сообразительная начальница сказала:

— А вы разве не хотите посмотреть бланк-подтверждение?

— А что такое бланк-подтверждение? — спросил Басков веселым голосом, мысленно ругнув себя за то, что не знает вещей, которые ему полагалось бы знать.

— Ну, как же,— сказала начальница.— Сначала мы получаем по телеграфу, сколько кому перевести, а потом нам присылают бланк-подтверждение по почте... Ну, самим отправителем денег писано...

Басков в душе поблагодарил почту за такой хороший порядок.

— Покажите, пожалуйста, этот бланк.

— Одну минуточку.

Начальница принесла бланк-подтверждение. Басков прочел тот же текст, который до этого видел в телеграфном исполнении. Но этот был сделан от руки и написан чернильными печатными буквами.

— Я, простите, должен это изъять у вас,— сказал он начальнице.

— Ну, раз надо...

У Зыкова после посещения почты на лице снова играл румянец. Он даже пытался по пути к Пассажу, на Невский, заговаривать о капризах ленинградской погоды, но Басков его не поддержал.

— Вы лучше скажите, за что вам Саша платит.

Зыков сник.

— Не виновный я, товарищ майор...

— Ладно. Деньги отнесете в милицию.— И, подумав секунду, спросил: — А на прощание он вам сколько подарил?

— Я уж сказывал: сотню дал, одной бумажкой, с рублями,— ответил Зыков и полез в карман.

— Не надо,— остановил Басков.— Поберегите пока. То речистый вы, Зыков, то клещами тянуть приходится. Вы костюмы помните, какие покупали?

Зыков наморщил лоб.

— Счас вспомним... Значит, так... Финские костюмчики, по сто восемьдесят.... Саше коричневый подошел, в клеточку такую синюю, еле-еле видно... А Мите этому — мышастый.

Они подошли к остановке, сели в троллейбус.

В отделе мужской одежды Пассажа Баскова интересовали финские костюмы — коричневые в синеватую клетку и темно-серые, мышиного цвета. Серых уже не осталось — распродали, а два коричневых висели — в точности такие, подтвердил Зыков, какой он купил для Балакина.

Выйдя из Пассажа, Басков позвонил в отделение милиции, но старшего лейтенанта Шустова не оказалось на месте. Басков попросил передать Шустову, чтобы он его дождался, и сообразил, что давно пора чего-нибудь пожевать — было без двадцати минут пять.

— Значит, так,— сказал он ожидавшему в сторонке Зыкову.— Вы свободны. Спасибо за содействие. Но одна просьба: будут вести от этого Саши или Мити и вообще если что — звоните старшему лейтенанту Шустову. И деньги ему сдадите.

Басков вырвал из блокнота половинку листка, переписал в него телефон Шустова и отдал Зыкову со словами:

— А теперь всего хорошего.

— До свиданья, товарищ майор, будет сделано,— с поклоном отвечал Зыков.

— Да не кланяйтесь вы! Что я — чудотворная икона?

Басков повернулся и зашагал прочь.

Пообедав в кафе, он отправился в отделение милиции. Шустов уже был там.

— Ну что? — спросил Басков.

— Двадцатого июля он работал с шестнадцати до двадцати четырех.

Так, значит, Зыков отпадает.

— Хорошо. Сумею я на «Стреле» сегодня уехать?

— Устроим.

— Тогда еще одна просьба, Шустов. Нужно держать связь с почтовым отделением. Если будет что для Шальнева — вскрывай. Зыкову пусть доставляют, но ты поинтересуйся у него, от кого. Он скажет. И не удивляйся — деньги принесет, три сотни. Прими, оформи.

— Понял.

Было десять часов утра, когда Басков пришел к себе на Петровку. Скучный Марат сразу повеселел, встретив его в коридоре.

— Как съездили, Алексей Николаевич?

— Кое-что есть. У Шальнева как дела?

— Еще без сознания, но вроде лучше.

Басков открыл кабинет.

— Заходи.

Марат сел к окну. Басков достал из сейфа папки.

— Вот что, Марат. Возьмешь фото Брыся и Чистого, подберешь портретики посторонние и поедешь...— Басков заглянул в свой блокнот,—...поедешь в четыреста сорок восьмое отделение связи... Позвони, где это находится.

Марат позвонил.

— Улица Глаголева, дом восемь, Алексей Николаевич.

— Глаголева, Глаголева... Это же по проспекту Жукова?

— Точно. И от ресторана «Серебряный бор» рядом.

— Интересно. А родной дом Чистого у нас где?

— На другом конце, на Таганке.

— А сынок Шальнева на проспекте Жукова живет.— Это Басков сказал как бы самому себе, потому что о семейных обстоятельствах

пострадавшего Шальнева Марат еще ничего не знал.— В общем, дело вот какое. Восемнадцатого июля из этого отделения был отправлен телеграфный денежный перевод на триста рублей в Ленинград Зыкову Константину Васильевичу. Отправитель — Балакин. Предъяви девушке, кто там этот перевод принимал, фото. У тебя рука легкая, вдруг признают...

Марат порывисто вскочил.

— Нет, ты совершенно безнадежный,— сказал Басков.— Сядь, еще не все... Возьми это.— Он вынул из папки обрывок телеграммы, найденный в кармане у Шальнева.—Спроси, пусть посмотрят — должен быть оригинал. Послана тоже восемнадцатого и по тому же адресу, только на имя Шальнева...

— Все, Алексей Николаевич? Машину бы... Я ее держать не буду...

— Да уж не держи, пожалуйста. И звони мне сразу, как там.

...Редко когда нетерпеливый по природе Басков ждал звонка с таким нетерпением, потому что он был уверен: сообщение с почты или подтвердит версию, возникшую у него после Ленинграда, или еще больше все запутает.

Узлом был денежный перевод. Когда Зыков у троллейбусной остановки подтвердил, что Брысь подарил ему сто рублей, Басков будто бы вмиг прозрел. Так бывает, если разглядываешь загадочную картинку, на которой в сплетении древесных ветвей надо найти охотника: крутишь туда-сюда минут десять, и вдруг глаз схватывает нужные контуры, и ты удивляешься, что потратил столько времени на розыски, потому что охотник со своим ружьем просто кричит с дерева, кроме него, ничего уже и не видишь.

Действительно, что же получается?

Брысь хотел отблагодарить Зыкова за услуги. И вдруг ему вздумалось послать еще триста рублей. Можно это хоть мало-мальски убедительно объяснить? Вряд ли.

Будем считать, что деньги послал не Брысь. И телеграмму тоже. Тогда кто?

Ответ напрашивается.

Человек, пославший телеграмму и деньги, должен быть знаком с Балакиным, Шальневым и Зыковым, знать ленинградский адрес. Он также должен быть осведомлен о семейной драме Шальнева и о том, что его сын Юрий живет в Москве.

Таким человеком мог быть Чистый.

Если же вернуться к преступлению на бульваре Карбышева, принять во внимание все выяснившиеся обстоятельства и спросить: кто мог положить в карман Шальневу паспорт Балакина? — вполне естественный ответ: Чистый.

Раз так, все концы сходятся. Правда, эта версия оставляет темными два вопроса: ради чего Чистый хотел убрать Шальнева и зачем столь сложно готовил преступление? Но тут ответить мог только сам Чистый...

Марат позвонил в половине двенадцатого.

— Порядок, Алексей Николаевич.

— Выкладывай.

— Перевод послан в десять тридцать. Но не Балакин деньги посылал. Я фото предъявил, девушка категорически заявила: не видела таких.

— Значит, Чистый?

Марат замялся.

— Видите ли, какое дело... Насчет Чистого у нее уверенности нет... Сначала я в числе трех его показывал — не узнала, а одного показал — вроде знакомое лицо.

— А что с телеграммой?

— Отсюда, из четыреста сорок восьмого, в Ленинград восемнадцатого июля не посылали.

— Слушай, Марат, спроси там: есть почта на проспекте Жукова, поближе к началу?

— Минутку.

Баскову вспомнились все его выкладки на этот счет, и ему пришла мысль: человек, посылавший телеграмму от имени Юры с целью вызвать Шальнева в Москву, для вящей убедительности должен был послать ее из отделения связи, ближе всего расположенного к дому, где живет Юрий Мучников. Надо полагать, Шальнев, знавший адрес сына, знал и почтовый индекс этого адреса. А получив такую неожиданную и такую желанную для себя телеграмму, он, наверное, сто раз разглядывал, не веря глазам, каждую букву, каждую цифру...

— Алло, Алексей Николаевич,— послышался в трубке голос Марата.

— Да.

— Есть. Триста восьмое отделение, проспект Жукова, три.

Значит, дом, где живет Юрий Мучников, всего метрах в ста от почты.

— Поезжай туда. Проверь все, как сделал с переводом. Я жду.

Через час Марат снова объявился.

— Я из триста восьмого, Алексей Николаевич. Такая же история. Отправлено в одиннадцать двадцать. Балакин — наотрез нет, Чистый — может быть.

— Оригинала нет?

— Есть. Но печатными буквами.

— Изыми...

По рукописному тексту, исполненному печатными буквами, очень трудно установить, кому принадлежит почерк, зато по двум таким текстам можно определить, писал ли их один и тот же человек. И то хлеб...

Марат привез оригинал телеграммы. Басков положил рядом оба бланка, поглядел на Марата и сказал:

— Мы с тобой не графологи... Но похоже?

— Похоже, Алексей Николаевич.

Басков сунул бланки в конверт.

— Отдай графологам...

Баскову очень не нравилось в людях то, что он называл шаманством. Самую обыкновенную свою работу, за которую ему выдают зарплату, шаманствующий человек обставляет такими сложными мнимыми трудностями, что со стороны это смахивает на магию и волшебство. Чаще всего так делается с целью пустить пыль в глаза менее опытному коллеге или завоевать симпатии женщины. Но, как правило, это только вредит делу, а иногда и самому шаману.

Простой здравый смысл заставлял Баскова принять то, что само собой напрашивалось, хотя дознательская практика ясно говорит: очевидное — отнюдь не самое вероятное.

Он пошел к начальству, доложил добытые данные и сказал, что считает наиболее правдоподобной и перспективной версию, согласно которой на Шальнева покушался Чистый. Начальник МУРа спросил, какие специальные розыскные мероприятия в отношении Чистого он может предложить. У Баскова таких предложений не было. Он мог добавить лишь кое-что из примет, полезных для розыска: преступники одеты в финские костюмы такого-то и такого-то цвета.

Поскольку ведется всесоюзный розыск Брыся и Чистого и поскольку они, так сказать, в одной связке, оставалось ждать результатов. Для оперативного работника нет ничего хуже такого пассивного состояния, но тут приходилось мириться...

Минуло почти две недели, а на след Брыся и Чистого напасть все еще не удавалось, по-видимому, они отсиживались в укромном месте.

9 августа ожидание, наконец, кончилось. Баскову из Ленинграда позвонил старший лейтенант Шустов.

— Есть письмо, Алексей Николаевич,— будничным голосом сообщил он, не подозревая, как празднично звучит это для Баскова.

— Кому? От кого?

— Шальневу. Подписано: Саша.

— Откуда?

— В письме обратного адреса нет.

Праздник моментально померк.

— А штемпель? — почти крикнул Басков.— Почтовый штемпель на конверте есть?

— Есть, Алексей Николаевич. Послано из Харькова.

— Ну, ты большой драматург, Шустов,— облегченно вздохнул Басков.— Вези письмо в городское управление — пусть по телетайпу передадут сюда. А оригинальчик вышли.— Басков подумал секунду и добавил: — И заодно вот что: купи конверт, попроси начальницу почты, где мы были, тиснуть штемпель... Ну, скажем, одиннадцатого августа. И тоже вышли.

Через два часа Басков прочел короткое письмо, переданное по телетайпу.

«Игорь! Почти месяц прошел, пора что-то получить от тебя. Как все устроил? Срочно напиши. Город — сам знаешь. До востребования, Зыкову К. В. Не удивляйся, после объясню. Буду здесь до 25 августа. Привет. Саша». И в приписке — номер почтового отделения.

Так, значит, паспорт Зыкова все-таки оказался у Брыся, но каким путем — выкрали его или Зыков отдал сам? И, значит, Брысь заранее наметил, куда отправится из Ленинграда, раз сообщил Шальневу город еще у него в гостях. И если уж он такой завзятый конспиратор, что не называет этот город в своем письме, то вполне возможно, что харьковский штемпель на конверте ничего Баскову не даст,— Брысь мог попросить кого-нибудь бросить проездом в Харькове письмо в почтовый ящик. Но харьковский вариант необходимо отработать.

В пятницу, 10 августа, из Ленинграда пришел пакет. Рукописный оригинал письма мало что говорил Баскову, но мог пригодиться графологам, потому что хоть и редко, но иногда все же удается идентифицировать скоропись с текстом, выполненным печатными буквами.

Конверт со штемпелем ленинградской почты Басков повертел в пальцах и подумал, что, пожалуй, с этим конвертом он немного пошаманил: если Брысь действительно явится в почтовое отделение в Харькове, у него не будет времени ни разглядывать штемпель на конверте, ни почерк, а уж читать письмо — тем более.

Басков положил в конверт чистый листок бумаги, заклеил, написал адрес и тут же подумал, что все это вообще ни к чему, лишнее. Придет Брысь на почту — хорошо, а получит он там что-нибудь или не получит — не имеет значения.

В Харьков Басков взял с собою инспекторов Сергея Фокина и Ивана Короткова. Ему с ними не раз приходилось ходить на задержание опасных преступников, в них он не сомневался. Марат умолял включить в группу и его, но Басков знал, что у него больна мать, по ночам ему приходится быть сиделкой, и потому отказал...

Засада у такого объекта, как почта, да еще днем, да еще на людной улице — дело щекотливое. Брысь мог быть вооружен, поэтому Басков хотел взять его так, чтобы свести к нулю риск для посторонних.

Фокин сидел внутри почты за столом — будто писал. Коротков прогуливался по противоположному тротуару. Басков сидел перед окном в доме напротив. Метрах в пятидесяти на улице стояла «Волга» с двумя инспекторами из городского угрозыска.

У всех были фотопортреты Брыся, так что его появление обязательно кто-нибудь заметит еще до того, как Брысь войдет в помещение почты. Каждый постоянно видел хотя бы одного из товарищей, а об условных знаках было четко договорено...

Миновало три пустых дня.

Брысь пришел в четверг, 16 августа, в половине одиннадцатого утра. Он появился из ворот дома, около которого стояла их «Волга». Коротков, заметив сигнал из автомобиля, дал знак Баскову. Басков покинул свой пост, вышел из дома и увидел Брыся. Прежде всего он узнал костюм — коричневый, в синеватую клетку.

К двери почты они подошли одновременно. Басков пропустил Брыся вперед, и, когда тот, приблизившись к стойке, сунул руку во внутренний карман пиджака, Басков дал знак Короткову, а сам, положив ладонь на плечо Брысю, сказал:

— Здравствуйте, Балакин.

Брысь медленно повернул голову, посмотрел сначала на него, потом на Короткова, вставшего рядом с другого бока. Баскову было не до выражения его глаз, но смотрел Брысь недобро.

— Оружие,— сказал Басков.

— Не ношу,— ответил Брысь хмуро.

Коротков единым плавным долгим движением обеих рук огладил его от груди до щиколоток.

— Не ношу,— презрительно повторил Брысь.

Коротков защелкнул наручники.

— Извините.— Басков вынул из кармана у Брыся паспорт, откинул корочку.

Это был паспорт Зыкова.

Продолжение следует.

Три черепахи

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА IX

ДОПРОС С ПЕРЕРЫВОМ

Хорошо разработанный план допроса — великая, конечно, вещь, но Басков понимал, что допрос человека с таким богатым уголовным опытом, как у Брыся, не укладывается в общие рамки. Тут вряд ли сумеешь поставить ловушку, которую твой подневольный собеседник не заметит, вряд ли перехитришь его в игре околичностями. Поэтому Басков избрал самую простую тактику — ставить Брыся перед фактом, и пусть он опровергает, если сможет.

Когда конвойный ввел Брыся, Басков поразился перемене, происшедшей с арестованным: за три дня он постарел на десяток лет. Крупные морщины на щеках глубоко врубились в кожу, глаза запали, а цвет лица приобрел какой-то чугунный оттенок. Новый костюм висел на нем, словно на вешалке, а между тем Басков отлично помнил, что там, на почте в Харькове, плечи у него были как влитые.

— Вы что, совсем не едите? — спросил Басков, когда Брысь сел на стул.

— А вы меня на откорм поставили, что ли? — мрачно пошутил Брысь.

Басков пожалел, что задал чисто по-человечески свой вопрос.

— Я к вам не подмазываюсь, Балакин. Начнем по делу.— Он взял паспорт.— Откуда у вас документ Константина Васильевича Зыкова?

— На улице нашел,— с издевкой ответил Брысь.

— Вы даете понять, что врете. Только не надо строить насмешки, это не укрепляет отношения. Лучше вы начистоту, Александр Иваныч.

На Баскова глянули из-под густых темных бровей усталые и вместе неуловимо насмешливые глаза.

— Не держите меня за долдона, гражданин начальник. Вы еще молодой, а я давно с ярмарки еду. Ксива краденая, ну и что? Не за это меня взяли.

— Ладно, разберемся. Только не зовите меня начальником. Лучше — гражданин майор.— Басков из своей руки показал Брысю его письмо.— Это вы писали?

— Ну, наверно, я.

У Баскова уже было заключение графологической экспертизы, где говорилось, что денежный перевод и телеграмма написаны одним человеком, а письмо, по всей вероятности, другим, но он сейчас не хотел касаться этого вопроса.

— Что вы должны были получить от Шальнева и что он устраивал? — спросил Басков.

Брысь покачал головой.

— Эх, гражданин майор... Я телом еще не старик, раз покуда комар кусать не отказывается... А душа...— Он взглянул на Баскова уже без тени насмешки.— Можно мне спросить? Один раз, больше не буду.

Басков почувствовал, что сейчас должен произойти какой-то поворот, что сидящий перед ним матерый рецидивист по неведомой ему, Баскову, причине дрогнул где-то в глубине своего существа и хочет вынырнуть на белый свет, чтобы глотнуть глоток чистого воздуха или, если это не удастся, утонуть.

— Спрашивайте.

— Меня сдал Шальнев? — тихо спросил Брысь.

— Нет. Подумайте сами: зачем бы я стал задавать вам лишние вопросы, если бы на них уже ответил Шальнев?

— Я ваши порядки знаю. Один сказал — другой закрепить должен. Я вор в законе, и вот мое слово: скажите правду про Шальнева, он меня заложил или нет,— расколюсь, жилы вам мотать не буду.

Момент был из тех, что редко повторяются. Сняв трубку, Басков позвонил по телефону.

— Марат, зайди.

Тот явился немедля. Брысь сначала на него даже не оглянулся.

— Ты когда был в больнице? — спросил Басков.

— В пятницу, товарищ майор.

— Как там?

— Лучше, но пока без сознания.— При этих словах Брысь посмотрел на Марата, который тоже смотрел на него.

— Позвони, предупреди — сейчас приедем. И вызови «воронок».

— Слушаюсь, товарищ майор...

Марат ушел, а Басков подвинул на столе сигареты, зажигалку и пепельницу поближе к Брысю и сказал, взглянув на часы:

— Закуривайте. Я покажу вам кое-что, Балакин, и тогда вы, может быть, поверите мне.

Брысь еще не понимал, что ему готовится.

В палате, где лежал Шальнев, ничто не изменилось с того июльского жаркого дня, когда его сюда привезли. Он висел в своем фантастическом гамаке, укрытый до пояса простынею, и трубочки по-прежнему змеились от его рук и ног к стеклянному шкафу в изголовье, похожему на действующую модель какого-то химического производства в разрезе.

Изменилось только то, что было лицом Шальнева. Теперь оно походило на кору сосны с выступившими на поверхности смоляными каплями.

Сестра оставила Баскова и Балакина, одетых в белые халаты и белые же полотняные бахилы поверх ботинок, и Басков сказал, показав на левую руку Шальнева, лежавшую вдоль тела на кромке гамака:

— У него нет паспорта, но там есть татуировка... Посмотрите.

Балакин приблизился, склонился над рукой, по которой от запястья к локтю ползла синяя черепаха. Потом, пятясь, вернулся на середину комнаты и спросил шепотом:

— Кто его?

— Я думаю, что не вы. Но и без вас здесь не обошлось. Или как?

— Эх, гражданин начальник,— только и сказал Балакин.

— Ладно, пошли.

...Басков надеялся, что после столь убедительного ответа на вопрос Балакина о Шальневе, да если учесть слово, данное вором, допрос пойдет без помех, но он просчитался.

Уже в машине с Балакиным что-то случилось, он даже отказался от предложенной сигареты. А когда Басков, продолжая прерванный допрос, снова спросил, что должен был сделать Шальнев и каких вестей ждал от него Балакин, он услышал в ответ:

— Ничего я вам не скажу, гражданин майор. Дайте подумать.

Баскову обижаться не приходилось: на то они и воры, их дело такое — изворачиваться. И за то, что свозил Балакина к Шальневу, он себя не ругал. Неприятно было одно — что поддался минутной слабости и поверил, будто в душе Балакина может произойти какой-то перелом.

— Подумайте, Балакин, подумайте,— сказал Басков.— Но учтите, мне долго ждать времени нет.

Басков не хотел открывать всех своих карт и не стал говорить на первом допросе ни о П., ни о Ленинграде, ни о паспорте Балакина, обнаруженном в кармане у Шальнева,— вообще ни о чем из того, что ему было известно: он хотел дать Балакину возможность самому, без постороннего нажима, признаться во всем. Жаль, что не получилось с первого захода.

Басков много бы дал, чтобы узнать, о чем будет думать у себя в камере Балакин. Можно догадываться, что он должен определить линию своего поведения на допросах и решить, в чем признаваться, а что отрицать. Можно также предположить, что он при этом будет учитывать важное обстоятельство: его показания и признания затронут третьих лиц.

Предугадать, как поведет себя Балакин дальше, было трудно, а время терять действительно не следовало. И Басков подумал об Анатолии Ивановиче Серегине.

Нет, он был далек от всякой сентиментальности, но свято верил в неисчезающую силу далеких детских впечатлений. Он по себе знает, что ломоть черного хлеба, политый подсолнечным маслом и присыпанный солью, который был съеден пополам с приятелем по пути из дома в школу,— это такая прочная скрепка, что ее не разорвет никакое время.

И так же свято верил Басков в то, что самый закоренелый преступник, если только он не врожденный дебил, носит в себе тайную тоску по тем светлым дням, когда сердце его еще не заскорузло. Положи горячую ладонь на замерзшее стекло окна — увидишь через прогалину ясное небо...

Если Балакин и захочет раскрыться перед кем-нибудь, то гораздо скорее сделает это перед другом детства, чем перед обычным работником угрозыска, которых на своем веку он повидал наверняка больше, чем обыкновенный честный человек — зубных врачей...

Испросив разрешение начальства, Басков отправился в телеграфный зал дежурной части, и там девушки тотчас связали его по телетайпу с областным управлением внутренних дел, которое возглавлял полковник Серегин.

Анатолий Иванович, когда узнал, в чем дело, охотно согласился прилететь в Москву, но сказал, что задержится на два дня. Это Баскова устраивало.

Никаких театральных эффектов они не приготовили. Басков сидел за своим столом, а Серегин в кресле, спиной к окну.

Войдя в раскрытую конвойным дверь, Ба-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12- 20.

лакин склонил голову в коротком поклоне и сказал:

— Здравия желаю, граждане начальники.

— Попроще, Балакин,—сказал Басков.— Вот стул, садитесь. Курить хотите?

— Бросил, гражданин майор. Спасибо.

На Серегина, как прежде на Марата, Балакин не обращал внимания и повернулся к нему, только когда услышал:

— Ну, здравствуй, Брысь.

Балакин не удивился.

— Я уже здоровался. А зовут меня так, между прочим, только хорошие знакомые.

— Мы знакомы давно.

— Что-то не припоминаю.

Серегин расстегнул запонку на левой руке, поддернул рукав, обнажив ползущую от запястья к локтю бледно-голубую черепаху.

— Может, вспомнишь? Твоя работа.

Балакин перевел взгляд с черепахи на лицо Серегина, помолчал, и некое подобие улыбки скользнуло по его губам.

— Испания... Как же, не забыл, наколочка моя... А звать тебя?

— Серьга.

— Вы с Эсбэ дружками были... Клюшками промышляли...

— И свечками.

Балакин покосился на Серегина.

— Не забыл, значит, свечечки?.. А ты кто ж теперь будешь?

— В милиции служу.

— Угу, понятно.

Басков уловил зыковские интонации. Оно неудивительно, так как Балакин хоть и недолго, но с Зыковым общался. Однако Балакин ерничал, а это на него совсем не было похоже. Так делают, когда хотят скрыть свое подлинное состояние.

— А что вам понятно? — спросил Басков.

— Психологию разводите. Слезу из меня давите. Так ведь я, гражданин майор, последний раз плакал, когда, извините, от материнской титьки отрывали.

Басков уже видел, что не такой уж он железный, каким хочет казаться, но играть дальше в кошки-мышки не имело смысла.

— Вы угадали,— сказал он.— Хотите, мы тоже погадаем?

Балакин с преувеличенной готовностью подался к нему, изображая наивный интерес, который вовсе не был наивным.

— Ну-ка, ну-ка.

— Будем исходить из того, что не вы напали на Шальнева. Это похоже на правду, верно?

— Похоже,— серьезно согласился Балакин.

— Тогда попробуем угадать, что вас беспокоит.— Басков закурил сигарету, вынул из стола паспорт, положил его под ладонь.— Начнем по порядку... Когда я показал вам ваше письмо, вы подумали, что вас выдал Шальнев. Так?

— Я вам это говорил.

— Потом вы увидели Шальнева в больнице, и подозрение отпало. Так?

— Верно.

— Тогда вы спросили себя: как мы на вас вышли? Ну, тут ясно: нашли полумертвого Шальнева, установили наблюдение за квартирой, перехватили письмо, а дальше все проще пареной репы. Так?

— Ну, так.

— Теперь один вопрос, Балакин: вы бы по лицу узнали Шальнева?

— Какое же там лицо...

— Вот именно.— Басков сделал паузу и продолжал: — Значит, установить, что это Шальнев, можно было лишь по паспорту. Согласны?

— И по другим бумагам тоже,— уже деловито поправил Балакин.

— Никаких бумаг при Шальневе не оказалось. В кармане у него нашли только это.

Басков подал Балакину паспорт и мельком взглянул на Серегина, молча следившего за развитием этого разговора, который можно было считать допросом лишь весьма условно. Серегин знал обо всем, что удалось добыть Баскову по делу, в мельчайших подробностях, и он понимал, что сейчас наступил важный момент.

Балакин держал в руках свой собственный паспорт, глядел на собственный портрет и молчал. Желваки вздувались и опадали на его скулах.

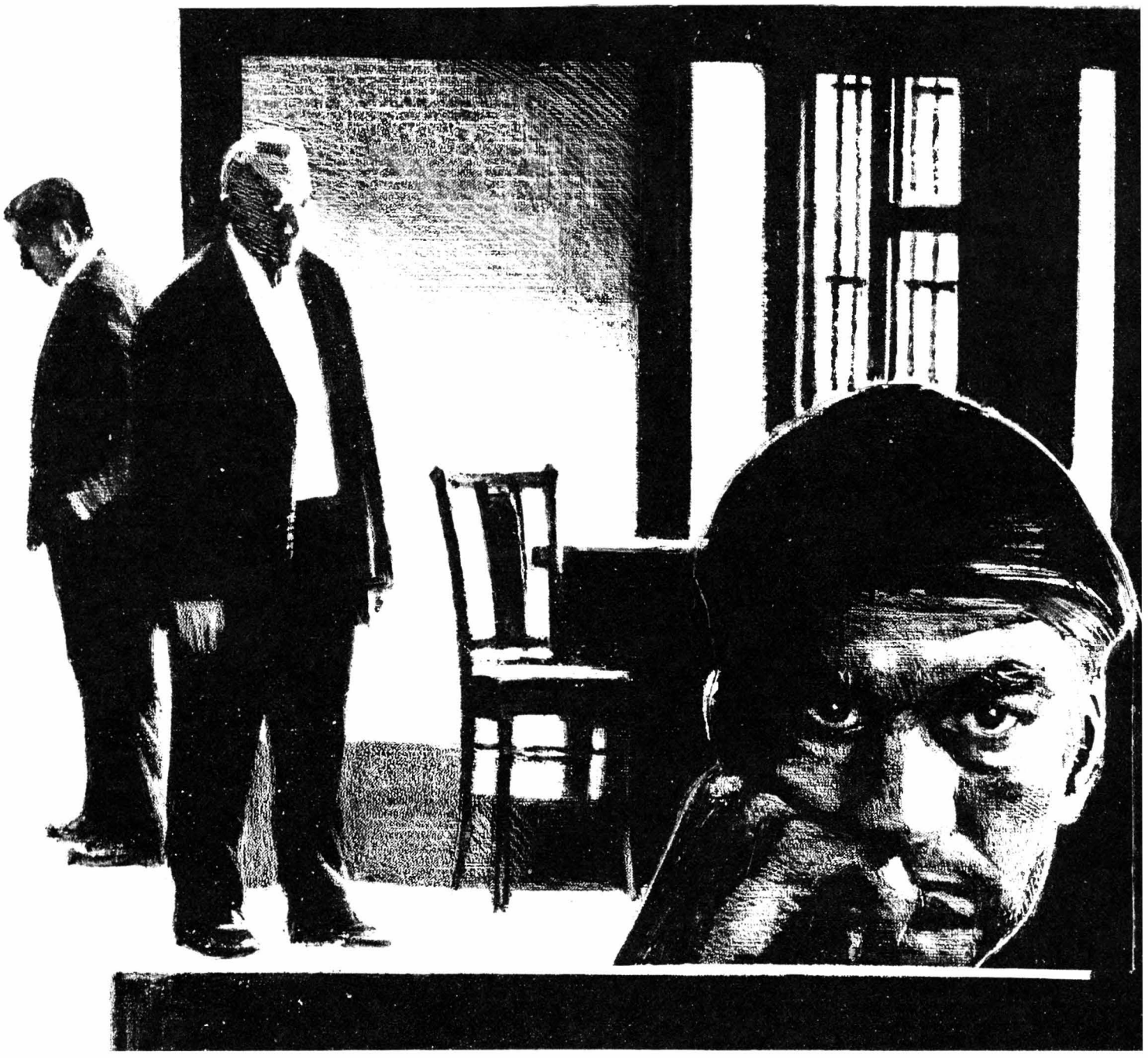
— Ну что, Александр Иванович,— прервал молчание Басков,— ловил я вас, когда про Шальнева спрашивал?

— Это было у Эсбэ в кармане? — не отвечая на вопрос, спросил Балакин.

— А откуда же бы попал ко мне ваш паспорт? Или опять думаете, покупают вас?

Балакин молчал.

— Кого покрываете, Александр Иванович,— со вздохом сказал Басков.



— Мне покрывать некого.

— Города, где после колонии жили, боитесь?

— Это вы на меня не навесите.— Балакин поднял голову.— Большое дело — уехал, не рассчитавшись.

Басков поднялся, взял у него паспорт, спрятал в сейф.

— Вы уж и меня за долдона не держите, Александр Иванович. Тут ведь заколдованный круг. И сдается мне, одно имечко все развязать может.

Имя Чистого ни разу еще не всплывало, но наивно было бы полагать, будто Балакин не подозревает, что оно известно Баскову. Однако Басков не желал первым произносить это имя — опять-таки в надежде, что Балакин в конце концов использует оставляемый ему шанс добровольно помочь следствию и тем облегчить не только душу, но, может быть, и будущую свою участь. Если бы он мог признаться этому старому взломщику сейфов в своей симпатии к нему, вызванной еще рассказом Серегина... Да нет, это было бы уж слишком...

Басков, закрыв сейф, сказал Серегину:

— Мне на полчасика отлучиться надо, Анатолий Иванович. А вы тут посидите, потолкуйте. Наверно, есть что вспомнить.

— А вот Брысь скажет опять, что психологию разводим — какой же разговор?

Балакин промолчал, и Басков у него за спиной, уже от двери, весело подмигнул Серегину.

— Я Марату скажу, пусть чайку принесет.

И он оставил Балакина и Серегина с глазу на глаз.

ГЛАВА X

БРЫСЬ РАССКАЗЫВАЕТ

1

— Серьга, стал быть,— после долгого молчания сказал Балакин, не глядя на Серегина.— А вот как звать вас — хошь убей... Память отшибло.

— А ты меня и тогда не знал, как звать. Это мы с Эсбэ тебя знали.

Балакин посмотрел на него.

— На ты хочешь? Не брезгуешь?

— Не надо, Брысь. Старые мы уже.

— Я этому молодке говорил,— Балакин кивнул на дверь,— меня еще комары кусают — значит, не старый. А вы кто же по чину будете, если не секрет?

— Полковник.— Серегин застегнул запонку на рукаве и пригладил волосы ладонью.

— Далеконько разбежались,— сказал Балакин.

Вид у него был очень усталый, и Серегин считал пошлым продолжать разговор в таком невразумительном духе. Не об этом он думал.

— Знаешь, Брысь,— сказал он, сердясь на себя,— я тебя не допрашиваю.— Он тоже кивнул на дверь.— Этот молодка через меня Шальнева опознал, через твою черепашку... Тебе учесть это надо, а вешать на тебя лишнего никто не станет. Сам навешал... Тебе же край. Помоги — легче будет.

— Легче мне не будет,— с усмешкой сказал Балакин.— А вас как все же величать прикажете?

— Еще раз прошу, Брысь, не будь клоуном. Не хочешь по-человечески говорить — хоть бы по фене морочил. А зовут меня Анатолий Иванович.

— Ты, полковник новую феню не поймешь.

— Тебе этот сухой монтаж не надоел?

Балакин упер локти в колени, обхватил голову.

— Надоел, Серьга, надоел. Записывать будешь?

— Я тебя не допрашиваю.

— Ну, тогда с чего начнем?

— У тебя же все в одной завязке. Из клубка две нитки торчат. Хочешь — с Эсбэ, хочешь — с кассы.— Серегин помолчал и добавил совсем другим голосом, сам удивляясь своему волнению: — Ты ж смотри, как сошлось... Ты нам с Эсбэ татуировку делал, в Испанию бежали...

— Брось, Серьга. Черепашки — это для ваших... как их называют-то?.. Для романтиков. А я не про то...

Серегин чувствовал, что невпопад он говорит с Брысем, и взволновался не к месту, но притворяться не мог. Он сказал:

— В общем, учти, я про тебя много знаю. Я, например, с Ольгой Шальневой говорил.

При этих словах Балакин словно окаменел. Серегин заметил лишь, как дернулись его пальцы, зарытые в густые еще, темные с проседью волосы. Потом он распрямился, пристально поглядел в глаза Серегину.

— Давно видел? — Голос у него стал совсем тихий.

Серегин прикинул.

— Месяц назад.

— И Эсбэ видел? — Вопрос звучал нащупывающе, в нем крылся второй смысл — о времени и месте. Серегин уловил это и ответил так, чтобы стало ясно и невысказанное:

— Там же, где и ты. В больнице.

— Значит, не повидал он Ольгу?

Спросив так, Балакин шагнул сразу через много ступенек, и теперь обоим было понятно, что петлять и хитрить дальше ни к чему. Оставалось одно: вернуться назад и пройти по всей лесенке, не пропуская ни одной ступеньки.

— Не доехал,— сказал Серегин.

Балакин зло прищурился.

— Чистый сработал... Слыхал про Чистого?

— Как же.

— Взяли его?

На этот вопрос по правилам отвечать бы не полагалось, но у них шло уже не по правилам.

— Пока не взяли,— сказал Серегин.

— Ну, лады, Серьга, колюсь я, до самой задницы колюсь. Ты прав, тут мне край.

Серегин промолчал. Что ему было говорить? Не спугнуть бы того, что зрело в Балакине.

— Так с чего начнем? — спросил Балакин.

— Давай с совхозной кассы.

— Это, Серьга, ближе к концу... Ты вот про Испанию помнишь, потому как черепашку на руке носишь. Полиняла черепашка, а у меня тут,— Балакин положил ладонь на сердце,— у меня вот тут одна метка сидит, не выцветает, не тушью сделано... Ты женатый?

— Дед уже.

— Вот видишь, а меня если какой молокосос старым хреном любя назовет — и тому рад...

— Ты ж не старый — сам говорил.

— Хорохоримся, Серьга.— И без всякого перехода Балакин спросил охрипшим вдруг голосом: — Тебе Ольга много рассказывала?

— Про тебя разговор был. Как чуть не поженились в пятьдесят седьмом.

— И про китобойную флотилию?

— Говорила.

— И про плен и про десять лет?

— Точно.

— Сам понимаешь, Серьга, то есть Анатолий Иваныч... Десятка была, а плена не было... Пудрил мозги девчонке... Эсбэ-то, может, догадывался, да и то вряд ли. Это уж после, когда меня его теща сдала, ему в милиции, может, глаза открыли, а может, и не открыли, а так он голубь.— Балакин помолчал, вспоминая.— Да-а... А насчет женитьбы — истинная правда... Ты представь, какой я был. Тридцать пять лет, из них пятнадцать по тюрьмам и колониям... Мне, кроме Матрены, ну няньки Олиной и Эсбэ, никто в жизни доброго слова не сказал... Вы с Эсбэ за мной бегали — так вы ж шкеты были... Ну, боялся меня кое-кто — это, знаешь, щекочет, да не греет... А тут залетел в чужое гнездо, посмотрел на Эсбэ, как он с молодой женой друг на друга не надышатся — завидки взяли... А про Олю что говорить? Насчет женитьбы я не врал. Сначала думал: зачем волку жилетка — он ее все равно о кусты порвет. А потом вижу, полюбил так — режь на части... У меня, понимаешь, это быстро решалось — между посадками времени-то не очень... А тут и копейка честная была — в очко пофартило...

— Это я тоже знаю, в электроградской милиции твое дело видел,— сказал Серегин.

— Мог бы и не видеть. Я тебе все без балды говорю. Не про то речь... Ты скажи, откуда такие падлы берутся — теща эта проклятая? Ладно, я вор, меня по закону надо ловить и сажать. А она людям жизнь ломает — кто ее остановит? Я б тогда, если б вырвался, глотку по горячке бы ей перервал, хотя и баба.— Балакин остановил себя, передохнул и продолжал тише: — Что заложила — пустяк, это и по дурости бывает или по честности. Не в том дело... Я тогда завязать решил, крепко решил. Думал, вот оформлюсь во Владимире, куда-никуда устроюсь, копейка на первое время есть. Олю перевезу, распишемся — и все путем... А эта подлая баба приходит — и кранты...

— Игорю она тоже устроила. Жену и сына отняла.

— Это я в Ленинграде от него слыхал,— мрачно сказал Балакин.— Из-за меня все и получилось.

— Ну, положим, не только,— возразил Серегин.— У него все равно к тому шло.

— Ты на мою совесть, Анатолий Иваныч, бальзам не лей. Я-то знаю.

Серегину на миг показалось, что перед ним сидит не матерый вор Балакин, а тот Брысь, с которым они бежали в Испанию. И, подавляя в себе ненужную Брысю жалость, он спросил ворчливо:

— А о дочке-то когда узнал?

— То особый разговор. Слушай по порядку, а то не поймешь.— Балакин вдруг поднял руку, как школьник за партой, когда напрашивается, чтобы учитель к доске вызвал.— Можно, я пройдусь немного? Поясница затекла.

— Не пижонь. Курить хочешь?

— Я, правда, бросил.

Балакин прошелся от стены до стены поперек кабинета, растирая поясницу обеими руками. Серегин закурил сигарету и спросил:

— Может, чаю?

— Не надо. Тут, небось, чай хороший, а мне к хорошему привыкать не годится.— Балакин остановился, поглядел на Серегина.— Никак не разберу, сколько тебе лет?

— Мы с Игорем на два года тебя моложе.

— Законсервировался.

— Видимость одна. Сердечников, знаешь, в гроб кладут, как огурчиков.

— Можно, я буду ходить? — В голосе Балакина даже робость послышалась.

— Да хоть бегай, только рассказывай.

— Ты не подумай, Анатолий Иваныч, на допросе я бы наизнанку не выворачивался. Только Эсбэ да тебе вот.

— Чую, Брысь.

— Но ты этому своему молодке передай,— Балакин опять кивнул на дверь, имея в виду Баскова,— пусть считает, о чем мы тут толкуем, моими показаниями. А протокол я подпишу.

— Ну, это нужно все по форме. Времени и у тебя и у него хватит.

— Тоже верно.

Серегин почувствовал, как изменилось настроение после этих почти что стариковских обоюдных жалоб на немочи. Не было надрыва и злости в голосе Брыся, не было у него самого, у Серегина, ощущения непреодолимой отдаленности от бывшего своего кумира, а ныне старого рецидивиста.

— Так об чем я? — спросил Балакин, возвращаясь к прерванному рассказу.

— Про дочку твою говорили.

Балакин подумал немного.

— Нет, теперь, пожалуй, надо кассу помянуть... Или ты и это знаешь?

— Опять же по милицейским документам. От тебя интересней будет.

— Не шути, мне вышка светит. В том ящичке двадцать три тыщи было.

— Что ты, Брысь! — с досадой за свои неловкие слова поспешно сказал Серегин.

— Ладно, ты не думай — не плачусь. Что было — не вернешь... Короче, ковырнули мы с Чистым ящичек и смылись. Недели три в лесу отсиживались, под Кировом, в охотничьей избе. Чтобы след простыл... Сам понимаешь, по горячему искать легче. А снабжал нас один ханурик из ближней деревни. За приличную плату, конечно, да и Чистый припугнул его раз, так что не опасались... Ну, сидим неделю, сидим две. Деньгами набиты, а швырнуть некуда. И взяла меня такая тоска — хоть в петлю. И вспомнил я про Эсбэ. А адресок его у меня имелся... Понимаешь, получилось такое дело...

— Про адрес можешь не рассказывать. И про подписку на журнал «Вокруг света» тоже.

Балакин кивнул.

— Понятно. Короче сказать, приоделись мы в Кирове и на попутных добрались до Ленинграда... Теперь вижу: лучше б мне туда не соваться.

— Глупо, конечно. В Ленинграде не в лесу. Ты ж догадывался... На тебя розыск объявлен.

— Я не про то,— возразил раздраженно Балакин.— Не надо было Игоря замешивать, да если бы да кабы... Но ты слушай, пока у меня говорилка работает, а то заткнусь.

— Извиняй, молчу.

Балакин сел на стул, вынул из пачки, лежавшей на столе, сигарету, понюхал табак, но не соблазнился, положил сигарету рядом с пачкой и невесело усмехнулся.

— Видишь, как человек устроен. Вышка светит, а я курево бросил, о здоровье беспокоюсь. Кашлять надоело, дышать трудно.

— Далась тебе эта вышка... Суд рассудит.

— Не будем шлепать, Серьга. Слушай дальше.— Балакин снова поднялся и начал ходить туда-сюда, от стены до стены.— Игорь принял нас, как человек, да я и не сомневался... У него, правда, сосед сбоку, такой ухватистый кулачок, но мы его не боялись, в компанию вошел, и насчет поддачи — большой любитель... Само собой, мы с Чистым даже Игорю про себя — ни гу-гу. Вкалывали на севере, заработали копейку — можем гулять... Наивняк, конечно, а что еще сочинишь?.. После уж я Игорю-то открылся, пришлось открыться... И дурак... Колебался он — ну и пусть бы себе колебался. Ему бы легче было.

— Постой, Брысь,— сказал Серегин.— Неужели он такой ребенок? Он же о твоем прошлом знал. Ты у него в пятьдесят седьмом гостил.

— Тогда он всей моей туфте поверил. Я ж говорю: голубь. За это и люблю.

— Фантастика какая-то. Столько его жизнь клевала... Войну прошел...

— Я на войне не был, но так соображаю, Серьга: она хитрованству не учила.

— Это верно...

— Ну вот... Гуляем, значит. У Чистого с соседом свои делишки завелись, по бабьей части, а мы с Игорем за жизнь толкуем, Электроград поминаем. Ну, спросил я про Ольгу. Он: живет, мол, дочка уж большая, скоро институт кончает. Замужем? — спрашиваю. Да нет, говорит, как-то так получилось — не вышла... Это мы еще в первый день про Ольгу толковали, и он, понимаешь, не сказал, чья у Ольги дочка, а я и в мыслях не держал спросить. Больше двадцати лет прошло, мало что у бабы было... А потом раз ночью померекал, прикинул: институт кончает — значит, не меньше двадцати... Аж в ушах зазвенело. Бужу Игоря, а он все время в штопоре был, дурной спросонья. Трясу его: от кого у Ольги дочка? Он хихикает, как блаженненький. Люба от вас, говорит, товарищ китобой, от кого ж еще? Вот крест, чуть я ему тогда не врезал. Какого ж черта сразу не сказал? — говорю. А он: а зачем? Ты для нее умер, утонул в холодных водах Антарктики. И правда, зачем было говорить? Какая теперь разница? Вот так...

Балакин замолк, и Серегин не нарушал молчания. Балакин, шагая, шаркал подошвами, и от этого шарканья Серегину сделалось тяжко на душе. Неужели и он вот так ноги волочит, когда задумывается? Да нет вроде бы. Вспомнился Никитин — сослуживец, которого в минувшем году хватил инсульт. Он с тех пор ходит с палочкой и вот так же шаркает, потеряв всякую уверенность в походке. Но только в походке... А за шарканьем Балакина чудилась Серегину до странности несоответственная, несообразная картина. Он видел раз на Оби, как, подточенный водою, рухнул в реку высокий берег, шурша опрокинувшимися вниз головою деревьями, стоявшими на самом обрезе... Какая же боль должна точить человека, чтобы матерый мужичище, которому тюрьмы и колонии давно стали родным домом, вдруг сломался на глазах.

Продолжение следует.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Три черепахи

ГЛАВА X

БРЫСЬ РАССКАЗЫВАЕТ

2

То ли угадал Балакин мысли Серегина, то ли это случайно получилось, но Балакин сказал:

— Подкосило меня... Сам подумай... Ну, заложила меня та стерва, не заладилось с женитьбой — я про то забыл, и гори оно огнем. Но дочка, понимаешь... Детеныш... Я ж не зверь.— Балакин остановился, взмахнул рукой.— Нет, не то говорю. Зверь своих детенышей кормит. Как Игорь про дочку сказал, у меня в башке все перетряхнулось... Нет, я не про совесть и прочее. Я себя тогда жалел, первый раз о жизни своей пожалел... Смеяться будешь, а я детишек всегда любил. Что же выходит? Ну, Ольга — это ладно, потерял, забыл, ничего не попишешь. А Ольга и дочка — не тот вопрос. Ольга, и дочка, и я при них — мне б другого ничего и не надо... Захрапел Игорь, а я лежу, сам себе кино кручу — как бы оно все было, если бы да кабы и если б не та подлая баба. Попадись она тогда — раздергал бы на лоскуты. Считай, два раза ей повезло... А остыл — и злость прошла. Чего ж все на кого-то валить? Сам не зеленый, мог одуматься — времени хватало. И в Электроград после той посадки заглянуть кто мешал? На малинах со шлюхами коньяк пил, их бы серной кислотой поить, а там дочке из носовых платков кофточки шили... А теперь столу. Марат поставил поднос на стол и вышел.

— Все-таки давай по стакашку,— сказал Серегин.— Не привыкнешь. Да и не такой уж он хороший, судя по цвету.

— Ну давай.— Балакин сел на стул, взял стакан. Чай был горячий, и он поддернул рукав пиджака на ладонь, подложил под донышко, размешал сахар, отпил половину и спросил: — Не уморился слушать?

— Брось ты.

— Тогда поехали дальше.— Балакин допил чай, поставил стакан на поднос. Но, прежде чем продолжить, расстегнул пиджак и сказал: — Жарко.

— А ты сними.

— И то правда.— Балакин снял пиджак, сложил его на коленях.— Ты учти, Анатолий Иваныч, оправданья не ищу, а сказать надо: я по мокрому никогда не ходил, а что охранника чуток тюкнули — нужда заставила, по-другому нельзя было. Я Чистого тогда предупредил: оглуши, но чтоб очухался, а то самого удавлю. У Чистого кожаные перчатки были, в правую он свинцовый блин под подкладку заделал...

Серегин не выдержал:

— Гуманный метод, а? — Сказал и выругал себя, потому что Балакин посмотрел на него, как показалось Серегину, отстраненно, словно их разделяла решетка.

Но Балакин и после этих слов не желал видеть перед собой полковника Серегина, он видел Серьгу.

— Я не отмываюсь, да мне и не отмыться. Сам себя понять хочу.

— Не обращай внимания, Брысь. По-разному дышим. Во мне моя профессия сидит.

— Стало быть, и про охранника, и про Чистого, и про перчатку со свинчаткой — все в дело сгодится. Так что замнем...— Балакин встал, кинул пиджак на стул и опять начал ходить.— Не в том главное, мне главное — Игорь. Через меня ж он под свинчатку попал.

— Ты уверен, это Чистый?

— Ну говорю тебе, кто ж еще? — Балакин вдруг застонал.— Эх, дотянуться б до него.

— Найдем, не сомневайся.

— Вы-то найдете, а мне что? Разве, коль помилуют, в колонии свидимся.— Голос у Балакина подрагивал, будто он сдерживал рвущийся из горла крик.

— На тебе крови не было.

— Тут, Серьга, не вам рядить. Я этого козла на перо посажу, и чтоб напоследок частушку спел.

Серегин глядел на Балакина и в эту минуту понимал, почему именно умел он держать в узде самых отпетых уголовников по всем колониям, в которых ему доводилось отбывать срок. Но миновала минута, сник Балакин, опустились широкие плечи. И голос, когда он вновь заговорил, стал хрипловатым.

— Ну, слушай дальше... Мне бы надо все втихую обстряпать. Кому деньги, зачем деньги — Чистому знать не обязательно. Но это я сейчас смикитил, а тогда в открытую с ним шел, свой же человек, он даже знал, что Игорь в конце июля в гости к Ольге собирается... Короче, завернул тринадцать тыщ в газету, велел Чистому к соседу умотать и зову Игоря из кухни, он там что-то жарил. Объясняю — вот пакет, отвези Ольге. Спрашивает: сколько тут? А потом за сердце схватился и говорит: она не возьмет. Говорит: думаешь, я не понимаю, откуда эти деньги? И кто такие вы с Митей? Я ему: черт с тобой, понимай, что хочешь, а ей наври, скажи, честные деньги. Он говорит: это на полного идиота рассчитывать. Не возьмет. И тут, как тогда ночью, когда он про Любу сказал, хотел я ему по роже дать. Прав ты, Серьга, можно быть голубем, но что-то ж в жизни надо разуметь. Кто это от тринадцати тыщ откажется, когда дают?

Серегин взглянул на Балакина и неожиданно для себя почувствовал неприязнь к нему. Но сразу к неприязни примешалось что-то вроде соболезнования или, пожалуй, сострадания, а когда он задал вопрос, то в нем, кажется, звучала и насмешка.

— Ты полагаешь, нет таких людей, чтобы от краденых денег отказались, если все втихую?

— От тринадцати целковых и дурак откажется, а вот от тринадцати тыщ — навряд ли. А ты таких видал?

— Случая не было, но, думаю, есть.

Серегин понял, что их разделяет кое-что покрепче решетки.

Горько стало ему. Сейчас, глядя на Брыся, он впервые, может быть, с такой острой отчетливостью ощутил, какой большой кусок жизни прожит. Он не гляделся в судьбу Брыся, как в зеркало,— слишком разные сложились у них судьбы. Но ему вспомнился далекий тридцать седьмой год, вишневого цвета упряжная дуга с облупившимся лаком, из которой они с Эсбэ мастерили клюшки, вспомнилось, как Брысь учил их в сарае курить, как торговали свечками в подгородной деревне, как лихо крутил сальто Брысь и как беззаветно они с Эсбэ его любили. И воспоминания эти словно раздули покрытый толстым пеплом уголь, тлевший в груди у него,— уголь из костра давно погасшего, но когда-то гревшего одинаково их всех. Обезоруживающее теплое чувство ребячьей общности нахлынуло на Серегина, и нелепым показалось ему, что вот он, бывший Серьга, преклонявшийся перед Брысем, стал полковником, а Брысь, который на два года его старше, так и остался Брысем и через несколько недель или месяцев будет в седьмой раз приговорен судом — может быть, к смертной казни. И нелепо было тоже, что Игорь Шальнев, бывший Эсбэ, лежит сейчас бесчувственный и, в сущности, пока неживой, и его жизнь, если разобраться, составилась ненамного лучше, чем у Брыся. Все имеет начала и концы, и разумом соединить их не так уж трудно. Но какой ниткой свяжешь голубую отроческую мечту Брыся о морской службе с ограбленной им совхозной кассой? Как свяжешь неистребимую отвагу и неунываемость двенадцатилетнего Эсбэ с его жалкой беспомощностью и безволием перед какой-то наглой, ничтожной бабой, вообразившей себя олицетворением советской морали и чуть ли не всей Советской власти?

Бессмысленное озадачивание, наподобие того, как телевизионные репортеры с заученным придыханием и мнимо многозначительным подтекстом спрашивают кого-нибудь из предварительно выбранных собеседников: «Какую черту характера вы цените выше всего?»,— а интервьюируемый с серьезным видом отвечает: «Доброту» или «Смелость»... Все равно что спросить у леса, какое в нем дерево самое важное...

Балакин молчал. Серегин повторил свой вопрос, и теперь в голосе его уже не оста-

себя еще и жалеешь... Да-а, не располагал я, что взвыть могу, ан взвыл. Но локти кусать — проку мало, и я дело расписал... Расклад простой. На двоих было у нас с Чистым девятнадцать кусков, от тех двадцати трех. Оставляем себе по три, а тринадцать даю Игорю — он их Ольге отвезет... Утром говорю Чистому — он, конечно, на дыбы. Это, знаешь, понять можно. Мы-то, помнишь, как смотрели? Пить — так пить мадеру, любить — так королеву, а воровать — так сразу миллион. Да не все по-нашему думают. Развелся такой народец: пока деньга только еще светит, в кармане у тебя целковый, а у него вошь на аркане, так все пополам, а вот взяли куш, поделили — ты у него из пальцев клещами двугривенный не вырвешь, про всякое пополам ему слушать тошно, обижается. Но Чистый меня знал. И ящичек-то я разведал, я и ковырнул, а его мог бы и в стороне держать. Он охранника снял, но за это половинная доля — хорошая цена, я с ним по-людски обошелся. Короче, пошебаршил, а деваться ему некуда, он передо мной — шестерка...

Дверь открылась, в кабинет вошел Марат Шилов с подносом. На подносе стояло два стакана чаю.

— Извините, товарищ полковник. Вот чай.

Балакин посторонился, давая ему пройти к

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—21.

лось ни неприязни, ни соболезнования, была одна лишь горечь:

— Полагаешь, нет на свете таких людей?

Но Балакин ничего не уловил — наверно, уши у него были с фильтром, о котором сам он и не догадывался. Балакин сказал:

— Один, может, и есть... Игорь... И то взял. С уговором, правда, но взял.

— И какой был уговор?

— Согласился он наврать Ольге... Ну, туфту про север. Совесть, мол, меня заела, решил вину загладить. А не примет денег — он оставит у себя, будет подарочки Любе делать. Это я его так просил, а он ежится, ежится — глядеть не могу. Из себя вывел, хоть на стенку лезь. Черт с тобой, говорю, не возьмет — придержи для меня. Спишемся, заеду, а не заеду — выброс их, сожги, съешь, что хочешь делай. А в милицию, спрашивает, сдать можно? Ну что такому скажешь? Сначала, говорю, попробуй сдать их Ольге. Уломал, а теперь вижу: не надо было. Может, и получилось бы, да Чистого я не учел. Не раскусил гада.

Балакин умолк, и Серегин понял, что продолжения не будет. Да и что еще, собственно, мог он рассказать?

— Спасибо за откровенность, Брысь.

— Тебя этот политичный майор специально вызывал, со мной потолковать,— не то спрашивая, не то желая услышать подтверждение, сказал Балакин.

— Сам видишь, как сошлось. Черепашки нас троих свели. Это ведь я Игоря опознал, а то бы не скоро еще майор его личность установил.

— Игорь в порядке будет?

— Ты же ездил, смотрел. Теперь уж не помрет, а каков будет, кому известно?

Серегину показалось, что Балакину хочется о чем-то спросить, и он не ошибся.

— Слушай, Анатолий Иваныч,— сказал Балакин,— если можешь, растолкуй, ради христа, зачем Чистый ему в карман мой паспорт сунул?

— А ты как считаешь?

— За меня хотел его выдать? Но ты посуди — отпечатки. Я же у вас в картотеке. Минута работы — и вся липа наружу. Что ж он вас, за фраеров держит?

— Правильно мыслишь,— сказал Серегин.— Значит, не для этого паспорт твой...

— На меня наводил?

— Ничем другим не объяснишь. А Зыкова паспорт, между прочим, как у тебя оказался?

— А! — Балакин словно от мухи отмахнулся.— Чистый у него стянул. На карточке я похож... Мне все равно чужая ксива нужна была.

— А свой паспорт ему отдал, Чистому?

— Ну да.

— Неосторожно.

— Он сказал: на кухне над газом сжег. Я в тот день сильно бухой был.

— Вот тебе и Чистый.

— Молчу, Серьга. Кому поддался... Срам...

— А что вообще-то Чистый собой представляет?

Ответил Балакин не сразу, словно ему затруднительно было определить своего напарника «вообще», словно он никогда прежде об этом не задумывался.

— Котелок у него варит. Но жмот. Ненасытный. На этом и сгорел.

— То есть? — спросил Серегин.

— Он в Москве таксистом был. Сам знаешь, таксисты неплохие деньги имеют, а у Чистого семьи нет, одна мать. Но ему мало было. Завел он одну красотку и на нее, как на живца, бухариков ловил. Подъедут к гостинице, она зафалует командированного, в машине угостят винцом, а в винце снотворное. Потом оберут и в темном месте выбросят. Проще гвоздя.

— Ты говоришь, на жмотстве сгорел Чистый. А как это?

— Тут одно за одно цепляется. Работал бы себе, крутил баранку — чего еще? Ну, по бухарикам ударил. На мой метр, грязное дело, но они с этой девкой не брезговали — ну и жируй, пока на умного не нарвешься. Нет, ему не сытно было, хотя, гаденыш, на книжку складывал. Решил специальность менять, нашел какого-то амбала двухметрового в помощники, и начали они вместе с девкой квартиры грабить. Выбирали на прозвон. Чистый в машине сидит, а эти двое идут по этажам. Звонят. Если дома кто есть, она спрашивает: Петровы тут живут? Ах, извините, ошибочка. А если нету... Какие в новых домах двери? А попались они потому, что Чистый по натуре жлоб. Грабанули квартиру, амбал чемоданы в машину притащил и говорит: ковры там по стенкам висят, как у иранского шаха. Чистый послал его за коврами. А дело днем было, они всегда днем работали. И, оказывается, бабка из этой квартиры к соседям на минутку ходила. Пока амбал чемоданы таскал, она вернулась — смотрит, в квартире все вверх дном, перепугалась, конечно, опять к соседям, те по телефону в милицию, а отделение рядом. Бабки услышали, как амбал опять в квартиру вошел, шуровать начал, а что они могут? Валерьянку пить? Ну, амбала накрыли, когда он ковры в трубку скатывал. Чистый со своей красоткой смылся, да ненадолго. Заложил его амбал.— Балакин усмехнулся и добавил: — Мы с Чистым в колонии на одних нарах жили, бок о бок. Ложимся спать, и обязательно кто-нибудь да крикнет ему на ночь: «Эй, Чистый, ты бы коврик постелил, все мягше». Зубами скрипел.

— Где-то он сейчас гуляет...— задумчиво сказал Серегин.

— Есть один следок.

Серегин давно почувствовал: если Брысь знает хоть приблизительно о возможном местопребывании Чистого, то скрывать не захочет. А это для угрозыска сейчас главный вопрос.

Но, тронув самую горячую точку и убедившись, что не ошибся в своих предположениях, Серегин испытывал чувство, неподобающее, может быть, его служебному положению и вредное для высших интересов дела. Словно он пользуется слабостью человека, злоупотребляет своей властью над ним, властью, не основанной ни на чем, кроме общих для них двоих воспоминаний детства. Это очень большая власть.

Серегин поднялся с кресла.

— Слушай, Брысь. Я завтра улетаю домой, к себе в Сибирь. Так что, пожалуй, лет десять не увидимся.

Балакин посмотрел на него из-под бровей, хмыкнул.

— Десять, говоришь? У прокуроров мерки другие.

— А ты себя не отпевай, ты вот что... Майор Басков, между нами, парень очень приличный. И людей понимает, хотя намного нас моложе.

— А что майор? У меня за горбом столько намотано, да еще эта касса. Суд все сочтет.

— Не мне тебя учить. Суд не одно это сосчитает.

— Я с повинной не пришел.

— Ты майору все, что мне рассказывал, выложишь?

— Само собой. Что ж его морочить? Мне-то все равно крышка.

— Погоди. Заладил... Чистосердечное признание на суде тебе зачтется? Зачтется. С Чистым майору помоги — это поважнее всякого признания будет.

— Отпусти — сам найду.

Серегин улыбнулся.

— Ну вот, ты уже и шутишь. Значит, в порядке.

Опустив голову, Балакин спросил:

— У Эсбэ нянька была, помнишь?

— Ну как же. Матрена.

— Она говорила: все в порядке— огурцов нет, остались одни грядки.

— Ничего, какие наши годы? До свиданья пока.

— Прощай, Серьга.

На следующий день допрос был коротким. Басков сказал:

— Мне Анатолий Иванович кое-что передал из вашей беседы, но это мы пока отложим, это терпит. Давайте поговорим о Чистом.

— Спрашивайте,— сказал Балакин.

— У меня один вопрос: где он сейчас? У вас, кажется, адрес имеется.

— Дал мне Чистый один адресок, да теперь, думаю, пустой номер потянете.

— Почему же?

— Мы уговорились, эта хаза... как у вас называется?.. ну, почтовый ящик, что ли. Если ему меня или мне его сыскать потребуется — дать хозяйке знак.

— Так почему же пустой номер? — все еще не понимал Басков.

— А вы, гражданин майор, Игоря Шальнева за кем числите?

— За Чистым. Но могу и ошибаться.

— Не ошибаетесь. А коли так, он меня боится не меньше, чем вас. А может, больше.

— Похоже рисуете. А кто хозяйка?

— Любовь его. Письма в колонию писала.

— Это где?

— Недалеко. Станция Клязьма.

Басков зажег спичку, дал догореть до пальцев, перехватил другой рукой за обуглившуюся головку, и спичка сгорела вся, изогнувшись черным червячком.

— А он знает, что Шальнев должен в Харьков вам написать, как съездит в Электроград?

— Про это я не говорил.

Басков повеселел.

— Чистый встретил Шальнева двадцатого июля. Месяц прошел, всего месяц. Боится он вас — это понятно. Только как же вы могли про их встречу узнать?

Басков спрашивал больше у себя самого, поэтому Балакин молчал, не мешал ему.

Закурив, Басков задал вопрос Балакину:

— А вообще-то что вы в Харькове остановились, ему известно?

— Я на юг держал, а в Харькове буду или где — сам не ведал.

— У кого жили в Харькове?

— Так, случайно со старичком одним столковались, тридцатку за месяц.

— Почерк ваш Чистый узнать может?

— Откуда, гражданин майор? На одних нарах жили — переписываться не надо.

— Ну, это ничего. Давайте-ка составим ему письмецо.— Басков взял из стопки серой, газетного вида писчей бумаги один лист, сложил его пополам.— Садитесь поудобнее...

Балакин придвинулся к столу. Басков дал ему бумагу и шариковую ручку, спросил:

— Вы как друг дружку звали?

— По именам.

— Так. Значит, пишем: «Дорогой Митя...»

— Дорогой ни к чему,— перебил Балакин.

— Угу,— согласился Басков.— Знаете что, сочините сами, но чтобы смысл был такой: я, мол, отобрал у тебя в Ленинграде деньги, а теперь хочу компенсировать, наклевывается подходящее дело, решай, а если не хочешь, так я управлюсь и один. Жду ответа. И харьковский адрес.

Внимательно слушал его Балакин, а выслушав, положил ручку.

— Не клюнет он, гражданин майор.

— Неважно. Вы напишите, как лучше.

Расчет у Баскова был простой. Пусть Чистый и не видел никогда почерка Брыся, но о деньгах-то знают только они двое — стало быть, не засомневается Чистый, что письмо от Брыся. Брысь прав — он не клюнет, но не на этом строил свой план Басков.

Письмо в пять строчек далось Балакину нелегко. Но, испортив несколько листков, он в конце концов написал так:

«Митя я свой должок не забыл твои шесть с полтиной верну. Сосватал тут один домишко дорого просят но хозяев уговорить можно. Дай знать согласен ли. Жду. Саша». И внизу — харьковский адрес.

Писал Балакин грамотно, если не обращать внимания на отсутствие запятых.

— Еще один вопрос,— сказал Басков.— Вы у охранника пистолет сняли. Он у Чистого?

— Да.

— А стрелять Чистый умеет?

— В армии служил.

— Ну, хорошо, на сегодня довольно.

ГЛАВА XI

«БЕРЕМ ЧИСТОГО»

1

Еще до того, как клязьминская любовь Чистого получила письмо из Харькова, майор Басков знал о ней почти все, что можно выведать о человеке, не бросая на него тень расспросами людей, так или иначе с ним со-

прикасающихся. Она работала в Москве парикмахером в одном из новопостроенных салонов, в мужском зале, и была отличным мастером. Год рождения — 1949-й. Есть сын десяти лет, зовут Сергей (по отчеству Дмитриевич). Зинаида Ивановна Сомова никогда в браке не состояла. Владеет половиной дома, переписанной на нее ее матерью, ныне пенсионеркой. Что еще? В конфликт с законом не вступала. Марат Шилов, ходивший к Зинаиде Сомовой стричься, сказал: симпатичная женщина, правда, не в его вкусе, так как слишком объемиста, на что Басков мимоходом заметил: «Это не порок».

Басков не отказывал себе в удовольствии пошутить, но в целом было не до шуток. Если верить добытым сведениям, Чистый у Зинаиды Сомовой в промежуток между двадцать первым июля и двадцатым августа не показывался. Во всяком случае, соседи не видели, а они Чистого, судя по всему, хорошо помнили: на такси приезжал, за рулем. Известная вещь: сосед про соседа всегда больше знает, чем о себе самом. Если б Чистый даже ночью к Сомовым невзначай тихой сапой проник — все равно чей-нибудь бессонный зрак или чуткое ухо засекли бы постороннее явление. А тут — ни шу-шу...

Правда, Чистый мог навестить Сомову в салоне, но то, что он предпочел не показываться у нее дома, не сулило Баскову скорой удачи. Когда вор бежит от двух погонь сразу — от угрозыска и от собственного брата-вора,— такого бегуна быстро не настигнешь.

В Москве жила мать Чистого, пятидесятитрехлетняя женщина, работавшая в отделе технического контроля одного большого завода. Она занимала двухкомнатную квартиру, которую делила со своей дочерью, младшей сестрой Чистого, вышедшей замуж в то время, когда ее братец отбывал срок в колонии. На этой квартире Чистый тоже не появлялся. Мать и сестра вестей от него не имели.

Вся надежда была у Баскова на письмо. Получит его Сомова — что-то с ним делать надо. Щепетильная штука, конечно, если она его переправить почтой захочет по другому адресу. Но это ерунда, в таких случаях особенно щепетильничать не приходится: главное — чем быстрей, тем лучше, потому что преступник с «пушкой», и как он ее употребит, никому неизвестно.

За те трое суток, что Сомова находилась под наблюдением, ничего подозрительного заметить не удалось. Письмо, посланное Басковым, было получено на четвертые сутки утром. В тот день Сомова по графику работала во вторую смену — с 15 до 22 часов, но вышла из дому в десять, буквально через пять минут после ухода почтальона. Басков, получив сообщение об этом, вздохнул облегченно — кажется, надежда на письмо начинала оправдываться. Но оказалось, что Сомова спешила в Москву совсем по другой причине: чтобы встретить сына, которого привезли на автобусе из пионерского лагеря. Между прочим, десятилетний Сергей своим прямым носом и широко расставленными глазами очень похож на Чистого.

Радостная Сомова увезла сына домой на такси, а в половине второго снова покинула Клязьму и на электричке вернулась в Москву.

В пять часов она позвонила с работы по телефону подруге, которая в это время тоже была, вероятно, на службе, так как Сомова сказала в трубку: «Попросите, пожалуйста, Тарасову». А затем состоялся короткий деловой разговор. «Тоша, как дела?» — спросила Сомова. «Нормально». «Пьет?» «Вроде поменьше». «Скажи, пусть немного остановится. Ему свежая голова нужна. Я сегодня приеду». «Во сколько?» «Я же во вторую... Около одиннадцати буду. Еда у вас есть?» «Если чего прихватишь — не помешает».

После этого Сомова отправилась в расположенный неподалеку от салона продовольственный магазин, вошла в него через служебный вход и вскоре вернулась с увесистым свертком из плотной бумаги.

В начале одиннадцатого она вышла из салона, пересекла улицу и встала с вытянутой рукой. Вскоре возле нее затормозила «Волга» со служебным номером, она коротко поговорила с водителем и села в машину. «Волга» держала путь в сторону Дмитровского шоссе, а затем помчалась прямо и привезла пассажирку в Бескудниково.

Сомова вошла во второй подъезд пятиэтажного блочного дома, лифтов в котором не было, и поднялась на третий этаж. В этом доме она и заночевала.

Рано утром Баскову сообщили, что гражданка Тарасова живет в квартире № 23, квартира двухкомнатная, никто в ней больше не прописан.

Тарасова ушла из дому в восемь часов, а Сомова осталась.

Басков имел основания думать, что Чистый здесь. Взять его побыстрее — и конец. Но, зная за собой грех нетерпеливости, он вызвал инспекторов Сергея Фокина и Ивана Короткова, выделенных в его распоряжение, с которыми он брал в Харькове Брыся. Они люди основательные, неторопливые, они все уравновесят. Да и не считал он себя вправе самолично разрабатывать, хотя бы и вчерне, операцию по задержанию Чистого, вооруженного пистолетом, тем более что Короткову и Фокину предстоит в ней участвовать.

Самое неприятное заключалось в том, что Чистый окопался в большом, густонаселенном доме.

Марат Шилов ходил в соседний дом, точь-в-точь похожий на тот, где обитала Тарасова, в такую же квартиру, объяснив ее хозяевам, что собрался меняться с жильцами из квартиры этажом выше, а их не оказалось на месте. Марат, вернувшись на Петровку, начертил план, и выглядело это так: прямо против входной двери ведущий в кухню короткий узкий коридорчик, на левой стене которого две двери, в ванную и туалет; справа от входной двери — дверь в комнату, слева — еще один коридорчик и в конце его дверь во вторую комнату. Если Чистый пожелает открыть огонь, вошедшему придется худо, так как Чистый может стрелять с трех позиций — или из комнат, которых две, или из кухни.

О том, чтобы проникнуть в квартиру под видом слесаря-сантехника, или электрика, или кого-нибудь там еще, ни Басков, ни его помощники и не помышляли. Рассчитывать на наивность Чистого было бы глупо.

Есть, понятно, естественный вариант: объяснить все Тарасовой, приехать вместе с нею, она откроет дверь квартиры, а там — как получится... Вот именно как получится. А может получиться так, что Чистый начнет стрелять. А впереди тебя женщина, и вроде ты ею прикрываешься. Не годится... Можно просто взять у Тарасовой ключ от квартиры, войти, а остальное опять же, как говорится, на волю божью. Но затаившийся в своем убежище Чистый не настолько беспечен, чтобы принять вошедших за кого-нибудь, кроме милиции,— все равно откроет огонь. Да и дверь может оказаться на цепочке. И вообще Басков никак не хотел впутывать Тарасову, хотя с его стороны это было несколько непоследовательно: если у нее в квартире именно Чистый, она и так уже впутана...

Но что еще?

Ждать, авось он выползет на улицу? А зачем ему выползать, если две женщины еду и спиртное носят и даже личная парикмахерша на дому навещает. А главное, стрельба на улице совершенно исключалась — по улице люди ходят.

Ну, положим, когда-нибудь он оставит это гнездо, можно будет проводить его до удобного места, чтобы исключить риск для посторонних граждан, и там взять. Но когда ему надоест отсиживаться в Бескудникове? Сколько дней придется держать засаду? Себе дороже...

Нет, тактика пассивного ожидания не годилась. Коротков и Фокин были в этом согласны с Басковым.

— Хорошо,— сказал довольный их решением Басков.— Но надо все-таки потолковать с Тарасовой.

...Антонина Тарасова работала, как и ее подруга Сомова, парикмахером, но в другом салоне. Басков представился заведующей и попросил позвать Тарасову сейчас же, сию минуту. Та пришла с ножницами и расческой в руках — оставила клиента. Басков и ей показал служебное удостоверение, но она глядеть и не подумала — растерянна была, голубые глаза раскрыты широко и не мигают, словно у ребенка, которому рассказывают страшную сказку.

— Вы присядьте,— как можно приветливее пригласил Басков, когда любопытная заведующая вышла и прикрыла за собою дверь.

Тарасова села, опустила руки с ножницами и расческой на колени.

— Извините, Антонина...

Но Тарасова не уловила по паузе, что он не знает ее отчества, и Басков повторил:

— Антонина...

— Михайловна,— наконец, робко подсказала она.

— Вы не волнуйтесь, Антонина Михайловна, мы к вам за помощью.

— Пожалуйста.

— Кто у вас живет?

— Знакомый подруги, Зины Сомовой.

— Зовут его как?

— Митя.

— А фамилия?

Она смутилась, пожала плечиком.

— Да вот не знаю. Мы ведь с нею недавно дружим, она не говорила фамилию. Попросила просто, чтобы пожил. Мои сейчас на юге, до школы...

— А он кто?

— Честное слово, не знаю.

— Ничего странного не замечали?

Она понемногу пришла в себя.

— Пьяница, по-моему. И из дому ни ногой.

Басков достал из кармана три фотокарточки, на одной из которых был изображен Чистый, показал их Тарасовой. Она тотчас его узнала, ткнула в карточку расческой.

— Он.— Глаза у нее опять сделались большие и круглые.

— Вы ни о чем не беспокойтесь, но мне нужен ключ от вашей квартиры.

— В сумочке они.

Тарасова сходила за ключами и вернулась уже без ножниц и расчески.

— Я вас попрошу: после смены не уходите с работы, дождитесь, мы вам вернем ключи. Это нетрудно?

— Да нет, что вы.

Уже собравшись уходить, Басков спросил:

— У вас на двери цепочка есть?

— Нету, но он запирает замок на защелку.

— Ну, спасибо...

Было ровно 14.00, когда по рации сообщили, что Сомова покинула квартиру в Бескудникове. Басков пошел к начальнику, изложил план и получил одобрение. Через полчаса в его распоряжении была машина с телескопическим подъемником, из тех, что работают на ремонте трамвайных и троллейбусных силовых линий.

В группу захвата вошли сам Басков, Фокин, Коротков и Шилов. Прикрывать их будет ПМГ — подвижная милицейская группа. Басков попросил отрядить с ним врача из дежурной опергруппы, спокойного молодого человека с рыжеватыми усиками.

В 15.30 четыре машины, три легковые и ремонтная, выехали с 3-го Колобовского переулка.

Свою колонну Басков остановил метров за сто от дома.

— Значит, так,— сказал он.— Коротков и Шилов в подъезд, к квартире. Но тихо, себя не обнаруживать. Если Чистый станет прорываться — стреляйте, но чтоб не наповал. А так — ждите меня.

Коротков и Шилов ушли. Басков уточнил с экипажем ПМГ, как им действовать, если Чистый все-таки сумеет вырваться из дома. Врачу он велел ждать в машине, а сам вместе с Фокиным пересел в желто-красный ремонтный автоагрегат.

Все три окна квартиры № 23 выходили на одну сторону и смотрели на шоссе. Под окнами вдоль дома тянулась полоска кустов барбариса, не успевшего подняться еще и до высоты человеческого роста.

Басков показал шоферу окна, которые его интересовали, и попросил поставить машину с таким расчетом, чтобы корзина, когда она поднимется на телескопической своей шее, оказалась перед одним из крайних окон. Среднее окно — это кухня, а два окна по бокам — комнаты. Во всех трех окнах были открыты только форточки. Окна комнат задернуты тюлевыми занавесками.

Басков хотел своими глазами увидеть, что Чистый на месте.

Машина, тяжело качнувшись с боку на бок при съезде с асфальта, остановилась на траве. Водитель вылез из кабины, помог Баскову устроиться в сплетенной из железного прута корзине, вернулся за баранку и включил механизм, управляющий подъемником. Корзина с Басковым поднялась на высоту третьего этажа, и машина задом медленно двинулась вдоль стены дома...

На комбинацию с ремонтной летучкой натолкнул Баскова случай с соседом. У того жена была в санатории, а сам он, уходя утром на работу, забыл ключи в другом костюме. Он, не будь дурак, сговорил водителя летучки, подняли корзину до четвертого этажа, разбили стекло, и все в порядке, дверь ломать не пришлось...

Корзина застыла перед крайним окном квартиры № 23. Басков постучал согнутым пальцем по стеклу. С полминуты — никакого ответа...

Окончание следует.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Три черепахи

ГЛАВА XI

«БЕРЕМ ЧИСТОГО»

2

— Это значит, она, девятая? — крикнул Басков вниз, будто бы какому напарнику.

Квартира № 9 была тоже на третьем этаже, но в соседнем подъезде, встык с квартирой второго подъезда, но не с № 23, а с № 22.

— Бьем, значит? — снова крикнул Басков.

Но тут тюлевая занавеска чуть откинулась, и Басков увидел Чистого. Лицо опухшее, искаженное многодневной пьянкой, но Басков его узнал. Спутать невозможно, хотя на тюремных карточках Чистого запечатлевали трезвым.

— Извини, друг, тут в девятой мужик дверь захлопнул, а ключи забыл,— сказал Басков в открытую форточку и махнул рукой водителю. Тот сдал машину на метр назад и опустил корзину вниз.

Басков начал с этого момента слышать стук собственного сердца.

Выхватить бы из-под мышки «Макарова», всадить девятимиллиметровую пулю в правое плечо — и вся недолга... Мог бы, да нельзя. Может, у Чистого давно и нет того пистолета, выбросил где-нибудь в речку. Ему, Баскову, первому в таких неопределенных обстоятельствах стрелять не положено.

Уловка на этом была исчерпана. Бить стекла в квартире № 9 Басков не собирался.

Он вылез из корзины, Фокин занял его место, успев шепнуть:

— На месте?

Басков кивнул и тихо сказал:

— Услышишь стрельбу — лезь в комнату... И по обстановочке...

Басков обогнул дом, вошел в подъезд, поднялся на третий этаж, где в простенке между дверьми стояли Коротков и Шилов. Коротков держал в руке короткий ломик — фомку.

На двери квартиры № 23, обитой черным дерматином, поблескивал выпученный, как у страдающего базедовой болезнью, глазок Ни к чему был сейчас этот глазок...

Басков подмигнул Короткову и заметно побледневшему Шилову и попробовал открыть дверь ключом. Она не открывалась. Тогда он нажал кнопку звонка и присел на корточки,— это была непростительная ошибка. Он тут же, ровно в один миг, услышал глухой хлопок, увидел возникшую вдруг в черном дерматине дверной обивки маленькую дырочку на уровне своей груди, чуть левее, и ощутил ожог на левом боку. «Касательное»,— мелькнуло в голове, а Коротков, схватив его за плечо, оттащил от двери к простенку.

Басков крикнул:

— Чистый, сдавайся!

— Куда тебя? — спросил Коротков.

Басков разогнулся, выпрямился во весь рост, расстегнул пуговицу пиджака, выпростал из-под брюк рубаху и майку. На левом боку, пальца на три пониже соска, кровоточила длинная рана — словно Басков ободрался о сук.

— Я ж говорю — касательное.— Басков об этом не говорил, а только подумал, но сейчас было не до того. Он заправил рубаху и майку, и тут они услышали звон разбитого стекла и еще один хлопок, погромче первого. Значит, Фокин проник в квартиру и успел выстрелить.

Еще один хлопок — Чистый стрелял. И голос Фокина:

— Он в комнате справа от вас.

— Давай! — обернулся Басков к Короткову.

Коротков поддел ломиком дверь у самого замка, нажал — дверь открылась. Чистый справа выстрелил дважды через комнатную дверь. Две дырки, на метр от пола, брызнули какой-то трухой, и дважды истерически взвизгнули в противоположной комнате срикошетировавшие пули.

Басков проскочил в кухню, следом — Коротков и Шилов. Коротков тоже уже держал в руке пистолет.

— Сергей,— сказал Басков Фокину,— ты оставайся там.

— Хорошо,— откликнулся Фокин, стоявший за косяком в той комнате, куда улетели пули.

После двух последних выстрелов Чистого уши немного заложило, и Баскову казалось, что он говорит слишком тихо, а на самом деле он крикнул в полный голос, когда вновь обратился к Чистому:

— Последний раз предлагаю: сдавайся, Чистый! У тебя пять патронов, а нас тут много.

— А этого не хотел? — крикнул из-за двери Чистый. Судя по голосу, он был пьян.

Басков поглядел на Короткова.

— Прения затягиваются, Ваня. Что делать будем?

— Может, Фокину подвинуться в люльке к тому окошку?

— Чистый по нему палить начнет. Зачем подставляться?

— Верно.— Коротков по своей привычке прицокнул языком, подумал и спросил: — А охотничка помнишь?

— Ну?

Это была первая их с Коротковым совместная операция. Вернувшийся с удачной охоты и совершенно обезумевший от выпитого житель одного пригородного поселка открыл огонь из двустволки по соседнему дому, где жили люди, которых он почему-то считал своими недоброжелателями. Ранил старуху и малолетнего парнишку. Счастье еще, что дробь была мелкая, шестой номер. Когда пришел участковый, охотник забаррикадировался в бывшей котельной и в ответ на увещевания грозил, что изрешетит всякого, кто посмеет сунуться в дверь. Посланные на место происшествия Басков и Коротков поступили тогда просто. Вышибли дверь и пошли на озверевшего охотника. Коротков нес перед собою пуленепробиваемый щит, а Басков у него за спиной — с пистолетом в руке, чтобы, выбрав миг, выстрелить наверняка. Но стрелять не пришлось. Охотник шарахнул из обоих стволов разом — Коротков еле на ногах устоял от удара дроби в щит, а низкий закопченный потолок покрылся свинцовыми брызгами. Перезарядить ружье охотник, конечно, не успел...

— Тут не охотничек, Ваня,— после недолгого молчания буркнул Басков.

— А какая разница?

— Не скажи. У Чистого еще пять патронов.

В комнате, где был Чистый, что-то загремело. Коротков тронул Баскова за плечо.

— Смотри-ка.

Басков взглянул туда, куда глядел ствол Иванова пистолета. На полке над вешалкой в коридорчике покоилась, как отрезанная, женская голова. Лицо розовое, алые губки бантиком и глупые голубые эмалевые глаза. И на голове лиловая шляпка с узенькими полями. Басков не сразу сообразил, что это муляж.

— Ну и что? — спросил он Короткова.

— Покажем ему. Дверь ногой нараспашку, я сверху сую эту головку, ты стреляешь. А хочешь — наоборот.

— Он на эту рожу насмотрелся уже.

— Не разберется.

— Не будем, Ваня. Давай проще,— тихо сказал Басков, а добавил громче: — Фокин, как свистну, стреляй три раза по двери, и за нами.— И опять тихо, уже Шилову: — А ты открой в кухне окно и наблюдай.— Басков подвинулся ближе к закрытой двери.— Жалко, знать бы, как там мебель стоит... Ну ладно, начнем, Иван.

Басков тонко свистнул. Трижды грохнул пистолет Фокина. Басков пнул ногой дверь комнаты и плашмя упал на пол. Коротков метнулся за стоявший слева шкаф. Басков не ожидал увидеть того, что увидел: Чистый, пригнувшись, враскоряку, стоял на подоконнике, в проеме распахнутого окна, спиной к ним, готовый прыгнуть вниз. Все это была секунда, может, полсекунды. Басков, приподнявшись на левой руке, вскинул пистолет и выстрелил — в правое плечо. Чистого словно сдуло с подоконника, а снизу, с улицы, донесся протяжный звериный вой...

Басков увидел валявшийся на полу под окном расколовшийся горшок и черный ком земли с торчавшим из него кустиком аспарагуса, и с уже ненужной догадкой подумал, что это горшок загремел, когда Чистый открывал окно...

Они с Коротковым вместе перегнулись через подоконник, поглядели вниз. Чистый лежал на траве, лицом в небо и монотонно скулил. На запястьях у него были наручники. Над ним стояли лейтенант и сержант из ПМГ.

— Отпрыгался,— сказал Коротков.

— Шилов! — позвал Басков.

Марат пришел из кухни. Следом без зова явился Фокин.

— Ты, Шилов, останься, организуй тут... Замок, дверь... И вообще приборочку...— Басков оглянулся, словно ища, не забыл ли чего.— А мы поедем.

Окончание. См. «Огонек» №№ 12—22.

— Слушаюсь, товарищ майор! — крикнул Марат.

— Да тише ты.— Басков поморщился.— И так шуму подняли. На́ ключи, отвезешь Тарасовой, она ждет.

— И дырок понаделали — сквозняк будет, хозяйка простудится,— подначил Коротков.

Они втроем вышли на лестницу, и на площадке между третьим и вторым этажами Коротков что-то поднял, повертел в пальцах.

— Гляди-ка, твоя,— сказал он, протягивая Баскову желтовато-серый цилиндрик с закругленным и слегка сплющенным мыском. Это была пуля от ТТ.

Басков опустил ее в карман пиджака и тут только ощутил, как саднит бок.

Спустившись и обойдя дом, они увидели все три легковые, на которых сюда прибыли. Ремонтная летучка уже уехала.

Врач осматривал обнаженное плечо Чистого. Потом, открыв свой чемоданчик, достал шприц, ампулы и сделал ему укол в руку.

— Ну как? — спросил Басков.

— Сквозное,— ответил врач, бинтуя Чистому плечевой сустав.— Плечевая кость раздроблена в верхней трети.

— А что упал, ничего?

— Кажется, без последствий.

— Большой везун,— заметил Коротков.— Ему бы в «Спортлото» играть.

Чистый все скулил, лежа с закрытыми глазами.

— Давайте его в машину, а то простудится,— в тон Короткову сказал Басков.— «Скорую» не вызывали?

— Нет.

— Ну и хорошо. Поехали.

Фокин и Коротков подхватили Чистого и усадили на заднее сиденье «Волги» между собою. Врач хотел сесть на переднее сиденье в ту же машину, но Коротков остановил его:

— Там майора царапнуло малость. Вы бы, как мастер своего дела...

— Понял,— перебил его врач и сел во вторую «Волгу», рядом с Басковым.

Он осмотрел Баскова и сказал:

— Счастливый случай.

Рана уже не кровоточила. Врач смазал ее йодом, достал из чемодана шприц в стерильном чехольчике.

— А это чего? — Басков покосился на шприц. Он терпеть не мог уколов, малодушно оправдывая себя популярным соображением: «А кто их любит?»

— Противостолбнячное и антигангренозное,— объяснил врач.

Сделав укол, врач пообещал:

— Сегодня через три часа — еще один противостолбнячный, а потом еще.

— А может, не надо?

— Непременно надо.

Басков посмотрел на часы. Было без десяти пять. С Колобовского они выехали в половине четвертого, значит, на все про все ушло час двадцать. Восемьдесят минут. А ему казалось, что перестрелка в квартире № 23 происходила во сне, который снился ему ну не менее как неделю назад.

— Трогай, Юра,— сказал Басков шоферу и взглянул на дом.

Из открытых окон деликатно выглядывали лица жильцов. Басков непроизвольно остановил внимание на одном из них — аскетическом лице бритого старика. Оно еще хранило выражение только что пережитого острого удовольствия, и Баскову почему-то пришел на память клич, затасканный еще во времена Древнего Рима: «Хлеба и зрелищ!»

При Чистом оказалось четырнадцать с половиной тысяч рублей. Басков подсчитал: в Ленинграде они с Брысем оставили себе по три тысячи, а тринадцать Брысь отдал Шальневу для его сестры Ольги. У Брыся при аресте было две с половиной. Из совхозной кассы они унесли двадцать три. Значит, до Ленинграда и в Ленинграде потратили вместе четыре тысячи, а врозь — две. Что ж, для казны не так уж и плохо — заполучить обратно семнадцать тысяч, могло бы быть и хуже.

Но денежный вопрос, поскольку с ним все ясно, сам по себе больше не интересовал Баскова. То, что государству возвращается такая солидная часть украденного, радовало его из-за Балакина: на суде этот факт, безусловно, будет иметь значение. Он никак не мог вытравить в себе симпатию к вору, возникшую из рассказа Анатолия Ивановича Серегина, и желал ему только одного,— чтобы срок был поменьше. Ну, пусть десять, пусть двенадцать лет... Лишь бы не высшая...

К Чистому у него не было ни капли жалости. Впервые за всю свою жизнь в угрозыске Басков испытывал чувство неприлично злорадное, но не поддающееся — как он ни ста-

рался — протестующим доводам разума, чувство, что вот он изловил человека, который заслуживает приговора на всю катушку и, может быть, услышит такой приговор. И дело тут было вовсе не в том, что Чистый ранил его. Подумаешь, царапина...

На первом допросе Чистый пытался выкручиваться насчет ограбления кассы, валил все на Брыся.

— А куда вы девали черную перчатку со свинцовым блином? — спросил Басков, раздражаясь.

— Какие перчатки? — с улыбочкой удивился Чистый.— Лето же, гражданин начальник.

— А охранника вы чем по затылку ударили?

— Да что вы на меня вешаете! Какой охранник?!

— Хорошо, я сегодня же устрою вам очную ставку с Брысем.

Чистый вдруг сорвался в крик:

— Не надо! Не хочу! На кой мне эта пасть!

— А вот он очень бы хотел с вами встретиться,— не утерпел Басков, с отвращением ловя себя на том, что ему нравится панический страх Чистого перед Брысем.

Он сознавал, что эти слова имеют для Чистого один смысл, когда речь идет лишь об ограблении кассы, и приобретают совсем другой, более серьезный, если Чистый увидел в них намек на ограбление Шальнева. Похоже было на второе...

Чистый разыграл обморок, схватился за перевязанное плечо и сполз со стула.

Басков вызвал врача. Врач пришел, дал Чистому понюхать нашатыря и, пощупав пульс, сказал, что ни сердечного, ни другого какого приступа не наблюдается.

Басков понял, что не сумеет оставаться спокойным при допросе Чистого, и ему представилось унизительным и противным тратить на этого человекоподобного свои нервные клетки, которые, как известно даже эстрадным конферансье, не восстанавливаются.

— Вот что,— сказал Басков,— мне из вас по капле показания добывать не хочется. Давайте так: я сейчас кое-что спрошу, а вы прикиньте, чем следствие располагает. Думаю, всем станет легче.

— Валяйте,— развязно согласился Чистый.

— Первое. Из Ленинграда вы уехали с тремя тысячами. Откуда четыреста с половиной?

— Нашел.

— Ладно, это мы уточним. Второе: зачем вы положили в карман Шальневу паспорт Брыся? И зачем послали Зыкову три сотни от имени Брыся? Замазать его хотели?

Чистый даже головой покрутил.

— Ну, начальничек! А может, Брысь сам и подкинул? Ксива-то не моя, а Брыся.

Баскову вспомнилась его собственная мысль о таком витиеватом варианте, и он с новым интересом посмотрел на Чистого. Этот тип, оказывается, способен на иезуитские штучки. Выходит, именно на такой вариант он и рассчитывал?

— Хорошо, на эти вопросы можете не отвечать, это вам. как говорится, информация к размышлению,— сказал Басков, чувствуя раздражение.— А вот насчет перчатки советую не тянуть.

Перчатка нужна была Баскову до зарезу: для следствия и на суде она окажется самым убедительным вещественным доказательством в ряду прочих. Тут молчание не устраивало его.

— Где перчатка?—спросил он сквозь зубы.

Чистый ответил не сразу, а когда заговорил, Басков не узнал его тона.

— Шальнев живой?

— Тут я спрашиваю, а не вы. Где перчатка?

— Выбросил.

Баскову стало легче. Чистый, несмотря на свое иезуитство, вероятно, не шибко-то разбирается в основах судопроизводства, коль признался в существовании перчатки — орудия двух преступлений, совершенных им. Но это были пока лишь слова, от слов на суде и отказаться не поздно.

Однако у него есть еще один способ попробовать отыскать перчатку.

У Тарасовой обыска не производили, так как было установлено, что о деяниях Чистого она не имела никакого понятия, а кров ему предоставила, как она сама говорила Баскову, исключительно из дружеского отношения к Сомовой, по ее просьбе. Не спрятал ли Чистый свою перчатку у нее в квартире?

В тот же день Басков встретился с Антониной Тарасовой у нее на работе и попросил, когда приедет домой, хорошенько поискать, нет ли среди ее вещей чего чужого, постороннего,— он не сказал, что это может быть черная мужская перчатка с зашитым за подкладку свинцовым блином. И записал ей свой рабочий телефон.

Она позвонила вечером, и голос у нее был растерянный, как в тот раз, когда Басков приезжал за ключами.

— Нашла, товарищ майор.

— Что нашли?

— Перчатка черная. Большая и страшно тяжелая. Что-то там вложено.

— Где она была?

— В шкафу стенном, на полке, наверху. Там у меня коробка с зимними сапожками. В голенище засунута.

— Прошу вас, Антонина Михайловна, сделайте вот что. Положите ее в коробку, как лежала, и поставьте коробку на место.— И, помолчав секунду, спросил: — Вы когда завтра работаете?

— Во вторую.

— Можете побыть до двенадцати дома?

— Конечно.

— Мы к вам заедем. Большой компанией. Вы уж не ругайте за беспокойство. Это в последний раз.

— Да чет, ничего...

На допрос Басков вызвал Чистого в девять часов утра.

— Прошу ответить только одно: где перчатка? — спросил он, когда Чистый сел.

— Не было никакой перчатки,— зло сказал Чистый.

— Вы же говорили — выбросили ее.

— Шутил. Хотел в лист вам сыграть, гражданин начальник, вижу, нравятся вам перчатки.

— Ну так вот, Чистый, сейчас поедем к Тарасовой, и вы покажете, где перчатка. В какой сапожок ее засунули.

Чистый хохотнул, но ничего не сказал. И Басков прибавил:

— А будете дурака ломать — мол, не моя,— так Брысь ее опознает... На очной ставке...

— Не надо очной ставки! — Чистого словно иглой кольнули.

— Так покажете?

— Чтоб я пропал! — Чистый выругался матом, помолчал, поднялся со стула и сказал: — Поехали, начальничек.

Через час жильцы дома в Бескудникове стали свидетелями не столь уж частого зрелища. Сначала у дома остановилась машина, в каких возят преступников. Затем подъехала «Волга», из нее появилась Тоша Тарасова в сопровождении интересного молодого мужчины, похожего вроде бы на кого-то из киноартистов, изображающих ковбоев. А из зеленой машины двое конвойных высадили долговязого верзилу, того, что прыгнул из окна на прошлой неделе. И все скрылись в подъезде.

Больше других повезло двум соседям Тарасовой, которых пригласили в понятые. После они много раз со всеми подробностями рассказывали, как тот, что похож на ковбоя, войдя в квартиру, попросил арестованного показать, где спрятана черная перчатка, как арестованный сам открыл стенной шкаф, попросил стул, встал на него, снял с верхней полки коробку, из коробки вынул бордового цвета дамский сапожок, а из сапожка — черную мужскую перчатку, как потом ее дали понятым подержать, и она оказалась очень тяжелая, килограмма два, не меньше, и как «ковбой» чуть подпорол подкладку и показал понятым, что в перчатке зашит свинцовый блин, и как в конце концов был составлен протокол, и его дали подписать понятым. А Тоша плакала, а когда арестованного повели вниз, она сказала: «Подлец! Боже, какой ужас!»

Уходя, Басков оглянулся и увидел на подоконнике в комнате нежно зеленевший в маленьком новом горшочке аспарагус — тот самый, что Чистый свалил на пол, когда открыл окно и собирался прыгнуть вниз...

ГЛАВА XII

ЧТО ПРОИЗОШЛО НА БУЛЬВАРЕ КАРБЫШЕВА

Реконструкция по показаниям Чистого

Ему с самого начала не понравился этот каприз Брыся — поехать в Ленинград. Мужику под шестьдесят, и вдруг такие детские рыдания — захотелось повидать друга, которого знал еще до войны. Ну, понятно, не ради самого друга, а ради его сестры. Так и ехал бы прямо к ней, и при чем тут Ленинград? Но Чистый не имел права сказать поперек, потому что Брысь обеспечил ему жизнь после колонии, когда пригласил взять кассу в совхозе.

А вообще ему многое не нравилось в Брысе, например, полное отрицание разницы между понятиями «мое» и «твое». В глубине души Чистый презирал Брыся, но боялся его. Особенно противно было сознавать Чистому, что, несмотря на разницу в двадцать пять лет, Брысь был гораздо сильнее его физически, а Чистого бог силой не обидел.

Ленинградский дружок Брыся показался Чистому таким нулем во всех отношениях, что его тайное и самому непонятное презрение к Брысю сразу как бы получило объяснение — по принципу «скажи мне, кто твой друг...».

Чистый чутко прислушивался к разговорам Шальнева с Брысем и вначале только посмеивался над их старомодными слезами. Но когда понял, что Брысю словно шлея под хвост попала, Чистый озлился. Взятые деньги Брысь поделил поровну и сделал это по своей доброй воле, хотя был хозяин поделить по-другому. Чистый считал, что принятое решение обратного хода не имеет, и, когда Брысь потребовал у него шесть с половиной тысяч для отдачи сестре Шальнева, Чистый скрипел зубами. Но что он мог поделать? Он отдал деньги и затаил свой план.

Кое-чего о Шальневе и его сестре он наслышался от соседа, Кости Зыкова, и о сыне Шальнева тоже. А потом расспросил самого Шальнева — тот пьяненький был, все подробно рассказал. Главное — фамилию сына его Чистый узнал, а остальное, как говорится, дело техники.

Клял себя Чистый, что не сдержался однажды, когда Брысь уже отбыл, вырвалось у него, облаял Шальнева из-за денег, но в конце-то концов это пошло на пользу: совсем не мог подозревать его Шальнев после такой стычки.

Приехав в Москву и устроившись у Тоши Тарасовой, Чистый узнал через справочное бюро адрес Юрия Мучникова. Мысль запутать Брыся появилась у него еще в тот момент, когда Брысь отобрал у него деньги, а схема созрела по дороге в Москву. Насчет того, что по отпечаткам пальцев следствие обнаружит липу, он не сомневался,— само собой, обнаружит, но какое это имело значение? Для следствия что́ он, что́ Брысь — разницы после совхозной кассы нет, но у Шальнева в кармане найдут паспорт Брыся, и пусть потом разбираются, как это получилось. Главное — время пройдет. Они, конечно, доберутся и до Зыкова, и тут надо устроить хорошую замазку. Отрывать от себя три сотни Чистому было мучительно, однако он счел нужным выдержать придуманную схему во всех деталях и послал Зыкову деньги от имени Брыся. А Шальневу отправил телеграмму от сына.

20 июля Чистый явился на проспект маршала Жукова утром в половине девятого, чтобы было без ошибки: Шальнев мог приехать из Ленинграда на «Красной стреле»,

а она приходит в Москву в восемь двадцать пять. Чистый устроился за павильончиком троллейбусной остановки напротив дома, где жили Мучниковы. Шальнев мимо его глаз никак пройти не мог.

Шальнев приехал на такси в начале десятого. Расплатившись и выйдя из машины, он закурил сигарету, поглядел, закинув голову, на окна дома, где обитал его сын — видно, не раз глядел вот так, исподтишка, и раньше,— и пошел к будкам телефонов-автоматов. Звонил он долго, но, по всей видимости, бесполезно. Оставив телефон, Шальнев с обтерханным чемоданчиком в руке пошел в сторону Серебряного бора, не торопясь, низко опустив голову. Чистый следовал за ним по другой стороне проспекта, не боясь, что Шальнев заметит его.

Чистый был доволен собою: его схема сработала безотказно, этот малахольный Шальнев прискакал по первому свисту. И, пожалуй, напрасно было рисковать — ездить сюда, в триста восьмое почтовое отделение, чтобы послать телеграмму. Наверняка не рассматривал Шальнев, откуда послано. Просто одурел от счастья...

Теперь нужно определить, при нем ли деньги, а если да, то где — в чемоданчике или в кармане. Шальнев был в новом костюме какого-то странного грязного цвета и, шагая под жарким уже солнцем, не снимал пиджака — может, потому, что в кармане тринадцать тысяч? Но карманы, как успел заметить Чистый, не оттопыриваются, а деньги ему дадены не сотенными купюрами, а помельче, в основном четвертными, тринадцать тысяч в карман не уложишь. Значит, в чемодане.

А вообще это не имело значения. Важно, что́ будет делать Шальнев дальше. От проспекта Жукова теперь уже Шальнева не оторвешь, пока он не встретится со своим сыном или не поговорит с ним по телефону. Это ясно, и тут для Чистого была опасность. Узнает Шальнев, что сын никакой телеграммы не посылал,— насторожится. Но что он может при этом подумать? Такому лопуху и в голову не придет, что его просто подловили, он сочинит для себя какую-нибудь душещипательную историю.

До шести часов вечера Чистый, во всяком случае, мог не беспокоиться. Зинаида разведала, хоть и артачилась, что сын Шальнева и его мать работают именно до шести, а бывшая теща Шальнева живет на даче. У Чистого даже мелькнула мысль, что квартиру Мучниковых при случае можно легко будет взять, но сейчас не до этого...

Шальнев остановился у табачного киоска, купил сигарет и зашагал дальше. Чистый сообразил, что, наверное, он собирается скоротать день в Серебряном бору, а туда еще топать и топать. Шальнев может сесть в двадцатый или двадцать первый троллейбус, и тогда Чистый его потеряет. Это было бы непростительно...

Чистый перешел на ту сторону проспекта, по которой шагал Шальнев, и стал ловить машину. Притормозила черная «Волга», и как раз вовремя — Шальнев, дойдя до троллейбусной остановки, стал в ожидании. «Командир,— сказал Чистый водителю,— минутку задержимся, не волнуйся, не обижу». Шальнев сел в подошедшую двадцатку. Чистый попросил водителя ехать за троллейбусом, не обгоняя.

Шальнев сошел на кругу в Серебряном бору. Расплатившись, Чистый не сразу покинул машину — посмотрел, куда Шальнев пойдет. Тот направился к зеленому дощатому забору на углу, над которым висела вывеска «Шашлычная». Но калитка в заборе была закрыта — рано еще, нет и десяти, а заведение начинает работу в одиннадцать. Шальнев двинулся прямо, по маршруту № 21, который вел к Москве-реке, и Чистый последовал за ним. Теперь он был спокоен: Шальнева потерять здесь невозможно. Чистый снял пиджак, во внутреннем кармане которого лежала тяжелая черная кожаная перчатка, и ощутил приятную прохладу...

Шальнев дошел до реки и сел в тени кустов, покурил. В одиннадцать поднялся и пошел обратно, к кругу. Чистый думал, что он приземлится в шашлычной, но Шальнев предпочел пельменную — она наискосок от шашлычной, на другой стороне улицы, по которой ходит троллейбус № 21.

Он просидел там два часа. Что пил и ел, Чистому было неизвестно, однако он с удовлетворением отметил, что появился Шальнев из пельменной повеселевшим и бодрым. В полусотне метров от пельменной, на кругу, стояли будки телефонов-автоматов. Шальнев звонил минут десять, вернее, пробовал звонить, потому что ему никто не ответил, и Чистый из этого заключил, что ему известен только домашний телефон сына, а рабочего он не знает. Тоже к счастью...

От автоматов Шальнев вернулся в пельменную, и Чистый, проторчав на жаре еще два часа, начинал понемногу злиться, но осадил себя. Чем больше примет Шальнев спиртного, тем лучше. Вот если бы и самому пожрать, совсем бы хорошо, да не может он ни в пельменную зайти, ни в шашлычную, нельзя ни на минуту упускать Шальнева из-под контроля. И Чистый продолжал прогуливаться по песчаной дорожке для пешеходов, заменявшей тротуар на противоположной от пельменной стороне улицы...

Шальнев повторил вылазку к телефонам, но опять безрезультатно. А потом пошел к реке, но другим путем — мимо летнего кинотеатра. Сел на скамью у самой воды.

Солнце уже перевалило к западу, светило Шальневу в самую макушку, и он сидел, как истукан, и курил одну за одной сигареты. Чистый лежал в тени под соснами, и ему и то было жарко, а этот малахольный парился в своем идиотском костюме на самом солнцепеке, и хоть бы хны. Чистый чувствовал, как в нем наливается презрительная злоба, и ему не терпелось вот сию же минуту подойти к Шальневу, дать ему по роже, отобрать чемоданчик и спокойно уйти... Но нельзя. Кругом люди, и по берегу гуляют, и под соснами, да и лодочная станция рядом, а там милиция — это Чистому было известно, он Серебряный бор знал вдоль и поперек.

В шесть часов вечера Шальнев пошел на круг и снова попытался звонить, и снова ему никто не ответил. Тогда он побрел, опустив голову, через мост на проспект Жукова и в половине седьмого зашел в ресторан «Серебряный бор». Он просидел там до десяти, но пять раз спускался и звонил по телефону-автомату, по-прежнему напрасно. И каждый раз в руке у него был серый фибровый чемоданчик, из чего Чистый наконец точно вывел, что деньги в чемоданчике. И только это немного смирило созревшую в нем ненависть к Шальневу — ненависть за все: за бесцельное шатание, за понурый вид, даже за неспособность понять свое идиотское положение.

В десять Шальнев, к удивлению Чистого, не очень-то пьяный, вышел из ресторана, кажется, окончательно. Опять позвонил и отправился в сторону Беговой улицы. Но, поглядев часик, вернулся к ресторану, поднялся наверх.

У Чистого все дрожало внутри от злобы. Единственное утешало его: еще минут двадцать, полчаса — и он с этим покончит.

Народу на проспекте уже почти не было. Троллейбусы шли пустые. Чистый решил подправить свой план и завершить дело здесь, сейчас...

Шальнев вышел раньше, чем он рассчитывал. Чистый подумал: «Перехватил в буфете»,— и пошел следом за Шальневым, направлявшимся к асфальтовой ленте проспекта. На ходу он достал из кармана перчатку и надел ее на руку. Можно было бы ударить тут же, но сквер перед рестораном — слишком открытое место, и прохожие все-таки есть.

Опасаясь, что Шальнев захочет взять такси или левого, Чистый нагнал его на тротуаре и сказал в спину:

— Минутку, Игорь Андреевич.

Тот, как кукла, дернул головой от неожиданности, обернулся и спросил:

— Кто это?

— Не узнаете?

Шальнев вгляделся.

— А-а, Митя. Чем могу служить? — Он уже не удивлялся, как будто все так и должно быть.

Чистого покорежило от такого идиотизма.

— Вот что, Игорь Андреевич, ваш друг Брысь раздумал насчет денег.

— Не понимаю.— Шальнев обнял чемоданчик обеими руками, прижал к себе.

— Он поручил мне взять деньги обратно.

— Я вам не верю, что за чепуха!

— Вы потише, вон люди ходят,— сказал Чистый сквозь зубы.— Не верите — не надо. Он сам вас ждет, вон там.— Чистый показал на бульвар Карбышева.

Шальнев растерялся. Чистый взял его левой рукой, без перчатки, под локоть.

— Идем.

Он перевел Шальнева через проспект, они прошли по бульвару — прямо по траве — метров сто, потом немного по дорожке. На ходу Чистый огляделся. Вокруг не было ни души.

В темной полосе, куда не достигал свет редких уличных светильников, Чистый ударил Шальнева по затылку, вложив в этот удар всю накопившуюся за день злобу. Оттащив его под куст и опустив спиной на землю, он нанес такой же страшный удар по лицу. Потом открыл чемоданчик, нащупал под тряпками две толстые пачки. Сунул их себе в карманы. Затем обшарил карманы Шальнева и забрал все, кроме носового платка, а во внутренний карман пиджака положил Шальневу паспорт Брыся.

Сняв и спрятав перчатку в карман, Чистый вышел на проспект. Он был спокоен, он был уверен, что Шальневу не жить. Скоро подошел троллейбус, Чистый доехал до метро «Беговая», спустился, сделал пересадку на Красной Пресне, вышел у Белорусского, а там, постояв в очереди, сел в такси и отправился в Бескудниково, к Тоше Тарасовой, где его ждала Зинаида...

Следователь Степанов, которому Басков передал Чистого и Брыся, сказал полушутя-полусерьезно:

— Всех переловил, радоваться надо, а ты что-то, брат, невесел.

— Всех не переловишь,— механически отшутился Басков, а сам подумал, что Степанов угадал: невесело.

У Баскова были дела и пострашнее, и видел он негодяев омерзительнее Чистого, и истинно благородных людей, так же не приспособленных к жизни, как Игорь Андреевич Шальнев, но умевших постоять за себя в трудную минуту.

Он трезво сознавал специфику своей работы: сыщик на то и сыщик, чтобы ходить по стопам преступников и ощущать их смрадное дыхание. Но он не переносил пороки и вожделения своих подопечных противников на все человечество и этим сильно отличался, например, от парикмахерши Тоши Тарасовой, которая имела полное право считать всех людей одинаковыми по крайней мере в одном отношении: все они стригутся.

Распутывая дело Брыся — Чистого, он прикоснулся к вещам, о которых прежде не ведал, и это хоть немного, но все же обогатило его опыт. Он подружился с полковником Серегиным, которого глубоко уважал, и ему блеснул издалека свет простой души — няньки Матрены, отраженный памятью знавших ее.

Так отчего же невесело ему?

Устал, конечно, в отпуск пора. Но это, так сказать, обычная годовая цикличность. Нет, не в том причина...

Басков не принадлежал к числу тех, кто, рассмеявшись, тут же себя суеверно одергивает: «Ох, не к добру, не было б беды». Зато, когда ему было безмотивно тоскливо, он непременно доискивался до мотива и всегда его находил. А сейчас не получалось...

Может, жалость заговорила в нем — жалость к Шальневу, к его изломанной судьбе? Отчасти. Но Шальнев и сам повинен в том, что с ним приключилось, не надо быть таким размазней в пятьдесят с лишним лет.

Может, горчит осадок, оставшийся в сердце от общения с не преступившими закона, но не менее несимпатичными Баскову, чем преступники, личностями — Зыковым и Ниной Матвеевной Мучниковой? Опять-таки отчасти.

«Не мудри,—сказал себе Басков.—Жизнь — она и есть жизнь. И не всегда тебе должно быть весело».